

МИТРОПОЛИТЪ ДАНИИЛЪ

И

ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Василія Жмакина.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1881.

Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1881 г. кн. 1-я и 2-я.

Обзоръ литературы предмета.

При историческомъ изученіи личности митрополита Даниіла самое существенное значеніе несомнѣнно имѣютъ его сочиненія. На эту сторону дѣятельности Даниіла обратилъ вниманіе еще преосвященный митрополитъ Евгений Болховитиновъ и въ своемъ историческомъ Словарѣ сдѣлалъ указаніе на существованіе тринадцати посланій митрополита Даниіла.¹

Профессоръ Казанскій, излагая результаты своего знакомства съ библіотекою Волоколамскаго монастыря, указываетъ между прочимъ на четыре посланія и одно поученіе митрополита Даниіла, которыя онъ встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ рукописныхъ сборникахъ, хранившихся въ богатой Волоколамской библіотекѣ.²

Преосвященный Филаретъ Черниговскій, въ своемъ «Обзорѣ русской духовной литературы», дѣлаетъ болѣе обстоятельный перечень сочиненій митр. Даниіла, указывая на его сборникъ, состоящій изъ шестнадцати словъ, оснадцать его посланій и одно поученіе.³ Въ послѣдующемъ, новомъ, изданіи своего Обзора прео-

¹ Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина грекороссійскія церкви. Ч. I. СПб. 1818 г. 114—115.

² Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1847 г. № 7. Опись книгъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря, 7—9.

³ Ученныя записки втораго отд. Импер. Академіи наукъ. Книга III. СПб. 1856 г. Обзоръ русской духовной литературы, стр. 131—132.

священный Филаретъ преимущественно останавливается на соборникѣ Даниїла и кратко передаетъ содержаніе всѣхъ его словъ, вспоминая тѣмъ первое свое изданіе, гдѣ находилось одно только голословное указаніе на существованіе Даниїловскаго соборника.¹

Указаніе и нѣкоторыя выдержки изъ посланій митр. Даниїла мы находимъ у историка Соловьева.² Почтенный историкъ, со-славшись на существованіе многихъ посланій м. Даниїла, для озна-комленія съ духомъ и языкомъ ихъ, помѣщаетъ у себя два отрывка: одинъ изъ посланія Даниїла къ Пафнутію игумену Никольскаго монастыря на Волосовѣ, другой изъ посланія его къ старцу Діонисію Звенигородскому. Замѣчательно при этомъ то, что историкъ приписываетъ Даниїлу и составленіе «Отвѣтовъ агаря-нахъ». Въ послѣдующихъ изданіяхъ своей исторіи Соловьевъ внесъ капитальныя измѣненія въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ раз-суждаетъ о литературныхъ произведеніяхъ Даниїла. Онъ вовсе опу-скаетъ здѣсь разсужденія о его посланіяхъ, а представляетъ вза-мѣнъ того нѣсколько выдержекъ изъ соборника м. Даниїла, каса-ющихся его взгляда на отношеніе къ еретикамъ и нѣкоторыхъ нравственныхъ недостатковъ современнаго ему общества.³ Объ административной дѣятельности Даниїла въ санѣ митрополита Со-ловьевъ кратко замѣчаетъ, что онъ былъ вѣренъ преданію своего монастыря, которое состояло въ безпредѣльной приверженности къ великому князю Василю.⁴

Болѣе сдѣлалъ для характеристики Даниїла, какъ писателя и проповѣдника, Бѣляевъ.⁵ Въ своей необширной статьѣ, или, какъ онъ называетъ ее, «запискѣ» подъ названіемъ: «Даниїлъ митрополитъ Московскій», Бѣляевъ прежде всего разсматриваетъ

¹ Черныгов. Епарх. Вѣдом. 1864 г. Часть неоф., стр. 79—81.

² Исторія Россіи, т. V, по первому изданію, 486—488.

³ Исторія Россіи, т. V, изд. третье, 507 — 509; изд. четвертое, 445 — 446. Примѣчаніе 446.

⁴ Исторія Россіи, т. V, изд. четвертое, 361.

⁵ Историч. чтенія о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ II отд. Импер. Акад. наукъ 1856—1857 г. 96—118. Извѣстія Импер. Акад. наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, т. V, 1856 г. 194—209. Оригиналь статьи Бѣ-ляева о Митрополитѣ Даниїлѣ въ связи съ нѣкоторыми матеріалами, находится въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ.

жизнь и административную деятельность Даниила, какъ митрополита. Здѣсь онъ старается оправдать его отъ вводимыхъ на него обвиненій въ несправедливости по отношенію къ Максиму Греку и Вассіану Косому, равнымъ образомъ онъ старается оправдать Даниила и по дѣлу о разводѣ, допущенномъ митрополитомъ въ отношеніи къ великому князю въ противность церковнымъ канонамъ, мотивируя поступокъ Даниила государственными интересами. При обзорѣ проповѣднической дѣятельности м. Даниила Бѣляевъ, ограничившись голословнымъ указаніемъ на существованіе многихъ посланій митрополита, обращается къ обзорѣ содержанія Даниіловскаго сборника. Учительская дѣятельность митрополита разсматривается имъ съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны Даниилъ является у него самымъ горячимъ борцомъ, настойчиво и со всею строгостью преслѣдовавшимъ вольнодумство и непокорность церковнымъ правиламъ, которыми сильно заражено было современное ему общество. Другая сторона проповѣднической дѣятельности Даниила, по Бѣляеву, состоитъ въ томъ, что онъ не оставлялъ безъ вниманія и другихъ вопросовъ, на которые вызывало его современное общество своею жизнью, и особенно сильно вооружался противъ современныхъ ему общественныхъ пороковъ. Для характеристики Даниила какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи, авторъ даетъ нѣсколько буквальныхъ выдержекъ изъ его сочиненій. Въ заключеніе своей исторической записки о Даниилѣ Бѣляевъ представляетъ алфавитный списокъ замѣчательныхъ съ точки зрѣнія особенностей языка, словъ и выраженій, встрѣчающихся въ поученіяхъ митрополита.

Ученые составители описанія рукописей Московской Синодальной бібліотеки при описаніи Даниіловскаго сборника¹ характеризуютъ слова Даниила отличающимися обширнымъ знакомствомъ съ отеческими писаніями, при чемъ перечисляютъ имена большей части отцовъ, изъ твореній которыхъ находятся выписки у Даниила. Кромѣ того они помѣстили на страницахъ своего описанія немало буквальныхъ выдержекъ изъ словъ Даниила, особенно важныхъ для характеристики нравственнаго состоянія современнаго ему русскаго общества. Въ частности Невоструевъ² старается снять

¹ Горскій и Невоструевъ. Описаніе рукописей Моск. Синод. бібліотеки, отд. II, кн. III. Москва, 1862 г. № 237, 147—164.

² Разсмотрѣніе книги Хруцова: «Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, игумена Волоцкаго», 67—71.

обвиненія, возводимыя на Даниїла по поводу нѣкоторыхъ дѣйствій его какъ митрополита, оправдываетъ допущенный имъ разводъ и въ заключеніе называетъ его краснорѣчивымъ проповѣдникомъ.

Въ 1868 году въ одномъ изъ ученыхъ періодическихъ изданій священникомъ П. О. Николаевскимъ была напечатана капитальная статья подъ названіемъ: «Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ». Въ ней между прочимъ отведено мѣсто разсужденіямъ и о проповѣднической дѣятельности м. Даниїла. Авторъ главнымъ образомъ останавливается на посланіяхъ Даниїла, которыми онъ пользовался въ рукописныхъ сборникахъ Новгородской Софійской библіотеки. Статья о. Николаевского важна въ томъ отношеніи, что она познакомила ученый міръ съ содержаніемъ и характеромъ многихъ такихъ посланій Даниїла, которыя до того времени были извѣстны только по названію. Авторъ статьи въ самыхъ общихъ чертахъ передаетъ содержаніе посланій Даниїла, трактующихъ о цѣломудріи и чистотѣ, о монашеской жизни, а также посланій адресованныхъ къ неизвѣстному епископу и друг., при чемъ онъ отмѣчаетъ и общую черту посланій Даниїла, который въ своихъ пастырскихъ совѣтахъ отличается, по его словамъ, практическимъ взглядомъ на жизнь, такъ что, по мнѣнію автора указанной статьи, многіе изъ его совѣтовъ вошли потомъ въ содержаніе Домостроя.¹

Самое обстоятельное обозрѣніе жизни и литературной дѣятельности митрополита Даниїла сдѣлано преосв. Макаріемъ.² При обслѣдованіи жизни Даниїла преосв. Макарій старается, подобно

¹ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1868 г., части: CXXXVII—CXXXVIII, 299—389, 12—177.

² Исторія Русской церкви, т. VI. СПб. 1870 г. и т. VII. 1874. Преосв. Макарій еще раньше выпуска въ свѣтъ седьмого тома своей Исторіи Русской церкви напечаталъ специальную статью о сочиненіяхъ митр. Даниїла, помѣщенную имъ въ Христіан. Чтеніи за 1872 годъ, ч. III, 181—275, подъ заглавіемъ: «Сочиненія Московскаго митрополита Даниїла». Разборъ сочиненія Макарія см. Вѣстникъ Европы 1870 г. т. II, апрѣль, 892 — 903, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Русская церковь въ XV и XVI вѣкахъ», написанной по поводу выхода въ свѣтъ VI т. Исторіи преосв. Макарія. Статьею преосв. Макарія о митрополитѣ Даниилѣ, напечатанною въ Христ. Чтеніи, воспользовался всецѣло Н. Катаевъ для своего «Очерка исторіи русской церковной проповѣди». Одесса, 1874 г. 90—101. Труды Преосвящ. Макарія воспользовался также и о. Поторжничій. Истор. Христоматія для изученія русской церковной проповѣди. Кіевъ, 1879. 138—151.

Бѣляеву, уничтожить всѣ обвиненія, возводившіяся и возводимыя на нравственныя качества его характера и въ этомъ отношеніи почтенный историкъ идетъ далѣе Бѣляева. Онъ напр. по дѣлу о разводѣ великаго князя старается оправдать митрополита Даніила съ точки зрѣнія не одной только государственной пользы, какъ это дѣлаетъ Бѣляевъ, а и вообще съ нравственной точки зрѣнія.

Преосв. Макарій собралъ всѣ извѣстныя ему сочиненія Даніила, содержаніе которыхъ и представлено имъ въ своей исторіи. Содержаніе словъ и посланій Даніила, находящееся у преосв. Макарія, очень подробно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно составляетъ простое воспроизведеніе текста словъ Даніила, почему трудъ преосвященнаго вышелъ очень объемистымъ. Сначала преосв. Макарій передаетъ содержаніе шестнадцати словъ Даніиловскаго сборника, а затѣмъ тринадцати посланій, составляющихъ одинъ сборникъ, и наконецъ разсматриваетъ содержаніе такихъ поученій и посланій числомъ шести, которыя разсѣяны по разнымъ рукописнымъ сборникамъ. Въ заключеніе своего историческаго обзорѣнія литературной дѣятельности митрополита Даніила преосв. Макарій дѣлаетъ объ немъ общій отзывъ и характеризуетъ особенности его литературнаго и проповѣдническаго таланта. Въ своемъ отзывѣ въ нѣкоторыхъ частностяхъ преосв. Макарій очень мѣтко схватываетъ особенности проповѣднической дѣятельности митрополита Даніила. Общій взглядъ митр. Макарія на Даніила, какъ писателя и проповѣдника, очень высокій. Онъ ставитъ его самымъ просвѣщеннѣйшимъ архипастыремъ въ ряду митрополитовъ собственно Московской митрополіи, начиная съ митр. Іоны и до патріарха Іова, дѣлая здѣсь исключеніе для одного только митрополита Макарія.

Въ одномъ епархіальномъ органѣ¹ священникомъ Глѣбовымъ помѣщена была небольшая статья подъ заглавіемъ «Даніилъ, Московскій митрополитъ, какъ проповѣдникъ», которая по своему характеру скорѣе всего должна бы занимать мѣсто въ какомъ нибудь учебникѣ по исторіи русскаго проповѣдничества. Въ ней авторомъ мѣтко схвачены три особенности въ литературной дѣятельности Даніила. Авторъ видитъ въ ней *ученую* проповѣдь древней

¹ Рязанскія Епарх. Вѣдомости за 1874 г. № 6, Прибавленія къ Рязанскимъ Вѣдомостямъ. 132—139.

Россіи и въ самомъ Даниилѣ ученаго богослова древне-русской церкви. Два недостатка указываются въ проповѣдяхъ Даниила: это по мѣстамъ безсвязное изложеніе мыслей и наполненіе ихъ цитатами изъ отеческихъ твореній. Общій взглядъ автора на личность Даниила тотъ, что онъ по нему не только самъ отличался церковною начитанностію и ревностію къ просвѣщенію, но и хотѣлъ вдохнуть горячую любовь къ письменнымъ произведеніямъ въ своихъ слушателяхъ.

Порфирьевъ во второмъ изданіи своей Исторіи русской словесности¹ далъ мѣсто разсужденію и о проповѣднической дѣятельности митрополита Даниила. Историкомъ сдѣланъ перечень сочиненій митрополита—словъ соборника по Описанію Горскаго и Невоструева, а посланій по исторіи преосв. Макарія. Затѣмъ г. Порфирьевъ охарактеризовалъ Даниила, какъ строгаго поклонника идей Іосифа Волоцкаго, а по литературной дѣятельности какъ писателя, обнаружившаго обширное знакомство съ отеческими писаніями.

Неизвѣстный авторъ историческаго очерка «Русскаго проповѣдничества» во многихъ мѣстахъ своего обширнѣйшаго труда касается различныхъ сторонъ проповѣднической и вообще литературной дѣятельности м. Даниила. Онъ передаетъ кратко содержаніе большей части словъ и посланій Даниила, пользовался при этомъ трудами преосв. Макарія и Бѣляева. Передача содержанія состоитъ чаще всего въ простомъ указаніи общей идеи слова, заключающейся въ его оглавленіи. Въ очеркѣ излагается содержаніе посланій Даниила объ иноческой жизни, посланій къ епископу, посланій, трактующихъ о сохраненіи цѣломудрія и чистоты. Изъ словъ Данииловаго соборника, въ Очеркѣ первыя восемь признаются написанными противъ жидовствующихъ. Въ Очеркѣ буквально внесены изъ словъ Даниила мѣста рельефно характеризующія съ какой либо стороны современные ему нравы: здѣсь помѣщены обличенія Даниила, направленные противъ роскоши, щегольства, корыстолюбія, расточительности и другихъ недостатковъ современниковъ. Общій характеръ содержанія сочиненій Даниила опредѣляется въ очеркѣ отношеніемъ ихъ къ разряду сочиненій съ направленіемъ нравственно-аскетическимъ. Форму сочиненій Даниила, выразившуюся въ чисто

¹ Исторія Русской словесности ч. I, изд. 2-е исправленное и дополненное. Казань, 1876 г. 511—516.

механическомъ дѣленіи словъ на части, равно какъ и вообще во всемъ построеніи словъ и посланій, отличающихся тѣмъ же характеромъ неупорядоченности, изслѣдователь древне-русского проповѣдничества считаетъ по тому самому неудовлетворительною. Заслуживаютъ вниманія общіе взгляды и сужденія автора о Даниилѣ. Какъ по формѣ, такъ и по содержанію сочиненія Даниила признаются за послѣднее выраженіе всего древне-русского проповѣдничества, которыми былъ подведенъ итогъ древней проповѣди. Какъ объ ораторѣ и проповѣдникѣ авторъ Очерка отзывается о Даниилѣ прекрасно, называя его величайшимъ начетчикомъ древности, лучшимъ витіею и особенно выставляя на видъ общую черту его проповѣдей — всестороннюю наблюдательность, выразившуюся въ разнообразныхъ обличеніяхъ, въ которыхъ изображаются недостатки современнаго общества. Авторъ хочетъ возстановить даже личныя черты характера проповѣдника, когда онъ говоритъ о его внѣшней представительности, живости его характера, общительности и плодovitости въ словѣ.¹

П. Строевъ, извѣстный своими трудами по русской библиографіи, не разъ останавливается на литературныхъ трудахъ митрополита Даниила. Въ его хронологическомъ указаніи матеріаловъ отечественной исторіи и литературы² находится упоминаніе о сборникѣ м. Даниила, его поучительныхъ посланіяхъ, которыхъ Строевъ насчитываетъ до двадцати, хотя въ то же время онъ не дѣлаетъ никакихъ болѣе подробныхъ указаній по этому предмету. Библиологическій словарь Строева³ содержитъ въ себѣ болѣе обстоятельныя библиографическія данныя, относящіяся до литературныхъ трудовъ митрополита Даниила. Кромѣ упоминанія о сборникѣ и одномъ отдѣльномъ поученіи въ словарѣ дѣлается перечень шестнадцати посланій митрополита Даниила. Несмотря на свое обширное знакомство авторъ библиологическаго словаря почему

¹ Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества. Т. 1. СПб. 1878 г.

² Журн. Минист. Народ. Просвѣщ. 1834 г. Т. I, отд. II, 166—167.

³ Благодаря просвѣщенному участию ко мнѣ хранителя рукописей Импер. Публ. бібліотеки А. Ѳ. Бычкова я имѣю возможность пользоваться словаремъ Строева въ рукописи. Въ настоящее время словарь готовится къ изданію А. Ѳ. Бычковымъ.

то прошелъ молчаніемъ цѣлыхъ три посланія Даниїла.¹ Сборникъ м. Даниїла Строевъ не безъ основанія называетъ «священной энциклопедіей» и о Даниилѣ какъ писателѣ отзывается, что онъ писалъ въ духѣ своего учителя Іосифа Волоцкаго, *но съ умѣренностію*.

Въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ изслѣдованіи Д. Н. Дубаккина подъ заглавіемъ «Вліяніе Христіанства на семейный бытъ русскаго общества въ періодъ до времени появленія Домостроя»² авторъ его касается между прочимъ и взглядовъ м. Даниїла относительно семейной жизни. Г. Дубаккинъ признаетъ взгляды Даниїла на бракъ и безбрачіе тождественными со взглядами на этотъ предметъ Іосифа Волоцкаго. Онъ находитъ во взглядахъ Даниїла только лишь нѣкоторыя дополненія, которыя состоятъ въ томъ, что Даниилъ, по его мнѣнію, считаетъ бракъ терпимымъ, какъ только средство противъ разврата и какъ средство размноженія человѣческаго рода, и что онъ признаетъ необходимость брака съ практической стороны именно только для тѣхъ, которые не могутъ устоять противъ искушеній плотской природы. Дубаккинъ вѣрно изложилъ взгляды Даниїла съ точки зрѣнія тѣхъ источниковъ, которыми онъ пользовался въ данномъ случаѣ. Подъ его руками находилась только одна группа сочиненій митрополита Даниїла—его посланія. Ему вовсе не былъ извѣстенъ Даниїловскій сборникъ, который для характеристики взглядовъ Даниїла имѣетъ всѣ права на предпочтеніе. Сборникъ написанъ и предназначенъ для всѣхъ, въ немъ авторъ высказывался имѣя въ виду не частныя исключительныя нравственныя нужды того или другаго лица, а нужды цѣлой массы, или по крайней мѣрѣ большинства, тогда какъ въ посланіяхъ, преслѣдуя нравственную пользу одного лица, онъ могъ, примѣняясь къ особенностямъ его нравственнаго состоянія, или поступиться или наоборотъ расширить тѣ или другія нравственныя требованія, которыя онъ признавалъ въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ самыми цѣлесообразными. Поэтому вѣрная въ общемъ характеристика взглядовъ митрополита Даниїла на семейную жизнь, находящаяся въ изслѣ-

¹ Къ князю Юрію Ивановичу, о блудныхъ помыслахъ и отвѣтъ на вопросъ о его здравіи.

² Изслѣдованіе Дубаккина сначала печаталось въ видѣ отдѣльныхъ статей въ Христіанскомъ Чтеніи за настоящій 1880 годъ (мартъ-апрѣль, май-іюнь, іюль-августъ), а затѣмъ вышло въ свѣтъ въ видѣ отдѣльной книги.

дованіи Дубакіна, тѣмъ не менѣе нуждается въ частныхъ дополненіяхъ и разъясненіяхъ, какія можетъ представить Даниловскій соборникъ.

До сихъ поръ разсматривались такого рода труды ученыхъ, которые главнымъ образомъ сосредоточиваются на *литературной* дѣятельности митрополита Даниїла. Но можно указать на нѣкоторыхъ ученыхъ историковъ, которые разсматриваютъ Даниїла, какъ *административнаго дѣятеля* на престолѣ всероссійской митрополіи. Это дѣлаютъ В. Иконниковъ и А. Павловъ.

Профессоръ Иконниковъ ¹ даетъ нѣкоторыя черты для характеристики нравственной личности Даниїла, называя его гордымъ и мстительнымъ, и человѣкомъ преданнымъ удовольствіямъ и роскоши, и за тѣмъ, подъ настоящимъ угломъ зрѣнія, разсматриваетъ его дѣятельность на митрополичьей кафедрѣ. Какъ политическій дѣятель, митрополитъ Даниїлъ является у Иконникова вполне вѣрнымъ проводникомъ государственныхъ воззрѣній своего учителя—Іосифа Волоцкаго и всегда покорнымъ слугою свѣтской власти, даже до открытаго нарушенія церковныхъ каноновъ. И какъ церковнаго дѣятеля Иконниковъ изображаетъ Даниїла, какъ поклонника идей Іосифа, имѣя въ виду его отрицательное отношеніе къ вопросу о вотчинномъ правѣ монастырей и его борьбу съ Вассіаномъ Косымъ и Максимомъ Грекомъ.

Профессоръ Павловъ ² разсматриваетъ, сообразно цѣли своего изслѣдованія, только ту сторону дѣятельности митрополита Даниїла, которою онъ соприкасается съ вопросомъ о вотчинномъ правѣ монастырей. Подобно Иконникову и Павловъ въ Даниїлѣ, какъ защитникъ земельныхъ правъ церкви, видитъ вѣрнаго проводника идей Іосифа Волоцкаго, а при общемъ сужденіи о немъ онъ возводитъ его даже въ *типическую личность* іерарха-іосифлянина.

Какъ нравственную личность, митрополита Даниїла строго осудилъ еще Карамзинъ. Онъ называетъ Даниїла съ одной стороны гордымъ, съ другой—снисходительнымъ, уклончивымъ, вниматель-

¹ Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии въ Русской исторіи. Кіевъ 1869 г. 352—359, 439—441.

² Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи; т. 1. Попытки къ обращенію въ государственную собственность поземельныхъ владѣній Русской церкви въ XVI в. Одесса 1871 г. 82—97.

нымъ болѣе къ міру, нежели къ духу и вообще характеризуетъ его названіемъ придворнаго раболюбца и честолюбца. ¹ Нравственный судъ Карамзина надъ Данииломъ въ сущности повторяетъ и преосвященный Филаретъ Черниговскій, ² когда отзываясь о Даниилѣ въ такомъ видѣ, что онъ, по его словамъ, любилъ не столько заниматься дѣлами вѣры, сколько интригами тщеславія.

¹ Истор. Государ. Росс. т. VII, изд. 2. Слениныхъ. 179, 136—137; т. VIII 50. Этимъ изданіемъ исторіи Карамзина я пользуюсь и въ другихъ мѣстахъ своего изслѣдованія.

² Въ статьѣ о Максимѣ Грекѣ, напечатанной въ Москвитинѣ 1842 г, № 11, 45—96.

ВВЕДЕНИЕ.

Названными трудами историковъ, касающихся личности митрополита Даниїла, не исключается возможность новаго спеціального изслѣдованія о Даниїлѣ въ виду тѣхъ именно болѣе или менѣе частныхъ сторонъ, съ которыхъ въ нихъ разсматривается этотъ историческій дѣятель первой половины XVI в. Одни изъ историковъ изучаютъ Даниїла, какъ государственнаго дѣятеля, другіе,—какъ представителя церкви и продолжателя извѣстнаго направленія по одному какому нибудь современному общественному вопросу, третьи дѣлаютъ перечень его сочиненій и даютъ только краткія замѣчанія о нихъ, четвертые останавливаются исключительно на одномъ какомъ либо отдѣлѣ его твореній, наконецъ хотя нѣкоторые и изслѣдуютъ разныя стороны дѣятельности митрополита Даниїла—государственной, церковной и литературной, но, преслѣдуя въ своихъ трудахъ болѣе широкія историческія задачи, въ интересахъ чисто научныхъ, не могутъ долго останавливаться на одной личности и спеціально обследовать ее предпочтительно предъ другими изучаемыми историческими дѣятелями.

Предметъ настоящаго изслѣдованія обозначается самымъ его названіемъ, которое отличаетъ въ немъ двѣ самостоятельныя части, это изученіе жизни и дѣятельности м. Даниїла и изученіе его сочиненій. Задачею первой части изслѣдованія служить изученіе Даниїла, какъ церковнаго и государственнаго дѣятеля. Исторически безпристрастное выясненіе и опредѣленіе личности м. Даниїла является затруднительнымъ болѣе чѣмъ выясненіе какой либо другой личности. Митрополитъ Даниїлъ принадлежитъ къ числу личностей не вполне свѣтлыхъ въ исторіи. Дѣйствительно и нѣкоторыя историческія обстоятельства его времени, и нѣкоторыя личныя

черты его характера такъ сложились для него неблагопріятно, что создали для него не совсѣмъ завидную репутацію въ исторіи. Но при оцѣнкѣ нравственнаго характера Даниіла нужно постоянно помнить, что большая часть его жизни протекла въ борьбѣ; а въ борьбѣ, и особенно запальчивой и ожесточенной, какою дѣйствительно и была въ нѣкоторыхъ своихъ эпизодахъ борьба, веденная Даниіломъ, иногда и прекрасные сами по себѣ характеры, и тѣ не выдерживаютъ, ломаются и блекнутъ въ своихъ достойныхъ чертахъ. Незаконный разводъ в. князя, борьба съ Вассіаномъ Косымъ и особенно не вполне справедливый судъ и осужденіе невиннаго Максима Грека легли чернымъ пятномъ на личность Даниіла. Изъ ученыхъ историковъ нашлось нѣсколько защитниковъ нравственнаго характера Даниіла, но изъ нихъ насчитывается еще болѣе его противниковъ и строгихъ судей. Историкамъ первой категоріи при проведеніи своего взгляда на личность Даниіла приходится не столько основываться на историческихъ данныхъ, говорящихъ въ его пользу, сколько приходится пролагать себѣ путь, выясняя и подыскивая всевозможныя извиненія фактамъ исторической дѣятельности Даниіла, идущимъ въ разрѣзъ съ защищаемымъ ими взглядомъ. Вообще полная защита Даниіла, какъ нравственной личности, задача очень трудная и даже едва ли возможная, но крайней мѣрѣ при имѣющихся въ настоящее время научныхъ историческихъ данныхъ. Съ другой стороны становится въ положеніе строгаго судьи нравственнаго характера Даниіла значить также избирать очень скользкій путь съ постояннымъ рискомъ оказаться несправедливымъ. Важно то, что нѣкоторые историческіе факты, говорящіе не въ пользу нравственныхъ достоинствъ митрополита, представляютъ ходъ дѣла только съ одной стороны, игнорируя другаго рода факты, которые бы могли дать болѣе выгодныя понятія о дѣятельности Даниіла. Настоящее изслѣдованіе не поставляетъ своею задачею ни защищать во что бы то ни стало Даниіла, ни обвинять его, задача изслѣдованія состоитъ въ томъ, чтобы представить нравственный характеръ Даниіла какъ онъ есть, т. е. какимъ его изображаютъ историческія данныя, относящіяся къ его дѣятельности, выяснить его изъ особенностей склада его личнаго

темперамента, вліянія школы и собственныхъ воззрѣній, сформировавшихся на его почвѣ, и сдѣлать это въ такомъ видѣ, съ точки зрѣнія котораго могла бы быть понята вся его дѣятельность, которая должна выступить предъ читателемъ гармоническимъ цѣлымъ.

Въ опредѣленіи характера каждаго историческаго лица первую роль играютъ его воззрѣнія. Разсматриваемый съ точки зрѣнія происхожденія воззрѣній, которыхъ онъ держался, Даніилъ является личностью не самобытною, не самостоятельною, которой не принадлежитъ всецѣло все то, что проводилось ею въ ея разнородной дѣятельности. По воззрѣніямъ, которыя раздѣлялъ Даніилъ, онъ есть человѣкъ особаго, отчетливо и ясно обрисовавшагося въ его время направленія, которое въ свою очередь столкнулось съ другимъ современнымъ и противоположнымъ ему по своему характеру направленіемъ. Притомъ Даніилъ, какъ историческій дѣятель, выступаетъ на историческую сцену тогда уже, когда столкновение двухъ современныхъ направленій въ умственной жизни русскаго общества перешло въ борьбу въ настоящемъ ея смыслѣ и когда онъ самыми историческими обстоятельствами своего времени поставленъ былъ въ положеніе продолжателя начатаго его предшественниками по направленію дѣла веденія борьбы. Отсюда становится яснымъ, что для историческаго уясненія воззрѣній, проводимыхъ въ своей дѣятельности Даніиломъ, необходимо дать характеристику того направленія, къ которому онъ принадлежалъ. Только общая характеристика даннаго направленія въ состояніи открыть, что въ проводимыхъ воззрѣніяхъ Даніила составляетъ плодъ его собственнаго ума, его специфическихъ способностей и дарованій, и что принадлежитъ самой школѣ, его воспитавшей. Съ другой стороны, такъ какъ начало исторической дѣятельности Даніила совпало съ борьбою двухъ направленій, то для того, чтобы опредѣлить мѣсто, занимаемое имъ здѣсь, и указать настоящую и дѣйствительную роль, принадлежащую Даніилу въ этой борьбѣ, необходимо указать прежде всего условія, способствовавшія возникновенію взаимнаго антагонизма, ближайшія причины и обстоятельства, вызвавшія его, что въ свою очередь необходимо предполагать предварительное знакомство съ общимъ характеромъ направ-

ленія противоположнаго. Наконецъ, такъ какъ Даниилъ является въ своей дѣятельности продолжателемъ еще ранѣе его начавшейся борьбы, это обстоятельство само собою вынуждаетъ, въ цѣляхъ болѣе полного и всесторонняго изученія личности Даниила, сдѣлать очеркъ историческаго хода борьбы, обрисовать положеніе враждующихъ сторонъ въ періодъ времени, непосредственно предшествовавшій выступленію Даниила на общественную дѣятельность.

Такимъ образомъ выполненіе задачи первой части изслѣдованія, состоящей въ историческомъ изученіи Даниила, какъ государственнаго и церковнаго дѣятеля, обусловливается выполненіемъ болѣе частныхъ задачъ, на которыя оно распадается. Первая часть изслѣдованія должна дать предварительно характеристику двухъ противоположныхъ направленій, къ одному изъ которыхъ принадлежалъ Даниилъ, и которыми почти изчерпывался умственный кругозоръ и интеллектуальные интересы того времени, затѣмъ представить исторію борьбы между ними до митр. Даниила и наконецъ уже исторически излагать самую его дѣятельность на поприщѣ государственномъ и церковномъ.

Составляя самостоятельную часть изслѣдованія, изученіе церковной и государственной дѣятельности м. Даниила получаетъ еще особое и весьма важное для настоящаго труда значеніе, какъ заключающее въ себѣ историческія данныя, выясняющія собою многія стороны сочиненій названнаго митрополита. Вторая и самая существенная задача настоящаго изслѣдованія,—изученіе сочиненій митр. Даниила, также имѣетъ свои подраздѣленія, обусловливающіяся историческими условіями ихъ происхожденія, характеромъ ихъ содержанія и тою средою, для которой они прежде всего предназначались. Болѣе точное опредѣленіе частныхъ задачъ, какія должны быть выполнены во второй части изслѣдованія, сдѣлано будетъ при самомъ изученіи сочиненій митр. Даниила.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Исторія направленій Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго до эпохи митрополита Даниїла

ГЛАВА I.

Характеристика направленій Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго.

Вторая половина XV и первая половина XVI вѣковъ въ отношеніи просвѣщенія справедливо называются «темными». Нѣтъ нужды много распространяться о состояніи просвѣщенія въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI в. Оно въ то время находилось въ упадкѣ. Школъ, разсадниковъ просвѣщенія, тогда не существовало. Для характеристики степени состоянія тогдашняго просвѣщенія вполне достаточно указать на классическое въ данномъ случаѣ посланіе архіепископа Новгородскаго Геннадія къ митрополиту Симону (1496—1504 г.), изъ котораго видно, что недостатокъ просвѣщенія составлялъ специфическую принадлежность всей русской страны. ¹ Въ XV—XVI в. не было рѣдкостью, если князья и дѣти боярскіе не отличались грамотностію, случалось даже и то, что и высшіе представители церкви, епископы, немного превосходили въ книжности другихъ. О низшемъ духовенствѣ, а тѣмъ болѣе о простомъ народѣ, послѣ этого и говорить нечего. ²

¹ Акты историческіе т. I, № 104, 147.

² Въ XVI в. встрѣчается не мало грамотъ съ замѣтками на концѣ, что князья и дѣти боярскіе потому не предложили къ нимъ своихъ рукъ, что «грамотѣ не

Начало русскаго просвѣщенія восходитъ ко временамъ пріятія христіанства въ формѣ православія. Въѣстъ съ христіанствомъ Россія получила изъ Византіи и выработанную ею христіанскую культуру и просвѣщеніе. По этому самому понятно, въ изправленіи древнерусскаго просвѣщенія непременно должно было отразиться въ большей или меньшей степени вліяніе просвѣщенія византійскаго. Въ то время, когда Россія подчинилась вліянію Византіи, греческая литература вслѣдствіе политическаго и общественнаго одряхлѣнія замкнулась въ тѣсномъ кругѣ идей и интересовъ религіозно-церковныхъ, когда умственная дѣятельность Грековъ сосредоточилась въ монастыряхъ, которые и давали соотвѣтствующее религіознымъ цѣлямъ ихъ служенія направленіе и византійскому обществу, въ то время просвѣщеніе, будучи само плодомъ христіанства и предназначенное служить его цѣлямъ, естественно давало собою религіозную окраску всѣмъ проявленіямъ, даже и самобытнымъ, умственной дѣятельности дѣйствительнаго русскаго народа. Съ самыхъ первыхъ дней своего существованія на Руси просвѣщеніе распространялось и поддерживалось здѣсь духовенствомъ, которое впервые ввело его, и сообразно своему религіозному назначенію, старалось поддерживать и развивать въ немъ исключительно религіозное направленіе. При дальнѣйшемъ развитіи древне-русскаго просвѣщенія самыми главными центрами и разсадниками его сдѣлались монастыри,¹ за которыми слѣдовало уже бѣлое духовенство. Проводниками просвѣщенія во весь древній періодъ русской исторіи было одно и то же сословіе, именно духовенство, которое, конечно, и да-

умѣютъ. «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», часть I, № 184, 556. Объ Анакіѣ, епископѣ Тверскомъ, извѣстно, что «онъ мало учень бѣ грамотѣ.» Горскій и Невоструевъ. Описаніе рукописей Москв. Синод. бібліотеки отд. II, кн. 2, 580. Въ поученія, приписываемомъ Златоусту, «ко іереомъ» говорится о священникахъ, что «мнози суть не умѣютъ книгъ.» Рук. Новгород. Соф. библи. № 1466, л. 37—39. Въ половинѣ XVI в. на самое чтеніе книгъ сталъ проводиться даже отрицательный взглядъ. Невѣжды говорили иногда: «грѣхъ простымъ чести апостолъ и евангеліе». Инокъ Артемій передаетъ, что мнози отъ неграмотныхъ боялись «въ руки взяти» (апостолъ и евангеліе). Тотъ же писатель сообщаетъ, что его современники говорили: «не чти много книгъ, да не въ ересь впадеши.» И если кто въ то время слыхалъ съ ума, то о немъ говорили тогда: «зашелъ естъ въ книгѣхъ.» Русск. Истор. бібліотека, изд. Археограф. Коммисіи, т. IV, 1383, 1384.

¹ Содѣйствіе русскихъ монастырей просвѣщенію древней Россіи. Прав. Соб. 1858 г. 1, 483—535.

вало ему вполне соответствующее цѣлямъ своего служенія направленіе религіозное. Совмѣстно, а въ нѣкоторой степени и подъ вліяніемъ самыхъ органовъ, заправлявшихъ ходомъ просвѣщенія, всѣ вообще средства и способы, посредствомъ которыхъ распространялось послѣднее на Руси, отличались все тѣмъ же религіознымъ характеромъ. ¹ Школьный путь распространенія знаній шелъ въ указанномъ общемъ направленіи: школами заправляло духовенство, процессъ обученія производился по церковнымъ и чаще всего богослужебнымъ книгамъ, такъ что учащіеся съ малолѣтства вырабатывали въ себѣ религіозно-церковный взглядъ и на книжность вообще. Выѣстъ съ христіанствомъ въ Россію перешла изъ Греціи, хотя и не вдругъ, а постепенно, и большая часть византійской письменности, отличавшейся, какъ уже извѣстно, одностороннимъ исключительно религіознымъ содержаніемъ. Не успѣвъ выработать своей собственной, національной, литературы, русскій народъ ухватился за доставшійся отъ нѣ матеріалъ и въ немъ сталъ искать, и конечно всегда находилъ, пищу для своего ума и сердца, и главнымъ образомъ на немъ воспитывалось и вырабатывалось все его міросозерцаніе.—Съ теченіемъ времени въ русскомъ народѣ стали пробуждаться попытки къ нѣкоторой умственной самобытности, явились произведенія собственной русской письменности, но и тѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ первоначальныхъ образцовъ и источниковъ, на которыхъ воспитывались умы русскихъ людей съ самыхъ давнихъ временъ, непремѣнно запечатлѣвались религіознымъ колоритомъ. ² Такимъ образомъ по своимъ внутреннимъ особенностямъ, по своему содержанію образованіе древне-русскаго общества имѣло исключительно религіозный характеръ. Всякое знаніе, всякая мудрость трактовались настолько, насколько они касались религіи, истинъ вѣры и нравственности. Свѣтской науки, какъ отдѣльной области знаній, вовсе не существовало. Свѣтскихъ знаній даже сознательно избѣгали, опасаясь вреда для чистоты вѣры. Какой либо самостоятельной отрасли свѣтской литературы

¹ О способахъ духовнаго просвѣщенія въ древней Россіи смѣ училища. Прав. Собесѣдникъ 1862, I, 131—171.

² Даже въ такихъ, по видимому, съ объективнымъ характеромъ сочиненіяхъ, какъ лѣтописи, и въ тѣхъ проходитъ строго религіозный взглядъ на всѣ событія міра и своей собственной страны (Прав. Собесѣдникъ 1859 г. ч. II, 45—60, 114—116. Взглядъ древнихъ русскихъ лѣтописцевъ на событія міра.)

почти не существовало. Не было въ древней Руси и науки вообще; древне-русская образованность прекрасно характеризуется названіемъ книжности, когда безъ всякаго плана и системы читалось и изучалось то, что заключалось въ книгахъ. Все назначеніе древне-русской книжности состояло въ служеніи религіознымъ цѣлямъ человѣка. Она цѣнилась настолько, насколько она служила духовному призванію человѣка на землѣ—его спасенію, его религіозно-нравственному усовершенствованію. Изучить догматы вѣры, узнать правила христіанской нравственности и выработать въ себѣ характеръ по возможности всегда дѣйствовать сообразно съ ними, вотъ прямая непосредственная цѣль и задачи, какія начертывала себѣ древняя книжность.*

Религіозно-практическій характеръ древнерусскаго просвѣщенія тѣмъ самымъ опредѣлялъ собою особые условія и предѣлы, въ районѣ которыхъ могла работать и развиваться русская мысль. Истины вѣры и нравственности, составлявшія главное содержаніе памятниковъ церковной литературы, по самой сущности своей, суть истины неизмѣнныя. Этимъ самымъ уже русскимъ умамъ открывалось очень ограниченное поле для самобытной дѣятельности.

Замкнутая въ религіозную сферу, заключенная въ область истинъ вѣры, истины съ непреложнымъ и неизмѣннымъ характеромъ, регулируемая при этомъ узко практическимъ взглядомъ на задачи просвѣщенія, когда послѣднею цѣлію его поставлялось достиженіе религіозно-нравственнаго усовершенствованія и полученіе чрезъ то спасенія, русская мысль естественно послѣдовательно приучилась ограничиваться простымъ усвоеніемъ, заучиваніемъ того,

* По этому самому когда въ памятникахъ древне-русской письменности встрѣчаются похвалы чтенію книгъ, то здѣсь должно разумѣть изученіе книгъ только съ содержаніемъ религіознымъ. Польза обученія книгамъ, необходимость его, разсматривались въ древне-русскихъ памятникахъ только настолько, насколько онѣ соответствовали и содѣйствовали религіозно-нравственнымъ цѣлямъ человѣка. Въ словѣ «о почитаніи книжномъ» дается такое наставленіе: «поучаемся выну словесемъ книжнымъ, творяще волю Божию, яко же мы учимъ, да являемъ жизни достойни будемъ». Рук. Новг. Соф. биб. № 1289, л. 324, 325. Съ другой стороны и вредъ книжнаго непочитанія разсматривался съ точки зрѣнія религіозно-нравственной. Утверждали даже, «что немощи часто не почитая спасти себе». Прав. Собесѣдникъ 1862, ч. I, 138—140. Самымъ идеально образованнымъ человѣкомъ признавался тотъ, кто, «почитая книги, совершаетъ повелѣнія въ нихъ». Рукон. Погодина, въ Импер. Пуб. библиотекѣ, № 1288, л. 136. «Слово Златоуста (русское) ко всѣмъ крестьяномъ».

что ей представлялось узнать изъ тѣхъ или другихъ произведеній церковной письменности. Такое отношеніе къ книжнымъ занятіямъ мало давало собою матеріала собственно для умственного развитія. Умы древнихъ книжниковъ оставались пассивными въ то время, когда съ большимъ количествомъ прочитанныхъ книгъ все болѣе и болѣе обогащалась память разными приобретаемыми оттуда душевнспасительными свѣдѣніями. Древнерусское общество приобретало свѣдѣнія путемъ чтенія и изученія книгъ, причѣмъ вовсе не существовало какого нибудь заранѣе обдуманнаго плана или выработанной и рассчитанной на извѣстные результаты системы: читалось и изучалось то, что кому попадалось подъ руки и что представлялось только возможнымъ. Понятно отсюда, что добытыя только памятію разнородныя и разновременныя появившіяся, не освященныя одной какой-либо общей идеей, свѣдѣнія такъ и оставались въ памяти въ ихъ примитивной, той самой формѣ, въ какой онѣ были восприняты, но не дѣлались матеріаломъ для живой, разумной мысли. Имъ недоставало систематизаціи, переработки, ими пользовались только какъ практическими совѣтами, а не какъ матеріаломъ для новыхъ приложеній, обобщеній и выводовъ. Преслѣдуя въ книжности только религіозно-практическія цѣли, древніе мыслители суживали рамки, въ которыхъ долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, вращаться умъ. Они прямо заявляли, что дѣло ума—усвоить въ чистомъ видѣ то, что дано въ книгахъ и пользоваться добытыми свѣдѣніями въ томъ самомъ чистомъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ книгахъ. Свободнаго, самостоятельнаго послѣдованія приобретаемыхъ знаній, критическаго отношенія къ нимъ не допускалось. Всякое проявленіе свободной анализирующей мысли, или, какъ тогда называли, «мнѣнія» клеймилось позорнымъ названіемъ «проклятаго» и даже еретическаго, и «мнѣніе» трактовалось тогда даже какъ источникъ всѣхъ бѣдъ, какъ второе паденіе. Такимъ образомъ книга для древнерусскаго книжника являлась мѣриломъ и нормою истины, а не собственный критическій анализъ его ума. Можно было думать и вѣрить тому и такъ, какъ передано въ книгахъ, провѣрять, анализировать мысли, заключающіяся въ нихъ, это представлялось въ нѣкоторомъ родѣ опаснымъ для чистоты вѣры. Авторитетъ книги становился выше всего. Предъ нимъ должны преклоняться всѣ истины, добытыя человѣческимъ разумомъ. Односторонняя религіозно-практическая цѣль занятія произведеніями книжности, въ которыхъ однихъ признавалась заключенною вся истинная мудрость необходимая для спасенія человѣка,

привела ко взгляду на самыя книги, какъ на предметъ высоко-религіозный, священный, вмѣющій нѣкоторое догматическое, все-рѣшающее значеніе.¹

Благоговѣніе предъ авторитетомъ книги опредѣлило на долгое время характеръ древне-русской письменности. Книга признавалась вѣчной спутницей каждаго древняго читателя, и только подъ руководствомъ и исключительнымъ авторитетомъ книги онъ могъ и позволялъ себѣ разсуждать и мудрствовать.² Древніе русскіе богословы всѣ свои умственные силы и способности направляли къ тому, чтобы выучиться, развитъ въ себѣ способность говорить отъ книгъ, отъ писаній или даже ихъ языкомъ, но никакъ не думали о развитіи въ себѣ критическихъ пріемовъ, которыми бы они могли пользоваться въ отношеніи къ прочитанному и изученному. Свою авторскую дѣятельность они сводили къ компиляціи стараго, что собственно и составляло признакъ тогдашней учености, богословской эрудиціи. Трудъ автора сосредоточивался на преимуществу на томъ, чтобы сдѣлать большіе выписки изъ книгъ въ смыслѣ аргументовъ въ пользу того или другаго поставленнаго изъ положенія. Девизомъ каждаго древняго писателя служило учить отъ книгъ, или, что все равно, отъ божественныхъ писаній, и самымъ авторитетнымъ писателемъ признавался тотъ, кто владѣлъ большимъ запасомъ знаній, вычерпнутыхъ изъ области книжныхъ произведеній, которая вся исчерпывалась произведеніями церковнаго характера и носила общее названіе «божественныхъ писаній». Одностороннее благоговѣніе предъ авторитетомъ божественныхъ писаній, понимавшихся въ самомъ широкомъ смыслѣ и обнимавшихъ собою почти всю тогдашнюю церковную литературу, имѣло своимъ послѣдствіемъ крайнюю-ограниченность произведеній вполнѣ самостоятельной литературы, полныхъ новыхъ, живыхъ идей и понятій, выросшихъ на чисто пародной почвѣ, и явившихся плодомъ самостоятельной испытующей мысли народа. Если отъ времени и появлялись сочиненія, то это были въ большей или меньшей степени сочиненія подражательныя, компилятивныя. Въ боль-

¹ Отсюда даже механическій трудъ переписки книгъ признавался высоко-религіознымъ дѣломъ. Пр. Соб. 1862, I, 131—171. Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи.

² Прав. Соб. 1858, ч. II, 173—178. 443 — 461. О чтеніи книгъ въ древней Россіи.

шинствѣ случаевъ авторская способность русскихъ проявлялась въ собираніи, подъ освѣщеніемъ извѣстной догматической или нравственной идеи или нѣсколькихъ идей, въ одно цѣлое того, что разсѣяно было по разнымъ сочиненіямъ. Здѣсь образовался особый видъ письменности, который характерно опредѣляется самымъ его названіемъ, именно—сборниковъ. Название характеризуетъ и самую литературу. До насъ время сохранило безчисленное множество сборниковъ, или, проще, сборниковъ (особенно отъ XV—XVI в.), которые всѣ скроены по одному плану. Въ каждомъ сборникѣ можно встрѣтить разсужденія или выписки о самыхъ разнообразныхъ предметахъ религіознаго характера, взятыхъ изъ того или другаго отца или церковнаго писателя, — разсужденія, не связанные между собою и въ общемъ не представляющія ничего цѣльнаго. Это въ своемъ родѣ памятные записныя книжки, которыя всегда хотѣли имѣть при себѣ благочестивые мужи древней Руси и въ которыхъ можно было встрѣтить самыя разнообразныя свѣдѣнія. Сборники иногда для авторитетности украшались названіями «Сборниковъ отъ божественныхъ писаній». Сборникъ вполне можетъ быть названъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію, типическимъ произведеніемъ древне-русской книжности. То что сказано въ отношеніи характеристики древне-русскаго сборника, то до нѣкоторой степени имѣетъ значеніе и въ отношеніи каждаго отдѣльнаго древне-русскаго произведенія. Самыя поученія составлялись часто изъ выписокъ, заимствованныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ произведеній, и если русскій умъ осмѣливался вносить въ нихъ нѣчто свое, то старался скрыть и свое имя и свою, по его мнѣнію, дерзость, приписавъ свое произведеніе, часто на половину составленное чрезъ посредство выборки изъ постороннихъ источниковъ, какому либо извѣстному всѣмъ св. отцу. И потому то мы имѣемъ громадное количество произведеній несомнѣнно русскаго происхожденія, но которыя тѣмъ не менѣе надписываются или именемъ того или другаго отца церкви или вообще имѣютъ предъ собою общее названіе произведенія «св. отецъ». Встрѣчается также безчисленное множество такихъ завыщенныхъ русскою древностью литературныхъ произведеній, которыя сопровождаются указаніемъ на то, что они «избраны или собраны отъ божественныхъ писаній», или что они представляютъ изъ себя «слова душеполезна св. отецъ избрана отъ многа мѣло,» или такія, о происхожденіи которыхъ заявлялось, что они «выписаны изъ книгъ», или еще характернѣе—«выписаны изъ всѣхъ книгъ».

Поклоненіе и рабство предъ авторитетами оказало неблагоприятное вліяніе на характеръ древне-русской письменности и въ другомъ отношеніи. Благоговѣніе предъ книгами простиралось на все въ нихъ заключающееся. Всякое мнѣніе считалось несомнѣнно истиннымъ, коль скоро оно находило себѣ мѣсто въ книгахъ. Недостатокъ научнаго образованія, сопровождавшійся отсутствіемъ научной критики, предоставлялъ широкую свободу вносить въ книги сочиненія апокрифическаго содержанія, а часто и сочиненія и совершенно подложныя, а между тѣмъ, при всеобщемъ благоговѣніи и уваженіи къ книгѣ, онѣ признавались наравнѣ съ другими вполне компетентными сочиненіями. Недостатокъ научнаго критическаго отношенія къ произведеніямъ религіозной церковной письменности былъ причиною, по которой послѣдняя наполнилась множествомъ сочиненій апокрифическихъ. ¹ На ряду съ апокрифическими сказаніями въ древне-русской книжности широкое распространеніе имѣли и вообще произведенія подложныя, плодъ благочестиваго, но невѣжественнаго ума уже чисто русскихъ книжниковъ. Незатѣйливость, конкретность подложныхъ сочиненій дѣлали ихъ очень популярными въ невѣжественной массѣ народа, которая даже относилась къ нимъ предпочтительнѣе предъ сочиненіями авторитетными. ² Симпатіи русскаго народа къ сочиненіямъ религіознаго характера, но съ сомнительною подлинностію понятны. Малообразованный, вовсе неподготовленный къ воспріятію, особенно систематическому, религіозныхъ идей съ отвлеченнымъ содержаніемъ, Русскій естественно находилъ для себя болѣе интереса въ апокрифахъ, легендахъ и простыхъ общедоступныхъ безыскусственныхъ произведеніяхъ своихъ отечественныхъ книжниковъ. Аналогическое явленіе было и въ исторіи умственнаго развитія Византіи. И тамъ въ малообразованной массѣ народа особенное

¹ Очень много памятниковъ апокрифическаго характера издано въ Памятникахъ старинной русской литературы, изд. Куселевымъ-Безбородко вып. III и др. а также въ Памятникахъ отреченной русской литературы, изд. Тихомировымъ, два тома, М. 1863 г. и у Буслаева, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, т. I, 484—504.

² Калайдовича. Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, 208—212. Сочиненія Максима Грека ч. I и III. Разсужденія Вассіана Патрикѣва о неврыпчій монастыряхъ владѣть вотчинами. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. 1839, кн. III. Курбскій. Описаніе Рум. музея, 242—243. Стоглавъ, изд. Кожанчикова, 43. Сочиненія инокъ Артемія. Русская Историческая бібліотека. Изд. Археограф. Комиссіей. т. IV, 1397. Прав. Собесѣдникъ 1838, II, 173—198. 443—471.

развитіе получила литература религиозно-повѣствовательная (легенды), произведенія которой перешли потомъ въ Россію и дѣсь точно также нашли себѣ поклонниковъ въ народныхъ массахъ.

Конечно существованіе въ древне-русской книжности апокрифовъ и разнаго рода подложныхъ сочиненій не представляло бы особенной важности, еслибы имъ придавался дѣйствительный, соответствующій ихъ значенію, смыслъ. Но сущность дѣла въ томъ, что древне-русскіе богословы не умѣли и не могли всегда строго отличать истинное отъ подложнаго и апокрифическаго и придавали произведеніямъ того и другаго характера смыслъ и важность, одинаковые со всѣми другими несомнѣнно подлинными и авторитетными твореніями. Для нихъ еще неизвѣстны были приемы критическаго обслѣдованія того или другаго сочиненія. Въ то время, время вѣры по преимуществу, даже простая, часто безымянная статья или поученіе, съ неопредѣленнымъ названіемъ поученія св. отецъ, или чего либо въ этомъ родѣ, возводилась почти на одинакую степенъ съ священнымъ писаніемъ и твореніями святыхъ отецъ и цитировались наравнѣ и вмѣстѣ съ послѣдними. Древне-русская книжность точно не разграничивала *степеней* важности твореній, которыми наполнялись ея сборники, она все находившееся въ нихъ, будетъ ли то евангельское изреченіе, или простая богослужебная пѣснь, все это отождествляла подъ однимъ названіемъ «божественныхъ писаній», «св. писаній», и даже просто книгъ и усвоила имъ священный безусловно-неизмѣнный характеръ. Такимъ образомъ въ сферу священныхъ авторитетовъ, которые служили аргументирующими данными въ литературныхъ трудахъ древнихъ русскихъ богослововъ, входила почти вся область существовавшей въ древней Россіи письменности, запечатлѣнной религиозно-церковнымъ характеромъ. Отсюда въ древне-русской литературѣ выдѣляются слѣдующія особенности: слабое развитіе самостоятельности и преобладаніе произведеній компилятивныхъ, распространенность апокрифическихъ и подложныхъ сочиненій и наконецъ третье—расширеніе богословской сферы священныхъ авторитетовъ, доходившее въ нѣкоторыхъ случаяхъ до благоговѣнія предъ каждымъ отдѣльнымъ памятникомъ имѣвшимъ въ себѣ религиозный огъенокъ и значительнымъ нѣкоторыми признаками древности.

Подъ вліяніемъ установившагося просвѣщенія въ древне-русскомъ обществѣ выработался и соответствующій складъ міровоззрѣнія. Самою выдающеюся чертою религиозной жизни русскаго

народа служить развитіе въ немъ религіозно-церковнаго формализма, который имѣеть двѣ стороны—теоретическую и нравственно-практическую. Религіозно-церковный формализмъ получилъ на Руси особенно сильное развитіе въ связи съ разными условіями внѣшней и внутренней жизни русскаго народа. Первымъ примѣромъ формальнаго пониманія религіи была Византія, гдѣ вмѣстѣ съ политическимъ одряблѣніемъ и нравственнымъ разложениемъ общества начали развиваться религіозный индеферентизмъ, послѣдствіями котораго явилось ханжество, фарисейство и вообще развитіе предпочтеніе формы содержанію, обряда истинному духу религіи. Отвлеченная догматическая система христіанства была не по силамъ массѣ молодого русскаго народа, умственно неразвитаго и неподготовленнаго, находившагося въ то время еще въ дѣтственномъ состояніи и, понятно, воспринималась имъ очень туго и медленно. Проводникомъ христіанства на Руси на первыхъ порахъ явилось греческое духовенство въ лицѣ митрополитовъ и епископовъ, которые сами мало знали народъ, служить которому были призваны, равнымъ образомъ и ихъ паства не имѣла въ своемъ распоряженіи средствъ для того, чтобы понимать своихъ иноземныхъ пастырей. При такихъ условіяхъ естественно новая религія оставалась непонятою въ своей сущности. Простой народъ усвоилъ себѣ болѣе доступную для него внѣшнюю оболочку религіи, и для него религія обратилась въ совокупность обрядовъ. При этомъ политическая исторія русскаго народа не заключала въ себѣ благоприятныхъ условій для спокойнаго развитія и болѣе глубокаго усвоенія имъ христіанства. Разорительныя, почти систематическія, войны удѣльновѣчеваго періода не только не содѣйствовали, но напротивъ препятствовали болѣе сознательному и разумному усвоенію вѣры. Страшныя и продолжительныя бѣдствія монгольскаго ига вызвали въ русскомъ народѣ глубокое религіозное настроеніе, но современная русская общественная и государственная жизнь, полная однихъ страданій, невзгодъ и всевозможныхъ лишеній, весьма мало представляла въ себѣ внѣшнихъ условій и матеріальныхъ средствъ для того, чтобы поддержать это прекрасное настроеніе, дать ему надлежащій ходъ и вести его по пути нормальнаго развитія. Крайняя ограниченность, а затѣмъ и почти полное отсутствіе школъ внесли значительную долю своего вліянія на односторонность развитія религіозной жизни въ смыслѣ преобладанія въ ней обрядности. За отсутствіемъ школъ церковь сдѣлалась единственнымъ мѣстомъ, гдѣ народъ могъ учиться вѣрѣ и благочестію, но въ церкви

все состояло изъ исполненія тѣхъ или другихъ священныхъ обрядовъ, съ которыми сживался народъ и въ исполненіи которыхъ онъ пріучился видѣть существенную сторону религіозной жизни.¹ Это отрицательныя условія развитія церковнаго формализма. Положительныя условія, содѣйствовавшія развитію религіозно-церковнаго формализма, заключаются уже въ самомъ характерѣ древне-русскаго просвѣщенія. Отсутствие научнаго образованія, а вслѣдствіе этого отсутствіе неразрывнаго съ нимъ критическаго отношенія къ пріобрѣтаемымъ знаніямъ, способствовало, какъ уже было видно, слабому различенію истиннаго, несомнѣнно подлиннаго отъ сомнительнаго и подложнаго въ церковной письменности, и вообще содѣйствовало расширенію сферы священныхъ и безусловно обязательныхъ для церкви авторитетовъ изъ области твореній съ религіознымъ характеромъ. Съ теченіемъ времени самая церковная письменность стала отличаться религіозно-формальнымъ направленіемъ: памятники ея свидѣтельствуютъ, что руководители русскаго народа посвящали свои труды больше на разрѣшеніе обрядовыхъ вопросовъ, чѣмъ на уясненіе правды христіанской нравственности въ ея глубокомъ духовномъ значеніи.² Благодаря всѣмъ этимъ вмѣстѣ взятымъ условіямъ русскій народъ, мало знакомый съ догматическимъ ученіемъ православія, а между тѣмъ постоянно живя и воспитываясь подъ вліяніемъ строгой церковной обрядности, видя поклоненіе ей въ современной церковной литературѣ и привыкнувъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ отдавать предпочтеніе обрядамъ предъ духовною стороною религіи, предъ ея догматами и духовнонравственными истинами, сталъ съ теченіемъ времени смѣшивать въ своемъ представленіи догматы и обряды и переносить свойства и признаки первыхъ на послѣдніе. Такимъ путемъ совершенно послѣдовательно въ русскомъ народѣ образовался взглядъ на обрядъ, какъ на нѣчто тождественное съ догматомъ. Отсюда естествененъ переходъ къ тому, чтобы признаки догмата,—ихъ вѣчная неизмѣнность, стали приписываться въ извѣстной мѣрѣ и обряду. И дѣйствительно, къ XV в. церковный догматизмъ развился до такой степени, что на разности въ обрядахъ русскіе стали смотрѣть, какъ на въ своемъ родѣ догматическія отступленія. Для нихъ казалось верховъъ челоѣческой

¹ О способахъ духовнаго просвѣщенія древней Россіи въѣ училища. Прав. Собесѣдникъ 1858 г. ч. I, 262—296.

² Щановъ. Исторія раскола старообрядства, 23—25.

мудрости и въ то же время величайшею смѣлостію прибавить хотя бы одну букву къ обряду сверхъ установившагося вѣками его порядка. Такія открытыя прибавки и измѣненія были настолько необыкновенны, что дѣлались на нѣкоторое время предметомъ общественнаго вниманія и, какъ событія особенной важности, иногда заносились даже въ лѣтописи. ¹ Болѣе существенныя и замѣтныя отступленія отъ установившейся нормы обряда вызывали самые оживленные споры, затрогивавшіе собою всѣ интеллигентные слои русскаго общества. Въ XV и XVI в. возникало не мало споровъ по поводу обнаружившейся разности въ нѣкоторыхъ обрядахъ. Въ XV в. во главѣ спорящихъ объ обрядовыхъ разностяхъ лицъ являются самые видные представители русской интеллигенціи, понимаемой въ ея оффиціалномъ смыслѣ. Таковъ былъ споръ о хожденіи посолона. ² Въ послѣднемъ случаѣ однимъ изъ непосредственно заинтересованныхъ въ спорѣ лицъ былъ самъ великій князь, который видѣлъ въ отступленіи, какъ ему казалось, отъ древняго обычая хожденія посолона такого рода причину, за которую «гнѣвъ Божій приходитъ». Жаркіе споры вызывались также въ то время и другими обрядовыми разностями, какъ-то: сугубой и трегубой аминюю, способомъ сложенія перстовъ для свѣстнаго знаменія и др. ³

Если религіозныя истины теоретическаго характера,—догматы подѣ влияніемъ религіознаго формализма смѣшивались и сливались съ обрядами, то тоже самое нужно сказать и относительно нравственно-практическихъ истинъ. И нравственное ученіе въ древней Руси понималось точно также болѣе съ формальной стороны. И здѣсь на первомъ планѣ становилось всегда внѣшнее выполненіе нравственныхъ предписаній, но не внутреннее значеніе и живое искреннее религіозное чувство.

¹ «Нѣкоторые философы, говорятъ Новгородскій лѣтописецъ подѣ 1476, начинаа иѣти: О, Госнода помалуй, а друзи—Осноди помплуй.» П. Соб. Р. Лѣт. т. IV, 4. Новгород. Лѣт. 130.

² П. С. Р. Лѣт. т. VI, 233—234.

³ Цановъ. Русскій расказъ старообрядства, 26—31. Описаніе рукоп. Моск. Сир. библ. отд. II, кн. II, 534—535. Свидѣтельство Максима Грека объ Акакіѣ Тверскомъ, соч. Максима Грека, изд. Каз. дух. акад. ч. II, 421—423. Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевымъ-Безбородко, вып. IV, Повѣсть о Евросипѣ Псковскомъ, 67—119.

Нельзя отвергать того, что существовали въ древне-русскомъ обществѣ личности, которыя понимали христіанство въ его истинномъ духовномъ смыслѣ и обнаруживали въ себѣ зачатки научнаго образованія; но подобнаго рода личности были чрезвычайно рѣдкими и оставались незамѣтными за общемою массою, въ которой древне-русская книжность воснигала очень много начетчиковъ, а не людей системы, обобщеній и научныхъ выводовъ. Въ средѣ тогдашняго общества выступали иногда замѣчательно даровитые книжники, поражавшіе богатствомъ религіозныхъ знаній, своимъ талантомъ и дарованіями, но и они въ большей или меньшей степени раздѣляли въ себѣ недостатки, которые свойственны были вообще древне-русскимъ книжникамъ.

Самымъ замѣчательнымъ представителемъ древне-русского просвѣщенія во второй половинѣ XV и началѣ XVI в. и болѣе или менѣе полнымъ выразителемъ идей и понятій, выродившихся на на ея почвѣ, былъ *препод. Іосифъ Волоцкій**. Замѣчательная личность Іосифа сгруппировала вокругъ себя многія изъ тѣхъ воззрѣній и понятій, которыми жила древне-русская мысль, и тѣмъ самымъ создала собою цѣлое отдѣльное направленіе въ сферѣ русской церковной и общественной жизни.

Іосифъ Волоцкій родился въ 1439 году или въ 1440 году. Одинъ изъ предковъ его—дѣдъ, вышелъ изъ Литвы, что, можетъ быть, не осталось безъ вліянія на нѣкоторыя воззрѣнія его знаменитаго потомка. Первоначальное образованіе Іосифъ получилъ въ монастырѣ, куда онъ отданъ былъ на осьмолѣтнемъ году своей жизни, и которое онъ продолжалъ постоянно развивать самостоятельнымъ изученіемъ церковной письменности. Іосифа съ ранней молодости влекло въ монастырь. Мѣстомъ своихъ монашескихъ подвиговъ онъ избралъ

* Кроме трудовъ разныхъ историковъ церковныхъ существуютъ слѣдующія спеціальныя изслѣдованія по этому предмету: 1) Двѣ статьи проф. Казанскаго, напечатанныя въ Прибавлен. къ твореніямъ св. отца 1847 г. подъ заглавіемъ: «Іосифъ и писанія Іосифа Волоколамскаго», вышедшія за тѣмъ въ видѣ отдѣльной книги подъ заглавіемъ: Преп. Іосифъ Волоколамскій. Москва, 1847 г. 2) Преподобный Іосифъ Волоколамскій. Церковно-историческое изслѣдованіе придворнаго священника П. А. Булгакова. С. Петербургъ. 1865 г. 3) Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, преп. игумена Волоцкаго. П. Хрущева. С.-Петербургъ. 1868 г. 4) «Просвѣтитель преподобнаго Іосифа Волоцкаго», статья напечатанная въ Православномъ Собесѣдникѣ 1839 года, часть III, 153—179. 5) Статья Панова подъ заглавіемъ: «Крестъ живодетствующихъ.» Журналъ министерства народн. просвѣщенія. 1877 г. № 2, 282—295.

обитель преп. Пафнутія Боровскаго, очень пзвѣстную въ то время. Въ двадцать лѣтъ Іосифъ принялъ монашеское постриженіе и около осмынадцати лѣтъ провелъ въ монастырѣ и подъ руководствомъ преп. Пафнутія. Продолжительное пребываніе въ монастырѣ Пафнутія имѣло для Іосифа широкое воспитательное значеніе. Пафнутій Боровскій, по своему происхожденію восходившій къ потомкамъ одного изъ татарскихъ баскаковъ, отличался сильною привязанностію къ князьямъ московскимъ, которые въ свою очередь платили ему своимъ уваженіемъ и религіознымъ благоговѣніемъ къ его личности, такъ что послѣ своей смерти онъ сдѣлался семейнымъ святымъ у московскихъ князей. Монастырь Пафнутія отличался обширностію, благоустройствомъ и такимъ рѣдкимъ богатствомъ, которое вызывало удивленіе не только простыхъ людей, но даже бояръ и князей.¹ Это объяснялось характеромъ самого игумена монастыря, у котораго слишкомъ сильно развиты были хозяйственныя способности.²

По смерти Пафнутія Боровскаго настоятелемъ его монастыря, по волѣ великаго князя, сдѣланъ бытъ преп. Іосифъ. Впрочемъ игуменство его въ Боровскомъ монастырѣ продолжалось не долго. Іосифъ задался цѣлію реформировать жизнь своего монастыря, ввести въ немъ строгое общецнтіе; но встрѣтивъ сильный отпоръ со стороны поддѣльных ему иноковъ, онъ рѣшился вовсе оставить монастырь, гдѣ онъ жилъ такъ долго. У него въ это время, конечно, уже выработался свой взглядъ на монашество, который онъ хотѣлъ провѣрить на дѣлѣ, и съ этою цѣлію рѣшился обойти всѣ болѣе или менѣ замѣчательные русскіе монастыри. Странствованіе по монастырямъ, изъ которыхъ во многихъ онъ столкнулся съ большими беспорядками, привело его къ мысли основать свою собственную обитель, гдѣ онъ могъ бы свободно примѣнить къ дѣлу выработаннымъ имъ самимъ начала иноческой жизни. И дѣйствительно онъ достигъ своей цѣли, и въ 1479 году, вблизи родовой вотчины Санниныхъ и недалеко отъ города Волоколамска, основалъ монастырь, принявшій отсюда названіе Волоколамскаго и скоро получившій громкую историческую извѣстность. Благодаря

¹ Полн. Собр. Русск. Лѣтис. т. VIII, 183—184.

² Свѣдѣнія о жизни Пафнутія Боровскаго см. у Хруцова. Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина стр. 14—23, Акты Историческіе, том. I, № 204, 382, 410. Степенная книга, часть II, 207.

предпринчивому и практическому своему характеру, который выработался у него подъ руководством Пафнутія, преп. Іосифъ сумѣлъ быстро увеличить монастырскія средства, которыя дали ему возможность обстроить свой монастырь со всѣмъ благолѣпіемъ и богатствомъ. Въ своемъ монастырѣ Іосифъ ввелъ самое строгое общеніе, для котораго составилъ свой собственный монастырскій уставъ. Постоянными средствами для существованія Волоколамскаго монастыря служили села и деревни съ крестьянами, пріобрѣтеніе которыхъ потому самому составляло одну изъ постоянныхъ заботъ преп. Іосифа. *

По характеру своего образованія преп. Іосифъ принадлежалъ къ школѣ древне-русскихъ книжниковъ. Онъ отличался рѣдкою начитанностію, которая тѣмъ не менѣе не могла создать изъ него ума богословски-образованнаго. Іосифъ выпелъ рѣдкіе даровитые книжники, пачетники, а не богословы въ научномъ смыслѣ. Характеръ полученнаго имъ образованія тѣмъ самымъ уже подготовилъ и тѣ недостатки, которыми страдали и другіе книжники древней Руси. Вѣрный воззрѣніямъ своего времени, Іосифъ рассматривалъ просвѣщеніе и вообще всякое знаніе съ исключительно религіозной точки зрѣнія и, подобно другимъ книжникамъ, усвоилъ себѣ нѣсколько своеобразное пониманіе источниковъ христіанскаго вѣроученія и христіанской морали. Руководительнымъ началомъ всей жизни человѣка, источникомъ и мѣриломъ истинности всякой его религіозной мысли Іосифъ ставилъ «божественное писаніе». Подъ это понятіе подходило у него не одно въ строгомъ смыслѣ божественное или богодухновенное писаніе, но вся вообще письменность, запечатлѣнная характеромъ церковности и отличающаяся религіознымъ содержаніемъ. Взглядъ Іосифа на источники христіанскаго вѣроученія замѣчателенъ по отсутствію въ немъ критическаго элемента къ религіозно-церковнымъ авторитетамъ. Такъ широко понимаемый принципъ «божественныхъ писаній» проходитъ чрезъ всѣ сочиненія Іосифа Волоцкаго и одинаково прилагается имъ и

* Выпись о началѣ Іосифова монастыря въ рукописи Московск. дух. акад. № 14/164 л. 73—74. Житіе Іосифа Волоцкаго Саввы Чернаго еп. Крутицкаго въ Великихъ мнѣяхъ четыхъ, Сентябрь, 454—499. Житіе Іосифа Волоцкаго, составленное неизвѣстнымъ. Читенія въ обществѣ любителей дух. просв. 1865 г. Приложение ко 2-му тому. Уставъ І. Волоцкаго въ Великихъ мнѣяхъ четыхъ, собр. м. Макаріемъ, сентябрь, 499—615.

во всѣхъ сферахъ его чисто практической жизни. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаются динныя, заимствованныя и изъ истинно богодуховенныхъ источниковъ, равно какъ и изъ такихъ источниковъ, авторитетность которыхъ подвержена сильному сомнѣнію.¹ Какъ особенно авторитетныя источники преп. Іосифъ отводитъ значительное мѣсто въ своихъ сочиненіяхъ житіямъ святыхъ и церковнымъ писаннымъ памятникамъ.² Чуждый критическаго отношенія къ церковнымъ письменнымъ памятникамъ, Іосифъ не затруднялся черпать доводы изъ сочиненій апокрифическаго характера, равно какъ и изъ сочиненій совершенно подложныхъ.³ На основаніи своего взгляда на источники христіанскаго вѣроученія Іосифъ совершенно послѣдовательно и гражданскимъ законамъ и постановленіямъ византийскихъ императоровъ усвоить одинаковое достоинство съ соборными и святоотеческими правилами.⁴

Отсутствіе критическаго отношенія къ церковнымъ авторитетамъ имѣло свои специфическія послѣдствія для всего міровоззрѣнія преп. Іосифа. Недостатокъ критическаго элемента выразился въ томъ общемъ явленіи, что въ сочиненіяхъ Іосифа не замѣчается

¹ Такъ оиъ твореніямъ св. отцовъ и подвижниковъ усвоить значеніе такихъ источниковъ, которые подобны евангельскому и апостольскому писанію (Просвѣтитель Іосифа, пружина Волоцкаго, изд. Каз. дух. акад. Казань, 1837 г. 442, 445). Іосифъ въ ряду св. отцовъ ставитъ и такихъ позднѣйшихъ писателей, какъ напр., Никона Черногорца, который нашей церкви и не причисленъ даже къ янгу святыхъ, но писанія котораго оиъ тѣмъ не менѣе называетъ «богодуховенными». (Просвѣтитель, 537. Сравни. статьи Срезневскаго подъ названіемъ: «Пандекты Никона Черногорца». Записки Император. Акад. наукъ, т. XX, 149 — 156, т. XXI, 193 — 198».

² Просвѣтитель, 475—481, 495, 498, 238. Рук. Имп. пуб. библ. Q. XVII, № 15 л. 68—287. Посланіе Іосифа къ Ивану Третьякову. Рук. Имп. публ. библ. Q. XVII, № 30 л. 77—91 и др.

³ Оиъ напр., какъ особенно священнымъ аргументомъ, пользуется подложнымъ поученіемъ царя Константина «О царехъ, князехъ и судіяхъ земскихъ» и мнимомъ клятвомъ пятого вселеннаго собора «На обидищихъ святыхъ Божіа церкви». (Просвѣтитель 601, Рук. Имп. публ. библ. Q. XVII, № 15, л. 68—287. Ср. ст. подъ названіемъ «Правило св. отецъ о обидищихъ церкви Божіа». Пр. Собес. 1861, ч. III, 451—460. Въ Просвѣтитель есть ссылки на книгу Еноха Праведнаго. Просвѣт. 429».

⁴ О «отрцескихъ законахъ» оиъ прямо говоритъ, что оиъ «подобны суть пророческимъ и апостольскимъ и св. отецъ писаніямъ». Просвѣтитель, 588, 536, 538, 603.

оцѣнки сравнительной важности и компетентности того или другого приводимаго имъ церковнаго авторитета. Иосифъ относился ко всѣмъ иногда самымъ разнообразнымъ и различнымъ по своему значенію въ смыслѣ церковнаго авторитета источникамъ съ одинаковымъ благоговѣніемъ. Имъ и ученіе апостольское, безусловно истинное и обязательное для всѣхъ, подводилось подъ одну категорію съ частнымъ мнѣніемъ какого либо святаго отца, лица погрѣшиваго, мнѣніе котораго вовсе не можетъ претендовать на безусловную истинность и обязательность. Даже и между источниками строго боголукновенными— между писаніями ветхаго и новаго завета, столь противоположными по своему духу и характеру, преп. Иосифъ не дѣлалъ строгаго и точнаго разграниченія и иногда черпалъ изъ ветхаго завета такіе аргументы, которые свойственны были только строгому закону Моисееву, но которые вовсе не гармонировали съ духомъ ученія новаго завета, проповѣдующаго безконечную любовь и благодать. Вообще въ отношеніи Иосифа Волоцкаго къ разнообразнымъ церковнымъ авторитетамъ обнаруживается его *формальное направленіе*. Онъ пользуется въ своихъ сочиненіяхъ церковными авторитетами какъ юридическими актами, какъ документальными приговорами, которые не допускаютъ никакихъ возраженій и по поводу которыхъ нѣтъ нужды и даже опасно и преступно входить въ какія бы то ни было разсужденія. Само собою понятно, такое формальное отношеніе Иосифа Волоцкаго ко всѣмъ источникамъ христіанскаго вѣроученія страдаетъ односторонностью, которая нагляднымъ образомъ выразилась въ нѣкоторыхъ отдѣльных его догматическихъ и нравственныхъ воззрѣніяхъ. Совершенно незамѣтно для себя Иосифъ на ряду со вполне истинными проводить и такіа воззрѣнія, которыя никакимъ образомъ не могутъ быть признаны вполне за истинныя. Такого характера напр. его догматическое ученіе о прехищреніи и коварствѣ Божіемъ, выразившихся въ воплощеніи и сошествіи Сына Божія на землю, однимъ изъ самыхъ вѣскихъ авторитетовъ для котораго послужила въ глазахъ Иосифа подложная, или по крайней мѣрѣ сомнительная по своей подлинности, выдержка изъ слова Златоуста. Равнымъ образомъ и въ сферѣ нравственныхъ воззрѣній преп. Иосифъ не удержался на почвѣ непререкаемой истины. Безусловное довѣріе ко всякому церковному авторитету послужило поводомъ, по которому онъ на основаніи частнаго единичнаго поступка одного святаго мужа вносить въ область нравственно добрыхъ дѣйствій человека и общее ученіе о богопремудростномъ и богонаучен-

номъ коварствѣ,¹ столь много способствующему успѣшному открытію еретиковъ. Отсутствие въ воззрѣніяхъ Іосифа Волоцкаго одного разѣ навсегда избраннаго опредѣляющаго начала замѣтно обнаруживается въ частныхъ его взглядахъ, иногда страдающихъ нѣкоторою односторонностію и даже непослѣдовательностію. Особенно нравственное міровоззрѣніе Іосифа Волоцкаго не отличается логическимъ единствомъ и не имѣетъ строгой системы. Здѣсь встрѣчаются чаще колебанія, уклоненія, что объясняется тѣмъ, что взаимнѣ одного общаго начала, съ точки зрѣнія котораго можно было бы оцѣнивать всякія нравственныя дѣйствія человѣка, у Іосифа иногда опредѣляющимъ нравственнымъ началомъ являются соображенія и *практическаго характера*, и это тѣмъ естественнѣе, что самъ онъ отличался сильно развитымъ практическимъ тактомъ.

Не имѣя предъ собою одного разѣ навсегда избраннаго руководительнаго начала или критерія для опредѣленія истинности своихъ сужденій, Іосифъ при изложеніи нравственнаго ученія часто переходитъ отъ одного предмета къ другому, скользитъ между разными понятіями, иногда безъ связи допускаетъ переходы отъ одного предмета на другой, и здѣсь онъ сосредоточивается чаще на внѣшнихъ предписаніяхъ, которыя по своей конкретности и непосредственности скорѣе обращаютъ на себя вниманіе, чѣмъ одно цѣльное логическое изложеніе нравственнаго ученія, особенно съ его психической стороны. Излишнее благоговѣніе Іосифа къ обрядности способствовало еще болѣе тому, что онъ такъ много и часто останавливается на формальныхъ и внѣшнихъ правилахъ и предписаніяхъ нравственности. Нравственныя наставленія Іосифа Волоцкаго сгруппированы имъ въ седьмомъ словѣ Просвѣтителя. На ряду съ нравственными предписаніями здѣсь также попадаются и чисто практическіе совѣты.² Вообще отличительный характеръ

¹ Просвѣтитель стр. 176. 187. 387. Посланіе Іосифа къ старцамъ о новиноушеніи соборному опредѣленію. Рук. Им. Пуб. биб. Р. 1, № 229 л. 333.

² Въ седьмомъ своемъ словѣ кратко сказавъ между прочимъ о томъ, что христіанинъ долженъ любить Бога и ближнихъ, Іосифъ начинаетъ сухой и обширный перечень христіанскихъ добродѣтелей, въ родѣ напр: буди праведенъ, мудръ, печальнымъ утѣшитель, нищимъ кормитель.... и немного далѣе: «ступаніе имѣй кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно, нищу и питіе не мягжию, потребіе зри, потребіе глаголи, буди въ отвѣтѣхъ сладокъ, невзвѣстивуй бесѣдою, да будетъ бесѣдованіе твое въ свѣтѣ лицъ, да дасть веселіе бесѣдующему тебѣ» и проч. Просвѣтитель, 361—374.

правственнаго міровоззрѣнія Іосифа Волоцкаго составляютъ три элемента: отсутствіе одного нравственно опредѣляющаго начала съ его необходимыми слѣдствіями—логическою невослѣдовательностію по мѣстамъ и вообще съ недостаткомъ цѣльности, внесеніе практическихъ соображеній и наконецъ самое важное преобладаніе внѣшнихъ предписаній.¹

Съ особенною рельефностію формальное направленіе Іосифа въ пониманіи нравственности выразилось въ его монастырскомъ уставѣ. Преобладаніе обрядности, внѣшній ригоризмъ составляютъ отличительныя особенности иноческаго устава Іосифа. Нравственная дѣятельность иноковъ его монастыря развивалась путемъ внѣшняго механическаго навыка, правила для котораго съ особенною подробностію начертаны въ общежительномъ уставѣ Іосифа. Жизнь иноковъ по этому уставу регулируется до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Волоколамскій инокъ всегда чувствовалъ надъ собою внѣшній режимъ настоятеля. Первое качество инока, которое развивалось въ монастырѣ,—это безусловное послушаніе. Власть настоятеля монастыря надъ инокомъ безгранична, настоятельскій контроль не знаетъ надъ собою никакихъ ограниченій. Настоятель и особо назначенные для этого надзиратели во всякое время дня и ночи могли проникать вовнутрь кельи инока и разсматривать все тамъ находящееся: платье, столовыя принадлежности и т. под. Однимъ словомъ, взоръ настоятеля монастыря при помощи разныхъ своихъ подручныхъ проникалъ всюду и отъ него не могъ укрыться въ монастырѣ никакой, даже самый маловажный, поступокъ инока. Самые иноки не имѣли предъ собою равенства. Они раздѣлялись на три класса, для каждаго класса точнѣйшимъ образомъ распределены были роды занятій, пищи и одежды. Поведеніе инока въ церкви, въ трапезѣ опредѣлялось также подробными правилами. Для каждаго инока назначалось въ церкви особое мѣсто, указаны двери, въ какія входить и въ какія выходить изъ церкви. Внѣшняя пунтуальность у Іосифа простирается до того, что онъ захотѣлъ регулировать и установить для монаховъ самый способъ стоянія въ церкви.² Для общежительнаго инока оставалось весьма мало

¹ «Прежде о телесныхъ благочестіяхъ понемемъ, говорить онъ въ одномъ мѣстѣ своего устава, потомъ же и о внутреннемъ храненіи». Великія мненія четьи. Сентябрь, 506.

² Такъ Іосифъ предлагаетъ слѣдующее правило въ руководство своимъ ино

свободнаго времени, самая большая часть его была занята церковнымъ богослуженіемъ, которое отличалось своею продолжительностію и совершалось по нѣскольку разъ въ день. Вообще Іосифъ въ своемъ уставѣ извѣщиваетъ каждый шагъ монаха и регулируетъ его «и въ хожденіяхъ, и въ словесѣхъ и въ дѣлѣхъ». Притомъ исполненіе предписаній его устава гарантировалось строгими наказаніями, ожидавшими каждаго нарушителя его правилъ: за всякіе проступки въ уставѣ Іосифа точно опредѣлены были и наказанія, въ ряду которыхъ допускались даже и тѣлесныя. Вышнему благоповеденію Іосифъ усваиваетъ значеніе не только какъ средству, ведущему къ нравственному усовершенствованію инока, но въ массѣ всевозможныхъ внѣшнихъ предписаній попадаются у него и такія, въ которыхъ проглядываетъ практическая тенденція дѣлать изъ показъ съ цѣлію обратить на себя вниманіе постороннихъ свидѣтелей благоприличія монаховъ и тѣмъ заслужить отъ нихъ одобреніе.¹

Что касается до въ собственномъ смыслѣ нравственной стороны дѣла, внутреннихъ духовныхъ подвиговъ инока, то эта сторона въ уставѣ Іосифа развита сравнительно слабо. Собственно нравственное развитіе инока въ уставѣ Іосифа какъ то ступшевается, хотя и помимо воли автора, предъ массою предписаній, опредѣляющихъ собою *внѣшнее* благоповеденіе инока.

Уставъ монастырскаго общежитія, составленный Іосифомъ Волоцкимъ, по своей сущности не представляетъ изъ себя совершенно новаго явленія. По самому характеру своихъ воззрѣній Іосифъ вовсе не могъ быть нововводителемъ. Сообразно своимъ воззрѣніямъ при опредѣленіи лучшихъ формъ монашеской жизни онъ долженъ былъ обратиться назадъ и изслѣдовать то что *существовало въ данной сферѣ прежде него*, чтобы отсюда черпать для себя уроки и правила. Странствованіе по русскимъ монастырямъ открыло ему возможность изучить и усвоить всѣ лучшія, по его мнѣнію, черты *существовавшего* иночества, которыя были потомъ обобщены имъ и вошли въ его монастырскій уставъ. По своему

намъ для поведенія ихъ въ церкви: «стисни свои руцѣ и совѣщи свои нозѣ и очисти бѣды и умъ собери». Великія минае четьи, Сентябрь, 506.

¹ Эта тенденція видна изъ слѣдующаго предписанія Іосифа: «аще приключится съ нами быти на соборѣхъ молитвъ мирянинъ чужбину или гостю иноку, аще и отъ честныхъ есть, тогда аще подобаетъ намъ не творити бесѣды на молитвѣ». Великія минае четьи, Сентябрь, 591.

характеру уставъ Іосифа Волоцкаго есть повтореніе и возстановленіе, только въ болѣе полныхъ и подробныхъ чертахъ, общежитія, даннаго далеко ранѣе его св. Осодосіемъ Печерскимъ¹. Матеріальное существованіе монастыря пр. Іосифъ обуславливаетъ правомъ владѣть вотчинами и крестьянами. Здѣсь онъ вполнѣ слѣдуетъ традиціямъ предшествовавшаго времени, которыя въ его глазахъ имѣли всемогущее значеніе. И практическія соображенія оказывали на него соотвѣтствующее дѣйствіе. Инокъ, по его уставу, почти все время занятъ былъ исполненіемъ монашескихъ предписаній своего устава и для него почти вовсе не оставалось такого времени, которое бы онъ могъ посвятить на такого рода труды, которые бы могли доставлять каждому изъ нихъ возможность собственнымъ трудомъ поддерживать свое существованіе. Монастырь, по представленію Іосифа, всегда долженъ обладать матеріальнымъ богатствомъ не только для содержанія входящей въ составъ его братіи, но и для оказанія матеріальной помощи и притекающему въ монастырь простому народу. Право владѣнія селами и крестьянами Іосифъ признаетъ за самое священное право монастырей, которые этимъ самымъ становятся въ положеніе *привилегированныхъ* учреждений. Поставивъ монастырь въ привилегированное положеніе по праву владѣнія землями и крестьянами, Іосифъ расширяетъ эту привилегированность въ частности на каждого монашествующаго, когда онъ въ каждомъ изъ нихъ видитъ пріемаго кандидата на занятіе высшихъ должностей въ церковной іерархіи. Вообще кромѣ мѣста богомолій въ глазахъ практическаго Іосифа монастыри имѣли значеніе и образовательно-воспитательныхъ учреждений, имѣющихъ одною изъ своихъ существеннѣйшихъ задачъ—готовить людей для занятія высшихъ постовъ въ церкви: игуменовъ, епископовъ, архіепископовъ и митрополитовъ². Въ общемъ монастырь, по воззрѣнію Іосифа, получаетъ значеніе церковно-государственнаго учрежденія, надѣленнаго особыми правами и при-

¹ Хрущовъ. Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина. Предисловіе, VI. См. также Отвѣщаніе любозаорнымъ и сказаніе краткѣ о сватыхъ отцѣхъ, бывшихъ въ монастырѣхъ, иже въ русскій землѣ сущихъ. Великіа мненя четьи, сентябрь, 546—563. Прибавл. къ тв. св. отецъ ч. X, 508.

² Житіе Іосифа Волоцкаго, составленное неизвѣстнымъ. Изд. Невостругевымъ. М. 1865 г. Приложение къ Чт. въ общ. любителей дух. просвѣщ. за 1865 г. т. II. Прибавленія къ твор. св. отцовъ, ч. X. Отношенія иноковъ Кириллова Бѣлозерскаго и Іосифова Волоколамскаго монастырей въ XVI в. 505. 508—512.

виллегіями и предназначеннаго между прочимъ служить центромъ и разсадникомъ церковнаго аристократизма.

Во всѣхъ воззрѣніяхъ преп. Іосифа Волоцкаго съ особенною яркостью выступаетъ одна общая и характерная черта, — это благоговѣніе къ церковнымъ авторитетамъ¹. Іосифъ Волоцкій вполне и безусловно вѣрилъ въ истинность всѣхъ церковныхъ памятниковъ, обобщавшихся имъ подъ именемъ Божественнаго писанія. Все, что только въ нихъ заключалось, для Іосифа запечатлѣно было характеромъ безусловной вѣры и неизмѣнимости. Онъ не допускалъ мысли о критическомъ изслѣдованіи и болѣе или менѣе свободномъ отношеніи къ тому или другому церковному авторитету. Дѣятельность мысли человека ограничивалась имъ только сферою изученія, запоминанія готоваго матеріала, какой давала церковная письменность, и практическаго примѣненія въ тѣхъ или другихъ спорныхъ случаяхъ и вопросахъ. При возникновеніи какого бы то ни было спорнаго вопроса для человека ничего не требуется, какъ только подвести его или отыскать для него то или другое основаніе въ широкой области божественнаго писанія, и думать и дѣйствовать ни какъ не иначе, какъ только согласно отысканному аргументу. Разсуждать о степени важности подлинности его казалось излишнимъ. Въ устахъ Іосифа сказать, что то или другое мнѣніе высказано не на основаніи, не отъ «божественныхъ писаній», значитъ отвергнуть, уничтожить его въ самомъ корнѣ².

Вообще дѣятельность человѣческой мысли Іосифъ ограничиваетъ сферою логическихъ построеній, все содержаніе для которой въ цѣломъ и неизмѣнномъ, готовомъ, вполне сформировавшемся

¹ Съ этой стороны прекрасно характеризуетъ направленіе Іосифа Костомаровъ. «Быть тому, что уже есть, но быть ему такъ, какъ ему должно быть сообразно давно признаннымъ авторитетамъ; повиноваться тому, что указано и установлено, и варать безъ всякаго снисхожденія непокорныхъ, — таковъ былъ духъ понятій и дѣйствій Іосифа», говоритъ этотъ историкъ. Вѣстникъ Европы. 1868 г. т. II, кн. IV. Литературныя Извѣстія стр. 97. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи, стр. 411—412.

² Примѣръ см. въ Посланіи Іосифа къ Вѣззерскимъ старцамъ о повинновеніи соборному опредѣленію. Рук. Имп. Пуб. библ. F. 1. № 229 л. 333—343. Поэтому и самое замѣчательное твореніе Іосифа — его Провѣдникъ, по изслѣдованіямъ ученыхъ, представляеть изъ себя только выборъ изъ святоотеческихъ твореній. Прав. Собесѣдникъ 1859 г. ч. III, ст. «Провѣдникъ преп. Іосифа Волоцкаго». 155. См. также предисловіе къ Провѣднику, 28.

временемъ видѣ, должно черпать изъ области божественныхъ писаній. При такомъ взглядѣ на характеръ умственной дѣятельности человѣка преп. Іосифъ естественно становился *противъ всякой новой мысли*, указанія на которую не находилось въ божественныхъ писаніяхъ и даже видѣть въ ней опасность для чистоты вѣры и нравственности. Такимъ образомъ Іосифъ послѣдовательно шелъ къ отрицанію всякой свободы человѣческой мысли, отводя вѣчнымъ критеріемъ для нея строго опредѣленнымъ и неизмѣннымъ Божественнымъ писаніемъ, куда и относилась имъ почти вся *совокупность церковной письменности*. Замѣчательно удачно охарактеризовалъ свое направленіе и въ то же время все направленіе Іосифа Волоцкаго одинъ изъ его учениковъ, неизвѣстный по имени, сказавъ въ порывѣ увлеченія послѣ сдѣланнаго имъ перечня «нелюбокъ», породившихъ борьбу между іосифлянами и блжозерскими старцами: «всѣмъ страстемъ мати мнѣніе, мнѣніе второе паденіе»¹.

Вообще характеръ воззрѣній Іосифа Волоцкаго есть *строгая консервативный*. А если взять во вниманіе особенности отношенія его къ церковнымъ авторитетамъ, которымъ онъ довѣрялъ въ одинаковой степени, не полагая существеннаго различія въ нихъ между важнымъ и второстепеннымъ, равно какъ и характеръ пониманія имъ христіанской нравственности, то направленіе Іосифа можно обозначить названіемъ *формальнаго* направленія. Въ самомъ характерѣ воззрѣній Іосифа Волоцкаго скрывается разгадка и объясненіе всей его многосторонней дѣятельности, гдѣ онъ является борцемъ за сохраненіе всего созданнаго временемъ и обстоятельствами и освященнаго авторитетомъ сѣдой старины, строя общественной и церковной жизни русскаго народа.

Направленіе Іосифа Волоцкаго не могло не получить и нѣкотораго политическаго характера. Смѣшеніе интересовъ церкви и государства и подавленіе послѣднихъ первыми, господство во всѣхъ сферахъ жизни религіозныхъ идей способствовали тому, что идеи Іосифа Волоцкаго, исходя изъ чисто религіозно-нравственнаго начала, стали разсматриваться и съ государственной и съ общественной точки зрѣнія и получили характеръ въ то же время и политическій. Такое явленіе было вполне естественно и послѣдовательно въ виду постоянной связи, какая существовала между Іосифомъ

¹ Прибавленія къ Твореніямъ св. отцовъ. Ч. X. Объ отношеніи писковъ Іосифова и Блжозерскаго монастырей въ XVI в., 508.

Волоцкимъ и великимъ княземъ, когда послѣдній высоко уважалъ Іосифа и пользовался его совѣтами. Характеръ отношеній Іосифа къ великому князю и его взглядовъ опредѣлялся мѣстомъ его воспитанія. Іосифъ долгое время подвизался у Пафнутія Боровскаго, человека отличавшагося твердою преданностію дому московскихъ князей и ихъ интересамъ. Та же черта перешла и къ Іосифу Волоцкому. Современныя историческія событія государственной и церковной жизни имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что направленіе Іосифа Волоцкаго не только сдѣлалось религіозно-церковнымъ направленіемъ, но получило въ то же время и *политическій* характеръ.

Въ своихъ взглядахъ Іосифъ не стоялъ одиноко. Къ нему примыкало большинство современныхъ русскихъ книжниковъ. Онъ служилъ выраженіемъ духа своей эпохи, цѣлой отдѣльной и обширной фракціи русскаго интеллектуальнаго люда. Личная его особенность заключалась существеннѣйшимъ образомъ въ томъ, что на немъ, какъ на человѣкѣ обладавшемъ рѣдкими способностями и дарованіями, которые подъ вліяніемъ духа времени получили въ немъ одностороннее развитіе, рѣзче и рельефнѣе отобразились недостатки современной ему эпохи. Онъ главнымъ образомъ сгруппировалъ и объединилъ тѣ воззрѣнія, которыми жила большая часть современныхъ ему русскихъ книжниковъ и въ этомъ преимущественно смыслъ онъ и сдѣлался представителемъ особаго направленія.

Крайности религіозно-церковнаго формализма, надъ которыми не могъ возвыситься и такой просвѣщенный человѣкъ, какимъ былъ Іосифъ Волоцкій, естественно должны были вызвать оппозицію. И дѣйствительно, еще въ XIV в. зародилось и продолжало существовать и по возможности развиваться и другаго рода направленіе, направленіе болѣе высокое, стремившееся къ возвышенію внутренней нравственной стороны религіи, систематически подавлявшейся сухою церковною формалистикою.¹

Оппозиціонное церковному формализму направленіе можно охарактеризовать названіемъ отрицательнаго, критическаго. Всѣ

¹ Костомаровъ. Сѣверо-русскія народоправства во времена удѣльно вѣдоваго уклада. Сиб. 1863 г. т. II 425—434. Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, первый отд. вып. 2, 350. Вулгакова. Преподобный Іосифъ Волоколамскій. 14—15.

дѣатели этого направленія исходили изъ одного общаго начала. Они относились строго критически ко всему современному строю религіозной и общественной жизни, анализировали его, подмѣчали въ немъ недостатки и указывали средства къ исправленію ихъ въ болѣе глубокомъ изученіи христіанской доктрины и въ болѣе широкомъ пониманіи и приложеніи къ жизни ея высокихъ нравственныхъ истинъ. При семъ конечно дѣатели этого направленія вносили каждый немало субъективнаго пониманія цѣлей и задачъ своего критицизма, отчего и самый критицизмъ имѣлъ далеко не одинаковый характеръ и выражался не въ одинаковой формѣ. Выходя изъ одного и того же принципа, критическое направленіе древне-русской мысли подъ вліяніемъ мѣстныхъ, частныхъ условій религіозной и политической жизни народа, распалось и сформировалось въ двѣ отдѣльныя и самобытныя фракціи, имѣвшія разнородное, но одинаково громадное значеніе въ интеллектуальномъ развитіи русскаго народа. Явился такимъ образомъ критицизмъ *православный* и критицизмъ *крайній—еретическій*. Представителемъ истиннаго православнаго критическаго направленія выступать въ XV в. преп. Нилъ Сорскій, который и даетъ ему большую опредѣленность, ясность и цѣльность.

Преп. Нилъ Сорскій * родился въ 1433 году. Онъ былъ родомъ великороссіянинъ и происходилъ изъ боярскаго сословія. Нилъ еще въ ранней юности постригся въ монашество, принявъ постриженіе въ Кирилловомъ монастырѣ. Въ молодомъ инокѣ рано стала обнаруживаться склонность къ пустынножительству. Первымъ руководителемъ Нила былъ строгій пустынножитель и про-

* Литература о Нилѣ Сорскомъ: 1) Преп. Нилъ Сорскій, первооснователь скитскаго житія въ Россіи и уставъ его о жительствѣ скитскомъ съ приложеніемъ всѣхъ другихъ писаній его. СПб. 1864 г. 2) Статья А. Правдына: «Преп. Нилъ Сорскій и уставъ его скитской жизни», напечат. въ Христіанскомъ чтеніи за 1877 г., мѣсяцъ Январь, ч. I, 114—157. 3) Шевыревъ. Исторія Русской Словесности. Москва 1860 г. ч. IV, 177—196. 4) Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣателей. Первый отд., вып. второй, глав. XVI 371—385. 5) Статья Панова подъ названіемъ: «Ересь жидовствующихъ», напечатанная въ журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія за 1877 годъ. О Нилѣ Сорскомъ рѣчь идетъ въ Февральской книжкѣ, част. CLXXXIX, 277—287. 6) въ Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія (1872 г. IX Сентябрь и XI и XII Ноябрь—Декабрь) напечатана статья подъ заглавіемъ: «Нилъ исторіи русскаго монашества въ XVI в.», гдѣ довольно подробно изложены аскетическія воззрѣнія Нила Сорскаго.

свѣщенный старецъ Паисій Ярославовъ, подвизавшійся большую часть своей жизни вдали отъ московской централизаціи, въ Бѣлоозерѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще вѣялъ духъ свободнаго Новгорода. Между ученикомъ и учителемъ установились самыя тѣсныя и живыя отношенія, сохранявшіяся потомъ въ теченіе всей ихъ послѣдующей жизни. ¹ Проживъ нѣкоторое время въ Кирилловомъ монастырѣ, Нилъ отправился странствовать на востокъ и пробылъ между прочимъ нѣсколько лѣтъ на Аѳонѣ. Жизнь на Аѳонѣ открыла ему возможность изучить внѣшніе виды иночества и въ особенности скитство, которое было въ сильномъ развитіи на востокѣ. На Аѳонѣ Нилъ также восполнилъ и завершилъ свое религиозное образованіе изученіемъ святоотеческой литературы и вообще современной церковной письменности. Созданный путемъ изученія русскаго и въ особенности греческаго идеалъ монашества шелъ въ разрѣзъ тому, что находилось предъ глазами Нила, когда онъ воротился въ Россію и поселился опять въ Кирилловомъ монастырѣ. Это обстоятельство побудило его оставить прежній монастырь. Онъ поселился въ пятнадцати верстахъ отъ Бѣлозерскаго монастыря, на рѣчкѣ Соркѣ, отъ которой и получилъ свое названіе. Около Нила Сорскаго скоро образовалось монашеское братство, которое устроилось на совершенно новыхъ началахъ скитства.

Новыя начала легли въ основу міровоззрѣнія Нила Сорскаго. Путешествіе и жизнь на востокѣ ближайшимъ своимъ послѣдствиемъ имѣли то, что Нилъ изъ русскаго книжника вышелъ человекомъ образованнымъ, до нѣкоторой степени ученымъ богословомъ. Это особенно обнаружилось во взглядѣ его на источники христіанскаго вѣроученія. Онъ не слѣдуетъ современнымъ русскимъ книжникамъ, обозначаавшимъ всю письменность религиознаго характера громкимъ названіемъ «Божественныхъ писаній»; онъ напротивъ заявляетъ, что *писанія многа, но не вся божественна суть*. Значитъ прежде чѣмъ мотивировать свои воззрѣнія свидѣтельствами тѣхъ или другихъ писаній, необходимо предварительно опредѣлить священную важность этихъ послѣднихъ, а для этого является не-

¹ Преп. Нилъ Сорскій. СПб. 1864. VII. 179. Полн. собр. рус. лѣтоп. т. VI, стр. 236. Прибавл. къ Твор. св. отецъ. Ч. X, стр. 502—528. Софійскій временникъ, изд. П. Строева М. 1821 г. ч. II. 237. Шевыревъ. Истор. Русск. Словесности, IV, 177.

обходимою критика, отъ которой зависитъ опредѣленіе дѣйствительнаго богодухновеннаго и вообще священнаго характера памятника. Критическій принципъ отношенія ко всевозможнымъ писаніямъ Нилъ формулируетъ довольно ясно. Непреложный авторитетъ, по взгляду Нила, имѣютъ за собою только писанія божественныя.¹ Но и между божественными писаніями Нилъ полагаетъ различіе, распредѣляя ихъ по степени ихъ важности и обязательности для христіанина. Первая и самая важная категорія священныхъ памятниковъ—священное писаніе и священное преданіе (въ каноническомъ смыслѣ), вторую категорію писаній, имѣющихъ сравнительно низшую степень важности, составляютъ уже святоотеческія творенія.²

Вѣрный своему критическому принципу Нилъ измѣняетъ нѣсколько характеръ отношенія христіанина къ божественнымъ писаніямъ. Онъ отрицаетъ слѣпое механическое отношеніе къ каждой буквѣ писанія и рабское благоговѣніе предъ каждой отдѣльной фразой. Напротивъ онъ рекомендуетъ разумное, самостоятельное изученіе божественныхъ писаній. Онъ влгаетъ каждому въ руки священные книги и совѣтуетъ оттуда черпать руководятельныя начала для своей умственной и нравственной дѣятельности. Изслѣдующая, анализирующая мысль каждаго изучающаго писанія должна имѣть, по воззрѣніемъ Нила, своею цѣлію открытіе непреложной истины и усвоеніе внутренняго духа писанія, внутренняго его смысла, который скрывается подъ тѣми или другими внѣшними выраженіями.³ Но само собою понятно, что разумное усвоеніе божественнаго писанія и свободное изслѣдованіе его содержанія должны имѣть свои границы, которыми въ данномъ случаѣ для

¹ «Писанія многа, пишеть онъ въ одномъ своемъ посланіи, но не вся божественна суть, ты же истинная извѣстия, (т. е. послѣ долгаго и тщательнаго изученія) испытавъ отъ чужія (т. е. изъ содержанія), сихъ держися». «Свяжи себѣ законы Божественныхъ писаній, пишеть Нилъ въ томъ же самомъ посланіи, и послѣдуй тѣмъ писаніямъ истиннымъ божественнымъ». Преп. Нилъ Сорскій. СПб. 1864, 175.

² «Наипаче, пишеть Нилъ о себѣ одному изъ своихъ учениковъ, *искиваю* Божественныя писанія: *время* заповѣди Господни съ толкованіемъ и апостольскія преданія,—*моя* житіи и ученія святыхъ отецъ и тѣхъ внимаю». Преп. Нилъ Сорскій. СПб. 1864 г. стр. 180.

³ Преп. отца нашего Нила Сорскаго преданіе ученикамъ. СПб. 1852 г. 57—58. Преп. Нилъ Сорскій. СПб. 1864 г. Посл. I, 167—168, 179—180.

человѣческаго ума служить согласіе его съ толкованіями св. отцовъ и апостольскимъ преданіемъ.

Критическій принципъ, находящійся въ основѣ всего міровоззрѣнія Нила Сорскаго, положилъ особенный отпечатокъ на всѣ частныя его воззрѣнія. Онъ способствовалъ отличенію важнаго отъ неважнаго, существеннаго отъ второстепеннаго въ церковныхъ письменныхъ памятникахъ, руководясь которыми, Нилъ поставилъ для себя одну общую основу, одно начало, которое въ его міровоззрѣніи имѣетъ опредѣляющее значеніе въ отношеніи всякаго частнаго его взгляда. Критицизмъ Нила выразился въ томъ, что, благодаря ему, онъ остановился на самомъ существѣ христіанской религіи. Сущность христіанства сосредоточивается въ ученіи І. Христа, изложенномъ въ Евангеліи и въ ученіи апостоловъ, заключающемся въ ихъ посланіяхъ. Ученіе І. Христа и апостоловъ послужило краеугольнымъ камнемъ для всего міровоззрѣнія Нила Сорскаго. Нилъ всегда во всѣхъ своихъ частныхъ воззрѣніяхъ исходитъ изъ одного начала ученія І. Христа и апостоловъ и съ точки зрѣнія его оцѣниваетъ всѣ явленія въ мірѣ и всѣ нравственныя дѣйствія челоѣка и вообще всегда стоитъ на чисто евангельской точкѣ зрѣнія. Евангеліе сдѣлалось для Нила критеріемъ, опредѣляющимъ собою подлинность и авторитетность всякаго другаго церковнаго памятника; послѣдніе въ глазахъ его настолько имѣли свою цѣнность, насколько они соответствовали и гармонировали съ духомъ ученія І. Христа и апостоловъ¹. Избравъ одно опредѣляющее начало своего міровоззрѣнія, Нилъ тѣмъ самымъ обезопасилъ себя отъ логической непоследовательности, неопредѣленности и сбивчивости своихъ отдѣльныхъ взглядовъ. Благодаря разъ навсегда поставленному критерію, все міровоззрѣніе его отличается цѣлостію и оно для своего времени вполне заслуживаетъ названія философско-богословской системы, построенной по строго логическимъ законамъ, гдѣ каждое отдѣльное положеніе вытекаетъ изъ своего предъидущаго, которое въ свою очередь находится въ связи съ болѣе общими положеніями цѣлой системы.

Самый характеръ избраннаго Ниломъ опредѣляющаго критерія положилъ соответствующій отпечатокъ и на духъ и содержаніе его

¹ Для него мѣриломъ безусловной истины служили «преже заповѣди Господня», а потому уже житія и ученія св. отцовъ.

общаго міровоззрѣнія. Христіанская религія есть религія духа, свободы и любви. I. Христосъ и апостолы сосредоточивали свое преимущественное вниманіе на духовномъ, нравственномъ развитіи своихъ послѣдователей и сравнительно меньше останавливались на развитіи виѣшнихъ формъ религіознаго культа. Эти же самыя черты духовности проходятъ и чрезъ всѣ воззрѣнія преп. Нила. Духъ любви, служащій основаніемъ всей христіанской нравственности, также играетъ выдающуюся роль въ воззрѣніяхъ Нила, и онъ ни сколько не ослабляется у него строгостью ветхаго закона, который въ глазахъ его имѣлъ значеніе настолько, насколько въ немъ отразился законъ безконечной любви Божіей. Сообразно основному принципу, строго евангельской точкѣ зрѣнія, и всѣ воззрѣнія преп. Нила отличаются послѣдовательнымъ проведеніемъ высокихъ евангельскихъ духовно-нравственныхъ началъ христіанской нравственности, которыя не оставляютъ послѣ себя ничего для того, чтобы на ряду съ ними могли имѣть какое либо мѣсто практическія соображенія. Напротивъ воззрѣнія Нила отличаются доходящею до отвлеченности послѣдовательностію и проведеніемъ одного евангельскаго духовнаго начала нравственности.

Вѣрность основному и излюбленному началу особенно обнаруживается въ нравственныхъ воззрѣніяхъ Нила Сорскаго. Духъ евангельскаго и чисто нравственнаго служенія Богу послѣдовательно проходитъ чрезъ всю систему нравственныхъ воззрѣній Нила. Истинное проявленіе религіозности и отсюда нравственное достоинство личности онъ видитъ во внутреннемъ духовномъ расположеніи и настроеніи. Виѣшнія проявленія и обнаруженія нравственности сами по себѣ дѣло второстепенное, но и здѣсь онѣ получаютъ свое нравственное значеніе настолько, насколько онѣ служатъ выраженіемъ внутренняго духовнаго настроенія человека¹. Вообще по воззрѣніямъ Нила вся нравственная дѣятельность христіанина, всѣ ея частнѣйшія обнаруженія и проявленія должны быть однимъ цѣльнымъ и послѣдовательнымъ органически связнымъ

¹ Ни продолжительное богослуженіе, ни посты, ни другіе тѣлесныя подвиги сами по себѣ не ведутъ къ спасенію безъ внутренняго дѣланія, безъ котораго «ни во что духовное и угодное Богу достигнута души невозможно». Преп. отца нашего Нила Сорскаго преданіе ученикамъ своимъ о жителѣствѣ скитскомъ, С.-П.Б. 1852 г. 9. 36. 42—43. 40—41. 45—46.

внутреннимъ подвигомъ, конечная цѣль котораго — нравственное совершенство человека.

Вмѣсто опредѣленія разныхъ правилъ вышней благопристойности человека Нилъ Сорскій открываетъ ему полную сферу деятельности въ его собственномъ внутреннемъ мірѣ и въ исключительномъ призваніи его къ добродѣтели въ ея строго нравственномъ смыслѣ.

Теоретическія воззрѣнія Нила Сорскаго нашли себѣ примѣненіе въ его взглядѣ и ученіи о монашествѣ. Понимая христіанскую мораль въ самомъ глубокомъ и духовномъ ея смыслѣ, Нилъ и идеалъ монашества опредѣляетъ по преимуществу внутренними нравственными чертами. Служеніе и всѣ подвиги инока, по мнѣнію Нила, состоятъ не въ исполненіи вышнихъ предписаній, а непосредственно во внутренней нравственной переработкѣ души, въ послѣдовательномъ, неуклонно-энергическомъ освобожденіи ея отъ порочныхъ страстей и помысловъ, путемъ самой упорной, постоянной борьбы съ послѣдними, и только побѣда надъ ними ведетъ инока къ нравственному совершенству души. Всю сущность иноческаго подвига Нилъ сводитъ къ «умному», «сердечному дѣланію», послѣднее въ свою очередь есть ничто иное, какъ внутренняя духовная борьба съ дурными помыслами, которые Нилъ раздѣляетъ на восемь категорій¹. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на психологическомъ анализѣ дурныхъ помысловъ, ученіе о которыхъ представляетъ у него цѣльную стройно составленную систему и отличается философскимъ построеніемъ. Здѣсь онъ обнаруживаетъ рѣдкое по своей глубинѣ и истинности знаніе человѣческой души. Онъ погружается во внутренній міръ человека и здѣсь по преимуществу вращается его великій умъ, сознающій, гдѣ должно искать начала къ истинно добродѣтельной жизни. Нилъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе духовной природы каждаго изъ восьми помысловъ. Онъ размагаетъ акты душевной жизни на ихъ первичныя состоянія и отсюда начинаетъ разсматривать нравственную психологию человѣческаго грѣха. Каждый помыслъ, каждая страсть анализируется имъ во всѣхъ видахъ и развитіяхъ, при

¹ Преп. Нила Сорскаго преданіе, 20, 68, 10, 17, 99—100, 83—84, 89—90, 103—104, 9, 19, 67, 86, 113—152. Преп. Нилъ Сорскій, С.-П.Б. 1864 г. 47, 43, 183, 34—36, 165.

чемъ изслѣдуются психическія особенности каждаго цорка, но въ то же самое время не оставляются безъ вниманія и фізіологическія основы страсти. Вообще въ ученіи о помыслахъ Нилъ Сорскій обнаружилъ тонкое знаніе человѣческой души. Разсматриваемое съ логической формальной точки зрѣнія ученіе Нила напоминаетъ собою философско-богословскую систему; по характеру своего содержанія оно можетъ быть названо психологіею христіанской души.

Развивая подробно внутреннюю психическую сторону иноческихъ подвиговъ, и въ ней полагая сущность иноческаго служенія, Нилъ Сорскій сравнительно мало останавливается надъ внѣшнимъ благочиніемъ и благоустроеніемъ монастыства.

Самобытный характеръ воззрѣній Нила Сорскаго выразился такою же самобытностью и въ выборѣ формы монашескаго подвижничества. Онъ избралъ особый родъ подвижничества—скитство, существовавшее и ранѣе его, но очень слабо развивавшееся¹. Скитничество поддерживалось и сохранялось на отдаленномъ сѣверѣ Россіи вдали отъ московской централизаціи, во владѣніяхъ повгородскихъ, т. е. въ такихъ земляхъ, гдѣ было сильно развито сознаніе личной свободы. Скитское житіе вполне соответствовало духу воззрѣній Нила. Оно, нестѣсняемое внѣшними правилами монашескаго благоповеденія, давало собою полный просторъ нравственному саморазвитію инока, оно открывало иноку полную возможность самостоятельно, при посредствѣ своей собственной энергіи, вести дѣло своего духовно-нравственнаго усовершенствованія.

Внѣшнія правила скитства, которыми Нилъ опредѣляетъ жизнь иноковъ своей общины, очень несложны, да притомъ они такого характера, которыя непосредственно обращаютъ инока во внутренній міръ его души и способствуютъ его дѣятельности, состоящей въ нравственной переработкѣ его духовной природы.

Инокъ Ниловой пустыни не былъ связанъ правилами въ своей келліи. Онъ самъ по личному вкусу выбиралъ себѣ наставника и жилъ съ нимъ какъ братъ съ братомъ, равный съ равнымъ, онъ могъ подвизаться даже самостоятельно и безъ паставника, руко-

¹ Прав. Собесѣдникъ 1860 г. Ч. III, статья: «Древнія пустыни и пустынножителѣ на сѣверо-востокѣ Россіи», 196—226. Макарій. Исторія Русской церкви. С.-П.Б. 1866 г. т. IV, 225. Николаевскій. Русская проповѣдь въ XV и XVI в. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1868. ч. 138, 129.

водствуясь однимъ св. писаніемъ. Власть настоятеля пустыни была властью чисто нравственного характера. Настоятель былъ искреннимъ другомъ, а не начальникомъ иноковъ ¹.

Мѣстомъ для своей общины Нилъ избралъ такое, которое было «мірской чади маловходно». Скитская церковь, всѣ ея священные принадлежности и наконецъ келліи иноковъ отличались самою первобытною простотою и чужды были и тѣни какой нибудь роскоши ². Богослуженіе въ скитѣ совершалось только въ воскресные и праздничные дни и по средамъ. ³ Нилъ не далъ никакихъ парочитыхъ постановленій о пищѣ и питъѣ ⁴. Каждый инокъ снискивалъ себѣ пропитаніе своими собственными трудами и только въ случаѣ крайней необходимости Нилъ позволялъ принимать милостыню и притомъ въ самомъ ограниченномъ видѣ. Вообще Нилъ жизнь иноковъ своей общины старался обставить какъ можно проще и несложнѣе для того, чтобы она менѣе всего представляла препятствій для неослабнаго бодрствованія надъ внутренними состояніями своей души. Въ тѣхъ же исключительно нравственныхъ цѣляхъ Нилъ отрицалъ право монастырей на земельныя владѣнія, которыя необходимо втягивали иноковъ въ суету мірской жизни, и которыя по самому своему существу стояли во внутреннемъ противорѣчій съ иноческими обѣтами. Нилъ усвоилъ монастырю значеніе мѣста, отличающагося *всѣмъ внѣшнимъ матеріальнымъ убожествомъ*, но за то онъ видитъ въ монастырѣ центръ обилія *духовныхъ даровъ*; онъ смотритъ на него, какъ на разсадникъ духовной милостыни истинно христіанскаго просвѣщенія ⁵. Одною изъ первыхъ обязанностей инока ставится у него чтеніе св. писаній, плодами котораго онъ долженъ дѣлиться со всѣми приходящими къ нему и

¹ Преп. Отца нашего Нила Сорскаго Преданіе ученикамъ о жительствѣ скитскомъ. С.-П.Б. 1852 г. 71. 52. Нилъ Сорскій первооснователь скитскаго житія въ Россіи. С.-П.Б. 1864 г. Посл. II, стр. 175—176, 180—181.

² Преп. Нилъ Сорскій. С.-П.Б. 1864 г. Посл. III, стр. 180. Преп. Нила Сорскаго Преданіе ученикамъ. 63—65.

³ Церковный уставъ Ниловой пустыни находится въ рукописи Новгород. Соф. библ. № 1519.

⁴ Преданіе Нила Сорскаго ученикамъ 65, 18, 19. Преп. Нилъ Сорскій С.-П.Б. 1864 г. 14, 65—66.

⁵ Истинная и единственная иноческая милостыня должна быть духовною «еже помощи брату словомъ во время нужды, утѣшити ему скорбь *разсужденіемъъ духовнымъ*». Препод. отца нашего Нила Сорскаго Преданіе ученикамъ, 59—61.

ищущими отъ него наставленія¹. Нилъ чуждъ былъ практической мысли—готовить изъ своихъ иноковъ высшихъ церковныхъ сановниковъ и правительственныхъ дѣателей и непремѣнно видѣть въ нихъ кандидатовъ на іерархическія должности. Послѣднія, какъ явленія чисто внѣшнія, случайныя, игнорировались имъ, напротивъ того онъ указывалъ на безусловно необходимый нравственный долгъ каждого человѣка служить нравственному развитію и духовнымъ благамъ общества, къ какому бы то состоянію онъ ни принадлежалъ, и какое бы общественное положеніе ни занималось имъ.

Черезъ всѣ воззрѣнія Нила Сорскаго проходитъ одна общая идея—идея свободы. Теоретическія воззрѣнія его на источники и церковные авторитеты открываютъ обширное поле для человѣческаго ума, освобождая его отъ узъ односторонняго консерватизма. Въ воззрѣніяхъ Нила открываются для русской мысли начала живой дѣятельности, начала болѣе свободнаго и разумнаго развитія русскаго народа. вмѣсто безусловнаго довѣрія давнимъ традиціямъ, вмѣсто слѣпнаго благоговѣнія всякому церковному авторитету въ воззрѣніяхъ Нила выступаетъ въ качествѣ одного изъ критеріевъ истины собственное личное убѣжденіе, самоубѣжденіе.

Точно также и въ области строго нравственныхъ воззрѣній Нила право личности, какъ нравственнаго существа, послѣдовательно выдвигается имъ и не ступшевыается предъ массою внѣшнихъ предписаній. Все достоинство человѣка, по Нилу, заключается въ его духѣ, въ его свободной волѣ, отъ собственной личной энергіи которой зависитъ все благо человѣка. Вообще Нилъ вноситъ въ жизнь человѣка саморазвивающееся свободное начало нравственной дѣятельности.²

Свой принципъ свободнаго критическаго изслѣдованія церковныхъ источниковъ вѣроученія и морали Нилъ осуществлялъ и на дѣлѣ. Онъ занимался провѣркою и исправленіемъ житій свя-

¹ Преданіе отца нашего Нила Сорскаго, 7. 57—58. Преп. Нилъ Сорскій 174—175.

² Пр. Нилъ вмѣняетъ въ обязанность каждому христіанину «разсмотрѣть», труды св. мужей и подвижниковъ прежде чѣмъ брать ихъ въ примѣръ для себя и даже самыя добрыя дѣла творить съ разсужденіемъ и во благо время, и подобными мѣрами. Препод. Нила Сорскаго Преданіе ученикамъ. СПб. 1852 г. 47—48. 191.

тыхъ и скептически относились къ сказаніямъ о чудесахъ нѣкоторыхъ святыхъ, по большей части произведеніямъ позднѣйшаго времени.¹

Все вообще направленіе Нила Сорскаго можно справедливо охарактеризовать названіемъ критическаго, если имѣть въ виду историческія условія его возникновенія и исходную точку отправленія и отношеніе его къ источникамъ христіанскаго вѣроученія и морали; его можно назвать направленіемъ нравственнымъ, если брать во вниманіе главный предметъ и содержаніе ученія Нила, — и наконецъ это направленіе можно назвать либеральнымъ, если брать во вниманіе общій духъ и характеръ его воззрѣній. Впрочемъ названіе «либеральный» имѣетъ здѣсь болѣе узкое значеніе. Либерализмъ Нила есть либерализмъ истинный, законный, и строго говоря воззрѣнія Нила получаютъ значеніе либеральныхъ исключительно по сравненію съ противоположнымъ направленіемъ односторонняго консерватизма.

Въ общемъ характеръ воззрѣній Нила Сорскаго заключается та замѣчательная черта, которая избавляла его отъ благоговѣнія установленнымъ традиціямъ времени, и открывала ему возможность совершенно свободно и безпристрастно отнестись къ явленіямъ современной жизни русскаго общества и указать на ея слабыя стороны. Поставляя критеріемъ для нравственной оцѣнки современнаго строя русской жизни духовный, высокій принципъ Евангельскаго ученія, преп. Нилъ совершенно самостоятельно, не опасаясь нисколько впасть въ ошибку и односторонность, заявляетъ русскому міру о неправильностяхъ его нравственной и соціальной жизни и предлагаетъ новыя коренныя средства для поднятія нравственнаго уровня русской народной жизни.

Духъ свободы, разумѣется нравственной, которымъ отличается мировоззрѣніе Нила, объясняется какъ особенностями его лич-

¹ Полемическія сочиненія Вассіана Патрикѣева. Правосл. Собесѣдникъ 1863 года, часть III, 208. Въ собраніи рукописей графа А. С. Уварова, въ Петербургѣ, я видѣлъ обширный сборникъ (рукопись XVI в. въ листъ), состоящій изъ житій святыхъ, въ предисловіи къ которому говорится, что въ немъ помѣщены житія святыхъ «исправленія старца Нила». По моему мнѣнію, подъ старцемъ Ниломъ скорѣе всего нужно разумѣть преп. Нила Сорскаго. При составленіи своего устава и вообще въ своей литературной дѣятельности преп. Нилъ дѣлалъ выборъ изъ святоотеческихъ и другихъ твореній и заимствовалъ изъ нихъ только то, что было согласно «съ его разумомъ». Преп. Нилъ Сорскій. СЧЕ. 1864 г. 180.

наго характера и условіями его образованія, такъ равнымъ образомъ и вліяніемъ среды, его окружавшей. Бѣлозерскій край, мѣсто подвижничества Нила, отдаленный отъ Москвы, питалъ свои симпатіи къ свободолюбивому Новгороду. Чувство свободы и сознаніе личности—душа Новгорода¹, жили въ Бѣлозерскомъ краю долго и послѣ того, какъ самъ Новгородъ утратилъ свою свободу. Но окружавшая Нила среда людей, симпатизировавшихъ Новгородской вольности и слышавшихъ изъ его устъ ученіе о нравственной свободѣ, нѣсколько не избавлялась отъ опасности обобщить понятія нравственной свободы и свободы общественной и государственной. Одинъ общій духъ той и другой естественнымъ путемъ велъ къ обобщенію понятій свободы. Здѣсь уже скрывалась опасность нравственному въ сущности направленію Нила Сорскаго получить и нѣсколько политическій оттѣнокъ. Но и самый характеръ времени много способствовалъ тому, что идеи Нила нашли себѣ примѣненіе и въ общественныхъ и государственныхъ вопросахъ. Время, въ которое жилъ Нилъ, было временемъ господства религіи, когда все сводилось на религіозную почву, все оцѣнивалось съ точки зрѣнія церковной, даже чисто гражданскія и государственныя явленія современной жизни получали и освящались авторитетомъ религіи. Между тѣмъ личность преп. Нила на столько выдавалась своимъ авторитетомъ, что она извѣстна была при дворѣ великаго князя, который въ важныхъ обстоятельствахъ церковной и государственной жизни вызывалъ его въ Москву для совѣщаній. Вообще и внѣшнія условія и нѣкоторыя современныя историческія обстоятельства складывались такъ, что направленіе Нила Сорскаго, помимо всякой воли его основателя, получило и политическій оттѣнокъ.

Самый характеръ направленія Нила Сорскаго, и вообще здраваго нравственно-критическаго направленія, требовавшій глубокаго развитія, говоритъ уже о томъ, что оно не могло отличаться многочисленностью своихъ послѣдователей, тогда какъ имъ всегда могла противостоять вся народная масса, очень слабо понимавшая истинный духъ христіанской религіи и питавшаяся въ своей религіозной жизни болѣе всего обрядами. Выгода на сторонѣ предста-

¹ «Въ Новгородѣ, говоритъ Костомаровъ, все исходило изъ принципа личной свободы, народо-правленіе Новгорода носило характеръ этой же личной свободы». Историческія монографіи и изслѣдованія, том. I, СПБ. 1863 года, 385.

вителей нравственного направленія заключалась только въ томъ, что они по своему развитію являлись часто въ роли выдающихся дѣятелей, передовыхъ людей своего времени.

Оба представителя древне-русской мысли, Іосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій, воспитали каждый вокругъ себя школу своихъ учениковъ. Школа Іосифа сосредоточивалась въ стѣнахъ Волоколамскаго монастыря и представляла изъ себя строго опредѣленное число учениковъ, находившихся въ полной административной и нравственно-воспитательной зависимости отъ воли настоятеля, который составлялъ душу и жизнь всей Волоколамской обители.

И около Нила Сорскаго образовалось особое общество монашествующихъ. Но вліяніе Нила не ограничивалось кружкомъ избранныхъ учениковъ его скита. Около него группировались иноки Бѣлозерскихъ и Вологодскихъ и вообще такъ называемыхъ заволожскихъ монастырей. Между Ниломъ и старцами Бѣлозерскаго края не существовало никакой внѣшней административной связи, какаю напротивъ составляла душу Волоколамской общины. Связь между Ниломъ и старцами покоилась на нравственныхъ началахъ. Они свободно, безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій, льнули къ преп. Нилу, находя что-то родное и близкое сердцу въ проводимыхъ имъ взглядахъ. Отсюда и вліяніе Нила Сорскаго ограничивалось исключительно нравственною сферою, — но нужно прибавить и самую могучую.

Изъ школы Іосифа и Нила вышелъ не одинъ дѣятель, но дѣятели эти далеко не были похожи другъ на друга. Нилъ Сорскій заботился только о томъ, чтобы вдохнуть въ своихъ учениковъ свои излюбленныя идеи, свои взгляды. О воспитаніи въ строгомъ смыслѣ, выработкѣ того или другаго характера учениковъ онъ мало заботился. Его уставъ предоставляет полную свободу развивать каждому самостоятельно свой характеръ и упражнять свою волю. Поэтому-то въ общинѣ Нила личные особенности и складъ характера получали полное свое развитіе сообразно съ природными особенностями темперамента cadaго изъ подвижниковъ. Свобода Нилова устава и борьба съ неблагоприятными условіями природы развивали въ его ученикахъ твердость воли и сильную энергію, а высокія идеи, которыми они вдохновлялись отъ Нила, обращали ихъ иногда въ сильныхъ идеалистовъ, которые смѣло и открыто шли на борьбу со зломъ, не соразмѣряя своихъ силъ съ силами противника, и не принимая въ расчетъ другихъ практическихъ соображеній. Другое предста-

взяли изъ себя дѣатели, вышедшіе изъ школы Іосифа. Послѣдній не только старался передать своимъ ученикамъ свои воззрѣнія, но обращалъ серьезное вниманіе и на воспитаніе и выработку ихъ чисто нравственнаго характера. Методическое, опредѣляющее каждый шагъ человѣка, дѣйствіе устава Іосифа сопровождалось тѣми послѣдствіями, что благодаря ему мало по малу сглаживались личныя особенности иноковъ его монастыря, изъ нихъ выходилъ одинъ болѣе или менѣе общій типъ «ровныхъ» дѣателей. Благодаря воспитательно-образовательной системѣ Волоколамской общины, изъ стѣнъ послѣдней выходили дѣатели, которые дѣйствововали всегда какъ одинъ человѣкъ. Долгое время дѣйствовавшая на нихъ воспитательная система пріучала ихъ сдерживать свою волю отъ рѣшительныхъ мѣръ и рѣзкихъ дѣйствій, заставляла обдумывать и взвѣшивать средства, находящіеся въ ихъ распоряженіи, принимать во вниманіе всевозможныя обстоятельства и условія, въ томъ или другомъ отношеніи могущія измѣнить желаемый ходъ дѣла и вообще поступать болѣе осторожно и практически рассчитанно на болѣе или менѣе вѣрный успѣхъ дѣла.

ГЛАВА II.

Борьба между направленіями Іосифа Волоцкаго и Никола Сорскаго до эпохи митрополита Данила.

Міровоззрѣнія Іосифа Волоцкаго и Никола Сорскаго достаточно ясно свидѣлствуютъ о той діаметральной противоположности, какая раздѣляла оба направленія древне-русской мысли. Противоположность взглядовъ при соприкосновеніи и примѣненіи ихъ къ жизни и современнымъ вопросамъ всегда сопровождается борьбою. Отсюда нуженъ былъ лишь только поводъ, — историческія условія къ тому, чтобы создать и развить антагонизмъ между представителями и сторонниками того и другаго направленія. Поводъ не замедлилъ представиться, — это появленіе и распространеніе ереси жидовствующихъ и возбужденіе тѣхъ современныхъ вопросовъ, которые прямымъ или косвеннымъ путемъ были вызваны ею. Ересь затронула самыя существенныя стороны русской религіозно-церковной жизни и тѣмъ произвела сильное умственное возбужденіе

и броженіе во всемъ мыслящемъ русскомъ обществѣ. Общее умственное возбужденіе коснулось одинаково и Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго.

Ересь жидовствующихъ¹ вышла изъ того же критическаго направленія нѣкоторой части русскаго общества, откуда сформировалось и направленіе Нила Сорскаго. Составляя по своему первоисточнику особую фракцію одного и того же критиціоннаго извращенія, ересь жидовствующихъ тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ особыхъ условій политическаго и соціальнаго положенія общества, въ которомъ впервые появилась, скоро получила свой особый *еретическій* характеръ.

По своей перво-причинѣ ересь жидовствующихъ представляетъ изъ себя реакцію крайнему развитію церковно-обрядоваго формализма. Разсматриваемая съ этой стороны она находится въ самой непосредственной связи съ ересью стригольниковъ, которая въ свою очередь была вполне продуктомъ своего времени и составляла отчасти произведеніе особыхъ соціальныхъ условій мѣстности, гдѣ впервые она заявила о своемъ существованіи². Возникшая въ 1376 г. сначала во Псковѣ³, ересь за тѣмъ скоро перешла въ Новгородъ

¹ Литература о ереси жидовствующихъ: труды историковъ - преосв. Филарета — Исторія Русской церкви ч. III, Макарія, — исторія Русской церкви т. VI, 80—118, 152—157; Карамзина Ист. Государства Россійскаго т. IV, Руднева — исторія ересей и расколовъ въ Русской церкви М. 1838 г., Соловьева — Исторія Россіи т. V, Костомарова — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, первый отд. вып. II, Сѣверно-русскія народоправства т. II, Иконникова — О культурномъ значеніи Византіи въ Русской исторіи, Киевъ, 1869 г. 389 — 426; Петрова — ея статья о вліяніи западно-европейской литературы на древне-русскую, напечат. въ Трудяхъ Киевской Дух. Академіи за 1872 г. т. II, кн. 1—3; Булгакова — преп. Іосифъ Волоцкій — церковно-историческое изслѣдованіе, С.-П.Б. 1865 г., Хрущева — Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, С.-П.Б. 1868 г., Сервицкаго — ея статья «Опытъ изслѣдованія о ереси новгородскихъ еретиковъ или жидовствующихъ», напечатанная въ Прав. Обозрѣніи за 1862 г. №№ 6, 7 и 8; Панова — статья «Ересь жидовствующихъ», напечат. въ Жур. Минист. Народн. Просв. за 1877 г. №№ 1, 2 и 3, и наконецъ — А. Никитскаго — ея изслѣдованіе «Очеркъ внутренней исторіи церкви въ великомъ Новгородѣ», напечат. въ Журн. Минист. Народн. Просв. 1879 г. Июль, ч. ССIV.

² Объ этихъ условіяхъ, вызвавшихъ появленіе ереси во Псковѣ см. у Иконникова «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи» 376—389, а также у Костомарова, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, отдѣлъ первый, выпускъ II, 316—319.

³ Полн. Собр. Русск. лѣт. т. III, 231; т. IV, 72; V, 235; VIII, 24,

и здѣсь сформировалась въ цѣлое антицерковное движеніе. Исходя изъ недостатковъ современнаго духовенства—корыстолюбія и неводержимой жизни, стригольники отрицали церковную іерархію и таинства и церковную обрядность¹. Особенный исключительный характеръ стригольничества, которое почти все свое содержаніе наполняло пунктами отрицательнаго свойства, вызванными существующими недостатками церковнаго строя, скрывалъ въ себѣ причины его недолговѣчности. Стригольничеству предстояло два выхода: или примириться съ православною церковію, или же создать для себя свою собственную религіозную систему. XV вѣкъ и застаётъ ересь стригольниковъ въ ея неопредѣленномъ состояніи внутренняго броженія, когда послѣдователи ея разбились на самыя разнообразныя толки, изъ которыхъ одни скорѣе примыкали къ православной церкви, тогда какъ другіе доходили до отрицанія не только монашества, но и воскресенія мертвыхъ и даже до чистаго матеріализма². Но и въ такомъ жалкомъ состояніи неопредѣленности и неустойчивости ересь тѣмъ не менѣе продолжала существовать. Искры ея тлѣлись до того времени, когда новыя историческія условія снова не создали изъ нея и новаго антицерковнаго еретическаго движенія. Вторая и сильнѣйшая вспышка ереси стригольниковъ, хотя и подъ другимъ названіемъ и съ особыми наслоеніями, тѣсно связана съ трагическою судьбою, постигнутою во второй половинѣ XV в. Новгородъ, и со всѣми предшествовавшими ей историческими условіями и обстоятельствами, и непосредственно слѣдовавшими за ними явленіями соціальной жизни вольнаго города.

Быстрое возвышеніе могущества Москвы предвѣщало гибель свободѣ Новгорода. Своими собственными силами Новгородъ былъ не въ состояніи защищать свою дорогую свободу. Явилось сознаніе въ необходимости посторонней помощи. Но во взглядѣ на источникъ ея Новгородцы раздѣлились на двѣ части, сформировавшіяся потомъ въ особыя политическія партіи. Въ городѣ образовались двѣ партіи—литовская и московская. Люди первой пар-

¹ Акты историч. т. I, № 6, 8—16. Посланіе патріарха Константинопольскаго Антонія къ Псковичамъ отъ 1388 г. № 34, 65—67. Посланіе митрополита Фотія къ Псковичамъ отъ 1427 г. сентября 23.

² Посланія митр. Фотія Псковичамъ. См. Акты истор. т. I, № 21, 42—45; № 33, 63—65; № 34, 65—66; послѣдніе два отъ 1427 г., первое отъ 1416 г.

тин, литовской, дорожившіе болѣе всего свободой политической и для нея готовые пожертвовать чистотою вѣры, искали себѣ спасенія въ помощи католической Литвы; тогда какъ партія московская наоборотъ жертвовала своею вольностію и политическою свободою ради сохраненія вѣры отцовъ—православія, которое тогда олицетворялось съ Москвою. Къ литовской партіи примыкали люди свободомыслящіе и свободолюбивые, Московскую партію Новгорода составляли люди строго консервативнаго направленія, ревнители отцовскихъ преданій и люди попреимуществу вѣры¹. Такъ какъ въ вопросѣ о средствахъ сохраненія политической свободы игралъ немаловажную роль и вопросъ религіозный, то борьба изъ политической сферы перешла на почву религіозно-церковную, это и тѣмъ скорѣе, что въ то время религіозные и политическіе интересы постоянно смѣшивались между собою. Современная церковная жизнь Новгорода представляла хорошо подготовленную почву для борьбы всевозможныхъ партій въ остаткахъ ереси стригольниковъ.

Наконецъ Новгородъ палъ въ 1477—1478 г. г.² Однако внѣшнія репрессаліи не могли окончательно уничтожить въ Новгородцахъ духъ свободы, воспитавшійся въ нихъ вѣками. Партія свободы еще сильна была въ Новгородѣ, въ составъ которой входило издавна извѣстное своею необузданностію и любовью къ широкому произволу и новгородское духовенство, хорошо помнившее свободу вѣчеваго строя государственной жизни. Не достигая своей прямой политической цѣли, новгородскіе свободолюбцы сошли на почву религіозную, и здѣсь ихъ стремленіе къ свободомыслію нашло себѣ хорошую пищу въ сохранившихся и разбившихся на множество мелкихъ толковъ фракціяхъ стригольничества. Богатство и разнообразіе отрицательныхъ тенденцій стригольничества восполнялись еще новымъ, обильнымъ матеріаломъ для пылливости вольнодумцевъ, которымъ служили тогда многія своеобразныя религіозная воззрѣнія, общераспространенныя какъ въ Москвѣ, такъ и въ Новгородѣ, таковы: увѣренность въ близость кончины міра, спорный вопросъ о возможности спасенія въ мірѣ, рѣшавшійся часто въ отрицательномъ смыслѣ, теоретическій взглядъ на монашество,

¹ О партіяхъ Новгородскихъ см. у Бѣлзева—Исторія Новгорода великаго М. 1864 г. и у Костомарова, Сѣверно-русскія народоправства, т. I, 138—174.

² П. Собр. Рус. лѣт. т. VI, 207—220; т. VIII, 185—199; Соловьевъ Истор. Россіи, т. V, изд. 3. М. 1864 г. 40—44.

какъ на исключительный почти идеалъ истинной христіанской жизни, расходившійся съ дѣйствительнымъ положеніемъ современнаго монашества, отличавагося распущенностію, распространеніе астрологическихъ сочиненій, извращавшихъ православное и даже вообще христіанское ученіе о Промыслѣ Божіемъ и сформировавшаяся на ихъ почвѣ вѣра въ силу астрологическихъ указаній, крайняя популярность ходившихъ во множествѣ произведеній подложной и апокрифической литературы, поражающихъ много взглядовъ противныхъ истинному ученію православной церкви и др.. Всѣ эти мнѣнія, разсматривавшіяся съ различныхъ точекъ зрѣнія и рѣшавшіяся то въ ту, то въ другую сторону, вносили собою новую пуганицу въ воззрѣнія народа, которая еще болѣе осложняла и усиливала броженіе умовъ и была причиною быстрого распространенія его въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Вызванное существованіемъ разныхъ неправильныхъ религіозныхъ воззрѣній и взглядовъ, часто діаметрально противоположныхъ другъ другу, броженіе русскихъ умовъ XV в. объясняетъ собою то обстоятельство, что ересь жидовствующихъ, едва успѣвши появиться въ Новгородѣ, скоро и широко стала распространяться и въ Москвѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи.

Благодаря всѣмъ этимъ вмѣстѣ взятымъ условіямъ общественной жизни Новгорода въ умственной жизни политически расшатаннаго города происходилъ невообразимый хаосъ мнѣній, споровъ. Умственное броженіе здѣсь имѣло твердую подкладку въ строгоничествіи, сущность котораго состояла въ критикѣ всего вообще существующаго строя церковной жизни, въ стремленіи къ реформированію и одухотворенію церкви. По условіямъ своего происхожденія реформаторское движеніе въ Россіи въ XV в. есть движеніе самобытное, выросшее на почвѣ своей собственной народной жизни. Предшествовавшая и настоящая исторія умственной жизни русскаго народа давала собою довольно матеріала и содержанія для отрицательнаго движенія и направленія русской мысли. Но будучи въ своей сущности самобытнымъ, критическое движеніе русскаго вольнодумства тѣмъ не менѣе соприкасалось во многихъ своихъ чертахъ съ реформаціонными движеніями, существовавшими тогда на западѣ, въ нѣдрахъ католической Европы. Реформаціонныя движенія запада были извѣстны и въ Россіи. Новгородъ по своимъ торговымъ дѣламъ издавна велъ постоянныя сношенія съ коммерческимъ міромъ западной Европы. Кромѣ того въ XV в. князья московскіе нарочито стали вызывать къ себѣ въ Москву съ Запада

разнаго рода ремесленниковъ, докторовъ, архитекторовъ для того, чтобы пользоваться ихъ знаніями и искусствомъ и, по возможности, распространять послѣдніе въ собственной странѣ. Невозможно допустить, чтобы явившіеся въ Россію иностранцы сами не внесли вмѣстѣ съ собою распространеннаго въ то время на Западѣ реформаціоннаго духа и не старались тогда, въ вѣкъ исключительнаго господства религіозныхъ идей, если не пропагандировать, то по крайней мѣрѣ познакомить русскихъ съ современными религіозными движеніями своей родной страны. Религіозное реформаціонное движеніе Запада, хотя и случайно, но удачно совпало съ современнымъ ему религіознымъ броженіемъ умовъ въ русской церкви и послужило для русскихъ заразительнымъ примѣромъ, которому нѣкоторые и слѣдовали. Нѣтъ данныхъ для того, чтобы можно было утверждать, что вліяніе Запада сказалось и на содержаніи ученія русскихъ вольнодумцевъ и реформаторовъ. Это вліяніе дѣйствительно было, но оно явилось уже позднѣе въ половинѣ XVI в., когда Россія завела постоянныя сношенія съ Западомъ (ересь Косаго). На первыхъ же порахъ реформаторское движеніе Запада имѣло вліяніе только на направленіе русскаго самороднаго движенія, служа для него указателемъ пути болѣе въ отрицательную отъ ученія и догмы господствующей церкви сторону, какъ то было на самомъ Западѣ, и въ тоже время являясь для него вообще примѣромъ, давало тѣмъ самымъ русскому движенію особенную силу и поводы къ болѣе широкому распространенію и большей жизненности.

Вотъ приблизительно въ такое смутное во всѣхъ отношеніяхъ время и является въ умиравшей политически Новгородѣ кружокъ ученыхъ Евреевъ, отличавшихся многостороннимъ религіознымъ и свѣтскимъ образованіемъ.¹ Либеральная часть новгородскаго духовенства и общества, недовольная современнымъ церковнымъ и политическимъ строемъ, дошедши на почвѣ строгольническихъ мѣръ до отрицанія современныхъ формъ церковной жизни и не находя твердой догматической почвы для своей системы отрицаній, съ ра-

¹ О характерѣ и богатствѣ просвѣщенія основателей ереси жидовствующихъ въ Новгородѣ см. у Иновикова «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии» 392—402, также Просвѣтитель, 43, 53. Посланіе архіепископа Геннадія къ Іоасафу, архіепископу Ростовскому. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1847 г. № 8, отд. IV.

достью ухватилась за ученое общество явившихся Евреевъ. Вольнодумцы рассчитывали позанимствоваться отъ нихъ ученою ерудиціей, чтобы прикрыть свои мудрствованія знаменемъ науки, и чтобы при ея помощи создать что-либо цѣльное и систематичное изъ длиннаго ряда своихъ отрицаній. Задавшись цѣлю воспользоваться ученостію Евреевъ и приложить ее къ своему религіозному міровоззрѣнію, вольнодумцы, будучи по характеру своего образованія болѣе книжниками, чѣмъ людьми въ строгомъ смыслѣ слова образованными, потому уже самому не могли опредѣлить границъ, далѣе которыхъ не должно было идти безвредное поклоненіе еврейской учености и пользованіе ея знаніями. Отсюда вмѣсто научнаго критическаго отношенія къ даннымъ еврейской учености, для каждаго изъ современныхъ либераловъ принципомъ сталъ личный, субъективный разумъ, руководствуясь коимъ каждый изъ нихъ, гдѣ хотѣлъ, тамъ и останавливался въ своемъ пользованіи данными еврейской учености. Умы пылкіе, увлекающіеся, заходили въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко и готовы были промѣнить христіанство на чистое іудейство, люди болѣе спокойнаго темперамента и болѣе послѣдовательные и осторожные—тѣ ограничивались тѣмъ, что брали изъ іудейства только нѣкоторыя данныя и раздѣляли только нѣкоторыя ихъ воззрѣнія, именно тѣ, которыя, по ихъ представленію, не находились въ противорѣчіи съ христіанскимъ ученіемъ¹. Къ ереси пристало все либеральное, все свободолубивое въ Новгородѣ. И строгорелигіозные вольнодумцы и защитники государственной свободы Новгорода, неудовлетворенные и разбитые окончательно въ своихъ политическихъ расчетахъ,—все находили себѣ нѣкоторое удовлетвореніе въ новомъ еретическомъ движеніи, дававшемъ широкій просторъ всякой чело-

¹ Что ересь дѣйствительно не представляла изъ себя строгой законченной системы, а напротивъ выдавалась разнообразіемъ и разнородностію своихъ частныхъ, отдѣльныхъ воззрѣній—указанія на это можно видѣть въ современныхъ ей историческихъ свидѣтельствахъ о ней. Не одинаковый характеръ обвиненій Провсвѣтителя Іосифа Волоцкаго; посланіе Іосифа Волоцкаго къ духовнику Іоанна III Митрофану. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1847 г. № 1; посланіе Геннадія, арх. Новгородскаго къ Іоасафу, арх. Ростовскому. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1847 г. № 8, отд. IV Полн. собр. рус. лѣт. т. IV, 158—159; т. VIII, стр. 220—221; Софійскій временникъ, изд. Строевымъ. М. 1821 г. ч. II, стр. 351—352 и др.; Сервицкій Прав. Обзор. 1862 г. №№ 6. 7. 8 и Костомаровъ—Валикорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ. Отеч. Записки 1862 г. т. 144, 317—318; Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главн. дѣятелей, отдѣлъ первый, вып. 2, 319—321.

вѣческой свободѣ. Самый ходъ образованія ереси жидовствующаго и историческія условія, способствовавшія появленію ея и случайныя обстоятельства, давшія ей особую внѣшнюю окраску, достаточно показываютъ, что какъ сама ересь не имѣла вообще строго опредѣленной однообразной, законченной системы, такъ равно въ частности и іудейскій элементъ не представляетъ въ ней строго опредѣленной сферы вліяній и заимствованій. Вліяніе іудейства въ отдѣльныхъ фракціяхъ еретической корпораціи не было одинаковымъ. Во всякомъ случаѣ вліяніе его, какъ элемента случайнаго, не простиралось слишкомъ далеко и ограничивалось прямымъ и существеннымъ образомъ пользованіемъ учеными знаніями евреевъ,—плодами ихъ образованія. Такимъ образомъ ересь жидовствующихъ по своей сущности есть продуктъ сліянія и разнообразной комбинаціи трехъ элементовъ. Самымъ первымъ и существеннымъ элементомъ въ образованіи ереси былъ рядъ отрицательныхъ идей и мнѣній, самостоятельно разившихся на русской церковной почвѣ въ качествѣ реакціи формализму современной религіозно-церковной жизни и сконцентрировавшихся въ особомъ противоцерковномъ движеніи стригольниковъ¹ и осложнившихся затѣмъ нѣкоторыми распространенными въ русскомъ обществѣ XV в. своеобразными и неправильными религіозными воззрѣніями. Другимъ фактомъ въ созданіи ереси послужили случайныя историческія событія какъ заразительный примѣръ реформаціоннаго движенія на Западѣ и главное—внѣшнія историческія обстоятельства, разразившіяся надъ Новгородомъ и Псковомъ во второй половинѣ XV в. и выразившіяся для нихъ въ потерю гражданской и церковной самостоятельности и усилившія собою и доведшія до крайности борьбу двухъ политическихъ системъ—удѣльно вѣчеваго строя и формировавшагося въ то время единодержавія. Появленіе ереси одновременно съ самымъ разгаромъ борьбы двухъ политическихъ системъ и симпатіи ея приверженцевъ, склонявшіяся болѣе въ пользу стараго удѣльно-вѣчеваго строя, чѣмъ новаго единодержавія, послужили причиною, по которой ересь жидовствующихъ приняла и политическую окраску и сдѣлалась такимъ образомъ въ тоже самое время движеніемъ политико-религіознымъ. Третій и случай-

¹ Съ этой стороны замѣчательно посланіе одного изъ борцовъ противъ ереси Геннадія, арх. Новгородскаго, который одного изъ современныхъ ему еретиковъ прямо называетъ *стригольникомъ*. Акты Арх. Экспед. т. 1, № 380, отъ 1490 года.

ный элементъ, входявшій въ образованіе ереси и усвоившій ей особый внѣшній колоритъ, есть жидовство, жидовство ученое, вооруженное обширнымъ запасомъ знаній свѣтской науки и знакомое съ христіанской литературой.

Содержаніе ученія жидовствующихъ выражается въ слѣдующихъ общихъ положеніяхъ. Еретики отвергали ученіе о св. Троицѣ въ ея христіанскомъ смыслѣ, Божество І. Христа, а отсюда —естественно и связанныя съ этимъ ученіемъ акты Его Божественной Сущности— воплощеніе и искупленіе и даже самую возможность сихъ божественныхъ актовъ какъ несообразныхъ съ свойствами Божества—Его могуществомъ и благостію. О І. Христѣ еретики учия, что Онъ былъ Сыномъ Божіимъ, только не по существу, а по благодати подобно Моисею и другимъ ветхозавѣтнымъ пророкамъ. Вмѣстѣ съ отрицаніемъ воплощенія еретики послѣдовательно пришли къ отрицанію и христіанскаго значенія Богоматери. Болѣе всего еретики выдѣлялись своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ ученію православной церкви, основанному на преданіи, и къ обрядовой сторонѣ религіозной жизни: они отрицали поклоненіе иконамъ и другимъ священнымъ предметамъ, почитаніе святыхъ и ихъ мощей, хотя нѣкоторые изъ нихъ и дѣлали исключеніе въ отношеніи иконы Христа Спасителя, поклоненіе коей они признавали допустимымъ. Еретики также безусловно отвергали монашество, считая его учрежденіемъ чисто человѣческимъ и противнымъ ученію и примѣру І. Христа и апостоловъ. Наконецъ жидовствующіе вообще критически относились къ св. писанію и особенно скептически къ твореніямъ св. отцовъ, заподозривая истинность нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя не согласовались съ ихъ воззрѣніями, хотя въ то же время они расширяли для себя обязательность ветхаго завѣта и раздѣляли нѣкоторыя воззрѣнія, основанія для которыхъ находились только въ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгахъ. Между еретиками находились съ одной стороны такіе, которые усвоили себѣ даже нѣкоторые еврейскіе обряды, а съ другой стороны были и такіе, которые, двигаясь все далѣе и далѣе по пути сомнѣнія, приходили къ безвѣрію и настоящему матеріализму.¹

¹ Просвѣтитель, 46—51; 58—60, 77—78, 91, 104, 113, 120—121, 151—175, 201, 284 и проч. Полн. собр. Рус. лѣт., т. IV, 158—159, т. VIII, 220—221. По славян. Геннадія, архіепископа Новгородскаго: Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1847 г.,

Вѣдѣнная исторія ереси жидовствующихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1471 году Новгородцы, искавшіе союза съ Польскимъ королемъ и рассчитывавшіе на его защиту отъ посягательства Москвы, пригласили себѣ изъ Кіева князя Михаила Александровича, или Олельковича. Вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ прибыли въ Новгородъ евреи, которыхъ привлекали сюда торговыя выгоды.¹ Во главѣ прибывшихъ евреевъ находился ученый еврей Схарія, съ именемъ котораго и связывается начало ереси. Нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ поппъ Денисъ и протопоппъ Алексѣй, увлеклись ученіемъ просвѣщенныхъ евреевъ, хорошо знакомыхъ и съ христіанскимъ богословіемъ, и въ свою очередь увлекали тайно и другихъ. Съ теченіемъ времени пристало къ ереси множество другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Замѣчательно, въ числѣ самыхъ многочисленныхъ послѣдователей ереси оказалось духовенство.² Между тѣмъ какъ первые еретики втайнѣ трудились надъ распространеніемъ ереси, Новгородъ принужденъ былъ покориться Москвѣ. Лучшіе сыны Новгорода отвезены были въ московскія области; той же участи (въ 1480 г.) подвергся и архіепископъ Теофилъ.³ Послѣ этого новгородская епархія осталась праздною въ продолженіе трехъ лѣтъ, что открывало полный просторъ развитію ереси. Только на четвертый годъ—именно въ 1484 г. избранъ былъ въ Москвѣ для Новгорода архіепископъ Сергій, который скоро возбудилъ противъ себя всеобщее негодованіе новгородцевъ и менѣе чѣмъ чрезъ годъ, принужденъ былъ оставить архіепископство. На мѣсто Сергія въ слѣдующемъ 1485 году назначенъ былъ Чудовскій архимандритъ Геннадій, человѣкъ просвѣщенный, энергическій и дѣятельный.⁴ По пріѣздѣ въ Новгородъ

№ 8. Акты Арх. Экспедиц., т. I, № 380. Прав. Собесѣдн. 1863 г. Аурѣль, Акты истор. г. I, № 285.

¹ Рукон. хрон. Моск. Румянц. муз. № 461, л. 248. Прав. Обзор. 1862, июнь, 184. Просвѣтитель. 43—45. И. С. Р. Лѣт. т. VI, 191; VIII, 159—160.

² Просвѣтитель Іосифа Волоц. 44—45. Сказаніе о Новгородскихъ еретикахъ.

³ Полное собраніе русск. лѣт. т. IV, 263.

⁴ Полн. Собр. Р. лѣт. т. III, 243—244; т. V, 41—43. Съ личностью Геннадія, архіепископа Новгородскаго, подробнѣе можно ознакомиться изъ изслѣдованія Хрущова о сочиненіяхъ И. Савина, стр. 108—123. Есть и отдѣльныя статьи по этому предмету: у Костомарова, см. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, первый отд., вып. второй. Спб. 1874 г., статья: Новгородскій архіепископъ Геннадій, 311—339. Въ чтеніяхъ въ Обществѣ любителей ду-

Геннадій не вдругъ началъ на слѣды ереси, онъ узналъ о ея существованіи уже только два года спустя по прибытіи своемъ на епархію. Геннадій немедленно далъ знать о существованіи ереси митрополиту и великому князю и немедленно началъ производить обыскъ еретикамъ.¹ Во время обыска одинъ покаявшійся священникъ открылъ архіепископу всѣхъ еретиковъ и все то, что производилось ими въ ихъ собраніяхъ.² Отсюда розыски Геннадія пошли успѣшнѣе. Но въ это же время нѣкоторые изъ открытыхъ еретиковъ убѣжали въ Москву. Это обстоятельство побудило самаго Геннадія искать суда надъ еретиками въ Москвѣ. Онъ отправилъ туда къ великому князю и митрополиту все слѣдственное дѣло объ еретикахъ, присоединивъ къ нему и свое особое посланіе. Это было въ августѣ или сентябрѣ 1487 г.³

Появившись въ Новгородѣ ересь скоро перебралась и въ Москву. И здѣсь почва для нея была не совсѣмъ неблагоприятна. И въ Москвѣ насчитывалось не мало лицъ, недовольныхъ современнымъ положеніемъ церкви, и ратовавшихъ противъ односторонности и формализма религіозно-церковной жизни. Къ этому нужно присоединить и политическое состояніе Московской Руси въ разсматриваемое время. Подобно политическимъ партіямъ Новгорода и въ московскихъ областяхъ шла сильная борьба между крѣпнувшимъ единодержавіемъ и отживавшимъ свой вѣкъ удѣльно-вѣчевымъ порядкомъ. Тотъ и другой государственный строй имѣлъ многочисленный кругъ сторонниковъ въ разныхъ слояхъ тогдашняго Русскаго общества. На сторонѣ единодержавія была высшая духовная власть—митрополитъ и почти все многочисленное и сильное своимъ вліяніемъ на общество монашеское сословіе. На сторонѣ удѣльно-вѣчеваго порядка находились симпатіи весьма зна-

ховнаго просвѣщенія за 1875 г., мѣсяцъ май, напечатана статья: Геннадій архіепископъ Новгородскій. Подъ такимъ же названіемъ недавно напечатана статья о Геннадіѣ въ Прав. Обзор. 1878 г., сентябрь, и 1880, августъ, статья Грандичкаго.

¹ Акты Арх. Экспеди. т. I, посланіе Геннадія къ митрополиту Зосимѣ № 380, 478—479.

² Посланіе Геннадія къ Іоасафу. Чтен. въ Общ. ист. и древн. Росс. 1847 г., № 8. Посланіе Геннадія къ Прохору еп. Сарскому. Рук. Мин. Публ. библ. Q. XVII. № 64, л. 317.

³ Акты истор. т. I, № 285. Посланія князя и митрополита Геннадію отъ 1488 года февраля 13, Акты Археографической Экспедиціи томъ I, № 380, 482. Полн. собраніе Рус. лѣтописей т. VI, 38, Прислѣдатель, 52.

чительной части высшаго свѣтскаго русскаго общества—боярства, при установленіи новаго политическаго строя терявшаго большую часть своихъ утвержденныхъ вѣками привилегій. Далѣе кружокъ вывезенныхъ въ Москву новгородцевъ ¹ не прошелъ безслѣдно для соціального положенія русскаго общества. Воспитанные на свободныхъ вѣчевыхъ началахъ невольные выселенцы Великаго Новгорода не могли конечно забыть о своей свободѣ. При всесильномъ господствѣ въ то время религіозныхъ интересовъ и чисто политическая борьба получила религіозный оттѣнокъ. За неудовлетворенностію политическихъ стремленій естественно слѣдовало ожесточеніе и раздраженіе, которыя выражались крайностями събодомыслия въ религіозно-церковной области, заключавшей въ себѣ не мало темныхъ сторонъ, дававшихъ прекрасный матеріалъ для свободныхъ обсужденій. Вышнія историческія обстоятельства какъ бы благопріятствовали религіозному броженію и возбужденію умовъ.

Въ одно изъ посѣщеній Новгорода—именно въ 1480 г. великій князь Московскій Іоаннъ III плѣнился умомъ и наружнымъ благочестіемъ еретиковъ—Алексія и Діонисія, которые затѣмъ перевезены были самимъ великимъ княземъ въ Москву и определены были—первый протопопомъ къ Успенскому собору, а послѣдній къ Архангельскому. ² Вскорѣ этимъ тайнымъ еретикамъ удалось образовать около себя въ Москвѣ кружокъ грамотныхъ людей, склонныхъ къ ихъ мнѣніямъ. Первое мѣсто въ числѣ ихъ занимаетъ дякъ великаго князя Федоръ Курицынъ. Между прочимъ еретики привлекли къ своей ереси Симоновскаго архимандрита Зосиму, въ ересь увлекли даже невѣстку великаго князя Елену. ³ Кружокъ московскихъ еретиковъ такимъ образомъ состоялъ изъ людей, занимавшихъ видное положеніе въ обществѣ и людей болѣе или менѣе образованныхъ ⁴ Самыми вліятельными среди

¹ А окъ былъ очень многочисленъ. По извѣстіямъ лѣтописей изъ Новгорода вывезено было до 18,000 семей, слѣдовательно до 72,000 душъ. Костомаровъ—Историческія монографіи и изслѣдованія. Сиб. 1863 г., том. I, 381.

² Просвѣтитель, 51—52.

³ Посланіе Іосифа Волоцкаго къ Митрофану, Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1847 г., № 1, отд. IV.

⁴ Просвѣтитель, 53. Востокъ—Опис. Румянц. муз. 511—512. Рукоп. Кирилло-Белозерской, нымѣ Сиб. дух. акад. библ. № 11/... послѣсловіе перевода лаодикійскаго посланія, л. 7.

московскихъ еретиковъ были Ѳеодоръ Курицынъ и протопопъ Алексѣй. Самъ великій князь зналъ о ереси своихъ приближенныхъ, но тѣмъ не менѣе продолжалъ обнаруживать къ нимъ свое благоволеніе. ¹ Іоаннъ III имѣлъ свои причины быть снисходительнымъ къ еретикамъ по соображеніямъ чисто политическаго характера. Враждебное отношеніе еретиковъ къ церковному авторитету, къ монашеству и вообще охлажденіе къ духовенству, производимое въ народѣ еретиками, какъ нельзя болѣе соответствовали планамъ великаго князя, который, преслѣдуя исключительно цѣли своего абсолютизма, видѣлъ въ этомъ прекрасное средство безусловно подчинить себѣ церковь и ея представителей и навсегда лишить ихъ возможности всякаго противодѣйствія власти государя. ² Положеніе великаго князя, принятое имъ по отношенію къ ереси, ставило его на нѣсколько фальшивую почву. Стремленіе къ абсолютизму менѣе всего раздѣлялось еретиками, представлявшими изъ себя не одно религіозное, но и политическое общество, симпатизировавшее традиціямъ старо-боярской партіи.

Такимъ образомъ ревность Геннадія Новгородскаго противъ еретиковъ не могла разчитывать на быстрый успѣхъ въ Москвѣ. Если присоединить къ этому личное нерасположеніе къ нему митрополита Геронтія, ³ то вполнѣ понятно будетъ продолжительное молчаніе великаго князя и митрополита на посланіе къ нимъ Новгородскаго архіепископа. Тогда Геннадій около 1487—1488 года обратился съ посланіями къ Прохору епископу Сарскому, жившему въ Москвѣ на Крутицахъ ⁴ и также къ находившимся тогда въ Москвѣ епископамъ Нифонту Суздальскому и Филоею Пермскому, ⁵ прося ихъ печаловаться предъ великимъ княземъ и митрополитомъ по дѣлу о еретикахъ. Посланія Геннадія къ епископамъ оказали свое дѣйствіе. Дѣло еретиковъ было рассмотрѣно на соборѣ, на которомъ

¹ Пресвѣтитель стр. 53. Посланіе къ Митрофану. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1847 г. № I.

² Калогомаровъ, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, первый отд., вып. второй, Сиб. 1874 г. 311—312, 331—332.

³ Полн. Собр. Рус. лѣтоп. т. VI, 233—234.

⁴ Рук. Имп. Публ. Библ. Q, XVII, № 64, изъ собранія графа Толстаго отд. II, № 68, л. 317 и далѣе.

⁵ Рук. Имп. Публ. Библ. Q, XVII, № 50, изъ собранія графа Толстаго отд. II, № 341, л. 296.

нѣкоторые изъ новгородскихъ еретиковъ были осуждены и подвергнуты торговой казни. ¹ Въ февралѣ 1488 г. князь и митрополитъ извѣстили объ этомъ Геннадія особыми посланіями, въ которыхъ между прочимъ предоставлялось право Новгородскому архіепископу при содѣйствіи великокняжескаго намѣстника обыскивать еретиковъ и наказывать ихъ соотвѣтственно ихъ преступленіямъ. ²

Въ 1489 г. скончался митрополитъ Геронтіи. ³ Занимая видное мѣсто при дворѣ дьякъ Курицынъ и его сообщники достигли того, что на мѣсто Геронтія въ сентябрѣ 1490 года избранъ былъ на митрополию Симоновскій архимандритъ Зосима, тайный еретикъ, а скорѣе грубый матеріалистъ и человѣкъ крайне невоздержаннаго образа жизни. ⁴ Вслѣдъ за вступленіемъ на митрополичій престолъ Зосимы для еретиковъ настало спокойное время и время процвѣтанія ереси. Достигнувъ апогея своего могущества, ересь начала заявлять себя въ Москвѣ точно также, какъ и въ Новгородѣ, самыми грубыми выходками противъ святыни православія. ⁵ Ревностный Новгородскій архіепископъ съ новою энергіею взялся за искорененіе ереси. Онъ написалъ митрополиту посланіе, въ которомъ требовалъ отъ него созванія собора для осужденія еретиковъ. ⁶ Одновременно съ посланіемъ къ митрополиту и съ подобнымъ же ему содержаніемъ онъ написалъ другое посланіе, адресованное имъ къ собору владыкъ, ⁷ изъ которыхъ многіе все еще находились въ Москвѣ со времени поставленія митрополита Зосимы. Посланіе Геннадія ко владыкамъ и на этотъ разъ оказало свое дѣйствіе. Архіереи потребовали собора, который дѣйствительно и состоялся 17 октября 1490 г. Соборъ болѣе или менѣе снисходительно отнесся къ еретикамъ. Онъ лишилъ еретиковъ священнаго сана, предать проклятію и осудилъ на заключеніе. ⁸ Осужденные

¹ Полн. Собр. Рус. лѣт. т. VIII, 218; т. VI, 238.

² Граматы великаго князя и митрополита, напечатанныя въ Актахъ Историческихъ томъ I, № 285, 521—522.

³ Полн. Собр. Рус. лѣт. т. VIII, 218; т. IV, 157.

⁴ Полн. Собр. Рус. лѣт. IV, 157—158; VIII, 218—219. Просвѣтитель, 58—62.

⁵ Акты Арх. Эвеп. т. I, № 380—489. Просвѣтитель, 572—574.

⁶ Рус. Имн. Публ. Библ. Q, XVII, № 15 изъ собранія графа Толстого отд. II № 294 л. 396. Акты Арх. Эвеп. т. I № 380.

⁷ Рус. Имн. Публ. Библ. Q, XVII № 15 л. 401. Прав. Собесѣд., 1863 г. ч. I, апрѣль 479—481.

⁸ Полн. Собр. Р. лѣт. т. IV, 158—159; VIII, 220.

и проклятые на соборѣ новгородскіе еретики отправлены были въ Новгородъ къ архіепископу Геннадію, который и устроилъ имъ навѣстную позорную встрѣчу. Еретики и послѣ собора 1490 года продолжали спокойно проживать въ Москвѣ, пользуясь защитой митрополита, человека индеферентнаго въ дѣлѣ вѣры. Внѣшнее спокойствіе усилило еретическую пропаганду и содѣйствовало сильному возбужденію умовъ среди современнаго русскаго общества.¹

Въ это-то тяжелое для православія время и выступаетъ, по вызову Геннадія, на борьбу съ еретиками Іосифъ Волоцкій.² Первымъ письменнымъ памятникомъ Іосифа въ борьбѣ съ ересью было его посланіе къ Нифонту, епископу Суздальскому, писанное имъ въ 1493 году,³ гдѣ онъ открыто осуждаетъ митрополита Зосиму въ еретичествѣ и убѣждаетъ Нифонта и другихъ русскихъ іерарховъ свергнуть отступника митрополита и тѣмъ спасти церковь Божию. Кромѣ того Іосифъ полемизировалъ съ еретиками и на литературно богословскомъ поприщѣ, памятникомъ чего осталось его замѣчательное сочиненіе, названное впоследствии Просвѣтителемъ.

Новый періодъ ереси начинается съ наденіемъ митрополита Зосимы. Въ 1494 г. 17 мая Зосима отказался отъ митрополіи. Это случилось въ отсутствіе главнаго покровителя ереси Феодора Курицына.⁴ Послѣ Зосимы русская митрополія оставалась праздною около шестнадцати мѣсяцевъ и только въ сентябрѣ 1495 года избранъ былъ новый митрополитъ Симонъ,⁵ который не былъ сторонникомъ еретиковъ, но онъ все-таки скоро не могъ дать торжества православію и противопоставить еретичеству сильной оппозиціи, сторонники котораго продолжали пользоваться благосклонностію великаго князя. Поэтому и при новомъ митрополитѣ еретики продолжали пользоваться полною свободою. Около этого времени случилось одно новое обстоятельство, которое, хотя и не надолго,

¹ Просвѣтитель 56—57. 576. 59—60, Посланіе Іосифа Волоцкаго къ Нифонту еп. Суздальскому. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1847 г. № 1.

² Великія мины четьи, Сентябрь, 472—473, Житіе Іосифа Волоцкаго, составлен. Саввою Крутицкимъ.

³ Рук. Им. Пуб. Библ. О. XVII. № 64, л. 243. Чт. Общ. Ист. и Др. Рос. 1847, № 1.

⁴ Полн. Собр. Русск. лѣт. т. IV, 164; VIII, 128.

⁵ Полн. Собр. Р. лѣт. т. IV стр. 165; VI, 39; VIII, 230.

усилило партію еретиковъ. Ересь, какъ извѣстно, слилась въ одно гармоническое цѣлое съ одною изъ политическихъ партій—партіею старобоярской. Ей противопоставлялась другая партія, симпатизировавшая новому политическому строю—единодержавію. Въ 1490 г., по смерти старшаго сына Іоанна III Іоанна Младшаго, въ средѣ великокняжескаго семейства изъ-за вопроса о престолонаслѣдіи образовалось соперничество Елены, жены умершаго князя, и Дмитрія, сына ихъ,—съ одной стороны и Софіи, второй жены Іоанна III и сына ихъ Василия съ другой.¹ Знатнѣйшіе бояре примкнули къ партіи Дмитрія, такъ какъ они, можетъ быть, видѣли въ немъ истиннаго представителя власти въ ея древне русскомъ характерѣ, тогда какъ Софія «грекиня» принесла съ собою новыя понятія, о царской власти ничего не оставлявшія для боярства.² Во главѣ противной Софіи партіи находились два могущественные боярина—Иванъ Патрикѣевъ и Семенъ Ряполовскій. Къ нимъ примкнули Федоръ Курицынъ и другіе Московскіе еретики. Сторонники Софіи состояли изъ людей вполне православныхъ,³ которые упорно за Василиемъ, ея сыномъ, престола придавали значеніе торжества вѣры, православія. Такимъ образомъ придворныя партіи явились сколько политическими, столько же и религіозными. Сначала восторжествовала партія Елены. Въ концѣ 1497 г. великій князь положилъ опалу на свою жену Софію и сына Василия, равно какъ и на ихъ приверженцевъ. Но прошло около года и опала постигла бѣднѣйшихъ бояръ Патрикѣева и Ряполовскихъ.⁴ Іоаннъ примирился съ своею женою Софіею и сыномъ Василиемъ, объявивъ послѣдняго сначала великимъ княземъ Новгорода и Пскова, а потомъ и государемъ всея Руси, тогда какъ Елена съ сыномъ посажены были въ темницу.⁵ Опала Елены и бояръ, покровительствовавшихъ ереси, была тяжелымъ ударомъ для послѣдней. Она прежде всего лишила еретиковъ расположенія великаго князя, который теперь

¹ Соловьевъ—Исторія Россіи т. V, 3-е изд. 80—90, 273. Костомаровъ—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, вып. II, отд. первый, 296—299. Поля. Собр. Рус. лѣт. т. VI, 239, Хрущева, изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, 164—167.

² Акты Археограф. экспедиц. т. I № 172. Костомаровъ—Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, вып. II, отд. первый 264—266.

³ Поля. Собр. Рус. лѣт. т. VIII, 234.

⁴ Поля. Собр. Рус. лѣт. т. VI, 43, 279, 243.

⁵ Поля. Собр. Рус. лѣт. т. VIII, 236—242.

убѣдился въ политическомъ вредѣ ереси и сдѣлался доступнѣе для противниковъ ея. Главный борецъ противъ ереси Іосифъ Волоцкій, лично извѣстный великому князю, и пользовавшійся уваженіемъ сына его Василия Іоанновича, имѣвшаго теперь большое вліяніе на состарѣвшагося отца, употребилъ всю свою настойчивость для того, чтобы уничтожить ересь. И личными свиданіями и убѣжденіями великаго князя и посланіями, обращенными къ его сыну и нѣкоторымъ изъ его приближенныхъ,¹ ревностный защитникъ православія въ концѣ концовъ достигъ того, что противъ ереси пущены были въ ходъ самыя строгія мѣры. Въ декабрѣ 1504 г. состоялся соборъ на еретиковъ. На немъ еретиковъ присудили къ строгимъ наказаніямъ. Одни изъ нихъ были сожжены, другимъ отрѣзали языки, остальныхъ менѣе опасныхъ разослали по монастырямъ.²

Соборомъ 1504 года и заканчивается истинная, оффиціальная исторія ереси жидовствующихъ. Но это вовсе не значитъ, чтобы ересь на самомъ дѣлѣ окончательно уничтожилась. Она продолжала существовать долго и послѣ тѣхъ страшныхъ казней, которыя обрушились на головы еретиковъ по соборному опредѣленію 1504 года. Въ виду продолжавшагося существованія ереси Іосифъ въ 1510—1511 году снова обратился съ посланіемъ къ великому князю, въ которомъ попрежнему убѣждалъ его подвигнуться на еретиковъ.³ Что ересь продолжала существовать долго и послѣ осужденія ея, на это указываетъ отчасти и посланіе къ Василию Іоанновичу Новгородскаго архіепископа Макарія (между 1525—1533 г.)⁴. Выпадало такое время, когда ересь заявляла о себѣ новыми открытіями, хотя и слабыми, всплывками. Такъ около 1520 года въ Москвѣ составлялся особый соборъ на Псаака *Жидовика* волхва, чародѣя и прелестника, членъ котораго въ сознаніи важности дѣла, подлежащаго ихъ разсмотрѣнію, даже сочли для себя необходимымъ обратиться за совѣтомъ къ просвѣщенному Максиму Греку⁵. И самъ Максимъ, прибывшій въ Россію въ 1518

¹ Посланіе къ архимандриту Митрофану. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1847 г. № 1. Посланіе къ Василию Іоанн. Рук. Соед. библ. № 1489, л. 292—293.

² Полн. Собр. Рус. лѣт. т. VI, 49—50; томъ VIII, стр. 244.

³ Рукон. ямп. публ. библ. Q. XVII № 64, л. 202.

⁴ Дополн. къ Актамъ ист. т. 1, № 25, 23.

⁵ Сочиненія Максима Грека. Казань. 1859 г., ч. I, 31—33.

году ¹, вынужденъ былъ вести въ Россію продолжительную полемику съ остатками ереси жидовствующихъ ². Такимъ образомъ ересь, хотя и скрытно, продолжала существовать въ продолженіе почти всей первой половины XVI вѣка. Съ ней пришлось считаться не только Іосифу Волоцкому, который большую часть своей жизни провелъ въ борьбѣ съ ересью, но и ближайшимъ его ученикамъ.

Борьба Іосифа Волоцкаго съ ересью жидовствующихъ важна и въ другомъ отношеніи. Она послужила для него поводомъ къ другому рода борьбѣ, борьбѣ уже не съ еретиками, а съ самими православными, только расхопившимися съ нимъ во взглядахъ на еретиковъ и на ихъ права и общественное положеніе въ государствѣ. Іосифъ не ограничивался чисто нравственною борьбою съ еретиками путемъ литературной, богословской полемики, направленной противъ ихъ лжеученій, но въ то же время онъ предлагалъ и съ настойчивостью указывалъ другія болѣе дѣйствительныя и практическія, по его мнѣнію, средства уничтожить ересь. Средства эти сводятся къ безпощадному преслѣдованію еретиковъ и состоятъ въ примѣненіи къ нимъ смертной казни. Первымъ, указавшимъ на казни, какъ на средство избавиться отъ ереси, былъ извѣстный Геннадій архіепископъ Новгородскій, который въ предѣлахъ своей власти и осуществлялъ его на дѣлѣ. Мало того онъ настойчиво вызывалъ и другихъ іерарховъ и гражданское правительство на путь казней еретиковъ. ³ Мѣтко характеризуетъ эту сторону дѣятельности Геннадія одинъ изъ его современныхъ единомышленниковъ, уподобляя его льву, который «пущенъ бысть на злодѣйственные еретики... иже ноги своими разтерзая тѣхъ скверныя утробы... зубы же своими сокрушая и разтерзая и о камень разбивая». ⁴ Но главнымъ образомъ судьба вопроса объ отношеніи къ еретикамъ связана съ именемъ Іосифа Волоцкаго. Іосифъ задался цѣлію юридически и канонически обосновать то, на что указалъ Геннадій, какъ на единственно возможное и практическое при современныхъ ему обстоятельствахъ средство спасенія православія.

¹ Посл. Собр. Р. лѣт., т. VI, 261; т. VIII, 263.

² Сочин. Максима Грека, ч. I. Слова: II, 39—51; XXIV, 494—509.

³ Посланіе Геннадія къ Зосимѣ. Акты арх. эксп. т. I, № 380.

⁴ Просвѣтитель, 51—52.

Воззрѣнія Іосифа на отношеніе къ еретикамъ весьма замѣчательны.

Іосифъ Волоцкій съ неумолимою строгостію относился къ еретикамъ. Хотя у него есть различіе между еретикомъ и отступникомъ по степени ихъ виновности¹, хотя онъ теоретически допускаетъ возможность спокойнаго существованія еретиковъ на ряду съ православными въ томъ случаѣ, если еретики и невѣрные никому не приносятъ вреда и не пропагандируютъ между православными своего ученія², но это только въ теоріи. Въ дѣйствительности онъ исключалъ всѣхъ *жидовствующихъ* изъ ряда такихъ еретиковъ, которые бы могли имѣть какое-либо право на снисхожденіе и свободное проживаніе съ православными³. Для того, чтобы уничтожить еретическое зло жидовствующихъ, по мнѣнію Іосифа, существуетъ одно средство—это заточеніе и смертная казнь еретиковъ. Всѣ другія мѣры недѣйствительны противъ нихъ⁴. Положимъ, Іосифъ указываетъ еще одно средство воздѣйствія на еретиковъ и искорененіе ихъ, средство гуманное и вполне христіанское—это горячая «со слезами и сокрушеніемъ сердца» молитва объ обращеніи къ истинѣ заблудшихъ⁵, но мысль о ней какъ будто высказана мимоходомъ. Іосифъ строгъ и неумолимъ и къ такимъ еретикамъ, которые изъявляли раскаяніе. Исторія ереси жидовствующихъ такъ сложилась, что дѣйствительно бросала тѣнь подозрѣнія на искренность раскаянія еретиковъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ никто изъ еретиковъ и не думалъ приносить раскаянія. И только тогда уже, когда противъ нихъ пущены были въ ходъ строгія наказанія—ссылки и заточенія, тогда только изъ среды еретиковъ выдѣлялись личности, которыя искали снова союза съ православною церковію. Не требовалось много соображенія, чтобы понять дѣйствительную причину подобныхъ обращеній. Іосифъ такъ и понималъ и истолковалъ себѣ новый образъ дѣй-

¹ Просвѣтитель, 563—568. Рук. имп. публ. библ. F. I., № 229. Изъ собранія гр. Толстаго отд. I, № 269, л. 336—337.

² Просвѣтитель, 532—534.

³ Рук. имп. публ. библ. F. I., № 299, л. 339. Просвѣтитель. Слово 15, 569.

⁴ Просвѣтитель, стр. 593—597, 598, 526, 580, 518—550. Рук. имп. публ. библ. F. I., № 229. Изъ собр. гр. Толстаго отд. I, № 299 л. 333—343, Рук. имп. публ. библ. О. XVII, № 64, л. 202—204. Рук. Соф. библ. № 1489, л. 260—264.

⁵ Просвѣтитель, 582.

ствій еретиковъ. Выходя изъ взгляда на покаяніе еретиковъ, какъ на вынужденное, Іосифъ совершенно не хотѣлъ вѣрить искренности ихъ раскаянія. Какъ невольное, вынужденное опасностью потерять жизнь, раскаяніе жидовствующихъ, по его взгляду, непріятно Богу¹, а потому оно не должно быть принимаемо во вниманіе и не должно избавлять еретиковъ отъ строгихъ мѣръ преслѣдованія и наказанія. Даже въ томъ случаѣ, если какой-нибудь еретикъ захотѣлъ бы принести искреннее и чистосердечное раскаяніе, то онъ могъ это сдѣлать во всякое время и вездѣ, какъ бы ни были стѣснительны его внѣшнія обстоятельства².

Наказанія, какимъ должны подвергаться за нечестивое ученіе еретики, по воззрѣнію Іосифа, составляютъ право гражданской власти. Это тѣмъ естественнѣе, что во взглядахъ его на еретиковъ дѣйствительно ясно проглядываетъ убѣжденіе его, по которому онъ смотритъ на нихъ, какъ на обыкновенныхъ преступниковъ—воровъ и разбойниковъ, только еще превосходившихъ ихъ своею виновностію. Поэтому-то онъ среди разсужденій о необходимости казней для еретиковъ вводитъ еще особое разсужденіе, излагающее обязанности царей, князей и судей земскихъ, которые всѣ должны карать одинаково и злодѣевъ и что главнѣе всего «быть отмстителемъ Христу на еретики». Въ своемъ смѣшеніи и отождествленіи понятій еретика и обыкновеннаго преступника Іосифъ идетъ далѣе, оно у него простирается до того, что самое распространеніе еретичества и снисхожденіе къ нему правительства и церкви онъ разсматриваетъ какъ одну изъ главныхъ причинъ паденія и гибели всякаго государства³.

Обязанность наказанія еретиковъ всецѣло лежитъ изъ свѣтской гражданской власти, лицамъ духовнымъ и вообще церкви предоставлена здѣсь иная роль. Представители церкви должны всѣми способами разыскивать еретиковъ, испытывать ихъ и вымогать отъ нихъ признанія въ принадлежности къ ереси и обнаруженія ея сообщниковъ. Впрочемъ роль отыскивать еретиковъ принадлежитъ не одной церкви

¹ Просвѣтитель, 581—606, 590. Рук. имп. публ. библ. F. I, № 229, л. 243.

² «Аще ли кто восхоцетъ покаятися, говоритъ Іосифъ по этому поводу, можно есть и въ темницы каитися, въ скорбѣхъ бо и въ бѣдахъ паче слышитъ Богъ кающихся». Просвѣтитель, 591. Рук. имп. публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 203.

³ Просвѣтитель, 52, —533, 536, 539—540, 586, 588, 601—602, 598—599. Рук. имп. публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 202—204.

въ смыслѣ членовъ іерархіи, ее долженъ раздѣлять всякій вѣрующій и истинный сынъ православія. Здѣсь Іосифъ предлагаетъ нѣкоторыя частныя наставленія и совѣты православнымъ. Прежде всего онъ за-
прещаетъ православнымъ имѣть всякое общеніе съ еретиками: между
тѣми и другими не можетъ быть никакой дружбы, ни любви, ни
даже вишняго общенія—въ ядѣхъ и питіи. Въ отношеніи къ
еретикамъ непозволительно имѣть никакого чувства сожалѣнія,
когда ихъ постигаетъ вполне заслуженная ими достойная кара за
ихъ лжеученія. Общій характеръ отношеній къ еретикамъ возмо-
женъ только такой, цѣлю котораго должно быть развѣдываніе,
разыскиваніе еретиковъ всякимъ образомъ и доносы, привлеченіе
ихъ къ отвѣтственности предъ властями за содержимую ими ересь,
если они дѣйствительно окажутся сторонниками ея. Для большаго
успѣха при разыскиваніи еретиковъ вполне позволительно прибѣ-
гать къ благоразумной хитрости и обману, что допускалось и свя-
тыми мужами, напр. Флавіаномъ, патріархомъ Антиохійскимъ, кото-
рый своимъ «богопремудростнымъ художествомъ и богонаученнымъ
коварствомъ еретики посрами». Іосифъ очень строго относился и
къ тѣмъ изъ православныхъ, которые благодушно смотрѣли на
еретиковъ и, зная объ ихъ еретичествѣ, не старались доносить о
нихъ властямъ. По мнѣнію Іосифа эти укрыватели еретиковъ сами
достойны строгаго наказанія и даже казни ¹.

Въ казняхъ, въ заключеніяхъ по тюрьмамъ и ссылкахъ, ка-
кія мѣры употребляла свѣтская власть въ отношеніи къ еретикамъ,
Іосифъ видѣлъ «ревность по православнои вѣрѣ христіанствѣи и лю-
бовь къ Господу Богу и Пречистой Богородицѣ». ² Казни еретиковъ
въ его глазахъ имѣли до нѣкоторой степени искупительное зна-
ченіе для лицъ, которыми они производятся ³. Наконецъ казни
еретиковъ являлись въ его представленіи вполне священной не
только для лицъ ее производящихъ, но она играла въ нѣкоторой
степени искупительную роль и по отношенію къ тѣмъ изъ ерети-
ковъ, которые ей подвергались, ослабляя степень отвѣтственности
ихъ предъ Богомъ ⁴.

¹ Рук. имп. п. библ. F. I, № 229. Изъ собр. гр. Толстаго, отд. I, № 299, л. 333. Просвѣтитель, 587—588, 562, 584, 537.

² Рук. имп. публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 204, 294.

³ Посл. Іосифа къ Митрофану въ Чг. Общ. Ист. и Др. 1847 г., № 1.

⁴ Рук. Соф. библ., № 1489, л. 290—294.

Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ Іосифа Волоцкаго на отношеніе къ еретикамъ. Нельзя не видѣть здѣсь, что онъ проникнуть духомъ нетерпимости по отношенію къ еретикамъ и страдать односторонностью. Поэтому до нѣкоторой степени правъ одинъ изъ изслѣдователей о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго, который сравниваетъ его, имѣя въ виду эту сторону его воззрѣній, съ французскимъ монахомъ, писавшимъ въ началѣ XIII вѣка противъ Альбигойцевъ ¹.

Источникъ нетерпимости Геннадія и Іосифа нужно искать во многихъ условіяхъ какъ нѣ въ частной жизни и личныхъ отношеній, такъ равно и въ общемъ характерѣ и недостаткахъ древне-русскаго просвѣщенія, а отчасти наконецъ и въ современныхъ имъ историческихъ обстоятельствахъ. Требуя для еретиковъ преслѣдованій и казни, Іосифъ и Геннадій не являлись здѣсь проповѣдниками совершенно новыхъ идей и не были въ строгомъ смыслѣ нововводителями суровыхъ отношеній къ еретикамъ. Принципы тѣлеснаго наказанія, какъ мѣры противодѣйствія еретикамъ, практиковался и ранѣе Іосифа и Геннадія ². Іосифъ и Геннадій расширяютъ этотъ принципъ въ отношеніи жидовствующихъ, внося въ кодексъ мѣры воздѣйствія на нихъ—смертную казнь ³. Но и здѣсь, въ проведеніи взгляда о позволительности и законности смертной казни для еретиковъ, они также не открывали русскому обществу безусловно новой мысли. Въ видѣ отдѣльныхъ исключительныхъ фактовъ смертная казнь еретиковъ существовала и далеко ранѣе Іосифа и Геннадія ⁴. Причина, почему Іосифъ и Геннадій, люди оба просвѣщенные, не сочли возможнымъ дѣйствовать на еретиковъ исключительно только одними мѣрами нравственными—путемъ убѣжденія, скрывается въ страшныхъ кощунствахъ ерети-

¹ Хрущовъ. Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина. Вступленіе, 7.

² Еще м. Фотій въ 1427 г. писалъ во Псковъ и совѣтовалъ Псковичамъ обращать стригольниковъ въ познаніе истины «казньми» (только не смертными), но виѣшними «казньми и заточенми.» Акты ист. т. I, № 34, 66.

³ Признаки религиозной нетерпимости нѣкоторые изслѣдователи этого вопроса находятъ еще въ древнѣйшемъ періодѣ. См. критическую статью Миллера. Вопросъ о направленіи Іосифа Волоколамскаго. Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г., част. 137, 530.

⁴ Такъ въ 1476 г. въ Новгородѣ сброшенъ былъ съ моста въ рѣку Волховъ еретикъ стригольникъ Карпъ съ двумя своими товарищами. Полн. собр. Рус. лѣт. VIII, 24; V, 235.

ковъ надъ православною святынею, которыя были настолько дерзки и открыты, что совершенно дѣлали невозможною нравственную борьбу съ ними ¹. Въ проведеніи строгихъ мѣръ противъ еретиковъ сказываются прежде всего личныя особенности характера того и другаго защитника казней. Для того, чтобы проповѣдывать укрѣпленіе вѣры, сожженіе на кострѣ и тому подобныя проявленія, какими такъ богата западная инквизиція, нуженъ особенный складъ характера и темперамента и человѣкъ болѣе холоднаго разсудка, чѣмъ чувства. Въ нетерпимости Іосифа можно отчасти допустить постороннее западное вліяніе на него, какъ потомка выходца изъ Литвы, гдѣ религіозная нетерпимость, проявлявшаяся въ инквизиціи, составляла законъ всей государственной жизни, и рассказы о которой служили, можесть быть, семейными преданіями для родственниковъ Іосифа Волоцкаго. Вѣнское и въ частности западное вліяніе съ большою ясностію отразилось на Геннадіѣ, архіеп. Новгородскомъ, который особенно восхищался примѣромъ «Пизанскаго короля», какъ онъ путемъ инквизиціи свою землю очистилъ отъ еретиковъ. ² Но главная и существенная причина нетерпимости Іосифа и Геннадія кроется въ ихъ общемъ умственномъ складѣ возрѣвній, образовавшемся подъ руководствомъ стариннаго исключительно только книжнаго образованія. Какъ Іосифъ, такъ и Геннадій принадлежали къ школѣ древнихъ русскихъ книжниковъ, совершенно незнакомыхъ съ началами критики ³ и относившихся съ одинаковымъ благоговѣніемъ къ каждому церковному авторитету и съ полнымъ убѣжденіемъ и искренностію всегда готовыхъ утверждать, что «градскіе законы подобны суть пророческимъ и апостольскимъ и святыхъ отецъ писаніямъ» ⁴. Та же самая книжность, на которой развивались и вырабатывались умы Іосифа Волоцкаго и Геннадія Новгородскаго, воспитала по одному и тому же образцу въ томъ же духѣ религіозной нетерпимости и многіе другіе умы. Церковная письменность, перенесенная

¹ Просвѣтитель, 572—574.

² Акты Археогр. Экспеди. т. I, № 380, 482.

³ Для характеристики Геннадія съ этой стороны см. посланіе его къ Прохору, еп. Сарскому. Рук. Пми, публ. публ. Q. XII, № 64, л. 317 и дат., а также посланіе его къ Іоасафу Ростовскому. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1847 г., № 8, отд. IV.

⁴ Просвѣтитель. 588.

на Русь по большей части изъ Византіи, на которой воспитывался русскій книжникъ, содержала въ себѣ не мало данныхъ, оправдывавшихъ и освящавшихъ собою религіозный фанатизмъ. Что же касается юридическихъ знаній и понятій, къ разряду которыхъ относится вопросъ объ отношеніи къ еретикамъ, то онѣ въ болѣе степени, чѣмъ всякія другія, складывались подъ вліяніемъ византійской письменности или даже прямо переносились на русскую почву изъ византійскихъ законодательныхъ источниковъ¹. Голосъ Іосифа Волоцкаго о безпощадномъ преслѣдованіи еретиковъ, случайно, но къ счастью для торжества его идей, раздался во время возвышенія и постепеннаго усиленія господства при дворѣ партіи Софій Палеологъ и ея сына Василія, который скоро сдѣлался единодержавнымъ великимъ государемъ. Онъ воспитанъ былъ своею матерью въ преданіяхъ Византіи и въ своей государственной дѣятельности старался осуществлять тѣ государственныя идеи, которыя навѣяны были ему матерью. Между тѣмъ и Іосифъ по вопросу о еретикахъ основаніе своимъ взглядамъ находилъ главнымъ образомъ въ византійскомъ законодательствѣ и въ исторіи отношеній византійскихъ императоровъ къ еретикамъ, примѣрами которыхъ наполнены многія его писанія².

Если мы будемъ объяснять нетерпимость Іосифа и Геннадія изъ особенностей и недостатковъ ихъ книжнаго образованія, то это должно служить яснымъ доказательствомъ того, что они не могли стоять въ своихъ суровыхъ отношеніяхъ къ еретикамъ совершенно одиноко. Такъ дѣйствительно и было на самомъ дѣлѣ. На соборѣ противъ жидовствующихъ, состоявшемся въ 1490 году, большинство членовъ собора потребовало сожженія еретиковъ.

Но и отрицательный взглядъ на казнь еретиковъ имѣлъ за себя значительное число сторонниковъ. Отрицательный взглядъ на казнь еретиковъ высказанъ былъ еще ранѣе, чѣмъ началъ свою борьбу съ ересью Іосифъ Волоцкій. На соборѣ 1490 года митрополитъ Зосима выразился о наказаніи еретиковъ такимъ образомъ: «достойтъ я (еретиковъ) проклятію предати и сослати въ Новгородъ на покаяніе подъ стражу, зане мы отъ Бога непоставлены

¹ См. подробности у Иконникова «Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ Русской исторіи», Кіевъ. 1859 г., 300—313.

² Просвѣтитель, слова 15 и 16.

на смерть осуждали, но грѣшныя обращати къ покаянію. ' Впрочемъ взглядъ индиферентиста имѣетъ второстепенное значеніе.

Но и между православными членами русскаго общества находилась значительная часть людей, отрицательно относившихся къ казнямъ еретиковъ по своей связи и близкому знакомству съ послѣдними. Во то время какъ извѣстно развивалась особенная страсть къ религіознымъ спорамъ, къ которой сталкивались между собою и православные и еретики, что, само собою понятно, способствовало установленію взаимнаго общія мыслей, и взглядовъ, изъ которыхъ многіе для православныхъ во все не казались преступными, и даже на оборотъ—полными интереса. А это послѣднее обстоятельство въ свою очередь пробуждало между православными и еретиками взаимныя личныя симпатіи и даже дружественныя отношенія. При возбужденіи вопроса о принятіи карательныхъ мѣръ противъ еретиковъ, православные, принадлежащіе къ этого рода категоріи, естественно возмущались жестокими наказаніями, проектировавшимися для еретиковъ. Послѣднимъ этого было и нужно. Они постарались дать болѣе подходящее къ настоящему случаю богословское обоснованіе, на которое могли бы опираться ихъ неожиданные защитники въ своихъ сужденіяхъ, посвященныхъ защитѣ еретиковъ. За тѣмъ, слышалось по этому перѣдко въ современномъ обществѣ, осуждать и истязать еретиковъ? Господь сказалъ: не судите, да не судимы будете.—Это одна фракція православныхъ противниковъ Іосифа по еретическому вопросу.

Между православными несомнѣнно находилось не мало и такихъ лицъ, которыя независимо отъ всякаго посторонняго вліянія, по собственному своему убѣжденію и личнымъ воззрѣніямъ, являлись противниками крутыхъ мѣръ противъ еретиковъ. Они точно также какъ и первые, основываясь на словахъ Спасителя и другихъ соображеніяхъ, отрицали законность смертной казни. Иные изъ нихъ впрочемъ дѣлали уступку говоря, что если еретиковъ уже надобно судить, то пусть это дѣлають цари и князья, а не пастыри церкви, иноки и простые люди. Они же настаивали и на томъ, что вовсе не слѣдуетъ предавать истязаніямъ чловека изъ за того только, чтобы вынудить у него сознаніе въ содержимой ими ереси, и вообще проводили ту мысль, что не должно разыски-

' Татищевъ. Исторія Россійская, кн. пятая, по сочинителю часть четвертая древней лѣтописи русской. Москва, 1848 г. Изд. Общ. ист. и древн. Росс., 110.

вѣтъ и отыскивать еретиковъ, если они сами не исповѣдуютъ своей ереси. Замѣчательно, Іосифъ мнѣніе о пощадѣ еретиковъ и снисходительности къ нимъ приписываетъ самимъ же еретикамъ. Эта мысль вѣрна только настолько, насколько она касается известной указанной выше группы православныхъ. Но несомнѣнно также и то, что много было и вполне православныхъ людей, чуждыхъ всякаго еретическаго вліянія, которые вовсе не раздѣляли непохвальной ревности къ истребленію еретиковъ. Это какъ нельзя болѣе ясно видно изъ словъ самаго Іосифа, который въ одномъ мѣстѣ осуждаетъ самихъ православныхъ за то, что они тужать и скорбѣть объ осужденныхъ на смерть еретикахъ.¹

Но самыми рѣшительными противниками Іосифа Волоцкаго въ его взглядѣ на еретиковъ выступило цѣлое духовное ополченіе старцевъ Кириллобѣлозерскаго и всѣхъ монастырей Вологодскихъ², носившихъ общее названіе Заволжескихъ монастырей, душою которыхъ былъ, какъ извѣстно, Нилъ Сорскій. Преп. Нилъ, исходя всегда и освящая все духомъ евангельскаго ученія, возмущался тѣми жестокими мѣрами, какія Іосифъ Волоцкій предлагалъ въ отношеніи къ еретикамъ. Свой гуманный взглядъ на еретиковъ Нилъ высказалъ еще на соборѣ 1490 года совершенно независимо и безотносительно ко взглядамъ на этотъ предметъ Іосифа Волоцкаго³. Съ Ниломъ вполне солидаренъ былъ и кружокъ учениковъ.

Самымъ замѣчательнѣйшимъ ученикомъ Нила Сорскаго былъ Вассіанъ Патрикѣвъ.⁴ Вассіанъ, въ мірѣ князь Василій Ивано-

¹ Провѣдатель, 526—527, 550, 386—387, 588.

² Шевыревъ Исторія Русс. словесности ч. IV, 174—175.

³ Соч. Временникъ изд. Строева ч. II, стр. 237; Прибавлен. къ твор. св-отца ч. X, 504—508.

⁴ Литература о Вассіанѣ: 1) Костомаровъ — Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Перв. отд. вын. второй. Сиб. 1874 г. ст. XVI, стр. 371—384; 2) Иконниковъ (статья: «Русскіе общественные дѣятели XVI в.», напеч. въ Кіевскихъ универс. изв. за 1866 г. № 1—2); 3) Павловъ (въ его изслѣдованіи: «Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи.» Одесса, 1871 г., отд. III, стр. 33—101 и въ статьѣ: «о Кормчей инокѣ князя Вассіана Патрикѣва», напеч. въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета, 1864 г. вын. II, 489—498); 4) въ Чтен. Общ. Любителей дух. просвѣщенія (за 1873 г., мѣсяцъ май, 971—626) находится статья подъ заглавіемъ: «Вассіанъ Патрикѣвъ»

вить, Патрикѣвъ-Косой, вѣль свое происхожденіе отъ Гедимина и находился въ близкомъ родствѣ съ домоуъ великихъ князей Московскихъ Іоанна III и Василія, и нѣкоторые время занимать блестящее положеніе при дворѣ великаго князя Іоанна Васильевича. Онъ отличался своимъ умомъ и дарованіями; но особенно онъ выдавался дипломатическими способностями. Василій Косой находился въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Ѳедороуъ Курицынымъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ исполнять иногда дипломатическія порученія; причемъ не разъ обнаруживалось его неумѣстное высокомеріе¹. Близкая связь съ семействомъ Курицыныхъ играетъ немаловажную роль для Василія Ивановича. Она способствовала и развила въ немъ извѣстную долю волюнтерства и свободомыслія. Вліяніе еретическаго кружка существеннѣйшимъ образомъ простиралось на формальное развитіе князя Василія. Здѣсь онъ развилъ въ себѣ склонность къ критическому отношенію ко всѣмъ явленіямъ современной ему церковной и государственной жизни. Нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ для того, чтобы можно было утверждать, что онъ усвоилъ себѣ отъ еретиковъ и самое содержаніе ихъ ученія. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Василій Патрикѣвъ, какъ родовитый бояринъ, принадлежалъ къ старобоярской партіи.— Паденіе ея сопровождалось вмѣстѣ съ тѣмъ оною и изъ семейство Патрикѣвыхъ, изъ которыхъ отецъ и сынъ Василій были пострижены въ монахи. Василій, принявшій теперь имя Вассіана, поселился въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и тамъ сдѣлался ученикомъ Нила Сорскаго.² Свой умъ и дарованія онъ обратилъ

и его полемика противъ монастырскихъ поточныхъ пуществъ; 5) въ Древней и Новой Россіи (за 1875 г. № 3, мартъ, 264—276) Хрущевымъ напечатана статья подъ заглавіемъ: Князь инокъ Вассіанъ Патрикѣвъ; 6) въ сочиненіи того же автора (ислѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина) находится нѣкоторые данныя для характеристики Василія Косаго; 7) Пановъ (въ его изслѣдованіи о ереси жидовствующихъ, напеч. въ Журналѣ Минист. Народ. Просв. за 1777 г., № 1—3. Спеціально о Вассіанѣ: № 2, 288—295).

¹ Подробную родословную Василія Косаго см. въ статьѣ Хрущова, Древн. и Нов. Росс. 1875 г. № 3.

² Соловьевъ. Ист. Россіи т. V, изд. 2, 380—391. Полн. Собр. Рус. лѣт. т. VIII, 227—228. 236.

³ П. С. Р. Л. т. VIII, 236. По примѣру прочихъ Заволжскихъ скитниковъ онъ устроилъ для себя свою особую пустынь. Чт. въ Общ. Ист. и древн. Росс. 1847 г., № 9, отд. IV, 9.

теперь на изученіе церковной письменности, и въ то же время съ полнымъ увлеченіемъ взялся за ознакомленіе съ новою сферою, его окружавшею. Склонность къ критицизму, свободомыслию,—плоду вліянія на него еретическаго общества, вполне гармонировала съ духомъ критическаго направленія въ тиши, на отдаленномъ сѣверѣ, развивавшаго свои высокія идеи, хотя исходившаго нѣсколько изъ иныхъ началъ, чѣмъ свобода мыслей Вассіана. Такимъ образомъ Вассіанъ оказался въ близкой ему по воззрѣніямъ средѣ общества. Стремленіе къ критикѣ, порожденное еретичествомъ, подѣ вліяніемъ окружавшей его новой среды, получило теперь въ немъ болѣе законное направленіе, а болѣе близкое знакомство съ священными и церковными памятниками открыло ему возможность провѣрять колебанія и сомнѣнія своего ума на дѣлѣ. Живя на Бѣлоозерѣ, Вассіанъ посвящалъ много времени на «пытаніе» и провѣрку на памятникахъ церковной письменности своихъ догматическихъ и нравственныхъ воззрѣній, относительно которыхъ его умъ мучился сомнѣніями. Но при знакомствѣ съ священными и церковными книгами онъ пришелъ къ убѣжденію въ ихъ несправности, въ существованіи въ нихъ противорѣчій. Наступилъ для него новый еще болѣе томительный періодъ сомнѣній, подѣ вліяніемъ которыхъ на основанія одного мѣста, вполне авторитетнаго для того времени учительнаго евангелія, склонялся даже къ еретическимъ тенденціямъ, онъ напр. склоненъ былъ признавать Божественную личность І. Христа за тварь.¹ Но этотъ вопросъ былъ для него предметомъ *сомнѣній, а не твердаго убѣжденія*, и Вассіанъ продолжалъ пытаться его и послѣ того, какъ онъ уже оставилъ Бѣлоозеро. Попадѣ въ сродное себѣ общество, Вассіанъ постарался изучить и понять глубокомысленнаго своего учителя преп. Нила. Дѣйствительно онъ усвоилъ себѣ принципъ критическаго отношенія къ памятникамъ церковной письменности, на которомъ останавливался преп. Нилъ. Вассіанъ далъ ему большую ясность и сообщилъ большую отчетливость, расширилъ его значеніе, перенесъ на жизненную почву и очень широко пользовался имъ въ своей продолжительной и разносторонней полемикѣ. Вассіанъ усвоилъ и все міровоззрѣніе преп. Нила, свелъ его на практическую почву, и примѣнялъ къ разнымъ явленіямъ и спорнымъ вопросамъ

¹ Чт. въ Общ. Ист. и др. Росс. 1847 г., № IX Преніе Данила митрополита съ Вассіаномъ, 10.

современной общественной жизни. Такимъ образомъ разсматриваемый съ этой стороны своей дѣятельности Вассіанъ является не-самостоятельнымъ мыслителемъ и писателемъ, а скорѣе популяризаторомъ чужихъ идей, но и въ то же время Вассіанъ по справедливости можетъ быть названъ однимъ изъ рѣдкихъ публицистовъ русской древности.

Что касается нравственного характера Вассіана, то онъ, послѣ поступленія его въ монашество, нисколько не измѣнился: Вассіанъ остался вѣренъ себѣ и подъ рубищемъ инока. Онъ не сумѣлъ схранить подъ мантиею и кукулемъ ни своихъ политическихъ симпатій и антипатій, ни смѣлости государственнаго чловѣка и дипломата, ни заносчивости боярина.¹ Разница произошла только въ томъ, что указанныя черты характера Вассіана теперь стали выражаться въ нѣсколько иномъ видѣ и дѣйствіяхъ, вполне сообразныхъ съ новымъ положеніемъ, — положеніемъ бывшаго боярина, а теперь невольнаго инока. Къ новымъ чертамъ характера Вассіана можно только отнести его жестокость и раздражительность, — черты совершенно естественныя въ чловѣкѣ, испытавшемъ въ своей жизни не мало превратностей судьбы.

Вассіанъ не особенно долго оставался въ Бѣлозерской пустыни. Если прежде гордый и ревнивый охранитель боярскихъ привилегій Вассіанъ Патрикѣевъ былъ ненавистенъ властолюбивому Іоанну и подвергся даже его опалѣ, то теперь, какъ инокъ, Вассіанъ вполне былъ для него безопасенъ. Еще менѣе причинъ быть недовольнымъ Вассіаномъ имѣлъ Василій Іоанновичъ, видѣвшій въ немъ неопальнаго боярина, а своего родственника, скромнаго Бѣлозерскаго инока. На соборѣ 1503 г., разсуждавшій о монастырскихъ имуществѣхъ и другихъ церковныхъ предметахъ, приглашенъ былъ преп. Нилъ Сорскій. Подъ защитою этого послѣдняго прибылъ въ Москву и Вассіанъ Косой².

¹ Хрущовъ. Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина 167—168. 240—241 Сн. Древн. и Нов. Росс. 1875 г., № 3.

² Время возвращенія Вассіана въ Москву съ точностію неизвѣстно. Мысль, что онъ прибылъ въ Москву въ 1503 г., проводитъ преосвящ. Макарій (Истор. Рус. церкви т. VI, стр. 126—152), ее же поддерживаетъ и Хрущовъ (Древн. и Нов. Рос. 1875 г., № 3, 270). Другіе, напр. Павловъ (Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, 65 [въ примѣчаніи]), относятъ прибытіе Вассіана въ Москву къ 1508 году. Съ большою вѣроятностію можно предпо-

Начало обсуждения вопроса объ отношеніи къ еретикамъ относится къ собору 1490 г., гдѣ мнѣнія по этому предмету раздѣлились: одни требовали сожженія еретиковъ, тогда какъ другіе предлагали противъ нихъ только однѣ церковныя кары, и послѣдніе, какъ извѣстно, одержали верхъ. Время отъ 1490—1503 г. было временемъ переходнымъ, которое подготавливало торжество православію въ его борьбѣ съ ересью. Открытый перевѣсъ въ пользу православной стороны начался съ 1503 г. Послѣ собора о церковныхъ земляхъ, на которомъ присутствовалъ и Іосифъ Волоцкій, послѣдній имѣлъ троекратное свиданіе съ Іоанномъ III и сильно подѣйствовалъ на престарѣлаго князя: онъ убѣдилъ Іоанна въ необходимости строгаго преслѣдованія еретиковъ, хотя тотъ еще нѣсколько и колебался сомнѣніями на счетъ законности подобныхъ мѣръ. По возвращеніи своемъ изъ Москвы Іосифъ съ новою энергіею началъ дѣйствовать въ пользу окончательнаго истребленія еретиковъ. Съ этою цѣлію онъ написалъ посланіе къ духовнику великаго князя¹ и къ сыну его великому князю Василию Іоанновичу. Въ послѣднемъ посланіи онъ формулировалъ свой односторонній взглядъ на еретиковъ, требуя для нихъ казни и розысковъ.

Посланіе Іосифа Волоцкаго къ Василию Іоанновичу и положило собою начало литературной борьбѣ его съ заволжскими старцами. Собственно самъ представитель заволжцевъ преп. Нилъ Сорскій по складу своего характера вовсе не заключалъ въ себѣ такихъ нравственныхъ качествъ, которыя располагали бы его къ полемикѣ. Это былъ человѣкъ созерцательнаго направленія, мыслитель, теоретикъ. Онъ распространялъ свои идеи не въ массѣ народа, а только въ кружкѣ избранныхъ лицъ «его нрава». Въ характерѣ его выдѣляются мягкость, природное добродушіе; это былъ человѣкъ сердца, чувства. Совершенно съ инымъ харак-

ложить, что Вассіанъ явился въ Москву около 1503 г., когда тамъ дѣйствительно обсуждался вопросъ о церковныхъ имуществѣхъ и разсматривались и другія стороны современной церковной жизни. Сводя къ одно цѣлое всѣ фазисы и эпизоды борьбы и полемики по еретическому вопросу и параллельно съ нимъ развившемуся вопросу о церковныхъ имуществѣхъ, скорѣе всего можно придти къ утвержденію, что Вассіанъ Косой около 1503 г. уже находился въ Москвѣ. Мы здѣсь не будемъ перечислять данныя, ведущія къ извѣстному предположенію, онѣ будутъ видны въ другихъ мѣстахъ нашего изслѣдованія.

¹ Посланіе къ Митрофану. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1847 г., № 1.

теромъ является его ученикъ Вассіанъ. Это былъ человѣкъ разсудка, а не чувства, энергическій, настойчивый до упрямства и притомъ съ развитымъ самолюбіемъ. Онъ-то и выступилъ во главѣ противниковъ Іосифа Волоцкаго по всѣмъ вопросамъ, занимавшимъ современное общество и прежде всего по вопросу объ еретикахъ. Полемику съ Іосифомъ начали старцы. На его посланіе объ еретикахъ, адресованное имъ къ Василию Іоанновичу, старцы отвѣчали своимъ коллективнымъ посланіемъ, въ которомъ шагъ за шагомъ разбивали мнѣнія своего противника. Какъ посланіе Іосифа, такъ и отвѣтъ на него старцевъ весьма замѣчательны въ томъ отношеніи, что при всей ихъ краткости въ нихъ сгруппированы существенныя черты и особенности двухъ направленій современной русской мысли. Іосифъ писалъ Василию Іоанновичу: «грѣшника или еретика руками убить или молитвою единю есть». Старцы на это отвѣчали: «некающихся и непокоряющихся еретиковъ вѣрно заточати, а кающихся еретиковъ и свою ересь проклинающихъ церковь Божію пріемлетъ простертыми дланьми: грѣшныхъ ради *Сынъ Бжій воплотися и прииде бо възсати чистыи помыслихъ*». Іосифъ въ защиту казней еретиковъ ссылаясь въ своемъ посланіи на примѣры ветхозавѣтной исторіи и исторіи изъ первыхъ вѣковъ христіанской церкви: Моисей, писавъ онъ, скрижали руками разбилъ и Шія пророкъ чотыреста жрецъ закла, и Финеосъ брата съ мадіамлянынею блудяща прободѣ, и апостолъ Петръ Симона волхва молитвою ослѣпи, и Левъ епископъ Катанскій Леодора волхва петрахилью связа и соже, дондѣже Леодоръ сторѣ, а епископъ изъ огня не изыде, а другаго волхва Сидора той же епископъ молитвою соже». Старцы въ своемъ отвѣтѣ ни сколько не отвергали и даже прямо констатировали факты, которыми защищалъ свои мнѣнія Іосифъ, но только другими фактами священной исторіи давали имъ новое историческое освѣщеніе и потомъ, на основаніи ихъ, совершенно логически приходили къ другимъ противоположнымъ выводамъ и заключеніямъ: «А что, господине старецъ Іосифъ, отвѣчали старцы на представленные послѣднимъ примѣры строгаго отношенія къ нечестивымъ людямъ, Моисей скрижали руками разбилъ, то тако есть, но егда Богъ хотѣ погубити Израіля, поклоньшася тельцу, тогда Моисей сталъ вопреки Господеву и рече: Господи, аще сихъ погубити, то мене прежде сихъ, и Богъ не погуби Израіля Моисея ради.... виднши, господине, яко любовь къ согрѣшающимъ и злымъ превозможе утолити гнѣвъ Божій». «Еще же ветхій завѣтъ тогда бысть, продолжали далѣе старцы, под-

рывая уже въ самомъ корнѣ доводы своего противника, намъ же въ новѣй благодати яви Владыка Христосъ любовный союзъ, еже не осужати брату брата: не судите и неосуждени будете, но единому Богу судити согрѣшенія человѣческая. Аще ты повелѣваеши, о Іосифе, брату брата согрѣшивша убити, то скорѣе и *субботство* будетъ и вся ветхаго закона, иже Богъ ненавидитъ». Въ своемъ отвѣтѣ Іосифу старцы основательно ссылались на слова апостола Павла, который, по нѣмъ словамъ, душу свою полагаетъ за соблазнившуюся братію, а не молвитъ имъ, дабы сихъ огонь пожегъ или земля пожрала. «Оле милости твоя, человеколюбче, милостивъ и долготерпѣливъ о любящихъ человѣческихъ!» Такими словами заключаютъ свой достойный отвѣтъ гуманные старцы. Замѣчательно, что въ то время какъ Іосифъ старается защищать свои взгляды примѣрами ветхозавѣтной исторіи и частными поступками только нѣкоторыхъ святыхъ мужей христіанской церкви, его антагонисты суживаютъ значеніе обязательности ветхаго закона и въ своихъ сужденіяхъ основываются по преимуществу на словахъ І. Христа и апостоловъ. Авторъ отвѣтнаго Іосифу посланія неизвѣстенъ, но съ большою вѣроятностію можно думать, что оно принадлежитъ перу Вассіана Патрикѣева. *

* Тонъ посланія, вызывающій и колкій, вполнѣ соответствуетъ духу и характеру другихъ полемическихъ сочиненій Вассіана. Тождество взглядовъ и сходство выраженій между отвѣтомъ и остальными сочиненіями Вассіана еще болѣе подтверждаютъ сдѣланное предположеніе. И всѣ внѣшнія обстоятельства ведутъ къ тому же заключенію. Вассіанъ былъ въ Москвѣ близкій къ Василию Іоанновичу, къ которому Іосифъ адресовалъ свое посланіе, Вассіанъ непосредственно изъ его рукъ могъ получить посланіе Іосифа и отвѣчать на него. Свое посланіе Іосифъ написалъ между 1503 и 1504 годами, до собора, осудившаго окончательно еретиковъ (объ этомъ можно заключать на основаніи другаго списка посланія Іосифа. Рукоп. Сов. библ., № 1444). При тогдашней разобщенности и отсутствіи скорыхъ путей сообщенія съ трудомъ можно допустить, чтобы посланіе Іосифа скоро могло достигнуть Кириллова монастыря, равнымъ образомъ и оттуда могъ также скоро получиться отвѣтъ старцевъ. Если даже допустить такой ходъ дѣла, то тогда отвѣтъ старцевъ, полученный въ Москвѣ спустя долгое время послѣ посланія Іосифа, не могъ рассчитывать на хорошій пріемъ и общественное вниманіе. Между тѣмъ тонъ посланія, проныскскій и колкій, показываетъ, что отвѣтъ писанъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ посланія Іосифа. Очевидно, Вассіанъ былъ Іосифа по горячимъ слѣдамъ. Причина, по которой онъ скрылъ свое имя, находится въ прямой зависимости отъ того положенія, въ канонъ онъ тогда находился. Въ это время престарѣлый великій князь Іоаннъ находился подъ вліяніемъ Іосифа Волоцкаго, Вассіану, опальному боярину Іоаннову, опасно было

Иосифъ не хотѣлъ оставить посланіе старцевъ, своихъ литературныхъ противниковъ, безъ отвѣта. Вскорѣ послѣ этого онъ написалъ особый трактатъ «на Новгородскихъ еретиковъ, глаголющихъ яко неподобаеѣ осужати ни еретика, ниже отступника», — въ которомъ онъ напротивъ проводилъ и настаивалъ на той мысли, «яко подобаеѣ еретика и отступника не токио осужати, но и проклинати, царемъ же, и княземъ, и судіямъ земскимъ подобаеѣ сихъ и въ заточеніе посылати и казнимъ лютымъ предавати». Этотъ трактатъ въ послѣдствіи вошелъ въ составъ Просвѣтителя въ качествѣ его тринадцатаго слова.

На этотъ разъ, какъ извѣстно, побѣда осталась за Іосифомъ Волоцкимъ. Соборъ 1504 года опредѣлилъ подвергнуть еретиковъ страшнымъ казнямъ. Конечно казни не могли вдругъ уничтожить всѣхъ еретиковъ: болѣе скромные и невыдающиеся ничѣмъ особеннымъ еретики продолжали существовать и послѣ эпохи казней. Іосифъ Волоцкій хотѣлъ уничтожить и это зло, и потому требовалъ новыхъ преслѣдованій еретиковъ и убѣждалъ не вѣрять изъ

выступить открыто противъ личности уважаемой княземъ и притомъ выступить ему, Вассіану, за которымъ еще шли старые счеты. Въ томъ, что Вассіанъ приписалъ свое посланіе всѣмъ старцамъ заволжскимъ («изъ Кириллова монастыря старцы, да и всѣ заволжскіе старцы положили тому посланію старца Іосифа свидѣтельство супротивно», такъ начинается отвѣтное посланіе старцевъ), нельзя видѣть предосудительнаго съ его стороны подлога. Онъ хорошо зналъ взгляды своихъ сподвижниковъ, изъ которыхъ многіе дѣйствительно проводили взглядъ на еретиковъ одинаковій съ Вассіаномъ, а нѣкоторые изъ нихъ раздѣляли даже болѣе гуманный, чѣмъ какой проводилъ самъ Вассіанъ. Это видно будетъ ниже. Вассіанъ, какъ одинъ изъ выдающихся и вліятельныхъ членовъ заволжской братіи, изъ которыхъ нѣкоторые, можетъ быть, прибыли вмѣстѣ съ Ниломъ въ Москву и находились теперь здѣсь, безъ всякаго смущенія могъ взять на себя инициативу дѣла и изложить въ особомъ посланіи взгляды своей братіи по иждечному вопросу своего времени, причемъ, конечно, не приминули отразиться въ посланіи и специфическія особенности склада его личнаго характера.

Костомаровъ предполагаетъ, что авторомъ посланія могъ быть самъ Нилъ Сорскій (Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, вып. II, стр. 376). Хрущовъ говоритъ, что авторъ посланія могъ быть Вассіанъ Косой (Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, 188). Невоструевъ прямо приписываетъ посланіе Вассіану Косому (Разсмотрѣніе сочиненія Хрущова: Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго, 48—49). Посланіе старцевъ, равно какъ и посланіе Іосифа къ Василію Іоанновичу, на которое оно служитъ отвѣтомъ, напечатано въ Древней Россійской Вивлиоикѣ, томъ XVI. Мы пользовались обоими посланіями въ рукописи Новгородской Свѣдѣйской бібліотека № 1489, л. 290—293.

покаянію, какъ вынужденному. Это онъ высказывалъ между прочимъ въ посланіи къ великому князю Іоанну Васильевичу на еретика Кленова, которое было написано въ томъ же 1504 году по поводу присылки въ Волоколамскій монастырь на покаяніе осужденнаго на соборѣ еретика Семена Кленова.¹

Крайнія требованія Іосифа вызвали новый протестъ со стороны проповѣдниковъ христіанской любви и снисхожденія къ заблуждающимся братіямъ. Вскорѣ появилось новое посланіе заволжскихъ старцевъ, въ которомъ опровергались воззрѣнія Іосифа, касающіяся еретическаго вопроса. Въ немъ доказывалось, что не слѣдуетъ разыскивать и истязать еретиковъ въ томъ случаѣ, если они держатъ ересь въ тайнѣ, не распространяя и не обнаруживая ее ни въ чемъ. Здѣсь точно также доказывалось, что еретика или отступника, если только онъ принесетъ покаяніе, слѣдуетъ принимать въ церковь и допускать до св. причащенія. Авторомъ втораго отвѣтнаго посланія старцевъ Іосифу скорѣе всего могъ быть тотъ же Вассіанъ Косой. Это «любобрепирательное посланіе», какъ называетъ его Іосифъ, не дошло до насъ. О содержаніи его можно судить только по отвѣту на него самаго Іосифа. Послѣдній отвѣчалъ старцамъ посланіемъ «о повинновеніи соборному опредѣленію»², въ которомъ онъ обвиняетъ старцевъ что они пишутъ «самочиніемъ и самозмысленіемъ, а не отъ божественнаго писанія» и снова отстаиваетъ предъ ними истинность своихъ взглядовъ на еретиковъ, и особенно настаивалъ на томъ, что слѣдуетъ разыскивать еретиковъ. На ту же тему и около того же самаго времени написаны были имъ и послѣднія три слова Просвѣтителя.

Въ октябрѣ 1503 года умеръ Іоаннъ III.³ Престолъ занялъ Василій Іоанновичъ, относившійся съ уваженіемъ къ Іосифу, но человѣкъ не раздѣлявшій симпатій и антипатій къ опальнымъ своего отца и смотрѣвшій на нихъ вполне безпристрастно. Какъ родственникъ, какъ просвѣщенный и даровитый человѣкъ, и наконецъ какъ ученикъ замѣчательнѣйшаго и всѣми уважаемаго под-

¹ Рукон. Импер. Пуб. библ. Q. XVII, № 64, л. 205.

² Рук. Имл. публ. библ. F. I, № 229, л. 333—345. Рукон. главн. архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Москвѣ, № 747 нов. катал. и № 1277 стар. катал., л. 431—441.

³ Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. VIII, 243; т. IV, 281.

вижника Нила Сорскаго, Вассіанъ легко могъ обратить на себя вниманіе Василія Іоанновича. Онъ дѣйствительно достигъ того, что вошелъ въ его милость и сдѣлался при дворѣ великаго князя своимъ домашнимъ человѣкомъ. Находясь въ Москвѣ, онъ проживалъ то въ Симоновѣ, то въ Чудовѣ монастыряхъ—самыхъ богатыхъ и знаменитыхъ. Живя въ монастырѣ, Вассіанъ обставилъ свою жизнь по-боярски, привольно, получая даже столъ изъ дворца великаго князя ¹. Вліяніе Вассіана при дворѣ росло и развивалось прогрессивно. Наконецъ онъ достигъ того, что сдѣлался необходимымъ человѣкомъ для Василія Іоанновича, который называлъ его подпорою своей державы, умягченіемъ сердца, уголеніемъ гнѣва... обогащеніемъ души, наставникомъ келицемърной любви и братолюбія. Однимъ словомъ Вассіанъ съ теченіемъ времени занялъ при дворѣ положеніе всесильнаго временщика ². Къ несчастію для Іосифа въ апрѣлѣ 1511 года умеръ митрополитъ Симонъ, рѣшавшій всѣ вопросы на соборахъ въ духѣ Іосифа и служившій ему неизменною поддержкою. Послѣ Симона митрополитомъ сдѣланъ былъ, можетъ быть не безъ вліянія Вассіана, Варлаамъ, строгій аскетъ и человѣкъ вполне сочувствующій идеямъ Вассіана и всей заволжской братіи ³. Создавъ для себя очень выгодное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе при дворѣ, Вассіанъ задался цѣлію проводить свои идеи въ жизнь общества. Первымъ его дѣломъ было смягчить великаго князя по отношенію къ еретикамъ и онъ дѣйствительно началъ усердно печаловаться за нихъ предъ великимъ княземъ ⁴. Но усилія Вассіана разбились о настойчивость Іосифа Волоцкаго. Послѣ соборнаго осужденія 1504 года послѣдовали страшныя казни. Нѣкоторые изъ еретиковъ, уstraшенные ими, начали приносить покаяніе, покаяніе, по словамъ Іосифа, притворное. Между тѣмъ нѣкоторые епископы и старцы, повѣривъ истинности ихъ покаянія, начали ходатайствовать предъ великимъ княземъ о поми-

¹ Зинавій Отенскій Истинны показаніе, 900—901.

² Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1847 г., № VIII. О сочетаніи второго брака Василія Іоанновича, 2. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1847 г., № VII. Преніе митроп. Данила съ Максимомъ Грекомъ, 11.

³ Полн. Собр. Рук. Лѣт. т. VI, 252; т. VIII, 252. Рукон. Имп. публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 292—294.

⁴ Отношенія иноковъ Кириллова и Іосифова монастырей въ XVI в. Прибавл. къ твор. св. отцевъ, ч. X, 506.

лованіи ихъ. Великій князь, «исполнившись св. Духа», отвѣчалъ имъ съ гнѣвомъ: «владыки! печалуетесь о волкахъ христіанскія кѣры. Егда волки овцы сѣдять, а сами ся растекутъ, гдѣ тогда волковъ возьмете (найдете)? Они же слышаша сія, отыдоша бездѣлни». Іосифъ торжествовалъ, но торжество ему досталось цѣною многихъ хуленій и поношеній и такихъ, которыя «еже нехлѣтъ писанію предати». Поруганія сыпались прежде всего со стороны владыкъ и старцевъ, заступавшихся за покаившихся еретиковъ. Въ виду продолжавшагося существованія ереси и сочувствія къ еретикамъ со стороны нѣкоторыхъ православныхъ Іосифъ около 1510—1511 года обратился съ новымъ посланіемъ къ Василию Іоанновичу о преслѣдованіи еретиковъ. Не ограничиваясь однимъ этимъ, онъ, по словамъ одного его біографа, продолжалъ дѣйствовать на великаго князя и другими посланіями, «непрестанно пиша въ нихъ, къ державному посылая, дабы ихъ (еретиковъ) покаенію не вѣрилъ». Отвѣтомъ на всѣ посланія Іосифа было то, что «державный повелѣ еретиковъ всѣхъ въ темницу вмѣстати и быти неисходнымъ до кончины живота ихъ». Услышавъ объ этомъ, Іосифъ, по словамъ того же біографа, воздаде славу Богу, Отцу и Сыну и Св. Духу ¹.

Іосифъ Волоцкій такимъ образомъ достигъ полнаго торжества надъ еретиками и надъ Вассіаномъ, но торжество его не обходилось и безъ непріятностей. Былъ такой случай. Два постриженника Волоколамскаго монастыря (Діонисій Звенигородскій и Нилъ Полевъ), ушедшіе съ позволенія Іосифа подвизаться на Бѣлоозеро, спустя нѣкоторое время дали знать Іосифу особой грамотой о существованіи, какъ имъ представлялось, ереси между скитниками Бѣлозерскими. Дѣло дошло до великаго князя, который обратился съ укоромъ къ Вассіану. Тотъ сумѣлъ такъ ловко поставить дѣло и выгородить своихъ пустынниковъ, что пострадали сами же доносчики—Іосифляне, пустыни которыхъ были сожжены и сами они отданы были подъ начало въ Кирилловомъ монастырѣ, а священникъ, принесшій отъ нихъ грамоту, былъ подвергнутъ пыткамъ,

¹ Рук. Имп. публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 202. Великія мненія-челія, Сентябрь, стр. 474—475.

² Приб. къ Твор. св. отцевъ, ч. X. Письмо о нелюбкахъ, 306—307. Рук. Сян. библ., № 927.

во время которыхъ онъ и умеръ. Вассіанъ продолжалъ дѣйствовать противъ Іосифа и на литературномъ поприщѣ. Онъ написалъ противъ него и противъ проводимыхъ имъ тенденцій цѣлое обширное сочиненіе, называемое имъ «тетрадами», въ которомъ онъ опровергаетъ положенія Іосифа, несогласныя съ убѣжденіями аволажскихъ старцевъ¹. Тяжелѣе всего для Іосифа было то, что онъ не могъ отвѣчать на оскорбленія своего противника. Вассіанъ добился того, что самому Іосифу воспрещено было великимъ княземъ «противу его рѣчей говорить и писати». Находясь въ такомъ критическомъ положеніи, Іосифъ обратился съ убѣдительнымъ посланіемъ къ своему старому другу, а теперь ближнему боярину великаго князя, Василию Челядину, въ которомъ просилъ его ходатайства предъ великимъ княземъ, чтобы тотъ позволилъ ему писать противъ полемическихъ сочиненій и наизодокъ Вассіана². Посланіе

¹ Полемич. соч. Вассіана. Прав. Собесѣд. 1863 г., ч. III предисловіе, 97. Сравни. Хрущовъ. Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, 246, 248—249. Тетрады Вассіана не сохранились до настоящаго времени. О существованіи обширныхъ полемическихъ сочиненій Вассіана, обозначаемыхъ имъ названіемъ тетрадей, можно догадываться изъ слѣдующаго обстоятельства. Ссылки на нихъ находятся въ сокращенномъ сочиненіи—діалогѣ Вассіана, который, какъ можно судить по нѣкоторымъ выраженіямъ, написанъ былъ Вассіаномъ уже по смерти Іосифа, когда онъ такимъ образомъ сводилъ и обобщалъ результаты своей полемики съ являющимися. (Полемич. соч. Вассіана. Прав. Соб. 1863 г., III, 210). Изъ посланія Іосифа къ В. Челядину мы узнаемъ, что Вассіанъ въ своихъ посланіяхъ уподоблялъ Іосифа за его немилосердіе къ еретикамъ еретикъ Новату. Между тѣмъ въ сохранившихся до настоящаго времени и издаваемыхъ сочиненіяхъ Вассіана не находится подобнаго сравненія и уподобленія, оно встрѣчается только въ его діалогѣ, написанномъ уже по смерти Іосифа. Значитъ кромѣ извѣстныхъ намъ были такія сочиненія Вассіана, въ которыхъ онъ называлъ Іосифа еретикомъ, подобнымъ Новату. Далѣе въ издаваемыхъ сочиненіяхъ Вассіана находится ссылка его напр. на одиннадцатое слово и десятую главу его несохранившихся до насъ тетрадей. (Прав. Собес. ч. III, 208). Во всякомъ случаѣ слова и главы здѣсь уже никакъ нельзя отождествлять съ краткими пунктами діалога, такъ какъ понятія главы, слова, или краткаго положенія очень неодинаковы между собою. Наконецъ косвеннымъ образомъ подтверждается извѣстное предположеніе посланіемъ самого Іосифа къ Челядину, гдѣ онъ между прочимъ жаждетъ на Вассіана, что тотъ «писанію предаеа, да и разсмаетъ посланія противъ него Іосифа». Превосвѣщ. Макарій (Исторія Рус. Церкви, т. VII, 258 въ примѣчаніи) и Вевоструевъ (Разсмотрѣніе книги Хрущова: Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, 60—66) отрицаютъ существованіе другихъ кромѣ сохранившихся до настоящаго времени сочиненій Вассіана.

² Рукоп. Импер. публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 292—294.

оказало соответствующее дѣйствіе. Іосифъ достигъ того, что ему позволено было писать противъ своего сильнаго связями и положеніемъ противника. Дѣйствительно онъ и написалъ противъ него особое довольно обширное, состоящее изъ девяти словъ, сочиненіе. Это сочиненіе не сохранилось до насъ. О существованіи его мы знаемъ только изъ указаній, находящихся въ краткихъ полемическихъ сочиненіяхъ Вассіана¹.

О характеръ обоихъ полемическихъ сочиненій можно судить только на основаніи сохранившагося въ извѣстныхъ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ Вассіана-краткаго его трактата, изложеннаго имъ въ діалогической формѣ. Діалогъ жѣтко характеризуетъ противоположность воззрѣній полемизирующихъ и источники, изъ которыхъ она исходила. Іосифъ писалъ между прочимъ: «яко подобаетъ православнымъ христіанамъ учительство приводить отъ ветхихъ писаній и божественнымъ писаніемъ новаго завіта». Вассіанъ на это отвѣчалъ: «аще отъ ветхаго закона къ новому закону что приведено отъ святыхъ Христовыхъ устъ отъ Евангелія и отъ апостольскихъ посланій и отъ святыхъ правилъ седми соборовъ и отъ помѣстныхъ, сіе приѣмлетъ. Аще ли же кто нововведетъ, или что приложитъ, или уложитъ кромѣ *Евангелія и Апостола и правилъ и въ святыхъ правилахъ*, сего иноязычника и мытаря именуемъ и проклятію предаемъ». Увлекался болѣе строгостію ветхаго завіта и черная оттуда для себя доводы, Іосифъ съ точки зрѣнія своихъ взглядовъ подозрительно смотрѣлъ на ученіе Вассіана о милосердіи Божіемъ, какъ основаніи для обращенія съ еретиками, и видѣлъ въ немъ покровителя самихъ еретиковъ. Въ недошедшемъ до насъ сочиненіи Іосифа находился между прочимъ трактатъ о томъ, еже Вассіанъ глаголетъ и пишетъ о милосердіи Божіи, яко всѣхъ хочетъ спасти, сіе убо пишетъ еретикомъ хотя устроить жизнь не мятужну, яко да не боящися еретицы прельщаются и въ жидовство отводятъ». Вассіанъ на такое обвиненіе съ достоинствомъ возражалъ: «вѣмъ, истинно милосердіе Божіе, яко всѣхъ Богъ хочетъ спасти и въ разумъ истинный грѣшныхъ привести покаяніемъ, яко же мытаря, и блудницу и отступниковъ и всѣхъ согрѣшающихъ». Самое разногласіе во взглядѣ на еретиковъ между Вассіаномъ и Іосифомъ заключалось въ томъ, что Іосифъ требовалъ для

¹ Прав. Собес. 1863 г., ч. III, 200—210. Ср. Хрущовъ, Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Савина, 248—249.

нихъ заточеній и лютыхъ казней и смерти, между тѣмъ какъ Вассіанъ, соглашаясь съ нимъ въ томъ, что не кающихся еретиковъ дѣйствительно священному собору должно проклинать, а царямъ и князьямъ подобаетъ ихъ заточить и казнить (*но не «въ лигу»*) т. е. наказывать исправительными мѣрами. Но что касается до кающихся еретиковъ, то тѣхъ священное писаніе повелѣваетъ принимать на покаяніе. Здѣсь Вассіанъ повторяетъ то, что имъ прежде писано было въ его «любопренепиравельномъ посланіи» Іосифу.

Кромѣ доселѣ разсмотрѣнныхъ полемическихъ сочиненій Вассіана по еретическому вопросу отъ него сохранилось еще особое сочиненіе «собраніе на Іосифа Волоцкаго», гдѣ онъ также трактуетъ объ отношеніи къ еретикамъ.¹ Здѣсь Вассіанъ обвиняетъ Іосифа за его непомерную ревность къ истребленію еретиковъ, *въ мірской гордости*, отсутствіи здраваго смысла, въ извращеніи установленій св. отецъ, а главное въ противорѣчій евангельскому ученію.² Такимъ образомъ изъ словъ Вассіана, равно какъ изъ всего характера его полемики по еретическому вопросу видно, что онъ ратовалъ за еретиковъ не по *личной* симпатіи къ нимъ, а тѣмъ болѣе не по солидарности съ ними въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, а здѣсь онъ только проводилъ и примѣнялъ къ дѣлу гуманный взглядъ на этотъ предметъ своего учителя Нила.

Литературная полемика между Іосифомъ Волоцкимъ и Вассіаномъ Патрикѣвымъ изъ за еретическаго вопроса характеризуетъ Іосифа, какъ проповѣдника крайнихъ мѣръ, какъ писателя проводившаго одностороннія воззрѣнія. Въ болѣе свѣтломъ видѣ является Вассіанъ Патрикѣвъ. Онъ не былъ проповѣдникомъ полной свободы совѣсти: онъ требовалъ для еретиковъ не болѣе, какъ только «умѣренѣ»³ относиться къ нимъ и допускалъ для нихъ церковныя и гражданскія кары: отлученія отъ церкви и ссылки и заточенія, но безусловно отрицалъ наказаніе ихъ смертію. Разсматриваемый съ этой стороны взглядъ Вассіана болѣе отвѣчаетъ историческимъ

¹ Прав. Собес. 1863 г. ч. III. Полемическія сочиненія Вассіана, 180, 198—200.

² На приводимыя на него его антагонистами обвиненія, что онъ защищаетъ еретиковъ и даетъ имъ возможность свободнаго проживанія Вассіанъ отвѣчаетъ словами: «сими (т. е. обвиненіемъ его въ покровительствѣ еретикамъ) разумъ вашъ есть осудити неповиннаго: яко не еретическую злобу заступающе, но *«Спасеніе заповѣди, правилимомъ ученіемъ поборающе правилимъ глаголемъ»*.

³ Прав. Соб. 1863 г. ч. III 199.

условіямъ и судьбамъ русскаго народа, равно какъ болѣе гармонировалъ съ существовавшими на этотъ счетъ установленіями и съ дѣйствовавшей тогда практикой, чѣмъ доведенный до послѣдней крайности взглядъ Іосифа Волоцкаго. Вассіанъ Косой является такимъ образомъ представителемъ русскаго народнаго гуманизма который съ своей точки зрѣнія не безъ основанія называлъ мучениками тѣхъ, которые приносили раскаяніе. Но идея истинно евангелической любви, положенная Вассіаномъ, подъ вліяніемъ Нила Сорскаго, какъ руководительное начало для опредѣленія отношеній къ еретикамъ, послужила для нѣкоторыхъ изъ волоцкихъ старцевъ началомъ и основаніемъ къ полному отрицанію преслѣдованія еретиковъ.

Полемика изъ за еретиковъ перешла и къ ученикамъ Іосифа и поддерживалась и другими волоцкими. Такъ Нилъ Полевъ, постриженникъ Волоколамскаго монастыря, ведетъ горячую переписку съ однимъ изъ волоцкихъ старцевъ по имени Германомъ, въ которой первый со всею горячностью Іосифовскаго ученика вооружается противъ враговъ христіанства и отступниковъ отъ православной вѣры христіанской, тогда какъ послѣдній, волигѣрный духу и преданіямъ Нила Сорскаго, утверждаетъ, что «не подобаесть намъ судити никого ни вѣрна, ни невѣрна, но подобаесть молитися о нихъ, а въ заточенія не посылати.»¹ Изъ словъ Германа видно, что онъ идетъ далѣе Вассіана, когда онъ отрицаетъ даже законность самыхъ заточеній въ примѣненіи къ еретикамъ.

Обсужденіе вопроса объ отношеніи къ еретикамъ продолжалось и послѣ смерти Іосифа Волоцкаго и у другихъ учениковъ его и послѣдователей. Одною изъ существеннѣйшихъ причинъ, вызвавшихъ появленіе ереси жидовствующихъ, были многіе недостатки современной церковной жизни. Изъ нихъ особенно рельефно выступалъ на видъ упадокъ нравственности въ монашествѣ, который находился въ причинной зависимости съ правомъ монастырей на

¹ Два посланія Нила Полева къ старцу Герману нѣ извѣстны въ нѣсколькихъ спискахъ: въ рук. Моск. дух. акад. Сборникъ № 235/441. Волок. л. 128—149 и въ рук. главн. архива министр. иностр. дѣлъ въ Москвѣ № 140 нов. кат. 195, по старому каталогу 78—85. Прекрасный списокъ посланій Нила находится въ рукописи Волоколамскаго монастыря, хранящейся въ монастырской ризницѣ, № 26/441 л. 179—188. Первое посланіе Нила Полева, хотя и безъ конца, находится въ рукописи Волок. мон., хранящ. въ монастырской ризницѣ, № 442/148, л. 1—3.

владѣніе землями и крестьянами, конимъ они иногда пользовались въ самой широкой степени. Естественно отсюда, что вмѣстѣ съ упадкомъ истинно-монашеской жизни могли явиться попытки къ искорененію нравственной деморализаціи монашества путемъ уничтоженія причинъ такъ или иначе способствующихъ ей. Еще митроп. Кипріанъ (+1406) считалъ несогласнымъ съ духомъ истиннаго подвижничества управлять монастырямъ имѣніями и крестьянами.¹ Когда же появилась и стала распространяться ересь жидовствующихъ, слишкомъ живо затронувшая и монашество и на основаніи неудовлетворительности его нравственного состоянія отвергавшая его въ самомъ принципѣ, какъ церковное, такъ и гражданское правительство, равно какъ и всѣ ревнители истиннаго благочестія, вынуждены были принять мѣры къ поднятію нравственного уровня современнаго монашества. Поэтому и не удивительно, что на соборѣ 1503 года, разсуждавшемъ о многихъ предметахъ, касающихся церковнаго исправленія, поднятъ былъ и вопросъ о земельных владѣніяхъ монастырей, которые признавались источникомъ и корнемъ зла, развѣдавнаго современное монашество. Въ числѣ членовъ собора находились и представители скитниковъ—Пансіій Ярославовъ и его ученикъ Нилъ Сорскій, и очень вѣроятно, и Вассіанъ Косой, и представитель общежительныхъ монастырей Іосифъ Волоцкій. Іоаннъ III рано сблизился съ представителями скитскаго монашества и относился къ нимъ съ большимъ уваженіемъ.² Инициатива поднятія вопроса о монастырскихъ земляхъ на соборѣ принадлежала заволжцамъ. Немедленно послѣ собора о вдовыхъ полахъ, присутствовавшій на немъ Нилъ Сорскій, въ видахъ возвышенія нравственности въ монашествѣ, подалъ великому князю мысль объ отобраніи земельных владѣній у монастырей, чтобы тѣмъ дать возможность инокамъ самимъ трудиться надъ своимъ духовнымъ развитіемъ и въ то же время самимъ поддерживать свое существованіе. Его поддерживали и другіе пустынники. Іосифъ Волоцкій выступилъ противникомъ Нила на соборѣ. Его же сторону приняло и большинство членовъ собора. Въ защиту сво-

¹ Акты историч. т. I № 253, 479—480.

² В вообще «несчастители скитники», по словамъ одного современника, ради крѣпкаго жителства и добродѣтели множества имѣли великое дарованіе къ державному и были зѣло пріемлемы и почитаемы отъ него. (Житіе Іосифа Волоцкаго, составленное неизвестнымъ).

его мнѣнія Іосифъ представилъ множество каноническихъ и историческихъ доказательствъ и практическихъ соображеній. «Аще у монастырей селъ не будетъ, говоритъ между прочимъ Іосифъ въ защиту своего мнѣнія, какъ *честному и благородному человеку* постричься? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взятъ на митрополию, или архіеріискона и на всякія честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ колебаніе.»¹ Мнѣніе Іосифа восторжествовало. Соборъ призналъ монастырскія земли неприкосновенными и въ такомъ смыслѣ далъ отвѣтъ великому князю. Въ самомъ редактированіи соборнаго отвѣта проглядываетъ участіе Іосифа. Онъ отличается обширными знаніями. Въ немъ для извѣстной цѣли подобраны примѣры и изъ ветхозавѣтной исторіи и изъ новозавѣтной, помѣщено нѣсколько постановленій соборовъ и греческихъ императоровъ, а также русскихъ князей, представлены примѣры изъ исторіи русскихъ и греческихъ монастырей и т. под.²

Дѣло Вила и заволжскихъ старцевъ было такимъ образомъ проиграно. Но этимъ вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ далеко еще не кончился. Соборъ 1503 года положилъ собою только начало развитію и литературному обсужденію вопроса. Рѣшенный юридически, вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ продолжалъ развиваться въ литературѣ и пріобрѣлъ себѣ какъ защитниковъ, такъ и противниковъ. Результатомъ была ожесточенная продолжительная полемика между выдающимися лицами обоихъ направленій, въ которой обѣ полемизирующія стороны не могли долго удержаться въ должныхъ границахъ и переходили къ крайностямъ. Не даромъ неизвѣстный современникъ, приступая къ описанію собора 1503 года, сдѣлалъ предварительное вступленіе, замѣтивъ,

¹ Деятельность Іосифа Волоцкаго на соборѣ о церковныхъ имуществѣхъ обстоятельно изложена въ житіи его, составленномъ неизвѣстнымъ. Изд. Невоструева. М. 1865 г. Чт. въ общ. любит. дух. просвѣщ. 1865 г. т. II приложение 115—120. Приб. къ твор. св. от. ч. X, 504—508; 508—512.

² Отвѣтъ напечатанъ въ сочиненіи А. Павлова: Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, вын. 1, 41—47. Я читалъ этотъ отвѣтъ въ рукоп. Моск. духовн. Акад. № 34/II, л. 426—433. Теорія о неотчуждаемости земельныхъ церковныхъ имуществъ появилась въ греко-римской имперіи и перенесена была на Русь вмѣстѣ съ наставленіями византійскаго церковнаго права. Горчаковъ. О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода, 135—168.

что «дѣволъ мнѣиелъ неспирну вражду положи» между Іосифомъ Волоцкимъ и Ниломъ Сорскимъ.¹ По къ личности Нила Сорскаго никакъ не возможно относить какихъ бы то ни было проявленій неспирной вражды, о которой говорятъ современникъ, несомнѣнно Іосифлянинъ, имѣя въ виду здѣсь на первомъ планѣ личность своего учителя Іосифа. Правда и Нилъ не могъ пройти молчаніемъ бросавшихся всякому въ глаза недостатковъ современнаго ему монашества. И отъ него осталось нѣсколько посланій съ обличительнымъ отгѣнкомъ. Таковы напр. его посланія «о полкахъ» и «о мнихахъ кружающихъ».² Но сочиненія эти чужды всякаго полемическаго задора, они представляютъ изъ себя самую объективную передачу, простое констатированіе фактовъ монашеской распущенности, очевидныхъ для каждаго и не затрогивавшія никого. Вообще послѣ собора 1503 года, рѣшившаго дѣло не въ его духѣ, Нилъ замолчалъ.

Не такъ спокойно отнеслись къ монастырскому вопросу другіе Бѣлозерскіе старцы. Въѣсто Нила защитникомъ и проводникомъ его идей и самымъ яркимъ противникомъ вотчинныхъ правъ монастырей выступилъ все тотъ же энергическій Вассіанъ Косой Патрикѣвъ. Начало полемики, точно также какъ и по вопросу о еретикахъ, положилъ Вассіанъ. Во время соборныхъ дѣяній 1503 года онъ, какъ извѣстно, находился въ Москвѣ. Недовольный, какъ и всѣ скитники, рѣшеніемъ собора, онъ распространилъ между грамотными людьми написанное имъ самимъ разсужденіе о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами, при чемъ онъ однако по чисто личнымъ, извѣстнымъ уже практическимъ соображеніямъ, умалчалъ о имени самаго автора разсужденія.³ Въ своемъ разсуж-

¹ Приб. къ твор. св. отц. X, 508.

² Рук. моск. дух. акад. № 185 л. 350. Чт. въ Общ. люб. дух. просвѣщ. 1872 г. к. XI—XII, стр. 331—352. Христіан. чт. 1877 г. № 1—2, 136. Преп. Нилъ Сорскій Сиб. 1864 г. 173—174. Рук. библ. Царскаго № 274.

³ Сочиненіе изд. проф. Боданскимъ въ Чт. Общ. ист. и др. Рос. 1839 г. кн. III отд. 3. Касательно принадлежности этого сочиненія перу Вассіана существуютъ сомнѣнія. Редакція Прав. Собесѣдника, издавшая въ 1863 г. несомнѣнные подлинныя сочиненія Вассіана, отвергла происхожденіе названнаго выше сочиненія отъ князя инова. Прав. Собес. 1863 г. ч. III, 82—96. Но въ разсужденіи нѣтъ ничего такого, почему бы его нельзя признать за произведеніе Вассіана, какъ замѣтилъ это и покойный Невоструевъ. (Разсмотрѣніе книги Хрущева: Исследование о сочиненіяхъ Іосифа Санина, 64—65). Преосвящ. Макарій склоняется въ

денія Вассіанъ устанавливаетъ основныя положенія критическаго воззрѣнія заволжскихъ отцовъ. Внимательное изученіе современной церковной письменности и особенно содержавшихся въ ней данныхъ для опредѣленія законности или незаконности монастырскихъ правъ на владѣніе вотчинами убѣдило Вассіана въ неудовлетворительномъ состояніи многихъ церковныхъ памятниковъ. Поэтому на многіе доводы, которые представлялись защитниками монастырскихъ владѣній, онъ въ своемъ полемическомъ разсужденіи отвѣчалъ выраженіемъ сомнѣнія въ ихъ авторитетности и подлинности.¹ Заподозривъ основательность доводовъ вотчинниковъ, Вассіанъ устанавливаетъ свой положительный принципъ для опредѣленія законности вотчинныхъ правъ монаховъ—это вѣрность духу новаго завіта, высота евангельскаго ученія.² Всегда исходя съ строго евангельской точки зрѣнія, Вассіанъ далѣе рисуетъ въ своемъ разсужденіи современную ему распущенную жизнь монаховъ и основательно видитъ въ ней противорѣчіе съ нравственными требованіями, изложенными въ Евангеліи.³

Разсужденіе Вассіана произвело сильное впечатлѣніе на сторонниковъ монастырскаго владѣнія и они поняли его какъ вызовъ на борьбу. Іосифъ Волоцкій въ отвѣтъ на разсужденіе Вассіана написалъ свое «Отвѣщаніе любозазорнымъ». Основная идея отвѣщанія любозазорнымъ, гдѣ онъ, не называя Вассіана по имени, тѣмъ не менѣе очень ясно намекаетъ на него, когда онъ вооружается противъ того, «кто есть презорливъ, велехваленъ, высоко-

полазу принадлежности разсужденія перу Вассіана (Ист. Русск. Цер. т. VII, 259). Это полемическое сочиненіе въ болѣе полномъ видѣ съ приписаніемъ его Ваалаамскимъ чудотворцамъ находится въ Рук. имп. пуб. библ., изъ древнехрэн. Пог. година № 1316.

¹ «Мнози книжники во мноѣхъ, шипеть онъ, не діаволу лестному умышленію, изъ св. божественныхъ книгъ, и изъ праведныхъ житій выписываютъ и выкрадываютъ изъ книгъ прендобныхъ и свитыхъ отецъ писаніе, и на тожъ мѣсто и въ тѣже книги приписываютъ лучшая и полезная себѣ вносятъ на собраніе свидѣтельства, яко бы то се подлинно свитыхъ писаніе».

² «Прощѣла новая благодать, а ветхая ихъ лжа попрадала вся», въ подобныхъ выраженіяхъ неоднократно повторлетъ Вассіанъ свою любимую мысль о превосходствѣ и неуклонномъ слѣдованіи духу новозавѣтнаго ученія.

³ Вассіанъ отзываясь о современныхъ ему монахахъ, что они оканяные и многогрѣшныя «выгнали у Всемилюставаго Спаса, у небснаго Владыки таковыи пося образъ».

шлявъ, величавъ, укоряя благое и любя зазоры»¹, написаннаго въ виду упрековъ Вассіана русскому монашеству за отступленіе отъ древняго благочестія, состоитъ въ томъ, чтобы выставить преимущественно одні похвальные стороны монастырской жизни. Поэтому Іосифъ разсматриваетъ высокіе подвижническіе труды первыхъ русскихъ иноковъ и затѣмъ послѣдующаго и ближайшаго времени и наконецъ труды своихъ современниковъ, которыхъ онъ самъ видѣлъ, странствуя по монастырямъ, и въ концѣ концовъ проникается такимъ убѣжденіемъ и заявляетъ, что «многихъ видѣлъ и о нихъ же слышалъ, иже бяху святы и честны, иночески живуще во всѣхъ монастыряхъ русскія земли», и притомъ въ самомъ подавляющемъ большинствѣ—«живя по свидѣтельству *общежительныхъ преданій*»².

Полемическое разсужденіе Вассіана встревожило не только одного Іосифа Волоцкаго, но и всѣхъ лицъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сохраненія за монастырями вотчинныхъ правъ и державившихся одинаковыхъ съ нимъ воззрѣній. Въ 1505 г. явилось сочиненіе, написанное по повелѣнію какого-то епископа, въ которомъ защищалось право духовенства владѣть вотчинами³. Это посланіе еще болѣе усилило взаимный антагонизмъ направлений.

Къ несчастію для Іосифа Волоцкаго одновременно съ полемикою противъ Вассіана ему пришлось защищать принципы неприкосновенности монастырскихъ имуществъ и противъ посягательствъ

¹ Подобныя черты характера приписывались Вассіану не однимъ Іосифомъ, а даже Іоанномъ III. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. V, изд. 3, 88.

² Отвѣщаніе любозагорнымъ напечатано въ Чт. Общ. Ист. и Др. Рос. 1847 г., № 7; оно же служитъ 10 главою монастырскаго устава и напечатано также въ Великихъ Четьихъ Минеяхъ, Сентябрь, 546—563.

³ Сочиненіе имѣетъ слѣдующее названіе: «Слово кратко противу тѣхъ иже въ вещи свѣщныя, подвижныя и неподвижныя, соборныя церкви вступаются, и отнимати противу спасенія душъ своихъ державятъ, заповѣди Божіи и церковныя презирающе и православныхъ царей и великихъ князей истинное съ клятвою законоположеніе разоряюще и заповѣди Божіи пріобидяще.» Рук. Москов. Синод. библ. № 370, XVI в. л. 195—255. Рук. Москов. Пуб. Муз. № 1257 XVI в. л. 191—263. Послѣдняя рукопись написана въ Волоколамскомъ монастырѣ инокомъ его Вассіаномъ, бывшимъ архимандритомъ Возмпицкимъ. Это самое сочиненіе мы знаемъ еще по рукописи графа А. С. Уварова, гдѣ оно имѣетъ названіе посланія «О свободѣ святыя церкви.» Рукопись библ. графа Уварова, въ Петерб., въ листъ, № 221. О характерѣ, авторѣ и происхожденіи этого сочиненія см. у Павлова—«Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель, 60—63.

своего удѣльнаго князя Θεодора Борисовича Волоцкаго на имущество самого Волоколамскаго монастыря, окончившихся переходомъ послѣдняго въ удѣлъ самого великаго князя и вызвавшихъ затѣмъ борьбу Іосифа съ Серапіономъ, архіепископомъ Новгородскимъ¹. Въ этомъ духѣ написаны были имъ посланія—боярину Борису Васильевичу Кутузову² и Ивану Ивановичу Третьякову³. Кромѣ того Іосифъ считалъ нужнымъ написать особый новый трактатъ о неприкосновенности монастырскихъ имуществъ, извѣстный подъ краткимъ заглавіемъ: «о грабителяхъ церкви»⁴. Въ этомъ сочиненіи, равно какъ и въ указанныхъ двухъ посланіяхъ, въ подтвержденіе извѣстныхъ мыслей находятся ссылки на Златоуста, на примѣры библейской и церковной исторіи, а также ссылки на Никона Черногорца. Здѣсь также приводится клятва на «обидящихъ св. Божіи церкви и монастыри», изреченная будто бы пятымъ вселенскимъ соборомъ. Но особенно много аргументовъ для своихъ взглядовъ Іосифъ черпаетъ изъ житій ил. точнѣе, изъ чудесъ находящихся въ житіяхъ святыхъ: Стефана Сербскаго, Леонтія Ростовскаго, великомученика Мины, Θεодосія Печерскаго и другихъ. Каждое изъ чудесъ перечисленныхъ здѣсь святыхъ представляетъ грозный примѣръ божественной кары, поражающей святотатцевъ и особенно князей, поднимавшихъ когда-либо руку на церковную собственность. Особый отдѣлъ доказательствъ въ перечисленныхъ сочиненіяхъ Іосифа представляютъ изъ себя каноническія правила и узаконенія греческихъ императоровъ о неотъ-

¹ Объ этомъ см. въ «Исслѣд. Хрущова о сочиненіяхъ Іосифа Санина», 203—237.

² Др. Рос. Вѣдѣн. ч. XIV, изд. 2, 177—203. Есть въ рук. Моск. Публ. Музея № 1257 л. 122—151 и въ рук. Волоколамскаго монастыря, наход. въ монаст. ризницѣ, № 12/141 л. 220—253.

³ Отрывки изъ посланія къ Третьякову напечатаны въ Чт. Общ. Истор. и Древ. Рос. 1847 г. № VII отд. V, 13—16, а въ полномъ видѣ см. рук. Имп. Публ. Библ. Q. XVII, № 64, л. 222 и рук. той же библ. Q. XVII, № 50, л. 77—91, а также рук. Мос. Публ. Муз., № 1257 л. 86—121 и въ рук. Волокол. монастыря наход. въ монаст. ризницѣ, № 12/141 л. 253—293.

⁴ Настоящее сочиненіе преп. Іосифа находится въ рук. Моск. Дух. Академіи № 123/141 л. 532—536, а также въ рукописяхъ Импер. Публ. Библ. Q. XVII, № 15. (Изъ собр. гр. Толстаго, отд. II, № 254 л. 68—287) и Моск. Публ. Муз., № 1257, 264—297 и въ рукоп. Новгород. Сов. биб. № 1466 л. 368—359. Послѣдній списокъ имѣетъ сравнительно съ предыдущими списками нѣкоторыя раздѣльныя дополненія. Содержаніе памятника изложено у Павлова: «Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи», 55—60.

емлемости церковныхъ имуществъ. Вообще трактаты Іосифа, равно какъ и его посланія къ Кутузову и Третьякову наполнены довольно вѣскими аргументами историческаго и церковно-каноническаго характера.

Дружный отпоръ, данный противникамъ земельной монастырской собственности, сильно затронулъ Вассіана, который рѣшился еще настойчивѣе дѣйствовать въ защиту своихъ убѣжденій. Съ этою цѣлью онъ написалъ цѣлый рядъ полемическихъ сочиненій, направленныхъ противъ земледѣльческихъ правъ монастырей и ихъ защитниковъ.

Основная идея всей полемики Вассіана по монастырскому вопросу въ принципѣ противоположна характеру полемики Іосифа Волоцкаго. Въ то время какъ послѣдній, какъ уже это было видно, большею частію исходилъ изъ историческихъ и каноническихъ основаній,—основаній формальныхъ по своему характеру, Вассіанъ въ своей полемикѣ держится одной преимущественно строго евангельской точки зрѣнія и болѣе всего обращается въ сферѣ нравственныхъ сужденій.

Общій положительный взглядъ Вассіана на монашество тождественъ со взглядомъ на него Нила Сорскаго. Вассіанъ написалъ по вопросу о монастырскихъ имуществѣхъ противъ Іосифа Волоцкаго два обширныхъ слова и предисловіе къ нимъ. Въ «предисловіи Нила и Вассіана на Іосифа, Волоцкаго игумена», предпосланномъ Вассіаномъ своимъ полемическимъ трудамъ¹ онъ высказываетъ отрицательный взглядъ на внѣшнее благоупокоеніе, формализмъ общежительнаго монастырскаго устава², преимущественно намекая здѣсь на внѣшній формализмъ устава Іосифа Волоцкаго. Въмѣсто ревностнаго выполненія правилъ внѣшней монашеской дисциплины, Вассіанъ истинное призваніе и назначеніе инока видитъ въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ молитвою, постомъ, воздержаніемъ и бдѣніемъ всегда заниматься изученіемъ книгъ пророковъ, апостоловъ и евангелій, однимъ словомъ свещ. писанія—для того, чтобы все это потомъ прилагать къ своей нравственной дѣятельности и духовному усовершенствованію.

Первое слово Вассіана противъ Іосифа: «Слово откровенно про-

¹ Полемическія сочиненія Вассіана. Прав. Собесѣд. 1863 г., ч. III, 102—104.

² Такъ между прочимъ Вассіанъ говоритъ: «гласъ молитвы есть молящихся: умиленіе, а не въ ибнѣхъ и гласъхъ о званіи велегласѣй благочестіе познавается».

тиву кленущихъ истину евангельскую»,¹ замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно вполне отображаетъ собою духъ и характеръ полемики Вассіана и всѣхъ его воззрѣній. Вассіанъ скептически здѣсь относится ко многимъ доводамъ, которыми пользовался Іосифъ для защиты своихъ излюбленныхъ идей, называя ихъ заповѣдями человѣческими и разсматривая ихъ какъ плодъ бесполезнаго учительства. Отсюда и самое благочестіе, основанное на нихъ, заключается «въ словѣ токмо и внѣшнемъ образѣ». Для опредѣленія настоящаго истиннаго монашества Вассіанъ обращается къ евангельскому ученію, и истинному монашеству усваиваетъ значеніе «житія и жительства евангельскаго», и всѣ нравственныя обязанности инока состоятъ, по нему, въ томъ, чтобы быть инокамъ живущими «по заповѣди самого Господа Спасителя». Держась своего евангельскаго взгляда на монашество, Вассіанъ переходитъ къ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія установленнаго взгляда современнаго ему монашества и находитъ, что оно живетъ «противу заповѣдей Господскихъ ополчающеса». Здѣсь онъ иногда не безъ искусства дѣлаетъ сравненіе между заповѣдями Спасителя, излагающими ученіе о христіанскомъ самоотреченіи и самопожертвованіи, и дѣйствительнымъ положеніемъ современнаго ему монашества, и находитъ полную противоположность между истиннымъ, евангельскимъ призваніемъ иноковъ и ихъ настоящею жизнію обставленною, благодаря владѣніямъ селами и помѣстьями, всевозможными удобствами высоковладѣтельнаго лица.

Если первое слово Вассіана противъ Іосифа характеризуетъ его какъ защитника и проводника положительнаго *строгаго-евангельскаго духовнаго взгляда* на монашество, то второе его слово или «собраніе на Іосифа Волоцкаго»² представляетъ его какъ послѣдователя критическаго направленія. Іосифъ черпалъ весьма много своихъ основаній для защиты вотчинныхъ правъ монашества изъ житій и историческихъ сказаній о древнихъ святыхъ русскихъ подвижникахъ и особенно много изъ *позднѣйшаго добавочнаго отдѣла ихъ—изъ сказаній о посмертныхъ чудесахъ ихъ*. Заволажцы, начиная съ Нила Сорскаго, при возбужденіи вопроса о монастырскихъ имуществахъ, обрати-

¹ Полемика, соч. Вассіана. Прав. Собес. 1863 г., ч. III, 104—112. Оно есть въ рукописи Моск. Синод. библ. № 235 XVI в. л. 263. Описаніе Синодальной библиотеки Горскаго и Невоструева, отд. II, кн. 3, 134—144.

² Полемика, соч. Вассіана. Пр. Собес. 1863 г., ч. III, 180—200.

лись къ критическому изслѣдованію основаній, на которыхъ утверждалось мнѣніе ихъ противниковъ. Самъ преп. Нилъ и тотъ трудился надъ исправленіемъ житій святыхъ, и отыскивалъ и списывалъ ихъ «съ правыхъ списковъ». Его примѣру слѣдовалъ и Вассіанъ, который изучалъ—житія святыхъ по ихъ самымъ первоначальнымъ и древнимъ редакціямъ, безъ послѣдующихъ къ нимъ наслоеній въ формѣ сказаній о чудесахъ, при чемъ много могъ помогать ему своимъ указаніями и многообразованный его учитель, Нилъ. Когда Іосифъ сталъ ссылаться на житія святыхъ, какъ глубокий и вѣскій авторитетъ въ пользу своего мнѣнія, понимая ихъ въ очень широкомъ смыслѣ, т.-е. внося сюда и позднѣйшія прибавленія къ нимъ—сказанія о чудесахъ, Вассіанъ, воспитавшійся въ другой школѣ и на другихъ источникахъ, серьезно сталъ подрывать основательность его доводовъ, подвергая сомнѣнію ихъ историческую достовѣрность и авторитетность. Самостоятельное, критическое изученіе житій святыхъ привело его къ совершенно противоположнымъ выводамъ ¹. Съ точки зрѣнія своихъ основаній и источниковъ Вассіанъ вполне правъ ². Вотъ почему совершенно послѣдовательно Вассіанъ многіе изъ аргументовъ Іосифа называлъ «человѣческимъ преданіемъ и языческимъ обычаемъ, ими же имя Божіе хулно есть».

¹ «Испытайте же и разумѣйте, пишетъ Вассіанъ на ссылки Іосифа на житія святыхъ, кто изъ возсіявшихъ во святыхъ и монастырей соорудившихъ попеченіе сотвори, когда села приложить своему монастырю?... Не можете рещи. Ниже бо Пахоміе, ниже Ксенодіи, ниже Савва, ниже Θεодосіи, ниже Герасамъ... ниже сами удержаша снцвое что, ни бывшымъ по себѣ повелѣша. И аще трудолубко въ житіи ихъ примыкаше, обращемъ ихъ послѣднюю ипостою пожившихъ, яко многожды и двояного хлѣба оскудѣвшихъ.»

² Дѣйствительно, первоначальныя житія поименованныхъ у Вассіана русскихъ святыхъ говорили въ пользу позарѣній Вассіана. Проф. Павловъ провѣрилъ, пользуясь рукописями Соловецкой бібліотеки, слова Вассіана на житіяхъ всѣхъ упоминаемыхъ имъ русскихъ святыхъ (Истор. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель, 69 въ примѣчаніи). Замѣчательно, что изъ числа доводовъ, выставленныхъ противъ Вассіана на судившемъ его соборѣ 1531 г., нѣтъ ни одного свидѣтельства о тѣхъ русскихъ святыхъ, которыхъ онъ признавалъ нестѣжателями (Ученыя Зап. Казан. Универс. 1864 г. вып. II, 489—498). Однако нужно замѣтить, что извѣстія житій не всегда оправдываются юридическими актами, изъ которыхъ видно, что и поименованные Вассіаномъ отцы русскаго монашества имѣли при своихъ монастыряхъ земли и села. См. жалован. грам. Сергіеву монастырю Димитріа Донскаго (А. А. Э. т. I, № 7, 3), вкладную грам. Варлаама Хутыискаго (Доп. къ Акт. Ист. т. I, № 5, 8) и др. Въ отношеніи Вассіана

Понятно какъ должны были подѣйствовать на Іосифа Волоцкаго и его сторонниковъ нападки Вассіана на современную распущенность монашества и на его свободное отношеніе къ тѣмъ авторитетамъ, которыя Іосифъ признавалъ за самыя непреложныя истины. Іосифъ не могъ смолчать предъ Вассіаномъ. Онъ скоро написалъ противъ него новое сочиненіе, въ которомъ онъ вооружался противъ мнѣній Вассіана. Послѣдній также не молчалъ и отвѣчалъ новымъ полемическимъ сочиненіемъ въ защиту мнѣній воложской братіи. Оба полемическія сочиненія какъ Іосифа такъ и Вассіана не дошли до насъ. О характерѣ ихъ можно судить только на основаніи краткаго діалога, сохранившагося среди полемическихъ сочиненій Вассіана.

Въ проведеніи воложцами мысли о томъ, что древніе русскіе подвижники и основанные ими монастыри не имѣли земель и крестьянъ, Іосифъ видѣлъ хулу на всѣхъ русскихъ чудотворцевъ

подобные документы не могли имѣть никакого значенія, онъ даже и не могъ знать о ихъ существованіи. Если бы даже Вассіанъ и зналъ о существующихъ издавна даровыхъ записяхъ и актахъ, то его скептическій умъ не скоро поддавался бы ихъ авторитету. Да и вполнѣ основательно можно было сомнѣваться въ подлинности монастырскихъ актовъ, когда въ то время происходили не рѣдкіе подлоги и это дѣлали такіа высоконоставленные лица какъ Чудовскій архимандритъ (П. С. Р. А. т. VI, 238). Вассіанъ утверждаетъ не по невѣжеству и не по упрямству, что древніе русскіе подвижники не имѣли при своихъ монастыряхъ селъ и крестьянъ. Эта мысль высказывалась еще далеко ранѣе Вассіана. (См. Посл. митр. Кипріяна къ Аванасію. А. Ист. т. I. № 233. 480). Притомъ Вассіанъ не категорически безусловно утверждалъ, что древніе иноки и подвижники не имѣли при своихъ монастыряхъ селъ и крестьянъ. Онъ соглашался въ отношеніи нѣкоторыхъ древнихъ подвижниковъ, что «тѣ держали села, а пристрастія къ нимъ не имѣли.» Чт. въ Об. Ист. и Др. 1847 г., № 9. Превіе митр. Данила съ Вассіаномъ. 6. При томъ здѣсь нужно всегда принимать во вниманіе то весьма важное обстоятельство, что земледѣльческія права епископовъ, церквей и монастырей, въ древній, домонгольскій періодъ русской исторіи, имѣли совершенно иной смыслъ и значеніе, чѣмъ какія они получили впоследствии. Земельныя владѣнія того времени не были похожи на позднѣйшія населенныя вотчины, получавшіяся въ даръ, гдѣ тотчасъ послѣ полученія шло собираніе оброковъ съ крестьянъ, но были просто собственныя хозяйства (усадыбы, фермы, мызы), гдѣ прибыль, нисколько не даваясь даромъ, условливалась количествомъ затраченныхъ труда и капитала. Е. Голубинскій. Исторія русской церкви, т. I, періодъ первый, первая половина тома, М. 1880. 433. Существуютъ впрочемъ въ литературѣ и другаго рода взгляды на этотъ предметъ, несогласные съ вышеприведеннымъ. Горчаковъ. Монастырскій Приказъ. СПб. 1868, 15—20.

и воспользовался ею для обвиненія своихъ противниковъ. Въ его не дошедшемъ до насъ сочиненіи находилось между прочимъ положеніе: «еже како Нилъ и ученикъ его Вассіанъ похулиша великихъ чудотворцевъ Антонія и Θεодосія, и всѣхъ святыхъ чудотворцевъ, иже въ печерскомъ монастыри и во всей русской земли». Вассіанъ въ своемъ отвѣтномъ сочиненіи возражалъ своему противнику: «сіе, Іосифе, на мя и на старца моего лжени, что будто се мы похулили всѣхъ чудотворцевъ во всей русской земли. Мы же благодатию Божіею чудотворцевъ кіевскихъ ублажаемъ и всѣхъ во всей русской земли... и знаменосци ихъ именуемъ; понеже сохранили заповѣди Божіи и жили по Евангелію и Апостолу».

Критическое отношеніе Вассіана къ аргументамъ Іосифа, замѣшаннымъ имъ изъ сказаній о чудесахъ святыхъ, подало поводъ къ еще болѣе серьезному обвиненію его Іосифомъ. Послѣдній по этому поводу писалъ: «о еже како Нилъ и ученикъ его Вассіанъ похулиша не токмо въ русской земли чудотворцевъ, но иже и въ древняя лѣта и въ тамошнихъ земляхъ бывшихъ чудотворцевъ: чудствомъ ихъ не върываши и отъ писанія измѣташи чудеса ихъ». Тѣмъ и закончилъ свою литературную борьбу съ Вассіаномъ Іосифъ.

Одновременно съ литературной полемикой Вассіанъ Косой дѣйствовалъ въ пользу своихъ идей и другимъ болѣе практическимъ путемъ. Приближенный великаго князя онъ старался убѣждать послѣдняго дѣйствовать въ своемъ духѣ и настаивалъ предъ нимъ на отобраніи у монастырей земельныхъ владѣній и крестьянъ.

Вассіанъ не безусловно отрицалъ законность церковной поземельной собственности, онъ оставлялъ ее для архіереевъ и приходскихъ церквей, хотя и ограничивалъ употребленіе и пользованіе землями и угодьями строго каноническими правилами.¹

Черезъ всю полемику Вассіана противъ владѣльческихъ правъ монастырей проходить одна замѣчательная и достойная идея, — это его постоянная симпатія къ низшему классу, который въ то время жилъ одними страданіями. Вассіанъ постоянно противопоставляетъ послѣднюю нищету и страданія бѣдняка роскоши и

¹ Приб. къ Твор. св. отц. ч. X. Объ отношеніяхъ инокѣвъ Кириллова и Іосифова монастырей въ XVI в. 305. Полемич. соч. Вассіана. Прав. Собор., 1863 ч. III, 200—210. 192.

изнѣженности высшихъ правилегированныхъ классовъ. Здѣсь уже Вассіанъ затрогивалъ очень важный социальный вопросъ. Нужно сказать, что голосъ Вассіана въ защиту угнетаемаго бѣднаго простаго народа не прошелъ безслѣдно.

Однако Вассіанъ Косой не успокоивался. Его продолжалъ занимать вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ. Такъ какъ однимъ изъ вѣскихъ аргументовъ, какими пользовались его противники, служили данныя капопическаго характера, то это обстоятельство обратило критическій умъ Вассіана на изученіе современной ему Кормчей. Убѣдившись въ ея неудовлетворительности, Вассіанъ задается планомъ составить новое собраніе церковныхъ правилъ. Это было около 1515 года. Іосифъ Волоцкій не упускалъ изъ виду дѣйствій своего противника и чрезъ своихъ московскихъ друзей зорко слѣдилъ за нимъ, своевременно узнавая чрезъ нихъ о всемъ томъ, что дѣлалъ его противникъ. Провѣдавъ теперь чрезъ тѣхъ «кто до него былъ добръ» о новомъ предпріятіи Вассіана, Іосифъ, самъ уже будучи больной и не въ состояніи трудиться, въ соответствии и противоявіе труду Вассіана, поручаетъ своему ученику и преемнику по игуменству заняться изученіемъ и собираніемъ церковныхъ правилъ. Такимъ образомъ Іосифъ Волоцкій, сходя съ исторической сцены, вмѣсто себя выдвигаетъ одного изъ своихъ преданнѣйшихъ и способныхъ учениковъ. Отсюда въ своемъ новомъ литературномъ трудѣ Вассіанъ вмѣсто Іосифа встрѣчается уже съ новымъ противникомъ.

Не мало существовало и другихъ вопросовъ, по которымъ расходились Іосифъ Волоцкій и воложскіе старцы. Одинъ изъ такихъ вопросовъ касался положенія вдовствующихъ священнослужителей. Соборомъ 1503 г.¹ всѣ вдовыя священники и діаконы лишались права священнослуженія². На этомъ соборѣ присутствовали между прочимъ знаменитые старцы Паисій Ярославовъ съ Ниломъ Сорскимъ и Іосифъ Волоколамскій.³ Скитскіе волож-

¹ П. С. Р. Л. т. VI, 49, VIII, 243.

² Опредѣленіе собора 1503 г. о вдовыхъ монахахъ напечатано въ Астахъ Археограф. Экспед. т. I, № 383, 485—488.

³ Приб. къ Творен. св. отц. часть X, 504—505. Полемич. сочин. Вассіана. Прав. Собес. 1863 г. ч. III, 206—207. Житіе Іос. Волоцкаго, составленное неизвѣстнымъ. Чтен. въ Общ. любит. Дух. Просв. 1863 г. т. II.

скіе старцы, и во главѣ ихъ препоп. Нилъ, были противъ соборнаго рѣшенія. Правильно развитое христіанское чувство Нила, не заглушенное каноническими формальностями, давало ему возможность видѣть всю несправедливость собора, который за проступки нѣкоторыхъ жестоко осуждалъ всѣхъ вдовыхъ священнослужителей, и безъ того уже несчастныхъ.

На опредѣленіе собора 1503 г. послѣдовалъ сильный протестъ ростовскаго священника Георгія Скрипицы¹, оставшійся, къ сожалѣнію, гласомъ вопіющаго въ пустыни и заглушій въ воздухѣ церковно-обрядоваго формализма.

Іосифъ Волоцкій, вѣрный хранитель всѣхъ древнихъ церковныхъ преданій и узаконеній, былъ за соборное опредѣленіе, и въ виду протеста на него написалъ въ защиту опредѣленія собора 1503 г. особое небольшое и не вполне удовлетворительное сочиненіе, въ которомъ онъ доказывалъ не совсѣмъ справедливую мысль, что вдовому священнику чистымъ оставаться «нemoжно», и что св. отцы повелѣваютъ «злю то пренубодѣйство искоренити».² Спорный вопросъ о вдовыхъ понахъ едва затрогивается въ сложной полемикѣ Іосифа Волоцкаго и заволожцевъ. Только Вассіанъ Косой въ своемъ полемическомъ сочиненіи коснулся этого вопроса, гдѣ онъ справедливо доказывалъ, что св. правила чистымъ вдовцамъ вовсе не запрещаютъ священнослуженія, и что Іосифъ «по страсти, челоуѣкоугодія ради» настоялъ на томъ, чтобы не служить вдовцамъ чистымъ и нечистымъ.³

Много симпатій внушаетъ къ себѣ гуманное отношеніе блж. зерцевъ къ несчастнымъ вдовцамъ изъ священнослужителей. Помимо борьбы съ Іосифомъ Вассіанъ и безотносительно продолжалъ ратовать и защищать все вообще блж. духовенство и возмущался презрительнымъ къ нему отношеніемъ со стороны гордаго своими силами и могуществомъ чернаго духовенства, которое, по его

¹ Онъ напечат. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1848 г. № VI, отд. IV. 43—54.

² Это сочиненіе Іос. Волоцкаго вошло въ составъ и составляетъ его 78 главу. См. Стоглавъ изд. Кожанчикова. СПб. 1863 г. 237—238.

³ Полем. сочин. Вассіана. Прав. Собес. 1863 г., ч. III, 206—207.

словамъ, смотрѣло на членовъ бѣлаго духовенства, какъ на невѣрныхъ иноземцевъ и прочихъ поганныхъ.¹

Новый пунктъ разногласій между двумя направленіями состоялъ въ ихъ отношеніяхъ ко внѣшнему церковному благолѣпію. Іосифъ Волоцкій, для котораго внѣшняя сторона религіозной жизни играла весьма важное и существенное значеніе въ дѣлѣ нравственнаго развитія человѣка, внѣшній блескъ храмовъ, богатое украшеніе ихъ дорогими иконами и ризами считалъ необходимою принадлежностью для православнаго богослуженія. Поэтому основанный имъ Волоколамскій монастырь отличался и прекрасною внѣшнею обстановкою, и богатствомъ своихъ церквей, и драгоценностью священныхъ облаченій, которыя блистали жемчугомъ и другими дорогими камнями.²

Совершенно иначе относился ко внѣшнему благолѣпію храмовъ Нилъ и его школа. Оцѣнивая все съ исключительно нравственной точки зрѣнія, Нилъ отводилъ второстепенное значеніе внѣшней обрядовой сторонѣ религіи, и потому отрицалъ необходимость богатыхъ украшеній для церквей, советуя ограничиваться при этомъ вещами и предметами только существенно необходимыми и самой простой архитектуры и низкой цѣнности. По этому-то онъ изгналъ изъ употребленія въ своей скифской церкви положительно всякіе слѣды роскоши.³ Точно также и Вассіанъ Косой, по примѣру своего великаго учителя, отрицаетъ всякое богатое украшеніе въ церквахъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ проводитъ ту очень основательную мысль, что лучше раздавать богатство нищимъ и убогимъ, нежели украшать церкви. «Церковное украшеніе, справедливо замѣчаетъ Вассіанъ, пропадаетъ отъ огня и расхищается варварами и ворами, а что дается нищимъ и діаволъ не можетъ украсть».⁴

Самою существенною, отличительною, хотя и менѣе всего уловимою чертою направленій Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго слу-

¹ Разсужденіе Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. 1859 г. № III, отд. III, 4. 10.

² Житіе Іосифа Волоцкаго, составленное Саввою Чернымъ, еп. Крутицкимъ. Великія Минеи Четьи. Сентябрь, 466.—Древн. Росс. Визлѣица ч. XIV. 177—203. Хрущевъ—Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго, 64.

³ Преп. отца нашего Нила Сорскаго преданіе ученикомъ. СПб. 1851 г. 63—64.

⁴ Полемич. сочин. Вассіана. Прав. Собес. 1863 г., ч. III, 209.

жить ихъ понятіе о власти свѣтской и церковной и о взаимныхъ отношеніяхъ послѣднихъ между собою. Этотъ пунктъ непосредственно не былъ затрогиваемъ и не обсуждался въ литературной борьбѣ обѣихъ сторонъ, а потому онъ развитъ сравнительно мало. Отсюда можно составить только приблизительное понятіе о воззрѣніяхъ разныхъ школъ на общіе принципы государственнаго и церковнаго права.

Теоретическія воззрѣнія Іосифа Волоцкаго на государственную власть выработаны и формулированы преимущественно на основаніи византійскихъ источниковъ и приблизительно съ византійскими понятіями о власти царской. Іосифъ Волоцкій былъ самымъ строгимъ поборникомъ священнаго значенія свѣтской власти, власти сосредоточивающей въ рукахъ единого лица государя.¹

Ореолъ божественности, которымъ окружаетъ Іосифъ царскую власть, прямо ведетъ его къ признанію полной неограниченности власти. Такъ дѣйствительно и представляетъ ее Іосифъ. Отъ одного царя или князя исходитъ все.² У Іосифа Волоцкаго предѣлъ царской власти самый неограниченный. Изъ подчиненія ей не изъята и сама церковь. Хотя теоретически власть церкви онъ ставитъ выше власти государя,³ въ дѣйствительности же церкви онъ отводитъ второстепенное соподчиненное положеніе. По воззрѣніямъ

¹ «Царь естествомъ подобенъ есѣ всѣмъ члвчѣмъ, властію же подобенъ Вышнему Богу,» такъ говоритъ Іосифъ въ одномъ мѣстѣ о царяхъ (Проглѣнитель, Слово 16, 602—603). «Ты, государь, отъ Вышняго Божія десницы поставленъ еси самодержецъ и государь всѣя Руси, обращается онъ въ посланіи къ вел. кн. Василью Іоанновичу, вѣсть бо Богъ въ себѣ мѣсто избра на земли и на свой престолъ вознесъ посади... (Рки. Пми. Публ. библ. Q. XVII. № 64, л. 202—204.) Отсюда самое исполненіе воли государя получаетъ священное значеніе и приравнивается къ исполненію воли Божіей. (Посланіе Іосифа Волоцкаго къ князю Юрію Івановичу. См. Памятники старин. Русск. лит. выи. IV, стр. 192.—Рки. Моск. дух. Ак. № 419/198, л. 64—70.)

² Милость и животъ (т. е. жизнь людей) положи (Богъ) у вѣсь, иишетъ онъ во второмъ своемъ посланіи къ Василью Іоанновичу (Рки. Пми. Публ. библ. Q. XVII. № 50, л. 77—91 и № 64, л. 231). Вотъ гдѣ между прочимъ кроется одна изъ причинъ, почему нѣкоторые изъ бояръ и мелкихъ князей не любили Іосифа, о чемъ послѣдній упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Рки. П. П. б. Q. XVII, № 15, л. 68—287. Сочиненіе направлено противъ грабителей церкви.

³ Рки. Пмиер. Публ. библ. F. I. № 229, л. 34'. Посланіе Іосифа о повиновеніи соборному опредѣленію.

Иосифа царь есть сколько глава государства, столько же и церкви. Государь, по его понятіямъ, есть высшій хранитель и покровитель вѣры и церкви. Самою существенною дѣятельностію сѣвской власти представляется охраненіе всѣхъ интересовъ церкви, уничтоженіе въ ней расколовъ, ересей и всякихъ безпорядковъ. Долгъ охраненія интересовъ церкви вытекаетъ, по нему, изъ самаго понятія о царской власти.¹ Въ частности попеченіе государя о церкви выражается въ томъ, чтобы онъ былъ всегда «отмстителемъ Христу на еретики». ² Если же государь окажется невнимательнымъ къ церкви и не будетъ заботиться о ея благоденствіи и уничтоженіи въ ней ересей и расколовъ, то въ такомъ случаѣ есть серьезная опасность «погибнуть всему православному христіанству (христіанству) отъ еретическихъ ученій.» ³ Нерадѣніе о благѣ церкви Иосифъ ставитъ въ величайшее преступленіе государю и считаетъ его за такое «государское прегрѣшеніе», за которое «Богъ всю землю казнитъ». Съ исключительно религіозной точки зрѣнія разсматриваетъ Иосифъ и отвѣтственность государя. Онъ называетъ мучителемъ, а не царемъ того государя, который покровительствуетъ невѣрію и хулѣ и даже совѣтъ отказываетъ въ повиновеніи такому государю. ⁴ Такимъ образомъ Иосифъ Волоцкій объединяетъ въ одномъ лицѣ обѣ власти и духовную и сѣвскую. Объединеніе и смѣшеніе властей и ихъ отправление проходитъ чрезъ всѣ воззрѣнія Иосифа. Поэтому онъ, напр., со стороны виновности предъ закономъ совершенно отождествляетъ еретиковъ и обыкновенныхъ преступниковъ (воровъ), и отъ необходимости наказанія послѣднихъ выводитъ необходимость казни и строгихъ наказаній и для первыхъ. ⁵ Въ смѣшеніи сферъ государственной и церковной Иосифъ идетъ далѣе: онъ напр. распространеніе еретичества считаетъ совершенно аналогическимъ явленіемъ съ государственными движеніями и перево-

¹ «Покажуи попеченія и промысли о божественныхъ перивахъ, пишетъ Иосифъ въ посланіи къ Василью Ивановичу, зятекже, государь, отъ великія десницы поставленъ самодержецъ и государь всея Руси». (Ркп. Имп. Публ. библ. Q. XVII. № 64, л. 202—204).

² Просвѣтитель, 540.

³ Ркп. Имп. Публ. библ. Q. XVII. № 64, л. 202—204.

⁴ Ркп. Имп. Публ. библ. F. I. № 229 л. 17. Посланіе Иосифа къ Митрофану, духовнику Іоанну III. Подоб. см. въ Просвѣтл. 324—325.

⁵ Просвѣтитель. 536, 539—540, 586, 588, 601—602.

ротахъ и рассматриваетъ ихъ какъ причину паденія и гибели всякаго государства.¹

Отводя первое мѣсто въ церкви государю, Иосифъ долженъ былъ указать и собственную сферу церкви. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно опредѣлить предѣлы, до какихъ могла простирается власть государя надъ церковью. Съ точки зрѣнія своихъ строго консервативныхъ началъ Иосифъ весь существующій и сложившійся временемъ строй церкви, всѣ церковные каноны, установленія и учрежденія признавалъ священными и неизмѣнными. Такимъ образомъ въ этой сферѣ церковной жизни и власть государя не можетъ имѣть мѣста. Но онъ имѣетъ право простираетъ свою власть на частныя и личныя примѣненія церковныхъ узаконеній и право исполнѣ начальственнаго отношенія ко всѣмъ церковнымъ учрежденіямъ.² Такого рода явленія и факты въ церкви, какъ избраніе іерархическихъ лицъ, разные спорные вопросы, возникающіе между духовными и свѣтскими лицами, и под.—все это зависитъ отъ власти государя. Государь является самой высшей инстанціей въ церкви, къ которой должно прибѣгать во всѣхъ церковныхъ и монастырскихъ обидахъ.³ Государю принадлежитъ право суда надъ церковными людьми и высокопоставленными іерархами церкви и представителями ея. Судъ государя самый высшій, окончательный, безапелляціонный: «судъ царя никѣмъ уже не посужается».⁴ Положеніе іерарховъ и представителей церкви во всѣхъ отношеніяхъ зависимое и подчиненное государю. «Божественная правила, пишетъ Иосифъ, повелѣваютъ царя почитать, а не свариться съ нимъ, и древніи бо святители не дерзашу сіе творити, ни четыре патріарха, ни римскій папа бывшій на вселенскихъ и помѣстныхъ соборѣхъ, и аще когда царь и на гнѣвъ совертится на кого, и они съ кротостію и смиреніемъ и со слезами моляху царя; и аще когда прилучится на соборѣ слово какому святителю съ царемъ

¹ Ркп. Импер. Пуб. библ. Q. XVII, № 64, л. 202—204. Подоб. см. въ Просвѣтит. 598—599.

² Все церковное достоиніе принадлежитъ государю, которому Богъ вручилъ «все церковное и монастырское попеченіе». Ркп. Импер. Пуб. библ. Q. XVII, л. 231. Посланіе Іосифа къ Третьякову.

³ Ркп. Импер. Публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 230. См. подоб. въ посланіи Іосифа къ Кутузову. Древн. Росс. Визаніе. ч. XIV, стр. 185—188 по 2-му изд.

⁴ Ркп. Импер. Публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 231.

или съ княземъ, прежде умоляютъ царя, яко дабы повелѣлъ рещи и егда повелѣваху царь, глаголаху тогда со смиреніемъ и съ кротостію отъ божественныхъ писаній». ¹

Нельзя не видѣть, что воззрѣнія Іосифа Волоцкаго на отношеніе церковной и гражданской власти ставятъ государство въ служебное отношеніе ² къ церкви и церковь въ подчиненное отношеніе къ государству, причѣмъ государственная власть обращается въ блюстительницу всѣхъ церковныхъ интересовъ, за каковую услугу церковь платитъ государственной власти отреченіемъ отъ своей свободы и самостоятельности, дѣлаясь послушнымъ орудіемъ государя. Оформленное Іосифомъ отношеніе двухъ властей по своему характеру напоминаетъ сдѣлку или компромиссъ, выгодный для обѣихъ сторонъ: государственная власть получаетъ право проникать во всѣ сферы церковной жизни и извѣстнымъ образомъ вліять на нихъ. Съ другой стороны и церковь, отказываясь отъ своей самостоятельности и поступаясь нѣкоторыми своими правами въ пользу свѣтской власти, пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ возможность сохранить за собою всѣ тѣ привилегіи, которыми ее надѣлило прежнее время, и которыя никогда не входили въ кругъ ея истиннаго и прямого назначенія. Поэтому совершенно справедливо и мѣтко охарактеризовалъ одинъ нашъ отечественный ученый отношеніе русской церкви къ государству въ разсматриваемое время, замѣтивъ, что у насъ на Руси не только не было борьбы

¹ Ibid.—л. 228. Руск. И. П. Биб. Q. XVII. № 50, л. 84. Для большаго пониманія взгляда Іосифа не лишне будетъ припомнить слова патріарха Никона противника того направленія, къ которому принадлежалъ Іосифъ. «Аще въ древняя лѣта, говоритъ Никонъ, благочестивыхъ царей соборы были, но по умоленію (т. е. цари обращались съ моленіемъ къ церковной власти о составленіи собора) а не съ повелѣніемъ, якоже нынѣ дѣйствуется съ повелѣніемъ и нужею». Ркп. Свѣдѣн. № 1371, л. 68. Отвѣты Никона.

² Служебное отношеніе государственной власти для церкви доводится до крайности «неизвѣстнымъ по имени авторомъ трактата о свободѣ святыя церкви, когда онъ напр. говоритъ: «пастырь церковный за господина своего временнаго молитися долженъ есть, господина же пастыря своего съ вещами церковными защищающаго долженъ есть». Но съ другой стороны этотъ же самый авторъ исключаетъ всякое участіе государя въ дѣлахъ церкви. Государь самъ долженъ находиться въ послушаніи пастырей: онъ «ниже да уклонится на десно или на шую отъ заповѣдей пастыря своего», тогда какъ послѣдніе должны твердо «храбрѣ даже до своего кровопролитія» охранять свои права отъ посягательствъ на нихъ свѣтской власти. Рукоп. графа Уварова, въ листѣ, № 221.

между церковью и государствомъ, но что наша церковь сама «давалась» въ руки гражданскаго правительства¹ и отдавалась за такія напр. пожертвованія и услуги со стороны послѣдняго, какъ право владѣть вотчинами.²

Взглядъ Іосифа на характеръ отношеній церкви и государства получаетъ выдающееся значеніе во первыхъ потому, что онъ не есть личный взглядъ его одного, а цѣлаго круга общества и извѣстныхъ членовъ церкви; во вторыхъ—значеніе его увеличивается отъ совпаденія, во всякомъ случаѣ неслучайнаго, съ эпохою собиранія Руси въ одно цѣлое государство и съ введеніемъ новаго монархическаго строя государственной жизни.

До конца XV вѣка на Руси между представителемъ церкви и

¹ Миллеръ въ статьѣ «Вопросъ о направленіи Іосифа Волоцкаго», напечат. въ Ж. М. Н. Прост. за 1868 г. ч. 137, 544.

² Что дѣйствительно вотчинное право, кинувъ тогда пользовалась церковь, имѣло для нея значеніе не только какъ внѣшня административная особенность, но и за нимъ скрывалась другая болѣе важная, хотя и не совсѣмъ послѣдовательно преслѣдовавшаяся цѣль свѣтскаго правительства сильнѣе привязать и главное подчинить себѣ церковь и сдѣлать ее своимъ послушнымъ орудіемъ, это видно изъ свидѣтельствъ современниковъ. Просвѣщенный князь Курбскій въ обогащеніи церковной іерархіи земельными владѣніями видитъ отреченіе ея представителями отъ собственныхъ правъ церкви, которые ради владѣнія многими богатствами жили, по его словамъ, ко властемъ дасяющаеся всячески и примирающеся, да свое сохраняють, и тѣмъ еще множайшее приобряцуть и отказывались говорить предъ царю и даже установили формулу, что и вообще не должно говорить предъ царемъ (Правосл. Собес. за 1863 г., ч. II. Три посланія Курбскаго 364—366. Сказанія Курбскаго изд. 2-е 291—291). Вотчинное право церкви Курбскій рассматриваетъ не какъ простую случайную и потому не существенную принадлежность, а видитъ въ немъ причину и средство порабожденія церкви и уклоненія ея отъ истиннаго ея призванія, придаетъ ему широкое догматическое значеніе и потому обвиняетъ Іосифовъ, —которые, какъ извѣстно, особенно ратовали въ пользу землевладѣльческихъ правъ церкви,—въ небывалой ереси, въ искаженіи власти и вѣрности. (Востоковъ — Описание Руманцовскаго музея 243). Въ этомъ именно смыслѣ представляются основательными и вѣрными слова Хлѣбникова, который говоритъ, что наши монастыри способствовали увеличенію вліянія царской власти на дѣла церковныя. (О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ Русской Исторіи. СПб. 1869 г. 133—134). Политическое значеніе Іосифа Волоцкаго признаютъ Иконниковъ (Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи 345—360. Подоб. см. Киев. Унив. Изв. 1870 г. № 4. Лекція по Русской исторіи, читанная тѣмъ же Иконниковымъ. 1—25), Хрущевъ (Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго. Предисловіе стр. XII, а также. Древн. и Нов. Россія 1875 г. № 3).

главою государства существовали нѣсколько иныя отношенія. Политически разъединенная, раздробленная на мелкія владѣнія и удѣлы, Россія имѣла только одну общую нравственную связывающую силу. Сила эта была—митрополитъ «всѣя Руси». Авторитетъ представителя русской церкви стоялъ высоко, и онъ во всякомъ случаѣ возвышался надъ каждымъ княземъ времени удѣловъ, взятымъ въ отдѣльности. Предъ нимъ князья благоговѣли и заискивали для того, между прочимъ, чтобы окрѣпить политически. И высшая духовная власть дѣйствительно всегда служила дѣлу объединенія всей Руси. Но вотъ удѣлы уничтожены,—Русь вся почти собралась. Тогда-то лицомъ къ лицу очутились между собою двѣ равно великія силы. Первая—это великій князь, достигшій теперь полного апогея своего могущества и нисколько не нуждавшійся болѣе въ опецѣ со стороны духовной власти и скрывавшій въ себѣ даже стремленіе подчинить ее своему вліянію, вторая—это русскій митрополитъ, гордый сознаниемъ своего великаго духовнаго могущества и нравственной силы, не совсѣмъ склонный разстаться со своими вѣковыми правами. Развязка ожидалась трагическая, но ея на самомъ дѣлѣ не произошло, хотя и здѣсь дѣло не обошлось безъ слабыхъ вспышекъ. Великій политическій умъ Іоанна III нашелъ возможность достигнуть извѣстной цѣли безъ борьбы. Возведеніе на митрополичій престолъ Симона съ присоединеніемъ къ нему новаго невиданнаго до сихъ поръ обряда, въ которомъ великій князь въ церкви всенародно «повелѣлъ» митрополиту принять «жезлъ паствы» и взойти на сѣдалище старѣйшинства¹, ясно давало всѣмъ и каждому понять, что поставленіе митрополита исходитъ отъ воли государя, и что онъ теперь становится не болѣе, какъ вѣрнымъ слугою церкваго и безпрекословнымъ исполнителемъ всѣхъ его повелѣній. И замѣчательно, все это сдѣлалъ тотъ же самый Іоаннъ III, который нѣсколько лѣтъ раньше и не далѣе какъ при предшественникѣ Симона ходилъ «добывать челомъ» митрополиту Геронтію². Такъ рѣзко измѣнились обстоятельства не въ пользу духовной власти. Митрополитъ Симонъ безъ сопротивленія примирился съ новымъ положеніемъ. Фактъ юридическаго подчиненія духовной власти свѣтской такимъ образомъ совершился. Для большей части русскаго общества это легализированіе новыхъ отношеній церкви и государства въ лицѣ ихъ обихъ

¹ П. С. Р. Л. т. VIII, стр. 230, т. VI, 39.

² Полн. собр. Рус. Лѣт. т. VI, 233—234.

представителей не послужило предметомъ удивленія. Извѣстное направленіе русскаго общества видѣло въ этомъ обстоятельстве самое обыкновенное естественное явленіе. Къ такого рода категорій людей принадлежалъ и Іосифъ Волоцкій, равно какъ и самъ митрополитъ Симонъ. Отсюда видно, что Іосифъ, высказывая извѣстный взглядъ на характеръ отношеній церкви и государства, имѣлъ въ виду и придерживался уже совершившихся фактовъ. Онъ здѣсь только оформлировалъ то, что теперь стало совершившимся фактомъ, воспользовавшись для этой цѣли готовыми данными, какія представляла для него византійская юриспруденція и церковное право. Несомнѣнно взглядъ Іосифа не былъ его личнымъ взглядомъ. Ко взгляду Іосифа, какъ и по другимъ вопросамъ, примыкала цѣлая отдѣльная и самая многочисленная фракція русскаго общества, одинаковая съ нимъ по складу образованія, а отсюда—и воззрѣній.

Иныхъ воззрѣній на власть государственную и церковную держались Бѣлозерскіе и Заволжскіе старцы. Глава ихъ—Нилъ Сорскій не касался въ своихъ сочиненіяхъ этого вопроса, вполне для него посторонняго и съ нравственно-христіанской точки зрѣнія не особенно существеннаго. Его нравственные принципы мирились со всѣми формами государственной жизни. Но за то высказались нѣсколько по сему предмету нѣкоторые изъ его учениковъ. Таковъ былъ Вассіанъ Косой. Принципъ власти совершенно одинаковъ у Вассіана съ Іосифомъ. И Вассіанъ учитъ о повиновеніи и вѣрности князьямъ русскимъ, которыхъ онъ называетъ «помазанниками» и избранныками Божиими, власть которыхъ «вся свѣше предана есть». Но всматриваясь глубже въ слова Вассіана, мы находимъ въ нихъ такіе отбѣнки, какихъ нѣтъ у Іосифа Волоцкаго. Послѣдній слишкомъ возвеличиваетъ личность царя, сравнивая ее съ Богомъ и уподобляя ее Богу. Вассіанъ не хочетъ окружать личность государя ореоломъ божественности, не въ его духѣ было уподоблять царя Божеству. Въ то время какъ Іосифъ личность царя описываетъ такими высокими чертами, которыя дѣлаютъ ее недостижаемою для обыкновеннаго человѣка и ставятъ ее въ положеніе какого-то особаго, высшаго существа, Вассіанъ ограничивается только констатированіемъ факта богоустановленности власти. Этотъ отбѣнокъ въ понятіи Вассіана о власти, правда, очень тонкій и трудно уловимый, получаетъ весьма важное значеніе при опредѣленіи дальнѣйшихъ его воззрѣній на рассматриваемый предметъ.

Выходя из своего понятія о власти, Іосифъ пришелъ къ неограниченности и единичности ея. Вассіанъ, напротивъ, держась своего собственнаго понятія, сталъ въ положеніе отрицателя абсолютной неограниченности власти государя. Царемъ, такъ совѣтуетъ Вассіанъ, съ бояры и съ ближними своими пріятелями о всемъ совѣтовати, пакрѣпко думати.... Еще яснѣе формулируетъ онъ эту мысль въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ, что «царемъ и великимъ княземъ достоинъ дѣла дѣлати милосердно, со всѣми князи и съ бояры». Вообще Вассіанъ и не можетъ представить царя безъ совѣтниковъ. Отсюда можно придти къ тому выводу, что онъ раздѣляетъ царскую власть между личностью самого царя и «мірскими властями». Разсматривая царскую власть съ своей болѣе человѣческой точки зрѣнія, Вассіанъ считаетъ пужнымъ дѣлать царямъ разныя наставленія. Въ то время, когда Іосифъ Волоцкій посвящаетъ все свое краснорѣчіе на изображеніе божественныхъ прерогативъ царской власти, Вассіанъ въ совершенный контрастъ ему останавливаетъ главное свое вниманіе на недостаткахъ царской власти и съ прямою и откровенностью независимаго человѣка распространяется о царской «простотѣ», малосмыслии, которыя бываютъ причиною несчастій для ихъ государства. Онъ прямо называетъ царей малосмысленными и противниками Христу за то только, что они жалуютъ иноковъ вотчинами ¹. Между этими словами Вассіана и словами Іосифа существуетъ весьма характерный контрастъ. Въ то время какъ Іосифъ осмѣливается осуждать царя только за нерадѣніе о вѣрѣ и послабленіе ересей, т. е. за дѣло чисто церковное, Вассіанъ отрицаетъ умственную правоспособность у того царя, который неправильно распоряжается своими владѣніями и предоставляетъ церкви то, чего она не должна имѣть. Контрастъ понятный и очень легко выясняется ихъ различными взглядами на личность государя. Іосифъ видѣлъ въ немъ и свѣтскаго и церковнаго владыку, тогда какъ Вассіанъ почти совсѣмъ отказывалъ ему во власти надъ церковью ².

¹ Разсужд. Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1859 г., № III, отд. 3, 5. 6. 2. 13. 13. 7. 3.

² Если вѣрить очень основательному предположенію Невоструева (Разсмотрѣніе книги Хрушова: «Исслѣдованіе о сочинен. Іосифа Волоцкаго», 64—65), который извѣстный политическій памфлетъ на Іосифа Волоцкаго, подъ названіемъ: «Извѣст. Іосифа Волоколамскаго къ московскимъ великимъ князьямъ какъ о догдѣть уаѣльныхъ русскихъ князей, соединить всю русскую землю и распространить ее

Иосифъ Волоцкій сливалъ церковь и государство въ одно цѣлое, объединяя ихъ въ личности царя или князя. При такомъ сліяніи естественно и церковная власть пользовалась нѣкоторыми чисто гражданскими правами, равно какъ и гражданская власть пользовалась нѣкоторыми правами, принадлежащими церкви. Вассіанъ совершенно раздѣляетъ сферы церковную и государственную. Пржеде всего онъ волиѣ изгоняетъ вмѣшательство духовенства въ свѣтскія дѣла, въ сферу дѣйствій гражданскихъ властей. Такъ какъ преобладающимъ и болѣе всего привилегированнымъ сословіемъ въ духовенствѣ всѣмъ признавалось тогда монашество, которое болѣе всего и заявляло себя вмѣшательствомъ въ свѣтскія дѣла, будучи связано управленіемъ своихъ вотчинныхъ крестьянъ, то Вассіанъ главнымъ образомъ нападаетъ именно на него. Онъ открыто заявляетъ, что царямъ должно совершать дѣла со всѣми князьями и боярами и прочими мірянами, а не съ иноками¹. Вассіанъ сильно вооружается противъ монашествующаго духовенства, которое по праву вотчинныхъ владѣльцевъ уподоблялось въ своихъ дѣйствіяхъ «аки царевымъ мірскимъ приказнымъ» и особенно настойчиво проводитъ мысль о томъ, что не должно инокамъ «владѣти волости со христіаны, и міръ ихъ судити, и на поруки ихъ давати, и приставовъ по нимъ иноковъ посылати». Вообще Вассіанъ проводитъ ту строго опредѣленную и безусловную мысль, что иноки ни подъ какимъ видомъ «въ мірскія вещи не должны вступаться»² и самое вторженіе духовенства въ область гражданскихъ дѣлъ признается имъ величайшимъ зломъ для государства³.

повсюду» (Рук. Моск. Синод. библ. № 171 л. 447. Описаніе Горькаго и Невоструева, отд. 2, кн. 2, 463—465. Извѣтъ напечатанъ у Хрущева, въ приложеніяхъ Д) приписываетъ перу Вассіана Косаго, то это «блгоствѣствіе» весьма ясно указываетъ характеръ политическихъ убѣжденій Вассіана, діаметрально противоположныхъ воззрѣніямъ Иосифа Волоцкаго.

¹ «Не съ иноки Господь повелѣлъ царство держати, но со князи и бояры. Царь совѣтующійся съ иноками — съ жертвенцы бесѣдуетъ». Разсужд. Вассіана о неприличіи монастыр. владѣть вотчинами. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1839 г., кн. III, отд. 2, 3.

² Разсужденіе Вассіана о неприличіи монастыр. владѣть вотчинами. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1839 г., кн. III, отд. III, 8. 11—12. Нравственно-каноническій трактатъ Вассіана см. рукод. Синод. библ., № 1451, л. 101.

³ «Сине гдѣ будетъ, говоритъ онъ, власть, инокская, а не царская повелѣ».

Отрицаніе Вассіаномъ права вмѣшательства духовенства въ свѣтскія дѣла вытекаетъ не изъ антинатіи его къ церковной іерархіи, а изъ болѣе глубокаго нравственнаго пониманія цѣли и назначенія пастырскаго служенія. Ограниченіемъ сферы дѣйствій духовенства имѣлось въ виду поставить его и отвести ему истинное положеніе въ обществѣ, дать ему возможность всецѣло посвятить себя на служеніе Богу и предаться исполнѣнью долга своего нравственнаго служенія обществу,—долгу, завѣщанному Христомъ и апостолами. Вассіанъ выдѣляетъ нравственную сферу пастырства, онъ устанавливаетъ духовенству вѣдать только свои духовныя дѣла. ¹Послѣдняя цѣль Вассіана и другихъ нестяжателей состояла въ томъ, чтобы поставить церковную іерархію на прежнюю, недавно потерянную ею высоту духовной независимости отъ мірской власти и нравственнаго могущества и сдѣлать ее вполне самостоятельною въ своей опредѣленной духовной сферѣ. А между тѣмъ вмѣшательство въ свѣтскія дѣла, гдѣ вся сила находилась на сторонѣ свѣтскаго правительства, само собою ставило духовенство въ зависимость отъ мірской власти и стѣсняло свободу его дѣйствій. Вотъ гдѣ скрывается одна изъ причинъ, почему братья Заволжцевъ-нестяжателей такъ настойчиво заявляла о необходимости отобранія у монастырей вотчинъ, дѣлавшихъ монаховъ свѣтскими приказными, какъ выражается самъ Вассіанъ. Этимъ путемъ они хотѣли достигнуть того, чтобы церковная іерархія, отрѣшившись отъ матеріальныхъ пожертвованій со стороны правительства, и несвязанная съ нимъ матеріальными земными интересами, могла стать и твердо держаться на прежней высотѣ духовнаго и нравственнаго могущества, какое завѣщалъ ей удѣльно вѣчевой періодъ русской исторіи. Кореннымъ стремленіемъ Заволжцевъ было поставить церковь на первую духовную красоту. ²Заволжцы хотѣли видѣть въ представителяхъ церкви—митрополитахъ и епископахъ, по примѣру прежняго времени,—«печаловниковъ всей земли Русской», которые бы, опираясь на

и ту Божію милость имѣть, таковыя властвующіе инокъ не боголюбцы, погнѣвители». Разсужден. Вассіана о неприличіи монастыр. владѣть вотчинами. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1859 г., кн. III, отд. III, 13.

¹ «Святительскому, ниже священническому чину, окромѣ ихъ святительскихъ властей, въ правду о законѣ, и о благовѣрїи и о спасеніи міра сего съ Царской небесной грозой». (Ibid, 13).

² Полемич. сочин. Вассіана, Правосл. Собес. 1863 г., ч. III, 197.

свой духовный авторитетъ, могли сдерживать незаконные порывы деспотизма въ государствѣ. У Вассіана глухо выражена эта идея: онъ совѣтуетъ пастырямъ стоять «о правдѣ» и убѣждаетъ ихъ, говоря: «властей не убойтесь, ниже устрашитесь за паствы своя». ¹ Но она получаетъ свое освященіе подъ вліяніемъ воззрѣній другихъ лицъ, раздѣлившихъ взгляды той же школы. Такъ Максимъ Грекъ, много вліявшій на Вассіана, вооружается противъ слабости и потворства свѣтской власти со стороны современныхъ русскихъ пастырей и горько жалуется на нихъ за то, что между ними нѣтъ Самуила великаго, который ополчился противъ преступнаго Саула, нѣтъ ревнителей подобныхъ Иліи и Елвсею, обличавшихъ беззаконія царей Самарійскихъ, нѣтъ чуднаго Амаросія, архіерея Божіа, не убоившагося царской высоты Θεодосія Великаго, нѣтъ Іоанна Златоустаго, избличавшаго сребролюбивую царицу Евдоксію. Слова Максима получаютъ еще болѣе важный смыслъ, когда мы узнаемъ, что онъ открыто высказывалъ мысль о превосходствѣ церковной власти надъ государственной: святительство, говоритъ онъ, и царя мажетъ и вѣнчаетъ, а не царство святителейъ.... *убо болъши естъ священство царства земнаго.* ² Вассіанъ принадлежалъ по политическимъ понятіямъ къ старобоярской партіи. Среди этой-то партіи выступаетъ рядъ строгихъ ревнителей старыхъ обычаевъ и противниковъ тѣхъ «нестроеній великихъ», которыя принесла съ собою грекнина—Софья Палеологъ,—выступаетъ съ открытыми упреками представителямъ церкви, что они ни о комъ не печалятся предъ государемъ. ³ Ученикъ Максима Грека и глубокий почитатель личности и идей Вассіана—князь Курбскій также высказываетъ горькія жалобы на слабость высшихъ іерарховъ русской церкви, что они «не глаголють предъ цари, не стыдятся о свидѣніи Господни, но паче потаковники бывають» ⁴ и почти буквально повторяетъ жалобу Максима Грека на отсутствіе въ русскихъ іерархахъ самостоятельности и вліятельности и рѣшимости быть защитни-

¹ Разсужденіе Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами, 13

² Сочин. Максима Грека, ч. II, стр. 336—337; ч. III, 155.

³ Этотъ упрекъ высказывалъ опальный бояринъ Берсень-Беклемишевъ въ разговорѣ съ Максимомъ Грекомъ о митр. Даниилѣ. А. А. Э., т. I, № 172, 141—142.

⁴ Правосл. Собес. 1863 г., ч. II. Августа, 564, 566. Три доселѣ неслышанные посланія князя Курбскаго. Печалованіе духовенства за опальныхъ. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1876, кн. I, 158—160.

ками и спасителями народа отъ произвола государей. Замѣчательно, причину слабости церковныхъ представителей Курбскій видитъ во владѣннй вотчинами, которое обращало епископовъ въ простыхъ государственныхъ чиновниковъ. Вообще Курбскій настойчиво проводилъ мысль о полной самостоятельности церкви и рѣшительно отвергалъ всякое участіе государственной власти въ судѣ надъ представителями церкви.¹

Можно, хотя впрочемъ и весьма слабо, подмѣтить еще одну черту воззрѣній, по которой расходились Іосифъ и Нилъ Сорскій.

Нилъ Сорскій², Вассіанъ Косой³ и другіе послѣдователи этой школы съ особенною настойчивостью проводили въ своихъ сочиненіяхъ мысль о нравственномъ долгѣ каждаго православнаго христіанина, равно духовнаго лица и *мірянина*, проповѣдать всѣмъ человѣкомъ путь спасенія, т. е. Нилъ и Вассіанъ право учительства (не съ церковной кафедры, а путемъ устныхъ и письменныхъ наставленій) распространяютъ и на «простцовъ», т. е. простыхъ, не іерархическихъ лицъ. Трудно выдѣлить взглядъ Іосифа Волоцкаго на право учительства. Определеніе въ этомъ случаѣ высказываются его ученики и послѣдователи. Такъ Нилъ Полевъ строго осуждаетъ волоцкаго старца Германа по поводу его разсужденій и сомнѣній о законности заточенія Серапіона, архіепископа Новгородскаго, за положенное послѣднимъ отлученіе на Іосифа Волоцкаго и пишетъ ему между прочимъ по этому поводу: *«ты не свои мѣры дѣла начинаеши, яко нога еси и главѣ судиши, сирѣчь митрополиту и всему собору русскія митрополіи и отцу нашему священноиноку Іосифу»*.⁴ Отрицательный взглядъ на право учительства высказываетъ также, хотя и далеко не безусловно, митрополитъ Даниилъ⁵, потомъ съ особенною опредѣленностію и настойчивостію—митрополитъ Макарій⁶.

¹ Курбскій, Сказанія изд. 2, Спб. 1842 г., 117.

² Пренод. отца нашего Нила Сорскаго преданіе ученикамъ. Спб. 1852 г., 57—58.

³ Правосл. Собес. 1863 г., ч. III, 182—183.

⁴ Рик. Москов. Дух. Акад. № 111, т. I, 128—149.

⁵ Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1847 г., № IX, отд. IV.

⁶ Московскіе соборы на еретиковъ. XVI в. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн.

Представленные нами общія міровоззрѣнія Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго и прѣвлѣніе и развитіе ихъ на жизненныхъ общественныхъ вопросахъ своего времени вполне объясняютъ то напряженіе и возбужденіе, съ какими велась литературная полемика и борьба въ самой жизни людьми противоположныхъ направленій. Причинъ, способствовавшихъ напряженію и усиленію борьбы, было не мало. Прежде всего вопросы, которые затрогивались ею, были самые существенные и жизненные, отъ того или другаго разрѣшенія которыхъ зависѣла во многомъ судьба послѣдующей соціальной жизни народа. Поэтому каждая сторона добивалась побѣды и старалась вырвать ее изъ рукъ другой. Время и разныя современныя историческія обстоятельства все болѣе и болѣе усиливали взаимное раздраженіе. Если къ этому присоединить личныя особенности характера дѣятелей, заправлявшихъ литературною борьбою, то вполне стануть понятными сильный антагонизмъ и та непріязнь, съ которою представители полемики относились другъ къ другу. Іосифъ былъ подозрителенъ—не въ отношеніи собственной личности, а за святую вѣру, которая составляла существеннѣйшую стихію всей его жизни,—и отсюда предрасположенъ былъ къ преувеличенію: онъ часто читалъ между строками и въ каждой новой мысли видѣлъ чуть не ересь. Вотъ почему онъ постоянно дѣйствуетъ противъ личности своего противника страшнымъ орудіемъ того времени—обвиненіемъ въ ереси. Вассіанъ—рѣшительный, твердый до упрямства, самолюбивый, рѣзкій въ выраженіяхъ и раздражительный, вездѣ видѣлъ личное оскорбленіе, преслѣдовалъ за него и отвѣчалъ тѣмъ же своему противнику. Естественно, такіе характеры много предрасполагали къ тому, чтобы полемика, начавшаяся съ борьбы за идеи, перешла во взаимныя пререканія. Дѣйствительно, въ разгарѣ полемики между Іосифомъ Волоцкимъ и Вассіаномъ Косымъ, выступаютъ въ ней личные двигатели и тѣмъ самымъ бросаютъ тѣнь на лица полемизирующихъ.

При самомъ первомъ обсужденіи вопроса объ отношеніи къ еретикамъ въ тонѣ полемизирующихъ начинается уже проглядывать оскорбленное чувство обоимъ противникамъ. Съ точки зрѣнія своихъ воззрѣній Іосифъ въ каждой новой мысли видѣлъ опасность для чистоты вѣры и склоненъ былъ разсматривать ее какъ ересь.

А тѣмъ болѣе ересью могла показаться ему мысль заволжскихъ старцевъ о гуманномъ отношеніи къ еретикамъ. Появленіе самой мысли о пощадѣ еретиковъ онъ приписывалъ самимъ же еретикамъ. А потому, когда о ней заявили заволжскіе старцы, онъ не преминулъ отнести и ихъ самихъ къ категоріи еретиковъ. Такъ по крайней мѣрѣ поступилъ онъ въ отношеніи Вассіана Косаго, про котораго писалъ, что «онъ сталъ съ еретики на насъ»¹. Между тѣмъ заступничество Вассіана выходило не изъ солидарности его съ еретиками жидовствующими, а оно было только плодомъ вліянія на него гуманныхъ воззрѣній Нила Сорскаго. Іосифъ защиту Вассіаномъ еретиковъ объясняетъ простымъ его желаніемъ «еретикомъ и отступникомъ устроить жизнь немятежну», но онъ здѣсь не вполне справедливъ, когда Вассіана ставитъ наравнѣ съ жидовствующими и даже называетъ его покровителемъ ихъ.

Съ другой стороны и Вассіанъ не щадилъ своего противника и относилъ его также къ разряду еретиковъ за его нетерпимость къ послѣднимъ. Онъ обвинялъ его именно въ новаціанствѣ и былъ здѣсь не совсѣмъ несправедливъ въ томъ отношеніи, что новаціане дѣйствительно безусловно отвергали принятіе и возвращеніе еретиковъ въ нѣдра церкви. Настойчивость, съ которою Іосифъ проводилъ свою мысль о преслѣдованіи еретиковъ, до того раздражала и выводила изъ терпѣнія Вассіана, что онъ за то называлъ его умонзступленнымъ.

Тотъ же фазисъ личныхъ пререканій прошло обсужденіе и монастырскаго вопроса. Съ своей точки зрѣнія Іосифъ въ мысляхъ заволжскихъ подвижниковъ о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами видѣлъ посягательство и хулу на всю православную церковь и всѣхъ ея святыхъ подвижниковъ,—словомъ, видѣлъ ни что иное, какъ опасную ересь. Поэтому онъ съ горячностью взялся за дѣло защиты правъ церкви. И здѣсь онъ затрогивалъ даже лицъ, которыя вовсе непричастны были полемикѣ изъ-за монастырскаго вопроса. Онъ не пощадилъ и личности Нила Сорскаго, назвавъ его въ числѣ первыхъ хулителемъ древнихъ русскихъ чудотворцевъ. Но гуманный и всегда уступчивый Нилъ не принялъ вызова, прямо брошеннаго ему въ лицо Іосифомъ, и смолчалъ. Не молчалъ только его ученикъ Вассіанъ.

¹ Ркп. Императ. Публ. Библ. Q. XVII, № 64, л. 292—294. Писмо къ Василю Челядину. Просвѣтитель, 526—527.

На обвиненіе въ хулѣ на русскихъ чудотворцевъ Вассіанъ отвѣчалъ Іосифу тѣмъ же самымъ обвиненіемъ въ хулѣ на всѣхъ русскихъ чудотворцевъ, такъ какъ, говорилъ Вассіанъ, онъ живетъ похуля самъ чудотворцевъ своимъ жительствовавшимъ неподобнымъ.¹ Затѣмъ защищаемую Іосифомъ идею о неприкосновенности и необходимости монастырямъ владѣть землями, съ ея, правда, практическими послѣдствіями—крайнею безнравственностію монаховъ, Вассіанъ называлъ «новой ересью», а монаховъ-вотчинниковъ—иконоборцами.² Последнее названіе какъ-то мало относится къ современному ему монашеству и можетъ быть рассматриваемо какъ выраженіе крайняго негодованія и раздраженія Вассіана противъ богатаго монашества, уклонившагося отъ своего истиннаго призванія.

Личныя взаимныя пререканія, сначала происходившія въ литературной полемикѣ, переходили иногда въ дѣло и выражались нерѣдко въ оскорбительныхъ дѣйствіяхъ. Здѣсь особенно отличился Вассіанъ. Хорошо понимая выгоды своего положенія при дворѣ, Вассіанъ и воспользовался ими между прочимъ для того, чтобы мстить своему литературному противнику. Въ палатахъ митрополита Варлаама Вассіанъ не затруднился назвать одного изъ постриженниковъ Іосифа и его самого «отступниками». Понятно, Іосифа сильно оскорбило такое дерзкое отношеніе Вассіана къ нему и его ученикамъ, и подъ вліяніемъ оскорбленнаго чувства онъ началъ обвинять своего противника въ томъ, что онъ весь святительскій чинъ и иноческій чинъ, архимандриты и игумены похулилъ.³

Взаимное нерасположеніе сторонниковъ партій Іосифа и Нила дошло наконецъ до того, что Іосифъ напр. запрещалъ своимъ постриженникамъ и вообще сторонникамъ вступать въ близкія и въ какія бы то ни было сношенія съ иноками Вассіана.

Вассіанъ ополчился за такое запрещеніе на Іосифа и обвинялъ его въ нарушеніи евангельскаго закона о любви къ ближнему⁴, хотя тотъ же самый Вассіанъ ужасно ненавидѣлъ всѣхъ

¹ Правосл. Собес. 1863 г. ч. III, 201—210.

² Разсуд. Васс. о неправдѣ монаш. владѣть вотчинами. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. 1859 г., № III, отд. 3, стр. 11. 7.

³ Посланіе къ Челябину. Рик. Писм. Публ. Библ. Q. XVII, № 64, л. 294—294.

⁴ Полев. сочин. Васс. Прав. Собес. 1863 г., ч. III, 209, 210.

Иосифляне и никогда не пускали ихъ къ себѣ въ келью.¹ Даже болѣе, онъ въ порывѣ негодованія на своихъ противниковъ угрожалъ разрушить центръ ихъ—Волоколамскій монастырь. Вообще напускаемый иногда Вассіаномъ на себя тонъ вѣрнаго послѣдователя Евангелія не выдерживается имъ на дѣлѣ, хотя онъ старается объ этомъ и иногда выставляетъ себя страдальцемъ, невозмущающимся никакими укоризнами своихъ противниковъ и даже при ихъ нападкахъ обращающимся къ Богу съ молитвою о низпосланіи новыхъ испытаній. Выдающаяся черта всего тона полемики Вассіана Косого состоитъ въ томъ, что онъ вмѣсто теоретическихъ обвиненій главнымъ образомъ обрушивается непосредственно на личность своего противника и болѣе всего сосредоточиваетъ свое вниманіе на томъ, чтобы какъ можно сильнѣе задѣть его самолюбіе. Такъ онъ называетъ Іосифа отступникомъ, «преступателемъ» заповѣдей Божіихъ, законопреступникомъ, учителемъ беззаконію, лжепророкомъ, антихристомъ, безумцемъ, челоѣкоугодникомъ и пр. и поражаетъ благочестивую репутацію своего противника, издѣваясь надъ его святою жизнію и его чудотвореніями, подводя послѣднія подъ категорію чудотвореній «бѣсовскихъ». Вотъ почему справедливо противники Вассіана называютъ его безстыднымъ и дерзкимъ на языкъ.

Должно еще замѣтить, что Вассіанъ Косой въ своей продолжительной полемикѣ съ Іосифомъ Волоцкимъ не упускалъ благоприятныхъ случаевъ для того, чтобы затрогивать и его учениковъ и не рѣдко допускалъ противъ нихъ очень оскорбительныя выходы.² Это обстоятельство получаетъ весьма важное значеніе при вступленіи борьбы обонхъ направленій въ новый фазисъ своего развитія, когда противъ Вассіана выступили новые противники изъ ряда учениковъ Іосифа, которые, обобщая свое дѣло съ дѣломъ своего учителя, и еще не имѣя съ Вассіаномъ непосредственныхъ личныхъ столкновеній, уже подготовлены и вполне расположены были смотрѣть на него какъ на *своего личнаго врага* за его вызывающее поведеніе къ лицамъ, исходившимъ изъ Волоколамскаго монастыря.

¹ Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1847 г., № IX. Преніе митроп. Данила съ старцемъ Вассіаномъ, 10.

² Полемич. сочин. Вассіана. Прав. Собор. 1863 г. ч. III, 191. 207. 204 205.

Изъ сдѣланнаго обзорѣя получаются слѣдующія данныя:

I) Въ концѣ XV вѣка въ умственной жизни русскаго народа ясно обозначаются два направленія, составляющія по своей сущности результатъ, обусловливавшійся характеромъ древне-русскаго просвѣщенія. Консервативно-формальное направленіе съ Іосифомъ Волоцкимъ во главѣ представляетъ изъ себя простое положительное слѣдствіе русскоѣ княжнѣ образованности и есть ея непосредственное выраженіе. Направленіе критическое, нравственно-либеральное, группирующееся около Нила Сорскаго и его школы, составляетъ изъ себя отрицательное слѣдствіе той же княжнѣ, являясь протестомъ, оппозиціей противъ преобладанія въ обществѣ формальнаго пониманія религіи.

II) Параллельно съ указанными двумя вполне православными направленіями получаетъ свое начало и развивается третье среднее направленіе, вполне рационалистическое, питавшееся сначала отрицательными идеями строгольничества, но потомъ, подъ вліяніемъ особой, исторической и политической судьбы мѣстности своего первоначальнаго существованія, развившее ихъ далѣе и получившее отъ случайно вошедшаго въ извѣстную комбинацію съ нимъ элемента жидовства названіе ереси жидовствующихъ.¹ Составляя по своей первоначальной причинѣ также оппозицію крайностямъ современной религіозно-церковной жизни, ересь съ этой стороны сходится съ направленіемъ Нила Сорскаго, находитъ въ немъ нѣчто общее съ собою и развивается параллельно съ нимъ.

III) Всѣ три направленія консервативное, либеральное и еретическо-рационалистическое подъ вліяніемъ духа времени и современныхъ историческихъ обстоятельствъ принимаютъ до нѣкоторой степени видъ и политическихъ партій. При этомъ консерваторы безусловно высказываются въ пользу монархическаго строя государственной жизни, который вырабатывался и формировался тогда

82—184. 210. Прибавл. къ Твор. св. от. ч. X, стр. 308. Рукон. Импер. публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 292—294.

¹ Присутствіе въ ереси элемента жидовства подтверждается недавно открытымъ новымъ памятникомъ, поученіемъ митрополита Зосимы по случаю соборнаго осужденія еретиковъ жидовствующихъ. Русск. Истор. библіотека, изд. Археогр.-Комисією, том. VI, ч. I, № 116.

въ Московскомъ княжествѣ, тогда какъ сторонники и православнаго либерализма и еретики—раціоналисты въ большой или меньшей степени симпатизируютъ старымъ государственнымъ порядкамъ, какими жили Новгородъ и отдѣльные княжества времени удѣловъ.

IV) Несмотря на всѣ принятыя противъ ереси гражданскимъ правительствомъ и церковною властію мѣры ересь жидовствующихъ продолжаетъ существовать въ теченіе всей первой четверти XVI в. и даже нѣсколько далѣе.

V) Ересь жидовствующихъ, появившись какъ протестъ недостаткамъ современной церковной жизни, дѣлаетъ предметомъ общественнаго обсужденія и правительственныхъ мѣръ выдающіеся аномальности церковной жизни, равно какъ и своимъ существованіемъ и быстрымъ развитіемъ выдвигаетъ новый вопросъ объ отношеніи къ послѣдователямъ самой ереси. На обсужденіи выдвинутыхъ ересью вопросовъ сталкиваются между собою представители двухъ направленій—Іосифъ Волоцкій и Василій Косой, ставшій во главѣ школы Нила Сорскаго, и во взглядахъ ихъ на всѣ современные церковно-общественные вопросы между ними обнаруживается диаметрально противоположность. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ, въ которомъ находитъ себѣ выраженіе столкновеніе двухъ противоположныхъ теченій, является литературная полемика и борьба въ жизни между людьми, принадлежащими къ различнымъ направленіямъ. Литературная полемика сосредоточивалась главнымъ образомъ на обсужденіи двухъ вопросовъ объ отношеніи къ еретикамъ и о вотчинномъ правѣ монастырей или о монастырскихъ имуществѣхъ. Различіе взглядовъ на многіе другіе вопросы современной общественной и государственной жизни, изъ которыхъ одни если затрогивались въ полемикѣ, то весьма слабо, а другіе и вовсе не были затрогиваемы, но которые тѣмъ не менѣе людьми различныхъ воззрѣній проводились въ жизни независимо одинъ отъ другаго, вносятъ окончательное и полное раздѣленіе между сторонниками того и другаго направленія.

VI) Несмотря на юридическое разрѣшеніе вопросовъ въ смыслѣ благопріятствовавшемъ одному направленію, литературное обсужденіе какъ еретическаго вопроса, такъ и вопроса о монастырскихъ имуществѣхъ продолжаетъ развиваться и рассматриваться съ

противоположныхъ точекъ зрѣнія въ теченіи всей первой четверти XVI в. и нѣсколько далѣе.

VII) Жизненность затронутыхъ полемикою вопросовъ и интересовъ, которыхъ она касалась, ея продолжительность, и наконецъ болѣе всего личные особенности характера людей, стоявшихъ во главѣ того и другаго направленія и заправлявшихъ борьбою,—все это взятое вмѣстѣ усиливаетъ напряженіе и возбужденіе полемики и доводитъ ее до того, что она получаетъ оживленный, но въ то же время острый характеръ, гдѣ уже обнаруживается личное раздраженіе полемизирующихъ противниковъ.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе двухъ направленій русской мысли въ періодъ времени, непосредственно предшествовавшій смерти одного изъ замѣчательнѣйшихъ и первыхъ борцовъ—Іосифа Волоцкаго. Онъ умираетъ во время самаго разгара литературной борьбы. Между тѣмъ его противникъ Вассіанъ Косой продолжаетъ дѣйствовать въ духѣ своего направленія и пользуется въ то же время болышимъ вниманіемъ великаго князя. Такимъ образомъ побѣда, повидимому, болѣе общаца склониться въ пользу Вассіана, который теперь не имѣлъ себѣ болѣе антагонистовъ. Но преп. Іосифъ умирая постарался, на сколько это было для него возможно, о томъ, чтобы не дать торжества Вассіану и особенно его идеямъ. Благосклонность, какою пользовался Вассіанъ у в. князя, не обезоруживала и не приводила въ полное отчаяніе Іосифа. Его практическая настойчивость и умѣнье узнавать людей открыли ему доступъ къ сердцу в. князя. Скоро между нимъ и в. княземъ установились очень близкія отношенія, чему много способствовали и воззрѣнія Іосифа, особенно политическія, которыя вполне гармонировали съ понятіями великаго князя о своихъ правахъ и положеніи въ государствѣ. В. князь сталъ самъ посѣщать Волоколамскій монастырь и его игумена, что еще болѣе способствовало ихъ взаимному сближенію¹; предъ смертію Іосифа отношенія къ нему в. князя сдѣлались самыми тѣсными и отличались полною искренностью и сердечностью.²

Объясненіе существованія въ одномъ лицѣ велик. князя при-

¹ Полн. Собр. Рус. лѣт. т. VI. 257; т. VIII, 259.

² Факты на это см. въ житіи Іосифа, составленномъ Саввою Чернымъ. Великія мѣнен-четыи, Сентабрь 486—493.

вязанности къ двумъ лицамъ, столь противоположнымъ между собою и по взглядамъ и по нравственному характеру, съ какими являются Іосифъ Волоцкій и Вассіанъ Косой, нужно искать въ разности основаній, на которыхъ покоилась эта привязанность. В. князь въ Іосифѣ видѣлъ игумена и основателя знаменитаго богатаго монастыря, плодовитаго писателя и энергическаго борца противъ ереси, человѣка строгой подвижнической жизни и вообще святаго мужа и высоко цѣнилъ его за его благочестивую жизнь. Къ этому присоединялась еще симпатія в. князя къ идеямъ Іосифа. Чтоже касается Вассіана Косого, то в. князь уважалъ его какъ своего родственника, цѣнилъ его умъ и дипломатическія способности, пользовался его совѣтами, сочувственно относился къ положенію его какъ человѣка опальнаго, невольнаго инока и потому уже несчастнаго.

Солидарность в. князя съ нѣкоторыми воззрѣніями Іосифа Волоцкаго, способствовавшая развитію въ немъ симпатіи и ко всѣмъ остальнымъ взглядамъ знаменитаго Волоколамскаго игумена, сама по себѣ представляла серьезную опасность для Вассіана и судьбы его идей, но она еще болѣе увеличивалась съ другой стороны: умирая, Іосифъ не хотѣлъ, чтобы его идеи умерли вмѣстѣ съ нимъ. Вмѣсто себя ратоборцами за свои любимыя идеи онъ выставилъ цѣлый рядъ своихъ учениковъ, между которыми *Даніилу*, спачала игумену Волоколамскаго монастыря, а потомъ всероссійскому митрополиту; во всѣхъ отношеніяхъ принадлежитъ самое первое мѣсто.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

Жизнь и дѣятельность митрополита Даниїла.

ГЛАВА I.

Даниїль въ санѣ игумена Волоколамскаго монастыря.

Личность митрополита Даниїла становится въ первый разъ извѣстною исторіи въ санѣ игумена Волоколамскаго монастыря. О мѣстѣ происхожденія его можно только догадываться по данному ему въ монастырѣ прозвищу *рязанца*, которое, можетъ быть, и скорѣе всего, дано было ему потому, что онъ происходилъ изъ Рязанской области ¹. Годъ рожденія Даниїла точно неизвѣстенъ. Если вѣрить Герберштейну ², который говоритъ, что Даниїль сдѣланъ былъ митрополитомъ въ то время, когда ему было только тридцать лѣтъ отъ роду, то годомъ его рожденія долженъ быть признанъ именно 1492 годъ. Но свидѣтельство Герберштейна, какъ нѣкоторые ученые замѣчаютъ ³, подлежитъ сомнѣнію и вызываетъ

¹ Названіе *рязанца* было оффиціальнымъ прозвищемъ Даниїла. Это видно изъ выписи о началѣ Іосифова монастыря и объ его игуменахъ, сдѣланной по указу царя Θεодора Ивановича. Рукоп. Москвит. Дух. Архив. № 401/141 т. 73—74. Здѣсь читается: «по его (Іосифа) благословенію избранъ бысть по немъ на игуменство старецъ Даниїль *рязанецъ* и поживъ на игуменствѣ посемь лѣтъ и поетомъ возведенъ бысть на великій престолъ російскія митрополитъ».

² Герберштейнъ. Записки о Московіи, въ переводѣ Анонимова, 45.

³ Достоверность словъ Герберштейна отрицаютъ преосвящ. Макарій (Исто-

собою нѣкоторыя недоразумѣнія. Для того, чтобы вполне согласиться съ Герберштейномъ, нужно признать, что Даниилъ сдѣланъ былъ игуменомъ Волоколамскаго монастыря приблизительно около двадцати двухъ лѣтъ, то есть въ такихъ годахъ, которые, по каноническимъ правиламъ, не допускали его до принятія сана простаго священнослужителя. Объяснять слишкомъ раннее и неканоническое принятіе Данииломъ сана игумена отступленіемъ отъ правилъ здѣсь нѣтъ необходимости, потому что личность Даниила въ это время представляла изъ себя самаго скромнаго малозвѣстнаго человѣка, рази котораго никто не захотѣлъ бы стѣснять свою совѣсть излишнимъ нарушеніемъ извѣстныхъ церковныхъ правилъ. Самый фактъ избранія Даниила въ игумена и дополняющія его обстоятельства нѣсколько подрываютъ свидѣтельство Герберштейна. При избраніи Даниила игуменомъ онъ называется *старцемъ*¹. Положимъ, что названіе старецъ употреблялось въ древнее время на Руси въ болѣе широкомъ смыслѣ и обозначало собою вообще инока. Но во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы и въ то время могли называть старцемъ того, кто на самомъ дѣлѣ былъ только юношей. Избраніе Даниила въ игумена принадлежало братіи Волоколамскаго монастыря, которой предоставлена была полная свобода выбора. Незадолго передъ смертію своею Іосифъ написалъ посланіе къ великому князю, которыхъ онъ отдавалъ свой монастырь подъ его особое покровительство. Въ этомъ же посланіи онъ назвалъ десять самыхъ старшихъ братій своей обители, которые, по его мнѣнію, были наиболѣе достойными званія игумена, еслибы только великій князь самъ вздумалъ выбирать для его монастыря пастыря. Не много времени спустя Іосифъ поручилъ самимъ братіямъ выбрать себѣ игумена и выборъ палъ на Даниила, хотя онъ и не былъ поименованъ въ числѣ десяти кандидатовъ, рекомендованныхъ великому князю. Іосифъ утвердилъ выборъ. Отсюда основательно можно придти къ тому заключенію, что если Іосифъ не противился выбору братіи и благословилъ ее избранника, то, очевидно, онъ признавалъ его не многимъ уступающимъ тѣмъ изъ старцевъ, какимъ отдавалъ онъ предпочтеніе въ послѣ-

рив Русской Церкви т. VI, 170) и Казаевскій (Опись книгъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря 1373 года. Чит. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1847. № 7, отд. IV, 6—7).

¹ Жизнь Іосифа Волоцкаго, составленное Саввою Крутицкимъ. Великія мнишечеты. Сентябрь. 491—492.

нии къ великому князю. И во всякомъ случаѣ онъ никакъ не могъ одобрить избраніе Даниила, еще юноши, во игумена монастыря, который и своимъ существованіемъ, и благоустройствомъ, и благосостояніемъ, и знаменитостію всецѣло обязанъ былъ его трудамъ, его продолжительной дѣятельности. Трудно допустить, чтобы такой опытный и испытанный настоятель, какимъ былъ Іосифъ, рѣшился добровольно передать свое прекрасное твореніе въ руки молодого неопытнаго человѣка. Съ другой стороны, не можетъ быть, чтобы строгіе иноки монастыря, которымъ принадлежалъ выборъ игумена, — иноки, между которыми насчитывались очень почтеннѣйшія и достоиннѣйшія лица, могли избрать себѣ въ начальника и духовнаго руководителя такого человѣка, который для многихъ изъ нихъ могъ быть только послушникомъ. Положимъ, не каноническій выборъ молодого человѣка во игумена возможенъ. Но въ примѣненіи его къ личности Даниила онъ неумѣстенъ. Для него не было импонирующихъ вышнихъ условій. Въ выборѣ Даниила во игумена не участвовала ни воля великаго князя, ни личная инициатива преп. Іосифа. Существуетъ одна черта въ характерѣ Даниила, которая не позволяетъ согласиться вполне со словами Герберштейна. Въ то время, когда Даниила избирали во игумена, о немъ было извѣстно, что онъ хотѣлъ перейти въ игумена въ другой монастырь. Если онъ могъ дѣйствительно серьезно рассчитывать на исполненіе своего желанія, то во всякомъ случаѣ не въ то время, когда онъ былъ еще въ лѣтахъ юности. Допускать присутствіе твердаго намѣренія сдѣлаться игуменомъ въ человѣкѣ еще юношѣ, — если только онъ обладалъ здравымъ смысломъ, въ чемъ никакъ нельзя отказать Даниилу, вполне неосновательно. Не мало подрываетъ авторитетъ свидѣтельства Герберштейна и самъ Даниилъ. Въ письмѣ своемъ на вопросъ какого-то, оставшагося неизвѣстнымъ, своего почитателя, спрашивавшаго о состояніи его здоровья, онъ жалуется на свою болѣзнь, которая *отъ многихъ лѣтъ и временъ* мучить его, и потому онъ присовокупляетъ, что «онъ пребываетъ немощенъ трегубо: главою, нутремъ, ногами, и отъ сихъ много сугубо и печаль, утѣшеніе и оскуднѣніе смысла, и зубомъ болѣзни и изнуреніе, и свѣта очію умаленіе, и крѣпости и силы изнеможеніе»¹. Здѣсь мы видимъ, что митрополитъ Даниилъ описываетъ себя очень дряхлымъ старикомъ, постоянно подвер-

¹ Рукоп. Москв. Дух. Акад. № 54/III, л. 425—426.

гавшимся припадкамъ разныхъ старческихъ недуговъ и болѣзней. Посланіе это могло быть написано въ самый послѣдній годъ служенія митрополита Даниїла русской церкви, и если вѣрить Герберштейну, то въ это время ему не могло быть болѣе сорока семи лѣтъ. А это такія лѣта для мужчины, которая никакъ не могутъ быть названы старческими. При томъ нужно принять во вниманіе и цвѣтушій организмъ, которымъ обладалъ, по словамъ того же Герберштейна, Даниїлъ, и ту роскошную обстановку, въ которой онъ жилъ, и блага которой онъ не хотѣлъ игнорировать. Послѣ всего сказаннаго весьма трудно согласиться въ полной силѣ съ словами Герберштейна, а скорѣе всего можно придти къ тому выводу, что Даниїлъ родился ранѣе 1492 года. Во всякомъ случаѣ разныя соображенія, говоряція не въ пользу свидѣтельства Герберштейна, за неимѣніемъ категорическихъ историческихъ данныхъ противоположнаго характера, тѣмъ не менѣе не могутъ уничтожить его въ самомъ корнѣ. Весьма важно въ свидѣтельствѣ Герберштейна то, что оно принадлежитъ очевидцу, человѣку лично знавшему Даниїла, и при томъ такому человѣку, который заявилъ себя своимъ безпристрастіемъ. Поэтому можно отвергать только математическую точность показанія Герберштейна, который могъ быть введенъ въ заблужденіе цвѣтущимъ видомъ митрополита Даниїла и на основаніи своего вѣшняго впечатлѣнія далъ ему менѣе годовъ, чѣмъ какіе имѣлъ Даниїлъ на самомъ дѣлѣ. Отсюда удобнѣе всего свидѣтельство Герберштейна понимать въ смыслѣ *приблизительнаго* указанія лѣтъ Даниїла.

Самымъ послѣднимъ желаніемъ Іосифа Волоцкаго было то, чтобы основанный и доведенный имъ до цвѣтущаго состоянія монастырь продолжалъ развиваться въ данномъ имъ самимъ ему направленіи и духѣ. Умирая, онъ хотѣлъ чтобы тотъ духъ, тѣ идеи и воззрѣнія, которыя онъ проводилъ въ теченіе всей своей жизни, не умерли вмѣстѣ съ нимъ, а продолжали бы существовать и развиваться въ его монастырѣ и среди его учениковъ и постриженниковъ. Желаніе во что бы то ни стало сохранить свое направленіе, вдохнутое имъ въ жизнь и понятія своихъ постриженниковъ, видно изъ послѣднихъ его распоряженій. Не надѣясь на добровольное исполненіе заведенныхъ имъ порядковъ, онъ обращается ко *опытной силѣ*—къ великому князю и проситъ его, чтобы онъ взялъ его монастырь подъ «свою державу». Смыслъ порученія понятенъ. Онъ хорошо зналъ расположеніе къ себѣ великаго князя и въ немъ надѣялся видѣть исполненіе своего послѣдняго жела-

ніи. Онъ далѣе проситъ великаго князя, чтобы онъ «игумена для его монастыря не насалъ изъ имѣхъ монастырей, не по ихъ (монаховъ) мысли» и продолжаетъ наставлять предъ великимъ княземъ, чтобы послѣ его живота братія его монастыря жила по его, какъ онъ выражается, «вельнію, какъ онъ имъ написалъ, а не хотица по его вельнію жити и тѣхъ изъ монастыря изженути, да и прочая братія страхъ имутъ». Великій князь хорошо понялъ то охранительное значеніе для Волоколамскаго монастыря, какое ему поручилъ его знаменитый основатель. Онъ часто ѣздилъ въ монастырь и, по словамъ одного биографа Іосифа, «во всемъ брегаше, и учрежаше братію, и глаголаше имъ по часту: храните преданный вамъ законъ, еже предаде вамъ старецъ игумень Іосифъ, а съ иныхъ монастырей обычаевъ не снимайте; азъ у васъ также приказчикъ. Аще ли не станете храниги, азъ исправлю и вамъ будетъ не зѣло любо»¹. И Василий Іоанновичъ до самой своей смерти покровительствовалъ Волоколамскому монастырю и заботился о его благосостояніи и сохраненіи устава.

Кромѣ внѣшней охранительной силы для направленія Іосифа Волоцкаго, выражавшейся во власти великаго князя, такою же охранительною силою служилъ для Іосифа характеръ самаго устава, данного имъ своему монастырю. Самый духъ Волоколамскаго монастырскаго устава заключалъ въ себѣ много условій къ тому, чтобы разн. данныя порядки и идеи сохранялись на долгое время въ стѣнахъ монастыря. Этотъ уставъ создавалъ людей съ особымъ специфическимъ складомъ, вдохновлялъ ихъ одними и тѣми же идеями и взглядами, дававшими въ своей совокупности инокамъ Волоколамскаго монастыря одно опредѣленное направленіе единъ общій духъ.

Монастырскій уставъ Іосифа Волоцкаго имѣлъ глубокое нравственно-воспитательное значеніе для лицъ, находившихся подъ его вліяніемъ. Отрицаніе права личности, проявленія единичной воли, строгій послѣдовательный внѣшній режимъ надъ всѣми дѣйствіями инока сопровождался извѣстными специфическими послѣдствіями для его нравственнаго характера. Индивидуальныя особенности инока, воспитывавшагося въ Волоколамскомъ монастырѣ, мало-по-малу свободно, или послѣ упорной борьбы, ступшевывались и сглаживались предъ методическими дѣйствіями монастыр-

¹ Великія мнен-четы, Сентябрь, 488—494.

ской дисциплины и мало-по-малу сливали его съ средою, его окружающею. На мѣсто личныхъ, индивидуальныхъ особенностей, какія замѣчались въ характерѣ инока, въ немъ путемъ долгаго навыка и упражненія выдѣлялись и оставались за тѣмъ господствующими на всю послѣдующую его жизнь тѣ тенденціи и вообще тотъ духъ, который составляетъ отличительныя особенности направленія Іосифа Волоцкаго. Отсюда иноки, исходившіе изъ Волоколамскаго монастыря, составляли изъ себя одинъ *общій типъ* иноковъ, дѣйствовавшихъ на какомъ бы то ни было поприщѣ дѣятельности, всегда какъ одинъ человекъ, и съ этой стороны непоходившихъ на подвижниковъ другихъ монастырей. Конечно нравственно-воспитательное дѣйствіе устава Іосифа не имѣло для всѣхъ иноковъ его монастыря безусловно одинаковаго значенія. Могли попадаться здѣсь такіе характеры иноковъ, которые въ состояніи были дать отпоръ воспитательной монастырской системѣ. Но не нужно забывать, что по самому характеру устава самыми подходящими людьми для поступленія въ Волоколамскій монастырь были такіе, для которыхъ личная инициатива и самостоятельность не имѣли особенной цѣны. Въ Волоколамскій монастырь стремились болѣе всего такіе люди, которые, не успѣвъ развить въ себѣ самостоятельныхъ задачъ для своей дѣятельности, отдавали себя въ распоряженіе другихъ, которыхъ они считали лучшими, и съ теченіемъ времени легко пріучались ходить подъ руководствомъ другихъ и дѣйствовать по программѣ, указанной и заученной отъ другихъ. Съ другой стороны, продолжительное дѣйствіе устава могло сломить и сильные характеры, и это тѣмъ болѣе, что Іосифъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы инокъ, разъ попавшій въ его монастырь, уже не могъ исходить оттуда, если только не было на то согласія со стороны настоятеля. Оставляющій монастырь считался недостойнымъ погребенія. Одинъ инокъ, рѣшившійся оставить Волоколамскій монастырь, долженъ былъ обращаться къ заступничеству самого великаго князя ¹. Такимъ образомъ иноку волей или неволей, сознательно или путемъ борьбы, за отсутствіемъ другаго исхода приходилось подчиняться уставу.

Не одинъ монастырскій уставъ воспитывающимъ образомъ

¹ Сочиненіе пр. Іосифа о томъ, что не должно выходить изъ монастыря въ рукописи Моск. Дух. Акад. № 131/11, л. 207—208. Хрущовъ. Изслѣдованіе сочин. Іосифа Санина, 100.

дѣйствовать на иноков волоколамской общины. Въ помощь ему Іосифъ у себя въ монастырѣ положилъ начало особому *воспитательному учрежденію* съ характеромъ современной школы. На это указываютъ слѣдующія драгоцѣннѣйшія слова одного біографа Іосифа, оставившаго свое имя неизвѣстнымъ. «Многимъ у него (Іосифу) юнымъ мнѣхамъ съ монастыря учащимся, не яко самъ безъ опасенія живущимъ, но много соблюденіе, и удержаніе имъ, непонущаеся бо похоснѣ тѣмъ идѣже хотѣющимъ, но присно назираніе движеніямъ ихъ учителямъ ихъ имѣти»¹. Существованіе при Волоколамскомъ монастырѣ особой школы вполне соответствовало планамъ практическаго Іосифа, въ глазахъ котораго монастырь былъ не только мѣстомъ подвижничества людей вполне отрѣшившихся отъ міра, но въ тоже время служилъ и воспитательнымъ заведеніемъ для лицъ, готовящихся къ занятію разныхъ церковныхъ должностей и іерархическихъ постовъ. Благодаря всѣмъ вмѣстѣ взятымъ воспитательнымъ условіямъ, въ какихъ находились иноки Волоколамскаго монастыря, изъ нихъ сформировывались прекрасные воспитанники. Это были люди, приученные и привыкшіе всегда къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, хорошіе администраторы и исполнители заранѣе начертанныхъ для нихъ плановъ, проповѣдники идей и взглядовъ, которые даны имъ готовыми монастырскимъ воспитаніемъ. Таково нравственно-воспитательное значеніе Волоколамскаго монастыря для характера его иноковъ.

Извѣстно, что Іосифъ Волоцкій по своимъ воззрѣніямъ былъ строгій консерваторъ. Въ тѣхъ же самыхъ консервативныхъ началахъ онъ воспиталъ многочисленный рядъ своихъ учениковъ. А консервативное направленіе въ то время отождествлялось съ православіемъ и признавалось самымъ вѣрнымъ и чистымъ хранителемъ всѣхъ его догматовъ, ученія и обрядовъ. Слава чистоты православія, какая сохранялась за Волоколамскимъ монастыремъ, послужила въ свою очередь основаніемъ для установленія особаго взгляда на самый Волоколамскій монастырь. Съ теченіемъ времени на него установился взглядъ не только какъ на мѣсто подвижничества людей, въ православіи которыхъ никто и не смѣлъ сомнѣваться, но въ то же время какъ на такое мѣсто, гдѣ исправлялись

¹ Житіе Іосифа Волоцкаго, составленное неизвѣстнымъ. Чтен. въ Общ. Любителей Дух. Просвѣщ. 1865 г., томъ II. Приложение, 114.

самыя заблужденія, несогласныя съ православіемъ. Такимъ образомъ Волоколамскій монастырь сдѣлался самымъ лучшимъ мѣстомъ для исправленія и наказанія еретиковъ, осужденныхъ за ересь, а иноки сего монастыря прославились какъ лучшіе миссіонеры среди бѣгшихъ отъ церкви, и еще болѣе какъ замѣчательные слѣдователи при допросахъ еретиковъ. Въ Волоколамской обители существовала даже особая фамилія иноковъ Лемковыхъ, которая преимущественно предъ другими отличалась способностью исправлять присылаемыхъ въ монастырь людей, зараженныхъ ересью или вольнодумствомъ. Однимъ словомъ, Волоколамскій монастырь получилъ характеръ церковно-исправительнаго учрежденія для преступниковъ противъ вѣры, каковое значеніе сохранялось за нимъ въ теченіе всего XVI вѣка и даже нѣсколько далѣе. Значеніе мѣста заточенія для еретиковъ Волоколамскій монастырь получилъ очень рано. Лишь только вопросъ объ отношеніи къ еретикамъ рѣшился въ смыслѣ жестокихъ преслѣдованій ихъ, лишь только противъ еретиковъ пущены были въ ходъ казни и ссылки, тогда въ Волоколамскій монастырь посланъ былъ еретикъ жидовствующій нѣкто купецъ Кленовъ.¹ Это случилось въ годъ послѣдняго осужденія ересей и жестокихъ преслѣдованій ея послѣдователей, именно въ 1504 году.

Внутренняя сила, скрывавшаяся въ характерѣ устава Волоколамскаго монастыря, и есть тотъ великій факторъ, который одинъ въ состояніи былъ поддерживать на долгое время какъ общность идей, такъ равно и крѣпкій союзъ лицъ, выходившихъ изъ-подъ его воспитательнаго вліянія. Въ характерѣ монастырскаго устава Іосифа Волоцкаго скрывается по преимуществу разгадка той живучести, какою отличались идеи перваго Волоколамскаго игумена послѣ его смерти, и той сплоченности и солидарности во взглядахъ лицъ, которыя брались за осуществленіе и проведеніе ихъ въ жизнь. Даже лица, новидимому, не подходившія по своему характеру подъ категорію волоколамскихъ иноковъ и жившія вдали отъ нихъ, и тѣ не могутъ отрѣшиться отъ идей, которыя составляли общее достояніе и специфическую особенность волоколамскихъ подвижниковъ². Разсматриваемый съ этой стороны

¹ Рукоп. Импер. Публ. Библ. Q. XVII, № 64, л. 203.

² Прибавлен. къ Твор. св. отецъ, часть X. Отношенія иноковъ Кириллова Бѣлозерскаго и Іосифова Волоколамскаго монастырей въ XVI вѣкѣ.

Волоколамскій монастырь составляет одно изъ замѣчательныхъ явленій древней Руси. Онъ вполне имѣлъ видъ образовательнаго и воспитательнаго заведенія, или школы въ ея философскомъ смыслѣ. Это была древняя академія, заключавшая въ своихъ стѣнахъ не однихъ людей, окончательно порвавшихъ связь съ міромъ, но и воспитывавшая въ своихъ стѣнахъ такихъ лицъ, которые потомъ вступали на общественное служеніе, занимая разныя, по преимуществу высшія, іерархическія должности въ церкви. Всѣхъ исходившихъ изъ Волоколамскаго монастыря связывало одно общее чувство—это любовь и привязанность къ тѣмъ идеямъ и воззрѣніямъ, которыя они воспитали въ себѣ, живя въ монастырѣ, и которыя по самой непосредственной и строго охраняемой традиціи восходили прямо къ Іосифу Волоцкому. Воспитанники Волоколамской общины, какую бы сферу дѣятельности ни избирали себѣ, какъ бы далеко ихъ ни закидывала судьба, всегда жили любовью къ той средѣ, какая окружала ихъ въ Волоколамскомъ монастырѣ, и дорожили всѣмъ тѣмъ, что связывало и напоминало имъ Волоколамскую обитель. Нравственная связь и общеніе воспитанниковъ Волоколамскаго монастыря съ мѣстомъ своего подвижничества рѣзко бросаются въ глаза и выражаются во многихъ фактахъ. Каждый волоколамскій инокъ хотѣлъ сохранить свое имя для монастыря, гдѣ бы самъ онъ ни былъ, и дѣлалъ это путемъ пожертвованій въ монастырь, и жертвовалъ по преимуществу книги, т.-е. то, что составляло тогда одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ предметовъ. И это дѣлалось тѣмъ и тогда, когда многіе изъ волоколамскихъ подвижниковъ оканчивали свои дни вдали отъ любимаго монастыря. Конечно подобныя пожертвованія дѣлались и въ другихъ монастыряхъ, но далеко не въ такихъ размѣрахъ и не съ такою систематическою послѣдовательностію, какая видна въ отношеніяхъ иноковъ волоколамскихъ къ своему монастырю. Здѣсь замѣчательно то, что всякій сколько-нибудь выдающійся историческій дѣятель, вышедшій изъ Волоколамской общины, непремѣнно продолжалъ поддерживать съ нею связь и наконецъ вносилъ свое имя въ число монастырскихъ вкладчиковъ книгами и деньгами ¹. Въ продолженіе

¹ Такими жертвователями были, напримѣръ: рязанскій епископъ Леонидъ (см. рукоп. Москов. Дух. Акад. №№ 17/11, 29/12, 48/1, и 123/144; рукоп. Моск. Епарх. библіотеки по Волоколамскому кат. № 291), Гениадій, епископъ Суздальскій (рукоп. Москов. Дух. Акад. № 122/132), Ивфонтъ, еп. Крутицкій (рукоп. Москов. Дух. Акад. № 17/141), Трифонъ Ступинскій, архіепископъ Полоцкій (рукоп. Москов.

всего XVI вѣка Волоколамскій монастырь и его община представляютъ изъ себя одинъ и тотъ же строго опредѣленный типъ, данный ей ея основателемъ. Это была образовательная школа, съ строго опредѣленными религіозными, политическими и социальными понятіями и взглядами, проведеніе которыхъ въ жизнь составляло призваніе каждаго ея члена. Она воспитала въ своей средѣ и въ своихъ началахъ множество учениковъ, которые въ продолженіе почти всего XVI вѣка поддерживали въ обществѣ господство идей Іосифа Волоцкаго и давали теченіе русской жизни въ духъ его направленія. Такое значеніе Волоколамскаго монастыря скоро подмѣчено было современниками, которые и обозначали всѣхъ выходившихъ изъ него лицъ названіемъ «Іосифляны»¹. Изъ этой-то школы и вышелъ митрополитъ Даніилъ, который по праву можетъ быть поставленъ первымъ членомъ Волоколамской общины послѣ личности ея основателя.

Первое историческое извѣстіе о Даніилѣ относится ко времени избранія его во игумена Волоколамскаго монастыря, которое состоялось въ 1515 году еще при жизни преп. Іосифа. Выборъ игумена вполне зависѣлъ отъ воли братіи монастыря. «И полюбиша въ совѣтѣ своемъ старца, любяй нищету и пребывая въ трудѣхъ и въ постѣ, и въ молитвахъ, и не любя празнословія, нарицаема Данила, по реклу Рязанца, о немъ же и увѣдаша, яко хощетъ во инъ монастырь на игуменство»,—такъ мотивировали

Епарх. библ. № 74 по Волоколамскому каталогу). Пожертвованія и вклады: Васіана Топоркова, еп. Коломенскаго (рукоп. Москов. Епарх. библ. № 175 по Волокол. катал.), Досифея Топоркова (тамъ же № 172 л. 571.) См. также рукописи: Моск. Епарх. библиот. № 349/144; Москов. Дух. Акад. № 10/17; Москов. Епарх. библ. № 145 по Волокол. катал.; а также рукоп. Москов. Синод. библ. № 829 по старому каталогу; рукоп. Волокол. монастыря, хранящіеся въ монастыр. ризницѣ, №№ 18/111, 11/140, 22/141; рукоп. Москов. Троицко-Сергіевой Лавры № 739. Въ описаніи книгъ Волоколамскаго монастыря насчитывается до 190 отдѣльныхъ именъ вкладчиковъ или списателей книгъ Волоколамскаго монастыря и это за время отъ основанія его (1479 г.) и только до 1573 года. (См. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1848 года, № 7, отдѣлъ IV. Описъ книгъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря).

¹ Курбскій. Сказанія князя Курбскаго. Изд. 2е. 3, 40, 122. Востоковъ. Описаніе Румянцев. Музея, 243—244. Посланіе Леоніда, еп. Рязанскаго къ царю Феодору Ивановичу. Рукоп. Москов. Дух. Акад. № 10/144, л. 74—75. Акты Истор. I, № 216, 410.

старцы монастыря свое избраніе Даниіла во игумена ¹. Престарѣлый Іосифъ утвердилъ избраніе братіи и благословилъ Даниіла «въ свое мѣсто на игуменство», давъ ему совѣтъ свято хранить обычаи монастыря и жить и руководить братіею по написанному имъ монастырскому уставу. Великій князь согласился съ избраніемъ Даниіла и митрополитъ Варлаамъ посвятилъ его въ санъ игумена. Мотивы, которыми руководствовалась братія монастыря при избраніи Даниіла, заслуживаютъ вниманія для опредѣленія нравственнаго характера новоизбраннаго. Старцы указываютъ на нравственные достоинства, когда говорятъ о Даниілѣ, что онъ любилъ нищету, пребывалъ въ трудахъ, постѣ и молитвахъ, и не любилъ празднословія. Но нельзя не замѣчать въ указанныхъ достоинствахъ отсутствія индивидуальности характеризуемаго лица. Скорѣе всего перечисленные качества, взятые въ своей совокупности, составляютъ краткое изображеніе достоинствъ, которыя любили видѣть въ каждомъ инокѣ. Поэтому изъ словъ старцевъ,—словъ болѣе или менѣе стереотипныхъ и одинаково приложимыхъ ко всякому иноку, и тѣмъ болѣе къ иноку, избираемому на игуменство, мало можно найти данныхъ для опредѣленія нравственнаго характера Даниіла, его личныхъ субъективныхъ особенностей. На основаніи ихъ можно составить такое понятіе о Даниілѣ, что онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ представляетъ изъ себя образецъ хорошаго, дѣятельнаго и исправнаго инока. Но въ словахъ старцевъ есть одно весьма важное выраженіе, которое открываетъ собою возможность подмѣнить одну черту въ характерѣ Даниіла. Они говорятъ о намѣреніи, которое онъ, значить, не скрывалъ ни отъ кого, поступить на игуменство въ какой-нибудь другой монастырь. Это намѣреніе Даниіла, освѣщаемое еще другими фактами его послѣдующей дѣятельности, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о присутствіи въ его характерѣ самолюбія ², которое такъ сильно повредило его нравственной репутаціи въ послѣдствіи.

Несомнѣнно Даниілу давали перевѣсъ не одни его нравственные качества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его умственные способности и дарованія. Братія монастыря замѣтно много дорожила личностью Даниіла, и потому лишь только ей стало извѣстно его

¹ Житіе Іосифа Волоцкаго, составленное Саввою Чернымъ, еп. Крутицкимъ. Великія мненія. четьи. Сентябрь. 491—492.

² Курбскій, Сказанія князя Курбскаго. Изд. 2е, 42.

желаніе оставить монастырь съ цѣлію занять мѣсто игумена въ другомъ монастырѣ, она рѣшилась, лишь бы только не потерять его, предоставить ему игуменство въ своемъ собственномъ монастырѣ. Отсюда несомнѣннымъ становится, особенно если взять во вниманіе обширную литературную дѣятельность Даниила, какою онъ заявилъ себя въ послѣдствіи, то обстоятельство, что Даниилъ превосходилъ другихъ членовъ монастыря своими умственными способностями и былъ несравненно просвѣщеннѣе многихъ другихъ волоколамскихъ иноковъ, что дѣйствительно и подтверждается фактами послѣдующей его дѣятельности. Дальнѣйшія черты для характеристики личности Даниила, особенно направленія его воззрѣній, можетъ дать фактъ согласія Іосифа Волоцкаго на его избраніе въ игумена. Самымъ заветнымъ желаніемъ Іосифа, какъ извѣстно, было сохранить духъ и направленіе своего монастыря по возможности на долгое время. Поэтому, коль скоро онъ согласился съ избраніемъ братіи и благословилъ на игуменство Даниила, въ руки котораго переходила теперь вся дальнѣйшая судьба созданнаго имъ монастыря, то это само собою говоритъ въ пользу того, что Іосифъ хорошо зналъ характеръ Даниила, вполне увѣренъ былъ въ солидарности его взглядовъ съ своими, и видѣлъ въ немъ не только преемника себѣ по должности, но и надежнаго и способнаго борца за свои идеи. Во всякомъ другомъ случаѣ невозможно было ожидать согласія Іосифа Волоцкаго съ выборомъ игумена, какой сдѣлала братія.

Не одно просвѣщеніе открыло Даниилу путь къ высокому посту. Хорошее мнѣніе, какимъ онъ пользовался среди избравшей его братіи, основывалось еще на другихъ особенностяхъ склада характера Даниила. Одно превосходство по образованію само по себѣ не могло еще выдвинуть личности и составить ей достойную репутацію, если бы на помощь къ нему не явились другія черты характера. Вся жизнь и дѣятельность Даниила изобличаютъ въ немъ присутствіе «тонкаго», какъ мѣтко выразился о немъ одинъ историкъ¹, дипломатическаго ума, хотя и не столько гениальнаго, чтобы, благодаря ему, онъ могъ всегда выходить изъ борьбы, изъ разныхъ затрудненій побѣдителемъ или даже невредимымъ. Въ немъ видно умѣнье жить и ладить съ людьми, способность примѣняться къ разнымъ обстоятельствамъ и пользоваться ими не безъ выгоды

¹ Карамзинъ, Томъ VII, 124.

для себя. Даниилъ обладалъ ловкостью изворотливаго практическаго человѣка. Вотъ эта-то практическая сторона въ характерѣ Даниила, именно его искусство узнавать людей и дѣйствовать на нихъ такъ, чтобы всегда оставлять по себѣ хорошее впечатлѣніе, также не мало содѣйствовала его выбору и располагала въ его пользу братію монастыря, которая до сихъ поръ видѣла въ немъ только хорошаго своего соподвижника. Практическій тактъ Даниила образовался не безъ вліянія на него Іосифа, который въ умѣнн жить и дѣйствовать возвышался надъ многими лицами своего времени и оттого постоянно выходилъ побѣдителемъ при всевозможныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей жизни.

Выборъ братіи Волоколамскаго монастыря преемника Іосифу оказался вполне удачнымъ для поддержанія и дальнѣйшаго развитія идей его основателя. Даниилъ вышелъ во всѣхъ отношеніяхъ самымъ ревностнымъ Іосифляниномъ. Время пребыванія Даниила въ Волоколамскомъ монастырѣ было временемъ борьбы двухъ противоположныхъ теченій русской мысли. Волоколамскій монастырь, олицетворявшій собою строго консервативное начало, втѣнутъ былъ въ борьбу съ современнымъ критическимъ и еретическимъ движеніемъ русской мысли, которая почти совпала съ самымъ основаніемъ монастыря и силою историческихъ обстоятельствъ сдѣлалась прямымъ и необходимымъ удѣломъ для подвижниковъ Волоколамской обители на очень долгое время. Не былъ чуждъ этой широко захватывавшей борьбѣ направленій Даниилъ и въ то еще время, когда онъ принадлежалъ только къ самымъ обыкновеннымъ инокамъ. И тутъ-то онъ усвоилъ себѣ тѣ принципы, за которые ратовалъ его учитель и которые сдѣлались достояніемъ всей Волоколамской школы.

Слѣдующимъ игуменомъ монастыря Даниилъ унаслѣдовалъ великую обязанность поддерживать и развивать его духъ въ одномъ извѣстномъ направленіи. Такъ онъ и дѣлалъ. Просвѣщеніе, понимаемое въ его консервативныхъ принципахъ, продолжало развиваться въ монастырѣ преп. Іосифа и при игуменствѣ Даниила, находя въ немъ самомъ своего ревнителя и покровителя. Получившая свое начало при своемъ основателѣ, бібліотека Волоколамскаго монастыря стала быстро возрастать и обогащаться, конечно, не безъ старанія игумена. Личность Даниила получаетъ здѣсь весьма важное значеніе не только для своего, но и для всего послѣдующаго времени въ томъ отношеніи, что очень значительная часть

книгъ Волоколамской библіотеки относится ко времени его игуменства. Какъ при Іосифѣ въ Волоколамскомъ монастырѣ существовала особая группа любителей книжнаго образованія и переписчиковъ, во главѣ которой находился Герасимъ Черный¹, точно также продолжала она существовать и развиваться и при Даниилѣ. Во главѣ просвѣщенной части Волоколамской общины при Даниилѣ стоялъ Нилъ Полевъ². Какъ переписчикъ книгъ и какъ духовный писатель въ это время извѣстенъ былъ старецъ Фотій, строгій подвижникъ благочестія, имѣвшій своихъ учениковъ³, Феодосій, въ послѣдствіи архіепископъ Новгородскій и одинъ изъ дѣятелей Стоглаваго собора и очень много другихъ.⁴ Нѣкоторыя книги писались по указанію и приказу самаго Даниила.⁵ Наконецъ самъ Даниилъ принималъ участіе въ перепискѣ книгъ и приобреталъ ихъ для своего личнаго пользованія. При игуменствѣ Даниила въ Волоколамскій монастырь были пожертвованія и вклады книгами, что само собою попятно увеличивало составъ монастырской библіотеки⁶. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ книгохранилища распространялась и образованность. Богатство монастырской библіотеки спо-

¹ По описи книгъ Волоколамскаго монастыря, сдѣланной въ 1573 году, значится 16 книгъ письма одного Герасима. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1847 г., № 7, отд. IV, 6.

² Онъ одинъ пожертвовалъ 8 книгъ въ Волокол. монастырь, изъ коихъ нѣкоторыя написаны были имъ самимъ (Чт. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1847 г., № 7, отд. IV, 13; рукоп. Москов. Епарх. Библ., № 142/43, Волокол. л. 1).

³ Его письма сохранились слѣдующія рукописи: Москов. Дух. Акад., № 163/344; № 137/432; рукоп. Москов. Епарх. Библ. № 158 по Волоколамскому каталогу и № 177 по Волок. кат. Литературные труды Фотія старца: Памятники Старинной Русской Литературы вып. IV, стр. 189 — 191. Филаретъ Черниговскій. Обзоръ русской духовной литературы, стр. 148—149. Ученныя записки втораго отдѣленія Академіи Наукъ, кн. III. Сказаніе о старцѣ Фотіѣ и его замѣчательныхъ подвигахъ, въ рукописи Импер. Публ. Библ. Q. XVII, № 64 л. 353—356. Фотію принадлежить также служба преп. Іосифу. Синод. рук. № 927, л. 659—172.

⁴ Филаретъ Черниговскій. Обзоръ русской дух. литературы, 149—150. Записки втор. отд. Импер. Акад. Наукъ, кн. III. Рукоп. Импер. Публ. Библ. Q. XVII, № 50.

⁵ Рукоп. Москов. Дух. Акад. № 121/146. Изъясненія на видѣнія пророка Даниила Митрополита папы Римскаго.

⁶ Такъ при Даниилѣ дѣлъ великаго князя Данила Мамыревъ пожертвовалъ три книги. См. рукоп. Москов. Дух. Акад. № 10/12, № 117/441 рукопись Москов. Епарх. Библ. при Высокопетровскомъ монастырѣ № 268/417.

собствовало распространению грамотности и просвѣщенія въ средѣ монаховъ. Самымъ выдающимся просвѣщеннымъ лицомъ въ Волоколамскомъ монастырѣ былъ несомѣнно Данилъ, способности котораго, развитыя еще постояннымъ чтеніемъ и изученіемъ церковной письменности, скоро обнаружались. Еще будучи игуменомъ, онъ началъ заявлять себя на литературномъ поприщѣ. Свято хранить всѣ преданія Іосифа—было цѣлю всей дѣятельности Данила во все время его игуменства. Онъ старался поддерживать монастырскій уставъ во всей его полнотѣ не одними административными мѣрами, но пастырскими поученіями. Отъ времени его игуменства сохранилось одно поученіе, вошедшее въ послѣдствіи въ сборникъ его посланій, въ которомъ онъ съ обширною богословскою аргументаціею доказываетъ необходимость соблюдать во всей точности всѣ правила общежитія, завѣщанныя Іосифомъ, и въ сильныхъ выраженіяхъ осуждаетъ нарушителей общежительнаго устава. Въ этомъ поученіи Данилъ развиваетъ правила монастырскаго общежитія до самой послѣдней степени, отрицая право монаха имѣть какую-либо *личную* собственность, напр. книги или иконы. Во вступленіи въ поученіе говорится, что оно написано по просьбѣ самихъ иноковъ, но эту просьбу ихъ нужно понимать въ смыслѣ желанія знать основанія тѣмъ строгимъ мѣрамъ, какія принималъ Данилъ въ отношеніи своихъ подначальныхъ иноковъ. Видно, свои пастырскія духовныя увѣщанія Данилъ соединялъ и съ репрессивными мѣрами, когда его требованія о точномъ исполненіи монастырскаго общежитія вызвали жалобы и протесты со стороны подчиненныхъ ему Волоколамскихъ иноковъ. Они обратились съ посланіемъ къ одному изъ самыхъ уважаемыхъ старцевъ, Іонѣ Головѣ,¹ и просили его ходатайства предъ игуменомъ Данииломъ о позволеніи имъ имѣть при себѣ книги и иконы, ссылаясь въ этомъ случаѣ на позволеніе самого Іосифа и на примѣры древнихъ подвижниковъ². Слава Волоколамскаго игумена, какъ хорошаго пастыря и плодотворнаго наставника, распространилась и за предѣлами управляемой имъ обители. Къ Данилу обра-

¹ О немъ въ житіяхъ Іосифа Волоцкаго: у Саввы Чернаго, Великія мненія, 485—488; у неизвѣстнаго, Чтен. въ Общ. Любит. Дух. Просвѣщ. 1865 г. т. II, Прилож. 123—125. Хрущовъ, 46—47.

² Рукоп. Москов. Синод. бывш. Патр. библи. № 791, л. 64—67, рукопись неописанная.

щались за разрѣшеніемъ своихъ недоразумѣній и князья, на которыя онъ отвѣчалъ посланіями. Ко времени его игуменства относится посланіе его къ Дмитровскому князю Юрію Ивановичу, въ которомъ онъ разрѣшаетъ одинъ изъ церковно-обрядовыхъ вопросовъ.

Литературная дѣятельность Данила въ бытность его игуменомъ обнаружилась нѣсколько и въ иной сферѣ и въ иномъ видѣ. Во время своего игуменства онъ занимался составленіемъ сборника церковныхъ правилъ. Каноническій трудъ Данила не былъ простою случайностью, онъ вызванъ былъ намѣреніями и дѣйствіями противной іосифлянамъ партіи. Дѣло въ томъ, что въ 1515 году, а можетъ быть и ранѣе, Вассіанъ Косой взялся за составленіе новой редакціи Кормчей несомнѣнно въ виду своихъ полемическихъ цѣлей. Въ соотвѣтствіе, можетъ быть, ему Данилъ занялся составленіемъ своего собранія правилъ въ духѣ и направленіи Іосифа Волоцкаго.

Однимъ изъ извѣстныхъ историковъ высказанъ былъ слѣдующій взглядъ на характеръ Просвѣтителя Іосифа Волоцкаго. «Въ Просвѣтителѣ Іосифа Волоколамскаго, говоритъ этотъ ученый, есть довольно ясные признаки его *многосоставности, разнохарактерности*, и можно предполагать, что въ составленіи его участвовали главнѣйшіе члены Волоколамской общины»¹. А если вѣрно, что Просвѣтитель не есть произведеніе одного Іосифа, то дальнѣйшимъ и не менѣе основательнымъ предположеніемъ будетъ и мысль объ участіи въ составленіи Просвѣтителя Данила, какъ самаго просвѣщеннаго инокъ Волоколамскаго монастыря времени Іосифа. Вматриваясь въ планъ и характеръ Просвѣтителя Іосифа съ одной стороны и сборника Данила съ другой, можно находить нѣкоторыя черты сходства въ построеніи и планѣ того и другаго сочиненія². Но сдѣланное предположеніе объ участіи Данила въ составленіи Просвѣтителя во всякомъ случаѣ нуждается въ гораздо болѣе вѣскихъ данныхъ, а за отсутствіемъ ихъ, вопросъ о

¹ Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи С.-Петербургской Дух. Академіи профессоромъ М. О. Козловичемъ, 17 февраля 1871 г. Годичное торжественное собраніе Спб. Дух. Акад. 17 февраля 1871 г. 50.

² Сравни, напр. 12е слово Просвѣтителя Іосифа Волоцкаго и любое слово сборника митр. Данила.

литературномъ участіи Даниіла въ Просвѣтителѣ остается покуда открытымъ.

Будучи игуменомъ въ Волоколамскомъ монастырѣ Даниилъ отличался какъ хорошій администраторъ и какъ опытный хозяинъ. Онъ значительно увеличилъ земельныя владѣнія монастыря то покупкою новыхъ земель, то обмѣномъ ихъ на другія болѣе удобныя. Въ игуменство Даниіла было также не мало пожертвованій въ монастырь вотчинами ¹.

Кромѣ умственныхъ и нравственныхъ качествъ быстрому возвышенію Даниіла способствовали и нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства. Великій князь изъ уваженія къ личности пр. Іосифа по смерти его любилъ посѣщать Волоколамскій монастырь и черѣдко охотился въ его окрестностяхъ ². При посѣщеніяхъ монастыря великій князь естественно скорѣе другихъ сталкивался съ настоятелемъ его, что давало возможность ко взаимному ознакомленію и сближенію ихъ другъ съ другомъ. Вниманіе великаго князя къ новому волоколамскому игумену съ теченіемъ времени стало ясно обнаруживаться и выражалось въ новыхъ милостяхъ великаго князя Волоколамскому монастырю ³.

Даниилъ игуменствовалъ въ Волоколамскомъ монастырѣ около семи лѣтъ, пока наконецъ онъ въ 1522 году не возведенъ былъ въ митрополита всея Руси. Преемникомъ его по игуменству сдѣлался было Герасимъ Ленковъ, но онъ оставался въ санѣ игумена два мѣсяца и за тѣмъ добровольно оставилъ его. Ему преемствовалъ Нифонтъ Кормилицынъ, который игуменствовалъ очень долгое время (съ 1522 по 1543 г.) ⁴.

¹ Въ актахъ Волоколамскаго монастыря до сихъ поръ сохранилось: четыре купчихъ, двѣ мѣновыя, пять жалованныхъ грамотъ на земли и деревни, заключенныя при игуменахъ и съ благословенія Даниіла. Рукон. Волокол. мон., хранящ. въ монастырской ризницѣ, нач. XVII в. въ листъ на 157 л., № 24/157. Рукон. Румянц. Музея № 52, л. 37. Описаніе Румянц. Музея Востокова, 75—77.

² Полн. собр. Русс. Лѣт. т. VI, 261; т. VIII, 265, подъ 1518 годомъ. Памятники дипломат. сношеній древней Россіи съ иностр. державами. Т. I. Спб. 1881 г., 411.

³ Акты Арх. Экспеди. т. I, № 169, 136—137, отъ 1521 г.

⁴ Строенъ Списки іерарховъ и настоятелей монастырей русской церкви, 182. Выписъ о началѣ Іосифова монастыря. Рукон. Москов. Дух. Акад. № 121/144, л. 73—74.

ГЛАВА II.

Данилъ въ санѣ митрополита.

17 декабря 1521 года Всероссійскій митрополитъ Варлаамъ оставилъ свою кафедру. Это былъ мужъ святой жизни, кроткій и аскетически настроенный, симпатизировавшій идеямъ заволжскихъ братій и находившійся въ самыхъ искреннихъ отношеніяхъ съ представителемъ ихъ Вассіаномъ Косымъ. Притомъ это былъ чѣловѣкъ «твердый и не льстецъ великому князю ни въ какихъ случаяхъ, противныхъ совѣсти»¹. Такая достойная, неподкупная, честная личность представителя церкви не всегда могла внушать къ себѣ симпатіи великаго князя и тѣмъ болѣе не могла гармонировать съ дѣйствіями его политики. Великій князь Василій Іоанновичъ, при которомъ, и отчасти благодаря которому, самодержавіе на Руси достигло своего апогея², всегда хотѣлъ видѣть митрополита на своей сторонѣ для того, между прочимъ, чтобы имѣть въ немъ нравственную поддержку и оправданіе своимъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ современная политика великаго князя доканчивала дѣло объединенія Руси если и полезными, съ государственной точки зрѣнія, то не всегда справедливыми дѣйствіями. Понятно, митрополитъ Варлаамъ, преслѣдовавшій и руководившійся всегда принципами истинно христіанской нравственности, составлявшими задачу и цѣль проповѣди Заволжцевъ, и не хотѣвшій знать никакихъ политическихъ расчетовъ, если только они не согласовались съ нравственнымъ закономъ, понятно, не могъ одобрять всѣхъ дѣйствій великаго князя, иногда не совѣтъ честныхъ и справедливыхъ. Слѣдствіемъ чего была холодность между тѣмъ и другимъ, закончившаяся ссылкой и заточеніемъ митрополита въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей Россіи³. Такимъ образомъ. Варлаамъ

¹ Карамзинъ, т. VII, 123—124.

² Костомаровъ. Начало единодержавія. Вѣст. Евр. 1870 г., т. VI, декабрь, 528. Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ дѣятелей, первый отд., вып. 2й, 371. Акты Арх. Эксп. I, № 172.

³ П. С. Р. Л. т. VIII, 269; т. VI, 264; Герберштейнъ. Записки о Москвитинѣ, въ переводѣ Анонимова, 44—45. Щербатовъ, неизвестно на основаніи какихъ источниковъ, сообщаетъ, что митр. Варлаамъ удаленъ съ митрополіи добровольно.

поплатился заточеніемъ за свою вѣрность древнему праву всероссійскихъ митрополитовъ, явившихся всегда нравственными судіями своей паствы, не исключая и князей, и всегда бывшихъ постоянными «печаловниками» всей земли русской предъ высшею властію государя. Идея о нравственномъ превосходствѣ духовной власти и о ея правѣ контроли надъ дѣйствіями власти государственной, входившія въ кодексъ положеній воложскихъ пустынниковъ, въ лицѣ Варлаама потеряли лучшаго и виднаго своего представителя.

Великій князь Василій Іоанновичъ, не любившій видѣть никакого противорѣчія себѣ, при выборѣ новаго митрополита сталъ осторожнѣе. Естественно, для него болѣе подходящимъ кандидатомъ представлялся тотъ, кто составлялъ противоположность митрополиту Варлааму. Князь въ лицѣ послѣдняго отвернулся отъ партіи пустынниковъ и присталъ къ партіи ихъ антагонистовъ, среди которыхъ онъ, по естественному закону противоположности, лучше и скорѣе всего могъ разсчитывать найти подходящаго человѣка для митрополіа. Частыя посѣщенія Волоколамскаго монастыря дали великому князю возможность ближе познакомиться съ бытомъ монастыря и съ выдающимися личностями его обитателей. Личность игумена, съ которымъ чаще другихъ сталкивался Василій Іоанновичъ, прежде всего должна была обратить его вниманіе. Сначала случайно, а потомъ по личной инициативѣ князя и его расположенію, Данилъ сдѣлался предметомъ его особеннаго и преимущественнаго вниманія и благосклонности. Посѣщеніями князя Данилъ прекрасно воспользовался для своего личнаго возвышенія. Человѣкъ тонкій по уму, гибкій по своимъ нравственнымъ убѣжденіямъ, съ задатками честолюбія, Данилъ сумѣлъ понравиться великому князю тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя его умственные и нравственные качества располагали въ его пользу. И дѣйствительно, Данилъ достигъ своей цѣли, слѣдствіемъ чего было возведеніе его на митрополію.

Спустя два мѣсяца и десять дней по удаленіи Варлаама, 27 февраля 1522 года, поставленъ былъ на русскую митрополію Данилъ, избранный въ этотъ санъ единоличною волею великаго князя безъ

Но это сообщеніе тенденціозное, разсчитанное на то, чтобы въ лучшемъ свѣтѣ представить дѣйствіе гражданской власти. Истор. Росс. съ древнѣйшихъ временъ, кн. Мих. Щербатова, т. IV, ч. 2. Спб. 1783, 496—497.

всякой санкціи собора¹. Выборъ новаго митрополита съ точки зрѣнія тѣхъ цѣлей, какія въ немъ преслѣдовались великимъ княземъ, сдѣланъ чрезвычайно удачнымъ. Новый митрополитъ уступалъ своему предшественнику не только въ твердости характера, но и по своимъ нравственнымъ качествамъ. Личныя нравственныя качества новаго митрополита способствовали тому, чтобы онъ сдѣлался вполне покорнымъ слугою великаго князя, и если не солидарнымъ со всѣми его справедливыми и несправедливыми дѣйствіями, то, по крайней мѣрѣ, безмолвнымъ свидѣтелемъ послѣднихъ. Не однѣ личныя особенности характера Данила обращали его въ послушное орудіе князя. Здѣсь видна и вѣрность традиціи всей Волоколамской школы. Однимъ изъ основныхъ принциповъ ея, такъ ясно и отчетливо оформившихся Іосифомъ Волоцкимъ, служило подчиненіе церковной власти авторитету власти государственной подъ условіемъ сохраненія всѣхъ существующихъ правъ и привилегій церкви. Гибкость характера Данила, не всегдашняя устойчивость въ нравственныхъ убѣжденіяхъ и правилахъ, съ каковыми чертами придется познакомиться ниже, суть главнымъ образомъ результаты личныхъ особенностей его природнаго склада и темперамента; но нельзя также отвергать значительной доли вліянія на него нравственныхъ воззрѣній школы, которой онъ считался послѣдователемъ. И въ нравственныхъ воззрѣніяхъ Волоколамской школы существовала весьма важная черта, которая отличала ее отъ всего остального русскаго общества. Въ системѣ ея нравственныхъ правилъ находились и такія, которыя не совсѣмъ гармонируютъ съ духомъ христіанской православной морали и отзываются нѣкоторымъ казуитизмомъ². Кроме того среди Волоколамской школы, какъ и у всѣхъ книжниковъ того времени, замѣтно преувеличенное уваженіе къ внѣшнимъ правиламъ морали. А тамъ, гдѣ на первомъ планѣ внѣшность, формализмъ, гдѣ нѣтъ внутренняго руководительнаго начала, освѣщающаго однимъ общимъ колоритомъ всю дѣятельность человека во всѣхъ ея мельчайшихъ про-

¹ П. С. Р. Л. т. VI, стр. 264; т. VII, 269; Након. лѣт. ч. VI, 228. Только Щербатовъ, неизвестно на основаніи какого-то источника, сообщаетъ, что Данилъ избранъ былъ на митрополию «обще съ російскимъ духовенствомъ». И здѣсь видна тенденція историка смягчить самоуправство свѣтской власти. Щербатовъ. Ист. Росс., т. IV, ч. II, 497.

² «Богонаученное коварство», проповѣдуемое Іосифомъ Волоцкимъ.

явленіяхъ, тамъ всегда возможны уклоненія, извиненія, оправданія своихъ поступковъ виѣшними обстоятельствомъ и затрудненіями. Отъ казуистическихъ понятій о нѣкоторыхъ нравственныхъ дѣйствіяхъ не былъ свободенъ и Даниилъ, который напр. считалъ дѣломъ высоконравственнымъ *производить вражду* между порочными людьми и еретиками, когда тѣ и другіе живутъ въ мирѣ и согласіи между собою. Такимъ образомъ, рассматривая нравственный характеръ Даниила въ его цѣлости, мы видимъ въ немъ два фактора: особенности его личнаго природнаго склада и темперамента, и вліяніе школы. Характеръ его представляетъ изъ себя замѣчательное явленіе въ томъ отношеніи, что личныя его свойства какъ нельзя болѣе гармонизировали съ духомъ школы, подъ вліяніемъ которой онъ развивался. Случайно вышедшая гармонія между естественными качествами и склонностями человѣка и средою его воспитавшею создала цѣльный характеръ митрополита Даниила, который съ этой стороны вполне заслуживаетъ признанія за нимъ *типической личности іерарха-іосифлянина*, какъ то основательно и дѣлаютъ нѣкоторые историки ¹.

Въ нравственномъ характерѣ м. Даниила можно подмѣтить и нѣкоторыя частныя черты. Даниилъ принадлежалъ къ числу аскетовъ, но аскетизмъ его былъ не такой, какого держался м. Варлаамъ. У того аскетизмъ былъ болѣе внутренній, духовный. У Даниила аскетизмъ отличался своимъ специфическимъ характеромъ. Даниилъ удачно умѣлъ примирять въ своей практической жизни требованія монашескаго аскетизма съ виѣшними благами, какія представляло для него его высокое положеніе. Онъ любилъ виѣшнія удобства жизни: богатая одежда, пышныя выѣзды, хорошій столъ и вообще довольство во всемъ. ² Высокое положеніе первосвященника русскаго, обширныя земельныя владѣнія котораго доставляли ему громадныя денежныя средства, открывали Даниилу легкую возможность устроить свою жизнь удобно и привольно. Покойная, тихая, вполне обезпеченная въ благоустроенномъ и богатомъ Іосифовомъ монастырѣ жизнь способствовала тому, что Даниилъ

¹ Павловъ, Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, 86.

² Сочиненія Максима Грека, ч. II, 43—44. Подробнѣе объ этомъ свидѣтельствъ Максима Грека смотр. ниже.

счумѣлъ съ избыткомъ сохранить свои физическія силы, и потому, несмотря на то, что онъ при вступленіи на митрополичій престолъ находился уже приблизительно болѣе чѣмъ въ среднихъ лѣтахъ, тѣмъ не менѣе онъ выглядывалъ въ это время еще полнымъ силъ и здоровья мужчиной. Герберштейнъ, бывшій въ Россіи два раза и лично знавшій м. Даниила, описываетъ внѣшность его. По его словамъ, Даниилъ былъ человекъ съ здоровымъ и тучнымъ тѣломъ и съ краснымъ лицомъ.¹ Достоверность этихъ словъ Герберштейна отвергать положительно невозможно. Помимо того, что Герберштейнъ, какъ посланникъ, часто бывалъ при дворѣ великаго князя и здѣсь могъ встрѣчаться и съ митрополитомъ, помимо того, онъ нѣсколько разъ присутствовалъ при богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ, и видѣлъ здѣсь служившаго митрополита; онъ описываетъ въ своихъ запискахъ, какъ очевидецъ, драгоценныя облаченія митрополита, его положеніе въ церкви, его приемы, молитвы и т. п. Та часть разсказа Герберштейна, гдѣ онъ говоритъ о Даниилѣ, что сей для того, чтобы не показаться преданнымъ болѣе удовольствіямъ, чѣмъ аскетическимъ подвигамъ, прежде чѣмъ выходить предъ народъ, окуривался сѣрнымъ дымомъ, дѣйствительно можетъ быть не безъ основанія заподозрѣна въ своей достоверности. Герберштейнъ вращался въ высшихъ боярскихъ кружкахъ русскаго общества, которые не отличались своимъ расположеніемъ къ митрополиту въ виду того, что онъ исключительно держался стороны великаго князя. При томъ Герберштейнъ имѣлъ близкую связь съ кружкомъ Вассіана Патрикіева и Максима, гдѣ онъ скорѣе всего и могъ получить нѣкоторые односторонніе свѣдѣнія о митрополитѣ. Извѣстно напр. что Власій, толмачъ Максима Грека былъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ Герберштейномъ.² Но это не значитъ вовсе, чтобы Даниилъ преданъ былъ чувственности, онъ отличался строгою религіозностью, которая обнаруживалась у него впрочемъ въ болѣе внѣшнихъ подвигахъ, каковы постъ и долгія молитвы.³ Біографъ Іосифа отмѣчаетъ особенную черту въ характерѣ Даниила—это любовь къ труду.⁴ Дѣйствительно, Даниилъ, какъ человекъ просвѣщен-

¹ Герберштейнъ, Записки о Московіи, въ переводѣ Анонимова, 45, 72—73.

² Статья «Максимъ Грекъ святогорецъ». Прибавлен. къ Твор. Св. Отецъ ч. XVIII, 176.

³ Сочин. Максима Грека ч. II, слово 1, 43—44.

⁴ Жизнь Іосифа Волоцкаго Саввы Крутицкаго, въ Великихъ четіихъ-минелъ Макарія, 491.

ный, посвящая не мало времени и на ученые занятія. Онъ занимался списываніемъ и перепискою книгъ. И до сихъ поръ сохранилась писанная его собственною рукою рукопись, содержащая въ себѣ нѣкоторыя творенія І. Дамаскина, откуда впрочемъ видно, что Даниилъ не особенно отличался каллиграфическимъ искусствомъ.¹ Кроме того, онъ любилъ вообще приобрѣтать книги для своей собственной библіотеки. Время сохранило и до сихъ поръ нѣкоторыя изъ книгъ, принадлежавшихъ когда то м. Даниилу. Но болѣе всего м. Даниилъ обращалъ вниманіе на литературные труды. Онъ писалъ много поучительныхъ словъ и еще болѣе посланій и любилъ часто проповѣдывать слово Божіе въ храмѣ. Проповѣдь служила для него самою главною стихіею его жизни, памятниками которой служатъ между прочимъ и сохранившіяся до насъ его сочиненія. Своими богословскими познаніями, своею рѣдкою начитанностію Даниилъ возвышался надъ всѣми своими русскими современниками.²

Даниилъ усвоилъ себѣ практической духъ своего учителя Іосифа Волоцкаго. Онъ любилъ порядокъ и довольство во всемъ, и потому заботился о приведеніи въ извѣстность всего того, чѣмъ тогда могла располагать русская митрополія. Главный источникъ содержанія ея составляли земельныя владѣнія. Даниилъ позаботился о томъ, чтобы надлежащимъ образомъ прикрѣпить всѣ наличныя владѣнія къ своей кафедрѣ. Съ этою цѣлію онъ поручилъ составить сборникъ актовъ и разныхъ дарственныхъ записей московской митрополіи, который бы могъ служить самымъ неопровержимымъ источникомъ законности каждаго владѣнія митрополичьей кафедрой.³ Мало того, Даниилъ прилагалъ не мало старанія и къ тому, чтобы по возможности и при всякомъ удобномъ случаѣ увеличивать наличныя владѣнія своей кафедрой. Этой экономической цѣли много содѣйствовало вниманіе къ нему со стороны великаго князя и

¹ См. рукоп. Москов. Дух. Акад. № 121/122, Волоколам., она же прежде значилась подъ №№ 82, а потомъ подъ 85,—и сочиненіе Калайдовича: Іоаннъ Экзархъ Болгарскій. Здѣсь находится факсимиле руки Даниила. См. приложение таб. № 14.

² Сочиненія Максима Грека, ч. I, 530—531.

³ Съ нѣкоторыми добавленіями и измѣненіями списокъ съ составленнаго при м. Даниилѣ сборника сохранился и до настоящаго времени. Рукоп. Москов. Синод. бывш. патріарш. библіот. № 276; рукоп. Москов. Публ. Музея № 1620, изъ собранія Н. Д. Бѣльева ср. Горчакова. О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и еп. Синода. Сиб. 1871 г., 9—10.

нѣкоторыхъ другихъ князей. Сохранилось значительное количество жалованныхъ грамотъ, данныхъ митрополиту Данилу отъ великаго князя Василя Іоанновича ¹ и его брата Юрія Ивановича, князя Дмитровскаго. ² Наконецъ, Даниль въ весьма значительной степени увеличилъ земельныя владѣнія митрополичьей кассеры путемъ денежной покупки земель. Отъ него сохранилось много купчихъ грамотъ на разныя помѣстья, села и деревни, при чемъ каждая заключенная по его приказанію купчая грамота одна присоединяла ко владѣніямъ митрополитовъ по нѣскольку селъ и деревень. ³ Кромѣ того, митрополитъ иногда бралъ села въ счетъ долга и за долгъ. ⁴ Вообще у Данила замѣтно было стремленіе къ увеличенію своихъ денежныхъ средствъ, благодаря которому онъ входилъ въ разладъ съ нѣкоторыми лицами. ⁵ Таковъ характеръ митрополита Данила.

Вскормъ по вступленіи Данила на престолъ новому митрополиту представился случай обнаружить свои нравственныя качества. Въ 1523 году по подозрѣнію въ измѣнѣ вызванъ былъ въ Москву уже въ третій разъ ⁶ послѣдній представитель удѣльно-вѣчеваго порядка Сѣверскій кн. Василій Шемячичъ. Въ первые два пріѣзда свои въ Москву Шемячичъ успѣшно оправдывался во изводимыхъ на него подозрѣніяхъ и возвращался назадъ съ честію. Въ 1523 году на него возобновились подозрѣнія въ измѣнѣ, послѣдствіемъ которыхъ былъ третій вызовъ его въ Москву. Для того чтобы завлечь и успокоить Шемячича, великій князь и

¹ Рукоп. Москов. Синод. библиот. № 276, л. 281, 187—188, 318, 319, 324, 325; рукоп. Москов. Публ. Музея № 1620, л. 36, 80, 184—185, 352, 362—363, Горчаковъ. О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патриарховъ и синода; а также приложение, стр. 25, 26, 37, 39.

² Рукоп. Москов. Публ. Музея, № 1620 л.л. 23—24, 96—97, 100—103, 107—112, 118—121; Горчаковъ. О земел. влад., приложения, стр. 57, 59, 12.

³ Рукоп. Москов. Синод. Библиот. № 276 л.л. 72—76, 185—187; рук. Москов. Публ. Музея № 1620 л.л. 70—76, 136—137, 122.—Акты, относящіеся до юридич. быта древней Россіи, изд. Археогрѣ. Ком. т. II, стр. 350—361, 417—418.

⁴ Акты относящіеся до юрид. б. др. Россіи 1, № 119, 1525—1526, 726—726.

⁵ Одинъ опальный, Феодоръ Жаренный, на слѣдственномъ дѣлѣ 1523 г. между прочимъ говорилъ о гнѣвѣ на него митрополита, и причиною сею выставилъ слѣдующее обстоятельство: «не давалъ ему митрополиту) тѣхъ денегъ, коли онъ не служилъ»—А. А. Э. 1, № 172, 144 сноска 6.

⁶ Въ 1-й разъ онъ былъ вызванъ въ 1511 г. Собран. Госуд. Грам. и Догов. ч. II, №№ 28, 29; во 2-й разъ въ 1517 г. Карамз. VII, 122.

митрополитъ напередъ выслалъ ему «опасныя» грамоты съ удовольствіемъ въ его личной безопасности, между прочимъ митрополитъ взялъ его «на образъ Пречистые, да на чудотворцовъ, да на свою душу». ¹ Шемячичъ сначала обласканъ былъ въ Москвѣ, но чрезъ нѣсколько дней его схватили и заключили въ темницу. Поводомъ къ тому выставляли его измѣну. Но весьма многіе и справедливо сомнѣвались въ истинности сего обвиненія и въ заключеніи Сѣверскаго князя видѣли обманъ и вѣроломство со стороны великаго князя и особенно митрополита, обратившаго въ средство для обмана самый драгоценный и священный обычай русскаго народа. Герберштейнъ ² передаетъ, что уликою Шемячичу послужило его собственное, перехваченное письмо, адресованное имъ къ польскому королю. Сомнительно, чтобы это была правда, какъ сомнѣвался и самъ Герберштейнъ. Если бы Шемячичъ зналъ за собой вины, то онъ и не поѣхалъ бы въ Москву. Далѣе, весьма важно то, что за него возвышались голоса заступничества, видѣвшіе несправедливость къ нему со стороны князя и митрополита. Если бы даже Шемячичъ дѣйствительно былъ виноватъ, то съ нравственной точки зрѣнія все таки не правы и его враги—великій князь и митрополитъ, которые являлись здѣсь нарушителями своихъ торжественныхъ обѣщаній. Поступокъ Данила съ несчастнымъ Шемячичемъ характеризуетъ его нравственную личность не совсѣмъ съ хорошей стороны. Для великаго князя, преслѣдовавшаго здѣсь извѣстныя политическія цѣли, заключеніе Шемячича можно отыскать извиняющія и оправдывающія его обстоятельства. Положеніе митрополита несравненно щекотливѣе и не выгодно для него. Представитель церкви, учрежденія нравственнаго, онъ самымъ своимъ положеніемъ обязывался руководиться исключительно нравственными цѣлями во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и не вдаваться въ политическія соображенія, часто весьма предосудительныя съ нравственной точки зрѣнія. Такъ дѣйствовалъ его предшественникъ, но Данилъ былъ воспитанникомъ другой школы и пошелъ по иному пути. Поступокъ м. Данила съ Шемячичемъ сильно скомпрометтировалъ нравственный авторитетъ митрополита въ глазахъ людей, воспитанныхъ въ нѣсколько иныхъ нравствен-

¹ А. А. Э. 1, № 172, 144.

² Записки о Москвитинѣ, въ переводѣ Анонимова, стр. 106—107. О дѣлѣ Шемячича см. у Карамзина, кн. VII, 122—124, Соловьева, т. V, 405—407, изд. 3-е.

ныхъ понятіяхъ и иначе смотрѣвшихъ на сущность нравственнаго долга. Со стороны лицъ, придерживавшихся воззрѣній Заволжскихъ старцевъ, возвысились голоса, осуждавшіе несправедливость великаго князя и митрополита. Такъ, Троицкій игумень Порфирій (1521—1524 г.), «мужъ обычаевъ простыхъ и *въ пустынь воспитанъ*», насильно возведенный на это высокое игуменство, торжественно и смѣло сталъ ходатайствовать, въ одинъ изъ пріѣздовъ в. князя въ Сергіевъ монастырь, за гонимаго князя, осужденнаго невинно. Князь оскорбился ходатайствомъ Порфирія. Но благочестивый и неустрашимый старецъ сказалъ на это великому князю: «если ты пріѣхалъ въ храмъ Безначальной Троицы съ тѣмъ, чтобы испросить себѣ прощеніе грѣховъ, то будь напередъ самъ милосердъ *къ гонимымъ безъ правды*». Вскорѣ послѣ того Порфирій сложилъ въ себя санъ игумена, удалился въ пустыню, на Бѣлоозеро, но оттуда взять былъ и посаженъ въ темницу. Впослѣдствіи онъ получилъ свободу.¹ Заволжцы и здѣсь остались строго вѣрными своимъ началамъ, они хорошо умѣли различать дѣла политики и совѣсти.

Еще болѣе скромпрометгировалъ себя митрополитъ Даниилъ въ отношеніи къ разводу великаго князя Василія Іоанновича. Около двадцати лѣтъ великій князь прожилъ съ своею женою Соломоною Сабуровою. Но продолжительный бракъ не осчастливилъ ихъ потомствомъ. Неплодіе жены сильно огорчало великаго князя, который желалъ имѣть по себѣ преемникомъ на престолѣ своего сына. Но потомства можно было ожидать только при новомъ бракѣ. Василій Іоанновичъ задумывался серьезно надъ своимъ положеніемъ и въ немъ созрѣла мысль о разводѣ и о вступленіи въ новый бракъ. Свою завѣтную мысль, мотивированную политическою необходимостію имѣть наследника государства, князь Василій открылъ приближеннымъ боярамъ, которые отвѣчали ему выраженіемъ одобренія на его желаніе.² Есть даже одно свидѣтельство, изъ котораго видно, что мысль о разводѣ явилась у великаго князя «прошенія ради митрополита, князей и бояръ».³ Но не однимъ боярамъ

¹ Карамзинъ, VII, 124.—Сказанія кн. Курбскаго, 2-е изд. 128—129,— Историческое описаніе Троице-Сергіевой Лавры. А. Горскаго. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1878 г. кн. IV, октябрь, декабрь, 70—72.

² П. С. Р. Л. IV, Пековская лѣтопись, 295—296.

³ Исторія Россійская, собранная и списанная Татищевымъ, кн. V, по сочиненію

надлежало разрѣшать семейное затрудненіе в. князя. Рѣшающее значеніе здѣсь принадлежало церковной власти и зависѣло отъ ея высшаго представителя. Несомнѣнно, великій князь обращался за совѣтомъ въ своемъ щекотливомъ дѣлѣ и къ митрополиту. Послѣдній сначала не рѣшился своею собственною властію разрѣшить разводъ, и далъ совѣтъ великому князю обратиться за разрѣшеніемъ къ восточнымъ патріархамъ, надѣясь, что, можетъ быть, они во вниманіе къ могущественному русскому государю отнесутся снисходительно къ его просьбѣ. Совѣтъ вполне естественный и послѣдовательный. Великій князь дѣйствительно обращался съ просьбою о разрѣшеніи и къ патріархамъ и на афонскіе монастыри, но однако какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ получилъ рѣшительные отказы.¹ Тогда м. Данилъ, несмотря на неблагословеніе восточныхъ патріарховъ, допустилъ разводъ, вопреки ясному ученію евангелія и всѣмъ церковнымъ правиламъ. 28 ноября 1525 года супруга великаго князя Соломонія была насильственнымъ образомъ пострижена въ монашество и подъ именемъ Софїи отправлена въ Суздальскій Покровскій монастырь.² Мало

только часть четвертая древней лѣтописи русской. М. 1848 г., изд. Общ. Истор. и Др. Рос. 194. Щербатовъ приписываетъ происхожденіе мысли и намѣренія о разводѣ совѣту митрополита. *Исторія Россійская*, т. IV, ч. 2, 506. Но это сообщеніе тенденціозно, рассчитанное на то, чтобы изъавить гражданскую власть отъ излишнихъ упрековъ въ несправедливости.

¹ Выпись изъ государственной грамоты, что прислана къ великому князю Василью Ивановичу, о сочетаніи втораго брака и о разлученіи перваго брака чадородія ради, твореніе Паисіево, старца Ферапонтова монастыря. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1847 г. № 8, отд. IV, смѣсь, стр. 4—8; рукоп. С.-Петербург. дух. акад. № 270 л. 85—97. Сборникъ XVIII в. писанъ различными почерками; выпись есть и въ библи. рукописей А. Худова № 74 л. 16—22, и въ рукописи графа А. С. Уварова, Сборникъ въ 4 доли № 831. Преем. Макарій (*Ист. Р. Цер.* т. VI, стр. 173—174) и Карамзинъ (т. VII, примѣч. 277, 64—65) мало доверяютъ этому историческому памятнику. Можно, кажется, доискиваться личности автора, характеризовать его симпатіи и антипатіи къ тѣмъ или другимъ историческимъ дѣятелямъ, но противъ сообщаемыхъ имъ историческихъ фактовъ, послѣдовательныхъ и соответствующихъ другимъ историческимъ событіямъ разсматриваемаго времени, нѣтъ особенной нужды сомнѣваться, какъ то и дѣлаютъ нѣкоторые ученые: Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи, стр. 354; Павловъ, Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 87.

² П. С. Р. Л. IV, 295; VIII, 271; Карамзинъ, VII, 135—139, примѣч. 280. Никоновъ. лѣт. VI, 231; Курбскій, Сказанія, 4; Иоасафъ. церковно-историческое описа-

того, спустя нѣсколько времени м. Даниилъ благословилъ новый бракъ великаго князя съ Еленою Глинскою и даже самъ вѣнчалъ ихъ 21 января 1526 года.¹ Допуская такое дѣло, какъ насильственное постриженіе жены и новый бракъ ея мужа, Даниилъ очень хорошо видѣлъ и сознавалъ противозаконность своихъ дѣйствій, рассматриваемыхъ съ объективной и строго нравственной точки зрѣнія. Рассматривая поступокъ Даниила съ Шемячичемъ и отношеніе его къ незаконному разводу великаго князя съ строго нравственной точки зрѣнія должно признать Даниила въ первомъ случаѣ измѣнникомъ своему священному слову, во второмъ явнымъ нарушителемъ церковныхъ правилъ и несправедливо жестокимъ по отношенію къ личности развѣнчанной великой княгини. Съ строго-нравственной точки зрѣнія, сколько бы ни старались подыскивать разныя извиненія для оправданія митрополита, онѣ не могутъ все таки вполне оправдать его. Несправедливыми поступкамъ Даниила можно только находить надлежащія объясненія, которыя скрываются частію въ характерѣ самого митрополита, частію и въ традиціонныхъ воззрѣніяхъ школы. По индивидуальнымъ качествамъ своего характера Даниилъ вовсе не былъ способенъ къ сильнымъ рѣшительнымъ протестамъ. Это отрицательная сторона дѣла. А положительнымъ мотивомъ, вызвавшимъ его на нарушеніе торжественнаго своего обѣщанія и явнаго игнорированія нѣкоторыхъ церковныхъ каноновъ, послужило присущее его характеру честолюбіе. Желаніе сохранить за собою занимаемый высокій санъ и опасеніе лишиться благоволенія великаго князя, въ случаѣ противорѣчія ему, также руководили Данииломъ въ его дѣйствіяхъ по разводу и по отношенію къ несчастному Шемячичу. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что допуская извѣстныя угодливыя для великаго князя дѣйствія, митрополитъ руководствовался здѣсь и чувствомъ сердечной привязанности, какую онъ питалъ къ великому князю, такъ много благодѣтельствовавшему ему.—Это психологическая сторона поступковъ Даниила.—Необходимо имѣть въ виду здѣсь также нѣкоторыя теоретическія и нравственно практическія воззрѣнія направленія, къ которому принадлежалъ Даниилъ, для того, чтобы яснѣе и всестороннѣе понимать его дѣйствія. Благодаря

не судавскихъ достопримѣчательностей, Чугуевъ, 1857 г. 87., Соловьевъ, V, 411—413, изд. 3.

¹ И. С. Р. J. IV, 295; VIII, 271; VI, 264.

воззрѣніямъ своей школы на поступокъ свой съ Шемяичемъ и еще болѣе на незаконный разводъ митрополитъ смотрѣлъ нѣсколько иначе. Для него самого лично и тотъ и другой не казались такими предосудительными дѣйствіями, какими представлялись они для многихъ изъ его современниковъ. Извѣстно, что люди такого направленія, какъ направленіе Іосифа Волоцкаго, постоянно смѣшивали понятія государства и церкви, и свойства одного переносили на другое и вообще отождествляли ихъ интересы. Поэтому православіе и русское государство—государство и православіе—у нихъ были понятіями нераздѣльными. Прекрасное въ идеѣ такое воззрѣніе въ частныхъ своихъ примѣненіяхъ приводило иногда къ ненормальнымъ явленіямъ государственной и церковной жизни. Вышло иногда такъ, что люди, преслѣдуя государственные интересы, нарушали нравственные требованія религіи, случалось конечно и на оборотъ. Даниилъ, видя въ заключеніи Шемяича и въ новомъ бракѣ великаго князя, при которомъ возможнымъ было рожденіе наследника престола, большую пользу для своего государства, съ точки зрѣнія воззрѣній своей школы, ни сколько не затруднился воспользоваться нравственно религіознымъ средствомъ для достиженія чисто политическихъ цѣлей. Но выборъ средствъ и отношеніе къ нимъ оказались неудачными. Во всякомъ случаѣ, Даниилъ очень хорошо понималъ, что нарушая свои торжественныя обѣщанія и дѣйствуя противно церковнымъ канонамъ, онъ тѣмъ самымъ допускалъ несправедливость и поступалъ такимъ образомъ съ *объективной* точки зрѣнія *нравственно преступно*. Но характеръ и свойства воззрѣній его школы были таковы, что и здѣсь онъ могъ находить для себя субъективное оправданіе, *по его мнѣнію искупающее* его неправденныя дѣйствія. Удобное оправданіе своимъ дѣйствіямъ Даниилъ могъ найти въ казуистическомъ пониманіи нравственности, въ которомъ онъ пошелъ нѣсколько далѣе своего учителя и въ которомъ онъ приближался уже къ ученію о цѣли, оправдывающей средства. Отчасти можно даже видѣть, что, дѣйствительно, митрополитъ придавалъ искупающее значеніе своимъ оправданіямъ и не признавалъ за своими дѣйствіями большой преступности. Въ бесѣдѣ съ однимъ бояриномъ Даниилъ «велику хвалу» воздавалъ великому князю и говорилъ, что Богъ его избавилъ отъ «запазушнаго врага Шемяича»¹. Разговоръ митро-

¹ Орывки изъ слѣдственнаго дѣла о Иванѣ Берсенѣ и Θεодорѣ Жареномъ. А. А. Э. I, № 172, 144.

полита съ бояриномъ происходилъ въ искренней бесѣдѣ «одинъ на одинъ». Если бы, въ самомъ дѣлѣ, митрополитъ признавалъ свой поступокъ съ Шемяичемъ вполне преступнымъ, то онъ во всякомъ случаѣ не сталъ бы распространяться о такомъ щекотливомъ для него дѣлѣ, и тѣмъ болѣе не сталъ бы приписывать самому Богу избавленіе великаго князя отъ завазущаго врага, которое на самомъ дѣлѣ совершилось путемъ преступленія и обмана. Очевидно, Даниилъ смотрѣлъ слишкомъ просто и прямо на свой поступокъ съ Шемяичемъ. То же самое нужно сказать и по отношенію къ допущенному митрополитомъ разводу. Допустивъ незаконный разводъ, митрополитъ въ то же время написалъ цѣлыхъ три слова о нерасторжимости брака. Этими самымъ онъ хотѣлъ показать своимъ пасомымъ, что допущенный имъ разводъ для великаго князя есть исключеніе, сдѣланное въ видахъ государственной пользы и значить дѣло *сполнѣ изъимительное* и для него нисколько нравственно непередосудительное. Во всякомъ другомъ случаѣ Даниилъ считалъ бы за лучшее молчать и вовсе не касаться компрометирующаго его вопроса, чтобы не вызвать противъ себя насмѣшекъ и обличеній въ несправедливости и противорѣчіи самому себѣ. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ современниковъ Даниила, люди съ инымъ пониманіемъ нравственности, критически относились къ его пастырскимъ наставленіямъ и обличали его въ противорѣчіи, какое онъ допускалъ между своимъ ученіемъ и своими дѣйствіями.

Разводъ великаго князя, дозволенный митрополитомъ, еще больше возбудилъ неудовольствіе въ русскомъ обществѣ. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на все современное русское общество. Въ немъ видѣли многіе преступленіе. Даже одинъ изъ лѣтописцевъ называлъ второй бракъ великаго князя прелюбодѣяніемъ¹. Но особенно противъ несправедливыхъ дѣйствій князя и митрополита возсталъ партія заволжскихъ старцевъ, всегда болѣе строгихъ и правдивыхъ въ отношеніи нравственности. Разводъ и новый бракъ великаго князя осуждали: Вассіанъ Косой, Максимъ Грекъ, Симеонъ Курбскій и др. Особенно рѣшительно въ этомъ случаѣ высказывался Вассіанъ, который называлъ великаго князя прелюбодѣемъ². У строгихъ ревнителей благочестія поступокъ митрополита

¹ П. С. Р. А. IV, 1а Исковск. лѣт., 295.

² Сказанія Павсія о второмъ бракѣ в. князя Василія Іоанновича. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1847 г. № 8, отд. IV, — Сказанія кн. Курбскаго, изд. 2, 3.

произвелъ соблазнить. Приверженцы старобоярской партіи, продолжавшей еще существовать и теперь, помимо нравственныхъ мотивовъ, возмущались дѣйствіями митрополита, видя въ нихъ измѣну, предательство священныхъ правъ, соединенныхъ съ его саномъ. Но нашлись и такіе люди, которые воспользовались разводомъ великаго князя и сами стали обращаться за разрѣшеніемъ къ митрополиту.

Своими дѣйствіями по отношенію къ великому князю Даниилъ скоро обнаружилъ себя и далъ опредѣленное понятіе о себѣ современному русскому обществу. Въ людяхъ строго благочестивыхъ, которые въ то время группировались и симпатизировали заволжцамъ, онъ своими крайне-снисходительными отношеніями къ великому князю поселилъ холодность и недовѣріе къ себѣ. Смѣшеніе интересовъ политики съ интересами религіи и церкви, чѣмъ отличаются всѣ дѣйствія митрополита, шли въ разрѣзъ и глубоко возмущали чувства заволжцевъ, гораздо правильнѣе понимавшихъ сущность нравственности. Боярство, которое не симпатизировало новому монархическому строю государственной жизни, имѣло кромя извѣстныхъ религіозныхъ и нравственныхъ побужденій, свои причины быть недовольными митрополитомъ Данииломъ. Оно одинаково съ людьми пустынного направленія жило еще понятіями прошлаго по отношенію къ лицу митрополита. Бояре продолжали еще смотрѣть на личность митрополита, какъ на священную и неприкосновенную, которая, окруженная ореоломъ своего нравственнаго, созданнаго вѣками могущества, могла бы всегда являться въ роли печаловника всей земли русской на помощь угнетеннымъ, и смѣло обличать и ограничивать деспотическія наклонности государственныхъ дѣятелей и самаго государя. Къ сожалѣнію бояре не могли находить въ нравственныхъ качествахъ Даниила многого изъ того, что они желали бы видѣть въ митрополитѣ. Отсюда явилось естественное охлажденіе къ митр. Даниилу. Слабость характера Даниила послужила для нѣкоторыхъ бояръ предметомъ колкихъ насмѣшекъ противъ его личности. Одинъ историческій памятникъ представляетъ слѣдующій разговоръ между опальнымъ бояриномъ Берсень-Беклемишевымъ и Максимомъ Грекомъ: «Быль ли еси сегодня у митрополита?» спрашивалъ боярина Максимъ.—«Язъ того не вѣдаю, есть ли митрополитъ на Москвѣ», отвѣчалъ на это Берсень. Максимъ по этому поводу замѣтилъ: «какъ митрополита нѣтъ? Митрополитомъ на Москвѣ Даниилъ». Берсень, очевидно, сказалъ въ проищескомъ смыслѣ, и на дальнѣйшія слова Максима Грека высказалъ

свою истинную мысль: «не вѣдаю деи митрополитъ, не вѣдаю простой чернецъ: учительна слова отъ него нѣтъ никотораго, а не печалуются ни о комъ, а прежніе святители сидѣли на своихъ мыслехъ въ манатяхъ и печаловались государю о всѣхъ людехъ»¹. Въ словахъ Ивана Берсеня высказался взглядъ на личность митр. Даниила всего боярства его времени. Точно такого же взгляда держались и представители заводжской братіи, хотя ихъ взглядъ покомился не на политическихъ соображеніяхъ, а на чисто нравственной почвѣ. Нельзя отрицать нѣкоторой доли истины въ словахъ Берсеня. Дѣйствительно, въ глазахъ большинства бояръ, митрополитъ за слабость воздѣйствія и нравственного вліянія на великаго князя долженъ былъ представляться такимъ, а не инымъ. Другіе представители боярской партіи называли Даниила и современныхъ ему епископовъ прямо «потаковниками»², въ совершенный контрастъ прежнимъ митрополитамъ-печаловникамъ. Но слова Берсеня о Даниилѣ тѣмъ не менѣе крайне преувеличены. О немъ никакъ нельзя сказать, чтобы онъ не печаловался ни о комъ. Существуетъ до девяти записей разныхъ князей, данныхъ ими великому князю за поручительствомъ и по ходатайству митр. Даниила въ испрошеніемъ прощенія за прежнюю измѣну и съ обѣщаніемъ служить вѣрно³. Особенно замѣчательно ходатайство митр. Даниила за князя Ивана Бѣльскаго, который вызвалъ на себя гнѣвъ великаго князя за неудачный походъ на Казань и уже присужденъ былъ къ смертной казни. Только ходатайство митрополита спасло несчастнаго полководца отъ вѣрной смерти⁴. Но между печалованіями митр. Даниила и его предшественниковъ находилась существенная

¹ Отрывокъ изъ слѣдственнаго дѣла о Иванѣ Берсенѣ и др. Акты Арх. Экспед. т. I, № 172, 141.

² Посланіе Курбскаго. Прав. Собес. 1863 г. ч. 2, 564.

³ Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ, ч. I, № 149, 414—415; № 152, 420—422; № 153, 423—425; № 154, 125—127; № 157, 433—435; № 159, 439—443; № 160 и 161, 443—448; № 162 448—450. Вотъ имена князей и бояръ, за которыхъ ходатайствовалъ Даниилъ: Вас. Вас. Шуѣйскій, Дмит. Θεод. Бѣльскій, Ив. Θεодор. Бѣльскій, Ир. Мих. Воротынскій, Θεод. Мих. Мстиславскій. Мих. Андр. Плещеевъ....

⁴ Карамз. т. VII, 152—153 и примѣч. 303; Соловьевъ, V, 435—436, изд. 3е. Москва. 1864 г. Большая часть фактовъ печалованія митр. Даниила сведена въ статьи: Печалованіе духовенства за опальныхъ. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1876 г., кн. 1, 174—176.

разница. По своему уклончивому практическому характеру Даниилъ не брался за ходатайство за каждаго, кто только къ нему обращался съ просьбою о томъ, какъ то бывало при прежнихъ митрополитахъ, онъ здѣсь дѣлалъ выборъ между лицами, обращающимися къ нему за ходатайствомъ. Онъ, напр., отказалъ въ своемъ ходатайствѣ извѣстному Ивану Берсеню¹. Судя по характеру митрополита онъ ходатайствовалъ предъ великимъ княземъ болѣе всего за тѣхъ лицъ, и тогда, когда его ходатайство не представляло опасности для его собственной личности. Характеръ его былъ такого рода, что онъ не способенъ былъ къ самопожертвованію; притомъ ему недоставало той нравственно могучей, всегда покоящейся на высокихъ нравственныхъ достоинствахъ личности, силы, которая была бы въ состояніи сдѣлать его недостижимымъ для низкой клеветы и страшнымъ своимъ духовнымъ могуществомъ для высшихъ государственныхъ лицъ и самого великаго князя.

Дѣятельность м. Даниила, какъ представителя церкви, несомнѣнно важнѣе его чисто государственной дѣятельности. Последняя по отношенію къ нему есть внѣшняя, случайная, тогда какъ первая есть существенная прямая сфера его дѣятельности. Высокій санъ митрополита предоставлялъ Даниилу широкое поле дѣятельности. Здѣсь онъ являлся болѣе или менѣе самостоятельнымъ человекомъ и могъ давать то или другое направленіе всей современной ему церковной жизни.

Сдѣлавшись главою русской церкви, Даниилъ принципомъ своей административной іерархической дѣятельности поставилъ — проводить на высшія церковныя іерархическія должности людей своего направленія. Такой образъ дѣйствій вполнѣ естественъ и понятенъ въ положеніи каждаго человека. Вниманіе великаго князя къ митр. Даниилу и его расположеніе къ людямъ іосифовскаго направленія какъ нельзя болѣе гармонировали и содѣйствовали извѣстной цѣли Даниила видѣть на высшихъ церковныхъ постахъ «своихъ» людей. И дѣйствительно, митрополиту удавалось въ значительной степени осуществлять свою церковно-административную программу. Такъ, не далѣе какъ мѣсяцъ спустя по вступленіи своемъ на митрополичій престолъ, Даниилъ назначаетъ на епископскую кафедру въ Тверь архимандрита Возмицкаго (находившагося

вблизи и подъ юрисдикціею Волоколамскаго монастыря) монастыря Акакія, брата пр. Іосифа Волоцкаго ¹. Въ 1525 году Коломенскимъ епископомъ сдѣланъ былъ, несомнѣнно благодаря вліянію митрополита, Вассіанъ Топорковъ ², племянникъ Іосифа Волоцкаго ³. Вассіанъ Топорковъ за все время святительства Данила былъ самымъ преданнѣйшимъ его другомъ и служилъ ему постоянною поддержкою и правою рукою ⁴. Во всѣхъ выдающихся чѣмъ-либо обстоятельствахъ современной государственной и церковной жизни мы встрѣчаемъ м. Данила и Вассіана всегда вмѣстѣ и дѣйствующими въ одномъ направленіи. Такъ вскорѣ послѣ того, какъ Вассіанъ получилъ санъ епископа, онъ сумѣлъ оказать м. Данилу услугу тѣмъ, что время суда надъ Максимомъ Грекомъ находился на его сторонѣ и дѣйствовалъ за одно съ митрополитомъ ⁵. Вассіанъ благодаря м. Данилу вошелъ въ милость и пользовался вниманіемъ великаго князя. Онъ вмѣстѣ съ митрополитомъ всегда присутствуетъ на придворныхъ торжествахъ ⁶. Въ самый критическій моментъ для Василія Іоанновича, когда его неизлѣчима болѣзнь видимо приближалась къ трагическому концу, мы видимъ великаго князя совѣтующимся о важныхъ дѣлахъ государства съ митрополитомъ Даниломъ, *владыкою Коломенскимъ Вассіаномъ* и великокняжескимъ духовникомъ ⁷.

¹ П. С. Р. Л. т. VI, вторая Соч. лѣт., 264., Никонов. лѣт., VI, 228. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскихъ церкви, изд. Археогр. Комиссія, Сиб. 1877 г., 441—442. Акакій хиротонисанъ былъ 30 марта 1522 г. Хрущевъ, Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Савина, 26, 38. Невоструевъ впрочемъ отвергаетъ, чтобы Акакій былъ братъ Іосифа Волоцкаго. См. его разсмотрѣніе книги Хрущова: «Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Савина», стр. 13—14. Однако Невоструевъ не всегда вѣренъ себѣ: въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ Акакія братомъ пр. Іосифа. Житіе І. Волоцкаго, составленное неизвѣстнымъ, стр. 94 въ сноскѣ. Чт. въ Общ. Любит. Дух. Просв. 1863 г. т. 2й, Приложение. Несомнѣнно одно: Акакій былъ близкимъ родственникомъ пр. Іосифа, такъ какъ его имя въ волоколамскихъ синодикахъ встрѣчается въ спискѣ «рода» пр. Іосифа. Рукон. Волокол. монастыря, наход. въ монастыр. ризницѣ № ¹⁶¹_{сн}, л. 35, № ¹⁹_{мн} и многіе другіе монастырскіе синодики.

² П. С. Р. Л. VI, 264. Строевъ, Списки іерарховъ, стр. 1030.

³ Житіе Іосифа Волоцкаго Саввы Чернаго, Великія Минеи-Четьи, сентябрь, 466.

⁴ Курбскій, Сказанія, изд. 2е, 42—43.

⁵ Карамзинъ, VII, примѣч. 343.

⁶ П. С. Р. Л. VIII, 280; Никонов. лѣт. VI, 248—249. Курбскій 2е изд. 49.

⁷ П. С. Р. Л. VI, 270—274.

Даніилъ выработалъ въ себѣ такъ узнавать характеръ, духъ и направленіе такихъ людей, которые, строго говоря, не принадлежали къ Волоколамской общинѣ, и вовсе не видали стѣнъ сей знаменитой обители. Его способность узнавать людей особенно обнаружилась въ выборѣ знаменитаго Макарія, котораго онъ въ 1526 году сдѣлалъ архіепископомъ Новгородскимъ ¹. Просвѣщенный Макарій, въ послѣдствіи столь извѣстный митрополитъ, по своимъ воззрѣніямъ и по характеру полученнаго книжнаго образованія вполне подходилъ подъ духъ того направленія, полнымъ выразителемъ котораго былъ пр. Іосифъ Волоцкій ². Объясненіе солидарности воззрѣній архіепископа Макарія съ воззрѣніями Волоколамской школы можно видѣть отчасти въ томъ, что онъ нѣкоторое время подвизался въ монастырѣ и подъ руководствомъ Пафнуція Боровскаго, гдѣ началъ свои монашескіе подвиги и пр. Іосифъ ³. Такимъ образомъ между Макаріемъ и Іосифомъ было какъ бы духовное родство и нравственная связь. Съ другой стороны на характеръ воззрѣній Макарія оказало свое соотвѣтствующее дѣйствіе изученіе и знакомство съ сочиненіями Іосифа Волоцкаго ⁴. Прощаніе м. Даніила съ архіепископомъ Макаріемъ предъ отпращиваніемъ послѣдняго въ Новгородъ можетъ служить нѣкоторымъ основаніемъ къ предположенію, что Даніилъ уважалъ и высоко цѣнилъ Макарія и, прежде чѣмъ отнестись его совсѣмъ въ Новгородъ, онъ призвалъ его къ себѣ «побесѣдовать къ нему о спасеніи» и милостиво благословилъ его на высокое служеніе церкви, къ которому онъ былъ призванъ ⁵.

Митрополитъ Даніилъ, насколько возможно, старался выдвигать на высокія іерархическія должности людей, вышедшихъ изъ одной съ нимъ школы даже и тогда, когда его значеніе при дворѣ,

¹ П. С. Р. Л. III, 178 VI, 282. VIII, 241; Нико-н. лѣт. VI, 232. Строевъ. Списки іерарховъ, 35—36.

² Чт. въ Об. Любит. Дух. Просвѣщ. 1877 г. Сентябрь. Статія Лебедева: «Макарій митр. Всероссійскій», 392—406.

³ Прав. Собес. 1863 г. ч. III, 412.

⁴ Въ нѣкоторыхъ своихъ посланіяхъ м. Макарій пользуется сочиненіями Іосифа и дѣлаетъ изъ нихъ буквальные выдержки. Сравни посланіе Макарія къ Василию Іоанновичу и посланіе Іосифа къ нему же. Д. къ А. И. I, № 25, 22—23 и рук. Имв. П. Библиот. Q. XVII, № 64, л. 202—204.

⁵ П. С. Р. Л. IV, 296, VI, 294. Приложение № XX.

именно по смерти в. к. Василія Іоанновича, сдѣлалось слабѣе прежняго. Такъ, въ 1536 году ему удалось назначить на кафедру Смоленскаго епископа одного изъ іеромонаховъ Іосифова монастыря, именно Савву Слѣпущкина ¹.

Не только епископскія кафедры м. Данилъ старался замѣщать людьми своего направленія. Онъ старался выдвигать по преимуществу такъ хорошо извѣстныхъ ему подвижниковъ Волоколамскаго монастыря и на менѣе высокія должности. Такъ не безъ вліянія митрополита, в. князь въ 1531 году одного изъ иноковъ Волоколамскаго монастыря, по имени Θεодосія, послалъ въ Новгородъ къ архіепископу Макарію съ тѣмъ, чтобы архіепископъ рукоположилъ его во игумена Хутынскаго монастыря. Этотъ самый Θεодосій въ послѣдствіи сдѣлался архіепископомъ Новгородскимъ ².

Наконецъ м. Данилъ умѣлъ обобщать свои интересы и вводить въ нихъ и такихъ лицъ, которыя вовсе не принадлежали къ направленію Іосифлянъ. Крутицкій епископъ Досифей (по прозванію Забѣла) ³ дѣйствовалъ въ одномъ направленіи съ м. Даниломъ и оказалъ ему услугу на соборѣ, судившемъ Вассіана, гдѣ онъ, желая угодить митрополиту, иногда измѣнялъ даже истинѣ.

Такимъ образомъ дѣятельность м. Данила, какъ церковнаго администратора, замѣчательна въ томъ отношеніи, что онъ въ свое семнадцатилѣтнее первосвятительство сумѣлъ сообщить всей русской церковной іерархіи одинъ общій духъ и характеръ, въ весьма многихъ своихъ чертахъ соответствовавшій направленію Іосифа Волоцкаго. Вотъ гдѣ скрывается причина того дружнаго отношенія, какой дала современная церковная іерархія реформаторскимъ и свободнымъ идеямъ завожскихъ пустынниковъ. Но этимъ церковно-іерархическое значеніе м. Данила далеко не исчерпывается. Выдвигнувъ на епископскія кафедры іосифлянъ, Данилъ тѣмъ самымъ на долгое время и послѣ себя удержалъ одинъ и тотъ же общій духъ въ русской іерархіи. Епископы-іосифляне симпатизировали своимъ людямъ и естественно старались занимать ими открывавшіяся

¹ П. С. Р. А. VIII, 291. Строевъ, Списки іерарховъ, 389--390. Рундк., Моск. Синод. Библ. № 183 по стар. катал. л. 81—82.

² П. С. Р. А. VI, 289, IV, 305.

³ Досифей Крутицкій, ояъ же и Сарскій, святительствовалъ съ 1508 по 1544 годъ. Строевъ, Списки іерарховъ, 1034.

епископскія кафедры и вообще протектировали имъ. Поэтому въ теченіе одного XVI вѣка ни одинъ монастырь не поставилъ столько іерарховъ для русской церкви, сколько выставилъ изъ среды себя монастырь Волоколамскій. Изъ него вышло до семнадцати архипастырей въ періодъ времени отъ 1506 и по 1589 годъ.

ГЛАВА III.

Борьба м. Данила съ Заволжцями.

Назначеніе Данила митрополитомъ составляло ударъ для бѣлоозерскихъ пустынниковъ. Помимо того, что въ лицѣ новаго митрополита они основательно могли опасаться встрѣтить себѣ противника, одинъ фактъ назначенія в. княземъ Іосифлянина на кафедру митрополита говорилъ въ пользу того, что в. князь уже сталъ охладѣвать къ строгимъ Заволжцамъ и склонялся болѣе на сторону ихъ противниковъ, людей съ практическимъ направленіемъ, умѣвшихъ угождать высшей гражданской власти. Какъ ученикъ и поклонникъ идей Іосифа Волоцкаго, Данилъ съ первыхъ же дней своего служенія церкви въ санѣ ея представителя долженъ былъ самою силою вещей столкнуться съ людьми противоположнаго лагеря. Еще живя въ монастырѣ во времена игуменства самого Іосифа Волоцкаго, Данилъ хорошо зналъ о борьбѣ своего учителя съ заволжскими старцами, о ея принципахъ, и о личностяхъ, которыя стояли во главѣ ея, и даже самъ принималъ въ ней участіе. Такимъ образомъ Данилъ давно уже подготовленъ былъ видѣть въ современномъ ему представителѣ Заволжцевъ, Вассіанѣ Патрикѣевѣ, противника своихъ убѣжденій, и какъ своего естественнаго антагониста въ жизни и дѣятельности. При томъ Вассіанъ не всегда разборчивый въ выраженіяхъ, панадая въ своей полемикѣ на Іосифа, не щадилъ при случаѣ и его учениковъ. А если такъ, то Данилъ давно уже могъ считать Вассіана въ числѣ своихъ личныхъ враговъ. Ставши митрополитомъ онъ уже подготовленъ былъ къ борьбѣ и дипломатически ловко велъ ее въ теченіе своего первосвятительства такъ, что въ концѣ концовъ достигъ полнаго своего торжества, а вмѣстѣ съ тѣмъ далъ господствующее значеніе идеямъ Іосифа Волоцкаго, которыя проникли въ жизнь

русского общества и дали ей соответствующее направление на долгое время и послѣ Данила.

Представителемъ Заволжцевъ въ святительство Данила былъ, какъ извѣстно, тотъ же Вассіанъ Косой, столь извѣстный антагонистъ Іосифа Волоцкаго. Онъ продолжалъ занимать высокое положеніе при дворѣ и имѣлъ сильное вліяніе на в. князя. Всѣ антипатин Іосифа къ противоположному направленію перешли и къ его ученику Данилу, который никакъ не могъ потому самому безпристрастно отнестись къ Вассіану. Равнымъ образомъ и послѣдній, для котораго было ненавистно одно имя Волоколамскаго монастыря, заранѣе предрасположенъ былъ видѣть въ новомъ митрополитѣ-іосифлянинѣ своего личнаго врага, или, по крайней мѣрѣ, недоброжелателя. Нерасположеніе Вассіана къ м. Данилу могло явиться еще и оттого, что онъ занялъ собою мѣсто Варлаама, къ которому такъ дружески близокъ и расположенъ былъ Вассіанъ. Находилась еще одна сторона, которая скоро или поздно тѣмъ не менѣе должна была произвести разладъ между Вассіаномъ и Даниломъ. Достигнувъ такого высокаго поста, какъ престолъ митрополита, при чемъ рѣшающее значеніе имѣло личное расположеніе къ нему в. князя, Данилъ могъ основательно рассчитывать на ту выдающуюся роль, какая могла принадлежать ему при дворѣ в. князя. Вполнѣ въ его характерѣ было желать, чтобы эта завидная роль безраздѣльно принадлежала ему одному. Между тѣмъ дѣйствительность не оправдывала всѣхъ расчетовъ митрополита; при дворѣ еще продолжалъ пользоваться вліяніемъ и Вассіанъ Косой. Достиженіе извѣстной цѣли встрѣчало себя сильнаго противника въ лицѣ Вассіана. Для того, чтобы достигнуть ея, митрополиту предстояла борьба. Такимъ образомъ съ самой первой встрѣчи между Даниломъ и Вассіаномъ уже была готова почва для раздора. Такъ дѣйствительно и вышло на самомъ дѣлѣ. Положеніе Данила, какъ бы оно высоко ни было, тѣмъ не менѣе оно одно не въ состояніи было дать ему перевѣсъ надъ Вассіаномъ, челоуѣкомъ придворнымъ и сильнымъ своимъ вліяніемъ на в. князя. Взаимное нерасположеніе, какимъ можетъ быть отмѣчено первое время совместнаго существованія Данила и Вассіана при великокняжескомъ дворѣ, скоро перешло въ настоящую придворную борьбу между тѣмъ и другимъ изъ-за вліянія. Такой скорый переходъ очень естествененъ, такъ какъ лица, которыя столкнулись между собою, оба сложились между собою по характеру. Если въ характерѣ Данила нельзя не замѣтить гордости, честолюбія, то

тѣмъ болѣе это нужно сказать въ отношеніи Вассіана, гордая, чисто боярская заносчивость котораго не укладывалась подъ смиренный монашескій одѣяніемъ. Первымъ и самымъ естественнымъ стремленіемъ Даниила было занять насколько возможно видное положеніе при дворѣ в. князя, но тутъ ему постоянно мѣшала князь Вассіанъ, сильный временщикъ, издавна вліятельное лицо при дворѣ. Такое неопредѣленное для обѣихъ состязавшихся сторонъ положеніе продолжалось не долгое время. Сначала мы видимъ при дворѣ одинаково замѣтными вліянія того и другаго лица. Такъ въ іюні 1523 года предъ отравленіемъ съ войскомъ подъ Казань Василій Іоанновичъ поручаетъ свою духовную грамоту митрополиту Даниилу, при написаніи которой въ качествѣ самыхъ довѣренныхъ лицъ, присутствовалъ и «старецъ Васьянъ князь Ивановъ»¹. Борьба между м. Данииломъ и Вассіаномъ изъ-за положенія при дворѣ составляетъ только одинъ самый незначительный сравнительно съ другими, едва уловимый эпизодъ, который по отношенію къ другимъ болѣе серьезнымъ предлогамъ вполнѣ справедливо можетъ быть названъ только подготовительнымъ. При развитіи борьбы онъ совершенно ступевывается.

Болѣе серьезными мотивами для борьбы между Данииломъ и Вассіаномъ и его сторонниками послужилъ все тотъ же издавна спорный вопросъ изъ-за вотчинныхъ правъ монастырей. Не смотря на неблагопріятную перемену, происшедшую вслѣдствіе удаленія митр. Варлаама и вступленія на его мѣсто Даниила, Вассіанъ продолжалъ работать надъ занимавшимъ его вопросомъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ откуда черпали свои доводы защитники вотчинныхъ правъ монастырей, служила Кормчая книга. Это обстоятельство побудило Вассіана обратиться къ изученію ея. Внимательное изученіе Кормчей книги привело его къ разнаго рода затрудненіямъ. Онъ увидѣлъ тамъ нѣкоторыя, какъ ему казалось, противорѣчія въ отношеніи занимавшаго его вопроса. Однѣ каноническія правила и толкованія ихъ предоставляли монастырямъ право владѣнія вотчинами, тогда какъ другими канонами это право отрицалось². Для разрѣшенія мучившихъ его противорѣчій онъ

¹ Собр. Государ. Грам. и Дог. I. № 150, 416—417.

² Какъ на примѣръ противорѣчія Вассіанъ смыкается съ одной стороны на 24-е прав. IV вселен. Халкид. соб., и 18-е прав. VII всел. соб. и на 11 и 17 прав. VII всел. соб. и 3-е и 4-е прав. IV всел. Халкид. собора съ другой.

еще глубже вникъ въ изученіе правилъ и убѣдился въ невозможности примиренія ихъ. Тогда у него явилась мысль составить новый сборникъ правилъ, въ которомъ бы не было противорѣчій. Понимая хорошо всю важность предпринимаемаго дѣла, Вассіанъ испросилъ на свой трудъ благословеніе представителя церкви. Съ этою цѣлю онъ отправился къ митр. Варлааму и всему освященному собору духовныхъ властей и сдѣлалъ заявленіе, что «въ святыхъ правилахъ есть супротивное Евангелію и Апостолу и святыхъ отецъ жителству», но что онъ «не смѣетъ положить того на свою душу» и проситъ святительскаго благословенія написать новое собраніе правилъ. Варлаамъ, человѣкъ вполне симпатизировавшій идеямъ князя-пустынника, далъ свое благословеніе на трудъ Вассіана¹. Принципомъ, на почвѣ котораго должны были произойти примиренія встрѣчающихся въ правилахъ Коричей противорѣчій, Вассіанъ поставилъ согласіе ихъ съ *евангеліемъ и апостоломъ* и съ другими правилами, согласными въ свою очередь съ духомъ евангельскаго и апостольскаго ученія. Вассіанъ избралъ основаніемъ для своего собранія правилъ помоканонъ Фотія, въ которомъ кромѣ правилъ не находилось другихъ (неканоническихъ) статей, болѣе всего благопріятствующихъ вотчиннымъ правамъ монашества. Но здѣсь ему встрѣчались затрудненія, которыя происходили отъ того, что и въ канонахъ встрѣчалось такъ ненавистное Вассіану выраженіе «монастырскія села», которое онъ объяснялъ въ смыслѣ неблагопріятномъ для вотчиннаго права монастырей, владѣвшихъ селами на правѣ частной собственности, не санкціонированной высшею властью въ церкви. Коричая Вассіана написана была въ 1517 году. Но это было, конечно, время ея окончательнаго редактированія. Труды свои по составленію сборника правилъ Вассіанъ началъ несравненно ранѣе. Взявшись за критическое изученіе существовавшаго въ его время сборника правилъ и натолкнувшись здѣсь на нѣкоторыя противорѣчія, Вассіанъ хорошо сознавалъ свою слабость и неподготовленность къ предпринятому труду. Для того, чтобы быть компетентнымъ изслѣдователемъ въ избранномъ предметѣ Вассіану необходимо было обладать знаніемъ греческаго языка, на которомъ были написаны первоначально каноны и ихъ толкованія. Вассіанъ, конечно, это хорошо понималъ. Неустойчивый тру-

¹ Свидѣніе о докладѣ Вассіана митрополиту и о его разрѣшеніи находится въ самой Вассіановой коричей. Рук. П. П. Б. Р., отд. II, № 74, л. 447.

женикъ и непреклонный въ достиженіи разѣ поставленной цѣли онъ и здѣсь не потерялся. Какъ вліятельный при дворѣ человекъ онъ придумалъ самое удобное въ его положеніи средство—посоветовать в. князю вызвать въ Москву какого-нибудь ученаго грека, услугами и знаніемъ котораго могъ бы воспользоваться между прочимъ и Вассіанъ. Это конечно очень смѣлая мысль, но въ ней нѣтъ ничего невѣроятнаго. Вассіанъ, дипломатическія способности котораго уже извѣстны, могъ дать своему совѣту болѣе широкое значеніе, мотивируя вызовъ грека обиліемъ греческихъ книгъ въ великокняжеской библіотекѣ и необходимостью ихъ перевода и другими нуждами. Какъ бы то ни было, но только въ 1518 году по вызову в. князя является въ Москву новая и замѣчательнѣйшая личность—это Максимъ Грекъ¹. Максимъ встрѣтилъ себя величайшій почетъ въ Москвѣ какъ со стороны в. князя, такъ и митрополита, особенно послѣдній выражалъ и питалъ къ нему свою любовь и обнаруживалъ свое вниманіе².

Максимъ во всѣхъ отношеніяхъ стоялъ выше той среды, въ которую его закинула случайно судьба. Онъ выработалъ въ себѣ прямой, открытый характеръ, его строгій, понимаемый болѣе въ духовномъ смыслѣ, аскетизмъ сдѣлалъ его неподкупно честнымъ, правдивымъ человекомъ, для котораго говорить правду когда бы то ни было и предъ кѣмъ бы то ни было составляло стихію его жизни и дѣятельности. Полученное Максимомъ высокое научное, западноевропейское образованіе облагороживающимъ образомъ отразилось и на всемъ характерѣ его и въ частности на нрав-

¹ П. С. Р. Л. VIII, 263; Степени, книга, ч. 2, М. 1775 г., 190—191. Литература о Максимѣ Грекѣ: Самое капитальное изслѣдованіе о Максимѣ Грекѣ принадлежитъ Иконникову, Киев. Унив. Изв. 1865 г. №№ 7, 8, 9, 10, 11 и 12 и 1866 г. №№ 6 и 7. Рядъ статей подъ скромнымъ заглавіемъ: «Максимъ Грекъ». Потомъ можно указать на слѣдующія статьи о Максимѣ Грекѣ: Филарета, архіепа. Черниговскаго, въ Москвитинѣхъ за 1842 г. № 11, 43—96; въ Ж. М. Н. Пр. за 1834 г. помѣщена статья: «О трудахъ Максима Грека» ч. III, 243—278; въ Вѣсти. Евр. (ноябрь 1813 г. №№ 21 и 22) помѣщено «историческое извѣстіе о Максимѣ Грекѣ» 21—35, принадлежащее, кажется, перу Евгенія Болховитина. Горскимъ въ 1859 г. напечатана статья подъ заглавіемъ: «Максимъ Грекъ, святогорецъ» см. Прибав. къ Тв. Св. Отцевъ ч. XVIII. М. 1859 г. 144—192. Наконецъ, слѣдуетъ указать на статью пров. Нильскаго, напечат. въ Христ. Чтен. (за 1862 г. Мартъ) подъ заглавіемъ «Максимъ Грекъ, какъ основоположникъ просвѣщенія».

² П. С. Р. Л. VI, 260—261.

ственныхъ качествахъ его души. Аскетъ-монахъ по убѣжденію всю свою жизнь посвятившій духовному служенію, и смотрѣвшій на всѣ явленія человѣческой жизни сквозь призму своего высокаго духовнаго аскетизма, Максимъ вообще мало зналъ жизнь, а явившись въ Россію, страну дотоѣ ему совершенно неизвѣстную, онъ естественно оказался въ положеніи чужака, для котораго все представлялось новымъ и неизвѣстнымъ. А что касается до разнаго рода интригъ, которыми такъ отличался московскій великокняжескій дворъ того времени, то Максимъ по особенностямъ своего характера совершенно не былъ подготовленъ къ нимъ.

Положеніе Максима въ Москвѣ на первый разъ было очень завидное. Пользуясь вниманіемъ в. князя и почетомъ у митрополита, Максимъ составилъ себѣ репутацію чужака высокопросвѣщеннаго и въ остальныхъ слояхъ русскаго общества. На него смотрѣли какъ на великаго реформатора, какъ на такого «разумнаго» чужака, который можетъ и долженъ научить и указать *«какъ устроить государство землю свою и какъ митрополиту жити»*¹. Нравственный авторитетъ Максима такъ скоро установился благодаря тому обстоятельству, что при дворѣ в. князя царилъ духъ пустынниковъ въ лицѣ Вассіана и единомышленнаго съ нимъ митрополита. Они оба скоро поняли и Максима, аскетизмъ котораго имѣлъ такъ много общаго съ тѣми нравственными воззрѣніями, которыя составляли отличительную особенность бѣлозерцевъ. Общность воззрѣній способствовала быстрому и тѣсному сближенію м. Варлаама, Вассіана и Максима Грека.

Особенное благоговѣніе обнаруживалъ къ Максиму Вассіанъ. Будучи самъ болѣе книжникомъ, чѣмъ чужакомъ просвѣщеннымъ, ученымъ и сознавая слабость своихъ научныхъ силъ, что яснѣе всего обнаружилось при составленіи имъ своей кормчей, и теперь встрѣтивъ въ Максимѣ чужака не только высокопросвѣщеннаго, но и солидарнаго съ нимъ въ основныхъ своихъ воззрѣніяхъ, онъ всю свою душу предался Максиму. Вассіанъ видѣлъ въ Максимѣ своего просвѣтителя², а солидарность съ нимъ во взглядахъ открывала Вассіану удобное средство воспользоваться богатыми знаніями

¹ А. А. Э. I, № 172, 141.

² Чл. въ Общ. Ист. и Ар. Рос. 1847 г. № 7. «Прѣніе м. Данила съ инокомъ Максимомъ Святогорцемъ», 10.

святогорца для своихъ полемическихъ цѣлей. Дѣйствительно Максимъ оказалъ и постоянно оказывалъ научныя услуги настойчивому Вассіану. При содѣйствіи его Вассіанъ составилъ особый каноническій трактатъ подъ названіемъ: «собраніе нѣкоего старца на воспоминаніе своего обѣщанія отъ святаго писанія о отверженіи міра»¹. Здѣсь уже, воспользовавшись научными соображеніями Максима, онъ рѣшительнѣе выступаетъ противъ землевладѣльческихъ правъ монастырей. Онъ прямо отвергаетъ авторитетъ русскихъ, т. е. переводныхъ, правилъ и видитъ въ нихъ позднѣйшія приписки и измѣненія русскихъ книжниковъ. Встрѣчавшееся въ современныхъ ему Кормчихъ, такъ смущавшее его выраженіе, которое онъ называлъ блзненнымъ, т. е. соблазнительнымъ, — выраженіе «монастырскія села» въ своемъ послѣднемъ каноническомъ трактатѣ Вассіанъ замѣнилъ словами новаго перевода нѣкоторыхъ правилъ, сдѣланнаго для него Максимомъ Грекомъ². Въ новомъ переводѣ «монастырскія села» замѣнены словами «приградіе сельное», которое Вассіанъ, согласно первоначальному значенію греческаго слова (*προῦστατον*) понимаетъ и толкуетъ какъ «пашни и винограды, а не села съ житейскими хрестьяны.» Такимъ образомъ, благодаря участию Максима Вассіанъ теперь уяснилъ себѣ различіе земледѣльческаго быта монастырей Россіи и Греціи и съ новою силою сталъ доказывать свою излюбленную идею о несоотвѣтствіи монашескихъ обѣтовъ съ вотчиннымъ правомъ монастырей. Въ своемъ собраніи онъ отрицаетъ основательность историческихъ ссылокъ

¹ Рукоп. Имп. Публ. Библ. Р., отд. II, № 74 л. 376—381. Это собраніе находится во всѣхъ извѣстныхъ копияхъ Вассіана; см. Павловъ: «Историч. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи», 74, въ примѣчаніи. Оно встрѣчается въ рукописяхъ и отдѣльно; см. ркп. Москов. дух. акад. № 183 акад., 566 Волокол. л. 207—218; также ркп. С.-П. библ. № 1454 л. 98—102. Послѣдній С.-Петербургскій списокъ значительно сокращеніе другихъ. Самые существующія мѣста «собранія» Вассіана напечатаны съ рукописи Москов. дух. акад. Тихомировымъ, см. его Лѣтописи русской литературы и древности т. V, 1863 г., отд. III, 139—141.

² Что дѣйствительно Максимъ принималъ участіе въ переводѣ правилъ для Вассіана, прямое указаніе на это находится въ нѣкоторыхъ спискахъ Вассіановой кормчей, (напр. въ списокъ Москов. Государ. Дрезвехранилища № 143; см. Павловъ: «Истор. очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи», 74, въ примѣчаніи. Да и вообще, безъотносительно къ нуждамъ Вассіана, Максимъ занимался переводомъ правилъ. Остенъ, Казань, 1863 г. 30—31. Самъ Максимъ солидаренъ былъ вполне съ Вассіаномъ въ пониманіи значенія землевладѣльческихъ правъ монастырей, Сочин. Максима, III, 243—245.

на древнихъ восточныхъ греческихъ и русскихъ монастыреначальниковъ, которые всѣ «селя у монастырей не имѣли, а кто давалъ имъ села они не имали, но жили безыменно по евангелію и по своему обѣщанію и своихъ учениковъ учили по евангелію жити и по иноческому обѣщанію». Свои доказательства безусловной нестяжательности иноковъ Вассіанъ основываетъ преимущественно на истинахъ, почерпнутыхъ изъ евангелія и апостола, и вообще стоитъ на строго евангельской точкѣ зрѣнія. Свое собраніе Вассіанъ заключаетъ словами, что «всѣ святіи отцы о отверженіи міра писаша *многакѣ жизни по евангелію и апостолу* и по Василию Великому селя не держати, ни владѣти ими, но жити въ тишинѣ, безмолвіи, питаясь своима рукама», а нарушителямъ такихъ правилъ угрожаетъ муками вѣчными и др. запрещеніями, которыя содержатся въ апостолахъ и въ святыхъ отецъ писаніи. Въ самомъ названіи своего каноническаго трактата, написаннаго имъ, по его словамъ, на «воспомянаніе своего обѣщанія» (монашескаго) и служащаго приложеніемъ къ его Кормчей, Вассіанъ даетъ понять, что послѣдняя составлена была имъ только для своего келейнаго употребленія, какъ то онъ и заявлялъ въ послѣдствіи. Но это не совсѣмъ вѣрно. Составляя свою Кормчую онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду дать ей болѣе широкое и практическое назначеніе, когда вручилъ списокъ съ нея великому князю ¹. Послѣднее обстоятельство ясно обнаруживаетъ заднія намѣренія Вассіана, въ рукахъ котораго его Кормчая могла служить новымъ средствомъ для убѣжденія в. князя дѣйствовать въ духѣ идей пустынниковъ бѣлозерскихъ.

Подъ вліяніемъ Максима Грека Вассіанъ окончательно убѣдился въ порчѣ русскихъ книгъ и сталъ относиться къ нимъ съ величайшимъ подозрѣніемъ. Онъ еще раньше высказалъ свои подозрѣнія относительно исправности церковныхъ книгъ. ² Теперь, когда Максимъ Грекъ открылъ ему глаза, онъ свою извѣстную мысль сталъ выражать въ самой рѣзкой формѣ. Человѣкъ, вынесшій на своемъ вѣку не мало ломки, и оттого воспитавшій въ себѣ раздражительный характеръ, Вассіанъ и въ другихъ случаяхъ, какъ и здѣсь, не умѣлъ держаться золотой середины.

¹ Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1847 г. № 9. Прѣііе м. Даниіла съ старцемъ Вассіаномъ, 7—8.

² Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1859 г. № III, отд. 3. 6—7, 14. Разсужденіе Вассіана о неприличіи монастыремъ владѣть вотчинами.

Неудовлетворительное состояніе современныхъ переводовъ и списковъ Коричей книги теперь сдѣлалось для него самого неопровержимою истиною, которую онъ и выразилъ съ свойственною его характеру односторонностію и крайностію, назвавъ здѣшнія (т. е. русскія) правила кривизнами, а не правилами.¹

Солідарность Максима съ Вассіаномъ повлекла его по одному пути съ послѣднимъ. Вассіанъ, носясь съ своими извѣстными полемическими тенденціями, ввелъ въ сферу ихъ и Максима. Одновременно въ воззрѣніяхъ на монашество Максимъ посвященъ былъ своимъ другомъ во всю суть занимавшаго его вопроса. Тутъ-то онъ впервые, со словъ Вассіана узналъ о не вполне удовлетворительномъ состояніи современнаго русскаго монашества. Наведенный Вассіаномъ на изслѣдованіе положенія русскаго монашества, Максимъ сталъ присматриваться къ окружающей его обстановкѣ и въ особенности къ жизни монаховъ, и здѣсь онъ наглядно убѣдился въ правотѣ словъ своего друга. При своемъ прямомъ, честномъ, открытомъ характерѣ, при твердости своихъ духовно-аскетическихъ убѣжденій, Максимъ, конечно, не могъ долго молчать. Дѣйствительно, къ голосу Вассіана присоединился скоро и голосъ ученаго святогорца, который тѣмъ еще былъ опаснѣе для защитниковъ вотчинныхъ правъ монастырей, что Максимъ превосходилъ всѣхъ другихъ русскихъ книжниковъ своимъ просвѣщеніемъ, своими богословскими знаніями, а также искусствомъ логики и діалектики, въ которой такъ слабы были его противники и всѣ тогдашніе русскіе умы. Общее направленіе содержанія полемики Максима по вопросу о вотчинныхъ правахъ монашества одинаково съ Вассіаномъ. Свою идею о безусловной нестяжательности иноковъ Максимъ выводилъ главнымъ образомъ изъ евангельскаго и апостольскаго ученія, и напротивъ мало останавливается на разныхъ каноническихъ, практическихъ и отчасти историческихъ соображеніяхъ и доводахъ, которые были на оборотъ въ самомъ широкомъ употребленіи у противниковъ его взглядовъ.

Точно также, какъ и Вассіанъ, Максимъ Грекъ, отрицалъ право монастырей на земельныя владѣнія, не затрогивалъ землевладѣльческихъ правъ епископовъ и бѣлаго духовенства, и требовалъ

¹ Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1847 г. № 7. Пріѣде м. Данила съ Максимомъ, 10.

только употребленія церковныхъ богатствъ согласно ихъ каноническому назначенію.¹

Вассіанъ, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, принадлежалъ къ старобоярской партіи, за что онъ раньше и почитался. Монашество не убило въ немъ политическихъ симпатій, родство и близость къ в. князю, представителю новаго государственнаго строя самодержавія, и вліяніе, которымъ онъ пользовался при немъ только способствовали къ тому, что онъ молчаливымъ образомъ мирился съ установившимся государственнымъ строемъ, но во всякомъ случаѣ онъ далеко былъ отъ того, чтобы симпатизировать ему вообще. Какъ противникъ, хотя и молчаливый по отношенію къ личности великаго князя, и то не всегда, абсолютизма власти, Вассіанъ постарался посвятить и своего друга Максима въ неурядицы политической жизни Россіи, которая естественнѣе всего могли быть отнесены къ новымъ порядкамъ. Всматриваясь въ общественную жизнь русскаго народа, Максимъ дѣйствительно находилъ въ ней много ненормальностей. Какъ человѣкъ горячій, увлекающійся, онъ и здѣсь не захотѣлъ молчать и началъ писать сочиненія, въ которыхъ касался и недостатковъ современнаго государственнаго управленія Россіи. Памятникомъ литературной дѣятельности Максима въ этомъ направленіи были его сочиненія: «главы поучительныя начальствующимъ правовѣрно», слово на лихоимствующихъ, слово пространнѣе излагающее съ жалостію нестроенія и безчинія *царей* и властей *последнюю жизнь*, посланіе къ начальствующимъ правовѣрно» и др. Здѣсь онъ со свойственною ему характеру откровенностью и прямою высказывалъ самыя горькія истины современнымъ ему русскимъ правителямъ и ихъ подручникамъ. Онъ прямо заявляетъ, что «справляющіи нынѣ» отличаются «мноюю жестокостію», что они любятъ «хищеніе чужихъ имѣній». Мало того, аскетическая откровенность Максима, въ основаніи которой лежали его честныя и глубокія убѣжденія,

¹ У него все вытекаетъ и основывается на *завоѣданъ Спасовыхъ*, законѣ Спасовыхъ, который есть точію любви совершенна отъ чистаго сердца къ самому Вышнему и ближнему, *якоже во святыхъ евангеліихъ слышимъ*, и каждый человѣкъ, и глѣзъ божіе иномъ, разсматривается у него какъ «евангеліскій ученикъ» и нравственно оцінивается съ точки зрѣнія строгой вѣрности духу евангеліскаго ученія и заповѣдей, на сколько онъ дѣйствительно жилъ по евангелію Спаса Христа. Сочин. Максима Грека, ч. II, 5—32, 89—118; ч. III, 178—205, част. II, 157—185.

довела его до того, что онъ даже осмѣливался говорить противъ тѣхъ, «*иже благочестивый санъ царскій раставляютъ*» всяческими своими неправдоу и лихоиманіи и богомерзкими блужденіи (разводъ в. князя), ихъ же ноги скорѣйши въ еже изливати крови, по неправедному гнѣву своему и ярости звѣрской.¹ Не стоило много труда каждому современнику, чтобы догадаться, что здѣсь идетъ рѣчь не о комъ другомъ, какъ о самомъ великомъ князѣ. Тѣмъ болѣе были понятны обличительныя слова строгаго инока для самаго в. князя, который конечно никакимъ образомъ не могъ оставаться довольнымъ благочестивою откровенностію и ревностію Максима.²

Въ своемъ отношеніи къ современному политическому строю Россіи Максимъ касался и затрогивалъ не одну отрицательную сторону дѣла, выражавшуюся въ разныхъ неурядицахъ по управленію государствомъ. Максимъ несочувственно относился къ только что установившемуся на Руси полному абсолютизму власти въ лицѣ одного в. князя, или по крайней мѣрѣ онъ отрицательно смотрѣлъ если не на самый принципъ абсолютизма, то имѣлъ въ виду здѣсь тѣ аномальности и уклоненія, въ которыхъ онъ выражался въ его время. Однимъ изъ самыхъ первыхъ достоинствъ царя или князя Максимъ признаетъ имѣніе при себѣ «двѣхъ советниковъ и добродѣтели царствію»³; между тѣмъ какъ о Василіѣ Іоанновичѣ извѣстно, что онъ терпѣть не могъ всякихъ советниковъ, которые бы могли говорить ему «на встрѣчу».⁴

Во взглядѣ на отношеніе церковной власти къ гражданской Максимъ Грекъ также стоялъ въ отрицательномъ положеніи къ

¹ Сочин. Максима, ч. II, 157 — 184, 185 — 212, 319 — 338, 339—346, 320 158, 327. Особенно часто Максимъ трактуетъ о грабительствѣ властей и начинаетъ свои наставленія съ в. князя: «не полезно, говоритъ, онъ, еже хотѣти чужимъ имѣніемъ и царю *благородному* отнюдь не подобно есть и стяжаніемъ» Сочин. Макс. ч. II, 166. Искоторые факты отношеній в. князя къ поданнымъ окончательно возмущали доброе сердце Максима: «*вдовцы плачуть, говоритъ онъ разъ, а поидеть государь къ перкви, и вдовцы плачуть и за нимъ идутъ, и они ихъ бьютъ*» (Акты Археогр. Экспед. № 172, стр. 142 въ сноскѣ.)

² Максимъ самъ сознавался въ своей смѣлости говорить и писать всѣмъ правду (Сочин. Максима, ч. I, 25).

³ Сочин. Макс. ч. II 162.

⁴ А. А. Э, I, № 172.

современнымъ его проявленіямъ. Отвергая грубый абсолютизмъ гражданской власти, Максимъ хотѣлъ видѣть въ церкви такое учрежденіе, которое было бы не только чуждо всякаго рабства предъ грубою силою свѣтской власти, но и оказывало бы всегда на послѣднюю нравственно умѣрающее, ограничивающее дѣйствіе. Не видя ничего подобнаго въ современныхъ русскихъ пастыряхъ, Максимъ справедливо съ своей точки зрѣнія высказывалъ горькія сожалѣнія о слабости современныхъ представителей русской церкви. Максимъ высоко ставилъ значеніе церкви и давалъ ей представителямъ право «совѣтъ премудрѣйшими и вселческими устроениіи... *исправити всегда црскіе свѣтелъ на лучше*»... и вообще придавалъ ей значеніе высшее власти гражданской, хотя въ то же время онъ въ принципѣ и не отвергалъ вліянія государя на дѣла церкви, ограничивая его предѣлами строгой законности.¹

Воззрѣнія Максима Грека на церковную и гражданскую власть покоятся на идеальной, евангельской точкѣ зрѣнія. Воззрѣнія Максима на отношенія церкви и государства въ общемъ тождественны съ воззрѣніями на этотъ предметъ и вообще бѣлозерскихъ пустынниковъ. Но кромѣ того въ его воззрѣніяхъ находилась одна замѣчательная черта, которая въ его положеніи, какъ грека, вполне естественна и законна. Онъ не признавалъ самостоятельности русской церкви и продолжалъ считать ее составною частью Константинопольскаго патріархата и потому зависимою отъ представителя послѣдняго. На независимое положеніе Московскаго митрополита Максимъ смотрѣлъ какъ на незаконное дѣйствіе, какъ на проявленіе гордости и самочинія и безчинія русскихъ митрополитовъ.²

Воззрѣнія Максима Грека на современное состояніе русскаго государства и церкви способствовали сближенію его съ людьми враждебно расположенными къ современнымъ порядкамъ. Князь Василій Косой въ этомъ случаѣ, конечно, могъ оказывать Максиму услуги и руководить имъ какъ человѣкомъ неопытнымъ и незнакомымъ со всѣми условіями русской жизни, особенно въ ея закусныхъ сферахъ. Установившійся взглядъ на Максима, какъ на

¹ Сочин. Макс. ч. II, 336—337, 162, ч. III, 155. Част. II, 157—185.

² Прѣніе м. Данила съ Максимомъ Святгорцемъ. Чтен. въ Общ. Ист. Др. Росс. 1847 г. № 7, 13. Ср. Сочин. Максима ч. III, XXII, 154—156.

такого человѣка, призваніе котораго состоитъ въ указаніи какъ государю править своимъ царствомъ и какъ жить митрополиту, еще болѣе привлекалъ къ нему лицъ, имѣвшихъ свои счеты съ людьми, стоявшими во главѣ управленія, и желавшихъ подѣлиться сообщеніями о нихъ, а при случаѣ и заручиться содѣйствіемъ такого вліятельнаго выдающагося человѣка, какимъ для многихъ современниковъ представлялся Максимъ. Послѣдній, какъ человѣкъ неискусившійся и мало знакомый съ придворными интригами и руководившійся однимъ только сознаніемъ правоты и истины, не только не отстранялъ отъ себя обращающихся къ нему лицъ, но и, по свойственной его характеру искренности, старался даже входить въ положеніе этихъ людей и раздѣлять ихъ горе. Благодаря подобнаго рода не вполне практическимъ, если смотрѣть на нихъ съ узко практической точки зрѣнія, дѣйствіямъ Максима, около него съ теченіемъ времени сталъ сформировываться кружокъ недовольныхъ и обиженныхъ людей, въ обществѣ которыхъ онъ, какъ человѣкъ развитой и просвѣщенный, не прочь былъ откровенно поразсуждать о разныхъ политическихъ отношеніяхъ и о лицахъ, стоявшихъ во главѣ управленія. Роль руководителя, принятая на себя Вассіаномъ, много повредила въ послѣдствіи Максиму. Успѣвъ скоро разгадать и понять Максима, сойтись съ нимъ во взглядахъ, Вассіанъ въ то же время помогалъ ему и въ подборѣ лицъ, сдѣлавшихся его почитателями и здѣсь ему ничего не стоило свести Максима съ людьми подозрительными съ политической точки зрѣнія, которымъ онъ самъ имѣлъ основанія симпатизировать. Однимъ словомъ, Вассіанъ рано ввелъ Максима въ число членовъ своего кружка, сообщалъ ему привязанность къ своимъ интересамъ и обобщилъ его интересы съ своими собственными. Отсюда-то судьба Максима становится нераздѣльно связанною съ судьбою Вассіана, который втянулъ его въ сферу своихъ личныхъ интересовъ и тѣмъ главнымъ образомъ способствовалъ и своему паденію и здѣсь же увлекъ за собою и Максима.

Первые годы своего пребыванія въ Россіи Максимъ Грекъ провелъ благополучно. Первымъ занятіемъ его былъ переводъ сводной толковой Псалтири. По окончаніи труда (въ 1520 г.) Максимъ свой переводъ Псалтири вручилъ в. князю, который передалъ его на разсмотрѣніе митрополиту Варлааму. Митрополитъ и его соборъ одобрили ее и торжественно назвали ее *источникомъ благочестія*. Переводчикъ Максимъ былъ щедро награжденъ в.

княземъ.¹ Но видно, Максимъ хорошо понималъ ту громадную разность во взглядахъ и обычаяхъ, какая раздѣляла его отъ русскихъ, когда онъ послѣ перевода толковой Псалтири, не смотря на подарки и оказываемый ему княземъ и митрополитомъ почегъ, просилъ у великаго князя позволенія отправиться на Аѳонскую гору.² Во время перевода толковой Псалтири Максимъ, по порученію м. Варлаама, занимается переводомъ (съ 13 главы) своднаго толкованія на ки. Дѣяній Апостольскихъ, который сдѣланъ былъ на иждивеніе самого митрополита. Этотъ трудъ Максимъ успѣлъ окончить даже ранѣе перевода толковой Псалтири, именно въ мартѣ 1519 (7027) года.³ Около этого же времени Максимъ сдѣлалъ описи книгамъ великокняжеской библіотеки, по порученію самого в. князя.⁴ Въ 1521 году Максимъ перевелъ житіе Пресв. Богородицы, составленное Мефафрастомъ.⁵ Кромѣ чисто переводныхъ трудовъ, Максимъ въ то же время занимался исправленіемъ книгъ, которое ему было поручено в. княземъ.⁶ Исправленіямъ Максима предложена была прежде всего Тріодь, а потомъ и другія богослужебныя книги: Часословъ, Минея праздничная и Апостолъ.⁷ При исправленіи русскихъ богослужебныхъ книгъ Максимъ на-

¹ Максимъ святогорецъ. Статья, напечат. въ Прибавл. въ Твор. св. отцевъ ч. XVIII. М. 1859, стр. 188—189; Импер. Пуб. Библіот. F. I, № 449. Сказаніе о Максимѣ Грекѣ... рки. Импер. Пуб. Библіот. Погост. № 1294 л. 413—418.

² Посланіе Максима къ Василию Іоанновичу. Сочин. Максима, ч. II, 316—318. А. А. Э. I, № 172. 143. Максимъ свою просьбу объ отпускѣ его на востокъ повторялъ неоднократно (Сочин. Макс. ч. II, XXXI, посл. къ царю Іоанну Васильевичу, 376—379), но всегда получалъ отказъ. Причина такихъ дѣйствій скрывается въ особомъ установившемся взглядѣ на Максима: «Держимъ на тебя мѣня, говорилъ одинъ оныйный бояринъ Максиму, пришегъ еси сюда, а человѣкъ еси разумной, и ты здѣсь увидалъ наша добра и лиха, и тебѣ тамъ пришесть все сказывать» (А. А. Э. I, № 172, 143).

³ Прибавл. къ Твор. св. от. ч. XVIII, 188, въ примѣчаніи. По другимъ даннымъ оказывается, что переводъ сдѣланъ немного позднѣе; см. рки. Кирилло-Бѣзубовск. монасты. № 14/141, приписка по окончаніи толкованія Дѣяній, именно въ 1520-мъ году.

⁴ Карамзинъ, т. VII, 178.

⁵ Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1847 г. № 9, отд. IV. Прѣднѣе м. Данила со старцемъ Вассіаномъ, 9.

⁶ Соч. Макс. ч. I, Исповѣданіе прав. вѣры Максима, 33, 37.

⁷ Ист. Рус. церкви Филарета, архіеп. Черниговскаго изд. 4, Черниговъ. 1862 г. періодъ III, 112

шелъ не мало важныхъ ошибокъ, извращавшихъ собою смыслъ подлинника и даже противорѣчившихъ догматическому учению церкви. Мысль подвергнуть пересмотру кругъ богослужебныхъ и церковныхъ книгъ явилась у в. князя неслучайно. Скорѣе всего на эту мысль навелъ великаго князя Вассіанъ, который при составленіи своей Кормчей наглядно убѣдился въ неисправности русскихъ книгъ.

Не долго Максимъ могъ спокойно работать и трудиться на пользу просвѣщенія Руси. Скоро создано было такое положеніе вещей, что ему пришлось заботиться и о своей безопасности. Триумвиратъ пустынниковъ разстроился. Митр. Варлаамъ, стоявшій во главѣ его, палъ, сдѣлавшись жертвою твердости своихъ убѣжденій, поступать которыми онъ не хотѣлъ ни предъ кѣмъ, не исключая и в. князя. Мѣсто Варлаама занялъ Даниилъ, человекъ по характеру и по воззрѣніямъ и по жизни во многомъ не походившій на своего предшественника. Если въ лицѣ Варлаама Вассіанъ и Максимъ лишались своей постоянной поддержки, то въ лицѣ Даниила они не только не получали ничего лучшаго, но даже основательно могли ожидать въ самомъ лучшемъ случаѣ полного безучастія къ себѣ. А что касается въ частности Вассіана, то въ паденіи Варлаама, который и избранъ былъ на митрополию не безъ его участія, онъ наглядно видѣлъ ослабленіе своего вліянія на князя, а въ назначеніи на митрополию Даниила, — человека взятаго изъ лагеря его враговъ, сильный ударъ и оскорбленіе для своей собственной личности. Отношенія Вассіана къ Даниилу съ самыхъ первыхъ дней вступленія его на престолъ характеризуются, какъ выше было указано, явнымъ нерасположеніемъ. Равнымъ образомъ и Даниилъ смотрѣлъ на Вассіана какъ на своего врага.

Нѣсколько снисходительнѣе на первыхъ порахъ относился Даниилъ къ Максиму Греку. Послѣдній находился въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ къ митрополиту, такъ какъ съ нимъ не связывалось у Даниила воспоминанія о той ожесточенной полемикѣ, непосредственно обращенной на іосифлянъ, какою отличался Вассіанъ. Митрополитъ на первыхъ порахъ могъ даже интересоваться Максимомъ какъ личностью для него совершенно новою. Но и изъ Максима митрополитъ не могъ долго смотрѣть равнодушно, какъ на человека солидарнаго съ Вассіаномъ и наравѣ съ нимъ пользующагося большимъ вниманіемъ в. князя. Даниилъ вообще не могъ спокойно смотрѣть на существованіе особаго кружка людей, да-

леко различающихся съ нимъ по воззрѣніямъ, но пользующихся большимъ значеніемъ при дворѣ в. князя.

На первыхъ порахъ между Данииломъ и Максимомъ установились сносныя, по вѣншности, отношенія. Данииль содѣйствовалъ Максиму Греку въ переводахъ. Въ 1524 году Максимъ окончилъ переводъ Бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на евангелія Матвея и Іоанна, который произведенъ былъ «умышленіемъ и промышленіемъ, и проторы и повелѣніемъ» самого м. Даниила ¹. По самому характеру и по воззрѣніямъ м. Данииль и Максимъ не могли долго поддерживать между собою обыкновенныя, болѣе или менѣе, нормальныя отношенія. Діаметральная противоположность во всемъ скоро сдѣлала ихъ врагами другъ къ другу. Явное нерасположеніе м. Даниила къ Максиму Греку вызвано было, можно сказать, случайными обстоятельствами. Митрополитъ поручилъ Максиму перевести сочиненія Θεодорита, епископа Кирскаго. Максимъ отказался исполнить его порученіе, справедливо мотивируя свой отказъ тѣмъ, что сочиненія Θεодорита могутъ быть опасны для простаго, малообразованнаго народа. Митрополитъ не хотѣлъ придавать значенія доводамъ святогорца и трижды обращался къ нему съ одною и тою же просьбою и каждый разъ получалъ съ его стороны отказъ ². Настойчивый отказъ Максима глубоко оскорбилъ митрополита, который видѣлъ въ немъ не болѣе какъ только простаго инока, и потому считалъ его вполнѣ зависимымъ и подчиненнымъ своей власти, какъ представителя церкви ³. Съ этого времени между ними начинаются явно враждебныя отношенія, въ основаніи которыхъ лежитъ оскорбленное самолюбіе митрополита, подѣ влияніемъ личнаго чувства не хотѣвшаго принимать во вниманіе представляемыхъ ему серьезныхъ соображеній. Между тѣмъ Максимъ оказался предъ митрополитомъ столь настойчивымъ въ своемъ отказѣ, будучи увѣренъ въ силѣ своей аргументаціи и доводовъ, и по своей прямоствѣ не хотѣлъ придать ему болѣе мягкой формы. Какъ бы то ни было, но первая вина въ разрывѣ, падая на обѣихъ лицъ, тѣмъ

¹ Ркп. Импер. Публ. Библ. F. I, № 420 ч. I. л. 1 об. Амфилохій. Описание рукописей библиотеки Новоіерусалимскаго монастыря. М. 1876 г. 129—130.

² Сочин. Максима, ч. II, Посланіе Максима къ м. Даниилу. 372—373.

³ Но самъ Максимъ вовсе не признавалъ себя подвластнымъ русскому митрополиту. «Грекъ бо азъ», писалъ о себѣ между прочимъ Максимъ, «сего ради и греческия земли свѣтителемъ пованенъ есмь»... Сочин. Максима, ч. I, 36.

не менѣе все-таки склоняется своею тяжестью болѣе на сторону митрополита. Съ другой стороны въ дѣятельности Максима Грека находилась такая сторона, которая непосредственно касалась личности митрополита. Изучая нравственную личность новаго митрополита Максимъ къ своему удивленію находилъ въ немъ нѣчто такое, что, по его воззрѣніямъ, не только соответствовало идеалу представителя церкви. Свои мысли о несоответствіи жизни митрополита званію истиннаго пастыря Максимъ по своему обыкновенію сталъ открыто высказывать въ своихъ сочиненіяхъ. Нѣкоторые обличенія Максима настолько прозрачны и тѣмъ болѣе должны были казаться такими для современниковъ, что въ нихъ прямо обрисовываются тѣ лица, противъ которыхъ они были направлены. «Ты же трюкаинна (душе), такъ обличаетъ Максимъ одного святаго, кровей убогихъ безщадно псинаваючи лихвами и всякимъ дѣломъ неправеднымъ, и себѣ оттуду преобильно приготавлиючи вся твоя угодная, егда же и якоже хочещи, во градѣхъ же ѿбаци на конѣхъ благородныхъ со многими, ѡбѣмъ убо послѣдующимъ, ѡбѣмъ же напередъ воплемъ и бичіемъ разбивающимъ срѣтаючи тя народы. Угодна ли творити мнѣши своими долгими молитвами и чернымъ снѣмъ власянымъ образомъ, Христу любящу милости чече жертвы, и осужающа всякаго нищенезавидца»¹. Скорѣе всего въ описанномъ здѣсь выйдѣ духовнаго сановника можно видѣть выйдѣ самого митрополита, такъ какъ невозможно допустить, чтобы съ такою пышностію хотѣлъ разъѣзжать по Москвѣ какой-нибудь изъ провинціальныхъ епископовъ, часто посѣщавшихъ столицу².

Еще дальше въ нерасположеніи къ митрополиту пошелъ Вассіанъ. Вліятельное положеніе при дворѣ сдѣлало его высокомернымъ. Сознаніе своей силы доводило его до того, что онъ свысока относился и старался игнорировать митрополита. Подавши в. князю мысль объ исправленіи книгъ, Вассіанъ взялъ веденіе исправительнаго дѣла на свои руки, и во время возникавшихъ при

¹ Сочин. Максима, ч. II, слово 1е, 43—44.

² Проф. Иконниковъ вышеприведенныя слова Максима относитъ къ личности митрополита. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии въ русской исторіи. Киевъ, 1869 г., 353. Сочиненіе его же «Максимъ Грекъ», извѣст. въ Киев. Унив. Издѣст. 1865—1866 гг., гл. IX, 19. Такое предположеніе еще болѣе подтверждается тѣмъ, что на судившемъ Максима соборѣ, его, между прочимъ, обвинили въ томъ, что онъ порицалъ митрополита и епископовъ за ихъ любовь

исправленіяхъ сомнѣній онъ и самъ не хотѣлъ и Максима удержи-
валъ отъ того, чтобы обращаться за совѣтомъ къ высшей духов-
ной власти—митрополиту и просить его санкціи на тотъ или дру-
гой затруднительный предметъ исправленія. Между тѣмъ при митр.
Варлаамѣ Вассіанъ обращался за совѣтами и за благословеніями
къ митрополиту напр. при составленіи своей Кормчей. Ясное дѣло,
что здѣсь играютъ роль личные счеты Вассіана съ Данииломъ.
Мало того, Вассіанъ свое игнорированіе митрополита мотивировалъ
такими данными и формулировалъ ихъ въ такихъ вызывающихъ
выраженіяхъ, которыя должны были казаться слишкомъ оскорби-
тельными для всѣхъ тѣхъ, кого онъ касались. Онъ считалъ митро-
полита даже неурасположеннымъ и некомпетентнымъ въ дѣлѣ
исправленія книгъ. На послѣдовавшіе со стороны нѣкоторыхъ
совѣты докладывать митрополиту о переводныхъ и исправитель-
ныхъ трудахъ Вассіанъ съ высокомеріемъ отвѣчалъ: «Они (митро-
политъ и епископы) того не вѣдаютъ, а что они и знаютъ, имъ
надобѣ пиры и сѣла, и скакати, и смѣяти съ воры». Максимъ
здѣсь дѣйствовалъ подъ вліяніемъ и по программѣ Вассіана, и хотя
можетъ быть и не высказывался такъ рѣзко, но сообразовался
въ своихъ дѣйствіяхъ съ указаніями Вассіана и тѣмъ до нѣкото-
рой степени обобщалъ ихъ съ поступками самого Вассіана. Отри-
цая вполнѣ законный авторитетъ митрополита въ ходѣ исправленія
книгъ, Вассіанъ въ то же время позволялъ себѣ крайне безцере-
монные отзывы о достоинствѣ славянскихъ переводовъ и выра-
жалъ ихъ по обыкновенію въ самой рѣзкой формѣ¹. Понятно та-
кое огульное порицаніе всего того, на чемъ держалась и чѣмъ
долгое время жила русская церковь, должно было произво-
дить на всѣхъ поражающее дѣйствіе. Нельзя думать, чтобы Вас-
сіанъ, выражаясь такимъ образомъ о русскихъ книгахъ, прида-
валъ полное значеніе своимъ словамъ. Всегда раздраженный онъ
не умѣлъ и не пріучился выражаться спокойно и болѣе точно.

къ пирамъ и другимъ удовольствіямъ. (Чт. въ Общ. Истор. и Др. Росс. 1847 г.
№ 7 Прѣіе м. Данила съ Максимомъ, 8).

¹ Прѣіе м. Данила съ Максимомъ, 8—11. «Отъ діавола писаны, а не отъ
Св. Духа... а здѣшніе книги всѣ живые... до Максима есмь по тѣмъ книгамъ
Бога хвалил, а не славил, ни молил, а нынѣ есмь Бога позовалъ Максимомъ»,
такъ между прочимъ выражался Вассіанъ о состояніи современныхъ русскихъ
книгъ.

Такимъ образомъ слишкомъ было много поводовъ для м. Данила къ тому, чтобы относиться враждебно къ Вассіану и Максиму. Его возмущало несомнѣнно еще то независимое положеніе, въ какомъ находились оба инока. По своему званію они были люди слишкомъ невысокаго ранга и къ тому же, какъ простые монахи, они должны были находиться подъ непосредственною юрисдикціею самого митрополита, ихъ главнаго начальника. Такъ именно и смотрѣлъ на нихъ митрополитъ, когда онъ называетъ Вассіана «простымъ инокомъ», а Максима и вовсе «невѣдомымъ и незнаемымъ человѣкомъ, новопришедшимъ»¹. Однако дѣйствительность говорила митрополиту иное, и ему волей-неволей пришлось на нѣкоторое время мириться съ нею. Вотъ въ этомъ-то обстоятельствѣ и скрывается то чувство «зависти», которую питалъ къ инокамъ митрополитъ и о которой упоминаетъ авторъ сказанія о Максимѣ².

Въ нерасположеніи къ Максиму съ митрополитомъ сходились и другіе іерархи русской церкви, изъ которыхъ многіе исходили изъ Волоколамскаго монастыря, или находились подъ особымъ покровительствомъ и вниманіемъ митрополита и считали себя нравственно обязанными дѣйствовать въ духѣ его воззрѣній. Кромѣ личности самаго митрополита прямодушный Максимъ въ своей полемикѣ противъ монастырскихъ извѣществъ затрогивалъ все высшее и богатое духовенство. Рѣзкія, хотя и правдивыя, обличенія святогорца монашеской распущенности, корыстолюбія и роскоши, какою любили окружать себя епископы и настоятели современныхъ русскихъ монастырей, вооружили противъ него почти всю современную церковную іерархію³. Мало того, Максимъ явѣе всѣхъ другихъ понималъ односторонность развитія религіозной церковной жизни въ Россіи и поражаема господствомъ въ ней вышности и формализма. Свой отрицательный и неолобратительный взглядъ на одностороннее развитіе церковной жизни Максимъ высказалъ даже открыто предъ лицомъ судившаго его собора. «Мы, говорилъ онъ, пріемше святое крещеніе, и держаще вѣру

¹ Прѣвіе ч. Данила съ Максимомъ, 2, 7. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1847 г., № 9.

² Ркн. Новгор. Соч. библ. № 1521 л. 228—229; рук. Пчп. Публ. Библ. Р. 1, № 449.

³ Обличит. слова Максима на монаховъ, ч. II. сл. 1, 2 и 3.

православную, и честную и святую, но *якогда добра не имуща есмь*»¹. Понятно, какъ должны были дѣйствовать подобныя разсужденія Максима на его русскихъ современниковъ, которые въ фарисейскомъ самообольщеніи представляли только самихъ себя истинно-православными христіанами² и въ чистотѣ православія отказывали даже самимъ грекамъ³. Не одинъ Даниилъ питалъ чувство неудовольствія на Максима и Вассіана. Находились и другіе, которые вооружались противъ Максима, но не изъ-за личныхъ счетовъ, какіе имѣли мѣсто въ отношеніяхъ къ нему митрополита, а изъ-за взгляда на предпринятое имъ дѣло исправленія книгъ. Люди обрядоваго, формальнаго направленія скорѣе всего стали въ отрицательное положеніе къ исправленіямъ Максима. Отрицательный взглядъ на книжное исправленіе исходилъ, какъ извѣстно, изъ установившагося къ тому времени догматическаго взгляда на книгу и отсюда на строгую неизмѣненность ея содержанія. Нѣкоторые говорили Максиму: «велию, о человекѣ, досаду тѣмъ дѣломъ прилагаешь возсіявшимъ въ нашей землѣ пренепобѣдимымъ чудотворцамъ, они бо сицевыми священными книгами благоугодиша Богови, и живуще и по представленіихъ отъ Него прославишася святынею и всяческихъ чудесъ дѣйствомъ»⁴. Сомнѣніе въ возможности полученія спасенія чрезъ исправленныя книги крѣпло на уваженіи къ вѣкамъ передававшимся формамъ. Конечно, необходимость исправленія въ принципѣ отвергала самая невѣжественная часть русскаго общества. Болѣе просвѣщенные люди того времени сознавали потребность въ исправленіяхъ, но, не обладая широкимъ богословскимъ образованіемъ, воспитавшись на церковныхъ книгахъ и сроднившись со всѣми ихъ внутренними и вѣшными особенностями, они не могли опредѣлить границъ, до которыхъ, по ихъ мнѣнію, должно простираться дѣло исправленія. Святос благоговѣніе къ книгѣ слишкомъ глубоко вкоренилось въ нихъ, чтобы они могли спокойно отнестись къ всякимъ перемѣнамъ той книги, по которой они учились и привыкли молиться и руководствоваться въ своей жизни.

¹ Прѣіе м. Даниила съ Максимомъ Грекомъ. Чтен. въ Общ. Истор. и Др. Росс. 1847 г. № 7, 13.

² Посланіе къ в. князю Василию Іоанновичу старца Нековскаго Елеазарова мѣнастыря Филовел. Прав. Соб. 1863 г. ч. I, 337—348.

³ Сочин. Максима ч. III, 154—156.

⁴ Сочин. Макс., III. Слово отвѣдательное о книжномъ исправленіи, 88.

Отсутствіе науки и научной критики и незнакомство съ ея правилами ставили русскихъ книжниковъ въ самое жалкое положеніе: они не знали гдѣ и на чемъ остановиться въ размѣрахъ исправленія книгъ. Понятно, людей такого шаткаго, неопредѣленнаго направленія широкаго исправленія могли серьезно пугать и даже отталкивать отъ самаго исправительнаго дѣла. Къ фракціи подобныхъ людей принадлежалъ и м. Даниилъ. Онъ въ принципѣ одобрялъ исправленіе книгъ, но по характеру полученнаго имъ образованія, не могъ опредѣлить истинныхъ границъ, въ которыхъ должны были происходить исправленія вполнѣ законныя и полезныя. Личное раздраженіе, съ которымъ относился Даниилъ къ Максиму, подававшее ему собою поводъ быть до крайности придирчивымъ и подозрительнымъ къ исправительнымъ трудамъ Максима дѣластъ невозможнымъ выдѣлить объективный, безотносительный взглядъ Даниила на предѣлы законности въ книжныхъ исправленіяхъ.

Между тѣмъ Максимъ Грекъ отнесся къ дѣлу исправленія книгъ, руководясь исключительно научно-критическими соображеніями и вовсе не принимая во вниманіе духа народа и характера русскаго просвѣщенія. Научно критическій методъ исправленія предоставлялъ широкую свободу Максиму Греку въ отношеніи къ русскимъ церковно-богослужебнымъ книгамъ. Будучи вполнѣ вѣренъ ему, Максимъ съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и компетентности исправлять и уничтожать въ нихъ все то, что не соотвѣтствовало греческому подлиннику, какъ бы ни были велики предѣлы его исправленій. Причемъ онъ вовсе не принималъ въ расчетъ и не сообразовался съ той важностію, какая признавалась книжнымъ русскимъ людомъ за тѣми или другими мѣстами книгъ. Очевидно, здѣсь Максимъ расходился съ русскимъ обществомъ, съ недоумѣніемъ отнесшимся къ его исправительной дѣятельности, такъ какъ онъ не принималъ во вниманіе утвердившихся въ немъ взглядовъ того общества, на пользу котораго онъ трудился. Къ этому еще присоединилось и то весьма важное въ положеніи Максима обстоятельство, что онъ мало знакомъ былъ съ русскимъ языкомъ и переводилъ при помощи двухъ толмачей, Дмитрія Герасимова и Власія, которымъ даны были для переписки два писца, Михайлъ Медоварцевъ и Силуанъ, вноскъ Троице-Сергіева монастыря. Максимъ самъ переводилъ съ греческаго на латинскій языкъ, а толмачи уже переводили съ латинскаго на сла-

винскій¹. Тотъ способъ перевода, какого по необходимости держался Максимъ, представлялъ не мало затрудненій и не гарантировалъ его отъ ошибокъ. Толмачъ не могъ уяснить мысли переводчика, или могъ ее понять и перетолковать по своему, дать ей тотъ или другой оттѣнокъ, безъ всякой задней мысли намѣренно измѣнить то или другое, а самъ переводчикъ Максимъ не могъ, за незнакомствомъ русскаго языка, проверить своего толмача, и отсюда сдѣлались весьма возможными ошибки, вся вина въ которыхъ тѣмъ не менѣе пала на самого переводчика.

Нѣкоторые внѣшнія обстоятельства окончательно подорвали авторитетъ Максима Грека въ глазахъ по крайней мѣрѣ в. князя. Въ 1522 году прибылъ въ Россію турецкій посолъ Скиндеръ. Такъ какъ Скиндеръ принадлежалъ по своей національности къ грекамъ, то въ положеніи Максима, закинутого судьбою въ малоизвѣстный ему край, и несомѣнно скучавшаго о своей родинѣ, естественно было завести сношенія съ своимъ соотечественникомъ, который тѣмъ тѣмъ не менѣе вселяли сильныя подозрѣнія противъ Максима, такъ какъ турецкій посолъ Скиндеръ извѣстенъ былъ своею враждебностію по отношенію къ Россіи².

Ко всему этому присоединилось такое дѣло, въ которомъ в. князь былъ непосредственно заинтересованъ и въ которомъ Максимъ и Вассіанъ высказались въ духѣ, совершенно противоположномъ желаніямъ и разчетамъ самодержавнаго князя. Рѣчь идетъ о разводѣ. Разводъ в. князя въ исторіи двухъ направленій русской мысли первой половины XVI в. послужилъ пробнымъ камнемъ въ глазахъ свѣтскаго правительства для оцѣнки того и другаго и ареною, на которой столкнулись представители того и другаго направленія въ своихъ противоположныхъ воззрѣніяхъ. Столкновеніе, дѣйствительно, произошло и окончилось трагически для проповѣдниковъ-нестяжателей, и наоборотъ торжествомъ для ихъ противниковъ—іосифлянъ. Конечно, у Василія Іоанновича не вдругъ явилась мысль о разводѣ, онъ, можетъ быть, желалъ ее даже не одинъ годъ. Это косвеннымъ образомъ подтверждается и тѣмъ, что, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторые памятники, прежде чѣмъ

¹ Прибавл. къ Твор. св. Отца, ч. XVIII. М. 1859 г. Статьи: «Максимъ Святоторецъ», 190—191. Соч. Макс. ч. I, 33. Амандошіи «Описаніе Новогерус. Воскрес. библ», 130.

² Карамзинъ. VII, 115, 148—149.

рѣшиться на разводъ, в. князь обращался на востокъ къ патріархамъ за разрѣшеніемъ, но только не получилъ его. А для того, чтобы могли придти отвѣты, требовался довольно значительный промежутокъ времени. Несомнѣнно Василій Іоанновичъ о своемъ намѣреніи развестись ранѣ другихъ сообщалъ Вассіану и Максиму, какъ людямъ самымъ близкимъ къ нему и компетентнымъ, но, къ своему удивленію, получилъ отъ нихъ обоихъ самый рѣшительный, и въ то же время неодобрительный отзывъ о своемъ намѣреніи.¹ Поэтому, въ томъ обстоятельствѣ, что первому судебному разслѣдованію Максимъ подвергся девятью мѣсяцами ранѣ состоявшагося развода в. князя, нельзя еще видѣть доказательства того, что противорѣчіе Максима по дѣлу о разводѣ не повліяло на его дальнѣйшую судьбу. Напротивъ, в. князь постарался поскорѣ покончить съ Максимомъ, чтобы не имѣть въ немъ себѣ обличителя. Очень вѣроятно, что самая мысль объ обращеніи по дѣлу о разводѣ на востокъ, и особенно на Афонъ, принадлежала Максиму Греку, какъ нѣкоторое время подвизавшемуся на святой горѣ, и Вассіану Косому. Вассіанъ и Максимъ не покривили душой предъ в. княземъ по дѣлу о разводѣ и здѣсь остались вполне вѣрными своимъ строго евангельскимъ духовно-нравственнымъ началамъ. Равнымъ образомъ вѣренъ оказался своей школѣ представитель іосифлянъ—Даніилъ. Оба инока лишились прежняго благоволенія князя. Мало того, Василій Іоанновичъ, не любившій никогда прощать противорѣчій себѣ, оскорбился образомъ дѣйствій людей, такъ много облагодѣтельствованныхъ имъ и, по его мнѣнію, обязанныхъ ему отвѣчать взаимною благодарностію. А непреодолимое желаніе развода, дѣла явно незаконнаго, побуждало в. князя позаботиться о томъ, чтобы, если только представится удобный слу-

¹ О сочетаніи второго брака Вас. Іоанновича. Чт. въ Общ. Истор. и Ар. Росс. 1847 г. № 8, 2—3.—Курбскій, Сказанія, изд. 2-е, 4—6.—Карамзинъ, VII, примѣч. 343, 81. Противорѣчіе Вассіана разводу в. князя служить самымъ вѣскимъ доказательствомъ искренности его убѣжденій. Еслибы онъ дѣйствительно былъ только придворнымъ льстецомъ, то во всякомъ случаѣ онъ ни за что не рѣшился бы идти противъ воли князя, зная хорошо тѣ дурныя послѣдствія, какія влекло за собою противорѣчіе ему. А между тѣмъ нѣкоторые заподозриваютъ искренность убѣжденій Вассіана. Певоструевъ. Разсмотрѣніе книги Хрущева: «Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго», Спб. 1870 г., 36—37. Розановъ въ статьѣ, напечат. въ Странникѣ за 1877 г. май, т. II, подъ заглавіемъ «Споръ іосифлянъ съ блжженными старцами», 156—172.

чай, освободить себя отъ открытыхъ обвиненій строгихъ пустынниковъ—Вассіана и Максима. Последніе тѣмъ болѣе могли быть опасными для в. князя, что на ихъ сторонѣ была правда, очевидная для всѣхъ, которая потому самому естественно должна была привлечь на ихъ сторону всѣ симпатіи общества. — Такимъ образомъ противорѣчіе разводу поматнуло положеніе Вассіана и Максима въ глазахъ в. князя до того, что теперь нуженъ былъ только поводъ для того, чтобы ихъ паденіе сдѣлалось совершившимся фактомъ. Съ другой стороны, высшая церковная власть—митрополитъ также не могъ равнодушно и безпристрастно относиться къ ихъ судьбѣ и основательно рассчитывалъ воспользоваться паденіемъ своихъ противниковъ для того, чтобы упрочить свое вліяніе при дворѣ и въ то же время отмстить имъ за нанесенныя ему со стороны ихъ оскорбленія.

Первымъ началъ страдать Максимъ Грекъ. Да это и понятно. Онъ былъ человѣкомъ принятымъ, не утѣшавшимъ прочно нравственно укрѣпиться въ новой сферѣ, въ какую его закинула судьба. При томъ онъ казался его врагамъ князю и митрополиту несравненно опаснѣе Вассіана. Его умъ, просвѣщеніе, его литературная полемиическая дѣятельность, поражающая своею силою и убѣдительною всѣ доводы собственныхъ русскихъ книжниковъ, не могли не противопоставить ей ничего основательнаго и ибскаго, естественно возбуждали болѣе сильныя опасенія, чѣмъ дѣятельность одного Вассіана, человѣка по своему просвѣщенію стоявшаго неизмѣримо ниже Максима.

Первымъ дѣломъ, которое имплекло неприязнь на Максима, послужили его сношенія съ нѣкоторыми боярами и вообще людьми, недовольными новымъ установившимся порядкомъ управленія. Такъ какъ о немъ въ извѣстной части русскаго общества составилось самое лестное мнѣніе, какъ о человѣкѣ весьма просвѣщенномъ, отъ котораго значить было чему поучиться, то около Максима который былъ не такого характера, чтобы скрывать свои знанія и таланты, образовался маленькій кружокъ просвѣщенныхъ людей, которые собирались иногда къ нему и здѣсь «говаривали съ нимъ книгами и спирались межъ собой о книжномъ». Изъ такихъ друзей Максима извѣстны имена пяти человѣкъ, Максимъ также, какъ уже извѣстно, не только симпатизировалъ установившимся на Руси современнымъ ему государственнымъ порядкомъ. Это обстоятельство само собою сблизило его съ людьми одиѣхъ съ нимъ симпа-

тій. Симпатіи Максима простирались и на лицъ законно или незаконно страдавшихъ и выносившихъ на себѣ тяжесть современныхъ государственныхъ порядковъ. Такимъ путемъ онъ сошелся съ опальнымъ бояриномъ Иваномъ Берсень-Беклемишевымъ и дьякомъ Ѳеодоромъ Жаренымъ. Берсень былъ сторонникъ древнихъ боярскихъ традицій, смѣло говорившій правду в. князю и не стѣснявшійся противорѣчить ему, за что именно онъ и подвергся опалѣ со стороны в. князя. Несчастіе Берсени вызвало участіе къ нему Максима, которое затѣмъ перешло въ тѣсную дружбу. Берсень былъ Максиму «добрѣ совѣтенъ другъ» и между ними не существовало никакой тайны. Они повѣряли другъ другу все и для этого иногда по долгу сидѣли «одинъ на одинъ». Предметомъ разсужденій Максима и Берсени служили главнымъ образомъ современные общественные дѣятели и люди стоявшіе въ главѣ управленія: говорилось много о государѣ, что онъ жестокъ и немилостивъ, не любитъ «встрѣчь» и т. п., о митрополитѣ, который носитъ только имя митрополита и ни о комъ не печалуется. Здѣсь Берсень въ бесѣдѣ съ Максимомъ давалъ полную свободу своему слову. Онъ расправлялъ Максима о порядкахъ его родины—Греціи и приходилъ къ невыгоднымъ сравненіямъ въ отношеніи Россіи. «Хотя у васъ цари злочестивые, говорили между прочимъ Берсень Максиму, а ходять такъ *«ино у васъ еще Богъ есть»*. Понятно, какое дѣйствіе должны были произвести на всякаго послѣднія слова Берсени, который ставилъ управленіе нечестиваго мусульманскаго государя, турецкаго султана, выше правленія христіанскаго православнѣйшаго царя и князя русскаго. Берсень слишкомъ низко ставилъ современные государственные порядки на Руси и говорилъ, «что нынѣ въ людехъ правды нѣтъ», и даже опасался за будущность государства, говоря, что теперь «на Бога то на одного и надѣи». Въ подобномъ духѣ были разсужденія съ Максимомъ и Ѳеодора Жаренаго.—Положимъ, въ разсужденіяхъ съ опальными Максимъ игралъ второстепенную роль: онъ болѣе выслушивалъ ихъ, чѣмъ самъ говорилъ, а если же и вступалъ съ ними въ разговоръ, то выражался въ самомъ благонамѣренномъ тонѣ. Но одинъ тотъ фактъ, что Максимъ принималъ къ себѣ людей, находившихся на дурномъ счету у в. князя, и разсуждалъ съ ними наединѣ, бросалъ тѣнь подозрѣнія и на личность Максима, которая, при тогдашней чисто азіатской подозрительности въ глазахъ его враговъ, имѣла немаловажное значеніе.

Связь Максима съ опальными боярами обнаружилась случайно.

Началось слѣдственное дѣло по преступленіямъ Ивана Берсея и Феодора Жаренаго, гдѣ и открылось участіе въ ихъ положеніи Максима. Весь актъ слѣдственного дѣла о Берсѣ и Жаренѣ не сохранился. До насъ дошелъ отрывокъ только о двухъ засѣданіяхъ суда, происходившихъ въ февралѣ 1525 года. На первомъ допросѣ Берсея отка- зался было отъ тѣхъ словъ, которыми онъ говорилъ Максиму и какія на допросѣ приписывалъ ему послѣдніи. Жареный не от- казался. Въ другомъ засѣданіи, происходившемъ 22 февраля, Берсея подтвердилъ истину показаній на него Максима и тѣмъ еще болѣе подтвердилъ важность своихъ сношеній съ нимъ¹. Теперь стала ясною для всѣхъ и для князя связь Максима съ враждебными ему людьми—политическими преступниками. Максимъ попалъ въ сильное подозрѣніе. Князь пораженъ былъ такимъ открытіемъ и естественно хотѣлъ знать истину. Поэтому онъ посылалъ къ одному изъ подсудимыхъ, къ Феодору Жаренѣ, троїцкаго игумена, чтобы онъ посланному имъ сказать «всю истину на Максима»².

Такимъ образомъ кромѣ тайнаго нерасположенія къ Максиму за противорѣчіе разводу в. князь имѣлъ теперь болѣе серьезныя данныя къ тому, чтобы даже окончательно отдалить его отъ себя и предоставить его его врагамъ. А послѣднихъ насчитывалось очень много. Во главѣ ихъ находился самъ митрополитъ, лично озлобленный противъ Максима: въ нерасположеніи къ Максиму следились и другіе іерархи, вооруженные противъ него его строгими обличеніями ихъ недостатковъ. Противъ Максима была наконецъ цѣлая масса невѣжественныхъ книжниковъ, подозрительно смотрѣвшихъ на его книжныя исправленія. Враги Максима, давно искавшіе случая придратъ къ нему, но скрывавшіе до времени свои намѣренія, зная почетъ и уваженіе, питаемое къ нему в. княземъ, благода- ря противорѣчію в. князю въ разводѣ и еще болѣе подозрѣніямъ

¹ Что дѣйствительно на преступленія Берсея и Жаренаго смотрѣли тогда слишкомъ серьезно, это видно изъ того уже, что оба собесѣдника Максима были казнены (Карамзинъ. VII, примѣч. 335, 79).

² Отрывокъ изъ слѣдственного дѣла объ Иванѣ Берсѣ и Феодорѣ Жаре- номъ находится въ рукописяхъ главнаго Архива Минист. Иностран. Дѣлъ въ Мос- ковѣ, съ которыхъ онъ изданъ въ А. А. Э. т. I. Кромѣ того, въ Московскомъ Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ сохраняются два печатные оттиска этого же акта съ нѣсколькими иными редакціями тѣмъ та, какая находится въ Актахъ Экспедиціи. Въ оттискахъ онъ носитъ названіе: «Слѣдственного дѣла Максима Грека». См. Акты, собранные Малиновскимъ портфель 2-й №№ 56 и 57 А. А. Э. I, № 172, 141—144.

вызваннымъ связью его съ людьми политически неблагонадежными, поняли, что теперь настало для нихъ удобное время для того, чтобы свести наконецъ съ нимъ свои счеты.

Дѣйствительно, не далѣе какъ только чрезъ мѣсяцъ послѣ слѣдствія по дѣлу Берсеня и Жаренаго въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ открылся цѣлый рядъ соборовъ на Максима Грека, происходившихъ то во дворцѣ в. князя, то въ палатахъ митрополита. Самая близость разстоянія времени между полнымъ охлажденіемъ в. князя къ Максиму и его соборнымъ судомъ показываетъ уже связь между этими двумя фактами и свидѣлствуетъ о той ревности, которую обнаруживали враги въ его преслѣдованіи. До насъ сохранилась запись только объ одномъ изъ соборовъ, судившихъ Максима въ 1525 году. Соборъ происходилъ во дворцѣ в. князя и въ его личномъ присутствіи, тутъ же находились два его брата, Юрій и Андрей, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и старцы изъ многихъ монастырей и множество бояръ, князей и воеводъ. Многочисленность и торжественность собора рассчитаны были на важность предмета соборнаго дѣянія и на правдивость и авторитетъ соборнаго приговора и опредѣленій. На соборѣ роль судьи и обвинителя принадлежала митрополиту Данилу и его сподвижнику Досифею, еп. Сарскому и Подонскому. Митрополитъ, какъ предсѣдатель собора, давалъ ходъ и направленіе соборнымъ дѣяніямъ, а Досифей Сарскій являлся въ роли его помощника, секретаря и дѣлопроизводителя. Виновость Максима Грека группировалась около его книжныхъ исправленій, его литературной дѣятельности, посвященной разсужденіямъ о неприличіи монастырямъ владѣть недвижимыми имуществами и соединенной съ обличеніями современной монашеской распущенности, и наконецъ около его нѣкоторыхъ каноническихъ и догматическихъ мнѣній.

Неодобрительные отзывы Максима Грека о состояніи славянскихъ переводовъ церковно-богослужебныхъ книгъ, какія находились въ употребленіи въ русской церкви, невѣжественными людьми понимались какъ страшная еретическая хула на всѣ книги. Изъ отзывовъ Максима ревнители буквы выводили и приписывали ему такія слова, которыя дѣйствительно компрометтировали свѣтскую личность святогорца. Преувеличенная такимъ образомъ мысль Максима о неудовлетворительномъ состояніи русскихъ книгъ и послужила однимъ изъ поводовъ къ его обвиненію. На соборѣ 1525 года протопопъ Аванасій, попъ Василій и протодіаконъ

Иванъ Чушка представили записи, въ которой между прочимъ выставили хулу Максима на всѣ вообще русскія священныя книги. Въ запискѣ докладывалось собору, что Максимъ утверждалъ и высказывался въ такомъ видѣ, что, по его словамъ, будто на Руси нѣтъ ни Евангелія, ни Апостола, ни правилъ, ни уставовъ и т. п. Обвиняемый на очной ставкѣ съ обвинителями отвергъ изводимое на него обвиненіе, и внесъ въ него ту существенную поправку, что онъ дѣйствительно высказывался о неудовлетворительномъ состояніи русскихъ книгъ и говорилъ, что здѣсь на Руси книги неprimы, а иныя книги переводчики перепортили и настолько, что ихъ необходимо переводить снова¹. Несомнѣнно, Максимъ здѣсь говорилъ истину какъ въ томъ отношеніи, что дѣйствительно тогдашніе славянскіе переводы отличались несправностью², такъ равно и въ томъ, что онъ высказывался о нихъ въ такомъ именно видѣ, и вовсе не имѣлъ въ виду порицать разомъ весь полный кругъ употреблявшихся въ русской церкви священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Заявленія Максима, конечно, должны были непріятно подѣйствовать на отцевъ собора, большинство которыхъ проникнуты были большимъ уваженіемъ къ буквѣ писанія и ко всѣмъ установившимся временемъ формамъ и оборотамъ выраженій. Въ словахъ самаго Максима, заявленныхъ имъ на соборѣ по поводу поданной на него записи, они видѣли не болѣе какъ *дерзкую хулу* и одно изъ злыхъ его мудрованій, какъ и не преминулъ заявить объ этомъ м. Данилъ.³

Отъ общаго осужденія въ хулѣ на русскія книги отцы собора переходятъ къ разсмотрѣнію частныхъ отступленій, какія замѣчены были въ книжныхъ исправленіяхъ Максима Грека. Его, напръ обвиняли въ томъ, что онъ написалъ въ своихъ правилахъ: «аще кто наречеть Пречистую Богородицу Дѣву Марію, да будетъ проклятъ». Обвиненіе самое неопредѣленное, изъ него невозможно вывести не только какого нибудь догматическаго или вообще церковнаго отступленія Максима, но даже трудно отыскать логическій смыслъ, такъ какъ оно неправильно выражено по своей грамматической формѣ. При всемъ томъ обвиненіе взято слишкомъ

¹ Прѣіе Данила съ Максимомъ, 13.

² Что это дѣйствительно такъ, это видно изъ сочиненій Максима, ч. I. Изповѣданіе вѣры, 139, ч. III, 60—79.

³ Прѣіе Данила съ Максимомъ, 6.

отрывочно, внѣ всякой связи съ предыдущими и послѣдующими мыслями, и потому судить по нему о какой-нибудь виновности Максима нѣтъ никакихъ основаній. Максима обвиняли въ томъ, что онъ въ русскихъ книгахъ вмѣсто «безстрашно Божество» писалъ и употреблялъ «не страшно Божество», а въ другомъ мѣстѣ «безстрашно Божество». Или еще въ трудахъ Максима по исправленію книгъ находили отступленіе, заслуживающее вниманія по отсутствію въ немъ смысла. Максиму ставили въ вину то, что онъ написалъ въ правилахъ: «яже во истинѣ на то Бога разаряемаго вѣру, и почестъ презираема». При подобныхъ обвиненіяхъ Максимъ Грекъ отвѣчалъ ссылкой на описки писцовъ и вообще на описи всегда и вездѣ и для всякаго возможнаго, а тѣмъ болѣе возможнаго для него, какъ человѣка мало знакомаго съ русскимъ языкомъ. Послѣднія три соборныя обвиненія отличаются своею односторонностію, недостаткомъ логическаго смысла, изъ котораго не возможно вывести ничего положительнаго, тѣмъ болѣе невозможно выдѣлнить какой-нибудь религіозной системы съ еретическимъ колоритомъ. Но для членовъ собора они не казались такими, они въ каждомъ изъ представленныхъ обвиненій видѣли важныя, едва не догматическія отступленія, такъ какъ для нихъ важна была не только мысль того или другаго священнаго источника, но и самая буква его. Тѣмъ съ большимъ правомъ они могли осуждать Максима за неправильное, неграмматическое изложеніе его исправленій, хотя здѣсь они болѣе всего должны были понимать положеніе подсудимаго, какъ человѣка, мало знакомаго съ русскимъ языкомъ и допускавшаго потому безъ всякой религіозной неблагонамѣренности ошибки въ своихъ трудахъ. Отцы собора заботились о количествѣ обвиненій и, не увеличивая ихъ преднамѣренно, находили ихъ въ ошибкахъ, встрѣчавшихся въ книжныхъ исправленіяхъ Максима, причемъ въ полномъ сознаніи и убѣжденіи правоты своихъ обвиненій заявляли о нихъ собору. Личное нерасположеніе отцовъ собора выразилось здѣсь въ томъ, что они вовсе не хотѣли принимать во вниманіе положенія Максима и тѣхъ сторонъ его дѣятельности и его строго православныхъ воззрѣній, гдѣ онъ выступаетъ въ своемъ истинномъ достоинствѣ и съ характеромъ строго православнаго человѣка.

Въ ряду другихъ обвиненій на Максима м. Даниилъ ставить и его проповѣдь о безусловной ипостаской нестяжательности, рассматриваемую въ связи съ обличеніями распущенности современнаго монашества. Замѣчательнъ взглядъ на нее митрополита. По

его мнѣнію, проповѣдь Максима была *длымъ ерстическимъ* мудрованіемъ и хулою на всю русскую церковь. «Ты, Максимъ, говоришь митрополитъ, святія Божія соборныя и Апостольскія церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжаніе, и люди, и доходы, и села имѣютъ, а и въ вашихъ монастырѣхъ во святой горѣ и въ иныхъ мѣстѣхъ въ вашей земли и у церквей и у монастырей села есть¹ да и въ писаніихъ отеческихъ писано велѣно ихъ держати святымъ церквамъ и монастыремъ. Да ты же, Максимъ, продолжалъ митрополитъ, святыхъ чудотворцовъ Петра, и Алексѣя и Іоны митрополитовъ всея Руси и преподобныхъ чудотворцевъ Сергія, и Варлаама, и Кирила, и Пафнутія и Макарія, укоряеши и хулиши, а говоришь такъ: занеже они держали города, и волости, и села, и люди, и судили, и пошрины, и оброки и дани искали, и многое богатство имѣли, ино имъ нельзя быти чудотворцомъ».² Изъ обвинительныхъ словъ м. Данила обращенныхъ къ Максиму видно, что пріемъ защиты владѣльческихъ правъ монастырей у него совершенно тождественъ съ пріемами Іосифа Волоцкаго. Какъ въ свое время Іосифъ въ проповѣди пустынныхъ нестяжателей видѣлъ поруганіе, хулу всего монашества взятаго въ лицѣ самыхъ лучшихъ и великихъ своихъ представителей,³ такъ же точно теперь высказывается и м. Данилъ. И онъ въ проповѣди Максима видитъ не болѣе какъ только «хулу на церковныя уставы и законы и на святія чудотворцы и на святія монастыри».⁴ Нужно сказать, что Данилъ говорилъ здѣсь вполне искренно. Та формулировка обвиненія, какая дана митрополитомъ, строго говоря, слишкомъ преувеличивала вину Максима, и представляла его дѣйствительно вольнодумцемъ и поирателемъ церковныхъ уставовъ, но это преувеличеніе выходило не изъ предосудительнаго намѣренія выдумывать обвиненія, а оно вытекало изъ общаго взгляда на дѣятельность нестяжателей, котораго дер-

¹ Говоря такъ Данилъ изобличаетъ въ себѣ непониманіе отличительныхъ особенностей землевладѣльческихъ правъ русскихъ и греческихъ монастырей. Афонскіе монастыри дѣйствительно имѣли поземельную собственность—поля, виноградники и угодья (Карамзинъ, VIII, примѣч. 587, Дополнительная выписка изъ лѣтописей сего времени), но вовсе не имѣли сего въ смыслѣ населенныхъ мѣстностей. Вассіанъ и Максимъ, какъ уже было видно, разграничивали эти понятія и потому то они оказались совершенно непонятными для противника.

² Прѣніе Данила съ Максимомъ, 6.

³ Пелемич, сочиненія Васіана. Прав. Соб. 1863 г. ч. III. 204, 208.

⁴ Прѣніе м. Данила съ Максимомъ, 4.

жался не одинъ митрополитъ, но вся и современная церковная іерархія, видѣвшая въ порицаніяхъ монастырскихъ недостатковъ хулу всѣхъ церковныхъ уставовъ. Таковъ былъ общій духъ тогдашняго религіознаго консерватизма.

Не одни впрочемъ консерваторы на обличительную проповѣдь Максима смотрѣли какъ на порицаніе всѣхъ русскихъ святыхъ подвижниковъ, допускавшихъ въ своихъ монастыряхъ владѣніе вотчинами. Такъ, ученики Θεодосія Косаго прямо ссылались на сочиненія Максима Грека и приписывали ему точно такое же отношеніе къ древнимъ русскимъ подвижникамъ, въ какомъ Даниилъ обвинялъ Максима на соборѣ 1525 года¹.

На соборѣ 1525 года Максимъ еще судился за то, что онъ оказался защитникомъ интересовъ Константинопольскаго патріарха. Ему не нравилось, что русскіе митрополиты поставляются у себя дома и пользуются политѣйшею независимостію. Максимъ долгое время доискивался благословенной грамоты патріарха, которую будто далъ Константинопольскій патріархъ и на которую русскіе ссылались въ защиту законной независимости своей церкви. Но онъ не доискался грамоты и объяснилъ такое отступленіе отъ древняго обычая поставляться русскимъ митрополитамъ отъ Константинопольскаго патріарха гордостью представителей русской церкви; а самый фактъ поставленія — самочиніемъ и безчиніемъ. Выходя изъ своего взгляда на отношеніе русской церкви къ Константинопольскому патріарху Максимъ отрицалъ право русской церкви, какъ самостоятельной, анатематствовать еретиковъ². Исслѣдованіе Максимомъ вопроса о каноническихъ основаніяхъ автокефальности русской церкви тѣмъ болѣе для него представлялось важнымъ, что для него, какъ грека, казалось очень обиднымъ подозрительное отношеніе русскихъ къ православію подпавшей подъ власть Турокъ Константинопольской церкви, что ясно выражалось ими во внесеніи въ архіерейскую присягу обѣщанія не принимать поставленія отъ Константинопольскаго патріарха и постав-

¹ Зинովій Огевскій, Истинны показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи Казань, 1863 г., 908; сравн. слова Даниила, сказанныя Максиму. (Прѣніе его съ Максимомъ, 6). Съ другой стороны сравн. слова учениковъ Косаго (Истинны показаніе, 913—914) съ словами Максима Грека (Сочин. Макс. ч. III, 202—205).

² Прѣніе Даниила съ Макс., 5. 15.

ленного отъ него. Въ этомъ обстоятельствѣ Максимъ видѣлъ обиду для своей церкви и писать въ защиту ея¹. Максимъ на соборѣ 1525 года вполне подтвердилъ изводимое на него обвиненіе. Какъ грекъ, онъ свое мнѣніе считалъ самымъ законнымъ, такъ какъ онъ не находилъ актовъ, канонически утверждающихъ самостоятельное существованіе русской церкви; да оно съ строго канонической точки зрѣнія и въ положеніи Максима должно было быть признано такимъ; но настаивая на немъ, онъ тѣмъ самымъ задѣвалъ непосредственно личность самаго митрополита и всю церковную русскую іерархію. Мало того, даже въ глазахъ свѣтской власти, вовсе не сочувствовавшей онекъ цареградской іерархіи, и болѣе всего содѣйствовавшей освобожденію русской церкви изъ подъ зависимости Константинопольскаго патріарха, — до того, что сама самостоятельность русской церкви есть дѣло и слѣдствіе болѣе политическихъ причинъ, чѣмъ церковныхъ, его мнѣніе могло быть признано подозрительнымъ. Съ другой стороны, и русскіе іерархи, помимо непріятнаго для нихъ изслѣдованія Максимомъ, чело-
вѣкомъ принятымъ, о законности ихъ іерархическихъ правъ, имѣли законныя каноническія основанія, которыми утверждалась самостоятельность русской церкви, а потому еще болѣе могли вооружаться противъ Максима. Извѣстно, что освобожденіе русской церкви отъ зависимости Константинопольской совершилось съ строгимъ соблюденіемъ церковныхъ правилъ. Константинопольскій патріархъ предоставилъ русской церкви полную независимость и подтвердилъ ее особою грамотою².

Догматическимъ заблужденіемъ Максима Грека на соборѣ 1525 года было выставлено его ученіе о Христѣ, что снѣніе Его одесную Отца есть мимолетное, минувшее, а не вѣчное. Ученіе дѣйствительно еретическое, такъ какъ по взгляду православной церкви, которая признаетъ Сына Божія единосущнымъ и сопрестольнымъ Богу Отцу, снѣніе Христа одесную Отца принимается не временное, минувшее, а вѣчное, безконечное. Происхожденіе такого страннаго ученія, какое проводилъ Максимъ, связано съ его книжными исправленіями. Онъ, дѣлая поправки въ славянскихъ книгахъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ нихъ находилось вы-

¹ Сочин. Макс. ч. III, стр. 154—156.

² Т. Баревъ, Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію, СПб. 1878 г., 569—573.

раженіе: «Христосъ взыде на небеса и сѣде одесную Отца», или «сѣдый одесную Отца», уничтожалъ ихъ и замѣнялъ словами: «сѣдѣвъ одесную Отца, сѣдѣвшаго одесную Отца», а въ другомъ мѣстѣ: «сидѣвъ одесную Отца». Максимъ и на соборѣ подтвердилъ и призналъ истиннымъ свое ученіе и сдѣланныя имъ поправки. Объясненіе происхожденія ученія Максима о минувшемъ сѣдѣніи Иисуса Христа одесную Отца и настойчивости, которую онъ обнаружилъ на судившихъ его за ложность этого ученія соборахъ, нужно искать не въ еретичествѣ Максима, котораго не существовало на самомъ дѣлѣ, а въ маломъ знакомствѣ его съ русскимъ языкомъ. Онъ еще не освоился съ духомъ и особенностями русскаго языка и, понимая мѣста и слова по своему, онъ такъ настойчивъ былъ на соборѣ 1525 года. Для него казалось напротивъ еретичествомъ отрицаніе того ученія, въ которомъ его обличали какъ въ ереси. И на соборѣ 1531 года Максимъ на обвиненіе его въ еретическомъ ученіи о минувшемъ сидѣніи Иисуса Христа одесную Бога Отца въ полномъ сознаніи истинности своего мнѣнія снова подтвердилъ его. Причемъ замѣчательно то, что онъ на обоихъ соборахъ (1525 и 1531 г.) извѣстное свое заявленіе сопровождалъ замѣчаніемъ, что «въ томъ разнствіи инкотораго нѣтъ»¹, то есть по его словамъ выходило, что нѣтъ никакого различія между истинно православнымъ ученіемъ о предвѣчномъ сидѣніи Иисуса Христа одесную Бога Отца и его собственнымъ мнѣніемъ. Конечно, это одно ясно давало понимать истинныя причины мнимаго еретичества Максима. Но отцы собора не хотѣли брать во вниманіе оправдывающихъ подсудимаго обстоятельствъ. Только уже двоекратный соборный судъ за извѣстное ученіе заставилъ Максима глубже вникнуть въ смыслъ сдѣланныхъ имъ поправокъ и тогда только онъ понялъ ошибочность своего мнѣнія. Онъ въ своемъ исповѣданіи вѣры и постарался исправить и объяснить происхожденіе своего невольнаго заблужденія². Дѣйствительно

¹ Прѣисе м. Данила съ Максимомъ, 12, 1.

² Онъ объясняетъ это ошибкою и «негнѣпотнымъ презрѣніемъ», данныхъ ему толмачей «понеже азъ, продолжаеъ оу, многа не вѣдахъ различіе словесныхъ реченій, аще бы вѣдахъ бы, никакъ же бы замолчалъ, но вселю исправилъ быхъ такову негнѣпотную опись. Которая бы полза мнѣ отъ сихъ черныхъ рубищъ и молитвъ плоческаго жителства и многолѣтнихъ сихъ скорбій моихъ, аще обрисуеа худя на Господа и Бога и Спаса моего Иисуса Христа, панъже уповахъ отъ младыхъ ногтей?» (Соч. Макс. ч. I, 34; срви. ч. III, слова IX—X, 60—92).

невозможно допустить, чтобы Максимъ въ самомъ дѣлѣ раздѣлялъ еретическую мысль о минувшемъ сѣдѣніи Сына Божія одесную Бога Отца. Она находится внѣ всякой связи съ другими его догматическими понятіями, и, рассматриваемая съ логической точки зрѣнія, вовсе не гармонируетъ съ ними.

При началѣ разбирательства на соборѣ дѣла о еретичествѣ Максима митрополитъ велѣлъ спросить его Досифеею еп. Сарскому объ извѣстномъ его неправильномъ мнѣніи о минувшемъ сѣдѣніи Иисуса Христа одесную Бога Отца. Подсудимый подтвердилъ свою ошибочную мысль. Тогда по приказанію митрополита Данила Досифеей начинается читать Максиму «свидѣтельство отъ Божественныхъ писаній». Здѣсь приводятся обширныя изреченія изъ Евангелія, изъ посланій апостольскихъ, свидѣтельства:—св. Василия Великаго, Григорія Богослова, Златоуста, изъ Символа Вѣры, «иныхъ книгъ»¹, Іоанна Дамаскина, Ефрема Сирина, Аванасія Великаго, изъ Псаломѣвца². Обширный и многочисленный и разнообразный составъ и подборъ свидѣтельствъ говорятъ противъ ихъ случайнаго происхожденія, составленнаго будто бы только на соборѣ имъ прелъ самымъ началомъ собора.—Несомнѣнно Данилъ за нѣсколько времени ранѣе подготавливалъ ударъ своему противнику и съ этою цѣлю или самъ или кто-либо другой по его порученію, приготовилъ цѣлый догматическій трактатъ противъ невольнаго, если только, такъ можно выразиться, еретичества Максима.

Изъ обзрѣнія обвинительныхъ пунктовъ, выставленныхъ противъ Максима на соборѣ 1525 года видно, что обвиненія противъ него не выдумывались, а напротивъ въ основѣ ихъ находилась извѣстная доля истины. Пристрастіе соборныхъ судей выразилось въ томъ, что они собирая пункты обвиненій намѣренно игнориро-

¹ Подъ сѣмъ именемъ приведенъ небольшой отрывокъ изъ пѣсни «слава въ вышнихъ Богу».

² Соборный судъ надъ Максимомъ (1525 г.) находится въ началѣ «прѣсія м. Данила съ Максимомъ» и составляетъ самостоятельное цѣлое по отношенію къ послѣднему. Прѣсія м. Данила съ инокомъ Максимомъ содержится въ рукописи Импер. Публ. Библіот. изъ древнехранилища Погодина № 1597, л. 26—61. съ нею «прѣсія» издавно въ Чт. Общ. Истор. и Ар. Росс. 1847 г. № 7, отд. II. Одинъ изъ списковъ прѣсія м. Данила съ Максимомъ имѣется въ рукописи библіотеки Худова № 75 л. 775—788. Другой списокъ извѣстенъ мнѣ по рукописи графа А. С. Уварова, рукоп. въ 4 д., № 831.

вали всё оправдывающія или извиняющія подсудимаго обстоятельства.

Соборный судъ надъ Максимомъ окончился суровымъ приговоромъ по отношенію къ подсудимому. Великій князь, враждебно настроенный по отношенію къ Максиму, вовсе не хотѣлъ смягчать приговора суда, онъ даже вполне былъ солидаренъ здѣсь съ отцами собора справедливо расчитывая такимъ путемъ подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ избавить себя отъ противника своего развода. По приговору собора Максимъ посланъ былъ въ заточеніе въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь и тамъ заключенъ въ темницу «обращенія ради и покаянія и исправленія» съ строгимъ запрещеніемъ никого ничему не учить, ничего не писать, и не сочинять, ни къ кому не посылать и ни отъ кого не получать посланій. Воспрещеніе писать одно изъ главныхъ и необходимыхъ условій заключенія Максима, потому что этимъ путемъ митрополитъ и епископы надѣялись избавиться отъ дальнѣйшихъ обличеній строгаго и бойкаго на слово святогорца. Въ Волоколамскомъ монастырѣ къ Максиму приставлены были два инока: Тихонъ Ленковъ, въ качествѣ надзирателя за заключеннымъ, и священноинокъ Іона—въ качествѣ его духовника¹. Выборъ мѣста для заключенія Максима Грека доказываетъ, что въ немъ участвовала непосредственно воля митрополита Данила. Никто такъ хорошо не зналъ духа и характера Волоколамскихъ иноковъ, какъ онъ, никому такъ хорошо не были извѣстны всѣ условія жизни Волоколамской обители, какъ опять ему. Можно идти далѣе. Даже самыя лица, которымъ поручено было наблюденіе надъ Максимомъ, могли быть указаны самимъ Даниломъ и ранѣе того были лично ему извѣстны за такихъ людей, на которыхъ всегда въ извѣстныхъ случаяхъ можно положиться. Какъ выборъ мѣста, такъ равно и лицъ, которымъ поручалось наблюденіе надъ Максимомъ, оказались удачными и вполне отвѣчавшими возлагавшимся на нихъ ожиданіямъ. Находясь въ Волоколамской темницѣ Максимъ выносилъ ужасныя страданія: его мучили голодомъ, дымомъ, морозомъ и другими различными «озлобленіями и томленіями», и все это дѣлалось въ такой сильной степени, что онъ иногда дѣлался какъ бы мертвымъ². И нравственное положеніе Максима было невыносимо.

¹ Прѣвіе м. Данила съ Максимомъ, 4. 6.

² Соч. Максима, ч. II, Посланіе къ митрополиту Макарію, 365. Сказаніе о

Приставленные къ нему старцы слѣдили за каждымъ его шагомъ, напоминали все то, что онъ говорилъ имъ, или кому либо другому въ ихъ присутствіи, и впоследствии явились въ числѣ его первыхъ обвинителей. Около шести лѣтъ провелъ Максимъ въ заключеніи въ Волоколамскомъ монастырѣ, пока новыя обстоятельства не вызвали его на новый соборный судъ. За это время случился такого рода событія, которыя еще болѣе скомпрометировали Максима Грека.

Около 1520—1521 года Максимъ перевелъ житіе Пресвятой Богородицы, составленное Метафрастомъ, и въ немъ, по малому знакомству съ русскою рѣчью, допустилъ вполнѣ еретическую мысль. Въ одномъ мѣстѣ онъ допустилъ выраженіе, что Іосифъ «по совѣщанію іереевъ обручаетъ себѣ отроковицу, *собоупаснѣи же до обрученія бѣ*»¹. Переводъ слѣланъ былъ Максимомъ при содѣйствіи старца Сильвана, а другой сотрудникъ Максима, Михаилъ Медоварцевъ, слѣмалъ для себя списокъ съ переведеннаго житія Пр. Богородицы. Выразеніе переводчика, содержащее въ себѣ вполнѣ еретическую мысль, сильно смущало какъ Сильвана, такъ и Медоварцева, которые, какъ природныя русскіе, понимали его неправильный смыслъ. Свои сомнѣнія Сильванъ и Медоварцевъ много разъ повѣряли Максиму и Вассіану, но всегда получали отъ нихъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что извѣстное выраженіе перевода вполнѣ правильное. И другіе сотрудники Вассіана и Максима соблазнились хульнымъ еретическимъ выраженіемъ. Одинъ инокъ, Вассіанъ Рушанинъ, проживавъ нѣкоторое время въ келіи Вассіана (въ Чудовѣ монастырѣ) въ качествѣ справщика и переносчика книгъ, обращался за разъясненіемъ своего недоумѣнія, вызваннаго неправильнымъ выраженіемъ перевода, къ Вассіану, а этотъ послѣдній, считая себя лицомъ некомпетентнымъ, послалъ за Максимомъ и послѣ взаимнаго совѣщанія оба они опять подтвердили правильность перевода. Рушанинъ обращался послѣ того и къ одному Максиму, но и тутъ получилъ отъ него одинъ и тотъ же

Максимъ Грекъ въ рукописи Москов. Синод. библ. Горскій и Невоструевъ. Описаніе рукоп. Москов. Синод. библ. отд. II, кн. 2, 578—581. Курбскій, Сказанія, 39—40, по 2 изд. Востоковъ. Описаніе Румянц. Музея, 242—243. Описаніе рукоп. Соловецк. биб. Прилож. къ Прав. Соб. 1878 г. апрѣль, 163—164. Рукоп. цуца Хлудова въ Москвѣ № 60, л. 29—30

¹ Прѣніе Данила съ Максимомъ, 8.

отвѣтъ. Наконецъ, Румяницъ обращался за разъясненіемъ къ Сильвану и Медоварцеву, которые, ссылаясь на авторитетъ Максима и Вассіана, высказались за правильность перевода. Еретическая строка, попавшая въ переводъ Метафрастова житія Пр. Богородицы, вызвала толки по Москвѣ, которые дошли и до князя Вассіана. Онъ между прочимъ сообщилъ о ходившихъ толкахъ Медоварцеву, замѣтивъ, что о «тѣхъ строкахъ» уже говорятъ. Сообразительный Медоварцевъ тотчасъ же исправлялъ переводъ, замѣнивъ слово совокупленіе—совѣщаніемъ. Между тѣмъ о еретическихъ строкахъ перевода суждено было узнать и вдали отъ Москвы. Вассіанъ Румяницъ, попавшій потомъ въ Новгородъ, разсказалъ о нихъ архіеп. Макарію, равно какъ и о тѣхъ отвѣтахъ, какіе онъ всегда получалъ по поводу ихъ отъ князя Вассіана и Максима. Макарій послалъ обо всемъ этомъ грамоту къ митрополиту, которая и вызвала одинъ изъ обвинительныхъ пунктовъ на Вассіана и Максима¹.

Извѣстно уже какъ тяжело было во всѣхъ отношеніяхъ заключеніе Максима Грека въ Волоколамскомъ монастырѣ. Убѣжденіе въ своей невинности естественно вызывало Максима на разсужденія о несправедливости къ нему соборнаго рѣшенія. Несправедливость надъ нимъ суда послужила для него основаніемъ, по которому онъ не считалъ для себя нравственно обязательными и его рѣшенія. — Поэтому онъ неоднократно говорилъ о себѣ въ кругу своихъ надзирателей, что онъ совершенно правъ и вовсе не имѣетъ за собою никакой такой вины, за которую бы его нужно было держать въ заключеніи. При этомъ Максимъ ссылался и на свое просвѣщеніе. «Учился есмь философству и прилодить ми гордость», такія слова между прочимъ въслѣдствіи вливали въ уста Максима его недруги. — Смыслъ словъ Максима понятенъ. Его просвѣщенный умъ справедливо возмущался тою невѣжественною средою, которая не только не хотѣла понять и оцѣнить его по достоинству, но даже засудила его, какъ еретика. Поведеніе Максима въ Волоколамскомъ монастырѣ двойнѣ оскорбляло митрополита Данила. Прежде всего сознаніе и распространеніе Максимомъ мысли о своей правотѣ и невинности подрывало компетент-

¹ Пріи́е и. Дани́ла съ Максимомъ, 7—9. — Пріи́е Дани́ла съ старцемъ Вассіаномъ, 9.

ность собора его осудившаго, и значить тѣмъ самымъ и характеризовало его председателя и главнаго судію, митрополита, какъ человѣка несправедливаго. А это въ глазахъ самолюбиваго Данила имѣло немаловажное значеніе. Съ другой стороны, и что важнѣе всего, Максимъ ссылался на свое просвѣщеніе и ученость какъ одно изъ доказательствъ своей правдивости и компетентности, что враги его прямо понимали какъ укоръ себѣ. Такъ по крайней мѣрѣ понималъ Максима митр. Данилъ. «Ты, Максимъ, такъ говорилъ митрополитъ на соборѣ 1531 года, *самъ себя оправдываешь вездѣ, и возносишь, и хвалишь и не сказываешь на себя ни единого грѣха и вины отъ чрева матери своей...* Хвалишиися еллинскими и жидовскими мудрованіями, волшебными хитростями и чернокнижными волхвованіями, то все есть отвержено христіанскаго закона и житія, и не лѣпо есть христіаномъ въ то себе вдати мудрованіе».

Заключеніе Максима въ Волоколамскомъ монастырѣ было до крайности тяжело. Физическія страданія, невозможность работать умственно, постоянно испытываемыя нравственные мученія, безысходность будущаго, повергали Максима въ умственное разстройство. Выпадали минуты, когда онъ доходилъ до потери сознанія, а еще чаще находился въ полусознательномъ состояніи. Понятно отсюда, что, находясь въ одномъ изъ подобныхъ возбужденныхъ, аффективныхъ состояній, онъ могъ допускать такіа дѣйствія, и высказывать такіа разсужденія и мысли, которыя для ревностныхъ іосифлянъ, служившихъ при немъ приставниками, могли показаться очень подозрительными. Достаточно указать на одно писаніе Максимомъ углемъ на стѣнѣ, чтобы вызываемая нѣкоторыми его дѣйствіями подозрѣніи выросли въ сознанія іосифлянъ въ настоящіе факты. Ревность іосифлянъ, ихъ подозрительность и малокнижность сдѣлали то, что благодаря имъ Максимъ обратился въ настоящаго волхва. Дѣйствительно, они на новомъ соборѣ противъ Максима явились обвинителями его и съ ихъ словъ митрополитъ осуждалъ Максима и за то, что онъ волшебными хитростями еллинскими писалъ водками на дланѣхъ своихъ, и распростиралъ длани свои противъ великаго князя, также и противъ иныхъ многихъ поставлялъ волхвуя¹. Вѣра въ силу волшебства тогда была

¹ Прѣіе м. Данила съ Максимомъ, 3.—6.

всеобщая, ее несомнѣнно раздѣляя и самъ митр. Даниилъ. Поэтому нѣкоторыя не болѣе какъ загадочныя, но уже никакъ не волшебныя, дѣйствія Максима Грека, какъ личнаго врага митрополита, въ глазахъ Даниила основательно могли быть признаваемы направленными и противъ его собственной личности. Издѣсь митрополита сильно затрогивало враждебное къ нему, какъ онъ самъ толковалъ, отношеніе Максима, достаточное для того, чтобы потребовать отъ него объясненій.

Находилась еще одна сторона въ поведеніи Максима, которая сильно оскорбляла Даниила. По опредѣленію собора 1525 года, Максимъ не долженъ былъ ничего писать. Волоколамскіе иноки, его приставники, на этомъ основаніи не давали Максиму ни чернилъ, ни бумаги. Однимъ словомъ, они отнимали у него всякую возможность писать. Умственное бездѣйствіе несомнѣнно ужасно мучило Максима, и подъ тяжестью его онъ для того, чтобы занять себя за отсутствіемъ другихъ средствъ и возможности обращался напр. къ тому, что писалъ углемъ на стѣнѣ. Такимъ именно способомъ онъ написалъ на стѣнѣ своей кельи акафистъ Параклиту¹, т. е. св. Духу. Но, вѣроятно, надзоръ за Максимомъ не отличался одинаковою систематическою бдительностію, и онъ улачивалъ время, когда находилъ возможность и средства къ тому, чтобы писать посланія. Темой посланій Максима кромѣ собственнаго оправданія служили обвиненія недостатковъ современнаго богатаго монашества и церковной іерархіи, болѣе рѣзкій, чѣмъ какимъ былъ до сихъ поръ, тонъ которыхъ живо затрогивалъ какъ митрополита, такъ и другихъ іерарховъ церкви.

Такимъ образомъ все вообще поведеніе Максима Грека въ Волоколамскомъ монастырѣ понималось его врагами какъ вызовъ. Поэтому нуженъ былъ только поводъ для того, чтобы снова потребовать Максима на судъ. Поводъ представился въ видѣ политическаго дѣла.

Связь Максима Грека съ турецкимъ посломъ Скиндеромъ несомнѣнно существовала, хотя нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія того, на сколько она имѣла преступный видъ. Она началась съ самаго появленія турецкаго посла въ Москвѣ. Вооруживъ противъ себя своею прямою, выражавшеюся въ обвиненіяхъ

¹ Описаніе Рукоп. Синод. биб. отд. II, кн. 2, 578—581.

недостатковъ современнаго правительства, гдѣ онъ не щадилъ и личности самого князя, и еще болѣе своимъ противорѣчіемъ разводу, Максимъ своими отношеніями къ враждебно расположенному къ Россіи турецкому послу бросалъ теперь тѣнь подозрѣнія и на свою политическую добросовѣстность. Максимъ самъ передаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, что нѣкоторые изъ его русскихъ современниковъ называли его измѣнникомъ и врагомъ государства¹. Судя по ходу дѣла Максимъ еще въ 1525 году могъ бы подвергнуться суду за свои связи съ турецкимъ посломъ; но этого тогда не сдѣлали, потому что опасались скомпрометтировать себя предъ находящимся тогда въ Москвѣ турецкимъ посломъ. Но въ 1530 году Скиндеръ умеръ въ Москвѣ² и для великаго князя такимъ образомъ открылась полная возможность напомнить Максиму Греку и другія прежнія его вины. Самая близость разстоянія между временемъ смерти Скиндера и новымъ судомъ надъ Максимомъ (1530—1531) можетъ вести къ предположенію, что между этими двумя событіями находится нѣкоторая связь.

Такимъ образомъ, поведение Максима Грека въ Волоколамскомъ монастырѣ, раздражавшее митрополита и всю іерархію, вновь обнаружившіяся ошибки въ нѣкоторыхъ переводахъ и наконецъ издавна существовавшее подозрѣніе въ политической неблагонадежности и нерасположенности къ великому князю, снова вызвали его на новый соборный судъ. Только теперь онъ уже являлся изъ судъ не одинъ, а вмѣстѣ съ Вассіаномъ Косымъ.

На соборѣ 1531 года обвинителемъ и главнымъ судьей былъ все тотъ же митрополитъ Даниилъ: онъ самъ непосредственно велъ дѣло состязанія. Даниилу помогали по прежнему Досифей, еп. Крутицкій, своими вопросами, какіе онъ давалъ подсудимому по указанію предсѣдателя. Вины Максима Грека на соборѣ 1531 года формулированы были въ слѣдующемъ видѣ: «онъ покаянія и исправленія не показываше, и неповинна себе во всемъ глаголаше, и отреченная мудрствоваше, и посланія писаше»—и въ этихъ дѣйствіяхъ Максима видѣли его «необратный нравъ». Несмотря на множество перечисленныхъ здѣсь обвиненій судебное разбирательство началось не съ нихъ, какъ бы слѣдовало ожидать, а съ дѣла чисто политическаго.

¹ Сочин. Максима, ч. I, 34—35.

² Карамзинъ, VII, примѣч. 298.

Митрополитъ Данилъ прежде всего укорялъ Максима Грека и другого грека Савву въ неблагодарности къ великому князю, которая выразилась въ томъ, что они находились въ близких сношеніяхъ съ турецкими послами, посылали грамоты къ турецкимъ пашамъ и самому турецкому султану, обвиняли князя въ трусости, а Максимъ кромѣ того называлъ его гонителемъ и мучителемъ нечестивымъ. Судебный актъ не сохранилъ для насъ отвѣговъ Максима, какіе онъ давалъ на такія важныя обвиненія. Нельзя сказать, чтобы взводимыя на Максима обвиненія составляли вполнѣ выдумку его враговъ. Обвиненіе Максима въ томъ, что онъ называлъ в. князя гонителемъ, справедливо до нѣкоторой степени и въ томъ смыслѣ, что онъ въ своихъ обвиненіяхъ современнаго русскаго управленія дѣйствительно не щадилъ гдѣ было нужно и личности князя. Съ своей точки зрѣнія Максимъ считалъ себя вполнѣ правымъ, но для великаго князя это было сильнымъ оскорбленіемъ, а для его главнаго врага—митрополита прекраснѣйшимъ предлогомъ показать наконецъ надъ нимъ, ничтожнымъ инокомъ, свою силу и могущество. Трудно выдѣлать истину въ обвиненіи, касающемся его отношеній къ турецкому послу. Можно констатировать связь Максима съ турецкими послами, а дагѣ возможно только гадать и возвращаться въ области однихъ предположеній. Но такъ какъ по смерти турецкаго посла въ его бумагахъ найдены были нѣкоторые документы, которые сильно компрометтировали его въ глазахъ в. князя¹, то, имѣя въ виду обвиненіе Максима въ посылкѣ грамотъ въ Турцію, можно предположить, что между документами турецкаго посла находились и такіе, которые касались непосредственно и Максима Грека.

Строго говоря, судъ надъ Максимомъ 1531 года по дѣлу политическаго характера, съ каковыми являются вышеприведенные обвинительные пункты, не входитъ по своему существу въ сферу дѣйствій духовнаго собора. Такъ смотрѣли люди нравственно либеральнаго направленія и духовнаго пониманія религіи—заволажцы. Но въ глазахъ м. Данила, который постоянно смѣшивалъ и отождествлялъ мірскія интересы съ интересами церковными и расширялъ послѣднія до подавленія ими первыхъ, положеніе его, какъ судьи по государственному преступленію, представлялось дѣломъ вполнѣ естественнымъ и нормальнымъ.

¹ Соловьевъ. Исторія Россіи, V, 403, изд. 3. М. 1864 г.

Самыя главныя обвиненія противъ Максима Грека на соборѣ 1531 года послужили его переводъ житія Пресв. Богородицы, о нецсправностяхъ котораго митрополита увѣдомиль новгородскій архіепископъ Макарій. Обвиненіе сводилось къ извѣстному выраженію, содержащему въ себѣ дѣйствительно еретическую мысль. На соборѣ Даниилъ поставилъ Максиму вопросъ о томъ, переводилъ ли онъ житіе Божіей Матери, сочиненія Метафраста? Максимъ далъ утвердительный отвѣтъ. Но когда тутъ же прочитаны были еретическія строки изъ перевода житія, Максимъ самъ призналъ ихъ еретическими, назвавъ ихъ жидовскою ересью, и заявилъ, что онъ такъ не переводилъ. Такое заявленіе Максима подало поводъ митрополиту высказать ему одинъ изъ важныхъ обвинительныхъ пунктовъ. «Преже сего еси говорилъ, такъ рассуждалъ митрополитъ на соборѣ, что слово о Пречистой Богородицѣ *истинно исправлено*, а какъ услышалъ, что пошло на тебя взысканіе, и строку есми ту тебѣ прочли твоего переводу и мудрованія и ты уже обличенъ еси, говоришь нынѣ о той строкѣ, что ересь жидовская, а ты такъ не переводилъ, и не писалъ»... И дѣйствительно, улики противъ Максима были очевидны. Противъ него говорилъ самый списокъ житія, по которому дѣло разбиралось на соборѣ. Вассіанъ сдѣланный съ оригинала Максимова перевода списокъ житія вмѣстѣ съ своими правилами поднесъ в. князю. Митрополитъ требовалъ отъ в. князя житіе на соборъ, въ которомъ дѣйствительно находилось извѣстное еретическое выраженіе. Потомъ противъ Максима свидѣтельствовали Медоварцевъ и Вассіанъ Рушанинъ, подробности показаній которыхъ на столько послѣдовательны, что итти никакой нужды подвергать сомнѣнію ихъ достовѣрность. Несмотря на всѣ улики Максимъ и присутствовавшій здѣсь также князь Вассіанъ вполне отвергли показанія своихъ переписчиковъ и помощниковъ. Трудно выяснитъ здѣсь степень виновности Максима. Прежде всего непонятна та настойчивость, съ которою Максимъ и Вассіанъ подтверждали долгое время правильность перевода противъ частыхъ возраженій и докладовъ своихъ помощниковъ. Положеніе Максима въ этомъ дѣлѣ нѣсколько яснѣе чѣмъ Вассіана. Дѣло въ томъ, что Максимъ переводилъ житіе за десять (1520—1521) лѣтъ до суда, тогда, когда онъ мало знакомъ былъ съ русскимъ языкомъ. Значитъ допустить ошибку въ его положеніи не представляется ничего удивительнаго. А что дѣйствительно это была ошибка, а не сознательная погрѣшность Максима, это видно изъ его заявленій на соборѣ 1531 года, когда онъ тот-

часть же, по прочтении ему известной строки, самъ называлъ ее еретическою. Въ упрямствѣ Вассіана, въ его стойкости за правильность перевода, никакъ нельзя видѣть задней, коварной мысли его воспользоваться авторитетомъ Максима для оправданія своихъ догматическихъ воззрѣній, съ которыми, нужно замѣтить, вовсе не гармонировала и даже діаметрально расходилась еретическая мысль Максимова перевода, да это противорѣчило бы тѣмъ нравственнымъ близкимъ, искренне дружескимъ отношеніямъ, какія всегда существовали между тѣмъ и другимъ. Наконецъ, подобная мысль вовсе не соответствуетъ историческимъ фактамъ. Когда Вассіанъ Рупанинъ обратился за разъясненіемъ по поводу хульной строки къ князю Вассіану, то послѣдній прямо сказалъ ему: «азъ того не знаю», и тотчасъ же послалъ за Максимомъ, послѣ совѣщанія съ которымъ они оба засвидѣтельствовали истинность перевода. Для объясненія этого обстоятельства скорѣе всего нужно допустить нѣкоторое недоразумѣніе между Вассіаномъ и Максимомъ во время ихъ совѣщанія по поводу известной строки перевода,—недоразумѣніе, понимаемое не въ смыслѣ разногласія, а какъ только взаимное непониманіе одного другимъ.

Еще Максима обвиняли въ томъ, что онъ загладилъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ слова ап. Филиппа каженнику и отвѣгъ на нихъ послѣдняго (VIII, 37), а также большой отпустъ, употребившійся въ Троицкую вечерню, а загладить его — это, по понятіямъ митрополита Данила, значило — загладить «догматъ премудрый» и др. Послѣднее выраженіе Данила изобличаетъ въ немъ отсутствіе яснаго разграниченія между понятіями догмата и обряда, отчего онъ и на молитвы и славословія, находящіяся въ богослужебныхъ книгахъ, смотрѣлъ какъ на памятники символическіе. Въ большинствѣ случаевъ Максимъ Грекъ отстранялъ отъ себя отвѣтственность за заглаживанія, слагая вину на переписчиковъ, и особенно на Медоварцева ¹. Трудно повѣрить, чтобы дѣйствительно всѣ зачеркиванія происходили отъ каприза переписчиковъ. Это по своимъ воззрѣніямъ были по большей части такого рода люди, которые даже при руководствѣ и указаніяхъ известныхъ авторитетовъ страшились зачеркивать, и если тѣмъ не менѣе дѣлали это, то съ «великою дрожью».

¹ Прѣисіе м. Данила съ Максимомъ, 7—13. Прѣисіе м. Данила съ Вассіаномъ, 9.

Объясненія поведенія Максима Грека на соборѣ 1531 года года нужно искать въ его собственномъ тяжеломъ положеніи. Шестилѣтнее жестокое заключеніе положило тяжелый отпечатокъ и на всемъ умственномъ и нравственномъ складѣ его характера. Оно же отняло у него не мало и физическихъ силъ. Томясь въ заключеніи Максимъ, конечно, много задумывался надъ своимъ положеніемъ, и разсматривалъ его болѣе и болѣе всесторонне. Тутъ онъ ближе понялъ и уяснилъ себѣ то общество, которое его окружало, и тѣхъ людей, которые сдѣлались орудіемъ его незаслуженнаго несчастія. Онъ увидѣлъ теперь, что его не оцѣнили, его не понимали и даже вовсе не хотѣли и не старались понимать. Книжныя исправленія,—за что болѣе всего онъ пострадалъ, дали понять ему скорѣе всего, что онъ имѣетъ здѣсь дѣло не съ равнымъ себѣ по просвѣщенію и понятіямъ обществомъ. И потому теперь онъ убѣдился, что доказывать истинность своихъ исправленій научнымъ образомъ, путемъ ссылокъ на греческіе подлинники совершенно безцѣльно. Между его судьями не находилось ни одного, который былъ бы сколько-нибудь способенъ къ такого рода дѣятельности, а нѣкоторые изъ нихъ, и во главѣ ихъ митрополитъ, замѣшанные въ личныхъ счетахъ съ нимъ, не только не были способны къ критическому изученію трудовъ Максима, они подозрительно смотрѣли почти на каждое измѣненіе въ установившейся церковной нормѣ, какъ на нарушеніе святыни и для нихъ вовсе не имѣли силы и убѣдительности доводы ученаго грека. Поэтому-то на второмъ соборѣ, 1531 года, Максимъ усвоилъ себѣ особый приемъ защиты: онъ мало ссылался на ученые доводы, — на греческіе подлинники, а въ большинствѣ случаевъ ограничивался заявленіемъ, что приписываемыя ему ошибки суть дѣло не его, а переписчиковъ. Этимъ путемъ онъ, измученный нравственно и физически продолжительнымъ заключеніемъ, рассчитывалъ смягчить готовившійся ему приговоръ соборнаго суда. Очевидно Максимъ Грекъ во время собора 1531 года сильно упалъ духомъ. Подъ конецъ соборнаго суда онъ созналъ себя виновнымъ въ «нѣкихъ малыхъ описяхъ», происшедшихъ вовсе не отъ ереси или лукавства, а случайно, или по забвенію, или по скорби, или наконецъ по излишнему винопитію. Для большаго воздѣйствія на отцовъ собора, Максимъ въ сознаніи своихъ ошибокъ и погрѣшностей, трижды повергался ницъ предъ соборомъ, прося себѣ прощенія, или по крайней мѣрѣ, снисхожденія. Но напрасно унижался Максимъ. Гордый и мстительный митрополитъ, отъ ко-

торого главнымъ образомъ и завистѣла его участь, не хотѣлъ довольствоваться крайнимъ униженіемъ своего врага, а тѣмъ болѣе входить въ его жалкое положеніе. Униженіе Максима только поддало Даниилу случай къ тому, чтобы открыто излить на него свой гнѣвъ. Убѣжденіе въ полной беззащитности святогорца, удовлетворяемое теперь самолюбіе митрополита, сознаніе своего могущества и силы надъ врагомъ, лишили его на нѣкоторое время способности самообладанія. «Достымота тебе, окаянне, тръси твою, о немъ же отречаѣя превести ми священную кжиу блаженнаго *Теодорита*», съ негодованіемъ провѣщала митрополитъ подсудимому Максиму въ отвѣтъ на его униженіе ¹. Много накипѣвшей злобы слышится въ этихъ словахъ: торжественность собора не могла остановить Даниила, онъ открыто передъ всѣми излилъ свой гнѣвъ на подсудимаго и тѣмъ самымъ объявлялъ предъ всѣми о своихъ личныхъ счетахъ съ нимъ. Униженіе и просьбы Максима не смягчили его суждѣній. Митрополитъ чуждъ былъ благороднаго великодушія по отношенію къ Максиму. Онъ еще захотѣлъ мстить ему, и потому дѣйствовавшій вполне подъ его руководствомъ и въ его духѣ соборъ не только не простилъ Максима, но и снова осудилъ его: «аки хульника и священныхъ писаній тлителя» ², и въ оковахъ послалъ его во вторичное заточеніе, но уже въ Тверской Отрочъ монастырь ³. «Преподобство же ваше, писалъ въ послѣдствіи Максимъ уже низверженному съ митрополіи Даниилу, напоминая ему о своемъ крайнемъ униженіи предъ соборомъ 1531 года, вмѣсто прощенія и милости оковы паки дасте ми, и паки азъ заточенъ, и паки затворенъ и различными озлобленіи озлобляемъ» ⁴. Переменною мѣста заточенія м. Даниилъ вовсе не хотѣлъ облегчить участь несчастнаго Максима. Даниилъ въ Волоколамскомъ монастырѣ очищалъ мѣсто для другаго еще болѣе важнаго своего антагониста Вассіана. Оставить же ихъ вмѣстѣ вовсе не соответствовало планамъ митрополита, да при томъ самое заточеніе ихъ въ такомъ случаѣ было бы для

¹ Сочин. Макс. ч. II, стр. 372.

² Сочин. Макс. ч. III, стр. 61.

³ Сказаніе Максима ркп. Импер. Пуб. Библ. F, 1 № 447.—Карамазинъ. VII, примѣч. 343, 345.—Сочин. Макс. Грека, ч. II, 369—370, 374. Опис. рукоп. Московской Синод. Библ. отд. II, кн. 2, 578—581.

⁴ Сочин. Макс., ч. II, 369—370.

нихъ не столь тягостнымъ, какъ того напротивъ хотѣлось митрополиту. А отправляя Максима въ Тверь, Даниилъ вполнѣ полагался на ревность и благонадежность тамошняго епископа, бывшаго волоколамскаго подвижника, Акакія. Заточеніе Максима въ Тверскомъ монастырѣ было тяжелѣе для него въ томъ отношеніи, что онъ, по опредѣленію собора 1531 года, былъ отлученъ отъ причащенія св. Таинъ¹.

Вмѣстѣ съ Максимомъ на соборѣ 1531 года осуждены были Михаилъ Медоварцевъ и Сильванъ². Заточеніе одновременно съ Максимомъ и его сотрудниковъ осязательнымъ образомъ доказываетъ то сильное раздраженіе, какое пыталъ митрополитъ Даниилъ ко всему обществу, группировавшемуся около Вассіана и Максима Грека. Даниила сильно затрогивало то, что переписчики и сотрудники Максима и Вассіана знали объ ошибкахъ и неправильностяхъ допускавшихся Максимомъ, присутствовали и выслушивали крайне либеральные отзывы и разсужденія князя Вассіана, но тѣмъ не менѣе вовсе не считали для себя нужнымъ доводить все это до свѣдѣнія представителя церкви—митрополита, какъ главнаго блюстителя чистоты вѣры. Напротивъ, они считали для себя достаточнымъ ограничиваться опекою Вассіана, видя въ немъ и свою сильную опору и покровителя, и въ тоже время такого опаснаго человѣка, который казался страшнѣе для нихъ самого великаго князя. И только тогда уже, когда они ясно увидѣли шаткое положеніе Максима и особенно Вассіана, тогда только они рѣшились говорить со всею смѣлостію и давать со всею подробностію свои показанія. Въ самомъ соборномъ актѣ, въ словахъ митрополита, обращенныхъ къ Максиму слышится раздраженіе и на его ближайшихъ сотрудниковъ. При всякомъ удобномъ случаѣ митрополитъ старается вмѣстѣ съ именемъ Максима упомянуть и о его «единомышленникахъ и советникахъ», а о Михаилѣ Медоварцевѣ

¹ Ист. Русск. церкви. Макаріа, т. VI, 192—193, въ примѣчаніи 264.

² Первый сославъ былъ въ Коломну, а послѣдній, по однимъ извѣстіямъ въ Соловки, по другимъ—въ Волоколамскій монастырь.—Карама, т. VII, примѣч. 343.—О сочетаніи втораго брака Василія Іоанновича, Чт. въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1847 г. № 8, 4; ркп. Имп. Пуб. Биб. изъ древлехр. Погодина, № 1597, л. 1—18. Курбскій говоритъ, что Сильванъ умеренъ былъ злою смертію за малые дни въ своемъ епископскомъ дому самымъ митрополитомъ Данииломъ. Курбск. Сказанія, изд. 2, 42.—По другимъ сказаніямъ, Сильванъ былъ заточенъ м. Данииломъ

Даниилъ прямо выражается и обвиняетъ его въ томъ, что онъ былъ съ ними (Вассіаномъ и Максимомъ) «одинъ человекъ»¹.

Несомѣнно, Максимъ Грекъ болѣе всего пострадалъ отъ м. Даниила и вел. князя. Значеніе послѣдняго ограничивалось болѣе отрицательною стороною дѣла. За извѣстныя прамыя, открытыя дѣйствія Максима онъ охладѣлъ къ нему, а послѣ противорѣчія разводу, онъ, чтобы скорѣе избавить себя отъ него, *предоставилъ* его вполнѣ врагамъ его, давъ понять имъ, что удаленіе его не будетъ противно его интересамъ. Разгадка того обстоятельства, что личность князя на соборахъ, судившихъ Максима, ступшевывается и, если касаются ея, то мимоходомъ и касается никто другой, какъ только митрополитъ, кроется въ особыхъ исключительныхъ отношеніяхъ его къ святогорцу. Никто другой, какъ самъ в. князь вызвалъ Максима въ Москву и тѣмъ самымъ онъ обязывался охранять его личность. Но вышло иначе. Тогда в. князь, чтобы сложить съ себя лежавшую на немъ нравственную отвѣтственность предъ Максимомъ, предоставляетъ его суду митрополита и др. духовныхъ лицъ, которые судятъ его и за преступленія противъ самого князя, между тѣмъ, какъ послѣдній, какъ непосредственно заинтересованное лицо, вовсе отодвигается на задній планъ и не

въ Волоколамскій монастырь и тамъ иноки сего монастыря «въ дыму повѣсили» Сильвана и тамъ онъ «въ дыму задушенъ скончался». Ркп. Моск. Синод. Библ. № 441, л. 26—35. Описаніе Горскаго и Невоструева, отд. II, кн. 2, 578—581. Описаніе рукод. Соловецкой библіотеки, прилож. къ Прав. Соб. 1878 г. апрѣль, стр. 163—164.—Изъ всѣхъ разнородныхъ сказаній можно вывести только то общее заключеніе, что м. Даниилъ дѣйствительно жестоко преслѣдовалъ и наказывалъ просвѣщеннаго старца Сильвана—дѣятельнаго сотрудника и соучастника Максима Грека. Скорѣе всего можно согласиться съ извѣстіемъ, что Сильванъ попалъ въ заключеніе въ Волоколамскій монастырь, который во время Даниила сдѣлался постояннымъ убижищемъ для вѣхъ болѣе или менѣе важныхъ преслѣдуемыхъ имъ лицъ. Доказательствомъ просвѣщенности Сильвана можетъ служить и то, что въ нѣкоторыхъ рукописныхъ спискахъ бесѣдъ Златоуста на св. Матвѣя сохранилось свидѣтельство, что переводъ ихъ сдѣлалъ Сильваномъ. Рукоп. Моск. Сина. Типогр. № 1553 по стар. каталогу, и № 83 по новому каталогу.

¹ Прѣвіе Даниила съ Максимомъ, 7, 10. Заслуживаютъ вниманія съ этой стороны слова Досифея еп. Крутицкаго, сказанныя имъ на соборѣ, судившемъ Вассіана. Когда Вассіанъ сказалъ, что онъ написалъ свою коричю съ благословенія м. Варлаама собора, въ числѣ членовъ котораго находился и Досифей, то послѣдній началъ отказываться и отвергать слова Вассіана, говоря, что мы ему не совѣтники и въ чемъ же, совѣтники у него свои: Максимъ Грекъ, Мыхайло Медоварцевъ, старецъ Сильванъ. (Прѣвіе Даниила съ Максимомъ, 2).

играетъ самъ особенной роли въ судѣ надъ Максимомъ. Большая часть вины въ паденіи Максима падаетъ на м. Данила. Весь судебный процессъ, весь ходъ дѣла на соборахъ направлялся имъ, онъ самъ вступалъ въ состязанія съ подсудимымъ. Другіе члены собора за немногими исключеніями были простыми безмолвными свидѣтелями. Въ ряду послѣднихъ находилось нѣсколько такихъ лицъ, которыя выдвинулись благодаря вліянію м. Данила, а нѣкоторые изъ нихъ вышли прямо изъ Волоколамскаго монастыря, что само собою связывало тѣхъ и другихъ чувствомъ благодарности и приверженности къ митрополиту, ихъ покровителю. Личная неприязнь Данила къ Максиму, какъ мы видѣли, имѣла свои причины, и послѣднихъ насчитывалось не мало. Фактъ враждебности митрополита, основывавшійся на *личныхъ* счетахъ съ Максимомъ, несомнѣненъ. Въ своемъ посланіи къ низверженному уже Данилу Максимъ проситъ у него прощенія и умоляетъ его «раззорить *многотѣнее* свое негодованіе» на него ¹. Самый тонъ соборнаго пренія Данила съ Максимомъ дышетъ раздраженіемъ къ подсудимому. Личная вражда м. Данила къ Максиму, несомнѣнная сама по себѣ, должна тѣмъ не менѣе имѣть свои предѣлы. Поэтому необходимо выдѣлить, что въ судѣ надъ Максимомъ принадлежитъ къ истинѣ, и что прямо вытекаетъ изъ личнаго нерасположенія Данила къ подсудимому.

Нельзя смотрѣть на обвиненія, какія возводились на Максима, какъ на преднамѣренную клевету его враговъ и недоброжелателей. Напротивъ, обвиненія имѣли нѣкоторыя основанія въ дѣйствительныхъ фактахъ. Но во взглядахъ на эти факты совершенно расходились судьи Максима Грека и онъ самъ. То, что для него, какъ научно образованнаго человѣка, казалось простой, несущественной опiscoй, то самое его судьямъ, какъ только книжникамъ и начетчикамъ, представлялось важнымъ, догматическимъ отступленіемъ, ересью. Во всякомъ случаѣ Максимъ не раздѣлялъ ни одного еретическаго мнѣнія. Его проповѣдь о безусловной иноческой нестяжательности, вытекавшая изъ духа евангельскаго ученія, и его полемика противъ монастырской распущенности въ глазахъ его судей и всѣхъ русскихъ книжниковъ являлась ни чѣмъ инымъ, какъ поруганіемъ уставовъ и правилъ церкви, закрѣпившихъ за мона-

¹ Соч. Макс. ч. II, 375. На гнѣвъ митрополита указываютъ и другія историческія свидѣтельства, сохранившіяся въ разныхъ сказаніяхъ о Максимѣ.

стырями владѣніе землями и крестьянами, и въ тоже время дулою на всѣхъ русскихъ святыхъ и подвижниковъ, исходившихъ изъ этихъ монастырей. Въ нападкахъ Максима на односторонность и формализмъ церковной жизни и въ его ученіи о просвѣщенномъ и живомъ отношеніи къ вѣрѣ русскіе книжники видѣли отрицаніе, отверженіе всего русскаго и совершеннѣйшаго, какъ они думали въ своемъ фарисейскомъ самообольщеніи, православія. Такимъ образомъ, источникъ невольной виновности Максима заключался въ томъ, что онъ совершенно расходился и шелъ въ разрѣзъ съ установившимися на Руси воззрѣніями и понятіями и самыми условіями жизни. Это теоретическая сторона дѣла. Къ этому присоединялись еще особенности его нравственнаго характера, прямого, открытаго, который вовсе не гармонировалъ съ тою толпою многочисленною льстецовъ и интригановъ, какую представляли изъ себя тогдашніе, какъ свѣтскіе, такъ и многіе изъ духовныхъ, высшіе, интеллигентные люди. Очень много, хотя и невольно, повредилъ Максиму Вассіанъ Косой. Онъ съ самыхъ первыхъ дней существованія Максима въ Россіи изъ сторонняго, безпристрастнаго человѣка сдѣлалъ его, незамѣтно для него самого, человѣкомъ партіи; обобщилъ его интересы съ своими и тѣмъ самымъ отождествилъ свою судьбу съ его судьбою и окончательно сгубилъ одновременно его и себя самого.

Личная ненависть м. Данила къ Максиму выразилась въ томъ, что онъ, разогрѣтый ненавистью къ Максиму, старался въ преувеличенномъ видѣ представлять вины подсудимаго и вовсе не хотѣлъ принимать во вниманіе самыхъ искреннихъ съ его стороны заявленій. Самые строгія догматическія понятія, какія высказывалъ Максимъ по поводу взводившихся на него обвиненій въ ереси, были совершенно игнорируемы Даниломъ. А поступая такъ съ Максимомъ, митрополитъ уже допускалъ явную несправедливость, а естественнымъ слѣдствіемъ подобныхъ дѣйствій Данила было увеличеніе наказанія подсудимому и суровость приговора. Отсюда личное раздраженіе Данила противъ подсудимаго высказалось въ болѣе суровомъ, чѣмъ слѣдовало, приговорѣ надъ нимъ, которымъ онъ опредѣлялся на заточеніе не въ какомъ либо другомъ, а именно въ Волоколамскомъ монастырѣ и въ новомъ заточеніи въ Тверскомъ Отрочѣ монастырѣ. Вотъ съ этой именно стороны правъ Максимъ, когда онъ въ посланіи къ Данилу обвиняетъ его въ «жестоко-сердіи» и въ другомъ мѣстѣ намекаетъ на его ярость, гнѣвъ и

памятозлюбіе къ себѣ ¹. И въ этой только мѣрѣ правы тѣ сказанія о Максимѣ, которыя говорятъ о многолѣтнихъ страданіяхъ Максима отъ преслѣдованій м. Данила ². Отсюда также видно и то, что несправедливы и тѣ свидѣтельства историческихъ памятниковъ, которыя представляютъ отношенія м. Данила къ Максиму въ такомъ видѣ, какъ будто митрополитъ самъ подобралъ свидѣтелей и заставилъ ихъ говорить противъ Максима на соборѣ съ цѣлю осудить его ³.

Паденіе литературнаго союзника Вассіана Максима Грека предрѣшало судьбу и самого князя-инока. Оба они одинаково своими дѣйствіями подготовили себѣ много враговъ, начиная съ великаго князя и митрополита. Максимъ ранѣе палъ, потому что онъ былъ человѣкомъ пришлымъ, не имѣвшимъ прочныхъ связей въ Москвѣ. Все его обаяніе обуславливалось его просвѣщеніемъ. Но потомъ, когда это самое просвѣщеніе Максима, пользуясь которымъ онъ бойко и убѣдительно говорилъ горькую истину всѣмъ и каждому, стало казаться опаснымъ для великаго князя, особенно послѣ противорѣчія его разводу, когда великій князь серьезно могъ опасаться строгихъ обвиненій своего явно незаконнаго поступка со стороны святогорскаго инока, тогда онъ и постарался удалить его отъ себя. И для Вассіана, какъ и для Максима, противорѣчіе разводу великаго князя имѣло трагическое значеніе. Но онъ все таки держался долѣе Максима на своемъ мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи онъ находился въ иныхъ болѣе благопріятныхъ для него условіяхъ, чѣмъ его сторонникъ. За него говорили традиціи бывшаго знатнаго боярина, онъ былъ родственникъ великаго князя и долгое время его совѣтникъ. Понятно, здѣсь находилось болѣе нравственной связи между Вассіаномъ и великимъ княземъ, которой и обязанъ былъ своимъ спасеніемъ на нѣкоторое время Вассіанъ за свое противорѣчіе разводу. Но уже послѣ этого обстоятельства судьба Вассіана въ умѣ великаго князя была рѣшена. Человѣкъ, не терпѣвшій никакихъ противорѣчій, онъ не могъ простить его и Вассіану. Въ то же время великій князь хорошо понималъ, что Вассіанъ стоитъ на сторонѣ правды и прямо обрушиться на него одновременно съ Максимомъ—это значило бы выдать себя голо-

¹ Исповѣд. вѣры, соч. Максима Грека, ч. II, 375, ч. I, 35.

² Описаніе рукоп. синод. библ., отд. II, кн. 2, 578—581.

³ Карамзинъ, т. VII, 180—181, прим. 343—345.

вой на судъ общественнаго мнѣнія, которое и безъ того уже было возбуждено сильно противъ рѣдкаго по своей несправедливости поступка великаго князя. Преслѣдованіе такихъ видныхъ лицъ, какъ Вассіанъ и Максимъ, послужило бы для общества новою нищею для нападокъ на в. князя, которое основательно увидѣло бы въ немъ новую возмутительную несправедливость съ его стороны и окружило бы Максима и Вассіана ореоломъ невинныхъ страдальцевъ. А этого никакъ не хотѣлось в. князю; почему онъ повелъ дѣло съ Вассіаномъ дипломатическимъ путемъ. Максимъ, какъ человѣкъ болѣе опасный для развода, пострадалъ, причемъ паденіе это такъ обставлено было со внѣшней стороны благовидно, что за массою подобранныхъ разнообразныхъ обвиненій трудно было выдѣлать первую причину его паденія. А Вассіанъ, который по своему образованію стоялъ неизмѣримо ниже Максима, потому самому менѣе представлялъ опасности для великаго князя. Вотъ почему князь нѣкоторое время терпѣлъ Вассіана при себѣ и даже иногда обнаруживалъ по отношенію къ нему знаки видимаго своего благоволенія¹. Такъ продержался Вассіанъ нѣсколько лѣтъ. Великій князь совершенно охладѣлъ къ своему бывшему любимцу. Враги Вассіана, члены высшей духовной іерархіи съ митрополитомъ Даниломъ во главѣ, употребляли всѣ средства къ тому, чтобы окончательно удалить Вассіана отъ в. князя и съ нетерпѣніемъ выжидали случая, чтобы сдѣлать на него нападеніе. И вотъ, когда въ 1530 году отъ втораго брака великаго князя² родился сынъ, въ которомъ счастливый отецъ увидѣлъ для себя благословеніе неба, тогда-то онъ съ нѣкоторымъ сознаніемъ своей правоты могъ напомнить Вассіану его прошлую вину для того, чтобы свести съ нимъ свои давніе счеты. А второй судъ надъ Максимомъ 1531 года, въ которомъ послѣдній представлялся между прочимъ политическимъ преступникомъ и на который привлеченъ былъ къ допросу Вассіанъ, какъ единомышленникъ (на него, значить, могла быть брошена тѣнь подозрѣнія и въ политической неблагонадежности, какъ это сдѣлано было съ Максимомъ) и соучастникъ Максима, ясно дагъ понять врагамъ Вассіана, что наконецъ настало время, когда они могутъ съ своей стороны расчитаться съ Вассіаномъ, столь

¹ Акты Археогр. Экспедиц., т. I, № 173, 145.

² Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. VI, 265. Карамзинъ, т. VII, 157—158.

ненавистнымъ имъ за его полемику о монастырскихъ имуществѣхъ и за ѣдкія нападки на роскошную жизнь высшаго духовенства и монашества. Что дѣйствительно въ осужденіи Вассіана Косаго играла выдающуюся роль и личная вражда митр. Даниїла и его многочисленныхъ сторонниковъ—это видно изъ того уже, что поводы, по которымъ судился Вассіанъ въ 1531 году, существовали и извѣстны были всѣмъ цѣлые десятки лѣтъ ранѣе, но тѣмъ не менѣе выдвинуть ихъ сочли возможнымъ только теперь, когда видимо наступили благоприятныя къ тому обстоятельства.

Судъ надъ Вассіаномъ начался немедленно послѣ втораго суда надъ Максимомъ Грекомъ, именно 11 мая 1531 года. Главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ Вассіана послужилъ составленный имъ списокъ кормчей. Прежде всего виною противъ него здѣсь выставлено было вообще его отношеніе къ праву церковнаго учительства. Митрополитъ Даниїль, главный обвинитель и судія Вассіана, на соборѣ высказываетъ отрицательный взглядъ на право церковнаго учительства по предметамъ вѣры и нравственности людьми простыми, не облеченными никакой іерархической властію. «Какъ ты осмѣлялся на таковое дѣло? спрашивалъ Даниїль подсудимаго Вассіана, имѣя въ виду составленный имъ сборникъ церковныхъ правилъ, ты ни апостолъ, ни святи-тель, ни священникъ. Священное писаніе и божественныя правила воспрещаютъ простымъ человѣкомъ, *инокомъ и мірскимъ*, на божественная и священная правила, на уставы же, и чины, и на законы, и на престолы учителей наскакати... и учить и составлять инако что, *аще что и добро быти имать мнитсѧ*»¹. Отрицательный взглядъ на вмѣшательство въ церковныя дѣла и въ учительство церковное лицъ, не облеченныхъ духовной властію, высказываемый здѣсь Даниїломъ, не есть только его личный взглядъ, а есть взглядъ всей Волоколамской школы, по которому представи-тели ея діаметрально расходились съ заволожцами. Въ совершенную противоположность Даниїлу Вассіанъ такъ смотрѣлъ на свой нравственный долгъ и положеніе: «нужа ми належить, святымъ писаніемъ просвѣщаемому, проповѣдати всѣмъ человѣкомъ путь спасенія. Что убо обижу васъ, братіе, аще о спасеніи моемъ и вашемъ собесѣдую съ вами? Ниже бо азъ первый, ниже по-

¹ Прѣііе Даниїла съ Вассіаномъ-старцемъ. Чт. въ Общ. Истор. и Древн. Рос. 1847 г., № 9, отд. IV, 2.

слѣдній о семъ бесѣдую. Полна изначала Спасова церкви глаголавшихъ о злобѣ и добродѣтели и за истину возненавидѣнныхъ бывшихъ, не токмо архіереевъ и священниковъ и прочаго чина церковнаго, но и *многую и престоую* ревность Божию показавшихъ; всѣмъ бо божественныя ревности отворися, и блаженъ иже сіе совмечется законѣ»¹. Точно въ такомъ же духѣ одинаково съ Вассіаномъ высказывался о правѣ учительства и Максимъ Грекъ². Вассіанъ и Максимъ одинаково проводили прекрасный взглядъ на всеобщую обязательность учительства (частнаго) внѣ церкви. Впрочемъ и м. Данилъ не всегда бываетъ вѣренъ высказанному имъ отрицательному взгляду на право частнаго учительства не іерархическими лицами. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаются наставленія, которыя приближаются ко взгляду на этотъ предметъ Вассіана и Максима. На самомъ соборѣ противъ Вассіана Данилъ безусловно не отвергалъ существованія историческихъ фактовъ, говорящихъ въ его пользу, но только онъ не распространялъ на него ихъ оправдывающаго значенія. «Въ нѣкая времена бываше, говорилъ митрополитъ на соборѣ Вассіану, скудости ради нѣкихъ сущихъ не священныхъ понужаши на церковное служеніе нѣкое, премудрыхъ и блаженныхъ святыхъ мужей, а нестропотныхъ и развращенныхъ, якоже ты стропотная и развращенная глаголаши, и учиши, и пишеша». Развращенность Вассіана, по взгляду митрополита, выразилась, какъ увидимъ ниже, въ составленіи имъ новой редакціи кормчей книги. — Высказаться категорически противъ вмѣшательства мірянъ въ дѣла учительства въ церкви отчасти побудило Данила чувство досады и озлобленія, какое онъ питалъ къ Вассіану за его церковно реформаторскую дѣятельность, въ которой онъ тѣмъ не менѣ совершенно игнорировалъ власть митрополита, лица, по своему положенію самаго компетентнаго въ этомъ дѣлѣ.

Отчасти уже извѣстенъ характеръ кормчей Вассіана. Она написана въ полемическомъ духѣ. Основаніемъ для нея послужилъ номоканонъ п. Фотія, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Онъ содержалъ въ себѣ не одни указанія на церковныя правила, излагавшіяся доселѣ отдѣльно отъ него, но соединялъ въ себѣ и самыя апостольскія, соборныя и отеческія правила вмѣстѣ съ толкованіями на нихъ, которыя въ немъ располагались по гранямъ

¹ Полемическія соч. Вассіана. Прав. Собесѣд. 1863 г., III, 182—183.

² Сочин. Максима Грека, ч. I, 35, ч. II, 334.

и главамъ. Такой измѣненный характеръ избраннаго Вассіаномъ основанія для своего сборника правилъ не есть дѣло его личнаго произвола и его собственное произведеніе. Онъ избралъ его уже готовымъ, такъ какъ въ его время существовали подобныя измѣненные редакціи Фотіева номоканона¹. Особенность кормчей Вассіана, расположенной по системѣ Фотіева номоканона, заключается только въ томъ, что въ ней помѣщены правила церковныя, съ толкованіями, полныя, тогда какъ въ другихъ редакціяхъ, сходныхъ съ Вассіановой кормчей, находились правила, расположенныя по гранямъ номоканона, но только въ сокращенномъ видѣ. Избранный Вассіаномъ оригиналъ для кормчей имѣлъ весьма важное значеніе въ его глазахъ потому, что въ немъ не находилось другихъ (неканоническихъ) статей, особенно благопріятствовавшихъ вотчиннымъ правамъ монашества. Отсюда само собою понятно, что въ собраніе правилъ Вассіана не вошли многія изъ статей, находившихся въ тогдашнихъ общераспространенныхъ кормчихъ, а нѣкоторыя если и вошли, то въ измѣненномъ или сокращенномъ видѣ. Замѣчательнѣе всего то, что Вассіанъ исключилъ изъ своей кормчей такія напрям. драгоцѣнныя для защитниковъ церковныхъ имѣній статьи: подложное слово св. отцовъ пятого вселенскаго собора на обидящихъ св. божію церковь, всѣ вообще такъ называемые градскіе законы греческихъ царей на пользу церкви, и церковные уставы русскихъ князей св. Владиміра и Ярослава. Нѣкоторыя другія изъ русскихъ статей, помѣщавшихся въ кормчихъ, Вассіанъ помѣстилъ и въ своемъ сборникѣ². Съ другой стороны Вассіанъ внесъ въ свою кормчую совершенно новыя статьи, направленныя противъ вотчинныхъ правъ русскихъ монастырей: таково, наприм., сказаніе старца Максима св. горы къ старцу Вассіану о св. горѣ жительства³ и особенно приложенный имъ къ своей кормчей, имъ самимъ составленный, при нѣкоторомъ только содѣйствіи Максима извѣстный уже трактатъ противъ вотчинныхъ правъ монастырей подъ заглавіемъ: «собраніе нѣкоего старца на воспоминаніе своего обѣщанія отъ св. писанія о отверженіи міра». Теперь вполне становится понятенъ смыслъ соборнаго обвиненія

¹ Макарій, Истор. Русской Церкви, т. VIII, Спб. 1877, 149—150.

² Наприм., правила Іоанна митроп. русскаго, нѣсколько правилъ изъ отѣтовъ Нифонта, архіеп. Новгород., Кирику.

³ Оно напечат. въ Собраніи Соч. Максима Грека, ч. III, 243—245.

м. Данииломъ Вассіана въ томъ, что онъ въ той «божественной книзѣ (кормчей) малую сію нѣкую часть къ своему малоумію угодна написалъ, а иная вся разбѣталъ сложенная и сочетанная св. отцы съ прежними соборы и съ послѣдними». Подобное же обвиненіе Даниилъ формулировалъ противъ Вассіана въ еще болѣе рѣзкой формѣ: «многое, говорилъ онъ на соборѣ, отъ апостольскихъ правилъ, и отъ седми вселенскихъ соборъ, и отъ мѣстныхъ, и особъ сущихъ, и отъ градскихъ законовъ и иная многа отъ древнихъ лѣтъ сочетанная во священныхъ правилахъ выставилъ еси и отмѣталъ»¹. Въ словахъ обвиненія есть преувеличенія по отношенію къ правиламъ соборовъ, которыя Вассіанъ сохранилъ у себя, но есть и много истины, наприм. указаніе на исключеніе градскихъ законовъ.

Такой характеръ Вассіановой кормчей и помимо своей полемической тенденціи возмущалъ м. Даниила и членовъ собора. Даниилъ на существовавшую въ Россіи кормчую смотрѣлъ какъ на непререкаемый авторитетъ, запечатлѣнный характеромъ священной неизмѣняемости, и вообще считалъ ее за книгу богодухновенную. Даже градскіе, помѣщенные въ кормчей, законы, и тѣ, по его взгляду, раздѣляютъ право неизмѣняемости и священной важности, такъ какъ они «священнымъ правиламъ послѣдуютъ». Здѣсь митрополитъ только въ другихъ словахъ повторяетъ взглядъ Іосифа Волоцкаго, который о градскихъ законахъ выражается, что «они подобни суть пророческимъ и апостольскимъ и св. отецъ посланіямъ»².

Замѣчательна аргументація, какою пользуется митрополитъ для доказательства своей мысли о неизмѣняемости и неприкосновенности кормчей. Вся она сводится къ ссылкамъ на давность существованія кормчей: «тое книги (кормчей), говоритъ Даниилъ, не смѣе никто же разрѣшити, или чѣмъ поколебати отъ седьмага собора до русскаго крещенія, и въ нашей русской земли та книга больше пяти сотъ лѣтъ соборную церковь содержитъ, и все православленное христіанство просвѣщаетъ и спасаетъ, отъ великаго князя Владиміра и донныи неразрушима и непоколебима была ни отъ кого въ тѣхъ лѣтѣхъ святыхъ великихъ чудотворецъ, святителей,

¹ Прѣвіе Даниила съ Вассіаномъ, 2. 7.

² Пресвѣтитель, 588. 536.

преподобныхъ отецъ, премудрыхъ и многоученыхъ, искусныхъ божественному писанію,—гдѣ всѣ святіи по тѣмъ правиламъ сами жили и спаслися и людей учили и спасли»¹. Последнія слова Данила напоминаютъ собою и вполне аналогичны съ тѣми доводами, какіе представляли строгіе ревнители буквы противъ книжныхъ исправленій Максима Грека². Съ другой стороны утвержденіе Данила о томъ, что за все время существованія христіанства на Руси книга правилъ церковныхъ сохраняла одинъ и тотъ же видъ «(неразрушима и непоколебима)», не вполне точно и исторически не совсѣмъ вѣрно: она напрогивъ имѣла разныя редакціи и въ разное время дополнялась и измѣнялась въ своемъ составѣ³.

При своемъ взглядѣ на значеніе кормчей въ области религіозно-церковной жизни Данилъ естественно діаметрально расходился съ Вассіаномъ, и на его собраніе церковныхъ правилъ смотрѣлъ, какъ на «разрушеніе божественныхъ правилъ и заповѣдей святыхъ апостоловъ и вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, и св. отецъ», а самый его поступокъ онъ относилъ къ разряду такихъ, которые «отъ вѣка не бывали». Подъ вліяніемъ такого взгляда м. Данилъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ своихъ словъ выразился о Вассіанѣ, что онъ «составляетъ супротивная святѣй, божественнѣй, соборнѣй церкви», и что онъ развратилъ на свой разумъ святую великую книгу правильную (т. е. книгу правилъ)⁴. Въ этомъ именно смыслъ митрополитъ и формулировалъ, какъ уже было видно, свое обвиненіе противъ Вассіана.

Неизмѣняемость кормчей книги, на которой настаивалъ Данилъ, сама собою исключала возможность какой либо передѣлки, исправленій, сокращеній, дополненій ея, а тѣмъ болѣе составленія новой ея редакціи. Поэтому вторымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ Вассіана послужилъ поднятый Даниломъ вопросъ о томъ, какое имѣлъ онъ право составить новый сборникъ правилъ. Вас-

¹ Прііііе м. Дан. съ Вас., 1.

² Сочин. Максима Грека, ч. III, 88.

³ Павловъ, Первоначальный Слѣдянорусскій Номоканонъ, Казань, 1869 г., 80—81. Розенкампфъ, Обзоріііе Кормчей книги, Маварііі, Ист. Рус. Церкви, т. V, 1—30; т. VIII, 143—168.

⁴ Прііііе м. Данила съ Вассіаномъ, 2—3.

сіанъ сослался на позволеніе, данное ему митрополитомъ Варлаамомъ и соборомъ. — «Варлаамъ меня митрополитъ на то понудилъ со священнымъ соборомъ, а былъ на томъ соборѣ Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій, и Симеонъ Суздальскій, и Доснѣей, епископъ Крутицкій», такъ отвѣчалъ Вассіанъ на предложенный ему митрополитомъ вопросъ о томъ, какъ онъ осмѣлился дерзнуть подвергнуть переработкѣ коричю. Дѣйствительно, Вассіанъ говорилъ правду относительно позволенія, даннаго ему м. Варлаамомъ. Митрополитъ Варлаамъ самъ сознавалъ неудовлетворительное состояніе современной коричей, но все таки опасался подвергнуть ее коренному исправленію и потому взялъ условіе съ Вассіана ничего не выкидывать изъ коричей, и примиреніе противорѣчій предоставилъ критической способности каждаго читающаго: «ибо, говорилъ онъ, кто имѣетъ цѣломудренный разумъ, тотъ будетъ держаться лучшаго, что угодно Богу». Ограниченіе, какинъ обставилъ м. Варлаамъ свое позволеніе пересмотрѣть коричю, Вассіаномъ не выполнено на самомъ дѣлѣ: въ его собраніи правилъ находилось нѣсколько выпусковъ, существованіе которыхъ противорѣчило заявленію м. Варлаама. Но тѣмъ не менѣе подвергать сомнѣнію въ самомъ принципѣ данное м. Варлаамомъ Вассіану позволеніе невозможно. Въ послѣсловіи всѣхъ списковъ Вассіановой коричей находится указаніе на то, что она «списана по благоволенію митрополита Варлаама». ¹ Думать, чтобы Вассіанъ здѣсь рѣшился злоупотребить именемъ м. Варлаама, съ которымъ онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, также невозможно. Коричая Вассіана написана была еще при святительствѣ Варлаама, за пять лѣтъ до его удаленія, а въ такой значительный промежутокъ времени подлогъ Вассіана, еслибы только онъ дѣйствительно существовалъ, долженъ былъ бы обнуждаться. При томъ нужно имѣть въ виду и то весьма важное въ данномъ случаѣ обстоятельство, что Вассіанъ ни отъ кого не скрывалъ своей коричей, и одинъ изъ списковъ ея находился даже у великаго князя.

Одинъ изъ тѣхъ архіереевъ, на которыхъ Вассіанъ указалъ, какъ на свидѣтелей и участниковъ даннаго ему м. Варлаамомъ и его соборомъ позволенія, именно Доснѣей Крутицкій, находился теперь на лицѣ и принадлежалъ къ числу членовъ собора, судив-

¹ Рукоп. Импер. Публич. библ., F. II, № 74, л. 447. А. Павловъ, Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. 72—73.

шаго Вассіана. Митрополитъ, послѣ отвѣта Вассіана, обратился къ Досиею съ вопросомъ о томъ, дѣйствительно ли м. Варлаамъ и состоявшій при немъ соборъ имѣли совѣтъ разрушить божественныя правила и отвергнуть древнее ихъ изложеніе, замѣнивъ ихъ новымъ неприличнымъ. Досиеей вполне отвергъ слова Вассіана. Онъ говорилъ, что онъ на томъ соборѣ не былъ и даже не слышалъ о немъ, и что м. Варлаамъ ничего подобнаго Вассіану не приказывалъ. Въ подтвержденіе своихъ показаній владыка Досиеей сослался на историческіе факты. — «Съ того времени, какъ Вассіанъ написалъ свои правила, прошло четырнадцать лѣтъ, такъ говорилъ Досиеей митрополиту на слова Вассіана, между тѣмъ какъ Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій, и Симеонъ, владыка Суздальскій, преставились шестнадцать лѣтъ тому назадъ; значить, за два года до составленія Вассіаномъ своихъ правилъ¹. Дѣйствительно, Досиеей Крутицкій говорилъ правду по отношенію къ владыкамъ Вассіану Ростовскому и Симеону Суздальскому, — оба они умерли въ 1515 году. Является такимъ образомъ противорѣчіе между заявленіями князя Вассіана и историческими фактами. Но это не значитъ, чтобы Вассіанъ говорилъ ложь. Если бы онъ хотѣлъ клеветать и отдѣлываться лживыми показаніями, то онъ ни въ какомъ случаѣ не сослался бы въ свидѣтели даннаго ему благословенія на присутствовавшего здѣсь Досиея Крутицкаго, который, конечно, тотчасъ же обличилъ бы его въ клеветѣ и искаженіи фактовъ. Между тѣмъ изъ объясненія Вассіана видно, что онъ, вполне увѣренный въ правотѣ своихъ заявленій, нисколько не постѣснился сослаться и на присутствовавшего предъ нимъ Досиея Крутицкаго. Съ другой стороны, въ позволеніи и благословеніи на трудъ Вассіана со стороны м. Варлаама не можетъ быть никакихъ сомнѣній, а отсюда можно заключить и о согласіи съ Варлаамомъ и другихъ владыкъ, въ числѣ которыхъ могли быть и всѣ указанные Вассіаномъ. Разность во времени объясняется легко. Кормчая Вассіана написана въ 1517 году, но благословеніе митрополита и собора на ея написаніе могло быть получено несравненно ранѣе, наприм., въ 1515 году, когда въ Москвѣ дѣйствительно состоялся (въ мартѣ) соборъ по случаю избранія и посвященія епископа въ Смоленскъ². Притомъ надпись въ послѣсловіи Вассіановой корм-

¹ Прѣвіе митр. Данила съ Вассіаномъ, 2.

² П. С. Р. лѣтош., т. VI, 257.

чей отличается своей неточностью. Изъ нея видно, что кормчая Вассіана какъ будто написана въ 1517 году, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Вассіанъ продолжалъ работать надъ ней и послѣ этого времени, но прибытіи въ Россію Максима Грека, который явился сюда только въ 1518 году.

Понятно, какъ долженъ былъ подѣйствовать на Вассіана отказъ Досифея Крутицкаго. Указывая на него, какъ на свидѣтеля и очевидца даннаго ему м. Варлаамомъ позволенія, Вассіанъ могъ съ правомъ разсчитывать, что онъ, хотя бы и былъ на сторонѣ его противниковъ, но тѣмъ не менѣе затруднится съ очей на очи отказать отъ того, что было. Но расчетъ подсудимаго оказался не вѣренъ, и потому онъ послѣ всѣхъ заявленій Досифея замѣтилъ съ видимой горестію: «ино, господине, воленъ Богъ, да ты». Дѣйствительно, Вассіанъ теперь ясно увидѣлъ, что на соборѣ все настроено противъ него и для осужденія его, — измѣняютъ даже истинѣ.

Поведеніе Досифея объясняется желаніемъ его угодить митрополиту. Это тѣмъ болѣе для него представлялось возможнымъ, что Данилъ вмѣсто того, чтобы поставить прямой вопросъ о томъ, отъ кого Вассіанъ получилъ право на написаніе кормчей, значительно и существеннѣйшимъ образомъ измѣнилъ смыслъ обвиненія, когда онъ поставилъ Досифею вопросъ о томъ: былъ-ли совѣтъ разрушить божественныя правила? При такой формулировкѣ вопроса Досифею ничего не оставалось дѣлать, какъ только отвѣчать отрицательно, иначе онъ самъ могъ попасть въ число подсудимыхъ.

Отъ общаго осужденія въ незаконномъ составленіи кормчей м. Данилъ перешелъ къ разсмотрѣнію отдѣльных, частныхъ мыслей, составляющихъ ея содержаніе. Митрополитъ обвинительнымъ пунктомъ противъ Вассіана выставилъ извѣстное его выраженіе, находящееся въ послѣсловіи его кормчей, что «есть во святыхъ правилахъ сунротивное Евангелію, Апостолу и св. отецъ жителъству». Мысль эта дѣйствительно принадлежала Вассіану и до нея онъ дошелъ не случайно, но путемъ долгаго критическаго изученія кормчей, на которое онъ вызванъ былъ полемикою по вопросу о вѣчинномъ правѣ монастырей. Вассіанъ и не отказался нисколько отъ своихъ словъ и только указалъ своимъ судьямъ поводъ, по какому онъ такъ высказался, и то примѣненіе, какое онъ давалъ выска-

занной имъ мысли, замѣтивъ кратко, что онъ это писалъ «о селѣхъ».

Коричая Вассіана написана имъ въ связи съ развитіемъ полемики по монастырскому вопросу, какой въ то время сосредоточивался на правѣ монастырей владѣть вотчинами. Митрополитъ Даниилъ въ отрицательномъ взглядѣ Вассіана видѣлъ величайшее преступленіе, оскорбляющее собой всю русскую церковь. Предшествовавшія обвиненія Даниила, указывавшія на отсутствіе права Вассіана написать коричую, составляли только введеніе и служили благовиднымъ предлогомъ къ главному обвинительному пункту, который сосредоточивался на отрицательномъ взглядѣ Вассіана на право монастырей владѣть вотчинами. Митрополитъ такъ и формулировалъ свое обвиненіе: «вотъ ты, говорилъ онъ, обращаясь къ подсудимому, написалъ въ своихъ правилахъ: инокомъ жити по евангелію, селѣ не держати, не владѣти ими»¹. Обвиненіе вполне вѣрное. Дѣйствительно, Вассіанъ такъ и буквально выражался въ своемъ каноническомъ трактатѣ, составляющемъ приложение къ его кормчей². Взглядъ Вассіана казался для митрополита хулой, поруганіемъ всего русскаго монашества.—«Написалъ еси въ своихъ книгахъ, говорилъ Даниилъ Вассіану, многія на нихъ (монаховъ) строки хульныя, и законопреступныя, и проклятія достойныя». Здѣсь митрополитъ повторяетъ только взглядъ на значеніе полемики Вассіана по монастырскому вопросу, высказанный еще Іосифомъ Волоцкимъ. Всѣ хуленія Вассіана на современное монашество сосредоточивались, какъ извѣстно, на развитіи имъ идеи о несоотвѣтствіи иноческихъ обѣтовъ съ правами монаховъ на владѣніе землями и крестьянами.

На предложенное обвиненіе въ хулѣ на монашество Вассіанъ отвѣчалъ кратко, что въ Евангеліи писано: «не велѣно селѣ монастыремъ держати». Отвѣтъ данъ вполне въ духѣ проповѣди Вассіана о безусловной монашеской нестяжательности и на его языкѣ имѣлъ глубокій, внутренній смыслъ. Въ своей проповѣди о нестяжательности Вассіанъ руководствовался, какъ извѣстно, болѣе всего духомъ евангельскаго ученія, и въ опредѣленіи и въ

¹ Прѣііе м. Даниила съ Вассіаномъ, 2—3. 7.

² Рукоп. Импер. Пуб. библ., F. II, № 74, л. 376—377. Рукоп. Моск. Дух. Акад. № ¹⁸⁵⁷/₁₈₆₆ л. 207—218. Тихомирова, Литописки рус. литер и древн., т. V, отд. III, 140.

оцѣнкѣ иноческаго служенія и подвиговъ исходилъ изъ евангельскихъ изреченій Спасителя о самоотверженіи и несеніи креста Христова, которыя уже никакимъ образомъ не могли гармонировать съ дѣйствительными условіями жизни, въ какихъ находилось тогдашнее русское монашество. Между тѣмъ для м. Даниила и членовъ собора, людей болѣе обрядоваго, формальнаго направленія, отвѣтъ Вассіана не только не могъ быть признанъ сколько нибудь удовлетворительнымъ, но онъ представлялся по крайней мѣрѣ м. Даниилу новой виною Вассіана, который своимъ отвѣтомъ, по его взгляду, только «обогалъ божественное писаніе и священныя правила».

Для опроверженія мнѣнія Вассіана о незаконности и неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами митрополитъ велѣлъ прочесть ему «евангеліе отъ божественныхъ писаній и иныхъ многихъ правилъ, отъ житій святыхъ». Выраженіе весьма важное. Оно характеризуетъ Даниила, какъ представителя книжнаго просвѣщенія, чуждаго критическаго отношенія къ своимъ знаніямъ и ихъ источникамъ. На сколько одностороненъ является здѣсь Вассіанъ, исходя изъ одного ученія Евангелія, понимаемаго въ его строгомъ и каноническомъ смыслѣ; настолько же равнымъ образомъ одностороннимъ выступаетъ и м. Даниилъ, когда онъ авторитетъ евангельскаго ученія распространяетъ и на житія святыхъ и ставитъ такимъ образомъ какъ и строго евангельское ученіе, такъ и частное сказаніе о какомъ либо святомъ въ одинъ уровень и въ одинаковое положеніе безусловной обязательности для христіанина. Еще замѣчательнѣе здѣсь то обстоятельство, что въ прочитанномъ по приказанію Даниила Вассіану «евангеліи отъ божественныхъ писаній» не находится ни одного собственно евангельскаго изреченія, а опроверженія главнымъ образомъ заключаются въ ссылахъ на житія святыхъ и на разныя правила. Митрополитъ Даниилъ въ опроверженіе словъ Вассіана привелъ свидетельства св. Симеона, Новаго Богослова, Ѳеодора Студита и данныя, взятые изъ житій святыхъ Николая, игумена Студійскаго монастыря, Саввы, архіепископа Сербскаго, и отъ патерика объ аввѣ Геласіѣ. Самою существенною частию опроверженія служатъ приводимыя Данииломъ каноническія данныя, именно: толкованіе Ѳеодора Вальсамона на XXIV правило четвертаго вселенскаго собора; ссылка на XLIX правило Трульскаго собора; на книгу Никона Черногорца (шестьдесятъ третье слово его пандектъ) и на градскіе законы. Нѣкоторые изъ приводимыхъ здѣсь противъ мнѣнія Вассіана доводы

извѣстны изъ сочиненія Іосифа Волоцкаго: «О грабителяхъ церковныхъ», и здѣсь только повторяются Данииломъ ¹. Вся сила приводимыхъ Данииломъ противъ Вассіана доказательствъ сосредоточивается на встрѣчающихся въ нихъ выраженіяхъ о существованіи при монастыряхъ «селъ». Конечно, въ глазахъ самого Даниила его доказательства представлялись неоспоримыми и вполне вѣскими. Въ его представленіи съ выраженіемъ «село» непременно соединялось понятіе объ извѣстномъ участкѣ земли, населенномъ крестьянами. Такъ смотрѣла тогда на это вся книжная Русь. Но для Вассіана свидѣтельства, приводимыя Данииломъ, весьма мало имѣли силы и убѣдительности. Онъ хорошо теперь зналъ громадное различіе, какое существуетъ въ понятіяхъ «села», въ русской книжности и въ церковной письменности греческой. Онъ сообразно греческимъ подлинникамъ, сдѣлавшимся ему извѣстными чрезъ Максима Грека, съ названіемъ «села» соединялъ представленіе не болѣе какъ только объ извѣстномъ участкѣ земли, но безъ крестьянъ. Съ другой стороны, нѣкоторыя изъ приведенныхъ Данииломъ противъ Вассіана доводовъ, рассматриваемые съ строго критической точки зрѣнія, теряютъ силу своей доказательности. Въ подлинникѣ толкованія Вальсамона на XXIV правило IV вселенскаго собора вовсе не находится слова «село», соответствующаго русскому значенію вотчины съ крестьянами, а въ немъ говорится только вообще о неприкосновенности движимаго и недвижимаго монастырскаго имущества ². Замѣчательнѣе всего еще здѣсь то,

¹ Прѣіе Данила съ Вассіаномъ, 37. Сравни. рукопись Император. Публич. библ., Q. XVII, № 15, л. 68—287. Тамъ и здѣсь, напр. находятся сказанія объ аввѣ Геласіи, ссылки на 24 правило IV вселенскаго собора.

² Migne. Patr. Curs. complet. Ser. graec. tom. CXXXVII. Theodori Balsamoni, tom. 1, pag. 472—473.

Вообще въ древнихъ славянскихъ кормчихъ замѣтны неточность и наслоенія, можетъ быть, даже преднамѣренныя, особенно рѣзко бросающіяся въ глаза въ тѣхъ правилахъ, которыя касаются права монастырей владѣть землями и крестьянами. Въ старопечатной кормчѣ, въ толкованіи на 24 правило IV вселенскаго. Халкидонскаго, собора находится между прочихъ такое выраженіе: «да сохраняють же имѣнія нхъ (монастырей) и стяжанія, села и винограды и вся прочая неотъемлема и не отходна отъ нихъ». Эти слова взяты изъ толкованія Аристена, которое въ соответствующемъ мѣстѣ читается такъ: «φυλάττεσθαι δὲ καὶ τὰς ἀκινήτους αὐτοῦ κτήσις ἀνεκινήτους». См. старопечатную кормчую 1653 г. изданіи Московскаго, л. 103. Сравни. Migne. Patr. Curs. complet. Ser. graec. t. CXXXVII, pag. 473. Въ подлинникѣ толкованія не оказывается ничего соответствующаго

что м. Даниилъ опровергаетъ Вассіана между прочимъ, ссылаясь на такое правило, которымъ пользуется и Вассіанъ, какъ доказательствомъ своего отрицательнаго взгляда на земельныя владѣнія монастырей. Такъ, м. Даниилъ противъ мнѣнія Вассіана выставилъ толкованіе Вальсамона на XXIV правило IV вселенскаго собора; оно же находится и въ каноническомъ трактатѣ Вассіана, какъ доказательство, подтверждающее истинность проводимой имъ мысли. Извѣстно, что Вассіанъ въ своемъ трактатѣ помѣстилъ новый переводъ нѣсколькихъ правилъ и толкованій на нихъ, сдѣланный для него Максимомъ Грекомъ. Въ числѣ вновь переведенныхъ Максимомъ правилъ находилось и XXIV правило IV вселенскаго собора и равно какъ толкованіе на него Вальсамона. До Максима Грека у насъ на Руси вовсе не были извѣстны толкованія правилъ Вальсамона¹. Только Максимъ Грекъ, несомнѣнно по настоянію Вассіана, сдѣлалъ переводъ правилъ съ толкованіями, причемъ помѣщены были и толкованія Вальсамона². Такъ какъ до Максима

словомъ славянскаго перевода: «села и виноградъ». Еще примѣры: см. толкованіе на 12 правило VII вселенскаго собора. Кормчая 1633 года, л. 214. Migne. Patr. Curs. complet. Ser. graec. t. CXXXVII, pag. 953. Подробн. у Горчакова, о земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и свят. синода 135—168.

¹ Розенкамповъ, Обзоріе кормчей книги, по первому изданію, 9. 76. Макаріи, Исторія Русской Церкви, т. VIII, 157.

² Историческія свидѣтельства о переводѣ Максимомъ Грекомъ правилъ и толкованій очень вѣски: свидѣтельство патріарха Іоакима (Остѣвъ, Казань, 1865 г., 30—31), монаха Елѣмія (рукоп. библи. А. Н. Хлудова въ Москвѣ, № 77, л. 1—17). См. также, Поповъ, Описаніе библиотекъ Хлудова, М. 1872. 201—203. Макаріи, Исторія Руск. Церкви, т. VIII, 158, примѣч. 199, Вассіана Косого (его каноническій трактатъ, приложенный къ его собранію кормчей). Въ трактатѣ Вассіана находятся только переводы трехъ соборныхъ правилъ, несомнѣнно сдѣланныхъ Максимомъ. Но имѣя въ виду то обстоятельство, что толкованія Вальсамона встрѣчаются и въ сочиненіяхъ м. Данила (толкованіе на девятое правило св. Василія Великаго въ 13 словѣ его соборника) и въ сводной кормчей (Розенкамповъ, Обзоріе кормчей книги, приложение № VII, 209—312. Здѣсь наприм. встрѣчается толкованіе Вальсамона на 27-е правило св. Апостолъ) и даже въ собственныхъ сочиненіяхъ Максима (описаніе рукописей Соловецкой библиотеки, 482—483. Здѣсь приведено толкованіе Вальсамона на 65 правило Трульскаго собора), нужно придти къ тому положенію, что Максимъ Грекъ сдѣлалъ переводъ полнаго кодекса правилъ и толкованій на нихъ. То обстоятельство, что Максимъ Грекъ самъ ничего не говоритъ о своемъ трудѣ, равнымъ образомъ и то, что въ судѣ надъ нимъ почти не затронулся его переводъ правилъ и толкованій (на со-

Грека на Руси вовсе не существовало перевода правилъ съ толкованіями Вальсамона, то отсюда съ необходимостью слѣдуетъ допустить тотъ выводъ, что м. Даниилъ нигдѣ не могъ воспользоваться ими, какъ только чрезъ посредство перевода, сдѣланнаго Максимомъ Грекомъ по настоянію Вассіана ¹. Отсюда видно, что осуждая Вассіана за написаніе новаго сборника правилъ, Даниилъ въ то же самое время не затруднился воспользоваться, гдѣ это казалось для него нужнымъ, противъ своего врага данными, которыя добыты были благодаря только удивительной настойчивости Вассіана. Во время своихъ преній съ Вассіаномъ на соборѣ Даниилъ привелъ противъ него толкованіе Вальсамона на XXIV правило IV вселенскаго собора въ томъ самомъ переводѣ, въ какомъ оно изложено въ кормчей Вассіана. Но только онъ иначе отнесся къ толкованію Вальсамона, чѣмъ Вассіанъ. Въ толкованіи Вальсамона находятся ссылки на нѣкоторые узаконенія царя Юстиніана. Вассіанъ соответственно сдѣланному для него переводу и подлиннику ограничился только одной ссылкой на эти узаконенія, которыя, нужно сказать, въ глазахъ Вассіана не имѣли никакого значенія, какъ постановленія гражданской власти. Иначе отнесся къ этимъ ссылкамъ Даниилъ. У него кромѣ указанія на узаконенія Юстиніана въ толкованіе Вальсамона внесены и самыя эти узаконенія. Въ этихъ узаконеніяхъ Юстиніана по славянскому переводу дѣйствительно встрѣчаются слова: «села и винограды».

Отношеніе м. Даниила къ Вассіану по поводу составленія имъ новаго сборника правилъ не отличается строгой послѣдовательностью. На соборѣ 1531 года, судившемъ Вассіана, онъ открыто

борахъ, судившихъ Максима, упоминались вскользь и его «правила»,) ничего не говорятъ противъ возможности его дѣйствительнаго существованія, особенно потому, что самъ митрополитъ Даниилъ пользовался переводомъ правилъ и толкованій, сдѣланныхъ Максимомъ, какъ это видно будетъ ниже.

¹ Дѣйствительно, между цитатами Даниила, заключающими въ себѣ XXIV правило IV вселенскаго собора и толкованіе на него Вальсамона, и ссылкой на то же правило и толкованіе, находящіяся въ каноническомъ трактатѣ Вассіана, замѣчается буквальное сходство. Въ цитатѣ Даниила попадаются только ничтожныя пропуски нѣкоторыхъ словъ и ошибки, происшедшія отъ неправильнаго чтенія. Въ кормчей Вассіана, наприм., читается: «учащiе», у Даниила—«угощєа», слово совершенно непонятное и, очевидно, пришедшее отъ неправильнаго чтенія слова—«сущащiе». Срав. Прѣнiе Даниила съ Вассіаномъ, 4—5, съ одной стороны и рукоп. Имп. Публ. библ. F. II, № 74, л. 337—338 съ другой. Ср. также старопечатную кормчую 1653 г., л. 352.

заявить о принципѣ полной неприкосновенности и неизмѣнности кормчей книги. Но этотъ самый принципъ Данилъ самъ нарушилъ своими собственными дѣйствіями: онъ самъ трудился, будучи еще въ санѣ игумена, надъ составленіемъ собранія кормчей книги и не одинъ, а въ сообществѣ другихъ¹. Существуетъ весьма основательное предположеніе, по которому Даниилу приписывается болѣе или менѣе непосредственное участіе въ составленіи особой редакціи кормчей книги, такъ-называемой сводной кормчей.² Будучи уже митрополитомъ, Данилъ благословилъ и поручилъ своему ученику и преемнику по игуменству, Нифонту Кормилцину, продолженіе начатаго имъ самимъ труда составленія сводной кормчей, который и оконченъ былъ Нифонтомъ уже при митрополитѣ Макаріѣ, давшемъ по примѣру Даниила на сей трудъ свое благословеніе. Основаніемъ для сводной кормчей послужилъ все тотъ же номоканонъ патр. Фотія, которымъ воспользовался и Вассіанъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ сводной кормчей помѣщены правила въ ихъ сокращенномъ видѣ и кромѣ того послѣ каждой грани здѣсь внесены еще соотвѣтствующія и подходящія статьи, заимствованныя изъ разныхъ греческихъ и русскихъ церковныхъ писателей³. Такимъ образомъ, Данилъ, выставляя противъ Вассіана, принципъ неизмѣняемости и неприкосновенности кормчей книги, самъ является непослѣдовательнымъ, противорѣчащимъ своимъ собственнымъ дѣйствіямъ. Здѣсь впрочемъ непослѣдовательность болѣе формальная, принципиальная. Если обратить вниманіе на характеръ сохранившагося въ отрывкѣ собранія кормчей Даниила и сводной кормчей и взять въ расчетъ содержаніе того, что собственно принадлежитъ въ нихъ Даниилу, тогда придется придти къ тому заключенію, что, собственно говоря, Данилъ ничего не привнесъ въ кормчую лично отъ себя, отъ своей собственной авторской производительности, какъ-то сдѣлалъ напротивъ Вассіанъ. Въ сущности составъ кормчей оставленъ имъ безъ измѣненія. Только въ концѣ нѣкоторыхъ главъ ея помѣщены выписки изъ разныхъ церковныхъ писате-

¹ Рукоп. Воскресен. Новоіерусалимской библ. № 28. Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1847 года, № 7. Описъ книгъ Іосифова монастыря, 13.

² Макарій, Истор. Рус. церкви, т. VIII, 159—160.

³ Баронъ Розенкмпфъ, Обзоръ кормчей книги въ историческомъ видѣ М. 1829 г. 13—14.

лей и отцовъ церкви, подтверждающія собою нѣкоторыя излюбленныя идеи собирателя (наприм. о строгомъ преслѣдованіи еретиковъ) и сгруппированныя имъ несомнѣнно въ полемическихъ цѣляхъ. Авторитетность выписокъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ они принадлежатъ разнымъ отцамъ церкви и общезвѣстнымъ и уважаемымъ церковнымъ писателямъ, такъ что Даниила и другихъ его продолжателей никто не могъ упрекнуть въ некомпетентности того, что привнесено было ими самими въ кормчую. Между тѣмъ Вассіанъ очень многое уничтожилъ въ своемъ собраніи кормчей и въ свою очередь внесъ туда и собственный, имъ самимъ написанный, полемическій трактатъ. Сравнительная оцѣнка содержанія того, что сдѣлано для своего собранія кормчей Данииломъ съ одной стороны и Вассіаномъ — съ другой показываетъ, что м. Даниилъ могъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своихъ дѣйствій обвинять и судить Вассіана за его попытку измѣнить неизмѣняемый по его взгляду характеръ кормчей книги. Только то обстоятельство, что Даниилъ, осуждая Вассіана за составленіе имъ новаго сборника правилъ, въ тоже самое время не гнушается пользоваться новымъ переводомъ нѣкоторыхъ толкованій, явившихся только благодаря настойчивости Вассіана, помимо того, что бросаетъ тѣнь на нравственный характеръ митрополита, но оно и противорѣчитъ высказанному имъ самимъ на соборѣ взгляду о неприкосновенности и неизмѣняемости кормчей книги. — Вообще нужно сказать, что тамъ, гдѣ играютъ роль личные счеты, тамъ очень трудно бываетъ выдѣлать истинные взгляды лицъ, которыя ведутъ между собою литературныя состязанія. Это видно и въ преніи митр. Даниила съ Вассіаномъ, въ которомъ каждый изъ нихъ подъ вліяніемъ за тронутаго личнаго чувства увлекается и договаривается до крайностей. Поэтому требуется большая осмотрительность и осторожность для того, чтобы изъ пренія Даниила съ Вассіаномъ выдѣлать истинные взгляды того и другаго. Въ сущности всѣ обвинительные пункты, выставленные митрополитомъ Данииломъ противъ Вассіана по поводу составленія имъ особаго собранія кормчей книги, имѣютъ одинъ источникъ, который заключается въ ея полемическомъ характерѣ. Вассіанъ существеннѣйшимъ образомъ судился за свою кормчую — настолько, насколько онъ въ ней затрогивалъ жгучій вопросъ своего времени — о монастырскихъ имуществѣхъ.

На представленные м. Данииломъ въ защиту вотчинныхъ правъ монастырей доводы Вассіанъ отвѣчалъ кратко и уклончиво.

Онъ даже какъ бы хотѣлъ показать видъ, что аргументы его судей дѣйствуютъ на него убѣдительнымъ образомъ. На указанные ему примѣры владѣнія селами со стороны нѣкоторыхъ древнихъ подвижниковъ Вассіанъ замѣтилъ: «тѣ держали села, а пристрастія къ нимъ не имѣли»¹. Отвѣтъ Вассіана скрыто допускалъ мысль о совершенно противоположномъ отношеніи ко владѣнію селами нѣкоторыхъ святыхъ подвижниковъ позднѣйшаго, ближайшаго къ нему, времени. Дѣйствительно, имѣя въ виду дальнѣйшія объясненія Вассіана на соборѣ, онъ держалъ у себя въ головѣ эту мысль, когда давалъ такой отвѣтъ собору. Да и члены собора, и въ томъ числѣ м. Данилъ, хорошо поняли заднія мысли, которыя скрывались за отвѣтомъ Вассіана, и ухватились за нихъ и выставили ихъ однимъ изъ новыхъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Вассіана. Обвиненіе имѣло свою дѣйствительную почву и основывалось на скептическомъ отношеніи Вассіана къ святости нѣкоторыхъ подвижниковъ, канонизованныхъ въ позднѣйшее время, уже на его глазахъ. Какъ человекъ скептическій и критическаго направленія, онъ позволилъ себѣ усумниться въ дѣйствительной святости и цѣлебности мощей св. митрополита Іоны и преп. Макарія Калазинскаго.

Мощи святителя Іоны, умершаго въ 1461 году, обрѣтены были въ 1472 году². По случаю ихъ обрѣтенія установлено было празднованіе въ честь св. митрополита Іоны по всей русской землѣ, и установлено непосредственно по распоряженію великаго князя Іоанна Васильевича³. Впрочемъ, окончательная канонизація митрополита Іоны послѣдовала уже въ 1547 году, тогда же по порученію митр. Макарія написано было и житіе его⁴. Трудно опредѣлить причины, которыя лежали въ основѣ сомнѣній Вассіана въ святости м. Іоны. О нихъ можно только гадать. Особенностію характера Вассіана служило между прочимъ и то, что онъ свою ненависть къ людямъ переносилъ и на всѣ дѣйствія, исходившія отъ нихъ. Такъ могло случиться и здѣсь. Чествованіе святителя Іоны установлено было, такъ по крайней мѣрѣ передаютъ нѣко-

¹ Прѣпіе Данила съ Вассіаномъ, 6.

² Историч. словарь о святыхъ русской церкви, Сиб., 1836 г. 136—138.

³ Полное Собр. Рус. Лѣтоп. т. VI, 196, годъ 1472 годомъ.

⁴ Акты А. Эксп. т. I, № 213, 203. Ключевскій, Древнерусскія житія святыхъ, какъ истор. источники, М. 1871 г. 240—243.

торые лѣтописцы, по личной инициативѣ великаго князя Іоанна Васильевича, такого человѣка, отъ котораго много пришлось пострадать Вассіану, и къ которому онъ, конечно, ничего не чувствовалъ кромѣ вражды и ненависти. Но скептическое отношеніе Вассіана къ святости Іоны имѣло еще свои основанія въ воззрѣніяхъ школы, къ которой онъ принадлежалъ. Извѣстно, что заволжцы отрицали всякую компетентность свѣтской власти въ дѣлахъ церковныхъ; между тѣмъ м. Іона былъ канонизованъ по личной инициативѣ великаго князя, что для заволжцевъ было дѣйствіемъ противозаконнымъ. Отсюда Вассіанъ, отрицая законность дѣйствій государя въ канонизаціи митрополита Іоны, пришелъ къ отрицанію и самыхъ послѣдствій этихъ дѣйствій, какими была въ данномъ случаѣ канонизація Іоны. Притомъ нужно имѣть въ виду то весьма важное обстоятельство, что сомнѣніе Вассіана въ святости м. Іоны не было исключительнымъ, единичнымъ фактомъ. Даже въ самое житіе Іоны занесено нѣсколько примѣровъ неуваженія къ этому святителю; еще при жизни Іоны не хотѣлъ слушать его опредѣленій извѣстный подвижникъ Пафутій Боровскій; одинъ бояринъ не вѣрилъ святости м. Іоны и потому не принималъ его благословеній; существовали такіа лица, которыя отвергали нѣкоторые изъ чудесъ, совершенныхъ м. Іоною¹.

Болѣе является данныхъ для уясненія скептическаго отношенія Вассіана къ святому Макарію Калязинскому. Личность Макарія и его дѣятельность тѣсно были связаны съ кружкомъ людей, воспитанныхъ и симпатизировавшихъ идеямъ Іосифа Волоцкаго, и принадлежавшихъ къ числу его приверженцевъ. Святаго Макарія зналъ лично Іосифъ Волоцкій и оставилъ о немъ похвальный отзывъ въ своемъ «отвѣщаніи любозазорнымъ». ² Мощи преп. Макарія открыты были въ 1521 году и канонизація ихъ была совершена м. Даниломъ. Когда дошелъ слухъ до Москвы о происходящихъ отъ св. мощей Макарія чудесахъ, то митрополитъ потребовалъ къ себѣ на лицо людей, получившихъ исцѣленіе. Часть ихъ дѣйствительно явилась въ Москву. Для разслѣдованія дѣла о чудесахъ Макарія Данилъ отправилъ на мѣсто происше-

¹ Житіе м. Іоны въ рукоп. Новг. Соч. библ., № 1491, л. 176—200. См. также у Николаевского, Рус. проповѣди XV и XVI вв. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1868 г., т. 137, 364.

² Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Рос. 1847 г., № 7, отд. IV, 13.

ствія и совершенія изъ чудовскаго архимандрита Іону, и уже только послѣ подтвержденія всего слышаннаго о чудесахъ Макарія архимандритомъ Іоною, митрополитъ созвалъ соборъ, на которомъ и установлено было чествованіе мощей преп. Макарія Калязинскаго¹. Особенную, священную ревность къ прославленію мощей св. Макарія оказалъ Юрій Ивановичъ Дмитровскій, братъ великаго князя, человекъ, всѣ симпатіи котораго издавна находились на сторонѣ Волоколамскаго монастыря и его постриженниковъ². Такимъ образомъ, личность св. Макарія Калязинскаго постоянно окружена была симпатіями людей, связанныхъ съ традиціями Іосифа Волоцкаго. Между тѣмъ извѣстна ненависть, какую питалъ ко всему, исходящему и напоминавшему собой Волоколамскій монастырь, Вассіанъ. Тѣмъ болѣе онъ не могъ равнодушно отнестись къ дѣйствіямъ м. Даниила, его закятаго врага и рьянаго іосифлянина, и признать за нѣкоторыми изъ нихъ права законности, хотя бы эти дѣйствія исходили изъ его чисто-священнаго, іерархическаго служенія. Личное неудовольствіе на Даниила за канонизацію Макарія Калязинскаго, Вассіанъ не стѣмилъ скрыть даже и на судившемъ его соборѣ. Самая канонизація Макарія Калязинскаго послужила для Вассіана предметомъ для укора, обращеннаго имъ лично къ м. Даниилу.

Своей ссылкой на то, что древніе подвижники благочестія, хотя и владѣли селами, но не имѣли къ нимъ пристрастія, Вассі-

¹ Рукоп. Н. П. библ. Q. I, № 173. Служба и житіе Макарія Калязинскаго. Рукоп. И. П. библ. изъ древнехранилища Погодина, № 1571, л. 28—47. Рукоп. Моск. Епарх. библ. при Высокопетровскомъ монаст., № 403/171, л. 118—134. Рукоп. Имп. Пуб. биб. изъ древнехранил. Погодина, № 1581, л. 67—83. Лебедевъ. Описаніе Троицкаго Калязин. мон., Ярославль, 1867 г., 19—22. Никонов. лѣтоп. VI, 227. Митропол. Макарій 1547 г. установилъ всеобщее чествованіе препод. Макарія Калязинскаго. А. А. Э. т. I, № 213, 203.

² При открытіи мощей св. Макарія онъ пришелъ въ такой религіозный восторгъ, что, по словамъ одного житія Макарія, «изнебреже власть, презрѣ величество, не пощадѣ драгіа одежды, повержеся на землю, молясися со умиле-ніемъ». Авторъ статьи: «Описаніе рукописныхъ сборниковъ Новгород. Соф. биб.» отнесъ вышеприведенныя слова къ м. Даниилу, который по всѣмъ встрѣчавшимся мнѣ житіямъ св. Макарія не указывается лично присутствующимъ при открытіи его мощей. Вышеприведенныя слова дѣйствительно воспроизводитъ одно житіе Макарія Калязинскаго, но оно относитъ ихъ къ личности князя Юрія Ивановича, а не м. Даниила. См. Лѣтопись занятій Археогр. Комис. 1864 г., вып. III, Сиб. 1865 г., 86—87. Сравни. рукоп. Соф. библ., № 1356, л. 746.

анъ подавъ естественный переходъ къ разсужденію вообще объ отношеніи святыхъ чудотворцевъ ко владѣнію селами. Отвѣтъ Вассіана былъ такъ формулированъ, что онъ скрыто предполагалъ собою мысль о привязанности чудотворцевъ послѣдняго времени къ земнымъ благамъ. Какъ Вассіанъ, такъ равно и м. Даниилъ, хорошо знали, кого они разумѣли подъ «нынѣшними», какъ они выражались, чудотворцами. Здѣсь рѣчь идетъ ни болѣе ни менѣе какъ о Макаріѣ Калязинскомъ и о митрополитѣ Іонѣ. — «Ты почто мнишь, говорилъ Даниилъ Вассіану на его извѣстный отвѣтъ, и нынѣшнихъ чудотворцевъ страстныхъ?» — «Азъ того не вѣдаю, чудотворцы-ли то бываю», отвѣчагъ смѣлый до дерзости Вассіанъ. Митрополитъ поставилъ въ вину Вассіану то, что онъ не почитаетъ святителя Іону. — «Слышали есмь отъ многихъ достовѣрныхъ, такъ говорилъ митрополитъ Вассіану, ако вси православнии покланяются честному гробу и святымъ мощемъ св. Іоны Чудотворца, митрополита всея Руси; да ты-де, Васьянъ, единъ токмо не покланяешься ему». — «Азъ не вѣдаю, Іона чудотворецъ-ли», таковъ былъ отвѣтъ Вассіана. Еще рѣзче отзывается Вассіанъ о святости Макарія Калязинскаго. Даниилъ обвинялъ его въ томъ, что онъ отвергалъ дѣйствительность чудесъ преподоби. Макарія. «Да ты-де, Васьянъ, такъ формулировалъ свое обвиненіе Даниилъ, говорилъ про чудотворцевъ: Господи, что ся за чудотворцы? сказываютъ, въ Калязинѣ Макарь чудеса творить, а мужикъ былъ сельской». Вассіанъ нисколько не отказался отъ своихъ словъ и подтвердилъ обвиненіе, хотя и при этомъ нашелъ возможнымъ сильно уколотъ самого митрополита. — «Азъ его зналъ, говорилъ Вассіанъ на соборѣ о Макаріѣ Калязинскомъ, простой былъ человекъ, а будетъ ся чудотворецъ, ино какъ вамъ любо и съ нимъ, чудотворецъ-ли сей будетъ, не чудотворецъ-ли». Выраженіе Вассіана: «какъ вамъ любо» прямо било въ глаза митрополиту Даниилу, который самъ канонизовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ св. Макарія. Несмотря на сдѣланное Вассіаномъ оскорбленіе, Даниилъ удержался въ предѣлахъ умѣренности и видимаго безпристрастія. На слова Вассіана онъ замѣтилъ: «аще восхощешь судити святыхъ, обрящешь многихъ и во святыхъ пророцѣхъ и во святыхъ апостолѣхъ, и во архіереехъ, и въ праведныхъ и въ преподобныхъ».... и что для Бога въ дѣлѣ святости важно не тѣлесное благородіе, но духовное»¹. Въ названіи

¹ Путьіе Дая. съ Вассіаномъ, 9, 11.

Вассіаномъ Макарія простымъ сельскимъ мужикомъ никакъ нельзя видѣть указанія на его низкое происхожденіе. Іосифъ Волоцкій, лично знавшій преп. Макарія, въ своей повѣсти о немъ называетъ его «сродникомъ большимъ бояромъ тверскимъ» и относитъ его происхожденіе къ потомкамъ бояръ Кожиныхъ¹. Самъ Вассіанъ, по его собственному заявленію, лично зналъ преподобнаго Макарія, и потому, понятно, онъ не могъ не знать и о его происхожденіи. Своимъ названіемъ Макарія сельскимъ мужикомъ Вассіанъ хотѣлъ сказать только о его необразованности, которая по понятіямъ приближала его къ простому классу общества. Потому самому отвѣтъ Данила, данный имъ Вассіану по поводу его разсужденія о Макаріѣ, не только не отвѣчалъ цѣли и не соответствовалъ настоящему смыслу словъ Вассіана, который на всѣ доводы митрополита въ пользу святости вновь причисленныхъ къ лику святыхъ мужей, замѣтилъ съ ѣдкой ироніей: «*иже, господине, въдастъ Богъ да ты и съ своими чудотворцы!*».... Вассіанъ допускалъ несомнѣнно и другія выходы противъ недавно канонизованныхъ святыхъ Іоны и Макарія. Поэтому непреувеличеннымъ кажется обвиненіе его Даниломъ въ томъ, что онъ называлъ чудотворцевъ «смутотворцами», потому что они имѣли у монастырей села и люди².

Скептическое отношеніе Вассіана къ святости м. Іоны и Макарія Калязинскаго нельзя разсматривать, какъ обнаруженіе крайняго либерализма, отрицающаго почитаніе святыхъ вообще. Вассіанъ на самомъ дѣлѣ былъ далекъ отъ всего подобнаго³. Его скепсисъ ограничивался только личностями двухъ святыхъ и происхожденіе его обуславливалось частью характеромъ его полемики о безусловной монашеской нестяжательности, подъ понятіе которой не совсѣмъ подходили ни Іона, ни Макарій, частью же тѣми побочными обстоятельствами, которыми сопровождалась канонизація того и другаго. Эти обстоятельства сводятся къ личному нерасположенію Вассіана къ тѣмъ лицамъ, которые канонизовали

¹ Рукоп. Волон оламскаго монастыря, хран. въ мон. ризницѣ, № 17/444, XVI в., л. 162. Подобное и въ житіяхъ препод. Макарія. Рукоп. П. П. биб. изъ древнехр. Погодина, № 1571, л. 28—43.

² Прѣп. Дан. съ Васс. 3, 11

³ «Мы чтимъ, писалъ Вассіанъ противъ обвиненія Іосифа Волоцкаго, кievскихъ и всѣхъ русскихъ чудотворцевъ, и называемъ ихъ знаменосцами». Полем. соч. Васс., Пр. Собес. 1863 г., ч. III, 204—205.

свв. Іону и Макарію. Разсматриваемое съ этой стороны, непочтеніе Вассіана къ свв. Іонѣ и Макарію свидѣтельствуешь не столько о его крайне либеральныхъ противоцерковныхъ воззрѣніяхъ, сколько о недостаткахъ его нравственного характера, зараженного сильнымъ самолюбіемъ, подъ вліяніемъ котораго онъ не могъ различать въ своей ненависти и ненавистныхъ ему лицъ и ихъ дѣйствій, какъ бы послѣднія справедливы и законны ни были. Скептическое отношеніе Вассіана къ свв. Іонѣ и Макарію не можетъ особенно поражать своей смѣлостью и дерзостью и потому, что въ древней Руси такое явленіе не составляло чего-нибудь рѣзкаго и противуцерковнаго. Условія канонизаціи святыхъ того времени были нѣсколько иныя, чѣмъ какія существуютъ въ настоящее время. Тогда каждая отдѣльная область имѣла и чтитъ своихъ мѣстныхъ святыхъ, «каждо своихъ блажила», какъ говорили тогда, и весьма рѣдко дѣлала это въ отношеніи святоотеческихъ подвижниковъ, принадлежавшихъ къ другой области. Отсюда происходило то, что люди, выѣхавшіе напр. изъ Москвы, явившись въ Новгородъ, позволяли себѣ неуважительно относиться къ мѣстнымъ новгородскимъ святымъ¹. Съ другой стороны новгородцы дѣлали тоже самое въ отношеніи святыхъ, почитавшихся въ московской области. Вообще условія канонизаціи въ древнерусской церкви не отличались строгостію и опредѣленностію, что само собою давало широкій просторъ инициативѣ отдѣльныхъ лицъ, монастырей и наконецъ мѣстностей въ дѣлѣ канонизаціи того или другого святого.

Выходя при оцѣнкѣ монашескаго подвижничества изъ духа строгаго евангельскаго ученія, Вассіанъ жизнь иноковъ тѣхъ монастырей, которые владѣли селами и крестьянами, признавалъ не соотвѣтствующей требованіямъ евангельскаго самоотверженія и тѣмъ обѣтамъ полной нестяжательности, какіе даетъ каждый инокъ, вступая въ монастырь. Такая точка зрѣнія не гармонировала съ существующими порядками въ монашествѣ. Онъ видѣлъ громадное противорѣчіе между назначеніемъ монашества и его дѣй-

¹ Примѣръ подобнаго отношенія можно видѣть въ новгород. архіепископѣ Сергіѣ, родомъ москвитѣ. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. III, 243—244, т. V, 41—42, Іоаннъ II не хотѣлъ почитать Варлаама Хутынскаго. Николаевскій, рус. проповѣдь въ XV и XVI вв., Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1868 г., т. 137, 363—365.

ствительнымъ положеніемъ. Это сильно возмущало Вассіана и онъ, вѣрный своимъ строго евангельскимъ взглядамъ на монашество, подъ влияніемъ его называлъ современныхъ ему любостязательныхъ монаховъ «отступниками (т.-е. отъ своихъ обѣтовъ), которымъ св. писаніе муками претитъ, и огню вѣчному осуждаетъ и проклятію предаетъ». Такъ онъ писалъ въ своемъ каноническомъ трактатѣ ¹ и при удобномъ случаѣ не стѣснялся называть въ лицо «отступниками» тѣхъ монаховъ и епископовъ, которые держались совершенно иныхъ взглядовъ на монашество ². Съ точки зрѣнія своихъ духовноаскетическихъ воззрѣній на иночество Вассіанъ былъ правъ, называя отступниками современныхъ ему монаховъ, изъ которыхъ многіе дѣйствительно по своей роскошной жизни представляли изъ себя наглядный примѣръ пренебреженія истинными иноческими обѣтами, и вполне заслуживали за свою нравственную жизнь названія отступниковъ отъ данныхъ ими обѣтовъ монашеской нестяжательности. Во всякомъ случаѣ, употребляя выраженіе отступниковъ по отношенію къ любостязательнымъ монахамъ, Вассіанъ имѣлъ здѣсь въ виду одну *нравственную сторону дѣла* и вообще стоялъ на одной нравственной точкѣ зрѣнія. Конечно, кромѣ своей оскорбительной для защитниковъ вотчинныхъ правъ монастырей стороны, названіе Вассіана современныхъ монаховъ отступниками не согласовалось съ установившимися понятіями представителей церковно-формальнаго, консервативнаго направленія. И дѣйствительно, м. Даниилъ строго осуждалъ Вассіана на соборѣ за его названіе монаховъ отступниками и видѣлъ въ немъ «облыганіе божественнаго писанія». Митрополитъ держась строго формальной, церковно-канонической почвы, призналъ мнѣніе Вассіана даже прямо еретическимъ. — «Божественныя писанія и священныя правила иноковъ отступники не именуютъ, такъ говорилъ Даниилъ на соборѣ противъ Вассіана, не яко же ты нынѣ всѣхъ монастырей иноковъ нарицаеши отступниковъ.... ино то еси еретическое мудрованіе мудрствовалъ». Митрополитъ съ точки зрѣнія формальнаго канониста рассуждалъ, что тотъ, кто согрѣшитъ изъ православныхъ, не называется отступникомъ. Въ подтвержденіе своего взгляда Даниилъ сослался

¹ Рукоп. Императ. Публ. библ., V. II, № 74, 376—377.

² Рукоп. Имп. Публ. биб. XVII, № 64, л. 294. Посланіе Іосифа Волоцкаго къ Челлдину.

на одно правило Карфагенскаго собора ¹, на изреченія св. Доротея, Меодія, — Константинопольскаго патріарха, учительнаго Евангелія и др. Изъ представленной имъ аргументаціи видно, что онъ понималъ отступничество въ его строго-юридическомъ, каноническомъ смыслѣ, какъ отступничество отъ вѣры во Христа, а не какъ отступничество отъ тѣхъ или другихъ правилъ и требованій христіанской морали, какъ-то напротивъ понималъ Вассіанъ. Несмотря на такое разграниченіе понятій отступника м. Данилъ все-таки отнесся ко мнѣнію Вассіана, какъ къ ереси, и такимъ образомъ повторилъ ту же неточность, въ какую впадалъ и Вассіанъ. Выставляя Вассіана еретикомъ за его названіе отступниками монаховъ — вотчинниковъ, Данилъ тѣмъ самымъ платилъ одной и той же монетой Вассіану, который самое право монастырей на владѣніе землями и крестьянами называлъ новой ересью ².

Въ обвиненіи м. Даниломъ Вассіана, за названіе отступниками монаховъ — вотчинниковъ проглядываетъ намѣреніе обвинителя преувеличить вину подсудимаго. — «Въ лѣта же сія явись ты, Вассіанъ старецъ, говорилъ Данилъ на соборѣ, вся вѣрующія во Христа православныя похулилъ еси, и всѣхъ еретики и отступники нарекъ еси, и въ правилѣхъ своихъ отступники и законопреступники написалъ еси». Собственно говоря, Вассіанъ названіе отступниковъ относилъ только къ монахамъ — вотчинникамъ, далеко не ко всѣмъ христіанамъ. Высказанная Даниломъ и приписываемая имъ Вассіану мысль можетъ быть признана только за логическій выводъ, сдѣланный самимъ митрополитомъ изъ мнѣнія Вассіана. Такъ какъ послѣдній высказывался объ отступничествѣ монаховъ на основаніи только ихъ нравственныхъ недостатковъ, а такъ какъ ни одинъ человѣкъ христіанинъ, какъ справедливо доказывалъ митрополитъ, не можетъ жить не имѣя никакихъ нравственныхъ недостатковъ, то отсюда Данилъ логически выводилъ и распространилъ названіе отступниковъ, дававшееся Вассіаномъ только однимъ любостяжательнымъ монахамъ, на всѣхъ православныхъ, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не дѣлалъ самъ Вассіанъ. Что дѣйствительно Вассіанъ названіе отступниковъ ограничивалъ только извѣстнымъ кружкомъ жившихъ въ богат-

¹ Именно на 115-е, старопеч. Кормчая 1653 г., л. 162.

² Разсужденіе Вассіана о неприличіи монахамъ владѣть вотчинами. Чтенія въ Обществѣ Исторія и Древностей Россійскихъ 1859 года, кн. III, отд. 3.

ствѣ и роскоши монаховъ, это видно изъ разсмотрѣнія всего обвиненія по поводу употребленія имъ названія отступниковъ. Самъ Даниилъ главнымъ образомъ налегалъ на Вассіана по поводу выставленнаго противъ него обвиненія за его отрицаніе права монастырей на владѣніе вотчинами. Точно также вполне хорошо понималъ заднія причины обвиненія и Вассіанъ, когда онъ въ заключеніе своего объясненія по поводу извѣстнаго обвиненія сказалъ на судѣ, что онъ все-таки не можетъ похвалить тѣхъ, которые держатъ села.

На обвиненіе въ еретическѣ за названіе монаховъ-вотчинниковъ отступниками Вассіанъ кратко отвѣчалъ: «азъ себѣ писалъ, на воспоминаніе своей души, да и тѣхъ не похваляваю, которые села держатъ». Оправданіе, какое дѣлаетъ Вассіанъ, ссылаясь на то, что онъ выразился извѣстнымъ образомъ въ своемъ каноническомъ разсужденіи, предназначенномъ только для его личнаго, частнаго употребленія, не можетъ быть никакимъ образомъ заподозрѣно въ неискренности: самый трактатъ его озаглавленъ точно такъ же, какъ теперь высказывается его авторъ. Вассіанъ написалъ его на воспоминаніе «своего обѣщанія» (монашескаго обѣта). Только нѣкоторыя дѣйствія Вассіана, съ какими связана дѣйствительная исторія его кормчей, нѣсколько противорѣчили настоящему заявленію его на соборѣ.

Митрополитъ Даниилъ обвинялъ Вассіана еще въ томъ, что онъ внесъ въ свои правила «ученіе еллинскихъ мудрецовъ: Аристотеля, Омѣра (Гомера), Филиппа, Александра, Платона» и тѣмъ самымъ нарушилъ священныя правила, которыми не позволено ни отнимать, ни прибавлять что-либо въ книгахъ священныхъ. Вассіанъ на обвиненіе митрополита отвѣчалъ, что онъ не припомнитъ, къ чему онъ написалъ что-нибудь такое въ этомъ родѣ и затѣмъ прибавилъ: «а буде что не пораздо, и ты исправи». Едва ли можно допустить, чтобы самолюбивый Вассіанъ говорилъ здѣсь искренно и на самомъ дѣлѣ предлагалъ митрополиту исправить свою кормчую или по крайней мѣрѣ былъ не прочь отъ этого. Такое предложеніе было совершенно не въ духѣ его характера, и онъ, какъ бы ни ломала его судьба, едва ли рѣшился бы на самомъ дѣлѣ допустить митрополита, — ненавистнаго іосифлянина, до того, чтобы онъ могъ исправлять его сочиненія, написанныя имъ, не по какому-либо другому поводу, а какъ только по вызову все тѣхъ же ненавистныхъ іосифлянъ. Скорѣе всего въ отвѣтъ

Вассіана нужно видѣть тонкую насмѣшку надъ митрополитомъ, объ умственныхъ познаніяхъ котораго Вассіанъ привыкъ думать очень низко и даже считалъ его нравственно нерасположеннымъ къ просвѣщенному труду, а болѣе всего преданнымъ пирамъ и другого рода чувственнымъ удовольствіямъ ¹.

Не совѣтъ былъ правъ и безпристрастенъ къ своему подсудимому Даниїлъ, когда ставилъ ему въ особенную вину внесеніе имъ въ свое сочиненіе ученія еллинскихъ мудрецовъ. Самъ Даниїлъ въ составляющихся для него и подъ его руководствомъ сборникахъ отводилъ мѣсто и нѣкоторымъ памятникамъ еллинской мудрости ² и равнымъ образомъ въ своихъ сочиненіяхъ помѣщалъ сказанія и о языческихъ царяхъ ³. Конечно между главникомъ Даниїла, сборникомъ, назначеннымъ для частнаго употребленія и никѣмъ не авторизованнымъ, и сборникомъ правилъ, предназначеннымъ хотя для частнаго употребленія, но имѣющимъ каноническую и, значитъ, общецерковную важность, необходимо должно полагать различіе по степени важности ихъ содержанія. Но за то въ формальномъ отношеніи, въ данномъ случаѣ немаловажномъ, едва ли можно проводить границу, различающую ихъ одинъ отъ другаго: какъ тотъ, такъ и другой, предназначались для частнаго, домашняго употребленія ихъ собирателей и авторовъ, и съ этой стороны оба они находятся совершенно въ одинаковомъ положеніи.

Не забылъ митрополитъ и крайне рѣзкихъ отзывовъ Вассіана о неудовлетворительномъ состояніи священныхъ и церковно-богослужебныхъ книгъ въ Россіи. — «Ты многимъ людямъ, такъ обличалъ Даниїлъ Вассіана на соборѣ, говорилъ еси: правила писаны отъ діавола, а не отъ Св. Духа, и правило зовеша кривою, а не правиломъ». Дѣйствительно, Вассіанъ выражался въ этомъ

¹ Прѣіе Даниїла съ инокѣмъ Максимѣмъ Святѣгорцемъ. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1847 г., № 7. 7, 8.

² Въ главникѣ м. Даниїла между многими другими статьями находятся и слѣдующія: «Сократа, мудреца еллинскаго, вопросы и отвѣты», Аристотеля философа отъ епистолѣи къ царю Александру Македон.» Рукоп. Моск. Дух. Акад. № ^{134 экз.} 489 Волж., главы 13—14.

³ См. рукоп. Новг. Соф. биб. № 1281, посланіе 6-е. Здѣсь находится сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ.

духъ и приблизительно въ этихъ же самыхъ словахъ¹. Такой рѣзкій отзывъ о русскихъ церковныхъ книгахъ вызванъ былъ разнаго рода внѣшними и внутренними обстоятельствами, подъ влияніемъ которыхъ находился нѣкоторое время Вассіанъ. Его критическій умъ очень рано подмѣтилъ недостатки и неправильности въ книгахъ². Время шло. Полемика съ Іосифомъ Волоцкимъ и его сторонниками все возрастала и принимала все болѣе и болѣе острый характеръ. Недовѣріе къ современнымъ переводамъ и невозможность отыскать въ нихъ опоры для своихъ мнѣній терзали Вассіана и не давали ему покоя. Является къ нему на помощь, Максимъ Грекъ, который своими знаніями и открываетъ ему глаза на страшную порчу русскихъ церковныхъ книгъ. Долгое время волнуемый сомнѣніями, Вассіанъ теперь подъ влияніемъ накопившейся злобы не могъ высказаться умѣренно, чему препятствовали еще сложившіеся подъ дѣйствіями тяжелыхъ обстоятельствъ жизни его желчный и раздражительный характеръ. Дѣйствительно, Вассіанъ и выразился о состояніи русскихъ книгъ въ такой рѣзкой формѣ, которая удивила его враговъ и людей противнаго ему направленія и послужила для нихъ однимъ изъ дѣйствительныхъ и серьезныхъ поводовъ къ его обвиненію. Отзывъ его при тогдашнемъ отношеніи ко всѣмъ книгамъ религіознаго содержанія былъ поразительнымъ для весьма многихъ и, взятый самъ по себѣ, онъ крайне одностороненъ и влекъ за собою весьма дурныя послѣдствія. Поэтому м. Данилъ вполне былъ правъ, ставя въ вину Вассіану его извѣстныя слова, которыми подрывалось у современниковъ уваженіе къ священнымъ и церковнымъ книгамъ, источнику христіанскаго вѣроученія и христіанской морали. Съ другой стороны извѣстныя обстоятельства, въ которыхъ находился Вассіанъ и подъ влияніемъ которыхъ онъ дѣйствовалъ, и наконецъ тѣ печальныя черты его раздражительнаго характера, которыя сами собой предрасполагали къ рѣзкости, не дозволяютъ видѣть въ извѣстныхъ рѣзкихъ отзывахъ Вассіана о состояніи русскихъ церковныхъ книгъ проявленія его крайне раціоналистическихъ и либеральныхъ воззрѣній вообще на источники христі-

¹ Прѣіе Данила съ Вассіаномъ, 3, 11. Прѣіе Данила съ инокомъ Максимомъ. Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1847 г., № 7. 10.

² Разсужденія Вассіана о неправлѣніи монастырямъ владѣть вотчинами. Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1859 г., № 3. 6.

анскаго вѣроученія. На самомъ дѣлѣ Вассіанъ, какъ свидѣтельствуя его сочиненія, вполне съ уваженіемъ относился ко всемъ священнымъ книгамъ, и при аргументаціи своихъ идей пользовался почти всеми тѣми письменными памятниками религіознаго содержанія, какими пользовались и люди формальнаго направленія съ тѣмъ впрочемъ различіемъ отъ послѣднихъ, что они имѣли въ его глазахъ низшее второстепенное значеніе сравнительно съ строго-каноническими священными книгами¹. Характеръ сочиненій Вассіана самымъ дѣломъ противорѣчитъ тому рѣзкому отзыву, который онъ самъ сдѣлалъ по отношенію къ современнымъ ему церковнымъ книгамъ и крайностей котораго онъ самъ на самомъ дѣлѣ вовсе не раздѣлялъ. Ближе къ истинѣ будетъ, если мы извѣстный, рѣзкій и неправильный отзывъ Вассіана станемъ разсматривать не какъ выраженіе его крайне либеральныхъ воззрѣній, а какъ продуктъ его нравственнаго характера и какъ нравственный недостатокъ.

Новую вину Вассіана м. Даниїлъ указалъ въ его участіи въ дѣлѣ перевода Максимомъ Грекомъ житія Пресв. Богородицы, гдѣ оказались еретическія строки, извѣстныя уже изъ суднаго дѣла Максима Грека. Оказалось, что Вассіанъ одинъ изъ списковъ Метафрастова житія Пресв. Богородицы послалъ въ свою Бѣлозерскую пустынь. Между тѣмъ еретическія строки возбудили въ Москвѣ разные толки среди книжныхъ людей. Слухъ о неправильности перевода равно какъ и возбужденные имъ по Москвѣ толки дошли до Вассіана, который и рѣшился по возможности отклонить отъ себя могущія возникнуть отсюда непріятности. Онъ послалъ на Бѣлоозеро къ строителю Христофору² грамоту, въ которой онъ и проситъ уничтожить еретическія строки. Изъ той поспѣшности, съ какой Вассіанъ отнесся къ исправленію опасной ошибки, видно, что онъ въ это время уже потерялъ свое прежнее

¹ Полемич. соч. Вассіана, Правосл. Собесѣд. 1863 г., ч. III, 190, 192—193 и 208.

² Имени этого строителя вовсе не находится въ спискѣ Строева. У него строителемъ Ниловой пустыни Бѣлозерской назыв. Тихонъ подъ 1515 г., Маркелъ подъ 1526 г., Иона подъ 1559 г. Время строительства Христофора можно полагать послѣ Маркелла, т.-е. послѣ 1526 г. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей русской церкви, стр. 87. Очень можетъ быть, что Вассіанова пустыня имѣла отдѣльную администрацію отъ Ниловой.

значеніе при дворѣ. Иначе по своему упрямству онъ не захотѣлъ бы такъ серьезно взглянуть на неправильность перевода, такъ какъ ему хорошо сходились съ рукъ и еще болѣе важныя дѣйствія противъ современныхъ церковныхъ порядковъ и іерархическихъ лицъ. Очевидно, Вассіанъ теперь чувствовалъ шаткость подъ собой почвы и потому такъ поспѣшно постарался исправить ошибку. На соборѣ свидѣтелемъ противъ Вассіана поставленъ былъ извѣстный Вассіанъ Рушанинъ, который далъ извѣстныя уже изъ дѣла Максима Грека показанія, говорившія не въ пользу Вассіана. Вассіанъ Рушанинъ сообщилъ здѣсь о томъ, какъ Вассіанъ вмѣстѣ съ Максимомъ неоднократно и настойчиво подтверждали правильность перевода. На соборѣ Вассіанъ сначала было отказался отъ того, что онъ посылалъ грамоту въ свою пустынь съ спеціальнымъ порученіемъ заглазить еретическія строки, но когда противъ него явился новый свидѣтель Вассіанъ Рогатая Вошь, то онъ, не имѣя данныхъ къ опроверженію обвиненія, сослался на свою забывчивость, что не помнить того, посылалъ ли онъ грамоту или же не посылалъ. Въ уклончивомъ отвѣтѣ Вассіана скорѣе всего нужно видѣть подтвержденіе слѣданныхъ на него показаній.

Собственно говоря, настоящее обвиненіе противъ Вассіана не столько является въ строгомъ смыслѣ обвиненіемъ, сколько оправданіемъ. Изъ суда надъ Максимомъ извѣстно уже, что какъ Максимъ такъ и Вассіанъ настойчиво отказались отъ всякой солидарности съ еретическимъ мнѣніемъ, какое содержала въ себѣ такъ называемая хульная строка перевода метафрастова житія Пресв. Богородицы, а по отношенію въ частности къ Вассіану еретическая мысль этой строки вовсе не гармонировала со всѣми его остальными догматическими воззрѣніями. А если такъ, то поступокъ Вассіана вовсе не заключаетъ въ себѣ чего-либо преступнаго. Напротивъ, онъ говоритъ болѣе за Вассіана. Когда послѣдній окончательно убѣдился въ неправильности перевода и серьезности допущенной погрѣшности, то онъ постарался, насколько это было для него возможно, поскорѣе исправить дѣло. Отсюда очевидно, что Данилъ, выставляя въ вину Вассіану и то, что онъ хотѣлъ уничтожить еретическія строки въ житіи Пресв. Богородицы, подъ вліяніемъ личной непріязни старался тѣмъ самымъ увеличить число обвинительныхъ пунктовъ противъ подсудимаго Вассіана.

До сихъ поръ обвиненія противъ Вассіана группировались

около его кормчей и содержавшихся въ ней воззрѣній ея собирателя. Послѣ обвиненій церковноканоническаго и нравственнаго характера противъ Вассіана выставлены были два весьма важныя обвиненія уже характера чисто догматическаго. Воиервыхъ, Вассіана обвиняли въ томъ, что онъ называлъ и мыслилъ о І. Христѣ какъ о твари, иными словами—его представляли самымъ опаснымъ и вреднымъ еретикомъ. Обвиненіе имѣло долю истинности. Близость Вассіана къ жидовствующимъ, какая существовала у него въ молодые годы, когда онъ былъ еще знатымъ бояриномъ, оказала на него свое дѣйствіе. Явившись затѣмъ на Бѣлоозеро и уже въ положеніи невольнаго инока, Вассіанъ и здѣсь сталъ мучиться и волноваться разными сомнѣніями, навѣянными жидовствующими. Онъ старался провѣрять ихъ на основаніи священныхъ источниковъ, и тутъ ему попалось учительное Евангеліе, гдѣ въ одномъ мѣстѣ ему встрѣтилось неправильное выраженіе о Христѣ, какъ твари. И долго задумывался и «изыскивалъ» эти строки Вассіанъ, живя въ своей пустынѣ, и съ этими сомнѣніями лѣлся опять въ Москву. Живя въ Симоновомъ монастырѣ, онъ сблизился съ однимъ іосифовскимъ постриженникомъ по имени Досіеємъ, котораго онъ долгое время считалъ за старца «добраго и великаго», непохожаго на другихъ іосифлянъ. Вассіанъ, считая Досіея за своего вѣрнаго друга, открылъ предъ нимъ всю свою душу и мучавшія его сомнѣнія. Но откровенность много повредила въ послѣдствіи Вассіану. По прибытіи въ Москву Максима Грека, сомнѣнія Вассіана получили правильное разрѣшеніе, и взгляды его подъ вліяніемъ ученаго святорца измѣнились, и онъ теперь совершенно отказался отъ своего ошибочнаго и еретическаго взгляда. Однако Вассіану не прошли даромъ его прежнія сомнѣнія. На соборѣ 1531 года ему напомнили и объ нихъ. Тутъ, сверхъ всякаго ожиданія, свидѣтелемъ и обвинителемъ противъ Вассіана выступилъ его старый другъ и довѣренное лицо, іосифлянинъ Досіей, который здѣсь оказался вѣрнымъ послѣдователемъ правила о богонаученномъ коварствѣ, коимъ одобрялись и грѣшныя средства для благочестиваго открытія еретиковъ. Вассіанъ, конечно не раздѣлявшій теперь еретическаго мнѣнія о Іисусѣ Христѣ, какъ твари, совершенно отказался отъ него. Когда же противъ него сталъ говорить на соборѣ Досіей, человекъ, которому онъ довѣрялся въ всемъ, и въ которомъ онъ такъ жестоко обманулся, Вассіанъ сильно возмутился такимъ предательствомъ Досіея и на всѣ его показа-

нія съ видимою горечью замѣтилъ ему только, что «Богъ меня съ тобою разсудитъ».¹

Покончивъ давно подъ просвѣтительнымъ вліяніемъ Максима Грека съ своимъ сохлбніемъ, навѣяннымъ встрѣченнымъ въ училищномъ Евангеліи выраженіемъ о лицѣ І. Христа, какъ твари, Вассіанъ, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ударился въ противоположную крайность. Теперь онъ не только не хотѣлъ признавать тварію личность Богочеловѣка, но даже сталъ видѣть въ ней почти исключительно одно божественное существо, самое тѣло Его считая божественнымъ и нетлѣннымъ по своей сущности. Это ученіе Вассіана, дѣйствительно, есть въ полномъ смыслѣ ересь. Онъ училъ, что воспріятое І. Христомъ въ актѣ рожденія тѣло человеческое совершенно отлично отъ тѣла всѣхъ другихъ людей: оно по существу своему нетлѣнно и какъ таковое, оно было нетлѣннымъ и до воскресенія Спасителя. О существованіи такого догматическаго заблужденія свидѣлствуетъ и Максимъ Грекъ.² Очень можетъ быть, что онъ указываетъ здѣсь ни болѣе ни менѣе какъ только на заблужденіе своего друга Вассіана, назвать котораго онъ здѣсь не хотѣлъ въ виду тѣхъ крѣпкихъ узъ дружбы, какія связывали его съ Вассіаномъ. Вассіанъ вполне былъ убѣжденъ въ правотѣ своего ученія и потому на обвиненіе митрополита Даниила, назвавшаго его ученіе древней ересью нетлѣнно-мнимою и не безъ основанія приравнивавшего ее къ ересямъ Аполлинарія, Валентина, Евтихія, Диоскора, къ манихейской ереси и др., онъ настойчиво подтвердилъ его. — «Азъ, господине, отвѣчалъ онъ на обвиненіе Даниила, какъ дотолѣ говорилъ, такъ и нынѣ говорю: плоть Господня нетлѣнна до гроба и во гробѣ нетлѣнна». — Это ученіе Вассіана есть въ полномъ смыслѣ ересь, въ опроверженіе которой митрополитъ Даниилъ привелъ громадное количество свидѣтельствъ св. писанія, св. отцовъ, разныхъ церковныхъ писателей, богослужебныхъ книгъ и др., которыя почти всѣ повторяются въ пятомъ словѣ Даниіловскаго соборника.³ Очень можетъ быть, что самое чтеніе свято-отеческихъ аргументовъ, направленныхъ противъ Вассіана, производилось по специально

¹ Прѣіе Даниила съ Вассіаномъ, 10—11. Прѣіе Даниила съ Максимомъ. 8—9.

² Сочин. Максима Грека, ч. III, IX, 60—79.

³ Прѣіе Дав. съ Вас., 11—28. Сравни. рукоп. Москов. Акад., № 197, слово 5-е.

для этой цѣли составленному самимъ митрополитомъ слову, находящемуся въ его соборникѣ. Въ ряду аргументовъ приведенныхъ противъ заблужденій Вассіана, находятся выдержки изъ Евангелія, апостольскихъ посланій, но особенно много свидѣтельствъ представлено изъ святоотеческой литературы: Златоуста, Василія Великаго, Афанасія Великаго, Кирилла Александрійскаго, Иларіона—епископа Меглинскаго, Евтихія Константинопольскаго, Іоанна Никейскаго, Θεοφана творца каноновъ и др.

Изъ судныхъ актовъ надъ Максимомъ Грекомъ и Вассіаномъ видно, что м. Даниилъ между прочимъ дѣйствовалъ на нихъ ихъ же оружіемъ, т.-е. путемъ богословскихъ состязаній. Этимъ онъ хотѣлъ доказать своимъ антагонистамъ и свою богословскую правоспособность помѣряться силами съ своими литературными противниками. Богословская аргументація, какою дѣйствовалъ Даниилъ противъ Вассіана и Максима, весьма характерна. Въ ней преобладаютъ основанія каноническія, историческія и сказанія, заимствованныя изъ житій святыхъ, богослужебныя пѣсни, но въ ней сравнительно мало отведено мѣста самымъ главнымъ и авторитетнымъ источникамъ христіанскаго вѣроученія—священному писанію въ строгомъ его смыслѣ. Нѣкоторое исключеніе составляютъ опроверженія еретическаго мнѣнія Вассіана, гдѣ встрѣчаются выдержки изъ Евангелія и посланій, но онѣ представлены далеко послѣ другихъ аргументовъ и вообще подавляются массою другихъ менѣе авторитетныхъ основаній.

Судъ надъ Вассіаномъ можетъ служить нагляднымъ выраженіемъ того, какая бездна раздѣляла судей и подсудимаго. Здѣсь яснѣе всего выступаетъ предъ нами противоположность воззрѣній школъ Нила Сорскаго и Іосифа Волоцкаго. Главный судья, м. Даниилъ, вооружался противъ Вассіана и строго судилъ его за его свободныя мнѣнія, будучи вполне искренно убѣжденъ въ лживости его взглядовъ и даже въ его еретичествѣ (послѣднее и вѣрно по отношенію ко мнѣнію Вассіана о плоти Христовой). Съ другой стороны и Вассіанъ свободно держалъ себя предъ своими судьями, вполне увѣренный въ правотѣ своихъ мнѣній и не думалъ сколько нибудь таить и скрывать ихъ. Поэтому въ судѣ надъ Вассіаномъ существеннымъ образомъ играла роль разность, противоположность, а отсюда и борьба взглядовъ, а не личностей. Разсматриваемый съ этой стороны судъ надъ Вассіаномъ долженъ быть отнесенъ къ одному изъ самыхъ выдающихся и замѣчательныхъ эпизодовъ

въ исторіи развитія двухъ направленій древне русской мысли. Но этотъ же самый эпизодъ по справедливости можетъ быть названъ и трагическимъ. Онъ имѣлъ, дѣйствительно, роковое значеніе для воложской братіи.—

Въ судѣ надъ Вассіаномъ тѣмъ не менѣе ясно обозначается и личный двигатель, который руководилъ м. Даниломъ, и подъ вліяніемъ котораго онъ старался, во что бы то ни стало, засудить Вассіана, что ему и удалось, благодаря тому, что за Вассіаномъ, дѣйствительно накопилось не мало проступковъ и погрѣшностей. Но Данилъ, когда благопріятныя обстоятельства передали въ его власть всю судьбу Вассіана, не забылъ и личныхъ счетовъ съ нимъ. Личное раздраженіе м. Данила противъ Вассіана выразилось прежде всего въ томъ, что онъ крайне безцеремоннымъ образомъ поносили самыя дорогія убѣжденія и взгляды Вассіана. Объ одномъ изъ трудовъ Вассіана—собраніи его кормчей—митрополитъ выражался, что онъ въ такомъ духѣ написалъ его не почему либо иному, какъ только по своему «малоумію», а о томъ обстоятельстве, что Вассіанъ называлъ отступниками монаховъ—вотчинниковъ, Данилъ выразился, что онъ это сдѣлалъ «отъ своего безумія»¹. Понятно, какое дѣйствіе должны были производить на самолюбиваго Вассіана подобныя, при томъ публично произносимыя, отзывы Данила. Помимо своей прямой, непосредственной оскорбительности за ними скрывался тонкій расчетъ митрополита уязвить Вассіана какъ можно глубже и въ самое больное его мѣсто. Дѣло въ томъ, что Вассіанъ считалъ митрополита далеко ниже себя по образованію и дарованіямъ. И теперь что же выходитъ? Данилъ является въ виду всѣхъ въ роли судьи надъ Вассіаномъ, обращаетъ въ ничто, унижаетъ его литературные труды, его умственные дарованія и вообще все его умственное и нравственное міровоззрѣніе. Какъ глубоко дѣйствовали оскорбленія Данила на Вассіана, это показываетъ поведеніе послѣдняго на соборѣ. Онъ вообще держалъ себя свободно, независимо, а по временамъ и дерзко, на оскорбленія отвѣчалъ оскорбленіемъ, и замѣчательно то, что онъ при случаѣ колко иронизировалъ надъ митрополитомъ и предметомъ для своей ироніи брагъ именно его просвѣщеніе. Иными словами и судья и обвиняемый платили другъ другу одной и той же монетой. Но выпадали такіа минуты, когда Вассіанъ подъ вліяніемъ оскорбленій Данила, терялъ самооблада-

¹ Прѣіе м. Данила съ Вассіаномъ, 2. 7.

ніе и подъ напоромъ сильной злобы дѣлалъ предметомъ своихъ отвѣтныхъ направленныхъ противъ личности митрополита колкостей, явленія и поводы, какіе только открывалъ ему случай, безъ надлежащей оцѣнки ихъ смысла и значенія. Очевидно, здѣсь уже никакъ не могло быть обдуманности въ выборѣ средствъ для оскорбленія, и Вассіанъ игралъ такимъ образомъ въ очень опасную игру. И дѣйствительно, въ порывѣ сильного раздраженія онъ наприим. соединялъ свои колкости съ именами вновь прославленныхъ св. чудотворцевъ, чѣмъ конечно кромѣ личнаго неуважительнаго отношенія къ послѣднимъ онъ оскорблялъ религіозное чувство весьма многихъ изъ своихъ современниковъ.

Личный стимулъ, руководимый Данииломъ въ судѣ надъ Вассіаномъ, видѣтъ и въ томъ, что онъ старается преувеличивать нѣкоторыя вины Вассіана, что яснѣе всего видно изъ того, что онъ на основаніи названія Вассіаномъ монаховъ—вотчинниковъ отступниками распространяетъ это названіе на всѣхъ православныхъ и приписываетъ Вассіану на этомъ основаніи хулу на всѣхъ вообще христіанъ. Точно также личная ненависть Даниила къ Вассіану выразилась въ томъ, что онъ иногда ставилъ въ вину ему и такіе факты, которые, если только смотрѣть на нихъ вполнѣ безпристрастно, вовсе не имѣли за собой никакой виновности. Таково, наприим., отношеніе Вассіана къ еретическимъ строкамъ Метафрастова житія Пресв. Богородицы, которыя онъ постарался исправить, но за что Даниилъ всетаки считъ нужнымъ обвинять его на соборѣ. Но особенно личное нерасположеніе Даниила въ судѣ надъ Вассіаномъ обнаружилось въ его отношеніи къ кормчей Вассіана. Здѣсь Даниилъ вступаетъ въ противорѣчіе съ нѣкоторыми фактами изъ своей собственной дѣятельности, и это для того только, что бы увеличить виновность Вассіана и причинить ему болѣе непріятностей.

Соборъ 1531 года осудилъ князя Вассіана на заточеніе въ монастырь. Соборъ поступилъ по тогдашнимъ понятіямъ вполнѣ законно, осудивъ Вассіана, какъ еретика, какимъ онъ дѣйствительно и былъ по отношенію къ его лжеученію о плоти Христовой. Мѣстомъ заточенія для Вассіана назначенъ былъ Волоколамскій монастырь. Въ выборѣ мѣста заточенія Вассіана несомнѣнно проглядываетъ участіе самого митрополита Даниила, который тѣмъ самымъ нанесъ ему послѣднее и самое сильное оскорбленіе.

Даниилу хорошо была известна ненависть Вассиана къ Волоколамскому монастырю—центру и оплоту его враговъ, который онъ, находясь на высотѣ своего могущества, собирался даже раззорить. Но этого ему сдѣлать не удалось. Въмѣсто того онъ назначенъ былъ мѣстомъ его заточенія. Понятно, какія чувства долженъ былъ питать къ Волоколамскому монастырю Вассианъ, теперь обращенный въ его невольнаго узника; понятны равнымъ образомъ и тѣ чувства, какія должны были питать къ Вассиану, столь известному своему непримиримому врагу, и всѣ обитатели Волоколамскаго монастыря. Для того, чтобы еще болѣе повредить Вассиану, м. Даниилъ постарался очистить мѣсто для него въ хорошо известномъ ему монастырѣ и потому перемѣнилъ мѣсто заточенія Максима, дотошъ томившагося здѣсь. Отправляя Вассиана въ Волоколамскій монастырь, м. Даниилъ вполнѣ надѣялся на бдительность и ревность своихъ бывшихъ питомцевъ, которые развили въ себѣ искусство обходиться съ еретиками. Замѣчательно еще при этомъ то, что надзоръ за Вассианомъ поручается тому же старцу Тихону Ленкову, который смотрѣлъ и за Максимомъ Грекомъ, и который по отношенію къ послѣднему заявлялъ инквизиторскую ревность. Спустя около года надзоръ надъ Вассианомъ отъ Тихона Ленкова перешолъ къ Θεогносту Ленкову. Самое близкое участіе въ заключеніи Вассиана принималъ и самъ великій князь. Ему лично были известны тѣ иноки, которымъ поручался надзоръ за осужденнымъ Вассианомъ¹. Судя по аналогіи съ тяжелымъ положеніемъ, какое переживалъ въ Волоколамскомъ монастырѣ Максимъ Грекъ, можно вполнѣ основательно предположить, что не лучше, если только не хуже, было положеніе въ Волоколамскомъ монастырѣ и Вассиана².

¹ Это видно изъ одного посланія великаго князя въ Волоколамскій монастырь, въ которомъ онъ просилъ прислать ему крестъ, бывший на сѣмѣ старца Касьяна Босого и приказывалъ Тихону Ленкову привезти его съ собою въ Москву, «а Василья князь Иванова приказалъ бы Тихонъ беречи Θεогносту Ленкову» Посланіе написано 4 марта 7040 года. Рук. Сн. библ., № 927, неописанная, л. 113—115.
1517.

² Курбскій говоритъ, что въ Іосифовомъ монастырѣ «иноки умориша скорѣ» Вассиана. Сказаніи князя Курбскаго, изд. 2-е, 3. Вполнѣ довѣрять Курбскому невозможно. Несомѣнно известно, что въ слѣдующемъ 1532 г., въ мартѣ Вассианъ былъ еще живъ. Рук. Моск. Синод. библ. № 927, л. 115. См. также: Невоструевъ, Разсмотрѣніе книги Хрущова: исследование о сочиненіяхъ І. Волоколамца, 70—71. Авторъ письма «о нелюбяхъ между Іосифовскими и блудерскими иноками» говоритъ о смерти Вассиана просто, что «онъ преставился и погребенъ»

Какъ бы ни было тяжело положеніе Вассіана въ Волоколамскомъ монастырѣ, трудно тѣмъ не менѣе допустить, чтобы оно простиралось до того, чтобы можно было приписывать Волоколамскимъ инокамъ насильственную смерть Вассіана, въ какой бы то ни было формѣ не выражалось это насиліе. По крайней мѣрѣ такое жестокое отношеніе къ личности, уже нравственно убитой, если только оно дѣйствительно существовало, не вполне гармонируетъ съ тѣмъ, видимымъ по крайней мѣрѣ, уваженіемъ, съ какимъ волоколамскіе иноки отнеслись къ Вассіану послѣ его смерти: они погребли его въ почетномъ мѣстѣ, въ старомъ придѣлѣ и помѣстили надъ его гробницей икону Божіей Матери въ серебряной ризѣ¹.

Несомнѣнно, что около 1545 года Вассіана Косого не было уже въ живыхъ. Но могло случиться и такъ, что онъ дожилъ до того времени, когда въ Волоколамскій монастырь явился (въ 1539 г.) низложенный митрополитъ Данилъ. Судьба могла еще разъ свести давнихъ враговъ, а обоюдное несчастіе могло подать имъ поводъ къ примиренію.

Во взглядѣ митрополита Данила на право монастырей владѣть вотчинами, какой подробно онъ высказалъ при соборномъ судѣ надъ Максимомъ Грекомъ и Вассіаномъ, нѣтъ ничего новаго сравнительно со взглядами Іосифа Волоцкаго. Одинаковое стремленіе сохранить за монастырями вотчинныя права, одинаковый методъ и пріемъ защиты ихъ, тождество по мѣстамъ самой аргументаціи своихъ взглядовъ, все это окончательно отнимаетъ у Данила право на какую бы то ни было самостоятельность въ вопросѣ о монастырскихъ имѣніяхъ. Разница между Іосифомъ и Даниломъ только формальная, обуславливающаяся особенностями ихъ положенія. Іосифъ для того, чтобы дать ходъ своимъ идеямъ принужденъ былъ

быть тамъ (въ Волоколамскомъ монастырѣ)», Привавл. къ Творен. Св. Отецъ ч. X, 508. А Курбскій въ предисловіи къ переводу твореній І. Дамаскина говорить, что въ Волоколамскомъ монастырѣ «преподобно-мученикъ Вассіанъ вѣнецъ мученія пріялъ отъ Бога». Востоковъ, Опис. Румянцев. музея, 243—244. Рукон. библи. Худова, № 60, л. 29—30.

¹ Въ описи имущества Волоколамскаго монастыря 1545 года при перечисленіи иконъ, находившихся въ старомъ придѣлѣ, сказано: «да въ томъ же придѣлѣ икона образъ Пречистыя, обложена серебромъ, стоитъ надъ гробомъ князь Иванъ Косого». Рукон. Волоколамскаго монастыря, хранящаяся въ монастыр. ризницѣ, № 21/233, скоропись XVI в., л. 13.

дѣйствовать посредственно: онъ писалъ къ вліятельнымъ лицамъ посланія или распространялъ въ обществѣ полемическіе трактаты. Данилъ, какъ представитель церкви, въ этомъ отношеніи находился несравненно въ лучшемъ положеніи. Онъ заранѣе подобралъ необходимыя и важныя съ его точки зрѣнія для защиты вотчиннаго быта монастырей данныя, сгруппировалъ ихъ и затѣмъ, воспользовавшись извѣстными благоприятными обстоятельствами, вызвалъ своихъ противниковъ на соборъ, вступилъ съ ними въ ученый споръ и, прочитавъ имъ тамъ подобранныя заранѣе «свидѣтельства отъ божественныхъ писаній», имѣвшія значеніе обвинительнаго акта для подсудимыхъ, разослалъ послѣднихъ по монастырямъ въ заточеніе и тѣмъ навсегда избавилъ себя отъ рьяныхъ противниковъ вотчинныхъ правъ монастырей.

ГЛАВА IV.

Святительство Данила послѣ паденія заволжцевъ до его изложенія,

Время между 1531 и 1533 годами было самымъ замѣчательнымъ для митрополита Данила. Вассіанъ удаленъ окончательно отъ двора и доживалъ свои послѣдніе дни въ стѣнахъ Волоколамскаго монастыря. Голосъ обличителей, не щадившихъ и личности Данила, замолкъ. Для митрополита настало цвѣтущее время, время полного спокойствія, послѣ настойчивой, продолжительной борьбы съ врагами. Положеніе Данила упрочивалось еще тѣмъ, что великій князь теперь порвалъ окончательно связь съ представителями заволжцевъ и всецѣло склонился въ пользу іосифоваго направленія. Не мало было причинъ къ тому, чтобъ связь его съ заволжцами скоро или долго но непременно должна была порваться. По своимъ политическимъ воззрѣніямъ, которыя логически сами собой вытекали изъ ихъ основныхъ нравственныхъ принциповъ, заволжцы не были такъ податливы и склонны льстить всѣмъ дѣйствіямъ верховной власти, какъ то умѣли дѣлать іосифляне. Затѣмъ, идея нравственной свободы, идея самобытности, которая составляетъ отличительную черту всѣхъ ихъ воззрѣній, сама собою соприкасалась съ свободой политической, разсматривалась нѣкоторыми въ примѣненіи ея и къ современной жизни.

Нравственные воззрѣнія заволжцевъ болѣе всего гармонировали съ прежними государственными порядками удѣльно-вѣчеваго строя, который представлялъ болѣе свободы челоуѣку и не стѣснялъ его личной инициативы. Вотъ въ этой-то, хотя и случайной гармоніи, нравственной свободы съ политической и кроется разгадка той симпатіи къ удѣльнымъ князьямъ, которую открыто заявляли нѣкоторые изъ воспитанниковъ пустыни. Выходя изъ своихъ чисто нравственныхъ воззрѣній, пустынники бѣлозерскіе ратовали за возвышеніе духовной власти надъ мірской, за ея вѣковое нравственно контролирующее значеніе въ государственной жизни. Но здѣсь находилась точка соприкосновенія взглядовъ заволжцевъ съ политическими тенденціями старобоярской партіи, точно также мечтавшей о высотѣ и преимуществѣ духовнаго авторитета представителей церкви, которые силою своего нравственнаго вліянія могли бы всегда обуздывать такъ ненавистный имъ абсолютизмъ свѣтской власти со всѣми его деспотическими проявленіями. Связь между заволжцами съ одной стороны и приверженцами старыхъ государственныхъ порядковъ съ другой существовала, и она-то и оттолкнула великаго князя отъ прежнихъ симпатій къ пустынникамъ. Онъ попытку теперь зналъ, что всѣ протесты противъ его незаконныхъ дѣйствій по отношенію къ сѣверскому князю и къ разводу исходили именно только изъ лагеря пустынниковъ (Порфирій, Вассианъ, Максимъ Грекъ), и это было въ то самое время, когда постриженники Волоколамскаго монастыря въ лицѣ митрополита безусловно одобряли его дѣйствія и санкціонировали ихъ своимъ духовнымъ авторитетомъ. Вотъ гдѣ должно искать истинной причины торжества митрополита Даниила, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ лицъ его направленія, надъ его противниками-нестяжателями.

Со времени охлажденія великаго князя къ братіи пустынниковъ Волоколамскій монастырь вполнѣ получаетъ значеніе придворной святыни и составной части великокняжескаго двора. Великій князь «приказчикъ» Іосифа Волоцкаго по Волоколамскому монастырю, весьма часто посѣщаетъ монастырь препод. Іосифа не только съ одной религіозной цѣлю, но и для того, чтобы въ его окрестностяхъ «тѣшиться» охотою¹. Конечно, ни одна охота не проходила безъ того, чтобы великій князь не заглянулъ въ Волоколамскій монастырь. Когда въ 1530 году (7038) у великаго князя родился

¹ Полное Собр. Рус. Лѣтоп., т. VI, 266—267.

сына Іоаннѣ, то восприемникомъ его при крещеніи взять былъ знаменитый волоколамскій инокъ Кассіанъ Босый¹. Будучи уже боленъ, Василій Іоанновичъ въ послѣдній разъ пожелалъ видѣть любимый монастырь и помолиться въ немъ и, не смотря на свою болѣзнь, все-таки исполнилъ свое намѣреніе². Волоколамскіе иноки сопровождали въ Москву умирающаго князя и окружали его въ послѣднія минуты его жизни, они же одѣвали умершаго князя и выносили его тѣло. Даже монашеское платье великій князь приказалъ приготовить въ іосифовомъ монастырѣ и везти его за собою въ Москву. Окруженный иноками Волоколамскаго монастыря, вел. князь, можно сказать, скончался на ихъ рукахъ³. Благодаренія, какія в. князь Василій Іоанновичъ въ теченіи своей жизни оказалъ Волоколамскому монастырю, были такъ велики, что ихъ по словамъ одного памятника «невозможно и сказати и исписати»⁴.

Находясь на высотѣ своего могущества, Даниилъ не забывалъ

¹ Полное Собр. Рус. Лѣт., т. VI, 265. Одинъ изъ сборниковъ Москов. Сн., бывшей Патр. биб., представляетъ богатый матеріалъ для характеристики отношеній Василя Іоанновича къ Волоколамск. монастырю и особенно къ Кассіану Босому. Въ сборникѣ находится житіе Кассіана Босаго съ подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ восприемничества имъ Іоанна IV. Здѣсь также помѣщены списки съ посланій Василя Іоанновича, адресованныхъ имъ въ Волоколамскій монастырь: 1-е посланіе в. князя игумену Нифонту съ братіей съ увѣдомленіемъ, что по молитвамъ Даниила, — митрополита всея Руси, послалъ ему Богъ сына и съ просьбой быть челомъ Кассіану Босому о восприемничествѣ имъ новорожденнаго, 2-е посланіе в. князя адресовано Кассіану съ просьбой молиться о здравіи сына Іоанна (IV); 3-е посланіе в. князя къ Кассіану съ увѣдомленіемъ о болѣзни сына Іоанна и съ просьбой о молитвѣ за больного; 4-е посланіе в. князя въ Волокол. монастырь, гдѣ онъ проситъ прислать ему крестъ, бывший на снѣмѣ Кассіана. Здѣсь нахож. посл. Волоколамскихъ властей Василю Іоанновичу о смерти Кассіана (ум. 11 февр. 1040 г.). Рукоп. Моск. Сн. биб. изъ неописан. № 927, л. 104—172.

² Полн. Собр. Рус. Лѣт., т. VIII, 285; т. VI, 267—268.

³ П. Собр. Рус. Лѣт., т. VI, 267—276; Царствениая книга, Сиб. 1769 года, 32—33.

⁴ Обиходникъ Волоколамскаго монаст. составленный Евфиміемъ Турковымъ, рукоп. Москов. Дух. Акад., № 228/229, л. 24; рукоп. Волоколам. монаст., хранящаяся въ монастырской ризницѣ, № 22/229. Выписка изъ Обиходника Волоколам. монастыря конца XVI в. еп. Леонидъ. Чт. въ Общ. Исторіи и Древн. Рос. 1863 г. кн. IV, отд. V, 4. Въ актахъ монастырскихъ встрѣчаются жалованные грамоты в. князя Волокол. монастырю. Рукоп. Волокол. монаст., въ монастырской ризницѣ, № 22/229, л. 17—20. Жалованная грамота на имя игумена Нифонта отъ 20 марта 1528 года.

и перваго мѣста служенія своего—Волоколамскаго монастыря. Время отъ времени онъ посылалъ туда щедрыя пожертвованія¹.

Въ годъ своего торжества надъ Вассіаномъ Патрикѣевымъ и Максимомъ Грекомъ м. Даниилъ, «со всѣмъ священнымъ соборомъ» причислилъ къ лику святыхъ преподобнаго Пафнутія Боровскаго «и благословилъ пѣти канонъ и житіе чести ему»². Канонизація преподобнаго Пафнутія происходила 1-го мая 1531 года, т.-е. за нѣсколько дней предъ началомъ суда надъ Максимомъ Грекомъ и Вассіаномъ. Этимъ актомъ Даниилъ торжественнѣйшимъ образомъ осяятилъ и санкціонировалъ законность тѣхъ идей своего учителя Іосифа Волоцкаго, бывшаго долгое время ученикомъ преподобнаго Пафнутія, за который онъ велъ продолжительную борьбу съ Вассіаномъ и Максимомъ, теперь приближавшуюся къ трагической развязкѣ для послѣднихъ.

Но спокойное время для митрополита Даниила продолжалось недолго. 3-го декабря 1533 года умеръ Василій Іоанновичъ, которому Даниилъ обязанъ былъ всецѣло своимъ возвышеніемъ. Предъ смертью великій князь выразилъ желаніе принять монашеское постриженіе. О своемъ намѣреніи принять монашество онъ еще раньше сообщалъ митрополиту и поручилъ ему непременно исполнить его завѣтное желаніе. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ князей и бояръ, именно: князь Андрей Ивановичъ, Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ и Шигона возражали противъ высказаннаго в. княземъ намѣренія, приводя въ примѣръ древнихъ русскихъ царей, умершихъ въ ихъ настоящемъ званіи.—«Князь великій Владиміръ Киев-

¹ Такъ въ одинъ разъ онъ отослалъ туда двѣсти десять рублей, которыми Волоколамскіе иноки прекрасно воспользовались, купивъ «у Васильевыхъ дѣтей село Начашино, да Ивашково, да Комяково, да Скурлово, да двѣ пустоши: Ярилово да Кузнецково». Въ другой разъ митрополитъ пожертвовалъ двѣсти двадцать рублей. На третье пожертвованіе митрополита, состоявшее изъ ста рублей, въ монастырь были «обложены Спасовъ образъ, да Пречистые, да Прелтечевъ, да дска на Евангеліе сребрена, да сѣнь у царскихъ дверей». Нѣсколько позднѣе митрополитомъ сдѣлано было еще пожертвованіе въ шестьдесятъ рублей, на которые Волоколамскіе иноки «ворота святыя издѣлали и подписали». Рукопись Московской Епарх. библіотеки при Высокопетровскомъ монастырѣ № ^{420 оп.} 687 Вол., л. 43—44. Записъ дачей Іосифо-Волоколамскому монастырю, рукоп. XVI в.

² Житіе Пафнутія Боровскаго въ рукописяхъ: Императорской Публич. библиот. XVI в. Q. 1, № 67, л. 15 и Москов. Духов. Академіи № 11/III Вол., л. 244. Снес. А. А. Эксл. I, 213.

скій умеръ не въ черницехъ, не сподобился-ли праведнаго покоя? И иные великіе князи не въ черницехъ преставились, не съ праведными-ли обрѣли покой? Такъ мотивировали бояре свою настойчивость. Здѣсь митрополитъ заявилъ себя ревностнѣйшимъ пастыремъ, чуждымъ суетныхъ расчетовъ времени. Чувства привязанности и благодарности къ умирающему князю были настолько сильны въ немъ и пробудились въ такой рѣшительной формѣ, что онъ почти одинъ возсталъ противъ всѣхъ бояръ. Какими горячими спорами сопровождалось разногласіе митрополита съ боярами, это видно изъ словъ лѣтописца, который по этому поводу сообщаетъ, что «бысть промежу ихъ при велика». Когда бояре продолжали упорствовать въ своемъ противодѣйствіи, митрополитъ рѣшился подѣйствовать на главныхъ своихъ противниковъ самыми строгими мѣрами: «не буди на тебе наше благословеніе, съ гнѣвомъ сказахъ митрополитъ, обращаясь къ князю Андрею Ивановичу, ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, занеже сосудъ сребрянъ добро, а позлащенъ того лучше». Обрядъ постриженія былъ совершенъ, причемъ в. князю дано было имя Варлаама. Привязанность Данила къ в. князю была такъ велика, что когда послѣдній умеръ, митрополитъ собственноручно омывалъ его тѣло.¹ По смерти Василія Іоанновича выступилъ роковой вопросъ, кому царствовать. Умирая, великій князь «приказалъ великую княгиню и дѣти своя отцу своему Данилу митрополиту, а великой княгинѣ Еленѣ приказалъ подѣ сыномъ своимъ государство держати до возмуженія сына своего»². Исполняя волю умершаго князя, Данилъ, едва только скончался государь, немедленно привелъ братьевъ его и бояръ къ присягѣ въ вѣрности новому в. князю малолѣтнему Іоанну и его матери, какъ правительницѣ государства³. Для того, чтобы придать болѣе авторитета и священной важности новому в. князю, митрополитъ въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи знатнаго духовенства, бояръ и народа, торжественно благословилъ его св. крестомъ на великое княженіе⁴.

¹ Полн. Соб. Рус. Лѣтоп., т. VI, 267—276; т. VIII, 285—286.

² П. С. Р. Лѣтоп., т. VIII, 283. Царствен. книга, 14—30. Никонова лѣтоп. VI, 259—261. Степенная кн., ч. II, 211—218.

³ П. С. Р. Лѣтоп. т. VIII, 285—286. Щербатовъ, Ист. Россійская отъ древнѣйшихъ временъ, т. V, ч. I, 4—5.

⁴ П. Соб. Рус. Лѣтоп., т. IV, 298—299.

Со смертію Василя Іоанновича на Руси^{*} установился высшій строй государственнаго управленія, почти небывалый дотогѣ. Во главѣ власти оказалась молодая женщина, не чуждая страстей. Она опиралась на боярскую думу, которая состояла изъ множества¹ знатнѣйшихъ бояръ государства. Несомнѣнно, митроп. Данилъ какъ по почтенію къ его высокому сану, такъ и по извѣстному его усердію къ великой княгинѣ, былъ первымъ изъ особъ, входившихъ въ составъ членовъ высшей боярской думы². Образъ правленія, создавшійся совершенно случайно, не былъ обставленъ никакими положительными узаконеніями, разграничивающими сферу дѣятельности разныхъ лицъ, стоящихъ въ главѣ управленія, и потому въ самомъ своемъ характерѣ скрывалъ зачатки интригъ и раздоровъ. Такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ. Думные бояре занимались болѣе личными взаимными интригами и изъ-за нихъ игнорировали общее благо государства. Личность правительницы, какъ женщины и какъ человѣка, подверженнаго нѣкоторымъ порокамъ, не имѣла на нихъ строго умѣряющаго вліянія. Равнымъ образомъ и одинъ духовный авторитетъ митрополита безъ всякой матеріальной поддержки не могъ сдерживать порывы грубого произвола бояръ. Такимъ образомъ составъ правительства былъ такого рода, отъ котораго можно было ожидать самыхъ разнообразныхъ случайностей и непредвидѣнныхъ переменъ. Положеніе митрополита Данила при такомъ порядкѣ вещей принадлежало къ одному изъ щекотливыхъ и ненадежныхъ. Онъ лишился теперь въ значительной степени своего прежняго вліянія. Необузданность думныхъ бояръ, изъ которыхъ многіе вовсе не симпатизировали митрополиту, весьма мало представляла гарантій для спокойнаго проживанія послѣдняго. Единственной болѣе или менѣе надежной опорой Данилу теперь оставалась правительница Елена, но опора эта представлялась слабой и притомъ такою, которая при необузданности и грубомъ своеволіи бояръ могла сама пасть каждую минуту. При жизни правительницы Елены Данилъ все-таки держался на своемъ мѣстѣ и пользовался нѣкоторой долей вліянія: онъ присутствовалъ въ боярской думѣ и въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ къ нему обращались за благословеніемъ. Такъ, у него просили благословенія предъ начатіемъ войны съ

^{*} Карамзинъ, т. VIII, 6—7.

² Щербатовъ, Ист. рос. отъ древнѣйшихъ временъ, т. V, ч. I, 7.

Литвою, которую митрополитъ благословилъ словами: «вы, государи, православные, пастыри христіанству, тебѣ государю подобаетъ христіанство отъ насилія боронити, а намъ за тебе, государя, и за твое войско Бога молити; зачинающаго рать погубляется, а въ правдѣ Богъ помощникъ»¹. Но подобнымъ фактамъ нельзя еще придавать особенно большаго значенія, въ нихъ скорѣе и естественнѣе всего можно видѣть соблюденіе простой религіозной формальности, унаслѣдованной отъ древности. Положеніе м. Данила въ боярской думѣ отличалось болѣе пассивнымъ характеромъ. Это видно изъ того уже, что онъ не могъ защитить отъ происковъ бояръ или по крайней мѣрѣ облегчить судьбу Дмитровскаго князя Юрія Ивановича, постоянного благодѣтеля Волоколамскаго монастыря и человѣка, находившагося въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ самимъ². Юрій Ивановичъ по подозрѣнію въ измѣнѣ вскорѣ послѣ смерти великаго князя по интригамъ бояръ взятъ былъ подъ стражу и закончилъ свою несчастную жизнь въ темницѣ. Онъ умеръ въ 1536 году³. Въ преслѣдованіи князя Юрія ясно проглядываетъ намѣреніе бояръ избавиться отъ лишняго члена царской семьи и тѣмъ достигнуть большей свободы въ своихъ дѣйствіяхъ⁴ и открыть широкій путь своему произволу.⁵

¹ П. С. Р. Лѣтоп. т. VIII, 287—288. Царств. книга, 40—41. Никон. лѣтоп. ч. VII, 4—6. Татищевъ, кн. V, по сочинителю ч. IV, 222. Соловьевъ, т. VI, изд. 2, 14—24.

² О чемъ свидѣлствуетъ множество жалованныхъ грамотъ Юрія Ивановича, данныхъ имъ на имя митроп. Данила. Рукоп. Москов. Публич. Музея № 1629, лл. 23—24, 96—97, 100—103.

³ П. С. Р. Лѣт. т. VIII, 286—287, 292. Карамзинъ къ несчастной судьбѣ князя Юрія Ивановича относится неопредѣленно: онъ не рѣшается ни защищать Юрія, ни доказывать его виновности. Ист. Госуд. Рос. т. VIII, 8—10. Соловьевъ болѣе склоняется въ пользу дѣйствительной виновности кн. Юрія, т. VI, изд. 2, 3—9. Но историческіе памятники ближе къ истинѣ говорятъ противное. Степенная кн. передаетъ, что Юрій Ивановичъ былъ заключенъ въ темницу совѣтомъ боярскимъ и прибавляетъ: «бояху бо ся, егда како людѣ къ нему обратятся». Ст. кн., II, 238.

⁴ Карамзинъ, т. VIII, 10, см. примѣч. 10. Щербатовъ въ своей исторіи приводитъ одно свидѣтельство, въ которомъ паденіе кн. Юрія объясняется интригами бояръ и желаніемъ ихъ воспользоваться властію въ малолѣтство Іоанна IV. Нерасположеніе Елены и бояръ къ братьямъ умершаго вел. князя видно уже изъ того, что они не были введены въ составъ боярской думы, хотя всѣ права къ тому находились на ихъ сторонѣ. Щерб. Ист. Рос., т. V, ч. I, 8—19.

Покончивъ съ однимъ братомъ Василія Іоанновича и дядей молодого государя, бояре взялись за другаго—младшаго Андрея Старицкаго. И здѣсь митрополиту Данилу пришлось разыграть роль покорнаго слуги предъ боярскимъ синклитомъ и правительницею. Князь Андрей имѣлъ несчастье обнаружить свое неудовольствіе на то, что ему не прибавили ничего къ его удѣлу по смерти его старшаго брата великаго князя. Съ этимъ неудовольствіемъ онъ поѣхалъ въ Старицу. Правительница, узнавъ о питаемомъ Андреемъ неудовольствіи, потребовала его въ Москву. Князь Андрей со страхомъ явился въ Москву и «билъ челомъ великой княгинѣ Еленѣ отцомъ своимъ митрополитомъ Даниломъ». Посредничество Данила увѣчалось успѣхомъ: Елена и князь Андрей объяснились между собой и послѣдній уѣхалъ снова въ Старицу, увѣренный и въ своей безопасности и въ благосклонности къ нему правительницы. Но миръ между Еленой и имъ продолжался недолго. Явились новыя клеветы на Андрея, послѣдствіемъ которыхъ былъ новый вызовъ его въ Москву. Предчувствуя опасность, и зная хорошо несчастную судьбу брата Юрія, Андрей не смотря на разныя убѣжденія, боялся явиться въ Москву. Между тѣмъ съ цѣлью окончательной гибели Андрея стали распространяться слухи о намѣреніи Старицкаго князя спастись бѣгствомъ. Тогда правительница и бояре для того, чтобы удобнѣе было привлечь Андрея въ Москву, обратились къ содѣйствію духовной власти. Въ исполненіе желанія Елены и бояръ Данилъ отправилъ къ князю Андрею съ крутицкимъ владыкою Досвеемъ наказъ, въ которомъ именемъ в. князя и своимъ собственнымъ убѣждалъ его явиться въ Москву, причемъ заявлялъ, что онъ беретъ его «на своя руки», угрожая въ противномъ случаѣ церковнымъ отлученіемъ¹. На случай, еслибы церковныя кары не подѣйствовали на князя, приняты были мѣры. вмѣстѣ съ духовнымъ посольствомъ высланы были по направленію къ Старицѣ сильныя полки. Несчастный Андрей видѣлъ для себя очевидную опасность въ томъ случаѣ, если онъ поѣдетъ въ Москву, поэтому рѣшился искать спасенія въ бѣгствѣ, единственномъ средствѣ, которымъ онъ теперь могъ располагать. Но Андрей не могъ спасти себя. Онъ былъ пойманъ и подвергся участи одинаковой съ участію своего брата Юрія. Онъ умеръ въ заключеніи въ 1537 году².

¹ А. Истор. т. I, № 139, 201.

² Цоя. Соб. Рус. Лѣтоп., т. VIII, 292—295; т. III, 200. Карамзинъ, VIII,

Въ преслѣдованіи князей Юрія и Андрея Елена была солидарна съ боярами: она находилась въ постоянномъ страхѣ за то, какъ бы власть не отошла изъ ея слабыхъ рукъ и какъ бы ею не воспользовались братья ея мужа, которые не безъ основанія могли заявлять свои права на участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Вообще въ правленіе Елены государственное значеніе м. Данила, несмотря даже на то, что ему было поручено умиравшимъ великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ высшее наблюденіе за всѣмъ государствомъ и попеченіе о благѣ царскаго сечейства, было ограничено и слабо. При Василиѣ Іоанновичѣ если ему приходилось иногда въ угоду в. князю допускать нарушенія церковныхъ правилъ и измѣнять своимъ обѣщаніямъ, то по крайней мѣрѣ за эти услуги онъ пользовался его благосклонностію и нисколько не думалъ опасаться за свое положеніе, которое было вполнѣ безопасно и прочно. Теперь же далеко было не то: Данилу по прежнему приходилось дѣйствовать по указанію другихъ и подвергать нареканію свой высокій санъ, между тѣмъ какъ пользы изъ такого положенія вещей для него не представлялось никакой. Его положеніе въ правленіе Елены можно назвать шаткимъ, и онъ въ это время только сумѣлъ держаться на мѣстѣ.

Слабость государственнаго значенія м. Данила съ особенной ясностью обнаруживается въ отношеніи боярскаго правительства къ нѣкоторымъ правамъ церкви. Данилъ много борьбы вынесъ ради того, чтобы защитить земельныя права церквей и монастырей. Но послѣ смерти Василія Іоанновича, въ правленіе Елены и бояръ, явились узаконенія, направленные въ прямой ущербъ земельно-владѣльческимъ правамъ духовенства. Въ 1535 году вышло запрещеніе монастырямъ покупать и брать въ закладъ или «по душамъ» вотчинныя земли служилыхъ людей безъ вѣдома правительства подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ отобранія этихъ вотчинъ въ пользу государя.¹⁾ Этимъ весьма важнымъ распоряженіемъ навсегда пресѣкалась возможность безконтрольнаго увеличенія цер-

14—16. Никон. Мѣст. VII, 13—18. Соловьевъ, т. VI, изд. 2-е, 9—14. Степенная книга прямо обвиняетъ бояръ въ гибели невинныхъ князей Юрія и Андрея. Степ. кн. II, 238. 243—244. Щербатовъ, Исторія русская отъ древнѣйшихъ временъ, т. V, ч. I, 103—106.

¹⁾ Исторія Россійской Іерархіи, III, 712—714. Павловъ, Истор. Очеркъ секуляризации церков. земель въ Россіи, 102—103.

ковныхъ земель въ Россіи. Но боярское правительство на этомъ не остановилось. Въ слѣдующемъ 1536 году въ Новгородѣ по распоряженію его отобрано было значительное количество церковныхъ земель. Въ правленіе Елены и бояръ духовенство привлечено было къ исполненію нѣкоторыхъ городскихъ и государственныхъ повинностей. Въ 1534 году при постройкѣ въ Москвѣ Китай-города, обнесенія его стѣною и валомъ, правительство, сдѣлавъ на эту постройку пожертвованіе изъ собственной казны, повелѣло «и митрополиту влати, елико достойтъ, тако же и всему священническому чину урокъ учиниша, потому же и княземъ и бояромъ и сановникомъ». Точно также и въ Новгородѣ при возведеніи деревяннаго города боярское правительство привлекло къ этому дѣлу и самого архіепископа и все новгородское духовенство. Въ общественныхъ и государственныхъ нуждахъ, напр. при выкупѣ плѣнныхъ, правительство этого времени не стѣснялось прибѣгать и къ церковнымъ денежнымъ средствамъ.

Еще хуже сложились обстоятельства не въ пользу митрополита Данила послѣ смерти княгини и правительницы Елены (скоропостижно умершей 3-го апрѣля 1538 г.)¹. До сихъ поръ для него существовала, хотя и слабая, опора въ лицѣ правительницы. Бояре не могли особенно своевольничать, имѣя надъ собою хотя какую бы то ни было власть царственной особы. Со смертію послѣдней прекратился и этотъ слабый связующій центръ власти. Не стѣняемая ничѣмъ боярская дума обратилась въ арену всевозможныхъ интригъ, происковъ. Между боярами образовались двѣ могущественныя партіи—Шуйскихъ и Бѣльскихъ, изъ которыхъ каждая стремилась къ тому, чтобы лишить всякаго вліянія лицъ, придерживавшихся противной партіи, и властвовать одной надъ всѣмъ государствомъ. По кончинѣ Елены власть забрать въ свои руки князь Василій Васильевичъ Шуйскій. Но противъ него начала формироваться другая партія, въ главѣ которой находился князь Иванъ Бѣльскій². Во время борьбы двухъ политическихъ партій положеніе митрополита Данила сдѣлалось вполне критическимъ. Лишившись всякой опоры, онъ не зналъ, къ какой сторонѣ пристать. Никакой дипломатическій умъ не могъ подсказать какаю боярская партія въ концѣ концовъ восторжествуетъ. Тамъ, гдѣ не было

¹ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. VI, 290—300, VIII, 295.

² Щербатовъ, Ист. рос., т. V, ч. I, 134—135.

строгой законности, тамъ одна простая случайность могла отдать въ тѣ или другія руки лавры торжества. А между тѣмъ митрополиту предстояла необходимость дѣлать выборъ, нейтральное положеніе къ борьбѣ для него было совершенно невозможно.

Время правленія Елены и боярской думы и затѣи хотя и непродолжительный по времени періодъ борьбы боярскихъ партій тяжело отзывался на митрополитѣ Даниилѣ. Онъ жилъ въ постоянномъ страхѣ за себя, за свой санъ; каждый наступающій день приносилъ ему съ собою новые и новые поводы для опасеній. Сознаніе, что предъ грубымъ произволомъ бояръ не можетъ устоять и подѣйствовать никакая нравственная сила его убѣжденій, увѣренность въ отсутствіи всякой матеріальной силы которая одна только она въ состояніи была обуздать боярскій деспотизмъ, физически и нравственно убивали митрополита. Жизнь въ постоянномъ безпокойствѣ за свою судьбу, среди всевозможныхъ нравственныхъ мученій въ связи съ почтенными лѣтами разрушительнымъ образомъ дѣйствовала на организмъ святителя. Одно письмо митрополита, относящееся къ разсматриваемому времени, прекрасно характеризуетъ его нравственное положеніе. Въ немъ онъ изливаетъ свою глубокую скорбь на «свое крѣпости и силы изнеможеніе», но особенно на «утѣшающихъ неполученіе, и другихъ вѣрныхъ оскудѣніе и удаленіе духовныхъ сыновъ и добрыхъ пріятелей.... Свойственницы отчуждишася, продолжаетъ описывать свою горькую участь митрополитъ, враждотворцы же радости прескакають сѣмо и овамо, вражды творяще, рати водвизающе брази не смирются; бѣсове радуются; челоуѣцы смущаются....»¹. Дѣйствительно, весьма тяжелое время выпало на долю послѣдняго періода служенія м. Даниила церкви, которое окончательно удалило его со сцены отечественной исторіи.

Во время борьбы двухъ боярскихъ партій Даниилъ присталъ къ кружку князя Ивана Бѣльскаго, тѣмъ болѣе, что послѣдній много обязанъ былъ митрополиту своимъ спасеніемъ отъ опалы великаго князя. Этимъ поступкомъ, само собою понятно, митрополитъ вооружилъ противъ себя Шуйскихъ, которые дѣйствительно «держали гнѣвъ» на него и на Бѣльскаго². Но выборъ сдѣлан-

¹ Рукоп. Москов. Дух. Акад. №114/151, л. 425.

² Царствен. книга, 1769 г., СПб., 75—76.

ный митрополитомъ оказался неудачнымъ. Партія князя Бѣльскаго скоро пала, и Шуйскіе окончательно восторжествовали. Паденіе Бѣльскаго предназначало собой несчастія и для митрополита. Въ немъ онъ лишился не только опоры, но своею связью съ нимъ вооружилъ противъ себя враговъ партіи Бѣльскаго. Конечно, Данилъ хорошо понималъ свое критическое положеніе, но поправить ошибку было уже не въ его власти. Онъ, измученный нравственно, приготовлялся ко всякой случайности. Теперь онъ думалъ болѣе о своей паствѣ и о своей душѣ. Ожидая съ часу на часъ своего паденія, Данилъ рѣшился дать послѣднее слово назиданія своей паствѣ, и въ январѣ 1539 г. разослалъ свое окружное посланіе «о смиреніи и соединеніи, и согласіи, и о любви, и о соблюденіи православная вѣры и закона», въ которомъ онъ съ чувствомъ любвеобильнаго отца и съ убѣдительною лучшаго проповѣдника изображаетъ «вину лѣтъ сихъ и временъ» и осуждаетъ «несогласія и пререканія, раздѣленія же и распрѣнія»¹. Василій Васильевичъ Шуйскій хотя и враждовалъ на м. Данила, но не осмѣливался все-таки употребить противъ него какое нибудь насиліе. За смертію Василя Шуйскаго власть перешла къ его брату Ивану, который оказался болѣе дерзкимъ и страшнымъ тираномъ, чѣмъ какимъ былъ его братъ². Вскорѣ за паденіемъ Бѣльскаго послѣдовало насильственное сверженіе и сторонника его митрополита. Ближайшимъ поводомъ къ паденію Данила послужило то, что онъ сообщалъ съ Бѣльскимъ, безъ согласія Шуйскихъ, давалъ боярство³. Данилъ былъ «сведенъ» съ митрополіи 2-го февраля 1539 года⁴, и сосланъ въ свой Волоколамскій монастырь, котораго иѣкогда былъ игуменомъ⁵. Шуйскій и его приверженцы не остановились

¹ Рукоп. Москов. Духов. Акад. № 514/1311, л. 413, 420.

² Шербаковъ, Исторія рос., т. V, ч. I, 137—138.

³ Царств. кн., СПб. 1769 г., 75—76. Именно Данилъ, сообщалъ съ Бѣльскимъ, далъ боярство князю Юрію Михайловичу Голицыну. Шербаковъ, V, ч. I, 137—138.

⁴ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. VIII, 295. Карамзинъ, т. VIII, примѣчаніе 80. Никонова лѣтопись, VII, 19.

⁵ П. С. Р. Лѣтоп., т. IV, 303. Первая Псковская лѣтоп. Царствен. книга, 76. Авторъ статьи подъ назв. «О трудахъ Максима Грека», напечат. въ Журн. Мин. Н. Просвѣщ. 1834 г., ч. III, 243—278, неизвестно изъ какихъ данныхъ утверждаетъ, что Данилъ былъ отправленъ въ заточеніе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Утвержденіе это имѣетъ безъосновательное. Авторъ Степенной

на насильственномъ сверженіи м. Данила. Они, совершивъ одно незаконное дѣйствіе и опасаясь обличенія и даже соблазна со стороны простыхъ вѣрующихъ, употребили еще новое насиліе для того, чтобы скрыть по возможности свои преступныя дѣйствія. Они вынудили у Данила отреченную грамоту, въ которой онъ отказывался отъ митрополіи и «всего архіерейскаго дѣйства и именованія» и причиною своего отреченія выставялъ «разумѣнія своя немощна и мысль свою погрѣшительну»¹. Ужасная несправедливость въ отношеніи къ личности Данила, достойная только грубости варваровъ—бояръ! Митрополитъ Зосима, еретикъ и чело-вѣкъ самой низкой нравственности, и тотъ не былъ вполне лишенъ архіерейства², между тѣмъ Данилъ, просвѣщенный и строго православный пастырь, принесшій въ свое продолжительное служеніе много пользы церкви и государству, вынуждается отказаться даже святительскаго сана. Новое насиліе бояръ едва ли оказало имъ какую-либо пользу. Результаты, достигнутые путемъ его, были ничтожны. Самый ненаблюдательный чело-вѣкъ могъ замѣтить ложь и несправедливость въ ихъ дѣйствіяхъ. Данилъ подписалъ свою отреченную грамоту 26 марта, тогда какъ еще февраля 6 избранъ и посвященъ былъ его преемникъ митрополитъ Іоасафъ Скрипичинъ³.

Такъ печально закончилъ свое семнадцатилѣтнее (безъ двадцати двухъ дней) святительское служеніе Русской церкви митрополитъ Данилъ.

Замѣчательно, что бояре, съ Шуйскимъ во главѣ, низвергнувъ Данила, избрали на его мѣсто игумена Троицкаго монастыря Іоасафа, чело-вѣка по своимъ воззрѣніямъ болѣе всего склонявшагося

книги, повѣствуя о крамолахъ и распряхъ бояръ, о грабительствѣ ихъ и проч. съ религіознымъ негодованіемъ говорить о низверженіи Данила: «не токмо же между собою сіе (распри и грабежи) содѣваху, но и всякому христоподобиному чину архіерейску превысочайшаго святительства приразашася своей ради междуусобныя крамолы: м. Данила съ митрополіа сведоша въ Іосифовъ монастырь» Ст. кн. II, 244, Шербаковъ, Ист. рос., т. V, ч. I, 137—138.

¹ Рукоп. Имп. Публ. библ. Q. XVII, № 15, 236. Акты А. Экспеди. т. I, № 185, 163.

² Полное собр. рус. лѣтоп., т. XV, 503.

³ Полное собр. рус. лѣтоп., т. VIII, 295 и Акты Археогрѣа. Экспеди., т. I, № 185, 163.

въ пользу идей заволжцевъ-нестяжателей¹. Въ Даниилѣ бояре видѣли защитника новаго монархическаго начала государственной жизни, столь противнаго ихъ интересамъ. Поэтому, удаливъ его, они позаботились замѣнить его человѣкомъ противоположнаго лагеря, разсчитывая, можетъ быть, на его симпатіи къ боярской вольности. Но расчетъ оказался не вѣренъ, такъ какъ строгій и благочестивый Іоасафъ принялъ сторону справедливости и сталъ печаловаться предъ государемъ за несправедливо гонимыхъ. Шуйскій и его сторонники, увидѣвъ свою ошибку, постарались исправить ее; они свергли съ митрополіи Іоасафа, и въ 1542 году избрали на мѣсто его Макарія, архіепископа новгородскаго, столь знаменитаго въ исторіи русской церкви². Макарій представлялъ противоположность, своему предшественнику Іоасафу, отличаясь особенной привязанностію къ идеямъ Іосифа Волоцкаго.

Такимъ образомъ послѣ Даниила на престолѣ русской митрополіи мы видимъ нѣкоторое время колебаніе между сторонниками Іосифовскаго направленія и заволжцевъ, которое продолжается впрочемъ недолго, и затѣмъ русскій всероссійскій митрополитскій престолъ надолго остается за Макаріемъ, іосифляниномъ если не по воспитанію, то по духу.

Совершенно другимъ человѣкомъ явился Даниилъ въ Волоколамскій монастырь по своему низложеніи, чѣмъ какимъ знали его въ то время, когда онъ готовился ко вступленію на митрополію. Тогда предъ нимъ рисовалось будущее во всемъ блескѣ ожидавшаго его высокаго положенія, самъ онъ былъ полонъ силы и энергіи. Теперь же Даниилъ представлялъ изъ себя несчастнаго старца, человѣка безъ всякой надежды на лучшее будущее и соединявшаго въ себѣ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства и незаслуженнаго униженія постоянныя нравственныя страданія. Нравственное положеніе Даниила въ Волоколамскомъ монастырѣ должно было быть для него тягостно и въ другомъ отношеніи. Прежде онъ былъ игуменомъ сего монастыря, его полновластнымъ

¹ П. С. Р. Лѣтоп., т. IV, 303; VIII, 295. Стоглавъ изд. Кожанчикова, 278—279. Тихомировъ, Лѣтописи русской литературы в древности, т. V, 1863 г., отд. III. Статья «Къ матеріаламъ для Исторіи Стоглава. Ждановъ, Журн. Минист. В. Провѣщ. 1876 г., августъ, 213—215.

² Стенен. кн. II, 244. Полн. собр. рус. лѣтоп. т. IV, 304. Карамзинъ, т. VIII, 68—72.

хозяйинѣмъ и вообще первымъ человѣкомъ въ монастырѣ; теперь же, будучи столь недавно недосыгаемо высокимъ по своему сану, онъ явился въ этотъ же самый монастырь, но уже въ положеніи человѣка, лишеннаго церковно-іерархическаго достоинства, низведеннаго на степень монастырскаго узника. Теперь положеніе Даниила въ Волоколамскомъ монастырѣ было въ нѣкоторыя отношенія ниже того, какимъ пользовались многіе изъ его бывшихъ подчиненныхъ.

Свѣдѣнія о жизни Даниила въ Волоколамскомъ монастырѣ по его изложеніи весьма скудны. Митрополитъ Даниилъ умеръ 22 мая 1547 года, т. е. восемь лѣтъ три мѣсяца и двадцать дней спустя по своемъ изложеніи съ митрополитомъ ¹. Смерть Даниила послѣдовала во времена игуменства въ Волоколамскомъ монастырѣ Гурія Пенкова или Руготина, въ послѣдствіи св. архіепископа казанскаго ². Живя въ монастырѣ, по современному выраженію «на покоѣ», Даниилъ, несмотря на свою старость и болѣзни, написалъ свою «Духовную», которая скорѣе всего должна имѣть аналогическій

¹ Точное, неподлежащее никакому сомнѣнію, извѣстіе о времени смерти Даниила найдено мною въ одной рукописи Волоколамскаго монастыря. Рукопись содержитъ въ себѣ опись церковнаго имущества Волоколамскаго монастыря, составленную въ 1545 году (7053 г.) старцемъ Зосимомъ и книгохранителемъ Пансіемъ. Въ описи на оборотѣ одного чистаго листа, которому предшествуютъ нѣсколько такихъ же чистыхъ незаписанныхъ листовъ, находитсѣ слѣдующая записка: «лѣта 7055 (1547) майя 22-го преставися бывшій Даниилъ митрополитъ всея Руси». Далѣе слѣдуетъ перечень пожертвованныхъ митрополитомъ книгъ. Опись имущества составлена 1545 года за два года до смерти Даниила. Но записка о смерти Даниила сдѣлана на особомъ листѣ. Почеркъ руки, какою написана записка, одинаковъ съ почеркомъ, каковымъ написана большая часть рукописи, но только болѣе крупный, и записка сдѣлана болѣе отчетливыми чернилами. Переписывалъ книги вноктъ Зосима, онъ же, вѣроятно, внесъ и записку о смерти Даниила, какъ очевидецъ и какъ должностное лицо, которому необходимо было помѣстить въ составленную имъ разѣе опись вновь поступившія по смерти Даниила въ монастырскую библиотеку книги, что онъ и сдѣлалъ. — Рукоп. Волоколам. монаст., въ монаст. ризницѣ, № 28^{1/2}, л. 25 об. — Незвѣстно, на основаніи какихъ данныхъ нѣкоторые историки указываютъ на 2-е февраля 1539 г., какъ на время смерти Даниила. Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, ч. I, СІБ. 1818, 111—115. Очевидно, здѣсь смѣшивается годъ смерти Даниила съ годомъ его изложенія.

² Выпись о началѣ Іосифова монаст.; рукоп. Моск. Духов. Академ. № 101/140. Ак. Волон., л. 73—74. Строевъ, Списки іерарховъ и настоятелей рус. церкви, 182.

вилъ съ духовной (или, что тоже, монастырскимъ уставомъ) подобнаго Іосифа Волоцкаго. ¹

Митрополитъ Даниилъ, какъ любитель просвѣщенія, при жизни своей составилъ богатую по тому времени библіотеку, которую онъ, передъ смертію отказалъ Волоколамскому монастырю ². Изъ книгъ пожертвованныхъ митрополитомъ Данииломъ Волоколамскому монастырю или ему принадлежавшихъ, или наконецъ имъ самимъ писанныхъ, нѣкоторыя сохранились и до настоящаго времени ³.

¹ Рукоп. Волоколам. монаст., въ монастыр. ризницѣ, № 21/400, л. 46.

² Въ описи церковнаго имущества Волоколам. монастыря 1543 года послѣ записи о времени смерти Даниила находится слѣдующая, относящаяся къ нему, записка: «далъ монастырю книги: св. евангеліе тетро въ дести, да другое тетръ же въ поддести, Богословъ въ дести, Никонскія посланія въ дести, да книгу главникъ въ дести же, да двѣ псалтири съ слѣдованіемъ въ поддести». Изъ перечисленныхъ здѣсь книгъ Даниила нѣкоторыя сохранились до настоящаго времени, какъ видно будетъ ниже. Представленный перечень не обнимаетъ собою всѣхъ пожертвованныхъ Данииломъ Волоколамскому монастырю книгъ. Сохранились подробныя описанія двухъ евангелій, отказанныхъ Волоколам. монастырю Данииломъ. Въ описи церковнаго имущества Іосифова монастыря, составлен. въ 1590—1591 г., находятся слѣдующія записи: «евангеліе Даниила митрополита: заставки и строки, и слова большіе и статьи писаны красками, заставки и снии серебряны, золочены, паволока бархатъ чернъ съ золотомъ, прикладочки четыре шелковы узелки, главница обвирана золотомъ». Описаніе втораго евангелія: «заставки фряжски, прописаны золотомъ, строки и слова большіе и статьи первые писаны золотомъ, и евангелисты писаны на золотѣ; заставки и снии и приборъ серебряны, паволока атласъ зеленъ. Даниѣ митрополита Даниила». Рукоп. Волоколам. монаст., хранящаяся въ монаст. ризницѣ, № 30/400, л. 115—116. 120. Изъ книгъ, входившихъ въ составъ библіотеки м. Даниила, не всѣ были переданы имъ Волоколам. монастырю. Нѣкоторыя книги подарены были м. Данииломъ своему другу Діонисію Звенигородскому. Опись книгъ Волоколам. монастыря, Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. 1847 г., № 7.

³ Такъ въ библіотекѣ Москов. Духовн. Акад. есть рукопись № 135/400. (она же въ Волоколам. монастырѣ значилась подъ № 82, а потомъ подъ № 85), содержащая въ себѣ между прочимъ творенія св. Іоанна Дамаскина и на половину написанная рукою самого м. Даниила. Факсимиле письма Даниила сдѣлано, а также показана историческая важность рукописи у Калійдовича. См. его «Іоаннъ экзархъ Болгарскій». Что дѣйствительно эта рукопись писана Данииломъ, это подтверждаетъ надпись на оборотѣ перваго листа рукописи: «книга св. Іоанна Дамаскина, писалъ Даниилъ митрополитъ».

Другая рукопись, оставленная Данииломъ Волоколам. монастырю и содержащая въ себѣ почти всю аскетическую литературу, называется «главникомъ» Да-

Митрополитъ Даниилъ одарилъ также Волоколамскій монастырь и богатыми денежными вкладами ¹. Митрополитъ оставилъ завѣщаніе, которымъ онъ за свое пожертвованіе устанавливаетъ четыре поминовенія «доколѣ монастырь Пречистые стоитъ», а именно: 25 октября въ Дмитріевскую субботу по преподобномъ Іосифѣ и по всей братіи; въ субботу второй недѣли великаго поста «по всѣхъ православныхъ христіанехъ»; на другой день Троицына дня—по препод. Іосифѣ, и наконецъ четвертое по немъ самомъ въ день его представленія, которое было 22 мая. Кромѣ того онъ завѣщаетъ помянуть себя въ повседневномъ спискѣ и въ сѣнаникѣ «по обыкновенію, доколѣ и монастырь Пречистый стоитъ» ².

Даниловскимъ». См. рукоп. Москов. Духовн. Акад. № 44/149 Волоч. Сборникъ XVI в. въ листъ, на 455 листахъ, имѣетъ впереди на первомъ листѣ надпись: «Главный Даниловской», которая повторена и въ концѣ оглавленія книги.

Третья рукопись Даниила—Псалтирь сѣлдонанная, на оборотѣ верхней доски которой и доселѣ сохранилась надпись: «сію псалтирю далъ Данила митрополитъ» которая повторена и въ другомъ мѣстѣ рукописи. См. рукоп. Моск. Духов. Акад. № 54/149 Волочк., л. 12, об.

Четвертая рукоп.—богато украшенное евангеліе тетрѣ.

Пятая рукоп. собственнаго письма Даниила соборникъ, въ которомъ сначала написанъ Симеонъ Новый Богословъ. См. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Рос. 1847 г., № 7. Опись книгъ Волоколам. монастыря, 7. Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 42/471.

Между рукописями Импер. Публ. библ. находится полууставное прекраснаго письма евангеліе XVI в. съ лицевыми раскрашенными изображеніями Евангелистовъ на 450 листахъ, которое некогда принадлежало м. Даниилу. См. рукоп. И. П. Б. изъ собранія гр. Толстого, отд. II, № 149. Описаніе Славяно-россійскихъ рукоп. библіотеки гр. Толстого, изд. Калайдовичемъ и Строевымъ, Москва, 1825 г., 310. На первомъ листѣ рукописи находится надпись: «евангеліе митрополичье Даниловское, въ поддѣсть». Евангеліе обтянуто золотымъ листомъ. На передней доскѣ изображенъ Спаситель съ Божіей Матерію и І. Предтечею, а внизу надпись: «сіе евангеліе соорудилъ».... Слѣдующее слово наѣбрено стерто.

Изъ драгоценныхъ вещей, оставленныхъ м. Данииломъ Волоколам. монастырю, до сихъ поръ сохранилась только его золотая панагія, въ коей на камнѣ изображенъ пророкъ Даниилъ. Панагія въ настоящее время находится въ ризницѣ Моск. Успенскаго собора. Архимандритъ Іосифъ, Путеводитель къ святынямъ и священнымъ достопамяностямъ Москвы, изд. 3-е, Москва, 1878 г., 29.

¹ Имъ пожертвовано было монастырю пять сотъ девяносто рублей, сумма по тогдашнему времени очень большая. Рукоп. Москов. Сн., бывшей Патріаршей, библ. № 408/819 ст. кат., л. 56—57. 106. Рукоп. главнаго архіепа Минист. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ № 141/149 ст. кат., л. 38.

² Рукоп. Моск. главнаго архіепа Минист. Иностр. Дѣлъ № 44/149 ст. кат., л. 38.

Имя митрополита Данила свято чтилось въ Волоколамскомъ монастырѣ. Волоколамскіе письменные памятники говорятъ о немъ всегда съ уваженіемъ и называютъ его преосвященнымъ архіепископомъ, святѣйшимъ митрополитомъ всея Руси, первымъ игуменомъ въ святѣй своей обители по преподобномъ Іосифѣ ¹. Благодарное отношеніе къ памяти Данила, какое оказывала Волоколамская братія своему бывшему игумену, выражалось между прочимъ въ томъ, что она соединяла его имя съ именемъ преподобнаго Іосифа и при поминовеніи и празднованіи въ честь послѣдняго не забывала и о его преемникѣ ².

Обозрѣніе жизни митрополита Данила даетъ слѣдующія общія положенія.

I. Государственная дѣятельность митрополита Данила и его отношеніе къ свѣтской власти есть проведеніе въ жизнь оформу-

Рукоп. Моск. Синод. библ., № 403/812 ст. кат. листъ 56—58, л. 87—88, л. 106. Рукоп. Москов. Троице-Сергіевой Лавры № 739, л. 14, об.

¹ Рукоп. Москов. Синод., бывшей патріаршей, библ. № 403/812 ст. кат., л. 56—57.

² Такъ въ Волоколамскомъ столовомъ обиходникѣ наканунѣ празднованія дня преставленія преподоб. Іосифа (9 сентября) послѣ вечерни запрещалось гасить свѣчи «у преподоб. въ гробницѣ и у митрополита гроба». Рукоп. Москов. Троице-Сергіевой лавры, № 739, л. 40 об. По обиходнику Волокол. мон., составленному Евфиміемъ Турковымъ, въ большіе праздники требовалось: «покровы на гробницы на чудотворца Іосифа да на митрополитъ гробъ и на князи гробы прикладывать». Рукоп. Волокол. монаст., хранящ. въ ризницѣ, въ монаст., № 40/812, л. 32. О мѣстѣ погребенія митр. Данила говорится такъ въ Волоколамскихъ обиходникахъ и синодикахъ: «а гробъ митрополитъ въ церкви, въ прѣдѣлѣ въ маломъ, близко алтаря на правѣ; а гробница съ покровомъ, и свѣща надъ нимъ поставлена при игуменѣ Леонидѣ Протасевѣ, сродницѣ его». Рукоп. Москов. Синод., бывшей патріаршей, библ., № 403/812 ст. кат., л. 106. Леонидъ Протасовъ былъ игуменомъ Волоколамскаго монаст. съ 1567 по 1573 г. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1847 г., № 7. Описъ книгъ Волокол. мон., стр. 11, 8. Въ описи монаст. имущества, составленной 1590—1591 года, о мѣстѣ погребенія Данила и о гробницѣ его говорится: «а покровъ на гробѣ митрополита Данила атласъ таусентъ, на немъ крестъ шитъ золотомъ и серебромъ. Да у Данила митрополита въ головахъ свѣща поставленная». Рукоп. Волоколам. монаст., хранящаяся въ монастырской ризницѣ № 40/812, л. 47. Въ настоящее время отъ гробницы м. Данила не осталось никакихъ слѣдовъ, равно какъ послѣ разныхъ передѣлокъ, произведенныхъ въ Волоколам. монастырѣ въ позднѣйшее время, весьма трудно опредѣлить самое мѣсто его погребенія. См. объ этомъ въ моей замѣткѣ о погребеніи въ Волоколамскій монастырь, напечатанной въ Древ. и Нов. Россіи 1880 года, январь.

лированных Иосифом Волоцкимъ взглядовъ на взаимоотношеніе церкви и государства. При чемъ личный характеръ Данила выразился здѣсь въ томъ, что онъ расширилъ примѣненіе ихъ въ жизни въ ущербъ чисто церковнымъ интересамъ и превзошелъ своего учителя и всѣхъ предшественниковъ по каведрѣ своимъ потворствомъ сѣтской власти, доходя въ немъ до нарушенія церковныхъ каноновъ.

II. Въ сферѣ собственно церковной митрополитъ Данилъ, какъ іерархъ-администраторъ, заявилъ себя особенной церковной политикой, заключавшейся въ назначенія на высшія церковно-іерархическія должности людей своего, іосифовскаго, направленія.

III. Какъ іерархъ, какъ учитель церкви, и умственный и нравственный руководитель своей паствы, Данилъ характеризуется по своей дѣятельности строгимъ консерваторомъ, болѣе строгимъ, чѣмъ какимъ былъ Иосифъ Волоцкій. Онъ во всей своей дѣятельности строго держался консервативныхъ началъ своего направленія и, развивая послѣднее далѣе и примѣняя его къ общественнымъ вопросамъ своего времени, становился въ отрицательное положеніе ко всякимъ новшествамъ. Существующій строй религіозно-церковной жизни, все созданное и сложившееся въ немъ вѣками онъ признавалъ неизмѣннымъ и отрицалъ всякія нововведенія, какъ бы они маловажны ни были. Поэтому всякая попытка въ смыслѣ реформы, всякая новая мысль съ религіознымъ характеромъ, встрѣчала въ немъ своего врага и противника, и онъ, не затрудняясь, относилъ ее къ разряду ересей. Консерватизмъ Данила достигъ того, что въ его глазахъ имѣли догматическое и символическое значеніе даже церковно-богослужебныя книги. Какъ представитель опредѣленнаго, строго установившагося направленія и какъ воспитанникъ особой школы, Данилъ діаметрально расходился во взглядахъ съ людьми другаго направленія, болѣе либеральнаго, группировавшимися въ его время около Вассіана Косого и Максима Грека. Обсуждавшійся въ то время вопросъ о вотчинныхъ правахъ монастырей послужилъ ареной, на которой столкнулись взгляды лицъ, происходившихъ изъ противоположныхъ лагерей. Возгорѣлась борьба. Данилъ, пользуясь выгодами своего положенія, въ строго консервативномъ духѣ разрѣшилъ вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ, и административными мѣрами заставлялъ молчать людей съ новыми, болѣе свободными взглядами на вотчинное право монастырей. Сведши на церковно-юридическую почву доселѣ обсуждавшійся литературнымъ путемъ монастырскій во-

прось, онъ тѣмъ самымъ положилъ конецъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, литературной полемикѣ по этому вопросу.

IV. Изъ обзорѣнія дѣятельности митрополита Даниила становится извѣстнымъ существованіе въ его время особой ереси Вассіана Косого, учившаго о нетѣлности плоти Христовой по существу.

V. Обзорѣніе періода времени, непосредственно предшествовавшего вступленію м. Даниила на общественное служеніе, показало, что ересь жидовствующихъ продолжала существовать въ теченіе первой половины XVI вѣка, т.-е. захватывала собою время, когда Даниилъ сдѣлался уже всероссійскимъ митрополитомъ. Во весь періодъ продолжительнаго святительства Даниила умственное броженіе, вызванное ересью жидовствующихъ, не улеглось. Оно на почвѣ предшествовавшей и существовавшей еще ереси жидовствующихъ подѣ дѣйствіемъ новыхъ внѣшнихъ вліяній и внутреннихъ движеній, только осложнилось и видоизмѣнилось. Ересь продолжала существовать. Рѣзкая переѣна въ отношеніяхъ правительства и церкви къ еретикамъ, происшедшая послѣ собора 1504 года, повидимому мало отразилась и повліяла на русское общество. Какъ и при самомъ разгарѣ еретическаго движенія, такъ и при слабыхъ проявленіяхъ его, какія существовали во время м. Даниила, среди массы русскаго общества насчитывалось много такихъ лицъ, которые по тѣмъ или другимъ побужденіямъ симпатизировали еретичеству и вольнодумству, и потому самому нисколько не думали гнушаться обществомъ еретиковъ и вольнодумцевъ. Указаніе на такой образъ дѣйствій православныхъ находится въ сочиненіяхъ Даниила, который слишкомъ сильно обвиняетъ за это православныхъ. «Помяни Владыки твоего Христа челоуѣколюбіе, говоритъ Даниилъ, колико тебе ради сотвори, а ты не хочещи злодѣйственнымъ еретикомъ, хулящимъ Его и Пречистую Его Матерь, воспрѣтити, возустити, устрашити, но и совокупляеши съ ними, и яси, и шіеши, и покрываеши, и заступаеши, и другъ бываеши»¹.

VI. На религіозное броженіе умовъ въ Россіи въ первой половинѣ XVI вѣка не остались безъ вліянія и вѣянія съ запада Европы.

¹ Рукоп. Москов. Духов. Акад., № 197, л. 274—276.

Въ вѣкъ митрополита Даниила начало замѣтно проникать въ Россію вліяніе Запада. Въ концѣ XV и въ XVI в. русскіе государи начали вступать въ сношенія съ западно-европейскими державами и съ удовольствіемъ принимали въ свое государство выходцевъ съ запада, обладавшихъ какимъ-нибудь искусствомъ. Западъ въ вѣкъ Даниила въ религіозномъ отношеніи распался на двѣ фракціи—католичество и лютеранство. Явившись въ Россію, западные европейцы старались пропагандировать между русскими и свои религіозныя идеи. Борьба русской церкви съ католичествомъ началась очень рано и продолжалась въ разныхъ фазисахъ во всю древнюю и среднюю исторію. Въ XV вѣкѣ митрополиты Фотій и Іона писали нѣсколько посланій, направленныхъ противъ латинянъ ¹. Въ 1538 году нѣкто старецъ Аркадій писалъ сочиненіе противъ католиковъ ². Во время святительства Даниила главнымъ пропагандистомъ католичества въ Россіи былъ Николай Булевъ или Люевъ, врачъ великаго князя Василія Іоанновича, пользовавшійся за свое искусство особеннымъ его благоволеніемъ ³. Николай Булевъ жилъ въ Россіи довольно долгое время ⁴ и хорошо изучилъ русскій языкъ. Знаніе русскаго языка открыло ему возможность пропаганды. Онъ писалъ посланія, наприм. къ псковскому намѣстнику Михаилу Мунехину, въ которыхъ проводилъ мысль о соединеніи церквей ⁵ и кромѣ того распространялъ въ Россіи астрологическія знанія, являвшіяся у него однимъ изъ побочныхъ средствъ для привлеченія сямнатій русскихъ къ католичеству, выработавшему такія великія научныя истины. Противъ Николая Булева, по прозванію Нѣмчина, много полемизировалъ Максимъ Грекъ ⁶ и Филофей старецъ псков-

¹ Акты историческіе, т. I, №№ 35, 45, 47, 62, 63, 65, 66, 273, 275.

² Филаретъ Черняговскій, Обзоръ Рус. Духов. литературы, стр. 130—131. Ученыя записки втораго отд. Имп. Акад. Наукъ, кн. III, Спб., 1836 г.

³ Соч. Максима Грека, ч. I, 213—214; Никонов. лѣтоп., VI, 258.

⁴ Ц. Соб. Р. Лѣтоп., VI, 271.

⁵ Въ русскомъ политическомъ противокатолическомъ памятникѣ первой половины XVI в., написанномъ по поводу одного изъ посланій Николая Нѣмчина кратко резюмируются идеи этого католическаго пропагандиста.—Рукоп. Москв. Духов. Акад. № 111/121, л. 261—295. Подробности объ этомъ см. мою статью подъ заглавіемъ: «Памятникъ противокатолическій полемическій XVI вѣка». Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, октябрь.

⁶ Сочиненія Максима Грека, ч. I, слова XI, XII, XIII, XIV, XV, XXI, XXII, XXV и проч.

скаго монастыря¹. Около 1519 года прибылъ въ Россію папскій посолъ Николай Шонбергъ², который и сдѣлался соучастникомъ и помощникомъ Николая Нѣмчина. Главная цѣль, къ которой стремились оба католическіе пропагандиста, была соединеніе церквей русской и католической съ подчиненіемъ конечно первой послѣдней. Дѣйствительно, въ царствованіе Василія Іоанновича со стороны папы и его приверженцевъ -- западно-европейскихъ государей не однократно дѣлались предложенія въ этомъ смыслѣ³. Полные результаты католической пропаганды Николая Нѣмчина неизвѣстны, но что она не прошла безслѣдно для русскихъ, это видно изъ того, что онъ все-таки успѣлъ склонить на свою сторону боярина Феодора Карпова и еще одного неизвѣстнаго по имени игумена⁴. Но конечно никакъ нельзя ограничивать кружокъ сочувствовавшихъ идеямъ Николая двумя лицами. Ихъ было несравненно болѣе. Максимъ Грекъ въ своихъ сочиненіяхъ нерѣдко говоритъ о единомысленникахъ Николая Нѣмчина⁵.

Начало XVI вѣка совпало для западной Европы со временемъ

¹ Православный Собесѣдникъ 1861 года, ч. II, 78—96. Посланіе Филовея къ дьяку М. Мунехину на звѣдочетцы и на латыни.

² Карамзинъ, т. VII, 101, примѣч. 189.

³ Карамзинъ, т. VII, 80, 100—101, 140—141. Было нѣсколько русскихъ посольствъ въ Римъ при Василіѣ Іоанновичѣ. См. папр. рукоп. Имп. Пуб. Биб. изъ древлехранящаго Цогодина № 1558, л. 121—122, изъ которой видно, что въ 1528 году Еремей Трусовъ съ товарищами были посланы въ Римъ къ папѣ Клименту IV.

⁴ Сочиненія Максима Грека, I, XVI, 347—376. Вліяніе Николая Нѣмчина на Феодора Карпова обнаруживалось въ томъ, что «въ немъ развилось стремленіе провѣрять навѣщаемыя отъ сомнѣнія путемъ самостоятельнаго изученія источниковъ христіанскаго вѣроученія». См. посланіе Ф. Карпова къ Максиму Греку въ рукоп. библ. купца Хлудова въ Москвѣ, № 74, ч. II, л. 843—845. Сравни. соч. Максима Грека, ч. I, 347.

⁵ Сочин. Максима Грека, ч. I, 132. О католической пропагандѣ въ рассматриваемое время см. статью Петрова «О вліяніи западно-европейской литературы на древне-русскую». Труды Кіевской Духовн. Акад. 1872 г., т. II, кн. III, 705—779. Приступы папства къ Россіи съ цѣлю подчиненія ея церкви заискусности Рима отличались особенною настойчивостью, это тѣмъ болѣе, что за папство были всѣ западные государи, между тѣмъ какъ Россія тогда неособенно поражала своимъ могуществомъ. Великій князь Василій Іоанновичъ понималъ опасность, какая угрожала Россіи отъ католичества. Въ посланіи къ одному Волоколамскому подвижнику Кассіану Босому великій князь проситъ его молиться объ избавленіи отъ латинства и бесерменства. Рукоп. Синод. библ. № 927, л. 113—115.

реформация Лютера. Реформаціонная дѣятельность Лютера не укрылась и отъ Россіи. Еще въ то самое время, когда онъ создавалъ и устраивалъ свое новое религіозное общество, на Руси уже было извѣстно о его церковной реформѣ. Несомнѣнно въ 1536 году о ней знали въ Россіи. Это можно заключать на основаніи того, что сохранились до сихъ поръ сказанія «о Люторѣ и его ереси» и въ такихъ рукописяхъ, которыя написаны были въ 1536 году¹. Конечно отъ того, что русскіе знали о дѣятельности Лютера еще далеко до того, чтобы его реформаціонныя идеи въ это время нашли себѣ воспримчивую почву на Руси. Но тѣмъ не менѣе лютеранство скрывало въ себѣ серьезную опасность для русской церкви, въ нѣдрахъ которой также таились реформаціонныя стремленія, проводниками которыхъ были прозябавшіе еще въ тиши жидовствующие. Раціонализмъ жидовствующихъ имѣлъ много общаго съ раціонализмомъ, который легъ въ основу реформы Лютера. Вотъ эта-то общность и западнаго и рускаго религіознаго движенія внушала пастырямъ русской церкви серьезныя опасенія. Ревностный и просвѣщенный Максимъ Грекъ въ предупрежденіе заразительнаго вліянія лютеранства написалъ нѣсколько полемическихъ трактатовъ противъ Лютера².

Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы еще во время первосвятительства Даниила идеи Лютера могли найти доступъ и къ русскимъ умамъ, хотя безусловно категорически отвергать это также невозможно. По крайней мѣрѣ извѣстно одно: въ сочиненіяхъ м. Даниила встрѣчается одна мысль, которую онъ старается опровергнуть и которая напоминаетъ нравственное ученіе Лютера. Вотъ она. Въ одномъ изъ посланій Даниилъ полемизируетъ противъ тѣхъ людей, которые считаютъ достаточнымъ для спасенія одного призыванія имени Божія. «Но убо еда речеть

¹ «Рукоп. Новг. Соф. биб. № 1461, л. 109. На этой рукоп. есть пометка что она написана въ 7044 г. (1536). Сравни. Обзоръ хронографовъ русской редакціи А. Попова, вып. второй, Москва 1869 г., 130—131.

² Сочин. Максима Грека, ч. I, XXIII, 485—494. «Складъ Максима Грека о поклоненіи св. иконъ противу Лютера» въ рукоп. библ. А. И. Худова въ Москвѣ № 74, л. 908. Но изъ того, что Максимъ писалъ противъ Лютера, нельзя еще прямо придти къ заключенію о существованіи въ его время въ Россіи лютеранской пропаганды, какъ то напротивъ дѣлаютъ нѣкоторые ученые. Соколовъ: «Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вв., Москва, 1880 г., 53—57.

кто, писано есть: всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется, *дозволяетъ и самое призываніе имени Господня спасти призывающаго*, но да слышитъ апостола глаголющаго: како убо призвуютъ, въ негоже не вѣровавши? Аще ли вѣруеши, слыши Господа глаголюща: не всякъ глаголай Ми внидетъ въ царство небесное, но творый волю Отца Моего, иже есть на небесѣхъ (Мѣ. VIII, 21)». Далѣе въ опроверженіе высказаннаго взгляда митрополитъ ссылагается на слова св. Василія Великаго, который говоритъ, что «христіанину должно прилежати къ дѣланію заповѣдей Христовыхъ, и елика сила, соблюдать я». Неправильный взглядъ на нравственную дѣятельность человѣка, противъ котораго вооружается Даниилъ, называется имъ «преданіемъ человѣческимъ»¹. Какъ смотрѣть на это неправильное мнѣніе о достаточности для спасенія одного призыванія имени Божія, существовавшее у нѣкоторыхъ изъ современниковъ м. Даниила? Развилось-ли оно на русской почвѣ самобытно, внѣ всякаго западнаго вліянія, или же наоборотъ оно есть прямое слѣдствіе вліянія лютеранства, ученіе котораго дѣйствительно проводить мысль о спасеніи чрезъ одну только вѣру,—этотъ вопросъ остается открытымъ.

Выставленныя общія положенія, къ которымъ сводятся выдающіеся факторы въ жизни митрополита Даниила, имѣли опредѣляющее значеніе въ отношеніи характера содержанія его сочиненій.

¹ Рукоп. Новгород. Свѣд. библ., № 1281, л. 305—307.

МИТРОПОЛИТЪ ДАНИИЛЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОБОЗРѢНІЕ СОЧИНЕНІЙ МИТРОПОЛИТА ДАНИЛА.

Библиографія сочиненій митрополита Даніила.

Очеркъ жизни митрополита Даніила представляет нравственную личность этого дѣятеля не совсѣмъ въ свѣтлыхъ чертахъ. Но что особенно хорошаго въ личности митрополита Даніила, такъ это его пастырская ревность къ проповѣданію слова Божія и вообще его литературная дѣятельность, которая до значительной степени искупляетъ нѣкоторые недостатки его нравственного характера.

Отъ м. Даніила осталось, судя по тогдашнему времени, много сочиненій. Значительная часть ихъ написана въ духѣ церковнаго назиданія и запечатлѣна церковно-собесѣдовательнымъ характеромъ.

Литературная, собственно церковно-учительная, дѣятельность м. Даніила выразилась въ словахъ и посланіяхъ. До насъ дошло шестнадцать его словъ, составляющихъ въ своей совокупности такъ называемый «Соборникъ». Въ Даніиловскомъ сборникѣ шестнадцати словамъ предшествуютъ: предисловіе книги, по своему содержанию представляющее родъ пастырской исповѣди, и заканчивающееся оглавленіемъ всѣхъ шестнадцати словъ, и введеніе въ самую книгу, гдѣ авторъ объясняетъ цѣль и назначеніе своего труда и скромно извиняется предъ своими читателями, если они найдутъ въ его книгѣ что либо неугодное Богу. Слова соборника слѣдующія:

I. Первое:—«отъ свидѣтельства божественныхъ писаній, яко внимати подобаетъ отъ ложныхъ пророкъ и отъ ложныхъ учителей, и яко отъ сего познавается ложный учитель и ложный пророкъ, отъ еже не учили отъ божественныхъ писаній, но отъ злобы своего сердца, по лукавству діаволу, на пагубу многыѣхъ и яко

пребываетъ кто въ евангельскомъ поученіи, иже по немъ мудрствуяй, и дѣйствуяй, уклоняетъ же себе отъ него, иже съпротивныя мудрствуя и дѣйствуя; и яко послѣдующая божественнымъ и законнымъ писаніемъ не достойтъ испытывати глаголющихъ или пишущихъ, аще кто благословнѣ богодухновеннаа писанія сказуетъ и ничтоже тому можетъ возбранити, зане слово божіе не вяжется».

II. Второе:—«яко не лѣпо есть враждовати другъ на друга, но и нѣхъ враждующихся смиривати; и яко не всюду есть миръ добро, блаженіи бо рече изнани правды ради, и яко же за правду страдаай блаженъ есть; не возможно же благыхъ дѣлъ прилежащому отъ всѣхъ слышати добро, тако же и о истинѣ стоящому не многи имѣти врагы; но аще о сихъ соблазняются нѣціи, не устрашится подобаетъ, но твердо быти и непоколеблему».

III. Третье:—«яко въсходя Господь на небеса, даде апостоломъ два завѣта вѣтхій и новый; сіа же пріемше святіи апостоли, также по нихъ церковніи пастыріе и учителя, иже вси духомъ божественнымъ наставляеми, ова убо оставиша, ова же узаконоложиша и предаша святѣй церкви; и сіа вся церковнаа преданія писаннаа и неписаннаа узаконенаа намъ отъ святыхъ апостолъ и богоностныхъ отецъ нашихъ непреложно подобаетъ съблюдати».

IV. Четвертое:—«яко пріахомъ преданія писаннаа и не писаннаа и да знаменуемъ лице свое крестообразно; и еже на вѣстокъ обращаться въ молитвахъ и зрѣти, сицеже и поклонятися».

V. Пятое:—«о въплощеніи Господа нашего Иисуса Христа; въ истину проповѣдаемъ того съвершена Бога и съвершена чело-вѣка, а не яко зліи еретици нечестивно глаголють по въплощеніи Господу нашему Иисусу Христу едино естество Божества имѣти».

VI. Шестое:—«о неизреченнѣй милости Владыкы Христа; ибо не познаваго грѣха насъ ради грѣхъ створи».

VII. Седьмое:—«о премудрости смотрѣніа Господня въчеловѣченіа, яко премудростію прехитри злаго хитреца діавола, да вся вѣрующая въ оны спасе и спасаетъ».

VIII. Осьмое:—«яко подобаетъ къ властемъ послушаніе имѣти и честь имъ въздавати; и еже на враги Божія».

IX. Девятое:—«не судите, да не судими будете».

X. Десятое:—«аще нѣкаа зла сътворимъ братіамъ нашимъ; или укоримъ или оклеветаемъ, въ тааже внадемъ».

XI. Одинадцатое: — «о Божіихъ судьбахъ; и о младенцехъ умирающихъ; и яко бѣдно есть не исповѣдати помыслы своя отцемъ духовнымъ».

XII. Дѣнадцатое: — «вси убо чловѣцы, малии же и велици и всякъ кождо насъ пріемшии божественное крещеніе и евангельскія заповѣди Господни, должни есмы всемъ сердцемъ своимъ и всею душею своею и всею мыслию своею обои сія соблюдать, якоже общаніе наше, еже въ святѣмъ крещеніи, такоже и евангельскія заповѣди Христовы».

XIII. Тринадцатое: — «о еже что міръ и яже въ мірѣ».

XIV. Четырнадцатое: — «не подобаетъ мужу отъ жены, ни женѣ отъ мужа разлучатися развѣ блудныя вины».

XV. Пятнадцатое: — «по евангельскому словеси не подобаетъ мужу отъ жены и женѣ отъ мужа разлучатися, аще не блудныя вины, обычай же о сихъ иная удержа».

XVI. Шестнадцатое и послѣднее: — «о вторѣмъ брацѣ совокуненіи».

Соборникъ м. Данила, состоящій изъ только что перечисленныхъ шестнадцати словъ его, извѣстенъ въ ограниченномъ количествѣ списковъ. Существующіе списки соборника м. Данила относятся къ разнымъ вѣкамъ, именно: два къ XVI вѣку, одинъ къ XVII и два къ XVIII. Отъ XVI вѣка списки имѣются: одинъ въ Императорской Публичной библіотекѣ ¹, другой принадлежитъ библіотекѣ Московской Духовной Академіи ². Изъ двухъ списковъ XVIII вѣка одинъ находится въ библіотекѣ графа А. С. Уварова ³, другой принадлежитъ Московской Синодальной библіотекѣ ⁴; спи-

¹ Рукоп. Р. 1, № 522. Принадлежагъ до послѣдняго времени кунцу Сокурову.

² Рукоп. № 197 въ 4 д. на 494 л., полууставъ. На первомъ листѣ рукописи находится слѣдующая собственноручная надпись Платона митрополита Московскаго: «разныя м-та Данила поученія довольно благоразумны: особливо для того времени, Висванія 1807 года.»—

³ Рукоп. Славянскія и Россійскія, принадлежащія почетному гражданину и археографической комиссіи корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. Разобраны и описаны Павломъ Строевымъ. Москва, 1848 года, 722—725, рукоп. № 676 въ 4 д. на 303 листахъ, скоропись. Рукоп. графа Уварова, въ Петербургѣ, № 730.

⁴ Рукоп. № 289/344, стар. кат. въ 4., скоропись на 334 листахъ. См. Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синод. библиотекы Горскаго и Невоструева гл. II, кн. 3, Москва, 1862 г., 147—164.

сокъ XVII вѣка имѣется въ библіотекѣ А. И. Хлудова¹. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, самымъ древнимъ спискомъ соборника долженъ быть признанъ соборникъ, принадлежащій Императорской Публичной библіотекѣ.

Кромѣ своей сравнительной древности списокъ Императорской Публич. библіотеки имѣетъ внутренія достоинства. Производившія мною во многихъ мѣстахъ сравненія текста соборника м. Данила по разнымъ его, находившимся у меня подъ руками, спискамъ (Импер. Публ. библ., Москов. Дух. Академіи, библ. Хлудова) показали, что текстъ Соборника м. Данила по списку Императорской Публ. библіотеки отличается большею полнотою, особенно сравнительно со спискомъ его, принадлежащимъ Московской Духовн. Академіи, въ которомъ встрѣчаются нерѣдко пропуски сравнительно съ соборникомъ Импер. Пуб. библіотеки. Списокъ Москов. Духов. Академіи по значенію находящагося въ немъ текста принадлежитъ къ особому, самостоятельному циклу списковъ, отличительную особенность котораго составляютъ встрѣчающіяся въ текстѣ пропуски, тогда какъ другіе списки, Синодальный и Хлудовскій, мало отличаются одинъ отъ другаго и сходятся со спискомъ Император. Публ. библіотеки, хотя въ то же время имѣютъ одну особенность отъ послѣдняго которая указана будетъ немного ниже. Но вообще нужно сказать, что разность чтеній, замѣчаемая между различными списками Даниловскаго соборника, очень незначительна. Конечно, это объясняется сравнительно ограниченнымъ количествомъ списковъ соборника и малой распространенностію его.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ списковъ Даниловскаго соборника не всѣ полны. Въ находившихся у меня подъ руками его спискахъ XVI вѣка—спискахъ Императ. Публич. библ. и библіотеки Москов. Духовной Академіи не достаетъ цѣлаго наказанія шестнадцатаго слова, весьма важнаго въ гомилетическомъ отношеніи. Полный списокъ соборника находится въ рукописяхъ Московской Сино-

¹ Рукоп. № 87 въ 4 д. на 241 листѣ, скоропись. См. Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библ. Хлудова, сост. Андрей Поповъ, М. 1862 г. 222—225.

Современный списокъ Даниловскаго соборника, сдѣланный съ рукоп. Моск. Дух. Акад., имѣется въ библ. Преосвящ. Макарія. См. Исторія рус. церкви, т. VII, 310, прим. Такой же точно списокъ и съ той же самой рукописи сдѣлалъ и я для своихъ занятій.

дальней библиотеки, в библиотеке А. И. Хлудова в Москве и в библиотеке графа А. С. Уварова.

Одно поучение м. Даниила, известное с таким точным оглавлением: «Пучение Даниила митрополита всея Руси». Оно существует в трех списках: в двух списках Волоколамского монастыря¹ и в списке Императ. Публичной библиотеки². Список Императорской библиотеки самый лучший сравнительно со списками Волоколамского монастыря и особенно с тем из них, с которого издано г. Костомаровым поучение митрополита Даниила³.

Кроме сборника митрополита Даниила с шестнадцатью словами существует еще особый сборник с его посланиями, число которых простирается до четырнадцати. Послания эти следующие:

¹ См. рукоп. Моск. Д. Акад. из собрания Волоколам. монаст. № ^{154 экз.} 492 Волг., подуустанъ, писана различными почерками XVI в., в 4 д. на 481 л., л. 58—68. Рукоп. в начале имѣетъ надпись: «Сборникъ Фотіевъ». Онъ извѣстенъ былъ подъ такимъ названіемъ и автору описи книгъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря. См. Чт. вѣ общ. ист. и древн. Рос. за 1847 г. № 7, 7. Строевъ обозначаетъ Фотіевскій сборникъ № 283, а еще ранѣе онъ значился подъ № 362. Костомаровъ пользуется сборникомъ Фотія подъ № 492, который принадлежитъ уже по времени къ самой послѣдней нумераціи, имѣющей значеніе и по настоящее время. Съ разсматриваемаго сборника Костомаровъ и издалъ поученіе м. Даниила. Другой списокъ поученія Даниила находится въ рукоп. Москов. Епарх. библиот. при Высоко-Петровскомъ монастырѣ. См. сборн. № ^{354 экз.} 525 Волг., подуустанъ XVI в., в 8 д. на 418 л. Въ началѣ на бѣломъ листѣ имѣется надпись: «Сборникъ Арсеневъ Луковниковскаго, данъ въ монастырь по душѣ», л. 127—139. Этотъ списокъ поученія неполный. Онъ содержитъ въ себѣ начальныя общія сужденія проповѣдника и опускаетъ всѣ общія недостатки Московскаго духовенства, которыя занимаютъ очень видное мѣсто въ полныхъ спискахъ поученія.

² Рукоп. XVII. Q. № 64. Изъ собранія гр. Толстого. отд. II, № 68, л. 337—343.

³ Памятники старинной русской литературы, изданные Кушелевымъ-Безобразовымъ, вып. IV, 200—204. Какъ неудовлетворителенъ Волоколамскій списокъ поученія, а отсюда и печатное его изданіе, можно видѣть изъ слѣдующихъ результатовъ сдѣланнаго мною дословнаго сравненія того и другаго списки: наприм. въ печатномъ изданіи (волоколамскомъ) въ одномъ мѣстѣ мѣсто надлежащаго «клирихъ» читается: «или крикъ», въ другомъ мѣстѣ читается: «же кому же», между тѣмъ согласно рукоп. Императ. Пуб. библ. должно читать: «ни кому же», что никакъ не соответствуетъ ходу мыслей автора.

I. Первое:—«посланіе грѣшнаго и худаго инока Данила, милостию Божіею митрополита всея Руси въ Володимерь, въ обитель святаго чудотворца Николы на Волосово въ общій монастырь митрополіи всея Руси, игумену Паенотию и з братією, о благочиненія и крѣпости монастырскаго устава. Слово 1-е».

II. Второе:—«того же посланіе к иѣкоему епископу: понеже иѣции челоуѣцы принесоша ему рѣчи на епископа, яко небрежено и лихоимствено житіе имать, и сего ради скоро, въкратцѣ изложивъ, посылаетъ. Слово 2».

III. Третье:—«того же посланіе къ тому же епископу: яко святительскій приѣмлющимъ санъ много подобаеъ поспѣченія имѣти о себѣ же и о пастырствѣ и ни отъ себе учити или отъ своего разума составить что, но отъ свидѣтельства Божественныхъ писаній. Слово 3».

IV. Четвертое:—«того же посланіе наказательно и душеполезно, и яко житіе сіе прелестное яко сонъ, мимо грядетъ. Слово 4».

V. Пятое:—«о различіи иноческаго жительства, и како вельми удобно къ спасенію общее житіе, аще по Бозѣ имѣютъ разумъ свой, такоже и пустынное житіе; и яко творяи волю Божію на всякомъ мѣсте спасеніе обрываетъ. Слово 5».

VI. Шестое:—«о наказаніи, якоже прияхомъ отъ Бога и отъ святыхъ Апостолъ и богоносныхъ отецъ нашихъ преданія и законъ, сѣе съдержати и вѣровати и почитати подобаеъ, и како отъ Бога научени, святіи апостоли челоуѣческое житіе на двѣ жизни уставивша; на дѣвственное, сирѣчь на иноческое, и на супружеское, и яко хотящему притещи во иноческое житіе преже некушати подобаеъ; и яко лѣно есть пришедшему къ законному браку съхранити цѣломудріе и чистоту, сирѣчь кромѣ законныя егѣ жены не смѣсѣтися любодѣйствомъ, понеже цѣломудріе и чистота многаяжды отъ смерти избавляетъ челоуѣка. Слово 6».

VII. Седьмое:—«того же о иноческомъ законѣ и правилѣ общаго житія въ сватей обители Преславныя Богородица, въ общемъ Покрове монастыре, егда начальство игуменства съдержавъ и понудивъ его старцы сіа написати къ спасенію душамъ отъ свидѣтельства Божественныхъ писаній. Слово 7»¹.

¹ Это посланіе м. Данила напечатано въ VII части Ист. Россійской Церков.

VIII. Осьмое:—«того же посланіе къ нѣкому, впаду въ глубочайши ровъ беззаконія, собрано отъ Божественныхъ писаній о страшнѣмъ судѣ. Слово 8».

IX. Девятое:—«того же о наказаніи. Слово 9».

X. Десятое:—«того же посланіе, яко душевредно есть совокуплятися и бесѣдовати съ женами и съ мужи женовидными; и аще отъ которыхъ челоѣкъ приходитъ душевный вредъ, сихъ подобаетъ отъвращати и отъвращатися. Слово 10».

XI. Одиннадцатое:—«того же посланіе о цѣломудріи и чистотѣ. Слово 11».

XII. Двѣнадцатое:—«того же посланіе о цѣломудренемъ и благовѣннѣмъ житіи. Слово 12».

XIII. Тринадцатое:—«того же о целомудріи и о чистотѣ и о храненіи дѣвства, и яко непрестанно подобаетъ поминати намъ обѣщаніе наше, яже на крещеніи и заповѣди Христовы и творити я, и яко многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царство небесное; яко истинни пастыріе ни о чемъ же о иномъ печажуся, точію еже научати люди къ спасенію и уставы церковныя непоколеблемы соблюдать; и яко не подобаетъ намъ отчаятися отъ находящихся ны страстей, но кренцѣ терпѣти и молитися и бѣгати отъ вредящихъ ны и жѣсть, и лицъ, и бесѣдъ, плотскія мудрствующихъ, и желаніе имѣти о рай и о царствіи небеснемъ, и поминати смерть и страшный судъ Спасовъ и мученіе безконечное, и плакатися грѣхъ своихъ. Благослови, Отче! Слово 13».

XIV. И наконецъ четырнадцатое посланіе:—«того же посланіе о духовномъ вниманіи, и трезвѣннѣи и бжеженіи. Слово четвертое на десять».

Существуетъ два рода списковъ сборника съ посланіями митрополита Данила—полные и неполные. Полныхъ сборниковъ со всѣми четырнадцатю посланіями доселѣ извѣстно три: сборникъ Императорской Публ. библіотеки XVI вѣка ¹; сборникъ библіотеки

хія Амвросія, напечатаной, но не издавшой въ свѣтъ. Посланію здѣсь дано названіе: «Устава Данила, митрополита Московскаго». Оригиналѣмъ для напечатанія посланія послужила рукопись Соф. библ. № 1281. См. Моск. Пуб. Музея № 1419 по катал. Ундольскаго, 256—278. Ср. рукоп. Румянц. музея № 89, 69—84.

¹ Рукоп. въ 4 д. л. изъ Древнехранилища Негодина № 1149. Этотъ сборникъ принадлежалъ нѣкогда библіотекѣ Волоколамскаго монастыря.

Спасо-прилуцкаго монастыря исхода XVI вѣка ¹ и, наконецъ, сборникъ библиот. Антоніева Сійскаго монастыря XVII вѣка ². Неполныхъ списковъ сборника, содержащихъ въ себѣ только первые тринадцать посланій, существуетъ два, которые оба принадлежатъ Новгородской Софійской библиотекѣ; они когда то находились въ составѣ библиотекы Кириллова монастыря ³. Одинъ изъ нихъ относится къ половинѣ XVI вѣка и называется, по имени своего древняго владѣльца Сильвестровскимъ, такъ какъ онъ принадлежалъ извѣстному Московскому священнику, совѣтнику Іоанна Грознаго, Сильвестру ⁴. Другой неполный сборникъ посланій Даниїла относится къ исходу XVI вѣка ⁵. Третій, неполный списокъ посланій, принадлежащій Московскому Румянцевскому Музею ⁶, не можетъ быть признанъ за самостоятельный списокъ, такъ какъ онъ сдѣланъ по распоряженію графа Румянцева съ Сильвестровскаго списка Новгородской Софійской библиотекы. То же самое нужно сказать и относительно современнаго списка тринадцати посланій, находящагося въ библиотекѣ Преосвященнаго Макарія ⁷.

Самый древній изъ трехъ бывшихъ у меня подъ руками сборниковъ посланій митр. Даниїла есть Сильвестровскій. Текстъ посланій обоихъ Софійскихъ сборниковъ почти тождественъ. Разночтенія замѣчаются самыя ничтожныя и рѣдкія. Но всетаки Сильвестровскій сборникъ, несмотря на свою древность, уступаетъ въ

¹ Рукоп. въ 4 л. л. на 245 л. Свидѣніе о семъ взято изъ Библиологическаго словаря П. М. Строева, изд. А. О. Бычковымъ.

² Рукоп. въ листъ. Библиологическій словарь Строева.

³ Сообщение П. Строева.

⁴ Рукоп. № 1281 въ л., на 409 л. Писана крупнымъ прекраснымъ полууставомъ. На первомъ и чистомъ листѣ сборника надписи легкой скорописью: «Сборникъ Сильвестровской», — несомнѣнное доказательство принадлежности его Сильвестру. Сборникъ Новгородской Софійской библиотекы, бывш. С. Петербургской Дух. Академіи, № 1281 подробно описанъ на основаніи записки Н. Коншина, въ статьѣ начатой Голохвастовымъ и оконченной Архимандритомъ Леопидомъ «Благоушѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія» запечат. въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1874 года, книга I, 1—110.

⁵ Рукопись Новгородской Софійской библиот. № 1436 въ 4 долю, на 112 листахъ, написана мелкимъ полууставомъ.

⁶ Рукопись № LXXXIX, въ листъ, на 214 листахъ.

⁷ Рукопись библиот. Преосвященнаго Макарія Литовскаго, бывш. митрополита Московскаго, № 95. Исторія русской церкви, томъ VII, 310.

достоинствахъ другому сборнику. Въ немъ чаще встрѣчаются опіски и ошибки, которыя исправлялись мною, гдѣ была въ томъ нужда, но сборнику Софійской библіотеки нѣсколько позднѣйшаго времени. Сборникъ посланій, принадлежащій Императ. Публичной библіотекѣ, рѣзко отличается отъ обоихъ Софійскихъ сборниковъ. Текстъ, въ какомъ находятся въ немъ посланія, содержитъ въ себѣ вставки и дополненія и по отношенію къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ посланіямъ настолько значительныя, что явилась существенная необходимость одно и то же посланіе разсматривать въ двухъ редакціяхъ. Это видно и въ приложеніяхъ къ изслѣдованію.

XV. Окружное посланіе митрополита Данила: «о смиреніи о съединеніи, и о согласіи, и о любви, и о съблюденіи православныя вѣры и закона; ученіе и наказаніе всѣмъ купно».

Оно дошло до насъ въ трехъ спискахъ: въ списокѣ Московскаго публичнаго Музея ¹ и въ двухъ спискахъ библіотеки Волоколамскаго монастыря ².

¹ См. рукописный сборникъ № 1257, XVI вѣка въ 4 д. на 433 л., писанный полууставомъ, л. 67—78. Сборникъ писанъ рукой Вассіана, бывшаго архимандрита Возмицкаго, въ бытность его инокомъ Волоколамскаго монастыря. Эта замѣчательная рукопись сначала составляла принадлежность Волоколамскаго монастыря, но потомъ какою то случайностію перешла въ частныя руки и въ послѣднее время очутилась на московскомъ рынкѣ, гдѣ она и куплена была директоромъ Московскаго публичнаго Музея В. А. Дашковымъ. На ней сохранились еще слѣды нумераціи, хотя—нужно замѣтить—очень слабо, что зависѣло и отъ времени, а скорѣе всего отъ предосудительнаго намѣренія ея частныхъ, временныхъ владѣльцевъ.

² Одинъ списокъ находится въ рукописи Московской Духовной Академіи. См. сборникъ № ^{158 Анакс.}_{522 Волокол.} л. 481—495. Сборникъ состоитъ изъ шести рукописей, писанныхъ полууставомъ, во многихъ мѣстахъ подходящихъ къ скоренику XVI вѣка, въ 4 д. на 596 листахъ. По Строеву этотъ сборникъ значится подъ № 361. Другой списокъ находится въ рукописномъ сборникѣ также Моск. Духов. Акад. № ^{114/111}, изъ собранія Волоколамскаго монастыря, л. 413—424. Списки окружнаго посланія Данила по рукописи Моск. Публ. Музея и Моск. Духов. Акад. № ^{114/111}, неполные; въ нихъ недостаетъ цѣлой второй части, касающейся, какъ извѣстно, фактовъ современной Данилу общественной жизни русскаго народа, вопроса объ отношеніи къ еретикамъ и политическимъ неурядицъ, вызваннымъ боярскимъ правленіемъ въ малолѣтство Іоанна IV. Мало того, въ вышеуказанной рукописи Московской Духов. Акад. существуютъ пропуски, правда незначительныя въ самой первой части посланія. Ср. рукоп. Московской Духов. Акад. № ^{114/111} л. 481 об. рукоп. Моск. Духов. Акад. № ^{114/111}. Полный списокъ окружнаго

XVI. Шестнадцатое посланіе митр. Данила написано имъ къ Діонисію Звенигородскому. Оно носитъ различныя названія. Въ однихъ рукописяхъ оно обозначается: «посланіе отъ Данила митрополита къ нѣкому брату»; въ другихъ: «посланіе Данила митрополита всея Руси къ старцу Діонисію Звенигородскому»; иногда встрѣчается и вовсе безъ указанія имени автора, равно какъ и лица, къ которому оно написано. Посланіе митр. Данила къ Діонисію Звенигородскому принадлежитъ къ числу памятниковъ, до-

посланія, насколько извѣстно, находится только въ рукописномъ сборникѣ Москов. Духовн. Академіи № 111/III изъ собранія Волоколамскаго монастыря, л. 413—424. Съ этой рукописи Костомаровъ напечаталъ окружное посланіе митр. Данила. См. Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевымъ-Безбородко при содѣйствіи г. Костомарова, вып. IV, 194—199. Печатное изданіе Костомарова не можетъ похвалиться своею аккуратностью. Въ немъ и при дословномъ сравненіи нашель ошибки, то затемняющія мысли автора, то вовсе извращающія ихъ. Такая несправность тѣмъ болѣе удивительна, что изданіе сдѣлано съ той же самой рукописи, какая была у меня подъ руками. Ошибки допущены слѣдующія: Костомаровъ наприм. прочиталъ слово рукописи «оглѣдѣи» оглуцаи. Совершенно непонятное слово «оглуцаи» на самомъ дѣлѣ должно быть замѣнено, согласно болѣе строгому соответствію рукописи и другимъ спискамъ посланія (смотри. рукоп. Москов. Духов. Акад. № 111/III л. 490 об.), словомъ: оглаголуй, что вполнѣ соответствуетъ мысли автора. Очевидно, издатель опустилъ изъ вниманія титло, дѣйствительно едва замѣтное, и отсюда вышла ошибка. Такая же точно ошибка повторена Костомаровымъ и въ другомъ мѣстѣ. Въмѣсто того, чтобы слово рукописи «оглѣдѣи» прочесть оглаголюи, имъ оно прочитано другимъ словомъ «огудѣи». Или еще весьма важная ошибка: у Костомарова неправильно напечатано: «и особѣ не должни есны», между тѣмъ эту фразу должно прочесть такъ: «и особѣ должни есны». Очевидно, ошибка такъ важна, что она даетъ совершенно обратный смыслъ тому, что хотѣлъ сказать самъ авторъ. Въ оглавленіи окружнаго посланія между нѣкоторыми списками существуетъ разница, важная въ библиографическомъ отношеніи: по обоимъ сборникамъ Москов. Духов. Акад. оно читается: «поученіе и наказаніе о смиреніи, и о сродненіи, и о согласіи и о любви и о соблюденіи православныя вѣры и закона, ученіе и наказаніе всѣмъ кунно, слово 39», тогда какъ въ списокъ Москов. публичнаго Музея опущены слова: «ученіе и наказаніе всѣмъ кунно, слово 39». Выраженіе: «всѣмъ кунно» опредѣленно указываетъ на то назначеніе, какое давалось поученію его авторомъ, и вполнѣ констатируетъ собою данное ему названіе окружнаго посланія. Трудно опредѣлить истинный смыслъ выраженія: «слово 39», встрѣчающагося въ двухъ Волоколамскихъ спискахъ окружнаго посланія: слѣдуетъ ли оно о томъ, что это посланіе когда либо занимало тридцать девятое мѣсто въ какомъ либо обширномъ, не сохранившемся до насъ, сборникѣ сочиненій Данила, или же только о томъ, что оно въ нѣкоторыхъ сборникахъ твореній разныхъ авторовъ занимало тридцать девятое мѣсто.

вольно распространенныхъ. Оно извѣстно въ шести спискахъ, именно: въ спискѣ Императорской публичной библіотеки ¹; въ спискѣ монаха Іоакима, хранящемся въ г. Череповцѣ (Новгород. губ.) въ библіотекѣ городского Воскресенскаго собора ² и въ четырехъ спискахъ Волоколамскаго монастыря ³.

XVII. Семнадцатое посланіе адресовано Данииломъ князю Юрію Ивановичу Дмитровскому, брату великаго князя Василія Іоанновича. Оглавленіе его очень краткое: «посланіе Даниила игумена». Оно сохранилось въ одномъ только спискѣ Императорской публ. библіотеки ⁴.

¹ Рукон. Q. XVII, № 50, изъ собр. графа Толстаго, отд. II, № 344, л. 251—256. Скоронись XVI в. на 377 л. Принадлежала Волоколамскаго мон. игумену Евфимію, имъ собрана и частью написана. См. описаніе славянорос. рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библ. гр. Ф. А. Толстаго, изд. Калайдовичъ и Строевъ. Москва. 1825, 472—487. Съ сей самой рукописи посланіе къ Діонисію Звенигородскому издано въ Актахъ Истор. т. I, Сиб. 1841 г., № 293, стр. 534—537. Издано аккуратно, какъ обнаружилось по сдѣланнымъ мною сравненіямъ съ рукописью.

² Сборникъ въ 4 д. л. Библиологическій словарь П. Строева. Эта рукопись сначала находилась въ библіотекѣ Волоколамскаго монастыря.

³ См. рукон. Москов. Дух. Акад. № ^{101 Акад.}_{416 Восток.} сборникъ, полууставъ XVI в. въ 12 д. на 499 л., л. 93—110. Другой списокъ посланія находится въ рукон. Москов. Д. Акад. № ^{155 Акад.}_{319 Восток.} XVI в., писанный полууставомъ и скоронисью въ 4 д. на 365 л., л. 107—111. Этотъ рукописный сборникъ у Строева значится подъ № 315. Третій списокъ посланія Даниила не имѣетъ предъ собою указанія имени автора; онъ обозначается такъ: «посланіе великаго старца брату нѣкому утѣшительно отъ находящихся ему многихъ скорбей». См. рукон. Моск. Дух. Акад. № ^{137 Акад.}_{691 Восток.} л. 228—236. Четвертый списокъ имѣется въ сборникѣ Волоколамскаго мон., входящемъ въ составъ рукописей Москов. Епарх. библ., при Высокопетровскомъ монастырѣ. Рукон. № ^{350 Епарх.}_{237 Восток.} писанная полууставомъ разныхъ почерковъ XVI в., въ 12 д. на 374 л., л. 163—170. По Строеву этотъ же самый сборникъ значится подъ № 71, а прежде онъ значился подъ № 380. Здѣсь посланіе озаглавлено такъ: «Посланіе. Благословеніе Данила митрополита всея Русіи старцу». Посланіе заканчивается припиской, обозначающей время и мѣсто его написанія, и совершенной, тождественной съ припиской, имѣющей въ спискѣ посланія по рукон. Импер. Публ. библ. Волоколамскіе списки посланія Даниила, за исключеніемъ списка, находящагося въ рукописи Москов. Дух. Академіи № ^{141/142}, тождественны со спискомъ Импер. Публ. библ. и отличаются отъ него развѣ только тѣмъ, что за исключеніемъ списка Москов. Епарх. библ. не имѣютъ предъ собою указанія времени и мѣста своего написанія, что напротивъ имѣется въ рукописи И. Пуб. биб. За то списокъ посланія по рук. № ^{141/142} содержитъ въ себѣ нѣкоторые добавленія, вставки сравнительно со всѣми извѣстными списками посланія.

⁴ Рукон. Q. XVII, № 64. Изъ собранія графа Толстаго, отд. II, № 68

XVIII. Осьмнадцатое посланіе Даниіла написано къ лицу неизвѣстному и имѣетъ заглавіе «посланіе Даниіла митрополита». Оно встрѣчается въ одномъ только сборникѣ ¹ Московской духов. Академіи XVI вѣка.

Но кромѣ этихъ произведеній, несомнѣнно принадлежащихъ перу митрополита Даниіла, существуютъ литературные памятники, которые только приписываются ему ². Нѣкоторыми весьма почтенными учеными митрополиту Даниілу приписывается посланіе къ Іоанну Васильевичу Грозному ³. Такъ думаютъ Филаретъ Черниговскій ⁴, Востоковъ ⁵, авторъ Исторіи Россійской Іерархіи, архимандритъ Амвросій ⁶. Основаніемъ для такого предположенія послужилъ

д. 282. Рукопись принадлежала прежде Волоколамскому монастырю, какъ свидѣтельствуемъ надпись на послѣднемъ листѣ рукописи: «сія книга, глаголемая сборникъ Пречистыя Богородицы Іосифова монастыря».

¹ Рукоп. Моск. Духов. Акад. № 225/111 въ 8 д. л., л. 45—54.

² Историкъ Соловьевъ приписываетъ митрополиту Даниілу посланіе, содержащее наставленія, какъ хрістіане должны отвѣчать Агарянамъ, хулящимъ нашу православную вѣру хрістіанскую. Историкъ хотя точно не указываетъ данных, по которымъ онъ допускаетъ такое мнѣніе, ограничиваясь довольно неопредѣленнымъ указаніемъ на сочиненія митр. Даниіла въ рукописяхъ Императорской Публич. библ. (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. V, по первому изданію 486 и также см. въ прилѣжаніяхъ XXXIV, 146), но несомнѣнно авторъ основывается въ немъ на одномъ рукописномъ сборникѣ Императорской Публич. библ., бывшемъ у меня подъ руками (Рукоп. Им. П. б. изъ древнехранилища Погодина № 1149, л. 217), гдѣ непосредственно за четырнадцатью посланіями Даниіла, безъ всякаго указанія имени автора, находится статья: «Отвѣты хрістіаномъ противу Агарянскихъ, хулящихъ нашу православную вѣру хрістіанскую», т.-е. та самая, которая указана Соловьевымъ. Непосредственная смежность памятника въ сборникѣ и подала поводъ историку отнести ее къ одному и тому же лицу, какому принадлежатъ и предшествующія ему посланія. Основаніе само по себѣ очень шаткое и ненадежное, подверженное самымъ неожиданнымъ случайностямъ. Предположеніе Соловьева о имени автора отвѣтовъ Агарянамъ вполнѣ несостоятельно. Дѣйствительнымъ авторомъ ихъ былъ Максимъ Грекъ, съ именемъ котораго отвѣты Агарянамъ и изданы въ собраніи его сочиненій, Соч. Максима Грека, Казань, ч. I, 151—169. Въ послѣдующихъ изданіяхъ своей Исторіи Соловьевъ отказался отъ высказаннаго имъ предположенія.

³ Посланіе под. архимандритомъ Леонидомъ къ чт. Общ. Ист. и Древ. Рос. за 1874, от. I. 69—87. Оно пишется въ рук. Моск. Сн. биб. № 225/111. Описан. рук. отд. II, ч. 3, 628.

⁴ См. его Обзоръ Рус. Духов. литературы подъ статью «Даниіла», § 126.

⁵ Описаніе Румянцовскаго Музеума, рукоп. № IXXXIX, 158.

⁶ Исторія Росс. Іерархіи ч. II, предисл. XXVIII, См. также напечатанное, но неизданное въ свѣтъ, соч. Амвросія, ч. VII Исторія Россійской

сборникъ Новгородской Софійской библіотеки ¹, гдѣ послѣ тринадцати посланій Данила слѣдуетъ безъ указанія имени автора извѣстное посланіе къ Іоанну Грозному. Основаніе опять довольно шаткое. Преосвященный Макарій ² высказался противъ мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ усвоить посланіе митр. Данилу. Мы съ своей стороны имѣемъ такіа данныя, которыя сильно подрываютъ предположенія преосвященнаго Филарета, Востокова и Амвросія и др. Если ихъ мнѣніе основывается главнымъ образомъ на томъ, что посланіе въ одномъ сборникѣ помѣщено непосредственно послѣ сочиненій митр. Данила, то мы съ своей стороны можемъ указать на такой рукописный сборникъ XVI—XVII вѣка, въ которомъ находится извѣстное посланіе къ Іоанну IV, но гдѣ вовсе нѣтъ ни одного посланія Данила и гдѣ оно также встрѣчается безъ имени автора ³. Съ другой стороны существуетъ сборникъ и съ четырнадцатью посланіями, несомнѣнно принадлежащими м. Данилу, но между ними нѣтъ посланія къ Іоанну Васильевичу, а между тѣмъ оно должно было быть и занимать послѣднее, четырнадцатое мѣсто въ сборникѣ посланій, если только признать доводы Востокова, Филарета и Амвросія основательными ⁴ и это тѣмъ болѣе, что первыя тринадцать посланій этого сборника тѣ же самыя, которыя находятся и въ Софійскомъ сборникѣ. Въ частности, что касается мнѣнія Востокова, то оно есть плодъ простаго недоразумѣнія и невольной ошибки. Востоковъ высказалъ свое извѣстное мнѣніе при составленіи описанія рукописей Румянцовскаго Музея, имѣя подъ руками современный списокъ посланій м. Данила, сдѣланный съ Софійской рукописи (Сильвестровскаго сборника). Къ сожалѣнію, списокъ сдѣланъ не совсѣмъ исправно. Я разсматривалъ его и нашелъ въ немъ не мало отступленій, введшихъ въ заблужденіе составителя

Іерархія, находящееся въ Москв. Публич. Муз. по каталогу Ундольскаго № 1419, 256 въ примѣчаніи. Мнѣнія Востокова и преем. Филарета придерживаются Николаевскій (Рус. Проповѣдь въ XV—XVI вв., Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г., 138, 105) и незнакомый авторъ историческаго Очерка Русск. Проповѣдничества (т. I, 1878 г., 603. 614). Мнѣнію архимандрита Амвросія слѣдуетъ Карамзинъ (Ист. госуд. Росс. т. VIII, прим. 80).

¹ Рукоп. въ дѣлѣ № 1281.

² Ист. Рус. Церкви, т. VII, Сиб. 1874 г. 360 въ примѣчан.

³ Рукоп. Имп. Публ. библ. изъ древнехранилища Погодина, куда она поступила изъ собранія Строева, № 1567, л. 55—74.

⁴ См. рукоп. Имп. Публ. библ. изъ древнехранилища Погодина, № 1149.

описанія. Въ немъ, наприм., нѣкоторые посланія не имѣютъ указанія своего числа, въ немъ встрѣчается по два посланія, обозначенныхъ однимъ и тѣмъ же числомъ ¹. А предъ посланіемъ неизвѣстнаго автора къ Іоанну Грозному на полѣ другою рукой, чѣмъ какою писана рукопись, прибавлено: «слово тринадцатое», чего вовсе нѣтъ въ оригиналѣ, и что составляетъ произвольную вставку какого либо лица, имѣвшаго дѣло съ рукописью ². Отсюда становится ясно, что Востоковъ, ни сколько не подозрѣвая подлога со стороны переписчика, на основаніи разсмотрѣнія рукописи, и высказалъ свой извѣстный уже взглядъ на личность автора посланія. Что касается взгляда преосвященнаго Филарета Черниговскаго, то послѣдній высказалъ его на основаніи шаткаго мнѣнія Востокова. Такимъ образомъ, не существуетъ никакихъ данныхъ для того, чтобы посланіе къ Іоанну IV считать принадлежащимъ м. Данилу.

Большинство изслѣдователей, которымъ приходилось имѣть дѣло съ посланіемъ къ Грозному, приписываютъ его извѣстному совѣтнику Іоанна Грознаго священнику московскаго Благовѣщенскаго собора Сильвестру. Самымъ рѣшительнымъ защитникомъ этого мнѣнія является Н. Коншинъ, подробно и обстоятельно описавшій самый сборникъ ³, въ которомъ находится посланіе, и приготовившій его къ изданію на ряду съ другими посланіями Сильвестра, что и сдѣлано было впослѣдствіи архимандритомъ Леонидомъ ⁴. Основаніемъ для такого мнѣнія послужило совмѣстное существованіе посланія въ сборникѣ, принадлежавшемъ когда-то самому Сильвестру, съ двумя посланіями его къ князю Шуйскому—Горбатову, Казанскому намѣстнику. Дѣйствительно, и не въ одномъ только Сильвестровскомъ сборникѣ посланіе къ Іоанну Грозному помѣщается непосредственно предъ двумя посланіями Сильвестра, но и въ нѣкоторыхъ другихъ ⁵. Въ пользу принадлежности посланія Сильвестру скло-

¹ Рукоп. Румянцевскаго Музея въ Москвѣ, № 89. 101. Здѣсь посланіе десятое не имѣетъ указанія своего числа въ ряду другихъ посланій.—л. 109—111. Здѣсь оказалось два XII посланія и ни одного одиннадцатаго.

² Рукоп. Румянц. Музея въ Москвѣ № 89. 180.

³ Новгород. Соф. библ. № 1281.

⁴ Чтен. въ Общ. Ист. и Древ. рос. 1874 г. кн. I; статья, начатая Голохвастовымъ и оконченная архимандр. Леонидомъ: «Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія», 1—110.

⁵ Наприм. рукоп. Импер. Публ. библ. изъ древлехранилища Ногодина, № 1567, л. 55—95.

няется, хотя и не особенно рѣшительно, также и г. Ждановъ¹. Преосвященный Макарій о составителѣ посланія высказывается еще нерѣшительнѣе, съ одинаковой степенью вѣроятности допускающая мысль о томъ, что посланіе могло быть написано или митрополитомъ Макаріемъ, или пономъ Сильвестромъ². А нѣкоторые ученые, издавая на основаніи извѣстнаго Сильвестровскаго сборника сочиненія о. Сильвестра, проходятъ молчаніемъ посланіе къ Іоанну Грозному³. Молчаніе это показываетъ, что издатель двухъ посланій Сильвестра не разделяетъ мнѣнія тѣхъ, которые склонны къ признанью посланія къ Іоанну IV за посланіе самого Сильвестра. Профессоръ Н. И. Барсовъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ авторомъ посланія называетъ Вассіана Топоркова⁴. Въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ посланіе, хотя и ошибочно, приписывается Максиму Греку⁵. Вотъ цѣлый рядъ мнѣній о неизвѣстномъ авторѣ посланія. Всѣ они показываютъ, какъ мало склонны представители ихъ видѣть авторомъ посланія м. Данила. Скорѣе всего авторомъ посланія къ Іоанну Грозному долженъ быть признанъ Сильвестръ, тѣмъ болѣе, что большинство ученыхъ склоняется въ пользу этого мнѣнія. Да оно и вполнѣ естественно и понятно, если взять во вниманіе то блестящее положеніе, какое нѣкоторое время занималъ Сильвестръ при дворѣ Іоанна IV. Въ самомъ посланіи есть выраженія, которыя указываютъ на близкія отношенія автора къ лицу, которому онъ пишетъ, какія и дѣйствительно существовали нѣкоторое время между Іоанномъ и Сильвестромъ. Такимъ образомъ болѣе или менѣе вѣроятное опредѣленіе личности автора посланія также исключаетъ собой возможность признавать авторомъ его митр. Данила. Точно къ такимъ же выводамъ и заключеніямъ мы придемъ, если обратимся къ опредѣленію времени происхожденія посланія. Ждановъ указываетъ на 1547—1552 года, какъ на періодъ времени, когда могло появиться посланіе⁶. А. Θ. Быч-

¹ Жур. М. Народ. Просвѣщ. 1876 г., кн. 4, ч. CLXXXVI, 74, въ статьѣ: «Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора».

² Истор. Рус. Цер. т. VII, 360 въ примѣчаніяхъ.

³ Христ. Чтен. 1871 г., т. I, въ приложеніи. Изданіе Н. И. Барсова.

⁴ Сборникъ Археологическаго института, кн. IV, изд. подъ редакціею Калачева, СПб. 1880 г. Статя «Объ авторѣ посланія къ царю Івану Васильевичу».

⁵ Описан. рукоп. Моск. Синод. библ. II, ч. 3, 628.

⁶ Журналъ Минист. Народ. Просвѣщенія 1876 года, кн. IV, часть CLXXXVI: 75—76.

ковъ относить появленіе посланія къ болѣе позднему времени, именно ко времени опричнины (1565—1572 г.)¹. Къ тому же времени появленіе посланія относятъ и Н. И. Барсовъ².

Такимъ образомъ, собственно церковно-учительная дѣятельность митр. Данила выразилась въ шестнадцати словахъ, составляющихъ его сборникъ, въ одномъ отдѣльномъ поученіи и въ осьмнадцати нравоучительныхъ пастырскихъ посланіяхъ. Число сочиненій, какъ видно, весьма значительное, особенно если взять во вниманіе бѣдность самостоятельной, оригинальной литературы до и послѣ времени митр. Данила. Не смотря однако на значительность извѣстныхъ доселѣ сочиненій Данила, можно съ увѣренностію сказать, что въ дѣйствительности число ихъ было гораздо больше. Основаніемъ этого можетъ служить самъ авторъ. Судя по его сочиненіямъ, онъ любилъ часто проповѣдывать слово Божіе и еще чаще писалъ пастырскія посланія къ разнымъ лицамъ. Шестнадцать словъ сборника есть сочиненіе вполне цѣльное и здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо дополненіяхъ его или продолженіяхъ. Не то посланія и поученія. Въ извѣстныхъ доселѣ посланіяхъ Данила постоянно встрѣчаются ссылки на посланія предшествовающія, о существованіи которыхъ тѣмъ не менѣе ничего не извѣстно до сихъ поръ. Въ посланіяхъ Данила постоянно встрѣчаются выраженія такого рода: «множицею писахъ тебѣ», «и прежде сего множицею глаголахъ», «многажды бесѣдовахъ любви твоей» «и прежде рекохъ и писахъ ти» «мы же тебѣ сія предвозвѣстikomъ множицею»³. Эти и подобныя имъ выраженія Данила достаточно показываютъ, насколько обширенъ былъ кругъ избранныхъ лицъ, съ которыми онъ время отъ времени переписывался и которыхъ онъ, сообразно ихъ настоящимъ нуждамъ, наставлялъ пастырскими посланіями. Обмѣнъ мыслей и увѣщаній и наставленій посредствомъ посланій къ разнымъ лицамъ былъ самымъ предпочтительнымъ средствомъ для митрополита въ исполненіи пастырскаго долга поучать другихъ. Оттого мы видимъ

¹ Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публ. библ. А. О. Бычкова. Спб. 1878 г. 57—58.

² Сборникъ Археологическаго института кн. IV.

³ Рукоп. Новгор. Сое. Библ. № 1281, л. 283. 289. 291. Рукоп. Импер. Публ. Библ. изъ древнехранилища Погодина № 1149, л. 216—217.

разныхъ лицъ, обращающихся къ нему, иногда даже письменно, съ просьбой наставить ихъ въ ихъ затруднительномъ положеніи. И подобнаго рода просьбы отличались нерѣдко значительной настойчивостію: «множицею и отъ многа времени стужаеши моему оказанству, такъ между прочимъ начинаетъ митрополитъ одно изъ своихъ посланій, и просити мене грѣшнаго и худаго инока Данила написать и послати тебѣ слово полезно къ благоугоженію Божию»¹. Отсюда съ полнымъ правомъ можно сказать, что число, сохранившихся доселѣ, посланій Даниила представляетъ только часть изъ того числа, какое написано было митрополитомъ въ то время. Могутъ возразить, что многочисленныя ссылки Даниила на предшествовавшія наставленія и посланія подразумѣваютъ собой ни болѣе ни менѣе, какъ только совокупность посланій доселѣ извѣстныхъ и сохранившихся въ извѣстныхъ намъ сборникахъ. Противъ этого рѣшительнѣе всего говоритъ самый характеръ и содержаніе извѣстныхъ намъ доселѣ посланій Даниила. Лица, къ которымъ обращены посланія, принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества. Одно посланіе писано къ знатному боярину, другое—къ епископу, третье—къ игумену, четвертое—къ простому иноку и т. дал. Какъ разнообразны лица, къ которымъ адресованы извѣстныя намъ посланія Даниила, такъ же точно разнообразны и предметы, о которыхъ онѣ разсуждаютъ. Одно посланіе посвящено разсужденію о видахъ человѣческой жизни, о супружеской жизни и монашеской, въ другомъ даются наставленія о цѣломудріи и чистотѣ, въ третьемъ различаются виды иноческой жизни, въ четвертомъ говорится о страшномъ судѣ, въ пятомъ излагаются обязанности епископа. Достаточно самага поверхностнаго взгляда, чтобы видѣть, какимъ разнообразнымъ иногда частнымъ религіозно-нравственнымъ потребностямъ удовлетворялъ въ своихъ посланіяхъ Даниилъ, и какъ разнородны были лица, которыя нуждались въ нихъ. Послѣ этого трудно допустить, чтобы все разнообразіе предметовъ, о которыхъ разсуждается въ посланіяхъ, сосредоточивалось на двухъ, на трехъ личностяхъ, соединявшихъ въ себѣ такимъ образомъ нѣсколько самыхъ разнообразныхъ нравственныхъ потребностей въ одномъ и томъ же лицѣ.

Литературная дѣятельность митрополита Даниила не ограничивалась исключительно одною церковно-учительною областію. Виц-

¹ Рукоп. Соф. Биб. № 1281 л. 297.

маніе митрополита привлекали и каноническіе вопросы. Такъ Данилъ, еще въ санѣ игумена, занимался составленіемъ кормчей, къ чему онъ, можетъ быть, обратился не безъ вліянія и даже указанія Іосифа Волоцкаго. ¹

Отъ митр. Данила сохранился одинъ изъ памятниковъ его церковно-административной дѣятельности, въ которомъ онъ выступаетъ предъ нами и какъ представитель церкви и какъ въ то же время государственный дѣятель. Памятникъ этотъ есть наказъ, данный отъ митрополита Данила, Досиею — епископу Сарскому и Подонскому и Филоею — архимандриту Симоновскому, отправленнымъ къ князю Андрею Іоанновичу Старицкому для призыва его въ Москву съ повелѣніемъ, въ случаѣ сопротивленія, предать его проклятію. Существуютъ два списка наказа, изъ коихъ одинъ напечатанъ въ актахъ историческихъ ², а другой — въ собраніи государственныхъ грамотъ и договорахъ ³. Оба списка нѣсколько отличаются одинъ отъ другаго. Последний списокъ изданъ съ соблюденіемъ всѣхъ орфографическихъ особенностей памятника.

Подъ руководствомъ и по указанію митрополита Данила составленъ былъ сборникъ разныхъ актовъ, грамотъ, дарственныхъ записей относящихся къ кафедрѣ митрополита московскаго ⁴. Сохранились списки (конечно съ продолженіями) съ этого замѣчательнаго сборника, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Московской

¹ Собраніе Кормчей м. Данила, хотя и не въ полномъ его составѣ, сохранилось въ рукоп. Новоіерусалимскаго Воскресенскаго монаст.; рукоп. № 25. Объ этомъ можно судить на основаніи приписки, находящейся въ рукописи, на 558 л. об., которая читается: «доселѣ съ суздальскихъ правилъ, а се собраніе и приписъ того-же Данила игумена, потомъ бывшаго митрополита, глѣта 1522, мѣс. февраль». См. описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки архимандр. Амвлохія, Москва 1876 г., 105—106. См. также въ Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1874 г., кн. IV, отд. I, Исторія Воскресенскаго Новоіерусалимскаго мон. архим. Леониды, 343.

² Томъ I, СПб., 1841 г., № 139, 1537 г. мая, 201. Здѣсь названіе памятника нѣсколько отличное отъ указаннаго выше.

³ Собран. государ. грамотъ и договоровъ, ч. II, Москва, 1819 г., № 32 40—41. Основаніемъ для сего изданія послужила рукопись главнаго Ар. Минист. Иностр. дѣлъ въ Москвѣ (см. Акты, собранные Мамминовскимъ, портфель 3. № 4)

⁴ Горчаковъ, О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода, СПб., 1871 г., 9. Здѣсь изложена и судьба этого сборника.

Синодальной, бывшей патриаршей библіотекѣ¹, другой составляетъ собственность Московскаго Публичнаго Музея, которому онъ достался послѣ извѣстнаго историка И. Д. Бѣляева². Бѣляевскій сборникъ актовъ своей полнотою превосходитъ сборникъ синодальный и равнымъ себѣ по полнотѣ имѣетъ только сборникъ Московскаго Успенскаго собора.

Кромѣ составленія сборника разныхъ актовъ отъ самаго митр. Данила осталось не мало документовъ и грамотъ административнаго и юридическаго характера. Таковы «посыльные грамоты по всѣмъ вѣдѣмъ отъ Данила митрополита»³, «посольскія рѣчи отъ Дмитровскаго князя Юрія Ивановича къ митрополиту Данилу и отвѣтъ ему Данила»⁴ и нѣсколько другихъ письменныхъ памятниковъ, въ числѣ которыхъ находятся грамоты митрополита Данила, данныя имъ въ разное время и разнымъ духовнымъ лицамъ на право независимости ихъ отъ десятильниковъ и грамоты жалованныя, дававшіяся митрополитомъ разнымъ лицамъ на право пользованія ими извѣстными участками земли, принадлежавшей ко владѣніямъ митрополита. Перваго рода грамотъ извѣстно четыре, это грамоты: игумену Θεогносту⁵ «игумену Покровскаго на Богонѣ монастыря и Константину»⁶, «игумену Арсенію и съ нимъ вмѣ-

¹ Рукоп. № 276, она же прежде обозначалась № 173. Она принадлежитъ къ числу рукописей еще неописанныхъ.

² Рукоп. Моск. Публ. Музея, № 1620 изъ собранія Бѣляева подъ названіемъ: «Записная книга жалованныхъ и другихъ грамотъ Московскаго митрополита въ 1391 по 1641 годы».

³ Рукоп. Москов. Синод. бывшей Патриар. библ. № 562, л. 427. Рукопись неописанная. Эта рукоп. ранѣе обозначалась № 164. Она носитъ названіе Сборника посланій русскіихъ митр. Грамота напечатана въ Актахъ Юридич. СПб. 1838 г. № 360, 385, отъ 23 января 1523 года. Здѣсь же (стр. 386) напечатана посыльная грамота м. Данила Торопецкому вѣдѣтнику.

⁴ Рукоп. Синод. библ. № 562, л. 426—427. Онѣ напечатаны съ самой этой рукоп. въ Актахъ Истор., т. I, № 129, 191, 1522—1533 г.

⁵ Рукоп. Синод. библ. № 276, л. 159, Рукоп. Моск. Публ. Музея № 1620 изъ собранія Бѣляева, л. 160. Упомянуто есть у Горчакова. См. О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патриарховъ и Св. Синода, СПб. 1871 г. 73 приложений.

⁶ Рукоп. Москов. Публ. Музея, № 1260, л. 157. Рукоп. Синод. библ. № 276, л. 155—156. У Горчакова см. 37—38 приложений.

стѣ многимъ другимъ»¹ и наконецъ игумену Благовѣщенскаго монастыря Габбу². Отъ митр. Данила сохранились также двѣ жалованныя грамоты на право владѣнія извѣстнымъ участкомъ земли, изъ которыхъ одна дана старинному митрополичьему крестьянину Дементію Нестерову Новикову³ а другая на имя митрополичьего оброчника Андрея Семенова Улыбашева⁴.

Существуетъ еще особая сфера литературной дѣятельности, къ которой митрополитъ Данилъ имѣлъ нѣкоторое отношеніе. По нѣкоторымъ даннымъ оказывается, что Данилъ принималъ косвенное участіе въ переводѣ древнерусскаго лечебника. Въ предисловіи къ нѣкоторымъ древнерусскимъ лечебникамъ встрѣчается надпись такого рода: «по повелѣнію господина преосвященнаго Данила, митрополита всея Русіи, Божію милостію, сія книга переведена бысть съ немѣцкаго языка на словенскій полоняниномъ литовскимъ, который былъ родомъ нѣмчинъ изъ Любина»⁵.

Сохранилось одно посланіе м. Данила, которое имѣетъ характеръ не столько посланія въ собственномъ и техническомъ значеніи этого слова, сколько *частнаго письма*. Оглавленіе его слѣдующее: «Смиренаго Данила митрополита всея Русіи, отвѣтъ къ нѣ-

¹ Рукоп. Моск. Синод. Библ. № 276, л. 316—317. Рукоп. Москов. Публич. Музея № 1620, л. 351—352.

² Рукоп. Москов. Публич. Музея, № 1620, л. 236.

³ Рукоп. Москов. Синод. Библиот., № 276, л. 367, отъ 7035 года апрѣля 3 дня. Рукоп. Москов. Публич. Музея № 1620, л. 406. Напечатана въ Актахъ Археогр. Экспедиц., т. I, № 74, IV.

⁴ Рукоп. Москов. Синод. библ. № 276, л. 256. Рукоп. Москов. Пуб. Музея № 1620, л. 263—265. Отъ 7030 г., іюня 29.

⁵ Рукоп. Москов. Публич. Музея, изъ собранія Большакова, № 24, подъ названіемъ: «Доброходный вертоградъ», XVIII вѣка, л. 15. Въ рукописи принадлежитъ графу А. С. Уварову, подъ названіемъ: «Травникъ» воспроизведена вся вышеприведенная надпись съ указаніемъ даже на годъ, въ который, по повелѣнію м. Данила, сдѣланъ былъ переводъ лечебника, (именно 1534 г.) Рукоп. графа Уварова, въ листѣ, № 623. Переводъ лечебника сдѣланъ былъ съ печатнаго его изданія, вышедшаго въ Любекѣ въ 1482 году. Сравни. рукопись Импер. Публ. библ., отд. VI, F., № 9, л. 390, томъ первый. Доброходный вертоградъ и другіе древнерусскіе лечебники напеч. В. М. Флоринскимъ въ Извѣстіяхъ и ученыхъ запискахъ Казанскаго университета за 1879 г.

коему христіянолюбцу, въпросившу его о здравіи». Одинъ списокъ сего посланія находится въ рукописи Московской Духовной Академіи ¹. Другой списокъ его имѣется въ одномъ сборникѣ Новгородской Софійской бібліотеки ².

Происхожденіе нѣкоторыхъ литературныхъ памятниковъ, оставшихся отъ митрополита Данила, связано съ печальной судьбою, постигшей его въ послѣдніе годы его жизни. Это имѣетъ значеніе въ отношеніи его отреченной грамоты и до нѣкоторой степени его духовной.

Отреченная грамота митрополита Данила, которую онъ вынужденъ былъ написать подъ давленіемъ самовольныхъ бояръ, была несомнѣнно самымъ тяжелымъ для него памятникомъ во всей его жизни и дѣятельности. Существуетъ три списка отреченной грамоты Данила. Въ одной рукописи, принадлежащей Императорской Публ. бібліотекѣ, она не сопровождается никакимъ оглавленіемъ и если оно тѣмъ не менѣе носить такое названіе: «отпись, кою митрополитъ Даниилъ отрекся своего сана», то послѣднее дано ей только составителемъ описанія рукописей ³. Другой списокъ грамоты также принадлежитъ Императорской Публичной бібліотекѣ, съ котораго она и была издана подъ своимъ настоящимъ названіемъ отреченной грамоты ⁴. Третій списокъ отреченной грамоты м. Данила находится

¹ Рукоп. сборникъ XVI в. № 444/144 изъ библиот. Волоколамскаго монастыря, л. 425—426. Это посланіе напечатано въ церковной Исторіи преосвященнаго Макарія Летоухова, нынѣ митрополита Московскаго, т. VII, кн. II, СПБ. 1874 г. 393—394.

² Рукоп. Соф. библиот., нынѣ библиот. СПБ. Духов. Академіи, № 1480, скоропись XVII в. въ 4 л. листа, л. 126—128. Посланіе, находящееся въ этомъ сборникѣ, не имѣетъ предъ собою точнаго указанія имени его автора въ звѣздочкахъ обозначено только на полѣ: «Даниилъ митрополитъ». Особенности Соф. списка посланія: въ началѣ посланія есть краткое прѣдсловіе, а въ концѣ незначительная приписка, чего не достаетъ первому московскому списку по Данилу.

³ Рукоп. Импер. Публ. библиот., Q. XVII, № 15, изъ собран. гр. Толстого, отд. II. № 254, л. 236. См. описаніе рукописей, хранящихся въ библиот. гр. Толстого. Изд. Калашникова и Строева, 413.

⁴ Рукопись древлехраннища Погодина, прежде того принадлежавшая Строеву, № 1563, л. 89. Напеч. въ Актахъ Археогр. Экспедиц., т. I, № 183. Списокъ грамоты, принадлежавшій Строеву и съ котораго затѣмъ напечатана была грамота, превосходить своими достоинствами списокъ, прежде бывшій въ библиот. гр. Толстого и затѣмъ перешедшій въ собственность И. Публ. библиот. Въ Строевскомъ списокѣ есть такіе, весьма важныя въ историческомъ отношеніи, выраженія, ка-

въ рукописи Москов. Духовн. Академіи и имѣетъ предъ собой такое заглавіе: «Сей отписи просили у бывшаго митрополита Данила, отречение его отъ митрополіи». ¹

Духовная митрополита Данила была написана имъ въ то время когда онъ жилъ на покой въ Волоколамскомъ монастырѣ. Сохранилось только указаніе на существованіе духовной, а самый памятникъ не дошелъ до насъ. Въ описи церковнаго имущества Волоколамскаго монастыря первой половины XVI вѣка между книгами, принадлежащими монастырю значится и слѣдующая: «Духовная митрополита Данила, собрана отъ божественныхъ писаній, въ подѣсть.» ².

Въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ сочиненіи Н. Барсукова ³ помѣщенъ каталогъ собранія рукописей, сдѣланнаго г. Строевымъ. Последній, какъ извѣстно, продалъ свое собраніе М. Погодину, которое и вошло въ составъ его знаменитаго «Древлехранилища». Впослѣдствіи и Погодинъ продалъ свое древлехранилище въ собственность Императорской Публичной библіотекѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ образомъ и собраніе Строева также сдѣлалось ея собственностію. Между рукописями Строевскаго собранія находилась одна, ⁴ содержащая въ себѣ семь поученій м. Данила. По всѣмъ даннымъ нужно было думать, что эта рукопись должна быть въ настоящее время въ Императорской Публичной библіотекѣ, но ея на самомъ дѣлѣ тамъ неokaзывается. По крайней мѣрѣ всѣми своими разысканіями достигъ только того свѣдѣнія, что эта рукопись не по-

нихъ нѣтъ въ спискѣ гр. Толстого. Въ немъ, что всего замѣчательнѣе, м. Данилъ, невольный авторъ грамоты, называетъ себя «бывшимъ» митрополитомъ, какъ дѣйствительно и было на самомъ дѣлѣ, и чего не хотѣлось видѣть въ грамотѣ его врагамъ, искавшимъ въ ней средство, для того чтобъ избавить себя отъ нареканій въ самовольномъ и незаконномъ смѣщеніи митрополита. Строевскій списокъ, равно какъ и списокъ Москов. Духовн. Акад., прямо показываютъ, что Данилъ въ своей грамотѣ отрекался отъ того, чего онъ лишенъ былъ гораздо ранѣе.

¹ Рукоп. Мос. Духовн. Академіи, по Волоколамскому каталогу № 530, а по Академическому № 164, л. 413. Сборникъ XVI в., писанъ полууставомъ, подходящимъ къ споронису XVI в., въ 8 л. на 596 л. Рукоп. написана была Вассіаномъ, архимандритомъ Возмизкимъ, ученикомъ Фотія, который былъ ученикомъ Кассіана Босого.

² Рукоп. Волоколам. мон., хранящаяся въ монаст. ризницѣ, № 11, л. 46.

³ Жизнь и труды П. Строева, 383.

⁴ Значившаяся по его каталогу подъ № 229, рукопись XVI в., въ 12 л. листа, полууставъ, на 248 листахъ.

ступала въ И. П. бібліотеку отъ Погодина, ¹ и гдѣ она въ настоящее время находится, я объ этомъ не имѣю никакихъ свѣдѣній. А между тѣмъ она могла бы имѣть и весьма важное значеніе въ томъ именно случаѣ, если содержащіяся въ ней семь поученій м. Данила принадлежать къ новымъ, совершенно неизвѣстнымъ доселѣ, его литературнымъ произведеніямъ.

Ф О Р М А

сочиненій митрополита Данила.

Форма сочиненій митрополита Данила, равно какъ до нѣкоторой степени и содержаніе ихъ, обуславливаются общими взглядами ихъ автора на характеръ, объемъ и задачи просвѣщенія. Въ общемъ взглядъ Данила на просвѣщеніе нейдетъ далѣе взгляда на него другихъ книжниковъ своего времени. Тотъ же самый религіозно-практическій взглядъ на просвѣщеніе раздѣляется и Даниломъ и прорывается у него почти всегда, когда онъ начинаетъ трактовать о важности изученія божественныхъ писаній.

По взгляду Данила сфера всего просвѣщенія, всѣхъ человѣческихъ знаній заключается въ широкой области «божественныхъ или святыхъ писаній», точно также какъ то представляли всѣ древне-русскіе книжники. Подъ понятіе божественныхъ писаній подходила у него вся совокупность церковной письменности, весь кругъ литературы съ религіознымъ содержаніемъ. Сюда относились и въ строгомъ смыслѣ богооткровенное священное писаніе, и творенія святоотеческія, и сочиненія церковно-богослужебнаго характера, патерики, подвижническія сказанія, сочиненія апокрифическія и наконецъ сочиненія вовсе подложныя и даже такія, которыя не вполне согласны съ истиннымъ ученіемъ христіанской морали ².

¹ Это свѣдѣніе какъ будто не вполне согласуется съ официальными данными. Въ отчетѣ И. П. бібліотеки за 1832 годъ въ числѣ поступившихъ въ бібліотеку отъ Погодина рукописей указываются два списка сочиненій м. Данила, а я имѣлъ возможность пользоваться только однимъ спискомъ. Отчетъ Имп. пуб. биб. за 1852 г. С.-ПБ. 1853, 32.

² Для характеристики м. Данила съ этой именно стороны достаточно указать на его XIII посланіе въ сборникѣ Нов. Сов. библ. № 1281, гдѣ помѣщено

Со отвѣтственно своему взгляду на божественныя писанія, которыми исчерпывалось и обнималось все древнерусское просвѣщеніе, Даниилъ смотритъ на нихъ, какъ на «источникъ всякой премудрости» для человѣка, какъ на сокровище его разума, въ которомъ онъ черпаетъ себѣ «много богатства» и откуда получается имъ «велия польза»¹. Изученіе божественныхъ писаній, этихъ—по словамъ Даниила—«бисеровъ душеполезныхъ» является въ высшей степени благотѣльнымъ для человѣка въ разныхъ отношеніяхъ, которыя тѣмъ не менѣе могутъ быть сведены къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ. Конечно, польза изученія божественныхъ писаній разсматривается только съ религіозной точки зрѣнія, соотвѣтственно самому характеру и назначенію всего древнерусскаго просвѣщенія. Изученіе божественныхъ писаній имѣетъ благотворное значеніе для умственнаго и для религіозно-нравственнаго развитія человѣка.

Первая польза, какую открываетъ собою знакомство съ божественными писаніями, состоитъ въ томъ, что чрезъ нихъ познается во всей чистотѣ и полнотѣ истинное христіанское ученіе. Это съ одной стороны; съ другой—чрезъ нихъ сохраняется цѣлость и чистота православія отъ всякихъ постороннихъ и темныхъ вліяній и уклоненій въ еретичество. Митрополитъ настойчиво останавливается на охранительномъ значеніи божественныхъ писаній для христіанина въ дѣлѣ соблюденія послѣднимъ чистоты вѣры. Онъ прямо заявляетъ, ссылаясь на слова Златоуста, что «отъ невѣденія писаній лютой еретическій возраде недугъ», и что только свѣдущіе въ божественныхъ писаніяхъ чаще всего «не могутъ быть отвѣдени лжею еретическою и въ чужая ученія еретическая»².

Писанія божественныя должны служить для каждаго христіанина мѣриломъ чистоты вѣры и въ то же самое время и крѣпкимъ щитомъ ея святыхъ истинъ³. При каждомъ недоумѣніи, при малѣйшемъ возникшемъ сомнѣніи въ вопросахъ, касающихся религіи,

очень много такихъ сочиненій, которыя не выдерживаютъ критики и не могутъ быть признаны сколько нибудь авторитетными, но которыя тѣмъ не менѣе Даниилъ обозначаетъ «божественными писаніями». Въ концѣ своего XIII посланія онъ замѣчаетъ, что «сія вся собрана быша отъ божественныхъ писаній отъ выше даже до здѣ». Рук. Новгор. Соф. библ. № 1281, л. 358.

¹ Рук. М. Д. Акад., № 197, л. 277, 93, 10, 92—93.

² Рук. Новг. Соф. библ. № 1281, л. 248.

³ Р. М. Д. А. № 197, л. 216, 217, 40. Под. въ посланіяхъ Р. Соф. библ. № 1281, л. 235.

прямая и священная обязанность истинно-православнаго челоѣка не мудрствовать, не разсуждать здѣсь самочинно и произвольно и «не простыми и худыми словесы испытovati, но отъ св. писанія недоумѣнныхъ рѣшенія искати и примати, елика научиша, и елика проповѣдаша священіи апостоли, и евангелисты, преподобніи отцы сихъ ученія и преданія благовѣйніи примати и соблюдать». Всѣ истины православной вѣры, необходимыя для христіанина, начертаны въ божественныхъ писаніяхъ и потому, по нуждѣ-ли или по другимъ какимъ либо обстоятельствамъ или наконецъ изъ благочестиваго желанія болѣе обширныхъ знаній, всякій можетъ и долженъ «со смиреніемъ испытovati и разумѣти волю Божию отъ божественныхъ писаній» и чуждаться «человѣческихъ преданій». Однимъ словомъ, истинный христіанинъ во всѣхъ вопросахъ и сужденіяхъ, соприкасающихся съ религіей, долженъ во всѣхъ ихъже глаголетъ, имѣти свидѣтельство отъ божественныхъ писаній. Даниилъ отрицаетъ свободное со стороны челоѣческаго ума обслѣдованіе того или другаго религіознаго вопроса, подчиняя всю его умственную дѣятельность безусловному и неизмѣнному авторитету божественныхъ писаній. Всякая болѣе или менѣе свободная и независимая отъ установившихся временемъ авторитетовъ дѣятельность ума, обозначавшаяся въ то время характернымъ названіемъ «миѣнія», Данииломъ безусловно отвергается. Онъ называетъ миѣніе даже «проклятымъ»¹.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ изученіе божественныхъ писаній и въ сферѣ собственно нравственной дѣятельности челоѣка. Какъ велико значеніе знакомства съ св. писаніемъ для нравственнаго развитія и усовершенствованія челоѣка, Даниилъ это показываетъ, ссылаясь на слова Златоуста, который говоритъ: «цѣль спастися никому же, аще не часто прочитанія духовнаго наслаждается». Такимъ образомъ божеств. писанія имѣютъ рѣшающее значеніе въ будущей судьбѣ челоѣка. «Отъ невѣдѣнія писаній произошли, по словамъ Даниила, небрегома и неисправленная житія,» отъ своего невѣжества въ нихъ мы чаще всего «овпадаемъ въ сѣти діавола и погибели предани бываемъ». Нравственное дѣйствіе на челоѣка книжнаго чтенія несомнѣнно весьма благотворно по своимъ послѣдствіямъ: «бесѣды отъ св. писаній, говоритъ Даниилъ словами св. Исаака Сирина, возбуждаютъ душу къ животу

и искореняють страсти и усипвають (т. е. усыпляют) скверные помыслы». Изученіе писаній тогда только впрочемъ можетъ оказать свое благотворное и спасающее для человѣка дѣйствіе, когда послѣдній старается всѣми силами проводить въ своей собственной жизни тѣ идеи, тѣ правила, которыя онъ почерпаетъ изъ книгъ божественныхъ. «Прочитаемъ словеса и житія святыхъ и преподобныхъ отецъ нашихъ, поучаетъ митрополитъ, и *поречимъ* *блазому изъ мрловъ и житію*». Въ другихъ мѣстахъ митрополитъ выражается еще опредѣленнѣе. Онъ высказываетъ и такую мысль, что и самое назначеніе и цѣль изученія св. писанія состоитъ въ томъ, чтобы «житіе имѣти духовно по свидѣтельству божественныхъ писаній»¹.

Въ виду глубокаго религіозно-нравственнаго значенія изученія божественнаго писанія ясно само собою вытекаетъ и необходимость его для всякаго человѣка. Книжное обученіе одинаково обязательно для всѣхъ. По словамъ Данила, «не токмо пастыремъ, и учителемъ, и прочимъ инокомъ подобаетъ потружати въ прочитаніи божественныхъ писаній, но и сущимъ въ мірѣ, поелику возможно, и особенно юнымъ, одинаково отрокомъ и дѣвицамъ»². «Благое наказаніе, или—что то же на нашемъ языкѣ—изученіе божественныхъ писаній, по словамъ Данила, цѣлѣтъ и живить и всѣмъ прилично есть, не токмо юнымъ, но и состарѣвшимся, и благороднымъ и простымъ, и богатымъ и убогимъ, и владущимъ и послушнымъ»³. Изученіе и знакомство съ писаніями не должно быть достояніемъ одного того человѣка, который получилъ возможность читать книги. Всякій человѣкъ по любви къ ближнему обязанъ дѣлиться добытыми священными знаніями съ другими и, по возможности, исправлять ошибки и нравственныя уклоненія своихъ собратій по вѣрѣ⁴. Взаимный обмѣнъ полученныхъ знаній, почерпнутыхъ нравственныхъ наставленій признается однимъ изъ

¹ Рукоп. Моск. Духов. Академія № 197, л. л. 39, 216, 38—39, 94. Рукоп. Новгород. Соф. библ. № 1281, л. 248, 21. Рукоп. Соф. библ. № 1456, л. 21.

² Рукоп. Моск. Духов. Акад. № 197, л. 92, 460—463.

³ Рукоп. Новгород. Соф. библ. № 1281, л. 250.

⁴ «Потщимся убо со страхомъ и любовію, поучаетъ Данилъ, божественнымъ писаніемъ поучаватися и не просто же прочитати божественная писанія, но зѣло любитрудитъ въ снѣхъ упражняемся, и водвигнемъ себе и другъ друга воспоминаніи св. писаній, и Божиими заповѣдми и зломудреныхъ мужей прельщенный разумъ и ученіе воспретимъ». Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 197, л. 39.

самыхъ полезныхъ и достойныхъ истиннаго христіанина установленій¹.

Послѣ всего сказаннаго будетъ ясенъ внутренній смыслъ и значеніе тѣхъ наставленій Данила, въ которыхъ онъ призываетъ свою паству къ постоянному и настойчивому изученію божественныхъ писаній. А такія наставленія у него встрѣчаются чрезвычайно часто. Едва-ли можно указать одно слово или посланіе Данила, въ которомъ бы онъ не говорилъ о необходимости и пользѣ просвѣщенія или книжности.

Взглядъ митрополита Данила на просвѣщеніе воспроизводитъ собою тѣ черты, которыя составляютъ отличительныя особенности взглядовъ на этотъ предметъ, какихъ вообще держались всѣ древнерусскіе книжники. Какъ у нихъ, такъ и у Данила просвѣщенію усваивается исключительно религіозно-практическій характеръ и назначеніе служить цѣлямъ религіи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, у Данила, установился взглядъ на область божественныхъ писаній какъ на область неизмѣнныхъ, непререкаемыхъ истинъ, взглядъ, исключавшій собою свободу мысли и подчинявшій ее авторитету писаній, препятствовавшій появленію произведеній самостоятельныхъ, оригинальныхъ, и способствовавшій, напротивъ, появленію трудовъ компилятивныхъ, несамостоятельныхъ, въ которыхъ первое мѣсто отводилось чужимъ мнѣніямъ, выпискамъ изъ произведеній авторитетныхъ предшественниковъ и подоб. Какъ у другихъ книжниковъ, такъ равно въ частности и у Данила, неосновательное разширеніе области божественныхъ писаній способствовало распространенію сочиненій подложныхъ, апокрифическихъ и другихъ вовсе не имѣющихъ правъ на безусловную обязательность и даже на какое нибудь довѣріе.

Взглядъ митроп. Данила на просвѣщеніе имѣетъ опредѣляющее значеніе по отношенію къ формѣ и построенію и вообще

¹ «Даде намъ Господь Богъ, говоритъ Данилъ, отъ слова помощь, да овогда прочитающе божественныхъ писаній, овогда отъ тѣхъ же божественныхъ писаній бесѣдующе другъ съ другомъ велию пользу обрѣтаемъ, другъ друга воздвигуще и руку помощи подающе, улаживающе, врачующе... унывающихъ, лунянующихъ и неблагопослушныхъ». Рукон. № 197, л. 277.

ко вѣшнему характеру, а отчасти и по отношенію къ содержанію всѣхъ его сочиненій. Самое обширное и важное въ историческомъ отношеніи сочиненіе м. Даниила представляетъ его «Соборникъ». Самое названіе сочиненія «Соборникъ» съ добавленіемъ, что онъ «сбранъ отъ божественныхъ писаній», говоритъ уже о его характерѣ и степени самостоятельности. Соборнику авторомъ предпосланы предисловіе и введеніе, имѣющія видъ пастырской исповѣди, въ которой самъ составитель соборника высказываетъ свой взглядъ на свое твореніе. Въ предисловіи къ нему авторъ, вѣрный исполнѣ духу и требованіямъ своего времени, прямо заявляетъ, что онъ во имя лежащаго на немъ пастырскаго долга «вмалѣ потрудившеся, отъ божественныхъ писаній избравше истинная разумѣнія и разсужденія отъ св. евангелія, и отъ апостолъ, и пророкъ и отъ св. отецъ ученія и преданія, вкупѣ сочетавше совершилъ ко всѣхъ душевнѣй пользѣ». Во введеніи въ соборникъ повторяется также самая мысль, которой онъ утверждаетъ, что онъ «не отъ себя сія (соборникъ) написалъ, но отъ божественныхъ писаній собралъ». Для того, чтобы придать болѣе авторитета своему труду и въ то же время наглядно показать, что онъ составленъ дѣйствительно на основаніи священныхъ источниковъ, Даниилъ въ то же введеніе вноситъ особое наставленіе для будущихъ переписчиковъ его соборника. «Потребно есть и о семъ извѣстно сотворити любви вашей, богомудрин, такъ говоритъ авторъ въ своемъ введеніи, аще кто имать сія переписовати, да назнаменаеъ главизнамъ писанія, якоже есть кажда главизна, и коя, и котораго святаго есть, яко да прочитаеъ, и безъ смущенія будетъ, извѣстно имѣя вся коегождо святаго.» Несмотря однако на заявленную компилятивность своего труда, какъ труда, составленнаго на основаніи и изъ собранія разныхъ, заимствованныхъ отъ божественныхъ писаній, свидѣтельствъ, авторъ тѣмъ не менѣе не хочетъ признать за своимъ сочиненіемъ выраженія полнѣйшей истины всего того, о чемъ онъ писалъ.—«Аще ли же что, откровенно сознается митрополитъ обращается въ тѣхъ (словахъ) не угодно Богу и не полезно души ради моего неразумія и невѣжества, и азъ о сихъ всѣхъ молю и прощеніе прошу, да не послушаетъ, ни да творитъ кто тако по моему безумію сотворенныхъ, но лучшее да творитъ, яке есть угодно Богу и полезно души, и азъ о семъ благодарю Бога и вашу истинную и естественную любовь и радуюся купно съ вашимъ богомудріемъ». Настоящая оговорка внесена авторомъ съ опредѣленной цѣлью, рассчитанной на то, чтобы ею предупредить нападки на свое со-

чиненіе со стороны своихъ противниковъ—заволжцевъ, у которыхъ значительно были развиты критическіе приемы отношенія къ сочиненіямъ, и которые имѣли всѣ побужденія къ тому, чтобы ухватиться за грудъ Даниїла, разобрать его критически и указать его слабыя стороны. Намекъ на своихъ противниковъ дѣлаетъ самъ митрополитъ въ томъ же своемъ введеніи, когда онъ предупреждаетъ читателей и переписчиковъ своего сочиненія и проситъ ихъ избѣгать и удерживаться отъ завистнаго мудрованія, что дало бы завистнымъ лжеобратіямъ, которые «по фарисейскому лицемѣрію всегда проныривъ презорствуютъ», прекрасный поводъ «поострить языки»¹.

Нападки и критическое отношеніе къ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ митрополита Даниїла послужили для него однимъ изъ серьезныхъ побужденій, по которымъ онъ часто высказывается въ своихъ сочиненіяхъ о своей умственной ограниченности, маломъ запасѣ знаній и о своихъ нравственныхъ недостаткахъ. Онъ очень часто говоритъ о своемъ «безуміи, неразуміи, невѣжествѣ» и о томъ, что онъ «отъ многихъ плащей и понеченій украдаемъ, жизнь свою въ лѣности изгубихъ, и ни едино дѣло благо сотворихъ, точію мало нѣчто прочтохъ божественнаго писанія»².

Отношеніе автора къ своимъ задачамъ совершенно одинаково и въ посланіяхъ. И во многихъ своихъ посланіяхъ Даниїлъ при удобномъ случаѣ заявляетъ, что «сія вся собрана быша отъ божественныхъ писаній», или что онъ «не отъ себе принесохъ (то или другое), но отъ священ. писаній» и проч.³.

Поставивъ себѣ цѣлю писать не отъ себя, а отъ божественныхъ писаній, митрополитъ Даниїлъ естественно долженъ былъ прискаты для своего сочиненія ту или другую внѣшнюю форму, болѣе соотвѣтствующую задачамъ его изслѣдованія. Избранная имъ форма построенія словъ сборника, а отчасти и посланій, удовлетворяетъ вполне его задачамъ; какія начертаны были имъ для себя. Сначала нужно сказать о формѣ словъ сборника, какъ самаго капитальнаго произведенія Даниїла.

¹ Рукон. Моск. Дух. Акад., № 197, л. 1—3.

² Рукон. № 197, л. 115.

³ Рукон. № 1281, л. 358: 288.

Весь сборникъ состоитъ, какъ извѣстно уже, изъ шестнадцати словъ, очень неравномѣрныхъ между собой по объему. Общій объемъ Даниловскаго сборника превосходитъ просвѣтителъ преподоб. Іосифа Волоцкаго. Число словъ въ сборникѣ Данила, одинаковое съ просвѣтителемъ, обнаруживаетъ въ авторѣ сборника стремленіе даже внѣшнимъ образомъ подражать своему учителю. По содержанію слова сборника не имѣютъ между собой ничего общаго, и каждое изъ нихъ представляетъ изъ себя совершенно самостоятельное цѣлое, какъ то находится и въ большей части словъ просвѣтителя. Всѣ слова сборника составлены по одному плану. Каждое слово непременно раздѣляется на три части. Первая часть каждого слова не можетъ быть разсматриваема, судя по аналогіи съ обыкновеннымъ, понимаемымъ въ техническомъ значеніи, словомъ, какъ вступленіе въ него. Она содержитъ въ себѣ несравненно большее. Въ ней излагается не вступленіе только къ слову, но и самое содержаніе слова, на которое обыкновенно указываетъ его оглавленіе, находящееся въ началѣ его. Обыкновенно въ первой части авторъ развиваетъ или скорѣе въ разныхъ выраженіяхъ и съ нѣкоторыми подробностями повторяетъ основную мысль слова, на которую указываетъ его оглавленіе. Самой существенной чертой первой части слова служитъ то, что она хотя и иногда не во всемъ своемъ объемѣ, все таки касается общаго предмета слова, на который указываетъ его оглавленіе. Съ точки зрѣнія гомилетической первая часть каждого слова скорѣе и естественнѣе всего должна быть разсматриваема, какъ отдѣльное и самостоятельное поученіе. Такъ смотритъ на него и самъ авторъ, когда онъ всегда оканчиваетъ его заключительнымъ словомъ «аминь». Это впрочемъ выяснится по сравненіи и послѣ опредѣленія особенностей другихъ составныхъ частей слова. Въ первой части слова Данилъ говоритъ самъ, высказываетъ свои собственные мысли, хотя и здѣсь иногда пользуется по мѣстамъ текстами библіи и изреченіями св. отцовъ.

Вторая часть слова представляетъ изъ себя одно собраніе чужихъ свидѣтельствъ, относящихся къ подтвержденію тѣхъ или другихъ мыслей слова. Расположеніе свидѣтельствъ здѣсь не подчинено никакому плану или порядку; они находятся безъ всякой внѣшней связи между собой. Авторъ не даетъ имъ никакого порядка, и не освѣщаетъ смыслъ и значеніе ихъ собственными разсужденіями и соображеніями, отъ себя здѣсь онъ не говоритъ ни слова. Свидѣтельства, приводимыя Даниломъ во второй части

ныхъ словъ, бываютъ иногда кратки, но не рѣдко и весьма обширны. Случается, что между ними встрѣчаются цѣлыя посланія какого либо собора или учителя церкви и цѣлыя историческія повѣствованія. Число свидѣтельствъ въ каждомъ словѣ чрезвычайно обширно, и отсюда вторая часть каждого слова всегда подавляетъ своимъ объемомъ двѣ другія, взятая даже вмѣстѣ, части слова. Отчего нѣкоторыя слова такъ обширны, что занимаютъ собою иногда около ста листовъ рукописи мелкаго полууставнаго (пятое слово) письма. Въ нихъ только пять-шесть листовъ вмѣщаютъ въ себѣ вмѣстѣ первую и третью части слова, тогда какъ все остальное занимается одной второй его частью. Число свидѣтельствъ почти всегда очень обширно. Самое меньшее число ихъ пятнадцать-двадцать свидѣтельствъ, а въ нѣкоторыхъ словахъ оно доходитъ до ста. Вторая часть словъ Даниловскаго сборника представляетъ изъ себя, можно сказать, рядъ документовъ или священныхъ актовъ, въ силу которыхъ утверждается то или другое положеніе или ученіе, которому посвящено извѣстное слово. Въ ряду свидѣтельствъ, приводимыхъ Даниломъ во второй части каждого слова, находятся сочиненія подложныя, т.-е. такія, имя автора которыхъ волиѣ неизвѣстно, и если они носятъ чье либо имя, то это совершенно несправедливо. Между множествомъ свидѣтельствъ встрѣчаются и такія, подлинникъ которыхъ носить одно названіе автора, тогда какъ у Данила оно соединяется совершенно съ другимъ именемъ. Есть наконецъ въ цитатахъ Данила имена авторовъ никогда не существовавшихъ.

Третья часть слова, которая въ каждомъ словѣ (кромя одного одиннадцатаго) надписывается «наказаніемъ», состоитъ всегда изъ нравственныхъ уроковъ, наставленій, обличеній и т. под. Она весьма рѣдко находится въ связи съ главнымъ предметомъ слова и скорѣе и даже больше, чѣмъ первая, можетъ имѣть самостоятельное значеніе. Не находясь въ связи съ главнымъ положеніемъ слова, «наказаніе» не отличается по большей части единствомъ предмета и въ своемъ собственномъ составѣ. Здѣсь можно встрѣтить самыя грозныя обличенія, рядомъ съ которыми помѣщается похвала слушателямъ или читателямъ, а далѣе начинаются общія нравственныя наставленія, а иногда ихъ мѣсто замѣняютъ цѣлыя перифразы текстовъ евангельскихъ и апостольскихъ и под.

Изъ описанія составныхъ частей слова видно, что это не есть въ собственномъ смыслѣ слово въ его строгого гомилетическомъ зна-

ченіи, оно является въ нѣкоторыхъ (двухъ) своихъ частяхъ дѣйствительно пастырскимъ поученіемъ, но рассматриваемое во всей совокупности своихъ частей оно есть скорѣе ученый трактатъ, чѣмъ простое поученіе. Конечно, выражаясь такимъ образомъ, мы имѣемъ въ виду ученость въ тогдашнемъ смыслѣ. Самъ авторъ сборника называя составныя части своего сборника словами, въ то же время обозначаетъ ихъ болѣе общимъ названіемъ «главизнѣ»¹. Въ списокѣ сборника, принадлежащемъ Императорской П. библіотекѣ, каждое слово кромѣ своего настоящаго названія имѣетъ еще названіе «главы».

Между словами Даниловскаго сборника не существуетъ никакой связи. Каждое слово есть вполне самостоятельное цѣлое, рѣшающее тотъ или другой современный вопросъ. Общій видъ сборника таковъ, что онъ является руководствомъ для современниковъ Данила, гдѣ каждый могъ найти себѣ доводы и опроверженія противъ заблужденій современныхъ еретиковъ и противъ недостатковъ своего времени. Съ этой стороны, равно какъ и по богатству богословской аргументаціи, сборникъ м. Данила по справедливости, можетъ быть названъ, какъ его и называютъ нѣкоторые² «церковной энциклопедіей» своего времени.

Форма посланій митрополита Данила въ общемъ сохраняетъ на себѣ черты его словъ. Разность состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что въ посланіяхъ, написанныхъ въ разное время и по разнымъ побужденіямъ, эта извѣстная форма уже не выдерживается во всѣхъ посланіяхъ съ одинаковой точностію. Почти во всѣхъ посланіяхъ Данила, точно такъ же какъ и въ словахъ его, находится оглавленіе. Только въ двухъ-трехъ посланіяхъ нѣтъ оглавленія. Содержаніе посланія всегда отвѣчаетъ поставленному предъ нимъ оглавленію. Въ посланіяхъ нѣтъ такихъ рѣзкихъ вѣнскихъ знаковъ и названій, которыя полагали бы собою границы различнымъ частямъ посланія, какъ то напротивъ строго соблюдается въ словахъ сборника. Въ посланіяхъ самому читателю приходится отмѣчать отдѣльныя его части, которыхъ въ большинствѣ случаевъ можно насчитывать также три. Въ первой части обыкновенно раз-

¹ Рукон. Москв. Духов. Акад., № 197, л. 2.

² Библиологическій словарь П. Строева.

вивается мысль оглавленія посланія, затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ, всегда сравнительно обширный со всѣми другими частями посланія, представляющій изъ себя выписки изъ святоотеческихъ и другихъ твореній, за которыми слѣдуетъ обыкновенно третья часть, состоящая изъ разныхъ нравственныхъ наставленій, иногда вовсе не связанныхъ съ общимъ предметомъ посланія. Въ нѣкоторыхъ посланіяхъ вторая не самостоятельная часть всецѣло состоитъ изъ выписокъ, заимствованныхъ изъ различныхъ авторовъ и не сопровождающихся никакими замѣчаніями со стороны автора посланія. Но въ большей части посланій нѣтъ строгаго разграниченія между различными святоотеческими свидѣтельствами, такъ что является трудность выдѣлить то, что собственно принадлежитъ одному святому отцу или церковному писателю и что другому. Дѣло это еще затрудняется тѣмъ, что и во второй части нѣкоторыхъ своихъ посланій Даниилъ святоотеческія свидѣтельства иногда сопровождаетъ своими собственными замѣчаніями и здѣсь становится положительно невозможнымъ указаніе того, что собственно принадлежитъ св. отцу и что самому автору посланія. Вообще въ формѣ посланій Даниила находится не мало спутанности, неопредѣленности, неупорядоченности.

Въ отношеніи формы построенія своихъ сочиненій, одинаково словъ и посланій, Даниилъ стоитъ ниже своего учителя Іосифа Волоцкаго. Если въ наукѣ существуетъ ииѣніе, которое отказываетъ самому Іосифу въ его авторской самостоятельности¹, то тѣмъ болѣе это можно сказать въ отношеніи самаго капитальнаго произведенія Даниила—его Соборника. Отличіе между Просвѣтителемъ и соборникомъ въ построеніи состоитъ въ томъ, что авторъ пераго болѣе самостоятельно и разумно пользуется разными святоотеческими свидѣтельствами. Онъ логически связываетъ ихъ и сопровождаетъ ихъ собственными разсужденіями и замѣчаніями, выясняетъ ихъ смыслъ, какой ему представляется естественнымъ, вообще относится къ нимъ болѣе или менѣе логически. Между тѣмъ Даниилъ при изложеніи свидѣтельствъ является списывателемъ ихъ, простымъ копистомъ, мысль котораго во время труда остается совершенно безслѣдной для дѣла.

¹Статья: «Просвѣтитель Іосифа Волоцкаго» въ Православномъ Собесѣдн. 1859 г., ч. III, 133—179.

Что касается взаимоотношенія (по формѣ) между посланіями и Даниїла и посланіями преподобнаго Іосифа, то, нужно сказать, и здѣсь замѣчается та же самая отличительная особенность, какая видна въ словахъ Даниїловскаго Соборника въ отношеніи къ словамъ Просвѣтителя: то же отсутствіе самодѣятельности автора въ пользованіи святоотеческими свидѣтельствами, которыя у него почти никогда не получаютъ собственнаго, лично принадлежащаго автору, освѣщенія.

Съ точки зрѣнія своихъ доводовъ сочиненія Даниїла являются вполне несамостоятельными. Вторая часть каждаго изъ его отдѣльныхъ сочиненій, словъ, равно какъ и посланій, является простымъ, мертвымъ матеріаломъ, подготовительной работой, требовавшей себя продолжателя.

У Даниїла не видно сколько нибудь выработанной богословской терминологіи въ отношеніи формъ пастырскаго учительства. У него почти безразлично употребляются и «слово», и «поученіе», и «посланіе» онъ посланія вмѣстѣ съ тѣмъ называетъ и словами и наоборотъ—самымъ словомъ даетъ названіе посланій¹.

Какъ бы ни была соответствующей форма сочиненій Даниїла установившимся у него взглядамъ на просвѣщеніе тѣмъ не менѣе это обстоятельство не исключаетъ вопроса о степени самостоятельности избранной имъ формы. Невозможно видѣть въ предпочтеніи Даниїломъ избранной формы вліянія *исключительно* одного какого нибудь святоотеческаго творенія, наиримѣръ,—твореній Никона Черногорца, которыя въ то время пользовались на Руси особннымъ уваженіемъ, и которыя по формѣ очень много напоминаютъ сочиненія Даниїла. Въ своихъ твореніяхъ Никонъ Черногорецъ, точно такъ же какъ и Даниїлъ, приводитъ безъ всякой связи цѣлые ряды чужихъ свидѣтельствъ, относящихся къ тому или другому избранному имъ предмету, и исключительно этими свидѣтельствами наполняетъ свои слова, не дѣлая отъ себя никакихъ прибавленій или поясненій. Можно допустить вліяніе сочиненій Никона Черногорца на форму и способъ построенія сочиненій Даниїла, но только вліяніе посредственное и далеко не исключительное,

¹ Это имъ дѣлается напрямъ, въ отношеніи посланія въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, которое на самомъ дѣлѣ есть слово игумена Волоколамскаго монастыря, сказанное имъ еще въ бытность его игуменомъ этого монастыря.

а подавшее и на другія творенія. Въ древней Руси были очень распространенными произведенія греческой церковной литературы позднѣйшаго ея періода, періода упадка, когда она обратилась къ изученію и компиляціи стараго, къ эклектизму (Анастасій Синайскій, Іоаннъ Лествичникъ, Никонъ Черногорецъ), произведенія, которыя имѣли свою долю вліянія на характеръ и направленіе всей вообще древнерусской письменности, а отсюда въ частности и въ извѣстной мѣрѣ и на сочиненія м. Данила.

Строго говоря, въ выборѣ формы для своихъ сочиненій Данилъ является самостоятельнымъ. Данная имъ форма не создана имъ намѣренно и не выработана нарочито, не заимствована специально у какого бы то ни было одного писателя. Форма сочиненій Данила, такъ сказать, вылилась сама и явилась такой пчелю, а не пчелой, будучи прямымъ непосредственнымъ плодомъ древнерусской книжности и тѣхъ цѣлей и задачъ, которыя ставились и преслѣдовались ея дѣятелями. Она вполне отвѣчала и удовлетворяла двумъ цѣлямъ, какія преслѣдовалъ митрополитъ въ своихъ сочиненіяхъ. Его задачами было дать богословскія основанія тѣмъ, которыми догматамъ церкви и вѣстѣ представить въ нихъ и нравственныя наставленія для пасомыхъ. Первой задачѣ автора дѣйствительно удовлетворяетъ оглавленіе и вторая часть каждаго изъ его словъ, а послѣдней первая и преимущественно третья часть каждаго изъ нихъ. Форма, какую далъ своимъ сочиненіямъ Данилъ, вполне соответствуетъ направленію современной церковной письменности, когда вся заслуга ученаго полагалась не въ самостоятельности и оригинальности взглядовъ, а въ количествѣ собранныхъ имъ чужихъ мнѣній. Съ точки зрѣнія задачъ, какія преслѣдовала древнерусская книжность или ученость, форма, предложенная Даниломъ, является *типичной* формой для всей вообще древнерусской письменности, выработавшейся на началахъ книжнаго, а не научнаго просвѣщенія. И митрополитъ Данилъ по формѣ своихъ сочиненій является типическимъ ученымъ богословомъ русской древности, богословомъ начетникомъ, на которомъ во всей полнотѣ отобразились требованія, какія выставила, для своихъ адептовъ, какъ непремѣнныя условія, древнерусская книжность.

Въ отношеніи формы своихъ сочиненій митрополитъ Данилъ пошелъ далѣе въ исторіи поступательнаго движенія церковнаго консерватизма и сдѣлалъ здѣсь шагъ впередъ сравнительно съ своимъ знаменитымъ учителемъ Іосифомъ Волоцкимъ. Избран-

ная митрополитомъ Данииломъ литературная форма есть низшая и послѣдняя ступень въ области въ строгомъ смыслѣ литературныхъ произведеній, необходимо собою предполагающихъ известную долю авторской самостоятельности. Указанная митрополитомъ литературная форма оставила послѣ себя мѣсто только для одного собранія въ одно цѣлое, компактное, всего того, что существовало въ церковной письменности въ наличности и въ разбросанномъ видѣ, что конечно не можетъ быть признано особой или даже вообще литературной формой, а скорѣе механическимъ трудомъ переписчика. Дѣйствительно, попытку собрать во едино все важное въ церковной письменности сдѣлалъ никто другой, какъ современникъ, совоспитанникъ и преемникъ Даниила по должности, именно—митрополитъ Макарій въ своихъ Великихъ Минеяхъ-Четьихъ. Въ предисловіи къ нимъ Макарій торжественно заявляетъ, что въ его Великихъ Четьихъ-Минеехъ находятся «всѣ св. книги, которыя обрѣтаются въ Русской землѣ.»

Сборники словъ и посланій и вообще всѣ сочиненія Даниила, разсматриваемыя со стороны ихъ формы, служатъ полнымъ отраженіемъ свойствъ древнерусскаго просвѣщенія или книжности и въ то же время они представляютъ изъ себя типическій видъ литературныхъ произведеній, которыми и заканчивается какъ древне-русская церковная письменность, такъ въ частности и древне-русское проповѣдничество.

Охарактеризованная форма словъ митрополита Даниила не лишаетъ дѣлаеть вопросъ о томъ, произносились ли эти слова въ церкви съ церковной кафедры, или нѣтъ?

Каждое слово сборника митрополита Даниила есть по своему характеру скорѣе ученое сочиненіе, ученый трактатъ, чѣмъ обыкновенное пастырское поученіе. Если взять каждое слово въ его цѣломъ видѣ, т. е. въ совокупности всѣхъ трехъ частей его, то въ отношеніи нѣкоторыхъ словъ Даниила нужно сказать, что они въ такомъ видѣ не могли быть произнесены въ церкви. Для того, чтобы произнести нѣкоторыя изъ нихъ, требуется нѣсколько часовъ времени. Скорѣе всего нужно допустить, что м. Даниилъ предлагалъ своимъ слушателямъ въ назиданіе только первую и третью части каждаго слова, изъ которыхъ почти каждая, какъ мы видѣли, составляетъ самостоятельное цѣлое и вполне имѣетъ видъ обыкновеннаго пастырскаго поученія. Что дѣйствительно Данииломъ произносились въ церкви эти поученія, въ этомъ не можетъ

быть никакого сомнѣнія. Митрополитъ Даниилъ глубоко былъ проникнутъ сознаниемъ своего пастырскаго долга поучать народъ и просвѣщать его словами пастырскаго назиданія. Исполненіемъ пастырскаго долга, своею обязанностию заботиться о просвѣщеніи своей паствы, митрополитъ мотивируетъ составленіе и написаніе своего соборника. «Прилучися мало нѣчто и намъ, говоритъ Даниилъ въ предисловіи къ своему труду, Христовою благодатию духовнымъ чадомъ духовную трапезу въ питаніе и наслажденіе предложить не дерзостнымъ убо умомъ, ибо своея нищеты не невѣдый, но преслушанія страшнаго осуженія бояся глаголющаго: рабе лукавый и лѣнивый, подобаше ти вдати сребро мое купцемъ.... Но и истинныхъ пастырей добраго пастыреначальника паственѣ и прилежнѣ учительствы и наказанія препитовати и кормити христоименитымъ людемъ дѣло есть. Сего ради и мы вмагѣ потрудившеся, отъ божественныхъ писаній избравше истинная разумѣнія и разсуженія, совершихомъ ко всѣхъ душевнѣй пользѣ». Проникнутый сознаниемъ своего пастырскаго долга, постоянно имѣя предъ собою нравственную высоту своего служенія Даниилъ по возможности старался это сознаніе проводить въ своей жизни и оправдывать его въ своей дѣятельности. Онъ и письменно и устно обращался къ своей паствѣ съ словами поученія и назиданія. «Азъ, говоритъ онъ, отъ многихъ *плещей* и попеченій украдаемъ, жизнь свою въ лѣности изгубихъ, и ни едино дѣло благо сотворихъ, точію мало нѣчто прочтохъ божественныхъ писаній и отъ сихъ себѣ и другимъ *вспоминать, и глаголати, и писати*»¹. О проповѣдываніи Данииломъ слова Божія въ церкви неоднократно свидѣлствуютъ его собственныя выраженія. — «Придѣте, о возлюбленніи, бесѣдуемъ бесѣды душеполезныя и повѣсти и притчи спасительныя»², такъ обращается митрополитъ въ началѣ одного своего поученія къ слушателямъ, возбуждая въ нихъ вниманіе къ своимъ словамъ; — «*наки* имемся евангельскаго поученія, *наки* поучахися въ Христовыхъ словесехъ, *наки* полюбомудрствуемъ въ заповѣдехъ Господнихъ», такъ призываетъ ихъ пастырь въ другомъ своемъ поученіи. На основаніи нѣкоторыхъ словъ Даниила можно заключить, что проповѣдь его раздавалась въ церкви довольно часто. — «Слышасте *прежде*, такими словами начинаеть митрополитъ одно свое поученіе, егда къ вашей любви побесѣдовати сподобихомся; *также вчера и нынѣ гла-*

¹ Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 197, л. 1—2, 115.

² Рукоп. Моск. Синод. бывшей Патр., библ. № 119/III, л. 332.

залазаетъ о любви, яже къ Богу и искренниѣ и о прочихъ дѣланіихъ заповѣдей Господнихъ, и *наки бесидую любви вашея, елико возмогаю по худости своей*»¹. Особенно замѣчательно съ этой стороны окружное посланіе м. Данила, гдѣ онъ, прощаясь съ своею паствою, между прочимъ приводитъ ей на память и то, что онъ былъ для нея пастыремъ добрымъ, ревностнымъ проповѣдникомъ слова Божія: «мы, смиренніи, говоритъ Данилъ о себѣ, жили и дѣйствовали, слово Божіе имуще, учаще же, и наказующе и моляще, елико по силѣ», и это было не одинъ или нѣсколько разъ, а постоянно: «вчера сиде и днесъ» проповѣдывалъ онъ о соединеніи и согласіи о Христѣ всѣхъ.... и *наки о православіи вѣрѣ и законѣ.... храненіи и утверженіи и соблюденіи*». Какъ велика любовь, которая жила въ Данилѣ къ проповѣди и къ паствѣ онъ самъ это показываетъ, когда продолжаетъ далѣе: «многую бо, яже о Христѣ, любовію и божественною ревностію возгараюся къ вамъ, искій и пекіися и тружаяся и желая спасенія вашего..... еже бы праведнѣ всегда и истиннѣ по Бозѣ жителъствовати, и любомудрствовать въ согласіи о Господи, и совершеннѣи христіанства разумѣ твердѣ соблюдать въ соединеніи о Христѣ и еже..... комуждо съ кимъждо смиреватися, и истиннымъ совершеннымъ смиреніемъ имущимъ что другъ на друга отъ сердца оставляти, и раздраити сѣти вражія, и вся козни его разрушати смиреніемъ»². Въ поученіяхъ Данила встрѣчаются рѣзкіе переходы отъ одного предмета къ другому съ признаками, что онѣ произносились предъ слушателями съ кафедръ. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ обращается съ слѣдующими словами къ паствѣ: «полюбомудрствуемъ же и другая бесѣдовати». Что касается въ частности до поученія Данила къ духовенству Московскаго Успенскаго собора, то въ немъ находятся ясныя указанія на то, что оно было произнесено въ этомъ самомъ храмѣ³. Вообще можно безошибочно сказать, что проповѣдываніе слова Божія составляло для Данила самую первую его пастырскую обязанность. Его пламенная ревность къ проповѣди, его любовь къ поученію своихъ пасомыхъ несомнѣнна. Его

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 277, 271.

² Рукоп. Моск. Духов. Ак. № 414, л. 414.

³ Данилъ въ этомъ поученіи дѣлаетъ на примѣръ слѣдующее указаніе: «наипаче во священномъ семъ дому Пречистые Богородица, великія и святѣйшія митрополити всея Руси». Рукоп. Имп. Пуб. библ. Q. XVII. № 61, л. 339.

любви къ своей паствѣ изливалась и отражалась на самой проповѣди и въ самой проповѣди. Въ одномъ своемъ поученіи проповѣдникъ приходитъ въ восторгъ отъ своихъ слушателей и говорить о нихъ: «вы моя радость, вы моя сладость, вы моя слава, вы моя честь, вы мое богатство.» Съ другой стороны и самая паства не оставалась безчувственной къ ревности своего архипастыря и платила ему самой искренней любовью и привязанностію. Извѣщая въ одномъ мѣстѣ предъ своими слушателями въ томъ, что онъ говоритъ нехраспорѣчиво, Данилъ самъ тутъ же успокоиваетъ себя словами: «вѣмъ, яко отъ великія вашей духовныя любви, яже къ моей худости, яко худая и неразумная моя пѣмованія пріемлете и не зазираете, аще и скудно и не нарочито (а) и не хитрословно есть, но духовно и полезно есть хотящимъ спастися»¹.

Что касается посланій, то только объ окружномъ посланіи можно сказать, что оно могло быть произнесеннымъ въ различныхъ церквахъ, по которымъ оно было разослано.

Такимъ образомъ, какъ по формѣ, такъ и по мѣсту произношенія, строго гомилетическое значеніе пастырскихъ поученій удерживается только за первыми и послѣдними — третьими частями словъ соборника и отдѣльными поученіями митрополита Данила.

Послѣ всего сказаннаго можно вполне видѣть всю несостоятельность нѣкоторыхъ историческихъ свидѣтельствъ, невыгодно характеризовавшихъ митрополита Данила, какъ проповѣдника.² Совершенно наоборотъ, о высокомъ просвѣщеніи Данила, о его познаніяхъ и пастырскихъ достоинствахъ свидѣлствуютъ даже лица, враждебно расположенныя къ митрополиту. Таковъ отзывъ Максима Грека. Въ посланіи своемъ къ Николаю Нѣмчину Максимъ между прочимъ писалъ: «когда ты будешь просвѣщенъ разумомъ, то вопросы о томъ господина и учителя Данила, митрополита всея Россіи, и онъ научить тебя всей истинѣ; я написалъ неучено и нерзсудно, словомъ варварскимъ и дебелымъ, а онъ просвѣтитъ своимъ ученіемъ, и возвѣститъ тебѣ, тогда ты ясно увидишь, что

(а). Здѣсь можно видѣть указаніе на то, что Данилъ иногда говорилъ въ церкви безъ приготовленія.

¹ Рукоп. М. Акад. № 197, л. л. 61. 485.

² Опальный бояринъ Берсень отзывался о Данилѣ, что «учительнаго слова отъ него нѣтъ никакого». Акты Археогр. Эксп., т. I, № 172, 142.

на сколько отстоитъ солнце отъ звѣзды по свѣтлости, настолько отстоитъ онъ отъ насъ благодатию и свѣтомъ разума, и ты отринешь луну и прилѣпишься къ солнцу.... Когда узришь изящный разумъ святаго митрополита, *доктора закона Христова*, украшенный многими знаніями, и съ любовію будешь слушать его, пощади, честный друже, малословію и трости моей буйей, которою я начерталъ тебѣ не многое»¹. Максимъ Грекъ дѣйствительно считалъ митрополита Данила человѣкомъ просвѣщеннымъ. Такимъ же является онъ и въ своихъ сочиненіяхъ. Вообще личность м. Данила, разсматриваемая по литературнымъ трудамъ, представляется въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ. Несомнѣнно, по своей церковно-учительной дѣятельности Данилъ былъ однимъ изъ достойныхъ пастырей и первосвятителей древней русской Церкви. Какъ церковный писатель и особенно какъ проповѣдникъ, онъ можетъ быть названъ рѣдкимъ и достойнымъ украшеніемъ ся.

Русская проповѣдь въ первой половинѣ XVI вѣка.

Митрополитъ Данилъ далъ въ своихъ сочиненіяхъ нѣкоторыя, хотя и отрывочныя, правила, зная которыя онъ считалъ полезнымъ пастырю при проповѣданіи имъ слова Божія, и въ тоже время онъ сохранилъ въ своихъ сочиненіяхъ не мало данныхъ, весьма важныхъ для характеристики дѣйствительнаго положенія проповѣдническаго дѣла на Руси въ первой половинѣ XVI вѣка. Конечно, предлагаемые Даниломъ для руководства пастырей, пастырскіе совѣты не могутъ претендовать, взятые въ своей совокупности, на усвоеніе за ними значенія гомилетической теоріи въ ея строгомъ и техническомъ смыслѣ, но тѣмъ не менѣе изъ нихъ можно составить себѣ нѣкоторый приблизительный взглядъ на идеалъ проповѣдника, какой начертываетъ для него митрополитъ. Изображеніе, хотя бы и блѣдное, цѣльной нравственной личности пастыря проповѣдника XVI в. имѣетъ весьма важное въ историческомъ отношеніи значеніе какъ для характеристики вообще со-

¹ Сочин. Максима Грека, ч. I, 530—531. Что этотъ отзывъ Максима не слова лести или одиѣ только приличія и уваженія къ сану, соображенія въ пользу этого см. у Пресв. Макарія, Ист. Р. Цер., т. VII, 308.

временнаго просвѣщенія, такъ и существеннѣе всего въ частности для характеристики современнаго положенія и запросовъ собственно церковнаго проповѣдничества, которое, какъ отдѣльная, самостоятельная область знаній, въ то время почти не существовало и въ общемъ ходѣ русскаго просвѣщенія оставалось долгое время едва замѣтнымъ.

Теоретическій взглядъ на пастырское служеніе въ древней Руси былъ самый возвышенный, и соотвѣственно тому пастыри церкви пользовались громаднымъ уваженіемъ благочестивыхъ людей русской древности. Высокое благоговѣніе предъ священнымъ саномъ систематически проводилось во всей церковной письменности¹. Благоговѣніе къ пастырямъ доходило до того, что образовалось даже мнѣніе, по которому утверждали, что лучше Бога разгнѣвить, нежели отца духовнаго².

Митрополитъ Даніилъ мало касается въ своихъ поученіяхъ разсужденій о необходимости почитенія священнаго сана. У него встрѣчаются только общія наставленія почитать «служителей слову», которыя не представляютъ въ себѣ ничего особенно выдающагося и характернаго. Почитаніе пастырей, по словамъ Даніила, должно выражаться на дѣлѣ безусловнымъ послушаніемъ имъ: «пасомыхъ дѣло есть еже повиноватися во всемъ пастырю о Господѣ»³.

Самой священной изъ всѣхъ пастырскихъ обязанностей признавалось учить народъ вѣрѣ и нравственности и вообще помогать ему во всемъ его религіозно-нравственномъ развитіи и преуспѣяніи.

¹ Одной изъ существеннѣйшихъ обязанностей каждаго человека благочестиваго было «иереи Христовы чтить всякою честію и любовію». (Рук. Соф. биб. № 1457, л. 183. Поученіе дѣтемъ духовнымъ) «и главы подклонять имъ» (Рукоп. Соф. библ. № 1061, л. 231. Поучен. отца духовна. послѣ исповѣди. Рук. тойже биб. № 1063, л. 62—64. Слово свв. отецъ, како дѣло христіанамъ съ женами жити), и все это заповѣдывалось дѣлать не ради чего либо другаго, а «за отдаваніе своихъ грѣховъ», ибо оказывать пастырямъ почитаніе—это значить все равно, что «за вся аки Богу влгати». Рукоп. Погодина № 1288 л. 194. Сказаніе повѣстей божественныхъ писаній. Руниинскій, Религіозный бытъ русскихъ по свидѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вв. Читен. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1871 г., кн. III, 112—113. Домострой, М. 1849, 5—6.

² Рукоп. И. П. биб. изъ древнехранилища Погодина, № 1315, не нумерованная по листамъ. Статья: о разгнѣваніи отца духовнаго. Здѣсь читаемъ слѣдующее: «аще человекъ Бога разгнѣвать, то отцемъ духовнымъ умолатъ Бога; аще же человекъ отца духовнаго разгнѣвать, то и къ Богу призвешн?»

³ Рукоп. М. Дух. Акад. № 197, л. 278. 202.

И здѣсь самая крѣпкая любовь должна связывать пастыря съ его духовнымъ стадомъ¹. Сознаніе пастырскаго долга заботиться о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа было всеобщимъ. Во всѣхъ наставленіяхъ, касающихся самихъ пастырей, на первомъ планѣ всегда находятся обращенныя къ нимъ самыя настоячивыя убѣжденія учить своихъ пасомыхъ и просвѣщать ихъ истинами вѣры и особенно нравственности². Особенно много и часто писалъ объ обязанности пастырей учить народъ въ XV вѣкѣ митрополитъ Фотій³, а въ XVI вѣкѣ на томъ же самомъ предметѣ много останавливался въ своихъ сочиненіяхъ митрополитъ Даниилъ, а послѣ него Новгородскій архіепископъ Феодосій и митрополитъ Макарій⁴. Вообще теоретическій взглядъ на пастырское служеніе, какой проводился въ тогдашней церковной письменности и раздѣлялся просвѣщенной частью русскаго общества, былъ очень высокій. Въ одномъ древнемъ памятникѣ удачно сгруппированы всѣ прекрасныя черты идеальнаго, достойнаго пастыря, откуда можно видѣть то громадное значеніе пастыря, какъ учителя народнаго, какое давало ему его служеніе и исполненіе учительскаго долга. Здѣсь пастырь рисуется во всемъ ореолѣ божественнаго

¹ Пастырю внушалось «любити чада своя духовная, яко свой уды» (Рукоп. Соф. биб. № 1466, л. 132. Изъ чина исповѣди) и во всемъ заступать за нихъ» (Рукоп. Соф. биб. № 1321, л. 483, Слово о пошѣхъ).

² Въ поученіи ап. Павла, (русскомъ), пастырю строго заповѣдуются «учити порученныя ему людемъ». Рукоп. Импер. Публ. библ. изъ древнехранилища Погодина № 1024, л. 383. Правосл. Собесѣд. 1861 г., I, 446—447. Памятники отреченной русскої литературы, издав. Тихонравовымъ, т. II, 293. Существовали даже спеціальныя поученія въ родѣ, «яко попомъ учити людемъ». (Слово, приписываемое Златоусту, рукоп. Импер. Публ. библ. F. I, № 228, л. 42—43.)—«слово, о еже како глго есть быти учителю». (рукоп. Кирил. библ. №¹¹¹/₁₁₁, л. 155—159.)—«слово о пошѣхъ», (рукоп. Импер. Публ. библ. Погодинская, № 1024, л. 380—381), которыя главнымъ образомъ посвящены были разъясненію и внушенію того, что пастырямъ необходимо учить народъ. Пастыри, игнорировавшіе свои прямыя обязанности и незаботившіеся о просвѣщеніи народа, заслуживали справедливое осужденіе со стороны древнихъ книжниковъ.—«Аще пресвитери не учать и не исправляютъ.... горе таковымъ учителямъ», такъ читается въ словѣ свв. отецъ, «яко жити христіаномъ». Рукоп. Импер. Публ. библ. Q. I, № 308, л. 319—323. F. I, № 232, изъ собр. Толст., отд. I, № 439, л. 51. Подроб. см. у Николаевского. Рус. Проч. въ XV и XVI в. М. Мин. Н. Пр. 1868, ч. 137.

³ Дополн. къ Акт. Историч. т. I, № 181, 325—331. Поученіе Фотія священникамъ и инокамъ. Прав. Собесѣдн. 1860 г., ч. II, 457—475. Поученіе Фотія, 1860, ч. III, 222—240.

⁴ Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 43, 57—60; № 28, 27—30.

служителя и помазанника: онъ представляется, какъ «свѣтъ міру, соль земли, дверникъ, ключарь, дѣлатель и строитель, гостинникъ, стражъ, пастухъ, вождь слѣпымъ, свѣтильникъ, око тѣлу церковному, чиститель, ангелъ Господень, труба небесная, Богу вудитель, міру молитвенникъ, подражатель Господень, апостольскій подобникъ, кормникъ» и проч.¹

Митрополитъ Данилъ часто и много трактуетъ о пастырскомъ служеніи и о высокихъ обязанностяхъ, лежащихъ на всѣхъ служителяхъ церкви. Онъ также самой первой обязанностію духовнаго пастыря ставитъ учить народъ истинамъ вѣры. — «Явно есть, говоритъ митрополитъ во второмъ своемъ словѣ, яко пастырь поставляется иныхъ невѣдѣніа и нечувствія исправляти, и заступати, и стрещи и бѣсовскія рати грядущія провозвѣщати». Проповѣдывать слово Божіе людямъ, Данилъ ставитъ выше всѣхъ другихъ пастырскихъ обязанностей. — «Понеже на пастырскій путь взыде, и на святительскомъ престолѣ сѣде, такъ разсуждаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, *да ни о чемъ же иномъ печется*, точію еже научити люди богоразумнію и благочестію и незлобію» и т. под. Понятно уже отсюда, что пастырская проповѣдь не должна быть случайнымъ, изрѣдка происходящимъ явленіемъ въ жизни пастыря и его пасомыхъ, а она должна быть болѣе или менѣе постоянною, частой: — «не худо же и ослаблено попеченіе имѣти лѣно есть пастырю о овцахъ, ибо не мало истязанъ имать быти о коемъждо, аще и единъ отъ паствы его въ грѣхъ впадетъ»². Пастырь, если только возможно, долженъ проповѣдывать каждый день. Свое настоящее требованіе митрополитъ подтверждаетъ каноническими постановленіями³. Настойчивость Данила въ требованіи отъ пастыря церкви слова учительства удивительна. Онъ учитъ пастыря «независтно подаяти слово ученія всѣмъ, и ни какоже лѣнитися о снхъ, аще и не зѣло внимають иѣщія», и даже въ томъ случаѣ, когда его вовсе не слушаютъ⁴. Обязанность пастыря распадается на двѣ категоріи. Бдительность пастыря должна быть направлена

¹ Поученіе епископа новопоставленному іерею въ рук. Соев. библ. № 1454, л. 6—12.

² Рукон. Моск. Дух. Акад., № 197, л. 53—54—57.

³ Рукон. Соев. библ. № 1281, л. 228.

⁴ Рук. М. Д. Акад. № 197, л. 61—62. Здѣсь митрополитъ повтораєтъ изре-

на сохраненіе своихъ «словесныхъ овецъ отъ псовъ и свиней, отъ ложныхъ пророковъ и ложныхъ учителей». Эта охранительная дѣятельность пастыря, которая сосредоточивается на предотвращеніи и пресѣченіи возможности появленія среди паствы ересей и другихъ заблужденій. Подобная же пастырская дѣятельность должна простирается и на самую жизнь паствы, на исправленіе ея недостатковъ и вообще на внутреннее нравственное преуспѣваніе пасомыхъ. И въ этой сферѣ пастырской дѣятельности ему предстоятъ самыя усиленные труды. Онъ долженъ не только поучать, наставлять своихъ духовныхъ чадъ, но главнымъ образомъ знать частныя средства и способы, какіе могли быть болѣе полезны и приложимы въ отношеніи къ тому или другому лицу и въ томъ или другомъ случаѣ. Насколько разнообразны недостатки людей и сами эти люди, настолько же послѣдніе требуютъ отъ пастыря разнообразныхъ мѣръ исправленія ихъ.—«Духовніи отци, говоритъ Даниилъ, елико возмощають, благое прошеніе подають, врачуютъ, пастыри прилагають, кротостію, любовію, смиреніемъ, моленіемъ, запрещеніемъ, обличеніемъ, страхомъ и *всякъ видъ и образъ творятъ на спасеніе чадомъ своимъ*, и о семъ день и ночь подвижутся, не дающе покоя себѣ, се бо имъ законъ и уставъ есть и се имъ дѣло есть, *иже паче всякъ дѣлъ ческыхъ и краснѣйшии есть*, на сія бо честнѣйшая дѣла Богомъ избранни и поставляемъ бывають добріи пастыри, да некутся и устроятъ общую пользу человѣческому роду христіанскими людьми, о нихъ же и слово имутъ воздати хотѣху Христу Богу». На этомъ основаніи пастырю при извѣстныхъ обстоятельствахъ и при извѣстномъ нравственномъ состояніи своего духовнаго чада должно дѣйствовать не одинаково, а сообразно съ тѣми и другими. Ему при случаѣ, «егда время будетъ, и страшно и люту быти подобаетъ», а въ отношеніи другихъ лицъ и силѣ достаточно для преслѣдуемой пастыремъ цѣли «сладостными словесы, и сладостнѣйшими бесѣдами, и тихими и мягкими врачеваніи пользовати», тогда какъ въ отношеніи иныхъ пастырь вынуждается «и страшно и жестоко противу недугу врачеваніе приносить», хотя при всемъ томъ онъ здѣсь долженъ дѣйствовать и говорить «языкомъ странно и свѣрѣно, душею же и сердцемъ милостынею разливаясь». Вообще первое дѣло пастыря «еже учити, и наказати, и совѣтовати, и обращати на

ченія, взятыхъ изъ слова Златоуста о томъ, «яко подобаетъ іереемъ учити людей, аще и не послушаютъ». Сравни. Рук. Соф. библи. № 1321 л. 531.

благая, и запрещати, и возбраняти отъ злаго, и никако же о сихъ лѣнниться или стыдѣться, но всяко о семъ тѣнчаніе и подвигъ показати, еже промышляти и нещися о всѣхъ»¹. Для большаго воздѣйствія на пастырей и для возбужденія въ нихъ склонности къ проповѣдыванію слова Божія м. Даніилъ рисуетъ предъ ними образъ истиннаго, ревностнаго пастыря.—«Истинный пастырь и учитель, говоритъ онъ, ни о чемъ же иномъ житейскомъ печается, развѣ еже научити люди спасенію, яко по истинѣ хотяще словѣ воздати о людехъ, сего ради не дающе сна очима своимъ, ни вѣждома своимъ дреманіе, ни покоя тѣлу своему, дабы ни единая овца отъ порученнаго имъ стада Христова изгубила»². Съ другой стороны, по представленію Даніила, пастырей перадивыхъ и не исправныхъ здѣсь на землѣ сопровождаютъ отовсюду «студъ и срамъ великъ и совѣстное мученіе зѣло томительно», а въ будущей загробной жизни ихъ неминуемо ожидаетъ «мученіе вѣчно».

Кромѣ общихъ сужденій о необходимости и важности для пастыря проповѣдыванія народу слова Божія митрополитъ Даніилъ указываетъ и самую основу или принципъ проповѣди, это—учить не отъ себя, а отъ Божественныхъ писаній и согласно съ ними. Даніилъ заповѣдуетъ пастырямъ «творити же и учити по свидѣтельству божественныхъ писаній»³. Требовать, чтобы пастырь въ своихъ поученіяхъ согласовался съ ученіемъ св. писанія и преданія, дѣло вполнѣ законное, но у Даніила это требованіе заходитъ дѣлѣе надлежащаго, когда онъ даетъ совѣтъ пастырю-проповѣднику «не отъ себе пощеватися глаголати что, но отъ святыхъ писаній евангельскихъ заповѣдей и апостольскихъ, и отъ священныхъ правилъ вселенскихъ соборовъ и помѣстныхъ и особѣ блаженныхъ мужей и отъ преданій и житій и обычая богоносныхъ отецъ, да ничто же странно и чуже да глаголетъ, но да любомудрствуетъ, и глаголетъ и весь свой разумъ въ сихъ полагаетъ»⁴. Если бы настоящія требованія митрополита Даніила имѣли своею цѣлью напомнить пастырямъ о томъ, чтобы они всегда учили народъ со-

¹ Рукоп. М. Дух. Акад. № 197, л. 54. 6. 61. 279. 202.

² Рукоп. Соф. библ., № 1281, л. 302.

³ Рукоп. Москов. Дух. Акад. № 197, л. 53. 6—7.

⁴ Рукоп. Моск. Духов. Акад. № 197, л. 63. Точно также самая мысль проводится и въ посланіи митрополита къ неизвѣстному епископу. Рукоп. Соф. библ. № 1281, л. 227—228.

гласно съ общепризнанными символическими книгами православной церкви и на нихъ однихъ основывались бы въ своемъ проповѣдываніи слова Божія, то эти требованія были бы самыми законными и нормальными. Но, какъ уже извѣстно, Данилъ съ понятіемъ божественныхъ писаній, по примѣру древнихъ книжниковъ, соединялъ очень широкое значеніе, куда у него подходила большая часть письменности съ религіозно-церковнымъ характеромъ. Отсюда и требованіе его учить и быть вѣрнымъ во всемъ божественнымъ писаніямъ является до извѣстной степени одностороннимъ, стѣсняющимъ свободное развитіе проповѣди, ограничивающимъ дѣятельность проповѣдниковъ заранѣе установленными и строго опредѣленными рамками, которые при каждомъ порывѣ новыхъ идей умолкали предъ давленіемъ установившихся авторитетовъ. Такая крайность Данила обуславливалась отчасти обстоятельствами своего времени, когда дѣлало быстрые шаги вольнодумство и раціоналистическое движеніе, впадавшее въ противоположную крайность и отвергавшее не только всѣ на самомъ дѣлѣ не символическія книги православной церкви, но даже нѣкоторыя и изъ символическихъ.

Представленный взглядъ на задачи пастырскаго служенія можно назвать теоретическимъ, потому что онъ мало соотвѣтствовалъ дѣйствительному положенію проповѣдническаго дѣла на Руси. Живое проповѣдничество въ то время было въ полномъ упадкѣ, о чемъ такъ настойчиво свидѣлствуютъ иностранные писатели. Упадокъ проповѣди зависѣлъ главнымъ образомъ отъ недостатка просвѣщенія.

Духовенство не соотвѣтствовало своему высокому назначенію: оно отличалось крайнимъ невѣжествомъ¹. Духовенство наполнялось по большей части людьми необразованными по той простой причинѣ, что невозможно было найти болѣе или менѣе хорошо подготовленныхъ кандидатовъ для священства. Открытый доступъ ко священству людей мало образованныхъ наполнялъ духовное сословіе и такими людьми, которые искали священства ради связанныхъ

¹ Рущинскій, Религіоз. бытъ русскихъ по свид. иностр. писат. XVI и XVII вв., 171. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Рос. 1871 г., III, Въ поученіи ко іереемъ неизвѣстный авторъ говоритъ о священникахъ: «полюбъ міръ поповъ, но на дѣлѣ Божіи мало ся ихъ обрѣтаеть, мнози же суть не умѣють книгъ.» Рукон. Соф. библи. № 1466, л. 37—39.

съ нимъ матеріальныхъ и нравственныхъ выгодъ¹. Избирая пастырское служеніе въ интересахъ разныхъ выгодъ, священники естественно не расположены были, и, отчасти по своему умственному развитію, оказывались не въ состояніи нести всѣ трудности, соединенныя съ избраннымъ служеніемъ, а тѣмъ болѣе избѣгали самаго священнаго и въ то же время самаго труднаго своего долга учить и просвѣщать своимъ словомъ темный народъ. Такіе пастыри вредны были не только сами по себѣ, но они вредили и другимъ священнослужителямъ, когда изъ этихъ послѣднихъ выдѣлялись личности достойныя, и понимавшія высоту своего служенія и пастырскаго долга. Нерадивыхъ пастырей тогда начинала беспокоить зависть, и они ненавидѣли и старались вредить и самимъ учащимъ пастырямъ, ревностнымъ служителямъ своего пастырскаго долга².

Нераздѣльно съ невѣжествомъ связана грубость нравовъ, господство чувственныхъ пороковъ. Духовенство особенно отличалось склонностью къ пьянству, которое страшно вредило его нравственной репутаціи³. Если ко всему этому присоединить матеріальную необезпеченность духовенства, его полную экономическую зависимость отъ прихожанъ, то для насъ тогда станутъ вполнѣ понятными причины упадка, но неполнаго отсутствія церковной проповѣди на Руси. Только въ этомъ смыслѣ справедливы свидѣтельства ино-

¹ Одни поступали во священство для прокормленія себя и своей семьи. «Каждо іерейство держитъ, говоритъ въ одномъ древнемъ словѣ, дабы ся тѣмъ кормилъ, а не печалуетъ о духовныхъ.» Рукоп. Имп. Пуб. библ. F. I, № 232, л. 51. Слово свв. отецъ, како жити христіаномъ. Правосл. Собесѣд. 1859 г., ч. I, 471 — 472. Мѣстоп. рус. литературы и древн. издан. Тихомировымъ, т. V, отд. III. Къ матеріаламъ для исторіи Стоглава. Другіе принимали священство, «ищуши льготы себѣ и чести». Поученіе ко іереемъ. Рукоп. Соф. библ. № 1466, л. 37—39.

² Авторъ «Поученія ко іереемъ» жалуется на священниковъ, которые сами «книгъ не почитаютъ, но и учащихся непамятуютъ.» Рукоп. Соф. библ., № 1466, л. 37—39.

³ Многіе священники забывали свои прямыя обязанности и проводили время «въ пьянствѣ, и въ пищахъ, въ лѣности, въ нерадивствѣ и безстрашіи, ученія разумъ погубивши.» Рукоп. Соф. библ. № 1454, л. 15—16. Поученіе епископа ко іереемъ. Соч. Максима Грека, ч. II, 219. Правосл. Собесѣд. 1861 г., ч. I, 445. Курбскій Прав. Соб. 1863 г., II, 564—566. Русинскій, Религіоз. бытъ русскихъ по свѣд. иностран. писат. XVI и XVII вв., 118.

странцевъ, говорившихъ объ отсутствіи проповѣди въ русской церкви XVI вѣка ¹.

Занимаясь самъ проповѣдываніемъ слова Божія, митрополитъ Даниилъ къ тому же побуждалъ и своихъ подчиненныхъ. Когда до него дошли слухи о неисправности какого-то епископа, онъ не медленно пишетъ ему одно за другимъ два посланія, въ которыхъ ставитъ самымъ первымъ долгомъ пастыря поучать вѣренную ему паству ². Ту же самую обязанность митрополитъ возлагаетъ и на всякое духовное лицо, что онъ и высказалъ въ поученіи къ духовенству Успенскаго собора ³. Но противъ него была масса невѣжественныхъ пастырей, смутно понимавшихъ свои обязанности и слабо поддававшихся его убѣжденіямъ. Митрополитъ Даниилъ сообщаетъ не мало данныхъ для характеристики современнаго ему русскаго проповѣдничества. Онъ произноситъ тяжелый и прискорбный приговоръ надъ состояніемъ проповѣдничества своего времени. — «Мы, говоритъ онъ о современныхъ ему пастыряхъ, презираемъ и небрежемъ о паствѣ нашей, и koliko погибаетъ душъ человѣческихъ отъ лѣности и небреженія нашего!» Многіе изъ современныхъ ему пастырей увлекались матеріальными выгодами своего положенія. Они по словамъ Даниила, только «себе упасоша, и разшириша чрева своя брашны и пьянствы..... и вся дѣла пастырская презрѣша, и нимало попекошася исцѣлити овца, но точію на славу и честь..... и на воспріятіе мзды уклонишася.» Этого рода пастыри не оправдывали себя и своихъ слабостей, они молчали. Но находились такіе, которые сознательно отклоняли отъ себя отвѣтственность за неисполненіе нѣкоторыхъ пастырскихъ обязанностей. Выходя изъ понятія о трудности и невозможности выполненія во всей точности всѣхъ пастырскихъ обязанностей, пастыри этой категоріи требованія, обращенныя къ нимъ о тщательномъ исполненіи лежащаго на нихъ долга, понимали въ смыслѣ только придирокъ, преувеличеній, совершенно невыполнимыхъ на дѣлѣ. На этомъ мнимомъ основаніи нѣкоторые пастыри дѣлали возраженія Даниилу противъ основной мысли наказанія второго его слова

¹ Герберштейнъ, Записки о Московіи въ перев. Анонимова, Рущинскій, Рел. бытъ рус. по свид. иностр. писат. XVI и XVII в.в., 179—181.

² Рукоп. П. библ. изъ древнехрани. Ногодина, № 1149, второе и третье посланіе.

³ Рукоп. И. П. библ., Q. XVII, № 64. л. 337—313. Памятники старинной русской литературы, вып. IV, 200—204.

о томъ, что «пасомымъ согрѣшающимъ, пастыри мучимы бывають.» — «Ты же паки любоприся, говоритъ Данилъ о нѣкоторыхъ пастыряхъ-совопросникахъ своего времени, глаголя: *почто сія на пастырьхъ испытательная и немилостивая возлагаетъ?*»

Низкій уровень образованія, умственная неразвитость, нравственная распущенность духовенства лишили его въ глазахъ народа того высокаго нравственнаго значенія, какимъ оно должно было пользоваться, судя по высотѣ своего служенія и положенія въ церкви. Вліяніе духовенства, какое могло происходить чрезъ проповѣдь, было самое ничтожное. Народъ отвыкъ отъ самой проповѣди. Митрополитъ Данилъ осуждаетъ своихъ современниковъ за то, что они «вся отъ душеполезныхъ притчей и повѣстей уклонившася, вси отъ духовныхъ бесѣдъ бѣгаютъ». При такомъ отношеніи къ проповѣди русскіе не особенно заявляли склонность выслушивать поученія, и если какой либо пастырь вздумалъ обратиться къ своей паствѣ съ словами назиданія, то они относились къ нимъ очень холодно. Объ этомъ упоминаетъ Данилъ, когда обличаетъ своихъ пасомыхъ: «ты же пастыря презираеши и ни во что же поставляеши», такъ говоритъ онъ непосредственно послѣ того, какъ онъ обращался къ пастырю съ убѣжденіемъ учить своихъ пасомыхъ. Самое благое намѣреніе пастыря учить свою паству многіе трактовали по своему и объясняли дѣйствія своего ревностнаго пастыря личными эгоистическими побужденіями, а не чистымъ желаніемъ духовнаго блага своей паствѣ. По словамъ Данила, изъ его современниковъ находились такіе неблагодарные люди, которые «глаголющихъ о Господи и учащихъ закону благодати» называли «міролюбивыми и тщеславными». При рѣдкомъ употребленіи церковной проповѣди русскіе, когда слушали ее, то здѣсь искали себѣ не назиданія, а слѣдили просто за тѣмъ, не скажутъ-ли чего либо проповѣдникъ обличительнаго противъ нихъ и, если это случалось, то они принимали пастырскія обличенія за личныя оскорбленія, и съ этого времени ихъ ревностный пастырь дѣлался для нихъ врагомъ, которому они старались мстить и отплачивать за нанесенное имъ мнимое оскорбленіе. — «Разумѣй же ми прочее, говоритъ Данилъ о тяжестяхъ пастырскаго служенія, *пастырскіихъ многообразныхъ бѣдъ*, якове здѣя повсюду бѣды и скорби отъ всихъ пріемлютъ. Егда бо видитъ нѣкія чловѣки неподобная глаголющихъ или творящихъ законопреступная, и еще сихъ накажетъ и не послушнымъ воспретитъ, многу ненависть воздвижутъ на нь, надымаются, хапають, досаждаютъ, ложная шеперанія сши-

ваютъ, клеветы, студъ, укоризны, и аще бы имъ возможно и умертвити; тако бо сатана прельщаетъ ихъ лукавствы своими». Подобное грубое, невѣжественное пониманіе пастырскихъ наставленій заставляло проповѣдниковъ быть болѣе или менѣе осторожными въ словѣ, или же вынуждало ихъ постоянно прибѣгать къ оговоркамъ, къ извиненіямъ, хотя нужно прибавить, что пріемъ оговорокъ и не всегда могъ достигать цѣли. Послѣдній способъ, способъ оговорокъ, особенно часто практикуется митрополитомъ Даніиломъ. Высказавъ наприкладъ какую нибудь горькую истину своей паствѣ, митрополитъ сейчасъ же начинаетъ оговариваться. Такъ въ одномъ мѣстѣ послѣ строгаго обличенія онъ прибавляетъ: «сія же не иныхъ осужая и поношая глаголю, но себе укоряя и осужая, и свою глѣбность воздвизая, и вамъ молюся.....» Въ другихъ случаяхъ Даніиль при сильныхъ обличеніяхъ въ разныхъ нравственныхъ аномальностяхъ въ ряду обличаемыхъ ставитъ и себя самого и прибавляетъ часто: «яко же и азъ». Своего неудовольствія противъ проповѣдующаго пастыря слушатели иногда не могли скрывать даже и въ самой церкви. Злоба наполняла ихъ сердце и невольно выражалась на лицѣ. «Что зубы скрежещеша, и свѣрѣпиши на мя, яко убити мя хотя? спрашиваетъ Даніиль, обращаясь къ своимъ слушателямъ, высказавши предъ ними одно строгое обличеніе. Другіе гнѣвались на пастырей за то, что они брались за пастырское дѣло, но не удовлетворяли многихъ новизною своихъ поученій и наставленій. «Ты свѣрѣпствуеша и скачеша, акы разтерзати мя хотя, такъ говоритъ Даніиль объ одномъ поклонникѣ новаго и интереснаго, и глаголюще: вѣмъ, вѣмъ азъ сія, еще же и сихъ множае и новая и ветхая». Множество и другихъ возраженій приходилось выслушивать проповѣдывающему пастырю отъ своихъ неблагодарныхъ слушателей. О нѣкоторыхъ изъ такихъ возраженій мы узнаемъ опять изъ сочиненій м. Даніила. «Егда пастырь начнетъ учить ихъ (насомыхъ), рассказываетъ м. Даніиль, глаголя: о чада! сице и сице творите, якоже повелѣвають вамъ Христови заповѣди и прочая божественная писанія, и они отвѣщаютъ глаголюще: прежде себе научи, писано бо есть: начатъ Иисусъ творити же, таже учить. (Дѣян. I, 1.) Иногда же глаголютъ: до чего ти дучити насъ, а ты самъ по писанію ли житіе храниши, а онъ, а сей по писанію ли жителъствуетъ? Точію на насъ вооружился еси, а тѣхъ не видиши, а себе заблылъ-ли еси? О, отче, отче! како ти нѣсть срама! Учитель же паки начнетъ учить отъ божественнаго писанія, они же возглаголютъ: о, учитель нашъ яко фарисей тщеславится; видиши-ли, како

мнится, видиши ли како презорствуетъ; видиши-ли, како гордится. Сіа же и симъ подобная ина тмаи, ничтоже стыдящеса, глаголють, тако бо обезсрамившу ихъ сатанѣ. Виегда же пастырѣ время усмотривъ, свѣрѣпо воспретити на спасеніе нѣкимъ, и они возглаголють: сіа нѣсть отеческая, и пастырская, и учительская, но безчинныхъ, и развращенныхъ, и челоѣконенавистныхъ, и мучительскій обычай есть, а не отеческій и учительскій. Аще ли же кто сѣдай на сѣдалищи пастырствѣ и учительствѣ и будетъ простъ, тихъ, кротокъ, смиренъ, и рекутъ челоѣци глаголюще: сей челоѣкъ простъ есть, келейный, а не властельскій, нѣсть его дѣло учить, и наказывати и возущати, и заирещати. Аще ли кто отъ любомудрыхъ восхощетъ исчислити и писанію предати пастырская страданія, и молвы, и смущенія, лѣта да требуютъ о сихъ любомудрствовати¹. Дѣйствительно, тяжело было въ то время нравственное положеніе истинныхъ пастырей церкви, которые при всей своей ревности, при всемъ искреннемъ желаніи поучать свою паству, отъ нея же самой получали укоры и оскорбленія за свои благія намѣренія и обѣщавшую много принести пользы дѣятельность. Конечно м. Данилу у котораго много было враговъ, искавшихъ всякаго удобнзго случая повредить ему, болѣе чѣмъ кому либо другому, приходилось испытывать на себѣ самомъ неблагоприятные отзывы своей паствы за свою истинно-пастырскую и достойную ревность къ проповѣдыванію слова Божія, что онъ и передалъ въ своихъ сочиненіяхъ.

До сихъ поръ разсмотрѣна была форма сочиненій м. Данила, доказана была ревность митрополита къ проповѣданію слова Божія, представленъ его взглядъ на обязанности пастырскаго служенія, изъ коихъ самая первая является проповѣдь, указаны были наконецъ тѣ неблагопріятныя условія, въ какихъ вообще походилось въ то время дѣло проповѣди въ Россіи и въ частности то неудовлетворительное и затруднительное положеніе, въ какое ставила Данила его же собственная ревность къ проповѣдыванію слова Божія. Теперь естественъ, послѣдователенъ будетъ переходъ къ опредѣленію и изложенію особенностей какъ достоинствъ, такъ и недостатковъ проповѣдническаго таланта митрополита Данила.

¹ Рукон. М. Дух. Арх. № 197, л. 484—485, 202, 406, 118, 38—60, 482.

Митрополитъ Данилъ, какъ свидѣтельствуяютъ его сочиненія, отличался громадною начитанностью. Въ количественномъ отношеніи, по богатству своей богословской эрудиціи, онъ превосходитъ даже своего учителя Іосифа Волоцкаго, хотя въ тоже время много уступаетъ ему въ логическомъ построеніи своихъ мыслей. Іосифъ былъ богословомъ съ болѣе развитымъ интеллектомъ. У него большую роль играетъ логика, которая по мѣстамъ переходитъ въ тонкую діалектику, нечуждую иногда нѣкоторыхъ софизмовъ, скрывающихъ за собой искусственныя натяжки, какія допускались Іосифомъ. Съ совершенно инымъ характеромъ Данилъ. Это былъ человѣкъ памяти, воспріятія; дѣятельность разсудочная, логическая, обобщающая данныя памяти у него была развита сравнительно слабо. Развиваясь односторонне и усовершенствуя постояннымъ чтеніемъ дѣятельность памяти, Данилъ достигъ въ этомъ отношеніи необыкновенныхъ успѣховъ. Насколько только можно судить по его сочиненіямъ, онъ зналъ наизусть почти всѣ употребительныя книги новаго завіта и псалтирь. Онъ владѣлъ такимъ поразительно-громаднымъ запасомъ текстовъ, что могъ свободно говорить долгое время на одну тему, составляя свою рѣчь изъ однихъ библейскихъ изреченій. Въ ряду поученій Данила находятся такія, большая часть которыхъ состоитъ изъ сплошной массы текстовъ, болѣе или менѣе связанныхъ между собою единствомъ содержанія. Не меньшимъ запасомъ знаній обладалъ Данилъ и въ области святоотеческихъ твореній. Нечего говорить о томъ, что онъ часто приводитъ изреченія св. отцовъ; онъ говоритъ ихъ языкомъ, ихъ фразами и выраженіями въ томъ случаѣ, когда онъ какъ будто хочетъ сказать и вполнѣ дать понять, что онъ говоритъ это отъ себя. Въ положительномъ ученіи о вѣрѣ и нравственности, въ ихъ общихъ вопросахъ, у Данила встрѣчается мало самостоятельнаго въ самомъ способѣ выраженія своихъ сужденій. Въ наставленіяхъ общаго отвлеченнаго характера онъ всегда говоритъ языкомъ, фразами, заученными имъ изъ того или другаго нравственнаго учителя, св. отца. И это не составляетъ подлога съ его стороны, онъ не могъ иначе говорить какъ языкомъ книгъ, надъ изученіемъ которыхъ онъ постоянно трудился. Поэтому въ языкѣ Данила замѣчается раздвоеніе. Когда онъ касается общихъ нравственныхъ или догматическихъ разсужденій, то здѣсь его невозможно отличить отъ всякаго другаго древне-русскаго богослова. Но лишь только онъ начнетъ разсуждать о частныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ жизни человѣка, и особенно когда перейдетъ къ об-

личеніямъ современныхъ ему недостатковъ, то языкъ его поученій совершенно измѣняется. Изъ книжнаго, стереотипнаго, онъ обращается въ живой, сильный и выразительный иногда до яркости красокъ. Коль скоро Данилъ коснется современной ему распушенности нравовъ, то здѣсь онъ является полнѣйшимъ владыкой своего слова. Для него здѣсь уже перестаютъ существовать какія бы то не было ограниченія. Въ описаніи пороковъ, въ сравненіяхъ и уподобленіяхъ онъ нисколько не задумывается надъ выборомъ предметовъ, подходящихъ или не подходящихъ къ случаю съ точки зрѣнія приличій. Ему ничего не стоитъ сравнить современнаго сластолюбца съ «жеребцомъ», «свиньей», «псомъ», «свинопасомъ», «сатаной» и т. под. Но обыкновенно послѣ того, какъ проповѣдникъ разразится массою самыхъ строгихъ и сильныхъ обвиненій, онъ быстро смягчаетъ свой тонъ, проситъ извиненія передъ своими слушателями и читателями и здѣсь же весьма часто начинаетъ излагать полныя искренней и сердечной любви наставленія. Вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда Данилъ касается современныхъ ему недостатковъ, т.-е. предметовъ и явленій частныхъ, то здѣсь языкъ его отличается живостью, соединенной съ простотою и общедоступностью.

Сравнительно слабое развитіе мыслительной способности и преобладаніе памяти положили свой отпечатокъ на содержаніи сочиненій Данила. Лишь только проповѣдникъ вздумаетъ коснуться выясненія какого либо общаго нравственнаго положенія, его мысль сейчасъ начинаетъ скользить, перебѣгать отъ одного свойства разсматриваемаго предмета къ другому. Отчего происходятъ множество сужденій поверхностныхъ, непослѣдовательныхъ, часто встрѣчаются ненужныя повторенія, а избранное положеніе все-таки остается мало и главное не такъ глубоко и основательно выясненнымъ и во всей полнотѣ изчерпаннымъ. Вообще и. Данилъ по складу своихъ умственныхъ способностей вовсе не привыкъ къ послѣдовательности, къ связному, логическому изложенію своихъ мыслей. Онъ рѣдко въ одномъ и томъ же поученіи долго останавливается на одномъ предметѣ, а перебѣгаетъ отъ одного къ другому, иногда пускается въ общія нравственныя наставленія, подбираетъ и наполняетъ свои разсужденія ходячими, общепотребительными книжными фразами, механически все это соединяя разными соединительными частицами. Это самый существенный недостатокъ въ поученіяхъ митрополита Данила. Онъ частью зависитъ отъ односторонняго развитія умственныхъ спо-

способностей, которыя у Даниіла были подавлены способностью памяти, воспоминающа; частью же отъ недостатка научнаго образованія, которое могло бы распределять и упорядочивать тѣ богатые свѣдѣнія и знанія, какія приобрѣлъ и какими обладалъ митрополитъ Даниилъ благодаря громадной своей памяти.

Раздѣленіе сочиненій митрополита Даниіла.

Охарактеризованныя со внѣшней стороны сочиненія митрополита Даниіла весьма замѣчательны и по своему внутреннему характеру, или содержанію. Изученіе содержанія ихъ составляетъ самую существенную задачу изслѣдованія. При изложеніи всякихъ сочиненій для удобства изслѣдованія необходима извѣстнаго рода группировка, классификація. Въ отношеніи классификаціи сочиненія Даниіла по особенностямъ ихъ плана находятся въ исключительномъ положеніи. Къ нимъ съ трудомъ можно приложить обыкновенный способъ дѣленія, наприм. дѣленіе на слова догматическія, нравственныя и под. Трудность такого раздѣленія обуславливается отсутствіемъ единства содержанія въ словахъ Даниіла, въ которыхъ въ каждомъ весьма часто трактуется и о нѣкоторыхъ догматическихкихъ истинахъ и въ тоже время дается масса самыхъ разнообразныхъ нравственныхъ наставленій. Неудобство это увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторыя слова Даниіла вызваны своими особыми, исключительными историческими условіями современной жизни, предварительное знакомство съ которыми совершенно необходимо для опредѣленія значенія и степени удовлетворяемости извѣстнаго слова тѣмъ или другимъ потребностямъ времени. При чемъ случается такъ, что историческія условія, вызвавшія собою появленіе извѣстныхъ словъ, сходны между собою или даже совершенно одинаковы, но самыя слова, написанныя по поводу ихъ, могутъ и дѣйствительно отличаются различнымъ содержаніемъ, и одни изъ нихъ относятся къ группѣ словъ догматическихкихъ, другія—нравственныхъ. При предметной классификаціи словъ, при дѣленіи ихъ по характеру ихъ содержанія, наприм. на догматическія, нравственныя и церковно-обрядовыя, эти слова должны быть рассмотрѣны въ различныхъ отдѣлахъ, и такимъ образомъ для выясненія историческаго происхожденія того или другаго слова потребуется необходимость въ воспроизведеніи и повтореніи общихъ историческихкихъ условій, вызвавшихъ собою на свѣтъ и другія слова. Существованіе же повто-

реній, какою бы они ни были вызваны необходимостью, не выгодно дѣйствуетъ на характеръ изслѣдованія, равно какъ и существованіе въ немъ неоднократныхъ ссылокъ на одинъ и тотъ же предметъ. Ссылки на предшествующее неудобны еще въ томъ отношеніи, что онѣ представляютъ дѣло не въ такомъ рельефномъ видѣ и характеризуютъ предметъ не въ такой послѣдовательности. Подобнаго рода неудобства вынуждаютъ оставить простой способъ дѣленія сочиненій митрополита Данила по характеру ихъ содержанія на отдѣлы словъ догматическихъ и нравственныхъ. Нить для опредѣленія начала, какое должно быть поставлено въ качествѣ принципа дѣленія сочиненій и ихъ извѣстной группировки, можетъ дать самое историческое происхожденіе сочиненій митрополита Данила.

Происхожденіе сборника митрополита Данила тѣсно связано съ потребностями и запросами его времени. Даниловскій сборникъ по характеру своего содержанія есть продуктъ умственного и нравственного состоянія современнаго общества. Въ немъ выразилась попытка одного изъ просвѣщенныхъ и достойныхъ пастырей русской церкви разрѣшить сомнѣнія, успокоить волнующіеся умы своихъ современниковъ, дать имъ твердую почву для разрѣшенія такъ часто возникавшихъ въ то время споровъ. Это не есть такимъ образомъ произведеніе празднаго ума, искавшаго хоть на этомъ убить свое время и досугъ. Нужды времени, которыя были болѣе многочисленны теперь, чѣмъ въ какое либо другое время, вотъ единственная и истинная причина происхожденія сборника митрополита Данила. Данилъ былъ вызванъ отвѣтъ на свои литературные труды, его сборникъ написанъ былъ на «мнози образи вопрошаній»¹ другихъ, какъ сознается самъ авторъ; къ нему обращены были взоры многихъ православныхъ, искавшихъ въ немъ себѣ опоры среди распространенія вольнодумства. Отвѣтомъ на «вопрошанія» православныхъ и послужилъ его сборникъ. Вызванный нуждами и потребностями своего времени на литературное поприще, Данилъ въ своемъ трудѣ хотѣлъ дать своимъ современникамъ такое руководство, гдѣ каждый могъ бы найти себѣ отвѣтъ на вопросы, которые возбуждены были и различно обсуждались въ то время общаго умственного броженія. Такъ именно понимаетъ и опредѣляетъ назначеніе своего сборника самъ авторъ, когда онъ говоритъ въ своемъ предисловіи къ нему: «аще что кому ключаемо будетъ, или

¹ Рукоп. М. Д. Акад. № 197, л. 6.

противу еретическихъ рѣчей, или межи православныхъ нѣкое стязаніе и рѣчи, и благодатію Божіею обращегь готово безъ труда въ коемъждо словѣ противу бываемыхъ которыхъ винъ къ благоугожденію Божію и пользѣ душамъ». Дѣйствительно, въ сборникѣ м. Даниила затрогиваются и такъ или иначе рѣшаются многіе вопросы, надъ которыми работала мысль современнаго русскаго общества. Такъ, наприм., пятое, шестое и седьмое слова сборника посвящены изложенію православнаго ученія о воплощеніи и искупленіи, которое отвергалось современными Даниилу еретиками жиновствующими и извращалось заблужденіями Вассіана Косого. Происхожденіе одиннадцатаго слова Данииловскаго сборника тѣсно связано съ современнымъ умственнымъ броженіемъ русскаго общества, вызваннымъ неосуществившимся ожиданіемъ кончины міра съ одной стороны и распространившеюся въ то время вѣрою въ силу вѣдоучетства—съ другой. Первое и осьмое слова сборника м. Даниила находятся въ тѣсной связи съ обсуждавшимся въ то время вопросомъ объ общественномъ положеніи еретиковъ, и др.

Что касается до происхожденія посланій Даниила, то нужно сказать, что они написаны по нуждамъ частныхъ лицъ и по совершенно случайнымъ, иногда даже исключительнымъ, обстоятельствамъ. Изъ характера происхожденія ихъ можно вывести то одно, что имъ, какъ вызваннымъ потребностями частныхъ лицъ, и въ обзорѣ ихъ содержанія принадлежитъ особое, послѣднее мѣсто.

Назначеніе сборника Даниила въ связи съ нѣкоторыми особенностями формы его построенія имѣетъ до нѣкоторой степени опредѣляющее значеніе для метода и характера изслѣдованія, и въ частности оно-то и открываетъ принципъ дѣленія сочиненій м. Даниила на группы. Каждое слово Данииловскаго сборника представляетъ изъ себя разрѣшеніе того или другаго вопроса, интересовавшаго современное ему общество. Такими жгучими въ то время вопросами были: существованіе еретическаго общества жиновствующихъ, крайнее противуправославное развитіе либерализма съ его отрицательными проявленіями въ отношеніи къ церковнымъ обрядамъ и уставамъ и даже символическому ученію православной церкви. Кромѣ положительной защиты православными своего ученія, существованіе еретичества и вольнодумства выдвинуло вопросъ объ общественномъ положеніи самихъ еретиковъ и о формѣ отношеній къ нимъ общества и правительства. Существованіе на ряду съ строгимъ консервативнымъ направленіемъ православныхъ людей съ здравыми либеральными взгля-

дами на явленія современной жизни, и далеко расходившихся въ нихъ съ консерваторами, вынуждало послѣднихъ кромѣ положительной защиты православнаго ученія церкви вступать въ соприкосновеніе и сталкиваться съ кружкомъ, хотя и православныхъ людей, но не одинаковыхъ съ ними воззрѣній на современные общественные вопросы.

Патъ всей широкой, разнообразной дѣятельности м. Данила ясно обозначается ея характеръ, именно: здѣсь Данилъ дѣйствовалъ всегда и прежде всего какъ сторонникъ по направленію строгаго консерватизма и какъ воспитанникъ извѣстной школы, какъ іосифлянинъ. Совершенно понятно и послѣдовательно, что тѣ же самыя черты прежде всего должны отображаться и на сочиненіяхъ Данила, и дѣйствительно отображаются при всякомъ удобномъ случаѣ въ проведеніи имъ своихъ взглядовъ на многіе вопросы, служившіе предметомъ общественнаго интереса его времени.— Данилъ, благодаря своему продолжительному первосвятительству, давшій консерватизму исключительное, юридическое право на существованіе въ церкви, и сообщившій ему одному видъ единственно православнаго, законнаго направленія, боролся и съ еретическимъ движеніемъ и съ православно-либеральнымъ, не различая того и другаго по существу. Естественнo, тотъ же характеръ борьбы отпечатѣлся и въ его сочиненіяхъ. Въ однихъ своихъ словахъ онъ защищаетъ православныя догматы въ виду заблужденій еретиковъ; въ другихъ онъ защищаетъ свои взгляды и взгляды людей своего направленія отъ нападковъ и возраженій православныхъ либераловъ. Но онъ здѣсь является не самобытнымъ писателемъ, а воспитанникомъ особой школы, іосифляниномъ. Соотвѣтственно этому въ составъ перваго отдѣла должны войти тѣ слова Данила, которыя были написаны имъ въ связи и противъ еретичества и современнаго либеральнаго направленія и вольнодумства и которыя по тому самому простираются не на все вообще русское общество, а *только на известную часть его*.

Послѣдующей второй цѣлью написанія сборника было простое нравственное назиданіе вѣрующихъ, всѣхъ безъ различія, *всѣхъ слоевъ общества*, въ которомъ митрополитъ является независимымъ (за единственнымъ исключеніемъ) отъ школы, изъ которой онъ вышелъ, простымъ исполнителемъ лежащаго на немъ пастырскаго долга и духовнымъ врачомъ *вообще всей своей паствы*, всѣхъ ея нравственныхъ болѣзней и недуговъ.

Въ этой области Данилъ, хотя непослѣдовательно, безъ логическаго порядка, представляетъ свое нравственное міровоззрѣніе, излагаетъ взгляды на нравственную дѣятельность человека и дѣлаетъ это въ связи съ разсмотрѣніемъ недостатковъ и пороковъ, господствовавшихъ среди его современниковъ. На этомъ основаніи ко второму отдѣлу въ обзорѣніи сочиненій Данила будетъ отнесено все то, что въ нихъ находится относящагося до общаго нравственнаго міровоззрѣнія митрополита и до дѣйствительнаго нравственнаго состоянія современнаго ему русскаго общества; иными словами—во второмъ отдѣлѣ обзорѣнія сочиненій Данила будетъ представленъ съ одной стороны кругъ идеальныхъ нравственныхъ воззрѣній автора, а съ другой и параллельно съ нимъ существовавшія въ его время въ русскомъ обществѣ отклоненія отъ начерчиваемыхъ имъ нравственныхъ идеаловъ, недостатки и пороки общества.

Къ третьему отдѣлу отнесены будутъ почти всѣ посланія, которыя и по обстоятельствамъ своего происхожденія, какъ *написаннымъ по запросамъ частныхъ отдѣльныхъ лицъ*, и по нравственнымъ, иногда очень исключительнымъ, нуждамъ, ими удовлетворяемымъ, имѣютъ частный характеръ и назначеніе.

Въ первомъ отдѣлѣ, который можетъ быть названъ до известной степени полемическимъ, Данилъ является по преимуществу ученымъ богословомъ; во второмъ онъ уже дѣйствуетъ въ роли въ строгомъ смыслѣ проповѣдника и проповѣдника публициста; въ третьемъ отдѣлѣ—отдѣлѣ посланій, Данилъ является простымъ благочестивымъ совѣтникомъ и частнымъ наставникомъ нѣкоторыхъ лицъ, возбуждавшихъ предъ нимъ вопросы о частныхъ своихъ нравственныхъ нуждахъ.

Но и предложенный планъ группировки сочиненій Данила, во многихъ отношеніяхъ выигрывающій для цѣльности и послѣдовательности изслѣдованія, все таки имѣетъ противъ себя нѣкоторыя неудобства, обуславливающіяся особенностями, характеромъ самыхъ сочиненій. Въ словахъ Данила, какъ известно, нѣтъ строгаго единства предмета, почему при принятой группировкѣ необходимо должно произойти то, что одна часть или двѣ первыя части слова войдутъ въ первый отдѣлъ, тогда какъ третья часть того же самаго слова должна быть отнесена по характеру своего содержанія ко второму отдѣлу. То же самое надо сказать и въ отношеніи посланій. Въ нихъ иногда находятся свѣдѣнія, которыя представляютъ въ себѣ или характерныя, выдающіяся нравствен-

ныя воззрѣнія автора по тому или другому вопросу, или же заключаютъ въ себѣ данныя для характеристики общества, его недостатковъ, и которыя по тому самому являются весьма важными или для характеристики системы положительнаго нравственнаго міровоззрѣнія автора, или же служатъ прекрасными данными, свидѣтельствующими о тѣхъ или другихъ недостаткахъ или аномальностяхъ своего времени. Ясно само собою, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, имъ по праву принадлежитъ мѣсто во второмъ отдѣлѣ, а никакъ не въ третьемъ отдѣлѣ, отдѣлѣ посланій. Такимъ образомъ однимъ разомъ разбить сочиненія Даниила, причисливъ извѣстное число ихъ къ одному отдѣлу, извѣстное къ другому и третьему, невозможно. При строгомъ проведеніи установленной группировки содержаніе сочиненій должно быть предпочтено ихъ формѣ. Коль скоро по своему содержанію та или другая часть слова или посланія отиѣчаетъ характеру извѣстнаго отдѣла, то она по праву должна занять мѣсто непременно въ этомъ отдѣлѣ, хотя бы вся остальная часть его отнесена была къ одному изъ остальныхъ отдѣловъ. Такое распредѣленіе содержанія сочиненій Даниила во многихъ частныхъ случаяхъ окончательно отодвинетъ на задній планъ форму словъ и посланій и иногда положительно сдѣлаетъ ее неувозможной. Но для того, чтобы при извѣстномъ планѣ распредѣленія разнороднаго содержанія совершенно не ступшевывался и планъ, равно какъ и общій составъ содержанія и характеръ словъ, то для достиженія послѣдняго рода цѣли, будетъ преслѣдуемъ слѣдующій пріемъ. Параллельно съ разсмотрѣніемъ содержанія самой большой и существеннѣйшей части того или другаго слова будутъ дѣлаться самыя общія и краткія указанія на содержаніе остальныхъ частей и здѣсь же будутъ отмѣчаемы стилистическія, гомилетическія и друг. особенности словъ и посланій.

Особенный характеръ сочиненій митрополита Даниила вызываетъ собою еще слѣдующую особенность и изслѣдованія о нихъ. Извѣстно, что вторая и самая обширная часть каждаго слова Даниила состоитъ исключительно изъ выписокъ изъ разныхъ отцовъ и учителей церкви и другихъ церковныхъ писателей и памятниковъ. Своеобразная постановка аргументаціи автора, которая у него составляетъ самую сущность дѣла и безъ которой самыя разсужденія его теряютъ свое значеніе, по крайней мѣрѣ разсужденія съ догматическимъ содержаніемъ, вызываетъ необходимость изученія самыхъ осно-

ваній, на которыхъ построены авторомъ защищаемыя имъ истины, и указанія по возможности источниковъ, откуда черпалъ онъ свои аргументы. А такъ какъ въ ряду цитруемыхъ свидѣтельствъ находятся свидѣтельства, заимствованныя изъ сочиненій такихъ, дѣйствительныя имена авторовъ которыхъ вовсе не тѣ, съ каими соединяются у Даниила, или наконецъ такія, относительно которыхъ современная наука располагаетъ самыми незначительными свидѣніями, то является болѣе или менѣе цѣлесообразнымъ и полезнымъ для историческаго изслѣдованія опредѣлить по возможности подлинность и даже точное мѣсто заимствования по крайней мѣрѣ болѣе важныхъ свидѣтельствъ, указать, гдѣ то потребуется, дѣйствительныя имена авторовъ и, наконецъ, дать хотя самыя краткія свидѣнія о сочиненіяхъ мало извѣстныхъ, цитруемыхъ Данииломъ. Понятно, указанная задача изслѣдованія, хотя и весьма трудная, есть прикладная, и потому она будетъ выполняться въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Какъ отчасти можно было судить по формѣ, такъ и тѣмъ болѣе по самому содержанію, сочиненія митрополита Даниила не могутъ быть отнесены къ какой-нибудь одной опредѣленной спеціальной области. Сочиненія Даниила не суть въ полномъ и строгомъ видѣ произведенія съ характеромъ гомилетическимъ и потому не могутъ быть и рассматриваемы какъ только памятники проповѣдничества, съ одной этой гомилетической точки зрѣнія. Въ ряду его сочиненій встрѣчаются чисто ученые (для тогдашняго времени) трактаты, которымъ, конечно, никакъ нельзя усвоить значенія произведеній съ церковно-собесѣдовательнымъ, назидательнымъ характеромъ. Такимъ образомъ, имѣя своею задачею дать болѣе цѣльное и отчетливое представленіе о сочиненіяхъ м. Даниила, невозможно задаться какой-либо одной спеціальной цѣлью изученія Даниила или какъ ученаго богослова русской древности, или какъ только одного изъ замѣчательныхъ проповѣдниковъ ея. Браться при изслѣдованіи о сочиненіяхъ Даниила за какую-либо изъ спеціальныхъ задачъ значитъ завѣдомо браться за характеристику его съ одной только стороны, упуская другую, но и эта характеристика будетъ неполнѣйшей и отчетливой, такъ какъ для нея не будетъ доступенъ цѣльный образъ изслѣдуемой личности. Въ виду подобнаго рода затрудненій лучше и полезнѣе для изучаемаго предмета отказаться отъ излишней его спеціализаціи, а поставить себя задачей дать болѣе или менѣе цѣльное изслѣдованіе о сочиненіяхъ м. Даниила.

Прежде всего изслѣдованіе о сочиненіяхъ м. Данила должно быть изслѣдованіемъ историческимъ. Большая часть словъ Данила представляетъ изъ себя разрѣшеніе того или другаго вопроса, интересовавшаго современное ему общество. Поэтому для того, чтобы вполне ясно понимать происхождение и значеніе разсужденій митрополита и судить о степени приложимости о высотѣ и достоинствѣ или наоборотъ о неудовлетворительности ихъ, для этого необходимо ознакомиться съ предшесивующей исторіей затрогиваемаго Даниломъ вопроса и особенно необходимо обрисовать его современное положеніе. Конечно такой пріемъ очень труденъ, но за то и выгоды достигаемыя чрезъ него очень важны. При указанной постановкѣ дѣла для насъ личность м. Данила, какъ церковнаго и общественнаго писателя, предстанетъ въ ясномъ свѣтѣ и со всѣми подробными очертаніями. Равнымъ образомъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда Даниль касается нравственныхъ недостатковъ своихъ современниковъ, то и здѣсь самымъ цѣлесообразнымъ будетъ историческій методъ изслѣдованія. Здѣсь дѣло исторіи показать, насколько вкоренился въ обществѣ тогъ или другой порокъ, тѣ или другія аномальныя явленія, о которыхъ говоритъ намъ Даниль. Безъ историческаго освѣщенія нѣкоторыя изъ обвиненій митрополита могутъ показаться не только преувеличенными, но даже мало вѣроятными и только одна исторія можетъ убѣдить насъ своими непрерываемыми фактами въ истинѣ словъ обвинителя. Историко-сравнительное изученіе обвиненій Данила важно еще въ томъ отношеніи, что оно даетъ возможность ориентироваться въ предметѣ, уяснить, что именно разумѣетъ въ данномъ случаѣ авторъ, высказывая тѣ или другія обвиненія.

Поставивъ на твердую историческую почву, изслѣдователь о сочиненіяхъ Данила легко уже можетъ разсматривать ихъ параллельно и одновременно и какъ памятники учено-богословскіе и какъ памятники проповѣдничества.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

При систематическомъ изученіи сочиненій митрополита Даніила въ составъ перваго отдѣла ихъ входятъ тѣ изъ нихъ, которыя были написаны имъ въ связи съ развитіемъ еретическихъ и рационалистическихъ идей и въ связи съ борьбою съ современнымъ либеральнымъ направленіемъ русской мысли. Къ этому отдѣлу относятся восемь словъ соборника м. Даніила, которыя по характеру ихъ содержанія могутъ быть раздѣлены на три группы. Первую группу составляютъ слова съ догматическимъ содержаніемъ, (V, VI, VII и XI слова соборника), вторую группу—слова съ нравственнымъ содержаніемъ (I и VIII слова соборника) и наконецъ въ составъ третьей группы входятъ слова, излагающія ученіе о сохраненіи свящ. преданія и церковныхъ обрядовъ (III и IV слова соборника).

ГЛАВА I.

Слова съ догматическимъ содержаніемъ.

I. Пятое слово о воплощеніи, написанное противъ Вассіана Косого.

Однимъ изъ выдающихся еретическихъ мнѣній времени м. Даніила было несомнѣнно лжеученіе Вассіана Косого Патрикѣва, которое и послужило для него поводомъ къ написанію имъ самаго обширнаго слова о воплощеніи, пятого по мѣсту, занимаемому имъ въ соборникѣ.

Вассіанъ Косой училъ, что воспринятое І. Христомъ тѣло человѣческое отлично отъ тѣла всѣхъ другихъ людей: оно по существу своему нетѣнно и, какъ такое, оно было нетѣнно и до воскресенія Спасителя. Въ самомъ словѣ, направленномъ несомнѣнно противъ Вассіана, не упоминается о его имени. Но достаточно только сравнить его съ преніемъ м. Данила съ Вассіаномъ, гдѣ противъ извѣстнаго лжеученія Вассіана приводятся доказательства, заимствованныя изъ слова Данила о воплощеніи, чтобы вполне убѣдиться въ томъ, что пятое слово написано не по чему либо другому, а какъ только противъ лжеученія Вассіана Косого. То обстоятельство, что митрополитъ, несомнѣнно имѣя въ виду заблужденіе Вассіана, тѣмъ не менѣе не считалъ для себя возможнымъ прямо указать личность, противъ которой онъ направлялъ свой трактатъ, находитъ себѣ соотвѣтствующее объясненіе въ самомъ положеніи Вассіана, какое онъ занималъ нѣкоторое время при дворѣ в. князя. Написаніе пятаго слова Данила по времени естественнѣе всего относить къ первымъ годамъ его первосвятительства. Онъ рано узналъ о еретическомъ мнѣніи Вассіана и собиралъ богословскія данныя для его опроверженія, но прямо, непосредственно затронуть личность Вассіана онъ опасался, потому что тотъ въ это время еще пользовался большимъ расположеніемъ у великаго князя, тогда какъ самъ Данилъ, собственно говоря, начиналъ только упрочиваться на новомъ мѣстѣ своего высокаго служенія. Вовсе не въ духѣ практическаго характера Данила было рисковать своимъ положеніемъ изъ-за одного неосмотрительнаго дѣйствія. Близко зная Вассіана и его дипломатическое умѣнье держать себя, Данилъ самъ дѣйствовалъ противъ него тѣмъ же дипломатическимъ и выжидательнымъ путемъ, и въ концѣ-концовъ достигъ того, что засудилъ Вассіана.

Пятое слово, ¹ направленное противъ лжеученія Вассіана, имѣетъ слѣдующее полное заглавіе: «О воплощеніи Господа нашего І. Христа воистинну проповѣдаемъ того совершенна Бога и совершенна человѣка, а не яко зліи еретицы нечестивно глаголютъ по воплощеніи Господу нашему І. Христу едино естество точію Божества имѣти». Оглавленіе слова замѣчательное и особенно вторая половина его. Что это за ересь, существовавшая въ то время въ русской церкви и видѣвшая въ лицѣ Искушителя только Боже-

¹ Рукоп. Москв. Дух. Акад. № 197, л. 119—204.

ственную сущность, чуждую всякой человѣчности? Въ самомъ словѣ Даниилъ нѣсколько проливаетъ свѣтъ на это новое монофизитское ученіе, когда онъ называетъ его ересью «нелѣнно-мнимую». Последнее названіе даетъ возможность ориентироваться въ предметѣ. Извѣстно, что и на соборѣ 1531 года, судившемъ Вассіана, митрополитъ называлъ его лжеученіе ересью нелѣнно-мнимую. Такимъ образомъ онъ отождествлялъ извѣстное ученіе Вассіана о нелѣнности плоти Христовой съ нелѣнно-мнимой ересью. Ученіе Вассіана о нелѣнности въ извѣстномъ смыслѣ плоти І. Христа, обозначаемое Данииломъ нелѣнно-мнимой ересью, еще не заключаетъ въ своемъ содержаніи вполне всего того, что говорится въ оглавленіи пятаго слова, которое расширяетъ мысль Вассіана и приписываетъ ему полное отрицаніе человѣческой сущности въ лицѣ І. Христа, чего, строго говоря, не даетъ еще право утверждать извѣстный взглядъ Вассіана. Это соображеніе дѣйствительно имѣетъ нѣкоторое значеніе. Но въ объясненіе его нужно сказать, что взглядъ Вассіана логически послѣдовательно развиваемый допускаетъ то ученіе, которое приписываетъ ему м. Даниилъ. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что плоть І. Христа нелѣнна по существу и какъ такая совершенно отлична отъ нашей, то самый строгій выводъ отсюда будетъ тотъ, что плоть І. Христа имѣетъ особую природу, воспринятую Имъ не отъ человѣка, а откуда-то свыше и скорѣе всего отъ Бога. А если плоть І. Христа воспринята непосредственно отъ Бога, то она, значить, носитъ существенные признаки божественности, что въ свою очередь ведетъ къ заключенію, что самая плоть Христа божественная и совершенно чужда свойствъ тѣла человѣческаго. Такимъ путемъ очень легко придти къ полному отрицанію въ І. Христѣ сначала тѣлесности въ смыслѣ человѣчности, а потомъ и вообще тѣлесности и утверждать то, о чемъ говоритъ Даниилъ въ оглавленіи своего слова о воплощеніи.

Первая часть слова вся догматическаго содержанія и развиваетъ общую идею слова. Въ ней начертываются тѣ пункты догматическаго ученія о воплощеніи, основанія для которыхъ сгруппированы во второй, несамостоятельной части слова. Поэтому нѣтъ нужды отводить первой части особое мѣсто въ обзорѣ, она разсматривается будетъ въ связи и параллельно съ священной аргументаціей слова, содержащейся во второй его части.

Въ самомъ началѣ первой части своего обширнаго слова Даниилъ

говорить о причинѣ, вызвавшей такое чрезвычайное дѣйствіе Божества, какимъ всегда должно признаваться воплощеніе Сына Божія. Причина эта лежитъ въ безконечномъ милосердіи Божиѣмъ къ павшему и погибшему человечеству, средствомъ для спасенія котораго по общему божественному предѣльному совѣту и послужило воплощеніе Сына Божія, втораго Лица св. Троицы чрезъ сверхъестественное рожденіе Его отъ Дѣвы Маріи. Съ самаго акта рожденія Сынъ Божій, не переставая быть Богомъ, содѣлался въ тоже время и совершеннѣйшимъ человекомъ. Онъ, какъ выражается Даниилъ, «непремѣнно въ плоть облекся, по всему бывшу человекомъ подобенъ, точно кромѣ грѣха». Такимъ образомъ первымъ положеніемъ Даниила служитъ ученіе о полнотѣ божественной и человѣческой природы въ единомъ лицѣ І. Христа, ставшаго въ актѣ воплощенія Богочеловѣкомъ. Въ подтвержденіе поставленнаго положенія Данииломъ приводится цѣлая масса священныхъ доказательствъ. Въ основу своихъ доказательствъ Даниилъ полагаетъ догматическое опредѣленіе Халкидонскаго собора, четвертаго вселенскаго, изложившаго прав. ученіе о двухъ природахъ въ І. Христѣ. ¹ Далѣе для удобства обозрѣнія всѣ приводимые авторомъ аргументы необходимо разбить на нѣсколько стѣпныхъ категорій. Первую категорію доказательствъ составляютъ свидѣтельства святоотеческія, понимаемыя въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Сюда относятся свидѣтельства св. Афанасія Великаго, архіепископа Александрійскаго ², Григорія, архіепископа

¹ л. 133—136. Приводимое свидѣтельство соответствуетъ современному изданію опредѣленій вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Книга правилъ изд. 1839 г. 30.

² л. 176—178. Здѣсь приведена довольно обширная часть 3 слова св. Афанасія противъ Аріанъ. Приведенное мѣсто не разнится по мыслямъ отъ современнаго русскаго перевода твореній св. Афанасія и отъ подлинника. Твор. св. отц., изд. при Моск. дух. акад. т. XVII, твор. св. Афанасія, ч. II, 457—459, 427—430. Migne, Patrolog. curs. compl., ser. graec. tom. XXVI, S. Athanasii tom. II, oratio III contra arianos, 320—368, 463—466. Слова Афанасія на аріанъ встрѣчаются въ рукописяхъ XV в. и отличаются правильностію и ясностію перевода, что видно и на цитатахъ Даниила. Опис. рук. Синод. библ. отд. II, 2, 32—32. Другой цитата (рук. М. Д. А. № 197, л. 185) изъ Афанасія взята изъ слова его на Срѣтеніе Господне. Подлинникъ у Миня. Patr. curs. compl. ser. graec. tom. XXVIII, p. 973. Spuria. Это слово встрѣчается въ торжественникахъ. Рук. Рум. Муз. № 434, л. 321. Опис. Востокова 762.

Неокесарійскаго ¹, Іоанна Златоуста ¹, Григорія Нисскаго ², Кирилла, архієпископа Аликсандрійскаго ¹, св. Ефрема Сирина ³, папы Льва Великаго ⁴, св. Геннадія, патріарха Константинопольскаго ², Іоанна, митрополита Никейскаго ⁴, автора статей «о Христовыхъ

¹ л. 174. Здѣсь помѣщенъ отрывокъ изъ слова св. Григорія чудотворца на Благовѣщеніе Пр. Богородицы. Переводъ слова, въ какомъ взято свидѣтельство Даниила, не совсѣмъ понятный, хотя и точно соответствующій подлиннику. Migne Patr. curs. compl. ser. graec. t. X. S. Grigorii Thaumaturgi homilia I in annuntiatione S. Virginis Mariae, 1131—1132.

² л. 181—185. Здѣсь приведены три цитаты изъ Златоуста. Первый взятъ изъ слова его о воплощеніи. Оно встрѣчается въ Златоустѣ и несомнѣнно заимствовано отсюда. В. Малининъ. Исслѣдованіе Златоустова по рукописи XII в., 57. Слово Златоуста о воплощеніи у Монтескюна помѣщается *inter scripta*. Здѣсь еще приведены выдержки изъ двухъ словъ Златоуста, заимствованныя также изъ Златоустова, именно: изъ словъ «о святѣй Троицѣ, и о твари и о судѣ», и о Давидѣ и Саулѣ и о Павлѣ апостолѣ. Малининъ. Исслѣдованіе Златоустова по рукописи XII в., 67, 93—94.

³ л. 174. Приведено его слово на Благовѣщеніе Пр. Богородицы.

⁴ л. 175—176. Слово Кирилла на «сербской праздникъ», процитованное здѣсь Данииломъ, вполне подлинное. Migne Patr. curs. compl. ser. graec. t. LXXVII. S. Cyrilli Alexandrini t. X., p. 1060—1064. Есть въ рук. XV в. Рукон. Рум. муз., описанъ Востокова. 723.

⁵ л. 187—190. Приведенное здѣсь свидѣтельство св. Ефрема составляетъ большую часть его слова на Преображеніе Господне. Тв. св. отц. т. XII., твор. св. Ефрема ч. II, 154—159.

⁶ л. 141—152. Здѣсь помѣщеною *textu* все посланіе папы Льва Великаго къ св. Флавіану, патр. Константинопольскому. Переводъ посланія, въ какомъ оно вошло въ Данииловскій сборникъ, не отличается правильною и ясностію. Посланіе напечат. въ Дѣяніяхъ вселенскихъ соборовъ, изд. при Каз. Д. Акад. 1863. т. III, стр. 516—531. Подлинникъ его у Migne Patr. curs. compl. ser. lat. t. LIV S. Leonis Magni, 11, epist. 28.

⁷ л. 125. Здѣсь митрополитъ привелъ небольшой отрывокъ изъ сочиненія св. Геннадія, патр. Константинопольскаго (это не одно лицо съ Геннадіемъ Столаріемъ, жившимъ въ гораздо позднѣйшее время), которое въ древней русской письменности носило названіе «стословца», (Горскій и Невоструевъ, Опис. рук. Синод. библ., отд. II, кн. 2, 443), а Даниилъ называетъ его «главизнами». См. правила св. Геннадія о вѣрѣ и жизни христіанской. Приб. къ твор. св. отц. т. III. 2.

⁸ л. 153—159. Что касается до личности автора, которому принадлежитъ процитованное здѣсь обвинительное слово на армянъ, то нужно сказать, что оно не принадлежитъ тому лицу, съ именемъ котораго оно извѣстно было въ Россіи въ XVI—XVII в. (Опис. рук. Москов. Синод. библ. отд. I, кн. 3, 295—296. Рук. Имп. Публ. библ. Q. I, № 214, л. 203—206). Ни въ одномъ изданіи не встрѣчается оно съ именемъ Іоанна Никейскаго, который

потѣхъ»¹ и «собора Арменскаго»² и наконецъ Пларіона, мятропо-

извѣстенъ только однимъ своимъ посланіемъ къ католикоу Захаріи (Migne, Patrolog. compl. ser. graec. tom. XCII, p. 1434—1450). Помѣщенное митр. Данииломъ обличительное слово на армянъ на самомъ дѣлѣ принадлежитъ армянскому католикоу Исааку, жившему, по мнѣнію Грековъ, въ XI в., или по крайней мѣрѣ неизвѣстному лицу, связанныхъ съ именемъ Исаака какъ автора, обличительныхъ словъ на армянъ. Нѣкоторыми учеными высказывается сомнѣніе въ историческомъ существованіи личности самого Исаака (Троицкій, Положеніе вѣры церкви армянскія, начертанное Нерсесомъ, католикомъ Армянскимъ, СПб, 1875 г. 182, 231 въ примѣчаніи, 248). Такая неопредѣленность въ имени автора служитъ доказательствомъ того, что встрѣчающееся въ нашихъ рукописяхъ обличительное слово на армянъ съ именемъ Іоанна Никейскаго, есть самостоятельное произведеніе русской мысли, а оно явилось къ намъ уже въ соединеніи съ этимъ послѣднимъ именемъ—тѣмъ болѣе, что русскимъ, безъ подобнаго предположенія, не могла быть извѣстна историческая личность Іоанна Никейскаго. Вотъ точное названіе обличительнаго слова на армянъ: Τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰσαὰκ τοῦ κατὰ τοὴν ἐκκλησίαν τῆς μετὰ τὴν Ἀρμενίαν ἐκκλησιαστικῆς κατὰ Ἀρμενίων τῶν διοφροσύων, Εὐτόχους, καὶ Διοσκόρου Τιμοθέου Ἀλλοῦρου Πέτρου τοῦ Κνάρης, Ἰουλιάνου τοῦ Ἀλικαρνασσῆος καὶ Ἀφθαρτοδόκτου, τῶν ἀρεστέα, τῶν καὶ χριστομάχων αἱρετικῶν. Даниилъ помѣстилъ у себя первыя десять главъ изъ слова Исаака, гдѣ по поводу заблужденій армянъ подробно излагается православное ученіе о богочеловѣческой природѣ І. Христа. Прочитованное мѣсто вполне соотвѣтствуетъ своему і. одлиннику (Migne, Patrolog. compl. ser. graec. t. CXXXII, p. 1155—1166). Обличительное слово на армянъ псевдо-Іоанна Никейскаго пользуется особеннымъ уваженіемъ у митр. Даниила. Существуетъ и до сихъ поръ списокъ сего обличительнаго слова, сдѣланный имъ самимъ и находящійся въ рук. Москв., Дух. Акад. № 130/131, л. 138—139.

¹ л. 162—165. Оказывается, что эта статья заимствована также изъ извѣстнаго уже перваго обличительнаго слова на армянъ католикоу Исаака, и взята изъ самаго конца слова, изъ послѣдней XIV-й главы, которая имѣетъ свое собственное названіе: περὶ τῆς οὐανικῆς νικητικῆς τοῦ Ἀρτίθουρίου. Migne, ser. graec. t. CXXXII, p. 1197—1198. Но здѣсь нѣтъ ни слова о Христовыхъ потѣхъ. Приведенное же свидѣтельство ошибочно связано съ этимъ названіемъ. Дѣйствительно, такое названіе существуетъ и находится въ томъ же словѣ Исаака, но только оно относится не къ XIV главѣ его, какъ это представлено у Даниила, а къ V главѣ (Migne, t. CXXXII, p. 1171—1172), озаглавливающейся περὶ τοῦ ἰσχύου τοῦ Χριστοῦ, съ каковымъ названіемъ эта глава приводится въ другомъ мѣстѣ самимъ Данииломъ. (Рук. № 197, л. 162—163). Это вѣроятно объясняется тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ русскихъ древнихъ спискахъ перевода слова католикоу Исаака оглавленіе одной изъ главъ ошибочно распространено на послѣдующія главы. Приведенная выдержка съ названіемъ «о Христовыхъ потѣхъ» соотвѣтствуетъ XIV главѣ слова Исаака католика, хотя и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя сокращенія сравнительно съ своимъ подлинникомъ. (Migne, Patrolog. compl. ser. graec. t. CXXXII, p. 1207—1210).

² л. 160—162. Настоящее свидѣтельство отъ собора арменскаго есть ничто

лита Кіевскаго ¹. Другая категорія доказательствъ того же самаго положенія состоитъ изъ свидѣтельствъ слѣдующихъ церковныхъ памятниковъ: многословнаго свитка ², книга Іакова

иное какъ отрывокъ изъ того же слова католікоса Песаака, именно изъ IV его главы, имѣющей другое заглавіе: περί τῶν δών φρεσίν τοῦ Χριστοῦ. Migne, Pat. curs. compl. ser. graec. t. CXXXII, p. 1169—1172. Переводъ слова въ процитованномъ мѣстѣ имѣетъ вставки и пропуски сравнительно съ подлинникомъ. Что касается до самаго обозначенія свидѣтельства именемъ «собора арменскаго», то нужно сказать, что это названіе не имѣетъ ничего соответствующаго себѣ въ подлинникѣ и несомнѣнно принадлежитъ тѣмъ русскимъ книжникамъ, которымъ принадлежало имѣть дѣло съ оличительнымъ словомъ католікоса Песаака. Взятое въ цѣломъ видѣ, оно очень обширно; поэтому всякому пользующемуся имъ читателю нужно было потѣнѣе обозначить то, чѣмъ онъ пользуется, и воуѣ онъ и даетъ извѣстному отдѣлу слова техническое названіе «собора арменскаго», и это скорѣе всего потому, что въ самомъ началѣ отрывка, обозначеннаго этимъ именемъ и приводимаго м. Даниломъ, дѣйствительно рѣчь идетъ объ Армянскомъ соборѣ, бывшемъ въ Тивѣ (Τιβήν), изъ которыхъ были отвергнуты опредѣленія Халкидонскаго собора (Migne, P. c. s. s. gr. t. CXXXII, p. 1163—1164)

¹ л. 178—180. Здѣсь приведенъ обширный отрывокъ изъ похвального слова Іларіона великому князю Владиміру, которое само составляетъ вторую часть его слова о законѣ Моисеевомъ и о благодати Христовой. Приведенный Даниломъ отрывокъ съ буквальною точностію соответствуетъ печатному изданію слова. Данилъ помѣстилъ у себя самую лучшую по краснорѣчію часть слова Іларіона. Памятники литературы времени великаго князя Ярослава I-го. Москва 1844 г. 30—31.

² л. 191. Свѣдѣнія, добытыя до сихъ поръ наукой относительно памятника, посвящаго названіе Многословнаго или Многословнаго свитка, весьма скудны. Въ нашей древней литературѣ этотъ свитокъ принадлежалъ къ числу довольно распространенныхъ памятниковъ и обозначался не совсѣмъ одинаково. Его называли то многословнымъ посланіемъ (Рук. Моск. Синод. библ. № 2⁴/₈₂ л. 37—20. Опис. рук. Синод. библ. Отд. II, кн. 2, 683. Рук. Кирил. библ. № 2⁵/₁₁₀ л. 357—388), то многословнымъ свиткомъ (Рукоп. Моск. Синод. библ. № 287¹/₈₀ л. 73. Опис. отд. II, кн. III, 296, рук. Имп. Публ. библ. Р. I, № 263, л. 162—197) и под. Подлинникъ памятника явился въ печати только въ самое послѣднее время. Его издали на новогреческомъ языкѣ съ пергаменныхъ рукописей XII—XIII вв., принадлежащихъ бібліотекѣ о. Патмоса, Іоаннъ Сакеллій и далъ ему слѣдующее названіе: ἐπιστολὴ συνοδικῇ τῶν ἀγιοτάτων πατριάρχων τῆς εἰσας λήξεως Χριστοφόρου Ἀλεξανδρείας, τῶν Ἀντιοχείας, καὶ Βασιλείου Ἱεροσολύμων πρὸς Θεόφωλον αὐτοκράτορα Κωνσταντινουπόλεως, περί τῶν ἀρίων καὶ σепτῶν ἐκόνων. Историческихъ данныхъ о многословномъ свиткѣ сохранилось очень мало. Всѣ они сгруппированы Сакелліемъ въ предисловіи къ своему изданію. Сакеллій смотритъ на многословный свитокъ какъ на догматическій источникъ, когда относитъ ему мѣсто среди догматическихъ опредѣленій (ἐν τῆς δογματικῆς θεσιπύματι). Посланіе патріарховъ къ императору Теофилу печаталось на славянскомъ языкѣ въ древнихъ соборникахъ (напр. соборникъ 1642;

Жидовина ¹, Хрусовой повѣсти объ обрѣтеніи честнаго креста Христова ², слова «еже аще кто въ ереси бывъ, крещень сый къ Богу

156—231). Сдѣланная митр. Данииломъ выдержка изъ посланія имѣетъ значительныя отступленія отъ подлинника. Помимо расчлененія словъ, отличнаго по мѣстамъ отъ подлинника, въ цитатѣ Даниила выходятся пропуски и замѣна одного слова другимъ, отъ чего происходитъ темнота смысла, очень замѣтная въ приведенномъ мѣстѣ. Такъ выраженіе цитаты Даниила «обѣма вещьма знаечъ», т. е. I. Христосъ, повсе непонятное само по себѣ, выясняется только по сравненію его съ подлинникомъ, гдѣ вѣсто «обѣма вещьма» стоятъ: *ἐν δυσὶ ταῖς φύσεσιν ὑνωρίσμενος*, т. е. въ двухъ естествахъ познаваемый (Христосъ). Русскій древне-печатный свѣтокъ въ данномъ случаѣ болѣе приближается къ тому чтенію, какое находится у м. Даниила и значитъ, также далеко отъ подлинника, какъ первый (соборникъ 1642 г., 169. Іоаннъ Сакемій. Ἐκ τῶν ἀνεκδότων τῆς πατριαρχικῆς βιβλιοθήκης Ἐπιστολὴ Συνδικῆ τῶν ἀγιοτάτων πατριαρχῶν..... πρὸς Θεοφίλον, αὐτοκράτορι Κωνσταντινουπόλεως περὶ τῶν ἀγίων καὶ σεπτῶν τῶν ἑκόνων. Αθηνῶν. 1864 σελ. 24—25, καὶ πρόλογος).

¹ Л. 191—192. Книга Іакова Жидовина имѣетъ слѣдующее полное названіе, подъ которымъ она была извѣстна въ XVI в., и съ которымъ она и до сихъ поръ встрѣчается въ рукописяхъ (Рукописи слав. и рос., принадлежащія Царскому. описан. Строевымъ № 169, 106. Рук. Моск. Синод. библ. № 144/446 и 190—227): «Вѣра и противленіе крестившихся іудей въ Африкѣ и Картагенѣ, и о вопрошеніи, и о отвѣтахъ, и укрѣпленіи Іаковъ Жидовинъ.» На греческомъ языкѣ это сочиненіе до сихъ поръ не издано и извѣстно только по рукописямъ и подъ другимъ названіемъ. На греческомъ языкѣ книга Іакова Жидовина имѣетъ слѣдующее названіе: *διδασκαλία Ἰακώβου νεοβαπτίστου, βαπτισθέντος ἐπὶ Ἰσρακλίου παρὰ γυνάμιν ἰδίαν πρὸς τοὺς ἐκ τῶν Ἰουδαίων χειρὶ νεοβαπτίστους προφάσει αὐτῶν γενόμενης τοῦ ἐπιγνώσαι τὸν Κύριον, ὅτι οὐ δὲ σαββατίζων μετὰ τοῦ Χριστοῦ παρουσίαν, καὶ ὅτι ἀληθὺς αὐτός ἐστι Χριστός ὁ εὐθὺς καὶ οὐχ ἕτερος*. Горскій и Новоструевъ. Описаніе рукописей Синод. библ. отд. II кн. 2, 308—310. Книга Іакова Жидовина въ древней Руси помѣщалась въ числѣ книгъ «истинныхъ». Калайдовичъ Іоаннъ экзархъ Болгарскій. Москва 1824 г. 208—209.

² Л. 124—125. Хрусова повѣсть «еже обрѣтеніе честнаго креста» и о воплощеніи, имѣетъ еще болѣе полное заглавіе: «Хруса уединеннаго слоно историческо объ обрѣтеніи пречестнаго креста и о воплощеніи Божіи, богословство и похвала кресту» (Рук. Рум. муз. СССР XXXVII, л. 360—381. Востоковъ. Описаніе, 701—702. Рукоп. Моск. дух. Акад. № 144/446. Волок. л. 254. Рукоп. Моск. дух. Акад. № 144/446. Волок. 39—67. Рук. Моск. Епѣрх. библ. № 26 л. 63—85). То, что у насъ въ XVI в. связано было съ именемъ «Хруса уединеннаго», то на самомъ дѣлѣ принадлежитъ монаху Александру. Однако Мнѣ, издавшій сочиненіе монаха Александра, отказывается за отсутствіемъ какихъ либо историческихъ свидѣтельствъ объ этой личности опредѣлять-кто такой былъ этотъ монахъ Александръ, а также и умалчиваетъ о вѣселии его жизни. Въ подлинникѣ Хрусова повѣсть обозначается: Ἀλεξάνδρου μονάχου λόγος εἰς τὴν εἰρεσὶν τοῦ τυαίου καὶ ζωποιοῦ σταυροῦ. Цитата Даниила соотвѣтствуетъ своему подлиннику. Migne

обратится¹ и двухъ отрывковъ изъ словъ неизвѣстныхъ авторовъ, одинъ изъ слова на предпразднество Благовѣщенія Пр. Богородицы, другой на рождество Христово. Последняя серія доказательствъ, приводимыхъ Данииломъ, заимствуется имъ изъ круга книгъ церковно-богослужебныхъ и житій святыхъ. Сюда относятся церковныя пѣснопѣнія-творенія разныхъ авторовъ: Іосифа пѣснописца, Теофана, блаженнаго Козмы, Льва деспота и Іоанна Дамаскина и два отрывка, одинъ изъ пролога отъ одиннадцатаго октября, другой изъ синаксаря на великую субботу².

Второе положеніе пятаго слова сосредоточивается на изложеніи и обоснованіи православнаго ученія о томъ, что І. Христосъ по своей человѣческой природѣ есть истинный человѣкъ со всѣми особенностями природы послѣдняго. Доказательства присутствія человѣческаго естества въ І. Христѣ Даниилъ заимствуетъ изъ разсмотрѣнія всей земной жизни Спасителя. Въ первой части слова имъ перебираются всѣ болѣе или менѣе выдающіеся факты жизни Спасителя на землѣ, характеризующіе его какъ полнаго и совершеннаго человѣка со всѣми проявленіями Его человѣческой природы. «І. Христосъ, говоритъ Даниилъ, и родися, и пленами повися, и въ яслѣхъ положися, и млекоу питѣся, и сосцы сцѣлѣ, и обрѣзаніе пріялѣ, и ядѣ, и спалѣ, и постыся, и възлѣжалѣ, и надѣ Лазаремъ прослезилѣся, и на жеребятіи скотіи сѣде....., и ятѣ отъ

Patr. curs. compl. ser. graec. t. LXXXVII, p. 4025—4028. Хрусова повѣсть, напечатанная въ великихъ мнѣняхъ четыхъ митропол. Макарія Сентября, 14 ч. вып. II, 684—713. Названіе повѣсти Хрусовой скорѣе всего произошло изъ испорченнаго чтенія заглавія, какое она имѣетъ въ своемъ латинскомъ текстѣ. Такъ она обозначается: «de cruce».

¹ Л. 164—165. Это слово есть ни что иное, какъ формула отреченія отъ разныхъ заблужденій, употреблявшаяся въ XVI в. при обрядѣ присоединенія къ православію иноувѣрующихъ изъ христіанъ и преимущественно изъ армянъ. Какъ имѣющее въ одно и то же время и обрядовое и догматическое значеніе, это слово носило въ древности, какъ свидѣлствуютъ рукописные памятники (Рук. Моск. Сан. библ. № 211/10, XVI в. л. 134—137, № 212/10, л. 470—478. Горскій Невоструевъ. Отдѣлъ III, часть I. 212—213. 233.), болѣе соответствующее названіе чина. На греческомъ языкѣ оно извѣстно подъ названіемъ: Ἀπόστιξ τῶν αἰρετικῶν ἀρμενίων. Минь приурочиваетъ его Исааку католикоу Армянскому и видитъ въ немъ особый отдѣлъ его сочиненія: Narratio de rebus Armeniae. Patrolog. cursus complet. ser. graec. tom. CXXXII, pag. 1237—1257—1266.

² Рук. № 197, л. 191, 192—193. Старопечатный (1641—1644) прологъ, изд. въ Москвѣ, за мѣсяцъ Октябрь. 187—188.

беззаконныхъ мужей, и по главѣ тростию биемъ, и заушень». Эти соображенія Данила не суть въ строгомъ смыслѣ самостоятельныя доказательства автора, а суть обобщеніе тѣхъ мыслей, которыя даны въ слѣдующихъ ниже доказательствахъ церковныхъ авторитетовъ. Говоря о полнотѣ человѣческой природы І. Христа, митрополитъ расширяетъ ея значеніе и приписываетъ человѣческой природѣ І. Христа присутствіе въ ней и чисто духовныхъ свойствъ человѣческой природы. Полная человѣческая природа І. Христа, рассматриваемая какъ съ физической, такъ и съ чисто-духовной стороны ея, тѣмъ самымъ не допускаетъ и мысли о какой бы то ни было призрачности въ ней человѣческой природы. Вотъ собственныя мысли Данила о человѣческой природѣ І. Христа, въ подтвержденіе которыхъ приводится нѣтъ громадное число доказательствъ. Доказательствами, какими здѣсь пользуется авторъ, служатъ у него прежде всего изреченія св. писанія, въ большинствѣ случаевъ взятые въ соединеніи съ различными святоотеческими толкованіями. Сюда относятся слова св. апостола Павла¹ и пять евангельскихъ изреченій въ связи съ разными толкованіями ихъ, а именно: два толкованія на евангеліе Матѳея на 37—38 ст. XXVI гл.² и II гл. на 19—20 стихи,³ одно толкованіе на

¹ Римл. 8, 3—4.

² Рук. № 197 л. 123. Приведенное здѣсь толкованіе принадлежитъ Теофилактѣ Болгарскому. Снес. Благочестивъ или толкованіе блжж. Теофилакта, архіеп. Болгарскаго, ч. I. Казань, 1833 г. 466—467. Толкованія Теофилакта Болгарскаго были чрезвычайно распространенны въ древней Россіи. Распространенность толкованій блжж. Теофилакта сдѣлала то, что древне-русскіе книжники, пользуясь его толкованіями, не считали для себя нужнымъ указывать ими приводимаго толкователя, признавая это излишней подробностью. Точно также поступаетъ въ отношеніи толкованій Теофилакта Болгарскаго и митрополитъ Данилъ. Онъ рѣдко указываетъ имя Теофилакта Болгарскаго, хотя постоянно приводитъ у себя его толкованія, обозначая ихъ просто «толкованіями.» О толков. Теофилакта Болгарскаго см. у Горскаго и Новоструева. Опис. рук. синод. библ. Отд. II, ч. I стр. 123—140.

³ л. 123. Приведенное на это мѣсто евангелія Матѳея толкованіе замѣтено изъ такъ называемаго учительнаго евангелія, т. е. евангеліе учительное, изданное въ Москвѣ при патр. Іосифѣ 1632 г. поученіе въ недѣлю на Рождествѣ Христовѣ слов. 63, стр. 438. Учительное евангеліе имѣло самое широкое приложение въ древней Руси. Оно было настольною книгою каждаго епископа и весьма многихъ священниковъ. Самое названіе, которымъ оно обозначалось въ то время, до нѣкоторой степени подтверждаетъ это. «Поученія избрана отъ св. евангелія и отъ

евангеліе Марка XIV, 33—34 ст.¹, одно толкованіе на евангеліе Луки II гл. 27 ст.² одно толкованіе на евангеліе Іоанна II гл., 19—22³

многихъ божественныхъ писаній, глаголемъ отъ архіерея изъ устъ во истину неделю на поученіе христовымъ людемъ» (Рук. Имп. публ. библ. F. 1 № 194 л. 1. Рук. той же библ. F. 1 № 216, изъ собр. гр. Толстого отд. I № 320), такъ называлось оно въ то время. Учительное евангеліе есть переводъ съ греческаго языка. Къ сожалѣнію и до сихъ поръ подлинникъ его не изданъ. По своему характеру учительное евангеліе въ большей части не самостоятельное произведеніе, а есть плодъ заимствованія изъ разныхъ святоотеческихъ толкованій, особенно изъ толкованій Златоуста. Для знакомства съ подлиннымъ греческимъ текстомъ учительнаго евангелія, принадлежащимъ королевской Туринской библиотекѣ, можетъ служить описаніе ея: *Codices manuscriptorum bibliothecae Regiae Turicensis Aethiopiae* 1749. 247, Codex CLXIV. На славянскомъ языкѣ толковое евангеліе выдержало два перевода. Одинъ сдѣланъ былъ, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя рукописи, Рук. Имп. Публ. библ. F. 1 № 206 л. 1) 1343 года, или что болѣе вѣроятно 1407 года (Рук. Имп. Публ. библ. F. 1, № 222), другой—1471 (Рук. Имп. публ. библ. F. 1, № 194). Однимъ изъ переводчиковъ учительнаго евангелія называютъ Константина, философа Костенскаго (Горскій и Повоструевъ, Опис. Рук. сн. биб. отд. II, кн. 2, 669—670. 657—658. 667, А. Поновъ, Обзоръ хронографовъ русской редакціи 46). Разность между обоими славянскими переводами толковаго евангелія очень незначительная. У Данила не замѣчается предпочтительнаго отношенія къ одному изъ переводовъ толковаго евангелія. Въ его сборникѣ есть мѣста, которыя буквально тождественны, какъ оказалось послѣ сдѣланныхъ мною сравненій съ древнѣйшимъ переводомъ толковаго евангелія (1343—1407) (Ср. рук. Имп. публ. библ. F. 1 № 322 л. 74—78 и рук. той же библ. F. 1, № 206 л. 32—35). Съ другой стороны у Данила находятся мѣста заимствованныя изъ толковаго евангелія въ его позднѣйшемъ переводѣ 1471 г. (Рук. Имп. Публ. библ. F. 1, 322, л. 193 и рук. той же библ. F. 1, № 194 л. 69—70.) Очевидно подъ руками Данила находилось два перевода толковаго евангелія и при разновременности составленія своего сборника онъ пользовался то тѣмъ, то другимъ переводомъ. Учительное евангеліе выдержало нѣсколько печатныхъ изданій въ древней Россіи. Я пользовался изданіемъ 1652 г.

¹ л. 125—126. Находящееся здѣсь толкованіе заимствовано у Теофилакта Болгарскаго, Благовѣстникъ ч. II, 216—219.

² л. 127. Толкованіе того же Теофилакта. Чтеніе толкованія у м. Данила испорченное. То выраженіе, которое въ современномъ изданіи относится къ желанію, и въ которомъ она называется лицомъ безхитростнымъ и простымъ, у м. Данила ошибочно относится къ человѣческому естеству І. Христа, отчего первая часть приведеннаго имъ толкованія является лишнею смысла. Благовѣстникъ ч. III. 169.

³ л. 122. Приведенное толкованіе взято у Теофилакта Болгарскаго. Въ немъ есть лишнія выраженія противъ современнаго изданія толкованій Теофилакта. Такия эпитеты, какъ «все нечесты», «или прокляты», какими, по чтенію Данила, толкователь награждаетъ еретиковъ, вовсе не находятся въ современномъ изданіи твореній блж. Теофилакта, Благовѣстникъ, издан. Казан. Акад. ч. IV, 68—70.

и наконецъ одно толкованіе на изреченіе св. апостола Павла изъ посланія его къ Евреямъ II, 14 ст. ¹ За евангельскими и апостольскими изреченіями у Данила слѣдуютъ свидѣтельства св. отцевъ: Василия Великаго ², Іоанна Дамаскина ³, Симеона новаго богослова ⁴,

¹ г. 127. Трудно съ достовѣрностію опредѣлить имя автора этого толкованія въ виду того, что ни у одного изъ известныхъ святыхъ отцевъ-толкователей не встрѣчается того толкованія, какое помѣщено митр. Данииломъ. Въ сводномъ толкованіи Новаго Завета сгруппированы толкованія всѣхъ замѣчательныхъ греческихъ издѣлговъ, и здѣсь такимъ образомъ не представляется особенныхъ трудностей отыскать имя толкователя. По сводному толкованію Новаго Завета скорѣе всего въ приведенномъ толкованіи Данила можно видѣть мысли Златоуста. Нужно замѣтить, что переводъ толкованія, помѣщенный Данииломъ, едва ли не по своему высшему грамматическому построению. *Clamer Catenaе graecorum patrum in novum testamentum, tom VII, in epistolas. S. Pauli ab Timotheum, Titum, Philemona, et ad Hebraeos. Opus*, 1844 pag. 408—409. Бесѣды Златоуста на посланіе ап. Павла къ Евреямъ, перев. при С. П. Б. Духов. Акад. стр. 75. Толкованія на Дѣянія и апостольскія посланія м. Данила брать изъ толковаго аностола, который становится известнымъ въ Россіи еще съ XIII в. Горскій и Новосудуевъ. Опис. рук. Моск. Сп. библ. отд. II, ч. I, 141—154. Этотъ древній толковный аностола далеко несходенъ съ тѣмъ, какой переведенъ былъ въ XVI в. прен. Максимомъ Грекомъ. Въ древнемъ толковомъ аностола толкованія книги Дѣяній Апостольскихъ доведены были только до XIII главы. Максимъ Грекъ продолжилъ переводъ толкованій на Дѣянія апостольскія съ XIII гл. и до конца. Данила пользуется, гдѣ то бываетъ нужно, обѣими редакціями толковаго аностола какъ древнюю, такъ и въ переводѣ Максима Грека.

² г. 126. Свидѣтельство св. Василия В., какъ цитируетъ Данила, взято изъ посланія его къ Завольскому епископу. Между изданными сочиненіями Василия В. посланіе съ такимъ названіемъ я не встрѣтилъ. *Migne, patr. curs. compl. ser. graec. tom. XXXII, S. Basilii Caesariensis, t. IV.*

³ г. 183—186. Переводъ помѣщенного здѣсь отрывка изъ слова І. Дамаскина „λόγος ἀποδεικτικός περί τῶν ἀγίων καί σептῶν ἐκόνων πρός πάντας χριστιανούς καί πρός τόν Βασίλειον Κωνσταντίνον τόν Καβαλόρον καί πρός πάντας κληρικούς, прекрасный, совмѣщающій въ себѣ удобопонятность и строгое соотвѣстствіе подлиннику. *Migne, Patrol. curs. compl. ser. graec. tom. XCV, S. J. Damasceni tom. II, p. 317—318.* Митр. Данила твореніемъ Іоанна Дамаскина пользовался несомнѣнно въ переводѣ Іоанна Экзарха Болгарскаго, списокъ котораго, собственноручно сдѣланный Данииломъ, сохранился и до настоящаго времени. Рук. Моск. дух. акад. № 124/400. См. Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, Малайдовича.

⁴ г. 181. Извлеченіе изъ слова св. Симеона сдѣлано не совсѣмъ удачно въ грамматическомъ отношеніи. Здѣсь не дослѣдуетъ подлежащаго. Извлеченіе изъ слова сдѣлано слишкомъ отрывочно. Прен. отца нашего Симеона, новаго Богослова, игумена и пресвитера, бывшаго отъ ограды св. Мамонта, словеса зѣло полезная. Изд. Козельской пустыни. М. 1852, 33. *Migne, patr. curs. compl. ser. graec. tom. CXX Oratio VII. De labore spirituali et sei. p. 353.* Въ послѣднее время редакція

Григорія Миритскаго ¹. Последний отъѣлъ свидѣтельствъ, занимаемыхъ изъ житій святыхъ, состоитъ изъ отрывковъ: изъ сказанія «о чудесѣхъ Пресвят. Богородицы, иже пречиноконою ея содѣяся, еже римлянами обыкоша нарицатися», ² изъ житія св. Иларіона Меглинскаго ³ изъ пролога въ день обрѣзанія І. Христа ⁴ и наконецъ изъ житія и пролога св. Евѣхія, патріарха Константинопольскаго ⁵.

Но настаивая на мысли о полнотѣ человѣческой природы І. Христа, Даниилъ въ то же время указываетъ и на ея существенное отличие отъ всѣхъ обыкновенныхъ людей, состоящее въ отсутствіи въ ней всякаго грѣха. Мысль о безгрѣшной по человѣчеству природѣ

Данииловаго чтенія при содѣйствіи св. Теофана дѣлаетъ новый переводъ твореній св. Симеона на чистое русское изыскъ. Творенія св. Симеона новаго Божества встрѣчаются въ рукописяхъ XV в. Опис. рук. Синод. библ. отд. II, кн. 2, 434—418,

¹ л. 181. Сочиненіе Григорія Миритскаго или Амиритскаго въ древнихъ славянскихъ спискахъ (Рук. Имп. пуб. биб. изъ собранія Толстаго отд. II, № № 40, 207, 401; рук. Царск. № № 93, 264, 614, Ундольск. № 247 и 248, Хлудова № 204, 196 и 238, Рук. церковно-археол. муз. при Киевск. акад. № 172 и мног. др.) соединяется съ именемъ одного и того же автора, между тѣмъ какъ подлинникъ его соединяется съ именемъ не Григорія Амиритскаго, а Григентиѣ Теоранскаго. Такое разнорѣчіе въ названіи автора одного и того же сочиненія, объясняется тѣмъ, что и у Грековъ св. Григоріи обозначается то тѣмъ, то другимъ именемъ. Издатель сочиненія Григорія-Галландъ, Фабриціи и Мишъ одинаково называютъ его Григентиємъ Теоранскимъ. Сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь и изъ котораго Даниилъ сдѣлалъ краткую выдержку, издано съ слѣдующимъ точнымъ названіемъ: *Τὸ ἐν αἰῶνις Γρηγεντίου ἀρχιεπισκόπου τερονέου Τεφρόν, διόλεως μετὰ 'Ιουδαίου Εὐφών*, Migne, *Patrol. curs. compl. ser. graec. tom. LXXXVI*, 621—784.

² л. 131—133. Сказаніе о сей иконѣ было нѣкогда напечатано и чтеніе его почти тождественно съ тѣмъ, какое находится у Даниила (старопечатный сборникъ 1642 г. л. 232—280, 276—280. Сборникъ 1647, стр. 337. Подлинникъ сказанія напечатанъ у Ламбеція. *Petri Lambesii Hamburgensis commentariolum de augustissima bibliotheca Caesarea Vindobonensi, liber. octavus edit altera studio et opera Adami Francisci Kollarii*, p. 692—713. Сказаніе встрѣчается въ рукописяхъ XV в. Горскій и Невоструевъ. Опис. Рук. Синод. библ. II, 2, 635 № 21/47 л. 261—291.

³ л. 165—169. Авторомъ житія св. Иларіона Меглинскаго, жившаго 1018—1186, былъ Евѣмній, патр. Терновскій, Поповъ. Обзоръ хронографовъ русской редакціи, вып. второй. М. 1869 г. стр. 34—36. Оно пошло и въ русскія житійск. П. С. Р. А. т. IX. Житіе представляетъ Иларіона составляющимъ съ Армянскими и Машхелами, это значитъ съ Павликанами и Богомилами.

⁴ л. 173—174. Св. Старопечатный 1641—1644 прологъ Января ч. 1, 378.

⁵ л. 169—170. Св. Старопечатный 1641—1644 прологъ Апрѣля, 199—200.

І. Христа высказана митрополитомъ очень кратко и аргументируется только свидѣтельствомъ св. Кирилла арх. Александрійскаго ¹.

Такою же краткостью изложенія аргументаціи отличается и другая мысль Данила о томъ, что страданія, воспріятыя І. Христомъ, были воспріяты имъ по человѣчеству, а никакъ не по Божеству. Эта мысль есть, собственно говоря, простой логическій выводъ изъ изложеннаго ученія о воплощеніи І. Христа, какъ полнѣйшемъ и дѣйствительнѣйшемъ воспріятіи Имъ всей человѣческой природы. Въ подтвержденіе своей мысли о страданіяхъ Спасителя, совершенныхъ Имъ по человѣчеству, Данилъ ссылагается на толкованіе св. Григорія Нисскаго на Дѣянія Апостольскія (II, 25—29) ²,

Третье положеніе слова о воплощеніи состоитъ въ изложеніи и обоснованіи прав. ученія о плоти І. Христа, разсматриваемой въ два различные періода земной жизни Спасителя. Первый періодъ простирается до воскресенія І. Христа, второй начинается съ воскресенія Его и продолжается въ безконечно-вѣчное время. Извѣстно, Вассіанъ Косой наставлялъ на мысли о нетлѣнности тѣла Христова, простирая значеніе ея на всю положительно жизнь І. Христа. Данилъ здѣсь противопоставляетъ ему прав. ученіе о полнотѣ человѣческой природы, воспріятой І. Христомъ,

¹ л. 126. Данилъ указываетъ, что онъ заимствовалъ приведенное здѣсь свидѣтельство св. Кирилла изъ пятнадцатой книги на Юліана св. Кирилла, не опредѣляя какого именно Кирилла. Но въ послѣднемъ изданіи твореній Св. Кирилла Александрійскаго, съ именемъ котораго, какъ извѣстно, связаны эти книги на Юліана, изданіи Мина насчитывается только 10 книгъ противъ Юліана, а не пятнадцать, какъ говоритъ Данилъ. Въ виду того, что заимствованный митрополитомъ цитатъ слишкомъ кратокъ и есть только перепечатка священнаго текста, трудно точно опредѣлить мѣсто заимствованія. Та мысль, на которой въ данномъ мѣстѣ ссылагается Данилъ, излагается св. Кирилломъ въ десятой книгѣ на Юліана. Migne, Patrolog. curs. compl. ser. graec. LXXVI S. Cyrilli Alexandrini tom. IX p. 965—966.

² л. 193—194. Толкованіе св. Григорія взято изъ слова его противъ Евномія. Переводъ толкованія правильный. Cramer, *Calenae graecorum patrum in novum testamentum* tom. III, in acta S. apostolorum pag. 45. Толкованіями на Дѣянія апостольскія митрополитъ въ данномъ случаѣ пользовался несомнѣнно въ переводѣ Максима Грена. Сдѣланныя сравненія открываютъ, что чтеніе процитованныхъ Даниломъ мѣстъ буквально тождественно съ тѣмъ чтеніемъ ихъ, какое находится у Максима Грена. Ср. рун. Им. пуб. библ. F. 1 № 522 л. 188—190, съ одной стороны и рукопись той же библ. F. 1 № 82, изъ собр. Толстого отд. I, № 297 л. 22—24 съ другой.

а сдѣл. и тѣлности ея по существу. Налагал такое ученіе, митрополитъ имѣлъ въ виду то самое тѣло І. Христа, которое было носителемъ Божества за періодъ времени, предшествовавшій воскресенію Спасителя. Но мнѣніе Вассіана было отчасти и вѣрно, если только значеніе его будетъ ограничено временемъ земной жизни І. Христа послѣ воскресенія Его, когда плоть Христа по существу измѣнилась и дѣйствительно сдѣлась нетлѣнною, т. е. такою, какою именно представлялъ ее Вассіанъ. Такимъ образомъ Даниилу необходимо было точнѣе опредѣлить прав. ученіе о плоти І. Христа и сдѣлать разграниченіе періодовъ времени, когда она была иною, чѣмъ какою стала впоследствии.

За исходный пунктъ своихъ мыслей Даниилъ беретъ тотъ фактъ изъ земной жизни Спасителя, который и послужилъ тѣмъ моментомъ, когда плоть І. Христа дѣйствительно получила новую природу, во многомъ отличную отъ обыкновенной человѣческой плоти, когда именно она сдѣлалась нетлѣнною. Фактъ этотъ есть смерть и затѣмъ воскресеніе І. Христа. Послѣ смерти Спасителя тѣло Его, положенное во гробъ, «не видя истлѣнія», а по воскресеніи оно, по словамъ Даниила, стало «не таково, якоже впростѣ всѣмъ видимо бѣ, ибо Господне тѣло по воскресеніи духовно бѣ, и тонко, и всякаго дебельства кромѣ». Настаивая на томъ, что плоть І. Христа послѣ Его воскресенія получила иную природу, сдѣлалась нетлѣнною и безсмертною, для которой уже потеряли значеніе пренятствій ограниченія пространства и времени и т. под., Даниилъ тѣмъ не менѣе не хочетъ этимъ сказать того, что она потеряла всѣ свойства человѣческаго тѣла. Онъ напротивъ согласно исполнилъ съ православнымъ ученіемъ объ этомъ предметѣ утверждаетъ, что хотя «тѣло Его (Христа) не таково, якоже впростѣ всѣмъ видимо бѣ», но тѣмъ не менѣе оно «*тоже страдавшее воста*». Высказанныя авторомъ мысли о природѣ плоти Христовой въ разные періоды пребыванія Искушителя на землѣ аргументируются по обыкновенію обширнымъ рядомъ доказательствъ. Сюда прежде всего относятся разнаго рода толкованія, взятыхъ въ соединеніи съ тѣми или другими текстами свящ. писанія. Таковы толкованія на евангеліе Іоанна 1 ст. XX глав. и на 5 ст. XVII гл. ¹, на еван-

¹ л. 128—129. Толкованія принадлежатъ Теофилактѣ Болгарскому. Благочестивъ ч. IV, 460—461. 405.

геліе Луки XXIV гл. 13—16¹, два новыя толкованія на евангеліе Іоанна, а одно на 16—17 ст. XX гл.², другое—на 26—27 ст. XX гл., послѣднее соединено въ свою очередь съ двумя разнородными комментаріями, именно толковаго евангелія и Теофилакта Болгарскаго³, два новыя толкованія учительнаго евангелія⁴, два толкованія Златоуста: одно изъ бесѣды его на первыя стихи первой главы дѣяній апостольскихъ⁵, другое изъ бесѣды его на 29—31 ст. II гл. той же книги⁶, и наконецъ послѣднее толкованіе блж. Теодорита епископа Кирскаго на CVIII псаломъ⁷. Точно также у Данила представлѣнъ здѣсь довольно обширный отдѣлъ доказательствъ, заимствованныхъ изъ круга церковныхъ иѣсноиѣній. Тутъ имъ приводятся нѣкоторыя иѣсни изъ канона въ великую субботу, стихиры, свѣтильни и проч.

Повидимому совершенно особнякомъ стоятъ въ пятомъ словѣ историческія сказанія о разныхъ ересяхъ. Но болѣе глубокое изученіе нѣхъ содержанія приводитъ къ инымъ выводамъ. Въ этомъ видѣнъ ни болѣе ни менѣ какъ особый полемическій приѣмъ автора. Сказанія о разныхъ ересяхъ, какія онъ помѣститъ у себя, являются для него новыми обвинительными актами, если такъ только можно выразиться, противъ своего противника Вассіана Косаго. Слѣдующія сказанія о ересяхъ находятся въ словѣ о воплощеніи:

¹ л. 195—196. Толкованіе Теофилакта Болгарскаго, Благовѣстникъ, ч. III 411—412.

² л. 199—200. Толкованіе принадлежитъ Теофилакту Болгарскому, Благовѣстникъ, ч. IV, 467.

³ л. 198. См. Учительное евангеліе 1632 г. слово 14, 107—108. Благовѣст. ч. IV, 473—474.

⁴ Рук. № 197 л. 128. См. Учительное евангеліе 1632 г. 394, 149 об.

⁵ л. 200—201. Чтеніе толкованія Златоуста, какъ оно находится у Данила, довольно темно для пониманія и не вездѣ соответствуетъ современному переводу. Бесѣды Златоуста на Дѣянія апост. пер. при С. П. Б. изд. т. I, 15.

⁶ л. 194—195. Цитаты темнѣе по смыслу и не вездѣ соответствуютъ современному переводу и подлиннику. Бес. Златоуста на Дѣянія апост. 109. *Cramer Catenaе graecorum patrum in novum testamentum* tom. III, 47—48.

⁷ л. 130 Толкованіе по мысли не представляетъ отклоненій отъ современнаго перевода твореній блж. Теодорита. Творенія блж. Теодорита, еп. Кирскаго. М. 1856 г. ч. III, 254—255. Возможно, что Данилъ воспользовался здѣсь толкованіемъ Теодорита въ древнѣйшемъ переводѣ его толкованій на псалмы, бывшемъ въ употребленіи на Руси еще въ XI в. Отчетъ Импер. Пуб. библиотеки за 1852 годъ. С. П. Б. 1853, 24.

св. Епифанія Кирскаго о манихейской ереси ¹, Тимофея, пресвитера Константинопольскаго, о той же ереси ², сказанія того же Тимофея и о другихъ ересьяхъ, именно о Маркіанской ереси ³, о еретикѣ Василѣ Египтянинѣ ⁴, о Валентинѣ ⁵, и «о Іуліанствѣ ереси ⁶, блж. Θεодорита о еutihianѣхъ», ⁷, наконецъ сказаніе неизвѣстнаго «о истлѣнно мнители» ⁸. Знакомство съ содержаніемъ

¹ г. 171. По мыслямъ сказаніе дѣйствительно принадлежитъ св. Епифанію. Твор. св. отецъ, изд. при Моск. дух. акад. т. XLVI. Творенія Епифанія Кирскаго ч. III стр. 241—301. 280..

² г. 172. По словамъ Тимофея Манихей не допускали мыслъ о принатіи І. Христа дѣйствительной плоти человеческой и считали ее призрачной: «но яко мнети ругаются», какъ читается у Данила. Чтеніе это неправильное. Съ подлинника (ως δοκῶντες θεωροῦντες) должно сказать: но какъ призракъ поносятъ (разумѣется тѣло Христова) Migne, Patrol. curs. compl. ser. graec. tom. LXXXVI. Theodolaei presbyteri Constantinopolitani de receptione hereticorum p. 19—20.

³ Рук. № 197. г. 172. Последователи ея не признавали дѣйствительности воплощенія Сына Божія, а считали его за призрачное (τὸν Κύριον δοκῶντα λέγει γενόμενον) Migne, t. LXXXVI p. 15—16.

⁴ г. 173. По чтенію подлинника нужно сказать о Василѣ, который училъ, что Христосъ былъ безплотенъ (ἀσώματος), что Онъ нестрадалъ, а вмѣсто него распятъ былъ Симонъ Киринейскій. Migne, t. LXXXVI, p. 17—18.

⁵ г. 172—173. Онъ признавалъ плоть Христа божественною и спускною Имъ съ небесъ, и что Христосъ прошелъ связь Марію Дѣву, якоже сквозь трубу пода (ως διὰ σωλῆνος ὁδὸς διὰ Μαρίας τῆς παρθένου διηλθούσης) Migne, t. LXXXVI p. 17—18.

⁶ г. 171. Еретики этого рода учили, что «отъ соединенія Господню тѣлеси по всему образу негнѣнцу быти». Чтеніе несовсѣмъ правильное и понятное. Съ подлинника должно сказать, что тѣло І. Христа не только негнѣнно, но и несоздано (ἀκτιστον). Migne, t. LXXXVI pag. 37—38.

⁷ г. 171—172. Они учили, что тѣло І. Христа было божественнаго происхожденія (θεαίτερον). Изложеніе ученія Евтихіана дѣйствительно принадлежитъ Θεодориту, но что касается до краткаго разбора, помѣщеннаго Данииломъ непосредственно за изложеніемъ ученія, то онъ нѣсколько не соответствуетъ тому разбору, который дѣлаетъ Θεодоритъ. Migne, Patrol. curs. compl. ser. graec. tom. LXXXIII, Theodoret, episc. Cyprens. tom. IV. Compendium haereticarum fabularum pag. 436—438.

⁸ г. 171. Эти еретики учили о негнѣнности тѣла Христова по существу. Сказаніе вѣроятнѣ всего принадлежитъ тому же Тимофею, пресвитеру Константинопольскому. Сказаніями о ересьяхъ различныхъ древнихъ авторовъ Даниилъ пользовался въ спискахъ ихъ, помѣщавшихся въ нѣкоторыхъ редакціяхъ Кормчихъ. См. Срезневскій. Свидѣнія и замѣтки о малозвѣстныхъ и неизвѣстныхъ начаткахъ. С.-ПБ. 1876 г. т. II. XII—LXXX Статя о рукописныхъ Кормчихъ.

ученія ересей, сказанія о когорыхъ приводятся въ словѣ о воплощеніи, приводитъ къ тому заключенію, что между тою разнородною, разновременною и разноименною серіею ересей, сказанія о когорыхъ цитируются Даниломъ, существуетъ глубокая внутренняя связь: всѣ онѣ заблуждаются въ ученіи о плоти І. Христа и въ большей или меньшей степени соприкасаются съ лжеученіемъ Вассіана, а нѣкоторыя изъ нихъ, каково напр. еutihianство или монофизитство, по своему логическому содержанію, почти составляютъ повтореніе того, о чемъ училъ Вассіанъ. Послѣ этого вполнѣ становится понятною цѣль автора, помѣстившаго въ своемъ словѣ цѣлый рядъ сказаній о ересь. Онъ не хотѣлъ ограничиться одною догматическою стороною дѣла, онъ обращается въ частности на почву историческую и церковно-каноническую и, представляя у себя цѣлый рядъ извѣстій о разныхъ ересь, ясно даетъ тѣмъ понять, что ученіе Вассіана не новое, что оно сходно съ древними, осужденными разными соборами ересьми и заблужденіями, и разсматриваемое съ этой стороны оно само вполнѣ есть ересь, которая не можетъ быть терпима въ церкви и которая непременно подлежитъ ей соборному осужденію.

Кромѣ сказаній о ересь у Данила находятся еще сказанія нѣсколько иного рода. Сюда именно относятся: историческое сказаніе о разбойническомъ Ефесскомъ соборѣ и о четвергомъ вселенскомъ, Халкидонскомъ, соборѣ, рассказывающее исторію этого собора, собиравшагося для осужденія Евтихіанской ереси,¹ и историческая часть обвинительнаго слова на Армянъ Іоанна Никейскаго (Исаака католикоса), которая содержитъ въ себѣ исторію отдѣленія армянской церкви отъ восточно-каволической, сосредоточивающуюся на указаніяхъ тѣхъ соборовъ, которыя проклинали ересь Евтихіа, а слѣд. и Армянъ, какъ удержавшихъ и продолжающихъ сохранять его ученіе². Смыслъ этихъ сказаній и на-

¹ л. 135—141. Исторія разбойническаго и вселенскаго Халкидонскаго собора передается здѣсь сокращеніе того, какъ она представлена въ печатномъ изданіи дѣлнхъ вселенскихъ соборовъ. Дѣлнхъ вселенск. соборовъ, изд. при Каз. д. акад. 1863 г. т. III, 1—23.

² л. 133—135. Обвинительное слово Армянъ принадлежитъ католикосу Исааку и историческая часть его, помѣщенная здѣсь, соответствуетъ XVII—XX главамъ его. *Migne, Patrol. curs. compl. ser. graec, t. CXXXII, Jsaaci, Armeniae catholici, oratio 1, contra Armenios, p. 1213—1216.*

значеніе ихъ у автора тѣже самыя, какія преслѣдовались ихъ и при изложеніи сказаній о ересьяхъ. Исторія Халкидонскаго собора есть въ то же время исторія осужденія еutihianства, ереси, съ которою весьма близко соприкасалось ученіе Вассіана Косого. И съ этой стороны она въ глазахъ митр. Данила была въ то же время исторіею осужденія и Вассіановыхъ заблужденій. Совершенно тождественное значеніе для митрополита Данила имѣла и извѣстная историческая часть слова псевдо Іоанна Никейскаго вооружавшагося противъ Армянъ, сохранившихъ взглядъ Евтихія на лице І. Христа и обратившихъ его въ основу вѣроисповѣдныхъ особенностей своей церкви.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе первой и второй частей слова Данила о воплощеніи.

Третья часть слова о воплощеніи, совершенно независимая по своей формѣ и содержанію отъ остальныхъ частей его, заключаетъ въ себѣ всѣ черты пастырскаго поученія. Здѣсь пастырь говоритъ объ обязанности каждаго христіанина заботиться о просвѣщеніи своихъ ближнихъ истинами вѣры и нравственности и о исправленіи ихъ, указываетъ, что эта обязанность лежитъ прежде и больше всего на пастыряхъ церкви, представляетъ презрительное отношеніе своихъ современниковъ къ своимъ пастырямъ, ихъ наставленіямъ и въ противовѣсъ сему учитъ о важности и высотѣ пастырскаго званія. Далѣе слѣдуетъ рядъ обличеній болѣе или менѣе общаго характера, несвязанныхъ съ предшествовавшими мыслями поученія. «Почто не плачемъ, яко много согрѣшихомъ, спрашиваетъ проповѣдникъ, что яко несмысленіи младенци утѣшаемся, и дровичмся, и смѣемся, почто небрежемъ о цѣломудріи и чистотѣ и о прочемъ благоразуміи дѣтей нашихъ, и рабовъ, и рабынь, и ниже мало печемся и скорбимъ о спасеніи братіи нашея, и что сія глаголю, ниже себе вѣмы что есмы, и како животь нашъ, по яко скоть живуемъ отъ невниманія нашего помрачившеся.... Почто выше мѣры утѣшаемся и дровичмся?» Только что высказанныя обличенія сопровождаются прекраснымъ и живымъ наставленіемъ пастыря. «Поскорбимся самовольно во временнемъ семъ житіи, да вѣчно возрадуемся, такъ поучаетъ митрополитъ, ювъ ли еси, паче прилежно внимай, да измлада научившися добродѣтельному житію, съ дерзновеніемъ виденіи въ радость Господа своего; старъ ли еси, много паче внимай, яко отшествіе твое близъ и безъ вѣсти конецъ: земледѣлатель ли еси, отъ сего

паче внимаи яко земная смертна и тѣнна, будущая же безсмертна и безконечна; вдовецъ ли еси или паче вдовица, не люби утѣшатися и дръжитися, бѣжи отъ силъ, яко отъ змѣи: оубо облазивыхъ женъ и дѣвицъ и другихъ доброзрачныхъ лицъ, ова же мужей и красоты юности, и прочихъ всѣхъ, и даже своихъ съ своими пребываніи непользующихъ; шнокъ ли еси, внимаи о немъ же изшелъ еси да не погрѣшиши, ища не тѣнныхъ, презирай тѣнная. Все убо купно внимаемъ и старіи, и юніи, и раби, и свободніи воззримъ на будущая, приготавимъ путешествіи, а другая напредъ послемъ, да тамо приидеть готово обрящемъ, смерть близъ, а конецъ безъ вѣсти....» Въ концѣ поученія находится увѣщаніе пастыря неослѣдовать зла ближнимъ, разыскивать разума божественныхъ писаній и слѣдовать по стонамъ блаженныхъ и святыхъ отецъ.

Только что разсмотрѣнное слово о воплощеніи прежде всего поражаетъ обиліемъ содержащихся въ немъ свидѣтельствъ разныхъ отцовъ церкви, духовныхъ писателей и церковныхъ начетниковъ. Одно простое перечисленіе ихъ въ состояніи удивить всякаго, изучающаго это слово. Въ немъ насчитывается до ста всевозможныхъ свидѣтельствъ, между которыми попадаются очень обширныя и даже такія, которыя помѣщены въ цѣломъ своемъ видѣ, *in text*. Если за критерій для оцѣнки ихъ значенія въ смыслѣ богословской аргументаціи брать только содержаніе приводимыхъ свидѣтельствъ, то нужно сказать, что у Даниила не встрѣчается ни одного лишняго свидѣтельства, всѣ они самымъ существеннымъ образомъ подтверждаютъ то, на чемъ настаиваетъ митрополитъ, и такимъ образомъ вполне отвѣчаютъ тому назначенію, какое предназначено имъ ихъ собирателемъ. Обиліе свидѣтельствъ, равно какъ и обширность многихъ изъ нихъ дѣлаютъ положительно невозможнымъ разсмотрѣніе, хотя-бы то и краткое, содержанія каждаго свидѣтельства въ отдѣльности.

По содержанію собственныхъ разсужденій Даниила, равно какъ и по содержанію приводимыхъ имъ аргументовъ слово о воплощеніи отвѣчаетъ своей полемической цѣли, направленной къ опроверженію лжеученія Вассіана Косого. Но въ опредѣленіи степени доказательности и вѣрности сужденій играетъ весьма важную роль и формальная точка зрѣнія, установившаяся на тѣ или другіе аргументы и заключающаяся въ большей или меньшей *авторитетности* самаго памятника, откуда черпаются доказательства. Раз-

смаatrиваемыя съ формальной точки зрѣнія приводимыя въ словѣ Даниїла противъ Вассіана доводы имѣли для него *не одинаковую силу убѣдительности*. Критически развитый умъ Вассіана вовсе не могъ поддаться и убѣдиться такими приводимыми въ написанномъ противъ него словѣ аргументами, какъ выдержки изъ какой-то книги Іакова Жидовина, произведенія неизвѣстнаго выкрещенца изъ евреевъ, насильственнымъ образомъ обращеннаго въ христіанство, или какъ церковныя пѣснопѣнія и отрывки изъ прологовъ, равно какъ такіа произведенія неизвѣстнаго автора и неизвѣстнаго времени, какъ Хрусова повѣсть и под. Отсюда выводъ получается тотъ, что многія изъ свидѣтельствъ, на которыя ссылается Даниїлъ въ опроверженіе Вассіана, являются и вовсе неубѣдительными для послѣдняго. Но отсюда далеко еще до того заключенія, чтобы слово Даниїла о воплощеніи не соответствовало и не удовлетворяло своему предназначенію. Если въ немъ находится много данныхъ, не авторитетныхъ въ глазахъ Вассіана, то еще болѣе въ немъ помѣщено такихъ несомнѣнно вѣскихъ основаній, какъ свидѣтельства и слова св. Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Златоуста и другихъ отцовъ и столповъ всей вселенской церкви, предъ священнымъ авторитетомъ которыхъ съ благоговѣніемъ долженъ былъ преклониться и скептической умъ Вассіана. Точно также въ словѣ Даниїла о воплощеніи находится весьма обширный кругъ текстовъ св. писанія, взятыхъ изъ евангелія и посланій апостольскихъ и соединенныхъ съ толкованіями ихъ, а это все такого рода данныя, которыя должны быть вполнѣ убѣдительными и даже обязательно убѣдительными для всякаго христіанскаго ума, а слѣд. для ума Вассіана Косого.

При общей оцѣнкѣ богословскаго достоинства слова митрополита Даниїла о воплощеніи нужно имѣть въ виду и другую его сторону—именно отношеніе его къ православному обществу. Преслѣдуя прямую полемическую цѣль м. Даниїлъ въ то же время при написаніи своего слова о воплощеніи не оставлялъ безъ вниманія и цѣли охранительной по отношенію къ своей собственно-православной паствѣ. Потому-то онъ и далъ въ своемъ словѣ мѣсто очень многимъ такимъ аргументамъ, которые могли дѣйствовать убѣдительнымъ образомъ только на среду людей съ книжнымъ образованіемъ, съ такимъ, на которомъ сформировался его собственный складъ воззрѣній. Читая слово Даниїла, православные книжники, его современники, могли проникаться его доводами и не

только оставаться вѣрными православію, но даже получали возможность и средства къ отраженію нападокъ со стороны либераловъ своего времени.

По своему предмету пятое слово Данила сходно со вторымъ словомъ Просвѣтителя Іосифа Волоцкаго¹, касающимся также ученія о воплощеніи. Но это сходство не идетъ далѣе сродства въ темѣ слова. По своему содержанию слова Данила и Іосифа о воплощеніи, какъ написанныя по различнымъ поводамъ, различны между собою и настолько, что между ними не можетъ быть и рѣчи о сравненіи ихъ между собою или тѣмъ болѣе не можетъ имѣть мѣста разсужденіе о зависимости здѣсь Данила отъ Іосифа Волоцкаго. Но изъ того, что Іосифъ свое слово о воплощеніи писалъ по поводу и противъ ученія еретиковъ жидовствующихъ, а митрополитъ Данилъ писалъ свое слово противъ лжеученія Вассіана Косого, еще не слѣдуетъ, чтобы слово м. Данила вовсе не приложимо было къ борьбѣ противъ жидовствующихъ. Напротивъ въ общемъ ученіи о лицѣ І. Христа Богочеловѣка, въ отношеніи котораго особенно и заблуждались жидовствующие, слово Данила могло имѣть довольно широкое приѣніе. Равнымъ образомъ имъ съ пользою можно было пользоваться и противъ ереси Θεодосіа Косого, выродившейся на почвѣ жидовства, и имѣвшей съ ней не мало общаго во взглядѣ на лице Искунителя.

Что дѣйствительно слово Данила о воплощеніи не прошло незамѣченнымъ современнымъ ему православнымъ обществомъ, борющимся противъ остатковъ жидовствующихъ еретиковъ, и обществомъ ближайшаго къ нему времени, выступившимъ на борьбу съ новою ересью Θεодосіа Косого, объ этомъ можно судить на основаніи нѣкоторыхъ сохранившихся до настоящаго времени рукописныхъ памятниковъ. Изъ нихъ между прочимъ видно, что русскіе книжники XVI в. въ затруднительныхъ случаяхъ, соприкасавшихся съ догматическимъ вопросомъ о воплощеніи, обращались къ слову Данила, и въ немъ искали разрѣшенія и доводовъ для истиннаго пониманія догмата о воплощеніи, или аргументированія его въ духѣ истинно-православнаго ученія. Богатствомъ богословской аргументаціи слово давало русскимъ книжникамъ возможность дѣлать изъ него извлеченія и сокращенія, достаточныя, по ихъ

¹ Просвѣтитель 119—147.

личному взгляду, для уясненія того или другаго возникавшаго недоразумѣнія въ ученіи о таинствѣ воплощенія. И до сихъ поръ сохранилось въ рукописяхъ не мало сокращеній и передѣлокъ слова м. Даниила о воплощеніи, которыя имѣютъ нѣсколько отдѣльных редакцій. Большая часть сокращеній слова Даниила относится къ срединѣ и ко второй половинѣ XVI в. судя по времени написанія рукописей, въ которыхъ, сохраняются эти сокращенія.

II. Седьмое слово, написанное противъ догматическихъ заблужденій жидовствующихъ.

Слово Даниила о воплощеніи только косвеннымъ образомъ относилось къ ереси жидовствующихъ. Между тѣмъ во время его свитительства, какъ это было видно при обзорѣнн его біографіи, жидовствующіе продолжали еще существовать и довольно крѣпко держались въ современномъ ему русскомъ обществѣ. Существованіе жидовствующихъ вынуждало Даниила на болѣе дѣятельныя мѣры къ искорененію ихъ заблужденій. Дѣйствительно митрополитъ хорошо понималъ свой пастырскій долгъ по отношенію къ заблуждающимся и дѣйствовалъ на нихъ богословско-полемическими трудами. Отъ него осталось два слова, специально-направленные противъ главныхъ догматическихъ заблужденій жидовствующихъ. Последнее, какъ извѣстно, отрицали основнѣйшій христіанскій догматъ, именно искупленіе чрезъ воплощеніе Сына Божія, втораго Лица св. Троицы. Свой отрицательный взглядъ на искупленіе и воплощеніе жидовствующіе мотивировали такого рода соображеніями, которыя они старались обосновать на понятіяхъ о всемогуществѣ и все-совершенствѣ Божіемъ, признавая актъ божественнаго искупленія челоуѣчества чрезъ воплощеніе самаго Сына Божія несообразнымъ съ этими божественными свойствами. Затѣмъ, говорили они, нужно было воплощаться самому Сыну Божію и терпѣть страданія и самую смерть ради спасенія челоуѣка, когда Богъ, какъ Существо всемогущее, могъ во всякое время и другимъ простѣйшимъ способомъ спасти Адама и его потомковъ отъ узъ грѣха и діавола? Наконецъ, говорили жидовствующіе, Богъ могъ исполнить

свою искупительную миссію на землѣ не непосредственно чрезъ своего Сына, а пославши на землю только одного изъ своихъ пророковъ и вообще праведниковъ. А если допустить, что Христосъ воплотился и пострадалъ для того, чтобы только такимъ видомъ искупленія перехитрить діавола, то такой образъ Божественнаго дѣйствія никакъ не можетъ быть согласимъ съ понятіемъ о Немъ, какъ о Высочайшемъ и Совершеннѣйшемъ Существѣ¹. Настоящее ученіе жидовствующихъ и послужило для митрополита Даниила историческимъ поводомъ къ написанію имъ седьмого и шестаго словъ сборника.

Сущность всѣхъ возраженій жидовствующихъ противъ гниства божественнаго воплощенія и искупленія сосредоточивалась на понятіи ихъ о нѣкоторыхъ божественныхъ свойствахъ, по ихъ представленію, находившихся въ противорѣчіи съ дѣйствіями Божества, проявившимися въ актѣ искупленія. Такимъ образомъ весь вопросъ сводился на теоретическую почву и вращался въ сферѣ опредѣленія способа пониманія нѣкоторыхъ свойствъ Божества. На ту же самую почву становится и митр. Даниилъ въ своей полемикѣ противъ жидовствующихъ. Онъ также начинаетъ свои разсужденія съ разсмотрѣнія различныхъ свойствъ Божественнаго существа, проявившихся въ актѣ искупленія.

Такъ седьмое, довольно обширное², слово своего сборника Даниилъ посвящаетъ разсужденію о премудрости «смотрѣнія Господня вочеловѣченія: яко премудростію прехитри злаго хитреца діавола, да вся вѣрующая въ оны спасе и спасаетъ.» Ученіе о премудрости Божіей, на которомъ останавливается митрополитъ въ опроверженіе жидовствующихъ, сильно подрываетъ собою возраженія послѣднихъ. Жидовствующіе при отверженіи искупленія и воплощенія ссылались на совершенство и всемогущество Божіе. Теперь имъ Даниилъ отвѣчаетъ ученіемъ о совершеннѣйшей премудрости Божіей, самый послѣдовательный выводъ изъ котораго *будетъ слѣдующій. Премудрость Божія, какъ всесовершенная, коль скоро допустила совершиться искупленію въ той, а не иной формѣ, то значитъ совершившаяся форма искупленія въ видѣ воплощенія Сына Божія съ точки зрѣнія разсмотрѣнія божественныхъ*

¹ Просвѣтитель, 173—176. 179—180. 120—121. 78. 91. и др.

² Рукоп. М. Д. А. 197 л. 215—238.

совершенство и въ частности Божественной премудрости и есть самая лучшая, не заключающая въ себѣ никакого противорѣчія понятію о Богѣ, какъ о всемогущемъ и всесовершеннѣйшемъ Существо. Такова общая идея седьмого слова Данила.

Въ словѣ о премудрости Божіей митрополитъ развиваетъ частныя взгляды на ея проявленія и даетъ въ немъ не мало своеобразныхъ, характерныхъ чертъ для опредѣленія понятія о Божественной премудрости.

Первая часть седьмого слова, занятая собственными разсужденіями митрополита, довольно кратка и въ содержаніи ея находится только двѣ главныя мысли. Первая съ догматическимъ характеромъ, тѣсно соприкасающаяся съ общимъ предметомъ слова, подлежитъ разсмотрѣнію вмѣстѣ и параллельно съ обзорѣніемъ второй части слова. Что касается второй ея мысли, въ которой развивается ученіе о необходимости и широкой религіозно-правственной пользы изученія божественныхъ писаній, то она уже входила въ разсмотрѣніе въ отдѣлахъ, соответствующихъ характеру ея содержанія.

Цѣль, по которой Богъ опредѣлилъ совершиться въ той, а не въ другой формѣ искупленію человечества, скрывается въ предвѣчномъ совѣтѣ Божественномъ о необходимости побѣды надъ діаволомъ. По взгляду Данила, премудрость, явленная І. Христомъ въ воспріятіи Имъ человѣческаго естества и направленная Имъ противъ діавола, есть въ нѣкоторомъ смыслѣ возмездіе съ Его стороны тѣмъ, кто нѣкогда также воспользовался хитростію для того, чтобы прельстить первыхъ людей. Если діаволъ для своей позорной цѣли употребилъ хитрость, то и Богъ съ своей стороны въ своемъ предвѣчномъ совѣтѣ предопредѣлилъ спасти человека тѣмъ же именно способомъ; но какъ Богъ въ то же время есть всемогущее и премудрое Существо, то Онъ естественно превзошелъ своего врага, и это тѣмъ болѣе, что цѣль, съ которою Богъ «прехитри злаго хитреца діавола», была діаметрально противоположна дѣйствию злаго врага, соблазнившаго перваго человѣка: «*велими паче Господь ухитри*» есть нашъ (діавола) за животъ и спасеніе *всѣхъ*». Свою мысль о прехитрѣніи Богомъ діавола въ воплощеніи митрополитъ старается уяснить аналогическими примѣрами, заимствованными изъ ветхозавѣтной исторіи, и пользуется, по его словамъ, Златоустомъ, представляеть примѣры въ родѣ слѣдующаго: «якоже евреями Фараона прехитри (Богъ), и поругася, ему и изведе

люди своя изъ работы египетскія, и яко же воплотився, прехитри діавола». А вотъ примѣръ, аналогическимъ образомъ уясняющій самый способъ «прехитрѣнія»: «ацѣмъ бо образомъ, говоритъ Даниилъ, ссылаясь на слова св. Ефрема, ловцы творятъ рыбаармъ (нужно читать рыбаамъ) черви на удицу возложши, извлекаютъ изъ глубины рыбу, ухитряюще червемъ, также и Христосъ якоже на удицу *мощеніемъ червя*, плотію Своею, прехитривъ улови діавола, и поругася ему, и изведе вся вѣрующая вонъ отъ ада». Вотъ собственный взглядъ митр. Даниила на характеръ дѣйствія премудрости Божіей въ актѣ искупленія челоавка, проявившейся здѣсь въ «прехитрѣніи» и «коварствѣ», какой высказанъ имъ въ первой части слова.

Въ доказательство своихъ извѣстныхъ мыслей Даниилъ по своему обыкновенію представляетъ обширную группу святоотеческихъ и другихъ свидѣтельствъ. Подтверждая собою основную мысль слова, эти свидѣтельства тѣмъ не менѣе различаются между собою по своему содержанію и съ этой стороны требуютъ разграниченія ихъ на отдѣльныя категоріи. Такъ именно одинъ рядъ свидѣтельствъ сосредоточивается на мысли о томъ, что для Бога позволительны и законны вообще хитрость и коварство, которыми нисколько такимъ образомъ не противорѣчатъ безусловной высотѣ Его нравственныхъ совершенствъ. Сюда относятся свидѣтельства, заимствованныя одно изъ толкованія Златоуста на евангеліе Матвея, другое изъ толковаго или учительнаго евангелія и третье скрытое авторомъ подъ неопредѣленнымъ названіемъ «отъ иныхъ книгъ.» «Не съ дерзновеніемъ преодолевати враговъ токмо такъ читается приводимое здѣсь толкованіе Златоуста, но и еже съ *удобствомъ ихъ прельщати* Божія силы достойно есть: сиче убо и египтянъ о іудеихъ прельсти, и могои явственѣ оныхъ богатство въ руки еврейскъ преславити, *о тай и съ лествію сіе повелѣниемъ творити*, еже неменьши иныхъ знаменій страшна Его предъ сопротивными сотвори». ¹ Таже самая мысль находится и въ свидѣтельствѣ тол-

¹ д. 230. Толкованіе заимствовано изъ шестой бесѣды Златоуста на Матвея. Оно слишкомъ отдаленно отъ современнаго перевода бесѣды Златоуста, и сходствѣ того и другаго перевода можно только догадываться. Бесѣды Златоуста на евангеліе Матвея М. 1838 г. 36. Толкованіями Златоуста на евангеліе Матвея Даниилъ пользовался несомнѣнно въ переводѣ ихъ, сдѣланномъ Максимомъ Грекомъ, Р. и. п. 6. F, I, № 522 съ одной стороны и Рук. той же 6. F, I, № 420 съ другой: д. 97—99 ч. II, 74—75.

коваго евангелія. ¹. Свидѣтельство Даниїла «отъ иныхъ книгъ» составляетъ ни болѣе ни менѣе какъ только выдержку изъ просвѣтителя Іосифа Волоцкаго ². Здѣсь митрополитъ словами своего учителя защищаетъ свое положеніе о возможности прехищренія и коварства со стороны Божественнаго Существа методомъ историческимъ, заимствуя подтверждающіе его факты изъ ветхозавѣтной исторіи, гдѣ Богъ прехитрлялъ Фараона, Саула, Іеровоама, Сисару, Олоферна, Исава и др.

Представивъ доказательства въ пользу возможности и дѣйствительности проявленія Божественной премудрости въ формѣ прехищренія и коварства, митрополитъ даетъ еще особаго рода свидѣтельство, опредѣляющее, почему именно избрана была та форма искушенія челоѣчества, этого величайшаго проявленія Божественной Премудрости, искупленія чрезъ Сына Божія, а не кого либо другаго. Этой задачѣ какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ цитуемый митрополитомъ отрывокъ «отъ книги св. и великаго Григорія, архіепископа Амвросіискаго». Здѣсь на вопросъ еврейскаго законоучителя Ервана: почему Богъ для искушительной цѣли не употребилъ ангела или архангела, св. отецъ отвѣчаетъ: «аще бо ангельскимъ мучительствомъ было мірови спасеніе, иже огню и солнцу поклоняшася челоѣки, и Вау (Ваалу) яко Богу преклоняша колѣни, хотяху ангеломъ поклонитися, яко Богомъ, и была бы послѣдняя прелесть горши первыя. Нынѣ же не тако, но убо сшесть Слово Божіе и бысть челоѣкъ по всему, кромѣ грѣха» и проч. Далѣе

1. 260—262 ч. I, 296—297.

— 262. ч. II, 3.

— 26—32 ч. II, 281—283.

— 37—38. ч. I, 146—147.

— 333—337. ч. I, 171—175.

— 10—14. ч. I, 244—247 и множество другихъ мѣстъ. Слѣдующія сравненія показываютъ буквальное тождество чтеній цитатовъ Даниїла изъ бесѣдъ Златоуста съ переводомъ ихъ Максима Грека, имѣющимся въ Импер. пуб. библиотекѣ въ спискѣ современномъ м. Даниїлу.

¹. л. 230—231. Св. Учительное евангеліе, старопечатное, 454. Этотъ отрывокъ изъ толковаго евангелія тождествененъ съ вышеприведенными словами толкованія Златоуста до буквальнойности. Это объясняется тѣмъ, что толковое евангеліе не есть самостоятельное произведеніе, а есть трудъ компилятивный, полный заимствованій изъ разныхъ предшествовавшихъ авторовъ и особенно изъ твореній св. Златоуста.

² Рук. № 197 л. 227—230. Ср. Просвѣтитель слово 4, 176—179.

св. Григорій излагаєть исторію жизни І. Христа на землѣ въ самыхъ краткихъ чертахъ, сводя все къ тому, что діаволь въ воплотившемся Сыніи Божіемъ не подозрѣваѣтъ присутствія Божества и удивляясь нерасположенности Его къ грѣху, а потому все болѣе и болѣе ожесточаясь, довелъ Его наконецъ до креста, т. е. самъ противъ собственной своей воли содѣйствовалъ тому, чего онъ менѣе всего желалъ¹.

Вопросъ о томъ, почему самъ Сынъ Божій принялъ на себя искупительную роль, естественно вызываетъ собою еще новый, тѣсно связанный съ нимъ вопросъ о томъ, почему сшедшему на землю Сыну Божию необходимо было воплотиться и служить человечеству въ образѣ самаго человека. Въ доказательство и разъясненіе этого вопроса митрополитъ приводитъ цѣлую группу свидѣтельствъ, сосредоточивающихся на одной общей всѣмъ имъ мысли—мысли о томъ, что воплощеніе Сына Божія служило для «благокозненной премудрости» Божіей средствомъ къ тому, чтобы «провести преставника діавола и спасти человека». Такого характера свидѣтельства приведены: изъ слова св. Златоуста на изреченіе евангелія Матвея (XXVI, 39), изъ слова св. Ефрема о милостыни, изъ вопросовъ и отвѣтовъ св. Сильвестра и наконецъ изъ толкованія св. Афанасія на псалмы. Въ словѣ Златоуста принятіе І. Христомъ плоти человѣческой представляется премудрымъ дѣйствіемъ со стороны Бога для побѣды надъ діаволомъ. Христосъ «обложихъ уду своего Божества червемъ тѣлесѣ, и впустихъ удицу съ кровенымъ червемъ тѣлеснымъ въ глубину житія сего»—и это въ тѣхъ видахъ, чтобы провести діавола да пожретъ онъ Его, яко человека, обращеть же Его, яко Бога дѣлающа». ¹. Въ свидѣтельствѣ св. Ефрема Сирина представляется, что воплотившійся Христосъ «*благокозненною премудростію* улови врага, и ковар-

¹ Л. 220—225. Процитованное здѣсь сочиненіе Григорія Амиритскаго, иначе Григента Теоранскаго, есть его διὰλέγεις μετὰ τοῦδοῦ τοῦ Ἐρβῆν ... Migne, Patr. crit. compl. ser. graec. t. LXXXVI, p. 621—784.

² Л. 225—226. Въ собраніи словъ Златоуста дѣйствительно находится одно, которое въ оглавленіи своемъ (оглавленіе слѣдующее: слово Златоуста, еже о реченіемъ, Отче, аще мощно, чаша си да прейдетъ отъ Мене) совершенно тождественно съ цитируемымъ здѣсь словомъ, но въ содержаніи его нѣтъ ничего того, что читается въ седьмомъ словѣ Даниловскаго сборника. Бесѣды Златоуста на разныя мѣста св. писанія, переведенныя при С.-Пб. А. акад. 1862 г. т. II, 128—147.

ствомъ лукавства своего удержанъ бысть удобъ окаянный собесѣдникъ». ¹ Свидѣтельство Іуліана, епископа Тавійскаго ², и вопросы и отвѣты св. Сильвестра повторяютъ тѣ же самыя мысли, какія находятся въ двухъ предъидущихъ свидѣтельствахъ ³. Тоже самое нужно сказать и относительно толкованій св. Афанасія Александрійскаго на седьмой стихъ LVII псалма и надвадцать второй стихъ XXI псалма ⁴.

¹ Л. 224. Слово св. Ерема о милосердіи, цитируемое здѣсь, не встрѣчается въ современномъ русскомъ изданіи его твореній, ни въ Христ. Чтеніи, гдѣ отведено было мѣсто весьма многимъ поученіямъ св. Ерема, ни въ болѣе полномъ изданіи въ изданіи Твореній Св. Отцевъ при Моск. д. акад. (томы XII—XX).

² Л. 226—227. У Мина съ этимъ именемъ не издано ни одного сочиненія. Слово Іуліана на крещеніе Господне, которое приводится здѣсь Дачиломъ, было въ ходу въ древней русской книжности. Рук. Моск. Епарх. библ. № 35. Сборникъ XVI в. л. 422—435. Оно встрѣчается въ торжественникахъ. Рук. Рум. музея XV. в. № 434 л. 378. Востоковъ. Описаніе Румянц. музея, 673—674.

³ Л. 231—232. Въ славянскихъ рукописяхъ XVI в. встрѣчается слѣдующее болѣе полное названіе вопросовъ и отвѣтовъ Сильвестра: толкованіе св. Сильвестра и преподобнаго Антонія о св. Троицѣ. (Рук. Кириллобѣзозерск. монаст. № 9/161 XVI в. № 12/111. рук. Пискарева № 53 въ Румянц. музей. Опис. рус. Пискарева № 53 въ Румянц. музей. Опис. рук. Пискарева стр. 12, Рук. Моск. Синод. библ. № 13/111). На греческомъ языкѣ это сочиненіе извѣстно подъ другимъ наименованіемъ именно: Κεσαρίου τοῦ σοφιστάτου τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Γρηγορίου τοῦ θεολόγου ὁμιλίονος, διόλογοι τέσσαρες, т. е. Кесарія, брата св. отца нашего Григорія Богослова, разговоры четыре. Далѣе въ надписаніи объясняется еще, что вопросы были предлагаемы Кесарію въ то время, когда онъ жилъ въ Константинополѣ занимаясь учительскою должностію. Но существуютъ серьезныя возраженія противъ принадлежности этого сочиненія Кесарію, брату Григорія Богослова. Указанія на двадцатилѣтнія занятія Кесарія въ Константинополѣ, включеніе между отвѣтами выписокъ изъ св. Григорія Нисскаго и Максима исповѣдника и другія обстоятельства препятствуютъ признать въ Кесаріѣ брата св. Григорія Богослова. Въ Просвѣтителѣ Іосифа Волоцкаго это сочиненіе цитируется съ именемъ Кесарія, Просв. 339. Славянскій переводъ указываетъ другія имена вопрошающаго и отвѣтствующаго, что свидѣтельствуетъ о позднѣйшей вставкѣ ихъ и о прохожденіи ея скорѣе всего у насъ на Руси. Горскій и Цевоструевъ. Опис.рук. Моск. Синод. библ. отд. II, кн. 2, 142—151. Подлинникъ сочиненія изданъ на греческомъ языкѣ Дуцеємъ. Duceus, Bibliotheca veterum patrum, t. I p. 545.

⁴ Л. 220. Что касается приведенныхъ здѣсь съ именемъ св. Афанасія толкованій, то онѣ на самомъ дѣлѣ не принадлежатъ ему. Ср. Твор. св. отцевъ т. XXII. Творенія Афанасія ч. IV, 217. 108. Ихъ также не находится и въ подлинникѣ твореній св. Афанасія, Migne, Patr. curs compl. ser. graec. tom. XXVII, Sancti Athanasii Aleksandrinum, III. pag. 135—138. Толкованіями св. Афанасія Данила

Такимъ образомъ путемъ разныхъ приводимыхъ авторомъ святоотеческихъ и другихъ свидѣтельствъ указано, въ чемъ именно проявилась неизреченная премудрость Божія, совершившая искупленіе погибающаго человѣчества. Сошествіе на землю самаго Сына Божія и принятіе Имъ полной человѣческой природы съ цѣлію предупредить и разбить всѣ козни врага своего діавола—вотъ факты, свидѣтельствующіе всему міру о величайшей премудрости Божіей. Но если явленіе въ міръ Сына Божія въ образѣ чело-вѣка есть дѣло неизреченной премудрости Божіей, то и вся жизнь Его на землѣ должна естественно свидѣтельствовать о томъ же. Отдѣльныя событія искупительной дѣятельности Спасителя суть ни болѣе ни менѣе какъ только отдѣльные факты пораженія врага, гдѣ всѣ козни діавола всегда разбивались предъ дѣйствіями Высочайшей премудрости Божіей. Такими фактами, гдѣ преимущественно выразилась побѣда І. Христа надъ діаволомъ, служатъ: искушеніе Его діаволомъ въ пустынѣ, и основаніе страданія, и смерть Его, какъ послѣднія и величайшая изъ побѣдъ надъ діаволомъ. На эти именно факты указываютъ свидѣтельства, приводимыя Даниломъ, которыя всѣ группируются около нихъ и тѣмъ самымъ раздѣляются на двѣ категоріи. Изъ нихъ первая категорія свидѣтельствъ имѣетъ своимъ предметомъ искушеніе Христа въ пустынѣ, тогда какъ послѣдняя сосредоточивается на другомъ событіи земной жизни Спасителя, —Его страданіяхъ и смерти.

Первою величайшею побѣдою І. Христа надъ діаволомъ и въ то же время чрезвычайнымъ проявленіемъ божественной премудрости въ отношеніи къ нему была побѣда надъ нимъ въ пустынѣ.

несомнѣнно пользовался въ тѣхъ спискахъ ихъ, которые сохранило время отъ XI и XII в.в. Толкованіе на псалтирь св. Аванасія Александрійскаго принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ памятниковъ славянской письменности, которыхъ древность свидѣлствуется списками XI и XII в.в. Подробности у Горскаго и Восточнуева. Опис. рук. Мос. Сян. библ. Отд. II, ч. I, 59—72. Между сочиненіями Аванасія печатаются два экзегетическія сочиненія его на псалтирь: толкованіе на псалмы (русскій переводъ въ Творен. св. отецъ т. XXII, твор. св. Аванасія ч. IV, 43—472) и толкованіе на надписи псалмовъ. (Migne. Patrol. curs. complet ser. graec. t. XXVII, 60—546. 649—1344). Отъ того и другого отлично толкованіе на псалтирь встрѣчающееся въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ. Оно составляетъ особую еще неизданную по греческимъ рукописямъ редакцію толкованій на псалмы, которая приписывается то св. Аванасію, то Кириллу Александрійскому, то Оригену. Описаніе рукописей Соловецкой бібліотеки 126—128. XV в. Толкованія Аванасія на псалтирь.

что извѣстно изъ евангельскаго повѣствованія (Мѣ IV, 1—2). Митрополитъ въ виду его особенной важности помѣстилъ у себя это евангельское повѣствованіе въ его цѣльномъ видѣ. Мало того, авторъ старается еще цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ усилить и доказать, что евангельское повѣствованіе объ искушеніи І. Христа діаволомъ въ пустынѣ комментировалось и комментируется священными толкователями въ одномъ и томъ же смыслѣ, въ смыслѣ пораженія діавола премудростію Искушаемаго. Таковы свидѣтельства: св. Златоуста ¹, св. Кирилла Іерусалимскаго ², св. Григорія Богослова ³, Максима Исповѣдника ⁴ и наконецъ свидѣтельство временника ⁵.

¹ л. 218—219. Мѣсто это заимствовано Даниломъ изъ «Маргарита отъ третія бесѣды о вѣнорочнѣмъ и ирареднѣмъ ловѣ». Слово подлинное. Migne Curs. compl. ser. graec. t. I. VI, S. I. Chrysostomi t. VI p. 370—376. Названіе маргарита, усвоенное въ славянскихъ, рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ извѣстному собранію словъ св. Златоуста, заимствовано изъ греческихъ рукописей, гдѣ этимъ наименованіемъ означались нѣкоторые избранныя бесѣды св. Златоуста. Опис. рук. Синод. библ. отд. II, кн. 2, 119—132.

² л. 234. Цитата подлинная. Св. отца нашего Кирилла, архіепа. Іерусалимскаго огласительныя и тайноводственныя поученія, переведенныя при Ярославской Семинаріи. СПб. 1822 г. 53. Migne, Patr. curs. compl. ser. graec. tom. XXXIII, S. Cyrilli Hierosolim. Catechesis III, de baptismo, p. 443—444. Переводъ огласительныхъ поученій Кирилла Іерусалимскаго извѣстенъ былъ въ Россіи еще въ XII в. Опис. рук. Соловецкой библ. 226—232. Приложение къ Прав. Собесѣднику 1877—1879 гг. Новый переводъ поученій Кирилла Іерусалимскаго сдѣланъ ученикомъ Епифанія Славеницкаго, монахомъ Евфиміемъ. Опис. рукопис. Синод. библ. II 2, 62—68.

³ л. 224—225. Цитата взята изъ слова св. Григорія «о свѣдѣніи Кириана», но взята въ связи съ толкованіемъ его. Слово св. Григорія о св. мученицѣ Кирианѣ подлинное. Migne, Patr. curs. compl. ser. graec. t. XXXV, S. Gregorii Narsiensis tom. I, oratio XXIV, p. 1169—1194. Толкованіе слова принадлежитъ Никитѣ, митрополиту Ираклійскому. Толкованія Никиты Ираклійскаго на слова св. Григорія Богослова изданы у Миня. Migne, Patr. curs. compl. ser. graec. t. CXXVII, p. 1176—1180, Orationes XXXVIII—XLIV. Слова св. Григорія Богослова очень рано, по крайней мѣрѣ не позже XIV в., распространились у насъ на Руси и всегда почти въ связи съ толкованіями Никиты Ираклійскаго. Рук. Синод. библ. № 117/118, л. 193—201; рук. той же библ. № 117/118, л. 387—403. Опис. Горскаго и Невоструева отд. II, 2, 68—71, 90—91; а также рук. Кириллобѣловъ монастыр. №№ 37/107, 36/113, и 34/119 и др. Описан. рук. Соловецкой библ. 242—256. Приложение къ Прав. Собесѣд. 1877—1879 гг. Переводъ словъ Григорія Богослова на славянскій языкъ сдѣланъ въ глубокой древности, извѣстны смыслы словъ св. Григорія Богослова, относящіеся въ XI в. Опис. рук. Синод. библ. отд. II, 2, 68—108.

⁴ л. 212. Свидѣтельство Максима взято изъ его словъ еже по вопросу и отъ

Другое и болѣе важное событіе земной жизни І. Христа, гдѣ самым торжественнымъ образомъ и навсегда восторжествовала премудрость Божія надъ діаволомъ, констатируется митрополитомъ свидѣтельствами, взятыми изъ слова св. Златоуста «о причащеніи тѣла и крови Господня»¹, изъ слова въ недѣлю пасхи, находящагося въ толковомъ евангеліи², и наконецъ множествомъ (болѣе десяти) церковныхъ писаній, болѣею частію взятыхъ изъ богослуженія въ день великой субботы³.

Третья часть седьмого слова, написанная явно въ духѣ церковнаго поученія и не связанная нисколько съ общимъ предметомъ слова, состоитъ изъ разныхъ отдѣльных нравственныхъ наставленій, въ свою очередь мало связанныхъ другъ съ другомъ. Проповѣдникъ здѣсь убѣждаетъ слушателей страшиться будущаго суда, приготовляться къ нему частымъ и чистосердечнымъ покаяніемъ, вѣровать воплощенію, воскресенію и второму пришествію І. Христа, распространяется о ничтожествѣ всего земнаго и о скоротечности жизни, совѣтуетъ подавать нищимъ, бояться Бога, не осуждать ближняго, не похищать чужаго, ненавидѣть земное богатство и стремиться приобрѣтать богатство духовно е, не забывать по смертнаго житія, любить разумъ, мудрость, цѣло мудріе, избѣгать всего сколько нибудь способствующаго возбужденію плотскихъ страстей, не забы-

вѣту», и дѣйствительно принадлежить ему. Препод. отца, нашего Максима Исповѣдника толкованіе на молитву «Отче нашъ» и его же слово поствечское по вопросу и отвѣту. Изд. Киевской Введенской Оптиной пустыни. М. 1853, 61—62. У Миня (Ратг. сург. сомпл. сер. греч. т. XC—XCI) это слово не найдено въ ряду сочиненій Максима. Слово Максима по вопросу и отвѣту было переведено на церковно-славянскій языкъ на Афонской горѣ Іаковомъ добродѣтелемъ Евсевіемъ Русину. Рук. Кириллоблз. мон. № 46/112 т. 403 об.

* Л. 219. Какой временникъ здѣсь разумѣется, трудно опредѣлить. Временникомъ, а чаще кривницею, называлась въ древнее время хроника Георгія Амартола (Нѣвоизъ. Обзоръ хронографовъ русской редакціи. Вып. II, М. 1869 г. 7) Рук. Моск. Д. Акад. № 100). Но въ хроникѣ Георгія Амартола. (Migne, Pat. sург. сомпл. ser. греч. т. CX) нѣтъ ничего соотвѣствующаго цитатѣ Даниила.

¹ Л. 233. Такое слово, судя по его оглавленію, дѣйствительно есть у Златоуста и найдено на рускомъ языкѣ въ Христ. чтенія за 1824 г. XIV, 3.

* Л. 233—234. См. учительное евангеліе. 97—98.

² Л. Изъ всѣхъ приведенныхъ во второй части седьмого слова святоотеческихъ свидѣтельствъ только одно, именно толкованіе св. Григорія павы Римскаго на одну изъ книгъ Соломона имѣетъ болѣе или менѣе, отдаленную связь съ общимъ предметомъ слова.

вать обѣщанія, даннаго при св. крещеніи о вѣрномъ храненіи заповѣдей Господнихъ и проч.

Примѣръ подобнаго пастырскаго поученія, содержаніе котораго только что передано, гдѣ безъ всякой логической связи и послѣдовательности механически перебирается большая часть требованій христіанской морали, гдѣ проповѣдникъ бѣгло переходитъ отъ одного предмета къ другому,—явленіе очень частое и въ другихъ поученіяхъ Данила, которое должно быть поставлено въ одинъ изъ выдающихся недостатковъ его собственно проповѣднической дѣятельности.

Съ православной строго догматической точки зрѣнія ученіе Данила о прехищреніи и коварствѣ Божіемъ, какъ проявленіи премудрости Божіей въ актѣ искупленія, одностороннее, неточно и слишкомъ человѣкообразно. Ни въ какомъ случаѣ премудрости Божіей невозможно приписывать свойствъ, присущихъ только дѣятельности человѣческой. Очевидно Данилъ вслѣдъ за Іосифомъ Волоцкимъ разширилъ понятіе о премудрости Божіей, проводя полную аналогію между дѣйствіями человѣка съ одной стороны и дѣйствіями Божественной премудрости съ другой. Сдѣлать это ему удалось, равно какъ и Іосифу, съ точки зрѣнія приводимыхъ имъ данныхъ, но ученіе его тѣмъ не менѣе предъ критикою его основаній, является мало доказаннымъ, и слабо обоснованнымъ, когда нѣкоторые изъ нихъ оказались частію подложными, а частію сомнительнаго происхожденія и слабой авторитетности.

Ученіе Данила о коварствѣ Божіемъ явилось въ немъ не самостоятельно, а сформировалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ на него сочиненій Іосифа Волоцкаго. Въ самомъ оглавленіи седьмаго слова Даниіловскаго сборника и четвертаго слова Просвѣтителя преп. Іосифа въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженіяхъ замѣчается буквальное сходство. Есть сходство и въ содержаніи того и другаго памятника. Въ четвертомъ словѣ своего Просвѣтителя преп. Іосифъ, также точно какъ и Данилъ, много распространяется о прехищреніи и коварствѣ Божіемъ¹. Но отсюда еще не слѣдуетъ того вывода, чтобы седьмое слово Данила написано было подъ рабскимъ подражаніемъ четвертому слову просвѣтителя. Данилъ въ своемъ ученіи о коварствѣ Божіемъ является не само-

¹ Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 197 л. 213, Просвѣтитель 168, 176—180.

стоятельнымъ только въ воззрѣніяхъ на предметъ, которыя тождественны у него со взглядами Іосифа, что конечно произошло отъ того, что просвѣтитель Іосифа вообще дѣйствовалъ воспитательнымъ образомъ на Данила, относившагося къ нему какъ въ своемъ родѣ къ священной книгѣ и ссылавшагося на его авторитетъ, хотя и скрывавшаго его подъ неопредѣленнымъ названіемъ «пныхъ книгъ». Но ни планъ, ни тѣмъ болѣе содержаніе его слова нисколько не говорятъ о матеріальномъ заимствованіи изъ четвертаго слова просвѣтителя. Близкое сходство въ названіяхъ того и другаго слова можетъ быть объяснено тождествомъ поводовъ, по которымъ они были написаны. Въ содержаніи слова Данила нѣтъ ничего такого, чтобы говорило о заимствованіяхъ его автора. Всѣ святоотеческія и другія свидѣтельства, которыми такъ обилуетъ седьмое слово, сгруппированы и подобраны митрополитомъ совершенно самостоятельно. На сходство въ нѣкоторыхъ доводахъ и свидѣтельствахъ, находящихся въ словахъ Данила и Іосифа, нужно смотрѣть какъ на случайное и притомъ такого рода, въ которомъ съ полною очевидностію выступаетъ самостоятельность Данила; онъ всегда даетъ указаніе источниковъ заимствованія тѣхъ или другихъ данныхъ, что, напротивъ, не всегда дѣлаетъ его учитель преп. Іосифъ. Седьмое слово Данила по содержащимся въ немъ святоотеческимъ свидѣтельствамъ получаетъ намаловажное значеніе по отношенію къ опредѣленію степени самостоятельности самаго просвѣтителя. Въ седьмомъ словѣ Данила попадаются такіе свидѣтельства св. отцовъ, какъ напр. св. Ефрема Сирина, Григорія Амиритскаго ¹, которыя встрѣчаются и въ четвертомъ словѣ просвѣтителя, но что важнѣе всего, безъ всякаго указанія источника, откуда онѣ заимствованы, и вслѣдствіе этого въ просвѣтителѣ Іосифѣ они имѣютъ видъ такихъ сужденій, которыя какъ будто принадлежатъ самому автору слова, чего далеко нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Изъ самаго характера содержанія седьмаго слова можно судить о степени важности и убѣдительности его для жиновствующихъ. Конечно для нихъ не имѣли существеннаго значенія ссылки Данила на авторитетъ такихъ сочиненій какъ напр. современника, вопросовъ и отвѣтовъ Сильвестра и даже Ефрема Сирина ². Но въ седьмомъ словѣ находится не мало и существенныхъ основаній для

¹ Рук. № 197 л. 215—216, 220, 225. Ср. Просвѣтитель 184—187.

² Просвѣт. 10 слово.

опроверженія заблужденій еретиковъ, хотя эти воишь сами по себѣ вѣскія и авторитетныя основанія какъ слова Златоуста, Кирилла Іерусалимскаго и евангельскія изреченія и отдѣльныя повѣствованія подѣ своеобразнымъ угломъ зрѣнія Данила получаютъ у него въ словѣ нѣсколько иной отгѣнокъ. Но имѣя въ виду цѣль митрополита писать не только для опроверженія заблужденій еретическихъ, но и для охраненія православныхъ, седьмое слово взятое въ своемъ полномъ и цѣломъ видѣ могло оказывать значительныя услуги православнымъ въ ихъ борьбѣ съ еретиками и въ дѣлѣ сохраненія и укрѣпленія ихъ самихъ въ вѣрности православію. Современники Данила и люди ближайшаго къ нему времени пользовались между прочимъ и седьмымъ словомъ его соборника.

III Шестое слово, написанное противъ тѣхъ же жидовствующихъ.

Въ седьмомъ словѣ излагалось ученіе о премудрости Божіей, съ точки зрѣнія котораго искупленіе человѣчества чрезъ воплощеніе самаго Сына Божія І. Христа воишь согласуется съ безирѣдѣльностью божественной премудрости и нисколько такимъ образомъ не противорѣчитъ свойствамъ Божества, какъ то напротивъ утверждали жидовствующие. Въ шестомъ своемъ словѣ Данилъ, имѣя въ виду все тѣже возраженія жидовствующихъ, касается другихъ свойствъ всесовершеннаго Существа, и изъ разсмотрѣнія ихъ приходитъ къ выводу о возможности и даже нравственной необходимости для Бога искупленія павшаго человѣка чрезъ воплощеніе Сына Божія. Митрополитъ посвящаетъ свое слово изложению ученія «о неизреченнѣй милости Владыки Христа»: ибо непознаваго грѣха насъ ради грѣхъ сотвори¹.

Богъ есть безконечная любовь, и, какъ такое по своей природѣ Существо, Онъ не могъ оставить человѣчество на безконечно вѣчное время въ состояніи паденія, и отъ вѣчности предопредѣлить какими бы то ни было средствами спасти человѣка. Если же спасеніе его совершилось чрезвычайнымъ образомъ чрезъ сошествіе на землю Сына Божія и воплощеніе Его въ образѣ смертнаго чело-

¹ Рук. № 197 л. 204—215.

вѣка, то это только говорить въ пользу безпредѣльности любви и чрезвычайности милосердія Божія къ падшему человѣку, и нисколько не противорѣчить Его свойствамъ, но совершенно напротивъ, вполне согласуется съ свойствами природы Божественной и вытекаетъ изъ особенностей природы Божественнаго Существа. Таковъ общій смыслъ шестаго слова.

Въ содержаніи первой части шестаго слова развивается извѣстное общее положеніе, въ немъ намѣчаются тѣ пункты, подтверждающіе для которыхъ даетъ вторая часть слова. Содержаніе первой части состоитъ изъ слѣдующихъ мыслей. Безконечное милосердіе Божіе къ человѣку выразилось въ сошествіи на землю самого Сына Божія, въ воспріятіи сошедшимъ на землю Искупителемъ полнаго человѣческаго естества, кромѣ грѣха, въ добровольномъ подъятіи Имъ страданій, завершившихся поносною смертію Богочеловѣка на крестѣ, гдѣ и принесена была Имъ искупительная жертва за грѣхи всего міра. Искупительное значеніе смерти І. Христа заключается въ высокомъ, недостижимомъ для обыкновеннаго человѣческаго сознанія, чисто божественномъ характерѣ Искупителя. І. Христосъ при всей полнотѣ воспріятой имъ человѣческой природы все-таки и по человѣчеству былъ чуждъ всякаго грѣха и съ этой стороны Онъ (по человѣчеству) не подлежалъ карѣ закона и другимъ слѣдствіямъ паденія человѣка, напр. смерти, какъ не имѣющій въ себѣ самой причины, вызвавшей когда то существованіе самаго закона. Несмотря однако на это Сынъ Божій, движимый только безконечною любовію своею къ человѣку, добровольно принялъ на себя и понесъ страданія и смерть на крестѣ.

Изложеніе первой части слова отличается обиліемъ текстовъ, особенно изъ посланій ап. Павла, даже нѣкоторые разсужденія автора представляютъ изъ себя не болѣе какъ только перифразъ тѣхъ или другихъ словъ св. писанія.

Въ содержаніи первой части можно находить два существенныя положенія—первое о томъ, что воплотившійся Сынъ Божій былъ чуждъ всякаго грѣха, и второе о томъ, что, несмотря на всю непричастность грѣху, Онъ все-таки пострадалъ и умеръ какъ злодѣй. Оба эти положенія и аргументируются во второй части слова.

Положеніе о томъ, что І. Христосъ по своему человѣчеству былъ чуждъ всякаго грѣха, подтверждается слѣдующими священными и вполне авторитетными данными. Сюда относятся нѣсколько толкованій разныхъ св. отцовъ на шестой стихъ LXV Псалма

и два толкованія на второй стихъ XXI псалма. Толкованія на шестой стихъ LVIII псалма приводятся у Данила слѣдующихъ экзегетовъ: Дидима ¹, Θεοδора ², блажен. Θεοдорита ³ и Евсевія Кесарійскаго ⁴. Изъ толкованій на второй стихъ XXI псалма къ под-

¹ л. 209. Толкованіе передано буквально тождественно съ подлинникомъ. (Majus, Patrum nova bibliotheca, tom. VII, pars II, 234—235. Migne, Patr. curs. compl. ser. graec. tom. XXXIX, p. 1431—1434.

² л. 208. Толкованіе соответствуетъ подлиннику. 13. Corderius, Harmonia patrum graecorum in psalmos. Antverpiae 1634 г. tom. II, 339. Кто такой именно толкователь Θεοδортъ, трудно опредѣлить. Максимъ Грекъ, переводчикъ сводной толковой псалтири, не опредѣляетъ, кто былъ тотъ Θεοδортъ, котораго толкованія такъ часто встрѣчаются у него въ его переводѣ сводной псалтири, хотя въ то же время онъ говоритъ, что два было толкователя съ именемъ Θεοдора, изъ которыхъ одинъ былъ епископъ Антиохій (Горскій и Невоструевъ. Опис. рук. Москв. Синод. библиот. отд. II, кн. 1, 85. Рукон. Импер. Пуб. библи. V, 1, № 447. Послание къ великому князю Василію Ивановичу). Иезуитъ В. Кордерій, помѣстившій въ своей сводной псалтири не мало толкованій съ именемъ Θεοдора, отождествляетъ его съ Θεοдоромъ, епископомъ Пракійскимъ во Фракіи и въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на свидѣтельство о немъ блаж. Иеронима, который въ своемъ сочиненіи «de scriptoribus ecclesiasticis» приписываетъ ему составленіе толкованій на евангеліе Матвея и Іоанна, на посланія апостольскія и на псалмы. С. Corderius. Expositio Patr. graec. in psalmos t. I. Предисловіе XIII, XIV. Къ сожалѣнію экзегетическіе труды Θεοдора Пракійскаго до сихъ поръ не изданы, исключая его толкованія на книгу прор. Исаи изданнаго кардиналомъ Маємъ (Majus, Patrum nova bibliotheca, t. VI, pars secunda, p. 214—239). Другой Θεοдортъ, толкователь свещ. писанія, объясненія котораго встрѣчающіяся въ сводной толковой псалтири, есть извѣстный Θεοдортъ Мансуэтскій. Всѣ встрѣчающіяся въ шестомъ словѣ толкованія принадлежатъ Θεοдору Пракійскому.

³ л. 208—209. Это толкованіе не соответствуетъ той мысли, какую хотѣлъ видѣть въ ней Данилъ и не подтверждаетъ положенія его. Въ немъ рѣчь идетъ объ іудеяхъ, отведенныхъ въ рабство въ Вавилонъ, которые въ постигшемъ ихъ несчастіи зывали къ Богу: «Ты вѣси, Владыко, и ничтоже отъ земныхъ сокрывается отъ тебя, вѣси убо, яко ничто же согрѣшихъ къ тебѣ (т. е. къ Вавилонянамъ) и божественные законы преступилъ». Имѣя подъ руками толкову ю псалтирь перевода Максима Грека, Данилъ увлекся богатствомъ разнообразныхъ толкованій на указанный текстъ и такъ какъ всѣ они, за исключеніемъ Θεοдоритова, по своему содержанию относились къ лицу І. Христа, то онъ среди такого обилия толкованій не хотѣлъ дѣлать исключенія и для Θεοдоритова толкованія, не смотря на его бездоказательность въ данномъ случаѣ. Творенія блаж. Θεοдорита, еп. Кипрскаго. М. 1856 г. ч. II, 387. Corderius, Expositio... in psalmos tom. III. 339.

⁴ л. 209. Славянскій переводъ толкованія Евсевія отличается правильностію и строгимъ соответствіемъ подлиннику. Migne, Patrolog. curs. compl. ser. graec. tom. XXIII, Eusevii Pamphili tom. V. pag. 733—736.

твержденію даннаго положенія относятся толкованія того же Евсевія ¹. и Дидима ². Всѣ приведенныя толкованія, за исключеніемъ толкованія блаж. Θεοδορίта, вполне соответствуютъ всему назначенію и констатируютъ извѣстное положеніе слова.

Но несмотря однако на всю свою непричастность грѣху, а отсюда и слѣдствію его,—смерти, воплотившійся Сынъ Божій І. Христосъ да тѣмъ не менѣе пожертвовалъ собою для возстановленія рода человеческого въ его первобытномъ состояніи и умеръ, какъ злодѣй, вознесъ съ собою на крестъ грѣхи всего міра и тѣмъ даровалъ ему искупленіе. Высота божественной безконечной любви къ падшему человечеству рельефнѣе всего выразилась въ томъ, что воплотившійся Сынъ Божій исключительно по своей собственной божественной волѣ является на землю для того только, чтобы пострадать за человѣка. Аргументація втораго только что высказаннаго положенія вѣска,—это тѣмъ болѣе ясно, что вся она сосредоточивается непосредственно на словахъ св. писанія и ихъ толкованіяхъ. Въ основу его Данилъ полагаетъ слова св. ап. Павла: «непознаваемаго грѣха, насъ ради грѣхъ сотвори, да мы будемъ правда Божія о Немъ» (2 Кор. V, 21). Взятый самъ по себѣ этотъ текстъ свящ. писанія категорическимъ образомъ подтверждаетъ то, о чемъ раньше говорилъ самъ авторъ. Кромѣ того онъ еще приводитъ нѣсколько святоотеческихъ толкованій на вышеприведенныя слова ап. Павла и видитъ въ нихъ какъ бы новыя доказательства истинности своего положенія. Сюда относятся толкованія: одно—неизвѣстнаго автора ³, другое—св. Θεοδώρα

¹ л. 212—213. У Кордерія нѣтъ этого толкованія, Corderius, tom. I, 403—404. Подлинникъ у Мина Р. С. Compl. ser. graec. tom. XXIII, Eusevii Pamphili tom. V, 93—214. Здѣсь у Данила взятъ самый краткій отрывокъ изъ очень пространнаго въ подлинникѣ толкованія Евсевія на указанный стихъ XXI псалма.

² л. 212. Переводъ толкованія Дидима, находящійся здѣсь, совершенно недоступенъ для пониманія. Онъ можетъ быть выясненъ только посредствомъ сравненія съ подлинникомъ. Majus, Patrum nova bibliotheca, tom. VII, pars. II, pag. 193. Migne, Patr. curs. compl. ser. graec. t. XXXIX, p. 1275—1276.

³ л. 206. Переданное здѣсь толкованіе очень темно по смыслу и немало грѣшитъ противъ подлинника. Самое толкованіе принадлежитъ Икумению. Οἰκουμένην ὁποδύματα ἐκ τὰς τῆς Νέας διαθήκης προπαιδείας τὰς ὁρ. Parisiorum. M. D. C. XXXI ann. tom. I 639. Cramer, Calenae graecorum patrum in novum testamentum tom. V, p. 387.

Студита ¹ и послѣднее—Исихія ². Новый рядъ доказательствъ сосредоточивается на разныхъ святоотеческихъ толкованіяхъ втораго стиха 21 псалма. Толкованія эти слѣдующія: Аѳанасія Великаго, раздѣленное у Даниила почему-то на два ³, Григорія Богослова ⁴ и Ѳеодорита, епископа Кирскаго ⁵. Изъ толкованій на шестой стихъ LXVIII псалма къ подтвержденію поставленнаго авторомъ положенія относится болѣе всего толкованіе св. Аѳанасія ⁶. Наконецъ нѣсколько доказательствъ для подтвержденія своей мысли Даниилъ заимствуетъ и изъ толкованій на пятый стихъ XI псалма. Толкованія его принадлежатъ св. Аѳанасію Великому ⁷ Анолинарію ⁸ и Исихію.

¹ л. 206—207. Толкованіе не уклоняется по мыслямъ отъ современнаго латинскаго перевода твореній св. Ѳеодора Студита, Migne, Patrolog. curs. compl. ser. graec. tom. XCIX. S. Theodori Studitae Sermo XXX in S. Paulum, Confessorem et cel. pag. 548—549.

² л. 207. Кто это такой Исихій, Максимъ Грекъ переводомъ котораго въ данномъ случаѣ пользовался митрополитъ Даниилъ, не опредѣляетъ. Умалчиваетъ объ этомъ и Кордерій. По крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что этотъ толкователь не одно лицо съ известнымъ писателемъ Исихіемъ, пресвитеромъ Іерусалимскимъ—такъ какъ въ новѣйшемъ изданіи его сочиненій не существуетъ вовсе никакихъ толкованій на посланія св. ап. Павла, Migne, Patrolog. curs. compl. ser. graec. tom. XCII. pag. 1387—1392.

³ л. 212. Современный переводъ толкованій см. Твор. св. отецъ т. XXII, Творенія св. Аѳанасія ч. IV, 104—105. Подлин. Migne, Patrolog. curs. compl. ser. graec. t. XXIII. S. Athanasii tom. III 131—134.

⁴ л. 212. Подлинникъ его см. у Кордерія, Expositio patrum graecorum in psalmos, t. I p. 403—404.

⁵ л. 213. Толкованіе по мыслямъ отвѣчаетъ современному переводу. Творенія блж. Ѳеодорита, еп. Кирскаго, ч. II, 115—116.

⁶ л. 210. Толкованіе представлено въ понятномъ переводѣ. Творенія св. отецъ т. XXII. Творенія Аѳанасія ч. IV, 258. Migne, Patrolog. curs. compl. ser. graec. tom. XXVIII, pag. 307—308.

⁷ л. 210—211. Приведенное здѣсь толкованіе св. Аѳанасія на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ ему и не имѣетъ въ себѣ ничего соответствующаго въ печатныхъ изданіяхъ его твореній. Творенія св. отецъ т. XXII. Твор. Аѳанасія ч. IV, 16—161. Migne, Patrolog. curs. compl. ser. graec. t. XXVIII, p. 197—198. Толкованіе св. Аѳанасія взято Данииломъ изъ сводной толковой псалтири въ его библ. вѣдомствѣ и цѣломъ видѣ. Ср. рук. патріар. библ. № ⁸⁶/₁₃₃ л. 303—304. Рук. той же библ. № ¹⁰⁰/₁₃₃ 139—140.

⁸ л. 212. Этотъ Анолинарій есть, по словамъ Максима Грека, Анолинарій Лаодикійскій, современникъ Василия Великаго и Григорія Богослова. Рук. Имп. Цбл. библ. F. I. № 447. Опис. Синод. рукоп. отд. II, ч. 1, 85. Толкованія Ано-

Такимъ образомъ въ искупленіи человѣка и особенно въ особенной формѣ его—въ воплощеніи Сына Божія и крестной смерти Его выразились безконечная благодать и неизреченное милосердіе Божіе къ человѣку. Искупленіе, совершенное І. Христомъ и особенно форма его—крестная смерть, такъ непостижимы были для обыкновеннаго сознанія человѣка, что они для многихъ людей служили соблазномъ и отдаляли ихъ отъ воспріятія спасенія. Отсюда произошло, что то, что для однихъ служило путемъ ко спасенію, то другихъ вело къ гибели. Эту мысль Данилъ выражаетъ словами толкованій: Дидима ¹, св. Аѳанасія Великаго ², Евсевія ³, и св. Исаака Сирина ⁴.

Дидимарія на псалмы напечатаны у Миня Patr. curs. compl. ser. graec. t. XXXIII, 1368—1370. Но здѣсь не встрѣчается толкованія Аполлизарія, находящагося съ его именемъ въ сводной псалтири Максима Грека. Кордерій въ данномъ мѣстѣ не приводитъ толкованія этого отца и вообще не дѣлаетъ никакихъ опредѣленій касательно самой личности толкователя.

¹ л. 209. 210. 211 об. 207 об. Здѣсь представлены четыре различныхъ толкованія Дидима. Всѣ они подлинны. Majus, patrum nova bibliotheca, tom. VII, pars 2, ag. 221. 254. 255. tom. IV, pag. 132. Migne, Patrolog. curs. compl. ser. graec. tom. XXXIX pag. 1451—1454, 1355—1356, 1707—1708.

² л. 208. Снес. Творенія св. отецъ л. XXII, Твореніе св. Аѳанасія ч. IV, 257—258. Migne, Patr. curs. compl. ser. graec. tom. XXVII, pag. 307—308.

³ л. 210. Снес. Corderius, Елѣоно patrum graecorum in psalmos tom. I p. 401. Только у Кордерія это толкованіе отнесено не къ шестому стиху LXVIII псалма, какъ у Данила, а къ седьмому.

⁴ л. 207. Свидѣтельство Исаака взято изъ его 34 слова. Снес. Твор. св. отецъ т. XXIII. Иже во святыхъ отца нашего Исаака Сирина слова подвижническія. М. 1854 г. 295. Переводъ слов. Исаака Сирина у насъ на Руси восходитъ къ XIV вѣку. Горскій и Невоструевъ. Опис. рукоп. Синод. библ. отд. II, кн. 2, 156—177.

Примѣчаніе. При собраніи толкованій на псалмы митрополитъ пользовался толковой псалтирю. Въ XVI в. въ Россіи были извѣстны три рода толковой псалтири. Одна была переведена въ Новгородѣ въ 1526 году Дмитріемъ сломастикомъ или толмачемъ. Оригиналомъ для нея послужило собраніе толкованій на псалтирь, сдѣланное въ XI вѣкѣ Брюнономъ Гершполонскимъ или Вирбургскимъ (Горскій и Невоструевъ. Опис. рукоп. Синод. библ. отд. II, кн. I 101). Въ толковой псалтири Брюнона находятся толкованія почти исключительно только однихъ западныхъ экзегетовъ: Іеронима, Августина, Беды и Кассіодора. Списокъ съ нея имѣется въ Новгород. Софійской библ. (рук. № 1256). Была у насъ псалтирь иного характера: въ ней толкованія отличались значительною краткостью и главное не имѣли предъ собою указаній именъ тѣхъ авторовъ, которымъ они принадлежали (примѣръ подобной псалтири см. въ рукоп. Новгород. Соф. библ. № 1255). Третья толковая псалтирь переводъ Максима Грека. Этой-то псалтирю пользовался Да-

Третья часть или наказаніе шестаго слова находится въ тѣсной связи съ содержаніемъ двухъ первыхъ частей его. По отношенію къ догматическому ученію, какое излагается въ первыхъ двухъ частяхъ, наказаніе является нравственнымъ приложеніемъ его къ слушателямъ и читателямъ. Въ наказаніи шестаго слова проповѣдникъ, кратко передавъ содержаніе двухъ первыхъ частей его, и указавъ на неизреченную милость Божію, какая проявилась въ искупленіи Иисусомъ Христомъ всего человѣчества, дѣлая переходъ къ нравственнымъ наставленіямъ, спрашиваетъ далѣе: «что убо воздамы Владыцѣ Христу о всѣхъ силъ, яже насъ дѣла сѣтвори и животь вѣчный намъ дарова? Благодаримъ Владыку Христа возлюбленніи, отвѣчаетъ самъ же проповѣдникъ, и прославимъ милость Его неизреченную, возлюбимъ возлюбившаго насъ, возлюбимъ другъ друга, очистимъ себе отъ всякія скверны плоти и духа, принесемъ Христу Богу нашему дѣла благая съ страхомъ и благоговѣніемъ, вѣру, любовь, братолюбіе, упованіе, терпѣніе, кротость, сокрушеніе сердца, умиленіе, слезы, совѣсть очищену.... поработаемъ Господени дондеже время имамы» и т. д. слѣдуетъ механическій перечень разныхъ нравственныхъ добродѣтелей.

По своему отношенію къ просвѣтителю Іосифа Волоцкаго шестое слово митрополита Данила находится внѣ всякой зависимости отъ него. Въ подтвержденіе этого достаточно сказать, что тотъ источникъ, откуда почти исключительно черпалъ Данилъ при написаніи своего шестаго слова священные аргументы, именно—

нималъ въ широкихъ размѣрахъ. Чтенія толкованій псалмовъ XXI, XL и LXVIII помѣщенныхъ въ сборникъ Данила, буквально тождественны съ чтеніемъ толкованій, находящихся въ переведенной Максимомъ Грекомъ толковой псалтири. (Ср. Рук. Имп. пуб. биб. F. 1 № 522 л. 207—208 и рук. Имп. пуб. биб. F. 1 № 447 столб. 264—265. Также рук. Имп. пуб. биб. № 522 л. 205—207 и рук. Имп. пуб. б. № 447 столб. 356—357; также: рук. патріар. биб. № 138—139 и рук. той же б. № 138 л. 517—518. Имя подъ руками толковую псалтирь Максима Грека, Данилъ выбиралъ конечно изъ нея только то, что относилось къ его цѣли (за однимъ лишь исключеніемъ). Отсюда у него замѣтны нѣкоторые отступленія отъ первоисточника, которыя впрочемъ имѣютъ болѣе вышнее значеніе. Такъ у него нѣкоторые толкованія, находившіяся у Максима, вовсе опущены, другія внесены въ сокращеніи, инымъ дано новое расположеніе, чѣмъ въ какомъ они находились въ толковой псалтири. Кромѣ толковой псалтири при написаніи шестаго слова Данилъ пользовался и толковымъ аналестомъ. Мало того, онъ и самостоятельно дѣлалъ выборъ подходящихъ аргументовъ и изъ другихъ сочиненій, напр. Исаака Сиріана и Феодора Студита.

толковая псалтирь въ переводѣ Максима Грека, явилась уже послѣ смерти препод. Іосифа.

Какъ написанное противъ жидовствующихъ, шестое слово имѣетъ немаловажное значеніе. Оно не могло быть для еретиковъ не убѣдительнымъ. Всѣ доводы и аргументы, какіе представлены въ словѣ, очень вѣски и авторитетны въ виду того, что они заимствованы изъ свящ. писанія, понимаемаго въ строгомъ смыслѣ, и взяты въ соединенія съ толкованіями древнихъ отцовъ и учителей церкви, предъ авторитетомъ которыхъ преклонялись и еретики. Шестое слово Даниловскаго сборника, единственное изъ всѣхъ словъ Данила, которое содержитъ въ себѣ священныя основанія первостепенной важности и не заключаетъ въ себѣ ни одного свидѣтельства изъ такого сочиненія, авторъ котораго принадлежалъ бы къ позднѣйшему времени, или который бы вообще имѣлъ бы право только на второстепенную авторитетность своихъ мнѣній.

Краткость слова, и однообразіе заключающейся въ немъ священной аргументаціи въ связи еще съ частнымъ предметомъ, какой затрогивается въ немъ, были причиною, по которой шестое слово Даниловскаго сборника не пользовалось особеннымъ вниманіемъ русскихъ книжниковъ, или по крайней мѣрѣ въ древне-русской письменности не видно никакихъ заимствованій изъ него, на основаніи которыхъ можно было бы утверждать противное.

IV. Одиннадцатое слово о промыслѣ Божіемъ и о младенцахъ умирающихъ.

Шестое и седьмое слова сборника митрополита Данила написаны непосредственно противъ ереси жидовствующихъ. Несравненно болѣе широкое значеніе имѣетъ слово Данила «О Божіихъ судьбахъ» или что тоже о промыслѣ Божіемъ¹. Вопросъ о промыслѣ Божіемъ ближайшимъ образомъ возбужденъ былъ также жидовствующими, но историческія условія, подготовившія его, существовали гораздо ранѣе самихъ жидовствующихъ и скрыва-

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 353—373.

лись въ нѣкоторыхъ, издавна установившихся, взглядахъ русскаго народа. Жидовствующіе только воспользовались извѣстнымъ убѣжденіемъ православныхъ, какъ случайнымъ поводомъ для того, чтобы унижить ихъ и самое ихъ ученіе.

Днѣ историческія причины подготовили собою то, что въ XV вѣкѣ въ умахъ русскаго общества стали появляться тѣ или другія сомнѣнія и недоразумѣнія, касавшіяся ученія о Промыслѣ Божіемъ. Это утвердившееся въ русскоѣ народѣ XV и XVI вв. ожиданіе кончины міра и распространившіяся въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вѣка, благодаря западному вліянію, ученіе и вѣра въ силу астрологическихъ знаній.

Мысль о близкой кончинѣ міра очень давняя. Самъ Иисусъ Христосъ, а за Нимъ и Его св. Апостолы нерѣдко указывали своимъ послѣдователямъ на близость послѣдняго дня и скорого пришествія Божественнаго Судіи¹. По примѣру Иисуса Христа и Апостоловъ и мужи и преемники апостольскіе продолжали развивать и поддерживать мысль о кончинѣ міра. На ней наставляли: Варнава, Папіи Іеропольскій, Иринеи Ліонскій, Иполитъ, Кипріанъ, Меводій Патарскій, Лактанцій, Оригенъ, Иларій, Іеронимъ и др.². Почти всѣ эти отцы, основываясь на разныхъ мѣстахъ свящ. писанія, принимали за продолженіе міра шесть тысячъ лѣтъ сообразно его шестидневному творенію.³ По прошествіи же означеннаго срока міроваго существованія подобное мнѣніе перенесено было на семитысячный годъ отъ сотворенія міра. Такое же точно мнѣніе распространилось и у насъ въ Россіи путемъ разныхъ перешедшихъ къ намъ изъ Греціи сочиненій.⁴ Вліяніе подобныхъ сочиненій об-

¹ Мф. XXIV, 34; XVI, 28; Марк. XIII, 30; Лук. XXI, 32; 1 Петр. IV, 7; 2 Петр. III, 9—12; Евр. X, 37; Римл. XIII, 11; 1 Сол. IV, 16, 17; 2 Сол. I, 7; Іак. V, 7—10; 1 Іоанн. II, 18; Апок. III, 11, XXII, 12.

² Православн. Собесѣдникъ 1860 г. часть III. Ноябрь, 336—342 Древнерусскія псалмы на осьмую тысячу лѣтъ отъ сотворенія міра. Сахаровъ, Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древнерусской письменности. Тула. 1879. Глава I.

³ Иринеи, наприм., говоритъ: во сколько дней созданъ этотъ міръ, столько тысячъ лѣтъ онъ просуществоуетъ. Памятники древней христіанской письменности въ русскоѣ переводѣ. Св. Иринея Ліонскаго пять книгъ противъ ересей. Приложение къ Прав. Обзорію. М. 1868 г. кн. V, гл. XVIII, 659—670.

⁴ Такъ въ Діонтріи инокъ Филиппа встрѣчаются слѣдующія разсужденія: «глаголютъ, яко повеже сего седмиричезъ настоящій сей вѣкъ убо, лѣто

наружилось на Руси очень скоро: Русскіе мало по малу укрѣплялись и сживались съ мыслию о скорой кончинѣ міра, имѣющей послѣдовать по исполненіи семитысячелѣтняго существованія его. Ее раздѣлялъ еще Кирилль Туровскій въ XII вѣкѣ.¹ Чѣмъ болѣе сокращался срокъ ожиданія кончины міра, тѣмъ болѣе увеличивалось число защитниковъ мнѣнія о скоромъ концѣ его. И оно было достояніемъ не массы только, а и людей сравнительно просвѣщенныхъ, и стоявшихъ во главѣ русскаго общества. Мнѣнія о скорой кончинѣ міра держались и такіе просвѣщенные архипастыри-митрополиты русской церкви, какъ Кирилль II, Кипріанъ, Фотій, Григорій Цамблакъ, Іона и Филиппъ.² Ея не чужды были даже и такіа лица, которымъ скоро самимъ пришлось бороться противъ этого предразсудка. Это—Іосифъ Волоцкій и Геннадій, архіепископъ Новгородскій.³

Мнѣніе о семитысячелѣтнемъ существованіи міра такъ укрѣпилось среди русскіхъ въ XIV—XV вѣкѣ, что съ точки зрѣнія его и имъ стали оцѣнивать тѣ или другія историческія событія. Такъ въ числѣ возраженій противъ несостоятельности Флорентійскаго мнимо-вселенскаго собора одно состояло въ предположеніи, что вселенскихъ соборовъ не можетъ быть болѣе семи по строгому соотвѣтствію числа нѣхъ числу тысячелѣтій существованія міра.⁴

есть ему довлѣти же и пребывать дондеже седьмая тысяща накончается, подобаетъ бо седмиричному вѣку въ седьмое скончатися число». (Горскій и Невоструев. Описание рукописей Москов. Синод. библ. отд. II, кн. 2, 458.) Точно такая-же мысль высказана Никифоромъ Каллистомъ въ синаксарѣ на недѣлю масопустную (Православн. Собесѣдн. 1860 г. ч. III, 334—347.) Перечень и разсмотрѣніе сочиненій имѣющихъ эсхатологическій характеръ, см. у Сахарова, 71—148.

¹ Рукоп. Импер. Публ. библ. Q. I. № 308, 300—302. Описание рукоп. Москов. синод. библ. Отд. II, 2, 656. Калайдовичъ. Памятники Русс. словесности XII в. 100.

² Чтен. въ Москов. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1847, № 8. IV. I. Слово м. Кирилла II въ день архангела Михаила 18—19. Акты Истор. т. I № 20, 41; № 253, 481. Правосл. Собес. 1860 г. ч. II, 496. Шевыревъ. Исторія Русс. Словесности, III, 339, 374, 356. Акты Истор. т. I, № 267, 498 и № 280, 314. Макарій, Ист. Р. Ц. V, 211.

³ Шевыревъ, ч. IV. 84, 85. Въ концѣ Богородичника, написаннаго самимъ преп. Іосифомъ въ 1489 году, находится слѣдующая надпись: «написанъ послѣднѣго ста седьмые тысящи 97 года. Рукоп. Волокола. мон., хранящ. въ монаст. ризницѣ, № 1, л. 317. Шевыревъ на основаніи этой приписки и высказалъ свой взглядъ о томъ, что самъ преп. Іосифъ раздѣлялъ мнѣніе о близкой кончинѣ міра. Приписка Іосифа можетъ быть понимаема въ смыслѣ благопріятствующемъ и не благопріятствующемъ означенному мнѣнію.

⁴ Акты Истор. т. I, № 286, 323.

Не безъ приложений оно оставалось и въ области религіозно-правственной жизни русскаго народа. Въ болѣе или менѣе выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ физическихъ явленіяхъ и еще чаще общественныхъ бѣдствіяхъ народъ видѣлъ предзнаменованіе близкой кончины міра. ¹ Такимъ образомъ русскій народъ какъ въ высшихъ такъ и въ низшихъ сферахъ одинаково сживался съ мыслию объ имѣющей, по истеченіи семи тысячи лѣтъ, послѣдовать кончинѣ міра.

Роковой 1492 годъ, когда, по вычисленіямъ книжниковъ, долженъ былъ послѣдовать конецъ міра, приближался. Пасхалія, окончившаяся также 1492 годомъ, имѣла замѣчательное заключеніе: «здѣ страхъ, здѣ скорбь, читается въ пасхалии послѣ 1492 года, аки въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и наконецъ явился, въ неже часѣмъ и всемірное Твое пришествіе». ² Но страшный годъ прошелъ, какъ и другіе, и вовсе не принесъ съ собою того, чего ожидалъ отъ него съ такими тревогами и волненіями русскій народъ. По естественному порядку вещей всякій русскій человѣкъ долженъ былъ отказаться отъ предразсудка. Положимъ, предразсудокъ исчезъ, но далеко не у всѣхъ и не безслѣдно. Несоосуществившееся ожиданіе кончины міра поставило многіе русскіе умы въ сильное затрудненіе. Самымъ естественнымъ выходомъ изъ него для русскаго ума представлялся слѣдующій: онъ долженъ былъ признать въ полной силѣ несостоятельною мысль о близкой кончинѣ міра. Но отказаться отъ вѣры въ близкую кончину міра въ самый непродолжительный періодъ времени русскій человѣкъ былъ не въ состояніи. Русскій народъ такъ методически послѣдовательно сживался съ этою идеей, что ни въ всякой психической возможности было въ самое короткое время вырвать съ корнемъ то, на чемъ онъ воспитывался цѣлые вѣка. А тамъ предъ нимъ выступало оскорбительное для его религіознаго чувства затрудненіе. Идея о близкой кончинѣ міра явилась въ сознаніи русскаго человѣка не случайно, а крѣпла у него подъ вліяніемъ и на почвѣ изученія имъ святоотеческихъ твореній. Если признать несостоятельною мысль о семитысячномъ періодѣ міроваго существованія, то это само собою равносильно будетъ признанію ложности осно-

¹ Полное соб. Р. Лѣт. г. Ш, 79; IV, 103—106, I, 176; II, 90; Никонов. лѣт. VI, 24.

² Рук. Новгородск. Соф. библ. № 1421, л. 129.

ваній, на которыхъ она покоилась, т. е. ложности свидѣтельствъ св. отцевъ. Но такой путь былъ не подъ силу русскому человѣку. Эти затрудненія еще болѣе росли отъ другихъ разныхъ условій, въ которыхъ находилась современная религіозная жизнь.

Умственное броженіе еще болѣе усиливалось новымъ положеніемъ, принятымъ въ средѣ нѣкоторыхъ членовъ русскаго общества,—все тѣмъ же вопросомъ о близкой кончинѣ міра. Въ видахъ соглашенія и примиренія святоотеческихъ свидѣтельствъ, говорившихъ въ пользу семитысячелѣтняго существованія міра, нѣкоторые русскіе книжники идеѣ о скоромъ концѣ міра, вмѣсто прежняго строго арифметическаго значенія, придали болѣе широкій смыслъ. Поэтому признали болѣе соответствующимъ истинѣ перенести вообще на осьмую тысячу то, чего ожидали въ исходѣ седьмой.¹ Увѣренность въ близкую кончину міра высказывали: Максимъ Грекъ,² Вассіанъ Кассой,³ Зиновій Отенскій,⁴ инокъ Артемій⁵. Историческія событія болѣе или менѣе важныя продолжали и теперь нѣкоторыми комментироваться въ смыслѣ благопріятствующемъ идеѣ о близкой кончинѣ міра. Такъ въ уничтоженіи въ 1510 г. самостоятельности Пскова лѣтописецъ видитъ предзнаменованіе скорого пришествія антихриста.⁶ Даже благодѣтельныя событія и тѣ связывались съ извѣстной идеей. Нѣкоторые изъ русскихъ этого времени по религіозной гордости смотрѣли на Москву какъ на третій Римъ,—въ смыслѣ хранительницы истиннаго христіанства и не допускали мысли о возможности существованія четвертаго (въ томъ же

¹ Зосима митрополитъ, читается въ одной рукописной кормчѣ, потщався написать нахально на осьмую тысячу лѣтъ, въ ней же чаемъ всемірнаго пришествія Христова. (Правосл. Собесѣдн. 1860 г. ч. II. Июль, 337. Рукописная кормчая XV вѣка).

² Сочиненіе Максима, I, 132—133; II, 333.

³ Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1859 г. кн. 3, отд. 3 Разсужденіе Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами, 3. Выписъ изъ государственной грамоты о сочетаніи втораго брака в. князя Василія Іоанновича. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. 1847, № 8.

⁴ Истинны показаніе въ вопросившимъ о яновомъ ученіи. Изд. Казанск. Дух. Акад. 48—49.

⁵ Русская Историческая бібліотека, издаваемая Археографическою комиссіею, т. IV, Посланія инока Артемія. 1221.

⁶ Полн. Собр. Р. Лѣтоп. т. IV, 282.

самомъ смыслѣ) Рима, а отсюда выводили и то, что только отъ того или другаго религіозно-нравственнаго состоянія русской церкви зависить ускорить или предотвратить близкую бѣду (кончину).¹

Къ наибольшему возбужденію русскихъ умовъ въ вопросѣ о кончинѣ міра послужило основанное на данныхъ астрологіи предсказаніе Николая Пѣмчина объ уничтоженіи или измѣненіи міра, имѣющемъ послѣдовать въ 1524 году².

Такимъ образомъ по животрепещущему вопросу времени, какимъ въ то время былъ вопросъ о времени кончины міра, въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ образовался хаосъ мнѣній, среди котораго при тогдашней бѣдности просвѣщенія, а отсюда трудности оріентироваться, оно не находило для себя исхода, не знало, къ какому изъ существующихъ мнѣній примкнуть, какому мнѣнію отдать предпочтеніе. Въ самомъ дѣлѣ, одни говорили, что время кончины міра близко, другіе даже указывали годъ его, третьи совершенно отвергали и то и другое. Броженіе умовъ еще болѣе усилилось и приняло острый характеръ вслѣдствіе особаго образа дѣйствій еретиковъ жидовствующихъ, которые воспользовались здѣсь удобнымъ случаемъ для того, чтобы компрометировать православныхъ. Когда всеобщее ожиданіе кончины міра обмануло всѣхъ, еретики начали открыто смѣяться надъ обманутыми ожиданіями православныхъ и надъ ихъ авторитетами — святоотеческими твореніями. Жидовствующіе обратились въ положеніе нападающихъ и дѣлали постоянныя возраженія православнымъ. Семь тысячъ лѣтъ существованія міра уже прошло, говорили они, послѣ чего долженъ послѣдовать по свидѣтельству св. отцевъ его конецъ, а отчего же его и до сихъ поръ нѣтъ? Отчего нѣтъ втораго пришествія Христова, когда ему по всѣмъ даннымъ должно было уже быть?³ Эти и подобные имъ вопросы чрезвычайно смущали православныхъ и ставили ихъ въ безвыходное положеніе. Со стороны православныхъ нуженъ былъ скорый и сильный отпоръ, но его не могло быть; потому что сами православные находились въ со-

¹ Прав. Соб. 1861, ч. II. Май, 95. Посланіе Филовея къ Мунехину. Прав. Соборск. 1863 г., ч. I. Мартъ, 337—343. Посланіе Филовея къ Василию Ивановичу.

² Правосл. Собес. 1861 ч. II. Май, 80—91. Посланіе Филовея старца Елизарова монастыря къ дяку М. Мунехину. Сочиненія Максима Грека I, XXII. 457. 460. 474.

³ Просвѣтитель, 428—450. 379. 400.

стояніи неопредѣленности, колебанія и неустойчивости среди разнородныхъ мнѣній по интересующему вопросу, и это тѣмъ естественнѣе, что они сами недавно раздѣляли мнѣніе о близкой кончинѣ міра, которой на самомъ дѣлѣ не послѣдовало. Многіе изъ православныхъ становились въ затрудненіе предъ возраженіями жидовствующихъ. Такимъ образомъ масса русскаго общества колебалась во мнѣніяхъ и, поджигаемая жидовствующими, волновалась. Явились споры, которые концентрировались около одного исходнаго пункта—именно всѣ хотѣли отыскать причины, изъяснить себѣ пути промысла Божія, допускающаго какъ будто отступленіе отъ Своихъ, предначертанныхъ Имъ, законовъ. Объ этихъ-то спорахъ ясно намекаетъ и митрополитъ Даниилъ, когда онъ, въ обличеніе излишней пытливости своихъ современниковъ, говоритъ и учитъ «благодарити Его (Промыслъ Божій) подобаетъ, а не судити и укоряти и безчестити благодать Его». Въ чемъ состояли эти укоры, отчасти объ этомъ можно судить по слѣдующимъ наставленіямъ митрополита Даниила, обращеннымъ имъ къ своей паствѣ: «не подобаетъ убо на Бога дерзати, аки не управляюща на земли». Споры о цѣляхъ и дѣйствіяхъ Божественнаго Промысла на землѣ среди русскаго общества того времени не были явленіемъ сколько-нибудь исключительнымъ, а напротивъ представляли изъ себя живой общественный интересъ и служили вопросами воли открытыми. «Что глаголеши досажая Христу Богу, спрашиваетъ митрополитъ Даниилъ, осуждая тѣмъ излишніе споры своихъ современниковъ? Еже бо испытывати и оглаговлати Божественный Его Промыслъ, безчестити Его (Бога) есть, якоже не испытovati неизреченныя судьбы Его, славити Его есть; ты же много *велеуричественяши и опытуеши не свое, яже тебѣ не дана суть*, и кто ты еси супротивъ отвѣщавай Богови (Римл. I\, 20) и оглаговляя судьбы Его? Что убо привлекаеши вещь, отъ неяже пострадати имаша? Не играй таковыми, человѣче! ¹

Другою историческою причиною, выдвинувшею вопросъ о Промыслѣ Божіемъ, было распространеніе въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI вв. среди русскихъ ученіе объ астрологiи и вѣра въ состоятельность ея предсказаній. Распространеніе въ это время астрологическихъ знаній или, какъ тогда называли, «звѣздо-

¹ Рукоп. Москвит. Дух. Акад. № 197. л. 353—354.

четства» обусловливается вліяніемъ запада. Появленіе у насъ на Руси звѣдочетства относится къ довольно раннему времени. Еще митрополитъ Кипріанъ († 1406 г.) въ своемъ индексѣ истинныхъ и ложныхъ книгъ упоминаетъ и о «звѣдочетствѣ». ¹ А въ концѣ XV и особенно въ первой половинѣ XVI вѣка вѣра въ силу астрологическихъ предсказаній была очень распространенною на Руси. Такъ, между причинами быстрого распространенія ереси жидовствующихъ нѣкоторые современники указывали между прочимъ и на то, что глава ереси, жидъ Схарія, «былъ изученъ звѣдозаконію и жилъ съ астрологами» въ Кіевѣ. Силу и вліяніе, какими пользовались послѣдователи ереси жидовствующихъ, современники объясняли тѣмъ, что они «звѣдозаконію прилежаху..... и астрологи и чародѣйству». ²

Главнымъ пропагандистомъ астрологическихъ знаній на Руси во время святительства Даниила былъ извѣстный придворный врачъ Василія Іоанновича Николай Люевъ или, какъ его называютъ Максимъ Грекъ, Николай Нѣчинъ. Онъ вмѣстѣ съ латинскою пропагандою распространялъ между русскими и астрологическія знанія, и въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ не безъ успѣха. Онъ приобрѣлъ себѣ нѣсколько учениковъ, изъ которыхъ извѣстны: Феодоръ Карповъ и еще какой-то неизвѣстный по имени игуменъ. Распространенію астрологическихъ знаній на Руси много содѣйствовали также приходившіе сюда съ запада и расходившіеся въ значительномъ количествѣ разные альманахи, наполненные разнообразными предсказаніями, основанными на астрологическихъ соображеніяхъ. ³

Ученіе послѣдователей астрологіи имѣло весьма важное значеніе въ области нравственно-практической жизни современнаго русскаго общества. Вся міровая жизнь и жизнь человѣка обусловливались у астрологовъ исключительно положеніемъ звѣздныхъ планетъ, ихъ свойствами и особенностями ихъ движенія. Планеты обладали каждая своимъ специфическимъ свойствомъ, и одинъ изъ нихъ были благотворными, другія — злотворными. ⁴ А отсюда ихъ всегда необходимое вліяніе на судьбу человѣка было неодинаково. Всѣ явле-

¹ Востоковъ. Описаніе Румянц. Музея. 716—717.

² Просвѣтитель, 43. 53.

³ Сочиненія Максима Грека, ч. I. 347—377; 416—455, 457—494.

⁴ Сочиненія Максима Грека. I. 388. 460.

нія земной атмосферы, равно какъ всякія обстоятельства человеческой жизни, находились, по мнѣнію астрологовъ, въ безусловной зависимости «отъ снтія планить и зодіевъ, отъ звѣзднаго обхожденія». ¹ Счастливая или несчастная судьба человека объяснялась дѣйствіемъ звѣздъ, и тотъ или другой характеръ его дѣятельности объяснялся вліяніемъ того-же самаго источника. Вліяніе звѣздъ и планетъ простиралось и на волю человека, побуждая ее или на добро или на зло; ² счастливый, или, наоборотъ несчастный исходъ каждаго его поступка, его предпріятія ставился въ зависимость отъ выбора счастливаго или несчастнаго дня и даже часа, назначеннаго для дѣйствія. ³ Такимъ образомъ астрологія сдѣлалась полнѣйшей распорядительницей всѣхъ отравленій человеческой жизни. Ею опредѣлялся каждый поступокъ человека, ею предназначалась программа его дѣйствій въ тотъ или другой день и даже часъ. Однимъ словомъ, предсказаніями, основанными на данныхъ астрологіи, опутанъ былъ всякій малѣйшій шагъ человека. «Ниже слѣдъ ногъ двизати смѣти, аще не прежде въ князѣ альманаховъ приникше, увѣдѣти планитовъ снтіе»,—вотъ до чего въ то время доходило въ отдѣльных случаяхъ поклоненіе астрологіи. ⁴ Если послѣ всего этого присоединить еще ту массу сборниковъ съ разными предсказаніями и предназначеніями, примѣтами и гаданіями, носившими у насъ самыя причудливыя названія: «волновниковъ», «сонниковъ», «зелениниковъ», «громовниковъ», «звѣздо-четцевъ» и т. п., ⁵ которые въ большомъ количествѣ распространялись тогда на Руси, тогда для насъ вполне ясно обрисовывается жизнь извѣстной части русскаго общества того времени, какъ жизнь, связанная во всѣхъ своихъ отравленіяхъ предписаніями астрологіи и разными примѣтами.

Поставленная на такихъ началахъ жизнь извѣстной части русскаго тогдашняго общества, строго говоря, исключала собою возможность видѣть въ извѣстныхъ событіяхъ и фактахъ человеческой жизни проявленіе разумной, правящей силы — Бога, подчинялся вмѣ-

¹ Тамъ-же, ч. I, 473. 474. 401.

² Тамъ-же, ч. I, 365.

³ Тамъ-же, ч. I, 360—361, 386; ч. II, 62, 86, 76 приложение № XXV, 111.

⁴ Сочиненія Максима Грека, ч. I, XVIII, 420—421.

⁵ Тихонравовъ. Памятники отреченной русской литературы т. II. М. 1863. 360—428. Лѣтописи русской литературы и древности. Изд. Тихонравовымъ. т. V. отд. III. Сочиненія Максима Грека, ч. I, 155. Подр. см. въ дополненіяхъ.

сто того слѣпому дѣйствию фортуны. Но исключеніе дѣйствій Промысла Божія въ мірѣ, какъ прямое логическое слѣдствіе изъ послѣднихъ выводовъ астрологій, вовсе не входило въ планы увлекшихся ею лицъ. Эти послѣдніе никакъ не могли и думать о томъ, что, руководствуясь въ своей жизни и располагая ее по предначертаніямъ астрологій, они тѣмъ самымъ уклонились отъ правильныхъ понятій о Промыслѣ Божіемъ и до нѣкоторой степени исключали его дѣйствія въ своей жизни. И здѣсь-то такимъ образомъ русскіе умы вступали въ наглядное противорѣчіе. Предъ ними было два взаимно уничтожающихъ другъ друга положенія: принципъ слѣпой случайности, положенный астрологами въ основу міровой жизни и ея явленій и существъ, и разумное начало—Высочайшее Существо, управляющее міромъ. Примиренія взаимнаго сосуществованія между тѣмъ и другимъ началомъ міровой жизни не могло быть. А между тѣмъ попытки къ примиренію этихъ началъ существовали, и прежде другихъ ихъ обнаруживали сами пропагандисты астрологическихъ идей—*Феодоръ Карновъ* и какой-то незнакомый по имени игуменъ. У нихъ было господствующимъ такого рода мнѣніе, по которому они ставили Бога во главѣ управленія слѣпою, производящею одинаково добро и зло, случайностью или фортуною,¹ и на этомъ основаніи приписывали самому Богу дѣйствія, несогласныя съ понятіемъ о Немъ, какъ о Совершеннѣйшемъ Существоѣ, какъ, наприм., произведеніе одинаково добра и зла. Но вообще оказалось для всѣхъ весьма труднымъ примирить и согласить дѣйствія разумаго Промысла Божія съ дѣйствіями слѣпой фортуны, а этого-то собственно и добивались русскіе того времени. Вотъ эта-то трудность и была исходнымъ пунктомъ для преній и споровъ о Промыслѣ Божіемъ, объ его отношеніи къ міру и главное—къ человѣку, во всемъ и всегда связанному, по представленію многихъ раздѣлявшихъ вѣру въ силу астрологическихъ предсказаній, слѣпою судьбою. Сущность вопроса и споры главнымъ образомъ сосредоточивались и здѣсь на успѣхѣ дѣйствій Промысла Божія на землѣ, правильный и доступный для пониманія смыслъ которыхъ терялся для лицъ, увлеченныхъ вѣрою въ астрологию. Другая сторона вопроса—дѣйствія слѣпой фортуны по самому характеру ея, какъ силы только механической и чуждой разумности, законы которой не могутъ быть объяснены

¹ Сочиненія *Максима Грека*, ч. I, 447—450. 348.

изъ разумныхъ началъ, естественно погону самому ступшевывалась и игнорировалась. Такимъ образомъ вопросъ съуживался и выступалъ какъ-бы совершенно однимъ самостоятельнымъ вопросомъ о Божественномъ Промыслѣ. Но здѣсь онъ получилъ свой особенный характеръ, вполне сообразный съ тѣми историческими условіями, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ возникновеніемъ. Смыслъ существеннымъ признакомъ астрологіи и причиною, объясняющею ея быстрое распространеніе, служить ея практическій, жизненный характеръ. Ею увлекались потому, что, при помощи сообщаемыхъ ею знаній, рассчитывали устроить свою жизнь счастливо и на основаніи астрологическихъ предсказаній предполагали возможнымъ постоянно поддерживать ее въ этомъ состояніи, и въ то же время на основаніи тѣхъ же данныхъ астрологіи надѣялись уладить отъ себя могущія послѣдовать въ жизни непріятности и несчастія. Точно также и возбужденный распространившеюся вѣрою въ астрологію вопросъ объ отношеніи Божественнаго Промысла къ человѣку получилъ такой-же жизненный практическій характеръ и сведенъ былъ на нравственно-практическую почву. А сошедши въ нравственно-практическую область, вопросъ раздробился здѣсь на болѣе мелкіе вопросы и отсюда получилъ еще большую силу. Изъ одного общаго вопроса возникли болѣе частные, но и самые важные въ нравственно-практической дѣятельности человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ есть простая игрушка слѣпой случайности и по своей дѣятельности есть болѣе автоматъ, не свободный располагать самъ собою, то зачѣмъ къ нему обращено требованіе Божественнаго закона быть добродѣтельнымъ? Допустимъ, человѣкъ свободенъ располагать и нравственно усовершенствоваться: но что онъ можетъ сдѣлать всѣмъ этимъ предъ неумолимою судьбою?—Ничего ровно, когда извѣстно, что ни его добродѣтель, ни его пороки не предотвратятъ опредѣленія его рока. А если такъ, то каковъ-же характеръ и каково отношеніе дѣйствій Промысла Божія въ жизни человѣка? Неужели Богъ, совершеннѣйшая любовь, допускаетъ слѣпому року такъ играть человѣкомъ? А если допускаетъ, то почему и какъ согласить все это съ понятіемъ о Немъ, какъ о высочайшей любви и благости? На этой-же самой почвѣ возникло множество и другихъ частныхъ вопросовъ, которые развивались въ сѣрѣ общественныхъ отираженій. Были такіе, которые, смущаемые извращенными понятіями о Промыслѣ Божіемъ, затруднялись понять и уяснить себѣ то, почему нѣкоторые изъ людей, несмотря на свою безнравственную жизнь, наслаждаются

благоденствіемъ на землѣ, пользуются высокимъ положеніемъ въ обществѣ и умираютъ въ видимомъ счастьи, тогда какъ другіе болѣе достойные въ нравственномъ отношеніи лица,—тѣ наоборотъ всю жизнь страдаютъ и выносятъ множество униженій. Многие задавались и старались уяснить себѣ съ точки зрѣнія ученія о Божественномъ Промыслѣ и такіе вопросы, какъ наприм. вопросъ о скоростривной смерти, о значеніи предсмертныхъ страданій и др. На подобныхъ вопросахъ сосредоточивались интересы интеллигентной части русскаго общества первой половины XVI вѣка. Указанія на разсужденія и споры о разнообразныхъ отпаденіяхъ въ жизни человѣка дѣйствій Промысла Божія находятся и у митрополита Данила. Доказывая предосудительность изслѣдованій Божественныхъ дѣйствій въ мірѣ и въ человѣчествѣ и обличая самыя происходившія по этому поводу споры, Данилъ говоритъ: *«Ты же нынѣ множицею глаголеши и словопричиси пытая неизреченными Божіа судьбы: почто оуница пріять заступленіе? Почто оуница прощенъ бѣ, и отъ злыхъ свободися, сей-же ниже въ малыхъ помощь пріять, и кромѣ высокаго заступленія бѣ, и прощенія не получи, и отъ злыхъ не освободися? Что глаголеши досажая Христу Богу, спрашиваетъ по этому поводу митрополитъ? И кто ты еси супротивъ отвѣщавай Богови и оглаголуя судьбы Его»*. Излишнюю пытливость русскихъ въ отношеніи дѣйствій Промысла Божія обличаетъ и Максимъ Грекъ. «Не сіе вѣдѣніе азъ заословлю, говоритъ онъ, *но чрезъмѣру носящееся и, яже Богу единому знаема, излишне испытующее*». ¹ Увлеченіе астрологіей въ нравственно-практической дѣятельности человѣка доходило до непозволительныхъ крайностей: бывали примѣры, что подъ вліяніемъ увлеченія астрологическими знаніями и вѣры въ силу всѣхъ основанныхъ на нихъ предсказаній люди доходили до отрицанія Бога, пускались въ самую грубую безнравственную жизнь и въ оправданіе ея ссылались на дѣйствующее на нихъ съ необходимостью вліяніе звѣзднаго міра. ²

Самыми сильными и горячими противниками распространенія вѣры въ фаталистство въ XVI вѣкѣ были: Филофей, старецъ

¹ Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 197. л. 354.

² Сочин. Максима Грека. ч. I, 460.

³ Тамъ-же. ч. II, 79—81.

Псковскаго Елизарова монастыря, и особенно Максимъ Грекъ. Памятникомъ полемики этого рода со стороны Филофея осталось его посланіе къ Псковскому намѣстнику Михаилу Григорьевичу Мисюрю-мунехвну «на звѣздохотцы и на латыны». ¹ Максимъ Грекъ посвятилъ цѣлую серію словъ и посланій на опроверженіе мѣстныхъ поклонниковъ звѣздохотства. ² Выводы астрологовъ извращали христіанское ученіе о Промыслѣ Божіемъ, а потому-то противники ея обратились къ защитѣ и уясненію этого именно пункта христіанскаго вѣроученія. Такъ именно смотрѣли на характеръ и послѣдніе выводы астрологовъ Максимъ Грекъ и Филофей. У Максима встрѣчаются спеціальныя разсужденія и слова: «о томъ яко Промысломъ Божиимъ, а не звѣздами и колесомъ счастья вся человѣческая устрояются», или «слово о Божественномъ Промыслѣ и на звѣздохотцевъ». ³ Не иначе понималъ свою полемическую задачу и Филофей. «О царствахъ же и о странахъ примѣненіе, пишетъ старецъ къ Мунехину, не отъ звѣздъ сіе приходитъ, но отъ вседающаго Бога.... Подобаеть же уповати на вседающаго Бога.... звѣзды же не могутъ ни въ чемъ же ни придати, ни уымати». ⁴

Возбужденный вопросъ о Промыслѣ Божіемъ вызвалъ на объясненіе и митрополита Данила и заставилъ его изложить православное ученіе о Божественномъ Промыслѣ, проявленія котораго подвергались не совсѣмъ правильнымъ толкованіямъ и даже нареканіямъ со стороны нѣкоторыхъ изъ его современниковъ. Въ историческихъ условіяхъ, вызвавшихъ извѣстное умственное броженіе въ обществѣ, несмотря на тождество вопроса, возбужденнаго ими, выступаютъ двѣ отдѣльныя самостоятельныя мысли. Несостоявшимся ожиданіемъ кончины міра вызванъ былъ вопросъ о Промыслѣ Божіемъ въ его общемъ видѣ—въ его отношеніи къ міру. Вниманіе интеллигентной части тогдашняго русскаго общества сосредоточивалось на разъясненіи и, по возможности, разрѣшеніи само собою появившихся въ сознаніи вопросовъ о томъ, почему не исполнилось предопредѣленіе Божіе о кончинѣ міра,

¹ Рукоп. Имп. Пуб. биб. изъ древле-хранилища Погодина, № 1294. т. 42—46. Оно издано въ Прав. Собес. 1861 г. част. II.

² Сочин. Максима Грека, ч. I, слова XVI—XXII; ч. II, слова II, VII; ч. III, слово XXVII.

³ Сочин. Максима Грека, ч. I, 377—399; ч. II, 52—89.

⁴ Прав. Собесѣд. 1861 г. ч. II, 89—96.

возвѣщенное цѣлые вѣка тому назадъ и возвѣщенное устани св. мужей, говорившихъ по Божественному вдохновенію? Неужели отъ времени измѣнились законы, по которымъ Богъ дѣйствуетъ въ мірѣ? Однимъ словомъ, на этой почвѣ возникали вопросы болѣе общаго, отвѣченнаго характера.

Знакомство-же русскихъ съ астрологическими знаніями, имѣвшими вполнѣ практическій характеръ, также подняло собою не мало вопросовъ, но всѣ они замечательны были однимъ характеромъ: вся сумма вопросовъ и недоразумѣній этой послѣдней фракціи сосредоточивалась и вращалась въ сферѣ нравственно практическихъ интересовъ общества. Сообразно характеру и особенностямъ этихъ двухъ историческихъ факторовъ, создавшихъ собою общій вопросъ о Промыслѣ Божіемъ, можетъ быть расположено одиннадцатое слово Даниила о Божіихъ судьбахъ. Одиннадцатое слово имѣетъ слѣдующее полное оглавленіе: «О Божіихъ судьбахъ, и о младенцахъ умирающихъ; и яко бѣдно есть не исповѣдати помыслы своя отцемъ духовнымъ». Въ самомъ оглавленіи намѣчаются три главные совершенно самостоятельныя положенія слова, которыя, дѣйствительно, и развиваются въ первой его части, и подтвержденія для которыхъ собраны во второй очень обширной части слова. Большая половина первой части въ одиннадцатомъ словѣ посвящена разсужденіямъ о Промыслѣ Божіемъ, и потѣму она разсматривана будетъ въ связи и параллельно со второю частью. Разсмотрѣніе другихъ предметовъ, развивающихся въ первой части соотвѣственно характеру ихъ содержанія, относится къ другимъ мѣстамъ изслѣдованія.

Въ разсужденіи одиннадцатаго слова, касающемся Промысла Божія, заключаются два положенія. Одно изъ нихъ, первое, положеніе излагаетъ общее ученіе о Промыслѣ Божіемъ. Митрополитъ Даниилъ на всѣ пытливыя изслѣдованія своихъ современниковъ такъ формулируетъ общее ученіе о Промыслѣ. «Неподобаетъ намъ, говоритъ онъ, непостижимое, и недомыслимое, и неизслѣдованное Божіе естество и существо испытovati, такоже и о Божественныхъ Его судьбахъ». Доказательство своей мысли митрополитъ Даниилъ основательно видитъ въ словахъ св. апост. Павла (Римл. II. 33), который дѣйствительно называетъ судьбы Божія неиспытанными и неизслѣдованными. Точно такая же мысль проводится и въ другихъ свидѣтельствахъ Даниила, заимствованныхъ имъ одно «отъ

отческихъ», ¹ и другое отъ старческаго». ² Наставляя на «мысли о непостижимости путей Божественнаго Промысла, а отсюда и о бесполезности самыхъ попытокъ къ открытію, посредствомъ различныхъ умственныхъ комбинацій, законовъ этихъ путей, митрополитъ вовсе этимъ не хочетъ сказать того, чтобы на этомъ основаніи никто уже не дерзалъ разсуждать ни о чемъ, соприкасающемся съ вопросомъ о Промыслѣ. Онъ только ограничиваетъ пылливый умъ человѣка, указывая ему границы: «яже Онъ (Богъ) не повелѣ, говорить Даниилъ, не подобаетъ пытати». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда дѣйствія Божіи для человѣка бываютъ непонятными и неясными для его ограниченаго ума, Даниилъ совѣтуетъ успокоивать себя выраженіемъ чувствъ благоговѣнія и благодарности къ Богу: «егда бо видишь что сотворяемо Божественнымъ Его Промысломъ недомыслимо намъ, о семъ дивитися и славити и благодарити, Его подобаетъ».

Два основанія находятъ Даниилъ, по которымъ онъ не допускаетъ чрезмѣрныхъ изслѣдованій о дѣйствіяхъ Промысла Божія въ мірѣ со стороны человѣка. Первое изъ нихъ покоится на понятіи о Высочайшемъ Существоѣ, какъ совершеннѣйшей правдѣ. Какъ премудрый и всеправедный, Богъ въ своихъ дѣйствіяхъ никогда не допускаетъ уклоненій отъ этого закона своей вѣчной правды. А отсюда естественное слѣдствіе то, что и во всѣхъ даже междичайшихъ обстоятельствахъ жизни человѣческой, какъ-бы, по-

¹ Рукоп. № 197, л. 364. Ссылка Даниила на свидѣтельства «отъ отческихъ» указываетъ на «отечиникъ», или сборникъ словъ и благочестивыхъ изреченій различныхъ отцовъ и подвижниковъ. Въ современномъ изданіи рускомъ отечиникъ называється: «Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцовъ» М. 1843 г. издан. Моск. Дух. Акад. Препечатанное здѣсь Данииломъ мѣсто находится и въ современномъ изданіи «отечиника», Достопамят. сказ. 3.

² Рукоп. № 197, л. 337. Старчество подъ названіемъ, «Verba Seniorum» напечатано у Мши. Patr. Curs. complet. ser. lat. tom. LXXIII., pag. 835—1066. Старчество подъ названіемъ «Древняго Патерика» переведено на русскій языкъ при «Душеполезномъ Чтеніи» и издано редакціею его особою книгою. Древній Патерикъ. Москва. 1874 г. Объ общемъ характерѣ подвижническихъ сочиненій, каковы — старчество, патерики и т. п. можно познаться изъ сочиненія П. Казанскаго: Исторія православнаго монашества на востокѣ. А для болѣе подробнаго знакомства съ сказаніями изъ старчества и изъ патериковъ можетъ служить прекраснымъ пособіемъ изслѣдованіе Петрова «О происхожденіи и составѣ Славяно-русскаго печатнаго пролога. См. также Описан. рукоп. Синод. библ. отд. II, 2, 267—283.

видимому, онѣ ни были неуяснимы съ точки зрѣнія нашей идеи о правдѣ, мы должны видѣть проявленіе высшей правящей силы и правды. Человѣку за всѣ Божественныя дѣйствія спасительнаго Промысла, по словамъ митрополита, «славить подобаетъ, а не судити и безчестити благодѣль Его». «Что убо речеши, спрашиваетъ Даниилъ далѣе словами св. апост. Павла, еда неправда отъ Бога? Да не будетъ, рече великій апостолъ Павелъ (Римл. III, 5)». На основаніи законовъ своей Божественной правды Богъ, какъ говоритъ Даниилъ, «творитъ велико хочетъ: ового низводитъ и во много привлека смиреніе, ового-же паче надежи возставляя и Онъ..... его же хочетъ милуетъ, его же хочетъ ожестѣетъ».

Другая сторона несостоятельности излишнихъ человѣческихъ попытокъ къ опредѣленію и уясненію законовъ Божественнаго міроуправленія основывается у Даниила на понятіи о человѣкѣ, какъ существѣ ограниченномъ. Ограниченность и ничтожество человѣка предъ Богомъ уясняются заимствованнымъ изъ Свящ. Писанія сравненіемъ зданія съ его строителемъ и глинянаго сосуда съ его мастеромъ (Римл. IX, 20, 21).¹

Говоря объ ограниченности человѣка предъ Богомъ, Даниилъ вовсе не хочетъ унижить его до полного ничтожества и привести его къ понятію о Богѣ и Его отношеніяхъ къ міру и человѣку, близкихъ къ фатализму. Опредѣленіе отношеній человѣка, существа ограниченного, къ Богу, Существу неограниченному, и ихъ несоизмѣримости получаетъ свое разъясненіе въ ученіи Даниила о самовластіи человѣка или, на нашемъ языкѣ, — свободѣ человѣка. Разсужденіе Даниила о свободѣ человѣка имѣетъ въ виду лицъ, которыя, увлекшись астрологіей, извратили понятіе о нравственной природѣ человѣка, и смотрѣли на послѣдняго скорѣе какъ на автомата, которымъ по своему капризу управляетъ слѣпая воля судьбы. «Человѣка почти Богъ премудростию, и разумомъ, и самовластна сотвори его (человѣка)» — вотъ общій основной взглядъ Даниила на нравственную природу человѣка. Данная отъ Бога человѣку свобода всегда остается за нимъ и остается неприкосновенною. Богъ не является въ отношеніи къ людямъ ни хотающимъ (чего-либо злаго), ни текущимъ (т. е. ни влекущимъ къ чему-либо),

¹ Рукоп. № 197 л. 353—354. Это самое сообщеніе есть и въ Провѣтствѣхъ. Сл. IX, 425.

но за то Онъ всегда является къ нимъ «милующимъ» и, какъ такой, по своей природѣ, Онъ никогда ни пудитъ же, ни губитъ самовластное (т. е. свободу) наше».

Разсужденіе Данила о свободѣ человека служить исходнымъ пунктомъ для втораго отдѣла разсужденія «О Божіихъ судьбахъ», въ которомъ разсматриваются разные обстоятельства человѣческой жизни, которыя составляли предметъ разныхъ недоумѣній и возраженій для многихъ изъ его современниковъ, для коихъ эти обстоятельства казались трудно согласимыми съ составившимися у нихъ понятіями о законахъ Божественнаго міроуправленія. Въ основѣ втораго положенія разсужденія о Божіихъ судьбахъ находится понятіе о человѣкѣ, какъ существѣ разумно-свободномъ, которое само есть источникъ и причина своего счастья или несчастія: «предъ очима когочло (человѣка) положилъ Богъ смерть и животъ; да аще самовластіемъ восхоцетъ въ путь жизни поити, живъ будетъ во вѣки; аще злымъ произволеніемъ восхоцетъ поити, путемъ страстнымъ, вѣчно мученъ будетъ». Такимъ образомъ счастье человека въ немъ самомъ, но это только такое счастье, которое иначе называется спасеніемъ или вѣчнымъ блаженствомъ; оно возможно для человѣка только въ отдаленномъ будущемъ—въ загробной жизни. Совершенно другое значеніе соединяется съ понятіемъ счастья въ его обыкновенномъ ограниченномъ смыслѣ. Это счастье земное, или вѣншнее благоденствіе человека въ его земной жизни, какъ награда за его высоконравственную жизнь. Что касается до перваго рода счастья, или иначе спасенія, то человѣкъ есть самъ всецѣлю творецъ его и виновникъ. Но таково-ли бываетъ отношеніе его ко втораго рода счастью—земному благополучію? Можетъ-ли самъ человѣкъ быть его единственнымъ факторомъ, конечно если только онъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, необходимымъ для полученія его, т. е. всегда стоитъ на достойной высотѣ своей духовно-нравственной жизни? Разсматривая дѣло чисто теоретически, должно признать вполне основательнымъ строгое соотвѣтствіе между нравственною высотой человека и его вѣншнимъ положеніемъ, т. е. земнымъ счастьемъ или благоденствіемъ. Но въ дѣйствительности, въ жизни бываютъ весьма часто факты обратнаго отношенія между вѣншнимъ, весьма блестящимъ положеніемъ человека и его внутреннимъ нравственнымъ безобразіемъ. Какъ объяснить подобныя явленія? Гдѣ ихъ истинный смыслъ? И объясняемъ-ли они съ точки зрѣнія понятія о Промыслѣ Божіемъ? Вотъ вопросы,

которые выступали сами собою и которые, какъ уже извѣстно, чрезвычайно интересовали русскихъ первой половины XVI вѣка.

Митрополитомъ Даниломъ во второмъ отдѣлѣ одиннадцатаго слова о Промыслѣ Божіемъ излагается общій взглядъ на земныя блага и земныя несчастія и затѣмъ, подѣ освѣщеніемъ его, разбирается нѣсколько частныхъ вопросовъ, затрагивающихъ собою ученіе о Божественномъ Промыслѣ, гдѣ онъ, пользуясь готовымъ матеріаломъ—разными святоотеческими сочиненіями, разъясняетъ ихъ истинный смыслъ и указываетъ цѣль, съ какою Богъ попускаетъ иногда подобнаго рода явленія.

Сущность втораго положенія разсужденія о Божіихъ судьбахъ сосредоточивается на установленіи правильнаго взгляда на временныя (земныя) блага и несчастія, въ одинаковой мѣрѣ господствующія и тяготящія надъ людьми. Но взгляду Даниила временное земное несчастіе не есть зло: оно въ премудрыхъ планахъ Божіихъ является въ одинаковой степени полезнымъ для всякаго человѣка, и для праведника и для грѣшника. «Сице убо Божественный промыслъ на человѣцехъ есть, говоритъ Даниилъ, аще постраждетъ кто злое нѣкое и того ради или согрѣшеніемъ разрѣшеніе приметъ (грѣшникъ), или свѣтлѣйшихъ вѣнцевъ сподобится» (праведникъ).

Точно такое-же значеніе имѣютъ для человѣка и временныя земныя блага. То онѣ служатъ наградою за нравственное преуспѣваніе человѣка добродѣтельнаго, то являются въ рукахъ Божіихъ какъ средства чрезъ изливаемые Имъ милости подѣйствовать на порочнаго человѣка въ пользу его обращенія къ исправленію и, въ случаѣ непринятія имъ такого Божественнаго вразумленія, вызываютъ на него строгую кару небснаго правосудія. Для большей убѣдительности, митрополитъ обращается къ нагляднымъ и извѣстнымъ примѣрамъ, заимствованнымъ изъ ветхозавѣтной и евангельской исторіи. «Зри убо, говорятъ онъ, коликаго долготерпѣнія насладили гордый и непокорливый Фараонъ, и къ концу всенагубно пострада; колико-же Навходоносоръ съгрѣшивъ къ концу-же все истязанъ бысть и богатый адѣ веселился и наслаждался и ничтоже въ настоящемъ житіи пострада люто, отъѣде тамо отъ всѣхъ тѣхъ пострадати казнѣ».

Высказанный общій взглядъ на временныя блага Даниилъ подтверждаетъ уясненіемъ съ точки зрѣнія его частныхъ отдѣль-

ныхъ случаевъ и примѣровъ несоотвѣтствія на землѣ между добромъ и зломъ, какіе встрѣчались ему въ памятникахъ церковной письменности. Здѣсь, на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ сообразно его важности вопросъ о томъ, почему нѣкоторые изъ христіанъ, несмотря на свою безнравственную жизнь, наслаждаются благоденствіемъ на землѣ? Отвѣтъ, заимствованный Данииломъ, равно какъ и самый вопросъ изъ сочиненія св. Анастасія Синайскаго, и разъясненіе этого явленія, даются такого рода: «нѣщїи убо нѣкія недостатки видятся имуще, нами убо мнятся грѣшнии быти, отъ Бога же праведни суть; нѣщїи же отъ молитвъ родительныхъ, якоже Соломонъ Давида ради, человеколюбю сподобляется; други пакы нынѣ убо лукави суще, покаются прилежне хотяще, уже отнынѣ яко праведни помышляеми суть якоже Павелъ (апостолъ); инїи же покаанїя ради и обращенїя благость Божїю воспрїемлютъ». ¹ Точно такія-же мысли находятся и у Златоуста. ² Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько другихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ предыдущимъ, и касающихся частныхъ случаевъ несоотвѣтствія на землѣ между добродѣтелью и порокомъ. Во всѣхъ нихъ берется одинъ и самый скорбный фактъ земной жизни человека—его смерть; различіе-же между ними заключается въ томъ, что они смерть человека рассматриваютъ съ различныхъ сторонъ, и касаются въ ней разныхъ побочныхъ обстоятельствъ, которыми она сопровождается для того и другаго человека. Одинъ вопросъ сосредоточивается на томъ, перѣдко случающемся обстоятельстве, почему люди благочестивые иногда умираютъ въ полномъ

¹ Рукоп. Моск. Д. Акад. № 197. т. 360—361. Какъ вопросъ, такъ и отвѣтъ заимствованы изъ твореній св. Анастасія Синаита, патріарха Антиохійскаго. Подлинникъ см. Migne, Pat. curs. complèt. ser. græc. tom. LXXXIX. J. Anastasii Sinaitæ Quaestio X, p. 431—434. Переводъ въ процитованномъ Данииломъ мѣстѣ соответствуетъ подлиннику, исключая двухъ незначительныхъ пропусковъ, находящихся въ цитатѣ Даниила. Вопросы Анастасія Синайскаго сдѣланы извѣстными на Руси въ глубокой древности. Они находятся въ Изборникѣ вел. князя Святослава отъ 1073 года. Онѣ сѣм. рукописей Моск. Сиб. библиот. отд. II, шл. 2. 363—409. Но м. Даниилъ пользовался здѣсь вопросами и отвѣтами Анастасія Синайскаго чрезъ сочиненія Никона Черногорца. Книга преп. Никона, игумена Черныя горы, издавіе Почаевской Лавры 1795 года, положеніи II, слово 41, т. 310. Почаевскимъ изданіемъ сочиненій Никона Черногорца я пользовался и во всѣхъ другихъ мѣстахъ своего изслѣдованія.

² Рукоп. № 197. 361—363. Эта цитата взята изъ 41 слова Никона Черногорца. Половина II, т. 310—311.

цвѣтъ лѣтъ, тогда какъ порочные наслаждаются долголѣтіемъ? Вопросъ рѣшается на основаніи словъ св. Аѳанасія Великаго въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно благочестивыхъ иногда постигаетъ ранняя смерть съ тою цѣлію «да не, якоже рече Соломонъ, злоба измѣнить разума ихъ, или лѣсть прельстить души ихъ (Прем. IV, 11)», а грѣшникамъ многолѣтнею жизнію Богъ «даруетъ многожды вину тѣмъ подавая къ покаянію, яко да въ глубокой старости обратятся». ¹ Сущность другого вопроса состоитъ въ слѣдующемъ: случается, что праведники, прежде тѣмъ умереть, выносятъ во время предсмертной болѣзни самыя ужасныя страданія, тогда какъ нѣкоторые отъявленные грѣшники умираютъ самою тихою и спокойною смертію. Вопросъ взятъ изъ сочиненія св. Аѳанасія Александрійскаго, который рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что «множицею и мужіе благочестивіи мучатся прежде смерти или на смерти, яко да и мы зряще убоимся и цѣлоумдримся: нѣче же и святіи, иже малъ нѣкакъ недостатокъ имуще, таковымъ мученіемъ, иже на смерти, совершеннѣ очищаются и непорочни отходятъ; грѣшници же мирѣ и скорѣ издышутъ, яко да тамо отшедше нестерпимо всяко примутъ муку». ² Далѣе митрополитъ какъ-бы предупреждаетъ возраженіе, могущее послѣдовать на основаніи словъ псаломъца «смерть грѣшниковъ люта

¹ Рукоп. № 197 л. 371—372. Цитата взята Даниломъ изъ сочиненія св. Аѳанасія подъ заглавіемъ: «Πρὸς Ἀντιόχον ἀρχόντα περὶ πλείστων καὶ ἀναρχαίων ἡγτημάτων, τὼν ἐν ταῖς θείαις Γραφαῖς ἀπορουμένων καὶ παρὰ πᾶσι χριστιανοῖς τηνὴς σκετοῦ ἀφελομένων. Сочиненіе номинировано у Мины въ разрядѣ inferior scripta. Подъ такимъ-же названіемъ это сочиненіе Аѳанасія было извѣстно и въ XVI вѣкѣ (Рукоп. Кирилло-Бѣлозерск. монастыря № 27/1111 ч. 293—340. Рукоп. Археол. Музея Кіев. дух. Акад. № 151 л. 363—383. Петровъ. Описаніе Археол. Музея Кіев. дух. Акад. 82; Рукоп. Импер. Пуб. биб. F I. № 278. л. 163—212. Рукоп. Сов. библиот. № 1458. л. 337—414 и др.). Рукоп. Древнехранилища Погодина № 1294. л. 1—41. Въ первый разъ оно напечатано было на славянскомъ языкѣ въ Скрижали 1656 года и на русскомъ въ послѣднее время въ Христ. Чтеніи 1840 г. кн. III (не въ полномъ видѣ). Приведенное здѣсь Даниломъ свидѣтельство св. Аѳанасія вполне подлинное. Migne, Patr. curs. complet, ser. graec. tom. XXVIII. Quaestio I. XIX. pag. 635—638.

² Рукоп. № 197. л. 357. Цитата дѣйствительно принадлежитъ св. Аѳанасію. Сравнительно съ подлинникомъ въ переводѣ, въ какомъ находится цитата у Данила, есть отступленія. Кромѣ того въ цитатѣ Данила есть прибавка сравнительно съ подлинникомъ: послѣдняя мысль о грѣшникахъ, спокойно умирающихъ и прямо послѣ того идущихъ въ вѣчную муку, вовсе не находится въ подлинникѣ. См. Migne, Patrolog. curs. complet, ser. graec. tom. XXVIII. pag. 661—664.

(Пс. 33, 27 ст.)» толкованіемъ этого стиха св. Аѳанасія, по мнѣнію коего, въ указанныхъ словахъ Давидъ разумѣетъ смерть духовную, а не тѣлесную! Последний вопросъ, рассматриваемый Данииломъ съ точки зрѣнія ученія о Промыслѣ, касается скоропостижной смерти нѣкоторыхъ людей. Сущность вопроса сосредоточивается на томъ, какою силою Божественною или какою либо другою совершается это, и какая цѣль преслѣдуется Богомъ, когда Онъ попускаетъ надъ нѣкоторыми людьми совершаться страшной скоропостижной смерти? Данииломъ здѣсь представлены два вопроса, тождественные между собою по своему логическому содержанію: одинъ св. Аѳанасія Александрійскаго, другой — Анастасія Синайскаго. Аѳанасій рѣшаетъ вопросъ такимъ образомъ. Прежде чѣмъ высказать свой опредѣленный взглядъ на предметъ, онъ говоритъ, что «не вси, елици нечестиви или неправедни суть, горькою смертію умирающе, скончаваются». Эту его мысль разъясняетъ, рассматривая ее съ другой противоположной стороны, св. Анастасій Синайскій, говоря, что «не вси нужною смертію умирающіи грѣхъ ради то страждутъ». Такимъ образомъ скоропостижная смерть можетъ унести жизнь и благочестиваго, и порочнаго, только это бываетъ съ разными цѣлями въ томъ и другомъ случаѣ, предпринимаемыми Богомъ съ благимъ намѣреніемъ. «Благоговѣнни, по словамъ св. Аѳанасія, горькою смертію умирающе, малъ нѣкій недостатокъ имѣша и того избавишася таковою злою смертію¹, яко да большихъ воистинну честей сподобятся, прочее же яко да имамы зряще уцѣломудримся», а «грѣшныи таковою смертію умирающе, всяко отъ сего отчасти милость улучать, купно-же пакы изрященъ пользу нѣкую пріимуть видяще напрасно кого восхыщаема». ² Совершенно тождествененъ съ Аѳанасіемъ взглядъ на рассматриваемый предметъ и Анастасія Синайскаго, тождественный иногда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до буквального сходства. ³ Какъ

¹ Рукоп. № 197, л. 373. Толкованіе, дѣйствительно, принадлежитъ Аѳанасію и вполнѣ соответствуетъ современному переводу его твореній. См. Творенія св. отцевъ т. XXII, Аѳанасія Великаго, ч. IV, 137. Подлинн. см. Migne, Patrolog. curs. Complet. ser. graec. tom. XXVII, J. Athanasii, t. III, pag. 169—170.

² Рукоп. № 197, л. 363—364. Цитатъ подлинный см. Migne, Patrolog. curs. complet. ser. graec. t. XXVIII, Quaestio LXXI, pag. 637—640.

³ Рукоп. № 197, л. 357—361. Подлинное свидѣтельство. Migne, Patrolog. curs. complet. ser. graec. tom. LXXXIX, J. Anastasii Sinaitae, Quaestio XVIII,

на нѣсколько выдающуюся мысль Анастасія можно только указать на слѣдующія его слова: «многожды и отъ Божіа совѣта ищѣи горкою смертію умирають къ спасенію ихъ» — мысль ясная у Анастасія и довольно темная у Аванасія Александрійскаго.

Замѣчательно нравственное наставленіе, хотя находящееся въ наказаніи четырнадцатаго слова Даниловскаго сборника, но по своему содержанію относящееся къ слову о судьбахъ Божіихъ и прекрасно резюмирующее и обобщающее всѣ отдѣльныя мысли слова. Вотъ оно: «Возлюбленніи будемъ тиси, смиренно-мудри и не пытаемъ, ни ищемъ, ни мудрствуемъ, иже намъ не подобаетъ, яко еще кыя вещи на время и время бывають владыкою Христомъ, аще и съ противны намъ неразумѣющимъ видятъ, но не судимъ, ни рошѣмъ, любимици: но покаяемся и послѣдуемъ Божіимъ судьбамъ: овогда убо немощніи възмогають, силніи же побѣждени бывають, и безъродніи велию честь и славу приѣмлють, и отъ нищихъ на престолахъ славныхъ посаждаются, и овии отъ престоловъ не волею сводими и благородніи безчестіе приѣмлють, и овии въ младенчествѣ умирають, овии же мало поживше праведни и добродѣтелии смерть приѣмлють, друзіи же лукави и беззаконни многолѣтны пребываютъ и сія убо вся Божіи судьбы суть. Ового смиряетъ и спасаетъ, ового же наказуетъ и обращаетъ, и овому сокращаетъ урокъ живота, да не на зло обратится, овому же продолжаетъ да обратився спасется, овому же смерть страшна, овому же тихо разлученіе души отъ тѣла и прочая многа такова, и сихъ не можегъ человекъ вѣдѣти, но Богу Единому, вѣдущему вся»¹.

Историческая важность слова митрополита Данила о Божіихъ судьбахъ стоитъ выше всякихъ доказательствъ. Изъ него мы, между прочимъ, узнаемъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, какими сопровождался для русской мысли страшный предразсудокъ ожиданія кончины міра и какое онъ производилъ въ умахъ современниковъ Данила сильное броженіе—настолько сильное, что отъ пастырей церкви потребовалось не одно слово поученія и разъясненія.

Въ связи съ ученіемъ о дѣйствіяхъ Промысла Божія, пред-

¹99—540. Свидѣтельство взято изъ 41 слова Никона Чернигорца, подлинна II. 1. 311.

²Рукоп. № 197. л. 472—473. Слово 14. Подробности см. въ приложенияхъ къ изслѣдованію № IX.

ставленнымъ въ словѣ о Божіихъ судьбахъ, стоитъ разсужденіе Данила «о младенцехъ умирающихъ». Это одинъ изъ тѣхъ частныхъ вопросовъ его времени, который выходилъ изъ общаго умственного движенія, направляющагося къ уясненію законовъ Божественнаго міроуправленія и на этомъ пути волновавшагося и не находившаго себѣ желаемого удовлетворенія. Если, какъ было видно, въ массѣ поднималось множество частныхъ вопросовъ касательно тѣхъ или другихъ проявленій дѣйствій Божественнаго Промысла въ разныхъ обстоятельствахъ человѣческой жизни, если такого рода вопросы, какъ вопросы о причинахъ и условіяхъ занятія тѣмъ или другимъ лицомъ того или другого общественнаго положенія, по взгляду другихъ, незаслуженно получаемого имъ, затрогивали такіе широкіе и важные предметы, какъ предметъ о Промыслѣ, и затрогивали настолько, что заставляли видѣть въ этомъ едва не нарушеніе законовъ Божественнаго міроуправленія, откуда нѣкоторые не стѣснялись дѣлать невыгодныя и даже оскорбительныя для правды Божіей заключенія, то такой фактъ, какъ ранняя смерть младенцевъ, естественно, скоро долженъ былъ остановить на себѣ вниманіе многихъ изъ тѣхъ, которые затруднялись примириться съ фактами несоотвѣтствія между добродѣтелью и порокомъ на землѣ, и видѣли въ этомъ мнимыя отступленія отъ правды и готовы были относить такое отступленіе къ самой Божественной, правящей судьбами міра и человѣка, правдѣ. Несоотвѣтствіе, какое иногда и даже весьма часто видѣлъ и видѣть человѣкъ на землѣ между добродѣтелью и порокомъ, заключающееся въ страданіяхъ ревнителей первой и всевозможныхъ наслажденіяхъ почитателей втораго, еще можетъ быть уяснено. Можно допустить видѣть въ страдающей добродѣтели и наслаждающемся всѣми благами порока только внѣшнее присутствіе качествъ и свойствъ истинной добродѣтели и порока. Но такая мѣрка совершенно неприменима къ младенцамъ, чуждымъ всякихъ пороковъ, чистымъ, невиннымъ душамъ которыхъ предстояло долгое развитіе на землѣ и изъ которыхъ, быть можетъ, вышелъ-бы не одинъ подвижникъ вѣры и благочестія. А между тѣмъ дитя умираетъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, не исполнивъ ничего изъ тѣхъ многихъ надеждъ, какія на него возлагались. Здѣсь для многихъ современниковъ Данила было что-то загадочное, неуяснимое, понять которое стремились многіе. Естественное чувство привязанности къ дѣтямъ послужило для многихъ лицъ сильнымъ къ тому режимомъ, а возбужденное состояніе умовъ касательно въ вопроса о Божіемъ Промыслѣ было для нихъ существеннымъ по-

водомъ къ тому, чтобы настойчиво искать требуемаго разрѣшенія. И, конечно, его не находили, а только еще болѣе увлекались если не отрицательнымъ, то все-таки не совсѣмъ правильнымъ вѣсядомъ на дѣйствія Промысла Божія въ судьбахъ человѣка. Вотъ тотъ путь, которымъ современники Даниила пришли къ вопросу объ умирающихъ младенцахъ и заставили самого митрополита обратить на него серьезное вниманіе и дать, насколько только это было возможно для него, правильное разрѣшеніе. Никакъ нельзя видѣть въ происхожденіи разсужденія Даниила объ умирающихъ младенцахъ чего-либо случайнаго приложимаго ко всякому мѣсту и времени. Отчасти вѣрно, что оно, дѣйствительно, приложимо всегда. Но по крайней мѣрѣ оно не было такимъ для Даниила. Слово его объ умирающихъ младенцахъ имѣло свою извѣстную историческую причину, и вопросъ, рѣшаемый имъ, былъ вопросомъ своего времени. Связь вопроса о младенцахъ съ вопросомъ о Божіихъ судьбахъ видна изъ того уже, что авторъ тому и другому отводитъ мѣсто въ одномъ и томъ же своемъ словѣ и непосредственно одно за другимъ. Наконецъ всякую тѣнь сомнѣнія въ этомъ разсѣиваютъ слова заключенія разсужденія о Божіихъ судьбахъ, гдѣ при перечисленіи данныхъ, послужившихъ къ возбужденію вопроса о Промыслѣ Божіемъ и вызывавшихъ собою разныя недоразумѣнія у современниковъ Даниила, указываются и разсужденія ихъ по поводу смерти младенцевъ, по поводу того, что «овіи изъ нихъ въ младенствѣ умираютъ».

Прежде чѣмъ доказывать неумѣстность плача объ умирающихъ въ младенствѣ дѣтяхъ, митрополитъ строго осуждаетъ самый фактъ оплакиванія дѣтей. «И паки плачеша и слезиши о дѣтѣхъ, говоритъ Даниилъ, яко млада суще отъидоша въ оно житіе; пожди убо и дамъ ти отвѣтъ, яко нѣсть истиннаго любленія твоя слезы, но отъ неразумія и неразсужденія и страсти безсловесныя». Осужденіе отличается рѣзкостью и суровымъ чувствомъ строгаго аскета. Даниилъ здѣсь нисколько не затрудняется назвать достойнымъ неразумія естественное чувство привязанности родителей къ своимъ дѣтямъ, виѣшнимъ проявленіемъ котораго должны считаться слезы и плачь о нихъ, чувство вполне законное и похвальное, но которое однакоже, по его взгляду, есть ничто иное, «какъ страсть безсловесная».

Неумѣстность плача о дѣтяхъ, которыхъ постигаетъ ранняя смерть, Даниилъ связываетъ со взглядомъ на настоящій міръ, какъ міръ,

полный злобы и суеты, какъ на вѣчную арену бѣдъ и страстей. «Аще убо бы огшедшаго любилъ, говоритъ онъ по поводу плача о младенцахъ умирающихъ, радовать бы ся еси и веселился о немъ, яко настоящихъ свободися волнъ и глубиныи и суетными прелестнаго сего житія не уладишася, ниже лукавству и злобы научишася».

Другая сторона неумѣстности плача о младенцахъ основывается на взглядѣ на загробную жизнь младенцевъ, не представляющую такихъ ужасовъ, какія при извѣстныхъ условіяхъ ожидаютъ взрослыхъ людей, а только ласкающую ихъ вѣчнымъ блаженствомъ. Впрочемъ, здѣсь-же авторъ дѣлаетъ разграниченіе между крещеными и некрещеными умершими младенцами и различаетъ ихъ положенія за гробомъ. Болѣе всего предосудителенъ плачь тѣхъ изъ родителей, которые лишились своихъ дѣтей тогда, когда они уже были возрождены св. крещеніемъ, такъ какъ, по словамъ Данила, «младенцы порождшися святымъ крещеніемъ, и нечистыхъ страстей и лукавства міра, сего непознавше претавляются отъ здѣшнихъ, явно есть входить въ царство небесное». Въ подтвержденіе своего взгляда митрополитъ ссылается на два свидѣтельства. Одно изъ нихъ заимствовано изъ вопросовъ св. Афанасія,¹ который прямо говоритъ, что «вѣрніи младенцы въ царствіе входятъ», другое «отъ бесѣдъ Григорія и Петра», повторяющее мысль Афанасія, хотя и въ менѣе рѣшительной формѣ².

Не совѣмъ правы и тѣ изъ родителей, которые особенно убиваются и оплакиваютъ смерть своихъ дѣтей, умершихъ некрещеными. Положимъ, участь ихъ за гробомъ не такъ завидна, какъ воспринявшихъ св. крещеніе, но тѣмъ не менѣе она и не

¹ Рукоп. № 197. л. 367—368. Цитатъ подлинный и правильный. См. Migne. Patrolog. curs. complet, ser. graec. tom. XXVIII. J. Athanasii Alexandrii tom. IV, Quaestiones ad Antiochum Ducem. Quaestio CXL, pag. 669—672.

² Рукоп. № 197. л. 368. Выписка, подобная только что приведенной Даниломъ, съ такимъ-же именно неопредѣленнымъ названіемъ, встрѣчается и въ другихъ рукописяхъ. (См. Рукоп. Новгор. Соф. библ. № 1520. л. 356—358.) Что это за бесѣды и что за лица бесѣдующія, это можно видѣть изъ слѣдующаго болѣе подробнаго и отсюда болѣе опредѣленнаго названія этихъ бесѣдъ, какое онѣ имѣютъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ XVI вѣка: «Григорія святѣйшаго Апостольскаго, папы Старѣйшаго Рима бесѣдованія повѣстна къ Петру архидіакону тогдажде церкви о жителствѣ различныхъ отецъ, иже къ Италиіи обрѣтшимся».

такъ безнадежна и ужасна. Положеніе ихъ за гробомъ ни въ раю, ни въ аду—среднее. «Не крещеніи убо младенцы, говоритъ Данилъ, царствію небесному не сподобляются, въ муку же не отходятъ.» Вполнѣ основательное подтвержденіе свой мысли митрополитъ находитъ въ вопросахъ и отвѣтахъ св. Афанасія Александрійскаго, который говоритъ, что «невѣрніи и некрещеніи не внидутъ въ царство, то ниже паки въ муку»¹.

Такимъ образомъ участь умирающихъ младенцевъ самая завидная. Они избавляются отъ всѣхъ волненій и тревогъ дѣтней жизни и ничего не теряютъ въ будущей. Напротивъ, ихъ даже ожидаетъ тамъ самое свѣтлое блаженство; даже и некрещенные младенцы и тѣ тамъ не обречены на мученія и страданія. Отсюда несостоятельность оплакиванія младенцевъ становится очевидно для всѣхъ. Если оплакиваніе умирающихъ младенцевъ не имѣетъ за себя никакихъ оправдывающихъ его обстоятельствъ, то и самыя побужденія, вызывающія его, также несостоятельны. Главное побужденіе и главная и обыкновенная причина плача о смерти дѣтей—это лишеніе удовольствія видѣть въ нихъ своихъ преемниковъ по общественному положенію и наслѣдниковъ своего состоянія. Но эта причина нисколько не оправданіе въ виду того, что младенцы, въ замѣнъ дѣтняго временнаго блаженства, котораго лишила ихъ ранняя смерть, получаютъ блаженство вѣчное и дѣлаются наслѣдниками самого Христа. «Аще ли наслѣдниковъ не имаша, разсуждаетъ Данилъ, ниже пріятеля сущихъ и что паче хочещи, твоихъ-ли ему быти наслѣднику или небесныхъ? Рцы убо, кое есть лучше ему наслѣдовать: земное ли, или небесное? Почто

См. Рукоп. Импер. Пуб. библиот. изъ собран. графа Толстого, отд. II, № 267 л. 1—299. См. Описан. отд. II, стр. 428; Отрывки изъ этихъ изданій на русскомъ языкѣ въ Христиан. Чтеніи, 1834 г. II кн. стр. 183—171 и 278—278; 1835 г. I, кн. 36—48; 1836 г. II кн. 239—251. Но среди этихъ отрывковъ не находится свидѣтельства указываемаго Даниломъ. Оно находится въ полномъ изданіи собесѣдованій св. Григорія, См. «свят. Оца нашего Григорія Двоеслова, епископа Римскаго, собесѣдованія о жизни Италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души.» Казань, 1838 гл. 18, 290—292. Переводъ діалога или собесѣдованій Григорія Двоеслова явился въ Россіи не позже XIV вѣка. Рукоп. рукоп. Слов. библиот. 372—374.

¹ Рукоп. № 197. л. 368. Цитатъ подлинный см. Migne, Patrolog. curs. complet. ser. graec. tom. XXVIII. J. Athanasii Alexandrini, tom. IV, Quaestio CXV, pag. 669—672.

не глаголеши? Рцы убо, погыбающее ли емулучши есть наслѣдовати, яже мало послѣжде и неволю имаше оставити, или небесная и въ нѣки пребывающаа? Аще убо дѣти твоя тебѣ не быша наслѣдницы, но бысть Христу, къ Нему же мало послѣжде и самъ отыдеши».

Для большей убѣдительности своихъ сужденій Данилъ помѣщаетъ у себя обширную повѣсть нѣкоего отца Данила, извѣстную изъ старчества, въ коей, между прочимъ, разсказывается объ одной благочестивой матери, по имени Аванасіи, горько оплакивавшей смерть своихъ двухъ дѣтей, что ей самъ Богъ таинственнымъ образомъ пославши къ ней одного святаго въ образѣ нѣкоего инока запретилъ плакать о дѣтяхъ¹.

Вторая половина слова о младенцахъ умирающихъ разсуждается о цѣляхъ, кимъ преслѣдуетъ Божественное Провидѣніе, отнимая жизнь у младенцевъ. Эта часть слова самымъ органическимъ образомъ связана съ вопросомъ о дѣйствіяхъ Промысла Божія и по своему характеру есть только одно изъ частныхъ развитій его.

Въ этой части слова указывается нѣсколько причинъ и цѣлей, по которымъ Богъ прекращаетъ иногда жизнь дѣтямъ. Первая такая цѣль, съ какою Провидѣніе допускаетъ уносить ранней смерти жизнь младенцевъ, состоитъ въ томъ именно, что Богъ этимъ самымъ какъ-бы награждаетъ младенцевъ, предназначая ихъ быть своими особенными избранныками и сосудами Божественными за ихъ естественную, неспорченную грѣхомъ природу, чистоту и невинность. Это сужденіе основано авторомъ на словахъ Св. Аванасія Александрійскаго, объяснявшаго фактъ смерти младенцевъ тѣмъ, «яко да чисти отшедше тамо спасеніе получать»².

¹ Рухон. № 197. л. 373—380

² Рухон. № 197. л. 371. Подлинное мѣсто см. Migne, Patrolog. curs. com. Piet. ser. graec. tom. XXVIII. J. Athanasii Alexandrini, Quaestiones ad Antiochum ducem Quaestio LXIX. pag. 635—638. Также самая мысль автора подтверждается имъ другимъ цитатомъ изъ того же сочиненія Аванасія (Рухон. Моск. Дух. Ак. № 197. л. 370); но достойно замѣчанія то, что этотъ послѣдній цитатъ Аванасія, находящійся у Данила, въ подлинникѣ сочиненій Аванасія почти не находится. Въ подлинникѣ есть, дѣйствительно, вопросъ, поставленный и у Данила, — вопросъ о томъ, умираютъ-ли младенцы за грѣхи своихъ родителей; но отвѣтъ на него подлинника состоитъ только изъ словъ: «μή τέκοντο διὰ τὸ τοῦτο ἐπί τῳ».

Другая цѣль: Богъ въ своемъ Высочайшемъ предвѣдѣніи предузнаетъ всю судьбу каждаго человѣка и каждаго младенца. Отсюда, предвидя будущее каждаго младенца и провидя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ такихъ людей, которые имѣютъ заявить себя въ жизни пороками и быть такимъ образомъ «сосудомъ сатанинымъ» вмѣсто сосуда Божія, Богъ, по своей безконечной любви къ чело-вѣку, иногда посылаетъ такимъ младенцамъ раннюю смерть, чтобы избавить ихъ отъ неминуемой власти діавола и даровать имъ спасеніе. Мысль принадлежитъ Св. Аванасію Александрійскому¹ и констатируется еще авторомъ рассказомъ, заимствованнымъ изъ Патерика, объ Ангелѣ, удавившемъ одно дитя «въ цѣлю спасти душу его отъ гибели за добродѣтельную жизнь его отца², потому именно, что «онъ орудіе сатанино хотяше быти».

Третья, наконецъ, цѣль, съ каковою Премудрый Богъ иногда отнимаетъ жизнь младенцевъ, бываетъ чисто-педагогическая, исправительная по отношенію къ ихъ родителямъ,—мысль опять взятая изъ извѣстнаго сочиненія св. Аванасія и на немъ обосновывающаяся, гдѣ, между прочимъ, св. отецъ разсуждаетъ о смерти младенцевъ, что они умираютъ иногда съ тою цѣлю, «яко да се видѣвши родители ихъ абіе въ страхъ придуть и тако умилившись оцѣломудрятся». ³ Подтвердительною примѣромъ для той же мысли находится у автора рассказъ изъ старчества объ одномъ отцѣ своихъ дѣтей, ведшемъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ безирравственную распутную жизнь и лишившемся за то въ теченіе этого времени

тогда какъ по чтенію нашего автора послѣ сего лаконическаго отвѣта слѣдуетъ весьма обширное разсужденіе на тему вопроса, вовсе не имѣющаго въ себѣ ничего соотвѣтствующаго въ подлинникѣ. См. Migne, *Patrolog. curs. complet ser. graec. tom. XXVIII. Quaestio LXVIII. pag. 633—636.*

¹ Сюда относятся два мѣста изъ св. Аванасія, изъ которыхъ одно (Рукоп. № 197. л. 370) не находится въ подлинникѣ твореній Аванасія (см. предыдущее примѣчаніе), а другое (Рукоп. № 197. л. 371), дѣйствительно принадлежитъ ему. См. Migne, *Patrolog. curs. complet. ser. graec. tom. XXVIII. Quaestio LXIX. pag. 635—638.*

² Рукоп. № 197. л. 365—368.

³ Рукоп. № 197 л. 370. Сего мѣста нѣтъ у Аванасія (см. выше примѣч.), но за то эта мысль подтверждается другими его словами (Рукоп. № 197. л. 371), дѣйствительно ему принадлежащими. См. Migne, *Patr. curs. complet. ser. graec. tom. XXVIII. Quaestio LXIX. pag. 635—638.*

пяти своихъ дѣтей и едва было не лишившемся и послѣдняго своего сына.¹

Кромѣ того, у Данила помѣщенъ новый спеціальный вопросъ св. Аванасія о томъ, бываетъ-ли чтобы младенцы умирали за грѣхи своихъ родителей, который и рѣшается св. отцемъ категорически въ положительномъ смыслѣ.²

Мысль о томъ, что иногда въ рукахъ Промысла Божія смерть младенцевъ служить исправительною мѣрою по отношенію къ ихъ родителямъ, выдвигаетъ собою новый вопросъ, именно: если бываетъ, что младенцы умираютъ преждевременно за грѣхи своихъ родителей, то переносятся-ли вообще грѣхи родителей на дѣтей? Вопросъ, взятый изъ сочиненій Аванасія, рѣшается имъ въ томъ смыслѣ, «яко на некрещеныя убо наводятся грѣси отецъ нечестивыхъ, отъ вѣрныхъ же св. крещеніе очищаетъ насъ всего пратеческаго грѣха».³

Вторая часть объ умирающихъ младенцахъ не сопровождается у Данила никакими его собственными сужденіями. Вся она есть собраніе выписокъ изъ посланія св. Аванасія Александрійскаго къ Антиоху князю.

Наказаніе одиннадцатаго слова написано вполне въ духѣ пастырскаго наставленія и имѣетъ всякой связи съ двумя другими его частями. Въ наказаніи представленъ сводъ самыхъ разнообразныхъ нравственныхъ наставленій, расположенныхъ безъ всякой системы и связи. Въ началѣ даются пастырскіе совѣты о необходимости по-

¹ Рухон. № 197. л. 381—391. Здѣсь представлена повѣсть объ отцѣ Елисеѣ, вся въ подлинномъ видѣ, которая почти съ буквальною точностью воспроизведена въ Патерикѣ Скитскомъ, Синапольскаго изданія, 1791 года. ч. I, 100—16.

² Рухон. № 197. л. 369—370. Такъ представляется мысль св. Аванасія и въ Слав. переводѣ, которымъ пользовался Данилъ, въ подлинникѣ же твореній св. Аванасія на поставленный сейчасъ вопросъ дается вовсе не категорически утвердительный отвѣтъ, какъ это мы видимъ у Данила, а отвѣтъ очень уклончивый и склоняющійся болѣе къ отрицательному его рѣшенію, чѣмъ къ положительному. Отвѣтъ у Данила читается буквально такъ: «да будетъ сему тако быти», а въ подлинникѣ (μή τούτο ένωλ ούτως) должно прочесть: да не будетъ, чтобы это было. См. Migne Patr. curs. complet. ser. graec. tom. XXVIII. Ad Antiochum ducem Quaestio LXVIII. pag. 633—637.

³ Рухон. № 197. 369. Подлинное мѣсто. Migne, Patr. curs. complet. ser. graec. tom. XXVIII. Quaestio LXVII. pag. 633—636.

канія, о сохраненіи вѣры во всей чистотѣ и непорочности, о соблюденіи преданій церковныхъ и святоотеческихъ; затѣмъ предлагаются увѣщанія о любви къ Богу и Его заповѣдямъ, о частомъ посѣщеніи храмовъ Божіихъ, много трактуется о неустойчивости всѣхъ земныхъ благъ и скоротечности человѣческой жизни, о страшномъ грядущемъ судѣ; встрѣчаются обличенія жестокосердія современниковъ, выражавшагося въ хищничество и всевозможнаго рода насиліяхъ своимъ ближнимъ, въ презрѣніи ими заповѣдей Божіихъ и др. Рядъ пастырскихъ наставленій заключается слѣдующимъ исполненнымъ любви увѣщаніемъ пастыря-провѣдника: «не услаждаемся прелестными вѣка сего суетнаго, послемъ сокровища наша на небеса, даже и сами тамо будемъ. Будемъ въ разумѣ прости, кротци, смиренн, даже и въ настоящемъ и въ будущемъ покой воспримемъ, возненавидимъ лукавство и всяко дѣланіе темное, смышляимъ другъ другу благая, понесемъ дружныя тяготы, да совершимъ законъ Христовъ».

Вообще настоящее поученіе не выдается изъ ряда другихъ поученій, о которыхъ было говорено раньше, никакими сколько-нибудь характерными особенностями.

Ученіе о Промыслѣ Божіемъ касался и пренод. Іосифъ Волоцкой. Онъ развиваетъ его въ трехъ словахъ своего Просвѣтителя¹. Но между ними и одиннадцатымъ словомъ Даниила не существуетъ никакого сходства. Изъ всей массы приводимыхъ Данииломъ святоотеческихъ свидѣтельствъ только одно повторяется въ Просвѣтителѣ, но и то съ несомнѣнными признаками его самостоятельнаго происхожденія².

Въ своихъ словахъ Іосифъ рассматриваетъ ученіе о Промыслѣ Божіемъ въ непосредственной связи съ возраженіями жидовствующихъ по поводу неосуществившагося ожиданія кончины міра по истеченіи семитысячелѣтняго его существованія. Здѣсь имъ развивается во всѣхъ подробностяхъ теоретическая, догматическая сторона вопроса и не затрогиваются воззрѣнія, сформировавшіяся на

¹ Слова 8, 9 и 10.

² Это свидѣтельство св. Антонія, которое у Даниила имѣетъ разночтенія сравнительно съ Просвѣтителемъ, и кромѣ того сопровождается указаніемъ источника своего заимствованія, чего нѣтъ въ Просвѣтителѣ. Рукон. Моск. Дух. Акад. № 197. л. 364—365. Сравни. Просвѣтитель, 425.

ночь неосуществившихся ожиданій міровой кончины въ области нравственно - практической. Совершенно обратное явленіе замѣчается въ словѣ Данила о Промыслѣ. Здѣсь теоретическое ученіе о Промыслѣ затрогивается вскользь и излагается въ самыхъ общихъ положеніяхъ, а самая большая часть разсужденій вращается въ области разсмотрѣнія съ точки зрѣнія ученія о Промыслѣ частныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ новыми историческими условіями, какія слабо заявляли о себѣ при прендобномъ Іосифѣ (распространеніе астрологическихъ знаній), а напротивъ въ сильной степени при Данилѣ.

Богословское значеніе и цѣнности одиннадцатаго слова стоять не высоко. Аргументація общаго ученія о Промыслѣ и качественно и количественно обоснована слабо: если не считать изреченія апостола Павла, то въ подтвержденіе его останутся два свидѣтельства: отъ патерика и старчества,—основанія по своему значенію очень второстепенной важности и весьма мало имѣвшія вѣса въ глазахъ современныхъ вольнодумцевъ.

Что касается другихъ отдѣловъ слова—разсмотрѣнія и припиренія частныхъ, отдѣльныхъ фактовъ несоотвѣстствія между добромъ и зломъ въ жизни человѣка съ общимъ ученіемъ о Промыслѣ Божіемъ, равно какъ и ученія о младенцахъ умирающихъ, то здѣсь авторская самостоятельность Данила обнаружилась въ самой незначительной степени.

Трудъ автора выразился главнымъ образомъ въ подборкѣ и группировкѣ чужихъ свидѣтельствъ, заимствованныхъ изъ области церковной литературы и не отличающихся особенно авторитетностью (старчество, патерикъ). Недостатокъ слова заключается и въ излишней обширности цитатъ. Здѣсь встрѣчаются выдержки изъ старчества, въ которыхъ только одна мысль относится къ подтвержденію постановленной мысли, между тѣмъ изъ-за нея въ словѣ дается мѣсто цѣлому повѣствованію, приводимому съ буквальной точностію и тянущемуся на нѣсколько листовъ рукописи, безъ всякой пользы для дѣла. Встрѣчаются также цитаты, мало относящіяся къ дѣлу (изъ житія Саввы освященнаго).

Изъ указанныхъ недостатковъ и особенностей одиннадцатаго слова можно заключить уже и о его ограниченномъ и ничтожномъ значеніи для еретиковъ и вольнодумцевъ. Оно не могло много удовлетворять полемическимъ цѣлямъ и имѣло охранитель-

ное значеніе—только по отношенію къ строго православному лю-
дямъ, которые, будучи мало знакомы съ критическими приѣмами,
могли убѣждаться и тѣми доводами, какіе собраны въ одиннадцатомъ
словѣ Даниіловскаго соборника.

ГЛАВА II.

Слова митрополита Данила съ нравственнымъ содержаніемъ.

Литературное обсужденіе вопроса объ отношеніи къ ерети-
камъ продолжалось, какъ видно было раньше, и послѣ смерти
Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго. Еретическій вопросъ продол-
жалъ занимать общественное вниманіе и при продолжателѣхъ
Іосифа и Нила и разсматриваться, такъ же какъ и прежде, съ раз-
личныхъ точекъ зрѣнія. Такъ было и во время первосвятительства
Данила, когда самымъ виднымъ представителемъ идей преп. Нила
выдѣлялся въ Москвѣ Вассіанъ Косой, защитникъ гуманнаго отно-
шенія къ еретикамъ. Какъ воспитанникъ Іосифа Волоцкаго, Дани-
илъ по одному уже этому не могъ равнодушно смотрѣть на поле-
мику Вассіана изъ-за еретиковъ, а какъ поклонникъ идей своего
учителя, онъ тѣмъ самымъ вынуждался на защиту ихъ въ ихъ
чистомъ или нѣсколько измѣненномъ, сообразно съ своими соб-
ственными установившимися взглядами, видѣ. И самое вѣдншее
положеніе Данила, когда онъ сталъ во главѣ русской церкви,
было такого рода, что оно волей-неволей побуждало его выска-
заться по еретическому вопросу. Какъ представитель и глава
церкви, онъ необходимо долженъ былъ заявить себя извѣстными
дѣйствіями по отношенію къ еретикамъ, которые въ свою очередь
должны были основываться на тѣхъ или другихъ взглядахъ его
какъ на нихъ самихъ, такъ и на ихъ положеніе въ обществѣ и въ
церкви. Наконецъ какъ простой учитель церкви, Даниилъ вынуж-
дался на объясненіе. Онъ обязанъ былъ разъяснить своей паствѣ
интересовавшій всѣхъ вопросъ объ еретикахъ, взгляды на кото-
рыхъ расходились въ то время до діаметральной противоположно-
сти. Митр. Даниилъ дѣйствительно высказался по вопросу объ
отношеніи къ еретикамъ.

I. Первое слово.

При вступленіи митроп. Данила на престолъ силы еретиковъ—жидовствующихъ давно уже были сломены. Свободная пропаганда была почти немислима. Сожиганія на костръ, урьзыванія языковъ, ссылки въ заточенія уменьшили число жидовствующихъ и принудили ихъ тщательно скрывать свои религіозныя убѣжденія. Но подобныя мѣры не могли конечно вырвать съ корнемъ все зло, сдѣланное еретиками церкви. вмѣсто открытаго распространенія своего ученія, жидовствующие обратились къ болѣе безопаснымъ средствамъ для приобрѣтенія себѣ прозелитовъ изъ православія. Пронырство, вкрадчивость, внѣшняя принадлежность къ православію и т. под. вотъ тѣ мѣры, какими въ то время еретики могли располагать въ дѣлѣ увеличенія своихъ послѣдователей. Изъ сочиненій м. Данила видно, что дѣйствительно жидовствующие въ широкихъ размѣрахъ практиковали потаенныя средства для увеличенія своихъ послѣдователей.

Въ связи съ развитіемъ тайной еретической пропаганды и въ цѣляхъ предупрежденія совращеній путемъ ея православныхъ въ жидовство митр. Даниломъ написано было первое слово его сборника о ложныхъ пророкахъ и ложныхъ учителяхъ и объ истинныхъ учителяхъ ¹.

Содержаніе первой его части находится въ логической связи съ его общимъ предметомъ. Въ ней авторъ много распространяется о разныхъ коварствахъ еретиковъ, даетъ нѣкоторые совѣты, касающіеся характера отношеній и условій состязаній съ ними и подобное. Все это въ болѣе подробномъ видѣ войдетъ въ разсмотрѣніе вмѣстѣ съ обзорѣніемъ второй части первого слова.

Въ первой части слова находятся указанія на нѣкоторыя частныя черты, въ которыхъ выражалось коварство современныхъ еретиковъ. Жидовствующие времени Данила, какъ видно изъ его первого слова, заявляли себя такого рода дѣятельностію, что они, по его словамъ, «ничтоже ино смышляли, но точію свести и погубити, якоже волкъ, якоже змѣя: *ови убо житіємъ сквернымъ и растлѣннымъ, ови, яко отъ сатаны научени, лъстивствомъ и пронырствомъ казнятъся*», ови же другія нѣкія сатанинскія ловы сотворяють.... и ово сѣце, ово же сѣце лукавствуютъ и прель-

¹ Рук. Моск. Дух. Акад. № 197 л. 6—41.

щаютъ и въ ереси погибшія отводятъ живущихъ въ простотѣ. Мысль о предосудительныхъ, съ нравственной точки зрѣнія, мѣрахъ еретической проаганды, мѣрахъ скрытныхъ, причемъ пускались въ дѣло самыя непозволительныя средства, лишь бы только достигалась ими извѣстная цѣль, особенно настойчиво поддерживается Даниломъ. По его словамъ, еретики то «дерзи бывають, то сладко бесѣдуютъ, еже навикнути имъ и увѣдѣти что, но ложь и лѣсть суть.... лицемѣрїи и лѣстїи испытуютъ вся, елико бы извѣдати и навикнути хотя, не много чего желаяще, но точїю умножаяще мудрованїе лукавства своего; о семъ бо и трудъ, и подвигъ творять непрестающе, еже прилодити что къ лукавству своему, да крѣпчіи возьмются и вооружаются лукавствы своими».

Во второй части слова находится нѣсколько священныхъ доказательствъ, историческимъ образомъ авторизующихъ только что установленный Даниломъ взглядъ на современныхъ еретиковъ, какъ людей безнравственныхъ и опасныхъ для православія. Сюда относятся слѣдующія свидѣтельства: толкованіе Златоуста на 13—14 ст. VII гл. евангелїя Матѳея ¹, толкованіе того же Златоуста на 6 ст. VII гл. ев. Матѳея ², толкованіе на 13—14 ст. VII гл. ев. Матѳея Теофилакта Болгарскаго ³, слово св. Златоуста о св. Духѣ ⁴, толкованіе того же Теофилакта Болгарскаго на 2—3 ст. XXIV гл. евангелїя Матѳея ⁵, 6 ст. XIII гл. еванг. Марка: ⁶, 1—4 ст. IX гл. перваго посланїя Іоанна ⁷ и на 1—15 ст. X гл. евангелїя того же

¹ Рукоп. № 197 л. 11—17. Цитата не представляетъ существенныхъ уклоненїи отъ печатнаго славянскаго перевода бесѣдъ Златоуста на св. Матѳея, изд. въ Москвѣ 1829 г. 154—156, бес. 23.

² л. 10—11. См. бесѣды св. Златоуста на св. Матѳея. М. 1829 г. бесѣда 22, 152—153.

³ л. 17. Цитата не отстаетъ отъ печатнаго изданїя толкованїи Теофилакта Болгарскаго. См. его Благовѣстникъ, Казань, 1855 г. ч. I, 135.

⁴ л. 17—21. Слово Златоуста о св. Духѣ, приводимое здѣсь Даниломъ, взято имъ въ его цѣломъ видѣ изъ третьяго слова Никона Черногорца. Книга Никона Черногорца, полов. I, с. 3, 20—21.

⁵ л. 21. См. Благовѣстникъ ч. I. 410.

⁶ л. 21. Тоже самое, что и въ печатномъ изданїи. Благовѣстникъ, II, 191.

⁷ листъ 21—22. Данилъ самъ не указываетъ здѣсь имени приводимаго имъ толкователя, но несомнѣнно толкованіе принадлежитъ Теофилакту Болгарскому, хотя и представляетъ сравнительно съ печатнымъ изданїемъ значительныя противъ него дополненїя и уклоненїя. См. о. блаженнаго Теофилакта Болгарскаго толкованіе на соборныя посланїя святыхъ апостоловъ въ русскомъ переводѣ. Казань. 1865 года, 190—191.

Іоанна ¹, наконецъ толкованіе недѣльнаго (учительнаго) Евангелія ². Дѣйствительно, всѣ помѣщенные здѣсь свидѣтельства, по большей части весьма обширныя, съ той или другой стороны касаются дѣятельности ажеучителей въ разное время ихъ появленія въ мірѣ и характеризуютъ се въ самыхъ невыгодныхъ для нихъ чертахъ, что дѣйствительно и было на самомъ дѣлѣ, насколько конечно это можетъ относиться къ прошедшему времени. Отсюда становится ясною важность представленныхъ авторомъ аргументовъ. Ими, какъ документами, въ подлинности которыхъ не было никакихъ сомнѣній, онъ доказалъ, что образъ дѣйствій современныхъ ему еретиковъ не новость, а совершенно тотъ же самый, какимъ заявляли себя древніе еретики и который съ теченіемъ времени сдѣлался почти общою принадлежностію еретиковъ всѣхъ мѣстъ и временъ, а слѣд. сила аргументаціи Данила простирается и на современныхъ ему еретиковъ. Такимъ образомъ ажеучители и еретики опасны для православія и по своей жизни и ученію, и по безиравственныхъ средствамъ пропаганды своего ученія.

Вторая мысль перваго слова сосредоточивается на характеристикѣ истинныхъ учителей и послѣдователей Христовыхъ. Характеристика истиннаго учителя дѣлается здѣсь самая краткая и общая. Въ совершенную противоположность еретикамъ, преслѣдующимъ въ дѣлѣ распространенія своего ученія не истину, а руководствующимся здѣсь болѣе всего эгонистическими побужденіями, отличительную особенность каждаго истиннаго учителя и послѣдователя Христова составляетъ то, что онъ всегда учитъ и проповѣдуетъ и живетъ согласно съ ученіемъ І. Христа, апостоловъ и вообще свящ. писанія и уставовъ церкви. Эта мысль выражена у Данила въ приводимыхъ имъ краткихъ изреченіяхъ Диодора Александрійскаго (изъ толкованій на псалмы), Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Златоуста, Еврема Сирина, Θεодора Студита и Никона Черногорца. ³ Къ одному изъ самыхъ необходимыхъ ка-

¹ л. 22—27. И здѣсь митрополитъ Данилъ не упоминаетъ имени толкователя, которымъ онъ воспользовался въ данномъ случаѣ. Толкованіе принадлежитъ Θεодокиму Болгарскому. Благовѣстникъ. ч. IV, 254—261.

² л. 27—30. Старопечатное, 1652 г. Учительное евангеліе сл. 60, 416—419.

³ л. 37—38, 31—32. Здѣсь приведена часть оглавленія осьмаго слова Никона Черногорца, 1-я половина, л. 53.

честь всякаго истинно вѣрующаго послѣдователя Христова принадлежитъ и то, что онъ всегда заботится объ обращеніи заблудшихъ, не преслѣдуя при этомъ никакой личной цѣли, кромѣ славы Божіей. Такая мысль содержится въ обширномъ правоученіи, взятомъ изъ бесѣдъ Златоуста на евангеліе Маттея ¹, и въ словахъ втораго посланія св. апостола Іоанна Богослова (8 и 9 ст.) и въ толкованіи ихъ ².

Черезъ все содержаніе наказанія перваго слова, которое можетъ быть разсматриваемо какъ отдѣльное пастырское поученіе, проходитъ одна общая мысль, мысль о необходимости изученія божественныхъ писаній и о разнообразной пользѣ его, которая наглядно выражается въ предохраненіи отъ всевозможныхъ еретическихъ заблужденій.

Первое слово Даниловскаго сборника написано вполнѣ независимо отъ литературнаго вліянія Просвѣтителя Іосифа Волоцкаго. Для того, чтобы видѣть полную самостоятельность Даниила въ его первомъ словѣ, для этого достаточно указать на то, что Даниилъ здѣсь пользовался новыми данными, какими не могъ пользоваться въ свое время Іосифъ Волоцкій. Это данныя, заимствованныя Данииломъ изъ бесѣдъ Златоуста на еванг. Маттея, которыя переведены были Максимомъ Грекомъ только при митроп. Даниилѣ.

Преслѣдуя цѣль представить полный взглядъ Даниила на отношеніе къ еретикамъ со всѣми его подробностями и частными оттѣнками, невозможно слѣдовать порядку изложенія мыслей о еретикахъ, какой данъ имъ самимъ авторомъ, когда у него онѣ разбросаны въ видѣ отдѣльныхъ отрывковъ въ различныхъ словахъ и даже въ одномъ и томъ же словѣ изложены безъ всякой послѣдовательности. Для большей цѣльности и отчетливости взгляда Даниила на еретиковъ удобнѣе всего, оставивъ въ сторонѣ порядокъ, какой находится у самого автора, сгруппировать въ одно

¹ л. 32—37. Цитата дѣйствительно принадлежитъ Златоусту и не мыслямъ не уклоняется отъ современнаго перевода. Бесѣды Златоуста на евангеліе Маттея. Москва, 1829 года, 444—446.

² л. 30—31. Толкованіе принадлежитъ Θεοφιλάκτῳ Βουλγαρίσκῳ. См. его толкованіе на соборныя посланія св. апостоловъ. Казань, 1863 г. 220—224.

связное цѣлое все касающееся у Данила еретическаго вопроса и разбросанное имъ по различнымъ словамъ.

Извѣстный образъ дѣйствій еретиковъ, какой охарактеризованъ былъ въ первомъ словѣ, опасный для чистоты и цѣлости православія вообще, а особенно гибельный для «простоты», или простаго необразованнаго класса народа, требовалъ себѣ соотвѣствующихъ мѣръ противодѣйствія. Въ качествѣ общаго правила или руководительнаго начала для всякаго православнаго въ его жизни является увѣщаніе Данила быть всегда строго внимательнымъ къ себѣ (внимать съ опасствомъ) и всегда быть на сторожѣ своихъ православныхъ взглядовъ противъ всякаго увлеченія еретичествомъ¹.

Если еретики жидовствующіе представлялись во всѣхъ отношеніяхъ опасными для православія, то, стало-быть, необходимы были особенныя мѣры для того, чтобы сохранить православныхъ отъ еретиковъ, и точно также необходимы болѣе точныя опредѣленія отношеній между православными съ одной стороны и еретиками съ другой, которыя бы могли гарантировать чистоту вѣры православныхъ и содѣйствовать обращенію къ истинѣ самихъ заблуждающихся.

Въ предупрежденіе совращенія православныхъ въ жидовство Данилъ запрещаетъ православнымъ всякія сношенія съ еретиками. Требованіе полнѣйшаго отдѣленія отъ общества еретиковъ тѣмъ не менѣе является у него не безусловнымъ. Онъ допускаетъ одно важное исключеніе, которое касается того случая, когда православный, вступая въ сношеніе съ еретикомъ, имѣетъ въ виду обращеніе его на путь истинный. При такой великой цѣли общеніе съ еретиками не только непозволительно, но и необходимо и душеспасительно. Послѣ строгихъ обличеній православныхъ за ихъ общеніе съ еретиками, Данилъ представляетъ возраженіе, какое дѣлали, вѣроятно, многіе изъ обличаемыхъ имъ православныхъ въ защиту своихъ связей съ еретиками, именно они указывали, что если они и вращаются въ обществѣ еретиковъ, то это дѣлается ими вполне съ благотѣльною для православія и самихъ ерети-

¹ Л. 7. 8. 276.

ковъ цѣлю ¹. Даниилъ настаиваетъ на томъ, чтобы для православныхъ обращеніе еретиковъ къ истинѣ всегда служило дѣломъ первостепенной важности. Обращеніе заблудшаго на путь истины, по взгляду митрополита, есть величайшій подвигъ, какой только можетъ представлять христіанинъ въ своей нравственной дѣятельности. Этотъ подвигъ уподобляется по своему высокому значенію тѣмъ взятымъ всѣмъ въ совокупности добродѣтелямъ и подвигамъ христіанской любви, какими опредѣлилъ ее самъ І. Христосъ въ своей проповѣди о страшномъ судѣ Мѣ. XXV, гл. 35—36 ст.) ². Обязанность христіанина заботиться объ обращеніи заблудшихъ видна и изъ разсмотрѣнія обыкновенныхъ человѣческихъ отношеній и усиливается по аналогіи съ условіями жизни физическаго организма чловѣка ³. Долгъ обращенія къ истинѣ заблуждающихся Даниилъ понимаетъ очень широко и выѣняетъ каждому православному въ непремѣнную обязанность пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для спасенія заблуждающихся. По его словамъ, всѣ православные «засвидѣтельствовать имъ (еретикамъ) въ мощи и во дни, и явленіи въ народъ, и особнѣ должни есмы ⁴.

Такимъ образомъ православные по требованію Даниила должны были заботиться объ обращеніи заблуждающихся. Но нередко могло случаться и то, что тѣ лица, на которыхъ простирались эти заботы, вовсе не расположены были выслушивать увѣщанія православныхъ. Отсюда попытки къ обращенію, начатыя иногда хорошо,

¹ Вотъ собственныя слова Даниила: «Аще ли же глаголюши, яко обращю и въ покаяніе правожу, сѣ добро убо сіа, аще тако есть; обращай и въ покаяніе приводи, добро убо сіе и блаженно есть». Рук. Моск. д. акад. № 197 л. 274.

² Вотъ собственныя слова Даниила по этому предмету: «аще кого узриши совраженъ съ праваго пути, приеми поученіемъ настави на истинный путь живота; аще и изаѣмъ ризу созвечетъ, юже сватымъ крощеніемъ приагъ есть, и ты обещи его, и се уже ачинаго накормилъ еси, поѣсти же и больнаго, прииди же къ затворенному въ темнищи..... Рукон. № 197 л. 40.

³ «Яко же о чловѣческихъ тѣлесѣхъ недугующихъ и зельнѣ болящихъ много подобаетъ попеченія и храненія имѣти, еще и душею разболѣвающимъ (еретикамъ) много ячинаго подобаетъ попеченія, и храненія и прилежанія имѣти» Окружное посланіе Даниила, рукон. Моск. дух. акад. № 1 ¹¹⁴/₁₃₁ л. 422. Памятники старинной русской литературы вып. IV, 198.

⁴ Рук. Моск. дух. акад. № ¹¹⁴/₁₃₁ л. 423. Памятники стар. рус. литер. вып. IV, 198.

переходили въ горячіе споры, гдѣ заранѣе постановленная цѣль ступшевыалась и отодвигалась на задній планъ подѣ напоромъ другихъ частныхъ и скорѣе личныхъ счетовъ. Само собою понятно, отъ подобнаго приѣма обращенія съ еретиками не могло быть никакой существенной пользы. Даниилъ понималъ невыгоду подобныхъ споровъ и давалъ вполне разумный совѣтъ своимъ пасомымъ «бѣгати безсловесныхъ стязаній»¹. Споры съ еретиками тогда только могутъ приводить къ болѣе или менѣе желаемому результату когда они опираются на одномъ общемъ для всѣхъ основаніи. Такимъ основаніемъ одинаково важнымъ и обязательнымъ для обѣихъ состязующихся сторонъ, должно служить «божественное писаніе», подѣ которымъ, сообразно тогдашней богословской терминологіи, разумѣлась вся область церковной литературы. Этотъ принципъ споровъ долженъ руководить каждымъ православнымъ при всякомъ спорѣ его съ еретиками². По этому состязанія о вѣрѣ на почвѣ божественнаго писанія— вотъ исключительная сфера споровъ и разсужденій съ еретиками. Не-посредственно послѣ запрещенія неразумныхъ споровъ Даниилъ продолжаетъ: «сице ли же о благословныхъ винахъ взысканіе иѣкое будетъ,» тогда «лѣно естъ избирати истинная разумѣнія и разсужденія по свидѣтельству божественныхъ писаній и отеческихъ преданій»³. Коль скоро спорящій еретикъ или вольнодумецъ при состязаніи обнаружитъ неуваженіе къ доводамъ, почерпнутымъ изъ божественнаго писанія и станетъ игнорировать ихъ, вводя въ тоже время другія постороннія соображенія, не авторизованныя божественнымъ писаніемъ, то это ясный признакъ того, что онъ не-исправимъ, и что съ нимъ должны быть скоро прекращены и религиозныя состязанія, какъ недостигающія своей цѣли. Въѣствѣ съ тѣмъ здѣсь указывается и на крайній предѣлъ, послѣ котораго прекращаются всякіе споры съ еретиками.

Для того, чтобы вести болѣе или менѣе съ успѣхомъ состязанія съ еретиками, необходимо обладать значительными познаніями въ области св. писанія и церковной письменности, и это тѣмъ

¹ Рук. № 197. л. 7.

² Каждый долженъ исходить изъ него и стоять на немъ: «да ничтоже творимъ или глаголемъ, да все бываетъ къ воли Божіи по святымъ писаніямъ, и по за-коноположенію блаженныхъ отецъ, и яко же имать уставъ и благій обычай святыхъ соборныхъ и апостольскихъ церкви. Рук. № 197, л. 40.

³ Рук. № 197. л. 7.

богѣе, что тогдашніе противники церковнаго строя и порядковъ превосходили въ данномъ случаѣ православныхъ и, отличаясь ловкостью въ діалектикѣ, нерѣдко побивали и заставляли молчать предъ собою многихъ изъ нихъ. Значитъ совѣтъ Данила бороться съ еретиками на почвѣ божественнаго писанія имѣлъ въ виду не всѣхъ православныхъ, а только избранныхъ и надежныхъ, и главное способныхъ къ дѣлу такой высокой важности. Особенно же митрополитъ имѣлъ въ виду здѣсь пастырей церкви, какъ лицъ по самому своему положенію и званію поставленныхъ отъ Бога учить и вразумлять заблудшихъ, а также какъ лицъ болѣе просвѣщенныхъ сравнительно съ невѣжественною массою простаго народа. И дѣйствительно митрополитъ Данилъ, разсуждая объ отношеніяхъ къ еретикамъ, обращаетъ вниманіе и на пастырей, заставляя ихъ сохранять своихъ собственныхъ врученныхъ имъ овецъ отъ заблужденій и заботиться объ исправленіи самихъ еретиковъ.

Кромѣ сдѣланныхъ указаній относительно состязаній съ еретиками заслуживаетъ вниманія еще одно обстоятельство, которое, по воззрѣніямъ Данила, можетъ и должно повліять на результатъ преній съ еретиками и вольнодумцами въ болѣе или менѣе благоприятномъ для православныхъ смыслѣ. Обстоятельство это есть нравственная чистота христіанина, спорящаго съ еретикомъ. Ставши по своей нравственной чистотѣ недосигаемымъ для низкой клеветы, православный одною силою своего нравственнаго авторитета можетъ много выиграть въ глазахъ состязующихся съ нимъ еретиковъ.

До сихъ поръ излагались тѣ воззрѣнія м. Данила, которыя касались предварительныхъ и подготовительныхъ условій для состязанія съ еретиками. Кромѣ того у Данила есть нѣкоторыя сужденія, касающіяся самаго метода или способа состязанія съ еретиками. Общимъ правиломъ для всякихъ преній съ еретиками митрополитъ выставляетъ то, чтобы здѣсь все—ученіе, или бесѣды, и вопросы и отвѣты—все буди благочинно, и благоговѣнно, и благочестно, и неиятежно». Та же самая мысль съ большею подробностію развивается въ другомъ мѣстѣ. Послѣ запрещенія «безсловесныхъ стязаній», какъ совершенно бесполезныхъ и безцѣльныхъ, митрополитъ непосредственно за симъ продолжаетъ: «аще ли же о благословныхъ винахъ взысканіе нѣкое

будеть, тогда стязанія и испытанія въ любви божественной со опасностью покажемъ не поносяще, ни укоряюще другъ друга, но любвию совѣтующе и совопрошающеся, да взыскаемыя вещи разрѣшеніе примутъ, или о церковныхъ каковѣхъ либо, или о догматахъ нѣкихъ распря, и елика такова или мала или велика, либо есть тихо и кротко избирати истинная разумѣнія и разсужденія по свидѣтельству божественныхъ писаній¹.

Въ основѣ всякихъ разсужденій и состязаній съ еретиками должна лежать великая безграничная любовь къ нимъ. Любовь здѣсь должна освящать все, ею одною должны руководствоваться православные въ своихъ столкновеніяхъ съ еретиками. Въ данномъ случаѣ взглядъ Данила является вполне определеннымъ и проводится имъ съ настойчивостію. Идея о любви, о снисходительности къ заблужденіямъ своихъ братій присуща была ему всегда, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и особенно подъ вліяніемъ южнѣйшей школы нѣсколько подавлялась, уклонялась отъ истиннаго пути другою стороною любви его—любовью къ Богу, ревностію по крѣ. Ученію о любви къ еретикамъ Данилъ отводитъ весьма значительное мѣсто въ ряду другихъ своихъ разсужденій. Большая половина первой довольно обширной части восьмого слова посвящена имъ ученію о любви къ заблудшимъ. Вотъ одно изъ разсужденій и увѣщаній митрополита: «будемъ милосерди, братіе, будемъ челоуѣколюбезни, поможемъ въ бѣдѣ сущимъ, накажемъ безчинныя, утѣшимъ скорбящія, уврачуемъ немощныя, взыщемъ заблудшія, обратимъ прельщенныя. Помысли, обращается далѣе пастырь къ своимъ пасомымъ, что ради пророци, что ради самъ единородный Сынъ Божій привде? Что ради посла апостолы во весь міръ? да челоуѣки спасетъ, да прельщенныя обратитъ. *Сіе и мы сотворимъ по силѣ своей, всяко тщаніе и промышленіе творяще, о заблудшихъ возвращеніи по Христовымъ заповѣдямъ въ славу имени Ею Пресвятаго. Сяче убо потщимся учити, наказати, врачевати, милостію, кротостію, сладкими словесы, сладостнѣйшими бесѣдами отъ божественныхъ писаній*». Всѣ мѣры, основанныя на любви къ ближнему и запечатлѣныя ею, должны быть испробованы и пущены въ дѣло прежде, чѣмъ обратиться къ отысканію новыхъ изъ нихъ и съ другимъ характе-

ромъ дѣйствій. «Научимъ хулящая не хулити имени Божія, пишеть между прочимъ Даниилъ, непослушествоующая же человеколюбіи врачуи, цѣли, исправляи, или еще не исправляется, паки накажи любовію и мудростію: тихо, кротко совратившихся съ праваго пути направи человеколюбіи и милостивіи, да и самъ милость отъ Владыки Христа получиши въ семь вѣцъ и въ будущемъ». Мысль о любви къ еретикамъ, какъ руководительномъ началѣ въ обращеніи ихъ къ истинѣ, повторяется Данииломъ и во многихъ другихъ мѣстахъ.¹

Но когда всѣ мѣры любви и кротости въ обращеніи и составленіи съ еретиками были изчерпаны и оказались безуспѣшными, тогда, по взгляду Даниила, православные должны замѣтно и чувствительно измѣниться въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Съ этого момента споры православные должны начать «брань» съ еретиками, которую митрополитъ называетъ похвальною и предметомъ которой должны служить вѣра и благочестіе, а не личные счеты.² Даниилъ представляетъ мало данныхъ для опредѣленія понятія «браня». Несомнѣнно брань въ первомъ періодѣ своего развитія должна носить на себѣ отпечатки любви, хотя проявленія ея должны быть какъ можно болѣе скрываемы. Въ этотъ періодъ споры со стороны православныхъ могутъ и должны быть употребляемы, хотя только для вида, и угрозы. «Возставимъ, говорится въ девятомъ словѣ Данииловскаго сборника, падшихъ, взыщемъ заблудшихъ, обратимъ прельщенныхъ: овѣхъ сладостными словесы и сладостнѣйшими бесѣдами, и тихими, и мягкими врачеваніи пользоваться, овѣхъ же свѣрѣно, и страшно, и жестоко противу недугу врачеванія приносить, точію милостиво, человеколюбно, душеполезно, спасительно: языкомъ страшно и свѣрѣно глаголя, душею же и сердцемъ милостію разнваяся». ³ Не такого характера должна быть брань съ еретиками, если первый способъ веденія ея не удался. Ее должепъ тогда покинуть тотъ духъ любви и кротости, который скрывался за всѣми употреблявшимися во время ея видимыми угрозами и застрашиваніями. Второй періодъ брани съ вольнодумцами есть уже въ собственномъ значеніи брань. Отсюда

¹ Рук. № 197 л. 272—273. 240—241.

² Рук. № 167 л. 7. Ср. Оружное посланіе. Рукон. Моск. Дух. Ак. № 114/III. л. 422

³ Рук. № 197 л. 279.

уже всякія дружелюбныя отношенія къ еретикамъ должны быть прекращены и должны смѣниться бранью съ ними въ самомъ строгомъ значеніи этого слова. Брань эта состоитъ между прочимъ въ томъ, чтобы «воспрегати, возустити, устрашити еретиковъ». И въ этомъ періодѣ споровъ и столкновеній съ еретиками должны быть употреблены противъ нихъ репрессивныя мѣры въ родѣ угрозъ и застрашиваній, которыя притомъ были бы настолько осязательны и чувствительны для всѣхъ, что воздѣйствовали бы не только на лицъ, непосредственно причастныхъ ведущимся спорамъ, но и на всѣхъ вообще еретиковъ.¹ Но въ обоихъ видахъ брани съ еретиками, особенно когда она вступила въ періодъ все большаго и большаго взаимнаго возбужденія и горячности, когда, по обыкновенному порядку вещей оба состязующіяся лица, не могли удержаться долго въ предѣлахъ умѣренности, православные, по увѣщаніямъ Данила, никакъ не должны преслѣдовать личныхъ интересовъ и вести споры «ревность и ярость имѣти о Господи, а не себѣ на отмищеніе, не виѣже смысла яростию испадати и ревностию, аки похабиу кричати, но любуемудрствовати свободно надъ страстьми.² Второй періодъ брани съ еретиками, строгій по характеру своего веденія, составляетъ послѣднюю ступень споровъ и связей съ еретиками, за которою слѣдуетъ полный разрывъ съ ними.³

Разрывомъ съ еретиками не должны оканчиваться всѣ нравственныя обязательства православныхъ въ отношеніи къ нимъ. Долгъ православныхъ состоитъ въ отысканіи еще новыхъ посредственныхныхъ мѣръ воздѣйствія на заблуждающихся. Здѣсь Данилъ рекомендуетъ двѣ совершенно отличныя одна отъ другой мѣры. Первая мѣра, указываемая митрополитомъ, есть именно молитва къ

¹ Къ непріемлющимъ врачеванію сія, говоритъ Данилъ, по множеству наказаній и невосхотѣвшимъ въ лучшій прини въ конецъ, возревнууй ревностию Божественною, даже и прочія страхъ имуть, и отступитъ отъ сязавы и обратятся къ Господу Богу, да покаившися, поживутъ блаженное житіе» Рук. № 197 л. 274. 7.

² Рук. № 197 л. 453.

³ Періодъ брани съ еретиками, о которомъ говоритъ Данилъ, весьма мало у него выясненъ. Чрезвычайно трудно выдѣлать и уловить взглядъ Данила на этотъ моментъ споровъ и представить его въ болѣе ясномъ и отчетливомъ видѣ. Беспорядочность въ изложеніи мыслей, краткость, отрывочность ихъ составляютъ здѣсь другое немаловажное препятствіе. Это обстоятельство само собою вынуждаетъ сознать, что то опредѣленіе, какое дано понятію брани, не можетъ претендовать на полную достоверность и не можетъ выходить за предѣлы истинно проблематическаго характера.

Богу объ обращеніи заблудшихъ, ¹ молитва усердная, и искренняя «соборнѣ и особнѣ еяко возможно» и съ «множайшимъ дерзновеніемъ». Совершенно иного характера другая рекомендуемая Данииломъ мѣра воздѣйствія на еретиковъ. Для противодѣйствія усилѣнамъ еретической пропаганды, Даниилъ совѣтуетъ православнымъ, послѣ того какъ всѣ мѣры испробованы и остались безъ результата, *производить вражду, раздоръ между еретиками*, чтобы по крайней мѣрѣ этимъ способомъ ослаблять и уменьшать зло, производимое современными вольнодумцами. Здѣсь Даниилъ вноситъ новый нравственный принципъ для православно-нравственного ученія, принципъ, который отзывается нѣкоторымъ иезутизмомъ. ²

Вотъ программа, какою, по ученію Даниила, православные должны руководствоваться въ своихъ сношеніяхъ съ еретиками и въ воздѣйствіи на нихъ въ пользу обращенія ихъ къ истинной вѣрѣ. Программа за однимъ исключеніемъ, касающимся иезуитской тенденціи, составлена на основаніи гуманныхъ началъ. Она далека отъ суровой доктрины Іосифа Волоцкаго. Только кругъ ея дѣйствій, по воззрѣніямъ Даниила, простирается долженъ не на всѣхъ еретиковъ. Даниилъ раздѣляетъ еретиковъ по категоріямъ. Категорію такихъ еретиковъ, къ которымъ должны были быть прилагемы мѣры кротости и любви, составляютъ тѣ изъ нихъ, которые отличались нѣсколько податливостію въ своихъ убѣжденіяхъ. Для обращенія еретиковъ этой фракціи вполне достаточно было примѣненіе къ нимъ разнообразныхъ мѣръ, начертанныхъ Данииломъ въ болѣе или менѣе гуманномъ духѣ. Коль скоро еретики окажутся настолько упорными, что на нихъ не подѣйствуютъ никакія изъ указанныхъ гуманныхъ мѣръ, то они уже тѣмъ самымъ переходятъ въ разрядъ другого рода еретиковъ—*неисправимыхъ, закоренѣлыхъ*, для обращенія которыхъ къ истинѣ являются уже необходимыми и другія мѣры, мѣры внѣшняго административнаго преслѣдованія. Къ разряду еретиковъ, къ которымъ должны были прилагемы мѣры гуманнаго обращенія, относятся въ частности тѣ изъ нихъ, которыхъ увлекла въ ересь неосознательная и преднамѣренная развращенность ума, а невѣжество, или господство надъ человѣкомъ разныхъ слабостей и страстей, сдѣлавшихъ изъ него своего раба

¹ Рук. Моск. Дух. Акад. № 116, т. 1. 423—424. Окружное посланіе м. Даниила.

² Подробнѣе эта сторона воззрѣній Даниила развита во второмъ отдѣлѣ второй части изслѣдованія.

и помрачившихъ его разсудокъ. Митрополитъ отчасти касается тѣхъ обстоятельствъ, которые иногда способствовали православнымъ переходить въ еретичество и безъ которыхъ они навсегда оставались бы вѣрными сынами православной церкви ¹. И этого рода еретики не могли быть особенно стойкими въ усвоенныхъ ими еретическихъ понятіяхъ и потому для возвращенія ихъ къ истинѣ вполне достаточны были тѣ гуманныя мѣры, программа которыхъ представлена выше. И такихъ слабыхъ по убѣжденіямъ еретиковъ, какъ нужно думать, было значительное большинство между современными Даниилу русскими вольнодумцами. Отсюда, судя по мѣрамъ, какія должны были быть практикуемы противъ еретиковъ въ дѣлѣ обращенія ихъ къ истинѣ, являются двѣ категоріи еретиковъ: еретики со слабыми убѣжденіями и склонные къ увѣщаніямъ православныхъ, и еретики упорные, неисправимые, открытые. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что митрополитъ дѣлалъ разграниченіе между еретиками со стороны характера мѣръ обращенія ихъ къ вѣрѣ. Снисходительность и гуманность въ отношеніи къ слабымъ еретикамъ не могутъ быть никакимъ образомъ примиримы съ требованіемъ Даниила строгихъ суровыхъ мѣръ противъ необузданныхъ, открытыхъ еретиковъ. Самый способъ выраженія автора, его грамматическая форма подтверждаетъ такое разграниченіе. Непосредственно послѣ строгаго осужденія неисправимыхъ еретиковъ и требованія для нихъ соответствующихъ суровыхъ мѣръ, авторъ тотчасъ-же дѣлаетъ отступление и какъ-бы оговаривается, когда продолжаетъ: *разумѣти же и о семъ подобаетъ*, яко много челоуѣкомъ прилучаются многообразныя напасти душевныя (между прочимъ—ересь), и далѣе

¹ Разумѣти же и о семъ подобаетъ, говоритъ Даниилъ по этому поводу, яко много челоуѣкомъ прилучаются многообразныя напасти душевныя и тѣлесныя: ово отъ ненаученія, и ненавидѣнія, ово отъ друзей не полезныхъ, ово отъ обидѣнія и пиянства, отъ него же блудъ и многоразличныя страсти и ереси погубительныя... а еще отъ гордости бывають напасти челоуѣкомъ душевныя и тѣлесныя, сія вси вѣдять, сие и отъ осужденія, такоже и отъ сребролюбія и желанія богатства, есть же и отъ непокоренія и непослушанія, другое же отъ немилости и жестокосердія, ило же отъ несовѣтія и самочинія, другое же отъ возношенія и желанія славы скоропогибающаго житія, и пакы отъ неимѣнія любви, иже о Господѣ, къ челоуѣкомъ, *она него же неутрѣ и злуеніе...* да таковыхъ вѣдающе бѣсовскихъ свѣтъ множество распростертыхъ на уловленіе наше, будемъ милостиви другъ другу и себѣ, братіе.

вести рѣчь о еретикахъ, которые впали въ заблужденіе по невѣжеству, или по чему либо въ этомъ родѣ, и которые по тому самому заслуживаютъ снисхожденія и должны быть исправляемы и обращаемы къ истинѣ посредствомъ мѣръ кротости и любви.

II. Осьмое слово.

Для еретиковъ открытыхъ, неисправимыхъ митроп. Даниилъ рекомендуетъ другаго вовсе не гуманнаго рода мѣры воздѣйствія. Осьмое слово ¹ митрополита Даниила, весьма обширное по своему объему, существеннѣйшимъ своимъ содержаніемъ имѣетъ указаніе особыхъ, исключительныхъ мѣръ для еретиковъ неисправимыхъ и дерзкихъ, оказавшихся нечувствительными предъ мѣрами гуманнаго характера. Неисправимыхъ еретиковъ Даниилъ отличаетъ отъ всѣхъ другихъ и обозначаетъ ихъ названіемъ «враговъ Божіихъ и хулителей имени Божія».

Осьмое слово Даниіловскаго сборника имѣетъ слѣдующее полное оглавленіе: «яко подобаетъ къ властямъ послушаніе имѣти и честь имъ воздавати; и еже на враги Божія»

Содержаніе первой части осьмаго слова состоитъ изъ разсужденій о власти, о долгѣ православныхъ обращать еретиковъ къ истинной вѣрѣ, объ условіяхъ, способствующихъ уклоненію въ еретичество, о безграничной любви къ еретикамъ и о строгомъ преслѣдованіи упорныхъ и неисправимыхъ изъ нихъ.

Первая часть осьмаго слова обилуетъ текстами свящ. писанія. Она въ нѣкоторомъ своемъ объемѣ составляетъ простое собраніе евангельскихъ и апостольскихъ изреченій, связанныхъ между собою единствомъ содержанія.

Такъ какъ первая часть состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мыслей, подтвержденія для которыхъ собраны во второй части слова, то и обозрѣніе послѣдней будетъ происходить параллельно съ тѣми положеніями первой части слова, подтвержденію которыхъ служатъ данныя, содержащіяся во второй его части. Въ первой части осьмаго слова находится нѣсколько разсужденій о любви и снисходительности къ еретикамъ слабымъ

¹ Рукоп. № 197. л. 239—276.

убѣжденій и уступчивымъ, соответственно которымъ во второй части слова помѣщены нѣкоторыя святоотеческія свидѣтельства, санкцірующія собою гуманный взглядъ Данила на уступчивыхъ еретиковъ. Таково обширное свидѣтельство св. Іоанна Златоуста, въ которомъ говорится, что не должно ненавидѣть грѣшниковъ и еретиковъ, а молиться о нихъ, и обращать ихъ къ истиннѣ любви, милостію ¹. Ту же самую мысль содержитъ и другое свидѣтельство, взятое изъ твореній Златоуста ², а третьимъ необширнымъ свидѣтельствомъ Златоуста категорически утверждается, что еретиковъ вообще не должно убивать и умерщвлять ³.

Въ осьмомъ словѣ на первомъ планѣ стоитъ разсужденіе о власти. Трудно прямо и точно указать историческія обстоятельства, послужившія поводомъ въ глазахъ Данила къ написанію разсужденія о власти. Въ содержаніи самаго разсужденія нѣтъ ничего такого, на основаніи чего можно было-бы относить происхожденіе его къ тѣмъ или другимъ историческимъ условіямъ современной русской жизни. Поэтому о историческихъ поводахъ, вызвавшихъ собою разсужденіе Данила о власти, можно только догадываться и догадываться путемъ изученія явленій современной русской жизни, соприкасающихся съ вопросомъ о власти.

Время м. Данила было временемъ новыхъ государственныхъ порядковъ, когда только что входило въ силу единовластіе, смѣнившее собою свободу удѣльно-вѣчеваго строя общественной жизни. Оно-же въ разсужденіи государственной власти принадлежало еще къ эпохѣ переходной, неустойчивой, когда новыя понятія о власти и ея правахъ не успѣли еще сдѣлаться общимъ достояніемъ на-

¹ л. 266—269. Цитата приведена изъ бесѣды Златоуста на посланіе къ Коринѳлянамъ. Краткія выдержки изъ настоящей цитаты Данила находятся и въ Просвѣтителѣ, сл. 13, стр. 528, но въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ никакого указанія на источникъ заимствованія. Настоящее свидѣтельство Златоуста Данилъ заимствовалъ изъ 25 слова Никона Черногорца, половина I, 183—184.

² л. 269—271. Цитата вѣрная, извращеній мыслей нѣтъ. См. Бесѣды Златоуста на ев. Маттея. Москва. 1829. Нравоученіе 29-е, 188—189. Подлинникъ его Migne, Patrol. curs. compl. ser. graeg. tom. LVII, J. Chrysostomi tom. VII, pars prima, p. 361—362.

³ л. 271. Іосифъ Волоцкій въ своемъ Просвѣтителѣ объясняетъ это свидѣтельство Златоуста въ смыслѣ, не вполне прогнорѣвающимъ строгимъ преслѣдованіямъ и казнямъ еретиковъ. Просвѣтитель, сл. 13, 534. Бесѣды Златоуста на ев. Маттея. Москва, 1829, 273—274.

рода, когда напротивъ существовали кружки людей, дорожившихъ старыми понятіями о власти и ея прерогативахъ, и враждебно относившихся къ новымъ порядкамъ, отнимавшимъ и нарушавшимъ многія изъ ихъ древнихъ родовыхъ правъ. Въ царствованіе Василія Іоанновича были нерѣдки случаи «отъѣзда» русскихъ бояръ къ Литовскому князю и нѣкоторыхъ литовскихъ бояръ къ Московскому государю. Въ нихъ выразилось не вполне подавленное сознаніе въ русскомъ боярствѣ своихъ древнихъ правъ—свободной и юридически законной перемѣны своихъ господъ. А потому въ особенности при Василіи Іоанновичѣ вошелъ въ силу обычай въ предупрежденіе отъѣздовъ брать отъ ненадежныхъ бояръ клятвенныя записи, чаще всего за поручительствомъ высшихъ представителей церкви.¹ Могло быть, что митрополитъ Даниилъ, къ которому чаще всего за поручительствомъ обращались бояре, и за подписью котораго и до сихъ поръ сохранилось не мало грамотъ, желая ослабить невыгодный для правительства взглядъ боярства на свои права, позаботился представить его неблаговиднымъ съ религіозно-нравственной точки зрѣнія, и своимъ разсужденіемъ о повиновеніи власти выставилъ его противнымъ ученію І. Христа и Его церкви.

Точно также происхожденіе разсужденія Даниила о власти можно ставить въ причинную связь съ развитіемъ современнаго религіознаго либерализма и еретичества. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно извѣстно, что немного времени спустя послѣ смерти Даниила ученики и послѣдователи Θεодосія Косого проповѣдывали мысль о несовмѣстности существованія начальства съ духомъ христіанскаго ученія.²

Трактуя въ своемъ разсужденіи о власти, Даниилъ не опредѣляетъ, какую именно онъ власть разумѣетъ, когда говоритъ о власти. Если судить по аналогіи съ Іосифомъ Волоцкимъ, который

¹ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ ч. 1, № 149, 152, 153, 154, 157, 159, 160, 161, 162.

² Не подобаетъ, говорили они, въ христіанахъ властемъ быти и воевати, не хотимъ вѣдомы быти отъ господей, яко иѣсть требѣ быти начальствомъ въ христіанствѣ. Многословное посланіе въ рукописи библи. Кирилло-Бѣлоз. мон. № 1108 л. 120. 253. Общественное обсужденіе въ XVI в. вопроса о власти развито подробно у Николаевского. Русская проповѣдь въ XV и XVI в. Жур. Мин. Нар. Просв. 1868. Апрель, ч. 138, 93—104.

въ своемъ тринадцатомъ словѣ, посвященномъ имъ обоснованію законности преслѣдованія еретиковъ, точно такъ-же какъ и Даниилъ, помѣщаетъ и сходное съ Данииловскимъ разсужденіе о власти, то нужно допустить, что здѣсь имѣется въ виду власть прежде всего гражданская, государственная, а не церковная. Самое разсужденіе Даниила отличается общностью предмета и не даетъ ничего для опредѣленія того, какая здѣсь разумѣется власть. Въ отношеніи Даниила это различіе властей не могло имѣть особеннаго значенія въ виду того, что онъ смѣшивалъ и сливалъ права свѣтской и духовной властей, и потому могъ ограничиться общимъ разсужденіемъ о власти, имѣя въ виду и духовную и свѣтскую.

Но ближе будетъ къ истинѣ, если ставить разсужденіе Даниила о власти въ непосредственную связь съ современнымъ положеніемъ еретичества. Нѣкоторыя выраженія Даниила изводятъ на такого именно рода мысль. «Рцы убо ми, спрашиваетъ Даниилъ своихъ современниковъ, непосредственно послѣ изложенія ученія о власти, почто сопротивляешися Божію повелѣнію, сирѣчь, власти, отъ Бога учиненной? Почто законы Духа Святаго престапуаеши? Почто имя Божіе хулиши? Ибо таковая содѣвая всяко отищеніе приимеши отъ Божіихъ служителей». ¹ Изъ только что приведенныхъ словъ можно видѣть, что рѣчь митрополита направляется на еретиковъ, которые, вовсе отказывая въ повиновеніи церковной власти, въ то же время заявляли себя отрицательнымъ отношеніемъ ко многимъ пунктамъ догматическаго ученія православной церкви и дерзко относились ко многимъ ея учрежденіямъ, что, взятое вмѣстѣ, и составляло именно все то, что называлъ Даниилъ «хулою имени Божіа».

Разсужденіе Даниила о власти и ея правахъ не обширно. Учрежденіе власти въ обществѣ человѣческомъ разсматривается, какъ величайшее благодѣяніе для него. Земныя власти суть то божественное учрежденіе, чрезъ которое Богъ дѣйствуетъ въ людяхъ, и при помощи котораго Онъ продолжаетъ дѣло спасенія рода человѣческаго. Благодѣтельныя и спасительныя дѣйствія Богоустановленной власти проявляются въ двухъ различныхъ формахъ: они бывають направлены то «въ отищеніе злодѣемъ», то «въ похвалу благотворящимъ». Такимъ образомъ власть обнаружи-

¹ Рукоп. Москов. Дух. Акад. № 197 л. 239.

вается въ двухъ отличныхъ одинъ отъ другаго видахъ: она бываетъ карательною силою для недостойно живущихъ людей и силою, награждающею людей добродѣтельныхъ. Тѣ и другія управленія земной власти одинаково учреждены Богомъ.¹ Богоустановленность власти и отсюда обязанность безусловно подчиняться всѣмъ ея дѣйствіямъ и почитать ее Данилъ основываетъ преимущественно на разныхъ изреченіяхъ апостоловъ Петра и Павла² и отцовъ церкви: Златоуста³ и Василия Великаго.⁴ Если только историческое происхожденіе разсужденія о власти ставить въ связь съ еретическимъ движеніемъ, то смыслъ и назначеніе его будутъ состоять въ томъ, чтобы показать и доказать право преслѣдованія и наказанія еретиковъ, какъ обыкновенныхъ гражданскихъ преступниковъ.—Дѣйствительно, по взгляду митрополита, еретики не только враги церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и враги государства и, въ качествѣ таковыхъ, должны быть судимы, какъ обыкновенные государственные преступники, воры и разбойники. «Осуждаемы бывають, такъ разсуждаетъ Данилъ, татіе и разбойницы и прочіи злоторященіи челоуѣцы, пріемлють же казнѣ поправшени и ошлеваншени образъ земнаго царя, и аще убозіи, и прочіи казнѣ пріемлють, множае паче хулященіи Сына Божіи и Бога и Пречистую Богородицу». Такаѣ же гочно аналогія и въ томъ-же самомъ духѣ проводится между обезчестивающими образъ земнаго царя и хулителями царя

¹ л. 238—240.

² л. 242—244. 1 Петр. II, 13—21; Римл. XIII, 1—7, Кол. III, 22—23 Тит. II, 9—10.

³ л. 246. Цитата взята изъ 70-й бесѣды Златоуста на Ев. Матвея, Москва 1829, 403.

⁴ л. 244—245. Здѣсь приведено обширное толкованіе Св. Василия Великаго, на 13—21 ст. XI гл. 1 Петрова посланія, но никакого такого толкованія не находится въ ряду экзегетическихъ сочиненій св. Василия ни въ переводѣ на русскій языкъ, ни въ подлинникѣ. Migne. Patrol. curs. complet. ser. graec. tom XXIX—XXX. S. Basilii tom. I—II.—Въ 13-мъ словѣ Просвѣтителѣ, въ которомъ Іосифъ Волоцкій доказываетъ необходимость строгихъ преслѣдованій еретиковъ, онъ точно также помѣщаетъ здѣсь разсужденіе о власти и ея правахъ, которое въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ и особенно въ текстахъ Св. Писанія очень сходно съ разсужденіемъ Данила о томъ-же предметѣ; но только отдичается отъ него значительною краткостью. У Данила хотя и не такъ послѣдовательно, но за то болѣе обширно изложено ученіе о власти. Просвѣт. 13, слово, 534—535.

⁵ л. 239—240. Сходно съ этимъ и въ Просвѣтителѣ, 530. 536.

небеснаго въ свидѣтельствахъ св. Іоанна Дамаскина ¹ и въ житіи св. Стефана Новаго, на которыя и ссылается Данилъ въ подтвержденіе своихъ сужденій. Но если нарушители общественныхъ порядковъ и государственные преступники подвергаются строгой отвѣтственности предъ закономъ и наказываются соответственно степени своего преступленія, то тѣмъ болѣе должны подвергаться суровымъ наказаніямъ еретики, открыто издѣвающіеся надъ уставомъ церкви и ея божественнымъ ученіемъ и при всемъ томъ не подающіеся никакимъ мѣрамъ исправленія.

Къ неисправимымъ еретикамъ Данилъ безпощаденъ. Православнымъ запрещаются всякія сношенія съ еретиками. Ни дружба, ни какая либо другая нравственная связь съ ними не допустимы. Даже общеніе съ еретиками чисто внѣшняго характера, каково напр. общеніе въ пищѣ и питіи, и то, по взгляду Данила, не можетъ быть терпимо ². Свое запрещеніе какихъ-либо сношеній съ еретиками митрополитъ аргументируетъ тремя выдержками изъ слова І. Златоуста «о ложныхъ пророкахъ и безбожныхъ еретикахъ», гдѣ, дѣйствительно, встрѣчаются слѣдующія увѣщанія: «выпѣ молю не совокуплятися съ ними (еретиками) не въ коейже вещи: ни въ яденіи, ни въ питіи ни въ дружбѣ, ни въ любви, ни въ общеніи, ни въ миру ³. Для нихъ никакого другаго чувства не дол-

¹ т. 255—256. Цитата взята изъ слѣдующаго сочиненія Іоанна Дамаскина: λόγος ἀποβλεπτικός περὶ τῶν ὁρίων καὶ σκετῶν αἰώνων πρὸς πάντας χριστιανούς καὶ πρὸς τὸν Βασιλέα Κωνσταντῖνον τὸν Κατεβιβλῆν καὶ πρὸς πάντας αἰρετικούς и вѣнта въ со- отвѣтствующемъ подлиннику переводѣ. См. Migne, Patrolog. curs. complet. ser. Graec. tom. XCV. S. J. Damasceni tom. II, pag. 317.

² Рук. М. Д. А. № 197 т. 274. См. также Окружное посланіе рук. М. Д. Ак. № 341/111 т. 422. Памятнику старинной русской литературы, изд. Кушелевымъ-Безбородко, вып. IV, С.-ПБ. 1862, 198.

³ Рук. М. Д. Ак. № 197, т. 262, 263, 265. Это слово Златоуста было весьма распространено въ древней русской письменности (См. напр. рук. Москв. Синод. библ. № 41/111 ст. кат. т. 418 - 429. Описание Горского и Невоструева отд. II кн. I, 45—47. Оно извѣстно въ спискѣ Златоусту въ рукописи XII в. Матвѣевъ. Исследование о Златоустѣ, 357. Оно въ древности печаталось вместе съ словомъ св. Ефрема Сиріяна объ Антихристѣ въ отдѣльной брошюрѣ. Подлинное названіе слова слѣдующее: λόγος περὶ ψευδοπροφητῶν καὶ ψευδοδιδασκάλων καὶ ὁρίων αἰρετικῶν καὶ περὶ ὁρίων τῶν σκετῶν καὶ τῶν αἰώνων τούτων. Переводъ слова, въ которомъ оно находится въ подлинн. Данила, не представляетъ никакихъ усложненій отъ мыслей его подлинника. Migne, Pat. cur. compl. ser. graec. tom. LIX. S. 4. Chrysostomi, tom. VIII, p. 563, 558, 559, Inter Spuria. На это же самое свидѣтельство Златоуста смыляетъ

жно существовать въ сердцѣ православныхъ, кромѣ чувства крайней «совершенной ненависти», которою долженъ «возненавидѣти» ихъ каждый православный. Ненависть какъ-бы она сильна ни была, тѣмъ не менѣе она принадлежитъ къ области чувства, и потому она не можетъ быть особенно чувствительною для еретиковъ. Противъ нихъ необходимы мѣры дѣйствій. И дѣйствительно, митрополитъ убѣждаетъ православныхъ возревновать противъ враговъ Божіихъ—еретиковъ «божественною ревностію и проявлять къ нимъ праведную ярость»¹. Какъ ни сильно выраженіе Данила, оно тѣмъ не менѣе мало даетъ указаній на то, въ чемъ именно должна проявляться ярость православныхъ къ еретикамъ. У Данила нѣтъ никакихъ болѣе существенныхъ и самостоятельныхъ опредѣленій понятія божественной ярости, которою должны быть воодушевлены всѣ православные по отношенію къ дерзкимъ еретикамъ. Только по аналогіи и путемъ сопоставленія съ другими сужденіями митрополита можно ориентироваться въ настоящемъ предметѣ и опредѣлить то понятіе, какое соединялось у Данила съ названіемъ божественной ярости. По самому ходу его мыслей, и главное, подъ непосредственнымъ освѣщеніемъ приводимыхъ имъ свидѣтельствъ, вполне ясно, что говоря о божественной ярости, митрополитъ имѣлъ въ виду проявленіе ея въ дѣйствіяхъ, но вовсе не такого нравственнаго и миролюбиваго характера, какимъ отличались почти всѣ прежде рекомендованныя имъ мѣры обращенія съ еретиками; а напротивъ всѣ мѣры противъ неисправимыхъ еретиковъ сводятся къ мѣрамъ чисто внѣшнимъ, мѣрамъ репрессивнаго характера. Побужденія, какія указываетъ митрополитъ, какъ основаніе и оправданіе преслѣдованія еретиковъ, заслуживаютъ вниманія. «Будь, говоритъ онъ, ревнитель по Господѣ Божѣ, не попусти еретикомъ хулити имени Христа Бога, помани Владыки твоего Христа чело-вѣколюбіе, колико тебе ради сотвори: небо, солнце, луну и звѣзды, землю, море, источники и рѣки, и вся движущаяся въ нихъ, и яже на земли живущая, и яже по воздуху летающая, вся тебѣ даде и надо всѣми тебя царя постави; и еще что надъ сими? Богъ чело-вѣкъ бысть тебе ради, и вольную и безчестную страсть пре-

ся, и Іосифъ Волоцкій. Только у него оно отличается болѣею краткостью и не имѣетъ предъ собою указанія того слова Златоуста, откуда оно заимствовано. Просвѣтитель, 13 слово, 531.

¹ г. 276. 240.

терпѣ тебе ради, и будущая благая тебѣ обща, и царство небесное, и съ ангелы житіе, а ты не хочещи злодѣйственнымъ еретикомъ... воспрѣтити, возустити, устрашити?»¹, Начало устрашенія еретиковъ Даниилъ основываетъ на словахъ св. Ап. Іуды: «овѣхъ убо милуйте, разсуждающе, овѣхъ-же страхомъ спасайте» (Іуд. 1, 18—23)², на словахъ Ап. Павла изъ перваго посланія къ Тимофею: «обличай предъ всѣми, даже и прочіи уцѣлomuдятся» (1 Тим. V, 20) и на толкованіи послѣднихъ, принадлежащемъ Златоусту³.

Къ сожалѣнію, самъ митрополитъ не опредѣляетъ точно характера репрессивныхъ мѣръ. Равнымъ образомъ собственные разсужденія Даниила не даютъ ничего для опредѣленія того, какія изъ мѣръ строгости и наказанія еретиковъ считалъ онъ за самыя крайнія и послѣднія мѣры. Характеръ репрессивныхъ мѣръ и крайнія границы ихъ опредѣляются авторомъ не на основаніи собственныхъ разсужденій и соображеній, а цѣлою серіею чужихъ—святоотеческихъ и другихъ свидѣтельствъ. Даниилъ ловко скрываетъ свои собственные взгляды за рядомъ авторитетовъ древнихъ отцовъ и учителей церкви и какъ-бы заставляетъ ихъ говорить вмѣсто самого себя. Здѣсь у него нѣтъ ничего самостоятельнаго, онъ не произноситъ отъ себя ни одного слова: все зиждется здѣсь на однихъ чужихъ мнѣніяхъ, и вся авторская дѣятельность его обнаружилась здѣсь только въ подборѣ и извѣстной группировкѣ такихъ данныхъ древней святоотеческой и церковной письменности, которыя вполнѣ отвѣчали его понятіямъ и взглядамъ на разсматриваемый предметъ. Концентрируясь всѣ около одной общей идеи о законности преслѣдованія еретиковъ приводимыя митрополитомъ свидѣтельства тѣмъ не менѣе, по своему частному содержанію, распадаются на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, и каждая изъ нихъ съ той или другой стороны освѣщаетъ указанный предметъ, и тѣмъ до нѣкоторой степени констатируетъ значеніе и силу общаго положенія автора о законности преслѣдованія еретиковъ.

Первая группа находящихся во второй части осьмага слова

¹ Рук. Москв. Д. Акад. № 197 л. 274.

² л. 246 Эти же самыя слова ап. Іуды находятся и въ Просвѣтителѣ, сл. 13, 346.

³ л. 246. Снес. Бесѣды Златоуста на посланія къ Тимофею, Титу, Филимону и Евреямъ, переводъ при С.-ПБ. Духов. Академіи, 223—224.

свидѣтельство вся направлена къ положенію о томъ, что всѣ наказанія и даже самое послѣднее изъ нихъ—смертная казнь, при извѣстныхъ условіяхъ вполне законны. Такого именно характера свидѣтельство Іоанна Златоуста, въ которомъ говорится между прочимъ что «убійство по волѣ Божіей человеколюбія всякаго есть лучше убійство оно»¹, толкованіе блаженнаго Θεодорита на пророка Іосію, гдѣ различаются убійство законное (по приговору суда) и убійство какъ преступленіе², и также толкованіе св. Евсевія, епископа Емесскаго, на Дѣнія Апостольскія, гдѣ между прочимъ говорится, что «убійство Бога ради нѣсть убійство»³. Какъ въ большинствѣ перечисленныхъ свидѣтельствъ, такъ равно въ приводимомъ Данииломъ свидѣтельствѣ св. Аванасія Великаго находятся не мало указаній на убійства, освященные самою волею Божіею, каково напр. убіеніе по повелѣнію Моисея нарушителя

¹ л. 252—253. Свидѣтельство, приведенное авторомъ, въ нѣсколько его видѣ очень обширно. Оно взято изъ слова Златоуста «іудеямъ о трубахъ псалми». Оно подлинное. Современный переводъ его см. св. отца нашего І. Златоустаго слова, перев. съ греч. языка при С.-ИВ. Дух. Ак. 1830 г. т. III. Четвертое слово иротивъ Іудеевъ 518—522. Подлинникъ его см. Migne, Patrol. curs. compl. ser. graec. tom. XLVIII. S. J. Chrysostomi tom. I, pars secunda, pag. 873—874, гдѣ оно оглаживается такъ: κατὰ τοῦτο οὐκ εἰς τὰς ἀλλήλους τὸ Πάθος αὐτῶν. Никакихъ уклоненій и извращеній мыслей въ цитатѣ Даниила сравнительно съ подлинникомъ не имѣется. Это слово Златоуста встрѣчается отдѣльно въ рукописяхъ. Рукоп. Моск. Синод. Библи. № 117, 70—81. Описаніе Горскаго и Невострюка, отд. II, кн. 2, 120. Тѣмъ же самымъ свидѣтельствомъ Златоуста пользовался, давъ связнымъ аргументомъ, и Іосифъ Волоцкій (Просвѣтитель, слово 13, 541—542). Но это не показываетъ того, чтобы Даниилъ воспользовался имъ чрезъ Іосифа, Даниилъ въ своей цитатѣ указываетъ полное оглавленіе слова Златоуста, чего нѣтъ у Іосифа, и выписываетъ изъ него не краткую выдержку, какаѣ находится въ Просвѣтителѣ, а довольно обширную часть слова.

² л. 250—251. Цитата несколько не отступаетъ по мыслямъ отъ подлинника Migne Patrol. curs. compl. ser. graec. tom. LXXXI, Theodoretii tom. II, Ἐρμηνεία εἰς τὸν προφῆτην Ἰωσὴφ, pag. 1536—1538. Толкованіе на 4 ст. 1-й гл. Даниилъ воспользовался свидѣтельствомъ блж. Θεодорита чрезъ сочиненіе Никона Черногорца, половина I, ст. 14. 103.

³ л. 252. Толкованіе Евсевія, Епископа Емесскаго, на Дѣнія Апостольскія не изданы до сихъ поръ въ полномъ ихъ видѣ. Нѣсколько отрывковъ изъ нихъ находятся у Мина, который самъ заимствовалъ ихъ изъ своднаго толкованія на весь Новый Заветъ, сдѣланнаго Крамеромъ, Migne, Patrol. curs. compl. ser. graec. tom. LXXXVI, р. 361—362. Cramer, Catalogue graecorum patrum in novum testamentum, Oxoniae, 1838 tom. III, р. 115. 134. Но ни у того, ни у другаго нѣтъ мѣста, соответствующаго отрывку, находящемуся у Даниила.

закона о субботѣ, убіеніе Іисусомъ Навиномъ Ахара, Финеесомъ—Замвіа, Самуиломъ—Агага, царя Амаликова, Ан. Петромъ—Ананіи и Сафиры и др. ¹. Такимъ образомъ, при извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ смертная казнь—исполнѣ законное явленіе. Она приложима, какъ карательная мѣра противъ всякихъ преступниковъ. Какъ историческій примѣръ примѣненія смертной казни, Даниилъ указываетъ на передаваемое одною русскою лѣтописью событіе—именно на разрѣшеніе, данное русскими епископами великому князю Владиміру казнить разбойниковъ ².

Вторая группа свидѣтельствъ непосредственно относится къ вопросу о наказаніи еретиковъ. Всѣ свидѣтельства этой группы направлены къ одному и тому же выводу, именно, что казнить еретиковъ позволительно. Въ главѣ ихъ стоитъ толкованіе Теофилакта Болгарскаго на Евангеліе Іоанна, гдѣ примѣромъ строгости къ людямъ недостойнымъ представляется самъ І. Христосъ, который торжниковъ, осквернявшихъ храмъ Іерусалимскій «не просто изгна, но безчестнымъ біеніемъ плетенымъ біа и опрокидая пѣязникомъ деки» ³. Далѣе, приводимое митрополитомъ краткое изреченіе Златоуста одобряетъ и повелѣваетъ «Божіихъ присно мстити» ⁴, а другимъ свидѣтельствомъ того же святаго отца заповѣдуется всякому православному «язвы налагати на хулителей Христа Бога, заушати, сокрушати ихъ уста и наносимыми ерегикамъ язвами освящать свои дуки» ⁵, а по третьему свидѣтельству того же святаго отца—Злато-

¹ л. 246—247. Цитата взята изъ слова св. Афанасія Великаго подъ названіемъ «еже не судити да не осуждени будете». Судя по заглавію, въ подлинникѣ сочиненій Афанасія не находится сего ¹ слова. Migne Patrolog. curs. complet. ser. grec. tom. XXV—XXVIII. Эта же самая цитата находится и у Іосифа Волоцкаго, только она не имѣетъ предъ собою указанія на оглавленіе слова, и при томъ взята въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ у Данила. Просвѣтитель, 13 слово, 538—539.

² л. 250. Даниилъ здѣсь привелъ выдержку изъ лѣтописи Нестора, и оглавилъ ее общіе «лѣтописное». Она точно воспроизводитъ слова лѣтописи Нестора. Полн. Собраніе русскихъ лѣтописей, томъ I, стр. 54 подъ 996 годомъ.

³ л. 264. Толкованіе дѣйствительно принадлежитъ Теофилакту Болгарскому и не отстаетъ по мыслямъ отъ современнаго русскаго изданія твореній блаженнаго Теофилакта. Благовѣстникъ, ч. IV, 67.

⁴ л. 206. Снес. Слова св. Златоуста на разные случаи, перевод. при С-Пб. Дух. Ак. т. I, 117.

⁵ л. 259—261. Здѣсь Данииломъ приведена обширная часть одного слова, «иже въ Антиохіи речено бысть». Эта же самая цитата находится и у Іосифа Волоц-

уста и некоторые хулители признаются достойными побития камнями¹. Изъ свидѣтельствъ, прямо указывающихъ на необходимость и законность казнить еретиковъ, одно принадлежитъ блаженному Θεодориту и сущность его сосредоточивается только на указаніи, что и Моисей повелѣваетъ убивать лжепророковъ². Другое свидѣтельство того же рода приписывается св. Іоанну митрополиту Никейскому, «о сопряженіи крестъ Арменскихъ», рассуждаетъ о некоторыхъ заблужденіяхъ Армянъ и находитъ ихъ настолько важными и пагубными, что содержащія ихъ признаются достойными побитія камнями³. Къ этой-же самой группѣ по своему характеру относится и обширное свидѣтельство св. Нила Синайска-

го (Просвѣтитель, слово 13, 329—331), только у него она помѣщена въ болѣе краткомъ видѣ, чѣмъ у Данила, и притомъ безъ всякаго указанія слова, изъ котораго оно было заимствовано. При этомъ нужно замѣтить, что чтеніе цитаты изъ Златоуста по сборнику Данила въ некоторыхъ мѣстахъ отлично отъ чтенія, находящагося въ Просвѣтителѣ І. Волоцкаго.

* г. 258—259. Эти двѣ очень краткія цитаты взяты изъ бесѣдъ Златоуста на Евангеліе Матвея.

* г. 231. Цитата взята изъ сочиненія Θεодорита: «изъясненіе трудныхъ мѣстъ Св. Писанія», которое у Данила обозначается однимъ словомъ «о недоразумныхъ». Цитата—подлинная и не имѣетъ по мыслямъ отступленій отъ современнаго перевода, равно какъ и отъ подлинника, за исключеніемъ того, что у Данила пропущено указаніе лица, которое повелѣваетъ убивать лжепророковъ, Моисей, отчего глаголъ «повелѣваетъ» остался безъ подлежащаго. Не извѣстно, почему митрополитъ ограничился въ своей цитатѣ только однимъ указаннымъ примѣромъ и не воспользовался для подтвержденія своихъ мыслей дальнѣйшими рассужденіями блаженнаго Θεодорита, въ которыхъ дѣйствительно этотъ святой отецъ допускаетъ наказаніе (черезъ побитіе камнями) еретиковъ и лжеучителей. Очень можетъ быть, что подъ руками Данила находился неполный переводъ твореній Θεодорита. Св. Творенія Блаженнаго Θεодорита, Епископа Кирскаго, Москва, 1835 г. ч. I, 240—241. Подлинникъ см. Migne, *Patrol. curs. compl. ser. graec. tom. LXXX. Theodoret. tom. I, Quaestiones in loca difficilia scripturae veteris*, pag. 419—422. Сочиненіе блаженнаго Θεодорита «о недовѣдомыхъ» или «о недоразумныхъ», или просто объясненіе трудныхъ мѣстъ Св. Писанія извѣстно было на Руси довольно рано. Оно встрѣчается въ изборникахъ начала XV в. Рук. Моск. Синод. Библ. № 162. Описаніе Г.рскскаго и Невоструева, отд. II, кн. 2, 406—410.

* г. 238. Прочитованное здѣсь мѣсто съ именемъ І. Никейскаго заимствовано изъ самого дѣла изъ обвинительнаго слова на Армянъ Исаака Католикоса Армянскаго, гдѣ дѣйствительно есть мѣсто, вполне соответствующее сдѣланной м. Даниломъ выдержкѣ. Migne, *Patrol. curs. compl. ser. graec. t. CXXXII, Isaac, Armeniaci Catholici oratio i contra Armenios*, cap. XI: περί τῆς αὐτοῦ ἐκείνων τῶν ὁμορῶν τῶν Ἀρμενίων, p. 1187—1188.

го, много распространяющееся о ревности по Богѣ, которая должна уподобляться ревности Моисея, перѣдко повелѣвавшего убивать нарушителей закона Божія ¹. Содержаніе всѣхъ свидѣтельствъ этой группы касается только одной стороны вопроса о казняхъ еретиковъ, именно предмета его, не давая никакихъ данныхъ для сужденія о лицахъ, которымъ принадлежигъ право преслѣдованія еретиковъ.

Третья группа приводимыхъ Данииломъ свидѣтельствъ восполняетъ собою пробѣлъ именно съ этой стороны вопроса. Долгъ наказывать и преслѣдовать еретиковъ принадлежитъ прежде всего свѣтской власти и особенно государю. Историческими примѣрами, подтверждающими этотъ взглядъ Даниила на законосообразность употребленія жестокихъ мѣръ преслѣдованія еретиковъ со стороны государей, служатъ: сказаніе, заимствованное изъ похвального слова св. царю Константину и царицѣ Еленѣ Евѣмїа, патріарха Терновскаго, гдѣ между прочимъ въ числѣ заслугъ, оказанныхъ христіанству св. Константиномъ, выставляется и то, что онъ «повелѣ въ идолстей пребывающихъ прелести главною казнити казнію, ²—другое сказаніе о Константиноѣ Великомъ, изъ котораго видно, что сей первый христіанскій государь распорядился неисповѣдающихъ св. Троицу какъ зло «и аѣ отъ житія премѣнять» (т. е. убивать) «и дому ихъ въ разграбленіи быти». ³ Третій историческій

¹ л. 262—263. Свидѣтельство св. Нила взято Данииломъ въ его пѣломъ видѣ изъ втораго слова Никона Черногорца, сочиненіе Никона, половина I, 18—19.

² л. 247—248. Извѣстно нѣсколько списковъ похвального слова св. Константину и Еленѣ Евѣмїа Терновскаго: въ рукописяхъ Импер. Публ. Библ. Q. I. № 209, л. 78—140 изъ собран. гр. Телет. отд. II, № 232 XV—XVI в., въ двухъ рукописяхъ Москв. Публ. Музея изъ собран. Удольскаго, № 256—XVI в. и № 615—XVII в. Одинъ списокъ находится въ рукописи Соловецкой библ., одинъ упомянутъ въ описаніи Сербской Хиландарской Лавры. Слово написано Евѣмїемъ Терновскимъ по желанію Болгарскаго царя Іоанна Шишмана. Подр. Обзоръ хронографовъ русской редакціи Андрея Попова, выпускъ второй, Москва, 1869 г. 28—30. Описаніе рукоп. Соловецкой библіотеки. Приложение къ Православному Собесѣднику за 1877—1879 г. стр. 186—189. Похвальное слово Евѣмїа Терновскаго не издано въ печати.

³ л. 248—249. Это сказаніе заимствовано Данииломъ изъ житія св. священномучениковъ Василия и Еверема. Это же самое сказаніе находится и въ Просвѣтителѣ, только здѣсь оно помѣщено безъ указанія мѣста своего заимствованія и по другой, нѣсколько отличной отъ Данииловской редакціи. Просвѣтитель, слово 13,

примѣръ, оправдывающій преслѣдованіе еретиковъ со стороны правительства, заимствованъ изъ похвального слова великому князю Владиміру, который восхваляется за просвѣщеніе всей русской земли св. крещеніемъ, гдѣ многіе изъ русскихъ «не любовію, но страхомъ повелѣвшаго (т. е. князя) крещавшася». ¹

Но и самой церкви принадлежитъ право преслѣдовать еретиковъ. Приводимое Данииломъ свидѣтельство «отъ изложенія рекше воспоминанія бывшаго церковнаго соединенія» указываетъ на это именно право церкви, когда въ немъ утверждается, что апостолы, а за ними ихъ преемники и представители въ церкви «св. церковь оградиша, запрещенія же и отлученія соборныя церкви безчиннымъ и непокоривымъ положиша, иѣкія же и до смерти осудиша». ² Примѣромъ строгаго отношенія къ еретикамъ изъ пастырей церкви служить у Даниила св. Θεодоръ, Архіепископъ Едесскій, одобрившій, какъ это видно изъ его житія, такімъ мѣры свѣтскаго начальства, послѣдствіемъ которыхъ было то, что еретики «злою злѣ погибоща смертію». ³ Даже частныя лица, св. мужи разнаго времени, и тѣ, побуждаемые ревностью по святой вѣрѣ, всѣми, находившимися въ ихъ распоряженіи, средствами преслѣдовали еретиковъ. Такъ, св. мученица Θεодосія, жившая во время иконоборческихъ смуть, когда по приказанію царя и одобренію патріарха, стали снимать образъ І. Христа съ воротъ царскаго дворца, то она въ сообществѣ другихъ благочестивыхъ женщинъ явилась

546. Здѣсь Іосифъ, передавая сказаніе, говоритъ отъ себя и не даетъ понять, что онъ дѣлаетъ это на основаніи того или другаго источника.

¹ л. 248—249. Похвальное слово великому князю Владиміру, какъ извѣстно, принадлежитъ Нларіону, митрополиту Кіевскому и напечатано въ прибавл. въ Творен. св. Отц. въ русскомъ переводѣ, 1844 г. См. также Памятники духовной литературы временъ великаго князя Ярослава. Москва. 1844, 40.

² л. 263—264. Цитата взята изъ Кормчей, гдѣ глава, изъ которой авторомъ сдѣлано заимствованіе, носитъ слѣдующее названіе: «изложеніе, рекше воспоминаніе бывшаго церковнаго соединенія при Константѣ и Романѣ, овому убо царствующу, овому же тогда цареву отцу саномъ почтену сущу». См. старопечатн. Коричну Московскаго изданія 1633 г. л. 368—370. Здѣсь въ точности воспроизводится цитата м. Даниила. Объ истор. происхожденіи настоящаго Канон. памятника см. у Горчакова, о тайнѣ супружества, С.П.-Б. 1880, 186—189.

³ л. 255. У Іосифа Волоцкаго представлено два примѣра изъ жизни св. Θεодора Едесскаго, въ которыхъ выразилась его строгость и нетерпимость къ еретикамъ, но оба примѣра различны отъ того факта, на который сослался здѣсь Даниилъ. Просвѣтителя, 13 слово, 533. 547.

въ домъ патріаршей и била камнями нечестиваго патріарха Анастасія—иконоборца, а другіе девять святыхъ мужей, когда уже слуги взошли на лѣстницы и готовы были снять съ вѣрты образъ Христа Спасителя, отняли лѣстницы и предали смерти нѣкоторыхъ изъ исполнителей распоряженій нечестиваго императора.¹

Такимъ образомъ, на основаніи представленныхъ въ осьмомъ словѣ Данииломъ свидѣтельствъ, можно придти къ слѣдующимъ положеніямъ, оправдывающимъ фактъ преслѣдованія еретиковъ. Прежде всего противъ дерзкихъ и неисправимыхъ еретиковъ являются вполне законными строгія мѣры преслѣдованія и наказанія и даже самая смертная казнь. Право преслѣдовать и казнить еретиковъ принадлежитъ свѣтской гражданской власти. Но судить еретиковъ и осуждать къ разнымъ наказаніямъ, въ этомъ вполне можетъ принимать участіе и власть церковная. Наконецъ въ преслѣдованіи еретиковъ по мѣрѣ силъ и возможности и сообразно занимаемому положенію въ обществѣ должны принимать участіе и каждый православный. Вполнѣ-ли раздѣлялъ изложенныя воззрѣнія м. Даниилъ, трудно сказать. Но онъ самъ сдѣлалъ подборъ извѣстныхъ свидѣтельствъ, которыя необходимо приводить къ извѣстнымъ заключеніямъ.

Наказаніе осьмаго слова обширно по своему объему. Будучи по своему характеру самостоятельнымъ пастырскимъ поученіемъ, оно тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ своихъ мысляхъ однородно съ первыми двумя частями осьмаго слова. Содержаніе наказанія въ общихъ чертахъ состоитъ въ развитіи слѣдующихъ мыслей. Здѣсь въ началѣ пастырь говоритъ о любви къ себѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей, заповѣдуетъ имъ любить Бога, и особенно останавливается на увѣщаніи о любви къ ближнимъ, даетъ настоячивые совѣты заботиться объ обращеніи еретиковъ къ истинной вѣрѣ и исправленіи братій, подвергшихся напастьмъ и слабостямъ, предлагаетъ нѣкоторыя частныя условія и способы исправленія еретиковъ и отчасти опредѣляетъ характеръ отношеній къ нимъ. Точно такъ же, какъ и первая часть слова, и наказаніе его отли-

¹ л. 257—258. Житіе св. Θεодосіа. Мая 29. Житіе Юліана, Маркіана, Іоанна и др. Августа 9. На поступокъ св. Θεодосіа, представленный здѣсь Данииломъ, ссылаясь въ свое время и преп. Іосифъ (Просвѣтитель, 13 слово, 553—554), но только ссылака его по редакціи чтенія ся отлична отъ Данииловской.

чается обиліемъ текстовъ Св. Писанія. Особенно много взято здѣсь изъ посланій ап. Павла, Петра и Іоанна. Болѣе характерныя и выдающіеся взгляды на ережниковъ, какіе проводятся въ наказаніи осьмага слова, были уже разсмотрѣны въ соответствующихъ ихъ содержанію мѣстахъ.

Въ осьмомъ словѣ м. Данила находится очень много данныхъ святоотеческой литературы, которыя тождественны съ тѣми, какими пользовался Іосифъ Волоцкій въ своемъ Просвѣтителѣ. Но это нисколько не говоритъ противъ самостоятельности Данила въ написаніи осьмага слова. Замѣчательно, что тѣ памятники святоотеческой литературы и церковной письменности, авторитетомъ которыхъ въ свое время пользовался Іосифъ, хотя и находятся въ осьмомъ словѣ Данила, но въ послѣднемъ случаѣ они всегда почти имѣютъ предъ собою указаніе на источникъ своего заимствованія и на названіе слова, изъ котораго сдѣлано это заимствованіе. Притомъ приводимыя Даниломъ святоотеческія свидѣтельства отличаются всегда обширностію и даже часто излишнею полнотою и буквальною. Между тѣмъ въ Просвѣтителѣ Іосифа Волоцкаго тѣ же самыя свидѣтельства, помимо того, что не сопровождаются никакимъ болѣе или менѣе точнымъ указаніемъ своего источника, кромѣ общаго указанія имени св. Отца, а иногда и безъ этого, они еще отличаются краткостію. А иногда бываетъ и такъ, что авторъ Просвѣтителя совершенно умачиваетъ объ источникѣ, откуда заимствуется имъ то или другое свѣдѣніе, и тѣмъ самымъ вводитъ въ заблужденіе изучающаго его твореніе, который предрасполагается видѣть здѣсь слова не того или другаго церковнаго памятника, а самаго автора Просвѣтителя. Вообще въ указаніи цитатъ Данилъ далеко превосходитъ въ аккуратности своего знаменитаго учителя. Нечего упоминать о томъ, что въ осьмомъ словѣ Данила собрано не мало такихъ свидѣтельствъ, которыя не имѣютъ мѣста въ Просвѣтителѣ. Такимъ образомъ, Данилъ, какъ авторъ осьмага слова, вполне самостоятеленъ и чуждъ литературныхъ заимствованій изъ Просвѣтителя. Разсматриваемое съ точки зрѣнія формальной, т. е. съ точки зрѣнія богатства священной богословской аргументаціи, осьмое слово Данила можетъ быть поставлено въ параллель съ тринадцатымъ словомъ Просвѣтителя. Оно такъ же обширно, какъ и послѣднее; оно такъ же обильно святоотеческими свидѣтельствами, какъ и это. Но по характеру содержанія свидѣтельствъ оба слова имѣютъ между собою нѣко-

торыя различныя отѣнки. У Данила является болѣе преобладающею теоретическая сторона, тогда какъ у Іосифа—историческая. У Данила находится болѣе такихъ свидѣтельствъ, которыя въ принципѣ допускаютъ преслѣдованія и казни еретиковъ, тогда какъ Іосифъ болѣе всего подбираетъ у себя историческіе факты, свидѣтельствующіе, что казни еретиковъ законна. Здѣсь имъ переребирается, рассматривается съ извѣстной точки зрѣнія исторія отношеній разныхъ византійскихъ императоровъ къ еретикамъ, поступки греческихъ святителей и преподобныхъ мужей и т. д. Въ осьмомъ словѣ Данила историческій элементъ сравнительно слабѣе.

Доказывая болѣе теоретически законность казней и преслѣдованій еретиковъ, Данилъ черпаетъ свои доказательства изъ твореній св. отцевъ, особенно изъ твореній Златоуста. И Іосифъ часто ссылается въ своемъ тринадцатомъ словѣ на сочиненія Златоуста, но у него несравненно менѣе выдержекъ изъ твореній Златоуста, чѣмъ у Данила. Послѣдній въ этомъ отношеніи находился въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ удобно могъ пользоваться новымъ переводомъ многихъ твореній св. І. Златоуста, сдѣланнымъ только въ его время просвѣщеннымъ Максимомъ Грекомъ.

Рассматриваемое съ логической точки зрѣнія, осьмое слово Данила далеко уступаетъ тринадцатому слову Просвѣтителя. Последнее отличается ясностію, отчетливостію и болѣею связностію мыслей. Между тѣмъ въ словѣ Данила замѣчается спутанность, неопредѣленность выраженій, ихъ отрывочность, что взятое вмѣстѣ весьма много затрудняетъ изслѣдователя въ дѣлѣ опредѣленія истинныхъ взглядовъ изучаемаго лица на извѣстный предметъ.

Что касается вообще до проводимыхъ м. Даниломъ взглядовъ на еретиковъ, то въ нѣкоторыхъ отдѣльных пунктахъ, касающихся еретическаго вопроса, онъ является независимымъ отъ школы. Такъ если между Іосифомъ Волоцкимъ и Даниломъ и замѣчается сходство въ воззрѣніяхъ относительно того пункта, которымъ высказывается запрещеніе всякаго общенія православныхъ съ еретиками, не исключая и вишнихъ видовъ его: ядѣнія, питія и т. п., то касательно его нужно сказать, что это, высказанное ими обоими, требованіе не составляетъ особенности только ихъ

воззрѣній, но напротивъ есть правило, которое практиковалось гораздо ранѣе ихъ и не разъ высказывалось разными пастырями русской церкви. Такъ, напр., такое же точно требованіе высказывалъ въ 1427 году митрополитъ Фотій въ своемъ посланіи къ Псковитянамъ ¹.

Программа дѣйствій, начертанная митрополитомъ для православныхъ, какъ руководительное начало въ дѣлѣ состязаній и вообще обращенія и сношеній съ еретиками, вся почти проникнута духомъ любви и снисходительности къ еретикамъ. Изложенный въ нихъ кругъ воззрѣній Данила на еретиковъ характеризуетъ его, какъ пастыря, искренно любящаго свою паству, и равно любвеобильнаго и къ отпадшимъ членамъ ея, и какъ человѣка, склоннаго извинять слабости другихъ. Митрополитъ начерталъ для своихъ современниковъ цѣлую систему гуманныхъ мѣръ по отношенію къ еретикамъ, между тѣмъ какъ Іосифъ Волоцкій, вовсе почти обходя молчаніемъ указаніе мѣръ болѣе или менѣе человѣческаго отношенія къ еретикамъ, сосредоточивалъ свое вниманіе болѣе всего на доказательствахъ необходимости террора для обращенія еретиковъ къ вѣрѣ или окончательнаго искорененія ихъ. Въ глазахъ Іосифа всѣ другія мѣры кромѣ казней представлялись даже вовсе недействительными противъ еретиковъ. Казни для него представлялись почти единственнымъ, находящимся въ распоряженіи человѣка, средствомъ для искорененія еретичества.

Далѣе, въ то время какъ Данилъ чрезвычайно много распространяется о любви къ еретикамъ и о системѣ гуманныхъ мѣръ по отношенію къ нимъ, Іосифъ Волоцкій не позволяетъ питать къ еретикамъ никакого другаго чувства, кромѣ чувства крайней ненависти.

Данилъ, какъ видно изъ его воззрѣній, съ радостію готовъ былъ привѣтствовать всякое раскаяніе и покаяніе еретика. Не такъ смотрѣлъ на раскаяніе ихъ Іосифъ. Онъ не вѣрилъ вовсе искренности раскаянія еретиковъ жидовствующихъ и не считалъ поэтому возможнымъ давать имъ освобожденіе изъ заключенія въ томъ случаѣ, если ими приносилось раскаяніе.

При сравнительной оцѣнкѣ взглядовъ Іосифа и Данила на еретическій вопросъ, нужно принимать во вниманіе и тѣ истори-

¹ Акты Истор. т. I, №№ 33 и 34, 63—67.

ческія условія, въ какихъ находились еретики при жизни Іосифа и въ какихъ—при Даниилѣ. Въ послѣднемъ случаѣ еретики были сдавлены, унижены, и потому одному митрополитъ Даниилъ могъ отнестись къ нимъ съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, котораго они напротивъ не заслуживали въ глазахъ Іосифа, когда они поражали своею дерзостію всю истинно-православную часть русскаго общества.

Но на нѣкоторыхъ частныхъ воззрѣніяхъ м. Данила, сопрягающихся съ еретическимъ вопросомъ, несомнѣнно отразилось вліяніе идей Іосифа Волоцкаго. Одинъ пунктъ сходства между Іосифомъ и Данииломъ касается чисто государственнаго взгляда на еретиковъ, по которому послѣдніе являются въ существѣ дѣла обыкновенными преступниками въ родѣ воровъ и разбойниковъ различающимися отъ нихъ только большею степенью виновности предъ закономъ. Извѣстно, что Іосифъ допускалъ хитрость, или какъ онъ называлъ «бо наученное коварство», какъ средство позволительное и законное по отношенію къ еретикамъ. Равнымъ образомъ, и м. Даниилъ считалъ законнымъ средствомъ по отношенію къ нимъ произведеніе вражды, раздоровъ и т. п., если только оно предпринимается въ видахъ ослабленія еретичества.

Въ принципѣ Іосифъ Волоцкій и митрополитъ Даниилъ сходятся во взглядѣ на суровыя мѣры преслѣдованія еретиковъ. Но сходство здѣсь довольно отдаленное. Даниилъ въ самой значительной степени ограничиваетъ кругъ лицъ, къ которымъ должны были быть приложимы крутыя мѣры и даже смертная казнь по отношенію къ еретикамъ. Митрополитъ допускаетъ смертную казнь еретикамъ, но только въ самомъ крайнемъ случаѣ, когда исчерпаны всѣ другія мѣры. Достойна примѣчанія одна черта, касающаяся взгляда и разсужденій Данила о казняхъ еретиковъ. Онъ ни полусловомъ не высказался самъ по этому щекотливому для него, какъ пастыря церкви, вопросу, а, держась въ душѣ извѣстнаго взгляда, вмѣсто себя заставилъ высказываться то множество святоотеческихъ и другихъ авторитетовъ, которое было указано въ своемъ мѣстѣ. У Данила вовсе не находится ни одного самостоятельнаго выраженія со словами «о казняхъ лютыхъ», смертей, «конечной гибели», какими на оборотъ такъ богаты нѣкоторыя слова Просвѣтителя Іосифа. Нѣтъ также ничего у Данила о розыскахъ еретиковъ, на доказательство необходимости которыхъ Іосифомъ посвящено особое слово его Просвѣтителя. При-

зная въ крайнихъ обстоятельствахъ примѣнимою къ еретикамъ смертную казнь, Даниилъ тѣмъ не менѣе не заходитъ здѣсь такъ далеко, чтобы придавать ей священное значеніе для тѣхъ лицъ, которыми она произволится, и до нѣкоторой степени искушительное значеніе для людей, подвергающихся ей, между тѣмъ какъ напротивъ Іосифъ казнямъ еретиковъ усвоилъ такое именно значеніе.

Общее впечатлѣніе, получаемое послѣ сравненія взглядовъ Іосифа Волоцкаго и митрополита Даниила, склоняется въ пользу послѣдняго. Митрополитъ Даниилъ, всегда ревностный въ другихъ случаяхъ хранитель и почитатель идей Іосифа Волоцкаго, тѣмъ не менѣе въ данномъ вопросѣ объ еретикахъ нѣсколько и даже довольно значительно отступился отъ крайне строгихъ воззрѣній своего учителя и отличается отъ него бѣльшею умѣренностію и гуманностію своихъ требованій по отношенію къ еретикамъ.

Вопросъ объ отношеніи къ еретикамъ продолжалъ занимать русское общество въ теченіе всего первосвятительства митрополита Даниила. Такъ можно утверждать на основаніи окружнаго посланія митрополита Даниила, написаннаго имъ въ послѣдніе дни своего святительства, именно въ январѣ 1539 года, въ которомъ митрополитъ живо затрогиваетъ и еретическій вопросъ. Окружное посланіе Даниила есть вмѣстѣ съ тѣмъ и прощальное посланіе его съ своею паствою, въ которомъ Даниилъ давалъ послѣдніе совѣты своей паствѣ, вызванные послѣдними событіями общественной жизни Россіи; а потому, если онъ въ своемъ посланіи отвѣлъ значительное мѣсто разсужденіямъ объ еретикахъ, то это служить яснымъ признакомъ того, что вопросъ о нихъ продолжалъ еще интересовъ тогдашнее русское общество.

ГЛАВА III.

Слова, излагающія ученіе о сохраненіи священнаго преданія и обрядовъ церкви.

Третье и четвертое слова Даниіловскаго сборника запечатлѣны однимъ общимъ характеромъ и сосредоточиваются на защитѣ священнаго преданія и всей церковно-обрядовой стороны русскаго православія. Отличіе содержанія одного слова отъ другаго состоитъ только въ томъ, что въ первомъ изъ нихъ, т. е. третьемъ, излагается ученіе о сохраненіи церковнаго преданія и обрядовъ всѣхъ вообще, тогда какъ въ четвертомъ словѣ предметомъ защиты служатъ нѣкоторые частные обряды и обычаи русской православной церкви.

Слова Даниила, посвященные имъ защитѣ преданія и церковныхъ обрядовъ, находятся въ самой органической связи съ современнымъ религіознымъ состояніемъ русскаго общества и вызваны были особенностями религіозной жизни русскаго народа. Преобладаніе внѣшности, сухой обрядности надъ другими болѣе живыми, духовно-нравственными отправлениями религіозной жизни проходитъ почти чрезъ всю историческую жизнь русскаго народа. Мало знакомый съ догматическимъ ученіемъ православія, а между тѣмъ постоянно живя и воспитываясь въ строгой церковной обрядности, народъ сталъ смѣшивать въ своемъ представленіи и то и другое и переносить признаки одного понятія на другое. Такимъ путемъ въ русскомъ народѣ съ теченіемъ времени образовался взглядъ на обрядъ, какъ на нѣчто тождественное съ догматомъ, оттого затѣмъ и на разности въ обрядахъ русскій народъ сталъ смотрѣть, какъ на догматическія отступленія. Крайняя и односторонняя приверженность русскихъ къ формѣ, къ обряду, составлявшая одинаковое достояніе всѣхъ членовъ русскаго общества, была причиной, по которой, при охватившемъ въ XV—XVI вв. русское общество критическомъ движеніи, строгіе ревнители православія и поклонники обряда съ особенною настойчивостію взялись за защиту церковно-обрядовой стороны православія. Точно также въ частности поступилъ и митрополитъ Даниилъ. Было нѣсколько отдѣльных фракцій людей, проводившихъ идеи, несогласныя съ установившимися взглядами на обряды церкви, которые вызывающимъ образомъ дѣйствовали на Даниила.

Первая фракція въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, не симпатизировавшая односторонней ревности къ обряду, воплощалась въ критиціонномъ направленіи, отцомъ котораго былъ, какъ извѣстно, Нилъ Сорскій. Послѣдній систематически началъ уяснять христіанство не въ его внѣшней обрядовой сторонѣ, а въ его сущности,—въ его чисто нравственныхъ началахъ, изъ-за которыхъ самые обряды отодвигались на второй планъ и получали свою цѣнность только тогда, когда они находились въ генетической связи съ духовно-нравственными началами религіи и служили только внѣшнимъ выраженіемъ ихъ. Ученикъ Нила Сорскаго, Вассіанъ Косой продолжалъ развивать идеи Сорскаго о непозволительности монастырямъ владѣть вотчинами, о ненеобходимости употребленія дорогихъ украшеній въ церквахъ и др. Кромѣ того Вассіанъ своими сочиненіями и особенно новымъ сборникомъ кормчей, гдѣ имъ сдѣланы капитальныя измѣненія и главное значительныя пропуски важныхъ съ точки зрѣнія консерваторовъ документовъ, и дерзкими выходками, которыя онъ позволялъ себѣ даже на соборѣ въ отношеніи недавно канонизованныхъ святыхъ, наприм. Макарія Калязинскаго и Юны, митрополита Московскаго вызвалъ Данила на литературное состязаніе. Дѣло исправленія книгъ, находившееся подъ непосредственнымъ руководствомъ Вассіана, его односторонніе и рѣзкіе отзывы о неудовлетворительномъ состояніи современныхъ церковно-богослужебныхъ книгъ, невинныя, но иногда не маловажныя ошибки въ книжныхъ исправленіяхъ Максима Грека, окончательно подорвали авторитетъ критиціоннаго направленія и сдѣлали его сторонниковъ въ глазахъ высшей церковной іерархіи еретиками. Такъ, по крайней мѣрѣ смотрѣлъ на нихъ самъ митрополитъ и, сообразно своему взгляду на нихъ, принималъ противъ нихъ мѣры литературной защиты.

Другою не менѣе важною фракціей, подавшею Данилу и другимъ поводъ къ защитѣ внѣшней обрядовой стороны церковной жизни—было прозябавшее жидовство. Еретики жидовствующие извращали, а частію положительно игнорировали большую часть обрядовъ православной церкви, равно какъ и другія ея учрежденія. Они отрицали поклоненіе иконамъ, отвергали монашество и не хотѣли уважать священнаго авторитета нѣкоторыхъ писаній святыхъ отцевъ и церковнаго преданія ¹.

¹ Пресвѣтитель, 231—289. 290. 451. 373—450 и др.

Можно еще указать на третье—особое теченіе современной русской жизни, которое не только шло въ разрѣзъ съ установившимся взглядомъ господствовавшего въ русской церкви консерватизма, но угрожало нѣкоторою опасностію и вообще русскому православію. Это теченіе есть западное, однимъ изъ видныхъ проводниковъ котораго въ Россіи во времена Данила былъ извѣстный Николай Нѣмчинъ.

Такимъ образомъ не мало было историческихъ условій, вызвавшихъ митрополита Данила на защиту церковнаго преданія и церковныхъ обрядовъ. Современное русское общество было весьма заинтересовано выдвинутымъ вопросомъ о степени важности разныхъ церковныхъ установленій, затрогивавшимъ многія стороны современной общественной жизни. Если въ средѣ тогдашняго просвѣщеннаго общества было много такихъ лицъ, которыя отворачивались отъ всякихъ разсужденій касательно умѣстности или неумѣстности того или другаго церковнаго учрежденія, то съ другой стороны среди его насчитывалось не мало и такихъ людей, симпатій которыхъ находились на сторонѣ новаго либеральнаго движенія. И такихъ увлекающихся современными либеральными идеями было не мало въ средѣ русскаго общества. Они были воиолнѣ православны, и вся вина ихъ состояла въ томъ, что они сами вступали въ разсужденія съ людьми отрицательнаго критическаго направленія. О такихъ увлекающихся лицахъ значъ еще Іосифъ Волоцкій. «Аще кто и не отступи въ жидовство, говорятъ Іосифъ о нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ, то мнози научишася отъ нихъ писанія божественная укорати и на торжищахъ, и въ домѣхъ о вѣрѣ любопреніе творяху и сомнѣніе имѣяху»¹. То же самое было и во время святительства Данила. «Ты же види и слыши, такими словами обличаетъ Данилъ современныхъ ему критиковъ церковныхъ уставовъ, неподобная глаголющихъ, и церковныя законы и уставы презирающихъ, не воспрещаеши, ни возуздаеши, и скверныя ихъ уста не загражаеши, и не точію не воспрещаеши имъ, но услаждаеши о сихъ, и имѣхъ на сіе поужаеши». Спорамъ увлекались не одни интеллигентные люди; примѣру ихъ слѣдовала цѣлая толпа людей менѣе чѣмъ посред-

¹ Просвѣтитель, 59—60.

ственного образованія, для которыхъ общее движеніе также не прошло безслѣдно.

І. Третье слово.

Общее во всемъ критическомъ и еретическомъ движеніяхъ было то, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ движеніи затрогивался вопросъ о важности преданія и обрядовъ церковныхъ, разныхъ установленій и учрежденій церковныхъ, большая часть которыхъ сформировалась въ церкви на почвѣ святоотеческаго преданія. Поэтому сущность защиты церковныхъ обрядовъ сводилась къ защитѣ важности церковнаго преданія вообще. Такъ и дѣлаетъ митрополитъ Даниилъ. Онъ даетъ своему третьему слову соответствующее названіе, именно: «яко восходя Господь на небеса вдаде апостоломъ два завета ветхій и новій, сія же пріемше святіи апостоли, таже по нихъ церковніи пастыріе и учителя, иже вси духомъ Божественнымъ наставляеми, ова убо оставиша, ова же узаконили, и предаша святѣй церкви, и сія же вся церковная преданія, писаная и не писаная, узаконенная намъ о святыхъ апостолахъ и богоносныхъ отецъ нашихъ непреложно подобаетъ соблюдать»¹. Въ самомъ оглавленіи слова указать и первый источникъ, откуда святая православная церковь получила свое божественное ученіе, обряды и учрежденія, которыя восходятъ къ самому основателю христіанства—Исусу Христу. Христосъ предалъ апостоламъ свое ученіе только въ основныхъ и главныхъ чертахъ, предоставивъ имъ, подъ руководствомъ св. Духа, разъяснить его, и развивать на основаніи данныхъ Имъ началъ и благоустроить внѣшнюю жизнь церкви. Стало бытъ, если апостоламъ предоставлена такая широкая власть въ церкви—власть создавать ея внѣшнее и внутреннее благоустройство, то съ несомнѣнностію отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что то, что ими или ихъ ближайшими преемниками устно или письменно предано церкви, предано непосредственно или посредственно чрезъ другихъ (св. отцевъ), то должно составлять для каждаго изъ членовъ ея предметъ величайшаго благоговѣнія и безусловной обязательности, какъ выраженіе дальнѣйшей воли самого Спасителя. Таковъ общій смыслъ третьяго слова.

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 64—92.

Содержаніе первой части слова распадается на два отдѣла, изъ которыхъ первый, находясь въ непосредственной связи съ общимъ предметомъ слова, состоитъ изъ перечисленія разныхъ церковныхъ установленій, дошедшихъ и сохраняющихся въ церкви на почвѣ преданія,—второй, совершенно самостоятельный по своему предмету, содержитъ въ себѣ рядъ обвиненій, направленныхъ противъ дурнаго поведенія во время церковнаго богослуженія, какое допускалось современниками Данила.

Въ первой части третьяго слова перечисляется большая часть тѣхъ установленій церковныхъ, которыя сформировались на почвѣ преданія. Это перечисленіе замѣчательно для характеристики взгляда Данила на объемъ и пространство церковнаго преданія. «Многа и различна, говоритъ Данилъ, устроенія, чины же и уставы, правила и законы отъ Божественныхъ апостолъ пріять святаа церкви, таже по апостолѣхъ богоноснии отци много предаша и повершиша святѣй и соборѣй апостольстѣй церкви, подобѣ чины, и устроенія, и весь уставъ христіанскаго житія: и на поставленіе патріархомъ молитвы и уставы, и чины, и различенія, и предѣлы каждо ихъ, и мѣста, и сѣдалища митрополитомъ, и архіепископомъ, епископомъ и архимандритомъ, и игуменомъ, священникомъ и діакономъ, иподіакономъ, и четцемъ, и пѣвцемъ и свѣщеносцемъ, и молитвы на крещенія..... и на обрученія же, и на вѣчанія, и на покаанія и на причащенія животворящаго Тѣла и честныа Крове Господа нашего Исуса Христа, отрицаніе же и обѣщаніе и молитвы на постриженія иноческаго малаго и великаго..... и на погребеніе инокомъ и мірскимъ, уставы, и тропари, и молитвы, и иже въ литургіахъ дивно и освященно уставы счетанья: первая Великаго Василиа, вторая Златоустаго, третія Григорія павы Римскаго.... и молитвы на Богоявленіе и на сшествіе Духа, и въ начало новаго лѣта, и на освященія церкви, и на освященіе святаго масла, и на освященіе святаго мѣра, и на освященіе водъ, и на поставленія православныхъ царей, пѣснь же, и пѣнія, и сѣдальны и тропари, и кондаки, и степенны и всенощныя уставы, и пѣнія господскимъ праздникомъ и прочимъ, другимъ же аллилуія и посты, иныя же евангельскыа праздники, иныя же и славословныа нарекоша и уставиша, чтенія же торжественна и обычна, и повѣсти, и словеса, и житія святыхъ въ праздничныа дни и обычныа узаконоположиша и предаша святѣй церкви».

Вторая часть слова, судя по характеру содержанія собран-

ныхъ въ ней данныхъ, распадается на нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Первую группу свидѣтельствъ составляютъ данныя, подтверждающія собою мысль оглавленія слова—мысль о двухъ заветахъ, врученныхъ Христомъ своимъ апостоламъ и ихъ преемникамъ. Вѣтхій заветъ, конечно, здѣсь принимается только въ смыслѣ констатированія его съ извѣстными ограниченіями, какія послѣдовали въ отношеніи къ нему въ христіанствѣ. Въ подтвержденіе своей мысли о врученіи Иисусомъ Христомъ двухъ заветовъ митрополитъ ссылается на евангельское повѣствованіе о милосердіи самаритянъ (Лук. X гл.) въ связи съ толкованіемъ его, гдѣ подъ образомъ самарянина представляется самъ Искупитель міра, а два динарія, врученные самаряниномъ гостиннику въ уплату за уходы за избитымъ разбойниками, означаютъ собою два завета вѣтхій и новыи, врученные Христомъ апостоламъ и послѣдующихъ временъ епископамъ и учителямъ ¹. Совершенно то же самое повторяетъ и другое свидѣтельство Даниїла, взятое имъ изъ толковаго евангелія ².

Большая часть приводимыхъ Даниїломъ во второй части третьяго слова свидѣтельствъ касается его ученія о важности и о предѣлахъ церковнаго преданія. Здѣсь чахотятся: слова апостола Павла въ связи съ толкованіемъ ихъ, принадлежащимъ Златоусту ³, св. Василия Великаго ⁴, Іоанна Дамаскина ⁵, Іоанна, митрополита Никейскаго ⁶, толковаго евангелія ⁷ и отрывокъ изъ житія Иларіона

¹ Л. 68—69. Толкованіе принадлежитъ Осомилангу Болгарскому. Благочестивикъ, ч. III, 152—156.

² Л. 70. Учительное евангеліе, 323.

³ Л. 79—80. Подлинное свидѣтельство Бесѣды Златоуста на второе посланіе къ Солун, перев. при Сиб. дух. Акад. 1859 г. бес. 4, 56.

⁴ Л. 80—83. Цитаты взяты изъ извѣстнаго каноническаго посланія св. Василия къ Амфилохію, еп. Никейскому. О св. Духѣ. Твор. св. отецъ т. VII, твор. Василия Великаго, ч. III, 331—336, 341—342. Подлин. Migne, Patrol. curs. complet. ser. græc. t. XXXII S. Bas. Caesariens. t. IV. p. 185—193, 199, 200.

⁵ Л. 79. Свидѣтельство приведено изъ слова Дамаскина о святыхъ и честныхъ иконахъ, обращеннаго имъ къ Императору Константину Каваліну. Migne, Patrol. curs. complet. ser. græc. t. XCV. s. J. Damascen. t. II. p. 320.

⁶ Л. 74—77. Свидѣтельство на самомъ дѣлѣ принадлежитъ Исааку Католикоу Армянскому. Migne, Patrol. curs. compl. ser. græc. tom. CXXXII. Isaac. Armeniaci Catholici. Oratio I contra Armenios, cap. VII—VIII. p. 1173—1182.

⁷ Л. 70—73. Цитата сравнительно съ печатнымъ изданіемъ Учительнаго

Меглинскаго. Во многихъ изъ приведенныхъ здѣсь Данииломъ свидѣтельствахъ дѣйствительно упоминаются очень многія изъ тѣхъ дошедшихъ до насъ путемъ преданія церковныхъ установленій, которымъ отводить у себя мѣсто Даниилъ.

Среди множества церковныхъ установленій Даниилъ особенно останавливается на защитѣ православнаго ученія о почитаніи св. иконъ и св. мощей. Здѣсь Даниилъ непосредственно направляетъ свою рѣчь противъ жидовствующихъ, болѣе всего игнорировавшихъ иконопочитаніе, и доходявшихъ въ ненависти къ нему до открытаго поруганія надъ иконами. Доказательства въ защиту иконопочитанія, сгруппированныя во второй части слова, даны митрополитомъ въ цѣломъ опредѣленіи седьмаго вселенскаго собора,¹ въ свидѣтельствахъ Толковаго евангелія,² «многосложнаго свитка»³ и наконецъ Никона Черногорца.⁴

Для того, чтобы придать болѣе значенія своимъ доводамъ въ пользу сохраненія и уваженія церковнаго преданія и всѣхъ установленій церкви, Даниилъ пользуется своимъ обычнымъ приемомъ: онъ старается подыскать какую-нибудь изъ осужденныхъ церковію древнихъ ересей, заблужденія которой совпадали бы или, по крайней мѣрѣ, соприкасались бы со взглядами современныхъ ему русскихъ еретиковъ и вольнодумцевъ, чтобы тѣмъ самымъ исторически показать ихъ несостоятельность, лживость и еретическій характеръ. Это ему отчасти удается сдѣлать и здѣсь въ отношеніи

евангелія соответствуетъ послѣднему только въ самомъ началѣ. А большая часть его не имѣетъ въ немъ ничего соответствующаго. Евангеліе Учительное, слово 46,324 нѣкоторыя разъясненія этого обстоятельства см. въ дополненіяхъ.

¹ л. 90—91. См. Старопечатная Кормчая 1633 г. л. 208—209.

² л. 83—87. Свѣд. Учительное евангеліе старопечатное. Слово 3, 39—41.

³ л. 91—92. См. старопечатный обороникъ 1642 г. 230—231. Въ подлинникѣ посланія, в. давномъ Савеліемъ, процитованнаго здѣсь мѣста не находится.

⁴ л. 87—90. Подлинникъ твореній Никона, писателя XI в., до сихъ поръ не изданъ, исключая самой незначительной части ихъ, изданной Мишемъ. *Patrol. slav. complet, ser. grec. tom. CXXVII*. Подлинникъ сочиненій Никона находится въ рукописяхъ и только описанъ Кардиналомъ Маємъ. *Zapiski Imper. Akad. Nauk.* т. XX. 149—156. томъ XXI. 193—198. Свидѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и о неизвѣстныхъ памятникахъ. С. П.-Б. 1876 г. т. 2. Двѣ статьи Срезневскаго о пандектахъ Никона Черногорца. Сочиненія Никона были въ большомъ распространеніи въ древней Руси, Горской и Невоструевъ. *Описаніе рукоп. Моск. Сын. биб.* отд. II. кн. 3. На слав. языкѣ сочиненія Никона (его пандекты) издавались нѣсколько разъ, именно въ 1670 г. под. Густина Прлуцкаго монастыря и въ 1795 года изд. Почаевской Лавры. Последнее изданіе есть простая перепечатка перваго.

противниковъ церковныхъ установленій ссылакою на слова св. Василія Амасійскаго «о Павликіанстѣй ереси»¹ и однимъ указаніемъ на сказаніе о той-же ереси въ «криницѣ»,² гдѣ, дѣйствительно, можно находить нѣчто общее между павликіанами и современными Даниилу русскими вольнодумцами, такъ какъ павликіане между другими своими заблужденіями держались отрицательныхъ воззрѣній на преданіе, считая за источникъ своего вѣроученія только евангеліе и апостолъ, т. е. одно свящ. писаніе.

Наказаніе третьяго слова отличается своею краткостію и состоитъ изъ одной мысли, которою опредѣляется цѣль написанія слова. Слово написано, по замѣчанію автора, въ цѣляхъ «истиннаго извѣщенія правды вѣры» и преимущественно для людей посредственнаго образованія, для массы народа.

Третье слово соборника митрополита Даниила написано независимо отъ сочиненій Іосифа Волоцкаго. Положимъ, многое изъ того, что защищаетъ въ своемъ словѣ Даниилъ, защищаетъ и Іосифъ противъ возраженій жидовствующихъ (наприм. иконопочитаніе). Но здѣсь находится существенное различіе между тѣмъ и другимъ. Іосифъ въ своей защитѣ пользуется главнымъ образомъ доводами свящ. писанія и особенно ветхаго завета, а потомъ разбираетъ отдѣльно каждое частное слово еретиковъ и вольнодумцевъ, тогда какъ Даниилъ въ своемъ словѣ въ защиту церковнаго преданія и разныхъ уставовъ церкви, попиравшихся еретиками, беретъ общее ученіе о преданіи и аргументируетъ его доводами, заимствованными преимущественно изъ святоотеческой литературы. Въ третьемъ словѣ находятся и такія доказательства, которыя взяты изъ свящ. писанія и которыя такимъ образомъ съ особенною пользою могли

¹ л. 73—74. Полное заглавіе слова такое: «Посланіе къ нѣкому инокѣ владимѣру въ отчашіе о Павликіанстѣй ереси». Съ такимъ именно названіемъ оно встрѣчается и въ другихъ рукописяхъ (Рукоп. Моск. Св. библиот. № 106/141 л. 1—68 и № 101/141 л. 1—109. Горскій. Описан. Рук. Св. биб. II, 2, 648—652. Имя автора указываетъ на епископа Емесскаго, но ни у Фабриція, ни у Миня не издано ни одного сочиненія съ именемъ Василія Емесскаго или Амасійскаго. Василій Амасійскій называется также авторомъ жизни св. Θεодора Едесскаго. Рук. Соф. № 1898 л. 242.

² л. 74. «Криницею» называлась въ то время хроника Георгія Амартола. Въ подлинникѣ сочиненій Георгія Амартола, дѣйствительно, есть краткая характеристика ученія Павликіанъ. Migne, Patrolog. curs. complet. ser. græc. tom. CX. Georgius monachus cognomento Hamartolus, Chronicon, lib. IV, p. 933—934.

³ Просвѣтителъ, слова 6, 7 и 8.

быть приложимы къ полемикѣ съ жидовствующими. А обширный кругъ святоотеческихъ свидѣтельствъ, находящійся въ третьемъ словѣ, съ удобствомъ могъ быть направленъ противъ увлеченій современныхъ вольнодумцевъ, которые, хотя и не отказывались отъ православія, но склонны были къ свободному, критическому отношенію къ разнымъ церковнымъ установленіямъ.

Мысль о сохраненіи преданій церкви и объ уваженіи ко всѣмъ основаннымъ на немъ церковнымъ учрежденіямъ съ величайшею настойчивостію проводится митрополитомъ Даниломъ и въ другихъ его словахъ, равно какъ и въ посланіяхъ. Несомнѣнно обстоятельства времени вызывали митрополита на усиленную бдительность.

Содержаніе слова Данила о важности церковныхъ преданій замѣчательно вообще для характеристики Данила *какъ богослова и писателя.*

Предъ Даниломъ ясно обозначались два противоположныя другъ другу направленія. Съ одной стороны предъ нимъ грозно обрисовывалась масса строгихъ и темныхъ ревнителей строгой обрядности съ рѣшительнымъ требованіемъ сохраненія ея во всѣхъ самыхъ мельчайшихъ ея подробностяхъ, съ другой стороны предъ нимъ выступалъ кружокъ людей просвѣщенныхъ, критически развитыхъ, и съ скептическимъ недовѣріемъ относившихся ко всему современному строю церковной жизни, и въ этомъ направленіи въ отдѣльных случаяхъ, переходившихъ границы умѣренности и правильного пониманія вещей. Данилъ избралъ средній путь между обоими направленіями, но, несмотря на то, онъ не избѣгъ крайностей. Конечно, какъ просвѣщенный пастырь, онъ не могъ быть строгимъ ревнителемъ буквы обряда или богослужебной книги. Иначе невозможно было бы существованіе переводовъ и книжныхъ исправленій Максима Грека, равно какъ едва-ли возможно было-бы со стороны непосредственно его самого широкое пользование переводами сдѣланными преп. Максимомъ Грекомъ. Судъ надъ Максимомъ свидѣтельствуетъ, что Данилъ преслѣдовалъ Максима за тѣ или другія ошибки въ его книжныхъ исправленіяхъ, а не за самый принципъ исправленій. Но главный недостатокъ въ воззрѣніяхъ Данила тотъ именно, что у него, какъ человѣка, хотя и многоначитаннаго, но научно необразованнаго, не было яснаго и точнаго разграниченія между понятіями догмата и обряда. От-

сюда и на молитвы (съ извѣстными ихъ догматическомъ содержаніемъ) онъ смотритъ, какъ на памятники символическіе, заглазить которые (но не исправить) въ богослужебной книгѣ для него значило заглазить «великій догматъ премудрый». А такой преувеличенный и односторонній взглядъ Данила исходилъ изъ принципиальныхъ особенностей его школы, которая слишкомъ расширяла значеніе источниковъ христіанской доктрины и почти весь кругъ сочиненій религіознаго характера разматривала какъ нѣчто единое цѣлое и общеобязательное, обозначая ихъ общимъ названіемъ божественныхъ писаній. Точно также, и митроп. Даниилъ слишкомъ расширяетъ значеніе богослужебныхъ и другихъ церковныхъ книгъ, придавая содержащимся въ нихъ церковнымъ пѣснопѣніямъ и другимъ памятникамъ силу почти равную свящ. писанію въ его строго-каноническомъ смыслѣ. Равнымъ образомъ по той-же самой причинѣ и житія святыхъ прямо называются имъ «Священнымъ Писаніемъ». ¹ Прямымъ слѣдствіемъ смѣшенія каноническихъ и неканоническихъ памятниковъ является то, что Даниилъ слабо различаетъ то, что въ церкви основано на св. преданіи и то, что—на св. писаніи, и смутно сознаетъ предѣлы св. писанія, понимаемого въ строгомъ его смыслѣ, и оттого впадаетъ въ ошибку, распространяя значеніе св. писанія на такіа книги, когорымъ церковію усвоено второстепенное значеніе, каковы житія святыхъ, поученія, книги богослужебныя. Вслѣдствіе подобныхъ отношеній къ церковнымъ памятникамъ Даниилъ усвоилъ себѣ преувеличенное понятіе о важности обрядовой стороны церковной жизни и такимъ образомъ приближается къ формальному взгляду на религію, какимъ жили тогда почти всѣ русскіе умы. Говоря такъ, мы вовсе не отождествляемъ Данила съ тою массою русскаго общества, которая понимала вѣру, какътолько совокупность обрядовъ. Это съ особенною ясностію видно будетъ въ другихъ мѣстахъ нашего изслѣдованія. Такимъ образомъ во взглядѣ на значеніе обрядовъ и разныхъ существующихъ установленій въ церкви, имѣющихъ внѣшній характеръ, Даниилъ является сторонникомъ консервативнаго направленія, ратовавшаго за сохраненіе всякой внѣшней обрядности, но не доходитъ въ этомъ своемъ взглядѣ до крайности—до благоговѣнія предъ буквою обряда. Здѣсь онъ впадаетъ въ ту ошибку, что даетъ нѣ-

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 115. 117.

сколько преувеличенное значеніе обрядовой сторонѣ церковной жизни. Не различая во всей строгости догматическаго ученія отъ ученія объ обрядахъ, не представляя себѣ ясно того, что основано въ церкви на строго-апостольскомъ преданіи, и что только свято хранится церковію на основаніи завѣщаній какого-либо изъ св. отцовъ, Данилъ постоянно, и съ одинаковою силою и совместно, неотдѣливо другъ отъ друга, настаиваетъ и на сохраненіи и чисто-апостольскаго ученія и преданія, и преданій, связанныхъ съ именами отцовъ и подвижниковъ церкви послѣдующаго и сравнительно позднѣйшаго времени, и обязанныхъ своимъ происхожденіемъ только этимъ послѣднимъ. Въ первой части третьяго слова указана цѣлая группа церковныхъ установленій, по своему происхожденію составляющихъ, по словамъ митрополита, достояніе преданія, и рассматриваемыхъ имъ, какъ нѣчто единое цѣлое съ преданіемъ. Въ дѣйствительности-же между указываемыми въ словѣ разными церковными установленіями и обрядами есть такія, которыя, по своему историческому происхожденію и временному, обусловленному случайными обстоятельствами, появленію въ церковной жизни, никакъ не могутъ быть въ строгомъ смыслѣ отнесены къ категоріи учрежденій съ характеромъ происхожденія отъ церковнаго (апостольскаго) преданія. Существующіе въ кругѣ церковно-богослужебной практики «тропари», «молитвы», «пѣсни и пѣнія Господскимъ праздникомъ», «повѣсти», «словеса» (поученія), «житія святыхъ» и др. весьма многія изъ нихъ никакъ не могутъ быть отнесены къ разряду такихъ авторитетовъ, важность и сила которыхъ запечатлѣна была-бы ихъ происхожденіемъ чрезъ преданіе. Между тѣмъ Данилъ не полагаетъ различія между этими послѣдними церковными установленіями и такими, которыя дѣйствительно освящены преданіемъ, какъ источникомъ богодухновеннымъ.

Рассматриваемое съ точки зрѣнія матеріальной, т. е. съ точки зрѣнія вѣскости священной аргументаціи, третье слово заслуживаетъ вниманія. Нѣкоторыя изъ приводимыхъ въ немъ свидѣтельствъ св. отцовъ, какъ наприм. свидѣтельства Василія Великаго о важности церковнаго преданія, имѣютъ высокое богословское значеніе.

Третье слово Данила имѣло свое историческое значеніе для современниковъ и цѣлилось ими, на что указываетъ существо-

ваніе нѣсколькихъ редакцій и, сокращеній и *выписокъ* изъ слова, происхожденіе которыхъ относится не позже второй половины XVI вѣка.

II. Четвертое слово.

Изъ всей массы обрядовъ, какимъ такъ богата православная церковь, Данилъ останавливается только на двухъ, имѣющихъ между собой ближайшую связь, это на крестномъ знаменіи и на поклоненіи въ молитвахъ на востокъ. Изложенію ученія объ этихъ обрядахъ посвящено четвертое слово Данила, которое соотвѣтственно своему предмету имѣетъ слѣдующее оглавленіе: «яко пріяхомъ преданія писаная и неписаная: и да акаменуемъ лице свое крестообразно, и еже на востокъ обращаться въ молитвахъ, и зрѣти же, сице и покланятися»¹. Данилъ раньше въ третьемъ словѣ защищалъ всю внѣшнюю обрядовую сторону православной церкви, и такимъ образомъ сюда входили и только что указанныя внѣшнія выраженія молитвеннаго обращенія челоуѣка къ Богу. Если же онъ не ограничился однако общей защитой, какая простиралась и на способъ внѣшняго выраженія молитвеннаго настроенія, христіанина, то это служить яснымъ доказательствомъ того, что у Данила были особенныя болѣе или менѣе уважительныя причины, которыя и заставили его обратить свое вниманіе и на этотъ предметъ.

Дѣйствительно, мы видимъ весьма солидныя основанія, которыя вызвали Данила на путь защиты православнаго обычая объ употребленіи крестнаго знаменія и о поклоненіи на востокъ при совершеніи молитвы.

Извѣстно уже, въ какой силѣ у насъ на Руси въ продолженіе XVI вѣка и ранѣе господствовалъ формализмъ въ религіи. Обряды церкви получили въ глазахъ русскаго народа значеніе не внѣшнихъ только средствъ при возношеніи къ Богу молитвъ, но сдѣлались для нихъ самой цѣлью, исполненіе которой въ разъ навсегда опредѣленной и санкціонованной формѣ необходимо должно было сопровождаться желаемыми послѣдствіями. Отъ исполненія только одной формы обряда, по представленію русскихъ того вре-

¹ Рукоп. Москов. Дух. Акад. № 197, л. 92—121.

мѣни зависѣло и то, услышана-ли будетъ Богомъ молитва, которая соединялась съ тѣмъ или другимъ обрядомъ. Такое догматическое отношеніе къ обрядамъ обратило исполненіе ихъ въ простой, лишенный истиннаго смысла и значенія, механизмъ. Люди старались какъ можно болѣе вычитать молитвъ въ то самое время, когда ихъ умъ занятъ былъ совершенно посторонними предметами. Интересъ послѣднихъ оказывалъ давленіе на исполненіе той или другой формы обряда, выражавшееся въ желаніи скорѣе кончить его. Отсюда само собою вытекало новое слѣдствіе—торопливость при исполненіи обряда. Большинство напрягало свое вниманіе на то, чтобы въ сравнительно короткое время сдѣлать какъ можно болѣе поклоновъ, или вычитать молитвъ. А такъ какъ исполненіе всякаго обряда непремѣнно сопровождалось крестнымъ знаменіемъ, то исполненіе его болѣе и скорѣе всего подвергалось измѣненію и извращенію и настолько, что въ концѣ XV вѣка и въ первой половинѣ XVI на этотъ предметъ было обращено вниманіе многихъ книжниковъ того времени, и тогда уже начались открытыя жалобы на это со стороны нѣкоторыхъ книжныхъ людей. Такъ авторъ извѣстнаго слова «о крестящихся» жалуется на то, что «есть мнози неразумнии, иже не крестообразно крестящеся, но точію махающе по лицу своему творятъ крестящеся»¹. Поэтому въ XV—XVI вв. появлялись спеціальныя поученія «о крестномъ знаменіи», въ которыхъ раскрывалась священная важность изображенія крестнаго знаменія². Даже самъ Вассіанъ Патрикѣевъ, несмотря на строго проводимый имъ взглядъ на второстепенное значеніе обрядовъ въ дѣлѣ религіи, и тотъ однако счелъ нужнымъ давать совѣты о томъ, чтобы «крестное знаменіе на лицѣ *все полю* крестити»³. Филоеѣй, старецъ Елизарова монастыря, настолько возмущенъ былъ несправнымъ исполненіемъ крестнаго знаменія, что рѣшился обратиться къ самому великому князю Василю Іоанновичу съ мольбою принять мѣры къ искорененію отступленія отъ древняго обычая. Посланіе Филоеѣя такъ и обозначается посланіемъ «о исправленіи крестнаго знаменія»,

¹ Рукоп. Моск. Духов. Акад. № 197, л. 97.

² Лѣтописи русской литерат. и древности, издан. Тихонравовымъ, т. V, отд. III, 90—103.

³ Разсужд. Вассіана о неправлѣнн монастырямъ владѣть вотчинами. Чтен. въ Общ. Ист. и древн. Рос. 1839 г., кн. III, отд. III, 13.

гдѣ между прочимъ старецъ жалуется на то, что «не полагаютъ на себѣ человѣцы право знаменія честнаго креста»¹. Къ тому же въ концѣ XV и въ началѣ XVI вв. въ русской церкви стали употребляться и употреблялись два вида перстосложенія для крестнаго знаменія—двуперстіе и троеперстіе². Это съ одной стороны

Другая не менѣ важная сторона вопроса о крестномъ знаменіи связана съ ересью жидовствующихъ, послѣдователи кото рой отвергая большую часть обрядовъ православной церкви, вооружались противъ поклоненія и почитанія св. иконъ и въ частности противъ поклоненія св. кресту и евангелію³. Такимъ образомъ Данилу предстояло выполнить двѣ разнородныя задачи. Онъ долженъ былъ защищать важность и силу употребленія крестнаго знаменія, какъ внѣшняго знака христіанства, противъ возраженій со стороны жидовствующихъ, и представить правильный способъ изображенія крестнаго знаменія для православныхъ въ виду возникшихъ недоразумѣній касательно его внѣшняго выполненія. Такъ именно и дѣлаетъ Даниилъ въ своемъ четвертомъ словѣ.

Въ содержаніи первой части четвертаго слова предлагаются разсужденія о многосторонней пользѣ и благотворности изученія божественныхъ писаній и совѣты о твердомъ храненіи писанныхъ и неписанныхъ церковныхъ преданій. Въ заключеніи ея находится нравственное приложеніе, призывающее къ совершенію добрыхъ дѣлъ. Какъ уже можно видѣть, содержаніе первой части слова мало имѣетъ общаго съ главнымъ его предметомъ.

Вторая часть четвертаго слова, наполненная обширными, многочисленными и разнообразными свидѣтельствами, развиваетъ тѣ положенія, какія указаны въ оглавленіи слова. Собранныя здѣсь данныя по своему содержанію распадаются на нѣсколько отдѣльныхъ группъ. Первая группа свидѣтельствъ посвящена изложенію и обоснованію ученія о силѣ и важности крестнаго знаменія. Прежде всего Даниилъ представляетъ у себя рядъ такихъ святоотеческихъ данныхъ, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что христіанамъ дано ихъ Спасителемъ особенное знаменіе, что они всѣ запе-

¹ Рукоп. Имп. Пуб. биб., Q. I, № 225. Изъ собр. гр. Толстого, отд. II, № 402, л. 442—443. Посланіе издано въ Правосл. Соб. 1863 г., ч. I, 337—348.

² Макарій, Истор. Русской церкви, т. VIII, 115—116.

³ Просвѣтитель, слово 7, 296—298.

чатѣйшимъ этимъ спасительнымъ знаменемъ или символомъ. Сюда именно относятся толкованіе Оригена на 7 ст. IV псалма ¹ толкованія на 6—7 ст. LIX псалма святаго Аванасія Александрійскаго ² Θεодора ³ св. Василия Великаго ⁴ и Евсевія Памфила, епископа Кесарійскаго ⁵. Почти всѣ перечисленные толкователи, объясняя слова псалма: «даждь еси боящимся Тебе знаменіе, еже убѣжати отъ лица лука», сходятся между собою въ томъ, что они понятіе знаменія рассматриваютъ болѣе какъ внѣшній символъ, когда всѣ они знаменіе или печать, какою запечатлѣтъ каждый христіанинъ, ставятъ въ полное соотвѣтствіе съ тѣмъ внѣшнимъ знакомъ, какой кровью агнчею начертанъ былъ, по повелѣнію Божию, евреямъ на порогахъ своихъ домовъ предъ исходомъ ихъ изъ Египта, — знакомъ, который спасъ отъ смерти всѣхъ еврейскихъ дѣтей отъ избивавшаго всѣхъ египетскихъ первенцевъ ангела. Дальнѣйшимъ разъясненіемъ мысли Даниила о дарованіи христіаномъ внѣшняго спасительнаго знаменія служитъ приводимое имъ толкованіе неизвѣстнаго на 3—6 ст. IX главы книги пророка Іезекіиля, гдѣ слова пророка о знаменіи, какое запечатлѣно на лицахъ мужей благочестивыхъ, прямо объясняются въ томъ смыслѣ, что ими «прообразовася знаменіе животворящаго креста», отъ коего получается благодать и освященіе пригвоздившагося на немъ Христа Бога нашего» ⁶. Такимъ образомъ,

¹ Рукоп. № 197, л. 97. Толкованіе взято изъ Максимова (Трева) перевода толковой псалтири, но въ послѣднемъ оно очень обширно; Данииломъ взята изъ него только вторая и конечная часть толкованія Оригена. Рукоп. Имп. пуб. биб. F. I. № 522, 87—88 и F. I. № 447, 63—64. Переводъ очень отдаленный отъ подлинника и сжатый. Мысль толкованія, какую даетъ подлинникъ, съ понятіемъ знаменія соединяетъ понятіе о немъ, какъ о внутреннемъ нравственномъ общеніи съ Богомъ, такъ что понятіе о знаменіи, какъ внѣшнемъ символѣ, есть дальнѣйшая и второстепенная мысль толкованія. Migne, Patr. curs. complet. ser. graec. t. XII, Origenis, t. II, p. 1165—1166. У Кордерія нѣтъ этого толкованія. *Expositio, patrum graecorum in Psalmos*, t. I, 73—75.

² л. 98, сл. твор. св. отцовъ, т. XXII; твор. св. Аванасія, ч. IV, 224. *Cordeus* t. II, p. 181—182.

³ л. 98—99. Этотъ Θεодоръ есть Мопсуецкій. См. Migne, Patr. curs. complet. ser. graec. t. LXVI, p. 685—686.

⁴ 99. снес. творен. св. отцовъ, т. V, твор. святаго Василия Великаго ч. I, 281. Migne, *Patrologiae Cursus complet. ser. graec. tom. XXII*, pag. 463—466.

⁵ 99. Подлинъ у Кордерія, т. II, стр. 181—182.

⁶ л. 99—101. Толкованіе это на самомъ дѣлѣ принадлежитъ бл. Θεодориту,

крестъ, — это орудіе спасенія всего рода человѣческаго, еще въ Ветхомъ Заветѣ, какъ показываютъ святоотеческія толкованія, былъ предвозвѣщенъ св. мужами. Изъ другой группы приводимыхъ свидѣтельствъ видно, что въ Новомъ Заветѣ, когда спасеніе человѣка чрезъ смерть Сына Божія на крестѣ, содѣлалось совершившимся фактомъ, его спасительное значеніе выдвинулось еще рельефнѣе. Св. отцы не находили словъ для выраженія всего того, что сдѣлано для міра св. крестомъ. Златоустъ, напр., восхваляя св. крестъ, говоритъ о немъ: «сей крестъ вселенную спасе, заблужденіе изгна, истину возведе, землю небо сотвори, человѣковъ въ ангеловъ содѣла..... крестомъ Христовымъ вся совершаются яже на насъ».¹ Общія сужденія св. Златоуста о спасительномъ значеніи креста Христова для міра получаютъ прекрасное дополненіе въ словахъ св. Ефрема Сирина, гдѣ св. крестъ представляется какъ «оружіе христіанамъ, побѣда смерти, упованіе вѣрнымъ, свѣтъ концемъ, отверзатель раю, еретичеству потребленіе, утвержденіе вѣрѣ и велие сохраненіе и похвала христіанамъ»². Но важность св. креста засвидѣтельствована не только св. отцами, но и обнаружилась на дѣлѣ, выразившись въ разныхъ чудотвореніяхъ. Эта спасительная сила крестнаго знаменія засвидѣтельствована еще съ первыхъ временъ существованія христіанства. Такъ, въ житіи св. Евангелиста Іоанна

епископу Кирскому, но не все въ цѣломъ его видѣ, а только первыя двѣ мысли. Что же касается остальной части толкованія, начинающейся съ разъясненія того, что знаменіемъ о которомъ говоритъ Іезекіиль, прообразуется крестъ Христовъ, то оно вовсе не принадлежитъ Θεодориту, хотя у Данила оно ставится въ неразрывной связи съ подлиннымъ толкованіемъ Θεодорита и принимается имъ какъ одно нераздѣльное цѣлое. Migne, Patrol. curs. compl. ser. graec. tom. LXXXI Theodoreus tom. II pag. 888—890. Толкованіе на шестнадцать пророковъ извѣстно въ Россіи еще съ XI вѣка. Это тѣ самыя толкованія, которыя въ 1047 году св. саны были для Новгородскаго князя Ярослава Владиміровича попомъ Уныремъ Лихимъ. Толкованіе въ частности на Іезекіиля заимствовано изъ Θεодорита, Горскій и Невоструевъ. Описаніе рукописей Московской Синодальной бібліотеки, отд. II, ч. I. 109—117.

¹ Л. 107—109. Цитата взята изъ бесѣдъ Златоуста на Ев. Маттея по переводу Максима Грека. Бесѣды Златоуста на Ев. Маттея въ переводѣ на слав. языкъ, правоученіе 54, 317—318.

² Л. 109—110. Свидѣтельство заимствовано Даниломъ изъ 38-го слова св. Ефрема Сирина, о всеобщемъ воскресеніи, о покаяніи, о любви и второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа. Творен. св. отцовъ т. XIV. Твор., св. Ефрема, част. III, 9—10.

Богослова разказывается объ одномъ христіанинѣ, сначала располагавшемъ громаднымъ матеріальнымъ богатствомъ, но потомъ подѣ влияніемъ постигшихъ его разныхъ бѣдствій разорившемся до того, что онъ рѣшился прекратить свою жизнь самоубійствомъ. Съ этою цѣлю онъ обратился къ одному еврею чародѣю и два раза получалъ отъ него самое сильное смертельное зѣліе и принималъ его, но всегда оставался цѣлымъ и невредимымъ потому только, что онъ предъ каждымъ принятіемъ яда освящалъ себя крестнымъ знаменіемъ, которое всякій разъ уничтожало своею спасительною силою убійственное дѣйствіе яда ¹. Подобное же разказывается и въ житіи св. Θεодора Едесскаго о нѣкоемъ мученикѣ Михаилѣ, принявшемъ по повелѣнію нечестиваго царя чашу съ ядомъ, предварительно ознаменовавши ее крестнымъ знаменіемъ, и также оставшемся цѣлымъ и невредимымъ. Наконецъ чудодѣйствованная сила св. креста засвидѣтельствована явленіемъ его на небѣ царю Константину, сопровождавшимся дарованіемъ ему побѣды надъ изысчествомъ ². И вообще, по словамъ одного толкователя «мнози отраву пивше, креста знаменіемъ безъ вреда сохранѣни быша» ³.

Вторая мысль разсужденія о крестномъ знаменіи является съ совершенно другимъ характеромъ. Предметъ ея чисто практическаго свойства, сосредоточивающійся, какъ извѣстно, на указаніи правильнаго способа употребленія крестнаго знаменія и на самый способъ сложенія перстовъ руки для исполненія его. Разнообразіе въ перстосложеніи и неопредѣленность въ его формѣ и наконецъ

¹ л. 10—105. Разсказъ озаглаживается такъ: «Блаженнѣйшаго Симеона Метафраста отъ воспоминательнаго слова, яже о Іоаниѣ Богословѣ». Подъ такимъ же точно названіемъ это слово встрѣчается въ видѣ отдѣльной статьи и въ рукописяхъ Горскій и Невоструевъ. Описаніе рукописей Спб. библ. отд. II, кн. 3, 140. Подлинникъ жизнеописанія Іоанна Богослова, сдѣланнаго Симеономъ Метафрастомъ, находится у Икуменія. *Oecumenii commentarium in novum testamentum, pars altera*, pag. 838—852. Тамъ оно озаглаживается весьма близко къ славянскому оглавленію: *εις τόν ἅγιον ἀποστόλον Ἰωάννην εὐαγγελιστήν καὶ Θεόλογον Συμῶν τοῦ Μεταφράστου τοῦ ὑπόμνημα*.

² л. 106—107. Цитата взята изъ первой главы канона на Воздвиженіе члестнаго креста и взята вѣрнѣе съ толкованіемъ его.

³ л. 101. Толкователь этотъ есть Θεολογикъ Болгарскій. См. Взаимовѣстникъ, ч. II, 282.

извращеніе исполненія крестнаго знаменія естественно должны были обратить на себя вниманіе многихъ лицъ особенно направленія строго консервативнаго. Такимъ образомъ, въ русскомъ обществѣ возбужденъ былъ вопросъ о перстосложеніи, вызванный частію механическимъ исполненіемъ крестнаго знаменія, а частію измѣненіемъ самой формы перстосложенія.

Митрополитъ Даниилъ во второй части своего слова, осудивъ своихъ современниковъ словами «слова о крестящихся» за механическое и беспорядочное маханіе рукою при совершеніи ими крестнаго знаменія, заповѣдуетъ имъ на основаніи того же слова при исполненіи ими крестнаго знаменія «первое положить руку на челѣ своемъ, потомъ-же на персехъ, также потомъ на правомъ плечи, и потомъ на лѣвомъ,—то-есть по нему истинное воображеніе крестному знаменію»¹. Это способъ употребленія или исполненія крестнаго знаменія. Самымъ же правильнымъ способомъ сложенія перстовъ руки для него Даниилъ признаетъ *двуперстіе*. Основаніе своей мысли онъ находитъ въ извѣстномъ для исторіи раскола подложномъ «*Теодоритовомъ словѣ*», гдѣ читаемъ между прочимъ: «снче благословите рукою и креститися: три персты равно имѣти вкупѣ—большой да два послѣднихъ по образу Троическому». ² Слово *Теодо-*

¹ г. 97. Авторъ слова о крестящихся неизвѣстенъ, но несомнѣнно одно—авторъ русскій. Вѣроятно изъ уваженія къ м. Даниилу оно внесено въ церковный памятникъ Стоглавъ, хотя у Даниила есть нѣкоторые различія отъ чтенія, находящагося въ печатномъ изданіи Стоглава. Стоглавъ, изд. Кожанчикова, СПб. 1863, гл. 32. 107.

² г. 96—97. Другія редакціи *Теодоритова слова* см. *Братское слово*, годъ второй. 1876. Кн. IV, 187—214. Статья «Такъ называемое *Теодоритово слово* въ разныхъ редакціяхъ». Авторъ сей статьи, равно какъ нѣкоторые другіе, напр. о. Виноградовъ (о *Теодоритовомъ словѣ*, 67), предполагаютъ, что первая попытка обратить упомянутое слово *Теодорита* въ свидѣтельство о *двуперстіи* принадлежитъ именно Даниилу, и какъ будто самъ онъ своими нѣкоторыми личными добавленіями въ слово *Теодорита* приспособилъ его къ положенію доказательства въ пользу *двуперстія*. Противъ этого нужно сказать, что такой пріемъ вполне противорѣчитъ характеру всей литературной дѣятельности Даниила, который проникнутъ былъ величайшимъ благоговѣніемъ къ каждому религіозно-церковному памятнику, и потому никакимъ образомъ не могъ рѣшиться на самое ничтожное искаженіе чего-либо. А потомъ Даниилу не представлялось необходимости допустить подлогъ въ пользу *двуперстія* и потому уже, что послѣднее было общераспространеннымъ наравнѣ съ *троеперстіемъ*, когда напр. еще ранѣе его, въ концѣ XV в., въ церковно-каноническихъ памятникахъ встрѣчалось изре-

рита—это единственное ясное доказательство Данила въ пользу его ученія о двуперстіи. Два другія доказательства могутъ быть объясняемы и толкуемы одинаково и въ пользу двуперстія и въ пользу троесперстія. Вообще они отличаются своею неопредѣленностью и двусмысленностью. Одно изъ нихъ принадлежитъ тому-же Θεодориту и заимствовано Данииломъ изъ испорченнаго Θεодоритова толкованія на 4 ст. XXII псалма. Самая сила доказательства сосредоточивается на словахъ толкованія о составленіи креста, который «отъ дву бо палицъ составляется»¹. Другое дока-

заніе: «иже не крестится двумя перстами, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ» (Рук. Кирил. биб. XV в. № 1088 л. 263—263. Описан. сив. биб. II, 3, 371. Макарій, VIII, 120—125. Виноградовъ. О Θεодоритовомъ словѣ, 58). О подложности Θεодоритова слова у насъ существуетъ цѣлая литература. Исторія русского раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства Макаріа, еп. Витовтскаго ректора Сиб. Д. Ак. Сиб., 1855. 23—27. Исторія о расколахъ въ церкви Россійской Игнатія, архіеп. Воронежскаго. Сиб. 1849. 84—85. Рудневъ. Разсужденіе о ересь и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви. М. 1838. Наконецъ, существуетъ отдѣльное библіографическое изслѣдованіе о Θεодоритовомъ словѣ свщ. Виноградова, М. 1866.

¹ л. 98. Даниилъ привелъ здѣсь полное толкованіе Θεодорита на указанный стихъ псалма и привелъ вплоть совершенно современному переводу толкованій Θεодорита. Твор. блаженнаго Θεодорита, М. 1856. ч. II. 127, но только до приведенныхъ словъ: «отъ дву бо палицъ составляется», которыхъ вовсе нѣтъ въ русскомъ печатномъ изданіи твореній бл. Θεодорита. Притомъ эта самая фраза стоитъ внѣ всякаго логическаго соотношенія къ предшествующимъ мыслямъ толкованія, несмотря на свою внѣшнюю грамматическую связь, выражающуюся въ частицѣ «бо». Но отсутствіе извѣстной фразы въ современномъ русскомъ переводѣ въ данномъ случаѣ не служитъ основаніемъ къ заключенію, что она совершенно вымышленна (какъ это сдѣлалъ, напр. о. Виноградовъ въ своемъ изслѣдованіи о Θεодоритовомъ словѣ стр. 35, хотя и не по своей винѣ: онъ пользовался другимъ изданіемъ твореній Θεодорита—именно Парижскимъ Симона (1642 года). Подлинникъ толкованій Θεодорита разъясняетъ все дѣло. Въ современномъ русскомъ переводѣ въ толкованіи на 4 ст. XXII псалма опущена цѣлая довольно обширная мысль, которая, впрочемъ, и въ самомъ подлинникѣ поставлена въ скобкахъ. Эта-то опущенная мысль и заключаетъ въ себѣ извѣстную уже намъ фразу. Но древній переводчикъ (Максимъ Грекъ) взялъ ее опять не въ связи съ этою послѣднею (по настоящему переводу опущенною) мыслию, а почему-то отнесъ ее къ предыдущей, отчего она естественно и потеряла свой опредѣленный и даже всякій смыслъ. Притомъ переводчикъ вырвалъ изъ цѣлой, опущенной въ современномъ переводѣ, обширной мысли только одну извѣстную намъ фразу, а все остальное почему-то опустилъ. Вѣроятно, у него подъ руками находился испорченный списокъ твореній Θεодорита, и онъ самъ, будучи еще плохо знакомъ съ русскимъ языкомъ, легко могъ допустить такую неточность въ переводѣ.—Въ подлинникѣ мы находимъ нѣчто соответствующее фразѣ: «отъ дву бо палицъ составляется», которое точно такъ же какъ у Данила, имѣетъ своимъ предметомъ со-

зательство, важное для Данила, принадлежит Петру Дамаскину, который объясняя значеніе крестнаго знаменія, говоритъ, что «дваперста и единая рука являютъ распятаго Господа нашего І. Христа, въ двою естеству и единомъ составѣ познаваема»¹. Оба сви-

станвленіе креста (ἀπὸ τῶν δύο ράβδων συναντῶμενος ὑπὸ τοῦ σταυροῦ), и эта мысль толкованія поставлена въ связи съ объясненіемъ словъ псалма: «жезлы Твои и палицы Твои, та ия угѣшиста», въ которыхъ толкователь видѣтъ предвозвѣщеніе о двухъ составныхъ частяхъ креста. Migne, Patrol. curs. complet. ser. græc. LXXX. Theodoretus, tom. I, pag. 1027—1028. Это доказательство въ пользу двуперстія настолько недостаточно, что бездоказательность его, какъ основанія въ пользу двуперстія, сознала и самими раскольниками, которые въ настоящее время отказываются пользоваться имъ. Игнатій, архиеп. Воронежскій. Исторія о расколахъ въ русской церкви, 84—85. Митрополитъ Данилъ воспользовался толкованіемъ Θεοδωρίτου на 4 ст. XXII псалма въ переводѣ Максима Грека, взявъ его изъ сдѣланнаго послѣднимъ переводомъ сводной толковой псалтири. По спискамъ сводной псалтири Максима Грека Θεοδωρίτου толкованіе на XXII псаломъ читается буквально тождественно съ толкованіемъ, приведеннымъ Даниломъ (срав. Рукон. Москв. Синод. быв. Патріаршей библи. № 985, ст. катал., по новому кат. № 237) л. 67—69 и рукон. той же библиотекы № 74/122 л. 155 об. Рукон. Патріарш. библиот. № 803/127 л. 67—69 и рукон. той же библиот. № 136 по ст. кат. л. 132). Нужно еще замѣтить, что приведенное Даниломъ толкованіе Θεοδωρίτου, относимое имъ къ объясненію 4 ст. XXII псалма, на самомъ дѣлѣ относится къ 3 ст. того же псалма. Уже было видно, что Данилъ заимствовалъ извѣстную фразу Θεοδωρίτου толкованія изъ сводной псалтири Максима Грека, а не какъ непреднамеренно сдѣлалъ прибавку. Отсюда и въ помѣщеніи толкованія Θεοδωρίτου, относящагося къ 3 ст. XXII пс., въ ряду толкованій, относящихся къ 4 ст., имъ, какъ нельзя видѣть, преднамереннаго дѣйствія митрополита съ цѣлю замаскировать никогда не существовавшую прибавку. Изъ одной перестановки толкованія нельзя заключать объ его неподлинности. Данилъ очень часто дѣлаетъ подобныя измѣненія въ расположеніи приводимыхъ имъ толкованій, и для его цѣли не было особенной нужды придерживаться порядка, какой усвоить толковой псалтирю. Такъ, въ шестомъ словѣ Данила въ приводимыхъ имъ толкованіяхъ на XI псаломъ сдѣланы слѣдующія отступленія отъ толковой псалтири Максима: первая два толкованія—Аввакумово и Анолларіево пропущены, равно какъ пропущено второе толкованіе Исихія, находящееся на самомъ концѣ у Максима толкованіе Анолларія также опущено, и на его мѣсто оставлено толкованіе того же Анолларія, но только то, которое было пропущено въ началѣ, и это послѣднее толкованіе помѣщено не въ цѣломъ его видѣ, но изъ него взяты одни только незначительный отрывокъ. Послѣднимъ у Данила помѣщено краткое толкованіе Θεοδωρα, вовсе не находящееся въ данномъ мѣстѣ у Максима, и съ этой стороны оно имѣетъ аналогичное съ тѣмъ явленіемъ, какое замѣчается въ расположеніи толкованій на 4 ст. XXII псалма.

¹ л. 96. Подлинное свидѣтельство Петра Дамаскина находится у Никифора, архиеп. Словенскаго и Херсонскаго въ его огиѣгахъ на вопросы старообрядцевъ,

дѣтельства и Θεодорита и п. Дамаскина, особенно послѣдняго, говорятъ объ употребленіи при крестномъ знаменіи двухъ пальцевъ, но ни то, ни другое не опредѣляютъ подробно комбинаціи ихъ съ другими пальцами руки, при составленіи изъ нихъ формы для крестнаго знаменія. Поэтому можно быть одинаково правымъ, утверждая на основаніи этихъ свидѣтельствъ истинность двуперстія и троеперстія, смотря по тому, какой будетъ сдѣланъ счетъ и какое будетъ сдѣлано расположеніе перстовъ руки. Такимъ образомъ, въ пользу ученія Данила о двуперстномъ сложеніи остается одно свидѣтельство Θεодоритова слова; но и то оказывается, какъ вполне доказано, подложнымъ.

Во второй части четвертаго слова Данила находится особая категорія свидѣтельствъ, общій предметъ которой составляетъ разсужденіе о поклоненіи въ молитвахъ на востокъ. Совершенно на той же почвѣ, среди того же самаго консервативнаго направленія, среди котораго по преимуществу вращались разсужденія о важности формы перстосложенія, укрѣпилось мнѣніе объ исключительномъ обращеніи при совершеніи молитвы на востокъ. Были такіе поклонники и строгіе ревнители формы, которые усвоивъ себѣ правило объ обращеніи при совершеніи молитвы на востокъ, расширяли его границы до того, что считали для себя обязательнымъ поклоняться иконамъ или церквамъ только тогда, когда онѣ обращены были на востокъ. Во всякомъ другомъ случаѣ, по ихъ мнѣнію, поклоненіе священнымъ предметамъ вовсе не должно быть допускаемо. Свѣдѣнія о существованіи такого мнѣнія сохранены Іосифомъ Волоцкимъ, на котораго здѣсь и ссылается Данилъ, впрочемъ не указывая его имени¹. Хотя у преп. Іосифа это мнѣніе разсматривается и опровергается на ряду съ мнѣніями жидовствующихъ, но отсюда никакъ нельзя тѣмъ не менѣе заключать о принадлежности его еретической партіи. Съ жидовствующими, игнорировавшими большую часть обрядовъ православной церкви, не можетъ имѣть ничего общаго мнѣніе, настаивающее на узкомъ требованіи о всегда и вездѣ обязательномъ обращеніи въ молитвахъ на востокъ. Очевидно, то и другое мнѣніе діаметрально

изд. 4, М. 1839. 126—128. А славянскій переводъ находится въ Добротолюбіи, 642. Нѣкоторые свѣдѣнія о Петрѣ Дамаскинѣ и его твореніяхъ можно получить въ Братскомъ словѣ, годъ 2, 1876, кн. III, 195—199.

¹ г. 114. Срав. Просвѣтитель, слово 7, 314—315.

противоположны другъ другу. Несомнѣнно мнѣнія объ исключительномъ обращеніи въ молитвахъ на востокъ держалась одна какая-либо фракція консервативнаго направленія. Данилъ не особенно настаиваетъ на несостоятельности такого мнѣнія. Онъ указываетъ ему надлежащія предѣлы, во всемъ-же остальномъ, касающемся значенія обычая поклоненія на востокъ, онъ соглашается съ нимъ и даже представляетъ въ пользу его нѣсколько доказательствъ. Такая постановка митрополитомъ вопроса о поклоненіи на востокъ свидѣтельствуетъ о его второстепенной важности въ ряду другихъ вопросовъ. Данилъ, не уничтожая вовсе значенія требованія объ обращеніи въ молитвахъ на востокъ, ограничиваетъ его обязательность, допуская возможность и даже необходимость обращенія въ молитвахъ и на западъ, и во всякую другую сторону въ томъ случаѣ, если тамъ окажутся какія-либо священные зданія или предметы. Въ пользу своей мысли онъ представляетъ въ примѣръ св. отцовъ, которые «сами содержаху и другимъ предаяху правило о поклоненіи на востокъ, а идеже обрѣтаху Божественное евангеліе и животворящій крестъ, и честныя иконы, ту покланяхуся». Исполненіе обычая молитвеннаго обращенія на востокъ обязательно только при отсутствіи предъ человекомъ какого-либо изъ священныхъ предметовъ. Въ такомъ случаѣ востокъ замѣняетъ собою всякій вышній предметъ для молитвы. Такъ дѣлали многіе изъ древнихъ святыхъ мучениковъ, пустынниковъ, отшельниковъ, наприм. Марія (Египетская), Маркъ, Онуфрій. Когда они не имѣли передъ собою священныхъ предметовъ, то обыкновенно обращались при своихъ молитвахъ на востокъ. Общепрізнанный обычай обращенія въ молитвахъ на востокъ Данилъ во второй части слова подтверждаетъ ссылками на свидѣтельства св. отцовъ древняго равно какъ и позднѣйшаго времени: св. Афанасія Александрійскаго ¹, Василія Великаго ², св. Іоанна Дамаскина ³, и Іосифа

¹ J. 113. Подлинное свидѣтельство. Migne, Patrol. curs. compl. ser. graec. tom. XXVIII, t. Athanasii Alexandrini tom. IV. Ad. Antiochum ducem Quaestiones. Quaestio. XXXVII p. 617—620.

² J. 110. Цитата взята изъ посланія св. Василія Великаго къ Амвлохію еп. Иконійскому. Творен. св. Отцовъ т. VII, творен. св. Василія Великаго ч. III, 334—335. Migne, Patrol. curs. complet. ser. graec. tom. XXXII, S. Basilii Caesar. tom. IV, pag. 189—192.

³ J. 111—112. Свидѣтельство подлинное. Migne, Patrol. curs. complet. ser. graec. tom. XCIV, S. I. Dama-sceni. tom. I. Expositio fidei orthodoxae. lib. IV. Cap. XII:

Волоцкаго, хотя авторъ и скрываетъ его имя, обозначая его свидѣтельство неопредѣленнымъ терминомъ «отъ иныхъ книгъ».

Для большаго обоснованія своей извѣстной мысли Даниилъ пускается въ область собственныхъ доказательствъ и опирается на разные тексты св. писанія и событія св. исторіи. Обычай поклоненія въ молитвахъ на востокъ Даниилъ мотивируетъ тѣмъ, что Христосъ въ распятіи обращенъ былъ лицомъ на западъ, а потому и христіане обращаясь на востокъ, какъ-бы тѣмъ самымъ противопоставляютъ себя предъ лицомъ Распятаго; а также и тѣмъ, что рай, который былъ потерянъ Адамомъ, насѣжденъ былъ на востокѣ, и, обращаясь въ молитвахъ на востокъ, христіане тѣмъ самымъ показываютъ, что снова стремятся въ потерянный рай. Основаніе для обращенія въ молитвахъ на востокъ можно видѣть и въ томъ, что и второе славное пришествіе Сына Божія послѣдуетъ именно съ востока. Только что приведенныя соображенія Даниила, помѣщенные имъ въ наказанія четвертаго слова, суть тѣ же самыя, какія находятся у тѣхъ самыхъ отцевъ церкви, на которыхъ нѣсколько ранѣе ссылался онъ самъ. Вся самостоятельность митрополита здѣсь обнаружилась по преимуществу только въ обобщеніи и извѣстной комбинаціи данныхъ, представляемыхъ собранными и указанными раньше самимъ авторомъ святоотеческими свидѣтельствами.

Употребленіе крестнаго знаменія и обращеніе въ молитвахъ на востокъ Даниилъ называетъ преданіемъ апостольскимъ неписаннымъ: «много-же и неписано преданіе св. церкви имать, якоже рѣкоша богоносніи отцы, еже лице крестообразно знаменати, и еже на востокъ обращаться въ молитвахъ и прочая много». Эти слова Даниила суть только простая перифразировка словъ святаго Василія Великаго¹ и Іоанна Дамаски-

πρό τοῦ προσκυνεῖν πρός ἀνατολάν, pag. 1133—1136. Переводъ процитованнаго свидѣтельства правильный за исключеніемъ одного важнаго отступленія. Св. отецъ какъ одно изъ основаній, почему христіане въ своихъ молитвахъ обращаются на востокъ, указываетъ, по чтенію Даниила, на то, что «въ именитѣй церкви Соломона господина Творца на востокъ вѣяху», тогда какъ въ подлинникѣ вмѣсто словъ господина Творца находится слово πύλη τοῦ Κυρίου т. е. ворота Господни которыя во храмѣ Соломоновомъ, по словамъ Даниила, были обращены на востокъ.

¹ л. 95. Цитата дѣйствительно принадлежитъ Василию Великому. Творен. св. Отецъ том. VII. Творенія Василія Великаго ч. III, о св. Духѣ посланіе въ Амфилохію, гл. 22, 332. Даниилъ взялъ эту цитату изъ Кормчей, гдѣ дѣйствительно

на ¹, которыхъ онъ здѣсь самъ же и ссылается. Это самымъ дѣломъ опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ ² о намѣреніи Данила обосновать на писанномъ преданіи ученіе о двуперстіи.

Первая половина показанія четвертаго слова тѣсно связана съ разсужденіемъ о поклоненіи въ молитвахъ на востокъ и развивается въ себѣ тѣ самыя мысли, которыя были уже указаны въ своемъ мѣстѣ.

Вторая половина наказанія написана въ духѣ пастырскаго поученія и содержитъ въ себѣ обличенія современниковъ въ сквернословіяхъ, въ склонности къ увеселительнымъ зрѣлищамъ и пѣснямъ и въ крайнемъ презрѣніи къ пастырскимъ наставленіямъ.

Разсужденіе Данила о силѣ, важности и чудодѣйственности св. креста и крестнаго знаменія, направленное противъ жидовствующихъ, отличается вѣскостью своей аргументаціи. Здѣсь митрополитъ, очевидно зная скентическое отношеніе еретиковъ ко многимъ церковнымъ памятникамъ, останавливается на изреченіяхъ св. писанія и на древнихъ, всѣми уважаемыхъ, толкователяхъ, т. е. на такихъ данныхъ, важность которыхъ не отрицалась и жидовствующими. И только въ послѣдней исторической части своего разсужденія Данилъ номѣщаетъ отрывки изъ житій святыхъ.

По своей полнотѣ, силѣ аргументаціи и обширности приводимыхъ святоотеческихъ свидѣтельствъ разсужденіе Данила о важности и спасительности креста Христова и крестнаго знаменія далеко оставляетъ за собою позади полемическое разсужденіе о томъ же предметѣ Іосифа Волоцкаго ³.

Ученіе Данила о двуперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія оказалось бездоказательнымъ съ точки зрѣнія критики тѣхъ основаній, на которыхъ оно имъ утверждалось ⁴. Ученіе о двупер-

находится означенное выраженіе и гдѣ буквально воспроизводится процитованное Даниломъ мѣсто изъ Василия Великаго въ ряду другихъ его правилъ. Кормчая напечатанная при патріархѣ Никонѣ 1653 года, гл. 21, л. 249.

¹ л. 112—113. Цитата подлинная. Migne, Patrol. curs. complet. ser. graec. tom. XCIV. S. Damasceni tom. I. Expositio fidei orthodoxae, liber IV, cap. XVI: περί εἰκόνας, pag. 1173—1174.

² Виноградовъ. О Феодоровомъ словѣ, 34. 38—39.

³ Пресвѣтителю, слово 7, 296—298.

⁴ Для правильной оцѣнки ученія м. Данила о двуперстіи нужно помнить, что просвѣщенный Максимъ Грекъ держался и высказывался въ пользу подобнаго же перстосложенія. Макаріи, Пост. р. ц. VIII. 120—123.

стигъ пало темнымъ пятномъ на личность митрополита Данила, какъ одного изъ проводниковъ тѣхъ мнѣній, которыя впоследствии легли въ основу раскола. Но въ этомъ случаѣ не одно ученіе о двуверстіи сдѣлало личность Даниила авторитетною въ расколѣ, а весь общій духъ его направленія и направленія всей школы, къ которой онъ принадлежитъ.

Ученіе Даниила о поклоненіи въ молитвахъ на востокъ, несмотря на свой частный характеръ, обосновано митрополитомъ очень вѣскими данными.

Историческое значеніе четвертаго слова м. Даниила для его современниковъ и для людей ближайшаго къ нему времени несомнѣнно и въ этомъ отношеніи превосходитъ всѣ другія сочиненія Даниила. Оно въ древности пользовалось большею популярностію, на что указываютъ разныя болѣе или менѣе многочисленныя сокращенія и передѣлки слова. Въ болѣе позднее время, когда расколъ отдѣлился отъ церкви, послѣдователи его ссылались на четвертое слово митрополита Даниила. Даже раскольники самаго поздняго времени на четвертое слово митрополита Даниила смотрятъ какъ на святоотеческое твореніе.

Заключеніе отдѣла.

Полемическая дѣятельность м. Даниила, отчасти такъ можно назвать разсмотрѣнный отдѣлъ словъ его соборника, заслуживаетъ вниманія по тому уже одному, что она была благовременнымъ отвѣтомъ на вопросы своего времени. Въ то время, когда ересь жидовствующихъ распространялась среди русскаго народа съ быстротою потока, когда она своимъ либерализмомъ увлекала многихъ православныхъ, въ нѣдрахъ православной церкви выступаютъ энергическія личности Іосифа Волоцкаго и Даниила, которыя возвышаютъ свои голоса въ защиту попираемой еретиками истины и ведутъ полемику съ противниками вѣры и церкви.

Въ разсмотрѣнномъ отдѣлѣ словъ Даниила излагается православное ученіе о воплощеніи, искупленіи, о сохраненіи церковныхъ преданій и пр. можно сказать съ обстоятельностью ученаго. Можно удивляться какимъ образомъ Даниилъ при тогдашней бѣдности въ книгахъ могъ собрать поражающее каждаго сколько нибудь знакомаго съ его сочиненіями число святоотеческихъ свидѣтельствъ. Кажется для того, чтобы собрать священные аргументы для одного

пятого слова его сборника потребуется очень много времени. Разсматриваемыя съ этой стороны сочиненія Данила внушаютъ уваженіе къ трудамъ ихъ автора. Есть нѣкоторые недостатки у Данила—это ученіе о двуперстіи, но оно объясняется духомъ и характеромъ времени, когда наряду съ истинными сочиненіями распространено было множество подложныхъ сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя и ввели въ заблужденіе м. Данила. Тоже самое нужно сказать относительно консерватизма въ воззрѣніяхъ Данила, который у него началъ переходить за предѣлы умѣренности. Развитіе его у Данила до такихъ предѣловъ есть плодъ вліянія на него школы, а главное—консерватизмъ его развивался параллельно съ крайними проявленіями современнаго ему вольнодумства въ разныхъ его фракціяхъ, онъ шелъ только по пути діаметрально противоположному и въ концѣ концовъ дошелъ до такой же крайности, какою заявляло себя русское вольнодумство. Отсюда доходящій въ нѣкоторыхъ случаяхъ до односторонности церковный консерватизмъ Данила есть слѣдствіе только отрицательное того же самаго современнаго либерализма.

Разсмотрѣнный отдѣлъ словъ Данила можетъ быть названъ въ строгомъ смыслѣ полемическимъ только по предмету, т. е. по отношенію къ вопросамъ, которыхъ онъ касается, вопросамъ спорнымъ для того времени, а не по самому изложенію своего содержанія. По своему содержанію этотъ отдѣлъ словъ представляетъ положительное изложеніе и обоснованіе православнаго ученія по тѣмъ пунктамъ, которые болѣе всего подвергались возраженіямъ со стороны современныхъ м. Данилу вольнодумцевъ. Такой характеръ полемической дѣятельности митрополита обусловливается тѣмъ главнымъ назначеніемъ, какое онъ давалъ своему богословскому труду, тою скромною задачею, которая легла въ основаніе его пастырской заботливости. Задача эта—охраненіе паствы отъ еретическихъ заблужденій.

Въ полемикѣ по нравственнымъ вопросамъ объ отношеніи къ еретикамъ и по монастырскому вопросу м. Данилъ является чело-вѣкомъ партіи, представителемъ послѣ Іосифа Волоцкаго его направленія и вообще *Іосифляниномъ*, какъ тогда обозначали людей этого направленія. Взглядъ Данила по указаннымъ общественнымъ вопросамъ въ принципѣ тождественъ со взглядомъ его учителя, но отличается отъ него большею умѣренностію и меньшею запальчивостію, что составляетъ и достоинство, и особенность ха-

рактера м. Даниила. Полемика Даниила по общественнымъ вопросамъ его времени по монастырскому и еретическому есть по своему характеру полемика съ направлениемъ критицизма въ его истинномъ и чистомъ видѣ. Здѣсь Даниилъ замѣчательнѣе не столько какъ церковный писатель—полемистъ, сколько какъ представитель церкви, какъ администраторъ. При немъ борьба двухъ направленій, консервативнаго и критическаго, находилась въ состояніи кризиса, который, благодаря Даниилу, оказался благопріятнымъ въ пользу первого. Онъ высшими административными мѣрами славилъ въ лицѣ Вассіана Косаго критическое направленіе и тѣмъ на нѣкоторое время заставлялъ молчать и другихъ его продолжателей.

Характеръ полемики м. Даниила сравнительно съ полемикою Іосифа Волоцкаго имѣетъ свои особенности. Въ «Просвѣтителѣ» Іосифа полемика съ жиновствующими ведется по пунктамъ, т. е. ставится положеніе, проводимое еретиками, и затѣмъ оно разбирается и опровергается. Не то у Даниила. Онъ даетъ у себя только положительное православное ученіе съ той его стороны, которая подвергалась нареканіямъ со стороны еретиковъ, предполагая послѣднія вполне извѣстными своимъ современникамъ и потому обходя ихъ молчаніемъ. При такой постановкѣ дѣла въ сочиненіяхъ Даниила мы вовсе почти не находимъ свѣдѣній, которыя бы сообщали что либо объ ученіи самихъ еретиковъ, тогда какъ «Просвѣтитель» Іосифа очень богатъ этими свѣдѣніями. Разсматриваемая съ этой стороны съ—точки зрѣнія цѣнности чисто исторической, сочиненія Даниила стоятъ неизмѣримо ниже сочиненій преп. Іосифа Волоцкаго. Первый разсмотрѣнный отдѣлъ сочиненій Даниила характеризуетъ его по преимуществу какъ ученаго (по своему времени) богослова-полемиста. Если только расширять значеніе церковной проповѣди до того, что въ объемъ ея относить и полемическіе богословскіе трактаты, написанные съ учеными приемами, то этотъ первый отдѣлъ словъ Даниила должно обозначить въ такомъ случаѣ проповѣдью ученою.

Даниилъ болѣе замѣчательнѣе какъ администраторъ. Іерархическая дѣятельность митроп. Даниила, принципомъ которой было возвышеніе и занятіе высшихъ іерархическихъ мѣстъ въ церкви людьми одинаковаго съ нимъ направленія, имѣетъ большое историческое значеніе. Онъ образовалъ въ свое довольно продолжи-

тельное святительство особую школу архіереевъ, которая была проникнута идеями Іосифа Волоцкаго. Этимъ самымъ Данилъ на долгое время опредѣлялъ послѣдующій характеръ русской церковной жизни, далъ ей ясное, опредѣленное и сформированное въ своихъ дѣтеляхъ направленіе. Административная іерархическая дѣтельность митрополита Данила въ связи съ литературной подготовилъ и заранѣе опредѣлила характеръ рѣшеній Стоглаваго собора.

Что это было именно такъ, для этого достаточно самаго бѣлаго перечня лицъ, стоявшихъ во главѣ церковной іерархіи во время непосредственно слѣдовавшее за смертію Данила. — Утвердившись на митрополичьемъ престолѣ, вѣрный воплію іосифовскимъ преданіямъ, митроп. Макарій продолжалъ дѣйствовать въ духѣ церковной политики своего предшественника Данила и давалъ быстрый ходъ іосифлянамъ. Такъ онъ назначилъ на свое мѣсто въ Новгородѣ во архіепископа іосифлянина Θεодосія ¹. И вообще большая часть архіерейскихъ кафедръ въ XVI вѣкѣ занималась іосифлянами: въ Смоленскѣ Савва Слѣпушкінъ и Гурій Заболоцкій, въ Полоцкѣ Трифонъ, въ Рязани Леонидъ Протасовъ (родственникъ митроп. Данила), въ Казани архіепископы: Гурій, Германъ, Лаврентій, Тихонъ и Іеремія. Замѣчательно еще то, что нѣкоторыя епископскія кафедры какъ бы обратились въ постоянное владѣніе іосифлянъ. Такъ кафедру Крутицкаго епископа преемственно занимали постриженники волоколамскаго монастыря: Савва Черный, Нифонъ Кормилицынъ, Галактіонъ и Симеонъ. Крутицкая кафедра, несмотря на свое второстепенное положеніе въ ряду другихъ, выигрывала много въ томъ отношеніи, что занимавшіе ее епископы были ближайшими помощниками и вліятельными совѣтниками митрополита и въ то же время людьми приближенными ко двору в. князя ².

На Стоглавомъ соборѣ кромѣ самаго митроп. Макарія присут-

¹ Строевъ. Списки іерарховъ. 49—50, 36.

² Рукоп. Москв. Духов. Акад. № 181, № 564. Волоколам. Сборникъ XVI в., л. 74—75. Посланіе Леонида, еп. Рязанскаго къ царю Ѳеодору Ивановичу. Лѣтописи русской литературы и древч., изд. Тихомировымъ томъ V, отд. III стр. 142—143. Акты истор. т. I, № 216. 411. Строевъ Списки іерарховъ 415. 1034. 1035. Опись книгъ Волоколамскаго монастыря. Чтен. въ общ. Истор. и древн. 1847 г. № 7.

ствовали четыре епископа, вышедшіе изъ Волоколамскаго монастыря. Это Акакій тверской, Савва Черный, еп. Крутицкій, Гурій Смоленскій и Феодосій Новгородскій ¹. На Стоглавомъ соборѣ былъ еще Никандръ еп. Ростовскій, человекъ, по Курбскому, не воздержной жизни ². Благодаря такому подходящему составу членовъ собора всѣ вопросы, подлежавшіе его разсмотрѣнію, получали рѣшеніе въ духѣ идей Іосифа Волоцкаго.

Такъ на Стоглавомъ соборѣ обсуждался вопросъ, падавшій на волнованній русское общество о правѣ монастырей владѣть вотчинами, который и рѣшенъ былъ въ смыслѣ благопріятствующемъ Іосифу Волоцкому и его направленію ³.

Несмотря на свое юридическое рѣшеніе на соборѣ 1503 года вопросъ о вдовыхъ священно-служителяхъ продолжалъ обращать на себя общественное вниманіе.—Своеобразное и одностороннее рѣшеніе собора 1503 года по отношенію ко вдовымъ священно-служителямъ вызвало противъ себя съ одной стороны протесты, когда нѣкоторые изъ священнослужителей, сдѣлавшись вдовцами, брали себѣ подъ видомъ услуженія вдовъ и другихъ женщинъ и жили въ связи съ ними, и въ тоже время продолжали служить, не обращая вниманія на соборное опредѣленіе; тогда какъ другіе для того, чтобы сохранить за собою право священнослуженія, принимали монашество, но дѣлали это не изъ уваженія къ послѣднему, а изъ простыхъ разчетовъ и отсюда само собою понятно, выходили плохими монахами ⁴. Стоглавый соборъ подтвердилъ опредѣленіе собора 1503 года о вдовыхъ священно-служителяхъ ⁵.

¹ Стоглавъ, изд. Кожанчикова 19—20. Лѣтоп. русской литер. Тихонова т. V, отд. III, 144.

² Сказанія Курбскаго 2. изд. 135.

³ Стоглавъ, глава 75, 230—232. 302—303. Лѣтописи русской литературы Тихонова, т. V, отд. III. Матеріалы для исторіи Стоглава 144. Отвѣтъ м. Макарію Іоанну IV о церкв. имуществѣ. Отвѣтъ есть въ рукоп. Москв. Публ. Музея № 1257 л. 152—178.

⁴ Рукоп. Моск. л. Акад. № 122/565 л. 218—219. Лѣтописи русской литер. Тихонова т. V, отд. III, 137—142.

⁵ Стоглавъ глав. 77—81, 234—241. 243. Массинъ Грекъ поднималъ голосъ въ защиту правъ вдовыхъ священно служителей. Рукоп. биб. Хлудова № 74, л. 822. Повѣсть о соборѣ о вдовыхъ поповъ.

Мнѣніе митрополита Данила о двуперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія на Стоглавомъ соборѣ освящено было авторитетомъ собора и санкціонировано всѣми членами его и объявлено какъ обычай общецерковный въ русской церкви ¹.

Отсюда, изъ указанія нѣкоторыхъ опредѣленій Стоглаваго собора можно видѣть характеръ направленія его членовъ, которые почти всѣ усвоили себѣ идеи Іосифа и людей его направленія.— Но и тогда за массою Іосифлянъ находились единичныя личности съ противоположными воззрѣніями.—Такъ однимъ изъ членовъ Стоглаваго собора былъ Кассіанъ, епископъ Рязанскій и Муромскій, выходецъ изъ заволжскихъ пустыней, симпатіи котораго всецѣло принадлежали партіи Заволжцевъ ². На самомъ соборѣ онъ обнаружилъ настолько мужества, что имѣлъ подъ руками осужденный въ 1531 году соборомъ митроп. Данила списокъ кормчей князя Васціана Патрикѣева ³. Но одинокій голосъ Кассіана остался не замѣченнымъ на соборѣ.

Вопросъ объ отношеніи къ еретикамъ получилъ юридическую санкцію въ смыслѣ благопріятномъ взгляду Іосифа Волоцкаго. Въ соборномъ уложеніи Алексѣя Михайловича 1649 года для еретиковъ хулителей І. Христа, Пресв. Богородицы, честнаго креста и св. угодниковъ опредѣлена смертная казнь чрезъ сожженіе ⁴.

Направленіе Іосифа, получивъ очень рано и политическій характеръ, продолжало поддерживать въ себѣ послѣдній и въ послѣдующее время. Извѣстно, направленіе Іосифа, поддержанное его ученикомъ Данииломъ, всегда дѣйствовало въ пользу монархическаго единодержавнаго начала государственнаго правленія. Поэто-

¹ Стоглавъ, изд. Казанчикова гл. 31. 103—108. Макарій Исторія Русской Церкви т. VIII. 122—129. Впрочемъ вопросъ о престномъ знаменіи продолжалъ разсматриваться и обсуждаться и послѣ Стоглаваго собора. Въ посланіи къ Іоанну Грозному неизвѣстный авторъ жалуется на то, что «нѣсть на насъ истиннаго крестнаго знаменія по существу». Чтен. въ общ. истор. и древн. 1874 г. кн. I, 86—87.

² Акты А. Эксп. т. I. № 239. Сказанія Курбскаго 2 изд. 135.

³ Лѣтописи русской литературы, изд. Тихомирова, т. V, отд. III, 146. Ученыя Записки Имп. Казанск. Унив. вып. 1864 г. вып. II, О кормчей князя Васціана Патрикѣева. Статья Павлова 489—498. Павловъ. Историч. очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи, 129.

⁴ Полное собраніе Законовъ Россійской Имперіи т. I, 3.—

му сочиненія преп. Іосифа воспитывающимъ образомъ дѣйствовала не только на в. князя Василия Іоанновича, но и на его сына Іоанна Грознаго. Политическія воззрѣнія Іосифа оказали большое вліяніе на Іоанна въ отношеніи его взглядовъ на государственную власть¹, которые онъ такъ ясно и отчетливо выразилъ въ своихъ письмахъ къ князю Курбскому², гдѣ онъ со всею подробностію сформулировалъ полную неограниченность власти государя и его единоличное право на все государство.

Съ ясностію и полнотою выразилъ политическія воззрѣнія своей школы Вассіанъ Топорковъ, племянникъ Іосифа Волоцкаго. Въ малолѣтство Іоанна IV (1542 года) Вассіанъ былъ лишенъ своей Коломенской катедры за жестокость и сосланъ въ Пѣсношскій монастырь³. Въ одно изъ своихъ путешествій Іоаннъ Грозный постигъ Вассіана въ его заточеніи. Во время бесѣды съ нимъ царь задалъ Вассіану вопросъ о томъ, какимъ образомъ онъ могъ бы хорошо царствовать и держать въ покорности вельможъ и бояръ? Вассіанъ на это отвѣчалъ: «аще хоцещи самодержцемъ быти, не держи себѣ совѣтника ни единого мудрѣйшаго себя, понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будещи твердъ на царствѣ и все имѣти будещи въ рукахъ своихъ. Аще будещи имѣти мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будещи послушенъ имъ». Царю понравился отвѣтъ Вассіана и онъ поцѣловалъ его въ руку. Однако крайній взглядъ Вассіана Топоркова и его школы на положеніе представителя государства вызвалъ сильное осужденіе современниковъ, изъ коихъ нѣкоторые называли за то Вассіана прелукавымъ епископомъ⁴.

Высказанный Вассіаномъ Топорковымъ взглядъ на государственную власть до извѣстной степени оправдывался въ современной русской іерархіи на дѣлѣ. Въ русской церковной іерархіи XVI вѣка на взаимно-отношеніе церковной и гражданской властей установился

¹ Хрущевъ. Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина стр. VII. Древняя и новая Россія 1875 г. № 3, статья: князь внокъ Вассіанъ Патририкѣвъ.

² Сказанія Курбскаго изд. 2. С.-ПБ. 1842 г. 155—219, 222—227.

³ Карамзинъ т. VIII, изд. 1817 года 243, прим. 389. Строевъ: Списки іерарховъ, 1030. Сказанія Курбскаго, примѣч. 61.

⁴ Сказанія Курб. прим. 61, 332—333.

даже такой взглядъ, на основаніи котораго современные іерархи говорили. «не подобаетъ глаголати предъ цари, ниже обличати о различныхъ законопреступленныхъ дѣлахъ ихъ, неудобостерпима ярость нѣтъ человѣческому естеству, но и церкви смущеніе»¹.

Цѣльною личностію противника установившагося на Руси абсолютизма является князь А. Курбскій. Главными пособниками при установленіи монархической неограниченной власти государя онъ считаетъ именно іосифлянъ, и потому со всею силою вооружается противъ нихъ, называя ихъ *лукавою челою*², и др. нечестными названіями.

Несмотря на преобладающее въ русской іерархіи число лицъ вышедшихъ изъ волоколамской школы, однако выпадали моменты, когда въ средѣ самой церкви, въ виду ея высшихъ представителей, выступали личности, которыя открыто заявляли свое негодованіе на постриженниковъ Іосифова монастыря. Съ этой стороны весьма замѣчательна челобитная Леонида, епископа Рязанскаго, къ царю Θεодору Іоанновичу отъ 1584—1585 г. о томъ, что архіепископъ Ростовскій Евѣимій не далъ ему при столѣ царскомъ ѣсть съ собою изъ одного блюда, и всячески позорилъ его, и что онъ Іосифовскихъ постриженниковъ называть не іосифлянами, а *жидовлянами*. Леонидъ перечислялъ въ своей челобитной всѣхъ іосифовскихъ постриженниковъ, занимавшихъ епископскія кафедръ, число которыхъ восходитъ до шестнадцати человѣкъ, исключая самого Леонида и въ ея заключеніе прибавлялъ, что при отцѣ Θεодора Іоанновича Іоаннѣ Васильевичѣ (IV) укоризны никакой не было тѣмъ поименованнымъ выше епископамъ»³.

Вызываетъ на серьезныя размышленія слѣдующая, замѣчаемая въ судьбѣ волоколамскихъ подвижниковъ, черта. Много видныхъ архипастырей вышло изъ Волоколамскаго монастыря, многіе изъ нихъ долгое время играли очень видную роль и въ церковной въ государственной жизни, но большая часть ихъ не доживала до конца жизни на своихъ высокихъ постахъ, а падала съ своихъ мѣстъ. Изъ семнадцати человѣкъ іосифлянъ, занимавшихъ разныя

¹ Курбскій, сказанія, 2 изд. 292.

² Сказанія кн. Курбскаго, 2 изд. 42, 122.

³ Рукопись Моск. дух. Акад. № 181/334 Вол. XVI в. въ 4 л. л. 74—75, Акты истор. т. I, № 216, 410—411.

епископскія кафедры въ періодъ времени отъ 1506 и до 1589 года (года учрежденія патріаршества) пали *девять*, именно: Даниилъ, Вассіанъ Тонорковъ, еп. Коломенскій, Θεодосій, архіеп. Новгородскій, Савва и Нифонтъ Крутицкіе, Гурій (Заболоцкій), еп. Смоленскій, Леонидъ еп. Рязанскій, Лаврентій и Іеремія Казанскіе. За-мѣчательнѣе всего при этомъ то, что изъ девяти, оставившихъ подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ свои кафедры, епископовъ іосифлянъ *шесть* человекъ пали себѣ пріютъ въ томъ же самомъ Волоколамскомъ монастырѣ и тамъ закончили послѣдніе годы своей жизни. Въ Волоколамскомъ монастырѣ умерли и тамъ погребены: Даниилъ митрополитъ, Θεодосій Новгородскій, Іеремія и Лаврентій Казанскіе, Савва и Нифонтъ Крутицкіе ¹.

И какъ строго религіозно церковное направленіе, направленіе Іосифа Волоцкаго, поддержанное и развитое Данииломъ, рѣзко выдѣлилось съ теченіемъ времени въ средѣ самой церковной жизни. Воззрѣнія Іосифа слѣзались достояніемъ той массы книжниковъ, которая полтора вѣка спустя послѣ него воспротивилась нововведеніямъ Никона ².

Общій духъ и характеръ направленія Іосифа Волоцкаго хорошо поняла гениальная личность патріарха Никона. Направленіе Іосифа, рассматриваемое по своимъ строго-церковнымъ воззрѣніямъ, и воззрѣніямъ политическимъ шло въ совершенный разрѣзъ реформаторской дѣятельности и взглядамъ на значеніе государства и церкви самого патріарха Никона. Потому самому Никонъ строго-критически отнесся къ личности преп. Іосифа, и несмотря на то, что Іосифъ былъ канонизованъ еще при патріархѣ Іовѣ ³ онъ не признавалъ его святымъ ⁴.

¹ Выпись о началѣ Іосифова монастыря въ рукоп. Моск. д. акад. № 481/564 л. 73—74. Обиходникъ Волоколамскаго монастыря сост. Евфиміемъ Турковымъ въ рукоп. Моск. д. акад. № 216/481 л. 38—41. 71—72. Опись церковнаго имущества Іосифова монастыря отъ 1590—1591 г. въ рукописи Волоколамскаго монастыря. хранящейся въ монастырской ризницѣ № 488 л. 47. Свидѣнія, находится у Строева въ его «спискѣ Іерарховъ и настоятелей русской церкви, и относящихся доперечисленныхъ выше лицъ, по большей части ошибочныя и невѣрныя. Списокъ Іерарховъ и настоятелей. 1034—1035. 414—415. 589—590. 288. 441.

² Хрущевъ, изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго, введеніе VII.

³ Опись книгъ Іосифова монастыря. Чтенія въ обществ. истор. и древн. 1847 г. № 7.

⁴ Въ житіи раскольническаго инока Кориндія, современника патр. Никона,

Изъ всей административной дѣятельности м. Данила замѣчательнѣе всего то, что онъ административными мѣрами сдѣлать въ лицѣ Вассіана Косого критическое направленіе. Съ паденіемъ въ 1531 году Вассіана критическое направленіе потеряло навсегда право открытаго, законнаго существованія въ обществѣ и въ церкви. Съ этого времени направленіе критицизма объявлено вреднымъ и даже еретическимъ; и если оно и теперь держалось, то болѣе тайно и въ отдаленныхъ мѣстахъ.

Въ незаслуженномъ осужденіи прекраснаго по своей идее критическаго направленія виновата ересь жидовствующихъ. Направленіе критиціонное, развиваясь на русской почвѣ, столкнулось и вошло въ извѣстную комбинацію съ ересью жидовствующихъ и въ ней нашло не мало общаго съ собою. Нѣкоторое взаимно-отношеніе между еретичествомъ и критическимъ направленіемъ, можно сказать, имѣло опредѣляющее и въ то же время трагическое значеніе для послѣдняго. Въ глазахъ людей консервативнаго направленія люди реформы стали казаться настоящими еретиками и консерваторы мало отличали истинныхъ еретиковъ отъ достойныхъ уваженія людей либеральнаго, но вполне православнаго направленія. Вольная и невольная связь свободнаго критическаго направленія съ еретичествомъ погубила и самое направленіе разумнаго критицизма, который со времени м. Данила сталъ юридически разсматриваться какъ ересь.

Митрополитъ Данилъ сдѣлалъ направленіе критицизма, но далеко не уничтожилъ его. Заволжье, Нилова пустынь воспитала въ своихъ нѣдрахъ не мало дѣятелей, выступившихъ въ XVI в. Но судьба ихъ была одинаково несчастна.

Самымъ прямымъ непосредственнымъ продолжателемъ Нила Сорскаго, послѣ Вассіана Косого, былъ инокъ Артемій. Начавшій

написанномъ со словъ самаго Корнилія ученикомъ его Пахоміемъ, говорится о Никонѣ, что онъ «преподобнаго отца Іосифа Волоколамскаго злословилъ зѣло и Поносилъ, ябедникомъ называлъ такова богослужца, и не покланялся образу его святому; о семъ глаголаша ученицы его—Никоновы». Рукопись Императорской Публичной бібліотеки Q. I. № 401, л. 179. Слова Пахомія можно называть преувеличенными, но въ основѣ ихъ находится доля истины. Такъ позволяетъ думать синодикъ, писанный патріархомъ Никономъ, гдѣ перечислены всѣ святые русской церкви, отъ самаго начала ея существованія, но среди святыхъ не упомянуть преподобнаго Іосифа Волоцкаго. Рукопись Воскресенскаго, Новый Іерусалѣмъ именуемаго, монастыря, № 27, по каталогу Амфилохія.

свои подвиги въ Ниловой пустынѣ, онъ скоро такъ прославился своею благочестивою жизнію и просвѣщеніемъ, что Іоаннъ IV противъ собственной его воли вызвалъ его съ Бѣлоозера и сдѣлалъ игуменомъ Троицкаго Сергіева монастыря (1551—1552).¹⁾ Но строгому пустыннику не понравилась жизнь въ богатомъ Троицкомъ монастырѣ, иноки котораго отличались и корыстолюбіемъ и своевоіемъ, и Артемій скоро оставилъ игуменство и снова удалился въ Бѣлоозерскія пустыни²⁾. Въ теченіе своего кратковременнаго игуменства Артемій успѣлъ оказать важную услугу собрату по направленію, Максиму Греку, выпропотавъ для него право перехода изъ Твери въ Троицкій Сергіевъ монастырь³⁾.

Артемій былъ человѣкомъ строго-православнымъ, но тѣмъ не менѣе въ 1554 году онъ осуждается на соборѣ, какъ еретикъ. Между тѣмъ все еретичество Артемія состояло въ томъ, что онъ строго проводилъ воззрѣнія преп. Нила Сорскаго на религію и всѣ явленія современной жизни.

Такъ Артемій со всею ясностію формулируетъ принципъ критическаго отношенія къ церковнымъ памятникамъ и здѣсь часто буквально повторяетъ слова Нила Сорскаго. Среди самыхъ авторитетныхъ церковныхъ писаній Артемій различаетъ по степени важности и обязательности «кая заповѣдь Божія, кое отеческое преданіе и кое челоушескій обычай». Онъ заявляетъ, что мы «не просто, не яко прилучися, святыхъ преданія и словеса ученія ихъ приимемъ, но яко въ истину Духа Святаго законы» и проповѣдуетъ ничему не вѣрить кромѣ свидѣтельства богодухновенныхъ писаній⁴⁾. Съ точки зрѣнія своего направленія Артемій относился критически и къ «Просвѣтителю» Іосифа волоцкаго и находилъ въ немъ недостатки. Онъ разсматривалъ «Просвѣтитель» не какъ свя-

¹⁾ Горскій. Историч. описаніе Троицк. Сергіевой Лавры. Чтенія въ общ. истор. и древ. 1878, кн. IV. Окт.—Дек. 76—77.

²⁾ Курбскій. Сказанія, 132—134.

³⁾ Описаніе рукоп. Синод. библ. отд. II, кн. 2, 578—581. О дальнѣйшей судьбѣ Максима Грека см. Макарія, Истор. Русской церкви т. VI, 275—288.

⁴⁾ Русская историческая бібліотека, изд. Археограф. комиссіи т. IV. СПб. 1878 г. посланія старца Артемія 1212. Свес. препод. Нилъ Сорскій, первооснователь скитскаго житія въ Россіи СПб. 1864 г. Посланія 175. Посланія Артемія стр. 1268, 1230, 1331, 1387, 1394, 1398, 1402, 1407, 1383, 1384, 1403, 1207, Свес. прец. Нилъ Сорскій. Посланія 175, 179—189, 179 и др.

тоотеческое общепризнанное твореніе (преп. Іосифъ тогда еще не былъ канонизованъ), а какъ произведеніе частнаго лица, слѣдоват. и погрѣшное ¹.

И въ нравственныхъ воззрѣніяхъ Артемій тождественъ съ преп. Ниломъ. Артемій ратовалъ противъ изыснней приверженности къ обрядамъ. Онъ въ нравственныхъ воззрѣніяхъ исходилъ изъ духа евангельскаго ученія и требовалъ примѣненія евангельскаго ученія къ жизни. Онъ вездѣ преслѣдовалъ духовно-нравственныя цѣли: «списьма бо умерщвляютъ, а духъ живить», поэтому онъ постоянно настаивалъ на томъ, чтобы *дѣломъ* исполнить заповѣди, а не на словахъ и въ обрядахъ. На соблюденіе заповѣдей Божіихъ Артемій смотрѣлъ какъ на истинное церкви Христовой украшеніе, безъ котораго ни постыни молитвы, ни бдѣнія не принесутъ никакой нравственной пользы человѣку ². На этомъ основаніи онъ послѣдовательно отвергалъ дѣйствительность заукоуныхъ молитвъ, если только человѣкъ самъ ведетъ безнравственную жизнь ³ и пр.

Частныя нравственныя воззрѣнія Артемія точно также повторяютъ воззрѣнія Нила Сорскаго. Артемій проводилъ совершенно одинаковый съ нимъ взглядъ на монашество. Артемій, вѣрный духу своего учителя Нила, отрицательно смотрѣлъ на вотчинныя права монастырей, отвергалъ законность казни и преслѣдованія еретиковъ ⁴.

Критицизмъ Артемія проявлялся въ предѣлахъ нисколько не противныхъ православію. Онъ не утверждалъ того, что должно руководствоваться одними только евангеліемъ и апостоломъ, какъ въ томъ несправедливо обвинялъ судившій его соборъ ⁵, онъ этиѣ указывалъ съ точки зрѣнія своего критицизма только на преимущественное и предпочтительное и освящающее значеніе евангелія и апостола въ ряду произведеній святоотеческой и другаго рода литературы. Что это именно было такъ, въ подтвержденіе этого достаточно указать на то, что Артемій въ своихъ посланіяхъ защища-

¹ А. А. Э. т. I. № 239, 251.

² Посланія Артемія 1218, 1217, 1398, 1399.

³ А. А. Э. т. I. № 239, 252.

⁴ Посланія Артемія 1223—1228, 1136—1237, 1259—1260, 1440. См. преп. отц. нашего Нила Сорскаго преданіе ученикамъ СПб. 1832, 59—60.

⁵ Посланія 1213—1215, 1396, 1397, А. А. Э. т. I. № 239, 250—253.

еть всѣ установленія и обряды православной церкви: иконопочитаніе, монашество, посты, церковное преданіе и др.

Артемій сосланъ былъ на заточеніе въ Соловецкій монастырь, откуда онъ бѣжалъ въ Литву (въ Луцкъ), гдѣ и дѣйствовалъ съ успѣхомъ для охраненія православія въ его борьбѣ съ латинствомъ¹.

Дѣло Артемія прекрасно характеризуетъ свое время. Оно показываетъ, какіе быстрые шаги дѣлалъ у насъ односторонній религіозный консерватизмъ, боявшійся всякой новой, хотя бы то и самой здравой, мысли. Тѣ идеи, которыя позволялъ раньше проповѣдывать открыто пр. Нилъ Сорскій и заслужилъ тѣмъ уваженіе всякаго современнаго общества, тѣ же самыя идеи спустя полвѣка осуждаются какъ ересь.

Не оцѣненный по достоинству въ своемъ отечествѣ Артемій нашелъ болѣе справедливое отношеніе къ себѣ въ своемъ добровольномъ изгнаніи въ Литвѣ. Захарія Копыстенскій въ своей Полюнодіи, перечисляя учителей церкви восточной, указываетъ и на преподобнаго Артемія инока, который, «споспѣшествующу ему Господу, въ Литвѣ отъ ереси аріанской и лютеранской многихъ отвергнулъ, и чрезъ него Богъ справилъжеса весь народъ русскій въ Литвѣ въ ереси тыи не перевернулъ»².

Въ Заволжѣ около Артемія группировался особый кружокъ людей, непосредственно примыкавшихъ къ ученикамъ Нила Сорскаго и сосредоточивавшихся въ его пустынь. Это были: Порфирій, Ѳеодоритъ Кольскій, просвѣтитель Лопарей, и Іоасафъ Бѣлобаевъ. Къ этому же кружку примыкалъ и Семенъ Башкинъ, который, собственно говоря, и погубилъ все общество. Башкинъ, человѣкъ неособенно книжный, но съ любовью къ знанію, вращаясь

¹ Курбскій. Сказанія 133—136, 256—259. Горскій. Истор. описаніе Троицкой Лавры. Чтенія въ общ. вѣст. и древ. 1878 г. кн. IV. 76—77 г. примѣч.

² Русская истор. библиот. изданн. арх. ком. томъ IV. Полюнодія, 913. Православіе Артемія защищаютъ слѣдующіе русскіе ученые: (Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии: 447—449. Русскіе общественные дѣятели XVI в.). Кіевск. Унив. 1866 г. Павловъ (Истор. очеркъ секул. церкв. земель въ Россіи 111—112). Хлѣбниковъ. (О вліаніи общества на организацію государства въ царской періодъ русск. исторіи СПб. 1869 г. 155—156). Костомаровъ (Историческія монографіи и изслѣдованія т. I, С.-Пб. 1863 г. Велико-русскіе религіозные вольнодумцы 431—476). Горскій. (Чтенія въ общ. вѣст. и древ. 1868 г. кн. IV. Истор. обзор. Троицкой Лавры 76—77). См. также Вологодскія синарх. вѣдомости 1868 г. № 15 въ Прибавленіяхъ.

нѣкоторое время въ обществѣ завожской братіи усвоилъ себѣ нѣкоторыя ея идеи. Человѣкъ не особенно богатаго образованія онъ прежде всего остановился на нравственныхъ воззрѣніяхъ завожцевъ, какъ болѣе близкихъ къ пониманію и болѣе конкретныхъ. Онъ настаивалъ, такъ же какъ и другіе завожцы, на согласіи нравственной дѣятельности человѣка съ духомъ евангельскаго ученія и идеаломъ всякаго истинно вѣрующаго человѣка—І. Христомъ, и прежде другихъ указывалъ на духовенство какъ такое, которое должно было служить примѣромъ для общества въ исполненіи на дѣлѣ всѣхъ предписаній Евангелія. Самъ Башкинъ былъ истиннымъ христіаниномъ и въ своей нравственной дѣятельности старался осуществлять на дѣлѣ идеи завожцевъ. Протестъ Вассіана Косого и Максима Грека противъ жалкаго положенія рабовъ, который выражался у нихъ въ видѣ обличеній, у Башкина нашелъ примѣненіе къ жизни въ томъ, что онъ далъ полную свободу всѣмъ своимъ рабамъ, справедливо находя существованіе рабства противнымъ евангельскому ученію. Нравственныя воззрѣнія Башкина, сформировавшіяся подъ вліяніемъ завожцевъ, были причиною и служили объясненіемъ того, что завожскіе старцы «не хулили злобы его, а утверждали его въ томъ»¹.

Любовь къ пытливости, къ изслѣдованіямъ, плоть вліянія на него завожцевъ, мучила Башкина и онъ старался провѣрить свои нравственныя воззрѣнія на свящ. писаніи. Не обладая большими знаніями, онъ при изученіи св. писанія, путался въ противорѣчіяхъ и обратился за разъясненіями ихъ къ придворному священнику Симеону. Это обстоятельство и погубило Башкина².

Невозможно вполне довѣрять официальнымъ документамъ—суднымъ спискамъ, по которымъ судился Башкинъ, какъ это ясно видно изъ несправедливаго осужденія Артемія³. На соборѣ противъ Башкина ввоздилось не мало такихъ обвиненій, которыя противорѣчили показаніямъ самыхъ авторитетныхъ свидѣтелей.

Отличіе Башкина отъ Артемія можно видѣть только въ одномъ пунктѣ. Жизнь Башкина въ Москвѣ сдѣлала его доступнымъ западному вліянію, именно вліянію лютеранства⁴, подъ вліяніемъ кото-

¹ Никонов. лѣтоп. VII, 204.

² Жалобница Симеона. Чтенія въ общ. истор. и древ. 1847 № 3. отд. II. Московскіе соборы на еретиковъ XVI в. 22—23. А. А. Э. т. I, № 238.

³ А. А. Э. т. I, № 239. А. И. т. I, № 161.

⁴ Никонов. лѣтоп. ч. VII, 204.

раго въ связи съ критическимъ направленіемъ Бѣлоозерья у него составилъ свободный взглядъ на церковныя письменныя авторитеты. Мысль Вассіана Косого о неисправномъ состояніи церковныхъ книгъ въ Россіи и о корыстныхъ цѣляхъ, коими руководились многіе переписчики монахи, внося въ книги выгодныя для себя сужденія, поддержанная вліяніемъ западнаго либерализма, у Башкина расширяется, и онъ уже даетъ ей крайнюю формулировку, утверждая, что и вселенскіе соборы писали свои опредѣленія по гордости и «яко все себя для писали, чтобы имъ вѣсѣмъ владѣти и царскимъ и святительскимъ»¹. Но такъ какъ это сѣдѣніе находится въ судномъ спискѣ, которому вполнѣ довѣрять невозможно, то еще трудно сказать, въ какой мѣрѣ выражался либерализмъ Башкина въ отношеніи къ постановленіямъ вселенскихъ соборовъ. Но во всѣхъ другихъ пунктахъ Башкинъ повторяетъ только Артемія и былъ такъ же вполнѣ православенъ, какъ и первый. Въ немъ только была сильная «жажда истины, потребность вѣры и братской любви»².

Обращенія Семена Башкина къ священнику Симеону сопровождались трагическимъ значеніемъ какъ для него самого, такъ и для всего его кружка. О разныхъ вопросахъ, съ которыми обращался Башкинъ къ Симеону, и на которые послѣдній часто не могъ давать никакихъ объясненій, передано было священнику Сильвестру, приближенному Іоанна IV. Какъ Симеону такъ и Сильвестру вопросы и разсужденія Башкина показались «недоумѣнными» и даже подозрительными. Дѣло передано было великому князю, который велѣлъ арестовать Башкина и быть собору для изслѣдованія его ученія. Вмѣстѣ съ Башкинымъ схвачено было много его единомышленниковъ—особенно заволжскихъ старцевъ.³ Тутъ привлечены были къ соборному суду Артемій, какъ совѣтный съ Башкинымъ, Феодоритъ и Іоасафъ—какъ друзья Артемія. Даже Максимъ Грекъ и тотъ попалъ въ подозрѣніе, какъ находившійся въ близкой связи съ Артеміемъ. Всемогушій въ другихъ случаяхъ Сильвестръ и тотъ

¹ А. И. т. I, № 161, 297. А. А. Э. т. I, № 239.

² Аксаковъ. Полное собраніе сочиненій т. I, сочиненія историческія М. 1861, 159. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культур. знач. Византии, 444—447. Русскіе обществ. дѣятели XVI в. Костомаровъ: Историческія монографіи т. I, Велико-русскіе религіозные вождоудущи.

³ Чтенія въ общ. истор. и древ. 1847 г., № III, отд. II. Московскіе соборы на еретиковъ XVI в. Никонов. дѣл. VII, 207. А. И. т. I, № 161.

навелъ на себя подозрѣніе своимъ хорошимъ отзывомъ объ Артеміи¹.

Въ 1553—1554 г. состоялся обширный соборъ на еретиковъ. Большинство членовъ собора, проникнутые идеями Іосифа Волоцкаго, строго судили о подвергнутыхъ суду лицахъ. Здѣсь снова былъ поднятъ вопросъ о преслѣдованіяхъ еретиковъ и онъ рѣшенъ былъ въ духѣ Іосифа. На соборѣ принесена была самая книга Просвѣтитель Іосифа, которую всѣ называли свѣтиломъ православія. Присутствовавшій на соборѣ Кассіанъ, еп. Рязанскій, молчаливый свидѣтель дѣяній Стоглаваго собора, не выдержавъ теперь, когда въ числѣ подсудимыхъ лицъ увидѣлъ своего учителя и сподвижника по пустынѣ Іоасафа Бѣлобаева, и сталъ защищать всѣхъ подсудимыхъ бѣлозерцевъ и критически разбирать «Просвѣтитель», доказывая, что въ немъ подобраны не вездѣ вѣрныя свидѣтельства. Но единоличное заступничество Кассіана прошло безслѣдно; онъ даже подвергся небесной карѣ, послѣдствіемъ которой было отреченіе его отъ кафедры. Соборъ осудилъ Артемія, Башкина, Θεодорита и др. какъ опасныхъ еретиковъ и разослалъ ихъ по разнымъ монастырямъ.

Соборъ 1553—1554 года, служащій новою открытою вѣншикою борьбы двухъ направленій русской мысли, представляетъ одно изъ замѣчательныхъ явленій въ исторіи развитія послѣднихъ. На немъ противоположность взглядовъ того и другого выразилась въ такихъ же рѣзкихъ, если только не болѣе, чертахъ какъ это было на соборѣ 1531 года подъ предсѣдательствомъ м. Даніила. Разность состояла въ томъ, что предъ соборомъ 1553—1554 г. находился цѣлый кружокъ заволжскихъ старцевъ, тогда какъ предъ соборомъ Даніила подсудимыхъ было только двое. Исходъ собора 1553 года также былъ несчастенъ для заволжской братіи и послѣ него направленіе Нила Сорскаго замѣтно сходитъ съ исторической сцены.

Соборъ 1553 года замѣчателенъ и для характеристики консервативнаго направленія. Отцы собора, строгіе ревнители всего стараго строя, своимъ осужденіемъ неповинныхъ заволжцевъ ясно дали понять всѣмъ, что современная церковная іерархія готова

¹ Курбскій, Сказанія 127—142. Акты А. Э. т. I, № 238 и 239. А. истор. т. I, № 161. Московскіе соборы на еретиковъ XVI в. Чтенія въ общ. истор. и др. 1847, № 3, отд. II.

относити къ разряду еретиковъ всякаго, кто вздумаетъ разсуждать о религіозныхъ предметахъ съ точки зрѣнія чего-либо болѣе новаго и живаго.

А по дѣлу Висковатаго, который осмѣлился разсуждать и публично высказывать свои мнѣнія по поводу записанія нѣкоторыхъ иконъ въ церквахъ по новымъ образцамъ, соборъ 1553—1554 года высказалъ даже мысль, запрещавшую мірянамъ всякія разсужденія о вѣрѣ, какъ несвойственныя ихъ положенію въ церкви¹. Такимъ образомъ систематически преслѣдовалось всякое отклоненіе мысли отъ установившихся порядковъ и понятій, какъ появленіе «проклятаго» мнѣнія.

Однимъ изъ выдающихся представителей церковнаго консерватизма въ половинѣ XVI в. былъ митрополитъ Макарій, для котораго такія незначительныя отступленія отъ извѣстна установившейся нормы, какъ пѣніе аллилуія по дважды, вмѣсто трехъ разъ значило пѣть «только на грѣхъ себѣ и на осужденію»¹.

Но въ лицѣ продолжателей Нила Сорскаго на Бѣлоозерѣ церковная іерархія убилъ, и то далеко не совсѣмъ, только одну особую струю въ общемъ умственномъ броженіи Заволжья. Въ XVI вѣкѣ здѣсь развилось самое сильное и разнообразное броженіе умовъ; направленія, прежде отчетливо обозначавшіяся и отличавшіяся одно отъ другаго, теперь перемѣшались, перекрестились и такимъ образомъ образовался настоящій умственный хаосъ, въ которомъ можно отыскать и отбросить только самые основные элементы:

1. Не убитое окончательно критическое направленіе Нила Сорскаго, которое даже въ лицѣ напр. Башкина, стало переходить границы умѣренности.

2. Ересь жидовствующихъ въ ея чистомъ видѣ продолжавшая прозябать и создавшая на своей почвѣ новыя, особыя секты.

3. Выродившееся на почвѣ ереси жидовствующихъ направленіе чистаго рационализма, элементовъ котораго заключалось такъ много въ жидовствѣ, причемъ сами собою выдѣлились и ступеневались специфическія особенности жидовства, какъ элемента случайнаго.

¹ А. А. Э. т. I, № 238, 244.

² Указъ м. Макарія о сугубомъ «аллилуіа» въ его великихъ мѣнеяхъ четыхъ за м. Августъ, Шаповъ, Русскій расколъ старообрядства, 29.

4. Наконецъ проникшее въ Россію вліяніе запада, которое само шло въ разныхъ видахъ—въ формѣ католичества, лютеранства и въ другихъ фракціяхъ западнаго реформатства.

Благодаря всѣмъ этимъ разнымъ условіямъ въ отрицательномъ направленіи русскаго общества произошло сильное смѣшеніе и разпообразіе мнѣній, воззрѣній, общемою чертою котораго былъ крайній раціонализмъ.

И дѣйствительно на Бѣлоозерѣ около половины XVI вѣка встрѣчаются и «отроды ересей Люторскихъ»¹, и такіе изъ либеральныхъ иноковъ Кириллова монастыря, которые утверждали, что апостольскія посланія писали старцы или пресвитеры церковные, а не сами апостолы и называются апостольскими только «чести ради»².

Но самымъ рельефнымъ цѣльнымъ отображеніемъ раціоналистическаго броженія на Бѣло-озерѣ является ересь Феодосія Косого, который былъ постриженникъ Кириллова монастыря.

Въ ереси Косого можно подмѣчать разные элементы, соотвѣтствующіе условіямъ, вызвавшимъ общее броженіе умовъ. Въ логматическо-теоретическомъ ученіи Косого, напр. въ отверженіи имъ божественности Иисуса Христа, въ отрицаніи воплощенія и искупленія, почитанія иконъ, въ ученіи о поклоненіи единому Богу и пр. повторяются ни болѣе ни менѣе, какъ положенія ереси жидовствующихъ.

Ученіе Косого есть выраженіе крайняго раціонализма, усилившагося подѣ вліяніемъ западнаго протестантскаго движенія. Онъ проводилъ мысль, что истинныя книги суть только священное писаніе ветхаго завіта. Онъ не отрицалъ каноническаго достоинства и всѣхъ новозавѣтныхъ каноническихъ книгъ, исключая посланія ап. Павла къ *Евреямъ*, подлинность котораго онъ отвергалъ по примѣру западныхъ протестантовъ лютеранъ.

Взглядъ на источники вѣроученія Косой примѣнилъ и къ практикѣ. Онъ отрицалъ всякое уваженіе къ богослужебнымъ и аске-

¹ Курбскій, изд. 2. 133—134.

² Востоковъ. Описаніе Румянц. Музея, 243—244. Рукоп. библ. кнѣзя Хлудова № 60, л. 29—30.

тическаго и молитвеннаго содержанія книгамъ, равнымъ образомъ не признавалъ каноническаго достоинства правилъ соборныхъ и называлъ ихъ простыми человѣческими преданіями, такъ какъ они написаны были только епископами ¹. Такъ широко понимаемый критическій принципъ привелъ его къ отрицанію почти всей религіозной вѣщности, особенно монашества, которое онъ называлъ человѣческимъ преданіемъ.

Но въ ученіи Косого можно находить воззрѣнія, выработавшіяся на почвѣ истиннаго православнаго критицизма. Постоянныя ссылки Косого на евангеліе и апостола какъ на единственный источникъ вѣроученія ², и имѣють своимъ первоисточникомъ мысль преп. Нила Сорскаго, съ особенною полнотою развитую Вассіаномъ Косымъ о преимущественномъ и опредѣляющемъ значеніи евангелія и апостола по отношенію къ другимъ церковнымъ памятникамъ. По этому до нѣкоторой степени правъ Невоструевъ, который говоритъ, что мысль Вассіана о предпочтительномъ отношеніи къ евангелію и апостолу вела къ лютеранству ³, или вѣрнѣе къ русскому протестантству.

Косой и его послѣдователи вполне въ духѣ заволжцевъ отрицають право преслѣдованій и казни еретиковъ, равнымъ образомъ высказываются противъ права монастырей на владѣніе вотчинами и крестьянами. При этомъ замѣчательнѣе всего то, что еретики, послѣдователи Косого, въ оправданіе своего отрицательнаго взгляда на вотчинныя права монастырей ссылались на слова Максима Грека, который «зѣло понуждаетъ инокамъ хранить заповѣдь нестяжанія, о чемъ также добръ писа князь Вассіанъ-инокъ» ⁴.

Соборъ 1553—1554 года, разсматривавшій дѣло Артемія и другихъ заволжскихъ старцевъ православной фракціи привлекъ къ суду и еретика Косого и нѣкоторыхъ его послѣдователей ⁵. Замѣ-

¹ Зиновій Отенскій. Истинны показаніе. 209, 217, 358, 413, 298, 213, 43—45, 353—354, 525, 839, 873.

² Зиновій, 37, 41—42; 888, 873, 923, 199.

³ Разсмотрѣніе книги Хрущева, изслѣдованіе о сочинен. Іосифа Санина 59.

⁴ Зиновій, 879, 883, 875—876, 890, 923, 908, 913—914.

⁵ Зиновій, 879. Д. А. Э. т. I, № 289, 353.

чительно, соборъ не различалъ еретической фракціи заволжцевъ отъ православной и относился къ нимъ безразлично съ одинаковымъ недоумѣніемъ. Соборъ 1554 г. разослалъ осужденныхъ по монастырямъ.

Все вообще отрицательное критическое направленіе, волновавшее долгое время русскіе умы, не уничтожилось соборными приговорами. Оно оставило послѣ себя глубокіе слѣды.

Ересь жидовствующихъ не уничтожилась и продолжала прозябать подъ видомъ разныхъ сектъ, напр. секты субботниковъ, въ которой еще Димитрій Ростовскій видѣлъ продолженіе ереси жидовствующихъ¹.

Крайній раціонализмъ ереси Косого,—результатъ развитія общихъ направленій и ереси жидовствующихъ и православнаго критицизма въ связи съ реформаціоннымъ движеніемъ запада, послужилъ основаніемъ и почвою для образованія раціоналистическихъ сектъ молоканъ, духоборцевъ и др.

На почвѣ анти-іерархическаго движенія стригольниковъ, потомъ жидовствующихъ и Косого въ XVII в. развивались по новгородской области церковно-демократическія секты безпоповщины².

И въ XVII вѣкѣ мнѣнія съ отрицательнымъ характеромъ время отъ времени прорываются. Такъ князь Иванъ Хворостининъ, находившійся на службѣ при дворѣ, отрицалъ церковные обряды, вѣчную жизнь, и запрещалъ своимъ людямъ ходить въ церковь.³

Въ теченіе всего XVI и даже отчасти и XVII вв. Волоколамскій монастырь продолжалъ поддерживать свое консервативное направленіе и служилъ мѣстомъ ссылки какъ для нарушителей церковнаго порядка, такъ и для людей политически неблагонадежныхъ.

Инокамъ Волоколамскаго монастыря (Герасиму Ленкову и Филовою Полеву) предъ началомъ соборомъ 1553 года поручался

¹ Розыскъ о брынской вѣрѣ, изд. 5. Москва, 1855 г. 609.

² Пр. Соб. 1863 г. ч. I. Замѣтки касательно устройства древней Новгородской іерархіи, 291.

³ Соловьевъ т. IX, изд. 2. Москва 1866. 460—462. 439.

надзоръ надъ Башкинымъ ¹. Послѣ соборнаго осужденія Башкинъ былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь ². Около 1590—1592 годовъ въ Волоколамскомъ монастырѣ находился «на смиреніи» нѣкто Васюкъ Курицынъ, можетъ быть одинъ изъ потомковъ извѣстнаго покровителя жидовствующихъ, Феодора Курицына ³. Въ Волоколамскій монастырь отправляемы были и плѣнники ⁴.

Слава знаменитаго основателя монастыря, строгость монастырскаго устава и основанныхъ на немъ порядковъ, выдержанность характера иноковъ монастыря, ихъ административныя способности, направленіе и духъ ихъ воззрѣній, ихъ многочисленность, наконецъ симпатіи къ монастырю великихъ князей сдѣлали въ своей совокупности то, что Волоколамскій, Юсифовъ, монастырь, не смотря на короткій періодъ своего существованія, занялъ въ іерархическомъ спискѣ монастырей очень видное мѣсто и затмилъ собою такіе даже монастыри, которые славилась своею древностію ⁵.

¹ Никон. глѣт. VII, 204.

² Филаретъ Черниговскій, Истор. Р. церкви, отд. III. 821. примѣч. 214, изд. 4

³ Въ рукописи Моск. дух. акад. № 199/162 Волос. л. сохранилась слѣдующая надпись: «челъ ея (рукопись) по благословенію игумена Іоасафа, (1590)—1592 г. Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей русской церкви, 182. Казанскій, Опись книгъ Юсифова монастыря, Чтен. въ общ. ист. и древн. 1847, № 7, отд. IV, 9) и старца Мисаила Бенкина первый грѣшникъ предъ Богомъ Васюкъ Курицынъ, присланъ въ св. монастырь къ великому чудотворцу Юсифу на смиреніе». Подобную надпись см. въ рукои. М. Д. А. № 197/161. л. 1.

⁴ Въ собраніи рукописей Импер. Пуб. библиотеки сохранилась одна рукопись, именно искупись, писанная 1567 года «рукою многгрѣшнаго раба Божіа Івана, полоняника Полоцкаго, въ заключеніи связаннаго на Волокъ на Ламскомъ». Рукоп. Имп. Пуб. биб. отд. I, Q. № 91.

⁵ Въ спискѣ епархіи и архимандрій Русскихъ XVI вѣка Волоколамскій монастырь въ общемъ ряду русскихъ монастырей поставленъ подъ № 19 и выше такихъ монастырей какъ Псковскій Печерскій, Антоніевъ въ Новгородѣ, Отрочъ въ Твери, Даниловъ Переяславскій. Рукоп. Моск. дух. акад. № 181/161. л. 84—85.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

Ко второму отдѣлу обзорѣнія сочиненій митрополита Даниіла относятся тѣ части изъ его произведеній, которыя характеризуютъ его какъ проповѣдника нравственности вообще, безотносительно къ отдѣльнымъ направленіямъ своего времени, и которыя представляютъ его нравственное міровоззрѣніе въ связи съ разсмотрѣніемъ недостатковъ и пороковъ, болѣе или менѣе общихъ его современникамъ. При логической непослѣдовательности и безпорядочности въ изложеніи какими чертами отличаются сочиненія Даниіла, невозможно прямо выдѣлать извѣстное число его словъ и посланій, которыя бы по характеру своего содержанія въ цѣломъ своемъ видѣ отвѣчали назначенію отдѣла. Самая существенная задача при изученіи сочиненій—это то или другое міровоззрѣніе автора; но преслѣдуя ее невозможно при обзорѣніи сочиненій Даниіла держаться того порядка, какой данъ имъ самимъ авторомъ. Это обстоятельство вынуждаетъ отказаться отъ слѣдованія распорядку мыслей, находящемуся въ словахъ и посланіяхъ Даниіла, и заставляетъ въ выгодахъ чисто логическихъ избрать другой, болѣе отвѣчающій логическому построенію мыслей порядокъ. Въ настоящемъ отдѣлѣ будетъ изложенъ въ возможной связи и послѣдовательности кругъ нравственныхъ воззрѣній митрополита Даниіла и во многихъ случаяхъ безотносительно къ тому, гдѣ и изъ какихъ словъ или посланій взяты тѣ или другія данныя для характеристики нравственныхъ взглядовъ митрополита.

Все нравственное міровоззрѣніе м. Даниіла, разсматриваемое какъ съ своей положительной, такъ и съ отрицательной стороны, находится въ связи съ господствовавшими нравственными воззрѣніями и нравственнымъ состояніемъ современнаго ему русска-

го общества. Поэтому для того, чтобы можно было уяснить и понять его нравственное міровоззрѣніе, необходимо историческое изученіе нравственнаго состоянія современнаго ему Русскаго общества и господствовавшихъ въ немъ нравственныхъ воззрѣній, потому что оно само есть ни болѣе ни менѣе, какъ только продуктъ того и другаго.

Г Л А В А I.

Характеръ и высота нравственныхъ воззрѣній того или другаго общества обусловливаются степенью состоянія и характеромъ просвѣщенія. Древне-русское просвѣщеніе имѣло характеръ исключительно религіозный, подъ вліяніемъ коего умъ русскаго человѣка виталъ по преимуществу въ области отвлеченныхъ матерій невидимаго духовнаго міра, спасенія, вѣчнаго блаженства и под. Вращаясь въ сферѣ духовныхъ предметовъ религіи древне-русское просвѣщеніе сравнительно мало давало человѣку для его дѣйствительной жизни и для его обыкновенныхъ земныхъ отураленій. Видимый міръ, земныя блага и жизнь человѣка на землѣ затрогивались здѣсь не сами по себѣ, по своей сущности, но главнымъ образомъ по отношенію къ другому, невидимому міру, именно настолько, насколько онѣ являлись средствомъ для достиженія высшей духовной цѣли вѣчнаго блаженства. Но такъ какъ въ дѣйствительности видимый міръ и его блага не только иногда не служатъ средствомъ для достиженія спасенія, но несравненно чаще, наоборотъ, составляютъ одно изъ препятствій въ дѣлѣ духовнаго нравственнаго развитія человѣка, то это обстоятельство даетъ серьезныя основанія къ тому, чтобы видимый міръ и жизнь человѣка на землѣ разсматривать болѣе съ отрицательной стороны, какъ нѣчто ненадежное и опасное для нравственной дѣятельности. Такимъ образомъ, выходя только изъ одного общаго направленія древне-русскаго просвѣщенія, должно придти къ отрицательному, аскетическому взгляду на міръ и его блага. Если же мы обратимъ вниманіе на содержаніе письменныхъ памятниковъ, на которыхъ поддерживалось древне-русское просвѣщеніе, то увидимъ, что въ немъ были господствующими аскетическія идеи, которыя вмѣстѣ съ церковною письменностію занесены были на Русь изъ Византіи. Въ то время, когда Россія подчинилась

вліянню Византіи, господство релігійознихъ идей достигло въ ней своего апогея и монастыри стали давать направленіе обществу. При всеобщемъ упадкѣ нравовъ, при политическомъ одряхленіи Византіи, лучшіе представители византійскаго общества, отчаявшись въ возможности жить и дѣйствовать въ мірѣ, среди общества нравственно растлѣннаго, отрекались отъ этого міра, бѣжали въ монастыри и тамъ посвящали себя на служеніе тому аскетическому идеалу, который былъ по ихъ мнѣнію, почти единственнымъ средствомъ для нравственнаго усовершенствованія и спасенія общества. Самымъ необходимымъ послѣдствіемъ чрезмѣрнаго преобладанія аскетическихъ идей въ Византіи было то, что идеалъ христіанской добродѣтели выработался такой, который ставился внѣ общества, помимо обыкновенныхъ человѣческихъ отношеній, воплощался въ монашествѣ, въ отрѣшенности отъ міра. Аскетизмъ былъ существенною стихіею византійской письменности. Въ сочиненіяхъ Ефрема Сирина, Макарія Египетскаго, Іоанна Лѣствичника, Исаака Сирина, Діадоха, Дорофея, Максима Исповѣдника, Анастасія Синаита, Θεодора Студита, Θεодора Ефесскаго, Филовея Синаита, Симеона Новаго Богослова, Марка Подвижника, Исихія и многихъ другихъ раскрывается со всею подробностію внутренняя духовная жизнь христіанина съ преобладаніемъ аскетическаго колорита. Выѣстъ съ христіанствомъ изъ Византіи переходитъ въ Россію и выработанная ею литература и здѣсь путемъ переводовъ получаетъ широкое развитіе и примѣненіе. Большая часть переводныхъ твореній, какія были въ ходу въ древней Руси, принадлежатъ къ аскетической литературѣ и болѣе всего тогда переводились творенія иноческія¹. Не мало было историческихъ условій въ русской жизни, способствовавшихъ развитію въ ней аскетическихъ идей. Ко времени принятія христіанства Россія не выработала своей собственной народной литературы и потому въ ней византійская письменность немалое время замѣняла собою народную и чрезъ то сдѣлалась какъ бы родственною ему. Литературные памятники, завѣщанные Византіею, послужили для русскаго народа и литературными источниками и образцами. Подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ византійскихъ образцовъ возникла и развилась и собственная русская литература. Первыми проповѣдниками и проводниками христіанскаго просвѣщенія были митрополиты и епископы,

¹ Горскіи и Невоструевъ. Описаніе рукоп. Моск. Синод. библ. II, кн. 1, 5.

которые, будучи родомъ греки, естественно проводили въ жизнь русскихъ убѣжденія, почерпнутыя и образовавшіяся у нихъ на почвѣ изученія ими своей родной аскетической литературы. Подъ нравственно аскетическимъ руководствомъ митрополитовъ дѣйствовали епископы и низшее духовенство и особенно монашество. Русское монашество сформировалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ и по образцу греческаго и въ аскетическихъ произведеніяхъ греческихъ находило изображеніе своего высшаго идеала. Русскіе монастыри въ свою очередь сдѣлались для Россіи первыми разсадниками просвѣщенія. Пользуясь большимъ запасомъ знаній, почерпнутыхъ изъ греческой аскетической письменности, русскіе епископы и подвижники проводили ихъ въ жизнь общества и распространяли ихъ посредствомъ устныхъ бесѣдъ и посланій. Состояніе просвѣщенія также содѣйствовало развитію аскетическихъ идей. Будучи людьми мало образованными, не подготовленными и мало способными къ отвлеченному богословскому мышленію, требующему сравнительно высшей степени умственного развитія, древніе русскіе книжники болѣе всего вращались въ области нравственного ученія, какъ болѣе конкретнаго, а потому и болѣе доступнаго для ихъ ума, и не требовавшаго для своего усвоенія глубокаго систематическаго мышленія и главное обстоятельно раскрытаго и развитаго въ произведеніяхъ византійской письменности, которыми они и пользовались въ самой широкой степени, подвергая ихъ нѣкоторой переработкѣ и измѣненіямъ. Однимъ изъ вѣдущихъ условій развитія аскетизма была сама исторія русскаго народа, которая сложилась для него неблагоприятно и тѣмъ дала широкій просторъ аскетическимъ идеямъ. Постоянные набѣги разныхъ кочевыхъ народовъ, двигавшихся изъ средней Азіи, смѣнившіеся тяжкими для народа междоусобіями князей удѣльно-кѣвскаго періода, ужасы татарщины и продолжительнаго ига монголовъ, частыя моровыя повѣтрія, голода, опустошительные пожары и под. неопровержимою логикою фактовъ дѣйствительно вселяли въ народъ аскетическій взглядъ на міръ, какъ на арену, полную злѣ и скорбей и вообще какъ на ничтожество. Благодаря всѣмъ этимъ, вмѣстѣ взятымъ условіямъ, аскетическая идея сдѣлалась господствующею и въ самостоятельной русской литературѣ. Подъ вліяніемъ господствующихъ аскетическихъ воззрѣній въ древней Руси міръ и жизнь человѣка на землѣ рассматривались болѣе съ отрицательной стороны и описывались по преимуществу въ своихъ непривлекательныхъ сторонахъ. Самое понятіе міра обратн-

лось въ синонимъ грѣха, непостоянства и ничтожества¹. Аскетизмъ, господствуя въ воззрѣніяхъ древне-русскаго человѣка, до нѣкоторой степени прилагался и къ самой жизни русскаго общества древняго времени. Самая обыденная жизнь древняго русскаго человѣка слагалась по монастырскому образцу, даже великіе князья и цари окружали себя монастырскою обстановкою².

Аскетическія творенія оказали большое вліяніе и на характеръ литературной дѣятельности м. Данила. Самая большая часть изъ нихъ встрѣчается въ его сочиненіяхъ. Многія слова и посланія, если только предметомъ ихъ служить нравственное ученіе, наполнены выписками изъ подвижническихъ произведеній. Даниилъ воспитался на аскетической литературѣ и сроднился съ аскетическимъ духомъ. Онъ даже собралъ для личнаго пользованія очень

¹ Самое слово міръ сопровождалось у русскихъ книжниковъ соответствующими этому взгляду эпитетами. Оно постоянно у русскихъ книжниковъ сопровождается названіями «погибельнаго», «суетнаго», «скоротчнаго», «скороумиющаго», «вмалѣ являющагося, а вскорѣ погибающаго» (Прав. Соб., 1859 г. часть I, Января: слово св. отецъ какъ жити крестьянамъ, 128 — 146). «Вся въ мірѣ вскорѣ погибаетъ», говорится въ одномъ древне-русскомъ поученіи, «яко прахъ и пепелъ, яко цвѣтъ травный увядаетъ вся свѣта сего прелесть и богатство и слава; уподобися слава міра сего и пламени огненному, иже подгнищенъ дровы и бысть высокъ, и потомъ приложися въ угліе, и потомъ въ пепелъ, и пакы развѣетъ вѣтръ и мѣста не обращается». «Овнъ (отцы) дыномъ нарекоша житіе свое, овнъ прахомъ жизнь свою, друзи же яко ничтоже сущу (Рук. Соб. библ. № 1457, л. 185: слово св. отецъ о славѣ міра сего). Строгость взгляда на жизнь человѣка на землѣ доходила до послѣдней крайности: «Блаженъ, восклицаетъ въ отчаніи одинъ строгій моралистъ «мже возмеканди житіе человѣческое» (Рук. Кпр. библ. № 81/1156: словеса душеполезна св. отецъ избрана отъ многа мало, л. 48—70, 51). Аскетическимъ духомъ проникнуты поученія Серапіона, епископа Владимірскаго (XIII в.). Прибавленія въ твореніяхъ св. отецъ, ч. I, М. 1843. Митрополитъ Кипріанъ въ посланіи къ Аванасію называетъ міръ «блудницею» (Акты Пст. т. I, № 253, отъ 1390, 480—482). Митрополитъ Фотій все земное называетъ безнадежнымъ (Прав. Соб. 1860, II, 497). Въ XVI вѣкѣ аскетическимъ направленіемъ отличаются сочиненія Максима Грека, см. ч. II. Въ аскетическомъ духѣ—инокъ старецъ Волоколамскаго монастыря, Фотій. Рук. Им. Пуб. библ. XVII, Q № 70, л. 27. Посланіе Фотія къ старцу Александру.

² Забылтъ, Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII вв., т. I, М. 1872. изд. 2, 202—209. 313—320. Домашній бытъ русскихъ царичъ въ XVI и XVII вв. М. 1869. 296—300. 397. Костомаровъ. Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII вв. С.-ПБ. 1860. 139. Рундичскій. Религіозный бытъ русскихъ по свидѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вв. Чтен. въ Общ. ист. и древн. 1871, кн. III, 90—92, 93.

значительное число памятниковъ аскетической литературы, которые и составили его замѣчательный и до настоящаго времени сохранившійся сборникъ, носящій названіе «главника Даниіловскаго», и гдѣ составителемъ сборника сгруппирована большая часть аскетическихъ твореній ¹.

Аскетическій характеръ церковной литературы оказалъ свое вліяніе на воззрѣнія м. Данила. Какъ человекъ, весьма рано отдавшійся монашеству, онъ сочувствовалъ и увлекался строгою моралью аскетизма. Существуетъ специальное посланіе Данила о томъ, «яко житіе сіе прелестное яко сонъ мимо грядеть» ². Не въ одномъ только этомъ посланіи проводятся аскетическія тенденціи. Сочувствіе къ нимъ митрополита осязательно и во многихъ другихъ его словахъ и посланіяхъ. Онъ рѣдко пропускаетъ случаи, чтобы не упомянуть о суетѣ мірской и ничтожествѣ земнаго человѣческаго существованія, когда касается въ своихъ разсужденіяхъ жизни современнаго ему общества. У Данила такъ же, какъ и у его современниковъ, міръ сей весьма часто называется «прелестнымъ» ³, а жизнь человека житіемъ «скоропогибающимъ», «суетнымъ» ⁴.

Въ своихъ взглядахъ на міръ и жизнь человека Данилъ находится въ зависимости отъ духа своего времени. Взгляды его на

¹ Главникъ м. Данила находится въ рукоп. моск. дух. акад. № 123/488. Вол. полууставъ, XVI в., въ листъ, на 455 л. Здѣсь помѣщены: 1. Блаженнаго Діадоха словеса постническа, главникъ его; 2. Филовея Синайскаго главники трезвительны, числомъ 44; 3. 400 главъ преп. Флавиція; 4. преп. Кассіана Римлянина о осьми помыслахъ; 5. Преп. Зосимы бесѣды душеполезны о ярости; 6. св. Нила Синайскаго слова и его же главники (числомъ 151); 7. Макарія Великаго главы (числомъ 71); 8. Максима Исповѣдника о любви и о жити; 9. Никиты Стрѣлца; 10. главы добродѣтельны Θεодора Едесскаго; 11. Положеніе софѣвательныхъ главъ Юстиніану царю, сдѣланное Агапштоу діакономъ; 12. Василія царя греческаго главники учителины... 13. Геннадія, патріарха константинопольскаго слово о вѣрѣ (100 главъ); 14. Максима Исповѣдника главъ 84; 15. Слова Марка Синайскаго; 16. житіе Филимона Отшельника; 17. житіе Соломона Молчальника; 18. Іоанна Лествичника и преп. Исаія; 19. Германа Константинопольскаго стиса добрыйша къ вишій слезнѣй хотящимъ непрестанно плакатися; 20. св. Стефана о бѣднѣхъ всемошнѣхъ; 21. Преп. Евлогія повѣсть о св. ангелѣхъ дающихъ различныя дары въ трезвеніи стоящихъ на пѣніяхъ и др.

² Рукопись Нов. Сов. бібліотеки № 1281, лист. 230—235.

³ Р. м. д. а. № 197, л. 401 л. 465.

⁴ Рукоп. Н. Сов. библ. № 1281, л. 282. Рукоп. м. д. а. № 197, л. 456.

жизнь также суровы и строги и мало уступаютъ въ своей силѣ взглядамъ истыхъ ревнителей аскетизма. Исходный пунктъ его воззрѣній дышетъ строгостію настоящаго аскета. Онъ увѣщаетъ своихъ пасомыхъ, «настоящая *яко несущая* помышляти», откуда само собою вытекаетъ и такого рода наставленіе, какъ наставленіе «презирать настоящая» ¹. Необходимость «презирать» міръ Даниилъ обосновываетъ на крайней неустойчивости всего того что даетъ человѣку этотъ міръ, и съ другой стороны и на скоротечности жизни самого человѣка, настолько короткой, что ему ни чего не остается болѣе или менѣе осязательнаго отъ благъ, предоставляемыхъ ему міромъ. Даниилъ любилъ долго останавливаться на мысли о постоянной измѣнчивости и неустойчивости всѣхъ благъ, какія только достижимы человѣкомъ на землѣ, благъ, за которыми онъ такъ страстно гоняется, на что убиваетъ иногда цѣлую жизнь. «Что есть теченіе міра сего или есть слава его?» спрашиваетъ себя въ одномъ мѣстѣ Даниилъ. «Вся басни, вся паутина, вся дымъ, и трава, и цвѣтъ травный, и снѣгъ, и сонъ» отвѣчаетъ самъ себѣ спрашивающій ². Въ мірѣ нѣтъ ничего болѣе или менѣе устойчиваго: въ немъ «вся преходна, вся мимолетственна есть». Жизнь міра и всего, что только существуетъ въ немъ, есть постоянное движеніе и постоянное измѣненіе: «непрочно есть и непостоянно *ничтоже* отъ сущихъ на земли и человѣци, и вещи, и разумы, и словеса, и мысли, и дѣла ихъ, превращаетъ бо ся *яко коло* и *яко стѣнь* преходить». «Что убо не мимолетственно, *что ли не паубно въ житіи семъ?* Въ мірѣ, по взгляду Даниила, «все лукавство и мимотекуща есть» ³. Развивая свои аскетическія идеи, Даниилъ воплощаетъ ихъ иногда въ очень удачную форму. Здѣсь у него является живость и красота слова въ такой мѣрѣ, въ какой рѣдко у него можно встрѣтить въ другомъ мѣстѣ. Прекрасна картина, начертанная Данииломъ въ одномъ изъ его посланій, гдѣ рельефно выступаетъ какъ вся безпомощность самаго человѣка, такъ и гибель въ отдѣльности, по частямъ, всего того, на приобрѣтеніе чего была убита не одна, можетъ быть, человѣческая жизнь. «Пріидемъ, о любимиче», такъ начинается свою рѣчь Даниилъ, и видимъ во гробѣхъ ясно: гдѣ онго и

¹ Р. м. д. а. № 197, 413. 454.

² Рукон. моск. синод. библ. № 985/137, л. 332. См. въ приложеніяхъ.

³ Рукон. м. д. а. № 197, л. 475. 486. 413.

омого многое имѣніе и безчисленное богатство? Гдѣ крѣпость тѣлесная ихъ? Гдѣ храбрость мужаества ихъ? Гдѣ убо есть доброта телесная? Гдѣ есть юность? Гдѣ суть очи? Гдѣ языки многоглаголивыи и ухищренныя рѣчи? Гдѣ лѣпота плоти и гдѣ красота юности? Гдѣ баня и прочее угодіе плоти? Гдѣ одры слоновыя и златопрядныя постеля? Гдѣ кони среброуздыя? Гдѣ оружія златобѣщанныя? Гдѣ высокія престола? Гдѣ царіе и князи и иже возвышенная слава? Гдѣ боярство и честь? Гдѣ красота и слава суетнаго сего житія? Вся исхоша яко трава, вся разсыпашася, вся погибоша. Гдѣ убо тогда мірское пристрастіе? Гдѣ маловременныхъ мечтаній? Гдѣ злато и сребро? Гдѣ рабъ множество и отроки предтекущіе? Гдѣ многоразличныя трапезы, и сладкія сибди, и хитрость поваровъ? Гдѣ красота ризная? Гдѣ златыя и сребренныя сосуди? Гдѣ сладкія вина неразтворенныя и прочее питіе благовонное? Гдѣ ристаніе конское и утѣшеніе суетное? Гдѣ радость прелестная сего вѣка? Гдѣ веселіе маловременное суетнаго житія? Все пенелъ, вся персть, вся прахъ, вся сѣнь. Что убо всуе миемся вси чѣловѣци гной суще, персть, и прахъ, и плоть, и кровь, трава и цвѣтъ травный, сѣнь и дымъ... Вся убо видимая міра сего», такъ заканчиваетъ свою рѣчь митрополитъ, «красна суть и славна, но вскорѣ микуеть и исчезаютъ яко дымъ, яко сонъ, или яко цвѣтъ увѣдаеть». Въ приведенной тирадѣ можно основательно подозрѣвать вліяніе на Данила твореній древнихъ отцовъ церкви, особенно Златоуста.

Не менѣе сосредоточиваетъ вниманія Данилъ на второй своей мысли,—мысли о скоротечности человѣческой жизни. «Что есть житіе наше, о любезне», пишетъ митрополитъ, «не якоже ли сонное видѣніе? Не яко же ли цвѣтъ травный и пара, вмаѣ въсходящи и исчезаючи, или рѣчная быстрина мимотекущія, или яко роса утренняя»¹. Человѣкъ, будучи такимъ скоротечнымъ существомъ въ злѣшнемъ мірѣ, долженъ видѣть въ этомъ ничтожество своей жизни и поэтому не увлекаться благами сего тлѣннаго міра. «Присно учимся о спасеніи душъ нашихъ», пишетъ митрополитъ, скоро бо мимотекутъ дніе лѣтъ нашихъ, и все настоящее житіе яко стѣнь преходить, и яко дымъ исчезаетъ, и яко сонъ и яко цвѣтъ и яко роса утреня, съкращено бо есть житіе

¹ Рукоп. С.-ф. библ. № 1281, л. 233—234. См. въ приложеніяхъ.—

сіе и лѣта, и дніе, и часы, и часци нимаю постоянніе имуть; яко конь скоро мимотечеть, и яко птица по воздуху скоро мимолетитъ, тако и дніе наши, и часы и часци скоро мимотекутъ»¹. Еще настойчивѣе говоритъ Даниилъ о томъ же предметѣ въ другомъ мѣстѣ: «невѣси ли, еже слово се точію изглаголахомъ, и уже колико претече живота нашего прелестнаго: не вѣси ли вчера глаголавшаго съ нами и днесъ въ гробъ отнесена, помысли колико при твоей памяти отъидоша на будущую жизнь, коликоже до твоея памяти, и каколи нынѣ скоро текутъ другъ по другу на вѣчное селеніе»².

Что касается вліянія аскетическихъ воззрѣній, несомнѣнно отразившихся на сочиненіяхъ митрополита Даниила, то пужно сказать, что это вліяніе замѣчается въ разныхъ частныхъ взглядахъ Даниила не въ *одинаковой степени* и проводится въ нихъ не съ одинаковою послѣдовательностію. Встрѣчаются такіе отдѣльные пункты въ нравственномъ міровоззрѣніи Даниила, въ которыхъ аскетизмъ отражается въ самой крайней, даже противозаконной степени, тогда какъ можно указать въ системѣ его нравственныхъ воззрѣній и такіе отдѣльные взгляды, которые отличаются умѣренностію своихъ требованій и практическимъ знаніемъ жизни и очень далеки отъ суровыхъ запросовъ строгихъ аскетовъ.

Суровый односторонній взглядъ на міръ, его блага и жизнь въ немъ имѣлъ свои особенныя послѣдствія въ жизни русскаго народа. Если міръ не представлялъ въ глазахъ древне-русскаго общества ничего прочнаго и полезнаго въ дѣлѣ духовнаго спасенія человѣка, то для достиженія послѣдняго должно было существовать на землѣ какое-либо утрежденіе, которое бы болѣе всего было отрешено отъ міра и его призрачныхъ благъ, и которое бы потому самому болѣе всего представляло въ себѣ, средствъ для спасенія человѣка. Византійская аскетическая письменность и за нею и русская книжность болѣе или менѣе отчетливо указывали прямой и самый вѣрный путь ко спасенію въ удаленіи отъ міра, въ монашествѣ. «Патерики синайскій и скитскій», говоритъ Буслаявъ, проникнутые самою восторженною поэзіею отшельнической жизни

¹ Рукоп. м. д. а. № 197, л. 400. Рукоп. импер. публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 337.

² Рукоп. м. д. а. № 197, л. 204.

ни, были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ отъ XI и даже до XVII в. включительно. Эти аскетическія книги, отрывками внесенныя въ прологи, имѣли громадное вліяніе на древне-русскую литературу. Въ ежедневномъ чтеніи пролога онѣ заучивались наизусть и нечувствительно входили въ воззрѣнія и убѣжденія нашихъ предковъ, и *отражались въ практической ихъ дѣятельности учрежденіемъ и распространеніемъ пустынножительства въ безлюдныхъ захолустьяхъ русской земли*¹. Вотъ почему самая пустыня, олицетворявшая собою удаленіе отъ міра, монастырь, сдѣлалась мѣстомъ «духовныхъ желаній» для благочестивыхъ людей древности, и въ то же время предметомъ самыхъ живыхъ поэтическихъ изображеній ея духовныхъ красотъ². Монашество такимъ образомъ совершенно послѣдовательно становилось въ умахъ многихъ русскихъ людей древности почти исключительнымъ идеаломъ истинно-христіанской, высоко-нравственной жизни, и идеалъ монашескій сдѣлался до нѣкоторой степени идеаломъ истиннаго христіанина³.

Взглядъ на монашество, какъ на идеалъ высоко-нравственной, истинно-христіанской жизни, содѣйствовалъ быстрому развитію

¹ Историч. очерки русской народнои словесности и искусства, т. II, С.-ПБ. 1861, 231—232.

² Праи. Соб. 1860, ч. III, окт., 196—221. Статья: Древніе пустыни и пустынножители на сѣверо-востокѣ Россіи. Буслаевъ. Историческіе очерки, т. II, стр. 86. Шевыревъ, Исторія русской словесности, ч. III, 204.

³ Въ глазахъ древняго русскаго общества монастырь былъ самымъ священнымъ мѣстомъ. На монастыри тогда смотрѣли какъ на «пристанища сего свѣта» (Поученіе владыки Сарайскаго Матвея. Макарій. Исторія Русской Церкви т. V. С.-ПБ. 1866. Приложение № VII, 414—418); пастыри поучали народъ, что «истинная пристанища (на землѣ)—монастыри, что они дома святыхъ». Поученіе нѣкоего отца духовнаго къ сыну Рукоп. имп. публич. б. F, 1. № 233. л. 114. Рукопись Соф. библ. № 1385 л. 186. Монашество представлялось лучше царской державы, о монахахъ говорили: «свѣтъ инокамъ ангели, свѣтъ же міряномъ иноки» (Посланіе Іоанна Грознаго въ Кирилловъ монастырь. Акты Истор. I, № 204. Разсужденіе Вассіана Патрикѣева. Чтенія въ общ. исторіи и древностей Росс. 1839, кн. III, 1). Въ монахахъ народъ видѣлъ своихъ спасителей и молитвенниковъ за весь міръ. (Предсмертное наставленіе одного благочестиваго отца своимъ дѣтямъ См. въ рукоп. Новг. Соф. библ. № 1455 л. 163. Здѣсь между прочимъ читаемъ: помяни ты монастыри, чернцы стыдятся, и чтецы ихъ, яко изъ ради милуютъ Богъ міръ сей).

его на Руси. Лучшимъ доказательствомъ тому могутъ служить прямыя цифровыя данныя, касающіяся монастырей. Такъ съ XI—до XIV вѣка ихъ возникло восемьдесятъ семь, въ XIV и первой половинѣ XV в. ихъ явилось до ста пятидесяти ¹. Точно также въ прогрессномъ порядкѣ шло возрастаніе монастырей во второй половинѣ XV и началѣ XVI вѣка. За этотъ приблизительно періодъ времени появилось новыхъ монастырей почти вдвое болѣе прежняго ².

Церковная письменность, проникнутая аскетическими тенденціями, сравнительно мало давала собою для дѣйствительной жизни, для обыкновенныхъ человѣческихъ отношеній. Если же въ памятникахъ церковной литературы и рассматривалась обыкновенная, мірская жизнь человѣка, его общественное, экономическое положеніе, отношеніе къ другимъ членамъ общества и под., то рассматривалась болѣе съ отрицательной стороны. Мірская жизнь съ ея различными отправлениями оцѣнивалась въ нихъ съ точки зрѣнія отношенія ея къ вопросу о сравнительныхъ удобствахъ полученія спасенія. И мірская жизнь съ этой стороны рассматривалась какъ такая, которая представляетъ въ себѣ менѣе всего удобствъ для полученія спасенія и стоитъ здѣсь неизмѣримо ниже монашества.

Уже въ этомъ одномъ аскетическомъ взглядѣ на мірскую жизнь скрывалась почва къ установленію взгляда на невозможность спасенія въ мірѣ, мірскимъ человѣкомъ. Такой взглядъ дѣйствительно установился въ русскомъ обществѣ и очень рано. Онъ появился подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ аскетическаго направленія церковной письменности. Давая положительный идеалъ высокоправственной жизни въ монашествѣ и трактуя о всевозможныхъ неудобствахъ спасенія въ мірѣ, памятники аскетическаго содержанія распространяли еще и такіе взгляды, которые прямо уже вели къ мыслямъ о невозможности спасенія въ мірѣ. Это именно тѣ взгляды, которыми унижалась нравственная личность женщины, а вмѣстѣ съ нею и все семейное начало.

Основа общества, государства и церкви есть семья, центръ и

¹ Статья: Древнерусскіе пустыни и пустынники. Прав. Соб. 1860, ч. III. Октябрь.

² Макарій, Исторія Русской церкви т. VП, 1. Неонниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византии въ русской исторіи. Кіевъ. 1869, 102—166.

средоточіе семьи въ свою очередь есть женщина. Между тѣмъ выработанные аскетическимъ направленіемъ Византіи взгляды на личность женщины, занесенные потомъ и въ русскую письменность, не только не признавали за женщиной того высокаго положенія, какое ей по праву принадлежитъ въ обществѣ и семействѣ, но унижали нравственную личность женщины¹. Личность женщи-

¹ Литература предмета: Шульгинъ о состояніи русской женщины въ Россіи до Петра I. Кіевъ, 1858, 1 выпускъ. Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ наций. Буславъ. Историч. очерки русской народной словесности и искусства, т. II. Шаниковъ. Очеркъ исторіи русской женщины. Спб. 1871. Чудиновъ. Очеркъ исторіи русской женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ, изд. 2. С.-Пб. 1873. Вторая лекція о женщинѣ допетровской Руси, 36—73. Добрыковъ А. Русская женщина въ домонгольскій періодъ. С.-Пб. 1864. Аристовъ. Судьба русской женщины въ допетровское время. Заря 1871, Мартъ. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи. Некрасовъ. Женскій литературный типъ древней Руси. Филологич. записки 1864, вып. III. Смирновъ. Очеркъ семейныхъ отношеній по обычному праву русск. народа. М. 1877. Д. Н. Дубакинъ: «Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества въ періодъ до времени появленія Домостроя». С.-Пб. 1880.

Проникнутая аскетизмомъ Византійская письменность въ своихъ нападкахъ на все чувственное и мірское чаще всего останавливалась на личности женщины и рассматривала ее болѣе съ отрицательныхъ, непривлекательныхъ, сторонъ. Въ Византіи находились въ извѣстномъ употребленіи сборники нравственно-аскетическаго содержанія, въ которыхъ проводился низкій взглядъ на существо женской личности. Появившись, вмѣстѣ со введеніемъ христіанства, на Русь, эти аскетическіе сборники не замедляли проникнуть и въ русскую письменность, гдѣ соотвѣтствующее дѣйствіе ихъ сказавось въ самый ранній періодъ русской исторіи. Вліяніе аскетическихъ сборниковъ Византіи отразилось: въ сборникѣ Святослава (въ немъ излодился статья: «чего ради рече апостолъ учить женѣ не вею», напеч. въ Извѣстіяхъ Импер. Акад. Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности за 1861—1863 г., т. X, 419—426), въ посланіи черноризца Іакова къ в. князю Изяславу (Макарій, Ист. русск. цер. т. II, приложение, 303—306), въ словѣ Данила Заточника (Изв. Импер. Акад. Наукъ по отд. русск. языка и словесности, т. X, 263—272). Подъ вліяніемъ особыхъ тяжелыхъ политическихъ обстоятельствъ русской жизни (татарское нашествіе), способствовавшихъ вообще усиленію господства религіозно-аскетическихъ идей, отрицательный взглядъ на существо женской личности сталъ развиваться еще далѣе. Появились многочисленные самостоятельныя, русскія редакціи аскетическихъ сборниковъ «Пчелъ», «Изъясрадовъ» и др. со статьями о женахъ, написанными въ аскетическомъ духѣ. Потому же самому получило особенно сильную распространенность слово Златоуста о «злыхъ женахъ», которое ходило по рукамъ древне-русскихъ книжниковъ въ безчисленномъ количествѣ редакцій. Рѣдко можно указать на рукописный сборникъ XV—XVI вв., въ которомъ не встрѣтилось бы какой-нибудь статьи, направленной противъ женской личности. «Когда, говорить Буславъ, русскому грамотнику приходилось сказать что-нибудь о женщинѣ

ны представлялась въ то время существомъ низшимъ и разсматривалась многими какъ постоянный источникъ соблазновъ. Ей приписывались непостоянство, слабость и шаткость ея нравственныхъ началъ, склонность ко всему худому, злему. Но особенно женщинѣ приписывались коварство и лукавство—качества, которыя до нѣкоторой степени олицетворялись въ женской личности ¹. Въ характерѣ древне-русской женщины отмѣчалась еще рѣдкая ея способность увлекать вмѣстѣ съ собою другихъ (разумѣется, мужчинъ) на путь порока и страстей. Женщина окружалась тогда ореоломъ злой прелестницы и коварной обольстительницы ². Нравственная несостоятельность

вообще, то онъ непремѣнно вставлялъ грозную филиппику противъ злыхъ женъ, которую обыкновенно и начиналъ и оканчивалъ свое разсужденіе о женщинѣ». Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, т. I, С.-Пб. 1861 г 386.

¹ Русскіе книжники утверждали напр., что «женскій родъ ползокъ къ паденію». (Рук. Собр. библ. № 1083 л. 115 — 116. Послѣбрачное поученіе священника «какъ подобаетъ мужемъ съ женами жити»). Убѣжденіе въ нравственной неустойчивости женщины сказалось и въ русской старинной поговоркѣ: «женское дѣло прелестливое, прелестное, перинадчивое». (Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи, изд. Колачевымъ, кн. II, половина 2, отд. IV: русскія поговорки и поговорки Буслаева, 98). «Мало есть женъ добрыхъ, пже Бога боится», такъ говорятъ неизвѣстный авторъ одного древне-русскаго поученія (Прав. Собр. 1858, III, 509). Высказанный здѣсь взглядъ на женщину, какъ нравственную личность, былъ общераспространеннымъ и подтверждается можно сказать фактами. Въ древнѣйшій періодъ существованія русской церкви было причислено къ лику святыхъ огромное число лицъ, но въ числѣ ихъ канонизованныхъ женщинъ находятся только единицы. Буслаевъ, Историч. очерки русской народной словесности и искусства т. II, 238—269. Въ древней русской письменности встрѣчаются статьи такого рода: «какъ жена мужа прелукавила», «какъ баба діавола обманула». Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Тихомировымъ, т. V, отд. III, 87—88. Слово о злыхъ женахъ. Тамъ же отд. III, 143—147. Под. си. Памятники древней письменности. 1878—1879. Сборникъ повѣстей скорониси XVII, в. Булгаковъ, 83—152. Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелева-Безбородки, вып. II, 461—473. Притча о женской злобѣ. Книга о плохихъ женахъ. Забѣдникъ. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. ч. I, М. 1872, 129—178.

² Въ поученіи нѣкого отца духовнаго къ сыну духовному эта черта женской нравственной личности отмѣчается очень категорически: «жены честныхъ мужей душа уловляютъ». Рук. Имп. Публ. библ. изъ древлехранилища Ногодина № 1294 л. 170—174. Въ другомъ словѣ способность женщинъ увлекать другихъ преувеличивается до того, что утверждается: «яко гѣ (женщины) и святыхъ со-

женщины послѣдовательно доводилась до того, что ей приписывались связи съ демонами и даже рожденіе отъ нихъ дѣтей¹. Даже внѣшность, красота женщины разсматривались болѣе съ точки зрѣнія нравственно-аскетической и трактовались какъ предметъ соблазновъ и обольщеній. Отрицательный взглядъ на красоту женщины доходилъ до того, что строгіе моралисты древности рѣшались запрещать смотрѣть на женщину² и говорить съ нею³. Наконецъ женщина въ фیزیологическомъ смыслѣ признавалось не въ полнѣй совершенною и чистою и унижалась во имя начала естественнаго⁴. Такимъ образомъ личность древнерусской женщины ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, ни даже во внѣшнихъ своихъ качествахъ не только не пользовалась вни-

бланища». Рук. Кир. библ. № 20/1115 л. 156. Заповѣдь св. ап. Павла. См. также у Буслаева повѣсть о юношѣ съ преступницею. Историч. очерки русской народной словесности и искусства, т. II, 622—623.

¹ Архистовъ. Судьба русской женщины въ допетровское время. Заря 1871, к. III. Мартъ, 193.

² «Аще который мужъ смотритъ на красоту женскую, дай Богъ ему трасавицею болѣти, да будетъ проклятъ», такъ писалъ Даниилъ Заточникъ въ XIII в. Повѣст. Импер. Акад. наукъ по отд. русск. языка и слов. т. X, 270. «Отвращай очи отъ жены красныя, нищета одинъ отецъ духовный своему сыну духовному, въ добротѣ женстей мнози заблудиша». Рукоп. Импер. Публ. библ. изъ древлехр. Погод. XVI в., № 1294, л. 171. Поученіе (очень сходное съ посланіемъ Іакова Черноризца) нѣкоего отца духовнаго къ сыну. Какъ низко цѣнилась красота женщины, это отчасти видно изъ слѣдующей поговорки: «какъ золотыя серьги въ поздрахъ у свиньи, такъ и злой женѣ красота не пристала». Чудикова публичныя лекціи. Очеркъ исторіи русской женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ, изд. 2. С.-ПБ. 1873 г. 39. Описан. рукоп. Соловецкой библ. № 359, 571. «Блудитеся поззрѣнія на лица женска, яко тѣ и святыхъ соблазниша», читаемъ мы въ одномъ древнерусскомъ поученіи. Рук. Кир. библ. № 20/1115 л. 156. Заповѣдь св. Ап. Павла. Въ словѣ: «какъ жить крестьяномъ» прямо заявляется требованіе: «не смотри на женщину», Прав. Соб. 1859, ч. I, 137. Встрѣчаются древнерусскія поученія съ такими названіями: «слово еже всякъ поззрѣвый на жену согрѣшати». Рук. Соф. библ. № 1321 л. 371—372. Рук. Импер. Публ. библ. изъ древлехр. Погодина № 1298, л. 229. Рук. Кир. б. № 102/1228 л. 301. Рук. Соф. б. № 1321, л. 371.

³ «Слово о томъ еже съ женами не творити бесѣды». Рук. Импер. Публ. библ. изъ древлехр. Погод. № 1298, л. 328—233.

⁴ Вопросы Кирика и отвѣты Никонта. Памятники Россійской словесности XII вѣка, изд. Калайдовичемъ, 182, 196. Памятники отреченной русской литературы, изд. Тихонравовымъ, т. II, М. 1863, 297. Герберштейнъ, записки о Москвитинѣ, 75.

маніемъ и уваженіемъ, но многими разсматривалась какъ опасное для нравственного чувства человѣка существо.

Христіанство, въ формѣ чистаго восточнаго православія, со времени своего появленія въ Россіи и до татарскаго нашествія не успѣло проникнуть всего существа русскаго человѣка и сдѣлаться необходимою стихіею всей жизни русскаго народа¹. Равнымъ образомъ и идеи византійскаго аскетизма, подъ вліяніемъ которыхъ преимуществу выработался суровый взглядъ на женщину, прививались къ сознанию русскаго народа не вдругъ. Занесенный изъ Византіи низкій взглядъ на женщину вращался въ области только теоріи и не успѣлъ еще найти себѣ широкое примѣненіе въ самой жизни русскаго народа до самой эпохи татарскаго нашествія; въ домонгольскій періодъ русской жизни русская женщина пользовалась до извѣстной степени открытымъ и гуманнымъ положеніемъ въ обществѣ². Татарское нашествіе оказало извѣстное вліяніе на весь складъ древнерусской жизни. Бѣдствія татарскаго ига и одновременно съ ними происходившія внутреннія неурядицы и другія несчастія на Руси способствовали глубокому проникновению христіанства въ народныя массы. Въ эту эпоху замѣчается особенно сильное возбужденіе благочестія въ народѣ и господство религіозныхъ идей достигаетъ высшей степени. Вмеѣстѣ съ тѣмъ замѣчается и болѣе глубокое проникновеніе въ народъ идей религіознаго византійскаго аскетизма съ его крайними возрѣніями на личность женщины. Ихъ усиленіе сопровождалось дальнѣйшимъ развитіемъ въ русскомъ обществѣ односторонняго взгляда на женскую личность, который и выразился въ дѣйствительной жизни тѣмъ, что русская женщина послѣ монгольскаго періода становится въ приниженное положеніе въ обществѣ и въ зависимое въ семьѣ.

Взглядъ на женщину, какъ на существо въ нравственномъ отношеніи низкое и съ естественной стороны не вполне чистое, долженъ былъ отразиться по необходимости и на взглядѣ на самый бракъ,

¹ О чемъ ясно свидѣтельствуетъ слово инокскаго Христолюбца и ревнителя по правотѣ вѣрѣ (XII в.), Пачосевскій сборникъ въ Кривцов. библ. № 4/1981 г. 28—30. Синоскія слова имѣются и въ рук. Нов. Сов. библ. № 1283.

² А. Добрянко, Русская женщина въ домонгольскій періодъ. С.-Пб. 1864, 100. Дубякинъ, Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества въ періодъ времени до появленія Домостроя, 69.

основою котораго служить несомнѣнно женщина. И дѣйствительно, подъ вліяніемъ отрицательнаго взгляда на женщину, преслѣдовавшуюся именемъ злаго существа, самый брачный союзъ съ нею сталъ унижаться. Нѣкоторое оправданіе униженію брачныхъ отношеній могли дать слова Апостола Павла, похвалявшаго дѣвство и предпочитавшаго его супружеству. (1 Кор. VII гл.). Видя въ бракѣ учрежденіе само по себѣ низшее дѣвства или монашества и принимая во вниманіе и то, что брачный союзъ долженъ быть заключенъ съ женщиною, существомъ низшимъ, не вполне чистымъ по физической и нравственной своей природѣ, и служащимъ источникомъ нравственнаго соблазна, нѣкоторая часть древне-русскаго общества пришла къ убѣжденію, что брачная и вообще мірская жизнь является преградой для полученія спасенія. Въ нѣкоторой части русскаго общества мало по малу сложилось убѣжденіе, что для надежнаго полученія спасенія христіанину необходимо вести безбрачную жизнь, идеалъ для котораго давно начертанъ былъ въ монашествѣ. Отсюда само собою понятно, что въ древности образовался низкій взглядъ на бракъ, не вполне отвѣчавшій его дѣйствительной важности, освященной христіанствомъ, объявившимъ его богоустроеннымъ и облагодатствованнымъ установленіемъ. Такъ въ нѣкоторыхъ письменныхъ памятникахъ русскои древности бракъ разсматривался, какъ грѣхъ какъ учрежденіе «неполезное»¹, которое стоитъ неизмѣримо ниже дѣвства². При такомъ одностороннемъ взглядѣ на бракъ не рѣдко въ древней Руси были случаи такого рода, что лица обоего пола, соединенныя между собою узами брака, проживали цѣлые годы, не пользуясь его правами³. Въ половинѣ XVI в. существовалъ извѣстный кружокъ людей, которые «хулили бракъ»⁴.

¹ Рукоп. Соф. библ. № 1470 л. 6. Житіе преп. Павла Обнорскаго.

² Въ словѣ св. отецъ како жити христіаномъ говорится: «дѣвство славно ангеломъ есть равно, а женитва мѣе того». Прав. Соб. 1859, ч. 1, 137. Къ рукописной Миней-Четьи м. Макарія (Рукоп. Соф. библ. № 1323 л. 435—436) находится заповѣдь, приписываемая Апостолу Павлу: и мужемъ вещеваху отъ своихъ женъ отлучатися, и женамъ отъ своихъ мужей отступати чистаго ради цѣло-мудреннаго житія.

³ Въ житіи Преп. Макарія Калыивскаго разсказывается объ этомъ святомъ, что онъ былъ женатъ и три года жилъ съ женою «во всякой добродѣтели и чистотѣ, не прикасаяся къ ней никогдаже». Рукоп. Имп. Публ. библ. изъ древне-хранилища Погодина № 1571, л. 28—47. А. О. Бычковъ. Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Импер. Публич. бібліотеки. С-ПБ. 1878, 64—65. Подоби. см. въ житіяхъ Ефросинія Полоцкой, (Сам. См. Русск. лит. вѣст. IV, 172—173), Юліанія Лазаревской (Буслаевъ. Ист. Очерки, II, 254).

⁴ Инокъ Артемій приходилось бороться противъ неправильнаго пониманія

Идеальный взглядъ на монашество и параллельно съ нимъ развивавшійся взглядъ на бракъ, какъ на низшую въ нравственномъ отношеніи форму жизни, въ людяхъ мірскихъ вселяли недовѣріе къ возможности полученія спасенія и опасенія за свою будущую участь. Міръ и вся житейская обстановка казались для мірянъ опасными для души. Такимъ путемъ многіе благочестивые люди древней Руси постепенно приходили къ убѣжденію, что только подѣ монашескимъ одѣяніемъ можно получить себѣ спасеніе, что самымъ вѣрнымъ и почти единственно надежнымъ средствомъ ко спасенію—это бѣжать отъ міра и заключиться въ монастырь. При такомъ взглядѣ на монашество многіе массы поступали въ монастыри. Съ другой стороны ревнители благочестія, оставаясь и живя въ мірѣ, отчаявались во своемъ спасеніи, считая себя окончательно погибшими для него, и случалось нерѣдко такъ, что нѣкоторые изъ нихъ въ отчаяніи, порывали свои семейные узы, покидали женъ и дѣтей на произволъ судьбы, нерѣдко безъ пристанища, и скрывались въ монастыряхъ ¹. Отъ мужей не отставали жены и тѣ часто поступали въ монастырь тайно отъ своихъ мужей ². Благочестіе къ монашеству дошло до того, что нѣкоторые находясь при жизни въ положеніи, препятствующемъ принятію монашества, высказывали желаніе чтобы по крайней мѣрѣ мертвенные останки ихъ покрывались монашескимъ одѣяніемъ, разсчитывая въ этомъ случаѣ и этимъ путемъ получить нѣкоторое облегченіе своей загробной участи ³.

брака лицами, связанными брачными узами; ему указывали на то, что «и҃нія жившіи съ своими женами и дѣтство соблюдоша, не совокупляющеся», на что онъ въ свою очередь отвѣчалъ: «се по совѣсти суть, а не законъ положися». Послание вѣока Артемія. Русская историч. библ., изд. Археологич. комиссіею, т. IV, 1417, 1419. Нѣкоторые пастыри съ особенною силою вооружались противъ низкаго взгляда на бракъ. «Аще кто гнушается женищихся, читаемъ мы въ одномъ памятникѣ, и глаголетъ, яко недостойни суть таковѣи царствіа Христова, анафема глаголющимъ таковая. Иже аще гнушается жены своя и дѣтствуетъ мерзко творя послганіе, анафема». Рукон. Соф. библ. № 1456, л. 167—169, Приложение № XXV, IV—VI.

¹ Рукон. Импер. Публ. библ. Q. 1. № 308, л. 46—48. Слово св. отецъ къ христіаномъ: кто оставляетъ жену и дѣти и отходитъ въ монастырь. Подоб. слово есть у Максима Грека; см. его сочиненія, ч. II, 231. Слово къ хотѣвшимъ оставлять жены свои безъ вины законныя и вѣти въ иноческое житіе. Прил. № XXV, XI.

² Изъ посланія митрон. Фотія видно, что жены отъ мужей стриглись тайно. Рук. Рум. музея № 204, л. 438. А. Востоковъ, Описаніе Румниц. музеума, 273. Рукон. Соф. библ. № 1324, л. 371.

³ Такое желаніе высказывалъ напр. в. ки. Василій Іоанновичъ. П. Соб. Р. Лѣт. т. VI, 274.

Широкое развитіе монашества имѣло нѣкоторыя неблагопріятныя послѣдствія для русскаго общества. Общество лишалось здѣсь весьма многихъ изъ своихъ членовъ, которые и по своему нравственному состоянію и умственнымъ способностямъ могли бы во всякомъ другомъ случаѣ принести ему много пользы. Въ замѣнъ ихъ въ самомъ обществѣ увеличивалось само собою и безъ того уже значительное число людей, къ которымъ вполне приложимо названіе, по аскетической терминологіи, «людей вѣка или міра сего». Для такихъ людей вопросъ о спасеніи имѣлъ болѣе или менѣе второстепенное значеніе, а цѣль жизни — наслажденіе земными благами. Отъ такихъ людей трудно было ожидать болѣе или менѣе нравственной чистоты въ жизни. Подобные люди, преданные всевозможнымъ удовольствіямъ, не хотѣли много думать о своемъ спасеніи и нравственномъ усовершенствованіи или уже окончательно отчаявались въ достиженіи его. Въ томъ и другомъ случаѣ результатъ былъ одинъ и тотъ же — нравственная разнузданность. Съ другой стороны лица болѣе нравственныя и честныя, видя вокругъ себя постоянныя нравственныя уклоненія и безобразія, дѣйствительно приходили къ тому заключенію, что въ мірѣ и среди міра невозможно получить спасенія, что въ немъ царятъ одно только зло и діаволъ. Такимъ образомъ мало по малу на сцену выдвинутъ былъ вопросъ, ставившій подъ сомнѣніемъ возможность спасенія въ мірѣ, внѣ монастыря. Мысль о невозможности спасенія въ мірѣ появилась на Руси очень рано, еще въ домонгольскій періодъ¹. Убѣжденіе въ невозможности спасенія въ мірѣ — не случайное явленіе въ русской общественной жизни, оно сложилось временемъ и обстоятельствами и раздѣлялось значительною массою

¹ Къ извѣстію о кончинѣ благочестиваго князя Давида Святославича Черниговскаго прибавлено: «мнози не вѣгласи глаголють: не имѣ жены и кромѣ міра пребываи заповѣди Божіи исправити не можетъ, а съ женою и съ чады живуще не можетъ спастися». Степенная книга, М. 1775 г., ч. I, 233. Въ «словѣ о князѣхъ» высказывается подобная выше приведенной мысль. Авторъ слова говоритъ: «многажды слышахъ нѣкіа не вѣгласи глаголющія съ женою и съ чады съ своими не можемъ спастися». Въ опроверженіе этой несправедливой мысли приводятся въ примѣръ св. кн. Владиміръ, который «жену имѣаше и дѣти имѣаше» и все-таки удостоился святости. Слово о князѣхъ, написано въ домонгольскій періодъ, именно около половины XII в. Слово о князѣхъ находится въ Рукоп. Императорской Публичной бібліотеки изъ древнехранилища Погодина, № 1024 XV вѣка, подъ названіемъ: «Златая Матница», л. 263—265. Сравни Голубинскій. Исторія русской церкви, т. I, періодъ 1-й, первая половина, 678, въ примѣчаніи 4.

людей, вполне сознательно утверждавшихъ: «яко нѣсть мощно спастися живущимъ въ міру». Односторонность и несправедливость такого взгляда вызвала противъ себя цѣлую обличительную литературу¹. Особенно сильно вооружался противъ убѣжденія русскихъ о невозможности или по крайней мѣрѣ непреодолимой трудности полученія спасенія въ мірѣ и противъ взгляда на монашество, какъ на путь вѣрный и почти единственно ведущій ко спасенію, преп. Максимъ Грекъ².

Убѣжденіе извѣстной части русскаго общества о невозможности спасенія въ мірѣ, появившееся еще въ домонгольскій періодъ, все росло и росло. Распространенію еію много содѣйствовало та-

¹ Въ рукописяхъ (напр. р. Кир. библ. № 35/1115 л. 34—36) встрѣчается слово св. Нифонта (одно и то же лице съ Нифонтомъ, авторомъ слова о русахъ, какъ видно изъ настоящей рукописи) о искушеніи Божіи, гдѣ между прочимъ читаемъ: «чадо, не спасеть мѣсто ни когоче, но дѣла добрая спасутъ человека или осудятъ, внемли убо, не въ міру ли съ женою и съ дѣтьми жива, Енохъ угоди Богу и съ беззаконными человеки живый». Подоб. см. въ Описан. рукоп. Соловец. биб. № 359, 567—568. Въ «словѣ о мірстей чадо» (Рукоп. Соф. библ. № 1322 л. 153) противъ извѣстнаго убѣжденія говорится: «все елико можете благое творите... по сему разуміи вся сущая присныя други Божіи угодная въ міру и въ богатствѣ, съ чады». Слово «о иже глаголющихъ не спастися въ мірѣ», встрѣчающееся въ однихъ спискахъ безъ указанія имени автора, въ другихъ—съ приписаніемъ его Златоусту, содержитъ въ себѣ между прочимъ слѣдующее мѣсто: «извѣстно да есть яко не спасеть мѣсто никого же насъ, аще не творимъ воли Божіи, ни бо пособія ни отъ честна сана, ни отъ мѣста свята не творящему заповѣди Божіи. Вездѣ пріемлетъ ны Богъ, аще заповѣди Его сотворимъ, а мѣсто никого же не спасеть, ни осудитъ никого же». Рук. сборникъ Соф. библ. XVI в. № 1529, л. 78—79. Описан. рук. Солов. библ. № 359, 563. Кромѣ «слова о мірстей чадо», и «слова о иже глаголющихъ не спастися въ мірѣ» съ подобнымъ же характеромъ содержанія встрѣчается «слово о спасающихся въ міру» находится въ Паисіевскомъ сборникѣ, Рук. Кир. б. № 4/1011 л. 127—128. Срезневскій. Свидѣнія и замѣтки о наложившихъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. С.-Пб. 1876, т. II, LVІ. Прав. Соб. 1888, ч. III, 512—513. Поученія о благоустройствѣ въ семейной жизни.

² Сочиненія Максима Грека, изд. Казанск. Акад. ч. II, 126. 231—239. Онъ напр. говоритъ: «не отчайте свое спасеніе иже съ женами законно живущи и чада питающе, ниже ищите разрѣшеній отъ нихъ, обложенный инокескими платки, аще зап. вѣдей Спасовыхъ пребидя безчинно ходитъ, таковыи ризами точію разлакуеть отъ безчиннаго бѣльца». Защита брака, хотя и не особенно рѣшительная, представляема въ «словѣ св. отецъ о женитбѣ и любодѣланіи» въ рукоп. Соф. библ. № 1490, л. 534. Больше рѣшительная защита мысли о достижимости спасенія въ брачной жизни находится въ «словѣ о видѣніи Ісая въ годъ царствованія Озіи». Великія Монаш.-Четвѣ, Сентябрь 186—188. Замѣчательно, авторъ житія Юліанія Лазаревской, поставившии своею задачею доказать возможность спасенія въ бракѣ, не выдержавъ своего взгляда до конца. Юліанія увросла мужа не имѣти съ нею супружескаго союза. Буслаевъ, Ист. Очерк. т. II, 254

тарское иго со всѣми его продолжительными и тяжелыми бѣдствами, какими оно сопровождалось для русскаго народа. Въ нашествіи татаръ русскіе видѣли кину Неба за грѣхи народа; послѣдствіемъ этого убѣжденія было болѣе глубокое проникновеніе въ народѣ христіанской религіи. Съ татарскимъ владычествомъ совпали многія другія бѣдствія, послужившія поводомъ къ появленію мысли о близкой кончинѣ міра. Оба эти историческія обстоятельства вызвали собою широкое развитіе религіозныхъ идей. Вниманіе общества болѣе всего стало сосредоточиваться на дѣлахъ благочестія, которому, сообразно его аскетическому пониманію, вовсе не гармонировала мірская и семейная жизнь. Убѣжденіе о невозможности спасенія въ мірѣ существовало и въ первой половинѣ XVI вѣка и тогда еще интересовало собою умы весьма многихъ русскихъ людей. Интересъ вполне понятный. Сущность вопроса касалась не какихъ-либо отвлеченныхъ догматическихъ тонкостей, иногда вовсе непонятныхъ для массы, и доступныхъ только избраннымъ умамъ, она задѣвала за самую жизненную сторону общества и касалась результата цѣлой жизни и дѣятельности всякаго человѣка.

Между словами м. Данила находится одно такое, которое написано было имъ въ связи съ развитіемъ обсуждавшагося вопроса о возможности или невозможности спасенія въ мірѣ. Вопросъ этотъ исторически возникъ какъ прямое слѣдствіе установившихся аскетическихъ воззрѣній на видимый міръ, его блага и мірскую жизнь человѣка, какъ на препятствія для нравственнаго развитія человѣка и полученія имъ спасенія. Въ своихъ попыткахъ уяснить предъ пасомыми истинный христіанскій взглядъ на міръ и его блага, митрополитъ, не вдаваясь въ разныя побочныя разсужденія, прямо за исходный пунктъ своихъ сужденій беретъ самую сущность вопроса, послужившаго камнемъ преткновенія для многихъ изъ его современниковъ. Сущность вопроса, какъ извѣстно, сосредоточивалась на понятіи «міра». Съ этого и начинается самъ Даниилъ. Онъ этому предмету посвящаетъ особое, тринадцатое, слово и даетъ ему соотвѣтствующее названіе: «о еже что міръ, и аже въ мірѣ». ¹ Здѣсь онъ опредѣляетъ понятіе міра и указываетъ, что міръ самъ по себѣ не есть зло, а подъ міромъ, какъ против-

¹ Рус. М. Д. А. № 197, т. 440—441.

никомъ спасенія, по употребленію отцевъ церкви, разумѣется совокупность зла нравственнаго, а не физическаго.

Въ содержаніи первой части тринадцатаго слова можно отмѣтить два отдѣла. Въ первомъ изъ нихъ развивается общая идея слова, указанная въ его оглавленіи; второй отдѣлъ состоитъ изъ краткихъ частныхъ настырскихъ наставленій, напр. о подаяніи помощи своимъ ближнимъ, объ управленіи рабами и отношеніи къ нимъ. Въ данномъ случаѣ замѣчательнѣе первый отдѣлъ, какъ прямо отвѣчающій общей идее слова.

Сообразно святоотеческому употребленію митрополитъ усвоить за «міромъ» значеніе препятствія для спасенія человека только тогда, когда съ названіемъ міра соединится представленіе о немъ, какъ о совокупности нравственнаго зла. Міръ, какъ видимый объектъ, разсматривается имъ не какъ зло. О мірѣ, какъ объектѣ, онъ мало разсуждаетъ. Когда онъ трактуетъ о мірѣ, то имѣетъ въ виду міръ въ нравственномъ смыслѣ. «Возненавидимъ міра, и князя его, и миродержательныя его вещи», такъ начинается свое слово Данилъ и тотчасъ же ставитъ себѣ вопросъ: «что есть міръ?»—«Плищъ, молва, лукавства, страсть къ мимотекущимъ, лицемеріе, неправда, грѣхъ» вотъ что есть «міръ». «Что есть міра сего князь діаволъ? что есть мірадержательныя его вещи?» задаетъ себѣ новый вопросъ митрополитъ, желая въ своемъ отвѣтѣ показать, что именно въ мірѣ служитъ діаволу средствомъ для совращенія людей ко злу, средствомъ, которое митрополитомъ называется «мірадержательными вещами діавола». «Ненависть, неправда, зависть, ложь, клевета, злопамятства, любленіе богатства, желаніе престолъ высокихъ (честолюбіе), славы, чести, имени, мнѣніе, гордость, превозношеніе, татьба, разбойничество, услаженіе плотское, пристрастіе къ вещемъ, любодѣяніе и всякое блужденіе и прочая страсти сіа суть мірадержательныя его (діавола) вещи, имиже прельститъ погубляетъ человекъ»,—вотъ средства, которыми, по словамъ Данила, діаволъ можетъ располагать въ нравственный вредъ человеку. Обобщая опредѣленія, даваемые митрополитомъ понятію міра, должно придти къ тому выводу, что міръ, понимаемый въ смыслѣ противника добра и какъ начало злое, есть собственныя страсти, грѣховныя проявленія, уклоненія отъ нравственнаго закона, однимъ словомъ — совокупность нравственнаго зла, грѣховность. У современниковъ Данила съ понятіемъ міра соединялось непременно что-то злое, враждебное въ нравственномъ отношеніи человеку. Данилъ вооружается про-

тивъ такого взгляда. Міръ, какъ объектъ, и его видимыя блага сами по себѣ не есть зло и не есть та сфера, гдѣ владычествуетъ діаволъ, который «не владѣетъ», по его словамъ, «тварію, небесемъ и землею, ни надъ свиніями имать власти, но точію отъ него прельщенными волю его творящими». Значитъ, причина зла не въ человѣка—въ міръ, а въ немъ самомъ, именно въ его волѣ, а міръ и его блага предназначены для разумнаго пользованія и наслажденія ими со стороны человѣка.

Замѣчательно, между современниками Данила находились такіе, которые своеобразно понимали и по своему толковали его сужденія о мірѣ. На его убѣжденія возненавидѣть міръ, понимаемый имъ, какъ совокупность нравственнаго зла, они, выходя изъ понятія о мірѣ, какъ видимомъ объектѣ, возражали, говоря: «что убо или дѣлати не ведаши, орати, купиши, продаяти, рабы управляти, дома созидати»? Данилъ отрицаетъ такое толкованіе и въ отвѣтъ на возраженіе высказываетъ средній, правильный взглядъ на отношеніе человѣка къ пользованію земными благами: «ни, не отрицаю», говоритъ онъ, «дѣлати, но не плещьствуи, сирѣчь не выше меры пейся, но возверзи на Господа всю печаль твою».

Въ гомилетическомъ отношеніи первая часть тринадцатаго слова не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Она не имѣетъ единства предмета, притомъ въ ней находится много сложныхъ текстовъ, взятыхъ изъ псалтири, которыя стоятъ особнякомъ отъ другихъ мыслей поученія.

Во второй, не самостоятельной, части тринадцатаго слова сгруппированы доказательства въ пользу высказаннаго авторомъ правильнаго взгляда на міръ, какъ совокупность зла, и какъ на вишній объектъ. Здѣсь находятся: четыре евангельскія изреченія въ связи съ толкованіями ихъ—именно: толкованіе на 17—19 стиха XV главы ¹; на 15 стихъ XIV главы ², на 30 стихъ той же главы—Евангелія отъ Іоанна ³ и на 7 стихъ XVIII главы — Ев. отъ

¹ Рус. М. Д. А. № 197, л. 442—443. Прочитованное здѣсь толкованіе принадлежитъ Теофилактѣ Болгарскому; см. Благовѣстникъ, ч. IV, 381.

² Л. 443—444. Толкованіе того же Теофилакта Болгарскаго см. Благовѣстникъ, ч. IV, 358. 361.

³ Л. 443. Толкованіе Теофилакта Болгарскаго см. Благовѣстникъ, ч. IV, 370—371.

Матѣея ¹; три толкованія на посланія—именно: на 4 стихъ IV главы посланія Ап. Іакова ², на 15—16 ст. II гл. перваго посланія Ап. Іоанна Богослова ³ и на 10 ст. VII гл. втораго посланія Ап. Павла къ Коринѣянамъ ⁴; изъ святоотеческихъ твореній приводятся обширныя выдержки изъ твореній Симеона Новаго Богослова ⁵, св. Дороея ⁶ и два изреченія св. Исаака Сиріина: одно изъ его двадцать перваго слова ⁷, другое, составляющее изъ себя цѣлую обширную часть слова, изъ втораго слова ⁸ и не мало изреченій изъ старчества ⁹. Всѣ приведенныя свидѣтельства вполнѣ подтверждаютъ взглядъ самого автора. Въ нихъ, какъ и у Данила, понятіе міра

¹ Л. 444. Толкованіе Θεοφιλάκτα Болгарскаго см. Благовѣстникъ, ч. I, 313—315.

² Л. 445. Толкованіе принадлежитъ Θεοφιλάκту Болгарскому, см. Толкованіе его на соборныя посланія св. апостолъ, Казань, 1865 г. 41—44.

³ Л. 444—445. Приведенное здѣсь толкованіе принадлежитъ Θεοφιλάκту Болгарскому, см. его Толкованіе на соборныя посланія, 171.

⁴ Л. 452—453. Толкованіе неизвѣстно принадлежитъ какому автору, тѣмъ не менѣе оно подлинно. Подлинникъ его см. Cramer, Catenaе graecorum patrum in novum testamentum tom. V. pag. 397.

⁵ Л. 447. Цитатъ подлинный см. Migne, Patrolog. Curs. complet. ser. gr. tom. CXX. Oratio XXI, pag. 416.

⁶ Л. 453. Цитатъ вполнѣ соответствуетъ по мыслямъ современному переводу и подлиннику, см. преп. отца нашего Аввы Дороея душеполезныя поученія и посланія. Москва 1858. Поученіе 1 объ отверженіи міра, стр. 28—29. Подлинникъ см. Migne, Patrolog. curs. complet. ser. graec. tom. LXXXVIII. pag. 1628—1630. Въ Россіи существовали два перевода поученій аввы Дороея. Первый, древній переводъ извѣстенъ по рукописямъ XIV вѣка. Описан. Рукоп. Моск. Сми. библ. отд. II, к. 2, 219—227. Этимъ переводомъ и пользовался здѣсь м. Данилъ.

⁷ Л. 447—448. Цитатъ вполнѣ соответствуетъ современному переводу твореній св. Исаака см. творенія святыхъ отецъ, томъ XXIII. Слова подвижническія Исаака Сиріинина. Слово 21 о разныхъ предметахъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, стр. 103.

⁸ Л. 448—451. И этотъ цитатъ соответствуетъ современному переводу. См. Творенія святыхъ отецъ, томъ XXIII. Творенія Исаака, 17—21.

⁹ Л. 451—454. Большая часть изреченій старцевъ подъ названіемъ Verba seniorum издаана у Миня. Patr. Curs. Complet. Ser. lat. tom. LXXXVIII. На русскомъ языкѣ старчество подъ названіемъ «Древній Патерикъ» издавно въ Москвѣ при редакціи Душеполезное Чтеніе, М. 1870. Многіе изъ разсказовъ благочестивыхъ старцевъ помѣщены въ изданіи «Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ св. отецъ».

разсматривается, какъ совокупность нравственнаго зла, а не какъ — физическаго,

Наказаніе тринадцатаго слова не имѣетъ въ своемъ содержаніи ничего общаго съ главнымъ его предметомъ. Оно есть по своему характеру вполне самостоятельное пастырское поученіе. Содержаніе его очень разнообразно, въ немъ нѣтъ связи логической и послѣдовательности, оно состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльных мыслей. Въ содержаніи поученія можно отыскать нѣсколько отдѣльных пунктовъ. Въ началѣ поученія даются пастырскіе совѣты объ умѣренности во всемъ въ жизни—въ пищѣ, нитѣ, платьѣ, затѣмъ о снисходительномъ отношеніи къ нищимъ, соединенные съ обличеніемъ грубаго, нахальнаго отношенія къ нимъ,—о правдѣ и непослушности въ судѣ, обличенія противъ роскоши, изнѣженности, праздности, бралобритія, излишняго убранства и богатства сапоговъ, излишней заботливости о птицахъ, псахъ, наставленія мужьямъ относительно своихъ женъ, господамъ относительно рабовъ и слугъ, отцамъ относительно дѣтей; особенно замѣчательны здѣсь наставленія къ юношамъ, соединенныя съ строгимъ обличеніемъ ихъ волокитства, и къ отрокамъ, которые призываются пастыремъ къ постоянной дѣятельности, удаленію отъ праздности и къ ревностному изученію наукъ и художествъ. Самый сухой и краткій перечень показываетъ, какъ разнообразно по своему содержанію настоящее поученіе.

Наказаніе тринадцатаго слова весьма важно въ историческомъ отношеніи: въ немъ сгруппировано много разныхъ данныхъ для характеристики быта русскаго общества XVI в. По своей исторической цѣнности, при своемъ обширномъ объемѣ это наказаніе можетъ идти въ сравненіе только съ одною первою частію двѣнадцатаго слова.

Сложившееся убѣжденіе о невозможности спасенія въ мірѣ сопровождалось своими практическими послѣдствіями въ жизни русскаго народа. Видя въ монашествѣ почти единственно вѣрный путь ко спасенію, люди мірскіе, занятые повседневными житейскими заботами, за которыми имъ мало оставалось времени для удовлетворенія собственно религіозно-нравственныхъ потребностей, вполне проникались тою мыслию, что въ мірѣ, дѣйствительно, невозможно получить спасеніе. Убѣжденіе, что весь окружающій человѣка міръ, всѣ разнообразныя жизненныя отправления въ ходѣ общественнаго строя, семейныя узы и проч., что все это состав-

ляетъ препятствіе для нравственной усовершенности человѣка, послужило дѣйствительнымъ тормазомъ въ нравственномъ развитіи русскаго общества. Понятіе о мірѣ, какъ о чемъ-то зломъ, на каждомъ шагу полагающемъ человѣку тѣ или другія препятствія въ дѣлѣ достиженія спасенія, съ одной стороны слишкомъ тяжелое и прискорбное для человѣка, съ другой—стало утѣшаться имъ же самимъ къ практической своей выгодѣ и въ противовѣсъ истинному понятію о нравственности. Слово міръ сдѣлалось предметомъ всевозможныхъ извиненій. Какъ бы и сколько бы конечно не представлялъ міръ опасностей, для спасенія человѣка въ концѣ концовъ невозможно предположить, чтобы отъ него могли отрѣшиться всѣ люди, ищущіе спасенія. Въ такомъ случаѣ и при такомъ исходѣ вся церковь должна была бы обратиться въ одинъ большой монастырь и чрезъ нѣкоторое время закончить свое существованіе на землѣ. Это конечно хорошо понималъ всякій, но все-таки находились такіе, которые воспользовались распространеннымъ мнѣніемъ о невозможности спасенія въ мірѣ и самый міръ, житейскія заботы, скоро обратились для нихъ въ предметъ всевозможныхъ извиненій въ упущеніи ими тѣхъ или другихъ нравственныхъ обязанностей. Многие увѣряли себя, что они, какъ люди мірскіе, слѣд. непремѣнно окруженные всѣми соблазнами и искушеніями, такъ щедро предлагаемыми имъ «міромъ», по тому самому не могутъ исполнить и не имѣютъ у себя столько нравственныхъ силъ, чтобы выполнять всѣ нравственныя обязанности, возлагаемыя на нихъ званіемъ истиннаго христіанина. Путемъ подобныхъ соображеній многіе послѣдовательно приходили къ тому убѣжденію, что имъ, какъ мірскимъ людямъ, вовсе не безусловно необходимо исполнять непремѣнно всѣ христіанскія обязанности, — это было бы сверхъ ихъ силъ, а они могутъ исполнять только нѣкоторыя изъ нихъ. Иначе, такъ рассуждали подобнаго рода люди, за чѣмъ же существуетъ монашество, если спасеніе достижимо одинаково среди міра и въ пустынѣ, и если христіанскія обязанности и иноковъ и мірянъ одні и тѣ же. Въ такомъ случаѣ теряло смыслъ существованіе монашества. Если же оно тѣмъ не менѣе существуетъ, то тѣмъ самымъ указываетъ на неодинаковость нравственныхъ обязанностей тѣхъ и другихъ. Значитъ, если уже кто, то только иноки, какъ люди, отрѣшенные отъ міра, обязаны со всюю строгостію выполнять въ своей подвижнической жизни всѣ христіанскія нравственныя обязанности. Совершенно иное дѣло положеніе мірянъ: имъ можно и даже должно сдѣлать снисхожденіе, послабленіе. Самое ясное и опредѣлен-

ное указаніе на существованіе подобнаго рода взглядовъ находится въ сочиненіяхъ м. Данила. Въ одномъ изъ своихъ посланій онъ напр. пишетъ, имѣя въ виду несомнѣнно вѣстный взглядъ на свои нравственныя обязанности нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ: «не подобаетъ мнѣти никомуже, яко мірскимъ человѣкомъ незаконно положено есть соблюсти евангельскія заповѣди, не буди сего, никтоже здравъ умъ имущи не помышляетъ сего»¹. Съ другой стороны между современниками Данила находился кружокъ такихъ людей, которые оправдывающими свою нравственную несостоятельность обстоятельствами выставляли не юридическую необязательность для себя нѣкоторыхъ нравственныхъ предписаній, а общій современный упадокъ нравственности. Выходя изъ области современныхъ фактовъ, они приходили уже не къ общему юридическому взгляду о не всеобщей обязательности правилъ христіанской морали, а только къ основанному на современныхъ условіяхъ общественной нравственной жизни и имѣющему свою силу и значеніе только для своего времени убѣжденію въ томъ, что хотя съ теоретической точки зрѣнія всѣ требованія христіанской нравственности безусловно обязательны для всѣхъ христіанъ, и они дѣйствительно исполнялись людьми прежняго времени «первыхъ родовъ», болѣе твердыми и сильными въ нравственной жизни, но что касается до современнаго слабаго поколѣнія, такъ рассуждали современныя Данилу нравственные мыслители, то ему жить такъ «не виѣщается». И замѣчательно то, что подобнаго рода нравственные воззрѣнія высказывали даже нѣкоторые изъ представителей церкви — епископовъ². Въ сочиненіяхъ м. Данила существуетъ также довольно ясный намекъ на то, что нѣкоторые изъ его современниковъ отрицали необходимость для своего времени строгаго исполненія христіанскаго нравственнаго закона и суровыхъ христіанскихъ подвиговъ, имѣвшихъ мѣсто въ первенствующей христіанской церкви. М. Данилъ вооружается противъ такихъ вольнодумцевъ. «Аще лиже кто речеть», говоритъ онъ, «нынѣ нѣсть вре-

¹ Рук. Новг. Сов. библ. № 1281, л. 257.

² Три неизданныя доселѣ посланія князя А. Курбскаго. Прав. Соб. 1863 г., ч. II, 558—559. Посланія инокъ Артемія, Русская историч. библіотека, изд. Археографическою комиссіею, т. IV, 1383. Здѣсь Артемій сообщаетъ, что нѣкоторые изъ его современниковъ говорили: «не требъ нынѣ по евангелію жити... не създается деп нынѣ по евангелію жити: родъ нынѣ слабъ». (Это слова одного епископа).

мя потребности сея, еже трудитися и жестоко и болѣзненно житіе показати, не глаголи тако, о суемудренный человекѣ, что бо подобаетъ творити иже образу Божию созданнымъ человекѣмъ, что уиѣ содѣвати и мудрствовать: объядатися, и пиянствовать, и блудити и иная безчинная стремленія плотскаго похотѣнія, и сего ради ити въ муку вѣчную и во огнь негасимый? Се бо сатанинъ навѣтъ есть человекѣмъ, еже влагати паче подобія и къ отчаянію приводити родъ человеческій»¹.

Конечно сформировавшійся взглядъ на невсеобщую обязательность евангельскаго нравственнаго ученія прилагался нѣкоторыми до извѣстной степени къ жизни, оправдывался на дѣлѣ. Слѣдствія этого понятны. Многіе извиняли себя слабостями мірскаго человекѣа во многомъ такомъ, что вовсе было не свойственно христіанину. На такого рода личностей, игнорировавшихъ многія нравственныя обязанности христіанина послѣдовали обличенія. Обличенія вызвали своего рода отвѣты и возраженія со стороны лицъ, которыхъ они болѣе всего касались². Замѣчательны съ этой стороны слова м. Даніила. Онъ передаетъ слѣдующее возраженіе нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ: «ты же глаголеши», говоритъ онъ словами возраженія: «домъ имѣю, и жену и дѣти, и рабы, и многи печали житейскія, како могу сія (т. е. евангельскія заповѣди всѣ) сохранить человекѣмъ мірянинъ сынъ? Сія бо инокихъ есть, иже вся земная преобидѣвшихъ, себѣ же и Богу Единому внимающихъ». Какъ понималось въ то время требованіе пастырей о тщательномъ исполненіи евангельскихъ заповѣдей, это видно опять изъ словъ самого Даніила. На его пастырскія увѣщанія быть ревностными исполнителями всѣхъ нравственныхъ предписаній, завѣщанныхъ Іисусомъ Христомъ и Его церковію, ему отвѣчали: «ты и намъ повелѣваеши въ лѣсы и въ пустыни отходити и инокомъ быти»³. Въ опровер-

¹ Рукоп. Соф. библ. № 1281 л. 305, 298—299.

² На требованія пастырей стараться о соблюденіи всѣхъ христіанскихъ обязанностей многіе въ полномъ сознаніи своей правоты отвѣчали: «како можемъ съ подружіемъ живяци и въ печалѣхъ суще, чернечески жити?» (Слово о мірстей чади въ рук. Соф. библ. № 1322 л. 153 и № 1534 л. 71). Важно въ отвѣтѣ выраженіе «чернечески жити». Мысль его та именно, что только инокамъ обязательно исполненіе всѣхъ христіанскихъ обязанностей, а не мірянамъ, такъ какъ по понятіямъ того времени только на иновъ въ возлагалось исполненіе всего христіанскаго нравственнаго закона.

³ Рукоп. М. Д. А. № 197 л. 412.

женіе установившагося между многими изъ современниковъ Данила мнѣніа о всеобщей обязательности всѣхъ нравственныхъ христіанскихъ заповѣдей и написано имъ особое, слово (двѣнадцатое), которымъ наоборотъ утверждается, что «всея челоѣци, малии же и велици и всякъ каждо насъ, пріемшии Божественное крещеніе и евангельскія заповѣди Господни должны есмы всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею мыслію своею, и всею душею своею обоясіа соблюдать, якоже обѣщаніе наше, еже во святѣмъ крещеніи, такоже и евангельскія заповѣди Христовы»¹.

Общее положеніе слова идетъ въ прямой разрѣзъ съ установившимся взглядомъ общества. Могли возразить, что иноки добровольно избираютъ себѣ скорбный путь ко спасенію и даютъ по собственной своей волѣ разные обѣты, и потому имъ однимъ и свойственно исполнять всякое предписаніе нравственнаго закона. Данилъ въ противовѣсъ возраженію ставитъ свое положеніе, которымъ уничтожается всякое значеніе и сила возраженія. Иноки даютъ обѣты, но и все христіане также даютъ обѣты при самомъ святомъ крещеніи: обѣты тѣхъ и другихъ въ существѣ не различаются. Значитъ, каждый челоѣкъ, одинаково—мірянинъ и инокъ, съ самой первой минуты своего возрожденія и божественнаго усыновленія въ таинствѣ крещенія является уже связаннымъ обѣщаніемъ исполнять все заповѣди Того, во имя Котораго крестился. «Заповѣди евангельскія», говоритъ Данилъ, «всѣмъ предложени быша инокомъ же и мірскимъ»². Притомъ соблюденіе евангельскихъ заповѣдей, которыя мы при св. крещеніи дали обѣщаніе исполнять, должно быть самое строгое, точное и неуклонное. Слало быть и только тотъ по справедливости можетъ называться христіаниномъ, кто неуклонно проводитъ и выполняетъ послѣдовательно въ своей жизни весь нравственный законъ, завѣщанный Іисусомъ Христомъ. «Како кто христіанинъ нарицатися можетъ», спрашиваетъ митрополитъ, «не соблюдая заповѣдей Христовыхъ? Которое есть именованіе христіанское не ходящихъ въ законѣ Господни?» Послѣ этого становится вполне понятнымъ тотъ глубокий историческій смыслъ, какой скрывается за тѣми наставленіями м. Данила, которыми онъ призываетъ своихъ пасомыхъ къ посто-

¹ Оглавленіе 12-го слова. Рукоп. М. Д. А. № 197 л. 401—440.

² Рукоп. М. Д. А. № 197 л. 413.

явному памятованію и исполненію обѣтовъ, даваемыхъ христіаниномъ при св. крещеніи. Такова общая идея двѣнадцатаго слова.

Вооружаясь одинаково и противъ несправедливаго мнѣнія о невозможности спасенія въ мірѣ и противъ происшедшаго изъ него мнѣнія о необязательности для мірянъ нѣкоторыхъ нравственныхъ требованій христіанской морали, м. Данилъ самъ стоитъ вполне на православной точкѣ зрѣнія и избираетъ для себя средній путь въ опредѣленіи возможности спасенія въ мірѣ и въ монастырѣ. Онъ признаетъ и монашество и мірскую жизнь учрежденіями, одинаково ведущими ко спасенію. Избраніе того или другаго пути ко спасенію, должно обуславливаться, по нему, личнымъ расположеніемъ, склонностями и нравственными силами человѣка, при чемъ брачная мірская жизнь разсматривается чмъ какъ нравственный законъ, а монашество какъ высшій добровольный подвигъ. Вотъ замѣчательныя слова, сказанныя по этому поводу самимъ Даниломъ: «ѣбло желаю спастися всѣмъ человѣкомъ и въ разумъ истинный принѣти, но хотящимъ и желающимъ мірскій мятежъ и молвы оставити, и безмолвно иноческимъ житіемъ въ тишинѣ жити, и плакаться о своихъ согрѣшеніяхъ, *симвъ советъ даю токмо*, аще хотятъ истинно, аще ли же не произволяютъ, да пребываютъ домъ имѣя и жену и дѣти, *якоже и прежніи благочестивіи мужіе, иже въ мірѣ съ женами и дѣтми живущи и Богу угодишеи*»¹.

Первая часть двѣнадцатаго слова очень обширна. По своему объему она принадлежитъ къ числу самыхъ обширныхъ во всемъ сборникѣ м. Данила. Въ содержаніи первой части слова можно отиѣтити три отдѣла: первый и послѣдній изъ нихъ находятся въ большей или меньшей связи съ общимъ предметомъ слова; второй по характеру своего содержанія представляетъ изъ себя нѣчто самостоятельное.

Въ началѣ поученія, или въ первомъ отдѣлѣ первой части слова, проповѣдникъ, имѣя въ виду тему слова, призываетъ всѣхъ къ памятованію обѣщаній, данныхъ христіаниномъ при св. крещеніи, и къ тщательному исполненію ихъ, чтобы христіанинъ могъ потомъ предстать на послѣднемъ судѣ чистымъ и не страшиться наказаній. Непосредственно за симъ представленъ длинный рядъ текстовъ св. Писанія, изъ

которыхъ только нѣкоторые подтверждаютъ мысль проповѣдника объ имѣющемъ послѣдовать страшномъ судѣ. Въ этомъ отдѣлѣ поученія замѣчательно въ гомилегическомъ и въ то же время и въ историческомъ отношеніи изображеніе проповѣдникомъ различныхъ аномальныхъ сторонъ современной жизни русскаго общества, которыя разсматриваются параллельно съ нравственнымъ ученіемъ самаго Иисуса Христа, изложеннымъ въ евангеліи. «Господь», говоритъ Данилъ, «заповѣда рекъ: блаженн есте егда поносятъ васъ (Мѡ. V, 11), ты же, христіанинъ сый, супротивная твориши; и аще ты кто ударить въ ланиту, обрати ему и другую (Мѡ. V, 39), ты же не точію не обращаешь другую, но и единой не терпиши, также и главу хочещи отрѣзати (посидники). Сіа ли словеса обѣщанія твоего во святѣмъ крещеніи, сіа ли есть заповѣди св. евангелія, яже пріялъ еси творити и хранити? Господь зановѣда рекъ: всяко слово праздно, иже аще возлагаетъ человекъ, воздастъ о немъ слово въ день судный (Мѡ. XII, 36), ты же всегда безпрестанно гнусная сотвориши діавольская ученія. Господь рече: блаженн плачущи и горе смѣющимся нынѣ яко возрыдаете и восплачете (Мѡ. V, 4), ты же супротивная Богу твориши, а христіанинъ сый, плясещи, скачещи, блудная словеса глаголещи.... Господь заповѣда рече: бдите и молитесь, яко не вѣсте дне ни часа, въ онѣже Сынъ человѣческій придетъ (Мѡ. XXIV, 42), ты же непрестанно вся челоѣки соблажняещи, баснословиши, приччи смѣхотворныя приводиши, грохочещи, смѣеши.... Господь заповѣда рекъ: блюдыте да не отягчаютъ сердца ваша обіяденіемъ и пїанствомъ (Лук. XXI, 34), ты же обіядаешися яко скоть, и пїанствуеши день и ночь и под. Мы здѣсь не вносимъ обличеній Данила въ ихъ цѣломъ видѣ, въ виду того, что они разсмотрѣны будутъ въ другихъ соотвѣствующихъ ихъ содержанію мѣстахъ.

Второй отдѣлъ поученія весь сосредоточивается на обличеніяхъ разныхъ пороковъ, которыми заражены были современники Данила. Здѣсь находятся драгоцѣнныя въ историческомъ отношеніи изображенія и полныя яркихъ красокъ картины крайняго разврата, до котораго доходило тогдашнее общество, разныхъ видовъ роскоши, изнѣженности, щегольства, разнузданнаго волокитства, какимъ отличалось особенно современное молодое поколѣніе, склонности къ грубымъ увеселеніямъ и удовольствіямъ и под.

Въ третьемъ отдѣлѣ поученія содержится убѣдительное призываніе проповѣдника къ покаянію и братской любви, вслѣдъ за

которымъ находится краткое опроверженіе извѣстнаго уже мнѣнія о невсеобщей обязательности нравственныхъ предписаній евангелія и о невозможности спасенія въ мірѣ.

Вторая часть двѣнадцатаго слова не отличается особеннымъ богатствомъ священной аргументаціи. Собранныя здѣсь авторомъ святоотеческія свидѣтельства своимъ главнымъ содержаніемъ имѣютъ ученіе о всеобщей обязательности всѣхъ христіанскихъ нравственныхъ требованій—для иноковъ и для мірянъ, за исключеніемъ одного преимущества послѣднихъ вступать въ бракъ, и съ этой стороны вполне отвѣчаютъ данному имъ ихъ собирателемъ назначенію. Здѣсь приводятся свидѣтельства: толковаго Евангелія ¹, св. Златоуста ², особенно много изреченій св. Василия Великаго ³, Іоанна Лѣстничника ⁴, Никона Черногорца (изъ его посланій) и св. Василия епископа Амасійскаго изъ его посланія къ «нѣкоему иноку впадшу въ отчаяніе».

Наказаніе двѣнадцатаго слова по своему началу примыкаетъ къ главному положенію слова. Въ немъ встрѣчаются относящіяся къ общей темѣ мысли о томъ, что настоящій истинный христіанинъ долженъ исполнять всѣ безъ исключенія евангельскія заповѣди, какія онъ обѣщался исполнять еще при самомъ своемъ крещеніи.

¹ Л. 423. Въ печатномъ изданіи толковаго или учительнаго Евангелія процитованнаго здѣсь авторомъ мѣста нѣтъ.

² Л. 416—420.

³ Л. 423—425, 426—434, 414—417. Большая часть свидѣтельствъ св. Василия В. подлинны. См. Творенія св. отецъ, ч. III, стр.: 379, 364, 365, 386, 369, 488—489, 494, 496. Творенія св. Василия В., ч. V, 46—49. Migne, Patrol. curs. complet. ser. gr. t. XXI, S. Basilii, Caes. III, 627—632.

⁴ Л. 423. Свидѣтельство подлинное. См. Преподобнаго отца нашего Іоанна игумена Синайской горы лѣстница и слово къ пастырю. М. 1851 г. Слово 1, глав. 4, 3. Подлинникъ см. Migne, Patrolog. curs. complet. ser. gr. tom. LXXXVIII. S. J. Climaci, scala paradisi, gradus 1: peri dyotatēs uiou, pag. 632—635. Лѣстница св. Іоанна Синайскаго извѣстна въ славянскомъ переводѣ по спискамъ XII в. Переводъ Лѣстницы съ толкованіями извѣстенъ въ сивскій митрон. Кириана, сдѣланнаго спискомъ сей въ Константинополѣ въ 1387 г. Описан. рукою. Моск. Сив. библиот. отд. II, кн. 2, 193—225. Въ XVI в. у насъ на Русѣ употреблялось болѣе всего толкованіе лѣстница, о чемъ свидѣтельствуетъ богатство сохранившихся до насъ списковъ ея. Въ одной Кирилловской библиотекѣ списокъ таковой лѣстницы находится болѣе десяти разъ одного XVI вѣка.

Новый отдѣлъ поученія представляетъ изъ себя рядъ отрывочныхъ пастырскихъ наставленій о трезвеніи, терпѣніи, объ удаленіи отъ объяденія и пѣянства, лукавства, зависти и проч.

Третій отдѣлъ поученія вращается въ сферѣ обличеній, касающихся личности къ посвященію церковнаго богослуженія, и наоборотъ страсти къ уличнымъ представленіямъ или позорищамъ, къ пересудамъ.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ наказанія проповѣдникъ даетъ интересныя разсужденія о характерѣ и степени позволительности для христіанина удовольствій или, какъ выражается Данилъ, «прохлажденій», которыя ограничиваются имъ наслажденіями одиѣми красотами природы.

Г Л А В А II.

Средоточіе семьи—женщина. Ей принадлежать въ семьѣ одинаковыя нравственныя права съ мужчиной. Но далеко не на такихъ основахъ покоилось семейное начало въ древней Руси. Низкій теоретическій взглядъ на женщину создалъ для нея неудовлетворительное положеніе въ семействѣ. Назначенная быть царицею семьи¹, она вмѣсто того въ семьѣ играла роль скорѣе служанки, чѣмъ равноправной съ мужчиною и болѣе или менѣе самостоятельной личности. Священное имя матери не смягчало неудовлетворительнаго положенія женщины. Древнерусская литература не создала для себя болѣе или менѣе отчетливаго идеала и цѣльнаго типа древнерусской женщины какъ жены и какъ матери. Если тогда хотѣли изобразить прекрасныя нравственныя качества женщины, то изображали ее болѣе какъ подвижницу, постницу,

¹ Такъ охарактеризовалъ положеніе женщины въ семействѣ Шульгинъ. О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго, Кіевъ, 1851, VIII.

² Библиот. иностранныхъ писателей о Россіи, т. I, С.-Пб. 1836. Навель Ювій, 51. Герберштейнъ. Записки о Москвитинѣ, въ переводѣ Анонимова, 73—81. Костомаровъ. Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII в. С.-Пб. 1860, 103—110. Буслаевъ. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, т. II, 384.

и не какъ не жену и мать¹. Идеаль древнерусской женщины рисовался болѣе въ отрицательныхъ чертахъ. Невозможно было для того времени ставить въ одинаковое въ нравственномъ отношеніи положеніе мужа и жену какъ равноправныхъ членовъ семейства². Однимъ изъ главныхъ достоинствомъ жены признавалось полное отреченіе ея отъ своей воли: послушаніе жены предъ мужемъ возводилось въ высокую добродѣль женщины. Принципъ безусловнаго послушанія женъ въ отношеніи къ своимъ мужьямъ проводился очень строго и простирался до того, что жена безъ вѣдома и позволенія мужа своего не могла выйти даже въ церковь³.

Такимъ образомъ въ древнерусской семьѣ выступаютъ двѣ противоположныя крайности: съ одной стороны широкій провозволъ и неограниченная власть мужа, съ другой — безправность и

¹ Буслаевъ, Историч. очерки русск. народ. словесности и искусства, т. II, ст.: идеальные женскіе характеры древней Руси, 238—269. Очеркъ исторіи русск. женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ. Публич. лекціи Чудилова, изд. 2, С.-Пб. 1873, 47.

² Существовали на этотъ разъ спеціальныя разсужденія, направленные къ униженію женщины какъ жены предъ мужемъ въ родѣ напр. слова св. Козьмы, еп. Хакидонскаго, «о томъ како не подобаетъ жены своея звати госпожею» (Рукоп. Имп. Пуб. библ. Р. 1. № 228, 422—423. Рукоп. Соф. библ. № 1285, л. 91—93). Слово св. Козьмы находится въ извѣстномъ Пандіевскомъ сборникѣ рукоп. Кириллов. биб. № 4/1081, л. 12. Слово Козьмы Хакидонскаго вошло даже въ Кормчія Рукоп. Соф. библ. № 1173 л. 3427. Рукоп. Рум. муз. № 231. Кормчая XV в., л. 390. Востоковъ, Описаніе Рум. музеев, 288. Слово Козьмы Хакидонскаго напечатано у Дубакина. Вліяніе христіанства на семейный бытъ русск. общ. 90.

³ «Женамъ украшеніе наче злата уиъ добръ, въ домѣхъ предъ мужемъ покореніе и послушаніе», говоритъ авторъ слова о злыхъ женахъ. Рукоп. Соф. библ. № 1490, 532—534. «Научитесь жены молчати да снесете свою душу... повинися (мужу) въ молчаніи», читаемъ мы въ поученіи къ женамъ, «да будутъ молчаливы». Рукоп. Соф. библ. № 1322, л. 20. Много трактовали о послушаніи женъ своимъ мужьямъ пастырскія поученія, говорившіяся непосредственно послѣ вѣнчанія. Вотъ напр. какое наставленіе давалось въ XVI вѣкѣ женѣ въ церкви непосредственно послѣ вѣнчанія: «ты же дщи мужа имѣй во всемъ чиста и бойся его, и во всемъ честь воздавай ему, а съ нимъ всегда спрашивайся о всякомъ дѣлѣ понеже глава есть тебѣ». «Услышите жены заповѣди Господни и научитесь въ молчаніи повиноватися своимъ мужьямъ; «достонте повиноватися женѣ мужу своему и непререкованно послушавшей быти». Слово о томъ како глго жити христіанамъ съ женами въ рук. Соф. библ. № 1063, л. 62—64. Трехбикъ. Рук. Соф. библ. №№ 1061, л. 158, № 1066 л. 279—280; № 1085 л. 116. Домострой, М. 1849, 57—58. Въ отношеніи непослушныхъ женъ существовали страшныя угрозы: имъ угрожали анафемой. Рук. Соф. библ. № 1466 л. 170. Прилож. № XXV, VI.

пассивность жены. Понятіе о бракѣ какъ таинствѣ въ то время несуществовало. Брачныя отношенія супруговъ выражались въ господствѣ мужа надъ женою ¹. Конечно, такой порядокъ вещей, въ связи съ другими условіями быта, о которыхъ извѣстно будетъ ниже, менѣе всего способствовалъ установленію духовной нравственной связи между супругами и даже прямо противодѣйствовалъ ей. Дѣйствительно отличительною чертою древнерусской семьи служить взаимная холодность супруговъ ². Какъ бы ни была послушна въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ жена, она тѣмъ не менѣе не заслуживала за свою покорность должнаго ей уваженія. Мужъ не хотѣлъ много довѣрять ей ³. Между мужемъ и женою существовало мало задушевности. Жена въ семействѣ оставалась въ положеніи старшей служанки и связью между нею и ея мужемъ служилъ по преимуществу страхъ предъ нимъ, основанный на грубой физической силѣ и выразившійся часто въ побояхъ ⁴. Не пользуясь большимъ нравственнымъ значеніемъ въ семействѣ, лишенная довѣрія своего мужа, русская женщина прежняго времени сохраняла за собою болѣе вышнее значеніе для мужа и для семьи.

¹ Горчаковъ. О тайнѣ супружества. СПб. 1880. 301.

² Герберштейнъ. Записки о Москвитинѣ въ переводѣ Анонимова. 73.

³ «Лучше въ утробѣ ладѣй бѣдныя, нежели женѣ тайнѣ своя повѣдѣти», говорилъ Даниилъ Заточникъ. Извѣстія Импер. Акад. наукъ, по отд. русск. языка и словесности, т. X, 271. — Сахаровъ. Сказанія русск. народа. Кн. IV, изд. 3. С-Пб. 1841, 43. «Люто есть тому мужу, иже языка жены своея слыша. етъ... языку збо, человекѣ, жены своея николиже вѣруй, лучше есть злоба мужная, нежели лъстивыя жены доброта, викаже, человекѣ, повѣжды тайны своея женѣ, да не погибнеша отъ нея, рѣшая бо жена хранитъ тайну мужа своего. Слово о злыхъ женахъ». Рукоп. Соф. библ. № 1490, 538.

⁴ Хотя пастыри и поучали, что «мужъ женѣ своей должную любовь да воздастъ и да чтитъ ее якоже ребро назушное, и всегда о ней попеченіе твори и промышляя о всемъ всячески» (Рукоп. Соф. библ. № 1085, л. 115—116. Поученіе како подобаетъ мужемъ съ женами своими жити, находящееся въ требникѣ); но въ то же самое время мужу или внушалось въ обязанность «наказывать жену», хотя и «полегку», а не злобою» (Рукоп. Соф. библ. № 1061, л. 137—138. Поученіе, находящееся въ требникѣ, которое говорилъ священники непосредственно послѣ вѣнчанія), но все-таки исполнѣе позволительнымъ считалось пускаться въ дѣйствіе и «жестко» (Рукоп. Соф. библ. № 1063, л. 62—64. Слово св. отця како лѣпо жити христіаномъ съ женами, въ требникѣ). Герберштейнъ. Записки о Москвитинѣ въ переводѣ Анонимова. 75. Домострой. М. 1849, 67—68. Отъ общераспространеннаго обычая употреблять въ дѣло противъ женъ побои образовалась особая поговорка: «женскій бытъ—всегда она бьетъ». Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Калачевымъ, кн. II, полов. 2, отд. IV. Русскія пословицы и поговорки Буслаева, 98.

Смотря на жену болѣе съ точки зрѣнія внѣшнихъ естественныхъ къ ней отношеній мужъ старался сохранить ее только для одного себя и потому старался изолировать ее отъ общества. Къ тѣмъ же самымъ мѣстамъ проводило древне-русского человѣка и распространенное убѣжденіе въ физической слабости и нравственной неустойчивости женщины вообще. Въ видахъ предупрежденія могущей произойти отсюда опасности женщины старались строго охранять отъ всякаго посторонняго вліянія окружающаго общества. Такимъ образомъ явился теремъ, въ тѣсной сферѣ котораго по большей части и проводила свою жизнь древнерусская женщина. Такъ по крайней мѣрѣ было въ высшемъ кругу общества ¹.

Митрополитъ Даниилъ не много даетъ у себя сужденій о томъ, какъ онъ смотрѣлъ на личность женщины. Но его отрывочныя, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ, фразы, несмотря на свою краткость, могутъ дать представленіе о томъ, какихъ воззрѣній онъ держался въ отношеніи къ личности женщины. Здѣсь должно разграничить понятіе митрополита о женщинѣ вообще, рассматривавшейся, сообразно аскетическому толкованію, какъ источникъ разныхъ соблазновъ, и являвшейся въ своемъ отношеніи къ мужчине опасною для него со многихъ сторонъ своей личности, и о женщинѣ самой въ себѣ, о женщинѣ какъ отдѣльной личности, такомъ нравственномъ существѣ какъ и мужчина. Общій взглядъ митрополита на женщину нисколько не возвышается надъ взглядомъ его современниковъ. Въ своихъ сужденіяхъ о женщинѣ, какъ предметѣ соблазна для человѣка, онъ повторяетъ только своими словами то, о чемъ онъ начитался въ произведеніяхъ аскетической литературы. Онъ постоянно, особенно въ посланіяхъ, проводитъ настойчиво ту мысль, что для спасенія человѣка и избѣжанія соблазновъ должно какъ можно дальше держать себя отъ женскаго общества. Его пастырскіе совѣты о цѣломудріи главнымъ образомъ вращаются на томъ, что должно «не токмо не совокуплятися или бесѣдовати съ женами... но ниже взирати безстыдно на лица ихъ», должно что «отлучатися отъ бесѣдъ женскихъ и не взирати на дѣяницу». Вообще

¹ Герберштейнъ. Записки о Московіи, 73—81. Наваль Іовій. Библіотека иностран. писат. о Россіи, т. I, 31. Эта сторона положенія древнерусской женщины прекрасно рассмотрѣна Забѣлинымъ, т. II. Домашній бытъ русскихъ царичъ въ XVI и XVII в. М. 1869. См. также Буслевъ. Историч. очерки русск. народн. словесности и искусства, т. II, 319—331. Костомаровъ. Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI в. 103—106.

по возвращенію Данила «преже всѣхъ подобаетъ намъ бѣгати бесѣды женскихъ». Митрополиту казалось даже невозможнымъ сохранить цѣломудріе человѣку, который часто вращается въ женскомъ обществѣ. «Аще яси съ женами, и піеши, и бесѣдуеши, и смѣешися безчинно съ ними, и глумы твориши и надо всѣми сими хоцещи дѣйствишиица парцатися, не ктому ты двѣственика зряи», пишетъ митрополитъ въ одномъ посланіи; «аще хоцещи въ цѣломудріи и чистотѣ жити», поучаетъ онъ въ томъ же посланіи, «и благоугодити Богови, негѣно ти естъ съ женами бесѣдовати и любити всѣко бесѣды женскія». На тему о нравственномъ вредѣ для человѣка, разумѣется мужчины, женскаго общества написано Даниломъ цѣлое посланіе подъ названіемъ «яко душевредно совокуплятися и бесѣдовати съ женами»¹. Вѣрность аскетическому направленію своего времени соблюдена авторомъ и во взглядѣ его на красоту женскую. Подобно многимъ другимъ и онъ въ красотѣ женщины видитъ величайшую опасность для мужчины. «Ничтоже», по словамъ его, «накостно якоже гордость и ничтоже губительно мужеству и крѣпости якоже сіяніе и доброзрѣніе женское»². Въ своихъ пастырскихъ наставленіяхъ по возможности избѣгать общества женщинъ митрополитъ къ самой личности женщины относится вполне безучастно. У него нѣтъ никакого осужденія женщины въ самой себѣ, въ ея существѣ. Говоря здѣсь о ней, Данилъ разсматриваетъ ее съ одной отрицательной стороны, только въ отношеніи къ ней мужчины, и видитъ въ ней для него одинъ предметъ соблазна, не осуждая въ этомъ нисколько личность женщины самой въ себѣ. Въ своемъ взглядѣ на женщину, разсматриваемую въ ея собственной личности, митрополитъ является болѣе снисходительнымъ къ ней, чѣмъ многіе другіе современники. Отличіе Данила отъ послѣднихъ въ его взглядѣ на женщину вообще составляетъ то, что онъ не даетъ у себя мѣста такимъ разсужденіямъ о женщинѣ, которыя бы съ положительной стороны характеризовали ее, какъ злое и нравственно нечистое существо, о чемъ наоборотъ перѣдко трактовали аскетическія творенія русской древности.

Взглядъ митрополита Данила на бракъ нѣсколько выше, чѣмъ

¹ Рук. Соед. библ. № 1281, л. 292, 338, 311—312, 314, — л. 291—294.

² Рук. М. Д. А. № 197 л. 476. Подобн. въ послѣднихъ Рук. Соед. библ. № 1281, л. 253.

какой проводился у другихъ писателей. Онъ болѣе близокъ къ истинному пониманію нравственнаго значенія брака. Онъ совершенно чуждъ мысли объ униженіи брачной жизни. Здѣсь авторъ стоитъ болѣе на практической почвѣ и взвѣшиваетъ выгоды и невыгоды брачнаго и небрачнаго состоянія съ этой именно стороны, со стороны чисто *жизненной*. Въ своемъ взглядѣ на бракъ и дѣйство митрополитъ исходитъ изъ той общей мысли, что каждый человѣкъ, судя по своему нравственному состоянію, и сообразуясь съ своими нравственными силами, долженъ свободно избирать себѣ тотъ или другой родъ жизни ¹. Становясь на такую безразличную точку зрѣнія, Даниилъ тѣмъ не менѣе самъ лично болѣе склоняется въ пользу дѣвства или иночества. Нравственное значеніе дѣвства для него кажется выше супружества: дѣвственное житіе велико имать дарованіе, приноситъ бо многу *супрубенъ плодъ* еже есть востокъ, велика есть дѣвства высота, велико же и исправленіе его». Подъ вліяніемъ такого взгляда на дѣвство онъ пишетъ въ одномъ своемъ посланіи: «что преславнѣйши есть, еже оставити міръ, и яже суть въ мірѣ, и воспріяти страданіе и нищегу духовную, ходатайствующая царство небесное ². Какъ человѣкъ хорошо знакомый съ жизнію, Даниилъ не обходитъ молчаніемъ и тѣхъ трудностей, какія предстоятъ каждому дѣвственнику. «Немалъ подвигъ хотящимъ безженное житіе жити, много подобаетъ терпѣти хотящимъ цѣломудрствовати яко рать имати имать по вся дни: разжидизаетъ, сластитъ, мокрогитъ, скоктитъ, бореть николиже можетъ престати или умолкнути, горѣ бо видимыя рати... Николиже можетъ почити иже безженное произволивый житіе жити, всегда рати имать, внутри бо себѣ естественнаго властелина имать и ратника, ратникъ же ни въ вечеръ даетъ покоя, ни утро, ни нощію, ни полудни, но бореть присно, жжетъ, палитъ, разжидизаетъ, сласть къ сласти прилагаетъ, страшитъ, во отчаяніе пореваетъ, всеу дѣвствующему глаголетъ, бракомъ враждуетъ, ни во что же подвигъ дѣвствующаго облыгаетъ, похотей плотскихъ насытитися совѣтуетъ, и всяку леть составляетъ, ма всяку козмію наводитъ на иже во чистотѣ изволившаго пребывати и безженное житіе жити, како бы отъ ничь огнати цѣломудріе, како бы дѣвство ихъ растлити, каковы блудъ въ нихъ всадити, и каковы ихъ въ отчаяніи въ ровъ низ-

¹ Рук. М. Д. А. № 197, л. 483. Рук. Сое. библ. № 1281, л. 234.

² Рук. Сое. библ. № 1281, л. 483—486. 299, 259.

вести и симъ до конца погубити, сего ради жжетъ пещь сластную по вся часы не престая, и ненависть влагасть на дѣвственное житіе, отсюду лѣности наноситъ, отонуду уныніе напускаетъ, о молитвахъ о нѣкихъ не радити попускаетъ, обѣты отлагати шепчетъ, на отца духовнаго мерзость и укоризны налагаетъ, и исповѣдаться о согрѣшеніихъ запрещаетъ и о семъ великъ студи челоукомъ влагаетъ дабы никтоже на покаяніе пришелъ, дабы никтоже къ отцемъ духовнымъ о грѣсѣхъ своихъ не имѣлъ исповѣданіе»¹. Заслуживаетъ вниманія описаніе нравственнаго и психическаго состоянія дѣвствующаго лица и его многотрудной борьбы съ требованіями своей собственной природы, на которой такъ долго остановился Даниилъ. Изъ описанія можно основательно заключить, что многіе изъ тѣхъ симптомовъ борьбы дѣвственника, о какихъ упоминается здѣсь, были вынесены Данииломъ на своемъ собственномъ опытѣ.

Коль скоро челоукъ опредѣлилъ, что онъ не въ состояніи вынести обѣта вѣчнаго дѣвства, то онъ долженъ предпочесть брачную жизнь. «Не возможій принти къ тризницѣ терѣніямъ и страданіямъ высотѣ дѣвственнаго, ангельскаго иноческаго житія да приобщится по закону брачному женѣ, яже и изначала Богъ повелѣ»...² Въ бракѣ нѣтъ ничего грѣховнаго: «оженувшійся нѣсть согрѣшилъ», «бракъ укоризны не имать», пишетъ митрополитъ: *«аще не можеша безженнаго житія жити, прииди къ браку, не возбраняетъ жена къ благому житію»*³, еще нѣтъ повторяется та же самая мысль въ другомъ мѣстѣ. Различіе нравственной дѣятельности и въ дѣвственномъ и супружескомъ состояніяхъ заключается въ томъ, что «оженувшійся толковыхъ даровъ не приметъ, еликоже не оженувшійся Господа ради»⁴. Вполнѣ допуская бракъ, какъ законъ, митрополитъ хочетъ ограничить права брачующихся лицъ въ пользованіи брачными удовольствіями. Впрочемъ, это ограниченіе является у Даниила не какъ нравственное требованіе, а какъ только

¹ Рукоп. Соч. библ. № 1281, л. 319—320.

² Рукоп. М. Д. А. № 197 л. 486.

³ Рукоп. Соч. библ. № 1281, л. 266, 299, 254.

⁴ Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 475.

⁵ Рукоп. Соч. библ. № 1281, л. 299 об.

благочестивый совѣтъ. Выходя изъ того взгляда на бракъ, что онъ установленъ «дѣтотворенія ради и сѣменоположенія», митрополитъ соединеніе съ женою допускаетъ тогда, когда цѣлю его имѣется то самое, что именно и составляетъ цѣль брака. «Глаголють о всѣхъ купно праведныхъ», пишетъ онъ, «яко аще не бы возжелѣхъ чадо сотворити, не схожашеся на се дондеже ражаемое отроча возмужится, егда пакы другое чадо сотворити хотя схожашеся другъ съ другомъ, въ сихъ убо сіи праведници показаша *еже по естеству*, еже далъ есть Богъ дѣтотворенія ради».

Какъ въ дѣяствѣ Даниилъ видѣлъ нѣкоторыя неудобства и трудности при его сохраненіи, точно такъ же и супружеская жизнь въ его представленіи, имѣетъ свои невыгодныя стороны и стесняетъ нравственную свободу человѣка. Конечно, эти неудобства по своему характеру настолько отличны отъ трудностей, соединенныхъ съ выполненіемъ обѣтовъ дѣвства, насколько отлично самое дѣвство отъ супружества. Супружеская жизнь имѣетъ за себя даже больше невыгодныхъ сторонъ, чѣмъ самое дѣвство. «Оба житія требуютъ вниманія и трезвѣнія много къ спасенію и *иначе же* супружную тяготу многу сугубу имать отъ молвы и плеща, и попеченія суетнаго; дѣвствующаго бо умъ имать любомудріе молчальное; на прицѣлтшагося союзу брака колико омраченія, и молвы, и смущенія востаютъ; сугубый бо мятѣжь и попеченіе принесть: безъ дѣтей ему сущу, дѣтей желаніе, егдаже родятся дѣти, о вскармленіи дѣтей попеченіе, жены храненіе, дому прилежаніе, работъ управленіе, и иже повприлучаютъ бывающая болѣзни работъ, женѣ, дѣтемъ, и иже въ скотѣхъ испаленіе, и иже житейскихъ вещей неполученіе, и отсюду молвы и свѣрѣпства, и еже и судомъ которы, и на судищихъ стязанія, и на путехъ бѣды, и въ домѣхъ бѣды, оранія и сѣванія неполученіе, и всякъ день приходитъ особно принося души омраченіе, въ ночи же дневныя печали пріемише, сихъ же всѣхъ едино избавленіе есть еже бѣжати отъ всего міра». Нужно сказать, что картина житейской суеты, набросанная здѣсь, сдѣлана удачно. Кромѣ чистого практическихъ невыгодъ, связанныхъ съ брачною жизнью, послѣдняя имѣетъ противъ себя невыгодныя стороны и собственно уже для нравственнаго развитія человѣка, такъ какъ тогда человеку «множайшихъ трудовъ и храненія потреба ко спасенію полученію, яко посреди сѣтей многихъ и державы отступныхъ силъ жизни избравшу, и раздраженія грѣховная выну предъ очима иму-

щу, и къ тѣхъ по хотѣнію нощію же и днію привлекащу во своя чувства...»¹.

Сравнительная оцѣнка дѣства и супружества, сдѣланная Даниломъ, совершенно чужда крайностей аскетизма, она отличается знаніемъ жизни и практическимъ взглядомъ на вещи. Въ сущности оцѣнка сдѣлана вѣрно.

Взглядъ м. Данила на женщину, какъ жену и мать, не идегъ далѣе взгляда его современниковъ. Нѣкоторая особенность его взгляда видна только въ томъ, что онъ старается смягчить суровыя отношенія мужа и жены, установившіяся временемъ, но не окончательно уничтожить ихъ, признавъ ихъ ненормальными. Съ другой стороны онъ возлагаетъ большую отвѣтственность на мужа за нравственное состояніе жены. Эта мысль, конечно, не новая, она только является для него средствомъ и противовѣсомъ противъ господствовавшего въ его время грубаго, жестокаго деспотизма въ отношеніяхъ мужа къ своей женѣ. «Пріиди къ браку», говоритъ Данилъ, «невозбраняетъ жена къ благому житію, помощница бо дана есть; аще ли не благопотребна бѣ, сотвори благопотребну». Въ чемъ состоитъ «благопотребность» жены митрополитъ самъ опредѣляетъ въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: «о мужіе, наказуйте женъ вашихъ боятися Бога и жити въ законѣ Господни, и нищмъ подавать; потщися, возлюбленіи, божественная повелѣнія творити», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «да и жену, и дѣти и рабы и другъ друга увѣщаемъ» (въ смыслѣ поучать)². Отсюда видно, что Данилъ слишкомъ хорошо понимаетъ обязанности мужа и ставилъ непремѣннымъ его долгомъ заботиться о религіозно-нравственномъ воспитаніи жены. Даниломъ мужу ввѣряется заботливость даже о виѣшнемъ благоповеденіи своей жены: онъ напр. долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы его жена не изощрялась особенно много въ украшеніи своего лица, платья, нарядовъ. Въ основу отношеній мужа и жены у Данила полагается взаимная любовь: «жены своя любите», поучаетъ онъ. Взаимная любовь мужа и жены не исключаетъ права перваго употреблять репресивныя мѣры для надлежащаго вразумленія послѣдней: «аще и страхъ подобаетъ наложить на нея (жену), но мѣрно, якоже подобаетъ, законно къ цѣломудрію,

¹ Рукоп. Соч. библ. № 1281 л. 257—258. 252.

² Рукоп. М. Д. А. № 197 л. 473. 460. 119.

къ благопокоренію¹. Въ чемъ заключается законность наказанія жены, на которую, какъ на всѣмъ извѣстную мѣру, ссылается митрополитъ, и въ какой формѣ должно производиться самое наказаніе, это можно было видѣть раньше.

Отсутствіе нравственной связи между мужемъ и женой положило свой особенный отпечатокъ на весь складъ древнерусской семьи. Смагчающее вліяніе матери въ древнерусскомъ семействѣ значительно ослаблялось самымъ нравственно-унизительнымъ положеніемъ ея. Мало того. На вліяніе матери на своихъ дѣтей смотрѣли нѣсколько подозрительно, ей не особенно довѣряли². Женщина внушала къ себѣ болѣе довѣрія тогда, когда дѣлалась вдовою³. Полновластнымъ владыкою въ семьѣ оставался только мужъ глава семейства. Насколько онъ являлся деспотомъ по отношенію къ женѣ, настолько же, если только не больше, деспотизмъ его простирался и на всѣхъ его дѣтей. Дѣти обязаны были оказывать своимъ родителямъ безусловное послушаніе и покорность. Отецеская власть надъ дѣтьми признавалась полной и безграничной⁴. По понятіямъ древнерусскихъ моралистовъ, связью между родителями и дѣтьми долженъ былъ служить страхъ, на которомъ главнымъ образомъ основывалась система древнерусскаго воспитанія. Простымъ самымъ средствомъ для внушенія къ себѣ страха въ дѣтяхъ признавались у нашихъ предковъ физическая сила и внѣшніе наказанія. По этому-то воспитательныя средства того времени весьма часто приравнивались розгой. Да такой методъ считался самымъ рациональнымъ и основаннымъ на отеческой любви къ дѣтямъ⁵.

¹ Рукон. М. Д. А. № 197. л. 473. 474—475.

² Прав. Соб. 1858, ч. III, 308—313.

³ Костомаровъ. Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XV—XVII вв. 108—109. Дубявинъ. Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества 94—98. 176—179.

⁴ Полнота отцовской власти простиралась до того, что отецъ имѣлъ право продать своихъ дѣтей въ рабство. Герберштейнъ. Записки о Москвитинѣ, 76.

⁵ Любай сына своего, жезла на него не шай, наказай его въ юности, да въ старости поконятъ ты, любай сына своего, учайдай раимъ, да послѣди о немъ возвеселишася (Соч. библ. № 1437; л. 190—192 слово отъ притчей и о наказаніи дѣтей и къ родителямъ): наказывайте дѣтей не словомъ точію, но и рукою, да не примемши про него нинѣ отъ челоука сорама и будущихъ мукъ съ нимъ [Рукон. Пшвер. Пуб. библ. изъ древлехранилища Погодина № 1024. л. 383—384]

Если тяжело было въ семействѣ положеніе сыновей, то еще хуже было положеніе дѣвицъ. Это будетъ вполне понятно, если мы обратимъ вниманіе на то, что русскіе того времени вообще не любили у себя рожденіе дочерей¹. Самая главная обязанность родителей въ воспитаніи дочерей состояла въ заботѣ о сохраненіи физической и нравственной чистоты дѣвицы. О духовномъ умственномъ образованіи и просвѣщеніи разсуждали весьма мало². Самымъ лучшимъ средствомъ для сохраненія чистоты дочери признавалось заключеніе въ теремѣ, откуда ее выпускали въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, не надѣясь на ея честность³. Впрочемъ и теремное заключеніе считалось одно не надежнымъ для сохраненія дѣвицъ и противъ нихъ пускалась въ ходъ система побоевъ, которыхъ на долю дочери приходилось даже болѣе, чѣмъ на долю сыновей⁴.

Поученіе о наказаніи къ дѣтямъ). Похвала розгѣ, какъ воспитательному средству, см. у Буслаева историческіе очерки русской народной словесности и искусства, т. II, 585. Впрочемъ изрѣдка встрѣчаются взгляды на отношеніе родителей къ дѣтямъ болѣе гуманнаго характера. См. Памятники стариннаго русскаго воспитанія, Чтен. въ общ. ист. и древн. Росс. 1861, кн. 3. Вреда отъ розогъ и вообще побоевъ не признавалось: «не ослабилъ бѣи младенца «аще бѣиши жежомъ не умреть, но наче здравіе будетъ» (Рук. Соф. библ. № 1457, л. 191 Слово отъ притчей и о наказаніи дѣтей и къ родителямъ. Ср. Домострой XVII, 22—22, 24—27.

¹ «Аще же, Господи, и не вельми о семъ порадовася», читаемъ мы въ одной благодарственной молитвѣ, «о рожденіи дочери, порадуясь сему, еже Богъ возда» (Рук. Соф. библ. № 1296, л. 271. Главы о утѣщеніи утѣшительнымъ). Находились такіе мужья, которые были и оскорбляли своихъ женъ за то, что онѣ рождали дѣвочекъ. Филологич. записки, изд. Хованскимъ, 1864, вып. III, Женскій литературный типъ древней Руси Некрасова, 105.

² Относительно дочерей родители болѣе всего заботились о томъ «да не прокудятъ онѣ свое дѣвство». Слово отъ притчей и о наказаніи дѣтей и къ родителямъ. Рук. Соф. библ. № 1457, л. 191. Домострой, XVII, 24. Рук. Моск. сн. библ. № 230. Горскій и Невоструевъ. Описаніе Сн. библ. II, 3, 60—62.

³ «Лучше въ домѣ коза чѣмъ взрослая дочь», говоритъ одинъ древній моралистъ, «коза по едину ходить—молоко принесетъ, дочь по селѣ ходить; стыдъ принесетъ отцу своему». Костомаровъ. Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII в., 110. Забѣлинь, Опытъ изученія русскихъ древностей и исторіи ч. I, 129—178. Дубакинъ, 165—168.

⁴ Чудинковъ, Очеркъ исторіи русской женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ, изд. 2. Сиб. 1873, 45. Въ словѣ о злыхъ женахъ говорится между прочимъ: «аще кто въ насъ имать дщерь и положи наъ грозу, да въ послушаніи ходитъ, да не свою волю принесть и въ неразумъ прокудитъ дѣвство свое». Рук. Соф. библ. № 1490, л. 528—532.

Древніе моралисты говорили болѣе о томъ, какъ воспитывать и обучать дѣтей, чѣмъ—чему обучать. Вниманіе ихъ сосредоточивалось болѣе на формѣ и способахъ воспитанія и образованія, чѣмъ на ихъ содержаніи. Кругъ обученія былъ тогда самый узкій. Ученіе дѣтей ограничивалось чистою формальною стороною религіи выполненіемъ обрядовъ, но даже грамотность не считалась особенно необходимою и оставалась въ пренебреженіи ¹.

Теперь для насъ понятенъ будетъ смыслъ наставленій м. Данила объ обязанности родителей о «наказаніи» своихъ дѣтей. Данилъ ничего не говоритъ о самомъ методѣ воспитанія и приѣмахъ обученія дѣтей, но за него говоритъ самый терминъ, употребленный имъ для означенія своихъ мыслей, «наказаніе». Конечно, митрополитъ очень хорошо понималъ то значеніе «наказанія», какое оно имѣло въ устахъ и въ практикѣ всѣхъ его современниковъ и потому, если онъ не считъ нужнымъ объясниться въ томъ самомъ предметѣ, котораго онъ касается въ своихъ разсужденіяхъ, то отсюда можно не безъ основанія предположить о его солидарности въ понятіи о наказаніи съ понятіями о немъ его современниковъ.

Въ своихъ разсужденіяхъ о дѣтяхъ митрополитъ сосредоточивается на опредѣленіи того, что должно быть преподаваемо дѣтямъ. Вниманіе его обращено было на *содержаніе* обученія и занятій дѣтей, а не на способъ и приемы ихъ. Этотъ предметъ, самъ по себѣ весьма важный и интересный, характеризуетъ автора съ хорошей стороны. Обученіе дѣтей по предмету его раздѣляется на два разряда: это религіозно-нравственное воспитаніе и обученіе, и мірское, житейское, необходимое для обыденной жизни. Конечно религіозно - нравственное воспитаніе удерживаетъ за собою всѣ права первенства.

Данилъ неоднократно говоритъ объ обязанности родителей учить своихъ дѣтей правиламъ вѣры и нравственности. Особенно опредѣленно онъ высказывается по этому предмету въ тринадцатомъ словѣ. «О отцы», поучаетъ онъ тамъ, «имѣйте попеченіе о чадѣхъ вашихъ, воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни *всегда* на благая дѣла спасительная: бояться Бога, и въ законѣ его

¹ Это видно изъ того уже, что въ XVI в. многіе князья и бояре были безграмотны. Собр. госуд. грамотъ и догов. ч. I, № 184, 512.

поучатися день и нощь; о юнїи, къ вамъ ми слово, возлюбите Христа Бога да живогъ вѣчный наслѣдуете», продолжаетъ онъ далѣе. Подъ разными названїями «ученїя Господня, закона Господня» разумѣется вся вообще область религіозно-нравственныхъ истинъ. Религіозное образованіе должно производиться, по Данилу, въ двухъ, одно другое восполняющихъ, формахъ. Первая форма—это обученіе чтенію и письму, что въ то время производилось всегда по церковнымъ книгамъ, и что всегда открывало собою возможность самому продолжать свое образованіе. «Любомудрствуйте юнїи», поучаетъ митрополитъ, «въ хитростехъ трудящеся елико по силѣ: или въ *писательнемъ* художествїи или въ ученїи *книжномъ*». вспомогаельнымъ средствомъ (или второю формою) къ самостоятельному религіозному обученію служить для дѣтей бесѣда съ людьми религіозно-образованными: «не отлучайтесь бесѣдъ духовныхъ, мужїи боящихся Бога, наказанїя спасительная, и повѣсти и прїтча *услышите*». Усвоеніе религіозныхъ истинъ не должно быть только однимъ теоретическимъ, оно сопровождается проведенїемъ и осуществленїемъ ихъ въ жизни каждаго. Тотчасъ же послѣ совѣта слушать наставленїя благочестивыхъ людей митрополитъ продолжаетъ: «много пользуют бесѣды духовныя: и очищаютъ тѣло, и просвѣщаютъ душу: точїю подщитесь и слышати и *творити* душеполезная мало глаголюще, вѣщше же разумѣающе».

Для жизни необходимы и другїя знанїя, которыя бы давали возможность человѣку обставить себя всѣми достижимыми и позволенными удобствами. И здѣсь являются необходимыми и мірскїя практическїя знанїя. Данилъ совѣтуетъ изучать «кни кое художество о Господи» и упражняться въ «коемъ либо рукодѣлїи».

То и другое обученіе должно идти безостановочно систематически. Дѣти никогда не должны оставаться праздными ¹. По мѣрѣ возраста дѣтей родители ихъ должны тщательно заботиться и слѣдить объ ихъ нравственномъ воспитанїи и предупреждать развитіе въ нихъ дурныхъ наклонностей. «Тѣмъ же, о отроци, и дѣвици, возлюбите тихое и смиренное житїе въ цѣломудрїи и чи-

¹ «Любомудрствуйте юнїи», наставляетъ пастырь, «въ хитростехъ трудящеся елико по силѣ... точїю не будете праздни, тоїю не будете преходящи съеструдїи, да не зку обычаю навъышете». Рубин. М. Д. А. № 197, т. 463.

стотѣ, даже и въ семь вѣщѣ велия радости насладитесь, въ будущемъ же животѣ вѣчный наслѣдите», такъ какъ «иже въ юности въ чистотѣ пребывавъ велия и неизреченная имать дарованія»¹. Вотъ послѣднее наставленіе, обращенное Даниломъ къ молодому поколѣнію!

Мысль о необходимости образованія для всѣхъ, не исключая и женщинъ, высказанная митрополитомъ Даниломъ въ первой половинѣ XVI в. характеризуетъ его какъ писателя просвѣщеннаго и достойнаго.

Рабы, или крѣпостные люди, составляли непремѣнную принадлежность каждаго болѣе или менѣе зажиточнаго и знатнаго древне-русскаго семейства. Положеніе рабовъ въ древней Руси было тягостнымъ. Христіанство не узаконяло рабства; но оно и категорически не возставало противъ него, сживалось съ нимъ, какъ и со всякою другою формою жизни, давая ей иной болѣе гуманный характеръ. Такимъ же именно гуманнымъ образомъ относилась и православная русская церковь къ положенію несвободныхъ людей, всегда возвышая голосъ свой въ защиту угнетенныхъ². Идея гуманнаго отношенія къ крѣпостнымъ людямъ настойчиво проводилась въ древнихъ настырскихъ поученіяхъ, въ которыхъ ясно и отчетливо заявлялась мысль о тождествѣ ихъ нравственной природы и зановѣдывалось относиться къ рабамъ, какъ къ своимъ братьямъ³. — Общая грубость сказала и во взглядѣ на рабовъ,

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 460--463.

² Подр. у Щанова. Голосъ древней русской церкви въ защиту несвободныхъ людей. Казань, 1858. Ионеченіе огочествен. церкви о внутреннемъ благоустройствѣ общества. Пр. Соб. 1861, ч. 1.

³ «Ихъ же раба яко брата», говоритъ одно поученіе (Рукоп. С.-Ф. библ. № 1438, л. 160 слово о рабѣхъ). «Рабы водите», встрѣчаемъ мы такое настырское наставленіе, «въ наказаніи учяще добрымъ кривою безъ прещенія и раба, разумѣюще яко и ти Божіе созданіе, но пакъ Богомъ данъ сѣ на службу». Поученіе такоо подобаетъ жити христіаномъ. Преп. Соб. 1839, ч. 1, 128—146. Подоб. см. въ рукописномъ поученіи, избранномъ отъ всѣхъ книгъ, еже имѣти всякому православному христіанину страхъ Божій. Рукоп. Импер. Публ. библ. F. 1, № 232, л. 334. Особенною гуманностію въ отношеніи къ рабамъ отличается авторъ поученія нѣкоего отца духовнаго къ сыну. Онъ напр. говоритъ въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи къ своимъ дѣтямъ: «въ работѣ сущая яко своя чада и уды любите, старыя свободята, и пищу даже до смерти и вся потребная подавайте имъ». Рук. С.-Ф. библ. № 1456, л. 163. См. также древнее поученіе духовника. Русск. Истор. библ. томъ VI, част. I, № 10, Домострой, 109, 98—99.

когда она освящала собою употребленіе тѣлесныхъ наказаній для рабовъ, допуская ихъ въ очень широкихъ размѣрахъ¹. Руководствуясь подобными правилами, господа деспотически и жестоко обращались съ своими крѣпостными людьми. Кромѣ тиранніи своихъ господъ, крѣпостные люди выносили много лишеній. Рѣдкій господинъ хорошо содержалъ своихъ рабовъ даже въ самомъ необходимомъ—въ пищѣ и платьѣ. Даже строго благочестивые бояре и тѣ не особенно были расположены хорошо содержать своихъ рабовъ². Довольно гуманный теоретическій взглядъ древнерусскаго общества на рабовъ, утверждавшій за ними тождество и полную равноправность ихъ нравственной личности съ своими господами, мало вліялъ на дѣйствительное положеніе крѣпостныхъ людей, невыносимо страдавшихъ отъ деспотизма господъ, ставившихъ иногда своихъ рабовъ въ положеніе вьючнаго животнаго.

Взглядъ м. Данила на рабство вполне гуманный. Положимъ, онъ не отрицаетъ рабства или крѣпостничества въ самомъ его принципѣ. Тогда этой идеи еще не нарождалось. Тѣ самыя лица, которыя вооружались противъ владѣнія монастырями крѣпостными людьми, тѣ не проводили ясно идеи о безусловномъ уничтоженіи рабства. Въ своей оппозиціи владѣльческимъ правамъ монастырей они руководились исключительно пользою, хотя бы то и нравственною, этихъ же самыхъ монастырей, и не много другихъ заботились о свободѣ собственно самихъ крѣпостныхъ людей. Мы видѣли, какъ тяжело было положеніе рабовъ въ древней Руси

¹ «Аще ты не слушаешь раба», говоритъ древнее ученіе «какъ имѣти челядь», «то казни его плетію, и то не чрезъ силу, но ако мудрость Божія плагодесть: до шести ранъ, или до десяти и до двадцати, аще ли вельми зла вина, то до тридцати ранъ, а лишне не вемъ, да аще накажеша его тако, то Душу его спасени и тѣло его избавиши отъ побоя людскаго». Рукоп. Импер. Пуб. библ. изъ древлехран. Погодина № 1288, л. 88. Буслаевъ истор. Христоматія церковнослав. и древнерусскаго языковъ. М. 1861. 480. «Кажь раба», еще рѣшительнѣе говоритъ другое ученіе, «и обрѣцеша покой, ослабиши ли руку ему, и искати учеть свободы, аго и ремень выи приклоните и раба злюбова, узы и раны вложы въ дѣло да не праздноуетъ». Рукоп. Сов. библ. № 1488, л. 160 слово о рабѣхъ. Домострой, 32.

² Поэтому весьма часто встрѣчаются въ ученіяхъ, касяющихся отношеній къ рабамъ, наставленія кормить ихъ «досыта», «надоволь» и одѣвать ихъ, а не морить голодомъ и наготомъ. Рукоп. Кир. библ. № 42, л. 137. Поученіе св. отецъ ко всѣмъ крестьяномъ. Рукоп. Сов. б. № 1529 л. 78—80. слово о спасающихъ въ жѣру. См. посланіе прец. Іосифа Волоцкаго къ одному боярину о рабахъ. Рукоп. Импер. Пуб. биб. Q. XII, № 64 л. 276—277. Дон. къ А. И. т. I, № 213.

Даніилъ сочувственно отзывался на стоны и плачь несвободныхъ людей и потому онъ обращается съ насѣвскимъ увѣщаніемъ къ господамъ миловать своихъ крѣпостныхъ. «О господи, милуйте рабовъ своихъ и имѣйте ихъ *яко присма своя чада*». Въ другомъ мѣстѣ онъ еще настойчивѣе убѣждаетъ своихъ современниковъ «рабы управлять со смиреніемъ, и кротостію и миловати ихъ, яко естественныя своя чада». Гуманный взглядъ Даніила на крѣпостныхъ людей не исключаетъ все-таки употребленія противъ нихъ мѣръ строгости. Митрополитъ сообразно духу своего времени считаетъ позволительнымъ «на непослушныхъ рабовъ великій страхъ износить съ *тайнымъ милованіемъ сердечнымъ*». Но это позволеніе далеко не то, какое давалось въ то время другими моралистами, дававшими господамъ право болѣе жестокаго наказанія своимъ рабамъ. Свое ученіе о совершенномъ равноправіи личности крѣпостнаго митрополитъ основываетъ на двухъ положеніяхъ. Прежде всего онъ указываетъ на *тождество природы раба съ господиномъ*, — природы, понимаемой въ самомъ широкомъ ея смыслѣ и главное нравственной, возрожденной христіанствомъ природы. «Вси есмы создани рукою Божіею», говоритъ Даніилъ, «и вси плоть едина и вси въ единомъ дому еже подъ небесемъ на вселеннѣй въ маловременемъ семъ житіи вселени есмы отъ Господа Бога, и вси единѣмъ Божественнымъ крещеніемъ крестихомся, и вси равно кровію Христовою искуплены быхомъ, и вси равно божественнымъ причащеніемъ причащаемся, и вси плачемся къ Нему каждо насъ о грѣсѣхъ своихъ, и вси милости отъ Него просимъ и въ сій вѣкъ и въ будущій». На настоящее земное положеніе крѣпостныхъ Даніилъ смотритъ какъ на явленіе случайное, зависящее между прочимъ и отъ дѣйствія промысла Божія: «Вси есмы въ руцѣ Господни», такъ формулируетъ свою мысль авторъ, «егоже хочетъ обнищаетъ, и егоже хочетъ богатитъ, аще и здѣ на мало время попустилъ есть овому господствовать, овому же работати, но въ будущемъ нѣсть раба ни свободна, каждо бо насъ на страшнемъ судѣ Христовѣ по своимъ дѣломъ пріиметь, или рабъ, или свободъ, или князь или царь...»¹.

Въ древне-русской семьѣ особенно выдѣлялась личность отца. Онъ былъ единственнымъ и безусловнымъ авторитетомъ во всемъ семействѣ, и единственною и вѣрною связью въ семействѣ призна-

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 442, 460.

вался покорный страхъ передъ его неприкосновенною личностію. Неограниченность отцовской власти, въ связи съ общемою грубостію нравовъ, дурно отражалась на положеніи его дѣтей и обнаруживалась въ жизни неблагопріятными послѣдствіями для семьи и для общественной нравственности.

Въ рукахъ отца заключалась вся будущая судьба его дѣтей— всего молодаго поколѣнія. Дѣти сами по себѣ менѣе всего допускались къ участию въ рѣшеніи собственной судьбы и счастья. Браки ихъ устраивались всегда только отцовскою властію¹. А въ рукахъ отца бракъ сына или дочери былъ часто только сдѣлкою съ родителями другой стороны, въ основѣ которой лежали корыстолюбивые или другіе практическіе расчеты, но никакъ не чувства и симпатіи брачующихся. Притомъ дѣти не могли особенно рѣшительно противиться заключаемому ихъ родителями браку ихъ и потому уже, что при обычаѣ теремной жизни и вообще при господствовавшей въ то время замкнутости женскаго пола очень часто случалось, что новобрачные и не знали другъ друга до самаго дня ихъ брака. Большою же частію дѣло сватовства устраивалось при содѣйствіи и чрезъ посредство свахъ, которыя, пользуясь большими подачками за свое ремесло, при веденіи дѣла преслѣдовали свои личныя корыстныя цѣли, мало обращая вниманія на горькую судьбу, ожидающую тѣхъ лицъ, о брактъ которыхъ онѣ хлопотали. А между тѣмъ имъ часто предоставлялись широкія права, напр. смотрѣть невѣсту и дѣлать о ней отзывъ жениху и его родителямъ. Послѣдніе, впрочемъ, здѣсь интересовались болѣе внѣшнимъ положеніемъ избираемой невѣсты, болѣе всего стараясь о томъ, чтобы въ брачномъ союзѣ ихъ дѣтей не было оскорбленія ихъ рода. Такимъ образомъ при заключеніи браковъ открывалось обширное поле для всякаго рода обмановъ и интригъ. Случалось, что родители при смотре нахъ невѣсты, не надѣясь иногда на наружность и другія качества своихъ дочерей подставляли одну дочь вмѣсто другой, поставляли красивыхъ и дородныхъ дѣвокъ изъ своихъ дворовыхъ,

¹ Въ сочиненіи Дубакина «Вліаніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества» собрано не мало фактовъ заключенія браковъ родителями помимо всякаго согласія и воли брачующихся... Въ чинопослѣдованіи таинства брака, употреблявшемся въ древней русской церкви, до самаго XVII вѣка не встрѣчается вопросовъ относительно добровольнаго и взаимнаго согласія лицъ, вступающихъ въ бракъ. Дубакинъ, 28—30, 26, 169. Горчаковъ. О тайнѣ супружества, 333.

а для малорослыхъ поддѣлывали даже подставные стулья. И только тогда уже, когда подготовляемый бракъ дѣлался совершившимся фактомъ, тогда уже начинало мало по малу обнаруживаться все накопившееся и до сихъ поръ тщательно скрываемое зло. Если семейные раздоры и разлады не рѣдки и тогда, когда бракъ заключается по взаимному согласію, то что же послѣ этого можно сказать о бракахъ вынужденныхъ и соединенныхъ иногда со множествомъ обмановъ и разныхъ продѣлокъ. Здѣсь въ первые же дни брачной жизни начинались разногласія. И тутъ-то часто приходилось супругу разочаровываться въ своей молодой женѣ и съ этой же минуты дѣлаться непримиримымъ врагомъ ея ¹. Чѣмъ больше мужъ изучалъ свою жену, тѣмъ больше видѣлъ пропасть, раздѣлившую его отъ нея. Начинались придирки и критическое отношеніе къ недостаткамъ жены. Объ этомъ мы узнаемъ изъ описаній м. Данила. «Не глаголи», обращается пастырь къ нѣкоторымъ изъ своихъ современниковъ, «яко онаго сице жена добродѣльна, и ового премудра, художествена, чада у плодоносила добродѣльна, благопокорна, художествена, лубомудрена: моя же не сицева, но безумна и ненавистна ми естъ: не буди тако ты къ ней клеветникъ тяжекъ» ². Съ другой стороны и молодая жена въ навязанномъ ей мужѣ часто видѣла далеко не то, чего она хотѣла видѣть въ своемъ суженомъ. Съ той и другой стороны являлось такимъ образомъ недовольство своимъ положеніемъ, а за нимъ росли и взаимныя непріятности и ссоры. Смотри по характеру лицъ, связанныхъ невольнымъ бракомъ, различно слагалась семейная жизнь брачующихся. Были конечно личности, которыя сживались съ своею горькою судьбою и всю жизнь безроотно несли навязанное имъ ихъ родителями бремя. Но находилось немало и такихъ лицъ, которыя безъ борьбы не хотѣли отдавать себя на произволъ такъ несчастливо сложившейся для нихъ судьбы. Было много и такихъ лицъ, которыя пытались отыскать выхода изъ своего несноснаго положенія, съ какими бы трудностями ни соединялось это. Дѣйствительно, много выпадало борьбы на долю того, кто ставилъ себя непремѣнною цѣлю, во что бы то ни стало, разорвать брачную связь съ женщиной, къ которой онъ ничего не питалъ, кромѣ

¹ Подробн. объ этомъ см. у Костомарова, Очеркъ жизни и нравовъ великор. народа въ XVI и XVII в., 103—110.

² Рукос. Москв. Духовн. Акад. № 197, л. 473—474.

вражды и ненависти. Исходъ представлялся одинъ — именно разводъ. Но здѣсь непреодолимымъ препятствіемъ являлась конечно жена, противодѣйствіе которой разводу могло испортить все дѣло. Съ представленіемъ о женѣ, какъ о препятствіи къ его свободѣ, обманутой или разочарованной мужъ обрушивался всѣмъ своимъ гнѣвомъ на свою жену. Теперь несчастная женщина дѣлалась жертвою постоянныхъ и страшныхъ истязаній. Мужъ немилосердно преслѣдовалъ свою ненавистную жену, гналъ ее и совѣтовалъ ей убраться въ монастырь, чтобы тѣмъ развязать ему руки. Въ случаѣ отказа истязанія возобновлялись и производились съ удвоеннымъ стараніемъ. Помимо того, постоянныя придирки, неосновательныя подозрѣнія нравственно убивали женщину. Въ такомъ ужасномъ и поистинѣ отчаянномъ положеніи женѣ ничего не оставалось болѣе, какъ удалиться въ монастырь. Тамъ ее если не ожидало счастье, то по крайней мѣрѣ въ немъ она могла найти нѣкоторый душевный покой и избавлялась отъ систематическихъ побоевъ своего жестокаго мужа. Дѣйствительно въ древне-русскомъ обществѣ замѣтно было стремленіе женщинъ къ поступленію въ монастыри вслѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ и условій, въ которыхъ поставлена была древне-русская семья¹. Но не всякая однако женщина могла рѣшиться протѣять семейную жизнь на мертвый покой монастыря, особенно если она имѣла дѣтей. Привязанность къ дѣтямъ заставляла ее пренебрегать всѣми мученіями, которыя приходились на ея долю отъ суроваго мужа. А между тѣмъ послѣдній не унимался и продолжалъ свои истязанія по отношенію къ своей женѣ, надѣясь въ концѣ концовъ все-таки сломить ее волю и упрятать ее подальше въ монастырь. Здѣсь-то иногда постоянныя побои и истязанія мужа доводили жену до умопомѣнательства. Указаніе на это мы находимъ у м. Данила. «*Ты же*», такъ обращается митрополитъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ современниковъ въ строго обличительномъ тонѣ послѣ наставленія каждому любить свою жену, «*призвещи ея (жену) непрестанно, якоже и ума изступити ей отъ твоего свѣриства, престани тако творя, о человецѣ!*» Несчастіемъ и страшною болѣзнію жены мужъ хотѣлъ

¹ Аристовъ. Невольное и неохотное поступленіе въ монашество у нашихъ предковъ до начала XVII в. Древн. и Нов. Россія 1878 г. № 5. Нѣкоторые факты насильственныхъ и неохотныхъ крестиченій указаны въ сочиненіи Дубякина Вліяніе христіанства на семейный бытъ рускаго общества, 64—65.

удобно пользоваться для того, чтобы окончательно порвать съ нею свои брачныя узы съ цѣлію смѣнить ихъ на новыя, болѣе выгодныя и пріятныя. Сумасшествіе жены и служило для него благопріятнымъ поводомъ къ тому, чтобы начать дѣло о разводѣ. Всегда ли, что едва-ли возможно допустить, удавалось достигнуть здѣсь завѣтной цѣли, но что подобныя попытки существовали, на это есть указанія въ четырнадцатомъ словѣ Даниила, гдѣ онъ, настаивая на мысли о нерасторжимости христіанскаго брака, въ числѣ существовавшихъ, хотя и недѣйствительныхъ мотивовъ къ расторженію, упоминаетъ доводы нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ, ссылавшихся на случай «аще ума изступити и бѣсноватися единому отъ нихъ (находящихся въ бракѣ) прилучится»¹. Гораздо болѣе шансовъ на успѣхъ имѣлъ въ разводѣ тотъ, кто сумѣлъ отправить свою нелюбимую жену въ монастырь. Конечно не для всѣхъ въ одинаковой степени было возможно отдѣлаться отъ нелюбимой жены помѣщеніемъ ея въ монастырь. Люди вліятельные и знатные находились въ этомъ отношеніи въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ и они иногда, пользуясь выгодами своего положенія, насильственнымъ образомъ постригали своихъ женъ. Но и кромѣ грубаго насилія, въ распоряженіи мужичинъ находилось не мало средствъ къ тому, чтобы развестись съ женою, заключить ее въ монастырь и потомъ жениться на другой. Мужъ просто, основательно или неосновательно, по одному только подозрѣнію, обвинялъ свою жену въ нечѣстности и отправлялъ ее въ монастырь; а обвинить было очень легко посредствомъ подкупа свидѣтелей. Такимъ образомъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, еслибы жена сама не захотѣла развода съ мужемъ, то мужъ, особенно если онъ обладаетъ солиднымъ положеніемъ и средствами, въ большинствѣ случаевъ находилъ случай отдѣлаться отъ жены, не только пользуясь законнымъ основаніемъ для развода—обвиненіемъ въ прелюбодѣиіи, но и такими напр. предлогами какъ безплодіе жены. Но иногда сами мужья, недовольные семейной безурядицей, старались избавиться отъ навязанной жены и поступали въ монастырь, давая тѣмъ возможность оставшейся въ міру супругѣ вторично вступить въ бракъ. Число искавшихъ развода и права на вступленіе въ новый бракъ увеличивалось еще насильственными постриженіями, производившимися изъ разныхъ политическихъ цѣлей и особенно усилившимися въ

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197. л. 474. 465.

эпоху развитія деспотизма въ московской администраціи. Жена, оставшаяся послѣ насильственнымъ образомъ отнятаго у нея и отправленнаго въ монастырь мужа, какъ нисколько неповинная въ его проступкѣ, естественно могла не безъ основанія хлопотать о дозволеніи вступить въ новый бракъ. «Цѣлые ряды проходятъ предъ нами», говоритъ Аристовъ, «невольно постриженныхъ лицъ въ XVI ст. изъ женщинъ и мужчинъ», разрывавшихъ тѣмъ самымъ свои брачныя узы и оставлявшихъ многихъ лицъ въ мірѣ для соединенія новыми брачными связями послѣ предварительнаго расторженія первыхъ. Вообще ненормальныя условія, которыми обставлена была древне-русская семья и общественная жизнь, много поддерживали и способствовали легкой сравнительно расторгимости браковъ, несмотря на вѣковое противодѣйствіе церкви и государства¹.

Что дѣйствительно разводы перѣдко происходили въ первой половинѣ XVI в., объ этомъ свидѣлствуетъ Герберштейнъ. Онъ же упоминаетъ и о томъ, что фактъ разводовъ, какъ противныхъ религіи и церковнымъ установленіямъ, тщательно скрывался отъ современниковъ. Последнее сообщеніе проливаетъ свѣтъ и объясняетъ до нѣкоторой степени сравнительную бѣдность историческихъ фактовъ о разводахъ въ древне-русскомъ обществѣ. Однако памятники сохранили для насъ указаніе на нѣкоторые факты развода. Тотъ же самый Герберштейнъ рассказываетъ, что въ бытность его въ Москвѣ состоялся разводъ князя Василія Бѣльскаго изъ-за того, что его молодая жена была задерживаема въ Литвѣ его друзьями, хотѣвшими тѣмъ самымъ заставить его воротиться на мѣсто своего прежняго жительства². Насколько законные и незаконные разводы или по крайней мѣрѣ требованія на нихъ были сильно развиты въ XVI в., въ пользу этого говоритъ настойчивость митрополита Данила, съ какою онъ вооружается противъ развившагося среди современнаго ему общества зла. Онъ посвятилъ этому предмету цѣлыхъ три слова, чего онъ не дѣлаетъ ни въ отношеніи

¹ Древн. и Нов. Россія 1878 г. № 7, 224, 218—221. Вотъ одинъ изъ фактовъ насильственнаго постриженія въ монашество, современный Данилу. Сестру любимца правительницы Елены Глинской, кн. Оболенскаго, послѣ паденія ея брата, насильственно постригли въ монахини. Исторія Россійская отъ древн. временъ кн. Щербатова, т. V, ч. I, 132. Подробн. см. у Аристова. Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ. Древн. и Нов. Россія 1878 г. №№ 3, 6, 7 и 8.

² Записки о Москвитинѣ, 13.

ни къ какому общественному для того времени вопросу, за разрѣшеніе которыхъ онъ брался. Была еще нѣсколько иная причина, почему митрополитъ долженъ былъ остановиться на разсужденіи о случаяхъ позволительности и непозволительности развода. Допущенный митрополитомъ вопреки церковнымъ постановленіямъ разводъ въ отношеніи къ великому князю подалъ прекрасный поводъ и другимъ, особенно изъ сильныхъ и вліятельныхъ людей, искать себѣ подобнаго же снисхожденія церковной власти, но что, конечно, духовная власть не всегда соглашалась исполнять. А такъ какъ все-таки фактъ незаконнаго развода существовалъ и для всѣхъ былъ хорошо извѣстенъ, то митрополиту и пришлось по этому поводу вступить въ письменныя объясненія со своею паствою и представить ей истинныя причины, по которымъ только и можетъ быть допущенъ разводъ, и тѣмъ снять съ себя отвѣтственность за неисполненіе незаконныхъ требованій касательно расторженія браковъ.

Слова м. Данила противъ разводовъ никакъ нельзя разсматривать, какъ средство самооправданія его въ незаконно-допущенномъ имъ самомъ разводѣ въ отношеніи къ великому князю. Въ содержаніи ихъ нѣтъ никакого не только упоминанія, но даже простаго самаго отдаленнѣйшаго намека на фактъ развода в. князя; ни вообще какого бы то ни было указанія на факты современной жизни. Слова Данила представляютъ по своему содержанію безотносительное теоретическое изложеніе условій расторгимости и нерасторгимости брака. Разсматриваемая съ точки зрѣнія характера своего содержанія, слова Данила противъ разводовъ не только не могли сколько-нибудь оправдывать его, но даже наоборотъ служили для него своего рода обвинительнымъ актомъ, избѣчившимъ его въ противорѣчій между своими собственными словами и дѣйствіями. Въ словахъ противъ развода онъ указываетъ только дѣйствительныя законныя причины развода, тогда какъ на дѣлѣ митрополитъ самъ допустилъ незаконный съ точки зрѣнія имъ же самимъ представленныхъ юридическихъ данныхъ разводъ в. князя. Взаимоотношеніе и связь между допущеннымъ вопреки церковнымъ правиламъ разводомъ в. князя и тремя словами м. Данила противъ разводовъ тѣмъ не менѣе до нѣкоторой степени существуютъ и заключаются только въ томъ, что незаконный разводъ в. князя, допущенный митрополитомъ, вызвалъ собою на сцену многихъ другихъ искателей подобныхъ же разводовъ, что до нѣкоторой степени и послужило въ связи съ другими историческими условіями со-

временной общественной и семейной жизни русскаго народа поводомъ къ написанію Данииломъ своихъ словъ о разводахъ.

Противъ пошедшихъ въ обычай разводовъ м. Данилъ полемизируетъ въ трехъ словахъ своего сборника, именно въ четырнадцатомъ, пятнадцатомъ и шестнадцатомъ. Въ первыхъ двухъ своихъ словахъ Данилъ ставитъ одно общее положеніе, что первый и всякій бракъ ни въ какомъ другомъ случаѣ не расторгимъ, исключая одного—нарушенія кѣмъ либо изъ супруговъ супружеской вѣрности. «Не подобаетъ мужу отъ жены ни женѣ отъ мужа разлучатися развѣ блудныя вины»¹—таково оглавленіе четырнадцатаго слова и въ то же время общая идея его. Первая часть четырнадцатаго слова, по своему объему не очень обширная, имѣетъ ближайшую связь съ общимъ предметомъ слова. Въ ней авторъ сначала вращается въ области общихъ нравственныхъ разсужденій о томъ, что «лѣпо есть христіаномъ паствитися подѣ Христовыми заповѣдми, и апостольскими преданіи, и отеческими ученіи» и любить Бога «паче отца и матери, и жены и дѣтей»... и все желаніе свое ко Христу Богу стяжати». Затѣмъ уже дѣлается переходъ къ разсужденію о бракѣ и условіяхъ его расторжимости.

Въ основаніе ученія о нерасторжимости брака Данилъ полагаетъ извѣстную заповѣдь Самого Спасителя: «яже Богъ сочета челоувѣкъ да не разлучаетъ развѣ словеси блуднаго» (Мѡ. XIX, 6. 9) и слова св. Павла о нерасторжимости брака безъ нарушенія объѣта вѣрности: «жена привязана есть закономъ въ нелико время живетъ мужъ ея, аще ли умретъ мужъ ея, свободна есть за него же хочеть посягнути» (1 Кор. VII, 39). Далѣе приводятся и свои соображенія. На нерасторжимость брачнаго соединенія указываетъ самый актъ, посредствомъ котораго была сотворена жена. «Егда убо въ началѣ перваго челоувѣка Адама отъ небытія въ бытіе сотвори Господь Богъ, и жену аще бы хотѣлъ Всемогій, такоже бы сотворилъ, но отъ мужа вземъ сотвори, и свидѣтельствова и единство плоти въ двохъ лицахъ, *сопращеніе узакони*». Современники Данила мотивировали свое желаніе развода межеу прочимъ умственными и физическими недостатками своихъ женъ, напр. слабостію разсудка, умопомѣшательствомъ, неплодіемъ и под. Въ опроверженіе основательности подобныхъ доводовъ въ пользу развода митрополитъ говоритъ: «примвши жена змѣнишь совѣтъ *сотвори мужу бѣду велию злыю*, но и изгнаніе и страданіе *обѣма* наведе Богъ, *сопраще-*

¹ Рук. М. Д. А. № 197, л. 463—475.

не же не разуми». У митрополита готовъ и другой болѣе наглядный примѣръ, съ очевидностію доказывающій, что никакія недостатки жены не могутъ служить достаточнымъ поводомъ къ разводу: «Иовъ колико пострадалъ въ величїи болѣзни прокаженія, но жена его вины ради болѣзни его не остави его; такожь и сей, аще и безумныя глаголы изнесе нанъ»; и вообще «друзіи же», продолжаетъ онъ далѣе, «мелодствомъ печальни бѣста и въ ветхомъ и въ новомъ законѣ, но въ молитвахъ, и моленіяхъ, и въ благотвореніяхъ предстояста Богови, сопряженіе же не разлучаста». Слѣдующій отсюда выводъ очень ясенъ, именно: никакіе недостатки и преступленія мужа и жены не даютъ ни тому, ни другому права къ разводу, даже и въ томъ крайнемъ и послѣднемъ случаѣ «аще и ума изступити и бѣсноватися единому отъ сихъ прилучится, но сопряженія никакоже не разлучати отъ отцевъ речено есть».

Конецъ первой части четырнадцатаго слова состоитъ опять изъ общихъ увѣщаній автора о исполненіи всѣхъ христіанскихъ заповѣдей.

Вторая часть четырнадцатаго слова, по обыкновенію, состоитъ изъ массы священныхъ аргументовъ. Въ ней большая часть священныхъ цитатъ заимствована изъ области церковно-канонической. Во второй части слова Данилъ въ подтвержденіе своей общей извѣстной мысли дѣлаетъ ссылки на слова Ев. Матвея (XIX, 1—4) и Марка (X, 1—3), слова Ап. Павла изъ его посланія къ Коринѳянамъ (1 Кор. VII, 10. 39. 27), на изреченія св. Іоанна Златоуста ¹ и особенно много на правила св. Василия Великаго именно на: девятое ², двадцать первое ³, тридцать пятое ⁴, сорокъ ось-

¹ № 197, л. 467. Цитата взята изъ 1-й бесѣды Златоуста на слова Ап. Павла: «жена привязана есть закону вѣлико гдѣ живъ мужъ ея» (1 Кор. VII, 39—40). Цитата подлинная. Бесѣды Златоуста на разныя мѣста св. Писанія, т. II, СПб. 1862, 482.

² № 197, л. 468. Въ современномъ переводѣ см. тв. св. о., т. XI, твор. св. В. В., ч. VII, 9—10, первое каноническое посланіе къ Амфилохію. Подлин. у Мина; Patrolog. curs. complet. ser. gr., tom. XXXII, Sanct. Basilii Caes., tom. IV, p. 677—678.

³ Л. 469. Творенія св. В. В., ч. VII, 44—45. Второе канонич. посланіе къ Амфилохію. Migne. Patrolog curs. complet. ser. gr., tom. XXXII, 721—722. Правило взято вмѣстѣ съ толкованіемъ, тождественнымъ съ находящимся въ старопечатной 1653 г. Кормчей См. Кормчей гл. 21, л. 232. Подлинникъ толкованія на 21 пр. Василия В. см. у Мина; Patrolog. curs. complet. ser. gr., tom. CXXXVIII, 661—662.

⁴ Л. 471. Твор. св. В. В., ч. VII, 49, Второе канонич. посл. къ Амфилохію.

мое¹ и семьдесятъ седьмое²—и правила соборовъ: Карфагенскаго сто второе³ и Трульскаго, VI вселенскаго, собора восемьдесятъ сель-мое правило⁴. Общая мысль всѣхъ представленныхъ здѣсь каноническихъ аргументовъ одинакова съ общимъ положеніемъ слова—именно, что разъ заключенный бракъ не расторгимъ ни въ какомъ случаѣ кромѣ нарушенія супружеской вѣрности однимъ изъ супруговъ. Но даже и въ томъ случаѣ, если мужъ окажется невѣрнымъ въ отношеніи къ своей женѣ, то и здѣсь жена не должна оставлять своего мужа, а должна примириться съ нимъ. Только одно, приводимое м. Даниломъ, правило—пятнадцатое пр. Тимофея Александрійскаго⁵ рассматриваетъ частный случай повода къ разводу, именно разстройство умственныхъ способностей жены, и рѣшаетъ его въ отрицательномъ смыслѣ.

Третья часть, или наказаніе, четырнадцатаго слова мало имѣетъ связи съ предметомъ послѣдняго.

Первая половина наказанія касается совершенно посторонняго предмета, именно вопроса о промыслѣ Божіемъ, волновавшаго умы современнаго Данила русскаго общества. Эта драгоценная въ историческомъ отношеніи часть наказанія была рассматриваема въ своемъ мѣстѣ.

Вторая половина наказанія состоитъ изъ краткихъ отрывоч-

Migne, tom. XXXII, 723—724. Правило представлено въ связи съ толкованіемъ, тождественнымъ съ напечатаннымъ въ Кормчей 1653 г., гл. 21, 236. Подлин. толкованія у Мина, tom. CXXXVIII, p. 701—702. Толкованіе неизвѣстнаго.

¹ Л. 471. Тв. св. В. В., ч. VII, 52. Migne, tom. XXXII, 731—732. Толкованіе пр. одинаковое съ находящ. въ старопеч. 1653 г. Кормчей, гл. 21, 240. Подлин. толкованія Migne, I, CXXXVIII, p. 733—734.

² Л. 472. Тв. св. В. В., ч. VII. Третье каноническое посланіе къ Амфилохію, 109. Подлинникъ Migne, tom. XXXII, 803—806. Правило взято безъ толкованія.

³ Л. 469—470. Текстъ пр., равно какъ и его толкованіе одинаковы съ напечатанными въ Кормчей 1653 г. гл. 15, 158. Толкованіе 102 пр. Карф. соб., находящееся въ цитатѣ Данила и въ старопечатной Кормчей, не соотвѣтствуетъ подлиннику толкованія, какое помѣщено въ изданіи Мина, tom. CXXXVII, 872—874.

⁴ Л. 470—471. Правило и толкованіе одинаковы съ напечатанными въ Кормчей 1653 г., гл. 17, 202.

⁵ Л. 467—468. См. старопечатн. Кормчую 1653 г., гл. 32, 270.

ныхъ пастырскихъ наставленій о томъ, чтобы каждый держалъ свой чинъ и исполнялъ заповѣди Божіи, почиталъ пастырей церкви, царя, и чтобы воины, вельможи, и воеводы довольствовались своими доходами и оброками. Болѣе представляетъ интереса та половина наказанія, въ которой проповѣдникъ касается, хотя и вскользь, положенія русской женщины. Данилъ здѣсь заповѣдуетъ любить своихъ женъ, не унижать и не осуждать ихъ предъ женами другихъ, не тиранить ихъ жестокими наказаніями, а въ случаѣ нужды, если и наказывать ихъ, то съ мѣрностію; наставляетъ на томъ, чтобы мужья не дозволяли своимъ женамъ вышемѣрнаго украшенія и въ лицѣ и въ платьѣ. Въ заключеніи наказанія находится увѣщаніе архипастыря объ умеренности во всемъ въ жизни: въ пищѣ, питьѣ, платьѣ, отдыхѣ и проч.; «во всемъ мѣра изяществуеть», говоритъ пастырь.

Наказаніе четырнадцатаго слова важно тѣмъ, что находящіяся въ немъ пастырскія наставленія затрогиваютъ собою бытовые черты современной народной жизни и касаются нѣкоторыхъ особенностей нравовъ современнаго общества.

Пятнадцатое слово по своему предмету и содержанію очень сходно съ четырнадцатымъ словомъ. Тема пятнадцатаго слова до буквальной тождественности съ темою предыдущаго слова: «по евангельскому словеси не подобаетъ мужу отъ жены и женѣ отъ мужа разлучатися, аще не блудныя вины, обычай же о сихъ иная удержа»¹.

Первая часть слова стоитъ внѣ всякой связи съ общею его темою. Она по объему не столь обширна, но въ литературномъ отношеніи представляетъ изъ себя довольно оригинальное и до нѣкоторой степени своеобразное, особенно въ устахъ духовнаго пастыря, произведеніе. По своему содержанію эта часть слова представляетъ полное разнообразіе, въ которомъ трудно найти что либо общее. Не безъ интересна эта часть слова и по характеру своего изложенія, мысли слова воплощены въ отрывочныя выраженія, встрѣчаются фразы безсвязныя. Для примѣра представимъ нѣсколько выдержекъ изъ первой части пят-

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 475—485.

надцатаго слова. «Преже всего подобаетъ уразумѣти», такъ начинается пятнадцатое слово, «да всяка вещь, и начинаніе, и дѣло и слово о Бозѣ да бываетъ. Вся преходна, вся мимолетна есть, блаженна слава не настоящая но будущая. Аще не можеша безжизненнаго житія жити, прииди къ браку, не возбраняетъ жена къ благому житію. Блаженна всяка вещь Бога ради бываема, паче всѣхъ любовь и милость предпочтена есть. Ничтоже нужнѣйши есть души, и ничтоже сладостнѣйши вѣчнаго живота. Тѣмъ же нѣкая нужда содѣваетъ, нѣкая же обычай утверди, и соблюдается и не писаніемъ преданный церковный обычай яко законъ. Невѣтрону мысль стяжи. *Другъ творенъ—помощь крѣпка*. Богатство, слава, лѣпота тѣлесная проходитъ, блаженное же житіе, славу и честь и имя вѣчное имѣть. Все настоящій вѣкъ любятъ, и все бѣды и напасти въ немъ приемятъ. Ищущимъ небесныхъ и земная приложатся. Бѣгай отъ пакостныхъ яко отъ змія, ищи духовныхъ и возлюби сихъ отъ всея души. Купецъ еси подвижайся дондеже торгъ не разыдется»...

Вторая, несамостоятельная, часть пятнадцатаго слова по своему содержанію вполне отвѣчаетъ темѣ слова. Здѣсь находятся церковно-каноническія основанія, говоряція въ пользу нерасторжимости брака, изъ которыхъ два это—девятое¹ и двадцать первое правила св. Василія Великаго, но съ тѣмъ только различіемъ отъ предыдущаго слова, что девятое правило св. Василія Великаго является здѣсь въ связи съ толкованіями Аристена и Вальсамона, чего нѣтъ въ четырнадцатомъ словѣ. Изъ вполне новыхъ

¹ л. 476—478. Снес. творен. св. В. В., ч. VII, 9—10. Здѣсь правило помѣщено въ связи съ толкованіемъ его, находящимся въ Кормчей 1653 г. (л. 21, 228—229) и въ соединеніи съ двумя другими толкованіями—Аристена и Вальсамона, чего вовсе нѣтъ въ четырнадцатомъ словѣ. Подлинникъ толкованія *неизвѣстнаго*, находящагося въ старопечат. Кормчей и подлинники толкованій Аристена и Вальсамона см. Migne. Patrolog. curs. complet. ser. gr. tom. CXXXVIII, p. 624—626, 623—625, 621—622. Толкованіе Аристена обширно въ своемъ подлинникѣ. Даниилъ взялъ изъ него только незначительную часть. Толкованіе Вальсамона приписано Данииломъ почти въ его полномъ видѣ, какъ оно находится въ подлинникѣ, опущенъ только незначительный конецъ. Основываясь на одномъ свидѣтельствѣ о томъ, что преп. Максимъ Грекъ занимался переводомъ церковныхъ правилъ и толкованій (Рукоп. баб. купца Хладова, въ Москвѣ, № 77, л. 1—17, Горчаковъ. О тайнѣ супружества, 212), нужно думать, что толкованіе Вальсамона, находящееся у Даниила, взято послѣднимъ изъ перевода Максима Грека.

аргументовъ каноническихъ здѣсь находится только одно девяносто третье правило трульскаго собора ¹.

Наказаніе пятнадцатаго слова по своему содержанію совершенно независимое отъ главнаго предмета слова произведеніе. Это пастырское поученіе не отличается единствомъ предмета и содержанія. Поученіе можетъ быть рассматриваемо въ трехъ отдѣлахъ.

Въ первомъ отдѣлѣ поученія авторъ вооружается противъ пересудовъ, развитыхъ въ современномъ ему обществѣ, и особенно много распространяется противъ порока зависти.

Второй отдѣлъ поученія, замѣчательный для характеристики взглядовъ Даниила на церковную обрядность, написанъ противъ односторонняго пониманія вѣншихъ предписаній церкви и въ немъ митрополитъ вооружается противъ нѣкоторыхъ односторонностей и крайностей господствовавшего въ церковной жизни формализма.

Содержаніе послѣдняго отдѣла поученія сосредоточивается на обличеніи роскоши, изнѣженности и въ особенности склонности къ праздности современнаго русскаго общества.

Конецъ поученія отличается силою обличительнаго тона и выразительностію. «Вси отъ душеполезныхъ притчей и повѣстей», говоритъ въ немъ Даниилъ, «уклоняются, вси отъ духовныхъ бесѣдъ бѣгаютъ, вси плотская любятъ, всѣмъ грѣховная и беззаконная радостна, вси на земли хотятъ жити, вси по смерти житія не памятовуютъ, вси красятся, и унестрѣваются и поступающе хуваются, вси кощунници, вси смѣхотворци, вси злоглагольници, клеветници. Сія же не иныхъ осужая и поношая глаголю, но себе укоряя и осужая и свою лѣность воздвизая», такъ оговаривается проповѣдникъ и какъ бы извиняется предъ своими слушателями, и затѣмъ изъ строгаго обличительнаго тона переходитъ въ тонъ наставительный, въ область отеческаго, исполненнаго любви, назиданія и продолжаетъ: «обуздаемъ, любимици, языкъ, удержимъ несмысленныя вѣщанія, бѣжимъ тучныхъ трапезъ и пѣнства.... чистотою и кротостію и смиреніемъ и любовію проживемъ».

¹ л. 480—481. Какъ правило, такъ и толкованіе одинаковы съ напечатанными въ Кормчей 1653 г., гл. 17, 203—204. Только по счету, находящемуся въ Кормчей, это правило значится подъ 92, а не 93 числомъ. Подлинникъ правила и толкованія Migne, Patrolog. crit., complet. t. m. CXXXVІІ, 837—838.

Наказаніе пятнадцатаго слова содержитъ въ себѣ указанія на нѣкоторыя особенности религіозно-нравственныхъ возрѣній древняго русскаго общества, равно какъ и указанія на нѣкоторыя черты нравовъ и быта его. Разсматриваемое съ этой стороны, оно имѣетъ за собою не маловажную историческую цѣнность.

Взглядъ митрополита Данила на условія расторгимости и нерасторгимости брака, которыя у него сводятся всѣ къ одному—именно къ нарушенію супружеской вѣрности, свидѣтельствуетъ о высокомъ, правильномъ пониманіи имъ христіанскаго брака, какъ единаго, благодатнаго духовнонравственнаго союза. Его взглядъ на условія расторгимости брака утверждается и покоится только на ученіи І. Христа и Апостоловъ, и въ немъ онъ вполнѣ расходится съ современными византійско-русскими церковно-каноническими памятниками, которыми допускалось *якобы* случаевъ, могущихъ послужить причиною къ расторженію брака ¹. Такой высокій, хотя нѣсколько и односторонній, взглядъ м. Данила на бракъ обуславливался тѣми крайностями современной общественной жизни, когда браки не всегда отличались устойчивостію и расторгались сравнительно легко.

Происхожденіе шестнадцатаго и послѣдняго слова Даниловскаго сборника «о вторѣмъ брацѣ совокупленія» ² тѣсно связано съ вопросомъ о разводахъ. Шестнадцатое слово касается этого же самаго вопроса только съ другой стороны. Въ предшествовавшихъ двухъ словахъ доказывалось, что разъ заключенный бракъ нерасторгимъ, если только не нарушена кѣмъ либо изъ супруговъ супружеская вѣрность другъ другу. Значитъ, всякіе другіе поводы къ разводу не законны и не могутъ имѣть никакого значенія. И если тѣмъ не менѣе на основаніи ихъ супруги вдумаютъ разойтись, или одинъ изъ супруговъ вынуждаетъ другаго къ разводу и даже удалить отъ себя напр. мужъ свою жену, то это еще нисколько ни говоритъ о томъ, что ихъ бракъ дѣйствительно расторгнутъ. Напротивъ они юридически продолжаютъ считаться связанными прежнимъ бракомъ и ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ права на вступленіе въ новый, второй бракъ. А между тѣмъ у лицъ,

¹ Дубакъ изъ. Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества въ періодъ до появленія Домостроя, 57—58.

² Русск. М. Д. А. № 197 л. 485—493.

добивавшихся для себя развода, завітною цѣлію было жениться въ второй разъ, въ противномъ случаѣ самое искательство ими развода, соединенное со многими трудностями, теряло для нихъ свое существенное значеніе. И дѣйствительно, находилось не мало такихъ лицъ, которыя, прогнавъ своихъ женъ, считали всѣ дѣла съ послѣдними поконченными, объявляли безъ всякой санкціи со стороны церковной власти свой первый бракъ расторгнутымъ и затѣмъ вступали въ новый, совершенно незаконный бракъ. Были такіе грубые и развратные мужья, которые практиковали такой способъ въ широкихъ размѣрахъ, смѣняли нѣсколько женъ, вступали незаконно въ третій и даже четвертый браки и смѣнили такимъ образомъ до шести и до семи женъ въ теченіе своей жизни. Такимъ образомъ въ древней Руси существовало многоженство, хотя только въ смыслѣ преемственной смѣны женщинъ¹.

Даніилъ своимъ словомъ о второмъ бракѣ имѣлъ въ виду показать своимъ современникамъ условія, при которыхъ только допустимъ съ церковно-канонической точки зрѣнія второй бракъ. Здѣсь слово «второй» можетъ быть понимаемо и въ прямомъ арифметическомъ смыслѣ, и въ смыслѣ простой послѣдовательности и преемственности брака. Иными словами Даніилъ, говоря о второмъ бракѣ, имѣлъ въ виду извѣстные недостатки своихъ современниковъ, слишкомъ легко относившихся къ брачнымъ узамъ и часто незаконно разрывавшихъ ихъ, и вооружался противъ заключенія всякаго новаго брака прежде, чѣмъ не будетъ законно расторгнутъ бракъ предшествующій ему. Второй бракъ допускается митрополитомъ, но только въ томъ единственномъ случаѣ, когда послѣду-

¹ Вотъ классическое мѣсто изъ посланія м. Фотія къ священникамъ и инокамъ о важности священства, касающееся рассматриваемаго предмета: «слышаніе мое, иже суть нѣкоторые въ васъ словесыми именуеми христіани, дѣлы же яко не суще, о совокупленіи браковъ отъ Божія церкви, съ женами считающесея и тою закономъ Божію разрушающе, и жены почитающе безъ всякаго разсужденія святительскаго правительнаго, и инымъ женамъ не законно прилпняющесея». Дополненія къ Актамъ Истор. т. I, № 181, 325—331, отъ 1410—1431 года. Акты Истор. т. I, № 64, 115, окружное посланіе Феодосія, архіепа. Ростовскаго къ духовенству, отъ 1458 года. и Акты Ист. т. I, № 261 посл. м. Іоны вятскимъ воеводамъ и духовенству отъ 1432 г. 491. Въ посланіи м. Фотія, написанномъ имъ въ Псковѣ, отъ 24 сент. 1423 года, высказываются жалобы на то, что многіе псковитяне прогнали отъ себя первую, вторую третью и четвертую жену и женились послѣ того еще нѣсколько разъ. Русск. Ист. библ. т. VI, ч. I, № 51. Приложение № XXVI, IV. III. VII.

еть смерть одного изъ супруговъ, и притомъ допускается не какъ законъ, а какъ только необходимое послабленіе слабой природы челоуѣка, которое онъ долженъ до нѣкоторой степени искупить несеніемъ церковной епитиміи, всегда возлагающей на лицъ, вступающихъ во второй бракъ. Въ своемъ шестнадцатомъ словѣ Даниилъ нѣсколько касается и третьяго брака. Въ древней русской церкви взглядъ на третій бракъ существовалъ очень строгій, а нѣкоторые пастыри церкви положительно отвергали его, какъ являющійся незаконнымъ и противнымъ уставамъ церкви ¹. М. Даниилъ точно также отрицательно относится къ третьему браку.

Первая часть слова о второмъ бракѣ не имѣетъ никакого отношенія къ его предмету. Она очень кратка и содержитъ въ себѣ двѣ общія мысли. Первая мысль сосредоточивается на изложеніи ученія о томъ, что Богъ установилъ двѣ формы челоуѣческой жизни—бракъ и дѣвство, или монашество, изъ которыхъ дѣвство высшая форма жизни, не для всѣхъ доступная, но зато и весьма трудная. Вторая мысль поученія рассуждаетъ о скоротечности жизни и всего земнаго.

Вторая самостоятельная, часть слова о второмъ бракѣ тѣсно связана съ предметомъ слова. М. Даниилъ сначала приводитъ свидѣтельства св. Василія Великаго и Іоанна Златоустаго ², которые допускаютъ второй бракъ въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, но только въ видахъ «отвѣта ради большаго зла», а приводимыми затѣмъ правилами: первымъ правиломъ Лаодикійскаго собора ³, седьмымъ правиломъ Неокесарійскаго ⁴ и вторымъ правиломъ Ни-

¹ Поученіе Петра митрополита епископомъ, пономъ и пр., гдѣ онъ между прочимъ вооружается противъ тѣхъ, которые женятся на третьей женѣ. Памятники старинной русской литературы изд. Кушелевымъ-Безбородко, вым. IV, 186—188.

² Рукоп. № 197, л. 486—489. Цитата изъ Василія Великаго взята изъ его посланія къ Запольскому епископу. Въ ряду напечатанныхъ у Мина посланій св. Василія Великаго не находится посланія, адресованнаго къ Запольскому епископу. Migne, Patr. curs. complet. ser. gr. tom. XXXII, S. Basilii Caesar. tom. IV. Цитата изъ Златоуста приведена изъ его слова о второмъ бракѣ.

³ Л. 489. Правило и толкованіе точно соответствуютъ правилу и толкованію, напечатаннымъ въ старонеч. 1653 г. Кормчей, гл. 10, л. 72. Подлинникъ правила и толкованія см. Migne, ser. gr. tom. CXXXVII, 1345.

⁴ Л. 489—490. Правило и толкованіе его до буквальнойности сходны съ напечатанными въ старонеч. Кормчей 1653 г., гл. 7, 34. Подлин. Migne, ser. gr. tom. CXXXVII, 1216. Въ четырнадцатомъ, пятнадцатомъ и шестнадцатомъ словахъ

кифора, патріарха Константинопольскаго ¹ вступленіе во второй бракъ обставляется несеніемъ специально положенной на брачующихся вторымъ бракомъ эпитиміи.

Выше было замѣчено, что м. Данилъ, говоря о второмъ бракъ, имѣетъ въ виду не одинъ въ буквальномъ смыслѣ второй бракъ, но и всякій послѣдующій бракъ послѣ предыдущаго брака, сколько бы ихъ ни было. Поэтому сюда должны подходить и третій и четвертый браки. Дѣйствительно митрополитъ во второй части своего шестнадцатаго слова помѣщаетъ нѣсколько такихъ церковныхъ правилъ, которыя непосредственно касаются третьяго и четвертаго брака. Таковы правила: третье правило Неокесарійскаго собора ² и четвертое ³, пятьдесятное ⁴ и восьмидесятое правило св. Василія Великаго ⁵, которыми осуждается третій бракъ, а четвертый и всякіе послѣдующіе браки называются прелюбодѣяніемъ, беззаконіемъ и скотскимъ желаніемъ.

Наказаніе шестнадцатаго слова, встрѣчающееся не во всѣхъ

своего соборника Данилъ приводитъ разные правила въ соединеніи съ толкованіями не называемаго имъ по имени писателя. Нѣтъ имени толкователя предъ безыменными толкованіями, помѣщенными въ словѣ Данила, и въ старопеч. Кормчей 1653 г. Баронъ Розенкампфъ приписываетъ эти толкованія Димитію Хоматиу, болгарскому митрополиту, жившему въ XIII вѣкѣ. Обозрѣніе Кормчей книга въ историческомъ видѣ. I изд., 76.

¹ Л. 492—493. Въ цитатѣ Данила собственно сдѣлана ссылка на второе и четвертое вмѣстѣ правила св. Никифора патріарха; также точно буквально эта цитата воспроизводится и въ Стоглавѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что им. 2 и 4 въ Стоглавѣ стоятъ 2 и 3 правила (Стоглавъ, изд. Кожанчикова, 85) спец. Кормчей 1653 г., гл. 58, л. 596. О правилахъ патр. Никифора см. у Горчакова, О тайнѣ супружества. 190—193. СПб. 1880.

² Л. 492. Правило и толкованіе соотвѣтствуютъ напечатанному въ Кормчѣй 1653 г., л. 52—53 гл. 7. Подлин. правила и толкованія Migne, ser. gr. tom. CXXXVII, 1203—1204.

³ Л. 490—491. См. твор. Василія В., ч. VII, 6—7.

⁴ Л. 491. По современному переводу твореній св. Василія В., проинтованное Даниломъ : одъ названіемъ 35 пр. оказывается правиломъ 50-мъ, какъ это обозначено въ текстѣ. Тв. св. В. В., ч. VII, 32. Толкованіе правила одинаковое съ напечатаннымъ въ Кормчѣй 1653 г., гл. 21, 240. Подлинникъ правила и толкованія Migne, tom. CXXXVIII, 735—738.

⁵ Л. 491. См. творенія св. отецъ, т. XI; твор. св. В. В. ч. VII, 109. Правило дано безъ толкованія.

спискахъ Даниіловскаго соборника, а помѣщающееся большею частію въ спискахъ позднѣйшаго времени ¹, несвязано съ общимъ предметомъ слова и представляетъ изъ себя самостоятельное поученіе. Оно отличается силою слова и краснорѣчіемъ.

Общее содержаніе поученія вращается въ ученіи о трудѣ и очевидно направлено противъ склонности русскаго народа къ праздности. Съ этой стороны оно разсмотрѣно будетъ ниже.—Замѣчательно по своему краснорѣчію начало поученія. «Придѣте, о возлюбленніи, бесѣдуемъ бесѣды душеполезныя, и повѣсти и притчи спасительныя. Что есть теченіе міра сего, или есть сладость его? Что ли есть величество и слава его мимотекущая? Вся басня, вся паутина, вся дымъ и трава и цвѣтъ травный, и снѣгъ и сонъ. Что убо радуемся пищаши и пїянствомъ и позорищами? Радоватися убо о Господѣ повелѣно намъ есть, а не о толстотѣ пищей и пїянства, и о щанленіи, и о позорищахъ. Хочещи ли славенъ быти и честенъ? Хочещи ли богатства много имѣти, и радоватися, и веселитися и наслаждатися? Преобидимъ земная, презри мимотекущая... Каа убо божественная писанія пищу и пїянство похваляетъ? Которыа Христовы евангельскія заповѣди и апостольское преданіе толстыя и тучныя трапезы предаша? Возмущаясь крайнею привязанностію своихъ современниковъ къ міру и его удовольствіямъ, митрополитъ продолжаетъ далѣе въ такомъ тонѣ: «Доколе питаніе, доколе играіе, и щанленіе, доколе дrochenіе и туеняденіе и отъ сего занмованіе, и поруки, и кабалы, и женѣ и дѣтямъ мигаіе и слезы, и самому изчезновеніе и ума изступленіе! Что убо предносылаещи на небеса? Гордыши ли величество? Объяденіе ли и пїянство? Внимаемъ бесѣды сей духовнѣй, о любезніи, будемъ дѣлатели зановѣдемъ евангельскимъ» и т. д.

ГЛАВА III.

Ненормальное положеніе семейной жизни положило собою начало нравственному упадку древне-русскаго общества. Русская семья скрывала въ себѣ начало зла, которое въ послѣдствіи выразилось въ распущенности нравовъ.

¹ Рук. Моск. Синод. библ. № 237/403 л. 332—334 и рук. библиотеки Моск. купца Хлудова № 87, л. 240—241.

Представители семьи—мужъ и жена не пользовались въ ней равными правами. Женщина была нравственно обезличена. Между мужемъ и женой не существовало крѣпкой нравственной связи. Жена являлась болѣе рабою мужа, безмолвною исполнительницею его желаній и требованій. Такія условія семейной жизни не могли долго поддерживать взаимнаго расположенія между мужемъ и женою. Последняя, какъ предметъ новизны, сначала обращала на себя вниманіе мужа, но это могло продолжаться недолго. Интересъ новизны съ теченіемъ времени утрачивался для мужа и последняя внѣшняя связь между мужемъ и женою порывалась. Жизнь съ нелюбимою или съ нелюбящею женою, женитьба по приказанію родителей—все это заставляло мужчинъ недовольствоваться ласками своей надобившей жены. И часто случалось, господа вступали въ связь съ женщинами изъ своей же собственной дворни, и пользовались своими служанками часто помимо ихъ воли¹. Но развитый инстинктъ иногда не удовлетворялся тѣмъ, что достигнуто безъ усилий и борьбы. Случалось, что нравственно испорченному господину нравилась жена его собрата по положенію въ обществѣ. Здѣсь, понятно, насиліе уже не могло имѣть мѣста, вмѣсто него пускались въ дѣло интриги. Человѣкъ, котораго затрогивалось чувство, не щадило средствъ для того, чтобы достигнуть цѣли. Особенно въ этомъ случаѣ имъ помогали слуги. За деньги для нихъ представлялось и чрезъ нихъ дѣлалось возможнымъ многое такое, что казалось для другихъ едва достижимымъ. На подобные факты указываетъ и м. Данилъ. «Всю свою крѣпость издавъ», такъ отличаетъ митрополитъ своихъ современниковъ, «въ сласти плотскія и о сихъ радуясь и веселяся, забывъ писаное радоватися о Господѣ Божѣ, и паче будущихъ благихъ желая блудныхъ сластей насыщаться, и о сихъ весь умъ свой непрестанно имѣя, *слухамъ же на блудная сіа бысовская дѣлнія много сребра и злата истощаеми*; и что много исчитати всякая мечтанія и предеть вѣка сего и всѣхъ уче-

¹ Еще въ XIII в. Серапіонъ, еп. Владимірскій, жаловался на то, что мужи блудятъ отъ своихъ женъ. Прав. Соб. 1858, ч. II, 482. См. Святительское поученіе мірянамъ (XV в.) противъ наложницъ. Русск. Пет. библ. изд. Археогр. ком. т. VI, ч. I, № 134. Поученіе епископа въсѣмъ христіанамъ княземъ и вѣщъ прав. христіаномъ въ рук. Кир. библ. № 41/1112 л. 125—132. Здѣсь, о властяхъ говорится, что они вели дурной образъ жизни «житіе имуще скверно и прелюбодѣйно, женамъ сквернаше и дѣвства, тлше и волочаще, къ сему суть живци и ино зло творщице тай, еже срамно писати и глаголати». Сочин. Максима Грека ч. II, 334. Приложение № XXVI, VI.

ній бѣсовскихъ веліе сокровище бываеши, къ плотскимъ и мимо-текущимъ весь преклонился, и присно къ блудницамъ зряй, и самъ себе многимъ блудницу сотвори»¹. Многіе изъ русскихъ князей и вельможъ того времени вели развратный образъ жизни, отчасти вынужденные обстоятельствами. Многіе изъ нихъ, занятые государственною службой, принужденны были оставлять своихъ женъ и на новомъ мѣстѣ своего служенія оскверняли себя гнуснымъ распутствомъ и тамъ на сторонѣ заводили себѣ любовницъ². Развратъ въ древне-русскомъ обществѣ увеличивался и отъ разныхъ другихъ условій, въ которыхъ находилась тогдашняя общественная жизнь. Нѣкоторые напр. долго не вступали въ бракъ и жили развратнымъ образомъ³. Притомъ, въ низшемъ классѣ русскаго общества существовалъ нѣсколько своеобразный взглядъ на церковный бракъ. Многимъ изъ нихъ представлялось, что освященіе церковію брака чрезъ совершеніе надъ нимъ вѣчанія безусловно обязательно только для князей и бояръ, а не для простыхъ людей. Нѣкоторые дѣйствительно осуществляли такой взглядъ на дѣлѣ, въ жизни, и женились безъ вѣчанія и церковнаго благословенія, что, конечно, съ религіозно-нравственной точки зрѣнія было не болѣе какъ развратомъ, любодѣяніемъ. Особенно это практиковалось на окраинахъ Россіи⁴. Въ XV—XVI в. сохранялись еще въ русскомъ народѣ нѣкоторые праздники съ языческимъ характеромъ,

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 410.

² Герберштейнъ. Записки о Москвитинѣ, въ переводѣ Анонимова, 75.

³ Рукоп. М. Д. А. № 134/III. Волос. л. 218—219. Статья о церковныхъ несправленіяхъ, писанная предъ энѳохіею стоглаваго собора. Здѣсь, въ числѣ аномальностей современной жизни выставляется и то, что долго не женятся и живутъ «блудиво».

⁴ Посланіе митрополита Іоны отъ 1456 г. Вятчанамъ. Акты Истор. т. I, № 267, 498. Посланіе Ростовскаго архіеп. Феодосія духовенству отъ 1458 г. Акты Ист. т. I, № 64, 115. Посланіе митрополита Симона въ Пермь къ духовенству и мирянамъ отъ 1501 года. Акты Ист. т. I, № 112, 166—169. Посланіе м. Фотія отъ 1410 г. Новгородцамъ о соблюденіи законоположеній церковныхъ. Акты Археогр. Эксп. т. I, № 369, 461—463. Памятники отречен. русской литературы и древности, изд. Тихомировымъ, т. II, М. 1863. Худые инокашницы, 293. Грамота архіеп. Новгородскаго Макарія отъ 1534 г. въ Вотскую землю. Дополн. къ актамъ историч., т. I, № 28, 27—30. Грам. Новг. архіеп. Феодосія отъ 1548 г. въ Воцкую пятину о разрушеніи языческихъ обрядовъ. Дополн. къ актамъ истор., т. I, № 43, 54—60. О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи, Прав. Соборѣ. 1863, ч. II, 228 Приложение № XXVI, II.

хотя они и приурочивались уже къ праздникамъ христіанскимъ, которые вносили собою въ народъ сильную нравственную распущенность и до нѣкоторой степени освящали собою общественный развратъ. Таковыми чисто народными празднествами были русальный день, совпадавшій со днемъ рождества св. Іоанна Крестителя, день коляды, отпавлявшійся въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія, и день поминовенія усопшихъ предковъ, происходившій въ Троицкую Субботу. На этихъ празднествахъ собирались массы народа обоого пола, веселились, плясали, здѣсь происходили разныя игры и тутъ же происходили сцены открытаго разврата ¹.

Общая грубость нравовъ, одностороннее, формальное пониманіе нравственности способствовали тому, что на Руси образовался очень снисходительный взглядъ на развратъ. Общественная снисходительность дошла до того, что мужичій развратъ и не выѣнился даже въ особенное преступленіе ². Нѣкоторые, ведя безнравственный образъ жизни, успокоивали свою совѣсть соблюденіемъ внѣшнихъ религіозныхъ формальностей, напр. снимали съ себя крестъ и заѣзживали св. иконы—въ то время, когда готовились къ грѣшному дѣлу ³. Усвоенная односторонне, въ смыслъ преобладанія формализма, религіозность служила въ данномъ случаѣ для многихъ русскихъ оправданіемъ и защитою ихъ безнравственности. М. Даниилъ глубоко огорчался такимъ превратнымъ пониманіемъ нравственныхъ обязанностей и сильно обличалъ за это

¹ По свидѣтельству памятникѣвъ XVI в. тутъ было «мужемъ и отрокомъ великое прельщеніе и наденіе, и женамъ мужатымъ беззаконное оскверненіе и дѣлаи растѣвеніе». Посланіе игумена Навочила Исковскаго намѣстнику и властямъ о прекращеніи народныхъ игрищъ въ день Рождества Іоанна Крестителя. Дополн. къ акт. ист., т. I, № 22, 18—19 отъ 1503. Стоглавъ, изд. Кожанчикова, 140—141. Посланіе Θεοδοσία, архіеп. Новгородскаго, въ рукоп. Соф. Новг. библ. № 1480, л. 104—107.

² Герберштейнъ. Записки о Московіи, 73—80. Снисходительность къ разврату простиралась до того, что развратниковъ признавался лишь тотъ и тогда, «аще ли отъ множества кельеи, ни поне число (простуковъ противъ цѣломудрія), сей есть блудникъ». Рукоп. Соф. библ. № 1466, л. 130. 126—127. Приложение № XXV, II.

³ Это видно изъ слѣдующихъ наставленій древне-русскихъ книжниковъ: «аще иконы въ кѣли и крестъ чести ии мужу съ женою достонѣ быти, не въ грѣхъ бо своя жьна, а холостымъ съ чуждою не быти» Рук. Соф. библ. № 1466, л. 201. Заповѣди св. отца отъ правилъ свратѣй противу согрѣшеніемъ всѣмъ православнымъ христіаномъ. Изд. второе № XXVI, V.

своихъ современниковъ. Послѣ обличенія ихъ въ томъ, что они «присно зрять къ блудницамъ», пастырь съ горечью въ душѣ продолжаетъ далѣе: «и еще всего окаяниѣ, яко нимаа рыдаеши, и плачеши, *но яко нечувственъ пребываа, аки ничтоже зла сотвориа, ничтоже согрѣшиа*, яко свинія въ калѣ увалився жируши, умъ же имущи и о воззрѣніи неподобномъ не мало плачуще рыдаютъ и слезы изливаютьъ, ибо Господь на сіа немало осужденіе положи... ты же сіа ни во что полагаеши» ¹.

Не спасалась отъ разврата и древнерусская женщина. Униженная и постоянно оскорбляемая своимъ мужемъ, она за свое рабство и униженіе мстила своему мужу тайною измѣною, а иногда доходила даже до крайняго разврата ². Женщины высшаго круга были въ высшей степени стѣснены и заперты въ своемъ теремѣ и за ихъ поведеніемъ наблюдали весьма тщательно ³. Но ни терема, ни запоры не спасали женщину отъ паденія. Въ противовѣсъ рабству, какое жена выносила отъ своего мужа, въ ней рождались и развивались коварство и обманъ. Эти свойства достигали у женщинъ самыхъ утонченныхъ формъ, и ими-то онѣ пользовались для того, чтобы отыскать себѣ любовника на сторонѣ помимо мужа. Какъ и у мужа, и здѣсь у жены роль пособниковъ и пособницъ играли слуги и служанки. Они вводили въ домъ разныхъ торговъ, гадальницъ и пр., которыя составляли особый классъ женщинъ извѣстныхъ тогда подъ названіемъ «потворенныхъ бабъ, что молодыя жены съ чужими мужи сваживаютъ». Потворенныя бабы вели свое занятіе съ правильностію ремесла и очень искусно вѣдрялись въ дома, прикидываясь тѣмъ угодно и тѣмъ нужно. Онѣ вторгались въ дома знатныхъ иногда въ видѣ богомолокъ, заводили сначала знакомство со служанками дома, а тамъ доходили до госпожъ. Нѣкоторыя изъ такихъ пособницъ разврата доводили свое ремесло до такого искусства и утонченности, что разомъ одна и таже женщина тайно служила мужу отъ жены и женѣ отъ мужа. Русскія

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 410. Чтеніе этого мѣста правильнѣе по рукоп. Москов. Синод. библ. № 985, л. 278.

² Чудиновъ. Очеркъ исторіи русской женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ, изд. 2, СПб. 1873, 47.

³ Павелъ Ювій. Библиотека иностранныхъ писателей о Россіи, т. I, СПб. 1836, 51.

женщинамъ не были недоступны и для иностранцевъ. Въ простомъ народѣ развратъ иногда принималъ наглые формы ¹.

Нравственный упадокъ древне-русскаго общества не выражался въ одной своей естественной формѣ. Въ XVI в. развитъ былъ порокъ «содомства», или мужеложства. Рѣдко можно встрѣтить хоть одно древнее слово съ обличительнымъ характеромъ, гдѣ бы не бичевался этотъ ужасный порокъ своего времени ². Замѣчательно, въ то время, когда простой народъ погрязалъ въ грубомъ, хотя и въ естественной его формѣ, развратѣ, высшіе, привилегированные слои общества (боярство) изощрялись болѣе въ противоестественныхъ формахъ этого порока ³. Одно посланіе м. Даниила представляетъ наглядный примѣръ, до какихъ дурныхъ послѣдствій доводила эта страсть мужеложства въ частныхъ случаяхъ, у отдѣльныхъ лицъ. Какое-то благородное лицо, находясь въ самомъ край-

¹ Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в. Костомарова 103—110. Для характеристики древне-русскаго общества съ разсматриваемой стороны См. Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, ч. III, № 60 243—246. Павелъ Іовій. Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, т. I, СПб. 1836, 51.

² Рукоп. Импер. Пуб. библ. Q. I, № 308, л. 321. Слово св. отецъ како жити христіаномъ. Прав. Соб. 1859, ч. I, 471—472. Съ этой стороны замѣчательное «поученіе епископа евъѣ христомлюбивымъ княземъ и евъѣ православнымъ христіаномъ и боголюбивымъ» (XV в.), въ которомъ авторъ говоритъ между прочимъ въ обличительномъ тонѣ, «что его современники въ телесныя нечистоты себе ввергше и самому естеству безстыднѣ творять чрезъ естественное беззаконіе, содомскую, реку, пагубу, ей же и въ безсловесныхъ нѣсть»..., что они жили «житіе пуще скверно и прелюбодѣйно, жены скверяюще и дѣвства тлеще и возочаше, къ сему суть иници и ино зло творяще тамъ, еже срамно писати и глаголати»... Рукоп. Кир. библ. № 81/113, л. 125—132. ср. Русск. Истор. библ. т. VI, ч. I, № 123, 847—856.

³ Въ посл. къ великому князю Василию Іоанновичу старца Филовея «о содомскомъ блудѣ» читаемъ: «сія мерзость (содомство) умножися не токмо въ мірскихъ, но и въ прочихъ, е въ нихъ же помолчу, чтый же да разумѣтъ»... Рукоп. Импер. Пуб. библ. изъ древлехр. Погодина № 1294 л. 47. Здѣсь не указано имени автора посланія и самое посланіе Филовея помѣщено далеко не въ цѣломъ его видѣ, а изъ него заимствовано только то, что касается содомства и соответственно заимствованію дано и названіе посланію. Въ полномъ видѣ посланіе Филовея издано въ Прав. Соб. 1863, ч. I, 337—348. Неизвѣстный авторъ посл. къ Іоанну Грозному такъ говоритъ о содомствѣ своихъ современниковъ: «доброе хулять женитву, а злое хвалить прелюбодѣйніе—содомскій грѣхъ. Тьмою зоветь жену, а свѣтомъ зоветь дѣтину». Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1874, кн. I, отд. 1, 81.

немъ состояніи своего нравственнаго паденія, обратилось къ митрополиту и искало у него благочестиваго совѣта. Этотъ несчастный вполнѣ сознавалъ и испытывалъ на своемъ организмѣ пагубное вліяніе порока, но его страсть развилась уже до того, что онъ не былъ въ состояніи удалить человека, на котораго восходила его душевредная любовь ¹.

И правительство и церковь вооружались противъ гнуснаго порока своего времени—содомства. Пастыри церкви писали посланія, въ которыхъ бичевалось содомство. Таковы посланія: старца Филофея къ в. ки. Василию Іоанновичу ², прен. Максима Грека ³, митрополита Макарія ⁴, неизвѣстнаго къ Іоанну Васильевичу Грозному, приписываемое священнику Сильвестру ⁵. Наконецъ отцы стоглаваго собора открыто жаловались на распространенность содомскаго грѣха ⁶. Весьма много писалъ противъ нравственной распушенности современнаго общества и м. Даниилъ.

Мы уже отчасти встрѣчались съ обличеніями м. Данила, направленными противъ крайней распушенности общества. Слова, равно какъ и посланія его, довольно богаты этого рода обличеніями. Пастырь указываетъ, что многіе изъ его современниковъ убивали свое время «умомъ и сердцемъ и всякими вещми угожая блудницамъ». «Како же цѣломудръ будеши», обращается митрополитъ къ недостойнымъ поклонникамъ грубой чувственности, «а ты весь къ женамъ уклонился еси? Какоже чистоту сохраниши, красносіяющія лица обзираеши? Какоже умиленіе сердечное пріимеши, а ты съ отрокомъ доброзрачнымъ водворяешися, и бѣдлуеши и свѣтлость лица ихъ любиши смотрити?» ⁷ Въ противовѣсъ нравственному упадку общества Даниилъ въ своихъ словахъ и особенно посланіяхъ излагаетъ самыя настойчивыя увѣщанія къ сохраненію

¹ Рук. Новг. Соф. библ. № 1281, л. 292.

² Рук. Импер. Пуб. библ. изъ древнехр. Погод. № 1294, л. 46.

³ «На потопляемыхъ и погибаемыхъ безъ ума богомерзкимъ, гнуснымъ содомскимъ грѣхомъ въ мукахъ вѣчныхъ». Соч. М. Гр. ч. II, XIX, 251—260. Рук. Импер. Пуб. библ. f. 1, № 241, изъ собр. гр. Толстаго, отд. I, № 31, л. 616—622.

⁴ Никонов. лѣтоп., ч. VII, 111—113. Акты истор. т. I, № 159. отъ 1552 г.

⁵ Рукоп. Соф. библ. № 1281, л. 359—382. Напечат. въ Чт. Общ. ист. и древн. Росс. 1874, кн. I. Ст. А. Леоніада: Сильвестръ и его писанія.

⁶ Стоглавъ. изд. Кожанчикова, 109—110; изд. Казанск. акад., 140—141.

⁷ Рукоп. Москов. Духовн. Акад. № 197, л. 457.

цѣломудрія, физической чистоты. Среди посланій Даниїла находится много такихъ, которыя посвящены специально совѣтамъ и наставленіямъ о цѣломудріи и указаніямъ средствъ для успѣшнаго достиженія этой цѣли. Съ такимъ содержаніемъ написаны слѣдующія его посланія, самыя названія которыхъ уже отчасти указываютъ и на предметъ ихъ. Таковы посланія: «о духовномъ вниманіи и трезвѣніи и бжеженіи» ¹; «о цѣломудреннемъ и благоговѣніемъ житіи» ², «о блуднымъ помыслахъ» ³, «о цѣломудріи и о чистотѣ и о храненіи дѣвства», «о цѣломудріи и чистотѣ», «яко душевредно есть совокуплятися и бесѣдовати съ женами и съ мужи женовидными» ⁴, и проч. Какъ въ этихъ посланіяхъ, такъ и во многихъ другихъ, равно какъ и въ словахъ м. Даниїла въ изобиліи разбросаны наставленія о цѣломудріи и объ условіяхъ для сохраненія его. Особенное вниманіе во взглядѣ Даниїла на цѣломудріе заслуживаютъ тѣ условія, какія предлагаются имъ какъ практическія средства для сохраненія цѣломудрія. Кромѣ общихъ наставленій для цѣломудренной жизни угождать Богу и исполнять Его святаго заповѣди и т. под. пастырскихъ совѣтовъ, одинаково приложимыхъ ко всякому другому нравственному явленію, Даниїлъ указываетъ три частныя условія, которыя помогаютъ человѣку вести жизнь цѣломудренную. Прежде всего человѣкъ въ предохраненіе себя отъ нравственнаго паденія долженъ стараться удалять и отсѣкать отъ себя всякіе нечистые помыслы и главное — начала ихъ или такъ называемые прилоги ⁵. Всякіе мысли, особенно дурныя, являются у человѣка тогда, когда умъ его не занятъ чѣмъ-либо серьезнымъ. Поэтому вторымъ условіемъ, споспѣшествующимъ сохраненію нравственной чистоты, служитъ требованіе никогда не оставлять умъ свой празднымъ; чему можетъ помогать занятіе въ свободное отъ житейскихъ заботъ и трудовъ время изученіемъ Свящ. Писанія, пѣніемъ, славословіемъ, молитвами и т. п. ⁶. Допустимъ, что человѣкъ

¹ Рукоп. Импер. Пуб. библ. изъ древле-хран. Погодина № 1149, 216—217.

² Рук. Соф. библ. № 1281; л. 296—297.

³ Рук. М. Д. А. № 435/146; л. 45—54.

⁴ Рук. Соф. библ. № 1281, л. 287—308, 294—296, 291—294.

⁵ «Подобаетъ елика сила сопротивлятися сквернымъ и лукавымъ помысламъ. Тѣмъ же начало принедаго помысла отсѣкати подобаетъ, еже глаголется прилогъ. Иже бо первому сопротивляяйся, спрѣчь прилогу, помысла вся послѣдняя единою отреза». Рукоп. Соф. библ. № 1281, л. 294.

⁶ «Никогда же да не поглаблѣши почивати уму своему, но всегда убо въ умѣ

развиѣтъ у себя настолько силу воли, что онъ можетъ, когда онъ одинъ, отгонять отъ себя дурные помыслы. Но иное дѣло бываетъ, когда онъ находится въ обществѣ другихъ людей. Здѣсь могутъ быть разсужденія самаго разнообразнаго, иногда довольно соблазнительнаго свойства, которыя могутъ дурно повліять на нравственное чувство присутствующихъ и повести ихъ на путь соблазна. Въ предупрежденіе этого Даниилъ указываетъ на третье новое средство, благотѣльнымъ образомъ дѣйствующее на нравственность, это—удаленіе отъ худыхъ обществъ и нецѣломудренныхъ бесѣдъ и разсужденій и особенно общества женщинъ и доброзрачныхъ отроковъ, хотя бы эти послѣдніе имѣли въ виду чисто религіозныя побужденія, въ то время когда вступаютъ въ разсужденія ¹. Даниилъ запрещаетъ даже одно воспоминаніе о женщинахъ и отрокахъ, хотя бы тѣ и другіе являлись въ сознаніи человѣка окруженными не иначе, какъ самыми достойными качествами и святостью ². Последнее условіе, способствующее къ цѣломудренной жизни, состоитъ избѣгать дурнаго общества и особенно женщинъ и отроковъ, по взгляду Даниила, самое существенное. Онъ настаиваетъ на немъ съ особенною силою. Для него оно казалось самымъ первымъ условіемъ нравственной жизни человѣка и онъ не допускалъ мысли, чтобы человѣкъ, вращаясь въ такомъ опасномъ обществѣ, могъ остаться цѣломудреннымъ. Этимъ объясняется и чрезвычайная настойчивость Даниила, съ которою онъ относится къ своему требо-

нашему благимъ поучатся должны есмь, даже (дабы) лукавымъ не научаемся... и подвизаемъ ума нашего на поученіе и послушаніе божественныхъ словесъ, на пѣніе, славословіе... и на прочитаніе, и на помышленія благая; аще ли же въ лукавая и скверная помышленія умъ нашъ спадетъ... и мы воскорѣ подвизимся возвести же ума нашего или въ исавомъ, или въ стихъ, тропаря и сѣдазмы, или изучити что отъ писаній изъ устъ и въ спѣхъ умъ полагаая». Рук. № 1281. л. 294—295.

¹ «Всею силою не восхощи слышати», поучаетъ Даниилъ, «неполезныхъ бесѣдъ, пже воздвигнуть страсти, отъ слышанія и глаголанія, отъ блудныхъ и сѣдомскихъ рѣчей, требѣсть есть отъ таковыхъ соблюдатися, отъ зрѣнія женскихъ лицъ, добродѣотныхъ женовидныхъ отвращай свои очи». Рукон. № 1281, л. 295.

² Когда человѣкъ находится наединѣ и ему «аще отъ забытія злаго приидеть воспоминаніе пришедшее отъ сатаны, женскихъ и отрочатъ живыхъ доброзрачныхъ лицъ, аще и благочестивыхъ помъ, аще и не страстно возникнетъ намъ воспоминаніе о нихъ, но ты не ими вѣрш... сѣтъ бо есть сатанина». Рукон. № 1281, л. 295. Эти слова очень сходны со словами Нила Сорскаго. Преп. Нила Сорскаго преданіе ученикамъ о жителствѣ епитимномъ, 79, М. 1849. Это сходство объясняется однимъ и тѣмъ же источникомъ (твореніе одного св. отца), которымъ одинаково пользовались какъ преп. Нилъ Сорскій, такъ и м. Даниилъ.

ванію чуждаться женскаго и отроческаго общества. Рѣдко можно найти посланіе, гдѣ бы онъ не высказывалъ своего совѣта бѣжать отъ женщинъ и доброзрачныхъ отроковъ.

Нравственная пригодность и достоинство пастырскихъ совѣтовъ м. Даниїла объ условіяхъ, содѣйствующихъ сохраненію цѣломудрія несомнѣнны. Что касается до ученія его о прилогахъ и о плѣненіи, то оно не есть самостоятельное его ученіе, а буквально заимствовано имъ изъ святоотеческихъ твореній (Филовея Синаита).

Часто одна крайность вызываетъ собою другую, такъ по крайней мѣрѣ случилось съ митрополитомъ Даниїломъ. Его поражала нравственная распущенность современниковъ. Изыскивая средства для поднятія нравственности въ обществѣ, и изучая для этого аскетическую литературу съ цѣлію позаимствоваться отсюда практическими наставленіями, Даниїлъ увлекся аскетическимъ ученіемъ о духовной брани, о борьбѣ съ лукавыми помыслами и подъ непосредственнымъ вліяніемъ и проникнутый ея идеями, онъ въ одномъ своемъ посланіи проводитъ взглядъ, противный началамъ истинно христіанской нравственности, *допуская возможность оскотленія*. Въ отношеніи отдѣльныхъ личностей, которыя по своему нравственному состоянію были на краю гибели и уже для нихъ потеряли значеніе, всякія другія средства исправленія—для такихъ м. Даниїлъ не считаетъ *предосудительнымъ* употреблять для искорененія блудной страсти *оскотленіе*. Въ одномъ своемъ посланіи (тринадцатомъ), гдѣ онъ между прочимъ трактуетъ о цѣломудріи и чистотѣ, онъ, какъ нравственные примѣры, вводитъ въ свои разсужденія три аскетическіе разсказа, въ которыхъ одобряется оскотленіе. Таковъ напр. разсказъ о постникѣ Изіѣ, который былъ оскотленъ тремя ангелами. Той же самой тенденціей, имѣвшей въ виду оправдать оскотленіе, проникнуты и другіе два подвижническіе разсказа¹. Даниїлъ самъ непосредственно не высказывается въ пользу оскотленія, онъ только представляетъ примѣры, которымъ могъ слѣдовать и не слѣдовать тотъ, кому обращено посланіе. Но одно то уже, что онъ отвелъ у себя мѣсто подобнымъ разсказамъ, достаточно ясно говорить въ пользу солидарности съ ними митрополита. Значить и Даниїлъ въ крайнемъ случаѣ до нѣкоторой сте-

¹ Рук. № 1281 л. 334—335. Подробное изложеніе этого ученія сдѣлано будетъ ниже при изложеніи 13-го посл. Даниїла.

пени склонялся въ пользу возможности оскотченія, и это тѣмъ болѣе будетъ вѣроятно, если мы примемъ во вниманіе отсутствіе въ сочиненіяхъ Данила критическаго отношенія къ священнымъ авторитетамъ, когда онъ и евангельскія и апостольскія изреченія, и простыя старческіе и подвижническіе рассказы ставитъ почти подъ одинъ уровень и обозначаетъ и тѣ и другіе авторитетнымъ названіемъ «божественныхъ писаній».

Въ соціальной жизни древне-русскаго общества существовало не мало условій, способствовавшихъ такъ или иначе его нравственной деморализаціи. Къ числу такихъ условій относится особенная черта русскаго народа—нерасположенность его къ настойчивому труду. Высшій классъ общества даже презиралъ всякій серьезный трудъ. Достоинствомъ значительнаго человѣка составлялись недѣлятельность, изнѣженность, неподвижность. Занятіе ремеслами, торговлей считалось достояніемъ только низшихъ классовъ. Для значительнаго лица это казалось униженіемъ дѣломъ. Случалось часто, что лишь только бѣдному простаку поблагопріятствуетъ счастье и онъ тотчасъ же усволяетъ себѣ неподвижность, тяжеловатость богатаго или знатнаго лица. Поэтому намъ вполне становятся понятными обличенія м. Данила, которыя отличаются рѣзкостью своего тона. «Всякъ дѣлится, такъ наприимѣръ пишетъ митрополитъ въ одномъ мѣстѣ, учиться художеству, вси бѣгаютъ рукодѣлія, вси щипаютъ торгованіи, вси поношаютъ земледѣлателью». Для богатыхъ и знатныхъ время проходило большею частію въ праздности. Представители русской знати и капиталовъ, по вполне справедливымъ словамъ, Данила, «всѣе дни своя иждивали». Не занятые ничѣмъ, они безъ серьезныхъ цѣлей блуждали по комнатамъ или по двору, заходили къ своимъ знакомымъ одинаковаго съ ними положенія и здѣсь коротали день въ пересудахъ и пьянствѣ. «Кая тебѣ нужда есть... который же тебѣ прибытокъ есть», спрашиваетъ Данилъ, обращаясь къ празднилюбцамъ своего времени, «праздну всегда быти, или кая тебѣ похвала будетъ якоже предлагаю преходити отъ мѣста на мѣсто?» Еще сильнѣе другое обличеніе митрополита, гдѣ онъ говоритъ: «всегда наслаженія и упитѣнія.... *всегда праздность* и безумная тасканія якоже нѣкихъ мошенниковъ и оманниковъ дѣмонскимъ наученіемъ»¹.

¹ Рухоп. М. Д. А. № 197, л. 487. 484.

Нежеланіе трудиться такъ было развито въ высшемъ классѣ тогдашняго русскаго общества, что многіе изъ промотавшихся или опальныхъ бояръ рѣшались скорѣй просить милостыню и бродить изъ города въ городъ, изъ посада въ посадь, чѣмъ обратиться къ честному труду.

Знатныя женщины слѣдовали въ своей жизни примѣру своихъ мужей. Нерасположенность къ серьезному труду среди знатныхъ женщинъ доходила до пренебреженія самыми естественными своими обязанностями—обязанностями матери. Знатной женщинѣ считалось неприличнымъ самой кормить грудью своихъ дѣтей. За нихъ это дѣло исполняли няньки и мамки изъ ихъ же дворовыхъ. Въмѣсто того чтобы заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей, русскія боярыни заботились объ увеличеніи массивности и дородности своего тѣла. Онѣ нередко пили особаго рода водку, или по цѣлымъ днямъ лежали на кровати, и все это онѣ дѣлали для того, чтобы потолстѣть и тѣмъ привлечь на себя вниманіе мужчины¹. Конечно, все, что здѣсь говорится о празности и лѣни русскаго народа, все это относится только къ высшему и богатому его классу, въ сферѣ котораго приходилось болѣе всего вращаться м. Даниилу. О бѣдномъ классѣ нѣтъ слова. Бѣдняки, мужчины и женщины, одинаково, работали какъ волю.

Митрополитъ Даниилъ оставилъ послѣ себя особое поученіе, въ которомъ онъ вооружается противъ врожденной склонности русскаго человѣка къ лѣни и убѣждаетъ по возможности избѣгать ея.

Наставленіе этого рода всѣ сгруппированы въ наказаніи шестнадцатаго слова. «Возлюби страданіе и трудъ и смиреніе... поучаетъ митрополитъ, лѣнность бо многихъ погуби тунеядѣніе... вся изнури»¹. Трезвитесь, подвижайтесь говорится нѣсколько ниже, никтоже буде тунеядецъ, никтоже буди празденъ, праздность бо

¹ Костомаровъ. Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в. 99—101. 118. 107. 94. 110. Изъ словъ одного древняго моралиста видно, что много было въ то время такихъ женщинъ, иже своихъ чадъ небрегуще донти, но рабыня молокомъ питающе и и даромъ Божіимъ мечущися. Рукоп. Новг. Сов. библ. № 1285 л. 34. Поученіе къ дѣтемъ духовнымъ. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Калачевымъ. Кн. II, полов. 2. отд. IV. Русскія пословицы и поговорки Буслаева. 98.

¹ Рук. Москов. Синод. быв. Патріар. библ. № 605/237 нов. кат. л. 332—333.

всѣмъ злымъ ходагайствена есть». Митрополитъ представляетъ назидательныя соображенія, изъ которыхъ онъ выводитъ необходимость труда для человѣка. Трудъ, по взгляду Даниила, составляетъ самое первое призваніе и назначеніе человѣка, пока онъ призванъ жить на землѣ. «Въ раю, говоритъ онъ, повелѣ Богъ Адаму дѣлать и рай храниги; по изгнаніи же оттуду въ трудѣхъ и потѣхъ лица хлѣбъ ясти повелѣ ему Господь, а яже къ Адаму реченная, ко всѣмъ речена быша, и сынове того и внуци, иже добръ разумѣвающи о Господи, никогдаже праздни бываху отъ трудовъ и постовъ. Призваніе человѣка трудиться освятилъ наконѣцъ самъ Господь І. Христосъ, Его св. Апостолы и Его Пречистая Матерь. «Господь убо», продолжаетъ далѣе митрополитъ, въ плотскѣхъ смотрѣніи, по первому возрасту родителей повинуюся и всякъ трудъ тѣлесенъ кротко, и смиренню, и благопокорно съ ними носаше; и егда прииде время, и ученики пріемъ негордостно и щадливо и бездѣльно: рече бо Азъ есмь посреде васъ яко служай, и не прииде да послужать Ему, но да послужитъ (Мѣ. XX, 28; Лук. XVII, 27), и овогда умывая нозѣ ученикомъ, и безъ лѣности мѣсто отъ мѣста пѣшь преходя тружаяся нашего ради спасенія образъ дая намъ. И Пречистая Богородица никогдаже бездѣльна и праздна пребываше, но въ постѣ, и во бдѣніи, и рукодѣліи, сице и Апостолы дѣлающе рече своими руками...» Нравственный долгъ постоянно трудиться Даниилъ въ одинаковой мѣрѣ распространяетъ на всѣхъ людей, къ какому бы званію и состоянію они ни принадлежали. «Будемъ дѣлатели зановѣдемъ евангельскимъ, поучаетъ онъ, и въ неже кто званъ бысть въ томъ да пребываетъ: властель-ли еси, судія-ли еси, воинъ-ли еси, послушникъ-ли еси, купецъ-ли еси, рукодѣльникъ-ли еси, земледѣтель-ли еси, ловецъ-ли еси, бортникъ-ли еси, каменосѣчець-ли еси, кузнецъ-ли еси, швецъ-ли еси, древодѣль-ли еси, писецъ-ли еси, зодчій-ли еси, философъ-ли еси, и прочіи вси пріемшии отъ Господа художество тружайтеся, дѣлайте не яко рукодѣлію и мамонѣ, но яко Богу рабающе и внимающе, и сице отъ труда своего по силѣ Божественнѣй церкви, и нищимъ, и страннымъ и на своя potreбы и проторы издающе».

Праздность предрасполагала къ разнаго рода слабостямъ и порокамъ. Действительно, древніе русскіе бояре и богачи не рѣдко убивали своя досуги на чувственныя удовольствія. У нихъ большое значеніе имѣлъ столъ, который поглощали у нихъ не мало времени и капиталовъ. Русское хлѣбосольство издавна из-

вѣстно. Русскіе вообще любили плотно покушать, особенно если положеніе человѣка представляло къ тому возможность и находились средства.

Одинъ боярскій обѣдъ состоялъ изъ такого множества блюдъ, что не ошибаясь можно сказать, что онъ могъ вполне удовлетворить аппетитъ цѣлаго десятка людей. Русскіе столы вообще отличались большимъ количествомъ блюдъ ¹. Теперь для насъ вполне понятны становятся обличенія м. Данила когда онъ напр. говоритъ: «кая убо сія еже не безсловесне убыточная и проторная творити, кая убо естъ муча много и сладостное и раздрающая ястіе и питіе имѣти выше мѣры»? ². Богатые и знатные держали у себя большое число прислуги, измѣряя честь и значеніе свое огромнымъ количествомъ дворин. Самые простые будничные обѣды бояръ требовали значительныхъ рукъ.

Въ зажиточномъ домѣ было нѣсколько чиновъ, специально назначенныхъ заботиться о боярской кухнѣ, которые при обѣдѣ и выстраивались всѣ передъ бариномъ. Ключники напр. стояли въ поварнѣ при отпускѣ кушаньевъ, дворецкій при самомъ столѣ. Нѣсколько слугъ носили кушанья изъ поварни; ключники и дворецкій, принимая ихъ, разрѣзывали ихъ на куски, отиѣдывали и тогда уже отдавали слугамъ ставить предъ господами ³. При такой постоянной церемониальности барскаго стола, при обилии блюдъ, можно себѣ составить приблизительное понятіе о той суетѣ и хлопотахъ, которыми занята была боярская кухня, если при этомъ взять во вниманіе то обстоятельство, что русскіе тогдашняго времени кушали три, а уже никакъ не менѣе, какъ два раза въ день. Митрополитъ Данилъ рисуетъ не безынтересную картину кухонной суеты знатнаго боярина. «Вчера и днесъ, говоритъ онъ, повари въ поварню стекаются, и сію украшаютъ, и свиты измѣняютъ, и руцѣ простираютъ, и листы укрѣпляютъ, и ножи острятъ, и дрова накладываютъ, и огонь вжигаютъ, и котлы наставляютъ, и сковрады и горницы постоваютъ, къ насыщенію чрева пищу

¹ Павелъ Іовій. Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи т. I, Спб. 1836 г. 48—49.

² Рукоп. М. Д. А. № 197 л. 436.

³ Костомаровъ. Очеркъ домашней жизни и правовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в. 95—96.

готовятъ, и сими наслаждается и укрѣпляется тѣло и потомъ къ истлѣнію сводится. И колико тѣшаніе и подвиги имать пища и питіе, продолжаетъ онъ далѣе, коликоже сребра и злата на сіе исчезаетъ, и колики подвиги, и поты, и труды, и болѣзни приѣмлютъ чреворабоующи...¹. Была и другая причина, по которой древняя русская знать такъ любила обильные столы. У русскихъ въ то время не было развито эстетическое чувство. Бояринъ также не отличался отъ простолюдина и образованіемъ. Однако нужно было сдѣлать отличіе между тѣмъ и другимъ классомъ. И вотъ русскіе бояре усвоили себѣ взглядъ на аристократизмъ и знатность, полагая ихъ въ дородности и тучности тѣла. Считалось даже признакомъ дурнаго тона имѣть ограниченный немногими блюдами обѣдъ². Такимъ образомъ и съ этой стороны боярамъ и богачамъ приходилось обращаться къ обильному столу. По желанію дородства и виѣшней представительности русскіе бояре и богачи считали одною изъ серьезныхъ своихъ обязанностей заботиться объ устройствѣ своей кухни. Они дѣйствительно, по словамъ Даниила имѣли большое «тѣшаніе и учрежденіе о брашнахъ и питіяхъ» въ тѣхъ видахъ и расчетахъ, что «земная плодоприношенія, и часта и различна питанія укрѣпляютъ, и услаждаютъ, и утучневаютъ» ихъ организмъ. И вотъ представители и руководители русскаго народа посвящали свои досуги на то, чтобы «насыщать безпрестани тѣло и утучневати» и это между прочимъ для того, чтобы «утучнивающееся отъ плотскаго наслажденія тѣло» ихъ производило подавляющее впечатлѣніе на маленькій народъ, и поражало его обиліемъ «крови» и блескомъ «чермленія ланить и многоплотіемъ»³. Противъ склонности русскихъ къ «тучнымъ трапезамъ» митр. Даниилъ вооружается и въ нѣкоторыхъ своихъ посланіяхъ. «Каа убо польза, рцы ми, спрашиваетъ пастырь чревоугодника своего времени, паче потребы растерзоватися, и утучневати, и укрѣренное преходити, сіе бо и тѣло оскверняется, и душевное благородіе погубляется, и добродѣтель испражняется, и отъ Бога отлучается, сіе въ рай руку къ древу простерти сотвори»⁴. Въ данномъ случаѣ

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197. л. 333. Эта великодушная картина взята прямо изъ жизни, ср. Домострой, М. 1849. 82.

² Костомаровъ 80. 132. Приложение № XXIII.

³ Рукоп. М. Д. А. № 197. л. 334.

⁴ Рукоп. Новг. Соф. библ. № 1281. л. 338.

обличительный тонъ словъ Данила по необходимости не могъ быть особенно сильнымъ, такъ какъ, самъ митрополитъ отличался, по свидѣтельству иностранцевъ, также тучностію своего тѣла.

Еще большую нравственную деморализацію вносило въ русскую общественную жизнь пьянство. Русскій народъ издавна славился своею любовью къ вину¹. Пили всѣ почти одинаково: князья и бояре, дѣти боярскіе; женщины мало отставали отъ мужчинъ въ пьянствѣ. Даже малолѣтнія дѣти и тѣ рано приучались къ вину, и что всего удивительнѣе учителями ихъ въ этомъ дѣлѣ являлись сами же ихъ родители². Наклонность къ вину иногда заявляли и представители церкви епископы, а простое низшее духовенство даже перешагивало другія сословія въ расположеніи къ пьянству³.

Пьянство въ русскомъ народѣ пользовалось исключительнымъ положеніемъ. Для него не существовало никакихъ запрещеній въ родѣ постовъ: пили и въ теченіе постовъ. Временемъ самаго отчаяннаго разума служили праздники. По народному представленію ничѣмъ такъ нельзя почитать праздника, какъ пьянствомъ⁴. Праздники на народномъ языкѣ такъ и обозначались временемъ питья⁵.

¹ Рукоп. Импер. Публ. библ. F. 1. № 233 л. 202 Слово о пьянствѣ Григорія Богослова ко всѣмъ христіаномъ, русское.

² Поученіе къ паремъ, княземъ, епископомъ, и попомъ и всѣмъ христіаномъ еже неумиваться. Рукоп. Импер. Публ. библ. Q. 1. № 331, л. 166. Стоглавъ, изд. Кожанчикова. 137—138. Костомаровъ, 132—133

³ Памятники отреченной русской литературы. изд. Тихомировымъ т. II, М. 1863. 394. Чтен. въ Общ. истор. и древн. Росс. 1847. № 7. Преніе Данила митроп. съ Максимомъ Грекомъ Сочиненія Максима Грека ч. II, 22. 39. 219. Курбскій Сказаніи князя Курбскаго. Его свидѣтельство о Никандрѣ, архіеп. Ростовскомъ. 135. Акты истор. т. 1. № 109, 1490 г. 159. Прав. Соб. 1861 г. ч. 1. 445. Приложение № XXIV.

⁴ Рукоп. Свѣтской библ. № 1289 л. 16—18. Поученіе отца духовнаго къ дѣтямъ. Сочиненія Максима Грека ч. II, 218. Гербештейнъ. Записки о Москвитинахъ. Извращеніе значенія праздниковъ справедливо возмущало многихъ пастырей церкви. см. напр. Рукоп. Импер. Публ. библ. Q. 1. № 255 л. 253. Поученіе св. отецъ о праздникахъ Господскихъ.

⁵ Егда придетъ время питью, тогда всяка пианица возрадуется, читаемъ мы въ одномъ древнемъ памятникѣ, а егда придетъ постъ, тогда скорбѣють пианицы. Рукоп. Кирил. библ. № 49/1118 л. 55. Слово св. Апостоловъ и отцевъ о постѣ. Ср. Пр. Соб. 1895. ч. III. Два древнія поученія о постѣ. 449.

Самое отчаянное пьянство и разгуль происходили на семейныхъ праздникахъ—свадьбахъ, крестинахъ. Отличительною чертою русскаго пиршества было чрезвычайное множество блюдъ и еще больше напитковъ. Самою священною обязанностию каждаго зажиточнаго хозяина было—угостить дорогихъ гостей допьяна и напоить гостей, если возможно до того, чтобы ихъ потомъ безъ памяти отвести восвояси. Кто мало пилъ, тотъ огорчалъ хозяина, а кто пилъ много и съ охотою, то тѣмъ показывалъ видъ, что онъ любить хозяина. Поэтому были случаи, что на пирахъ заставляли пить насильно и даже побоями. Пиршества тянулись очень долго—съ полудня и часто чрезъ всю ночь. Женщины обыкновенно пировали отдѣльно отъ мужчинъ на половинѣ хозяйки. Только уже въ срединѣ пира хозяйка съ женами своихъ сыновей, братьевъ, племянниковъ и вообще родственниковъ, жившихъ не въ раздѣлѣ, выходила изъ внутреннихъ покоевъ съ виномъ и чарками въ рукахъ, которыми запасались и всѣ ея спутницы. Мужья этихъ женщинъ вставали изъ-за стола, становились у дверей и, кланаясь, просили гостей цѣловать ихъ женъ. Гости принимали отъ женщинъ чарки съ виномъ и непременно цѣловались съ каждою изъ нихъ. На пиршествахъ у разгульныхъ людей женскій полъ вовсе не удался. Можно себѣ теперь представить отношенія на пирахъ двухъ половъ. Отъ отуманенныхъ виномъ мужчинъ едва ли возможно было ожидать сколько-нибудь сноснаго и приличнаго обращенія съ женщинами. При видѣ послѣднихъ ихъ инстинкты пробуждались. А обрядъ цѣлованія женщинъ, довольно продолжительный, лишалъ пьяныхъ мужчинъ способности самообладанія, и здѣсь-то происходили сцены циническаго свойства. Тутъ мужчины и женщины подавали другъ другу питье, брались за руки, цѣловались, обнимались, играли и т. п.¹ И вотъ въ это-то время, при общемъ разгулѣ, при взаимномъ возбужденіи мужчинъ и женщинъ, прогрессивно еще усилившемся подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, и происходили тѣ соблазнительныя сцены, одну изъ которыхъ обстоятельно рисуетъ митрополитъ Данилъ. «Жены красны блудница, или ино лице женовидно краснѣющесе видѣвъ, говорить онъ, и свѣтло и мягко тѣло обуюхавъ (обнюхавъ), и притекъ, объежъ, цѣлуеши, мызжеши, и рукама осязаеши, и толико безстудентъ и безументъ бывъ бѣсовскою

¹ Костомаровъ, 135. 196—197. Забѣлякъ. Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, ч. I, М. 1872. 187—188. Слово о корчахъ и о пьянствѣ. Приложение № XXII.

любовію восхитився къ ней, аки бы ея внутрь себе вмѣстити, сице помраченъ сый; якоже отъ безсловесныхъ бывая, аки жребецъ нѣкій сластію яростивый рзая и сластію распаляся, аки огнемъ гора, яко вепрь къ свиніи своей похотствуя и употѣвая, и пѣны испущая, сице и ты безсловеснымъ позавидѣвъ словесное естество въ безсловесное поработивъ. О человѣче! сице услаждаешься сластями и отъ разгорѣнія тѣла сластей макроты испущая не престаеши, и не точію не престаеши, и исцѣлится требуеши, но и огонь ко огню прилагая не стыдишися! Взятая виѣ всякаго историческаго освященія нарицанная Даниломъ картина показала-бы не болѣе, какъ плодомъ разстроенаго воображенія, но теперь приходится невольно признать за ней значеніе историческаго факта. Обязанностью и долгомъ каждаго хозяина было перепойть всѣхъ своихъ пирующихъ гостей, не исключая и женщинъ, «до упойства». По словамъ м. Данила, многіе изъ его современниковъ предавались пьянству, особенно на пирахъ, до потери всякаго разсудка. «Рцы убо, говоритъ онъ, которыя законы христіанскія твориши и храниши, а не паче ли діавольскія? Господь заповѣда рекъ блюдите да не отягчаютъ сердца ваша обіяденіемъ и пьянствомъ (Лук. XXI, 34), ты-же объедаешься яко, скотъ и пьянствуеши день и ночь многажды и до блеванія, якоже и главою болѣти и умомъ пленитися... нѣсть сіе христіанскаго закона, нѣсть сіе ищущихъ царства небеснаго»¹. Женщины немного уступали мужчинамъ въ способности къ пьянству.

Крайнее развитіе пьянства на Руси вызвало противъ себя обширную обличительную литературу со стороны пастырей церкви. Противъ пьянства вооружались Лука Жидята, еп. Новгородскій², Θεодосій Печерскій³, митрополиты Никифоръ⁴, Петръ⁵ и Фотій⁶. Осо-

¹ Рукон. Моск. Духов. Ак. № 197, л. 408.

² Макарій, Исторія Русск. Церкви т. I, изд. 2, СПб. 1868 г. Приложение № VI, 278—279.

³ Ученыя Записки втор. отд. Импер. Акад. Наукъ. Кн. II, вып. 2, СПб. 1856 г. 195—200.

⁴ Макарій, Исторія Русской Церкви т. II, изд. 2, СПб. 1868 г. Приложение № II, 366—369.

⁵ Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевымъ - Безбородко, вып. IV, 186—188. Макарій, Исторія Русской Церкви т. V, СПб. 1866. Приложение № VI, 413—414.

⁶ Акты Археогр. Экспед. т. I, № 369, 1410, 461—463. Посланіе м. Фотія къ Новгородцамъ. Прав. Соб. 1860 г. ч. II, 469, Поученіе митроп. Фотія,

бенно много писалъ противъ русскаго пьянства современникъ Данила Максимъ Грекъ ¹. Но гораздо болѣе сохранилось поученій, направленныхъ противъ пьянства, безъименныхъ ². Въ обличительныхъ словахъ противъ пьянства въ самыхъ яркихъ чертахъ изображается, до какихъ крайнихъ размѣровъ доходило пьянство на Руси. Въ нихъ не было и не могло быть особеннаго преувеличенія,—это потому уже, что русскіе ни въ чемъ другомъ не были такъ снисходительны, какъ по отношенію къ вину и его поклонникамъ ³.

Послѣ сдѣланнаго краткаго историческаго очерка развитія пьянства, какое оно имѣло въ древне-русскомъ обществѣ, не покажутся сколько-нибудь преувеличенными обличенія митрополита Данила. Мы отчасти видѣли уже, что они сходятся съ современнымъ ему нравственнымъ состояніемъ общества и подтверждаются многими другими обличителями нравовъ того времени. Данилъ нѣсколько дополняетъ то, что выше сказано о тогдашнемъ пьянствѣ. Въ его обличеніяхъ, направленныхъ противъ пьянства, находится важное

¹ Сочиненія Максима Грека ч. II.

² Таковы поученія: слово св. отецъ о пьянствѣ (Рукоп. Кирилл. библ. № 29/1113, л. 14—16), слово о многопотошномъ и прелестномъ пьянствѣ (Рукоп. Соф. библ. № 1480, л. 1—14), поученіе о безвременномъ пьянствѣ (Рукоп. библ. купца Хлудова № 30, 116. Первое прибавленіе къ описанію рукописей библиотеки А. И. Хлудова, сост. Поновымъ, М. 1875. 56—58), словеса мудрыя о пьянствѣ (Рукоп. Кирилл. библ. № 99/1133, л. 142—143) и множество другихъ. Много словъ противъ пьянства извѣстно и въ печати. См. древне-русская проповѣдь противъ пьянства. Прав. Соб. 1862 г. ч. I, 261—288. 369—398. Памятники древней письменности 1878—1879. 85—152. Сборникъ повѣстей скорониси XVII в. Булгакова, Буслаевъ. Истор. очерки русской народной словесности и искусства т. II, 550—568. Въ этихъ поученіяхъ со всею убѣдительностію доказывалось, что «пьянство всѣмъ злымъ вина» (Рукоп. Соф. библ. № 1418, л. 400—401. Слово о пьянствѣ яко всѣмъ злымъ вина). Смес. стоголавъ, гл. 52, о пьянственномъ житіи.

³ Въ обыденной жизни эта снисходительность къ пьянству доходила до того что не считали вовсе пьяницею того, кто хотя и напивался до безсознательнаго состоянія, но спалъ послѣ этого покойно и не производилъ буйства и дракъ, столь обычныхъ для каждаго пьянаго русскаго человѣка. Въ то время общепоговоркою было: «то есть непіяница, иже унися ляжетъ спать, но то есть піяница, иже унися толчетъ, бьется, сварится». Рукоп. Императ. Публичн. библ. изъ древлестрин. Погодина № 1024, л. 341—342. Слово св. отецъ о постѣ великомъ. Под. Рукоп. Моск. Дух. Акад. изъ собран. Волок. м-ря № 129/141. Сборникъ XVI вѣка л. III. Слово о пьянствѣ. Приложение № XXII.

само по себѣ указаніе на то, что русскіе были очень склонны къ широкимъ пиршествамъ, и потому устроили ихъ очень часто, пользуясь самымъ ничтожнымъ, а иногда и вовсе неблаговиднымъ къ тому предлогомъ. «Всегда наслаженія и упитѣнія, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежаніе, всегда мысли и помыслы нечистыя, всегда праздность...», такъ обличаетъ м. Даниилъ страсть своихъ современниковъ къ пиршествамъ. Митрополитъ весьма часто повторяется въ своихъ обличеніяхъ противъ пьянства: «ты піанствуеши, обіадаешися» ¹,—это самая излюбленная имъ форма обличенія. «Доколѣ питаніе, доколѣ играніе и щапленіе, доколѣ дrochenіе и тунеядѣніе! Что убо предносылаеши на небеса? Объяденее ли, піанство?» обращается митрополитъ съ укоромъ къ пьяницѣ. «Что убо раздуюмся пищамя и піанствомъ? Радоватися о Господѣ повелѣно намъ есть, а не о толстотѣ пищей и піанства» ². Иногда обличенія Даниила дышатъ отеческою любовію: «бѣжимъ, любимицы, тучныхъ трапезъ и піанства, бѣжимъ блудницъ и сіятельныхъ лицъ и свѣтлости тѣла. Да бѣжимъ отъ объяденія и піанства», говорится въ другомъ словѣ. Вооружаясь противъ пьянства, Даниилъ тѣмъ не менѣе вовсе не хочетъ изгонять вино изъ употребленія. Онъ караетъ только порокъ, страсть, но что касается до умѣреннаго употребленія вина, то оно, по его мнѣнію, даже полезно. Въ изысканности стола и обиліи напитковъ русскіе находили не только удовлетвореніе широкимъ потребностямъ своего чрева, но и видѣли здѣсь еще предметъ для своей гордости и тщеславились этимъ. По этому поводу Даниилъ поучаетъ: «и ядѣніе твое, и питіе да не буди проторно, и щापливо, и тщеславно, но да будетъ мѣрно и разумно во славу Божию». Въ чемъ именно, по мнѣнію Даниила, состоитъ мѣрность въ пищѣ и питіи (вина разумѣется), это онъ нѣсколько опредѣляетъ въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ, убѣждая своихъ пасомыхъ заботиться о спасеніи души своей: «да не всю работу нашу чреву дадимъ, и да не все мудрованіе наше въ плотскихъ сластехъ имѣемъ, но во всемъ мѣру уставимъ въ пищѣ и питіи: въ пищѣ—яже къ животу точію довлѣтися, сие же и въ питіи—въ скорбѣхъ, въ болѣзньхъ и отъ трудовъ покой въ мѣру и въ старости полезно есть, точію не піанствомъ, но вмагѣ

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 437, 484.

² Рукоп. Моск. Синод. бывш. Патріарш. библи. № 95/287, л. 332—333.

прохлажденіи же и къ животнѣй силѣ естество окрѣпити»¹. Отсюда видно, что митрополитъ очень снисходительно относился къ употребленію вина. Онъ, какъ видно, слишкомъ хорошо зналъ характеръ и недостатки русскаго народа для того, чтобы могъ требовать отъ него больше того, что онъ могъ выполнить. Снисходительность Даниила простирается здѣсь до того, что онъ допускаетъ вышиваніе въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ говорится въ одной народной поговоркѣ, что русскій человѣкъ съ горя и съ радости пьетъ. Только «горе» изъ языкъ митрополита имѣетъ иное выраженіе «скорби».

Непремѣнною принадлежностью русскаго пиршества равно какъ и вообще обыденной жизни были увеселенія. Древне-русскія увеселенія отличались своимъ разнообразіемъ. Сюда входили прежде всего разнаго рода игры—въ собственномъ техническомъ значеніи этого слова—каковы игры, имѣвшія цѣлю выигрышъ: игры въ шахматы, въ зернь², тавлен (шашки). Также точно широкое употребленіе имѣла въ древне-русскомъ обществѣ музыка. Самыми распространенными музыкальными инструментами были въ то время: гусли³, свѣрѣль⁴, сопѣли, сурны⁵, смыки (скрипка), гудки⁶, бубны и накры (барабанъ)⁷. Иногда музыка соединялась съ пѣніемъ, для каковой цѣли служили особаго рода музыканты, такъ называемые домрачен, которые подъ аккомпаниментъ струннаго инструмента домры (родъ гитары) распѣвали пѣсни, былины и подоб. Особымъ родомъ увеселенія русскихъ служила пляска, которая также соединялась съ музыкой. Но самымъ общераспространеннымъ и любимымъ народнымъ увеселеніемъ были «позоры» или сценическія представленія «скомороховъ». Скоморохи—это родъ комедіантовъ настоящаго времени. Скоморохи образовывали изъ себя вольную труппу изъ гуляющихъ людей всякаго происхожде-

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 485, 436, 278, 454.

² Это небольшія косточки съ бѣлою и черною стороною.

³ Инструментъ, имѣвшій видъ легкой ручной арфы съ мѣдными струнами.

⁴ Инструментъ, состоящій изъ семи вмѣстѣ сложенныхъ дудокъ.

⁵ Длинная, узкая, прямая труба съ загнутымъ нижнимъ отверстіемъ.

⁶ Инструментъ, похожій на скрипку: онъ о трехъ струнахъ и со смычкомъ.

⁷ П. Саввантовъ. Описаніе старинныхъ дарскихъ утварей, одеждъ, оружія и проч., извлеченное изъ рукописей архива Моск. Оружейной Палаты, СПб. 1865. 212, 218—219. Терещенко. Бытъ русскаго народа ч. I, СПб. 1848. 484—492.

нія, члены которой отличались по большей части дурнымъ поведеніемъ. Они были не только музыканты, но соединяли въ себѣ разные способы развлекать скуку толпы: одни играли на гудкѣ, другіе били въ бубны, домры, накры, третьи—плясали, четвертые показывали народу выходы выдрессированныхъ собакъ или медвѣдей. Между ними были глумцы и стихотворцы - потѣшники, умѣвшіе веселить народъ прибаутками, и складными рассказами. Самымъ виднымъ и ходячимъ предметомъ русской забавы былъ глумецъ—шутъ, который въ обличительныхъ словахъ назывался глумотворцемъ, смѣхотворцемъ. Конечно, самый грязный цинизмъ здѣсь не только легко допускался, но даже заслуживалъ одобренія толпы. Больше всего скоморохи забавляли позорами—сценическими представленіями. Они разыгрывали роли, наряжались въ самое оригинальное платье, надѣвали на себя вычурныя маски и пр. Скоморохи ходили большими компаніями. Число ихъ иногда доходило до пятидесяти человекъ и болѣе. Мѣстами сценическихъ представленій скомороховъ служили многолюдныя улицы и рынки ¹.

Увеселенія служили достояніемъ всѣхъ слоевъ русскаго общества. Музыка, игра въ шахматы, представленія скомороховъ и под. существовали при дворѣ великихъ князей, и пользовались здѣсь большимъ вниманіемъ ². У бояръ и низшаго класса музыка и игры были также въ широкомъ употребленіи, особенно на разныхъ семейныхъ праздникахъ напр. свадьбахъ ³, а еще болѣе на праздникахъ народныхъ, каковыми тогда были русалия, коляда ⁴. Музыка и игры находили себѣ поклонниковъ и въ духовенствѣ. ⁵ Митрополитъ Даниилъ въ одномъ поученіи говоритъ:

¹ Бѣляевъ. О скоморохахъ. Временникъ Импер. Моск. Общества истор. и древн. Росс. кн. XX, 69—92. Поповъ. Пиръ и братчины. Архивъ историко-юридическихъ свидѣній, относящихся до Россіи, изд. Колачевымъ, кн. II, колон. 2, 19—41. Снегиревъ. Русскіе престопадные праздники и суевѣрные обряды, вып. I, М. 1837. 16. 162—163. 30—31, вып. IV, М. 1839. 35—36. Лопатинъ. Поэтическое воззрѣніе славянъ на природу. т. I, м. 1865. 336—345. Слово о христіанствѣ въ журн. Мин. Нар. Просв. 1834 года, Декабрь, ч. LXXXIV, 184. Стоглавъ, изд. Кожанчикова, 137. Костомаровъ, 139—140.

² Забылинъ. Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI—XVII в., т. I, М. 1872 изд. 2, 321, 425.

³ Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 190/544, л. 218—219. Статья о церковныхъ несправленіяхъ, написанная предъ Стоглавымъ соборомъ.

⁴ Стоглавъ, изд. Кожанчикова, 140—141.

⁵ Въ поученіи къ іереямъ «говорится, что поны играютъ шахи». Русск. Сое. б. № 1466 л. 38.

«ныиѣ суть иѣщѣи и отъ священныѣхъ лже суть сѣи: пресвитеры, и діакони, и поддіакони, и чтеци и пѣвци глумятся и играютъ въ гусли, въ домры, въ смычки, къ семуже и зернію, и шахматы, и тавлѣями и въ пѣснѣхъ бѣсовскихъ и въ безмѣрномъ и премногомъ пѣянствѣ». Изъ того же самаго поученія Даниїла видно, что любовь къ увеселеніямъ обнаруживало не какое-либо захолустное духовенство, напротивъ—духовенство Московскаго Успенскаго собора,—самое высшее и ближайшее къ средоточію церковной власти ¹.

Пастыри Церкви вооружались противъ всякаго рода увеселеній и развлеченій ². Отрицательное отношеніе къ увеселеніямъ началось одновременно съ принятіемъ христіанства и продолжалось чрезъ всю древнюю исторію русскаго народа. Противъ увеселеній и переряживаній писалъ еще Лука Жидята, а за нимъ и другіе пастыри церкви и духовные писатели: авторъ слова о правой вѣрѣ, скрывшій свое имя подъ названіемъ Христолюбца, авторъ слова на соборъ архангела Михаила (XV в.), игуменъ Памфилъ, Максимъ Грекъ, неизвѣстный авторъ церковныхъ несправленій предъ Стоглавымъ соборомъ, самый Стоглавый соборъ, Домострой и проч. ³. Отрицательный взглядъ на всѣ мірскія увеселенія и работы обуславливался господствомъ аскетическихъ воззрѣній на жизнь, сквозь призму которыхъ разсматривались и мірскія утѣхи и забавы. На образованіе этого взгляда много имѣли вліянія происхожденіе и самый характеръ этихъ увеселеній.

Самый разгаръ всевозможныхъ увеселеній происходилъ на праздникахъ: народныхъ русаліяхъ, колядѣ. Между тѣмъ эти празд-

¹ Рук. Импер. Пуб. библ. Q. XVII, № 64, изъ собран. граф. Толст., отд. II № 68, л. 338.

² Забѣлинь. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI—XVII в. М. 1866. т. II, 388—403. Буслаевъ. Истор. очеркъ русской народной словесности и искусства т. II, Спб. 1861. 68.

³ Временникъ Импер. Москов. Общ. кн. XX, 69—92. Слово Христолюбца въ Новгор. Рук. Соф. библ. № 1285, л. 84—87. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1847, № 8, отд. IV. Смысь П, Макарій. Ист. Русск. Цер. т. V, приложен. 396—400. Дополн. къ актамъ истор. т. 1. № 22. 18—19. Сочиненія Максима Грека ч. II, 242. Рукоп. Москов. Дух. Акад. № 181/344, л. 218—219. Стоглавъ, изд. Кожанчикова 262—263. Домострой М. 1849/13, 16. 38—39. 41—43. Курбскій. Сказанія князя Курбскаго, изд. 248. Памятники отреченной русской литературы, изд. Тихонравовымъ т. II, 311—313. Правосл. Соб. 1859, ч. 1. 137. Прав. Соб. 1865, ч. II, 233. 234—239. О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи. Буслаевъ. Ист. Христоматія церковнослав. языка, М. 1861, 329—330.

ники сформировались еще на языческой почвѣ, и хотя съ теченіемъ времени нѣсколько и получили христіанскую окраску, но тѣмъ неменѣе въ характерѣ ихъ сохранилось не мало языческихъ особенностей и обрядовъ ¹. А язычество разсматривалось, какъ царство діавола, поэтому и всѣ сохранившіеся въ какомъ-бы то ни было видѣ слѣды его разсматривались какъ произведенія и дѣйствія враждебной человѣку силы діавола. Точно также и въ частности и увеселенія въ глазахъ древнихъ книжниковъ слѣдвали ничѣмъ инымъ, какъ сѣтями діавола, которыми вѣрующіе отвлекались отъ Бога ². Отсюда уже вышелъ взглядъ на самыхъ исполнителей, искусства какъ на людей съ нравственной точки зрѣнія самыхъ несостоятельныхъ и отъявленныхъ негодяевъ ³.

Съ другой стороны отрицательное отношеніе къ древнерусскимъ увеселеніямъ обуславливалось ихъ характеромъ. Древнерусскія увеселенія напр. пѣсни и сценическія представленія скоморо-

¹ Снегиревъ. Русскіе простонародные праздники и суетѣрные обряды, вып. 1. М. 1837. 2. 16, вып. IV. 35—36. Костомаровъ. 184. Аванасьевъ. Поэтическое воззрѣніе славянъ на природу, т. III, изд. Солдатенкова, М. 1869. 704. 710—712. 729.

² Въ древнихъ поученіяхъ говорилось, что никто другой, а самъ діаволъ зоветъ свирѣлыми и гуслими, и плясаніемъ и пѣснями. Рукоп. Импер. Публ. библ. Q. 1. № 308, л. 221. Слово св. отца о соблазнѣ бѣсовствѣ. Вѣдомо довольно распространенное въ древней письменности сказаніе св. Нифонта о русаліяхъ, гдѣ въ образной формѣ представлено «какъ бѣсы соблазнили народъ», на пѣсни, и на плясаніе и на играніе». Рукоп. Погодина № 1024, л. 207—208, № 1288 л. 274—276. Нѣсколько съ иными вариантами сказаніе Нифонта напечатано Забѣлинымъ. Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI—XVII в. 395. Въ древнерусской письменности музыка, «играніе, плясаніе и скаканія и догонныя плесканія—все это обобщалось въ названіи «игры сатанинскія». Рукоп. Соф. библ. № 1085, л. 184, № 1023, л. 272—273. Чинъ древней исповѣди. Въ заповѣди Павла плески и музыка на зываются сатанинскими, а исполнители ихъ—работающими діаволу. Рук. Кир. б. № 24/131 л. 152—157. Такой же точно взглядъ на увеселенія, какъ на порожденіе бѣсовской силы, выразился въ легендахъ объ игрокахъ, о пляшущемъ бѣсѣ, о танцующей дѣвицѣ, погибшей отъ бѣсовъ. Памятники старинной Русск. литерат. изд. Куселевымъ—Безбородко, вып. I. 145. 202. 209.

³ Въ одномъ древнемъ поученіи говорится, что гусли и плескати и пѣти и плясати считалось дѣломъ однихъ «поганыхъ» язычниковъ. Рукоп. Новг. Соф. библ. № 1285, л. 31. Поученіе къ дѣтямъ духовнымъ. Отрицательный взглядъ на скомороховъ выразился и въ народной пословицѣ: Богъ далъ попа, а чертъ скомороха. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи, изд.

ховъ отличались большею частію самымъ безнравственнымъ содержаніемъ и грубымъ цинизмомъ. Поэтому если безусловное отрицаніе всякихъ мірскихъ удовольствій, рассматриваемое въ принципѣ, есть крайность, такъ какъ оно исключало собою цѣлую область поэтического и эстетическаго народнаго творчества, то съ другой стороны рассматриваемое въ современныхъ жизненныхъ условіяхъ и проявленіяхъ, какими обставлялись мірскія удовольствія и увеселенія древней Руси, оно было явленіемъ вполнѣ естественнымъ. При грубости народа и при крайней испорченности лицъ, бравшихся за сценическое ремесло и другія увеселительныя средства, удовольствія русскаго народа носили на себѣ отпечатокъ грубости и безнравственности. Поэтому-то представители церкви были вполнѣ правы, вооружаясь и противъ распущенности общества и противъ однихъ изъ самыхъ дѣятельныхъ проводниковъ ея бродячихъ скомороховъ и музыкантовъ.

Несмотря на сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ обличенія, русскіе древняго времени отличались любовью къ увеселеніямъ, особенно къ сценическимъ представленіямъ скомороховъ. Митрополитъ Даниилъ строго обличаетъ своихъ современниковъ за то, что они большую часть своего свободнаго времени проводили «всегда упражняющесе въ сквернословіяхъ, и на сатанинскихъ позорищахъ, и блудническими лицы, и хоженіи и глаголы насыщесе, смѣющесе, и сластемъ плотскимъ радующесе, діавольскыя пѣсни и кощуны глаголющихъ съ многою сладостію послушающе, а Господня заповѣди презирающе». ¹ Увеселенія болѣе всего происходили въ праздники, когда народъ былъ дома и свободенъ отъ занятій. Въ праздники увеселенія продолжались въ теченіи цѣлаго дня съ утра и до вечера, и народъ собирался на игры большими массами.

Болѣе всѣхъ русскихъ церковныхъ писателей древности сохранилъ свѣдѣнія о страсти русскихъ къ разнообразнымъ увеселеніямъ м. Даниилъ. Онъ же и болѣе другихъ вооружается противъ нея въ сво-

Казачевымъ, кн. II, полов. 2, отд. IV. Русскія пословицы и поговорки. 79. Въ словѣ объ играхъ и плясаніи нимающая жена называется невинною сатанною, любодейцею діавола. Плясущая жена многимъ мужемъ жена есть. Рукоп. Кир. 6. № 127/128 л. 125—129.

¹ Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 197, л. 118—119.

ихъ сочиненіяхъ. Въ его поученіяхъ весьма часто встрѣчаются обличенія противъ игръ и позорищъ. «Ты вся въ бѣсовскую славу твориши, такъ обличаетъ между прочимъ Данилъ любителей зрѣлищъ, позорища, игранія, плясанія събираеши, и къ симъ паче течеши, не же къ Божественнымъ церквамъ». «Почто же Христа оставивъ, спрашиваетъ проповѣдникъ въ одномъ мѣстѣ, къ сатанѣ течеши, сирѣчь заповѣди Божіи презрѣвъ на бѣсовская ученія и дѣянія течеши, празднословиши и шумы твориши? Господь заповѣда рекъ: всяко слово праздно, иже аще возглаголють человеци, воздадутъ онемъ слово въ день судный (Матѣ. XII, 36) и апостолъ: всяко слово гнило изъ устъ вашихъ да не исходитъ (Еф. IV, 29); ты же всегда безпрестанно гнусная сътворяеши дѣвольская ученія. Господь рече блаженъ плачущій (Мѣ. V, 4) и горе смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете; ты же сопротивная Богу твориши, а христіанинъ сый, пляшеши, скачеши, блудная словеса глаголеши, и иная глумленія и сквернословія многая съдѣваеши: и въ гусли, и въ смыки, и въ сопѣли, въ свирѣли воспѣваеши, многая служенія сатанѣ приносиши. Господь заповѣда рече: бдите и молитесь, яко не вѣсте дне, ни часа, вонъ же Сынъ Человѣческій придетъ (Мѣ. XXV, 13) и паки рече: бдите и молитесь да не внидете въ напасть (Мѣ. XXV, 41); и апостолъ яко же вошѣя рече: непрестанно молитесь (1 Сол. V, 17). Ты же непрестанно вся человеки съблздряеши, якоже самый той сатана: баснословиши, притчи смѣхотворныя приводиши, грохочеши, смѣешися, всякую кознь, всякая ухищренія твориши смѣхотворная, да человекомъ, иже въ святѣмъ крещеніи отрехшимся сатаны и обѣщавшимся Христу Богу, бѣсовская ученія приносиши». Выраженія Данила обличительнаго характера: «ты кощунствуеши, сквернословиши, и празднословиши», встрѣчающіяся здѣсь, имѣютъ свой прямой истинный смыслъ по отношенію къ словамъ, дѣйствіямъ, разговорамъ скомороховъ, которые своими пошлыми, исполненными грубаго цинизма, иногда острыми, а не то глупыми словами и поступками возбуждали смѣхъ и одобреніе, а случалось и участіе окружавшей ихъ толпы. Данила чрезвычайно возмущало то сочувствіе, какое встрѣчали въ народѣ скоморохи, и особенно то обстоятельство, что для нѣкоторыхъ болѣе разгульныхъ людей они были самыми дорогими гостями и посѣтителями ихъ домовъ. Здѣсь митрополитъ справедливо опасался за дурное растлѣвающее вліяніе русскихъ трубадуровъ на молодое поколѣніе и молодыхъ членовъ семьи. Сказавши

о томъ, что многіе изъ его современниковъ были падки на всякія зрѣлища и уличныя сцены, Даниилъ говоритъ далѣе: «не точію се, но и въ домъ свой къ женѣ, и дѣтемъ приводиши скоморохи плясцы, сквернословцы погубляя себе, и дѣти, и жену и вся сущая въ дому паче потопа онаго; онъ бо потопъ тѣло умертви; сей же всезлый и окаянный потопъ сугубо дѣйствуетъ: душу купно съ тѣломъ погубляетъ, всему же злу ты бываеши ходатай». Изъ поученій м. Даниила видно, что въ русскомъ народѣ его времени была сильно развита страсть къ сценическимъ уличнымъ представленіямъ незатѣйливыхъ доморощенныхъ актеровъ, которую не могла сдерживать самая строгая проповѣдь пастырей Церкви. Весьма многіе русскіе того времени, по отзыву Даниила жили всегда «упражняющесе въ сквернословіяхъ и на сатанинскихъ позорищахъ»¹. Бродя по улицамъ села или посада, скоморохи всегда привлекали къ себѣ громадную толпу зрителей. Часъ отъ часу толпа росла и росла. Воодушевленіе и веселое настроеніе охватывали самую толпу. Изъ среды ея начинали выдѣляться болѣе пыкія и горячія личности, особенно изъ подвыпившихъ, которыя сами начинали пѣть и играть, и веселиться, и по возможности копировать приемы настоящихъ скомороховъ. Частое увлеченіе толпы играми скомороховъ до непосредственнаго участія въ нихъ самихъ зрителей также вызывало противъ себя обличенія м. Даниила.

Даниилъ указываетъ на одно весьма интересное возраженіе, какое въ свое оправданіе дѣлали поклонники мірскихъ удовольствій. Даниилъ всю ответственность за дурное вліяніе скоморошскихъ пѣсень на молодыхъ членовъ семьи возлагаетъ на главу и представителя ея, допускающаго у себя посѣщеніе глумцевъ. «Всему злу, говоритъ онъ домовладыкѣ, ты бываеши ходатай.» «Ей, не азъ рече, продолжаетъ митрополитъ словами возраженія, но оны плясцы и глумотворцы». Оправданіе самое оригинальное и характерное. Оно наглядно представляетъ, какъ весьма многіе люди того времени смотрѣли на свои нравственныя обязанности. Здѣсь сейчасть видѣнъ формальный, основанный на одностороннемъ пониманіи религіи, взглядъ на сущность нравственной дѣятельности человѣка. Достаточно было указать самую случайную

¹ Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 197, л. 407. 410—411, 458, 118.

и во всякомъ случаѣ только не первую причину зла, чтобы выгородить себя и обмануть свою собственную совѣсть. Данилъ въ противовѣсъ возраженію отвѣчаетъ: «како глаголеши оны? все твое есть, аще бы ты не хотѣлъ, ни оны бы гламотворили и плясали»¹. Вполнѣ достаточно такого краткаго отвѣта, чтобы вывести изъ заблужденія сколько-нибудь разсудительнаго человѣка.

Какъ отчасти можно было видѣть уже изъ самыхъ обличеній, положительный взглядъ м. Данила на позволительность мірскихъ развлеченій отзывается тѣмъ же суровымъ и строгимъ осужденіемъ, какимъ отличалась вся аскетическая письменность. Во взглядѣ Данила проходитъ полное и безусловное отрицаніе мірскихъ удовольствій. Онъ здѣсь стоитъ вполнѣ на аскетической почвѣ, и взглядъ его на значеніе въ облыщенной жизни человѣка какихъ-бы то ни было увеселеній есть повтореніе того, что не разъ проповѣдывали самыя строгіе аскеты. И у него, какъ и у всѣхъ другихъ, всякія игры называются «бѣсовскими», плясаніе сатанинскимъ². Такимъ образомъ, отрицательный взглядъ—Данила на позволительность мірскихъ удовольствій тождественъ съ воззрѣніями на нее представителей монашеской аскетической среды не только въ мысляхъ, но даже и въ выраженіяхъ.

Кромѣ отрывочныхъ разсужденій, разбросанныхъ по разнымъ словамъ и посланіямъ, между литературными произведеніями Данила находится специальное разсужденіе, направленное противъ увеселеній и зрѣлищъ. Оно не имѣетъ ничего общаго съ словами соборника и съ посланіями Данила, и встрѣчается въ разныхъ спискахъ какъ отдѣльное совершенно самостоятельное его произведеніе. И по своему названію, съ какимъ оно встрѣчается въ рукописныхъ спискахъ, оно отличается когда только ему одному усвоится названіе «поученія». Это единственный памятникъ произведеній Данила, носящій названіе поученія. Особенность наз-

¹ Л. 485, 411.

² «Бѣжи позорищъ и игранія бѣсовскаго, ты течеша на игрища и позорища бѣсовскаго», эти и подобныя имъ выраженія, какія мы находимъ у Данила достаточно подтверждаютъ настоящую мысль. По взгляду Данила, «смѣхотворенія и кошуны» свойственны однимъ «поганымъ». «Идѣже есть игранія тамо есть діаволъ, а идѣже есть плясаніе—тамо есть сатана». Рун. М. Д. А. № 197 л. 238. 437. 438. 454.

ванія обыкновенно самымъ послѣдовательнымъ образомъ ведетъ къ мысли объ особенностяхъ и содержанія, и характера произведенія, которому усвоится то или другое специальное названіе. По отношенію къ поученію митр. Данила противъ мірскихъ увеселеній такое заключеніе едва ли можетъ быть приложимо. Строго говоря, поученіе Данила не выделяется рѣзко своими какими-нибудь особенностями по формѣ, и по содержанію. По формѣ оно сходно со словами соборника, потому что и въ немъ различаются три части, изъ которыхъ первая и третья составляютъ собственные разсужденія митрополита, а вторая состоитъ изъ чужихъ свидѣтельствъ, какъ это дѣлается и во всѣхъ словахъ соборника. Только этихъ свидѣтельствъ здѣсь сравнительно немного, и между нѣкоторыми изъ нихъ попадаются краткія фразы, принадлежащія самому автору. Но эти особенности едва уловимы и примѣнимы не ко всѣмъ словамъ соборника, изъ которыхъ нѣкоторыя также не отличаются общіемъ святоотеческихъ цитатъ, и притомъ онѣ такого рода, которые не отличаютъ поученія отъ многихъ посланій Данила. Однимъ словомъ, различіе между поученіемъ Данила и другими его словами и посланіями по формѣ неуловимо. Такъ же оно неуловимо и по содержанію. Положимъ, поученіе Данила противъ увеселеній отличается практическимъ характеромъ, и сосредоточивается на недостаткахъ современнаго общества, но точно такимъ характеромъ отличаются многія слова соборника и даже посланія. Только одну особенность можно отмѣтить въ поученіи Данила, это-то, что оно содержитъ въ себѣ указаніе на то, что оно несомнѣнно было произнесено въ церкви, въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ и обращено было по преимуществу къ духовенству этого собора¹. Но это все-таки такое отличіе, которое не можетъ быть признано существеннымъ, а скорѣе случайнымъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ словахъ Даниловскаго соборника есть также указанія на то, что они были произносимы. Поученіе м. Данила противъ увеселеній² не отличается связностью и строгою логи-

¹ Говоря о томъ, что духовенство не должно участвовать въ мірскихъ увеселеніяхъ, митрополитъ неоднократно выражается: «иначе-же во-священномъ самъ дому Пречистые Богородицы великія и святѣйшія митрополія всея Русіи...» и под. Рукоп. Имп. Публ. библ. Q. XVII. № 64. Толст. отд. II, № 68 л. 339

² Обзореніе его производится будетъ по Рукоп. Имп. Публ. библ. Q. XVII. № 64, л. 337—343, какъ содержащей въ себѣ лучший списокъ поученія.

ческою послѣдовательностью мыслей, но тѣмъ не менѣе общій предметъ слова, на которомъ болѣе всего останавливается авторъ поученія, одинъ—это осужденіе увеселеній.

Свою мысль о предосудительности всевозможныхъ мірскихъ увеселеній Даниилъ начинаетъ съ разсужденія о скоротечности жизни человѣческой на землѣ и о неустойчивости всѣхъ земныхъ благъ и удовольствій. Въ началѣ поученія находится живое изображеніе скоротечности жизни человѣка на землѣ, на которой каждый человѣкъ появляется какъ гость, и какъ гость, такъ-же скоро удаляется и удаляется навсегда. Непосредственно къ разсужденію о скоротечности примыкаетъ и нравственное приложение, которое состоитъ въ убѣжденіи человѣка не прилѣпятся ни къ чему земному, а только думать и трудиться для будущей загробной жизни, на всякій часъ разсматривать всѣ свои поступки и дѣйствія, слова и помыслы, и если они окажутся грѣшными, исправлять ихъ искреннимъ покаяніемъ, такъ какъ на страшномъ судилищѣ Христовомъ люди всѣхъ званій и общественнаго положенія одинаково испытываемы будутъ за свои дѣла и только сообразно имъ получатъ или вѣчную награду, или такое-же наказаніе. Поэтому, для того, чтобы предстать предъ судилищемъ Христовымъ безстрашно, не опасаясь подвергнуться вѣчнымъ мученіямъ, необходимо имѣть въ себѣ всегда страхъ Божій и благочестивое «любодобродѣтельное житіе» на землѣ. «Кая убо намъ спасенія надежда будетъ, егда на земли живуще Божіей небреженія мудрствуемъ?» спрашиваетъ Даниилъ. «Кака намъ польза срамно и зазорно житіе имѣти?» Непосредственно за тѣмъ Даниилъ выясняетъ, что благочестивая жизнь человѣка состоитъ не въ одномъ внутреннемъ, духовномъ, нравственномъ настроеніи человѣка, но что она должна выражаться и во внѣшнемъ поведеніи человѣка, въ упорядоченности, чинности жизни, простирающейся на всѣ ея внѣшнія проявленія: въ платьѣ, нищѣ, хожденіи, дѣйствіяхъ, словахъ и т. п. Эти разсужденія и служатъ введеніемъ поученія, непосредственно за нимъ ставится общая тема поученій, которую митрополитъ формулируетъ, говоря далѣе, что «въ священныхъ правилѣхъ написаша святіи апостоли и о епископѣхъ, и о причетницѣхъ, и о простыхъ человѣцехъ еже яко несиѣхотворное и безчинное житіе имѣти намъ, такоже и богоносніи отцы наши укрѣпиша и уставиша и священная правила положиша на память и утверженіе послѣдному роду... а скомрахи, и плясцы, и шахматы отрѣкоша святіи апостоли и святіи отцы.

Въ темѣ поученія излагается запрещеніе мірскихъ увеселеній и прежде всего для лицъ священнаго сана, а потомъ— и для мірянъ. Во второй самостоятельной части слова представляются каноническіе аргументы, которыми налагается запрещеніе участвовать въ какихъ бы то ни было увеселеніяхъ прежде всего на епископовъ, священниковъ и вообще клириковъ равно какъ и на ихъ дѣтей. Къ этой категоріи относятся приводимыя Даниломъ правила: сорокъ второе апостольское правило ¹, девятое ² и двадцать четвертое правило Трульского, шестаго вселенскаго собора ³ и пятьдесятъ четвертое правило Лаодикійскаго собора ⁴. Второю категоріей каноническихъ свидѣтельствъ проводится запрещеніе на увеселенія по отношенію ко всѣмъ христіанамъ и болѣе всего къ мірянамъ. Сюда принадлежатъ: сорокъ третье апостольское правило, взятое въ связи съ толкованіемъ Іоанна Зонары ⁵, пятьдесятъ правило Трульского, шестаго вселенскаго собора ⁶,

¹ Въ цитатѣ Данила ошибочно оно названо 43-мъ правиломъ, Рукоп. Изшер. Публ. библ. Q. XVII, № 64, л. 339. Снес. Правила св. апостола, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ... съ толкованіями. Изд. Чтен. Общества Любителей Духовн. Просвѣщенія, 81—82. Здѣсь только вмѣсто словъ цитата Данила «въ зернехъ упражняйся» сказано обще «въ игрѣ упражняйся».

² Л. 339. Снес. Правила св. апостола и соборовъ, изд. Общества Любителей Духовн. Просвѣщенія 476—477.

³ Л. 340. У Данила ошибочно 24 правило собора обозначено 20-мъ. Снес. Правила св. апостола, соборовъ, изд. Чтен. Общ. Любит. Дух. Просвѣщенія. 520—521.

⁴ Л. 341. Подлинникъ см. Migne, Patr. Curs. Complet, ser. graec. tom. CXXXVII, pag. 1412—1413.

⁵ Л. 339. У Данила оно ошибочно названо 42-мъ правиломъ. Въ современномъ переводѣ толкованія Зонары и въ подлинникѣ вмѣсто словъ цитаты Данила: запрещающихъ шахматы или зернию играть, находится одно соответствующее слово: выражающее собою болѣе общее понятіе «игра» (κῆρυκα). Правила св. апостола, соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отецъ, изд. Чтен. Общ. любителей Дух. Просвѣщенія, 82. Migne, Patrolog. Curs. Complet, ser. graec. tom. CXXXVII, pag. 125—128. Данилъ 43 правило апостольское и толкованіе на него Зонары привелъ по чтенію сводной Кормчей. Баронъ Розенкамль, Обзоръ Кормчей книги въ историческомъ видѣ. Изд. 1-е. М. 1829. Приложение № VII, Подъ 43-мъ апостольскимъ правиломъ.

⁶ Л. 339. Снес. Правила св. апостола, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ. Изд. Чтен. Общ. Любит. Дух. Просвѣщенія. 614.

пятьдесятъ третье правило Лаодикійскаго собора ¹ и пятнадцатое правило Карфагенскаго собора ². Наконецъ тремя правилами Трульскаго собора: пятьдесятъ первымъ, шестьдесятъ первымъ и шестьдесятъ вторымъ, запрещаются нѣкоторыя изъ самыхъ видовъ увеселеній, каковы напр. уличныя представленія, пляски, вожденіе медвѣдей и другихъ дрессированныхъ животныхъ, переряживанія въ чужіе костюмы—мужчинъ въ женскіе, женщинъ—въ мужскіе и под. ³.

Кромѣ чисто юридическихъ, каноническихъ аргументовъ, которыми оправдывается безусловно-отрицательный взглядъ Данила на увеселенія, у него приводятся свидѣтельства и иного рода,—именно свидѣтельства, заимствованныя изъ нравственныхъ наставленій св. отцевъ. Таковы свидѣтельства св. Іоанна Златоуста ⁴ и три свидѣтельства изъ твореній св. Ефрема Сирина ⁵.

¹ Л. 341. Снес. Migne, Patr. Curs. Complet, ser. graec. tom. CXXXVII, pag. 1412.

² Л. 341. Здѣсь Данилъ привелъ только незначительный отрывокъ изъ правила, именно самый конецъ его. Срав. съ подлинникомъ Migne, Patr. Curs. Complet, ser. graec. tom. CXXXVIII, pag. 69—70.

³ Л. 340. Снес. Правила св. апостолъ, соборовъ и св. отецъ, изд. Чтен. Общ. Любит. Дух. Просв. 615—639. 649. 644—647. Въ чтеніи пятьдесятъ перваго правила Трульскаго собора, находящемся у Данила, существуетъ прибавка, сравнительно съ подлинникомъ словъ, касающихся указанія мѣста увеселеній: «ни въ домѣхъ, ни на торжищехъ». 61-е правило Трульскаго собора проводится и въ Домитроп. 42—43.

⁴ Л. 342. Здѣсь представлена довольно обширная цитата изъ одного изъ словъ Златоуста. Въ словѣ св. Златоуста противъ зрѣлищъ есть очень подходящія мѣста къ словамъ, процитованнымъ здѣсь митрополитомъ, хотя строгаго соответствія между тѣмъ и другимъ нельзя видѣть. Христ. Чтеніе. 1865, т. II, 342.

⁵ Л. 341—342. Что касается первой и третьей цитаты изъ св. Ефрема, то нужно сказать, что принадлежность ихъ св. Ефрему довольно сомнительна. По крайней мѣрѣ, въ рускомъ переводѣ сочиненій Ефрема встрѣчается его специальное разсужденіе о томъ, что христіане не должны предаваться забавамъ, и въ немъ хотя и встрѣчаются мысли сходныя съ цитатами, находящимися у Данила, но какого-нибудь болѣе близкаго сходства нигдѣ въ выраженіяхъ не видно. См. Твор. св. От. т. XIV. Твор. св. Ефрема ч. III, § 78, 332—339. Что же касается второй цитаты, взятой будто изъ сочиненій св. Ефрема Сирина, то о ней положительно можно сказать, что она подложная. Приведенное здѣсь съ именемъ Ефрема свидѣтельство несомненно русскаго происхожденія. Оно встрѣчается въ нѣкоторыхъ древне-русскихъ (находящихся въ рукописяхъ) поученіяхъ, и тамъ пона-

Какъ въ каноническихъ правилахъ, такъ и въ святоотеческихъ свидѣтельствахъ проводится безусловно отрицательный взглядъ на всѣ мірскія удовольствія, увеселенія и утѣхи, которыя всѣ разсма-триваются, какъ порожденія и произведенія темной силы дьявольской, или какъ остатки язычества, а исполнители искусства трак-туются какъ бѣсовскіе слуги. На основаніи такихъ вѣскихъ авторитетовъ и митр. Данилъ держится безусловно отрицательнаго взгляда на мірскія забавы и лицамъ духовнаго сана за привязан-ность къ нимъ угрожаетъ изверженіемъ изъ сана, а мірянамъ—отлученіемъ отъ св. причастія.

Третья часть поученія, самостоятельная, мало касается, по своему содержанію, темы поученія, однако она въ нѣкоторомъ сво-емъ объемѣ можетъ быть разсматриваема, какъ заключеніе поуче-нія. Содержаніе ея вращается въ сферѣ общихъ нравственныхъ наставленій, изъ коихъ нѣкоторыя оказываются сходными съ раз-сужденіями первой части поученія.

Третья часть поученія потому можетъ быть разсматриваема, какъ его заключеніе, что ей самимъ авторомъ дается такое значе-ніе, а по своему началу она дѣйствительно является заключеніемъ. Данилъ, высказавъ категорическое запрещеніе увеселеній словами разныхъ каноническихъ и святоотеческихъ авторитетовъ, продол-жаетъ въ третьей части: «сего ради молю васъ не любите сквер-нословія, игранія и глумленія, и отступайте отъ бесѣдъ душегуби-ныхъ, и всякимъ храненіемъ соблюдайте своя сердца отъ нечи-стыхъ и скверныхъ помыслъ, и сохраняйте свои очи отъ зрѣнія неполезнаго» и т. д. Далѣе уже разсужденія митрополита переходятъ въ область разнообразныхъ моральныхъ истинъ. Разсужденія этого рода не отличаются строгимъ единствомъ предмета, они предста-вляютъ изъ себя рядъ отрывочныхъ наставленій. Митрополитъ, напр. учитъ: «всегда поучайтесь Божественнымъ писаніемъ, прочитайте, пойте, молитвѣ прилежно внимайте, руководъствуйте, плетенія сует-ная отъ помысловъ отсѣцайте, въ забытіе и скверная и тщеслав-ная плененія не уклоняйтесь, отъ собранія церковнаго не отлу-чайтесь, нищимъ давайте, о раи и царствіи небеснемъ бесѣдуйте, смерть воспоминайте» и т. д.

дается въ разныхъ редакціяхъ съ разными наслоеніями. Основною и канвою для автора подложнаго слова св. Ефрема могли служить слова лѣтописца Нестора. Поа. соб. р. Мѣт. т. I, 73, подъ 1067 годомъ.

Тонъ разсмотрѣннаго поученія Даниїла отличается мягкостію, и дышетъ любовію пастыря къ пасомымъ. Въ поученіи самыя обличенія выражены въ очень деликатной формѣ, въ немъ нѣтъ рѣзкихъ нападокъ на недостатки современниковъ, и если авторъ касается ихъ, то это онъ дѣлаетъ съ любовью отца, заботящагося объ исправленіи своихъ чадъ и не желающаго ставить имъ въ вину ихъ слабости.

Митрополитъ Даниїлъ впрочемъ допускаетъ удовольствія, но такого рода, когда для созданія ихъ вовсе не нужна рука человѣка,—это наслажденія красотою природы. «Аще хочещи прохладитися, говоритъ онъ, изыди на предверіе храмины твоея и виждь: небо, солнце, луну, звѣзды, облака ови высоци, овиже нижайше, и въ сихъ прохладжайся, смотря ихъ доброту и прослави тѣхъ Творца Христа Бога». Еще одна весьма важная черта проглядываетъ во взглядѣ на указанную имъ сферу удовольствій. Это отождествленіе удовольствія съ пользою. Какъ человѣкъ практическій, Даниїлъ не хочетъ оставлять человѣка безъ дѣла и пользы и тогда, когда онъ-же даетъ ему свободу отъ труда. «Аще хочещи еще прохладитися, продолжаетъ далѣе митрополитъ, изыди на дворъ твой, и обойди кругомъ храмины твоея, сиче же и другую и прочая, такоже и дворъ твой, и аще что разсыпся, или пастися хочетъ, созидай, ветхая поновляй, неутверженная укрѣпи, *прахъ и тной зребай въ мѣсто, да ти къ плодоносію вещь угодна будетъ*; и аще хочещи вящше прохладитися, изыди во оградъ твой, и разсмотри сюду и сюду, яже къ плодоносію, и яже къ утвержденію сътвори; или аще не достало ти есть, изыди на поле селъ твоихъ и виждь нивы твоѣ, умножающа плоды ово пшеницею, ово ячмень и прочая, и траву зеленѣющуюся, и цвѣты красныя, горы же и холми, и удолия, и езера, и источники, и рѣкы и сими прохладжайся и прославляй Бога, иже тебе ради вся сія сотворшаго». Если только оцѣнивать допускаемыя м. Даниїломъ удовольствія съ точки зрѣнія такого понятія о нихъ, которое утверждается на положеніи, что удовольствіе тогда только есть въ строгомъ смыслѣ удовольствіе, когда при наслажденіи имъ, не преслѣдуется никакихъ другихъ цѣлей кромѣ самаго удовольствія, то въ такомъ случаѣ должно отвергнуть ихъ, такъ какъ при допущеніи имъ сферы удовольствій, ограничивающейся наслажденіями красотою природы, митрополитъ Даниїлъ вводитъ и другую постороннюю цѣль—пользу.

Даниїлъ въ своихъ поученіяхъ нерѣдко упрекаетъ своихъ со-

временниковъ въ томъ, что они упражняются «въ сквернословіяхъ» ¹. Подъ сквернословіемъ здѣсь можно разумѣть вообще болтовню скомороховъ, которая дѣйствительно не отличалась скромностью и сдержанностью въ выраженіяхъ. Но скорѣе всего сквернословіе здѣсь должно понимать въ прямомъ, такъ сказать, техническомъ значеніи этого слова. Русскіе вообще любили прикрашивать свою рѣчь гнилыми, непечатными словами, что тогда равно какъ и въ настоящее время означало «матерны лаяться». Этотъ порокъ былъ всеобщій и настолько считался обыкновеннымъ явленіемъ, что употребленіе непечатныхъ словъ допускалось при женскомъ обществѣ. Неприличная брань до того была обыкновенною, что ее позволяли себѣ духовныя лица, даже монахи, и притомъ въ самой церкви. Самыя женщины и дѣвицы слѣдовали общему обыкновенію, и даже дѣти и тѣ не отставали въ брани отъ своихъ родителей ². Церковь употребляла всѣ увѣщательныя средства, чтобы отучить народъ отъ сквернословія, но увѣщанія дѣйствовали слабо тамъ, гдѣ служители церкви страдали порокомъ, одинаковымъ съ своими пасомыми. Противъ сквернословія вооружался еще митрополитъ Петръ ³. Извѣстно также слово противъ сквернословія, принадлежащее волоколамскому старцу Фотію, современнику и сподвижнику митр. Данила ⁴. Общераспространенный порокъ сквернословія не могъ пройти незамѣченнымъ м. Даниломъ, который несомнѣнно и затрогивается въ его обличеніяхъ.

Кромѣ игры скомороховъ въ древнемъ русскомъ обществѣ особенно въ средѣ боярства развита была страсть къ охотѣ. Она счи-

¹ Рук. Моск. Дух. Ак. № 197, л. 438—439. 118.

² Неизвѣстный по имени авторъ церковныхъ неисправленій первой половины XVI в. жалуется даже на то, что русскіе его времени «матерны лаялись даже въ шуткахъ» (Рук. Моск. Д. Ак. № 183/366, л. 218—219. Костомаровъ, 127—129.

³ Памятники старинной русск. литерат. изд. Кошелевымъ - Безбородко вып. IV, 186—188.

⁴ Оно озаглавляется такъ: «Слово собрано отъ Божественныхъ писаній зѣло полезно, еже не сквернословити языкомъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, паче же инокомъ. Рук. Моск. Дух. Акад. № 181/544, л. 249—253. Издан. въ «Памятникахъ старинной русской литерат.», изд. Кошелевымъ—Безбородко. Вып. IV, 189—191. Оно же безъ имени автора встрѣчается въ рук. Моск. Д. Акад. № 183/573, л. 31—36. Рукон. Сив. библи. № 927 содержитъ въ себѣ самый лучшій списокъ слова.

талась самою достойнѣйшею для высшаго класса. У богатыхъ и знатныхъ непремѣнною принадлежностью двора считалась псарня. На это самое указываютъ слова м. Данила, когда онъ въ обличительномъ тонѣ обращается съ такимъ вопросомъ къ любителямъ псовой охоты: «каля ти нужа естъ псовѣ множество имѣти».

Быль еще одинъ родъ охоты, считавшійся благородною забавою царей и князей и самыхъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, — это соколиная и кречетная охота. У Данила встрѣчаются обличенія птичьей охоты особенно съ той ея стороны, что она отнимаетъ собою много времени на приученіе птицъ, о чемъ такъ ревниво заботились любители соколиной и кречетной охоты. «Кый-же прибытокъ ти естъ, спрашиваетъ митрополитъ въ одномъ мѣстѣ, обращаясь къ такимъ любителямъ, издѣлывая птицъ и изнуряя?»¹

Значительная часть обличеній Данила касается той чрезмѣрной роскоши какая господствовала въ высшемъ классѣ древнерусскаго общества. Особенно эта роскошь бросалась въ глаза сравнительно съ бѣдностью простаго народа. «Когда знатный человекъ, говоритъ Костомаровъ, одѣвался въ золото и жемчугъ, ѣдалъ на серебрѣ и заставлялъ подавать себѣ десятки кушаньевъ заразъ, деревенскій бѣднякъ во время частыхъ неурожаевъ ѣлъ хлѣбъ изъ соломы или лебеды, коренья и древесную кору».² Слова почетнаго историка мѣтко характеризуютъ эпоху въ разсматриваемомъ отношеніи. Конечно, древняя роскошь проявлялась, какъ и всегда, различно, смотря по вкусу каждаго. Проявленія, въ какихъ она выражалась среди русскихъ XVI вѣка, можно видѣть въ указаніяхъ митрополита Данила. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ объ истинныхъ подвижникахъ Христовой вѣры, описываетъ ихъ нравственную дѣятельность по противоположенію недостаткамъ своихъ современниковъ, и выражается объ истинныхъ христіанахъ, что они «презрѣша міръ и яже суть въ мірѣ, и всяку сладость, и славу и честь, и высоту и гордость, и боллрство, и возвышенныя простоты, и благородіе преизащное, и гордѣніе всякое, и царства и княжесія, и *предстоящая отроки и предыдущая слуги*, и безчи-

¹ Рук. М. Д. А. № 197, л. 457.

² Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в., 99.

сленное богатство, грады же и села, кони же и золотыя утвари, и сладость ястія и питія, златопрядныя постели и проч¹. Между общими чертами, въ которыхъ вообще проявляется роскошь, указанными Данииломъ, находятся и такія, которыя исключительно принадлежатъ только одной древнерусской жизни. Таково напр. упоминаніе о предстоящихъ отрокахъ и слугахъ. Самою неперемѣнною принадлежностью сколько-нибудь зажиточнаго древнерусскаго человека служило множество слугъ. Русскіе господа измѣряли честь и значеніе свое огромнымъ количествомъ дворин. Русскіе боярскіе выѣзды, особенно женскіе, происходили въ сопровожденіи цѣлой толпы особыхъ слугъ, называвшихся скороходами². Объ этихъ-то предстоящихъ и предыдущихъ слугахъ несомнѣнно и говорить Даниилъ. Точно также вполне современно его упоминаніе о коняхъ и дорогихъ утваряхъ. Русскіе бояре большею частію ѣздили верхомъ, и ихъ верховыя лошади украшались самымъ роскошнѣйшимъ образомъ: сбала оковывались серебромъ и золотомъ, обивались бархатомъ съ золотыми узорами, узды дѣлались серебряныя, или изъ шелковой тесьмы, или изъ сафьяна, и сверхъ того снабжались серебряными, иногда позолоченными цѣпочками и т. д.

Въ высшемъ русскомъ обществѣ развита была страсть къ богатой одеждѣ. Богатая одежда служила признакомъ благоденствія и достоинства. Помимо цѣнности матеріи, которое предполагалось само собою, вся прелесть платья, по понятіямъ того вѣка, заключалась въ ея пестротѣ и разноцвѣтности. Тогдашній вѣкъ требовалъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Русскіе мало заботились объ изяществѣ формы и о гармоніи цвѣтовъ. Даже духовныя лица носили рясы красныхъ цвѣтовъ³. Значить обличенія митрополита Даниила, что «все красятся и утешаются»⁴, нужно понимать приблизительно въ буквальномъ смыслѣ. Дѣйствительно, при любви русскихъ къ яркимъ и разнымъ цвѣтамъ можно себѣ представить ту пестроту платья, которая естественно бросалась въ глаза всѣмъ и каждому.

¹ Рук. М. Д. Ак. № 197, л. 66—67.

² Костомаровъ. Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в., стр. 111—112. 119. 121.

³ Костомаровъ. 119—120. 68. Саввантовъ П. Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія и проч. Сиб. 1863. 279—280. 289.

⁴ Рук. М. Д. А. № 197, л. 484.

Знатные носили дорогія одежды одинаково и въ праздничные, и въ будничные дни, какъ это можно заключать изъ словъ Данила, когда онъ говоритъ: «кая тебѣ нужда есть по вся дни свѣтлыми ризами украшатися, имѣмъ же и въ господскія дни ниже обычныхъ имущимъ довлѣтися?»¹.

Однимъ изъ любимыхъ русскихъ украшеній служили сапоги. Сапоги у русскихъ носились до колѣнъ; ихъ снабжали высокими желѣзными подборами и подковами со множествомъ гвоздей по всей подошвѣ, у знатныхъ лицъ эти гвозди дѣлались изъ серебра. Сапоги дѣлались изъ атласа, бархата, цвѣтные, чаще всего красные и желтые, иногда зеленые и голубые, лазоревые. Они расшивались золотомъ, особенно въ верхнихъ частяхъ и на голенищахъ съ изображеніемъ единороговъ, листьевъ, цвѣтовъ и т. п., и унизывались жемчугомъ, а у менѣ состоятельныхъ расшивались разноцвѣтными шелками². Митрополитъ Даниилъ весьма часто трактуетъ въ обличительномъ тонѣ «о сапозехъ» и «о красотѣ сапожнѣй». Онъ между прочимъ передаетъ, что тогдашніе русскіе сапоги представляли въ своихъ украшеніяхъ «ухитренна швенія премудростію шелкомъ и бисеромъ». Въ другомъ мѣстѣ описаніе сапоговъ дополняется новыми чертами: «мы не точію простыхъ и сапоговъ чрезъ потребство имѣемъ, говоритъ онъ, но съ серебромъ, и съ златомъ, и бисеромъ, и сапоговъ красныхъ шолкомъ премудростію шитыхъ». Даниилъ возмущается слишкомъ большими заботами и стараніями, какія понапрасну тратили его современники на украшеніе сапоговъ. «Ты не точію не ищещи небесныхъ, обращается митрополитъ къ современному франту въ богато убранныхъ сапогахъ, но и на небо не взираещи ни вочто же цещуя красоту небесную... яко свинія пребывая долу-ничини: о красотѣ сапожней весь умъ свой имѣя и о прочихъ ризахъ».

Въ обличеніяхъ м. Данила противъ роскоши въ одеждѣ находится упоминаніе объ украшеніяхъ, которыя, безъ историческаго освѣщенія ихъ, покажутся не вполнѣ понятными. Такъ Даниилъ обличаетъ франтовитыхъ юношей своего времени въ томъ, что

¹ Рукоп. Москв. Дух. Акад. № 197, л. 456—457.

² Савваитовъ Н. Описаніе старинныхъ царскихъ угаарей, одеждъ, орудія и проч. 178—179. 262, 156.—Косогожаровъ. Очеркъ жизни и правовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII, в. 63—64.

«умъ ихъ всегда плаваетъ... о ожерельяхъ». Это ожерелье обозначало въ древности нѣчто иное, чѣмъ то, что въ настоящее время соединяется съ этимъ названіемъ. Древнее ожерелье составляло предметъ украшенія для мужчинъ и служило составною частію русской рубахи. Преимущественно обращали вниманіе на воротникъ рубахи, который выпускался изъ-подъ верхнихъ одеждъ пальца на два. Этотъ воротникъ и назывался ожерельемъ. Его дѣлали особо отъ рубахи и пристегали къ ней у богатыхъ золотыми и серебряными пуговицами. Къ русскому кафтану также иногда пристегивалось отложное ожерелье, расшитое золотомъ и усыпанное жемчугомъ. На ожерельяхъ кромѣ жемчуга и камней всегда ставились золотыя пуговицы. Данилъ и этой принадлежности древнерусскаго туалета не проходитъ молчаніемъ. «Ты, говоритъ онъ, обличая франтовство, повѣшиваеши подъ браню твою пуговицы, сіяющія красно зѣло и красишися тако, якоже и женамъ нехлѣно есть»¹. Пуговицы въ древнерусскомъ нарядѣ играли большое значеніе. Онѣ употреблялись не только для застегиванія, но и для простаго украшенія платья. На кафтанахъ, шубахъ и другихъ верхнихъ платьяхъ, отличавшихся всегда обиліемъ разрывовъ, послѣдніе застегивались множествомъ пуговицъ. Онѣ нашивались тамъ, гдѣ въ нихъ не было никакой нужды, напр. на шанкахъ. Пуговицы приготавливались изъ дорогихъ металловъ. Особенная драгоценность русскихъ мужскихъ платьевъ заключалась между прочимъ въ этихъ пуговицахъ². Это щегольство въ «пуговицахъ» и обличаетъ митрополитъ Данилъ.

Русскіе носили пояса или кушаки по кафтану и щеголяли ими не меньше, какъ и пуговицами. У богачей кушаки дѣлались изъ богатой матеріи шелка, атласа, бархата и украшались разными драгоценностями. Пояса украшались золотыми и серебряными бляхами разной величины и формы съ жемчугомъ и драгоценными камнями³. Данилъ передаетъ еще, что русскіе щеголяли и «о иже

¹ Рукоп. Москв. Духов. Анад. № 197, л. 474, 454, 437, 458—459, 460, 461.

² Подробнѣе см. у Костомарова, Очеркъ жизни и правъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в., в. 84, 63, 68, 69, 70, 71. Саввантовъ II, Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, 229—232, 199, 248—251, 179—180.

³ Костомаровъ, Очеркъ жизни и правъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в., стр. 70—71, II. Саввантовъ, Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, 246—248, 240—241, 190.

подъ срачицею препоясаніи». Можно думать, что митрополитъ здѣсь имѣетъ въ виду обыкновенные русскіе пояса. Названіе пояса «подъ срачицею» можетъ быть понимаемо и объясняемо въ томъ смыслѣ, что срачица здѣсь разумѣется кафтанъ, который и подпоясывался поясомъ, а поверхъ кафтана накидывались еще шубы, или ферязи, такъ что за этими послѣдними плотно скрывался и кафтанъ, и обтягивавшій его поясъ. По этому поводу митрополитъ Данилъ говоритъ: «мы не точію простыхъ и сапоговъ чрезъ потребство имѣемъ... и не точію сія, но и подъ срачицею, иже никомуже зрящу, нѣщии подвижаются препоясаніе имѣти драго, серебромъ и златомъ утворенна»¹.

У русскихъ мужчинъ было въ обычаѣ носить на рукахъ перстни. Ихъ иногда носили такъ много, что трудно было разогнуть пальцы рукъ. Перстни носили не только цари, князья, но и святители и крестьяне². Данилъ осуждаетъ и этотъ родъ украшенія. «Кая ти нужда есть, говорить онъ, перстни златыя и серебряныя на персты своя полагати?»³.

Однимъ изъ видовъ древне-русскаго франтовства была заботливость объ изиществѣ фізіономіи. Русскіе того времени по восточному обычаю плотно стриглись, а иногда даже брили себѣ голову⁴. Есть указаніе на этотъ обычай и у митрополита Данила. И онъ какъ на одну изъ специфическихъ особенностей фізіономіи франта указываетъ на «остриженіе имъ главы». Несмотря на общеутвердившійся обычай стричь голову—въ XVI в., извѣстны уже стали и отступленія отъ него, рассчитанныя на эффектъ и обнаруживавшія въ нововводителяхъ стремленіе покрасоваться уборомъ волосъ на головѣ. Въ противность общему обычаю находились и такіе франты, которые растили себѣ на головѣ волосы и завивали ихъ. Какъ на особый видъ современнаго франтовства, митрон. Данилъ указываетъ на «новѣшеніе космъ»⁵. Трудно съ точностію

¹ Рукон. Москв. Духов. Акад. № 197, л. 461. 458—459.

² П. Савваитовъ. Описаніе старинныхъ царскихъ угазрей. 233. Костомаровъ, 73.

³ Рук. М. Д. Ак. № 197, л. 457.

⁴ Костомаровъ. Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в., 72—73. Сочиненія Максима Грека, ч. II, 389.

⁵ Рук. М. Д. А. № 197, л. 461.

опредѣлить, что здѣсь разумѣется подъ повѣшеніемъ космъ. Говорить-ли здѣсь Данилъ объ употребленіи париковъ, или же только объ особомъ способѣ убранства собственныхъ волосъ, — положительно неизвѣстно ¹.

Но самымъ первымъ и необходимымъ украшеніемъ древнерусскаго челоѵка — служила борода. Борода вообще имѣла большое значеніе въ жизни древней Руси. За нее стояли и православныя преданія, и народный обычай. Борода имѣла нѣкоторый религіозный смыслъ и служила признакомъ отчужденія отъ ненавистнаго западнаго латинства, и принималась за существенный признакъ всякаго православнаго русскаго челоѵка. ² Съ точки зрѣнія господствовавшихъ религіозныхъ воззрѣній ношеніе бороды называлось «христіанолѣпнымъ обычаемъ», и самая борода разсматривалась, какъ отличительная, существенная и необходимая принадлежность мужины, и даже разсматривалась, какъ одно изъ выраженій образа Божія въ челоѵкѣ ³. Освященная издавна религіознымъ характеромъ, борода и въ народной, бытовой жизни получила большое значеніе. Она признавалась первымъ условіемъ представительности челоѵка, и чѣмъ борода была больше и длиннѣе, тѣмъ осанка челоѵка признавалась почтеннѣе и вели-

¹ Изъ позднѣйшаго времени (XVII в.) извѣстно, что русскіе мужины дѣлили «на главы: власы жити, сирѣчь кудрити, или шарити, и чуждыя плетенныя — накладныя власы налагити». Мужины «украшали себе шевелювыми власы плетенными и чуждыми и накладными, и пшаво многошумурявыми, лица натурала шары и помяны». Два поученія патріарха Адріана въ рук. Соеф. биб. № 1503. л. 249, 263.

² Булгаевъ. Древне-русская народная литература и искусства г. II, СПб. 1862. Древне-русская борода. 216—237.

³ Посланіе Максима Грека къ Іоанну Васильевичу. Рук. Кирилл. библ. № 41/1000. л. 23—27. Приложение № XXVII. Посланіе неизвѣстнаго къ царю Іоанну Васильевичу. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Россіи 1874, отд. I, 86. Здѣсь говорится: «возненавидѣхомъ по созданію Божію свой образъ, строимся женскою подобіемъ на прелесть блудникомъ, главу и брану и устъ бреемъ». Неизвѣстный авторъ статьи о несправленіяхъ предъ синодомъ Стоглаваго собора обличаетъ «своихъ современниковъ въ томъ, что они бороды брѣютъ и усы рвутъ, то образу Божію поругаются» Рук. М. Д. А. № 183/544. л. 218—219. Лѣтописи русской литер. и древн., изд. Тихомировымъ, т. V, 1863. отд. III. Взглядъ на бороду, какъ на одно изъ вышнихъ выраженій образа Божія извѣстенъ былъ въ Россіи еще въ XV вѣкѣ. Русск. Ист. библ. т. VI, ч. I, № 126. Посланіе неизвѣстнаго ростовскаго архіепископа къ князю о бранобретіи.

чественнѣе. Если же у кого отъ природы не росла борода, то тотъ человѣкъ вселялъ къ себѣ общее недоверіе ¹.

Несмотря на все уваженіе къ бородамъ въ XV и особенно первой половинѣ XVI в. у насъ на Руси, подъ вліяніемъ запада, начало было входить въ обычай бритье бородъ, которому послѣдовалъ и самъ великій князь Василій Іоанновичъ ². Но этотъ обычай подвергся единодушнымъ порицаніямъ со стороны членовъ церковной іерархіи. Противъ брадобритія писали: Максимъ Грекъ, Вассіанъ Косой, митроп. Макарій, авторъ статьи о неуправленіяхъ церковныхъ, неизвѣстный авторъ посланія къ Іоанну Грозному. Стоглавый соборъ предалъ даже неблагословенію церкви лицъ, державшихъ отступитъ отъ дѣдовскаго обычая ³. Но болѣе и рѣшительнѣе другихъ настоярей церкви возставалъ противъ брадобритія митроп. Даниилъ. Онъ-же сохранилъ въ своихъ сочиненіяхъ немало интересныхъ данныхъ, представляющихъ собою, до какихъ крайностей доходило въ отдѣльныхъ случаяхъ вновь занесенный къ намъ обычай.

Появившійся обычай бритья бородъ началъ развиваться на Руси, и примѣненіе его на дѣлѣ стало сопровождаться иногда довольно оригинальными послѣдствіями. Отказавшись отъ бороды,

¹ Костомаровъ. Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в., 72. Рущикскій Л. Религіозный бытъ русскихъ въ XVI и XVII в., по свидѣтельству иностранцевъ. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. 1871 г., кн. III, 100.

² Карамзинъ, Истор. Государства Росс. т. VII, 196, изд. 1817. Г. Герберштейнъ. Записки о Московіи въ переводѣ Анонимова, 194.

³ Приложение № XXVII. Разсужденіе Вассіана о неприличіи монастырскихъ владѣть вотчинами. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1859 г. кн. III, 13. Никоновская лѣтопись, ч. VII, 111, 113. Посланіе митр. Макарія въ Свіяжскъ. Акты Истор. т. I, № 139. Рук. М. Д. Акад. № 181/248, л. 218—219. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1874, кн. I. Сильвестръ и его писанія—статья архим. Леониды, 85. Стоглавъ, изд. при Казан. Д. Акад. гл. 40, 160—164. Въ сводной Кормчей, въ составленіи которой принимаютъ участіе митр. Даниилъ (объ этомъ см. ниже) находится правило св. апостоловъ *русское: аще кто брану брѣшетъ и престоится, тако не подобаетъ надъ нимъ служити*. Розеншампъ. Обзоріе Кормчей книга, М. 1829 г. 209—312. Запрещеніе бритья бородъ находится въ выписи, сдѣланной, по указу І. Васильевича (IV), московскому воеводѣ Андрею Берсеневу отъ апрѣля мѣсяца 1552 года. Рук. Моск. Синод. библ. № 927, л. 181—186. Приложение № XXIV. Взглядъ на брадобритіе какъ ересь приводится у п. Адріана, Рукон. Соф. библ. № 1503.

самаго лучшаго своего украшенія, русскій человекъ лишеніе ея хотѣлъ восполнить инаго рода выгодами, разсчитанными на изящество физіономіи, какія представлялись ему новымъ только усвоеннымъ обычаемъ. Такъ какъ бритье бороды и усовъ оставляло послѣ себя на лицѣ замѣтные слѣды, то русскіе щеголи постарались обойти это неудобство тѣмъ, что начали не брить, а выщипывать волосы на бородѣ и усахъ, чтобы показаться предъ другими помоложе¹. Митрополитъ Даниилъ довольно долго останавливается на описаніи подобнаго рода щегольскихъ приемовъ русскихъ поклонниковъ моды. «Яко блудницамъ обычай есть, говоритъ онъ, сице въ правѣ твой уставляеши, власы-же твои не точію бритвою и съ плотію отъемлени, но и щипцемъ искорене истарзаеши, и щипати не стыдишися, женамъ позавидѣвъ, мужское свое лице на женское претворяеши. Или весь хочещи жена быти? О помраченія сластей плотскихъ! О безумія конечнаго! Свободное оставивъ, къ работному течеть. Не хочу, рече жена быти, но мужъ, яковъ-же и есмь: да аще еси мужъ, и не хочещи жена быти, почто браны твоея или и ланитъ твоихъ власы щиплещи, и искорене исторзати не срамляешися?» «Почто, спрашиваетъ митрополитъ въ другомъ мѣстѣ, не точію власи твоя, но и плоть свою съ власы твоими остригаеши отъ браны и ланитъ твоихъ?»

Заботливость русскихъ щеголей XVI в. конечно не ограничивалась однимъ вниманіемъ къ бородѣ и усамъ, она простиралась на всю физіономію, которую они старались выставить какъ можно болѣе и во всѣхъ отношеніяхъ въ привлекательномъ видѣ. Дѣйствительно, въ поученіяхъ митрополита Даниила находится интересное въ историческомъ отношеніи указаніе на то, что въ древней Руси для приданія лицу красоты обращались къ услугамъ румянъ не одні женщины, но

¹ «Ищѣи отъ насъ грубъ смыслъ имуще, читаемъ мы въ одномъ старинномъ словѣ, рѣжутъ и терзаютъ потребляюще власы одѣнія личнаго, иже сѣтъ на устѣхъ и на брадѣ, мнѣще младостию краситися ивкою ради сквернаго дѣла (содомотва). Рукон. Сое. библ. № 1296, л. 103—204. Слово къ вѣрнымъ, иже христіане словомъ нарицаются, Богови сопротивляеся коварствы и въ семь на ся грѣхи не возлагають». Это слово въ историческомъ отношеніи весьма замѣчательно по обилію данныхъ, касающихся бытовой жизни русскаго народа въ XVI в. Приложение № XXI. Объ «обычѣи рвать волосы на бородѣ и усахъ, а не брить, говоритъ также авторъ статьи о церковныхъ несправленіяхъ. Рукон. Московск. Духовн. Акад. № 193/244, л. 218—219.

и сами мужчины. «Кая тебѣ пужа есть выше, мѣры умыватися и натрываться»? ¹ съ такими словами въ одномъ мѣстѣ обращается Даниилъ къ современному франту, въ которыхъ можно видѣть ясный намекъ на искусственное поддѣлываніе мужчинами красоты своего лица. Въ другихъ мѣстахъ говорится объ этомъ подробно. «Лице жъ твоё много умываеши, такъ въ одномъ мѣстѣ описываетъ митрополитъ старанія русскаго щеголя, и натрываеши, ланиты червленны, красны, свѣтлы твориши, якоже нѣкая брашна дивно сотворена на снѣдь готовиши; устнѣ же свѣтлы, чисты и червлены зѣло дивно уставивъ, якоже нѣкимъ женамъ обычай есть кознію нѣкою ухитрати себѣ красоту, сице же подобно имъ ты украсивъ, натель, умызгавъ, благоуханіемъ помазавъ, мягци зѣло уставляеши, якоже сими возмощи многихъ прельстити; тѣло же свое не точію обидѣни и шипствы, но и безчисленными измовени и натрывани и сице блистатися и свѣдѣтися устрояеши, якоже вельми дивенъ нѣкій камень лучи свѣтлыми испущая; якоже бѣ прельщеніе рыбахъ удица, сице же и твоя плоть прельщеніе и соблазнъ, иже по образу Божію созданнымъ человѣкомъ, за нихъ же Сынъ Божій и Богъ волею своею страданіе поносное претерпѣ даже до смерти, ихъ же ты погубляеши, соблажня, прельщая, оскверняя, помощь дая сатанѣ на погубленіе человѣческаго рода». Очевидно, въ послѣднихъ своихъ фразахъ митрополитъ, болѣе чѣмъ прозрачно, намекаетъ на ужасный порокъ своего времени, когда, какъ извѣстно, русскіе особенно любили общество пухлыхъ малячиковъ и вообще мужчинъ, выглядывавшихъ молоджавыми и по своей фizioноміи походившихъ на женщинъ. —Понимая хорошо низкую, омерзительную цѣль, съ какою нѣкоторые изъ мужчинъ заботились объ изяществѣ своего лица и эластичности тѣла, митрополитъ Даниилъ вооружается вообще противъ всякихъ «свѣтлыхъ» лицъ. Выложенныя красками и липенныя волосы на бородѣ и усахъ лица мужчинъ Даниилъ называетъ ничѣмъ инымъ, какъ «блудническими лицаы». Поэтому у него встрѣчаются такого рода запрещенія: «не украшай лице свое на прельщеніе человѣкомъ, за нихъ-же Сынъ Божій возную безчестную страсть претерпѣ». Также самая тенденція скрывается и въ увѣщаніяхъ напр. слѣдующаго рода: «бѣжимъ блудницъ и сіятельныхъ лицъ и свѣтлости тѣла» ².

¹ Рук. Моск. Д. А. № 197, л. 402. 437

² Рук. М. Д. А. № 197, л. 409-410. 118. 238. 483.

Даніилъ не касается опредѣленія положительнаго взгляда на брадобріе. У него нѣтъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ ему можно было бы усвоить взглядъ на бороду, какъ на высшее выраженіе образа Божія въ человѣкѣ, какъ то утверждаютъ нѣкоторые изъ церковныхъ писателей XVI в. Онъ вооружается противъ брадобрія исключительно руководствуясь нравственными соображеніями. Брадобріе разсматривается имъ, какъ нравственно предосудительное явленіе, за которымъ скрывались очень позорныя, противныя цѣломудрію, цѣли.

Особенною наклонностью къ самому иногда причудливому франтовству отличалось въ то время, какъ пожалуй и всегда, молодое поколѣніе—юношество. У Даніила набросаны нѣкоторыя черты современныхъ ему франтовъ—волокитъ, изъ которыхъ можно составить цѣлую картину съ довольно яркимъ колоритомъ. «Блудныи юноши», по словамъ Даніила, только и знаютъ одно дѣло: они «всегда велемудрствуютъ о красотѣ тѣлеснѣй, всегда украшаются вяцше женъ умываніи различными, и натираніи хитрыми, и умъ ихъ всегда плаваесть о ризахъ, о ожереліихъ, о пугвицахъ, о иже подъ срачицею преноясаніи, о сапогахъ, о остриженіи главы, о повѣшеніи космъ, о намизаніи ока, о киваніи главѣ, о уставленіи перстѣ (со множествомъ дорогихъ перстней разумѣется), о выставленіи ногъ (для того, чтобы видно было роскошное убранство сапоговъ) и иная многая понужаются творити неполезная». Эти развратные юноши «соблазнительнѣе женъ человекомъ бываютъ». «Что бо непрелестно отъ нихъ?» спрашиваетъ Даніилъ. — «Цѣлуютъ лица ихъ и сіяютъ аки луча испущающе, устаже и гласъ, и услабленія... и прелестиѣ, лѣпотнѣе женъ, иная же сократимъ о сихъ глаголати». Для волокитъ важнымъ дѣломъ была заботливость и объ изыществѣ самой обуви. Тогда любили форснуть ограниченнымъ объемомъ ноги и волокиты приготавливали себѣ самые тѣсные сапоги. Также они не обходились и безъ дрессировки въ самомъ пріемѣ своей ходьбы и ступанія. «Великій подвигъ твориши, говорить Даніилъ о нѣкоторыхъ франтахъ своего времени, угрожая блудницамъ: ризы изыняеши, хоженіе уставляеши, сапоги velmi червлены и малы зѣло, икоже и ногамъ твоимъ велику нужу терпѣти отъ тѣсноты согнетѣнія ихъ, сице блистаеши, сице скачеша, сице рыгаеши и рзаеши, угодобляеши жребцу, благому же обычаю... ни мало хочещи навъкнути»¹. Записные франты для того, чтобы

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 461. 408—409.

придать своей фигурѣ представительную осанку и важность, пускались на всевозможные подлоги, иногда довольно смѣшные. Достоинство и сановитость человека въ древней Руси опредѣлялись вѣншею представительностью, или—проще сказать—массивностью тѣла. На этомъ основаніи нѣкоторые щеголи, чтобы привлечь на себя вниманіе чужаго особенно женскаго глаза, вкладывали подъ платье и въ сапоги особо приготовленные и приспособленные къ тому вещи, благодаря которымъ они выглядывали и выше, и сановитѣе или массивнѣе ¹. Волокитство и развратъ до того были обыкновеннымъ явленіемъ въ современномъ молодомъ поколѣніи, что вызвали м. Данила на очень тяжелыя и, до нѣкоторой степени, одностороннія разсужденія: «вельми дивно есть, говорить онъ въ одномъ мѣстѣ, еже въ огненнѣй лещи не съгорати, и во юности не студѣнствовати ².

Если для приданія лицу красоты къ услугамъ румянъ, какъ мы видѣли, обращались мужчины, то для древне-русскихъ женщинъ всевозможныя румяна и притиранья составляли самую первую и необходимую принадлежность ихъ туалета. Разнаго рода косметическія средства существовали и при великокняжескомъ дворѣ ³. Кромѣ употребленія румянъ русскія женщины для того, чтобы блеснуть своею красотою, обращались и къ другаго рода средствамъ. Особенною рѣдкою принадлежностію женской красоты считалось тогда имѣть тонкія брови, и такъ убирать волосы на головѣ, чтобы они давали видъ послѣдней виолнѣ круглый или овальный. Древне-русскія женщины любили также подкрашивать свои глаза ⁴.

Пастыри церкви осуждали обычай женщинъ украшать себя искусственными средствами.

Митрополитъ Даниилъ также указываетъ на слабость женщинъ своего времени и ихъ любовь къ искусственной красотѣ. «Нѣкіимъ

¹ Рукоп. Новг. Соф. библ. № 1296, л. 196. Слово къ вѣрнымъ Приложение № XXI.

² Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 462.

³ Забылинъ. Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII в. М. 1869. 614.

⁴ Слово къ вѣрнымъ, Приложение № XXI.

женамъ обычай есть, говорить онъ, кознію нѣкою ухитрити себѣ красоту». Впрочемъ, митрополитъ въ этомъ случаѣ не осуждаетъ самихъ женщинъ, а слагаетъ вину за это на ихъ мужей. Здѣсь Даниилъ является вполне вѣрнымъ понятіямъ своего времени, когда на жену смотрѣли не какъ на равноправнаго члена семьи, а какъ на безотвѣтную рабу мужа, которая даже сама не можетъ отвѣчать за себя и во всемъ должна полагаться на волю своего господина и мужа. Женщины, какъ мы видѣли раньше, мотивировали свои склонности къ косметическимъ приправамъ желаніемъ нравиться своимъ мужьямъ. Въ противовѣсъ ихъ мотивамъ Даниилъ обращается съ такимъ убѣжденіемъ къ мужьямъ: «не люби выше мѣры краситься женѣ твоей, ибо сія не повелѣваетъ Павелъ, но обычно якоже подобаетъ къ благоуженію Божию». Изысканность женскаго туалета и косметическія приправы ея лица приносятъ, по взгляду Даниила, громадный нравственный вредъ какъ самимъ украшающимся женщинамъ, такъ и мужьямъ, равно какъ постороннимъ зрителямъ женской красоты. Женщины, щеголяющія и рисующіяся поддѣльною красотою, прежде всего «убытки и протори содѣвають мужемъ». Неменьше вреда красящіяся женщины доставляютъ и самимъ себѣ. «Крашенія ради, говоритъ Даниилъ, мало по малу въ слабость приходятъ жены: любятъ ласкародствовати и упиватися и скверная мыслити и глаголати». Самый-же существенный вредъ отъ поддѣльной женской красоты получаютъ посторонніе зрители. «Отъ вышемѣрнаго украшенія многихъ стяжаваетъ (разумѣется женщина) дивитися красотѣ ея... и *отсюду безчисленныхъ рачителей привлекаетъ*... и тако симъ прельщающимся встанетъ похотѣніе блуда». Дальнѣйшія послѣдствія извѣстны. Увлечшіеся мужчины начинаютъ добиваться болѣе близкой связи съ предметомъ своего увлеченія и на этомъ пути являются «и исторы, и изнуренія... зависть, ревность, вражды, убійства». Во избѣжаніе такого опаснаго зла митрополитъ Даниилъ убѣдительно совѣтуетъ женщинамъ оставить страсть къ чрезмерному украшенію и—«всякаго вѣтра зельнѣйше относитъ»—отъ себя всякую мысль о ней¹.

Господствовавшая въ высшемъ классѣ русскаго общества роскошь требовала громадныхъ затратъ. Нуженъ былъ постоянный и не-

¹ Руск. М. Д. А. № 197, т. 409, 474.

изсякаемый источникъ для того, чтобы жить въ такомъ изобиліи и безопасности, какія любили древніе русскіе бояре. У нихъ было, какъ извѣстно, множество крестьянъ, работавшихъ на нихъ безъ всякаго права на какое бы то ни было вознагражденіе и своими кровными трудами составлявшихъ для нихъ большіе капиталы. На этотъ источникъ былъ болѣе или менѣе опредѣлененъ и часто не соответствовалъ широкимъ заманкамъ древнерусскаго боярина. Представлялось, такимъ образомъ, необходимымъ увеличить свои капиталы. И многіе бояре вотчинники дѣйствительно нерѣдко страшно притѣсняли своихъ крестьянъ съ цѣлю какъ можно болѣе поживиться на счетъ ихъ трудовъ¹. Извѣстно, что древнерусское боярство и дворянство составляли изъ себя классъ служивыхъ людей въ государствѣ. Боярамъ вѣрялось управленіе областей, въ нихъ вѣденіи находились государственные суды. Бояре и дворяне наполняли собою всевозможные приказы, которыми такъ была богата древняя Россія. Вообще, весь административный и судебный механизмъ государства находился въ рукахъ боярства и дворянства. Государственного вознагражденія за службу не полагалось. Служилому чело-вѣку предоставлялось право солержаться насчетъ мѣстныхъ жителей, что тогда называлось «кормленіемъ». Это то кормленіе и служило для московской знати богатымъ источникомъ, откуда она въ изобиліи черпала свои капиталы, на счетъ которыхъ и жила широко и привольно. Неопредѣленное по самому своему принципу право кормленія, отсутствіе строгихъ законодательныхъ кодексовъ, слабый и отдаленный контроль центральной власти открывали мѣсто широкому произволу во всемъ судопроизводствѣ и администраціи русскаго государства. Мѣстные власти: воеводы, правители, начальники областей и др. иногда слишкомъ разширяли свои права и дѣйствовали въ сферѣ своей области, руководствуясь не столько началомъ законности, сколько требованіями своего личнаго эгоизма, который иногда бывали несоразмѣрны. Въ XV и особенно въ XVI вѣкахъ со всѣхъ сторонъ слышались жалобы на корыстолюбіе воеводъ, присяговъ, боярскихъ дѣтей и др. чиновъ, стоявшихъ у кормила правленія государствомъ. Корысто-

¹ Много данныхъ, подтверждающихъ настоящую мысль, находится въ посланныхъ князя Курбскаго и особенно въ сочиненіяхъ Максима Грека. Три посланія не изданныя посланія князя А. Курбскаго, Прав. Соб. 1863, ч. II, 558—569. Сочиненія Максима Грека, изд. при Каз. Д. Ак. ч. II.

любие и жадность начальниковъ часто заявляли себя сильно: подъ вліяніемъ ихъ начальники разныхъ сферъ и отправленій государственной жизни пускали въ дѣло насилие, грабежи и лютую несправедливость въ судахъ, въ которыхъ рѣшающее значеніе принадлежало почти всегда взяткамъ и подаркамъ¹. Кромѣ грубаго насилие нѣкоторые изъ русскихъ властей того времени съ цѣлю наживы обращались иногда къ хитрости, особенно когда, можетъ быть, видѣли, что ихъ сила не можетъ привести къ желаемой цѣли². Вообще простой народъ въ XVI в. переносилъ ужасныя притесненія отъ властей и страдалъ и отъ другихъ невзгодъ³.

Обираніе народа высшимъ его классомъ вовсе не было сколько-нибудь исключительнымъ. Оно напротивъ освящалось закономъ, предоставлявшимъ властямъ право «кормиться» на счетъ

¹ Жалобы на несправедливость русскихъ властей высказывались еще въ XIII в. Поученіи Серапіона, еп. Владимірскаго, Прибавлен. къ тв. св. отецъ, м. 1843, ч. I, 92, 11, 194—203. Въ поученіи ко князьямъ высказываются жалобы на то, что власти и тивуны мужи небогобойны, лютыны, суда неразумѣюще, правды несмотрѣюще... Памяти Старин. русск. литературы, изд. Кушелевымъ Безбородко, вым. IV, 184. Прав. Собесѣд. 1859, ч. III. Два древнія поученія о поскѣ 434. Вотъ что пишетъ прендобный Максимъ Грекъ о современныхъ ему русскихъ властяхъ: властелины несправедливо посылатаго сребролюбія разкидаючи обидѣти, лихоимствуютъ, хотѣти имѣти и стизжаніа вдовщъ и сиротъ, всякіа вини замышляюще на неопытныхъ, ни Бога боудеще..., ниже челоуковъ срамляющеся окрестъ себя живущихъ, людемъ глаголю и имѣнцѣ, иже зде и латина сѣтъ по ереси, по всякимъ правосудіемъ и челоуколюбіемъ правити вещи подручникомъ. Сочиненія Максима Грека ч. II, 200—201. Стоглавъ, изд. Кожанчикова, 137—138. Курбскій, письма въ Прав. Собесѣд. 1863 г. ч. II, 367. см. Приложение № XXII.

² Максимъ Грекъ говоритъ слѣдующее: «только прендобная іудейскаго сребролюбія и лихоиманія страсть посылаемымъ отъ благочѣрнаго царя ко градіахъ судіямъ и апопнатомъ, яко поволѣти своимъ слугамъ всякіа неправедныя вини замыслити вѣстивеніи и неистивеніи на имущихъ имѣніа или почитаніемъ разнымъ въ дома ихъ въ пощи, или жертваго челоука трунь пришептати, оне не личестна вѣстивіа нѣхъ пометати поередѣ столпы, да яко праведно будго вѣстивіа убитаго навѣтъ имуть не одну улицу, но всю оную часть града вѣстивіа о убійствѣхъ ономъ и сребро много собой собирать отъ сицевыхъ корыстованій неправедныхъ и богомерзкихъ». Сочиненія Максима Грека ч. II, 199—200.

³ Стоглавъ, изд. Кожанчикова, 46—47. Костомаровъ, Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в. 117. Курбскій, Прав. Соб. 1863 г. ч. II, 358—369. Древнерусскому Государственному строю нечужда была забота объ общественномъ благѣ. *Оршацкій*, Исслѣдованія по русскому праву семейному и наследственному. Сиб. 1877, 363.

народа. Власти не особенно мучились совѣстію и тогда, когда они безпощадно грабили простой народъ, такъ какъ они видѣли въ этомъ свое право, а не нарушение закона. Усвоенная въ болѣе формальномъ направленіи религіозность русскаго народа избавляла русскихъ жестокихъ властей отъ угрызений совѣсти. Конечно было много личностей и изъ начальствующихъ, которые сознавали неосновательность и нравственную несостоятельность своего жестокаго права. Несмотря на то, что высшій классъ древнерусскаго общества, властный, живъ на счетъ простаго народа, онъ тѣмъ не менѣе по отношенію къ послѣднему отличался крайнимъ высокомѣріемъ, которое даже освящалось обычаями и возводилось въ требованіе этикета¹.

Корыстолюбіе и жадность властей и вообще высшаго класса обуславливались стремленіемъ ихъ обставить свою жизнь роскошью и окружить ее всевозможнымъ довольствомъ и наслажденіями. Древніе богачи устроили обширныя палаты—дома для своего жительства, заводили богатую мебель и дорогую утварь, дѣлали частые пиры, а иногда предавались широкому разгулу².

Митрополитъ Даніилъ передаетъ, что бояре его времени особенно сильную склонность обнаруживали къ возведенію домовъ и другихъ новыхъ построекъ, иногда безъ особенной нужды и надобности въ нихъ. Поэтому онъ и совѣтуетъ имъ «домы созидати въ потребныя времена и лѣта и отъ избытковъ, а не отъ личнства».

Митрополитъ Даніилъ настойчиво осуждаетъ неразумную жадность высшаго класса. «Кая тебѣ нужда есть, спрашиваетъ онъ, вещи многы куповати и симъ или пзгивати, или отъ огня, погубати или отъ татей въсхищатися»? Точно также у него мы находимъ указаніе на незаконныя насильственные пріобрѣтенія высшихъ лицъ и бояръ. «Ты, такъ обличаетъ митрополитъ несправедливые захваты своихъ современниковъ, вослищаещи насилствуя злато, сребро, ризы, дома, нивы, рабы, кони и другія скоты и прочая вещи. Даніилъ перечисляетъ тѣ предосудительныя средства наживы, какія употреблялись привычными къ роскошной

¹ Герберштейнъ. Записки о Московіи, въ переводѣ Анонимова, 86.

² Сочиненія Максима Грека ч. II, 332.

жизни боярами, когда они усиѣвали, благодаря своей слабости, значительно сократить свои капиталы. Развившаяся страсть къ роскоши, ко всѣмъ удобствамъ жизни побуждала ихъ изыскивать средства, часто весьма предосудительныя, для того, чтобы поправить свои финансовыя обстоятельства. Послѣ перечисленія предметовъ, которыми особенно любили щеголять русскіе бояре, митрополитъ Даниилъ продолжаетъ: «и сихъ ради всѣхъ многихъ доходовъ выискуемъ и аще ти не достанетъ что, якоже обыкль еси отъ безумія твоего много расхода имѣти, крадеши, насильствуеши, грабиши, ябедничествуеши, занимаеши, и немѣя чѣмъ отдати бѣгачи, запираеши, клятвенпреступаеши и иная безчисленная злая содѣлаеши»¹. Особенно много помогало самому легкому и быстрому обогащенію ябедничество и шпіонство, о которыхъ здѣсь упоминаетъ митрополитъ². Много было и другихъ случаевъ, гдѣ низкая испорченная русская натура вмѣсто честнаго труда открывала себѣ источники легкой наживы. Но случалось и такъ, что всѣ интриги, разчитанныя на наживу изъ чужаго кармана, не удавались и вмѣсто того вся бѣда обрушивалась на самаго интригана. Еще болѣе печальная и жалкая участь постигала лицъ, не умѣвшихъ прибирать къ своимъ рукамъ чужое добро, но сильно развившихъ въ себѣ страсть къ роскошной обстановкѣ. Здѣсь дѣло доходило до того, что несчастные лишались разсудка, и оставляли безъ средствъ къ существованію свою семью: жену и дѣтей. Объ этомъ упоминаетъ митрополитъ Даниилъ. «Доколѣ питаніе, доколѣ играніе и щипленіе, доколѣ дrochenіе (изнѣженность) и тунеяденіе, говоритъ онъ, и отъ сего заимованіе, и паки, и кабымы и жемъ и дѣтемъ житаніе и слезы, самому и исчезновеніе и умаизступленіе»³.

Даниилъ представляетъ нѣсколько положительныхъ наставленій, относящихся къ судьямъ и правителямъ. «Подобаесть, поучаетъ онъ, судьямъ праведнымъ быти и исполненнымъ страха Божія и премудрости, но и простоту же, и кротость, и смиреніе и благопреступное всѣмъ показати, праведную ярость на обидящая имѣти, себе же не отщати и своя славы, и чести не

¹ Рук. М. Д. А. № 197, л. 442, 437, 436—459.

² Костомаровъ, Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в., 128—129.

³ Рук. Моск. Синод. библ. Патриарш. библ. № 496/277, л. 332—333.

искати, но о всемъ славу и честь Христу Богу въсылати». Особенно онъ заповѣдуетъ имъ «судити не мздою и посулоимствомъ, но праведно благоугоди», и наставляетъ предъ ними на томъ, чтобы они не были «подкрадени или *слушаніемъ* или *даротриномъ* или *честію*»¹. Говоря о посулоимствѣ, Даниилъ разумѣтъ здѣсь чрезымѣрные поборы властей, и, осуждая ихъ, вовсе этимъ не хочетъ отказать властямъ во всякомъ пользованіи со стороны народа и подчиненныхъ. Требованіе этого рода было въ то время невысказано, когда, каждый служилый человѣкъ исключительно существовалъ только на счетъ своего мѣста, не получая ничего отъ правительства. Митрополитъ совѣтуетъ властямъ умеренность во взысканіяхъ съ народа, руководствуясь здѣсь совѣстью и сознаниемъ отвѣтственности предъ Богомъ. «Властель но Божѣ вся да творить, милость и правда всегда съ нимъ да пребываетъ, суди не на лица зряще, но праведный судъ да судять, узаконенными имъ доходы и оброки да довлѣются»².

Высшій классъ древне-русскаго общества отличался высокоуміемъ и недоступностію. Даже и въ томъ случаѣ, когда богатъ наприм. хотѣлъ оказать вниманіе маленькому въ его мнѣніи человѣку, то онъ выражалъ его въ самыхъ грубыхъ формахъ. Самая святая обязанности христіанина обращались для многихъ изъ зазнавшихся безсердечныхъ богачей въ прекрасный случай показать свое я и унижить ближняго. Когда хотѣли напр. подать нищему милостыню, то, прежде чѣмъ вручить ее бѣдняку, послѣдняго ругали, на него кричали, называли самыми позорными именами и, только втоптавъ его въ грязь, убивъ его нравственно, кидали ему кусокъ хлѣба или что-либо въ этомъ родѣ³. Митрополитъ Даниилъ рассказываетъ, что многіе изъ его современниковъ «съ свирѣпствомъ и кричаніемъ составляли позорище на нищаго», когда по-

¹ Рукоп. Моск. Духов. Акад. № 197, л. 436, 437—438.

² Рукоп. Москов. Синод. бывш. Патриарш. Библиот. № 42/217, л. 333—332.

³ Максимъ Грекъ сообщаетъ, что нѣкоторые изъ зазнавшихся богачей его времени «нищихъ и сиротъ, вразомъ и голодомъ тающихъ и въ вѣ вратъ стоящихъ и горько плачущихъ своею скудости ради, вреже обложивше горькими лаїбами (ругательствами), отгоняли кинувшие кусокъ хлѣба гнилаго». Сочиненія Максима Грека ч. II, 173. Въ словѣ «о двадесяти мытарствѣхъ» послѣднимъ мытарствомъ выставляется «скудость... или нища изгнали изъ дому своего не дающе милостыни или съ грязничею на нѣ». Рус. Слов. биб. № 1444, л. 124—128.

давали ему милостыню. Поэтому поводу митрополитъ такъ увѣщаетъ своихъ духовныхъ чадъ: «въ подаванні нищимъ и убогимъ съ благословеніемъ тихо, и кротко, и веселымъ сердцемъ, и въ сладости словесъ... отвѣдай нищему и убогому и сокрушенному въ болѣзняхъ тихо, кротко, смиренно, слово сладко... подаждь убо золото и серебро, и мѣдницу и иная, елико возможно ти есть, точію тихостію, и въ веселіи сердца, а не *свѣрхъствомъ и кричаніемъ составляй позорища на нищаго*; но милость сотворимъ по возмозному; даждь уломокъ хлѣба, даждь слово благо, даждь умиленіе сердца твоего, воззри на нь сладко умиленными очима, поскорби о немъ въ умѣ своемъ, милостыня бо всѣхъ добродѣтелей болши и вышши есть»¹.

Въ характерѣ древне-русскаго человѣка было мало искренности. Другъ тогда считался другомъ, когда отъ него рассчитывали получить пользу. Дружба болѣе всего цѣнилась по выгодамъ: часто самые искренніе, повидимому, друзья расходились, когда видѣли, что ихъ дружба не сопровождается выгодами для того или другаго. Оттого въ древности и распространено было убѣжденіе, что рѣдко можно найти хорошаго друга, а если онъ паче чаянія и находился, то ему не особенно довѣряли, основательно опасаясь, что онъ преслѣдуетъ здѣсь какую-нибудь, рассчитанную на личную выгоду, заднюю цѣль². Конечно, нерѣдко представлялись примѣры въ древне-русской жизни крѣпкой дружбы между нѣкоторыми лицами, но эта дружба ихъ болѣею частію покоилась не на взаимной симпатіи и гармоніи характеровъ, не на нравственныхъ качествахъ послѣднихъ, а чаще всего—на ви́шнихъ основаніяхъ, за которыми скрывался расчетъ на выгоды, и за измѣненіемъ которыхъ видоизмѣнялся характеръ и самой дружбы, нерѣдко иногда переходя во вражду³. Нѣсколько примѣровъ подобнаго рода дружбы представляетъ митрополитъ Даниилъ въ одномъ изъ словъ своего соборника. «Мнози, говоритъ онъ, любятъ другъ, но они ви́шняя премудрости ищуще, овиже ради имѣній, овиже славы ради, овиже ради пищи и пиянства, овиже блуда ради любятъ другъ друга,

¹ Рукон. Моск. Духовн. Акад. № 199, л. 433. Это наставленіе хотя и не болѣе сжато въ видѣ находится и въ Домостроѣ: «иже ли неимѣиши что подати (нищему) и ты рече слово утѣшно». Домострой М. 1849. 36.

² Костомаровъ. Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в. 127.

³ Приложение № XXV.

овиже въ тѣхъ и разбѣхъ съглашаются и любятъ другъ друга»¹.

Взаимное недовѣріе и недоброжелательство дурно отзывалось и въ общественной, и въ частной жизни древне-русскаго общества. При всякомъ дѣлѣ, при всякомъ новомъ предпріятіи никто не могъ разсчитывать много на поддержку со стороны другихъ, равно какъ мало полагались и на него, и на его дружеское содѣйствіе. Одинъ изъ видовъ взаимныхъ нравственныхъ обязательствъ—клятва и та значительно утратила свое настоящее значеніе въ обществѣ: самой священной клятвѣ иногда не вѣрили. Митрополитъ Даниилъ довольно часто вооружается противъ клятвопреступленій и неумѣстнаго употребленія самой клятвы, какія допускали многіе изъ его современниковъ².

Мало того, что между членами русскаго общества, особенно высшаго, не существовало крѣпкой нравственной связи и солидарности интересовъ, между ними поддерживались постоянныя интриги. Возвышеніе чловѣка по ступенямъ служебной іерархіи, или поднягіе его матеріальнаго благосостоянія приготавливали ему въ тиши не мало враговъ и завистниковъ, которые начинали ему дѣлать ковы, чтобы если не поживиться на его счетъ, то по крайней мѣрѣ уронить его въ глазахъ другихъ. Какъ близко принималось къ сердцу, и сколько вражды и зависти вселяло въ сердце другихъ благосостояніе того или другаго лица, это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ митр. Даниила, который описываетъ нравственное состояніе завистника своего времени такимъ образомъ: «егда убо видить (онъ) кого добре богатство имуща, завидитъ, трисется, враждуетъ, укоряетъ»³. Зависть очень часто проявлялась на дѣлѣ интригами, происками противъ того, кому почему-либо начинало улыбаться счастье по службѣ, или въ экономическомъ положеніи. Но тутъ чаще всего противъ счастливица въ дѣйствіе

¹ Рук. М. Д. А. № 197, л. 351.

² Противъ безнравственнаго употребленія клятвы писалъ еще митроп. Фотій. Акты Ист. т. I, № 34, 66. Посланіе Фотія въ Псковъ.—Въ древне-русскихъ поученіяхъ встрѣчаются осужденія неумѣстнаго употребленія клятвы. Прав. Собор., 1859, ч. I. Два поученія о празднованіи воскреснаго дня и о житіи христіанскомъ 471—472. Статьи о церковныхъ несправленіяхъ въ Рук. Моск. Дук. Акад. № 183/266, л. 218—219.

³ Рук. Моск. Д. Акад. № 197, л. 439. 482.

пускались доносы. Система доносовъ имѣла широкое примѣненіе въ древней Руси и служила однимъ изъ великихъ золъ, развѣдывавшихъ тогдашнюю общественную жизнь. Особенно это зло увеличивалось тѣмъ, что доносители на другаго, если оправдывался нѣ доносъ, имѣли право на вознагражденіе изъ состоянія того лица, на которое дѣлался доносъ. Путемъ доносовъ нѣкоторые, искусные служители своего позорнаго ремесла, обвиняли зажиточныхъ изъ класса служилыхъ людей лицъ въ мошенничество, несправедливости, опущеніяхъ по службѣ, благодаря чему тѣ лишались мѣста и имѣнія, и засылались въ отдаленныя мѣста государства, а сами доносчики, пользуясь своимъ правомъ, присвоивали себѣ ихъ состояніе¹. Нѣкоторые намеки на подобныя дѣйствія находятся и въ сочиненіяхъ м. Данила. «Друзинъ, такъ продолжаетъ свою рѣчь митрополитъ о завистникахъ своего времени, которые были непрочъ поживиться несчастьемъ своего товарища, недугомъ зависти одержими, *многихъ нанастемъ и бѣдамъ предають*, якоже Каинъ, якоже Исавъ, якоже Лавановы дѣти, якоже Іосифовы братья, и якоже о Корѣи, и Даоанѣ и Авиронѣ, якоже Маріамъ, якоже Саулъ на Давида, якоже архіереи и фарисеи на Христа». По словамъ м. Данила нѣкоторые его современники жили «неправедно богатыяся, чужая похищающе, и насилствующе и яко звѣри дивнъ къ единоплеменнымъ бывающе. Доколѣ неправды и лукавство? Почто снѣдаемъ другъ друга, насилуяи и грабя брата своего? Съ подобными укорами Данилъ неоднократно обращается къ своимъ современникамъ².

У высшаго древне-русскаго боярства существовало еще одно особое условіе, которое всегда служило постояннымъ источникомъ и поводомъ къ раздорамъ въ ихъ средѣ, это именно мѣстничество, или борьба изъ-за положенія и вліянія при дворѣ великаго князя. При дворѣ всегда происходила борьба боярскихъ партій, а въ малолѣтство Іоанна IV, въ послѣдній періодъ святительскаго служенія Данила, она достигла даже до крайней степени своего напряженія. Даже тѣ лица, которыя пользовались безраздѣльно въ извѣстное время своимъ вліяніемъ при дворѣ, и тѣ не могли быть

¹ Костомаровъ, Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в. 117. 128—129.

² Рук. Моск. Дух. Ак. № 197, л. 482, 401, 63, 349.

выполнѣ увѣрены въ прочности своего настоящаго положенія. Противъ нихъ всегда формировалась враждебная партія, дѣйствовавшая если не всегда съ успѣхомъ, то всегда настойчиво, и тѣмъ конечно постоянно беспокоила тѣхъ лицъ, противъ которыхъ нацѣлывались ея дѣйствія. Происходила, такимъ образомъ, борьба, которую м. Даниилъ сравниваетъ по ея силѣ съ дикостью и яростью животныхъ. Нѣкоторые современники Даниила изъ бояръ, живя въ обществѣ, «мятежи сотворяли» и жили «яко звѣри дивін другъ друга сѣдающе». Митрополитъ боярскія распри относитъ къ числу такихъ явленій, которыя только свойственны «обычаямъ поганныхъ язычниковъ». Въ основѣ всѣхъ взаимныхъ боярскихъ интригъ, происковъ лежала зависть къ болѣе выгодному положенію другаго, опасеніе, какъ-бы родъ другаго боярина не занялъ высшаго его государственнаго поста въ ущербъ знатности его собственнаго рода. Даниилъ такъ именно и понимаетъ сущность дѣла и довольно распространяется о зависти. Митрополитъ прежде всего нѣсколько опредѣляетъ то, въ чемъ именно выражается зависть, заимствуя нѣкоторыя черты для нея изъ жизни современнаго ему общества. «Сія зависть, говоритъ онъ, высоту престоловъ желаетъ, всѣхъ славу на себя влечетъ, всѣхъ честнѣйша любить быти, лукавства стяжаваетъ, правды отвращается, ближняго злымъ радуется и веселится якоже о напастехъ и бѣдахъ ближняго». Далѣе онъ указываетъ на множество золъ, вносимыхъ въ общество завистью. «Что убо есть зависти лютейши и губительнѣйши? спрашиваетъ Даниилъ. Сіе вселенную безчисленныхъ наполни злыхъ: сія отъ человековъ смиреніе и любовь изгна, сія родъ нашъ растерзавъ, въ ненависть и убійство преврати, сія на божественныя церкви возста, сія ярость и гнѣвъ отъ Бога наводитъ, сія и прежде смерти мучить и томить и по смерти вѣчному огню предастъ: сія страсть паче всѣхъ страстей губительнѣйши»¹.

И въ другихъ случаяхъ митроп. Даниилъ касается самоуправства бояръ, ихъ гордости, хищничества. Ему самому нѣкоторое время пришлось жить и дѣйствовать въ самый разгаръ боярскихъ смутъ, происходившихъ въ малолѣтство Іоанна Грознаго, отъ которыхъ онъ самъ въ послѣдствіи и пострадалъ. Въ связи съ крайнимъ развитіемъ боярскихъ смутъ, терзавшихъ государство въ по-

¹ Рук. Моск. Д. Акад. № 197, л. 401. 405. 482—483.

свѣдѣній періодъ служенія Данила русской церкви, находятся происхождение его окружнаго посланія. Окружное посланіе было написано Даниломъ въ послѣдній мѣсяцъ своего первосвятительства, предъ самымъ наденіемъ. Посланіе носитъ въ себѣ всѣ черты обстоятельствъ времени своего происхожденія, и по духу и характеру своего содержанія вполне отвѣчаетъ названію прощальнаго пастырскаго посланія. Въ немъ ясно обозначаются побужденія, вызвавшія Данила на его трудъ и послужившія для него поводомъ къ написанію посланія. Здѣсь онъ прямо заявляетъ, что онъ пишетъ свое посланіе «хотя показати вину лѣтъ сихъ и временъ», отличительныя черты которыхъ составляли, по его собственнымъ словамъ, «несогласія и пререканія, раздѣленія же и разпрѣнія, расколы же и раздоры, раздвоеніе же и раздѣленіе»... Современная исторія Россіи вполне подтверждаетъ слова митрополита. 1538 и начало 1539 года совпали для Россіи со временемъ борьбы двухъ боярскихъ партій: Бѣльскихъ и Шуйскихъ. Борьба была въ самомъ разгарѣ, враги не щадили въ отношеніи другъ друга ничего, и не стѣснялись въ выборѣ средствъ: насилія, обманы, наушничества и даже убійства, однимъ словомъ все преступное пускалось въ ходъ, если только оно могло сколько-нибудь способствовать узурпаторскимъ цѣлямъ того или другаго временщика. Бѣльскій, сторонникъ митрополита и человѣкъ все-таки болѣе уважаемый и достойный, чѣмъ его противникъ, палъ. Грубая, не знавшая теперь сильныхъ препонъ, месть Шуйскихъ обрушилась на всѣхъ, поддерживавшихъ сторону ихъ противниковъ. Одною изъ первыхъ жертвъ ея сдѣлался самъ м. Данилъ, какъ лицо самое видное и вліятельное въ государствѣ, особенно въ государствѣ, оставшемся въ номинальной власти монарха-дитяти. Митрополитъ, конечно, понималъ всю щекотливость своего положенія и приготовился ко всему. Между прочимъ, какъ пастырь, ревностный къ проповѣдыванію слова Божія чувствуя шаткость подъ собою почвы, и ожидая съ часу на часъ для себя перемѣны къ худшему, онъ рѣшился въ послѣдній разъ побесѣдовать съ своею паствою и дать ей послѣдніе благочестивые совѣты, необходимыя ей для существованія въ такое смутное время, и проститься съ нею лобзаніемъ мира и истинно-христіанской любви. Предчувствуя свое близкое наденіе, митрополитъ не хотѣлъ ограничиться въ своемъ пастырскомъ обращеніи къ паствѣ одною нравственною стороною дѣла, сферою однихъ нравственныхъ наставленій. Чистота и непоколебимость православія, за которыя всю свою жизнь боролся митрополитъ, теперь въ такое тяжелое для

него и всей русской церкви время, тѣмъ болѣе сосредоточивали на себѣ его особенное и преимущественное пастырское вниманіе. Политическія безурядицы, время самое благопріятное для развитія и распространенія какъ гражданской, такъ и религіозной разнузданности и свободомыслія, слѣды прозябавшей въ разныхъ новыхъ оттѣнкахъ ереси жидовствующихъ и наконецъ развращающее и заражающее вліяніе запада,—все это, взятое вмѣстѣ, послужило историческимъ побужденіемъ, заставившимъ митрополита отвести въ своемъ посланіи мѣсто и увѣщаніямъ о твердомъ храненіи православной вѣры.

Такимъ образомъ въ историческихъ обстоятельствахъ, обусловливавшихъ собою происхожденіе окружнаго посланія, намѣчаются два отдѣльные предмета. Дѣйствительно, послѣдніе указываются и въ самомъ оглавленіи посланія, которое читается въ полномъ его видѣ такъ: «о смиреніи, и соединеніи, и о согласіи, и о любви, и о соблюденіи православныя вѣры и закона». Тутъ же въ оглавленіи прибавлено что посланіе, адресовано было имъ «всѣмъ купно»¹. Въ самомъ посланіи ясно обозначаются два предмета, это ученіе о взаимномъ согласіи и о любви, и о твердомъ храненіи православія, соответственно которымъ и самое посланіе распадается на два отдѣла, далеко правда неравномѣрные между собою.

Заслуживаетъ вниманія самое начало посланія, гдѣ перечисляются тѣ лица, къ которымъ оно обращено. Здѣсь перечисляются въ общихъ чертахъ всѣ слои общества, входившіе въ составъ его паствы, какъ мірскіе, такъ особенно духовные, изъ которыхъ упоминаются и епископы («священноначальники и сослужебники») и священники. Свои пастырскія наставленія митрополитъ начинать съ собственной пастырской исповѣди. Онъ распространяется много о своемъ умственномъ и нравственномъ недостойствѣ, называетъ себя грубымъ и безумнымъ. Не одна впрочемъ отрицательная сторона своей нравственной дѣятельности затрогивается Данииломъ въ пастырской исповѣди. Онъ приводитъ на память своей паствѣ и то, что онъ все-таки былъ для нея пастыремъ добрымъ, исполненнымъ самой искренней любви къ ней, ревностнымъ проповѣдникомъ слова Божія, постоянно назидавшимъ

¹ Рукоп. Москов. Дух. Акад. № 54/151. 2. 413—425.

ее своимъ учительнымъ словомъ, и особенно много проповѣдывавшимъ ей о смиреніи и любви, которыми разрушаются всѣ козни врага человѣческаго діавола.

Порожденная боярскимъ самоуправленіемъ безпорядочность въ администраціи и во всемъ государственномъ организмѣ современной Руси была столь ясна для всѣхъ и обнаруживалась въ такихъ рѣзкихъ чертахъ, что митрополитъ Даниилъ очень строго смотритъ на главную причину, вызвавшую безпорядки въ государствѣ, именно на раздоры и разногласія, и усвоить имъ значеніе такихъ источниковъ, которые «вся злая содѣлають» и которые есть «всѣхъ злыхъ начало и конецъ». Ожесточенная борьба партій, во время которой совершенно игнорировались интересы государства, сильно беспокоила митрополита Даниила, и подъ непосредственнымъ вліяніемъ ея онъ уже высказываетъ опасенія за цѣлость государства и смотритъ на раздоры, разѣдавшіе высшія правительственныя сферы, какъ на главныя причины, влекущія къ гибели самое государство. Въ подтвержденіе того какъ нагубны раздоры вообще и государственныя въ особенности, Даниилъ ссылается на примѣръ израильскаго народа, политическая судьба котораго столь извѣстна своею трагичностью. «Откуда убо Израильтиномъ злая виждоша изначала, съ такимъ вопросомъ между прочимъ обращается архипастырь, не отъ раздѣленія-ли, и распрѣнія и несогласія, отъ гордости и самочинія? За свои грѣхи и политическія ошибки израильтяне и получили соотвѣтствующее наказаніе: они «всѣчески предани быша, и расточени, и порабощени во всѣхъ языцѣхъ.» Во время самаго разгара борьбы между двумя партіями, для того, чтобы вырвать побѣду изъ рукъ противоположной стороны, весьма часто пускались въ дѣло всевозможнаго рода интриги, тайныя непозволенные средства, среди которыхъ ложь, клевета, наушничество стоятъ на первомъ планѣ. Порокъ лжи и вообще клеветничества, сильно развитый въ то время, являлся одною изъ самыхъ тлетворныхъ причинъ, усиливавшихъ и возбуждавшихъ взаимныя недоразумѣнія и раздоры. И чѣмъ ближе находилось общество къ центру власти, тѣмъ болѣе оно сосредоточивало около себя элементовъ для наушничества, съ одной стороны само служа предметомъ его, а съ другой—само развивая его съ цѣлію вредить своимъ конкурентамъ по вліянію при дворѣ. Въ рассматриваемое время ябедничеству открывалось самое обширное поле дѣятельности, такъ какъ для него представлялись два цен-

тра тяжести—двѣ партіи. Несомнѣнно, среди бури страстей и раздоровъ, и самому митрополиту много приходилось выносить отъ позорной клеветы. Потому-то онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на язвѣ своего времени лжецахъ, клеветникахъ, шепотникахъ (наушникахъ). «Всякъ лживый всегда безъ дерзновенія есть, говоритъ. Даниль о ябедникахъ своего времени, и не навидимъ есть отъ Бога и отъ человѣкъ, *лживый всегда инымъ, и разпрѣ, и раздѣленія воздвизаетъ въ челоушникахъ, тайны открываетъ, сокровенная испытуетъ, сраоты добре совѣщанныя разоряетъ, и любви погубляетъ и отлучается, и клятвопреступаетъ, и отъ Бога отлучается, кленется и прочая вся злая содѣваетъ. Тако же шепотниковъ и клеветниковъ изгоняйте, продолжаетъ пастырь, шепотникъ бо и клеветникъ вся злая имать: шептаніе, клеветаніе, ненависть, зависть». Въ заключеніе своей рѣчи о ябедникахъ Даниль осуждаетъ ихъ словами Св. Исаака Сирина ¹. Какъ тяжелъ и невыносимъ нравственный характеръ ябедника, такъ напротивъ увлекательна личность истиннаго достойнаго христіанина. Нравственный обликъ христіанина рисуется здѣсь отчасти и по противоположности съ личностью ябедника. Истинный христіанинъ, по словамъ Данила, «о клеветахъ брата своего не радуется, но и скорбитъ о семъ, а на шептаніе, и на клеветаніе не грядетъ, и о чужихъ тайнахъ не пытается, и чужихъ согрѣшеній не смотритъ, и немощей братскихъ не проноситъ, и о паденіи брата своего не радуется, не любяи шепотниковъ и клеветниковъ сей боголюбецъ и челоуколюбецъ есть... сей истинный христіанинъ есть. Въ похвалу нелюбящихъ клеветъ митрополитъ приводитъ слова св. Ефрема Сирина ².*

Въ противовѣсъ раздорамъ и несогласіямъ, которые разѣдали современное русское общество, архипастырь рекомендуетъ своей несчастной паствѣ усвоить истинно-христіанскую любовь и смиреніе. Блага христіанской любви и смиренія неисчислимы. «Смиренія ради вся благая бываютъ намъ: смиреніе бо и кромѣ тру-

¹ л. 419. Здѣсь Даниль привелъ краткое изреченіе изъ 83 слова св. Исаака, которое вполне вѣрно передаетъ мысль св. отца. Творен. св. Отцевъ, т. XXIII. Св. Исаака Сирина слова подвизничества, 490.

² л. 419. Даниль приводитъ здѣсь цитату изъ перваго слова св. Ефрема о добродѣтеляхъ и порокахъ. См. Твор. св. отецъ, т. XII. Твор. св. Ефрема Сирина ч. I, § 19, 25.

довъ многа согрѣшенія прощаетъ, кромѣ же смиренія, прощенія грѣховъ не бываетъ, ниже ино что исправляется... безъ смиренія вся бесполезна и бѣдна суть». Свои разсужденія о благахъ христіанской любви и смиренія Даниилъ аргументируетъ множествомъ текстовъ св. Писанія, взятыхъ изъ евангелія и посланій апостоловъ Петра, Павла, особенно много—Іоанна Богослова и др. и въ заключеніе убѣждаетъ всѣхъ пасомыхъ воспринять «смирение, братолюбіе, любовь: идѣ же бо естъ смиреніе, братолюбіе и любовь, говоритъ пастырь, ту вся благая бывають».

Это составляетъ одинъ и самый интересный и обширный отдѣлъ посланія. Въ немъ какъ можно видѣть, высказано авторомъ нѣсколько горькихъ истинъ своимъ современникамъ. Весьма многіе изъ послѣднихъ, будучи сами свидѣтелями общественныхъ неурядицъ, или что еще хуже, сами будучи одними изъ виновниковъ ихъ, въ словахъ окружнаго посланія митрополита могли видѣть не безъ основанія изображеніе самихъ себя, и тѣмъ еще съ большею силою могли вооружиться противъ архипастыря. Поэтому въ заключеніе перваго отдѣла митрополитъ вноситъ оговорку, въ которой изъясняетъ истинный смыслъ и истинныя намѣренія, руководившія имъ при написаніи посланія. Онъ говоритъ: «яко же и преди рекохомъ вамъ и засвидѣтельствовахомъ о семъ же апостольскомъ словеси (о любви къ ближнему), *да не кто поречетъ на насъ, не яко бо окаяхуа кою или имяновихомъ имя кою, но паче себе воспоминаа, и себе уча и наказуа и послушающихъ и паки хотя показати вину лѣтъ сихъ и время скоропреходныхъ, и мимотекущихъ, и якоже коло вращаетъ скоро, сице превращающихся случающихся и послѣдующихъ всѣмъ челоуѣкомъ искушеній же, и скорбей несогласія, и пререканія, раздѣленія же и расирѣнія, яко ди каждо познавъ себе зазритъ и поречетъ себе, еже бо и зазрити себѣ спасеніе естъ... и сице бо каждо смирится и спасется».*

Второй отдѣлъ посланія содержитъ пастырскія увѣщанія о сохраненіи православной вѣры и нѣкоторыя правила и совѣты относительно обращенія съ еретиками. «Вы же возлюбленніи, обращаетъ къ своей паствѣ митрополитъ, Божіи угодицы и христіанобцы во благочестивѣйшемъ отечествіи вашемъ (нашемъ?) возрастше во святѣмъ и честиѣмъ православіи и въ величѣмъ благочестіи, крѣпцѣ содержите и соблюдайте великое святое и честное православіе и предаіе и законы Божія, яке пріагъ великая

святая Божія соборная и апостольская Церкви отъ Господа Бога и отъ святыхъ ученикъ и апостолъ, и вселенскихъ святыхъ соборовъ и помѣстныхъ, и завѣщаній, и законовъ, и прочихъ Божественныхъ писаній повелѣнная, и уставленная, преданія и законы во славу Господа Бога нашего Иисуса Христа и Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ, и иже всѣмъ намъ кунно на спасеніе и на пользу». Въ нѣкоторыхъ спискахъ посланіе тѣмъ и заканчивается ¹.

Проявившія въ то время въ типѣ разныя фракціи ереси живодетствующихъ, равно какъ развившееся вольнодумство и религиозный критицизмъ сильно беспокоили Даниила. И потому онъ высказавъ своимъ насомымъ увѣщаніе быть твердыми въ православіи, даетъ имъ въ своемъ посланіи еще совѣты и начертываетъ для нихъ кое-какія правила относительно обращенія ихъ съ еретиками и вольнодумцами. Эти правила уже были разсматриваемы въ своемъ мѣстѣ. Въ своихъ разсужденіяхъ объ отношеніяхъ къ еретикамъ Даниилъ пользуется изреченіями св. Василия Великаго, словами котораго онъ прямо здѣсь иногда и выражается.

Въ заключеніи посланія находится настырское увѣщаніе жить въ любви и мирѣ со всѣми, и молиться о себѣ и о заблуждающихся.

Помѣтка на концѣ посланія (въ связи съ указаніемъ въ оглавленіи его на то, что оно адресовано было «всѣмъ кунно»), «писана на Москвѣ» ведегъ къ предположенію, что оно было разослано по всей Россіи, или по крайней мѣрѣ ему давалось авторомъ такое именно назначеніе, почему мы и обозначаемъ его названіемъ окружнаго.

Въ гомилетическомъ отношеніи окружное посланіе м. Даниила принадлежитъ къ одному изъ самыхъ лучшихъ. При своей обширности, оно, тѣмъ не менѣе если не огничается вездѣ строгою логическою послѣдовательностію своего содержанія, но за то имѣетъ одну болѣе или менѣе общую идею. Достоинство посланія заключается и въ томъ, что въ немъ нѣтъ обширныхъ выдержекъ изъ святоотеческой литературы, благодаря чему посланіе получило

¹ Рукон. Моск. Публ. Музея № 1237, л. 67—78. Рукон. Моск. Дух. Акад. № 158. Акад. 522. Волж.

видъ истинно пастырскаго назидательнаго слова, а не богословскаго трактата, полнаго эрудиціи, заимствованной отъ Божественныхъ писаній. Если и попадаются въ немъ два изреченія Ефрема и Исаака Сириныхъ, то они очень кратки и такъ помѣщены авторомъ, что становятся едва замѣтными при чтеніи. Вся аргументація проповѣдника сосредоточивается на словахъ Иисуса Христа и апостоловъ, довольно удачно подобранныхъ, и по своей ясности и простотѣ столь доступныхъ каждому. Все посланіе проникнуто чувствомъ истинной пастырской любви и дышетъ отеческою нѣжностью. Встрѣчающіяся въ посланіи обличенія выражены въ самой мягкой формѣ, но и сквозь нихъ прорывается чувство искренней любви пастыря къ пасомымъ. Очевидно, цѣль посланія была не обличенія, которыми такъ богаты другія поученія Даниила, а послѣднее благочестивое назиданіе вбрующихся истинами христіанской нравственности, послѣдняя бесѣда пастыря съ своею паствою. Въ частности пастырская исповѣдь, находящаяся въ началѣ посланія, отличается тономъ, полнымъ отчаянія, который волигъ естествененъ въ положеніи митрополита, съ часу на часъ ожидавшаго своего паденія.

Борьба между придворными боярскими партіями принимала еще болѣе острый характеръ отъ того, что въ ней, какъ впрочемъ и во всякаго другаго рода борьбѣ, дѣйствовали иногда силы подпольныя, тайныя, и притомъ дѣйствовали косвенными путями и потаенными средствами, на которыя нѣкоторые люди древней Руси оказывались довольно изобрѣтательными. Однимъ изъ подпольныхъ средствъ уронить врага служили въ то время разнаго рода пересуды, распространеніе въ тиши неблаговидныхъ слуховъ на счетъ его жизни, семейныхъ обстоятельствъ, служебной дѣятельности и особенно отношеній къ великому князю. Пересуды въ древней Руси имѣли широкое и разнообразное значеніе и примѣненіе. Они являлись въ сущности дѣломъ продуктомъ самой жизни тогдашняго русскаго общества. Полное почти отсутствіе образованія дѣлало умственнымъ кругозоръ русскаго человѣка по необходимости ограниченнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ суживалась естественно и сфера его умственной дѣятельности и нравственныхъ интересовъ. Древнерусскій человѣкъ волей-неволей, но принужденъ былъ ограничиваться ближайшею, непосредственно соприкасавшеюся къ нему, сферою интересовъ. Его умственныя и нравственныя стремленія, не находя себѣ удовле-

творенія въ болѣе или менѣе возвышенныхъ и серіозныхъ предметахъ, какіе только могло дать просвѣщеніе, вращались въ области непосредственности, т.-е. того, что ближайшимъ образомъ соприкасалось съ нимъ и его жизнію. Отсюда, всякія ничтожныя сами по себѣ переибы въ жизни и благосостояніи своего ближайшаго сосѣда или знакомаго, или наконецъ извѣстнаго только по имени человѣка приковывали къ себѣ на нѣкоторое время вниманіе всего окружающаго общества и дѣлали его предметомъ болѣе или менѣе продолжительныхъ обсужденій, пересказовъ, сообщеній, иногда сопровождавшихся произвольными, выдуманнми дополненіями и поясненіями. Но само собою понятно, что болѣе или менѣе выдающіяся событія въ той или другой семьѣ случались нечасто, и потому не могли служить предметомъ обсужденія для окружающаго ее общества на долгое время. А между тѣмъ жизнь давила своею монотонностію и однообразіемъ, и требовала хотя бы то и самаго пустаго, но по крайней мѣрѣ, сколько нибудь новаго. Однако, за отсутствіемъ чего-либо на самомъ дѣлѣ новаго, самыя обстоятельства вынуждали обращаться къ давно извѣстному старому, перерабатывать его, и подмѣчать въ немъ каждую особенность. Старались подыскивать въ немъ малѣйшія, игнорировавшіяся до сего времени, черты, и т. п. Такимъ образомъ люди древней Руси послѣдовательно приходили къ потребности пересудовъ, которые потомъ обратились въ необходимую стихію древне-русской жизни. Прежде всего предметомъ разныхъ обсужденій являлись сосѣди и люди ближайшаго района, ихъ семейныя обстоятельства и экономическое положеніе, умственные и нравственные качества того или другаго члена семейства и проч. Конечно при этомъ по свойственному всякому человѣку самолюбію жизнь сосѣда или знакомаго разсматривалась скорѣе всего ниже своей собственной и въ ней старались подмѣчать и выдвигать на видъ чаще недостатки и аномальности ея, чѣмъ достоинства и свѣтлыя ея черты. Это «ступень пересудовъ, можно сказать, невиннаго характера, потому что въ ней не преслѣдуется никакой задней цѣли, заранѣе разчитанной на какую либо выгоду. При обыкновенной бездѣятельности, особенно высшаго класса, при отсутствіи сознанія и потребности болѣе серіозныхъ интересовъ, этотъ родъ пересудовъ служилъ для большинства предметомъ развлеченія отъ томительной скуки и готовымъ матеріаломъ для разсужденія и взаимнаго обмѣна новостей между знакомыми и пріятелями. Знатныя женщины древней Руси, запертыя въ сво-

нихъ термахъ, осужденныя на постоянную праздность, большую часть времени проводили съ служанками, и для того, чтобы развлечься отъ томительной скуки, вели пустые разговоры касательно городскихъ новостей и сплетень. Притомъ, вообще тогдашніе знатные люди, любили выслушивать разныя сплетни своихъ слугъ. Митрополитъ Даниилъ осуждаетъ эту сторону нравовъ своихъ современниковъ. Ты, говоритъ онъ обращаясь къ нѣкоторымъ изъ нихъ, клеветещи, осуждаещи, облыгаещи, насмѣхаещися, укоряещи, досаждаещи, и оваго города глаголеши, у другаго же женеу сицеву и сицеву нарицаещи, и много же инако нѣкако напѣваещи». Вообще, въ своихъ сочиненіяхъ Даниилъ представляетъ немало данныхъ для характеристики современнаго русскаго общества въ данномъ отношеніи.

Но чаще всего пересуды получали вполне безнравственную окраску, являлись въ распоряженіи другимъ предосудительнымъ средствомъ повредить общественному иному положенію того или другаго человѣка. Здѣсь уже расположеніе къ пересудамъ являлось настоящимъ зломъ. «Кую хочещи милость обрѣсти, спрашиваетъ Даниилъ любителей злыхъ пересудовъ, иже зря нѣкихъ въ теченіи житія сего настоящаго волею или неволею съгрѣшающихъ, и не хочещи исправить, но осуждаещи, и клеветещи и поносящи, и иныхъ на сіе понуждаещи яко лукавый бѣсъ». А у нѣкоторыхъ изъ его современниковъ склонность къ пересудамъ развивалась до такой степени, что подъ вліяніемъ ея они доходили до крайняго самообольщенія, и только видѣли вездѣ и у всѣхъ одни недостатки и слабости даже и подъ строгимъ исполненіемъ нравственныхъ обязанностей христіанина. «Есть-же нѣци, такъ говоритъ Даниилъ о нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ, мнящися и вѣрни суще имущихъ вѣру и дѣла благочестія поношаютъ, укоряютъ: овъ убо о Христѣ безмолвіе и удаленіе отъ человѣкъ плотская мудрствующихъ, овъ же тихость, кротость, смиреніе, простоту въ разумъ, овъ же другая о Христѣ»¹. Были факты пересудовъ и нѣсколько съ противоположными чертами. «Иже бо и добродѣтельное житіе живущей, такъ сообщаетъ Даниилъ о нѣкоторыхъ своихъ современникахъ, нѣхъ же зряще нѣкое прегрѣшеніе или недостатки имуща, иже не тако подвижающихся и предѣвающихъ въ чистотѣ житія, якоже тѣ, или изнеможенія ради и частыхъ недуговъ бы-

¹ Рук. Моск. Духов. Акад. № 197. л. 437. 179. 484.—482.

вающихъ, или скудости ради естества, или иначе никакъ помощи ради естества человѣческа, суща кого, *испытываютъ, истязуютъ и укоряютъ, и осуждаютъ, и клеветуютъ*. Самъ митр. Данилъ въ отношеніи пересудовъ находился въ особомъ, неособенно благоприятномъ для него, положеніи. Время его архипастырства было временемъ, когда два извѣстныхъ направленія древне-русской мысли совершенно выяснились и сформировались въ особые кружки, представители и сторонники которыхъ находились въ состояніи открытой борьбы, принявшей уже острый характеръ. Взаимный антагонизмъ между людьми, группировавшимися около того или другаго направленія, при святительствѣ Данила достигъ крайней степени, и по тому самому не представлялъ собою почвы для установленія между ними такихъ отношеній, которыя-бы отличались характеромъ сдержанности и умѣренности. Напротивъ извѣстно, что лица, заправлявшія ходомъ борьбы, уже нѣсколько не стѣснялись въ нападкахъ на своихъ противниковъ. Преп. Максимъ Грекъ въ своихъ обличительныхъ посланіяхъ болѣе чѣмъ прозрачно намекаетъ на слабыя стороны самаго митр. Данила, а Вассіанъ Косой держать себя въ этомъ отношеніи еще хуже и заявлялъ себя даже грубыми выходами противъ личности митрополита. Понятно само собою, какъ должно было все это дѣйствовать на митрополита Данила, который по особымъ извѣстнымъ уже обстоятельствамъ, не имѣя возможности заставить молчать своихъ подчиненныхъ, принужденъ былъ обратиться къ защитѣ собственной личности литературнымъ способомъ. И дѣйствительно въ его словѣ, специально направленномъ противъ пересудовъ, дѣлаются намеки на современныхъ ему *заирателей, и завистниковъ, и нарушителей, и клеветниковъ*¹. Постулки личныхъ враговъ Данила заражающимъ образомъ дѣйствовали и на все современное русское общество. Подъ вліяніемъ изъ нападокъ на личность митрополита нѣкоторые и другіе изъ современниковъ стали критически относиться не только къ непривлекательнымъ сторонамъ характера Данила, но даже и къ достойнымъ его намѣреніямъ и поступкамъ, толкуя ихъ въ дурную сторону, когда наприм. изъ числа его современниковъ находились такіе которые за пастырскую его ревность къ проповѣди обвиняли его въ фарисействѣ, дѣлали ему упреки въ несоотвѣтствіи его собственной жизни проповѣдываемому имъ нравственному ученію.

¹ Рук. Моск. Д. Авд. № 197 л. 278—280.

Объ этомъ сообщаетъ самъ митрополитъ въ своемъ второмъ словѣ¹. Помимо личныхъ стетовъ между противными сторонами находилось много новодовъ ко взаимнымъ препирательствамъ. Главнымъ предметомъ разногласія между противниками былъ вопросъ о формѣ и видахъ и нѣкоторыхъ правахъ (на владѣніе вотчинами) монашества. При митр. Данилѣ разногласіе во взглядѣ на монашество достигло того, что монашествующіе одного способа подвижничества—скитства унижали другой видъ иноческаго подвижничества—общжитіе.

Митр. Данилъ противъ господствовавшихъ въ обществѣ склонностей къ пересудамъ и противъ нападокъ на свою собственную личность написалъ одно изъ обширныхъ своихъ словъ девятое, которому и далъ соответствующее названіе: «не судите, да не судимы будете»². Тема слова очень обыкновенная. Она представляетъ изъ себя ни болѣе, ни менѣ какъ самую извѣстную евангельскую истину, высказанную когда-то самимъ Основателемъ христіанства (Мѡ. VII, 1.)

Первая часть девятого слова не отличается единствомъ своего содержанія. Въ началѣ ея проповѣдникъ призываетъ своихъ слушателей къ изученію божественныхъ писаній, которое затѣмъ должно, по его мнѣнію, выражаться въ ихъ жизни благочестіемъ и любовью къ братьямъ, и стремленіемъ во всемъ помогать имъ и поддерживать ихъ при всякой нагѣйшей нуждѣ въ томъ.

Потомъ здѣсь встрѣчается нѣсколько отдѣльныхъ, краткихъ и отрывочныхъ пастырскихъ наставленій противъ неправды, сребролюбія, ярости, гордости, о необходимости частаго посѣщенія храма Божія, частой исповѣди, умѣренности во всемъ—въ пищѣ, платьѣ, онисходительности къ грѣшнымъ и заблуждающимся и др.

Въ первой части девятого слова попадаются также нѣкоторыя отдѣльныя мысли и выраженія, которыя отвѣчаютъ темѣ слова и представляютъ изъ себя или положительное осужденіе всевозможныхъ пересудовъ, или же заключаютъ въ себѣ въ обвинительномъ тонѣ указаніе на нѣкоторые отдѣльные факты и черты, въ ко-

¹ Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 197 л. 38—60.

² Рук. Моск. Дух. Акад. № 197 л. 277, 333.

торыхъ проявлялись пересуды въ современномъ обществѣ, и о которыхъ уже было сказано въ своемъ мѣстѣ. Изъ положительныхъ разсужденій Данила о предосудительности осужденій заслуживаетъ болѣе или менѣе вниманія одно, въ которомъ онъ излагаетъ основаніе въ доказательство несостоятельности и нравственной предосудительности всякаго осужденія ближняго. Основаніе это авторъ видитъ въ самой нравственно несовершенной природѣ человѣка. По вполне справедливому взгляду митрополита, человѣкъ, хотя бы то и облагодатствованный христіанинъ, безъ содѣйствія Божія не имѣетъ въ самомъ себѣ силъ для своего нравственнаго развитія и усовершенствованія въ добрѣ. Если же онъ и совершаетъ добрыя дѣла, то всегда при содѣйствіи Божіей благодати. Стало быть, если человѣкъ и достигаетъ высокой степени нравственнаго совершенства, то онъ все-таки не въ правѣ гордиться этимъ, и присвоивать себѣ и собственнымъ силамъ то, что ему вовсе не принадлежитъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стало бытъ не имѣетъ основанія къ тому, чтобы, гордяся своимъ превосходствомъ, осуждать другихъ, стоящихъ на болѣе низкой степеніи нравственнаго развитія.

Вторая, несамостоятельная часть девятаго слова отличается своею обширностію. Въ богатствѣ и количествѣ святоотеческихъ данныхъ, аргументирующихъ общую мысль слова, девятое слово уступаетъ только пятому слову, и такимъ образомъ по обширности своей занимаетъ второе мѣсто въ Даниловскомъ сборникѣ. Въ ряду святоотеческихъ доказательствъ, приводимыхъ митрополитомъ въ защиту своего положенія о неосужденіи ближняго, находятся толкованія св. І. Златоуста на посланіе ап. Павла къ Титу¹, Кирилла Александрійскаго на соборное посланіе Іакова², неизвѣстнаго на посланіе къ Галатамъ³, толкованіе неизвѣстнаго на

¹ л. 327—328. Свес. св. отца нашего Іоанна Златоустаго бесѣды на посланіе ап. Павла къ Титу, перев. при С.-ПБ. Дух. Акад. С.-ПБ. 1850. 67—68.

² л. 285—287. Цитата взята изъ толковаго апостола по переводу Максима Грека. Справл. Рукоп. Кирил. библи. № 24/149 л. 22—23. Счетъ листовъ идетъ съ начала посланія, а не съ начала книги Дѣян. Апостольскихъ. Подлинникъ у Мицы Patrolog. Curs. Complet. Ser. graec. tom. LXXXIV pag. 1009—1010. Cramer, Cotenae graecorum patrum in novum testamentum tom. VIII pag. 31.

³ л. 284. У Крамера въ соответствующемъ мѣстѣ нѣтъ точно также указанія имени автора толкованія, и самое толкованіе, находящееся у него, мало имѣетъ общаго съ процитованнымъ здѣсь Даниломъ толкованіемъ. Cramer, Cotenae graecorum patrum in novum testamentum tom VI pag. 85—87.

37 ст. VI глав. Евангелій Луки ¹ и толкованіе учительскаго Евангелія ². Самая обширная и большая часть аргументовъ заимствуется Данииломъ изъ области слѣдующихъ отцовъ и учителей церкви: Ефрема Сиріина ³ Анастасія Синайскаго ⁴; Никиты Стифата ⁵, Іоанна Лѣсвичника ⁶, св. Дороеа ⁷, св. Варсануфія Великаго ⁸, св. Исаія ⁹, и Никона Черногорца ¹⁰. — Третью категорію священныхъ доказательствъ составляютъ изреченія разныхъ подвижниковъ и рассказы о ихъ подвигахъ, заимствованные изъ патериковъ и прологовъ. ¹¹. Очень много помѣщено Данииломъ въ девятomъ словѣ

¹ л. 281—282. Толкованіе на саноmъ дѣлѣ приведено Феодосіакта Болгарскаго. Благовѣстникъ, ч. III, 86—88.

² л. 283—284. Цитата взята изъ слова, находящагося въ учительскомъ евангеліи о Мытарѣ и Фарисеѣ. Учительное Евангеліе 1650 г. 6.

³ л. 303. Снес. твор. св. отцевъ т. XII твор. св. Ефрема ч. 1, XX, 26.

⁴ л. 291. Подлинникъ цитаты см. Migne, Patrolog, Curs. Complet, ser. graec. tom. LXXXIX, pag. 845—848. Цитата взята изъ сочиненія св. Аванасія: Λογος περὶ τῆς ἀγίας συνόδου καὶ περὶ τοῦ μὴ κρίνειν καὶ μυστικακείν. Цитата взята изъ 40 слова Никона черногорца; половина II, л. 301—302.

⁵ л. 306. Даниилъ заимствовалъ сію цитату не изъ второй сощницы Никиты, Стифата, какъ онъ утверждаетъ, а изъ первой сощницы. Migne Patr. Curs. Complet, ser. graec. tom. CXX pag. 873—876. Добролюбіе, IV, 60.

⁶ л. 319, 322, 324, 325. Митрополитъ здѣсь привелъ четыре свидѣтельства св. Іоанна Лѣсвичника изъ разныхъ его словъ. См. преп. отца нашего Іоанна, игумена Синайскаго, лѣстница и слово къ пастырю, М. 1851, 146—150; 124—126; 74. 308—309. Подлинникъ Migne, Patrolog, Curs. complet, ser. graec. tom. LXXXVIII, pag. 845—850, 811—814, 677—728, 1013—1036. Нѣкоторыя цитаты, взятыя изъ І. Лѣсвичника, помѣщены Данииломъ въ связи съ толкованіями изъ.

⁷ 328—330. Снес. Преп. отца нашего аввы Дороеа душеполезныя поученія и посланія. М. 1856. Поученіе IV, 63—65. Подлинникъ, Migne, Patrolog, curs. complet, ser. graec. tom. LXXXVIII, pag. 1665—1668. Цитата изъ соч. Дороеа взята Данииломъ изъ 10 слова Никона Черногорца, половина I, 71—72.

⁸ л. 302—303. Снес. Преп. отцевъ Варсануфія Великаго и Іоанна руководство къ духовной жизни въ отвѣтахъ на вопрошенія учениковъ. М. 1839 352—354. Цитата взята Данииломъ отъ 39 слова Никона Черногорца, половина II, 290—291.

⁹ л. 303. Преподобнаго и богодѣснаго отца нашего Аввы Исаія, отшельника Египетскаго, духовнонравственными слова въ рускомъ переводѣ. Падан. Козельской Введенской Оптиной пустыни. М. 1860, 92.

¹⁰ л. 325—326. Цитата взята изъ 52 слова Никона. Снес. книга препод. Никона, половина II, л. 426.

¹¹ Такъ, напр. здѣсь (Рус. № 197 л. 295—301) in textu приведенъ рассказъ

изреченій и разсказовъ изъ «старчества»¹ Изъ отдѣльныхъ обширныхъ сказаній у Данила помѣщено житіе (не въ полномъ видѣ) св. Іоанна Милостиваго, архіепископа Александрійскаго. Всѣ вообще приведенныя священныя доказательства вполнѣ констатируютъ положеніе, поставленное въ оглавленіи слова, тѣмъ болѣе что послѣднее настолько общераспространенно, что не для автора представлялось большихъ затрудненій при собираніи авторитетныхъ данныхъ.

Третья, самостоятельная, часть девятаго слова по объему не обширна. По своему содержанію она въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мысляхъ и выраженіяхъ соответствуетъ общему предмету слова: въ ней встрѣчаются краткія, отрывочныя осужденія пересудовъ, и положительныя наставленія о нравственной предосудительности ихъ. Во всемъ остальномъ своемъ содержаніи эта часть слова представляетъ изъ себя нѣчто самостоятельное. Въ ней прежде всего трактуется о любви къ Богу, и объ истинной христіанской любви къ ближнему, нераздѣльной съ любовью къ Богу, и составляющей только выраженіе и проявленіе ея на дѣлѣ. Затѣмъ слѣдуетъ особая тирада, въ которой порицаются гнѣвъ, лукавство и т. п., разсуждается о необходимости покаянія, обуславливающейся скоротечностію настоящей жизни, и постоянного бодрствованія и вниманія къ самому себѣ.

Тонъ поученія спокойный. Обличенія, которыхъ очень немного, выражаются въ мягкой формѣ. Нѣкоторыя отдѣльныя увѣщанія пастыря отличаются задумчивостію.

Въ самой тѣсной связи съ развитіемъ въ обществѣ пересудовъ находится происхожденіе десятаго слова Даниловскаго сборника. Въ девятомъ словѣ Данилъ представилъ свой положительный взглядъ на осужденіе ближняго и показать его нрав-

¹ «величїемъ старцѣ Виталиѣ», замѣтнованный изъ Свитскаго Петерика, Свитскій Петерикъ Сунраальскаго изданія ч. 1, 108—111.

² Рукоп. М. Д. А. № 197, л. 304—305, 306—319, 330. Всѣ помѣченные здѣсь разсказы изъ старчества замѣтнованы Даниломъ in textu изъ сочиненій Николая Черногорца, см. половина II, слово 39, 291—292—298. Нѣкоторая часть помѣченныхъ въ девятомъ словѣ Данила разсказовъ и изреченій подвижниковъ находилась въ изданіи «сказанія о подвожничествѣ св. отцовъ» ср. рук. № 197 л. 304, 305, 310. Сказанія о подвожничествѣ св. отецъ, 191, 192, 231, 232, 150.

ственную предосудительность, вовсе игнорируя тѣ практическія послѣдствія, какими оно необходимо сопровождается въ жизни лицъ, подверженныхъ этой страсти. Въ десятомъ своемъ словѣ митрополитъ вооружается противъ той же самой слабости своихъ современниковъ, но уже идетъ къ цѣли совершенно другимъ путемъ, и именно такимъ, который восполняющимъ образомъ дѣйствуетъ по отношенію къ содержанію девятаго слова. Въ девятомъ словѣ развивалась теоретическая сторона нравственной несостоятельности пересудовъ, въ десятомъ же словѣ напротивъ выдвигаются практическія невыгоды ихъ для тѣхъ людей, которые развили въ себѣ слабость къ пересудамъ. Въ этомъ именно смыслѣ Даниилъ даетъ своему десятому слову слѣдующее названіе: «аще нѣкая злая сотворимъ братіямъ нашимъ: или укоримъ или оклеветаемъ, въ таяжде впадемъ»¹. Назначеніе десятаго слова и состоитъ въ томъ, чтобы показать, что тѣ лица, которые являются слишкомъ взыскательными критиками относительно недостатковъ и слабостей другихъ, такимъ своимъ вызывающимъ образомъ дѣйствій сами себя подвергаютъ той же самой участи и сами добровольно навлекаютъ на себя тѣ непріятности, которыя они причиняютъ своими поступками другимъ своимъ ближнимъ: осуждан напр. другихъ, они тѣмъ самымъ, по естественному ходу вещей, готовятъ почву и для того, чтобы и саміе сдѣлаться предметомъ осужденія и пересудовъ для другихъ; клеветца на другихъ, они тѣмъ самымъ, по естественной необходимости, вызываютъ и на себя клеветы и т. д. Вообще, десятое слово имѣетъ смыслъ и характеръ практическій, сопровождающійся указаніемъ на извѣстныя дурныя послѣдствія для людей, развившихъ въ себѣ страсть критическаго отношенія къ другимъ людямъ.

Во всей первой части десятаго слова только одно краткое наставленіе² болѣе или менѣе имѣетъ близкое соприкосновеніе съ темою слова. Все же остальное содержаніе поученія сосредоточивается на совершенно другомъ предметѣ. Въ немъ митрополитъ подробно распространяется о привязанности своихъ современниковъ къ тучнымъ обѣдамъ, обильнымъ яствамъ и многочисленнымъ пи-

¹ Рук. Моск. Дух. Акад. № 197 л. 333—352.

² «Не оклеветамъ ни мала, ни велика, ниже другія восхождемъ послушати клеветущихъ».

тіямъ, и о заботливости ихъ объ увеличеніи массивности и тучности своего тѣла. Признавая излишнюю привязанность ихъ къ своей плоти противною истинному назначенію человека на землѣ, Даниилъ совѣтуетъ своимъ пасомымъ заботиться болѣе о насыщеніи себя духовными брашнами, которыя состоятъ въ изученіи божественныхъ писаній и въ усовершенствованіи и пресвященіи въ духовныхъ добродѣтеляхъ христіанскихъ. Первая часть десятого слова имѣетъ историческую цѣнность, такъ какъ въ ней содержатся не безынтересныя данныя для характеристики современнаго общества въ нѣкоторыхъ бытовыхъ особенностяхъ его жизни и взглядовъ.

Вторая, несамостоятельная, часть десятого слова не изобилуетъ святоотеческими аргументами. Последнія, по своему содержанію, воишь отыщутъ темѣ слова, указанной въ его оглавленіи. Въ подтвержденіе своего извѣстнаго положенія Даниилъ во второй части своего десятого слова ссылается на слѣдующіе священные и церковные авторитеты: на слова евангелиста Матвея (VII, 2) съ толкованіемъ неизвѣстнаго ¹, и еще на другія слова того же Евангелиста (V, 22), взятыхъ имъ въ связи съ двумя обширнѣйшими толкованіями ², на слова посланія къ Галатамъ (V, 13—15) также взятыхъ вмѣстѣ съ толкованіемъ ³ и на изреченія св. отцовъ: Аванасія Александрійскаго, Θεодорита, Ефрема Сириня ⁴, Іоанна Лѣ-

¹ Рук. М. Д. А. № 197 л. 336. Толкованіе принадлежит Θεовилакту Болгарскому. Благовѣстникъ ч. 1., 129.

² л. 337—340. Оба толкованія принадлежатъ св. Іоанну Златоусту. Срал. Бесѣды Златоуста на Ев. Матвея М. 1829 г. 107—108.

³ л. 336—337. Имя автора толкованія неизвѣстно. У Даниила приведенъ только отрывокъ изъ толкованія, а не полный составъ его. Slater, *Calenae graecorum patrum in novum testamentum* tom. VI, 80—81.

⁴ л. 341—342—348. Здѣсь представлены двѣ цитаты изъ Ефрема Сириня, изъ которыхъ первая чрезвычайно иррака (см. творенія св. отецъ том. XII. Твор. св. Ефрема Сириня ч. 1. гл. 20. О злорѣчій. 26), а другая за то представляетъ изъ себя цѣлое слово Ефрема подъ заглавіемъ: «обличеніе самому себѣ и исповѣдь», помѣщенное in textu. По древнеславянскому переводу, въ какомъ слово находится у Даниила, оно здѣсь помѣщено въ цѣломъ его видѣ, но по современному переводу твореній св. Ефрема, ему недостаетъ конца. Творен. св. отецъ т. XII. Твор. св. Ефрема Сириня ч. 1. 208—216. Вторая, содержащая въ себѣ почти цѣлое слово св. Ефрема, цитата взята Данииломъ изъ 42 слова Никона Черногогорца, слов. II, 313—315.

тогдашней грубости нравовъ, весьма часто принимали рѣзкія формы. Ссоры нерѣдко начинались изъ за самыхъ ничтожныхъ причинъ, а иногда и вовсе безъ всякаго повода по одной только взаимной грубости: «кое же ти любу мудрїе есть всеу прѣтися, съ такими словами общается м. Данилъ въ одномъ изъ своихъ поученій къ сварливымъ своего времени, которое же твое будетъ мужество и разумъ, еже ни зачѣтѣ сваршиши?»¹ Общая грубость нравовъ русскаго народа обнаруживалась при всякомъ удобномъ случаѣ и во многихъ отношеніяхъ. Она болѣе всего заявляла себя въ увеселеніяхъ, которыя по большей части отличались буйнымъ характеромъ. Однимъ изъ народныхъ увеселеній русскаго общества XVI вѣка служили кулачные бои². Если драки и бои служили нерѣдко средствомъ общественнаго развлеченія, то при взаимныхъ ссорахъ драки были повсемѣстнымъ явленіемъ. Русскіе того времени удовлетворенія за свое личное оскорбленіе искали и законнымъ порядкомъ у властей, но очень часто случалось и то, что они устраивали свой собственный судъ и расправу. На Руси издавна существовало такъ называемое поле или поединокъ, на которомъ рѣшались взаимные споры и счеты лицъ, заинтересованныхъ въ какомъ-либо дѣлѣ. Поединки были въ ходу и въ XVI вѣкѣ. Пастыри церкви сираведливо вооружались противъ поединковъ, относя ихъ къ явленіямъ противохристіанскимъ. Противъ поединковъ писали митрополиты: Петръ³, Фотій⁴ а также пренод. Максимъ Грекъ⁵.

Подобно Максиму Греку въ XVI в. противъ поединковъ съ особенною силою и настойчивостію вооружался и митр. Данилъ, основательно считая ихъ явленіемъ совершенно нехристіанскимъ.

¹ Рукоп. м. д. а. № 197, л. 457.

² Посланіе митр. Іоны въ Новгородъ. Акты Ист. т. I. № 44, 87—89. Герберштейнъ, Записки о Московіи, въ переводѣ Анонимова, 80—81. Азавасевъ. Поэтическое воззрѣніе славянъ на природу, т. I, 270—276.

³ Намѣтки старин. русск. литературы, изд. Кушелевымъ-Безбородко, вып. IV, 186—188.

⁴ Посланіе Фотія къ Новгородцамъ отъ 1410 года. Акты Археограф. Экспед. томъ I, № 369, 461—463.

⁵ Сочиненія Максима Грека ч. II, 202.

Въ одномъ изъ его словъ находится прекрасное разсужденіе, направленное противъ поединковъ, въ которомъ митрополитъ не безъ искусства сопоставляетъ нравственныя наставленія, заповѣданныя христіанамъ Иисусомъ Христомъ и Апостолами, съ дѣйствительнымъ моральнымъ и настроеніемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ, и находитъ полную противоположность между тѣмъ и другимъ. Вотъ это разсужденіе митрополита Данила. «Господь, говоритъ онъ, заповѣда рекъ: блаженіе есте егда поносятъ вамъ, (Мѣ. V, II), ты же христіанинъ сый съпротивная твориши, и еще ты кто ударишь въ ланиту и обрати ему и другую, (Мѣ. V, 39), ты же не точію не обращаешь другую, но и единой не терпиши, также и главу хочешь отрѣзати. Сія-ли словеса обѣщанія твоего во святѣмъ крещеніи, спрашиваетъ далѣе митрополитъ, сія-ли есть заповѣди св. Евангелія, яже пріялъ еси творити и хранити? Сія-ли тебѣ рече Владыка Христосъ: возлюбихи Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею крѣпостію твоею и искренняго своего яко самъ себе? Се ли есть законъ и уставъ христіаномъ? Помяни велика Апостола Павла како тебѣ рекъъ есть о законѣ Христовѣ: другъ другу рече тяготы носите (Галат. VI, 2). и тако исполните законъ Христовъ. Симвъ Владыка Христосъ ублажаетъ ты поношенія терпяща, ты же таково блаженство ни во что же полагаеши, и таково благодать презираеши, и мало нѣчто укоризною ты или досадившию въ велику напасть хочешь воорещи и смерти предати. Богъ же не отмщати себе христіаномъ наказуетъ, ускими же враты и тѣснымъ путемъ шествовати повѣлеваетъ, всяже находящая доблестенѣ терпѣти заповѣдаетъ, понеже и самъ оклеветанъ не оклеветаше, и укоризненъ не укораше, и стражда не прещаше, и биемъ противу не бѣаше, но и одежи отъятіе молча терпаше, также и всемъ христіаномъ заповѣда непротивитися злу, но въ терпѣніи, рече, вашемъ стяжите душа ваша (Лук. XXI, 19), и апостолъ: не себе отмщающе возлюбленіи. (Рим. XII, 19). Ты же не точію симъ не повинуюешься, но ни смилости сихъ не хочеши, но себе отмщая своришися, поля сътворяеши, убьиваеши, и како христіанинъ нарицаешися супротивная творя обѣщанію твоему, еже въ св. крещеніи?»¹

¹ Рукон. М. Д. А. № 197, л. 403—406.

Въ складѣ древнерусской жизни находилось весьма много условій къ тому, чтобы между членами общества поддерживались недружелюбныя отношенія. Между высшимъ и низшимъ классомъ общества не существовало крѣпкихъ нравственныхъ связей. Взаимныя отношенія высшаго класса къ низшему утверждались на началѣ эгоизма, и русскіе аристократы стараго времени жили по большей части на счетъ простаго низшаго класса, систематически подавляя его и выжимая изъ него все, что только представлялось возможнымъ выжать. Самыя святыя обязанности христіанина (напр. подаваніе милостыни) для знатныхъ и богатыхъ людей того времени служили иногда средствомъ для униженія своего несчастнаго ближняго, низшаго его по общественному положенію. Простой, черный народъ, всегда бѣдствовавшій и угнетаемый, выработалъ у себя взглядъ на высшій привилегированный классъ общества, какъ на своихъ жестокихъ владыкъ и поработителей, самоправныхъ, неограниченныхъ деспотовъ, отъ которыхъ его отдѣляла цѣлая бездна. Въ высшихъ слояхъ русскаго общества сравнительно въ слабой степени развиты были отношенія, основанныя на чувствахъ взаимной дружбы и уваженія. Недовѣріе и недоброжелательство служили болѣе распространенною формою проявленія взаимныхъ отношеній. Слабое развитіе общности интересовъ и нравственной солидарности открывали обширное поле для интригъ, благодаря которымъ многіе принуждались обстоятельствами и съ другой стороны вынуждали и другихъ къ замкнутости и обособленности собственной жизни. Борьба высшаго боярства изъ-за положенія при дворѣ и вообще въ области служебной іерархіи разбила членовъ его на множество отдѣльных лагерей, между которыми поддерживалась постоянная вражда. Развитіе страсти къ пересудамъ, гдѣ разсматривалось и затрогивалось все, что только можно было затронуть: семейное и общественное положеніе, умственные и нравственные и наконецъ внѣшніе физическіе недостатки и достоинства человѣка и проч., являлось послѣднимъ и однимъ изъ страшныхъ золъ, разѣдававшихъ современное русское общество.

Притомъ эпоха, въ которую святительствовалъ и дѣйствовалъ митр. Данилъ, по отношенію ко враждѣ находилась въ исключительномъ положеніи. Самое время, когда онъ дѣйствовалъ, представляло свои особые условія, способствовавшія развитію раздвоенности и разрозненности въ обществѣ. Это, во первыхъ, борьба двухъ партій, исходившихъ изъ двухъ противоположныхъ направ-

лемій современной русской мысли, принявшая при м. Даниилѣ острый и напряженный характеръ, и изъ области литературной полемики перешедшая въ сферу личныхъ счетовъ и препирательствъ, борьба, въ которой тѣмъ не менѣе Даниилъ игралъ самую выдающуюся роль. Это было въ первый періодъ его архипастырства. Во второй половинѣ и въ концѣ своего служенія церкви, когда Даниилъ съумѣлъ избавить себя отъ личныхъ враговъ, исходившихъ изъ лагеря заволжской братіи, вмѣсто того выступили новыя историческія обстоятельства, создавшія новыя условія для борьбы, въ которой волей-неволей пришлось принять участіе и самому м. Даниилу. Это—именно время малолѣтства Іоанна IV, когда государственная власть перешла въ руки нѣсколькихъ бояръ, постоянно враждовавшихъ между собою изъ-за первенства и производившихъ страшныя смуты въ государствѣ.

Разъединенность и разнозначность въ обществѣ и борьба партій, взаимная враждебная настроенность въ современномъ обществѣ послужили для м. Даниила историческими условіями, по поводу которыхъ и написано было ихъ слово, много трактующее о враждѣ и противъ вражды. Такого именно характера второе слово Данииловскаго сборника, что съ очевидностію явствуешь и изъ самаго его оглавленія, которое читается такъ: «яко нехѣно естъ враждовати другъ на друга, но и ихѣхъ враждующихся смиревати, и яко не всюду естъ миръ добро»¹ и пр.

Первая, самостоятельная, часть втораго слова по объему хотя и не велика, но зато весьма замѣчательна по своеобразному взгляду, проводимому въ ней митр. Данииломъ.

Въ самомъ началѣ слова митрополитъ высказываетъ ту общую мысль, что каждый предметъ, каждый поступокъ, какъ-бы они незначительны ни были, непременно должны быть разсматриваемы и оцѣниваемы съ точки зрѣнія религіозно-нравственной. Здѣсь долженъ быть всегда произносимъ нравственный приговоръ соотвѣтственно тому, согласно или несогласно то или другое нравственное дѣяніе съ волею Божіею. Затѣмъ представляется примѣръ. Вотъ слова этого примѣра: «аще другъ друга волнуѣа и ратуѣа видѣвъ, говорятъ Даниилъ, не по Божественнѣй воли,

¹ Рукоп. М. Д. А. № 197 л. 41—64.

и сихъ смириши, въ соединеніе устроиши, и такіе другіхъ видѣтъ любяще другъ друга изъ оторженію законъ Божіихъ и ненависть между сими устроиши, разоряя ирѣковное ихъ соединеніе, яко есть яко въ обонѣхъ силѣхъ вещей волю Божію содѣлаемъ». Высказанный здѣсь взглядъ представляетъ изъ себя одно изъ рѣдкихъ данныхъ важныхъ не только для характеристики взглядовъ непосредственно самаго Даниила, но и всего вообще направленія, къ которому онъ принадлежалъ. Первая половина высказаннаго сужденія не представляетъ ничего особеннаго, и воиолѣ върна нравственнымъ принципамъ православія. Но за то вторая половина его не выдерживаетъ критики и является совершенно новымъ взглядомъ для системы православно-нравственнаго ученія. Мысль второй половины примѣра ясна сама собою. Она состоитъ въ слѣдующемъ: устроить вражду между безнравственными людьми значитъ поступить воиолѣ сообразно своему нравственному долгу. Но вражда сама по себѣ есть несомнѣнно дѣйствіе безнравственное, и однако же она въ то же самое время является, по взгляду Даниила, поступкомъ воиолѣ нравственнымъ, добрымъ потому только, что имъ разъединяются общества безнравственныхъ людей. Очевидно, Даниилъ склоняется къ такимъ нравственнымъ воззрѣніямъ, которые немного послѣ на западѣ сдѣлались одними изъ руководительныхъ началъ дѣятельности ордена іезуитовъ, внесшихъ въ кодексъ своихъ нравственныхъ постановленій положеніе: «цѣль оправдываетъ средства». Митрополитъ Даниилъ хотя такимъ образомъ и не формулируетъ своего взгляда на нѣкоторыя нравственныя дѣйствія человѣка, но его слова въ частностяхъ воспроизводятъ то, что впоследствии провозгласили какъ нравственный принципъ іезуиты.

Содержаніе первой части имѣетъ одинъ предметъ—это ученіе о непоколебимомъ стояніи за истину, за заповѣди Божіи и церковныя уставы, стояніи, безусловно необходимомъ для каждаго христіанина при всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ его жизни, не исключая даже и того случая, когда за его твердость по истинѣ «пороняютъ и соблазняются иѣщии», или когда требуется пожертвовать самою своею жизнію. Борцы и страдальцы за истину утѣшаются авторомъ тѣмъ, что, какъ сказано въ оглавленіи второго слова «невозможно бѣднѣхъ дѣлѣхъ прилежащему отъ всѣхъ слышати добро, также и о истинѣ стоящему не мнози имѣти

враги, но еще о сихъ соблазняются нѣдѣи, не устрашится подобаетъ, но твердо быти и непоколеблему».¹

Содержаніе первой части второго слова, какъ видно было, мало касается темы слова, указанной въ его оглавленіи. За то во второй самостоятельной части сгруппированы по большей части такого рода святоотеческіе аргументы, которые по своему содержанію болѣе или менѣе отвѣчаютъ темѣ слова. По своему содержанію святоотеческія свидѣтельства распадутся на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, сообразно выставленнымъ въ оглавленіи слова положеніямъ. Текстомъ изъ Евангелія Матвея (V, 9) и толкованіемъ на него св. Іоанна Златоустаго восхваляется миръ и согласіе и напротивъ порицается всякаго рода вражда². То правильное положеніе автора, что «невсюду есть миръ добро» вполне основательно констатируется словами толкованія на евангеліе Луки³ и словами одной бесѣды Іоанна Златоуста на Евангеліе Іоанна⁴. Подтвержденіе своей мысли о томъ, что должно всегда твердо стоять за истину и терпѣть за нее всевозможныя страданія, нападки поруганія, Данилъ находитъ въ приводимыхъ свидѣтельствахъ Василія Великаго изъ его толкованій на книгу пророка Ісаіа⁵ и Златоуста изъ толкованій на св. Матвея⁶, Θεοφιλάкта Болгарскаго⁷. Къ этой же группѣ относятся краткія изреченія св.

¹ Это разсужденіе Данила имѣетъ сходство съ оглавленіемъ третьяго слова Никона Черногорца, половина I, 19.

² Рук. Моск. Дух. Ак. № 197 л. 43. Цитата подлинная. См. Бесѣды Златоуста на еванг. Матвея М. 1829 г. бес. 15, 92.

³ Л. 43—44. Толкованіе принадлежит Θεοφιλάкту Болгарскому. См. Благовѣстникъ ч. III, 209—210.

⁴ Л. 44—45. Цитата взята (по переводу Максима Грека Рук. Кирилл. библи. № 21/146 л. 46—47) изъ 57 бесѣды Златоуста на еванг. отъ Іоанна и по мысли не отступаетъ отъ современнаго перевода. Бесѣды Златоуста на еванг. Іоанна, пер. при С.-Петербургской Дух. Акад. 1855 г. ч. II, 283—286.

⁵ Л. 50—51. Подл. Migne, Patr. Curs. Complet. ser. graec. t. XXX. S. Basilii Caes. tom. II. 159—162. Творенія св. Василія В. ч. II, 75—77. Цитата взята изъ 3-го слова Никона Черногорца. Полов. I, 22—23.

⁶ Л. 48—49. Снес. Бесѣды Златоуста на еванг. Матвея М. 1829 г. 92—93.

⁷ Л. 47—48. Благовѣстникъ ч. I. 95—96.

Ефрема Сирина ¹, св. Нила ², два вопроса Исхія ³ и одинъ Исидора ⁴ и наконецъ довольно обширная выдержка каноническаго характера «отъ собора соединенія» ⁵.

Какъ ни старался Даниилъ подыскать основаній для своего оригинальнаго взгляда во святоотеческой литературѣ, ему почти не удалось достигнуть своей цѣли. Во всѣхъ почти приводимыхъ имъ свидѣтельствахъ, о которыхъ упомянуто было выше, только констатируется положеніе, что не всякій миръ есть добрый миръ, и въ нихъ нисколько не говорится о какихъ-либо поступательныхъ не нравственныхъ дѣйствіяхъ противъ людей, живущихъ между собою въ мирѣ, основанія котораго не могутъ быть одобрены съ моральной точки зрѣнія. Только одно свидѣтельство, именно Іоанна Лѣствичника, ссылающагося на свой опытъ, что онъ видѣлъ «и враждотворцы блаженны» ⁶ нѣсколько оправды-

¹ Краткая выдержка изъ твореній св. Ефрема Сирина взята буквально изъ 3-го слова Никона Черногорца. Полон. I, 23.

² Цитата изъ соч. Нила буквально заимствована изъ 3-го слова Никона Черногорца, I пол., 23.

³ Л. 51—52. Незавѣстно, какой здѣсь Исхія имѣется въ виду, но несомнѣнно не Исхія, пресвитеръ іерусалимскій, у котораго хотя есть сочиненіе подъ названіемъ *Quaestiones et solutiones variae*, но въ немъ не находится вопросовъ, помѣщенныхъ у себя Данииломъ. *Migne. Patr. Curs. Complet. ser. graec. tom. XLIII, 1391—1450.*

⁴ Л. 52—53. Въ сочиненіяхъ Исидора Пелусіота (*Migne. Patrol. Curs. Complet. ser. graec. tom. LXXXVIII*) не имѣется подходящихъ статей, гдѣ бы находились вопросы и отвѣты, подобные процитованнымъ Данииломъ. Приведенный здѣсь вопросъ Исидора взятъ изъ 3-го слова Никона Черногорца. I полон., 23. Непосредственно за вопросомъ Исидора у Даниила (рук. М. Д. А. № 197 л. 53) помѣщенъ вопросъ св. Афанасія Александрійскаго о томъ, можно ли властямъ принимать подарки, который вовсе не имѣетъ никакого отношенія къ темъ словамъ. Подлинникъ его у Мина. *Patrol. Curs. Complet. ser. graec. tom. XXVIII, S. Athanasii Alexandrini tom. IV. Ad Antiochum duces Quaestio CXVII, pag. 671—672.*

⁵ Л. 46—47. Цитата взята изъ Коричей, гдѣ глава, гдѣ которой авторомъ сдѣлано заимствованіе носитъ слѣдующее названіе: «Наложеніе, рѣше воспоминаніе бывшаго церковнаго соединенія, при Константѣ и Романѣ, овому збо царствующу, овому же тогда цареву онцу самомъ почтену сущу». См. Старопечатную коричую 1853 года, изданную при патріархѣ Никонѣ, л. 569—570.

⁶ Л. 47. Есть и въ современномъ изданіи русскою твореній І. Лѣствичника. См. прен. отна нашего Іоанна, игумена Синайскаго, Лѣствича М. 1851 года, 302.

ваетъ Данила. Во всякомъ случаѣ авторитетъ Іоанна Дѣствичника не настолько важенъ, чтобъ его ученію можно было придавать символическое значеніе. Совершенно иначе смотрѣлъ на дѣло самъ авторъ. У него не было строгаго различія между свидѣтельствами, принадлежащими разнымъ лицамъ, занимавшимъ неодинаковое положеніе въ церкви и пользовавшимся въ ней неодинаковымъ авторитетомъ: онъ смотрѣлъ на нихъ чисто юридически, какъ на документы, не пускаясь въ разсужденіе о степени важности и авторитетности лицъ, которымъ они принадлежали.

Третья часть втораго слова не имѣетъ по своему содержанію ничего общаго съ темою слова. Въ самомъ началѣ наказанія митрополитъ указываетъ предметъ своего разсужденія, сказавъ: «принесемъ же вѣдѣти нѣчто глаголю и о пастырѣхъ», и дѣйствительно всю свою рѣчь ведетъ по одному этому предмету, касающемуся пастырства. Содержаніе наказанія втораго слова имѣетъ громадную важность по заключающимся въ немъ даннымъ для характеристики современныхъ взглядовъ и положенія русскаго пастырства и отношенія къ нему русскаго общества. Содержаніе наказанія касается слѣдующихъ сторонъ пастырскаго служенія. Въ началѣ митрополитъ высказываетъ свой теоретическій положительный взглядъ на пастырей, и много распространяется о ихъ нравственномъ долгѣ постоянно учить и наставлять своихъ пасомыхъ. Затѣмъ естественнымъ является переходъ къ дѣйствительному положенію, въ какомъ находилось пастырство въ его время. Положеніе, современное Данилу, пастырства находилось въ невыгодныхъ условіяхъ, вслѣдствіе уклоненія самихъ пастырей отъ исполненія своего примаго долга когда они болѣе вниманія сосредоточивали на матеріальныхъ выгодахъ, какія давало имъ ихъ служеніе, чѣмъ на своихъ душоуправственныхъ обязанностяхъ, когда на высшіе церковные посты попадали люди недостойные и благодаря тому только, что они умѣли заискивать и склонять подарками въ свою пользу высшихъ властей. Съ другой стороны само общество не было приучено цѣнить заслуги и дѣятельность своихъ пастырей. Ревностные пастыри, рѣшавшіеся братья за обличеніе недостатковъ своихъ пасомыхъ, не только не внушали къ себѣ уваженія, но напротивъ чрезъ то наживали себѣ много враговъ и непріятностей въ жизни. На ихъ обличенія смотрѣли, какъ на личныя оскорбленія, и соотвѣтственно этому и относились къ нимъ.

Языкъ наказанія вообще простой, общедоступный и ясный,

только приведенные въ немъ три обширные отрывка изъ словъ св. Василія Великаго и Іоанна Златоустаго нѣсколько портятъ общее впечатлѣніе, такъ какъ они помѣщены въ такомъ переводѣ, который отличается темнотою смысла.

Проводимый во второмъ словѣ Данииломъ оригинальный взглядъ на нравственную законность и обязательность въ извѣстныхъ случаяхъ произведенія вражды, по самой сущности дѣянія безирравственнаго, является въ самомъ исходномъ своемъ пунктѣ несамостоятельнымъ. Но тѣмъ не менѣе митр. Даниилъ развиваетъ его у себя и до такой степени расширяетъ его значеніе въ сферѣ нравственной дѣятельности человѣка, что здѣсь его можно въ извѣстной степени признать самостоятельнымъ. Іосифъ Волоцкій точно также допускалъ хитрость, обманъ, или какъ онъ называлъ «богонаученное коварство», какъ средство позволительное и законное въ отношеніи къ еретикамъ, и только къ еретикамъ. Даниилъ идетъ далѣе и считаетъ равно законнымъ средствомъ по отношенію къ еретикамъ произведеніе между ними вражды, но съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что такое нравственно-предосудительное явленіе, какъ поселеніе между другими вражды, онъ признаетъ законнымъ и достойнымъ подражанія не столько въ отношеніи однихъ только еретиковъ, но прежде всего вообще всѣхъ безирравственныхъ людей, и такимъ образомъ обобщаетъ законность его примѣненія и возводитъ въ кодексъ общеобязательныхъ нравственныхъ требованій дѣятельности человѣка.

Мы разсмотрѣли семейное и общественное положеніе русскаго общества, современнаго Даниилу. Въ древнерусской семьѣ господствовалъ широкій произволъ домовладыки, предъ его законными или незаконными требованіями и капризами преклонялось все въ семействѣ, начиная съ жены и кончая послѣднимъ привратникомъ. Общественная нравственность представляла въ себѣ господство многихъ грубыхъ пороковъ. Отношенія высшаго класса къ низшему оставляли желать многого. Простой народъ находился въ положеніи рабства и нравственнаго, и матеріальнаго по отношенію къ своему высшему классу. Наконецъ, въ самомъ высшемъ классѣ общества не было особеннаго единодушія, ни сколько-нибудь крѣпкой связи, а вмѣсто того существовали постоянныя интриги. И въ другихъ слояхъ тогдашняго русскаго общества было весьма мало сплоченности. Однимъ словомъ, во всѣхъ слояхъ и явленіяхъ тогдашней семейной и общественной жизни отводилось очень ши-

рокое мѣсто эгоизму. Мы также видѣли, что м. Даниилъ не относился безучастно къ общественнымъ недостаткамъ своего времени. У него мы находимъ указаніе и разъясненія почти на всѣ явленія тогдашней общественной жизни, которыя составляли уклоненіе отъ идеала истиннаго христіанина.

Кромѣ своихъ пастырскихъ наставленій по тому или другому частному вопросу общественной жизни своего народа и своего времени, м. Даниилъ въ противовѣсъ общему злу, развѣдавшему тогдашнее русское общество во всѣхъ его сферахъ и слояхъ, именно эгоизму, предлагаетъ въ своихъ поученіяхъ истинно-христіанское начало любви. Ни одно поученіе и посланіе его не обходится безъ того, чтобы въ немъ проповѣдникъ не сказалъ, не напомнеть своимъ слушателямъ о христіанской любви. «Да любимъ другъ друга, проживемъ любовію, помогаемъ братіямъ, и возлюбимъ ихъ яко себе, смыслимъ другъ другу благая, понесемъ дружная тяготы, будемъ милостиви, тихи, кротки, незлобиви, долготерпѣливи, будемъ другъ другу милосерди, исполнени любве, будемъ блази другъ другу, будемъ человеколюбци и т. п. наставленія постоянно встрѣчаются въ словахъ Даниила. Его проповѣдь о любви чрезвычайно обширна и подробна, если соединить въ одно цѣлое все то, что говорится о ней въ разныхъ мѣстахъ. Митрополитъ справедливо полагаетъ въ основѣ всей нравственной дѣятельности человека любовь. У Даниила христіанская любовь справедливо представляется «большою изъ всѣхъ заповѣдей» и какъ «основаніе и верхъ всѣмъ добродѣтелямъ», «всѣхъ благихъ корень» и проч. Говоря о любви, Даниилъ старается опредѣлить ея характеръ и отношеніе къ другимъ добродѣтелямъ. Онъ требуетъ, чтобы любовь была духовная, нравственная и дѣятельная «дѣломъ и истиною». Безъ любви немислимо и достиженіе самаго спасенія человека: «прощеніе грѣхомъ нашимъ, говоритъ Даниилъ словами Максима Исповѣдника, хотя и не указывая его имени, въ прощеніи братій нашихъ обрѣтается». Ученіе о любви служитъ темою многихъ посланій Даниила (напр. окружнаго посланія). Конечно, мы не найдемъ въ сочиненіяхъ митрополита Даниила строгаго, систематическаго изложенія ученія о христіанской добродѣтели-любви, основаннаго на психологическомъ знаніи законовъ человѣческой души вообще, потому что такое ученіе было немислимо для самаго даровитаго древнерусскаго писателя, какъ совершенно чуждаго науки въ строгомъ ея смыслѣ.

ГЛАВА IV.

Въ ряду разсужденій митрополита Данила находится не мало такихъ, которыя касаются нравственнаго состоянія современнаго ему монашества.

Монашество появилось на Руси очень рано и развилось до весьма широкихъ размѣровъ. Но, съ другой стороны, въ условіяхъ развитія и распространенія монашества скрывались нѣкоторые задатки и его упадка. Подъ вліяніемъ господства нравственно-аскетическихъ воззрѣній древніе русскіе монастыри наполнялись массами. Среди массы выдвигались личности съ твердымъ характеромъ и сложившимися убѣжденіями, заранѣе готовые нести всѣ тяжести подвижнической жизни. Но та же масса насчитывала въ своихъ рядахъ не мало такихъ лицъ, которыя принимали монашество безъ достаточной нравственной подготовки, по одному увлеченію. Естественно, ихъ ужасало бремя иночества, которое до сихъ поръ извѣстно было имъ болѣе по названію, и нѣкоторые изъ нихъ падали духомъ и служили расплывающимъ элементомъ въ средѣ монашества. Насильственные постриженія, начавшіяся очень рано, еще съ XI вѣка, вносили въ монашество новый кругъ людей съ невыдержаннымъ нравственнымъ характеромъ, которые, конечно, не могли содѣйствовать развитію нравственности въ окружающей ихъ средѣ.

Были невыгодныя условія для монашества и чисто внѣшняго характера. Благочестивое религіозное чувство русскаго народа наградило монастыри обширными поземельными владѣніями и вообще матеріальнымъ богатствомъ, обладаніе которымъ и втягивало ихъ въ суету мірской жизни и ставило ихъ такимъ образомъ въ противорѣчіе своему идеалу, состоявшему въ полной отрѣшенности отъ міра. Съ другой стороны богатство и матеріальное довольство монастырей являлись предметомъ соблазна для мірскихъ людей, особенно терпѣвшихъ невзгоды жизни, которые иногда и поступали въ монастыри, но не столько для по-

¹ Аристовъ, Древн. и Нов. Россія, 1878. № 5. Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ до начала XVII в. 63—76. Голубинскій, Исторія русск. церкви т. I, вторая половина тома, М. 1881, 554.

лученія спасенія, сколько для того, чтобы пожить въ покоѣ и довольствѣ¹.

Благодаря условіямъ, въ которыхъ находилось русское монашество XV—XVI в.в., нравственная жизнь многихъ его членовъ не особенно отличалась внутреннимъ, духовнымъ преусибіемъ. И дѣйствительно, въ средѣ тогдашняго монашества развились такіе недостатки и пороки, которые вызвали собою въ современномъ обществѣ важный вопросъ о коренныхъ средствахъ поднятія и исправленія монашеской жизни. Въ вопросѣ о средствахъ общество раздѣлилось между двумя современными дѣятельными, вышедшими изъ монашеской среды, изъ которыхъ одинъ спасеніе монашества полагалъ въ отобраніи отъ монастырей земельныхъ владѣній, тогда какъ другой—только въ реорганизаціи внутренней жизни и порядковъ монастырской жизни. Въ XV и XVI в.в., дѣйствительно, монастырская жизнь является съ признаками значительной деморализаціи.

Монастырскія богатства не были, конечно, въ рукахъ монашествующихъ мертвымъ капиталомъ. Имъ давался надлежащій ходъ и назначеніе. Монастырскія богатства, дѣлавшія монашескую жизнь выгодной и удобной, сами собою возбуждали въ монахахъ страсть къ роскоши, которая проявлялась у нихъ съ различными формами, сообразно тому положенію, какое занимали монахи въ администраціи того или другаго монастыря. Божіе общераспространенною слабостію у современныхъ монаховъ была страсть къ богатому, щегольскому платью². Особенно любовію къ роскоши отличалось высшее, аристократическое монашество (игумены, архимандриты, епископы), въ непосредственномъ распоряженіи котораго находились богатства управляемаго ими монастыря. Высшія монастырскія и церковныя власти окружали себя

¹ Одни, напрямъ, уходили въ монастыри «ишеггы ради», будучи не въ состояніи кормить жену и дѣтей (Слова св. отецъ къ христіанамъ, кто оставляетъ жену и дѣти и отходитъ въ монастырь. Рускоп. Импер. Публ. Библ. I. 1. № 225, изъ собр. Гр. Тютюева, отд. I. № 108, л. 26; рукоп. тойже библ. Q. I. № 308, л. 46, сравн. Прав. Соб. 1838 г. ч. III, 512—513; см. приложеніе. № XXV и XXVI. Другіе «инокы ради тѣлеснаго» (Стефанъ, под. Кожиншкова, Третьихъ увлекли въ монастырь общественныя бѣдствія. Посланіе къ дядю в. кн. Василію Іоанновичу въ рук. Сов. биб. № 1444 л. 443—447. Срав. посланіе старца Филовея. Доп. къ Акт. Ист. т. I, № 23.

² Соч. Максима Грека, ч. II, 38.

пышностію царскаго вельможи¹. Представители высшей церковной іерархіи—епископы, выходившіе изъ монастырей, отличались еще болѣе широкими замашками къ роскоши: одѣвались въ соболы, возводили для себя богатые дома, выѣзжали на дорогихъ колесницахъ, сопровождаемые кортежемъ «батононосныхъ слугъ» щеголяли драгоцѣнностію церковной утвари и подоб.¹

Богатства, которыя принадлежали монастырямъ, предрасполагали монашествующихъ и къ другимъ порокамъ. Постоянное довольство, отсутствіе нужды развращающимъ образомъ дѣйствовали на монаховъ, которые часто для того, чтобы развѣять скуку обращались къ вину. Однимъ изъ развитыхъ въ XV—XVI вв. въ средѣ монашества пороковъ было пьянство². У болѣе вліятельныхъ монаховъ—игуменовъ монастырей—поклоненіе вину принимало болѣе широкіе размѣры и выражалось въ то же время въ болѣе благопристойной формѣ—въ формѣ богатыхъ, званыхъ пирушествъ и обѣдовъ³.

Изъ двухъ посланій митрополита Даниила, адресованныхъ имъ къ одному изъ современныхъ и подчиненныхъ ему епископовъ, можно видѣть, что этотъ, неизвѣстный по имени, епископъ не былъ чуждъ порока своего времени—пьянства⁴. Впрочемъ,

¹ Начальники монастырей держали при себѣ «въ монастырехъ множество мѣрскихъ слугъ батононосныхъ и мѣдныхъ коней и множество великихъ коней, на которыхъ они выѣзжали съ множествами батононосныхъ слугъ» Слова къ вѣрнымъ, рукоп. Новгор. Собр. библ. № 1296, л. 198—199. приложение № XXI.

² Сочиненія Максима Грека, ч. II. 38. Три невзданныхъ доселѣ посланія князя Курбскаго, Правосл. Собесѣдникъ 1863 г., ч. II, 538—569. Разсужденіе Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами, 9. Чтенія въ Обществѣ Исторія и Древностей русскіихъ, 1839 года, III, отдѣл. 3. Полемическія сочиненія Вассіана, Патрикѣева. Православный Собесѣдникъ 1863 года, часть III, 113.

³ Посланіе Митроп. Іоны въ Боголюбѣвъ монастырь, Акты истор. т. I, № 265, 497, отъ 1455 года. Максимъ Грекъ говоритъ, что иноки его времени жили «въ сладкихъ питіяхъ и пѣнствахъ», сочиненія Максима Грека ч. II, 22. Разсужденіе Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами, Чтен. въ Общ. Исторія и Древн. рос. 1839 г. ч. III, отд. 3, 11. Стоглавъ изд. Кожанч. 166, 171—177. Посланіе Іоанна Грознаго въ Кирилловъ мон., Акты Истор. т. I, № 204. Приложение № XXIII.

⁴ Сочин. Максима Грека. II, 39. Посланіе І. Грознаго, А. и с. 1, № 204, 377. Стоглавъ, изд. Кожанчикова, 44—45.

⁵ Рукоп. Собр. библ. № 1281. л. 226—230.

Даниилъ замѣтно щадить слабость своего собрата и говорить о ней болѣе въ формѣ намековъ. Но за то въ другомъ случаѣ, когда онъ говоритъ не по отношенію къ отдѣльной личности, а имѣетъ въ виду общіе недостатки всего высшаго духовнаго сословія, то отъ не стѣсняется особенно въ выраженіяхъ и высказываетъ горькія истины прямо въ неприкровенномъ видѣ. «Худіи же и дѣнии пастыріе, увы мѣ, якоже азъ, такъ отзывается онъ о пастыряхъ своего времени, себе упасоша и расшириша чрева своя брашны и піанствы, заблудшихъ не возведоша, погибшихъ не възскаша, прельщенныхъ не обратиша, сокрушенныхъ не врачеваша, и вся дѣла пастырская презрѣша, но точію на славу и честь, и на упокоеніе еже ясти и пити сладосная, и драгая, и честнѣйшая, и на тщеславіе, и презорство и на воспріятіе мзды уклонишася»¹.

Съ пьянствомъ связанъ былъ и другой порокъ, встрѣчавшійся въ монашеской средѣ XVI вѣка, въ предупрежденіе котораго Стоглавыиъ Соборомъ запрещено было держать въ монастыряхъ голоусыхъ². Это запрещеніе еще раньше было высказано Іосифомъ Волоцкимъ въ его монастырскомъ уставѣ.

Самою же сильно развитою въ монашествѣ слабостью было честолюбіе. Последнее проявлялось въ разнообразныхъ формахъ. Завѣтною цѣлью честолюбивыхъ монаховъ, если только они сколько нибудь выдавались изъ среды рядовыхъ иноковъ, было пріобрѣтеніе мѣстъ «высокихъ», достиженіе возможности, «взыти на иѣкій санъ церковный» т. е. епископство, архимандритство или игуменство³. Для того чтобы достигнуть преслѣдуемой цѣли привилегированные монахи, отличившіеся честолюбіемъ, если только обихованный путь заслугъ и личныхъ достоинствъ не выдвигалъ ихъ изъ ряда другихъ, добивались своего другими путями. Они

¹ Рукон. М. Д. А., № 197, л. 54—55.

² Стоглавъ, изданіе Кожанчикова, 44—45, 57, 166. Акты Истор., т. 1., № 204, 392, три неизданные посланія князя Курбскаго, Прав. Соб. 1863, II, 563—569. Соч. Максима Грека, ч. II, 141—142. Въ предупрежденіе порока въ кодексахъ нравственныхъ предписаній монаховъ еще съ XIV в. внесено было и то, чтобы они съ «юными дѣтами не дружились, и книгачъ ихъ не учили». Рукон. Печ. пуб. библ. Погедияская, № 1298, л. 76—77. Наставленіе новоначальнымъ инокомъ. См. Духов. Вѣстникъ 1862, Іюль.

³ Соч. Максима Грека, ч. II, 127, 128, 142. Рукон. Новгород. Соед. библиот. № 1296, л. 199—200. Слово къ иѣрыиъ, Прилож. № XXI.

старались заискивать предъ высшими властями, добивались ихъ дружбы и благоволенія, устроили для нихъ у себя богатые обѣды, дѣлали имъ разнаго рода подарки, а иногда обращались даже къ простому подкупу¹. Высокое іерархическое положеніе въ церкви иногда перѣдко совершенно измѣняло человѣка: изъ прежде скромнаго униженнаго, готоваго на всѣ уступки инока выходилъ гордый, недоступный владыка².

Въ сочиненіяхъ митрополита Данила мы находимъ прекрасную картину, изображающую собою честолюбивыя стремленія монаховъ, ихъ искательства и погоню за высшимъ церковнымъ саномъ и наконецъ средства, при помощи которыхъ многимъ изъ нихъ удавалось достигать высшихъ церковныхъ должностей. «Почто, братіе, гордимся, пишегъ онъ во второмъ словѣ своего сборника, специально трактующемъ о настыряхъ, и возносимся и сами ся прельщаемъ, власти игуменства или епископства ищуще, страстни суще и немощни на таковыя величества въсходити. Что же ради сихъ и въискуемъ?—Ясти ли и пити многоразличная, и драгая, сладостнѣйшая, или злата, или сребра, и многа богатства, и имѣнія собирать, или веселитися, и *прохлажати*, и *возноситися*, и щанити, и пиры съставляти, и созывати на обѣдъ славныхъ и богатыхъ и истожити всеу церковныя доходы тунеядцемъ, яже церкви и церковнымъ потреба бѣ, и страннымъ и нищимъ? Мы же сихъ презираемъ, и церковныя доходы съ славными и съ богатыми и съ тунеядцами пѣядаемъ, гордостію и тщеславіемъ напымающеся, и къ настоящимъ вселушно прілезающе, и мнимся настыри и учителя быти и истинно слово Божіе пражити и наставляти родъ человѣчскій къ спасенію»³.

Конечно, далеко не всѣ монахи могли пользоваться благами и удобствами монастырской жизни и въ концѣ концовъ мечтать

¹ Соч. Макария Грека ч. II, 127—128. Слоганъ, изд. Кожанч. 44—45. Три догелъ, пензѣвчизмъ Курбскаго. Прав. Собесѣдникъ 1863 г. II, 564—569. Послание Л. Грознаго къ Кирилловъ мон. Акты историч. т. I, № 204.

² Сочин. Маѣ, Грека ч. II, 38—128. Полемическія Сочин. Вассіана, Правосл. Собесѣд. 1863 г. III, 115. П. 6. Разсужд. Вассіана о несправдлив. монаст. влад. воцѣнами Чл. въ Общ. Пет. и Древи. 1859 г. кн. III, отд. 3, Рус. Свѣд. Библ., изд. Археогр. Комиссіей, т. IV. Послания инока Артемія—1379, 1230.

³ Цитата приведена по рукоп. Москов. Дух. Ак., № 197, л. 60. Только подчёркнутыя слова принесены изъ рукоп. Импер. Публ. библ. F. 1, № 529, л. 53, которыхъ недостаетъ въ Москов. Акад. Сборникѣ.

о полученіи высшаго сана въ церковной іерархіи. Это составляло удѣлъ, такъ сказать, привилегированныхъ, чиновныхъ монаховъ. Но и рядовые монахи старались подыскать для себя лучшія стороны, которыми они могли бы гордиться предъ остальною братіей. Такъ нѣкоторые, болѣе скромные честолюбцы изъ монаховъ, гордились напримѣръ своимъ благороднымъ происхожденіемъ, если только, конечно, права рожденія и воспитанія давали имъ на то и возможность. Указаніе на это мы находимъ въ посланіяхъ митрополита Данила. — «Никто же да не глаголетъ, такъ поучаетъ митрополитъ иноковъ, возносившихся благородствомъ своего происхожденія, яко азъ рода царскаго есмь, никтоже да не возноситъ на высоту брови своя, глаголя: яко мы убо отъ свѣтлыхъ и благородныхъ родителей есмы рождени и воспитани, а сія отъ убогихъ и нищихъ рода есть и отъ худыхъ родителей воспитаніе, и много рабъ есть». Не одна знатность и высокое происхожденіе возбуждали и питали иноческое честолюбіе. Понятно, каждый находилъ въ себѣ много такихъ достоинствъ, которыми онъ, по его мнѣнію, превосходилъ всѣхъ остальныхъ иноковъ своего монастыря, и при случаѣ старался напоминать о нихъ. Митрополитъ Данилъ въ своемъ посланіи во Владимірскій Волосовъ монастырь пишетъ между прочихъ: «аще кто въ васъ наче прочихъ больше есть да не велехудрствуетъ, и да не превозносится на меньшее и худѣйшее, извѣтъ предлагая многолѣтняго иночества своего, или дѣла художественнаа, или словеса сладкоглаголанная, или благородія изящная, или санъ величества, или приношенія богатству и стяжанія многа»¹.

Обширные богатства монастырей служили источникомъ ихъ вишняго матеріальнаго процвѣтанія. Но этотъ источникъ былъ болѣе или менѣе постоянный и опредѣленный. Между тѣмъ случалось, что у вліятельныхъ лицъ монастыря страсть къ роскошной жизни росла и росла такъ, что для удовлетворенія вызываемыхъ ею широкихъ потребностей являлась необходимость и въ другихъ, дополнительныхъ средствахъ. А иногда монастырскія власти даже безъ особенной цѣли старались увеличивать средства своего монастыря. Монахи старались всѣми способами увеличивать свои земельныя владѣнія и въ то же время обращались къ другимъ источникамъ доходовъ: притѣсняли подвѣдомственныхъ

¹ Рухов. Соф. библ. № 1281, л. 282, 224.

крестьянъ, продавали въ голодные года по дорогой цѣнѣ хлѣбъ, отдавали деньги въ ростъ, занимались торговлей, при чемъ пользовались отъ государства большими привилегіями¹.

Митрополитъ Даниилъ вноситъ нѣкоторыя новыя, частныя черты, въ которыхъ проявлялось и которыми характеризовалось сребролюбіе монаховъ его времени. Вотъ наврѣмѣрь что онъ пишетъ въ посланіи своемъ къ игумену и братіи въ Вологовъ Владимірскій общежительный монастырь: «у васъ не по обычаю общаго монастыря презвитеры и діаконы емлютъ по рукамъ милостыню, лихоимству радуящися». Изъ того же самаго посланія видно, что у нѣкоторыхъ корыстолюбивыхъ монаховъ монастыря на Вологовъ было въ обычаѣ выходить за монастырь встрѣчати и провожати «приходящихъ» и выпрашивать у нихъ милостыню: «серебра, и злата, и одежи».

Въ другихъ общежительныхъ монастыряхъ монахи пользовались отъ своей обители всѣмъ готовымъ и, не нуждаясь такимъ образомъ въ средствахъ для своего существованія, для того, чтобы скопить себѣ капиталъ, посвящали все свое свободное время рукодѣлію и другимъ самостоятельнымъ занятіямъ и вырученныя такимъ путемъ деньги обращали въ свою личную собственность, вопреки монастырскому уставу. Такъ было, наприм., въ самомъ Волоколамскомъ монастырѣ, во время игуменства тамъ Даниила, гдѣ нѣкоторые монахи жили, «особное стяжаніе держаще злаго ради пристрастія и сребролюбія ради». По этому поводу Даниилъ обращался къ своимъ подчиненнымъ монахамъ съ особымъ, сохранившимся до насъ, пастырскимъ увѣщаніемъ, въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ, обращаясь въ обвинительномъ тонѣ къ инокамъ: «не по общему житію и преданію отецъ нашихъ и ру-

¹ Соч. Максима Грека II. 32, 34, 43, 44, 94, 106—107, 129—130. Акты А. Эк. I, № 369, 461—463. Посланіе митроп. Фотія въ Новгородъ въ 1410 г. Полемич. Соч. Вассіана Патрикѣева. Прав. Собес. 1863 г., III. 108—110, 112. Разсужд. Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами. Чт. въ Общ. чт. и дрвин. 1839 г., кн. III, отд. 3. Курбскій. Прав. Собесѣд. 1863 г. II, Акты ист. г. I, № 204, Посланіе Грознаго въ Кирилловъ монастырь, письмо Грознаго въ Гурію, арх. казанск. Продолж. древ. рос. писаніевъ, ч. V, 241—244. Стоглавъ, изд. Кокавичкова. 44—45. Значительная часть внутренней торговли Россіи въ XVI в., говоритъ Костомаровъ, была въ рукахъ монаховъ. Очеркъ той глав. Моск. Государства въ XVI и XVII, 137.

кодѣліе держимъ сребролюбія ради нашего.... иже на всякъ частъ прогнѣваемъ Господа чрезъ покой общаго монастыря особная вещи держащи, и продающе, и купующе, и росты на росты емлюще, и особно руководѣствующе, сребро и золото копяще, не боящися Бога»¹.

Представители высшей церковной іерархіи-епископы и тѣ иногда заражались страстью любостыжанія². Впрочемъ, доброй репутаціи епископовъ въ данномъ отношеніи много вредили окружавшіе ихъ чиновники, которые отличались жадностію къ деньгамъ и страстію къ наживѣ³.

Митрополитъ Данилъ не прошелъ молчаніемъ и этой слабой стороны своихъ современниковъ. Онъ въ двухъ своихъ посланіяхъ представилъ новыя черты для характеристики нѣкоторыхъ изъ современныхъ ему епископовъ. Изъ этихъ посланій Данила видно, что одинъ изъ современныхъ митрополиту епископовъ на столько заявилъ себя жаднымъ корыстолюбцемъ, что на него послѣдовали жалобы митрополиту. Послѣдній написалъ епископу «лихоимственнѣе житіе имущему» два посланія, изъ которыхъ видно, что этотъ епископъ больше любилъ сребро и золото, чѣмъ человѣки, и сильно страдалъ злымъ недугомъ сребролюбія⁴.

Конечно, далеко не всѣ монахи могли пользоваться мірскими благами монастырской жизни. Простые печиновные монахи едва ли могли наприм. мечтать о полученіи высшихъ церковныхъ должностей, равно какъ окружать себя роскошью и удобствами богатаго мірянина. Но тѣмъ не менѣе нравственный упадокъ монашества ХVІ вѣка коснулся всей монашеской среды, всѣхъ высшихъ и низшихъ словъ ея. Видя предъ собой постоянное нарушеніе монастырскаго устава и самые простые, рядовые иноки пріучались смотрѣть на него очень легко и свободно и сами, при удобномъ случаѣ, нарушали его требованія. Нарушенія разнаго рода мона-

¹ Рук. Соч. библ. № 1281, 221—274.

² Полн. соч. Вассіана. Прав. Соб. 1863 ч. III, 112. Прав. Соб. 1863 г., II, 565—566.

³ Стоглавъ, изд. Кожанчикова, 7. Срав. Посланіе Георгія Скрипницы, Чт. въ Общ. ист. о древн. 1848 г., № VI, отд. IV, 45—54.

⁴ Рукон. Новгород. Соч. библ., № 1281, л. 226, 230.

стырскихъ уставовъ въ XVI вѣкѣ были постояннымъ явленіемъ¹. Нѣкоторые монахи отказывали въ послушаніи своему игумену и вообще монастырскимъ властямъ², иные занимались бродяжничествомъ, переходя изъ монастыря въ монастырь и мѣняя такимъ образомъ ихъ множество, а наконецъ находились и такіе, которые безъ всякой нужды основывали новые монастыри³.

На укоренявшійся въ монашествѣ обычай бродяжничества есть указанія и въ сочиненіяхъ митрополита Данила. Между его посланіями находится одно, написанное имъ одному неизвѣстному по имени иноку, долго искушавшему себя и думавшему удалиться изъ общежительнаго монастыря, гдѣ онъ жилъ до сихъ поръ, въ пустыню⁴;—явленіе, какъ извѣстно, постоянное въ то время. Случались и такого рода факты, что нѣкоторые поступали въ монастырь, а потомъ оставляли его и отказывались совсѣмъ отъ монашества и даже женились⁵. О подобнаго же рода фактахъ сообщаетъ и митрополитъ Данилъ. «Дерзости бо игѣи во иноческое житіе себе вмѣщаютъ, говоритъ онъ, а потомъ малодушествуютъ, но унываютъ, не могутъ терпѣти иноческаго трізницца, къ любоплотному сластному житію, увы, окаяніи! пакы возвращаются».

Разность въ воззрѣніяхъ, раздѣлявшая поклонниковъ монастырскихъ порядковъ Іосифа Волоцкаго—съ одной стороны и сочувствовавшихъ скитничеству—съ другой, перешла въ борьбу въ самой жизни. Борьба эта осложнялась нѣкоторыми особыми историческими условіями, какія представляло тогдашнее состояніе русскаго общества. Между учениками Нила, или такъ называемыми блгозёрскими старцами-скитниками, и сторонниками общежительнаго строя жизни, реорганизованнаго Іосифомъ Волоцкимъ, рано начались непріязненныя отношенія и пререканія, причина

¹ Герберштейнъ, записки о Московіи, перев. Анонимова. 47.

² Посланіе митроп. Іоны въ Боголюбъ мон. 1455 г. Акты Ист. т. I, № 265. 497: №№ 212. 242. 204.

³ Стоглавъ, издан. Кожанч. 45. 49—50.

⁴ Рукон. Новгород. Соф. библ. № 1281. л. 235—236.

⁵ Акты Истор. I, № 267. 498. Посланіе митрополита Іоны къ Ватичамъ отъ 1456 года.

⁶ Рукон. Соф. библ. № 1281. л. 237.

которыхъ скрывалась главнымъ образомъ въ разногласіи по вопросу о монастырскихъ иѣвіяхъ. Постриженники Іосифа, даже склонные къ пустынножительству, и тѣ не совсѣмъ мирились съ тенденціями заволжскихъ старцевъ и не могли долго жить въ обществѣ и въ мирѣ съ ними. Разнь между монашествующими того и другаго вида дошла съ теченіемъ времени до того, что въ кодексъ ихъ монашескихъ правилъ входило запрещеніе всякаго общенія съ иноками противоположнаго лагеря ¹. Отсюда понятно, что при взаимныхъ соприкосновеніяхъ между монахами общежительныхъ монастырей съ одной стороны и монастырей пустынныхъ, или скитскихъ съ другой, происходили постоянныя распри. Свѣдѣнія объ этомъ сохранились въ посланіяхъ митрополита Данила. «Отъ насъ, неразумныхъ пустынниковъ, пишеть въ одномъ посланіи митрополитъ, порокъ и соблазнъ всѣмъ ѡбаетъ, имя бо точію пустынныхъ носимъ, дѣла же ни мала мнимся, въ тишинѣ и безмолвіи быти не могущихъ ни единого дни миромъ пребыти, ваче же со общежительными непрестанно которающеса, и завѣты и законы своя дають и другихъ къ себѣ зовуть; и егда же явно не смѣють отомгнута кого отъ опщаго житія, тогда тайно шепчуть и льстиво лицемѣрствуютъ, хотяще на земли честіи быти, мнятъ бо ся велици суще, и чисто, и непорочно, и свято живуще; вся же чловѣкы худѣйша себѣ держать, сами ся точію, мняще угодивше Богу; и всѣхъ строятъ, и всѣхъ учать, а себѣ не разумѣша». Съ другой стороны и общежительные монахи оказывались не безъ недостатковъ, хотя эти недостатки касались нѣсколько иной сферы. И ихъ не щадить митрополитъ. «Нѣци по опщихъ монастырѣхъ, пишеть онъ,.... самовольные и безсловесне пасутся». Монахи общежитники, живя въ монастыряхъ, руководились или «ходили по своимъ волямъ». Самоволіе монаховъ выражалось напр. въ томъ, что «нѣци и отшествіе (изъ монастырей) творять неразумно, ниже съ духовнымъ разсужденіемъ содѣвають новыя, но всѣ самогодиѣ и самогоствѣти творять волею плочною ведущеса, и разумомъ неразумнымъ не вѣдуще, ни аже творять, ни отъ нихъ же утверждаютьца, безсловесно пырающе безсловесныя ради вины истины отпаднеи» ².

¹ Прибавл. къ Твор. Свв. отецъ, ч. X. Отношенія иноковъ Кирилло-Белозерскаго и Іосифова монасты. Чтен. въ Общ. Ист. и древн. 1847, № 9, Преніе митр. Данила съ Вассіаномъ.

² Рукоп. Соф. библ., № 1281, л. 240. 246.

Въ тонѣ обличеній митрополита Данила, направленныхъ противъ современнаго ему монашества, имѣются нѣкоторыя особенности. Упадокъ нравственности въ современной монашеской средѣ былъ фактомъ, не подлежащимъ никакому сомнѣнію. Современные митрополиту Данилу и ближайшіе къ нему по времени церковные писатели Максимъ Грекъ, Вассіанъ Косой и князь Курбскій, люди, требовавшіе коренныхъ реформъ, со всей силой и горячіюстію своего слова бичевали монашескую распущенность, старались выставить на видъ всякія даже мелочныя слабости современнаго монашества и иногда единичные факты обобщали и обращали ихъ въ укоръ всему монашеству, однимъ словомъ дѣйствовали, какъ дѣйствуютъ обыкновенно люди съ увлеченіемъ, занятые всецѣло какой либо одной излюбленной идеей. Конечною цѣлю ихъ страшныхъ нападковъ на монашество было отобраніе земельныхъ владѣній у монастырей, которыя они не безъ основанія рассматривали какъ главное зло, развѣдавшее монашество. Поэтому для нихъ выставить въ болѣе или менѣе яркомъ свѣтѣ нравственной упадокъ монашества значило сдѣлать большую часть своего дѣла и исполнить существеннѣйшую часть своихъ плановъ.

Совершенно въ другихъ условіяхъ къ монастырскому вопросу находился митрополитъ Данилъ, что ясно отразилось и въ его отношеніяхъ къ нравственнымъ недостаткамъ современнаго ему монашества. Пріемъ реформаторовъ для Данила совершенно не соответствовалъ ни установившемуся у него взглядамъ, ни принятому имъ положенію. Консерваторъ по принципу, продолжатель и поборникъ идей защитника землевладѣльческихъ правъ монастырей, Іосифа Волоцкаго, Данилъ по тому уже самому не могъ идти по пути одинаковому съ его противниками. Говорить и писать въ одинаковомъ съ ними въ рѣзкомъ, задирающемъ тонѣ противъ распущенности монашества для него значило, при извѣстныхъ цѣляхъ, преслѣдовавшихся его антагонистами, дѣйствовать прямо въ разрѣзъ своимъ воззрѣніямъ. Но, съ другой стороны, молчать о недостаткахъ монашества также было для него невозможно въ виду вознѣющейся дѣйствительности. Онъ точно также не закрывалъ намеренно глаза предъ дѣйствительностію и говорилъ о нравственномъ упадкѣ монашества. Но замѣчательнѣе всего то, что его разсужденія, касающіяся монашескихъ недостатковъ, написаны не въ строго обличительномъ тонѣ, а

изложены въ видѣ простыхъ, положительныхъ указаній на факты и факты болѣе или менѣе частнаго свойства и характера. Въ этихъ указаніяхъ не слышно ни раздраженія, ни горячности и задора, нѣтъ никакихъ преувеличеній; они представляютъ изъ себя только объективную передачу отдѣльныхъ фактовъ и частныхъ случаевъ монашеской распущенности, въ какихъ она проявлялась въ первой половинѣ XVI вѣка. Характеръ объективности дѣлаетъ сообщенія митрополита Даниила особенно цѣнными для историческаго знакомства съ особенностями быта русскаго монашества XVI вѣка.

Замѣчательнѣе всего то, что у Даниила проглядываетъ особый оттѣнокъ въ его обличеніяхъ противъ настырей церкви епископовъ и противъ простаго монашества. Противъ первыхъ онъ говоритъ свободнѣе, рѣшительнѣе, рѣзче, въ то время какъ противъ рядоваго монашества онъ выражается мягче, сдержаннѣе. Разгадка такой розни скрывается опять въ характерѣ отношеній къ тому и другому вопросу его противниковъ. Последніе, полемизируя противъ вотчинныхъ правъ монастырей, не отрицали тѣхъ же самыхъ правъ епископовъ и только настаивали на болѣе цѣлесообразномъ употребленіи получаемыхъ недвижимыхъ имѣніи доходовъ.

Г Л А В А V.

Нельзя конечно, думать, чтобы аскетическія идеи привились на русской почвѣ въ одинаковой мѣрѣ и съ одинаковой силой во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Извѣстная часть русскаго общества, сравнительно образованная, отдавшись христіанству сознательно, по внутреннему убѣжденію, въ превосходствѣ новой религіи, близко къ сердцу воспринимала вмѣстѣ съ евангельскими благовѣстіемъ и идеи объ отрѣшенности отъ міра и его благъ и удовольствій, о долгѣ христіанина стремиться только къ высшему духовному міру, ученіе о борьбѣ и побѣдѣ духа надъ плотію, однимъ словомъ, все то, что съ такою подробностью развивалось въ церковной византійской письменности и потомъ и въ самобытной русской, подражавшей во многомъ первой. Отдавшись всецѣло новой св. вѣрѣ и погрузившись въ изученіе аскетической письменности, русскіе умы стали относиться строго ко всѣмъ нравственнымъ

требованіямъ христіанской морали, такъ что готовы были даже самыя евангельскіе совѣты, не обязательныя для всѣхъ, возводить въ общій законъ, въ обязанности, необходимыя для каждаго чело-вѣка въ дѣлѣ его спасенія, что дѣйствительно и было на самомъ дѣлѣ, когда наприм. многіе дошли до отрицанія возможности спасенія въ мірѣ, въ брачной жизни.

Но, конечно, масса простаго народа, по самой степени своего развитія, очемъ низкой, не могла такъ сознательно относиться къ христіанству. Будучи не сильно привязана къ язычеству, масса безъ особеннаго увлеченія относилась и къ новой религіи. Простой народъ усвоялъ христіанскую религію съ болѣе доступной для него стороны внѣшней, обрядовой, тогда какъ внутренняя, духовная сторона религіи, при его грубости и неразвитости, была мало доступной для него. Точно такъ же простой народъ еще менѣе могъ понять и проникаться аскетическимъ ученіемъ о борьбѣ съ міромъ и плотію и тому подобными аскетическими доктринами, слишкомъ отлеченными для его грубаго неразвитаго сознанія. А между тѣмъ весь кругъ знаній въ то время сосредоточивался и ограничивался церковною письменностью, которая вся отличалась религіознымъ характеромъ и давала всему религіозную окраску. Не понимая во всей полнотѣ сущности, духа проводимыхъ господствующею литературой аскетическихъ идей, масса простаго народа стала и къ послѣднимъ относиться такъ же точно болѣе съ формальной стороны, т. е. усвояла внѣшнія предписанія морали, какія начертывались въ церковной литературѣ, и въ возможной подробности и точности принимала ихъ къ своей собственной жизни. Оттого и домашняя жизнь русскаго народа слагалась по монастырскому образцу. Такимъ образомъ въ извѣстной части русскаго народа мало-по-малу установилось формальное пониманіе религіи и особенно нравственности, когда и чисто духовныя, моральныя истины разсматривались, съ болѣе внѣшней, формальной стороны.

И дѣйствительно, съ самыхъ первыхъ дней своего распространенія и до самаго XVI вѣка христіанство на Руси не получило во всемъ народѣ одинаково глубокаго развитія и всеобъемлющаго значенія, какое ему свойственно, какъ религіи по преимуществу духа. Исторія русскаго народа такъ сложилась для него неблагопріятно, что христіанство, какъ великая и духовная религія, не успѣло воплотиться въ народъ въ ея цѣломъ и совер-

шенѣйшемъ видѣ и въ такихъ идеальныхъ чертахъ сдѣлаться необходимой и единственной стихіей русской народной жизни. Напротивъ, христіанство въ русскомъ народѣ, особенно въ низшемъ его классѣ, получило болѣе внѣшній церковнообрядовый характеръ и развивалось въ немъ въ своихъ внѣшнихъ формахъ, тогда какъ внутренняя, собственно духовная и самая существенная сторона религіи оставалась въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ слабо понятой и закрытой для массы народа. Формализмъ въ дѣлѣ пониманія религіи положилъ свой особенный отпечатокъ на всѣ частныя явленія религіозной жизни. Формальное отношеніе къ теоретическимъ истинамъ выразилось, какъ мы видѣли уже, въ слабомъ отличеніи и даже отождествленіи понятій догмата и обряда, различныхъ по самой своей сущности. Болѣе со внѣшней, стороны русскій народъ понималъ и усваивалъ систему нравственнаго ученія христіанства и давалъ ей соответствующее приложеніе въ своей жизни, прежде и болѣе всего останавливаясь на внѣшнемъ исполненіи нравственныхъ требованій христіанства. И здѣсь такимъ образомъ на первомъ планѣ стоялъ обрядъ, который сливался съ нравственнымъ христіанскимъ ученіемъ, и подавлялъ собою главную, духовную сторону христіанской нравственности.

Формальное пониманіе христіанской нравственности дало жизни извѣстной части русскаго народа свой особенный характеръ и направленіе. Одностороннее обрядовое направленіе религіозной жизни выразилось прежде всего въ самой церковной письменности нравственно-дидактическаго характера. Въ пастырскихъ наставленіяхъ тогдашняго времени, подъ вліяніемъ одностороннее понятой религіи, видное мѣсто занимали вопросы, большею частью затрогивавшіе церковную обрядность, тогда какъ вопросамъ исполнѣ духовно-нравственнаго характера усваивалось второстепенное значеніе и о нихъ говорилось сравнительно мало ¹. Обрядъ получилъ опредѣляющее значеніе въ области нравственно-практической дѣятельности человека. Преобладаніе обрядности въ русскомъ

¹ Слово о постѣ. Пр. Соб. 1858 г. ч. I, 138—168. Два слова о деннонощной молитвѣ. Пр. Собес. 1858 г. ч. II, 599—607. Правило, како штии себѣ предъ св. образы въ руки. Соф. библ. № 1457 л. 188. Слово св. отецъ, како жити христіаномъ. Пр. Соб. 1859 г. ч. I, 129—146. Слово о уставѣ житія человѣч. въ рукоп. Новгор. Соф. библ. № 1266 л. 51—54. Наказаніе ко всякому христіану въ рук. Соф. библ. № 1829, л. 85.

обществѣ выразилось въ его отношеніи къ церкви и церковному богослуженію. Русскій народъ издавна отличался доходившею до крайности привязанностью ко внѣшнимъ предметамъ благочестія, любилъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ, богатое украшеніе на церковныхъ книгахъ, св. иконахъ, обнаруживалъ замѣчательную ревность къ сильному звону церковныхъ колоколовъ. Однимъ словомъ, народъ благоговѣлъ предъ всѣмъ тѣмъ, что служило и входило во внѣшнюю обстановку церковнаго богослуженія¹. Ревность къ благолѣпію храмовъ и принадлежностей церковнаго богослуженія вполне достойна уваженія, если только она соединяется съ внутреннимъ, благочестивымъ настроеніемъ чловѣка. Но послѣдняго и недоставало многимъ изъ русскихъ людей XVI вѣка, которые свои духовно-правственныя обязанности хотѣли исчерпать и сводили на внѣшнія отношенія. Обставленному со внѣшней стороны блескомъ, церковному богослуженію древней Руси тѣмъ не менѣе не доставало очень многого. Исполненіе всего вообще церковнаго богослуженія отличалось механическимъ характеромъ². Исполненію обрядовъ, прочтенію наприм. молитвъ, часто только механическому, усвоилось соответствующее имъ дѣйствіе помимо необходимаго участія чувства и сердца лица исполняющаго ихъ. При господствовавшемъ въ значительной части народа обрядовомъ направленіи христіанскаго благочестія, русскіе люди днями и часами измѣряли силу и дѣйственность молитвъ³. Точно также съ болѣе объективной стороны

¹ Поученіе о златицахъ и сребреницахъ, иже бывають на иконахъ въ прикладъ. Лѣтописи русской литературы и древности, изданныя Тихомировымъ, т. V, отд. III, 90—105. Отзывъ Максима Грека объ Аканіѣ, еп. тверскомъ, соч. Макс. Грека, ч. II, 260—290. Три неопубликованные доселѣ посланія князя Курбскаго. Прав. Собесѣд. 1863 г. II, 558—562. Рущинскій. Религіозный бытъ русскихъ по свидѣніямъ иностранныхъ писателей, XVI и XVII вв. Чтен. въ общ. ист. и древн. Росс. 1871 г. кн. III, 66—67. 44—45.

² Одно древнее русское поученіе сохранило свидѣніе о томъ, что многіе приходили въ церковь и «заглаголаше мнози стихи молитвъ, исходяши оттуда, не вѣда, что глаголаша». Слово о дѣлѣхъ молитвъ. Рук. Импер. пуб. библ. F. I, № 218, изъ собр. графа Толстого, отд. I, № 47, л. 323—324. Въ этомъ же самомъ памятникѣ находится слѣдующіи обвинительныя слова, обращенныя къ людямъ, усвоившимъ механическое отношеніе къ церк. обрядамъ: «преклонивши колѣны, но мысль твоя вѣи ширягы; тѣло твое внутри [церкви], а умъ прочь; уста твоя глагола молитву, а мысль разсчиташе прикуны, лихвы, стяжанія, кунягъ села, другова совокупленіе».

³ Соч. Макс. Грека, ч. III, слово XII. Здѣсь Максимъ Грекъ рассказываетъ,

разсматривались дѣйствіе и польза для христіанина поста, который считался тогда выраженіемъ высшей набожности челоѣка. Признавалось достаточнымъ не ѣсть скоромныхъ блюдъ для того, чтобы получить блага поста и награду за него предъ Богомъ¹. Формальное отношеніе къ дѣламъ вѣры и въ частности къ требованіямъ христіанской морали развращающимъ образомъ вліяло на общественную нравственность. Отсюда происходили такого рода факты, что люди, ведя самую порочную жизнь, не думали о своемъ нравственномъ исправленіи, а считали вполне достаточнымъ для того, чтобы загладить ее точное исполненіе обрядовыхъ предписаній церкви². Иные же изъ людей порочной жизни всю свою надежду возлагали на искупительное значеніе поминовенія и, безпокоясь за свою загробную участь, озабочивались о своемъ посмертномъ поминовеніи и даже заставляли поминать за себя за упокой еще при жизни³. Не мало существовало и другихъ аномальныхъ явленій въ религиозной жизни русскаго народа, причина которыхъ скрывается въ одностороннемъ, формальномъ пониманіи христіанской нравственности.

Болѣе просвѣщенные пастыри древней русскаго церкви обращали свое вниманіе на неправильное пониманіе нравственности со стороны своихъ пасомыхъ и старались раскрывать предъ ними преимущественно духовную, сокровенную сторону нравственной

что нѣкоторые его современники утверждали, что если кто не успеетъ придти въ церковь къ чтенію Евангелія, то это значитъ, что все равно, что онъ не былъ у богослуженія.

¹ Соч. Максима Грека, ч. II, 68, 161, 218. Въ словѣ «Устави житія челоѣка» наглядно проводится мысль, осуждающая даже челоѣка, несомнѣнно праведника, за частное нарушеніе какаго-либо поста. Рукоп. Повтор. Соч. библи. № 1266 л. 51—54. Срав. Пр. Соб. 1859 г., ч. I, почитаніе среды и пятницы въ древне-русскомъ нар. 128—146.

² Слово Максима Грека къ лиховецамъ и сквернымъ, всякія злобы исполненнымъ, а каноны великии и различныи писанныи угрожать чашущимъ. Сочин. Максима Грека, ч. II, 241; ч. I, 213.

³ Рукоп. Москв. Духовн. Акад. № 183/146 Волон. л. 455—457. Слово о томъ, что не должно поминать себя за упокой при жизни. Памятники старин. русскаго Литературы, изд. Кушелевымъ-Безбородко, вып. IV, Спб. 1862 г., 213—215. Памятники отреченной русскаго Литер., изд. Тихоновоымъ т. II, М. 1863. 297.

дѣятельности. Въ такомъ направленіи и духѣ писалъ наприм. митрополитъ Фотій⁴, а въ XVI вѣкѣ особенно много Максимъ Грекъ.

Извѣстно уже, что митрополитъ Данилъ въ своихъ взглядахъ теоретическаго характера, взглядахъ на догматы и ихъ отношеніе къ обрядамъ, страдалъ недостатками своего времени, расширялъ значеніе догматовъ, простирая значеніе ихъ и на обряды и до нѣкоторой степени сливая между собой тѣ и другіе. Но что касается его взглядовъ на истины нравственно-практическаго характера, то здѣсь Данилъ стоитъ на строго законной почвѣ и его воззрѣнія на нравственную дѣятельность человѣка вполне соответствуютъ, за немногими частными исключеніями, дѣйствительному, православному пониманію сущности христіанской нравственности.

Митрополитъ Данилъ вообще отрицательно относится ко всѣмъ проявленіямъ церковно-обрядоваго формализма въ дѣлѣ нравственности и его различнымъ крайностямъ, какими онъ заявилъ себя въ жизни русскихъ людей XVI вѣка. Митрополитъ прямо идетъ въ разрѣзъ установившимся взглядамъ на высокое значеніе одного тѣлеснаго поста, ослабляетъ его значеніе, особенно если онъ сопровождается крайностями. «Не неразсудитъ подобаетъ устроить себе, говоритъ Данилъ въ одномъ своемъ словѣ, въ скудости пищи и питія, и расслабятися и не чувствовати и къ подвигамъ не возмогати, но противу силѣ тѣлеснѣй умирѣти воздержаніе не отъ пищи бо, но отъ обьяденія, и не отъ вина, но отъ піанства». Онъ одобряетъ постъ равно какъ и всякое исполненіе внѣшнихъ предписаній церкви, но только требуетъ, чтобы онъ сопровождался другими добродѣтелями чисто нравственнаго характера: «добро убо постъ, говоритъ архипастырь, но несущимъ инымъ добродѣтелемъ не возмогаетъ». Митрополитъ Данилъ вполне правильно понимаетъ второстепенное значеніе обрядовъ въ нравственной дѣятельности человѣка. По его взгляду исполненіе обрядовъ тогда только имѣетъ благотворное и спасающее для человѣка значеніе, когда оно соединяется со внутреннимъ, благоговѣйнымъ, сердечнымъ настроеніемъ его души, Митрополитъ ставитъ всегда на первомъ планѣ духовную сторону дѣятельности человѣка. Такое сужденіе о взглядахъ Данила на значеніе обрядовъ въ дѣлѣ нравственности даютъ право сдѣлать нѣкоторыя его пастырскія на-

⁴ Правосл. Собесѣд. 1860, ч. III, 233.

ставленія. «Покажемъ житіе изыщно, такъ поучаетъ онъ своихъ насомыхъ въ одномъ мѣстѣ, житіе, малому, не жестоту и поты чрезмѣрная, ниже низузаніе, и посты и жажды, но не завиди, не лукавствуй, не оклеветай, не лжи, не лисомствуй, не сквернослови, не обиди, не восхищай чужихъ, но буди простъ, тихъ, любовенъ, милостивъ»¹.

Въ совершенную противоположность одностороннему, обрядовому пониманію нравственности Даниилъ въ своихъ поученіяхъ постоянно наставляетъ на идеѣ о духовномъ преуспѣяніи и внутреннемъ усовершенствованіи христіанина. Въ ряду его словъ находится одно (двѣнадцатое), которое специально трактуетъ о томъ, что «всеи челоѣци, малии же и велици, всякъ каждо насъ должни есмы *всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою своею и всею мыслию своею* соблюдать евангельскія заповѣди Христовы». Большая часть первой части двѣнадцатаго слова посвящена ученію о духовномъ пониманіи христіанской нравственности.

Въ самомъ содержаніи христіанской, православной морали Даниилъ намѣчаетъ общіе пункты, которые имѣютъ опредѣляющее значеніе по отношенію къ частнымъ, нравственнымъ требованіямъ и освѣщающимъ образомъ дѣйствуютъ на послѣдніа. Высокое, нравственное ученіе І. Христа, заключенное въ Евангеліи, и является у Даниила опредѣляющимъ и исходнымъ началомъ нравственности. Въ той же самой первой части двѣнадцатаго слова митрополитъ очень подробно останавливается на этой самой мысли и для болѣе нагляднаго развитія ея пользуется многими фактами, какіе представляла для него жизнь и особенно недостатки его современниковъ. Здѣсь онъ прямо ставитъ ту или другую заповѣдь І. Христа, а затѣмъ обращается къ соотвѣствующимъ явленіямъ дѣйствительной жизни окружающихъ его людей и часто находитъ въ ней полную противоположность словамъ Спасителя. И въ этомъ состоитъ большая часть первой части двѣнадцатаго слова.

Кромѣ опредѣленія общаго начала нравственности, заключающагося въ ученіи самаго І. Христа, Даниилъ и въ самомъ нравственномъ ученіи Спасителя находитъ одну общую идею, одинъ исходный пунктъ, въ которомъ одномъ сосредоточивается вся сущ-

¹ Рубц. М. Д. А. № 197 л. 483—484.

ность нравственной дѣятельности человѣка. Этотъ пунктъ есть ученіе о безконечной христіанской любви.

Нѣкоторые изъ отдѣльныхъ разсужденій Даниила на первый взглядъ, пожалуй, могутъ показаться благопріятствующими формальному пониманію имъ религіи, но они на самомъ дѣлѣ есть только результатъ практическаго взгляда его на вещи и плодъ широкаго, жизненнаго опыта. Такимъ именно характеромъ отличается одно наставленіе Даниила, находящееся въ поученіи его, обращенномъ къ духовенству московскаго Успенскаго собора, гдѣ онъ заповѣдуетъ всѣмъ христіанамъ и особенно членамъ церковнаго клира «стязати опасное вниманіе и бжеженіе и во одеждахъ, и во обуцахъ, и во образѣ, и въ зрѣніи, и въ ложеніи и на пути, и на торжищи, и въ дому, и вѣщающу и молчащу, и обѣдающу, и во всѣхъ просто благопрістойное и полезное: Богъ бо, рече, на сердце зрѣтъ, человѣкъ же на лице, и сердечная убо умышленія знаема суть Богу, *человѣкъ же отъ сущаго въя знаменуютъ внутренняя, а не явленная*. Аще убо зрѣтъ кого не во благообразіи суща или въ дѣлѣхъ или въ словесѣхъ, азрѣтъ, и тако отвѣтъ сущаго безчиннаго шатанія судятъ и яко внутри, и соблазнъ и претыканіе бываетъ многимъ»¹.

Въ нѣкоторыхъ, хотя и немногихъ, частныхъ нравственныхъ воззрѣніяхъ Даниилъ, отдавая дань своему времени и духу направленія своей школы, уклоняется отъ истиннаго пониманія нравственности. Эти уклоненія будутъ отмѣчены въ своемъ мѣстѣ.

Одностороннее пониманіе нравственности повлекло за собою не мало неблагопріятныхъ послѣдствій для религіозной жизни русскаго народа въ XVI вѣкѣ. Многіе православные, не имѣя внутренняго чувства благочестія, не сознавая нравственной потребности и благотворности для души христіанскаго богослуженія, охладѣли къ самой церкви, стали небрежно вести себя по отношенію къ ея требованіямъ и правиламъ, стали легко относиться къ нѣкоторымъ таинствамъ церкви и, если исполняли ихъ, то безъ всякаго внутренняго расположенія.

Нигдѣ такъ наглядно не обнаруживалось узкое обрядовое пониманіе русскимъ религіи, какъ въ поведеніи ихъ въ церкви во время богослуженія.

¹ Рукоп. Синер. пуб. библ. Q. XVII, № 64, л. 337.

Теоретическій взглядъ на церковь существовалъ въ то время самый возвышенный и вполне соответствующій важности храма Божія ¹.

Общественное значеніе церкви въ древней Руси было гораздо шире того, какое она имѣетъ въ настоящее время. Это было не одно только мѣсто собранія вѣрующихъ для молитвы, но церковь, при отсутствіи въ то время школы, замѣняла собою эти послѣднія. Въ церкви народъ получалъ кой какія свѣдѣнія о религіи и нравственности, и только этими свѣдѣніями по большей части и пробавлялся и еще дѣлился ими съ членами своей семьи ². Для русскаго общества древняго времени церковь имѣла двойное назначеніе: она удовлетворяла и религіознымъ его потребностямъ, и въ то же время служила и вообще образовательнымъ средствомъ для него.

Двойкій взглядъ на значеніе храма Божія проводится и митрополитомъ Данииломъ. Только у него служеніе храма Божія двумя цѣлями сливается въ одно, что и вполне естественно, такъ какъ въ то время самое образованіе разматривалось и оцѣнивалось только съ точки зрѣнія религіозной пользы. Даниилъ смотрѣлъ на церковь, какъ на мѣсто удовлетворенія потребностямъ религіознаго чувства и какъ на школу религіозно-нравственнаго образованія народа. «Со многими тѣшаніемъ и усердіемъ, такъ поучаетъ онъ, притекаимъ всегда въ божественную Его церковь и терпимъ тамо до скончанія, ничтоже глаголюще суетная..., но точію послушаніемъ божественныхъ словеса, пѣваемая и прочитаемая, и въ сихъ умъ нашъ поставимъ и да ничтоже насъ мимоидеть отъ иже въ глубинѣ божественныхъ писаній лежащее, но прилежно послушаніемъ и написаніемъ сіа въ сердцахъ нашихъ и истинно учимся о спасеніи душъ нашихъ». Смыслъ послѣднихъ словъ о постоянной бдительности надъ своимъ спасеніемъ разъясняется и дополняется другими разсужденіями митрополита, въ которыхъ онъ требуетъ,

¹ «Въ церкви, чадо, со страхомъ стой, такъ учить одно древнее поученіе, яко на небеси, яко предъ очима Самого Бога;... церковь же разумѣй небо суще, алтарь же престолъ Вышняго, служители же Ангела Божія». Поученіе нѣкоего отца духовъ къ сыну. Рукоп. Соф. биб. № 1385 л. 185—186.

² «Въ церкви стой съ молчаніемъ, такъ поучаетъ одинъ древній моралистъ, послушай словеса божественныхъ, да умознати домашня твоя учить». Слово св. отца, како духовно праздновати. Рукоп. Импер. публ. библ. Q. № 308 л. 326.

чтобы всѣ свѣдѣнія о религіи и нравственности, какія получалъ глава cadaго семейства въ церкви, распространялись непременно между всѣми членами семьи и служили для нихъ постояннымъ источникомъ разсужденій и благочестивыхъ разговоровъ. «Притекаимъ всегда въ церковь, говоритъ Данилъ, воспримемъ страхъ Господень, и сему, о ты, научи жену, и дѣти, и рабы, и рабыня, и сіе бесѣдующе всегда и въ градѣхъ, и въ селѣхъ, и въ дому, и на торжищи, и въ пути шествуя, и въ мори плавая, и на трапезѣ сѣдя, и въ пустыни пребывая, всегда сіе любомудруй въ дне и въ нощи, и въ вечеръ и утро ¹.

Высокій теоретическій взглядъ на значеніе храма Божія не всегда оправдывался въ дѣйствительной жизни народа соответствующимъ его святости уваженіемъ. Обрядовое отношеніе къ дѣламъ вѣры обнаруживалось наглядно въ недостойномъ поведеніи во время церковнаго богослуженія. Многіе считали свои религіозныя обязанности по отношенію къ храму исполненными, если они сходили въ церковь и простояли тамъ все богослуженіе. О внутреннемъ расположеніи, о духовной настроенности ума и сердца, о проникновеніи слышимымъ въ церкви и усвоеніи его говорили сравнительно мало и весьма мало заботились. Формальное отношеніе къ посѣщенію церковнаго богослуженія было причиной, по которой многіе, являясь въ церковь, вели и держали себя здѣсь разсѣянно. Разсѣянность и отсутствіе внутренней сосредоточенности на религіозныхъ предметахъ выражались и во внѣшнемъ поведеніи человека, вовсе не соответствующемъ святости храма Божія. Въ церкви, во время богослуженія свободно велись разнаго рода разговоры ². Другіе, если не разговаривали въ церкви, то вели себя не лучше первыхъ, занимались изученіемъ нарядовъ у присутствующихъ въ церкви, сравнивали и рисовались своимъ собственнымъ платьемъ. Нѣкоторые, особенно принадлежавшіе къ высшимъ слоямъ общества, бояре наприм., для того, чтобы показать свое преимущество предъ другими, являлись въ церковь въ шапкахъ—тафляхъ и самое поклоненіе святыни храма сопровождалось у нихъ неблагоуристойными движеніями ³. Не только одни

¹ Рукоп. М. Д. Ак. № 197, л. 400, 278.

² Руцкій Религіозный бытъ русскихъ по свѣд. иностр. писат. въ XVI и XVII вв. Чт. въ Общ. Истор. и Древн. 1871 г. кн. III, 44—45.

³ «Мы нестои, говоритъ одинъ писатель XVI в. въ церковь Божию приходитъ

міряне заявляли себя вообще механическимъ исполненіемъ церковныхъ обрядовъ, тотъ же самый недостатокъ замѣчался и за духовными лицами, пастырями церкви ¹. Вообще неблагопристойное поведеніе русскихъ въ церкви было довольно обычнымъ явленіемъ древней Руси и вызвало прогнѣ себя сильныя обличенія со стороны болѣе просвѣщенныхъ пастырей церкви. Противъ веденія разговоровъ въ церкви писалъ еще митрополитъ Петръ ², Кирилъ игуменъ Бѣлозерскій ³, а въ XVI вѣкѣ митрополитъ Макарій ⁴ и особенно предшественникъ его митрополитъ Даниилъ ⁵.

Въ сочиненіяхъ митрополита Данила находятся очень интересныя данныя для характеристики современнаго русскаго общества по отношенію его къ поведенію въ церкви. Обличенія митрополитомъ неблаговиднаго поведенія многихъ изъ его современниковъ, безъ предварительнаго ознакомленія съ дѣйствительнымъ положеніемъ русскаго общества въ его извѣстныхъ религіозно-нравственныхъ недостаткахъ, могли бы показаться крайне рѣзкими и преувеличенными: но теперь они не должны особенно бросаться въ

закъ на торжище и на позорище съ гордостію и величаніемъ, и покланяемъ образу Владыки.... покровенными главами, а инѣмъ подивляющеся жезлы своими, а инѣмъ безобразно приходить, разволочася рязъ своихъ». Рукоп. Импер. публ. библ., Погодинская, № 1315, не нумерованная. Приложение № XXIX.

¹ Въ древнемъ русск. поученіи носилъ названіе «Слова Господа Нашего Іс. Хр., поученіе всему міру на спасеніе», авторъ слова вѣгаетъ въ уста Спасителя слѣдующія, обращенныя къ пастырямъ слова: «почто не учите люди страху Божию, стояти въ церкви, владыцы не видѣть, слышавшеся не слышать, устами своими окленуи глаголютъ: Господу помолимся, станемъ добри и станемъ со страхомъ, усты своими глаголетъ, а мысли ваша удалишася отъ мене». Рукоп. Кир. библ. № 9/1114 л. 64. Рукоп. Сов. библ. № 1289 л. 351.

² Памяти. старин. рус. лѣтер. изд. Кушелевымъ-Безбородно, вып. IV, 186—188.

³ Посланіе Кирилла къ Можайскому князю. Акты Ист. т. I, № 16, 1413 г. 26.

⁴ Рукоп. Кир. Бѣлоз. мон. № 102/1110, л. 78—81. Приложение № XXVIII.

⁵ Личность благоговѣйнаго человѣка предпочтительно предъ всѣми другими возвышалась въ пастырскихъ поученіяхъ того времени: «вице кто идетъ ко церкви Божіи со страхомъ и со вѣмъ сердцемъ, то сіяетъ душа его, какъ солнце, и восходитъ молитва его, яко темлятъ къ Богу, тогда ангелъ его исходитъ изъ олтаря, и нося какъ славницу смириу въ руки своей и знаменаетъ ему на члѣ, и тако почіетъ на немъ Духъ Святый» (Рукоп. Кирил. библ. № 9/1114, л. 65—66. Слово Господа нашего І. Христа, поученіе всему міру на спасеніе).

глаза³ въ виду непривлекательной дѣйствительности. Обличенія митрополита Данила важны въ томъ отношеніи, что они заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя частныя черты изъ массы тѣхъ отступленій въ церковномъ поведеніи русскихъ, какія указаны въ другихъ древнихъ и современныхъ историческихъ источникахъ.

Обличенія митрополита Данила касаются двухъ сторонъ, именно: холодности русскихъ къ посѣщенію храмовъ Божіихъ и потому—неблагопристойнаго поведенія въ нихъ.

Холодность русскихъ къ храму бросалась рѣзко въ глаза и въ состояніи была вызвать противъ себя самыя строгія осужденія. «Ты лѣнишися, говоритъ Данилъ, приходи въ божественную церковь, и презираеши божественная прочитаема, отвращаешися бесѣдъ духовныхъ и течеша на игрища и позорища бѣсовская..... егда услышиши собирающихся въ божественную церковь на молитвы и моленія, отбѣгаеши, яко звѣрь». Рѣзкій тонъ обличеній Данила является инстинктивнымъ послѣ того, если мы представимъ себѣ, что русскіе въ его время, какъ это видно было изъ словъ самаго митрополита, посѣщенію храмовъ Божіихъ предпочитали посѣщеніе мірскихъ гульбищъ и безнравственныхъ уличныхъ развлеченій, которыя по взгляду всѣхъ благочестивыхъ людей признавались ничѣмъ инымъ, какъ служеніемъ сатанѣ.

Болѣе замѣчательны въ историческомъ отношеніи тѣ обличенія митрополита Данила, въ которыхъ онъ вооружается противъ дурнаго поведенія вѣрующихъ въ церкви. «Егда срама ради выидеши въ божественную церковь, такъ говоритъ онъ въ одномъ своемъ словѣ, и не вѣси, почто пришелъ еси, позѣвая, и протяжаяся, и ногу на ногу поставляеши, и бедру выставляеши и потрясаеши, и кривляешися яко похабный: о умѣ же твоємъ что и глаголати! Ничто же бо обрѣсти въ тебѣ: ни на памяти грѣговъ, ни памяти смерти и еже по смерти, ни памяти страшнаго суда, ни памяти о нестерпимыхъ, безконечныхъ мукахъ, и еже о царствіи небесномъ и о раю не токмо желаеши, ни въспоминаеши, но и отъ глаголющихъ о сихъ отступаеши и стоиши, яко нечувственъ, не слушаа ни чтущихъ, ни поющихъ; считаеши лихвы, богатство, управляєши дома, глаголеши о женѣ, о дѣтѣхъ, о рабѣхъ, и превозношаешися яко другій сатана, вся же челоувѣкы безумны и грѣшны глаголеши, точію себѣ разумна и премудра вѣсмъ являеши»⁴.

³ Рукоп. М. Д. Ар. № 197, л. 437. 67, 68.

Были нѣкоторыя ненормальности въ религіозно-правственной жизни русскаго народа еще болѣе существенныя, которыя выходили изъ ряда собственно церковнообрядовыхъ вопросовъ, но соприкасались уже и съ догматическимъ ученіемъ вѣры. Таково именно отношеніе русскихъ того времени къ таинству покаянія. Понимая вѣру болѣе какъ совокупность обрядовъ, народъ русскій и въ таинствѣ покаянія подготовленъ былъ видѣть одну религіозную формальность и сообразно этому относился къ нему безъ должнаго уваженія, какое слѣдуетъ таинству церкви. Въ массѣ народной образовались неправильныя взгляды на значеніе для христіанина таинства покаянія.

Весьма многіе подолгу не обращались къ таинству покаянія. Одни, выходя изъ понятія о безконечной благодати и милосердіи Божіемъ, успокоивали себя тѣмъ, что Богъ всегда проститъ кающагося, и откладывали свое покаяніе все далѣе и далѣе, желая предъ смертію искренно раскаяться и получить прощеніе во грѣхахъ, сдѣланныхъ въ теченіе всей своей жизни. Другіе же наоборотъ, сознавая за собою множество грѣховъ, не приступали къ таинству покаянія, будучи напередъ увѣрены въ его неэффективности для себя¹. Находились и такіе, которые, понимая слишкомъ формально значеніе покаянія, обращали его въ средство для оправданія своей безнравственности: они всю свою жизнь вели распущенно, и все-таки спокойно смотрѣли на свою загробную участь, надѣясь на всеискупляющее дѣйствіе послѣдняго, предсмертнаго покаянія². Въ древнемъ русскомъ обществѣ издавна существовать еще одинъ неправильный взглядъ на таинство покаянія, которымъ отвергалась действительность и спасительность покаянія, совершеннаго передъ смертію и вынужденнаго страхомъ загробнаго наказанія³. Въ простомъ народѣ господствовалъ своеобразный

¹ Рукоп. Импер. Публ. Библ. Р. 1, № 228, л. 397—399. Слово о согрѣшающихъ и не хотящихъ вѣстися.

² Слово Максима Грека (непзданное) о нѣже надѣются челоуѣкъ на послѣднее покаяніе, въ которомъ авторъ разсуждаетъ о нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ, «иже отъ злыаго безсудства попирають волю честныа заповѣди, а послѣднимъ же своимъ студенымъ покаяніемъ чають избѣжати божественныхъ испытаній». Рукоп. Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, нов., № 110, л. 378—383, по каталогизаціи Амфилохія.

³ «Мнози похвлять, читаемъ мы въ одномъ древнемъ поученіи, еже кто съ умрети каесть, аки воль предъ сѣбирю стоя, того недостойна творя прияти»

взглядъ на исповѣдь, по которому онъ считалъ ее дѣломъ князей и обязанностію благородныхъ и знатныхъ людей по преимуществу¹ и на этомъ основаніи многіе по долгу не обращались къ таинству покаянія.

Неправильный взглядъ на значеніе таинства покаянія сопровождался въ практической жизни аномальностями и выражался въ томъ, что многіе долгое время не исповѣдывались и не причащались по нѣскольку лѣтъ сряду, не считая это съ своей стороны большимъ упущеніемъ. Особено это развито было въ низшей средѣ общества, въ массѣ народа. Даже люди набожные и тѣ приступали къ таинству покаянія однажды въ годъ. Другіе дѣлали и того хуже: они являлись къ духовнику на исповѣдь и утаивали предъ нимъ свои грѣхи, а послѣ даже хвастались этимъ, говоря съ насмѣшкой: «что мы за дураки такіе, что станемъ пону сознаваться»²! Были болѣе серьезныя причины, побуждавшія къ намѣренному утаиванію грѣховъ. Въ древнерусскомъ обществѣ установился такого рода взглядъ на исповѣдь, по которому ее считали дѣйствительною только въ томъ случаѣ, если она сопровождалась энтиміею³. Во избѣжаніе энтиміи, которою всегда сопровождалась тогда каждая исповѣдь, многіе и скрывали свои грѣхи.

Пастыри церкви обращали свое вниманіе на такія важныя опущенія своихъ пасомыхъ, которыя касались неправильнаго взгляда ихъ и отношенія къ таинству покаянія. Въ древне-русскихъ па-

(на покаяніе). Рукоп. Импер. Публ. Библ. Q. 1., № 313, л. 510. Слово Златоуста къ попомъ, русское; См. Прав. Соб. 1861 г., ч. I, 457—458. Два древнихъ поученія XIV вѣка.

¹ Герберштейнъ, Записки о Московіи, 62—63.

² Костомаровъ, очеркъ жизни и нравовъ велико-русскаго народа, 211. Прав. Соб. 1865, ч. II, 222. О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи.

³ «Аще исповѣдавагося не свяжетъ отецъ духовный энтиміею, разсуждается въ одномъ древнемъ поученіи, го предасть душу его вѣчной муцѣ и ждуть тѣхъ узъ не разрѣшныя». Слово, како подобаетъ попови дѣти причасти и назнати. Рукоп. Ногодина № 1024, л. 382, ср. Прав. Соб. 1861 г. I, 453. Еще митрополитъ Петръ писалъ: «безъ энтиміи дѣтей своихъ не держите». Макарій, Ист. Рус. Цер., т. V, приложение № VI, 413—414. На этомъ основ. священники, не налагавшіе энтиміи на исповѣдавающихся, угрожали проклятіемъ. Рукоп. Н. Н. Б. Q. 1, № 313, л. 510. Слово къ попомъ.

мятниковъ постоянно встрѣчаются увѣщанія, обращенныя къ вѣрующимъ какъ о томъ, чтобы они чаще прибѣгали къ покаянію, такъ равно и томъ, чтобы это покаяніе было чистосердечное и полное¹.

Митрополитъ Даниилъ точно также касается въ своихъ поученіяхъ и таинства покаянія. Историческое значеніе и причины, вызвавшія разсужденія митрополита, теперь уясняются. Только въ его поученіяхъ не находится никакихъ указаній на какія либо частныя отступленія и извращенія смысла покаянія, какія дѣлались его современниками, какъ то извѣстно изъ другихъ современныхъ и ближайшихъ къ нему по времени источниковъ. У него не видно никакихъ обличеній и нападокъ, столь обычныхъ у него въ другихъ случаяхъ, на злоупотребленія со стороны своихъ пасомыхъ таинствомъ покаянія, нѣтъ вообще историческихъ данныхъ для нравственной характеристики общества въ разсматриваемомъ отношеніи. Всѣ его разсужденія, касающіяся таинства покаянія, не отрицательнаго, обличительнаго, а вполнѣ дидактическаго, положительнаго характера. Въ нихъ даются только положительные, пастырскіе совѣты, призывающіе къ покаянію, въ одинаковой степени приложимые ко всякому обществу и ко всякому времени. Вообще эта часть разсужденій Даниила отличается бѣдностію историческаго элемента.

Въ противовѣсъ разнымъ уклоненіямъ и злоупотребленіямъ современниками таинства покаянія, Даниилъ беретъ общее по-

¹ «Богъ всего покаяльнаго отца слушайте, говорятъ одно древнее слово, и кайтесь ему по все дни, исповѣдаючи своя грѣхи». Рук. Импер. Публ. Библ., Q. 1., № 255. Поученіе избрано отъ всѣхъ книгъ имѣти всякому христіанину страхъ Божій въ сердцахъ, л. 216—228. Въ словѣ о покаяніи и очищеніи заповѣдуются не таять грѣховъ и «не срамляться» ихъ. Рук. Импер. Публ. Библ., F. 1., № 228, л. 397. Срав. Домострой, М. 1849, 20—21. На необходимости подробнаго покаянія настаивалъ митроп. Фотій. Прав. Соб. 1860 г., ч. II, 222—240. Дополн. къ Ант. Истор., I, № 181, 1431 года, 325—331. Для того, чтобы расположить исповѣдающихся къ откровенности, нѣкоторые древніе моралисты совѣтовали пастырямъ употреблять всякія выраженія любви къ кающемуся. Заповѣдывалось между прочимъ приходившаго кайтись помѣщать въ одной уединенной комнатѣ и бесѣдовать съ нимъ нѣкоторое время до исповѣди (Прав. Собесѣд. 1860 г., ч. I. 346—358. Правило о покаяніи), а самую исповѣдь производить, вопрошая кающагося «со всякимъ смиреніемъ и кротостію, ниже аще есть мощно и ꙗвляти его и облебызати». Рукопись Софійской бібліотеки, № 1466, л. 114—117. Читъ исповѣди, срав. Православный Собесѣдникъ. 1861 г., ч. I, 446—452.

ложеніе и излагаетъ пастырскіе совѣты, призывающіе къ частому и чистосердечному покаянію.

Противъ пренебреженія современниками таинствомъ покаянія, изъ какихъ бы оно неправильныхъ взглядовъ ни исходило, Даниилъ предлагаетъ цѣлый рядъ настойчивыхъ пастырскихъ увѣщаній о необходимости для всякаго христіанина какъ можно чаще прибѣгать къ покаянію. «Братіе, поучаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, внимаемъ себѣ, и очищаемъ свою совѣсть, и испытаимъ сами себе на всякъ часть, незабвенно кающесе о грѣсѣхъ своихъ, не точію о дѣльныхъ и словесныхъ согрѣшеніихъ, но и о помыслахъ, яже аще что и помыслихомъ лукавая, покаемся, плачемся, рыдаемъ, дондеже время имамы; притекаимъ всегда въ церковь, такъ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, исповѣдуимъ Богу и отцемъ духовнымъ согрѣшенія своя». Вообще, подобнаго рода пастырскія наставленія и увѣщанія нерѣдки въ поученіяхъ Даниила.

Противъ злоупотребленія таинствомъ покаянія, выражавшагося въ сознательномъ утаиваніи грѣховъ при самой исповѣди, Даниилъ вооружается настойчиво. Онъ посвятилъ этому предмету часть одиннадцатаго слова, давъ ей слѣдующее соотвѣтствующее названіе: «яко бѣдно есть не исповѣдати помыслы своя отцемъ духовнымъ». Названіе слова вполне отвѣчаетъ тому положенію, какое создалъ въ обществѣ неправильный взглядъ на покаяніе. Въ этой части одиннадцатаго слова авторъ говоритъ о необходимости чистосердечнаго, искренняго и подробнаго покаянія предъ священникомъ. «Ты плачися и рыдай, поучаетъ здѣсь митрополитъ, о своихъ грѣсѣхъ, къ отцемъ же духовнымъ не токмо о дѣніяхъ, но и о словесѣхъ и помышленіихъ исповѣдь имѣй, велико бо зло еже таити помыслы своя отъ отецъ духовныхъ, и не имѣти исповѣдыванія о грѣсѣхъ своихъ» ¹. Необходимость, важность и обязательность подробнаго покаянія, Даниилъ подтверждаетъ ссылками на свидѣтельства Василія Великаго изъ его постническихъ словъ, Златоуста, Григорія Нисскаго, Іоанна Лѣствичника—изъ его толковой лѣствицы, Іоанна Постника — изъ его правилъ о покаяніи, помѣщавшихся въ Кормчей ², и многочисленными сказаніями, взятыми изъ старчества ³.

¹ Рукоп. М. Д. Ап. № 197, л. 349, 278, 439, 399, 353, 356.

² Рукоп. № 197, л. 396—399.

³ Рукоп. № 197, л. 391—397. Здѣсь напр. помѣщена обширная повѣсть

Въ цѣлесообразности, полезности для своего времени поученій Даниила о покаяніи не можетъ быть сомнѣній. Вопросъ можетъ только возникнуть о степени ихъ удовлетворяемости извѣстному вопросу своего времени. Митрополитъ Даниилъ не коснулся недостатковъ своихъ современниковъ, а прямо противъ нихъ предложилъ пастырское наставленіе болѣе или менѣе общаго характера о необходимости для всѣхъ покаянія, и ограничился здѣсь вообще указаніемъ одного истиннаго пути, противоположнаго уклоненіямъ своихъ современниковъ, совершенно умалчивъ о послѣдствіяхъ. То обстоятельство, что Даниилъ не захотѣлъ войти въ подробное разсмотрѣніе и опроверженіе частныхъ, отдѣльныхъ притязаній и основаній, по которымъ его современники или вовсе уклонялись отъ покаянія или же небрежно относились къ нему, въ значительной степени лишило его разсужденія жизненности и дѣйственности на современниковъ. Невѣжественная масса его пасомыхъ могла легко соглашаться въ принципѣ съ Данииломъ во взглядѣ на необходимость покаянія, но въ то же время она могла оставаться при своихъ частныхъ взглядахъ на него, которые въ концѣ концовъ приводили или къ отрицанію, или къ извращенію смысла и значенія покаянія. Для нея необходимо было предварительно подробное, пунктуальное разсмотрѣніе и опредѣленіе несостоятельности того или другаго отдѣльнаго мнѣнія, касающагося таинства покаянія, что Данииломъ вовсе обойдено.

Представленный очеркъ религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества XVI в. отличается односторонностію своего колорита. Это обстоятельство, во первыхъ, и существеннѣйшимъ образомъ обуславливается цѣлями и задачами, какія преслѣдовались при его написаніи. Въ планъ настоящаго изслѣдованія, предметъ котораго вращается вокругъ одной личности, не могло входить всестороннее изученіе нравственнаго состоянія древнерусскаго общества. Прямою, непосредственною цѣлію изученія религіозно-нравственнаго состоянія было выяснить нравственныя воззрѣнія Даниила въ генетической связи съ господствовавшими воззрѣніями его эпохи и съ характеромъ и чертами жизни и быта современнаго ему русскаго общества. Но такъ какъ въ поученіи

ихъ Данила съ нравственнымъ содержаніемъ обличительный характеръ является преобладающимъ, то для историческаго выясненія разнообразныхъ обличеній, бичевавшихъ уклоненія отъ требованій христіанской нравственности, совершенно необходимо было касаться болѣе всего аномальностей, соотвѣствующихъ находящимся у Данила обличеніямъ, и обращаться къ дѣйствительному положенію общества въ томъ именно направленіи, въ области котораго вращаются эти обличенія. Вовторыхъ, односторонній характеръ очерка обуславливается источникомъ, изъ котораго по преимуществу заимствовались данныя для характеристики древнерусскаго общества. Источникъ этотъ—древнія поученія, которыя, сообразно со своею чисто-дидактическою цѣлію, преслѣдовали и бичевали всякія уклоненія отъ нравственнаго закона, и въ то же время совершенно оставляли въ сторонѣ положительную сторону жизни общества, ту, которая находилась въ соотвѣствіи съ требованіями христіанской морали. Отсюда по необходимости и нашъ очеркъ является одностороннимъ и вращается въ сферѣ аномальностей древнерусской жизни. Во всякомъ случаѣ въ древнерусской жизни несомнѣнно существовало очень и очень много привлекательныхъ сторонъ, которыя въ значительной степени искупаютъ указанные въ очеркѣ ея недостатки. Притомъ нашъ очеркъ не отличается и не можетъ отличаться, сообразно своей задачѣ, какою имъ преслѣдуется, полнотой: въ немъ затрогиваются тѣ стороны нравственныхъ воззрѣній и быта современнаго общества, изъ которыхъ останавливается и которыя разсматриваетъ митр. Данилъ.

Сдѣланное въ очеркѣ религіознонравственнаго состоянія русскаго общества XVI в. историкосравнительное изученіе нравственнаго міровоззрѣнія Данила имѣетъ за себя всѣ выгодныя стороны, недостижимыя при всякомъ другомъ методѣ изученія. Здѣсь прямо дается соотвѣтствующее значеніе положительнымъ нравственнымъ воззрѣніямъ Данила и опредѣляется степень ихъ высоты и занимаемое ими мѣсто въ ряду господствовавшихъ воззрѣній тогдашней эпохи. Съ другой стороны, обличенія Данила, во многихъ случаяхъ кажущіяся преувеличенными, а иногда мало доступными для пониманія, получаютъ свое дѣйствительное значеніе историческихъ фактовъ и выясняются только благодаря сравнительному изученію современной эпохи.

Заключение отдѣла.

Въ настоящемъ отдѣлѣ разсмотрѣно было нравственное міровоззрѣніе митрополита Данила какъ съ положительной, такъ и съ отрицательной (обличенія) стороны его. Въ своихъ положительныхъ взглядахъ на тѣ или другія явленія современной жизни Даниилъ немного возвышается надъ взглядами современной ему эпохи. Онъ здѣсь является скорѣе болѣе или менѣе полнымъ выразителемъ ея. Какъ отдѣльная личность, имѣющая свои отличительныя особенности и воззрѣнія, Даниилъ писатель не безъ недостатковъ. Достаточно указать на допущеніе имъ оскоспленія (въ посланіяхъ), чтобы убѣдиться въ этомъ. Разсматриваемое съ этой стороны, положительное ученіе Даниила о нравственности имѣетъ для настоящаго времени чисто историческое значеніе. Оно служитъ для насъ прекраснымъ и преимущественно предъ другими современными памятниками полнымъ выраженіемъ круга и характера нравственныхъ понятій своего времени.

Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ нравственныхъ наставленіяхъ, находящихся въ сочиненіяхъ м. Даниила, замѣчается большое сходство съ наставленіями, собранными въ Домострой. Если послѣднее редактированіе Домостроя согласно со мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ¹ приписывать извѣстному священнику Сильвестру, то объясненіе этого сходства нужно искать во вліяніи сочиненій м. Даниила на редактора Домостроя тѣмъ болѣе, что, какъ уже извѣстно, священникъ Сильвестръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи собственный, ему принадлежащій, списокъ посланій м. Даниила.

Касательно положительныхъ нравственныхъ воззрѣній митрополита Даниила нужно сказать, что они изложены на основаніи отдѣльныхъ его разсужденій, заимствованныхъ одинаково какъ изъ его словъ, такъ и изъ посланій. Но извѣстно, что посланія часто вызываются потребностями отдѣльныхъ лицъ, нравственныя нужды которыхъ могутъ быть слишкомъ исключительны и частны. Поэтому и высказанные по поводу ихъ взгляды точно также въ свою очередь могутъ быть исключительными и потому не могутъ служить всѣми данными для характеристики общихъ нравствен-

¹ Некрасовъ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древнерусскаго Домостроя. Чит. въ общ. ист. и древн. 1872 г. кн. III.

ныхъ воззрѣній. Это обстоятельство дѣйствительно имѣетъ свое значеніе и пренебреженіе имъ можетъ сопровождаться преувеличеніями, расширеніемъ, или на оборотъ ограниченіемъ, тѣхъ или другихъ нравственныхъ требованій. Но избѣжать указанныхъ неудобствъ при изложеніи нравственныхъ воззрѣній Даниіла во многихъ случаяхъ было чрезвычайно трудно. Трудность заключается въ самомъ характерѣ посланій, изъ которыхъ многія отличаются скудностію свѣдѣній относительно общественнаго положенія, условій жизни и частной дѣятельности и т. п. тѣхъ лицъ, къ которымъ они писаны. Отсюда само собою является во многихъ случаяхъ не возможнымъ опредѣленіе широты и степени обязательности тѣхъ нравственныхъ требованій, какія излагаются въ томъ или другомъ посланіи.

Особенную историческую важность имѣетъ обличительный отдѣлъ сочиненій митрополита Даниіла. Его поученія служатъ живымъ изображеніемъ многихъ обычаевъ, недостатковъ и пороковъ московскаго общества первой половины XVI вѣка. Современные обычая и общественные недостатки описываются въ нихъ по большей части не въ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, но съ такими деталями и подробностями, которыя описаніемъ Даниіла даютъ черты прекрасной, исполненной яркаго колорита картины, написанной какъ бы съ натуры. Въ послѣднемъ случаѣ митрополитъ изобличаетъ въ себѣ человека не только вообще внимательнаго и знакомаго со всѣми мелочами жизни современнаго ему общества, мало того, онъ захватываетъ въ своихъ обличеніяхъ такіа частности жизни, такіа особенности быта своихъ современниковъ, что можно удивляться его отзывчивости и чуткости ко всѣмъ потребностямъ, обстоятельствамъ и запросамъ своего времени и всесторонней, широко захватывающей, наблюдательности его ума. Благодаря широтѣ своихъ наблюдательныхъ способностей, всѣ обличенія Даниіла не представляютъ изъ себя общихъ указаній, а предметъ ихъ, какъ взятый непосредственно изъ жизни, прямо отвѣчаетъ нравственному состоянію тогдашняго общества и его разнообразнымъ запросамъ. Поэтому поученія Даниіла въ ихъ описаніяхъ современной ему жизни служатъ превосходными историческими комментаріями на весьма многія стороны тогдашней жизни и быта московскаго, преимущественно аристократическаго общества.

Обличительный отдѣлъ поученій митрополита Даниіла никакимъ, конечно, образомъ не можетъ вызывать сомнѣній относительно своей

исторической достовѣрности. Здѣсь только необходимо внести слѣдующую оговорку. Данилъ, какъ проповѣдникъ по преимуществу практическій, обличалъ всѣ нравственныя уклоненія, какія онъ замѣчалъ въ жизни окружающаго его общества. Въ нападкахъ на нравственные недостатки своихъ современниковъ онъ вооружался прежде всего и чаще всего противъ тѣхъ изъ нихъ, которые болѣе другихъ поражали своею рѣзкостію и выдающимся характеромъ. Отсюда обличенія Данила наполнены главнымъ образомъ изображеніемъ крайностей, въ которыхъ выражались и до которыхъ развивались въ современномъ русскомъ обществѣ тѣ или другіе пороки. Понятно, ни одна крайность не можетъ въ одинаковомъ видѣ и степени своего развитія принадлежать массѣ, цѣлому классу извѣстнаго общества, а тѣмъ болѣе цѣлому обществу. Поэтому обличительный отдѣлъ въ сочиненіяхъ митрополита Данила, какъ имѣющій своимъ содержаніемъ изображеніе крайностей разныхъ пороковъ, составлявшихъ принадлежность не всего современнаго русскаго общества, а только отдѣльныхъ группъ его и отдѣльныхъ его членовъ, тѣмъ самымъ захватываетъ собою не все общество, а только извѣстную болѣе или менѣе ограниченную часть его. Отсюда естественно вытекаетъ тотъ выводъ, что общій тонъ обличеній митрополита Данила долженъ быть до извѣстной степени смягченъ, хотя являются непреодолимые трудности для того, чтобы можно было точно указать предѣлы этого смягченія.

Разсмотрѣнный отдѣлъ сочиненій и отдѣльныхъ разсужденій митрополита Данила есть въ строгомъ смыслѣ отдѣлъ *проповѣдническій*. Въ немъ Данилъ является съ особенными чертами древнерусскаго проповѣдника. Многія черты и особенности литературной дѣятельности митрополита, какъ вообще богослова и писателя, были указаны въ соответствующихъ мѣстахъ. Здѣсь необходимо выдѣлить черты и особенности Данила, собственно какъ проповѣдника. Черезъ всѣ поученія и разсужденія Данила проходитъ одна весьма характерная и достойная черта его проповѣднической дѣятельности. Вездѣ у него бросается въ глаза на самомъ первомъ планѣ постоянное вниманіе къ движеніямъ и явленіямъ жизни своихъ современниковъ. Онъ отзывается въ своихъ поученіяхъ на весьма многіе, современные ему, общественные вопросы, поднимавшіеся на почвѣ нравственныхъ воззрѣній людей его времени. Содержаніе поученій, вошедшихъ въ настоящій отдѣлъ, положительно неотдѣлимо отъ эпохи, къ которой относится

ихъ происхожденіе, и безъ изученія ея оно совершенно непонятно. Равнымъ образомъ въ поученіяхъ Даниила отображается современная ему эпоха какъ въ зеркалѣ. Черта современности, проходящая чрезъ всѣ проповѣдническіе труды, обращаетъ Даниила въ проповѣдника съ *практическимъ направленіемъ* или въ проповѣдника публициста, все равно будемъ ли мы понимать публицизмъ въ широкомъ смыслѣ, рассматривая его, какъ отзывчивость на всѣ вопросы своего времени, будутъ-ли они теоретическаго, богословско-догматическаго или же нравственно-практическаго характера, или же въ болѣе узкомъ смыслѣ, понимая его какъ только отвѣтъ на вопросы времени въ *ихъ нравственномъ, практическомъ* характерѣ.

Какъ проповѣдникъ съ практическимъ направленіемъ, какъ церковный писатель публицистъ, въ своихъ сочиненіяхъ захватывавшіи животрепещущіе вопросы своего времени и быть и нравы современнаго ему общества, митрополитъ Даниилъ, по полнотѣ, богатству и разнообразію сообщаемыхъ имъ историческихъ свѣдѣній является единственнымъ въ своемъ родѣ писателемъ и проповѣдникомъ древней Руси. Русская исторія во весь свой продолжительный древній періодъ, до самаго учрежденія патріаршества и даже далѣе, не можетъ выставить ни одного писателя, подобнаго съ рассматриваемой стороны митрополиту Даниилу. Можно сдѣлать исключеніе здѣсь для Максима Грека, но Максимъ Грекъ былъ чужою національностью, съ особымъ, западно-европейскимъ складомъ образованія, такъ что онъ никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ собственно-русскими писателями.

Исторія первая и самая вѣрная учительница человѣчества; исторія русскаго проповѣдничества есть самый вѣрный путеводитель къ нормальной постановкѣ проповѣди и для современной жизни русскаго православнаго народа. Если смотрѣть на исторію вообще и исторію проповѣдничества въ частности съ этой точки зрѣнія, то и проповѣдническая дѣятельность митрополита Даниила, при всѣхъ ея недостаткахъ, можетъ служить прекраснымъ примѣромъ и оправданіемъ для современныхъ русскихъ проповѣдниковъ въ преслѣдуемыхъ многими изъ нихъ цѣляхъ оживленія и одухотворенія проповѣди. Проповѣдь тогда только можетъ быть названа жизненною, когда она всецѣло отвѣчаетъ запросамъ своего времени и вращается въ сферѣ его интересовъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Въ третій отдѣлъ обзорнія сочиненій митрополита Даніила входятъ тѣ изъ нихъ, которыя написаны по запросамъ отдѣльных лицъ и членовъ общества, и которыя удовлетворяютъ собою частнымъ нравственнымъ нуждамъ и потребностямъ людей, искавшихъ совѣта у митрополита. Сообразно условіямъ своего происхожденія и назначенію служить интересамъ отдѣльных лицъ и отдѣльных группъ людей, въ обзорѣ сочиненій Даніила въ составъ третьяго отдѣла войдутъ всѣ его посланія за исключеніемъ только одного—окружнаго.

Прежде всего необходимо установить начало, которое должно быть положено въ основаніе распредѣленія посланій. Порядокъ, въ какомъ они слѣдуютъ въ сборникѣ посланій, основанъ на простой случайности и не подчиненъ какой либо одной идеѣ. Поэтому самому становится невозможнымъ обзорніе посланій въ порядкѣ слѣдованія, какой данъ имъ ихъ авторомъ или вѣрнѣе ихъ собирателемъ. По своему содержанію посланія Даніила бодѣе или менѣе разнородны. Но при всемъ разнообразіи въ нѣкоторыхъ посланіяхъ можетъ быть указана одна общая всѣмъ имъ идея. Такой характеръ посланій открываетъ возможность обзорнія ихъ по нѣсколькимъ отдѣльнымъ группамъ. Такъ, первую группу посланій Даніила могутъ составить тѣ изъ нихъ, въ которыхъ развивается по преимуществу ученіе о монашествѣ и о правилахъ иноческой жизни; вторая группа посланій сосредоточивается главнымъ образомъ на нравственномъ ученіи о цѣломудріи и чистотѣ; наконецъ, третья группа посланій содержитъ въ себѣ тѣ изъ нихъ, которыя въ своемъ содержаніи не имѣютъ ничего общаго между собою, и которыя по тому самому составляютъ группу посланій такъ сказать разнородныхъ.

ГЛАВА I-я.

Обозрѣніе посланій, имѣющихъ главнымъ своимъ предметомъ
ученіе о монашествѣ и о правилахъ иноческой жизни.

Къ этой категоріи относится шесть посланій Данила. Въ основѣ распорядка посланій этой группы будетъ находиться начало предметное (т. е. характеръ содержанія самыхъ посланій), которое дастъ обозрѣнію нѣкоторую логическую стройность и послѣдовательность, представляющія собою всѣ удобства для опредѣленія послѣдовательнаго хода мыслей автора и для болѣе легкаго уясненія и усвоенія системы его воззрѣній на монашество.

I.

Сообразно съ логическимъ началомъ дѣленія посланій этой группы на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено шестое (по положенію въ сборникѣ посланій) посланіе Данила, имѣющее своимъ главнымъ предметомъ ученіе о богоустановленности двухъ формъ человѣческой жизни—брака и монашества: «святіи апостоли человѣческое житіе на двѣ жизни уставивша: на дѣвственное, сирѣчь на иноческое, и на супружеское. ¹ Это посланіе одно изъ обширныхъ по своему объему.

Изъ содержанія посланія можно заключать, что оно адресовано было знатному мірянину и по слѣдующему обстоятельству. Благородный господинъ, къ которому написано посланіе, расположенъ былъ къ поступленію въ монашество, но, какъ нужно думать, въ то же время и не настолько, чтобы онъ могъ вполне рѣшительно и безъ борьбы отказаться ради спасенія души подъ видомъ нестяжательнаго инока отъ тѣхъ удобствъ, какія предоставляло ему его высокое положеніе въ мірѣ. Благородное лицо находилось въ продолжительной нерѣшимости и, заботясь о спасеніи своей души, оно подъ давленіемъ привязанности къ благамъ міра всетаки колебалось и откладывало поступленіе въ монашество. Во время своихъ колебаній этотъ благородный господинъ обращался неоднократно къ митрополиту за пастырскими наставленіями, которыя бы могли повліять на него въ болѣе благоприятномъ для

¹ Рукоп. Сов. биб. № 1281 л. 249—270. № 1456 л. 22—39.

полученія спасенія смыслѣ. Дѣйствительно въ настоящемъ посланіи Данила находятся нѣкоторые наставленія, вполне соотвѣтствующія извѣстному положенію поучаемаго лица.

Во вступленіи въ посланіе митрополитъ высказываетъ свое удивленіе по поводу обращенія къ нему, «грубому, худому и несмысленному иноку», такого вліятельнаго и важнаго лица и говорить ему, что лутче было бы, еслибы онъ обратился къ «иже въ добродѣтеляхъ сущимъ, и иже въ глубину разума божественныхъ писаній вникнувшимъ,» и что онъ самъ возлюбилъ «наказыватися, неже наказывати,» такъ какъ онъ самъ хорошо сознаетъ, что «служеніе, лежащее на немъ, выше его мѣры.»

Посланіе не имѣетъ единства предмета. Оно распадается на нѣсколько отдѣльныхъ положеній. Первое положеніе посланія содержитъ нѣсколько разсужденій о пользѣ и благотворительности «наказанія» или на современномъ языкѣ просвѣщенія, которое, по взгляду митрополита, особенно важно для человѣка потому, что не только обогащаетъ его умъ религіозными истинами, но что, и главнѣе всего, оно указываетъ человѣку «стезю къ дѣланію заповѣдей Христовыхъ». Основаніемъ всякаго просвѣщенія должна служить православная вѣра и ея ученіе. Св. вѣра духовно возрождаетъ человѣка въ божественномъ крещеніи, въ которомъ каждый христіанинъ обѣщается «опасно хранить заповѣди Христовы» всѣ безъ исключенія. Здѣсь существуетъ одна только особенность. Давая обѣты предъ Богомъ при крещеніи исполнять всѣ заповѣди Его, христіанинъ тѣмъ не менѣе не отрекается отъ «міра и яже міру подобающихъ и возводящихъ къ благоугожденію Божію».

Человѣкъ, не отрекшійся отъ міра, живетъ въ мірѣ и пользуется его выгодами, которыя всѣ сосредоточиваются только на одномъ правѣ имѣть жену, во всемъ же остальномъ не существуетъ никакого различія между христіанами по степени обязательности нравственныхъ христіанскихъ требованій, такъ какъ всѣ прочія заповѣди «всѣмъ подобны законположеніямъ суть». Въ подтвержденіе всеобщей обязательности исполненія заповѣдей Христовыхъ митрополитъ ссылается на нѣкоторые изреченія Спасителя (Марк. XII, 37). Впрочемъ брачная жизнь, жизнь мірская имѣетъ множество неудобствъ для нравственной усовершенности человѣка въ виду тѣхъ постоянныхъ соблазновъ, какими такъ богата мірская

жизнь.—Подтвержденіе своему взгляду на міръ, какъ источникъ соблазновъ, Данилъ находитъ въ словахъ Златоуста.

Второе положеніе посланія имѣетъ самое существенное отношеніе къ монашеству. Каждому человѣку предстоитъ трудная задача избранія одной изъ формъ человѣческой жизни: или брачной или дѣвственной—иноческой. Бракъ по своему существу есть учрежденіе Божественное. Равнымъ образомъ и монашество есть богоустановленное учрежденіе. Происхожденіе монашества Данилъ относитъ ко временамъ самихъ апостоловъ. «Иноческое житіе, говоритъ онъ, подалъ есть верховный апостолъ Петръ, якоже священномученикъ Климентъ, Петровъ ученикъ¹, такожде и Филонъ премудрый, самовидецъ Петра апостола и собесѣдникъ ему въ Римѣ бывъ, и видѣ и слыша божественная его ученія, и преданія о евангельскомъ житіи, еще же иноческое преданіе и жительство². Далѣе разсказывается о евангелистѣ Маркѣ, ученикѣ апост. Петра что и онъ въ Египтѣ... многи монастыри состави и иноческое житіе предаде.... якоже свидѣтельствуетъ многочудный древній

¹ Здѣсь сдѣлана только ссылка на свидѣтельство Климента Римскаго о Петрѣ, которое въ цѣломъ видѣ находится въ одиннадцатомъ словѣ Пресвѣтителя (474—475) препод. Іосифа, гдѣ разсказывается, что апост. Петръ самъ принялъ монашество и облекся въ черныя ризы. Впрочемъ самъ Іосифъ какъ будто сомнѣвается въ достовѣрности свидѣтельства Климента. Оттого можетъ быть и Данилъ ограничился однимъ голословнымъ указаніемъ на авторитетъ свидѣтельства Климента, самъ раздѣляя сомнѣніе Іосифа объ его подлинности, и потому опустилъ его.

² Р. № 1281 л. 234. Въ рукописи ошибочно написано вмѣсто Филонъ—«Филиппъ». По рукоп. Импер. Публ. библ. (Могод). № 1149, л. 48, это слово читается правильно. Приводимое здѣсь свидѣтельство Филона объ апост. Петрѣ, что Филонъ былъ ему собесѣдникомъ въ Римѣ и слышалъ его ученіе объ иноческомъ жителствѣ, заимствовано изъ церковной Исторіи Евсевія Памфила. Дѣйствительно Евсевій приурочиваетъ разсказъ Филона о іудейскихъ подвижникахъ—Оеранентахъ къ подвижникамъ—аскетамъ христіанскимъ. Migne, Patr. curs complet ser. graec. tom. XX, Eusebii Pamphili historiae Ecclesiasticae lib. 2, pag. 174—184. Сочиненія Евсевія Памфила, переведенныя съ греческ. при. Спб. дух. акад., Спб. 1848 т. I, 86—93. Нѣкоторые ученые впрочемъ склонны понимать свидѣтельство исторіи Евсевія въ его прямомъ смыслѣ, т. е. что здѣсь разумѣются дѣйствительно христіан. подвижники, а не іудейскіе Оераненты. Исторія православнаго монашества на востокѣ П. Казанскаго. М. 1834, ч. I, 30. Въ Пресвѣтителѣ есть ссылка на Филона, но въ иной редакціи. Тамъ говорится только, что Филонъ похваляетъ иноческое жительство, Пресвѣтитель, 475,

мужъ Евсеій Памфилійскій»¹. А апостолъ Павелъ самъ выставляется примѣромъ дѣвственника, изъ посланія котораго и дѣлаются здѣсь притомъ весьма обширныя выдержки (I. Кор. гл. VII). Точно также Діонисій Ареопагитъ, ученикъ апостола Павла, учитъ о важности монашества и даже «писаніемъ изложи чинъ постриженію»². Великій Евсеій узаконеваетъ и бракъ и въ то же время монашество, которое онъ представляетъ «выше естества и общаго человѣческаго житія кромѣ». Равнымъ образомъ и св. Аѳанасій³ и Василиій⁴ Великіе также признаютъ двѣ формы жизни—бракъ и дѣвство или иночество и особенно восхваляютъ послѣднее, которое божественный Аѳанасій называетъ житіемъ «ангельскимъ и апостольскимъ», тогда какъ бракъ въ его глазахъ былъ путемъ «судбѣйшимъ». Такимъ образомъ для человѣка открыты два пути, равно освященные Богомъ: бракъ и монашество. Каждый, соображаясь съ своимъ духовнымъ настроеніемъ, съ своими духовными и физическими силами, долженъ избрать одинъ изъ нихъ. Избраніе это должно происходить не случайно, а напротивъ много должно пройти времени прежде чѣмъ сдѣланъ будетъ рѣшительный шагъ

¹ Рук. № 1281, л. 254. Въ церковной Исторіи Евсеія, на свидѣтельство которой здѣсь ссылается Данилъ, о Евангел. Маркѣ говорится только, что онъ въ Египтѣ и въ самой Александріи основалъ церкви (...ἐκκλησίας συστήσας) и ничего не говорится о томъ, что онъ создалъ монастыри. Migne, P. C. C. ser. graec. t. XX. Eusebii Pamphili, tom II, pag. 173—174. Церков. Исторія Евсеія Памфила том. 1, стр. 83. То же самое свидѣтельство Евсеія о Ев. Маркѣ находится и въ Просвѣтителѣ, 475.

² Дѣйствительно въ сочиненіи св. Діонисія Ареопагита «о церковной іерархіи» находится чинъ постриженія въ монашество, гдѣ онъ носитъ названіе «тайнодѣйствія монашескаго посвященія». См. Писанія св. Отцевъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія, томъ I, Спб. 1835. Св. отца нашего Діонисія Ареопагита книга, «о церковной іерархіи». И въ Просвѣтителѣ Іосифа есть ссылка на свидѣтельство Діонисія Ареопагита, но нѣсколько въ иной редакція. Просвѣтитель, 472.

³ Рукон. № 1281, л. 256. Эти слова равно какъ и всѣ приведенныя здѣсь свидѣтельства дѣйствительно принадлежатъ свят. Аѳанасію Великому и взяты пменно изъ его посланія къ монаху Амуу. См. творенія св. Отцевъ въ русск. переводѣ т. XXI. Творенія св. Аѳанасія архіеписк. Александрійскаго. М. 1853. ч. III, 419—420.

⁴ л. 256. Цитатъ подлинный. См. Творенія Св. Василия Великаго част. V, 46—47., Migne, Pat. curs. complet, ser. graec. tom. XXXI, pag. 627—630. Ссылки Данила на слова Евсеія, Аѳанасія и Василия В. тождественны съ ссылками, находящимися въ Просвѣтителѣ Іосифа, 465—466.

въ какомъ либо направленіи. Особенно это имѣетъ значеніе въ отношеніи монашества. Бракъ открытъ для лицъ, которыя не могутъ выносить всѣхъ тяжестей дѣвственной жизни. Но для того, чтобы принять монашество и пойти по пути «узкому», «совершеннѣйшему», ангельскому—въ видѣ инока, для этого особенно требуется испытаніе, продолжительный искусь. «Не безъ испытанія безвременно къ иноческому житію пріяти хотѣющая пріимати уставша святія отцы, говорится въ посланіи, но еще извѣстно отъ разума своего, и отъ воли своей, и усердіе бываемо, и по обѣщанію, и смотрятъ отъ какова суть житія, и каковы суть обычаемъ, и возрастъ и долготу искуса, и скоропреложное и недужное, сія вся и прочая написаша и узаконоположиша, также многимъ искусомъ испытаніемъ разсмотрѣвъше, и паче же егда кто отъ многопещнаго и мягкаго житія хотя еже по Божѣ подвигъ начати искусомъ всенпытаніемъ прежнее житіе ихъ и нынѣшній скоропреложный нравъ: или золь, или благъ; и еще есть стропотокъ и непотребенъ, сихъ внесущихъ отпущати, аще ли же хотя иноческому игу подходить благоговѣйны кто и смиренъ обрщется, сихъ пріемлютъ». Далѣе митрополитъ указываетъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ, которые, не испытавъ надлежащимъ образомъ себя, по одному минутному увлеченію поступали въ монахи, но потомъ или вовсе покидали монашество, или же хотя и оставались въ немъ, но жили далеко не помонашески. А истинное монашество есть, по словамъ Даниила, постоянное отреченіе отъ міра «не еже тѣлесемъ виѣ его быти, но отъ тѣлесныя любви отторгнутися, и быти безграднику, бездомнику, несамолубцю, нестяжательну, безыменнику, не собесѣднику, невожди челоуѣческихъ ученій, готову пріяти во сердцѣ иже отъ Божественнаго ученія входящая воображенія». Разсужденіе о брачной и иноческой жизни и о превосходствѣ послѣдней предъ первою въ примѣненіи къ поучаемому въ посланіи лицу означаетъ, что если онъ дѣйствительно захотѣлъ идти во слѣдъ Христа, то не долженъ отступать отъ своего намѣренія, а долженъ стараться оставить міръ и воспріять духовную жизнь. Если же онъ находитъ себя слабымъ для такой многотрудной жизни, для «таковаго блаженнаго пути высокаго житія», то долженъ вступить въ законный бракъ и остаться въ мірѣ, гдѣ многіе и съ женами и дѣтьми благочестиво живутъ и приближаются къ Богу. И живя въ мірѣ можно оставаться добродѣтельнымъ челоуѣкомъ до конца своей жизни.

Въ подтвержденіе этой мысли митрополитъ дѣлаетъ значительную выдержку изъ одного слова І. Лѣствичника ¹.

Третье положеніе посланія, въ которомъ излагается ученіе о сохраненіи цѣломудрія какъ въ брачной, такъ и въ-брачной жизни, развивается подробно. Здѣсь митрополитъ не столько самъ поучаетъ, сколько наставляетъ готовыми примѣрами другихъ. Сохраненіе цѣломудрія, по взгляду Даниила, обязательно одинаково для иноковъ и для мірянъ съ извѣстными исключеніями для послѣднихъ (кромѣ законныя жены не смѣсится любодѣйствомъ). Чистая, цѣломудренная жизнь, по ученію Даниила, избавляетъ человека отъ смерти и даруетъ ему вѣчное блаженство на небѣ, нагляднымъ примѣромъ чего служить у него приводимый въ посланіи рассказъ о цѣломудренномъ Николаѣ воинѣ, который за свою физическую чистоту и другія нравственныя качества чудеснымъ образомъ спасъ свою жизнь среди общаго избіенія Грековъ Болгарами, окончательно уничтожившими греческое войско ². Подобный же смыслъ имѣетъ приводимая Данииломъ повѣсть о нѣкоторомъ благочестивомъ влаетелинѣ Михаилѣ. Благочестивый Михаилъ, измлада возлюбившій цѣломудріе и страхъ Божій, много совершилъ чудеснаго въ своей жизни. Онъ съ однимъ своимъ отрядомъ, когда всѣ другіе полки обращены были въ жалкое бѣгство, разбилъ войско эоіоплянъ. Онъ же одинъ спасъ Ранофскихъ жителей отъ страшнаго чудовища—змія, жившаго по близости въ озерѣ и поѣдавшаго не только скотъ, но и людей. Какъ страшно было чудовище, это видно изъ того уже, что, когда оно поднималось изъ озера, то одна шея его выступала выше воды на протяженіи «саженной двадцате». Оно было о трехъ головахъ. Сосѣдніе жители находились въ постоянномъ страхѣ отъ него и вынуждены были обрекать ему на съѣденіе своихъ дѣтей, наблюдая при этомъ очередь. Никто не находился для нихъ избавителемъ и только цѣломудренный Михаилъ при помощи Божіей уничтожилъ «сію пожирательную скорпію» ³. Прекраснымъ примѣромъ духовной и тѣ-

¹ л. 260. См. его Лѣствицу и слово къ пастырю. М. 1831. Слово І объ отреченіи отъ міра, 11.

² л. 261—263. Съ буквальною точностію рассказъ о Николаѣ воинѣ воспроизводится въ старо-печатномъ патерикѣ скитскомъ, сунральскаго изданія 7299 (1791 г.) кн. 2-я, 408—410.

³ л. 264—266. Сказаніе о влаетелинѣ Михаилѣ, родомъ Болгаринѣ, взято

лесной чистоты является у Даниїла цѣломудренный Іосифъ, неповиновавшійся «блуднѣй сласти египтянина», и за то и прославившійся «на земли чуждей», и равнымъ образомъ и жена Іосифа Асенета, которая за свою чистоту и непорочность удостоилась откровенія ангела, предвозвѣстившаго ей о страданіяхъ, смерти и воскресеніи І. Христа ¹. Встрѣчаются у Даниїла нравственно-назидательные примѣры, заимствованные даже изъ исторіи языческихъ царей. Таковъ его разсказъ объ Александрѣ Великомъ, «царѣ Еминистемъ (еллинистемъ) или Македонскомъ, гдѣ восхваляется цѣломудріе сего царя, который, побѣдивъ персидскаго царя Дарія, не захотѣлъ воспользоваться правами побѣдителя въ отношеніи его дочери, отличавшейся необыкновенною красотою, какъ то напротивъ предлагали ему его приближенные. Равнымъ образомъ Александръ Великій, прибывъ въ Иллирію и явившись въ храмъ «жертвище Діосово», гдѣ онъ случайно встрѣтилъ женщину поразительной красоты, тѣмъ не менѣе, несмотря на совѣтъ Θεостивна, не захотѣлъ осквернить святыни храма. Изъ разсказовъ объ Александрѣ Македонскомъ Даниїлъ основательно дѣлаетъ такого рода выводъ: «аще убо сія невѣрнии суще еллинстїи цари и ритори показаша... колыи же паче намъ подобаетъ, иже въ бани святаго крещенія породившимся, всяко тщаніе имѣти о чистотѣ души и тѣлесе ². Съ другой стороны Даниїлъ, пользуясь словами

Даниїломъ въ его полномъ видѣ изъ Пролога и почти буквально сходно съ его современнымъ печатнымъ изданіемъ. См. Прологъ, изданный по благословенію св. Синода въ Москвѣ 1843 года, подъ 22 числ. ноября мѣсяца, 194—195.

¹ Л. 267—268. Сказаніе объ Асенетѣ или Асенеѣ, женѣ Іосифа, принадлежить къ числу апокрифическихъ. Латинскій текстъ апокрифическаго сказанія объ Асенетѣ находится у Фабриція. См. *Codex pseudepigraphus Veteris testamenti*, Iohan. Allberti Fabricii tom. 1. Hamburgi 1713, cap. CXXXIX pag. 774—784. Краткое содержаніе апокрифа есть у И. Я. Порфирьева. Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Казань, 1872, 285—288. Въ изданіяхъ Тихомирова (Памятники отреченной русской литературы, М. томъ. 1—II), графа Кушелева Безбородко (Памятники старинной русской литературы, четыре выпуска), Порфирьева (Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки. Спб. 1877 годъ) нѣтъ апокрифа объ Асенетѣ. Это обстоятельство дало основаніе И. Я. Порфирьеву (въ введеніи къ вышеуказанному сочиненію) высказать мысль, что апокрифъ объ Асенетѣ совершенно не былъ извѣстенъ въ древней Руси, что, какъ видно теперь, оказывается не вполне вѣрнымъ.

² Л. 268—269. Въ древнемъ (XVI в.) рукописномъ сказаніи подъ названіемъ «житіе и жизнь и дѣланіе и вся брань Александра царя Македонскаго» дѣйстви-

св. Исаака Сиріа, представляет нѣсколько заняствованныхъ изъ священной исторіи примѣровъ, наглядно изображающихъ собою наказываемый порокъ снстолюбія: посланіе на землю нотопа, гибель Содома, исторія Самсона, Давида, Офнія и Финееса и пр. ¹.

Наставляя на мысли о сохраненіи цѣломудрія, Данилъ понятію цѣломудрія придаетъ широкій и но преимуществу нравственный смыслъ. Говоря о сохраненіи цѣломудрія физическаго, онъ требуетъ, чтобы цѣломудріе соединялось со смиреніемъ, любовью и другими добродѣтелями. Чистота, по словамъ Даниіла, пребываетъ «въ миротворцехъ», чистота не пребываетъ «въ лукавыхъ чловѣкахъ», «чистота молчаливая упрямудряетъ», чистота «далече отгонитъ отъ чловѣкъ любящихъ неправду», «любяй чистоту не оскорбляетъ ближняго, ни печалуетъ на кого временныхъ ради», «любяй чистоту не клевететъ на брата своего, ниже оставляетъ брата своего уснути печалующаго на нь», «чистота христолюбиваго воинства помощь и покровъ и укрѣпленіе», «любяй чистоту любятъ праведный судъ», «чистота земнаго царя скиетры утверждаетъ, и къ небесному руководить», чистота «учить тѣннаго царя праведный судъ судити и милостиву быти и съ согрѣшающими». Всѣ эти частныя мысли непременно сопровождаются у Даниіла изреченіями І. Христа и Апостоловъ.

Въ посланія встрѣчается нѣсколько отдѣльныхъ наставленій, обращенныхъ къ поучаемому духовному сыну, которому онъ на примѣръ заповѣдуетъ для достиженія спасенія «благородіе свое не щадѣти и учиться благовѣнству во всемъ: и въ дѣлахъ, и въ сло-

зельно находится первая часть сказанія объ Александрѣ, приводимая Даниіломъ. Но что касается до втораго сказанія о посѣщеніи Александромъ храма Зевса то этого повсе нѣтъ въ упомянутомъ рукописномъ сказаніи объ Александрѣ Македонскомъ. Но другія сказанія дѣла представляются въ иномъ видѣ, именно что Александръ женился на одной изъ дочерей Дарія. Это есть и въ вышеуказанномъ рукописномъ сказаніи. Рухон, Сов. биб. № 1520, л. 129—130, А. Поговъ. Обзоръ хронографовъ русской редакціи, вып. первый, Москва 1866, 78—83. Сказаніями объ Александрѣ Македонскомъ митрополитъ воспользовался въ составленіи своего изъ разпространенныхъ въ то время «Александріи». Объ Александрѣ см. сочиненіе А. Пыпина, Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, Сиб. 1857, 22—50.

¹ л. 260—261. Цитатъ взяты Даниіломъ изъ 62 слова св. Исаака Сиріа. Творенія св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ, изд. при Москв. дух. акад. томъ XXIII, Писе во святыхъ отца нашего аввы Исаака Сиріанна слова подвижническія, М. 1854, 411—412.

вѣсѣхъ, и въ взорѣ, и хоженіи, и долу понича, молитвою же умъ и душу къ Христу на небеса возводя и согрѣшенія своя выну зря»¹.

Заключеніе посланія содержитъ въ себѣ личныя объясненія автора посланія съ поучаемымъ. Митрополитъ здѣсь говоритъ, что онъ написалъ посланіе, имѣя въ виду питаемую имъ къ нему духовную любовь, которую онъ заповѣдуетъ имѣть не къ нему одному, но ко всѣмъ, и на благородіе свое не взирать и не возноситься своею властію.

II.

Въ только что разсмотрѣнномъ посланіи Даниилъ доказалъ законность существованія обоихъ видовъ человѣческой жизни и съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на преимуществахъ жизни монашеской. Онъ видимо склоняется въ пользу послѣдней и говоритъ о ней больше, чѣмъ о брачѣ. Такимъ образомъ нравственные преимущества на сторонѣ монашества. Но извѣстно, что и самое монашество въ свою очередь имѣетъ свои виды, свои подраздѣленія. Объ этихъ-то видахъ и выгодахъ и невыгодахъ, соединенныхъ съ каждымъ изъ нихъ, трактуетъ пятое посланіе Даниила, которое имѣетъ соотвѣтствующее своему содержанию названіе «о различіи иноческаго жительства»².

Пятое посланіе написано Данииломъ къ одному иноку, который, живя въ общежительномъ монастырѣ, постоянно искушалъ себя и особенно хотѣлъ знать въ какомъ изъ трехъ видовъ монашества удобнѣе всего получить спасеніе: въ общежитіи ли, или въ пустынѣ, или въ скитскомъ иночествѣ. Самъ лично онъ склоненъ былъ видѣть болѣе вѣрный путь ко спасенію—въ удаленіи въ пустыню. За разъясненіемъ своего сомнѣнія неизвѣстный иннокъ и обратился къ митрополиту.

Въ началѣ посланія Даниилъ обращается съ довольно сильнымъ укоромъ къ иноку, котораго онъ называетъ «мятежелюбцемъ» за его непостоянство въ жизни и въ убѣжденіяхъ и высказываетъ, что спасеніе вездѣ достижимо, что для этого нужно только жить по волѣ Божіей и по заповѣдямъ Христовымъ. «Спасеніе возможно и среди града, и въ пустыни, и въ обществѣ житіи: вездѣ

¹ Это наставленіе очень сходно съ наставленіями, находящимися въ Домостроѣ. Домострой. М. 1849. 3.

² Рукоп. Н. Сов. Библ. № 1281. л. 235—249.

угодившихъ Богу обращени, аще пощени, мнози бо и во градѣхъ спасошася, и мнози въ общихъ монастырехъ спасошася, и мнози въ пустыняхъ спасошася, также и погибшая обрѣтаемъ».

Содержаніе посланія сосредоточивается почти на одномъ предметѣ, которымъ оно ближайшимъ образомъ и было вызвано; но изложеніе и расположеніе отдѣльныхъ мыслей не отличаются особенною послѣдовательностію, встрѣчаются нерѣдко и повторенія. Общая идея посланія—это ученіе о видахъ монашества, которое Даниилъ подраздѣляетъ на три формы, пользуется для этой цѣли дѣленіемъ св. Іоанна Лѣствичника¹. Онъ называетъ три рода монашества: полное уединеніе въ формѣ отшельничества, которое представляетъ самый высшій видъ монашества, по своей равноангельской высотѣ и трудности не всѣмъ доступный и не для всѣхъ удобный, второй видъ—безмолвіе въ сожителствѣ съ двумя или тремя иноками, называемое иначе скитствомъ², которое многимъ доступно или «ключимо естъ»; третій видъ монашества—общжитіе.—Даниилъ самъ лично склоняется въ пользу общежитія и съ особеннымъ усиліемъ доказываетъ его удобства для нравственнаго преслѣбнія челоѣка: «о Божѣ составленая общая житія вельми ко спасенію удобна суть, аще по волѣ Божественнѣй имѣють разумъ свой». Вообще Даниилъ особенно симпатизируетъ общежитію и называетъ его житіемъ «плодоноснымъ» по преимуществу и, пользуясь словами І. Лѣствичника, называетъ общежитіе земнымъ небомъ, а живущихъ въ немъ иноковъ ангелами.

Но всѣ указанные виды монашества имѣють свои нравственныя выгоды и въ то же время невыгоды. Даниилъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ отшельничеству, но въ то же время и сознаніемъ тѣхъ трудностей, какія соединяются съ подвигомъ отшельничества. «Безмолвіе и пустыня не простая есть вещь, говоритъ онъ, но и зѣло зѣльна, и требовательна многого смысла, и труднѣйша есть вещь, и болезнѣйша, и безвеществена и искусства требуетъ многа», такъ какъ «съ отшельницы бѣсове назидуются

¹ Л. 236—237. Здѣсь приводится обширная выдержка изъ перваго слова І. Лѣствичника объ отреченіи отъ міра. См. предод. отца нашего Іоанна Ігумена Синайскаго, Лѣствница М. 1851. 13.

² У Даниила собственно нѣтъ слова «скитство», у него вмѣсто этого термина употребляется болѣе общій терминъ «пустынное житіе» и только по даваемымъ имъ опредѣленіямъ можно выдѣлать то, что онъ говоритъ о скитствѣ, и что относится собственно къ строгому отшельничеству.

и неоступно ратають». Примымъ логическимъ выводомъ отсюда должно быть признано то, что пустынное селеніе достойно «не безъ разума начинати, но съ великимъ разсужденіемъ и себѣ единому внимати».....

«Ненорочна есть вещь..... и во царскомъ пути (скитствѣ) шествовати и безмолвствовати со единымъ или двѣма и зановѣдемъ Христовемъ.... поучатися»,—такой отзывъ даетъ митрополитъ о скитствѣ, въ которомъ нельзя усмотрѣть особенной симпатіи его къ этого рода подвижничеству. Это выступаетъ еще рельефнѣе, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что непосредственно за этимъ выраженіемъ у Данила стоитъ цѣлая масса обвиненій скитскимъ инокамъ. Обличенія эти, нужно сказать, довольно сильные, которыя позволяютъ видѣть въ нихъ отвѣтъ Данила на обличенія Вассіана Косаго недостатковъ общежительныхъ монаховъ. По словамъ Данила изъ скитскихъ монаховъ находилось много такихъ, которые носили только одно имя скитниковъ, а объ исполненіи своихъ обязанностей нисколько не заботились: заводили ссоры и осуждали правила общежительныхъ монаховъ, не реманивали ихъ къ себѣ, признавали только однихъ себя за великихъ подвижниковъ и проч. Однимъ словомъ они были для себя и для многихъ другихъ пѣтѣмъ инымъ, какъ только «соблазну вина». Впрочемъ Данилъ какъ бы смягчаетъ силу своихъ обличеній скитниковъ и, предупреждая возможные обвиненія себя въ одностороннемъ осужденіи всего пустыннаго и скитскаго житія, прибавляетъ въ заключеніе всего: «тѣмъ же не пустынное житіе есть зло, но злое нашъ лукавый обычай».

Но митрополитъ хочетъ показаться безпристрастнымъ и потому въ своемъ посланіи касается недостатковъ и общежительныхъ монаховъ, которые рельефнѣе всего обнаруживались въ ихъ непослушаніи и неповиновеніи монастырскимъ властямъ. Обличенія Данила общежительныхъ монаховъ заключаются словами осужденія, принадлежащими Лѣтвичнику ¹.

Въ заключеніе обзорѣнія нравственнаго значенія разныхъ видовъ монашества дѣлается общее замѣчаніе, что многие отцы и подвижники, «имъ же нѣсть числа», получили спасеніе работая

¹ л. 246 об. Цитата взята изъ 27 слова І. Лѣтвичника о священномъ безмолвіи тѣла и души. См. переводъ отца нашего Іоанна, игумена Синайскаго, Лѣтвица. М. 1874. 328.

Богу и въ пустынь, и живя скитски, и это потому что они жили по волѣ Божіей и свято исполняли заповѣди Господни. Мысль объ одинаковой возможности полученія спасенія во всѣхъ видахъ монашества подтверждается здѣсь ссылкой на слова св. Симеона, Новаго Богослова.¹ Истинный монахъ, и живя въ общежитіи, духомъ можетъ жить такъ, какъ другой живетъ въ пустынь. «И въ общемъ житіи», говоритъ Даниилъ, «пустыня внутренняя: еже не быть самолюбиву, и возненавидѣти гордость, и тѣную славу, еже не хотѣти челоуѣкомъ угождати, не имѣти своея воли, но о Господи настоящему покоритися»..... Свидѣтельствами св. Ефрема Сирина и Викиты Стифата² утверждается та неоспоримая истина, что для каждаго челоуѣка возможно обставить свою нравственную жизнь такъ, что она можетъ приблизиться къ жизни въ пустынь, въ уединеніи. Сдѣлать это каждый въ состояніи, такъ какъ «суностаты наша» не виѣ насъ, не въ окружающемъ насъ мірѣ, а въ насъ самихъ, и если кто будетъ въ состояніи путемъ борьбы со своимъ внутреннимъ грѣховнымъ настроеніемъ достигнуть побѣды надъ своими внутренними суностатами, то онъ и посреди міра и людей будетъ «яко въ пустыни пребывая». Въ приложеніи къ поучаемому иноку это значить, что онъ долженъ болѣе заботиться не о томъ, гдѣ поселиться—въ пустынь ли или же въ общежительномъ монастырѣ, а о томъ, чтобы бороться и побѣждать свои внутренніе дурныя наклонности и страсти. Пустынное, отшельническое и скитское житіе достойны уваженія, если только ихъ принимаютъ и проходятъ «въ велицѣ разумѣ». Вообще всѣ роды монашества способствуютъ къ достиженію нравственнаго совершенства, если только принимающіе ихъ живутъ по волѣ Божіей, а «не по нашимъ страстнымъ хотѣніямъ». Къ какому бы роду подвижничества инокъ ни принадлежалъ, отъ него одинаково требуются: «нестяжаніе, и худость, и тихое житіе и безмолвное, и уединеніе въ молитвахъ, и ума блюденіе, и прочитаніе Божественныхъ Писаній».

¹ л. 247—248. Цитаты заимствованы изъ такъ называемыхъ дѣятельныхъ и богословскихъ главъ Симеона Новаго Богослова. Онъ представляетъ изъ себя двѣ главы, именно 88 и 89 въ ихъ полномъ составѣ. См. Migne Patrolog. curs complet. ser. graec. tom. CXX. pag. 632—634. Славянскій переводъ см. Добротолюбіе. Москва 1837, ч. I, 63.

² лист. 243—244. Свидѣтельство взято изъ первой сотни дѣятельныхъ главъ Викиты Стифата. Подлинникъ его см. Migne Patrolog. curs complet. ser.

Въ настоящемъ посланіи Данилъ между прочимъ вооружается противъ либеральнаго взгляда тѣхъ изъ своихъ современниковъ, которые «безстыдно» говорили, «яко не вредить мѣсто, но нравъ». Здѣсь митрополитъ прежде всего предупреждаетъ своего читателя «не погрязнуть» или не увлекаться такимъ взглядомъ на жизнь: «мѣсто бо и нравъ украшаетъ и многу къ добродѣтели и умилению крѣпость подаваетъ». Въ совершенную противоположность одностороннему взгляду нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ Данилъ зановѣдуетъ «далече отъ пличныхъ и надежныхъ жѣсть жителствовати, и безмолвно бореніемъ постническимъ искушати, и собраній человѣческихъ уклоняти и не любопретися во словесехъ аще и благо быти мнится».

Разсматриваемое съ точки зрѣнія установленнаго взгляда на нравственное значеніе видовъ монашества, исканіе поучаемаго инока и стремленіе его къ лучшему изъ нихъ является безполезнымъ и безцѣльнымъ. Но митрополитъ идетъ далѣе, онъ называетъ такое исканіе даже преступнымъ съ точки зрѣнія главныхъ монашескихъ обѣтовъ. «Пожди чело и дамъ ти отвѣтъ не отъ себе, но отъ писанія богоносныхъ отецъ, да вѣрнѣе ти будетъ», въ такомъ строгомъ тонѣ говоритъ Данилъ по поводу извѣстнаго желанія инока. И дѣйствительно, у него подобрана особая группа изреченій святыхъ отцевъ и подвижниковъ, какъ-то: св. Никиты Стифата¹, Исихія Іерусалимскаго² и Симеона Новаго Богослова³,

græcae, tom. CXX. Nicaelae. Pectorati practicozum capitum centuria I, §. 75—76 pag. 885—888. Славян. переводъ см. въ Добротолюбіи ч. IV, 64.

¹ л. 241. Находящееся здѣсь свидѣтельство Никиты Стифата взято Даниломъ изъ второй его сотницы, см. Migne. Patrolog. curs. complet. ser. græc. tom. CXX, pag. 923—926. Славянскій переводъ приведенныхъ словъ Никиты Стифата см. въ Добротолюбіи част. IV, 79, § 53.

² л. 241—242. Свидѣтельство св. Исихія, пресвитера Іерусалимскаго, взято Даниломъ изъ сочиненія его: «πρὸς θεόβουλον λόγον Ψυχελῆς περὶ Νήψεως καὶ Ἀρετῆς καὶ κατὰ τὴν αὐτῆς τὰ λεγόμενα ἀντιφρετικὰ καὶ εὐτικὰ, изъ первой сотницы. См. Migne, Patrolog. curs. complet ser. græc. tom. XCIII, pag. 1489—1492. Славянскій переводъ свидѣтельства см. въ Добротолюбіи част. 2-я. Москва 1857 г. 4—5, §31—32.

³ л. 242—243. Выдержка изъ творенія св. Симеона заимствована изъ перваго его слова (по современному переводу). Заимствованіе сдѣлано не буквально и не послѣдовательное, а только отдѣльными фразами. Можно думать, что Данилъ, ссылаясь на слова св. Симеона, приводилъ ихъ по памяти. См. преподобнаго отца нашего Симеона, Новаго Богослова, игумена и пресвитера бывшаго отъ

которые всё говорятъ объ отреченіи инока отъ своей воли и полномъ подчиненіи ея настоятелю или руководителю. Въ приложеніи къ лицу, къ которому написано посланіе, это значить, что онъ, если только онъ дѣйствительно хочетъ быть истиннымъ монахомъ, не долженъ думать объ удаленіи изъ монастыря, такъ какъ это составляетъ прямое нарушеніе одного изъ главныхъ обѣтовъ монашества—послушанія.

Заключеніе посланія кратко повторяетъ совѣты объ исполненіи всѣхъ евангельскихъ заповѣдей и монашескихъ обѣтовъ, на примѣръ объ удаленіи отъ мірянъ и о прочитаніи божественныхъ писаній и жить такъ, чтобы мы «были угодны Богу и другъ другу любезни, и въ дѣлахъ, и въ словахъ, и бесѣдованіяхъ душеполезни, симъ поучаящеся, и отъ празднословія, и всякія скверны и клеветы возможемъ чиста сохранить уста наша духовнымъ поучающеся».

Сравнительная оцѣнка нравственнаго значенія различныхъ видовъ монашества, какой посвящено пятое посланіе Даниила, отличается своею общностію и отвлеченностію. Въ ней вовсе не видно разсмотрѣнія бытовыхъ, экономическихъ и социальныхъ и разныхъ мѣстныхъ условій собственно русскаго народа, которыя бы давали собою преимущества одному роду иноческаго подвижничества предъ другимъ. Авторъ посланія, произнося свой судъ надъ разными формами монашества, исключительно стоитъ на одной духовной нравственной почвѣ.

III.

Изъ пятого посланія Даниила видно, что онъ является особенно симпатизирующимъ устройству монашескаго быта въ формѣ общежитія.

Седьмое посланіе Даниила «о иноческомъ законѣ и правилѣ общаго житія»¹, написанное имъ къ инокамъ Волоколамскаго монастыря въ бытность его тамъ игуменомъ, утверждаетъ собою

ограды св. Мамвота, словеса зблго'потезная. Изд. Козельской Оптиной пустыни. Москва 1832 г. 4—5. см. Migne, Patrolog. grec. complet. ser. grec. tom. CXX, Symeonis Junioris oratio XXV, pag. 440—447.

¹ Рукон. Соф. библ. № 1281 л. 270—282. Рук. Соф. б. № 1456 л. 39—49.

основной принципъ общежительныхъ монастырей—нестыжательность и неимѣніе частной, личной («особной») собственности для монаха.

Посланіе Данила въ Волоколамскій монастырь обозначено неточно: изъ самаго оглавленія его видно, что оно написано было Даниломъ еще въ то время, когда онъ «начальство игуменства сдержива», и когда, значитъ, ему по самому своему положенію не было никакой нужды обращаться съ посланіемъ къ монахамъ, находившимся подъ его личнымъ и непосредственнымъ управленіемъ. Такъ называемое посланіе Данила въ Волоколамскій монастырь есть на самомъ дѣлѣ обыкновенное пастырское поученіе, съ которымъ онъ непосредственно обращался къ инокамъ своего монастыря и даже скорѣе всего могъ произнести его въ церкви съ церковной кафедры въ слухъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ. И по своей формѣ посланіе носитъ въ себѣ всѣ черты слова, съ какими послѣднее является въ сборникѣ Данила: оно по плану вполне тождественно каждому слову Даниловскаго сборника и рѣзко распадается на три части. Вторая часть посланія не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія и вся состоитъ изъ выписокъ, взятыхъ изъ разныхъ святоотеческихъ твореній, и съ этой стороны она вполне тождественна въ формальномъ отношеніи со второю частью каждого слова, находящагося въ сборникѣ Данила, но за то выдѣляется изъ ряда посланій, въ которыхъ вторая часть не представляетъ изъ себя одного сплошнаго ряда чужихъ свидѣтельствъ, но, напротивъ, въ ней между разными церковными авторитетами встрѣчаются и собственные разсужденія автора. Посланіе въ Волоколамскій монастырь получило постоянное свое названіе нѣсколько позднѣе, когда Данилъ былъ уже митрополитомъ и оно дано было ему составителемъ сборника посланій Данила, каковымъ скорѣе всего могъ быть самъ митрополитъ.

Происхожденіе настоящаго посланія тѣсно связано со внутреннимъ нравственнымъ состояніемъ и бытомъ волоколамскихъ иноковъ въ періодъ игуменства въ монастырѣ Данила. При основателѣ монастыря, пренод. Іосифѣ, порядки монастырскіе были образцовые; монастырскій уставъ поддерживался во всей строгости. Святость жизни, знаменитость и замѣчательная опытность и распорядительность игумена,—все это взятое вмѣстѣ много способствовало возвышенію нравственности въ монахахъ. Со смертію Іосифа во внутренней жизни монастыря произошли перемѣны.

Избранъ новый, сравнительно молодой игуменъ, который не успѣлъ еще составить себѣ славы, кокою пользовался его предшественникъ и учитель. Данилъ не могъ въ монастырѣ пользоваться авторитетомъ, какимъ все время окруженъ былъ Іосифъ. У нѣкоторыхъ изъ волоколамскихъ монаховъ прошло первое увлеченіе, съ какимъ относились они къ иноческимъ подвигамъ при основателѣ монастыря; болѣе нравственно слабые монахи, рассчитывая при новомъ игуменѣ на послабленіе, стали игнорировать нѣкоторые требованія монастырскаго устава. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени въ Волоколамскомъ монастырѣ явились слѣды нравственной деморализаціи. Судя по посланію Данила монашеская деморализація достигла здѣсь довольно широкихъ размѣровъ. Нѣкоторые монахи, пользуясь матеріальными выгодами, какія давалъ имъ общежительный строй монастыря, когда каждый изъ нихъ получалъ все содержаніе изъ монастырской казны, и вполнѣ обеспеченные въ своихъ нуждахъ и потребностяхъ, посвящали свои досуги на то, чтобы приобрѣсти деньги для личнаго своего употребленія и пользованія. Стремленіе къ составленію личнаго капитала, сначала очень скромное, съ теченіемъ времени развилось до такихъ широкихъ размѣровъ, что нѣкоторые изъ монаховъ, заразившись сребролюбіемъ, стали заботиться только о приобрѣтеніи и увеличеніи частной собственности, а не о благѣ всего монастыря, занимались куплею и продажею, отдавали деньги въ ростъ и т. п.

Ознакомившись съ своимъ новымъ положеніемъ, Данилъ энергически взялся за исправленіе нравственности монаховъ, отъ которыхъ онъ требовалъ самаго строгаго исполненія устава, и особенно вооружался противъ ихъ сребролюбія, подъ вліяніемъ котораго они стремились составлять свои личные капиталы. Для того чтобы уничтожить всякій поводъ къ личному обогащенію монаховъ, Данилъ развилъ и расширилъ значеніе главнаго иноческаго обѣта нестяжанія до самой послѣдней степени, отрицая право монаха имѣть такую даже личную собственность какъ книги и иконы. Съ своей стороны и монахи, какъ можно предполагать, старались обходить наложенное на нихъ ихъ игуменомъ запрещеніе подъ разными болѣе или менѣе благовидными предлогами и защищали свое право на приобрѣтеніе извѣстнаго количества денегъ намѣреніемъ и потребностію покупать книги и иконы для личнаго келейнаго

употребленія каждаго монаха. Имъ хотѣлось во что бы то ни стало сохранить за собою право имѣть отдѣльную для каждаго монаха собственность, съ исключительнымъ условіемъ обращать ее на приобрѣтеніе книгъ и иконъ. Но на самомъ дѣлѣ этого разрѣшенія для нихъ исполнѣ было достаточно для того, чтобы дать имъ широкій просторъ къ личной наживѣ. Тогда для нихъ всегда было бы готово извиненіе, что они собираютъ деньги для благочестивой цѣли—покупки книгъ и иконъ и для украшенія ихъ серебромъ и золотомъ. Особенно послѣдній источникъ монашескихъ расходовъ могъ быть растяжимымъ и никогда не удовлетворяемымъ. Монахи могли удобно расширять свое право приобрѣтать собственныя деньги на покупку книгъ и иконъ и обращать его въ право простой наживы, ставя послѣднюю вмѣсто средства цѣлю. Распоряженія Данила затронули самую чувствительную сторону волоколамскихъ монаховъ. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ слышались жалобы на излишнюю строгость новаго игумена, сторону ихъ приняли даже нѣкоторые изъ старѣйшей братіи монастыря. Такимъ образомъ Данилъ свои административныя распоряженія вынужденъ былъ защищать и литературнымъ способомъ. Между монахами его монастыря составила особая группа людей, которая съ примкнувшими къ ней нѣсколькими старѣйшими членами заставила Данила точнѣе изложить свои требованія, а главное обосновать ихъ надлежащимъ образомъ. На это именно обстоятельство указываютъ слова оглавленія посланія, въ которомъ говорится, что «*понудиша* его (Данила) старцы сія написати ко спасенію душамъ отъ свидѣтельства божественныхъ писаній».

Для того, чтобы съ корнемъ уничтожить зло, развѣдавшее монаховъ Волоколамскаго монастыря, и въ то же время доказать законность своихъ требованій, Данилъ и обратился къ подвѣдомственнымъ ему инокамъ съ убѣдительнымъ пастырскимъ поученіемъ, сохранившимся и до настоящаго времени въ формѣ посланія.

Во введеніи посланія Данилъ по обыкновенію извиняется предъ иноками въ своей ограниченности и въ отвѣтъ на ихъ запросы отсылаетъ ихъ къ «*премногимъ преданіямъ преп. игумена Іосифа*».

Въ первой части посланія проводится одна общая мысль, категорически утверждающая, «яко общежительный законъ и правило отнюдь каково либо что мало или велико особѣ коему брату имѣти не повелѣвается». Стремленіе имѣть особенное личное состояніе тѣмъ болѣе предосудительно для иноковъ общежительнаго

монастыря, когда всѣ они во «всякомъ покое и безъ печали живутъ, готово все имущее: и пищу, и питіе, и одежду, и обувь и всякія вещи, все въ казніи общей. Намъ же, братія возлюбленная, кая польза есть, спрашиваетъ послѣ этого любостязательныхъ иноковъ Даниилъ, иже въ общемъ житіи живущимъ ястіе, и питіе, и одежду, и обувь и иные многія потребности нужныя готово во всемъ имущемъ изъ казны монастыря Пречистыя Богородицы? И въ сильный укоръ имъ онъ ссылается на примѣръ мірскихъ людей, которые, по его исполнѣ справедливымъ словамъ, и «царемъ дани даютъ, и великія службы служатъ, и жену и дѣти кормятъ, и поятъ, и одѣваютъ, и обуваютъ, и дома строятъ и домочадцы промышляютъ, и, убо аще кто чувственъ есть и страхъ Божій имѣють въ сердцахъ своемъ, ино и тѣмъ не хотятъ неправеднаго богатства, колыми паче не подобаетъ намъ (инокамъ) особно богатство имѣти всѣмъ вкупѣ потребная имущемъ, сирѣчь покой весь изъ казны общаго монастыря взимающимъ». Отрицавъ право личной собственности для каждаго монаха, Даниилъ тѣмъ самымъ не хочетъ снимать съ него обязанности трудиться для пользы всего монастыря, котораго онъ состоитъ членомъ: «вси художницы рукодѣлательнии да потщатся, заповѣдуетъ онъ, отидиши ли казну монастыря.... отнюду же всяко довольство намъ исполняется».

Въ первой части посланія встрѣчается не мало обличеній. Здѣсь Даниилъ съ особенною силою вооружается противъ деморализаціи иноковъ Волоколамскаго монастыря. Въ своихъ обличеніяхъ онъ сравниваетъ прежнее состояніе монастыря, говоритъ о немъ съ увлеченіемъ, восхищается имъ, и наоборотъ, ужасается настоящими недостатками иноковъ, которые особенно заразились порокомъ сребролюбія.

Вторая часть посланія содержитъ въ себѣ священныя и каноническіе аргументы, которыми отвергается право собственности монаха. На первомъ планѣ стоятъ въ этомъ отношеніи нѣсколько выдержекъ изъ твореній св. Василия Великаго ¹, затѣмъ слѣдуетъ

¹ л. 275—277, 278—279. Одно свидѣтельство взято Данииломъ изъ сочиненія Василия В. *Ἀσκητικά Διατάξεις*, cap. XXXIV: *ὅτι οὐ χρὴ τὸν ἐν συστῆματι πολιτειομενον ἀσκητὴν ἰδίᾳ τι κοικῆσθαι τῶν ὀλίγων*. Migne, *Patrolog. curs. complet. ser. graec. tom. XXXI, S. Basilii. Caesariensis tom. III, pag. 1424—1425*. Твор. св. отцевъ том. IX. Творенія св. Васил. Великаго ч. V, 465—467. Другое свидѣтельство взято изъ другаго сочиненія св. Василия: *οἱ κατὰ πλάτους κατ' ἐρώτησιν καὶ ἀποκ-*

толкованіе Аммонія пресвитера на 1—2 ст. V главы книги Дѣяній Апостольскихъ ¹ и изреченія св. Григорія Богослова, св. Ефрема Сирина, св. Нила Синайскаго, святаго Іоанна Лѣствичника ² и наконецъ два свидѣтельства отъ старчества ³.

Изъ аргументовъ каноническаго характера въ посланіи находятся четыре каноническихъ правила. Одно взято «отъ книги Божественныхъ повелѣній Іустиніана различная заповѣди» ⁴, другое «отъ различныхъ тителъ, рекша грани Іустиніана царя новыхъ заповѣдей» ⁵; третіе есть ничто иное, какъ шестое правило перво-второго Константинопольскаго собора ⁶. Одинъ изъ приводимыхъ каноническихъ документовъ Даниилъ скрываетъ подъ неопределеннымъ названіемъ «отъ иныхъ» (т. е. книгъ) ⁷. Всѣ приведен-

ргов. Migne. Patrolog. curs. complet. ser. graec. tom. XXXI, pag. 1153. Твор. св. Василія Вел. ч. V, 265—266. Нѣкоторые изъ приводимыхъ здѣсь вопросовъ и отвѣтовъ Василія В. взяты Данииломъ изъ 4-го слова Никона Черногорца 1 пол. 28.

¹ л. 277. Подлинникъ приведеннаго здѣсь толкованія см. Migne, Patrolog curs. Complet. ser. graec. tom. LXXXV. Ammonii Alexandrini fragmenta in acta Apostolorum, pag. 1525—1526. Толкованіе Аммонія взято Данииломъ изъ 4-го слова Никона Черногорца. Половина I, 28.

² л. 279—280. Даниилъ представилъ здѣсь два свидѣтельства изъ слова Лѣствичника къ пастырю, см. Препод. отца нашего Іоанна, игумена Синайскаго, Лѣствича и слово къ пастырю М. 1851. 380—381, 397.

³ Одно свидѣтельство отъ старчества взято изъ 4-го слова Никона Черногорца, 1 пол. 28.

⁴ л. 280. Въ старопечатной Кормчей тотъ отдѣлъ законовъ, изъ котораго Даниилъ привелъ здѣсь правило, носитъ названіе «свитка новыхъ заповѣдей Іустиніана царя». Данииломъ приведено здѣсь 84-е правило изъ законовъ Іустиніана. См. старопечатная кормчая 1653 года, 332.

⁵ л. 280—281. об. Точно такое же названіе сего каноническаго источника находится и въ старопечатной Кормчей, изъ котораго Даниилъ сдѣлалъ заимствование для своей цѣли. Глава взята у Даниила впрочемъ не въ цѣломъ видѣ, а только важный для цѣли автора отрывокъ изъ нея. См. Кормчую изд. 1653 года, 359.

⁶ л. 277. Оно читается у Даниила буквально тождественно съ старопечатною Кормчею. См. Кормчую 1653 г. л. 219. Есть этотъ цитатъ и въ 4-мъ словѣ Никона Черногорца, 1 пол. 27.

⁷ 277. Этотъ цитатъ Даниила оказывается ни чѣмъ инымъ, какъ простымъ толкованіемъ шестаго правила перво-второго собора, который во всей полнотѣ своей взятъ Данииломъ изъ Кормчей. См. Кормчую 1653 г. л. 219—220. Но по современному подлиннику правилъ и ихъ толкованій приведенная цитата Даниила представляетъ изъ себя самый текстъ правила, см. Migne Patrolog. curs. complet. ser. graec. tom. CXXXVII, Theodori Balsamoni tom. 1. pag. 1032—1034.

ныя Данииломъ свидѣтельства вполне констатируютъ его положеніе о непозволительности иноку имѣть личную, отдѣльную отъ монастыря, собственность.

Содержаніе третьей части посланія состоитъ изъ обличеній корыстолюбія иноковъ, чванства нѣкоторыхъ изъ нихъ, когда изъ послѣднихъ находились такіе, которые гордились знатностію своего происхожденія и другими преимуществами. Факты превозношенія знатностію своего рода должны были быть постояннымъ явленіемъ въ Волоколамскомъ монастырѣ, потому что въ число его иноковъ поступали большею частью люди знатнаго происхожденія ¹.

Въ самостоятельныхъ (т. е. первой и третьей) частяхъ посланія встрѣчаются отдѣльныя мѣста, которыя написаны живо и не безъ увлеченія. Особенно это имѣетъ значеніе въ отношеніи тѣхъ случаевъ, когда авторъ сравниваетъ первое золотое время (при основателѣ монастыря) подвиговъ волоколамскихъ иноковъ, когда они всецѣло предали себя дѣлу Божію и твердо и свято хранили монастырскій уставъ.

Посланіе Даниила въ Волоколамскій монастырь цѣнно въ историческомъ отношеніи, потому что оно даетъ историкунѣкоторыя характерныя черты для знакомства со внутреннею жизнію этого монастыря, равно какъ и характеризуетъ собою все вообще монашество XVI в., когда нравственная деморализація его сдѣлалась общераспространеннымъ явленіемъ, когда въ такомъ благоустроенномъ и основанномъ на твердыхъ нравственныхъ началахъ монастырѣ, какъ Волоколамскій, и то пробиваются слѣды нравственного упадка и даже во время, непосредственно слѣдовавшее за смертію его основателя.

Посланіе митрополита Даниила въ Волоколамскій монастырь о безусловной иноческой нестяжательности вызвало противъ себя отвѣтное посланіе иноковъ Волоколамскаго монастыря ². Этотъ интересный для спеціалиста документъ проливаетъ свѣтъ на внут-

¹ Эта недостойная черта замѣчалась въ современныхъ монахахъ и другихъ монастырей, на что указываетъ слѣдующее правило «о черногорицѣхъ»: аще чернецъ хвалится при людехъ яко добра роду есть и родители имѣя отъ вельможъ да поклонится 50 днѣй. Горчаковъ. Къ исторіи вѣстимѣйныхъ номоканоновъ. С.-ПБ. 1874. Приложение VII, 98.

² Посланіе волоколамскихъ иноковъ, доселѣ совершенно не извѣстное, находится въ Рукон. Моск. Синод. библи., быв. Патриаршей № 791 в. 4 д. скоронисъ XVII в., л. 64—67., рукон. одна изъ неописанныхъ. Приложение къ изслѣдованію № XIX.

реніи бытъ волоколамскихъ монаховъ при игуменствѣ въ монастырѣ Данила.

Изъ посланія Данила было видно, что нѣкоторые изъ подчиненныхъ ему монаховъ, живя въ монастырѣ на всемъ готовомъ монастырскомъ содержаніи, любили прибрать къ рукамъ конѣйку, выпадавшую имъ въ вознагражденіе за тѣ или другіе предметы ихъ рукодѣлія. Между тѣмъ по уставу монастыря все это должно было быть обращено въ общее достояніе монастыря. На основаніи отвѣта инсковъ Данилу можно заключать, что послѣдній не ограничивался одними словами, и духовно-нравственными наставленіями, а употреблялъ болѣе дѣйствительныя административныя мѣры противъ сребролюбивыхъ иноковъ.

Въ своемъ отвѣтномъ посланіи Данилу, адресованномъ ими на имя нѣкаго старца Іоны¹, волоколамскіе иноки убѣдительно просятъ «смиловаться Бога ради надъ ними и «печаловаться» за нихъ игумену Данилу и братіи (разумѣется старшей), чтобы имъ позволено было въ качествѣ личной собственности имѣть святыя иконы и книги. «Мы, господине, старецъ Іона, такъ мотивируютъ свою просьбу иноки, ходимъ во всякихъ службахъ черныхъ и на клиросѣхъ стоимъ, помини, господине, кокова бѣда приходитъ челоукомъ не имущимъ божественнаго писанія». Монахи на наложенное на нихъ Даниломъ запрещеніе отвѣчали и защищались: «мы ниже злато собираемъ, но книги притягаваемъ себѣ духовныя....., которыя.... многу подавають ищущимъ ихъ пользу». Далѣе представляются историческіе примѣры, подтверждающіе право монаховъ имѣть собственность въ видѣ книгъ и иконъ. Таковы изреченія и примѣры изъ жизни св. Петра Дамаскина, Иларіона Великаго, Епифанія Кипрскаго, Аванасія Великаго, Василія Великаго, Іоанна Кушника, Кирилла Бѣлозерскаго, Пафнутія Боровскаго и Іосифа Волоцкаго. Общая мысль всѣхъ этихъ ссылокъ

¹Этотъ Іона вѣрнѣе всего есть Іона Голова, одинъ изъ сподвижниковъ препод. Іосифа и выдающихся членовъ волоколамской общины времени игуменства Данила. Объ Іонѣ Головѣ см. въ житіи Іосифа Волоцкаго, состав. Саввою Чернымъ, Великіи Минеи Четьи сентябрь, также житіе препод. Іосифа, состав. неизвѣстнымъ авторомъ. Читенія въ общ. любителей духов. Просв. 1863 г. II. Приложение. 123—125. За подписью Іоны Головы сохранилась въ актахъ волоколамскаго монастыря одна мѣшковая грамота отъ 7024 (1516) года мая мѣсяца. Рукон. волоколамскаго монаст. № 13/ста, л. 66—67.

и примѣровъ склоняется къ тому, что подвижники и иноки всѣхъ временъ, даже современнѣйшіе нестяжатели, и тѣ не только не лишались права, а напротивъ приобрѣтали книги и иконы «сребромъ и златомъ и бисерами усаженныя». Послѣднія выраженія отчасти выдають истинныя побужденія, которыя руководили составителями посланія. Отстаивая предъ игуменомъ право имѣть отдѣльную собственность, повидимому, съ исключительнымъ условіемъ обращать ее на приобрѣтеніе книгъ и иконъ, иноки рассчитывали подъ видомъ его получить легкую и въ нѣкоторомъ смыслѣ юридическую возможность имѣть при себѣ отдѣльную собственность въ неопредѣленныхъ размѣрахъ. Для того, чтобы придать еще болѣе благовидности своей просьбѣ, иноки заявляютъ, что они, приобрѣтая на свои личныя средства книги и иконы, пользуются послѣдними только временно, считая ихъ тѣмъ не менѣе вообще «за монастырскія».

Отвѣтное посланіе Данилу, написанное волоколамскими иноками, отличается вѣскостію своихъ доводовъ, которые сосредоточиваются на историческихъ указаніяхъ и при томъ такихъ авторитетныхъ, особенно для волоколамскихъ подвижниковъ, какъ примѣры Іосифа Волоцкаго, Пафнутія Боровскаго. Въ посланіи Данила, напротивъ, преобладающими являются доказательства церковно-каноническаго характера.

IV.

Седьмое посланіе Данила утверждаетъ общій принципъ общежительныхъ монастырей частную нестяжательность и трудъ на общую казну монастыря. Посланіе Данила во Владимірскій Волосовъ Николаевскій монастырь «о благочиніи и крѣпости монастырскаго устава» представляетъ нѣкоторыя болѣе частныя правила общежительныхъ монастырей.

Исторія происхожденія этого, по счету перваго, посланія Данила очень не сложна. Въ общежительномъ Владимірскомъ на «Волосовѣ» монастырѣ¹, который находился въ непосредственномъ управленіи митрополита и принадлежалъ къ числу его «домовыхъ монастырей», оказались значительныя отступленія отъ мо-

¹ Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ можно получить въ Исторіи Россійской Іерархіи Амвросія см. ч. II, Москва 1811, стр. 608—609.

настыркаго устава. Пресвитеры и діаконы этого монастыря, получая милостыню отъ благочестивыхъ христіанъ на монастырь, вмѣсто того обращали ее въ свою личную собственность. Было, конечно, не мало и другихъ менѣе выдающихся отступленій отъ монастырскаго устава. Это обстоятельство и побудило игумена монастыря Пафнутія и нѣкоторыхъ благоразумныхъ иноковъ обратиться съ письменною просьбой къ митрополиту о наученіи и указаніи средствъ для исправленія.

Въ содержаніи посланія не соблюдено строгаго единства предмета ¹. Посланіе можно разсматривать въ трехъ отдѣлахъ: въ первомъ отдѣлѣ предлагается рядъ дисциплинарныхъ правилъ для монаховъ, во второмъ рекомендуются мѣры, которыя должны быть принимаемы въ отношеніи неисправныхъ иноковъ, и наконецъ въ третьемъ отдѣлѣ начертывается, хотя далеко неполно, идеалъ игумена.

Первый отдѣлъ посланія находится въ непосредственной связи съ обстоятельствами его вызвавшими. Въ противовѣсъ присвоенію монахами общей милостыни митрополитъ совѣтуетъ собирать что ни есть приносимое отъ христіанцевъ въ монастырскую казну «безъ лукавства». Для большей надежности въ пріобрѣтеніи и сохраненіи монастырскихъ доходовъ Даниилъ рекомендуетъ собраніе ихъ и наблюденіе надъ ними поручать «старцемъ добрымъ, духовнымъ», которые должны все это дѣлать «не лукавно и безъ всякія хитрости». Здѣсь даже рекомендуются нѣкоторыя лица по имени для извѣстной должности: это старцы Вассіанъ Внуковъ, казначей Веніаминъ и старецъ Діонисій Долгождановъ. Подобныя перечисленія обнаруживаютъ близкое знакомство Даниила съ бытомъ Волокова монастыря. Выходъ за монастырь безъ игуменскаго благословенія для того, чтобы встрѣчать и провожать богомольцевъ и выпрашивать у нихъ милостыню, окончательно запрещается для монаховъ. Здѣсь предлагаются для нихъ и другія дисциплинарныя правила. Такъ поведеніе монаховъ въ церкви опредѣляется слѣдующими правилами благочинія. Отъ всѣхъ ихъ требуется, чтобы они въ церкви являлись къ началу всякаго богослуженія, въ церкви стояли бы каждый на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ и «благообразнѣ: соединяя свои нозѣ, и очи смѣжая, и весь умъ свой полагая въ глаголемыхъ, и пѣваемыхъ, и причитаемыхъ бо-

¹ Рукоп. Соед. библ. № 1281, л. 221—224. Рукоп. Соед. библ. № 1456 л. 1—4. Приложение № XII.

жественныхъ словесъ». Далѣе монахамъ запрещается: «шататься» по церкви, и переходить съ мѣста на мѣсто, смѣяться, разговаривать и шептать. Только въ случаѣ крайней необходимости игумену и служебникамъ дозволяется «за великую нужу» проговорить два или три слова, но и это непременно должно быть сдѣлано тихо и кратко съ великимъ вниманіемъ. Наконецъ иноки, вкушавъ въ церкви просфоры, кутью и канунъ дѣлать это непременно должны благочинно. По окончаніи богослуженія никакому иноку, кромѣ пономаря, не позволено оставаться въ церкви. Поведеніе монаховъ внѣ церковнаго богослуженія должно отличаться также какъ и въ церкви благочиніемъ и порядкомъ. Игуменъ самъ со священниками и монастырскими старцами долженъ приходить въ трапезу по окончаніи церковнаго богослуженія. За трапезою всѣ иноки должны сидѣть благоговѣнно, не смѣяться, не разговаривать, не занимать за столомъ чужаго мѣста, за послѣднюю (вторую) трапезу не ходить, кромѣ служебниковъ, и не оставаться въ ней послѣ обѣда. Ни одинъ инокъ не имѣетъ права вкушать пищу до общаго монастырскаго стола. Даниилъ предлагаетъ нѣсколько правилъ для опредѣленія поведенія монаха и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. По его требованіямъ ни одинъ монахъ безъ благословенія игумена не можетъ выйти за монастырь, исключая только такой надобности, какъ помыть бѣлье или почерпнуть воды. Послѣ повечерницы инокамъ запрещается переходить изъ кельи въ келью, а также стоять на монастырѣ, т.-е. оставаться на монастырской площади. Исключеніе дѣлается только въ отношеніи кельи игумена, куда монахъ можетъ являться «духовныхъ ради дѣлъ». Послѣ повечерницы инокамъ вмѣняется строго въ обязанность не разговаривать, а прямо идти въ свою келью въ глубокомъ молчаніи.

Кратко начертавъ правила для общежительствующей братіи, Даниилъ старается предупредить нарушеніе ихъ введеніемъ нѣкоторыхъ исправительныхъ мѣръ. Однѣ изъ рекомендуемыхъ имъ исправительныхъ мѣръ основываются на чувствѣ любви, а другія на чувствѣ страха и наказанія. Мѣры исправленія монашескихъ недостатковъ, основанныя на началѣ любви, сводятся къ слѣдующимъ дѣйствіямъ. Нарушитель того или другаго монашескаго правила за свой проступокъ получаетъ, соединенное со внушеніемъ и выговоромъ, приличное наставленіе отъ своего игумена наединѣ и «духовне». Въ случаѣ безуспѣшности перваго приѣма исправленія должно быть предпринято новое средство, которое состоитъ въ

усовѣщиваніи виновнаго предъ двумя или тремя и вообще предъ нѣсколькими свидѣтелями. Этими двумя средствами и исчерпываются всѣ мѣры исправленія, основанныя на любви. Строго говоря, эти же самыя мѣры указаны самимъ І. Христомъ. (Мѡ. XVIII. 17—18). Когда мѣры любви и кротости испробованы и оказались безуспѣшными, тогда, по взгляду Данила, для достиженія извѣстной цѣли необходимо обратиться къ болѣе строгимъ мѣрамъ вразумленія безчинныхъ иноковъ. Одна изъ рекомендуемыхъ Даниломъ мѣръ строгости состоитъ въ обличеніи виновнаго предъ всѣми и притомъ не простымъ обличеніемъ, но съ «яростію, даже и прочіи страхъ имуть». Въ чемъ должна выражаться по отношенію къ исправляемому ярость, это можно видѣть изъ дальнѣйшихъ разсужденій митрополита, когда онъ напредмѣръ совѣтуетъ неисправныхъ иноковъ «устрашати или ужасными и страшными глаголы Божественныхъ Писаній, или нѣкими повѣстями и притчами, или инако нѣкако возустити и устрашиги». Второе средство строгаго исправленія—неоднократное присужденіе инока къ сухоядѣнію, т.-е. къ хлѣбу и водѣ; третье—отлученіе отъ святаго причащенія, а самое послѣднее средство есть «отогнаніе» изъ монастыря. Послѣднюю карательную мѣру Данилъ мотивируетъ словами писанія и прибавляетъ: за неже лучши есть многихъ уцѣломудреніе единаго верженіе».

Въ третьемъ отдѣлѣ начертывается нравственный обликъ игумена.

Вся администрація общежительнаго монастыря лежитъ на игуменѣ, который во всѣхъ дѣлахъ долженъ служить и примѣромъ и образцомъ для всѣхъ прочихъ. Всѣ иноки должны руководствоваться примѣромъ своего настоятеля. Въ свою очередь и настоятель не долженъ распорядиться воплію произвольно всѣми дѣлами монастыря, а «о всякихъ дѣлѣхъ съ братіею совѣтуя и дѣлая все вкупѣ за едино» съ нею. Особеннымъ уваженіемъ иноковъ должны пользоваться тѣ изъ старцевъ монастыря, которые избраны и указаны будутъ игуменомъ и старѣйшей братіей. Въ сферу дѣятельности монастырской администраціи Данилъ вноситъ общее руководительное начало, именно, чтобы она строго слѣдила затѣмъ, чтобы всѣ живущіе въ монастырѣ получали въ немъ покой и всѣ средства къ жизни—«безхитростно» т.-е. равномѣрно, а нисколько не руководствуясь пристрастіемъ, расположеніемъ или на оборотъ нерасположеніемъ къ тому или другому иноку. Самымъ первымъ нравственнымъ каче-

ствомъ настоятеля признается праведность, которая, по опредѣленію Данила, состоитъ въ томъ, чтобы настоятель всегда былъ въ состояніи врачевать «здравѣмъ ученіемъ, и лукавующихъ обличати, и уклонятися отъ всякаго неправеднаго гѣва, такоже и отъ суда неправеднаго». Какъ начальнику и руководителю извѣстнаго круга людей, настоятелю «подобаетъ быти милостиву и страшну, смирену же и высокоу». Такая двойственность въ нравственной дѣятельности настоятеля обусловливается неодинаковымъ характеромъ людей, изъ которыхъ одни бываютъ «блazi», между тѣмъ какъ другіе—«строптивы и грѣхлюбезни». Соответственно этому и настоятель долженъ быть въ своихъ проявленіяхъ милостивымъ и въ то же время страшнымъ,—милостивымъ въ отношеніи добрыхъ людей «яко да милость его утверждаетъ благія, страшнымъ для людей недостойныхъ, страхъ котораго возражаетъ злыя». Свой взглядъ на такой характеръ дѣятельности настоятеля Данилъ констатируетъ ссылкой на слова свят. І. Лѣтвичника¹. Дальнѣйшее изображеніе нравственной личности настоятеля дѣлается по отношенію исключительно къ положенію его какъ пастыря, духовнаго отца и преимущественно нравственнаго учителя своихъ дѣтей, о спасеніи и благѣ которыхъ онъ долженъ заботиться и посвящать на это всѣ свои силы и способности.

Нравственный идеалъ, какой начертываетъ Данилъ для настоятеля, не можетъ похвалиться своею особенною высотой, а также яркостью нравственныхъ чертъ, въ немъ заключающихся. Онъ слишкомъ общъ и съ этой стороны въ немъ мало данныхъ для того, чтобы онъ могъ быть живо воспринятъ и приложенъ къ дѣятельности.

Въ концѣ перваго посланія находятся обличенія нѣкоторыхъ монаховъ за гордость и превозношеніе своими долголѣтними подвигами, иноческою опытностію, знатностію происхожденія, краснорѣчіемъ и др.

Первое посланіе имѣетъ двѣ редакціи—краткую и обширную. Анализъ посланія сдѣланъ по краткой редакціи, какъ сравнительно болѣе извѣстной. Разность между редакціями, которая во всѣхъ

¹ л. 224. Срав. препод. отца нашего Іоанна игумена Синайскаго, Лѣтвица и слово къ пастырю. М. 1851. 383. Цитата взята изъ слова Лѣтвичника къ пастырю.

подробностяхъ видна въ приложеніи, дать иной тонъ настоящему посланію Данила. Краткая редакція посланія характеризуетъ Данила болѣе строгимъ, требовательнымъ настыремъ, тѣмъ какимъ онъ является въ обширной редакціи посланія. Очевидно, сокращеніе сдѣлано тенденціозное, съ извѣстной заранѣ постановленной идеей. Разность между редакціями посланія состоитъ въ пропускѣ тѣхъ, находящихся въ обширной редакціи мѣстъ, въ которыхъ Данилъ распространяется о любви, какъ руководителемъ началъ исправленія нравственно слабыхъ монаховъ.

V.

Для полноты взгляда митрополита Данила на монашество недостасть теперь только нравственнаго идеала истиннаго инока. До нѣкоторой степени этотъ пробѣлъ восполняетъ двѣнадцатое посланіе Данила «о цѣломудреннѣмъ и благоговѣйнѣмъ житіи»¹.

Двѣнадцатое посланіе очень кратко. По нѣкоторымъ выраженіямъ его можно судить, что оно написано къ человеку, который пришелъ къ твердому намѣренію поступить въ число иноковъ. «Желая духовный законъ благочестно о Христѣ воспріяти» (какъ въ то время часто обозначалось монашество), этотъ человекъ обратился къ митрополиту Данилу съ просьбою научить его благоговѣйному житію и дать ему благочестивые совѣты для открывающейся передъ нимъ новой, исполненной трудностей, жизни—иночества. Данилъ дѣйствительно въ отвѣтъ ему пишетъ посланіе, въ которомъ и рисуетъ ему образецъ достойнаго инока.

Въ самомъ началѣ посланія кратко проводится та извѣстная мысль, что нравственная дѣятельность человека состоитъ не въ исполненіи только внѣшнихъ требованій нравственнаго закона, но что каждое нравственное его дѣйствіе должно всегда соединяться со внутреннимъ сердечнымъ участіемъ и расположеніемъ человека.

Въ самомъ посланіи перечисляются разные христіанскія добродѣтели, какъ-то: благоговѣніе, постъ, и рисуется внѣшній видъ благочестиваго человека, который характеризуется внѣшними качествами: блѣдностію лица, сухостію тѣла, всегда опущеннымъ и

¹ Рукопись Сое. библ. № 1281 л. 296—297, Рукоп. Сое. библ. № 1456 л. 60—61. Приложение № XV.

тихимъ взоромъ, смиренной кроткой походкой, скромной одеждой и т. п. ' Самыя достойныя занятія христіанина, особенно готовящагося къ иночеству, это—всегда душеполезная бесѣда, занятіе чтеніемъ Божественныхъ Писаній, частой молитвой и руководѣемъ.

Болѣе всего въ двѣнадцатомъ посланіи Даниилъ останавливается на ученіи о цѣломудріи, какъ самомъ первомъ украшеніи инока. Первымъ и самымъ дѣйствительнымъ противоѣдѣствіемъ физической нечистотѣ и ступенью къ добродѣтели цѣломудрія является отсѣченіе самыхъ начатковъ скверныхъ помысловъ, удаление мыслей отъ всего нечистаго. Въ такомъ случаѣ зло прекратится въ самомъ началѣ и самомъ корнѣ. Болѣе виѣшнимъ средствомъ, способствующимъ къ сохраненію чистоты служить, удаление отъ женскаго общества.

Въ концѣ посланія находится обыкновенное благожеланіе архимастыря своему духовному сыну.

Нравственный характеръ инока, какой начертанъ Данииломъ въ двѣнадцатомъ посланіи, такъ же какъ и ранѣе идеалъ игумена, отличается бѣдностью очертаній, общностью красокъ и преобладаніемъ виѣшнихъ предписаній.

VI.

Къ разсматриваемой категоріи посланій должно отнести и посланіе м. Данила къ Діонисію Звенигородскому. Происхожденіе его связано съ однимъ историческимъ эпизодомъ изъ жизни нѣкоторыхъ волокаламскихъ иноковъ.

Лицо, къ которому обращено посланіе Данила, былъ инокъ Волокаламскаго монастыря Діонисій, князь Звенигородскій. Въ мірѣ онъ носилъ названіе князя Данила, по прозванію Луны, ¹ которое впрочемъ сохранилось за нимъ и по принятіи имъ монашества. ² Діонисій происходилъ изъ рода литовскаго выходца (въ 1408 году)

¹ Подобныя наставленія встрѣчаются и въ Домостроѣ. Домострой, М. 1849. 525.

² Временникъ Императорск. Москов. Общ. Исторіи и Древн. Россійск. книга 10. Родословная книга, 156. 243.

³ Въ Рукописи. Сборникъ Московск. Епарх. библиотеки при Высокопетровскомъ монастырѣ изъ собранія Волокаламскаго монаст. № 404/410 XVI в., когда то принадлежавшемъ Діонисію, на послѣднемъ листѣ сохранилась надпись: «Сборникъ Діонисія Луны Звенигородскаго».

Александра, князя Звенигородскаго. Онъ принялъ постриженіе отъ Іосифа Волоцкаго и подвизался въ его монастырѣ. Неизвѣстный біографъ Іосифа съ большою похвалою относится къ подвижническимъ трудамъ князя—инока Діонисія Звенигородскаго. По его словамъ, Діонисій, не смотря на свое знатное происхожденіе, поставленъ былъ служить въ монастырской пекарнѣ и здѣсь отличался такимъ трудолюбіемъ, что всегда работалъ за двухъ и, не смотря на это, успѣвалъ пропѣвать каждый день семьдесятъ семь псалмовъ и класть по три тысячи поклоновъ.¹ Подвизаясь въ Волоколамскомъ монастырѣ, Діонисій и познакомился съ Данииломъ, тогда еще простымъ инокомъ. Отношенія послѣдующаго времени этихъ двухъ лицъ позволяютъ допустить, что именно въ это время они близко сошлись между собою и между ними установилась тѣсная дружба.² Но строй монастырской жизни въ Волоколамскомъ монастырѣ оказался не вполне соответствующимъ нравственному настроенію Діонисія. Любя уединеніе, онъ, съ благословенія игумена Іосифа, отправился на Бѣлоозеро къ прен. Нилу Сорскому, «который тамъ сіяше тогда яко свѣтило». Вмѣстѣ съ Діонисіемъ отправился въ пустыни Бѣлозерскія и другой инокъ Волоколамскаго монастыря Нилъ Полевъ, родомъ изъ князей Волоцкихъ.³

Явившись на Бѣлоозеро, Діонисій и Нилъ основали свои пустыньки вблизи Кириллова монастыря. Какъ воспитанники совершенно другой школы, они здѣсь не могли особенно скоро ассимилироваться съ постриженниками кирилловскими, духъ и понятія которыхъ далеко отличались отъ взглядовъ и воззрѣній ихъ случайныхъ сосѣдей—волоколамскихъ иноковъ. Нѣкоторые изъ кирилловскихъ иноковъ косо взглянули на пришельцевъ и даже всту-

¹ Житіе преподобнаго Іосифа Волоцкаго, составленное неизвѣстнымъ, изд. Новоструевымъ. Чтенія въ Обществѣ Люб. дух. просвѣщенія за 1863 годъ. Приложение. Отрывки изъ него напечатаны въ прибавленіяхъ къ Творен. св. Отецъ въ русскомъ переводѣ,—Часть X, 522—524., въ статьѣ: «Отношенія иноковъ Іосифова—Волоколамскаго и Бѣлозерскаго монастырей».

² Изъ описи книгъ Іосифова монастыря видно, что Діонисію Звенигородскому принадлежали нѣкоторые книги, писанныя самимъ митропол. Данииломъ, или ему когда-то принадлежавшія. Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. 1847 г. № 7 стр. 8.

³ Житіе Іосифа Волоцкаго, написанное неизвѣстнымъ, издано Новоструевымъ 127.

нили съ ними въ полемику. То было время, когда еще всѣ были заняты споромъ преп. Іосифа съ архіеп. новгородскимъ Серапіономъ по причинѣ перехода его изъ епархіи новгородской въ вѣдѣніе московскаго митрополита и подѣ покровительство в. князя. Одинъ изъ нихъ, ибѣкто старецъ Германъ, въ глаза называлъ Діонисія Звенигородскаго и вообще всѣхъ постриженниковъ Іосифовыхъ отлученными отъ причащенія Святыхъ Таинъ, основываясь на отлученіи, наложенномъ на нихъ Серапіономъ, архіеп. новгородскимъ. Слова Германа слишкомъ сильно задѣли чувства волоколамскихъ пришеельцевъ и одинъ изъ нихъ, Нилъ Полевъ, вступилъ въ письменную борьбу съ Германомъ, написавъ ему въ оправданіе свое и всей своей братіи два посланія.¹

Діонисій и Нилъ, сталкиваясь съ Бѣлозерскими монахами и всматриваясь ближе въ ихъ жизнь, въ свою очередь подмѣчали въ послѣдней такіа явленія, съ которыми они никакъ не могли помириться. Такъ Діонисій одинъ разъ явился въ келью къ одному пустыннику и, къ своему удивленію, увидѣлъ у него крестъ лежащимъ подѣ его постелью. Это было на глазахъ одного сельскаго священника. При посѣщеніи другаго пустынника Діонисію пришлось натолкнуться на явленіе еще болѣе странное. При вхождѣ Діонисія въ келью пустынника, послѣдній, до того времени державшій въ рукѣ какую-то книгу, едва только увидѣлъ Діонисія, бросилъ книгу въ топившуюся печь и книга сгорѣла. Это видѣлъ и сидѣвшій съ пустынникомъ священникъ. Достаточно было этихъ двухъ фактовъ для того, чтобы Діонисій и Нилъ вполне убѣдились въ существованіи *такой великой ереси* среди бѣлозерскихъ старцевъ. Діонисій считъ своимъ нравственнымъ долгомъ сообщить о своемъ открытіи Іосифу Волоцкому, который и уведомленъ былъ Діонисіемъ присланною имъ со старцемъ Серапіономъ грамотою. Допосъ Діонисія имѣлъ трагическое вліяніе на дальнѣйшую судьбу волоколамскихъ иноковъ, поселившихся на Бѣло-озерѣ. Іосифъ немедленно въ свою очередь далъ знать о существованіи ереси своему брату, ростовскому архіепископу Вассіану, какъ епархіальному архіерею бѣлозерскихъ монастырей.

¹ Рукопись Моск. дух. Акад. № 331/III, л. 128—149. Выдержки изъ нихъ сдѣланы въ статьѣ: «Отношенія иноковъ Волоколамскаго и Бѣлозерскаго монастырей.» Прибавл. къ Творен. св. Отцевъ, часть X, 524—526. Два посланія Нила Полева изданы мною въ журн. Министерства Нар. Просв. 1881 г. июль.

Вассіанъ ¹ (1506-1515), находившійся въ то время въ Москвѣ, съ своей стороны не замедлилъ доложить объ ереси великому князю и вручилъ ему присланную съ Бѣло-озера грамоту. Великій князь показалъ полученную съ Бѣло-озера грамоту Вассіану Косому и сдѣлалъ ему и особенно его пустынноикамъ строгій выговоръ за ихъ странное и оскорбительное для религіознаго чувства поведеніе. Вассіанъ, оправдывая пустынноиковъ, отвергъ достовѣрность сообщаемого въ грамотѣ, прибавивъ, что все это есть ни болѣе ни менѣ какъ ложь и клевета, и попросилъ сдѣлать справки у присланнаго съ грамотой священника. Тотъ подтвердилъ достовѣрность грамоты. Вассіанъ не удовольствовался этимъ и попросилъ подвергнуть священника пыткамъ. Во время пытокъ несчастному священнику сломали ногу и онъ наконецъ умеръ отъ пытокъ, но все-таки не измѣнилъ истинѣ. Смерть священника сильно подѣйствовала на великаго князя, который считалъ себя виновникомъ ея. Гнѣвъ князя обрушился на Діонисія и Нила Полева. Онъ увидѣлъ въ ихъ доносѣ ни болѣе ни менѣ какъ проявленіе давней вражды между ними—Юсифлянами и Вассіаномъ Косымъ. Поэтому—то онъ и рѣшился наказать не Вассіана Косого, предложившаго пытку, а именно доносчиковъ, какъ первыхъ зачинщиковъ ссоры, а слѣдовательно, по его мнѣнію, и какъ первыхъ подавшихъ поводъ, вызвавшій его на грѣхъ. Послѣдствіемъ великокняжескаго гнѣва было то, что пустыньки Нила и Діонисія были разрушены—*сожжены*, а старцы переведены были въ Кирилловъ монастырь подъ начало, въ опалѣ.

Положеніе ихъ въ Кирилловѣ монастырѣ было во всѣхъ отношеніяхъ тяжелое. Сознаніе, что они находятся въ опалѣ, весьма много убивало Діонисія и Нила. Съ другой стороны и кирилловскіе монахи видѣли въ отданныхъ имъ подъ начало старцахъ своихъ враговъ и доносчиковъ и потому уже самому не могли не только сколько нибудь симпатизировать имъ, но и относиться къ нимъ болѣе или менѣе безпристрастно. Разность во взглядахъ дополняла и еще усиливала взаимное нерасположеніе. Незвѣстный современникъ пишетъ, что старцы Діонисій, князь Звениго-

¹ Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей въ русской Церквѣ.

родскій, и Нилъ Полевъ, живя подѣ опалою въ Кирилловъ монастырь, «въ величїи нужи многи скорби претерпѣша»¹.

Но нужно думать, что опала, постигшая Нила и Діонисія, продолжалась недолго. Въ письмѣ «о нелюбкахъ», гдѣ разсказывается исторія этихъ волоколамскихъ иноковъ, послѣ сообщенія объ ихъ опалѣ прибавляется, что «въ малѣ времени князь великій повелѣлъ имъ ѣхать въ Іосифовъ монастырь». Время возвращенія Нила Полева и Діонисія Звенигородскаго въ монастырь преп. Іосифа съ точностію неизвѣстно, но на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ соображеній съ большею вѣроятностію возвращеніе ихъ нужно относить приблизительно къ 1511—1512 гг., но никакъ не позже этого времени².

Нилъ и Діонисій возвратились въ Волоколамскій монастырь еще при жизни преп. Іосифа. Время смерти Нила неизвѣстно. О Діонисіѣ извѣстно, что онъ все остальное время своей жизни провелъ въ Волоколамскомъ монастырѣ, гдѣ и умеръ. Онъ славился

¹ Письмо о нелюбкахъ. Прибавл. къ творен. св. отецъ, част. X, 507.

² Архимандритъ Леонидъ въ своей статьѣ «Село Полево и его владѣльцы» утверждаетъ, что Нилъ Полевъ возвратился въ Іосифовъ монастырь въ 1514 году, а относительно Діонисія Звенигородскаго здѣсь говорится, что онъ жилъ въ опалѣ въ Кирилловѣ монастырѣ до 1519 г. Въ сожалѣнію, въ статьѣ нѣтъ указаній на фактическія данныя, на основаніи которыхъ авторъ дѣлаетъ свои познанія. (Чтенія въ общ. истор. и древностей 1872 г. кн. IV, 12—14). Въ отношеніи Нила Полева о. Леонидъ близокъ къ истинѣ. Дѣйствительно въ библиотекѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря находится не мало рукописей съ надписью, что онѣ пожертвованы были въ монастырь Ниломъ Полевымъ или въ 7022 (1514) году, (Рукоп. Москов. Дух. Академія № 20 акад., № 39 Волоколам.) или въ 7021 (1513) году, (Рукописи Епарх. Библиот. № 24/44) и даже раньше въ 7020 (1512 г.) (Рукоп. Волоколамск. монастыря, хранящаяся въ монаст. ризницѣ. № 8/44.) Естественное всего, что Нилъ сдѣлалъ свои пожертвованія въ то время, когда онъ уже возвратился изъ Бѣлоозера и даже привезъ съ собою творенія Нила Сорскаго и рукописи его собственнаго письма, (Рукоп. Епархіал. библиот. въ Москвѣ, при Высоко-Петровск. монастырѣ № 24/44. На 1-мъ листѣ надписи: «Нила пустыльника бѣлозерскаго». Въ одной изъ рукописей, находящейся и по настоящее время въ Волоколамскомъ монастырѣ, есть пометка такого рода: «въ сей книгѣ дождѣ переписи старца Нила отшельника въ русскія пустыни, иже на Бѣлоозерѣ». Рукоп. № 16/43, л. 233. Въ началѣ сей рукописи сохранилась надпись, что она пожертвована въ монастырь Ниломъ Полевымъ въ 7022-мъ (1514) году). Изъ письма о нелюбкахъ можно заключать, что возвращеніе Нила и Діонисія было одновременно, когда въ немъ говорится, что князь великій повелѣлъ имъ ѣхать въ Іосифовъ монастырь.

какъ замѣчательный живописецъ, онъ написалъ много иконъ для церквей и придѣловъ своего монастыря и имѣлъ по своему искусству особую школу своихъ учениковъ ¹.

При игуменствѣ въ Волоколамскомъ монастырѣ Данила Діонисій жилъ спокойно, пользуясь, можетъ быть, вниманіемъ самого игумена. Но при преемникахъ Данила по игуменству положеніе Діонисія измѣнилось къ худшему. Двухмѣсячное игуменство Германа Ленкова прошло безслѣдно для Діонисія. Но преемникъ Ленкова, Нифонтъ Кормилицинъ, по неизвѣстнымъ историческимъ обстоятельствамъ, поставилъ себя въ натянутыя отношенія къ Діонисію Звенигородскому. Пользуясь выгодами своего положенія, какъ главный начальникъ монастыря, Нифонтъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ средства къ тому, чтобы дать чувствовать свою силу и такому старѣйшему члену волоколамской общины, каковыя были несомнѣнно Діонисій. Отношенія игумена Нифонта къ Діонисію были, по всей вѣроятности, на столько тяжелы, что побудили послѣдняго принять мѣры къ обезпеченію себя отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій игумена. Однимъ изъ средствъ къ самозащитѣ послужила для Діонисія письменная жалоба, поданная имъ на игумена митрополиту Данилу. Жалоба Діонисія и вызвала собою извѣстное посланіе м. Данила къ Діонисію Звенигородскому.

Митрополитъ Данилъ, получивъ отъ Діонисія посланіе, отвѣтилъ ему своимъ посланіемъ, написаннымъ имъ въ октябрѣ 1528-го года ².

«Писалъ еси ко мнѣ, такъ начинаетъ Данилъ свое посланіе къ Діонисію, въ посланіи твоемъ, яко многа гоненія и скорби, и чашасти и бѣды приидоша на тя, и чтобы мнѣ къ тебѣ отписать,

¹ Въ описи первоначнаго имущества Волоколамск. монастыря, составленной въ 1545 г., значится много иконъ письма Діонисія Звенигородскаго и его учениковъ. Рукон. Волокол. монаст. хранящаяся въ монаст. ризницѣ, № 21/1111. Діонисію принималъ участіе и въ экономическихъ дѣлахъ монастыря. Въ актахъ Волоколамск. мон. существуетъ одна купчая грамота времени игуменства Нифонта, заключенная при участіи Діонисія. Руконисъ Волокол. мон. № 21/1111 л. 27—29, отъ 7043 (1535) года.

² Рукон. Импер. Публ. библ. изъ собран. граф. Толст. Отд. II, № 341 л. 251—256, напечат. въ актахъ истор. т. I. № 293; 534—537. Издатель Актовъ историческихъ не извѣстно почему отнеслъ это посланіе къ Діонисію, старцу Звенигородскаго Сторожевскаго монастыря.

како пребывати тебѣ». Свое отвѣтное посланіе Даниилъ посвящаетъ ученію о необходимости и благотворности перенесенія находящихся на человѣка бѣдствій и скорбей.

Въ самомъ началѣ посланія митрополитъ высказываетъ свой взглядъ на положеніе Діонисія. Выходя изъ общаго понятія о монашествѣ, принимая которое каждый тѣмъ самымъ обѣщается «терпѣти всяку скорбь и тѣсноту иноческаго житія и нести многія напасти и бѣды», Даниилъ считаетъ положеніе Діонисія обыкновеннымъ въ жизни каждаго и объявляетъ его нормальнымъ и только въ утѣшеніе его распространяется о благотворности перенесенія скорбей, которыя сопровождаются всегда великою нравственною пользою для человѣка. Страданіями человѣкъ «очищается отъ всякаго грѣха и къ Богу приближается и освящается». Благотворное дѣйствіе выносимыхъ человѣкомъ скорбей и бѣдствій распространяется одинаково на всѣхъ—на иноковъ и мірянъ, грѣшниковъ и праведниковъ. Страдающій грѣшникъ получаетъ облегченіе и ему отсѣкается бремя грѣховъ; страданія праведника солѣдуютъ его душу свѣтлѣйшею и еще приуготовляютъ ему большую славу на небѣ. Впрочемъ, скорби, страданія и бѣдствія тогда только сопровождаются нравственною пользою для человѣка, когда послѣдній переноситъ ихъ «благодарственѣ». Многочисленные примѣры такого истинно христіанскаго перенесенія скорбей представляютъ изъ себя люди древности. «Вспомнѣи древнихъ мужей, говоритъ Даниилъ, како терпяху добре, како вся съ радостію претерпѣваху сладцѣ—нечальная и скорбяная и напасти и бѣды всякія? Аще хочещи пророки, аще хочещи апостолы, аще хочещи мученики, не точію мужи, но и жены много терпѣнія стяжаша, аще хочещи преподобныя отцы, иже въ общихъ житіяхъ, аще хочещи, отшельники и пустынники, яко многоразличныя скорби, и бѣды и напасти пострадаша, и *зonenія отъ обители въ обитель и отъ мѣста на мѣсто*¹, и иная многая олюбленія, множицею яко и *та самия пребывавиши и каѣши, въ нихъ же пребывашу, немилостиво отъю предидиши*². Апостолы, отцы и учителя Церкви особенно убѣждаютъ насъ переносить скорби и носить тяготы другъ друга и поганять въ себѣ *пламень яростный* (гнѣвъ), а не возжигать его.

¹ Намекъ на перенесеніе Діонисія и Илии изъ ихъ пустыней въ Кирилловъ монастырь.

² Намекъ на сожженіе ихъ пустыней.

Въ послѣднихъ выраженіяхъ можно видѣть указаніе на запальчивость тона, въ какомъ было написано посланіе Діонисія, и на горячность, съ какою онъ относился въ немъ къ своимъ притѣснителямъ. Какъ разъ въ противовѣсъ горячности Діонисія, Даниилъ рекомендуетъ ему развивать въ себѣ добродѣтель смиренія, которая пламень яростный угащаетъ и множество грѣховъ разрушаетъ. Вообще кротость, смиреніе и терпѣніе составляютъ величайшую добродѣтель. Прибѣгомъ безропотнаго перенесенія страданій служить евангельскій Лазарь, который, не смотря на всю отчаянность своего положенія, тѣмъ не менѣе никогда не ропталъ на свою судьбу и не завидовалъ прекрасной участи богача. Высокое нравственное значеніе перенесенія скорбей подтверждается Данииломъ ссылками на изреченія разныхъ отцовъ, между прочимъ св. Марка ¹. По способности къ перенесенію скорбей митрополитъ дѣлитъ всѣхъ людей на четыре класса. Самые высоконравственные люди или совершенные, тѣ всѣ посылаемые на нихъ скорби съ радостію пріемлютъ. Менѣе совершенные въ нравственномъ отношеніи, или «посредніе», терпятъ скорби иногда съ радостію, а иногда и падаютъ духомъ подъ ихъ несокрушимымъ дѣйствіемъ, съ печалію переносятъ ихъ, но тѣмъ не менѣе все-таки благодарятъ Бога за нихъ и причиною всѣхъ своихъ несчастій признаютъ всегда только самихъ себя. Третьи, слабые по своимъ нравственнымъ силамъ люди, всегда съ печалію и съ душевною горестію терпятъ скорби, но все-таки за нихъ благодарятъ Бога и себя считаютъ причиною своихъ бѣдствій. Не смотря на сравнительно низшую степень своего духовнаго развитія, и эти люди получаютъ отъ Бога милость. И только четвертый классъ людей за переносимыя скорби не только не получаетъ никакой нравственной пользы, но даже заслуживаетъ порицанія. Этого класса люди, къ числу которыхъ долженъ быть отнесенъ и Діонисій, располагаютъ свою жизнь такимъ образомъ: «еже въ скорбѣхъ къ Богу неблагодарственное имѣти, и вины наложити на челоуки, и съ ними гнѣзъити и которатися послѣднѣю безуміа естъ, увы мнѣ, и въ покаяніе о семъ не приходящу!» Въ послѣднихъ словахъ слышится строгій укоръ по-

¹ Рукоп. Импер. Публ. библ. изъ собран. граф. Толст. отд. II. № 341 л. 252—253. Свидѣтельство вполне подлинное. Оно взято изъ второго слова Марка подвижника «о тѣхъ, которые думаютъ оправдаться дѣлами». См. Препод. и Богослужаго отца нашего Марка подвижн. нравств. подвижнич. слова въ русскомъ переводѣ. Москва 1858 г. 57; а также Добротолюбіе. Часть I, гл. 32.

веденію Діонисія и его столкновеніямъ съ игуменомъ и, можетъ быть, съ нѣкоторыми членами Волоколамской братіи. Онъ характеризуетъ Діонисія какъ человѣка придиричиваго, вздорнаго, не умѣющаго жить въ ладу съ другими. Даніилъ самому Діонисію предлагаетъ устроить свою судьбу и укрѣпить миръ съ окружающими его людьми. «И аще, говоритъ онъ, себе смиримъ, въ покои будемъ и вси насъ почтѣмъ и возлюбѣмъ и прежде всѣхъ Богъ насъ возлюбитъ и прославитъ; аще ли же не смиримъ себя сами, не престанутъ насъ смиряя и никогда же будемъ безъ смущенія и соблазна».

Въ разсматриваемомъ посланіи находится особая группа святоотеческихъ свидѣтельствъ, состоящая изъ выдержекъ изъ сочиненій: Исихія Іерусалимскаго ¹, св. Максима, Іоанна Лѣствичника ² и Сумеона Новаго Богослова ³. Общая мысль всѣхъ свидѣтельствъ одна и та же это ученіе о совершенномъ, безусловномъ подчиненіи инока своему настоятелю и о неосужденіи его ни въ какихъ грѣхахъ, хотя бы онъ былъ на самомъ дѣлѣ самымъ отчаяннымъ грѣшникомъ. Свидѣтельства сопровождаются наставленіями, что вовсе не слѣдуетъ осуждать и заирать другихъ и роптать на нихъ, а каждый прежде и болѣе всего долженъ свою жизнь исправлять и оплакивать свои собственные грѣхи. Представленные здѣсь аргументы важны въ томъ отношеніи, что они проливаютъ собою свѣтъ на характеръ содержанія посланія Діонисія къ митрополиту Даніилу. Отсюда можно приблизительно догадываться, что Діонисій въ яркихъ чертахъ и со всѣми подробностями заинтересованнаго человѣка изобразилъ свои невзгоды и особенно не щадилъ здѣсь личности своего настоятеля.

Въ концѣ посланія Даніилъ снова совѣтуетъ Діонисію обратиться къ добродѣтели смиренія, помимо которой невозможно никакое нрав-

¹ Рукоп. № 341 л. 257 Цитата взята изъ сочиненія Исихія пресвитера Іерусалимскаго: De temperantia et virtute. Centuria I. См. Migne, Patrolog. Græc. Compl. ser. græc. tom. XCIII, pag. 1489—1492, § 31. Славянскій переводъ См. Добротолюбіе, ч. II, л. 4—5.

² Рук. № 341 л. 254—255. Здѣсь представлены два цитата, которые взяты изъ 4 слова І. Лѣствичника о блаженномъ и приснопамятномъ послушаніи. Преп. Отца нашего І. Лѣствичника, игумена Синайскаго Лѣстваца, М. 1851 г. 34. 81.

³ Рукоп. № 341, л. 255. Приведенное здѣсь свидѣтельство Сумеона взято Даніиломъ изъ его перваго слова. См. преп. отца нашего Сумеона, Новаго Богослова, словеса зѣло полезная. Изд. Оптиной Козельской пустыни. М. 1852; 16.

ственное исправленіе. Но если тѣмъ не менѣе искреннее смиреніе Діонисія не подѣйствуетъ на его недоброжелателей, то его не должно и тогда покидать смиреніе. «Аще ли и тако смиреніемъ они не укротѣются, *но паче въ ярость приходятъ*, помолимся о нихъ въ тайнѣ Господу Богу и Пречистой Богородицы изъяти ихъ отъ сѣти лукаваго; аще же и се не возможемъ, потщимся свою душу вѣчнаго осужденія избавити и себе хранити и кутати крѣпцѣ съ тихостію, и смиреніемъ и кротостію, во мнозѣ терпѣніи». «Терпи убо любу мудренно находящія скорби о Господѣ и все облегчить ти», — такъ заканчиваетъ Даниилъ свое посланіе къ Діонисію Звенигородскому.

Посланіе м. Даниила къ Діонисію Звенигородскому, если взять во вниманіе историческія условія, при которыхъ оно было писано, вѣсть холодомъ. Въ словахъ посланія слышится голосъ монаха-аскета, для котораго человѣческая жизнь есть не что иное, какъ рядъ страданій, какъ перемежающіяся бѣдствія и несчастія. Самыя утѣшенія пастыря состоятъ въ убѣжденіяхъ, что несчастія составляютъ въ большей или меньшей степени удѣлъ всѣхъ людей, а для инока они служатъ даже прямымъ долгомъ. Чувство друга въ посланіи пробивается слабо. Оно подавляется чувствомъ пастырскаго долга, не щадящаго иногда и самаго искренняго человѣка. Можетъ быть, Даниилъ путемъ административныхъ средствъ и помогъ своему другу въ его затруднительномъ положеніи.

Посланіе Даниила къ Діонисію Звенигородскому по своей богословской аргументаціи сходно съ пятымъ его посланіемъ ¹.

Діонисій Звенигородскій умеръ осенью 1538 года въ Волоколамскомъ монастырѣ ², завѣщавъ ему всю свою библіотеку ³. Онъ

¹ Сравни. Рукоп. Императ. публ. библіот. изъ собран. граф. Толст. отдѣл. II. № 341, л. 254 и рукоп. соѣщск. библ. № 1281, л. 241. Здѣсь повторено свидѣтельство Никиты Іерусалимскаго; Рукоп. Импер. публ. библ. № 341 л. 254, Ср. рукоп. Соѣщск. № 1281, л. 243. Здѣсь повторены свидѣтельства св. Еврема Сирина и Никиты Стѣпана.

² Въ сборникѣ, принадлежавшемъ ученику Діонисія, Ануфрию Псакову, сохранилась замѣтка, писанная вѣроятно его собственною рукою: преставился старецъ Діонисій Звенигородскій глѣта 7047 (1538) на память прен. отца Спиридона», которая празднуется церковію 31 Октября и 12 Декабря. Рукоп. москов. дух. акадѣміи, № 128/131, л. 298.

³ До настоящаго времени сохранилось нѣсколько рукописей, принадлежав-

отличался строгою подвижническою жизнію и имѣлъ своиѣ учениковъ¹.

Сподвижникъ Діонисія Нилъ Полевъ также умеръ въ Волоколамскомъ монастырѣ, обогативъ его бібліотеку пожертвованіемъ въ нее нѣсколькихъ книгъ².

Общее замѣчаніе о разсмотрѣнныхъ посланіяхъ.

Въ описаніи нравственныхъ достоинствъ инока у Данила преобладаетъ внѣшность. Онъ болѣе распространяется о внѣшнихъ качествахъ инока, чѣмъ о его чисто внутреннихъ духовно-нравственныхъ достоинствахъ. Для послѣднихъ онъ сравнительно менѣе отводитъ мѣста въ своихъ разсужденіяхъ. Онъ часто въ своихъ посланіяхъ даетъ совѣты любить «сухоту тѣлесе», блѣдность лица, худость ризную, долу имѣти очи, преклонену выю, взоръ тихъ, ступаніе кротко и не тщеславно, глаголь недвоесловенъ, гласъ средня мѣры, частое воздыханіе, болѣзненное стenanіe и плачь благоугодный и слезы чистительныя и т. п. внѣшнія прерогативы.

Изъ нравственныхъ въ строгомъ смыслѣ качествъ инока Данилъ на первомъ планѣ ставитъ: совершенное цѣломудріе, конечное нестяжаніе, смиреніе, послушаніе, тихость, кротость, безропотное терпѣніе и злостраданіе, постоянное трезвеніе и умное хра-

шихъ когда-то Діонисію Звенигородскому. См. рукоп. Моск. Епарх. библи. при Высоко-Петров. монастырѣ № 400/414. Волок. Сборн. XVI в. Въ началѣ на бѣломъ листѣ написано: Сборникъ Денисія Звенигородскаго. См. рукоп. Москов. дух. Акад. № 121/122. Вол. Творенія Іоанна Лѣстничника. Въ началѣ на бѣломъ листѣ надписъ: «Денисія Звенигородскаго Лѣствица». Рукоп. Моск. дух. Акад. № 212/211. Волок. сборникъ XVI в. Въ началѣ на бѣломъ листѣ надписъ: Денисія Звенигородскаго.

¹ Въ рукоп. Москов. духов. Акад. № 120/121. Волок. на бѣломъ листѣ впереди есть надписъ: «Сборникъ Ануррея Исакова, Денисьева ученика Звенигородскаго».

² Чтенія въ общ. истор. и древност. Росс. 1847 г. № 7. Описъ книгъ Волоколамскаго монастыря. 13. Сохранилось до настоящаго времени нѣсколько рукописей, принадлежащихъ когда-то Нилу Полеву, одному одному изъ видныхъ дѣятелей Волоколамской братіи. См. Рукоп. Москов. дух. Акад. № 212/211. Волок. л. 1; № 118/122. В. № 21/22. В. л. 1.

неніе. Вотъ тѣ нравственныя черты, которыя, по Даниилу, должны отличать истиннаго инока.

Весьма характерно то, что перечисленіемъ добродѣтелей, иногда сухимъ и безсвязнымъ, ограничиваются всѣ пастырскія наставленія Даниила инокамъ. Въ его наставленіяхъ трудно встрѣтить разъясненія и опредѣленія сущности той или другой добродѣтели, ея проявленій и степеней. Сухой перечень и подборъ многочисленныхъ добродѣтелей у него замѣняютъ опредѣленія ихъ. Пастырскія наставленія Даниила ограничиваются перечисленіемъ всевозможныхъ добродѣтелей, а различаются они между собою болѣе группировкой ихъ или чисто грамматическими особенностями, чѣмъ логическимъ содержаніемъ. На сколько однообразенъ и сухъ Даниилъ въ своихъ наставленіяхъ инокамъ, это можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія. Вотъ въ какихъ нравственныхъ чертахъ характеризуется истинный инокъ: «истинный иноци, говоритъ Даниилъ, пребыша безградни, бездомни и странни, несребролюбиви, нестяжательни, не именни, смиренномудри, кротки, благи, милостиви, молчаливи, послушливи и готови подъяти находящая скорбная и злая». А вотъ и иная обрисовка нравственной личности инокъ: «Радостію потедемъ, такъ убѣждаетъ Даниилъ въ одномъ мѣстѣ поучаемыхъ имъ иноковъ, на дѣланіе заповѣдей (Божіихъ), терпяще въ молчаніи, и нестяжаніи, и послушаніи, и смиреніи, и терпѣніи, и долготерпѣніи и въ пожданіи и т. п.¹ Если проанализировать все это обиліе фразъ и выдѣлить изъ нихъ ихъ логическое содержаніе, то послѣднее окажется близко сходнымъ между собою. Отсюда выводъ будетъ такого рода, что у Даниила разъ навсегда заученъ былъ извѣстный запасъ нравственныхъ наставленій, которыми онъ и отдѣлывался всегда и тамъ, гдѣ это требовалось. Такой пріемъ вполне естественный въ положеніи м. Даниила и онъ болѣе всего соотвѣтствовалъ воззрѣніямъ всѣхъ древне-русскихъ книжниковъ.

Въ виду того, что митрополитъ Даниилъ не былъ вполне самобытнымъ писателемъ, а послѣдователемъ извѣстной школы, становится необходимымъ критическое обследованіе степени его авторской самобытности и отношеніе его воззрѣній къ воззрѣніямъ Іосифа Волоцкаго.

Въ ученіи о древности и апостольскомъ происхожденіи монашества Даниилъ является самостоятельнымъ, если не по воз-

¹ Рукоп. № 1281 л. 273—274. 281—282.

зрѣніямъ, то по крайней мѣрѣ со стороны богословской аргументаціи. Его самостоятельность въ подборѣ священной аргументаціи не подрывается тождествомъ нѣкоторыхъ отлѣловъ ея съ Просвѣтителемъ, потому что, какъ это было указываемо въ своемъ мѣстѣ, Данилъ пользовался ими не чрезъ Просвѣтитель, а черпалъ ихъ изъ непосредственнаго источника.

Въ предпочтительномъ отношеніи Данила къ общежительной формѣ монастырскаго быта нельзя не видѣть вліянія на послѣдняго идей Іосифа Волоцкаго. Непосредственный преемникъ его по игуменству въ Волоколамскомъ монастырѣ, получившій отъ него завѣщаніе свято хранить и поддерживать созданный имъ общежительный уставъ, Данилъ по тому уже самому не могъ далеко и сильно различаться въ своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ отъ Іосифа Волоцкаго.

Держась въ общихъ своихъ воззрѣніяхъ на монашество І. Волоцкаго Данилъ не отступаетъ отъ него и въ тѣхъ чисто дисциплинарныхъ правилахъ, какія онъ рекомендуетъ инокамъ общежительныхъ монастырей. Всѣ тѣ правила монастырскихъ порядковъ, указанію которыхъ посвящено первое посланіе Данила во Владимірскій Волосовъ монастырь, есть простое воспроизведеніе монастырскаго устава, даннаго Волоколамскому монастырю Іосифомъ Волоцкимъ. Различіе состоитъ только въ большей краткости монастырскихъ правилъ, предлагаемыхъ Даниломъ. То, чему въ уставѣ Іосифа Волоцкаго посвящена цѣлая, иногда довольно обширная глава, то же самое передается Даниломъ только въ нѣсколькихъ словахъ и при томъ часто въ такихъ приблизительно выраженіяхъ, которыя много напоминаютъ собою способъ выраженій духовной грамоты преп. Іосифа.

Правила благоповеденія иноковъ въ церкви, какія предлагаются Даниломъ, тѣ же самыя, какія предлагались въ свое время и Іосифомъ. Въ частности, требованіе, высказываемое Даниломъ по отношенію къ монахамъ, являться къ началу каждаго богослуженія, совершенно тождественно съ требованіемъ Іосифа Волоцкаго, только нире развившаго и обоснованнаго его на разныхъ изреченіяхъ святыхъ отцевъ. Равнымъ образомъ предписаніе о благоговѣйномъ стояніи инока въ церкви и о ви́шнемъ его выраженіи въ видѣ соединенія ногъ, сѣженія глѣзъ, запрещеніе не говорить въ церкви и не перемѣнять мѣста во время богослуженія: весьма много напоминаютъ собою грамоту преп. Іосифа. Вообще

всѣ отправленія жизни монашеской, всѣ ея подробности составлены Данииломъ при руководствѣ и подражаніи монастырскому уставу, созданному его учителемъ. Правила митрополита Данила относительно благоповеденія иноковъ въ трапезѣ послѣ повечерницы, относительно выхода иноковъ изъ монастыря и разныхъ мѣръ исправленія ихъ и наконецъ правила управленія самого монастыря, — все это составлено подъ непосредственнымъ руководствомъ монастырскаго устава преподобнаго Іосифа.

Идеаль игумена монастыря, начертанный Данииломъ въ посланіи въ Волосовъ монастырь, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ составляетъ простую буквальную компиляцію наставленій Іосифа Волоцкаго, обращенныхъ имъ къ настоятелю ¹.

Г Л А В А II.

Обозрѣніе посланій, имѣющихъ главнымъ своимъ предметомъ ученіе о сохраніи цѣломудрія и чистоты.

Второй отдѣлъ посланій м. Данила составляютъ тѣ изъ нихъ, которыя главнымъ своимъ предметомъ имѣютъ наставленія о цѣломудріи и о физической и нравственной чистотѣ. Въ составъ втораго отдѣла входятъ пять посланій.

I.

Въ группѣ посланій, разсуждающихъ главнымъ образомъ о цѣломудріи, на первомъ планѣ должно быть поставлено одиннадцатое посланіе сборника. При всей краткости оно въ своемъ содержаніи резюмируетъ почти всѣ тѣ касающіяся цѣломудрія наставленія, которыя служатъ главнымъ предметомъ прочихъ посланій этой же самой группы. Разсматриваемое съ этой стороны, одиннадцатое посланіе можетъ быть названо конспектомъ по отношенію къ остальнымъ посланіямъ, разсуждающимъ о цѣломудріи и чистотѣ.

¹ Сравни. Руков. Соф. биб. № 1281 л. 222—224 и Великія Минеи Четьи. Сентябрь, Духовная грамота преп. Іосифа, 503. 312.* 567—591, 513, 588. 528—529. 613. 575—576, 580. 571—572, 587. 564.

Одиннадцатое посланіе ¹ имѣетъ соответствующее своему содержанію оглавленіе: «о цѣломудріи и чистотѣ». Обстоятельства происхожденія посланія слѣдующія: одно, неизвѣстное по имени, лицо не однократно обращалось къ митрополиту съ самыми убѣдительными просьбами о томъ, чтобъ онъ далъ ему благочестивые совѣты, необходимые для сохраненія цѣломудрія. Митрополитъ нѣкоторое время медлилъ отвѣтомъ, оправдывая свою медлительность невѣжествомъ, но въ концѣ концовъ склонился на убѣдительныя просьбы своего неизвѣстнаго духовнаго сына.

Въ содержаніи посланія кратко намѣчаются тѣ нравственныя и отчасти физическія средства, которыя въ большей или меньшей степени содѣйствуютъ укрѣпленію добродѣтели цѣломудрія.

Первымъ условіемъ для добродѣтельной и отсюда цѣломудренной жизни признается «соблюденіе заповѣдей Божіихъ». Исполняя по возможности всѣ заповѣди Христовы, человѣкъ, стремящійся къ цѣломудрію, долженъ болѣе всего «сопротивляться сквернымъ и лукавымъ помысламъ» особенно началамъ ихъ, или такъ называемымъ «прилогамъ». Это второе условіе, необходимое для цѣломудренной жизни. Третье условіе—постоянное храненіе ума, бодрствованіе надъ своимъ умомъ, которому никогда не должно давать «почивати», а всегда занимать его чѣмъ нибудь «благимъ». Это тѣмъ болѣе необходимо, что умъ человѣческій, по самой природѣ своей, непостояненъ и «присноподвиженъ» ² и никогда не можетъ оставаться безъ дѣятельности; онъ, по выраженію автора, «стояти и безмолствовать не хочетъ». Хотя природа челевѣческаго разума и добрая, хотя онъ «отъ зиждителя всѣхъ Бога благая поучатися учиненъ есть», но, при своемъ извѣстномъ уже непостоянствѣ, онъ легко можетъ уклониться и ко злу. Поэтому для храненія ума необходимы средства, которыми являются: чтеніе и слушаніе Божественныхъ писаній, пѣніе, сла-

¹ Рукоп. Новгор. Соф. биб. № 1281. л. 294—296. Рукоп. Соф. биб. № 1456. л. 58—60.

² Эта мысль принадлежит пр. Нилу, Синайскому. Данилъ буквально повторяетъ здѣсь слова св. подвижника: *dei κινητος ὁν τὴν φύσιν ὁ νοῦς*, и не говоритъ ни слова объ этомъ заимствованіи. См. Migne, Patrolog. Curs. Complet. ser. graec. tom. LXXIX, S. Nili de monachorum praestantia. Cap. XXIII pag. 1087—1088. Творенія св. Отцевъ въ русск. переводѣ т. XXXII, Тв. Нила част. II, 226.

вословія, молитвы, чтеніе на память выученныхъ псалмовъ, стиховъ, тропарей, сѣдазновъ и т. д. Это—четвертое средство, содѣйствующее цѣломудрію. Пятое средство, содѣйствующее цѣломудрію, являющееся дальнѣйшимъ логическимъ слѣдствіемъ предыдущаго, говоритъ о необходимости человѣка занимать не одинъ свой умъ, но и все тѣло напр. руководіемъ, которымъ иногда также отгоняются скверныя и лукавыя помыслы. Вообще, человѣкъ всецѣло долженъ избѣгать праздности, которая есть «начало всему злу».

Болѣе вышними средствами, предотвращающими нравственное и физическое растлѣніе, является удаленіе «отъ зрѣнія женскихъ лицъ, добродѣотныхъ, женовидныхъ». Требованіе это простирается даже и на мысль человѣка. Самое воспоминаніе о женщинѣ или «о отрочатахъ юныхъ», какъ бы оно безстрастно ни было и въ какихъ бы ни представлялись высоконравственныхъ качествахъ предметы «вспомнута», и въ какомъ бы ореолѣ нравственной чистоты и невинности они ни выступали въ воображеніи человѣка,—самое воспоминаніе объ этомъ нравственно предосудительно. Оно разсматривается авторомъ посланія какъ только «сѣть сатанина». Наставленіе держать себя вдали отъ общества женщинъ расширяется и сила его простирается и на всякое общество, если только оно не можетъ похвалиться нравственною чистотою своихъ членовъ. Для сохраненія отъ распущенности Даниилъ совѣтуетъ избѣгать такого общества, гдѣ можно услышать «поученіе суетное» вращающееся болѣе всего въ области «блудныхъ и содомскихъ рѣчей».

Выставляя свое требованіе удаляться отъ общества безнравственныхъ людей, Даниилъ оставляетъ нѣсколько замѣчаній, касающихся практическаго примѣненія его въ жизни того или другаго человѣка, какъ члена общества. «Егда съ человѣки сѣдиши въ бесѣдахъ, говоритъ митрополитъ, и аще возглаголютъ безчестныя и скверныя бесѣды, и ты, *аще мощно ти будетъ*, и вси, яко съ прилежаніемъ пріемають Слово Божіе, рци отъ Божественныхъ писаній, или отъ житій святыхъ отецъ, и преложи таковую бесѣду къ спасенію души, или *аще не имаша нужды*, возставъ иди отъ нихъ, аще ли же *нужда есть неизыти*, и ты преложи умъ свой на молитву, не осужая оныхъ, но свою немощь разумѣвая точію». Пастырскій совѣтъ данъ въ практическомъ духѣ.

Заключеніе посланія говоритъ о томъ, что исполнители заповѣдей Божіихъ содѣлаются наследниками вѣчнаго живота.

Одинадцатое посланіе написано въ духѣ чисто пастырскаго наставленія, чуждаго богословской учености. Въ немъ нѣтъ выдержекъ изъ святоотеческихъ твореній, что дѣлаетъ посланіе очень доступнымъ для пониманія.

II.

Поводомъ, по которому написано было тринадцатое посланіе¹ послужило неоднократное обращеніе одного, оставшагося неизвѣстнымъ по имени, лица къ митрополиту Данилу съ убѣдительною просьбою написать ему что либо въ назиданіе. Это лицо ясно указало митрополиту и предметъ, о которомъ оно болѣе всего желало знать и поучаться. Предметъ этотъ есть ученіе «о цѣломудріи и чистотѣ и храненіи дѣвства». Дѣйствительно, изъ содержанія посланія видно, что оно большею частію сосредоточивается около этого предмета, хотя авторъ посланія по мѣстамъ вноситъ разсужденія и наставленія и съ инымъ характеромъ.

Данилъ, отвѣчая на «вопрошанія» ищущаго, соглашается съ нимъ и подтверждаетъ его мысль, что «велия борьба и сугуба рать челоувѣкомъ въ души и тѣлѣ отъ раздизанія дѣгородныхъ залогъ».—И въ своемъ настоящемъ посланіи, самымъ обширѣйшемъ изъ всѣхъ его посланій, онъ, хотя и въ безпорядочномъ видѣ, указываетъ разнообразныя средства къ сохраненію цѣломудрія и къ противодѣйствію плотской страсти.

Для достиженія этой цѣли служитъ первѣе всего неуклонное исполненіе заповѣдей Божіихъ. Обязательность исполнять всѣ заповѣди Данилъ справедливо видитъ въ обѣщаніяхъ, даваемыхъ каждымъ христіаниномъ при крещеніи и распространяетъ ее на всѣхъ христіанъ, какъ иноковъ, такъ и мірянъ. Единственное, что отличаетъ инока отъ мірянина, это его право имѣть жену. Взглядъ свой архипастырь аргументируетъ словами св. Василия Великаго² Всгдѣ за тѣмъ здѣсь представляются примѣры

¹ Рукоп. Соф. биб. № 1281. л. 297—358.

² л. 298. Читатъ дѣйствительно принадлежатъ св. Василию Великому, см. Твор. св. Отцевъ т. IX. Творен. св. В. Великаго часть V, 48.

доблестнаго исполненія и храненія всей полноты православнаго ученія вѣры и нравственности со стороны древнихъ христіанскихъ мучениковъ, которые, укрѣпляемые свыше Божественною силою, «мужески претерпѣша бранными тѣлеса состраганіе желѣза и на огненныхъ сковрадахъ стоянія, и колесы сотренія, и конейное прободеніе».... И все это христіанскіе мученики переносили единственно «любве ради Божія и закона и вѣры православныя и ученія, яже сватыя церкви пріять отъ Бога и св. апостолъ, дабы принести ко Владыцѣ Христу вѣру чисту и непорочну, не осквернену еретическими ученіемъ». Живя единственно вѣрою въ Бога и надеждою на «великія дары, недомыслимыя человѣческими разума», ожидающія ихъ въ будущей жизни, они совершенно презирали «глубинное скоропостижное человѣческое житіе». Для нихъ ничто въ здѣшней жизни не имѣло притягательной силы, приковывающей ихъ сколько-нибудь къ благамъ земной скоропредыдущей жизни: «ни память отечества, братіи и сестеръ, ни память жены, ни дѣтей, и ни любезныхъ друзей, ни юзникъ, ни имѣніе многое, ни богатство великое, ни боярство высокое, ни слава великая, ни санове честныя, ни ризы многоцѣнныя, ни багрянницы царскія, ни престолы высокія, ни рыщущія слуги, ни предстоящая отроки и вся претша».... Другой примѣръ твердаго храненія вѣры Христовой и неуклоннаго исполненія всѣхъ христіанскихъ заповѣдей представляютъ древніе пастыри и учителя церкви. Ревность ихъ къ утвержденію своихъ пасомыхъ въ вѣрѣ и нравственности достойна удивленія. Она простиралась до того, что древніе пастыри «ни очемъ же иномъ житейскомъ печалуся развѣ еже научити люди спасенію». Не жалѣя собственныхъ своихъ силъ, они до самопожертвованія трудились надъ тѣмъ, чтобы «укрѣпляти православную вѣру Христову.... дабы не прозябло среди ея какое нибудь еретическое ученіе». Подражаніе примѣрамъ древнихъ пастырей Даниилъ хочетъ видѣть и въ современныхъ пастыряхъ и ихъ пасомыхъ. Онъ рекомендуетъ всѣмъ твердость въ вѣрѣ, подѣ дѣйствіемъ которой всѣ могли бы исповѣдывать ее «и предъ цари, и князи и прочими челоѣки, ничтоже боящеся», и даже «со многими дерзновеніемъ». Какъ древніе пастыри ревностно заботились объ искорененіи еретическаго зла въ церкви, такъ равно и такая же точно пастырская ревность должна, по его мнѣнію, руководить всегда и всѣми, и она то должна и предохранять всѣхъ отъ «лжеименныхъ учителей, и ихъ еретическихъ кошунъ, и басенъ, и гнусныхъ преданій». Представлен-

ный здѣсь примѣръ истинныхъ пастырей не вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію. Здѣсь говорится болѣе о сохраненіи ученія православной церкви, какъ догматической доктрины, а понятіе о твердомъ исполненіи нравственныхъ требованій христіанства, что собственно нужно было доказать, въ приведенномъ примѣрѣ играетъ второстепенную роль: оно здѣсь только подразумевается, правда необходимо, но тѣмъ не менѣе отъ читателя требуется особая сообразительность, чтобы онъ могъ логически вывести то, что собственно для него и нужно въ данномъ случаѣ. Несравненно удачнѣе приведенъ третій примѣръ. Даниилъ указываетъ на цѣлый сонмъ дивныхъ подвижниковъ, постниковъ и отшельниковъ. Вся ихъ жизнь, полная самоотверженія, добровольно подъяемыхъ трудовъ, свидѣлствуетъ о томъ, какъ ревностно они относились къ исполненію Евангельскихъ заповѣдей. Подвижники являлись «по вся дни самовольно умерщвляеми Христа ради». Они постоянно въ трудѣ: «слезы многи источаша, и поты проліяша, и труды подъяша мнози зѣло и скорбины, и жестоки, и болѣзненны, и горьки, и бѣды ни мало не дающе покоя плоти своей». Одежда подвижниковъ всегда удивляла всѣхъ своею грубостью: «они ходили въ овчинахъ, и въ козїихъ кожахъ, и во власныхъ ризахъ, желѣзомъ оковани». Жилища ихъ находились «въ горахъ, въ пещерахъ и въ пропастяхъ земныхъ»¹. Пища ихъ была очень ограничена. Они томили свое тѣло «всяцѣми скорбми и болѣзнями, не насыщая своея утробы, не напїющеся воды, не наспящеся» и пр. Ко всему этому они «ацнїи и жаднїи» ходили «босїи, нагїи, трепещуще зимою и померзающе мразомъ». Такова была жизнь отшельниковъ и подвижниковъ, которые «самохотне поработили себя всевозможнымъ страданїямъ и невгодамъ Христовы ради любви». Отсюда Даниилъ дѣлаетъ такой выводъ, что «всякому христіанину хотящему угодити Богови и благочестно на земли житїе совершити, не къ плоти угодіе творити, или плотское мудрованїе совершати, но *духовно*, сотворенїемъ и соблюденїемъ заповѣдей Христовыхъ».

¹ Здѣсь митрополитъ выражается словами ап. Павла (Кор. II, 37. 38) и ссылается далѣе на слова толкованія Златоуста на посланіе къ Евреямъ, гдѣ, хотя и говорится о подвижникахъ, но въ этихъ разсужденїяхъ не находится ничего такого, что бы напоминало собою приведенный м. Данииломъ цитатъ изъ Златоуста. Сравни. Св. отца нашего Іоанна, Архіепископа Константинопольскаго, Златоустаго, бесѣды на посланіе ап. Павла къ Евреямъ, перевод. при С. петербург. Дух. Ак. Спб. 1859 г. бесѣда 28, 427—428.

Вслѣдъ за этимъ Даниилъ представляетъ два замѣчательныя въ историческомъ отношеніи возраженія, какія выставляли нѣкоторые изъ его современниковъ на его настырскіе софѣны подражать въ своей жизни и руководствоваться въ ней примѣрами великихъ подвижниковъ и постниковъ, которыми такъ богата древняя исторія христіанской церкви. Между современниками митрополита находились такого рода свободнаго направленія люди, которые ссылаясь на особенности своего времени, говорили, что въ настоящее время нѣтъ никакой нужды христіанамъ брать на себя тѣ чрезвычайныя труды и подвиги, которые составляютъ отличительную черту жизни христіанъ болѣе ранняго періода существованія христіанства. Другое возраженіе еще замѣчательнѣе. Даниилъ опровергаетъ въ своемъ посланіи мнѣніе тѣхъ изъ своихъ современниковъ, которые говорили, что достаточно для спасенія одного призыванія имени Божія, иными словами одной вѣры. Выше приведенныя возраженія современниковъ авторъ относитъ къ «преданіямъ человѣческимъ, разоряющимъ собою заповѣди Божіи», и въ противовѣсъ имъ дѣлаетъ увѣщаніе «съ желаніемъ несытнымъ» стремиться исполнять всѣ заповѣди евангельскія, и вести «жестокую и болѣзненную жизнь, исполненную многихъ трудовъ и постовъ», такъ какъ, говоритъ пастырь, «не бо царство Божіе брашно и пиво, но правда и постничество». При этомъ митрополитъ еще присовокупляетъ, что никто не долженъ ссылаться при исполненіи нравственныхъ требованій на свою немощь и неудобноисполнимость Евангельскаго закона, удачно мотивируя свою мысль ссылкой на слова св. Іоанна Лѣствичника ¹.

Въ тринадцатомъ посланіи предлагаются болѣе частныя средства, способствующія сохраненію цѣломудрія. Изъ такихъ средствъ нужно прежде всего указать на постоянное вниманіе къ помысламъ. Касаясь помысловъ, Даниилъ старается опредѣлить внутренній ихъ характеръ, и виды и степени ихъ нравственной вѣдѣмости. Въ душѣ человѣка помыслы проходятъ пять степеней прежде, чѣмъ сдѣлаются совершившимся фактомъ: прилогъ, сочетаніе, сложеніе, пѣшеніе и страсть. «Прилогъ» есть мысль или образъ какого нибудь предмета, независимо отъ воли человѣка являющійся

¹ Рукоп. Собр. библ. № 1281, л. 37. Свидѣтельство изъ Лѣствичника взято изъ 26 его слова о различеніи помысловъ, страстей и добродѣтелей. Преподобнаго отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы, Лѣствича въ словѣ къ пастырю, 267.

уму и чувствамъ. «Сочетаніе» это отвѣтъ нашего ума на появленіе въ душѣ прилога, произвольное удержаніе его въ сознаніи, но еще безъ всякой къ нему и въ пользу его склонности. «Сложеніемъ» называется то состояніе души, по которому она благо-склонно относится къ помыслу и въ своемъ умѣ соглашается поступить такъ, какъ внушаетъ помыслъ. «Плѣненіе» это уже такого рода душевное состояніе, когда умъ и сердце противъ воли человѣка устремляются къ появившемуся помыслу. «Страстію» же обозначается та склонность, которая долгое время остается въ душѣ, и чрезъ то обращается въ привычку. По степени нравственной вѣняемости признаются: прилогъ состояніемъ безгрѣшнымъ, сочетаніе почитается уже не всегда безгрѣшнымъ; вѣняемость сложенія обуславливается степенью духовно-нравственнаго совершенства; остальные считаются нравственно вѣняемыми¹.

Блюденіе помысловъ само предполагаетъ особыя, частныя средства для того, чтобы при помощи ихъ можно было достигнуть одной общей цѣли—цѣломудрія. Для того, чтобы удобнѣе слѣдить за характеромъ помысловъ, чтобы легче поддерживать чистоту ихъ, для этого необходимо удалять отъ себя какъ можно далѣе все то, что сколько нибудь можетъ возбуждать страсть сластолюбія. А это прежде всего можетъ случиться со стороны тѣхъ лицъ, которыя даютъ возможность удовлетворять порочному инстинкту, т.-е. женщинъ. Такимъ образомъ первое средство, какое необходимо соблюдать, чтобы сохранить чистоту и дать покой и доброе направленіе теченію своихъ помысловъ это—удаленіе отъ общества женщинъ. Даниилъ съ особенною подробностію распространяется по этому предмету и нерѣдко возвращается къ нему нѣсколько разъ въ

¹ Даниилъ умалчиваетъ объ источникѣ, которымъ онъ пользовался, сообщая психологическую теорію помысловъ. Излагая ученіе о помыслахъ онъ находился подъ рабскимъ вліяніемъ одного подвижника, именно Филовея Синаита, изъ котораго съ буквальною точностію и выписавъ все то, что онъ, повидимому, какъ бы говорить отъ себя о различіи помысловъ. Рукоп. Новгор. Соф. биб. № 1281 л. 313—314. Сравни. препод. отца нашего Филовея Синайскаго главизны о трезвѣніи. Главы 34—36. См. Добротолюбіе Москва. 1857 г. изданіе шестое част. 2, 34—35. Точно такое же ученіе о помыслахъ находится и у св. Іоанна Лѣствичника. Преп. отца нашего Іоанна, игумена горы Синайскія. Лѣствица Москва. 1851 года. Слова 15. § 75. стр. 188—189. Этой же самой нравственной теоріею помысловъ пользовался и Нилъ Сорскій. Препод. отца нашего Нила Сорскаго преданіе ученикамъ, 113—152.

одномъ и томъ же посланіи ¹. Свой совѣтъ онъ мотивируетъ словами св. Василія Великаго, который говоритъ «яко вино и жены отъ Бога отлучити творять и разумныя», и который точно также даетъ такой совѣтъ: «бѣгай сопребыванія единовозрастныхъ и удайся отъ нихъ, яко отъ пламене» ². Мысль автора подтверждаютъ и приводимыя имъ слова св. Исаака Сирина ³, и Іоанна Лѣствичника ⁴.

Не однѣ близкія отношенія и постоянныя сношенія съ женщинами опасны для цѣломудрія. Одинъ взглядъ на нихъ можетъ поднять цѣлую бурю страстей въ душѣ человѣка. Поэтому для человѣка необходимо храненіе очей, чтобы «не взирали очима сѣмо

¹ Мысль объ удаленіи отъ общества женщинъ, какъ радикальномъ средствѣ, ведущемъ къ цѣломудрію, не есть самостоятельная мысль м. Данила. Она развита у восточныхъ подвижниковъ и готовою взята Даниломъ. Различіе здѣсь только въ широтѣ пониманія. Данилъ, на основаніи авторитета древнихъ аскетовъ, расширилъ ихъ совѣты объ удаленіи отъ женщинъ, которые они предлагали монахамъ, рекомендуя ихъ не только инокамъ, но и мірянамъ. Объ удаленіи отъ женщинъ, какъ одномъ изъ средствъ, ведущихъ къ цѣломудрію, трактовали: св. Василій Великій (См. Творен. св. отцевъ томъ IX, творенія св. Василія Великаго ч. V, 394—396. Migne, Patrol. curs. compl. ser. graec. tom. XXXI, S. Basil. Caesariens. tom. III, pag. 1343—1346), Нилъ Синайскій (см. Migne, Patrolog. curs. compl. ser. graec. tom. LXXIX, S. Nili epistolarum. lib. II, pag. 279—284. Твор. св. отцевъ въ русск. перев. томъ XXXIII, твор. св. Нила Синайскаго, ч. III Москва 1859 г. 82—88), Исаакъ Сиринъ (твор. св. отцевъ въ русск. перев. томъ XXIII, Иже во святыхъ отца нашего Аввы Исаака Сиріянина... слова подвижническія, Слово 9. 55—59), Феодоръ Студитъ (Росенкампы. Обзоріе кормчей книги въ историческомъ видѣ, 1-е изд. 249) и др.

² Рукол. № 1281. л. 316. Эти слова, равно какъ и весь помѣщаемый здѣсь авторомъ текстъ, дѣйствительно принадлежатъ св. Василію Великому и вѣрно передаетъ мысли св. отца. См. твор. св. отцевъ въ русск. перев. томъ IX. Творенія св. В. Великаго част. V, 66. 54—55. Migne, Patrol. curs. compl. ser. graec. tom. XXXI, pag. 635—640. 647—652.

³ Л. 316. Приводимыя здѣсь авторомъ слова дѣйствительно принадлежатъ во всей ихъ полнотѣ св. Исааку и взяты имъ изъ его 57 слова: «объ удаленіи отъ міра и отъ всего смущающаго умъ». См. твор. св. отцевъ въ русск. переводѣ томъ XXIII. Аввы Исаака Сиріянина, подвижника и отшельника слова подвижническія. М. 1854. 356.

⁴ Л. 315—318. Свидѣтельство взято изъ 15 слова Лѣствичника «о нерастлѣнной непорочности и о цѣломудріи» и вполнѣ вѣрно передаетъ мысль св. подвижника. См. пренед. отца нашего І. Лѣствичника, игумена горы Синайскія, Лѣстваца, 183.

и онамо» и не давать «оку смотрати доброту чуждую»¹. Свой отрицательный взгляд на созерцаніе лица женщины и вообще всякаго красиваго лица Даниль аргументируетъ и отчасти выражается словами св. Ефрема Сирина² и Исаака Сирина³.

Не одно чувство зрѣнія можетъ служить источникомъ и причиною, вызывающею на дурные помыслы и тѣмъ возбуждающею плотскую страсть. И другія чувства могутъ быть проводниками ея. Это по крайней мѣрѣ имѣетъ значеніе въ отношеніи чувства осязанія. Ощущеніе мягкаго тѣла, частое прикосновеніе къ членамъ, при отсутствіи или невозможности естественнаго удовлетворенія требованія природы, возбуждая въ человѣкѣ страсть, увлекаетъ его къ противоестественному удовлетворенію ея. Поэтому Даниль категорически запрещаетъ «осязати кого что отъ удовъ, яко се: или за руцѣ кого держати, и мягкостію и гладкостію улажати, или главу обнимати, и ланите прѣимати и осязати, и не яко желая плотскаго похотѣніи, но яко отъ духовныя любви мняся сіе творити, или отъ жалости на которомъ показая сицевая, или забывся, и по малу малу приходитъ пострѣканіе, и растетъ страсть, и скоптаніе, и мокроту многажды во снѣ и на явѣ содѣваетъ». Не только осязаніе чужаго тѣла бываетъ способно возбуждать въ человѣкѣ плотскую страсть, но и осязаніе своего собственнаго тѣла и то вредно дѣйствуетъ на его духовное настроеніе. Какъ противовѣсь возбужденію порочной страсти подобнымъ путемъ, Даниль, ссылаясь на авторитетъ св. Исаака Сирина, даетъ такой практическій совѣтъ: «да не обнажиши что отъ улъ твоихъ, и да не осяжеши

¹ Л. 308. Эта часть наставленій написана подъ непосредственнымъ вліяніемъ, а иногда и съ буквальными заимствованіями изъ разсужденій св. Исаака Сирина. См. творен. св. отцевъ том. XXIII. Исаака Сиріанскаго слова подвижническія 55. Точно также не остались безъ вліянія и сочиненія В. Великаго на эту часть разсужденій Данила. Сравни. творен. св. отцевъ т. IX. Творен. св. В. Великаго часть V. 394—396. Migne, Patrol. crit. compl. ser. graec. tom. XXXI, pag. 1343—1346.

² Л. 323, 348—349. Свидѣтельство подлинное. См. творен. св. отцевъ въ русск. переводѣ том. XIII. Творен. Ефрема Сирина, часть II, поуч. 37, 288—289.

³ Л. 308—309, г. 321—322. Въ последнемъ случаѣ митрополитъ не указываетъ источника, которымъ онъ здѣсь пользуется и о зависимости его разсужденій отъ Исаака Сирина свидѣлствуютъ сравненія. См. творен. св. отцевъ въ русск. переводѣ том. XXIII. Аввы Исаака Сиріанскаго слова подвижническія. М. 1854. Слово 9. 55—59.

наготу плоти твоея рукама твоима; и аще нужда ти будетъ отъ свербѣнія, обвій руку твою срачицею, или порчищемъ, и тако почиши тѣло, на не голыми рукама осязаеши е, и да не обнажиши что отъ удовъ твоихъ, ниже да приблизишия телеси чѣмъ, ниже телеси твоему кого приблизитися оставиши, кромѣ нужныя великія благословныя вины»¹.

Не одно общество женщинъ дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на человѣка. То же самое дѣйствіе производитъ и мужское общество, если только связь его покоится на безнравственныхъ началахъ. Отсюда является новый совѣтъ ревнителю цѣломудрія «бѣгать сомнищъ лукавыхъ, бѣгать мудрованій плотскихъ и собраній прелюбодѣйныхъ». Только то окружающее человѣка общество благотѣльно, котораго связь покоится на св. вѣрѣ и чистой нравственности. Въ обществѣ благочестивыхъ людей всѣ бесѣды и разсужденія запечатлѣны однимъ и тѣмъ же характеромъ рели-

¹ Л. 322. Не все изъ приведенныхъ здѣсь словъ Исаака принадлежитъ въ самомъ дѣлѣ ему. У Исаака находятся только слова: «ни предъ кѣмъ не обнажай ни одного члена своего, не приближайся ни къ чьему тѣлу безъ необходимой причины; не позволяй, чтобы и къ твоему тѣлу приближался кто безъ важной причины». См. творенія св. отцевъ въ русскомъ переводѣ, том. XXIII. Аввы Исаака Сирійнина подлинническія слова. Слово 9, 33—35. Что же касается остальныхъ словъ, находящихся въ цитатѣ Данила, то они составляютъ уже дальнѣйшее развитіе и практическое примѣненіе мыслей Исаака, сдѣланное уже русскими книжниками. Изъ сравненія словъ Данила, заимствованныхъ и отчасти принисываемыхъ св. Исааку, съ современнымъ переводомъ твореній св. отца оказывается, что между тѣми и другими нѣтъ строгаго соответствія въ порядкѣ расположенія мыслей, хотя большая часть изъ нихъ дѣйствительно принадлежитъ св. Исааку и выражается очень часто приблизительно его же словами. Отсюда можно придти къ тому предположенію, что митрополитъ цитировалъ слова Исаака, не имѣя подъ руками ихъ перевода, а по памяти и здѣсь естественно было ему на ряду съ истинными словами Исаака привести и свои собственныя, подходящія къ первымъ по мыслямъ. Подобный взглядъ на значеніе чувства осязанія для нравственнаго состоянія человѣка проводится и у Іоанна Лѣстничника. См. преп. отца нашего Іоанна, игумена горы Синайскія, Лѣстница. М. 1851. Слово 15, стр. 181. § 32. Вѣншіи монашескій рыгоріахъ въ древнерусской жизни простирался еще далѣе. Въ «наказаніяхъ къ братіи общеживущей», встрѣчающихся въ рукописяхъ XVI в. (См. напр. Рукоп. Моск. Дух. Акад. изъ собранія Волоколамскаго монастыря, № 149/1, л. 80—84 и № 145/1, л. 78), между прочимъ, попадаются слѣдующія наставленія вѣку: никогда не простирай руки по наготу тѣлу, ни на тайныя уды не смотри никакоже, аще и изгнѣютъ. Рукоп. М. Дух. Акад. изъ Волокол. биб. № 159/1, л. 143 оборотъ.

гіозности и благочестія. Данилъ представляетъ примѣръ благочестивой бесѣды между христіанами. «Сіе бесѣдовати подобаетъ всякому христіанину, говоритъ онъ, еже къ славіи Божіи и къ спасенію души, и яко онъ соборъ сице и сице рече о святѣй христіанстѣй вѣрѣ и о дѣльныхъ завіщаніихъ, или яко божественное евангеліе глаголетъ сице, или яко апостолъ рече сице, или яко пророци прорекоша и научиша сице, или оно божественное писаніе глаголетъ сія тако и тако, или бысть иѣгда сіе устроено тако, яко оно священное правило повелѣваетъ и апостольская и божественныхъ отецъ преданія глаголютъ и о богословіи, и о правовѣрнѣй вѣрѣ, и о законѣ и ученіи, аже исперва пріять святыя церкви отъ святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ. Сія разумѣваемъ и сія мудрствуемъ, и сія глаголемъ, и сія другъ со другомъ ликовствуемъ и бесѣды бесѣдуемъ въ любви духовнѣй и въ любви Божественнѣй». Такъ вести себя заповѣдуетъ Данилъ постоянно во время всякихъ обыденныхъ занятій: «любо аще дѣлающе что, или на пути ходяще, или въ домѣхъ съ женою и съ дѣтьми сѣдяще, или на ложахъ вашихъ или на обѣдахъ вашихъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ выставляетъ примѣръ бесѣды другаго рода, бесѣды людей порочныхъ. Онъ говоритъ, что въ суетной бесѣдѣ людей, плотское мудрствующихъ, можно слышать только «праздныя и кощунныя» разсужденія, но никогда здѣсь не услышишь благоговѣнно разсуждающихъ о славіи Божіей и о спасеніи души, между собесѣдниками никогда не найдутся такіе, изъ которыхъ одинъ завелъ бы рѣчь «отъ Божественнаго Евангелія», другой «о священныхъ апостолахъ», третій—«о св. пророцѣхъ», четвертый «о преподобныхъ и богоносныхъ отцѣхъ нашихъ», пятый—«о всемъ смотрѣніи плотскаго Христова пришествія» и пр. Замѣчательно у Данила ясно проглядываетъ подозрительность и въ отношеніи благочестивыхъ бесѣдъ. Онъ и ихъ старается ограничить, говоря, что хотя и «сладка есть бесѣда духовныхъ нашихъ братій, но она не оскуднѣла (т.-е. продолжительная) повреждаетъ». Касательно этого взгляда Данила нужно замѣтить, что онъ основанъ на словахъ св. Исаака, а послѣдній рекомендовалъ его безмолвникамъ - подвижникамъ, для которыхъ многоглаголаніе, по ихъ обѣтамъ, признавалось грѣхомъ. Нашъ авторъ слишкомъ рабски отнесся къ своему авторитету. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ же аскетическихъ правилъ авторъ рекомендуетъ особое средство для цѣломудрія—удаленіе отъ общества людей, безмолвіе и молчаніе,—требованія, исключительно возможные для монаховъ

и отшельниковъ, но онѣ тѣмъ не менѣе рекомендуются всѣмъ въ-рующимъ и авторизуются словами Василя Великаго и Петра Дамаскина ¹.

Между людьми высоконравственными и порочными не должно существовать полной изолированности. Благочестивые должны заботиться о нерадивыхъ своихъ братьяхъ, исправлять, вразумлять ихъ и, если послѣ всѣхъ попытокъ къ ихъ уврачеванію, они окажутся неисправимыми, то только въ этомъ случаѣ должны быть порваны связи между тѣми и другими. Но и эта рѣшительная мѣра является какъ предохранительное средство въ отношеніи людей доброй нравственности, чтобы они, вращаясь среди людей порочныхъ, сами не увлеклись пороками. Этотъ отдѣлъ разсужденій объ отношеніи къ людямъ низкой нравственности Даниилъ ведетъ и по мѣстамъ выражается даже словами св. Василя Великаго.

До сихъ поръ разсматривались болѣе отрицательныя средства къ цѣломудрію. Изъ положительныхъ средствъ, способствующихъ къ сохраненію цѣломудрія, служатъ воздержаніе наше «о всѣхъ вещехъ и на всякъ часъ». Невоздержаніе, особенно невоздержаніе въ пищѣ, сопровождающееся тѣмъ, что, благодаря ему, человѣкъ иногда начинаетъ «растерзоваться и утучнѣвати», приносить не мало нравственнаго и физическаго вреда, именно: «оно и тѣло оскверняетъ, и душевное благородіе погубляетъ, и добродѣтель испражняетъ, и отъ Бога отлучаетъ». Даниилъ понятіе воздержанія принимаетъ въ его чисто аскетическомъ значеніи, когда онъ, какъ противодѣйствіе воздержанію, разсматриваетъ на основаніи словъ св. Исаака даже чисто органическую сторону жизни человѣка, именно «здравіе тѣлесе», которое не будучи само еще грѣхомъ, но способствуетъ тѣмъ не менѣе послѣднему, такъ какъ отъ него «естество удобнѣе уклонится къ страстемъ грѣха» ².

Чтобы болѣе пристраститься къ подвигамъ воздержанія и вообще къ подвигамъ добродѣтели, а отсюда само собою и добродѣтели цѣломудрія,—для атого Даниилъ рекомендуетъ очень педагогическое средство, это постоянное памятованіе дня смерти,

¹ Л. 347 об. См. Добролюбіе. Часть 3. Творенія Петра Дамаскина книгу первую, 60.

² Л. 316. Слова Исаака взяты изъ его 37 слова «объ удаленіи отъ міра и отъ всего смущающаго умъ». См. творенія св. отцевъ т. XXIII, 356.

вѣчныхъ мукъ, втораго пришествія Сына Божія на землю и Его страшнаго суда. Митрополитъ очень часто возвращается къ этому предмету. Здѣсь подробно рисуются картины суда надъ праведниками и грѣшниками, представляется въ яркихъ чертахъ счастливое положеніе первыхъ и ужасное — вторыхъ. Иногда пастырь касается и внѣшней обстановки страшнаго суда: «тамъ течетъ огненная рѣка, потребляющая землю, свивается небо, падаютъ звѣзды подобно листьямъ дерева, тамъ слышится скрежетъ зубный, видѣются изощренные трезубцы, предназначенные для мученія грѣшниковъ и т. п. При описаніи втораго пришествія І. Христа и страшнаго суда Данилъ пользовался разсужденіями св. Ефрема Сирина ¹.

Одно изъ первыхъ зачатій челоѣка, ведущихъ его къ благочестію, это чтеніе божественныхъ писаній. Заявляя себя сторонникомъ изученія писаній, Данилъ дѣлаетъ уступку для людей слабыхъ и не могущихъ въ совершенствѣ совладѣть съ писаніями, считая для нихъ достаточнымъ упражненіе въ писаніяхъ не вполне совершенное, а только нѣкоторое знакомство съ ними или «отчасти» какъ онъ самъ выражается по этому поводу ².

Все разсматривавшіяся до сихъ поръ средства, какія рекомендуютъ Данилъ для противодѣйствія нравственной распущенности, соотвѣтствуютъ истиннымъ началамъ христіанской и православной мо-

¹ л. 349. 352—353. Первое приведенное свидѣтельство св. Ефрема вполне соотвѣтствуетъ по мыслямъ современному переводу его твореній. См. творенія св. отцевъ въ русск. переводѣ т. XIII. Творенія св. Ефрема Сирина, часть II. Поученіе 37. 288. Что же касается втораго мѣста, то оказывается трудно отыскать что либо строго соотвѣтствующее современному переводу. Между словами и поученіями св. Ефрема есть нѣсколько такихъ, предметомъ которыхъ служить воскресеніе мертвыхъ, второе славное прашествіе на землю Сына Божія, но ни въ одномъ изъ нихъ невозможно найти строгаго соотвѣтствія цитату, приведенному Даниломъ, хотя встрѣчаются мысли и даже фразы сходныя. См. Творенія св. отцевъ т. XIII. Твор. Ефрема Сирина част. II. Слово 37. 380—406. Творен. св. отцевъ т. XII. Творен. св. Ефрема Сирина часть 1. Слово 15. 292—300. Твор. св. отцевъ т. XV. Твор. св. Ефрема част. IV. 95—107. 117—124. 130—141. Творен. св. Ефрема част. III. 24—36.

² л. 347—348. Въ своемъ пониманіи изученія писаній, какъ благотѣльнаго условія для всякаго желающаго вести чистую жизнь, митрополитъ опирается на авторитетъ св. Исаака Сирина. Приводимыя здѣсь слова св. Исаака взяты изъ его перваго слова «объ отреченія отъ міра и житія монашескомъ». Творен. св. отцевъ въ русскомъ переводѣ том. XXIII. Аввы Исаака Сиринина слова подвижническія. 4—5.

рали. Но онъ указываетъ еще одно средство для извѣстной цѣли, которое изобличаетъ въ немъ не вполне правильное пониманіе христіанской нравственности. Средство это есть оскотленіе. Въ ряду авторитетовъ, которыми наполнена большая часть тринадцатаго посланія, находятся три сказанія, содержаніе которыхъ прямо говоритъ объ ихъ тенденціи оправдать нехристіанское средство сохраненія цѣломудрія-оскотленіе. Таковы помѣщаемыя въ ихъ цѣломъ видѣ сказанія объ Иліѣ постникѣ, который былъ оскотленъ тремя ангелами ¹, о нѣкоторомъ другомъ подвижникѣ, оскотленномъ по чудесному гласу, слышанному свыше, и наконецъ о нѣкомъ пресвитерѣ Кононѣ, у котораго специфическую особенность мужчины парализовала самъ Іоаннъ Креститель ². Косвенное оправданіе и похвала оскотленію проглядываетъ и въ другомъ помѣщаемомъ Даниломъ сказаніи объ аввѣ Нахонѣ, который для усмиренія своей волнуемой плоти прикладывалъ къ дѣтороднымъ членамъ змѣю, чтобы она лишила ихъ возможности мучить подвижника ³.

Далеко не всякій въ состояніи послѣдовательно шествовать указанными средствами по пути добродѣтели цѣломудрія. Нрав-

¹ Рукоп. № 1281 л. 333. Сказаніе о постникѣ Иліѣ взято изъ Лавсанка. Подвижникъ см. Migne, Patrolog. curs. compl. ser. graec. tom. XXXIV. Palladii Heleopolitani episcopi Historia Lausatica, cap. XXXV. pag. 1095—1098. Здѣсь ангелы оскотляютъ Илію, отрывая ему «τοὺς ὑβόμους ὡς ἐν ἑκτότῳ, ἀλλ' ὅκ κατὰ ἀληθείαν κατὰ δὲ φαντάσαν τιμὴ», но этой оговорки нѣтъ въ цитатѣ Данила. Въ русскомъ переводѣ Лавсанка этотъ рассказъ объ Иліѣ постникѣ опущенъ. Паладія, епископа Еленопольскаго Лавсанъ изд. 2. Спб. 1854.

² Рукоп. № 1281. л. 334—335. Сказаніе о пресвитерѣ Кононѣ взято изъ Скитскаго патерика и передается приблизительно въ томъ же самомъ видѣ, какъ и въ печатномъ изданіи Патерика. См. Патерикъ Скитскій, Супрацьскаго изданія 7299 года. Часть 1. л. 316—317. Сказаніе о пресвитерѣ Кононѣ встрѣчается и въ видѣ отдѣльной статьи въ рукописяхъ. См. Рукоп. Соф. биб. № 1470 л. 178. Рукоп. Соф. биб. № 1478 л. 309. Это же самое сказаніе есть и въ Лугѣ духовномъ Іоанна Мосха. Здѣсь рассказъ переданъ общіе, безъ тѣхъ подробностей, какія находятся въ Патерикѣ и въ цитатѣ Данила. См. Лугъ духовный. М. 1848, 7—8.

³ Рукоп. № 1281. л. 331—333. Сказаніе о Нахонѣ взято изъ Скитскаго патерика, гдѣ оно передается въ такомъ же точномъ видѣ, въ какомъ оно находится въ цитатѣ м. Данила. См. патерикъ египетскій Супрацьскаго изданія 1299 года, часть 2 л. 470—471.

ственная природа человека склонна къ паденіямъ ¹. Въ случаѣ, если человекъ падетъ отъ находящихся на него страстей, то онъ не долженъ приходить въ отчаяніе, а напротивъ долженъ стараться о томъ, чтобы какъ можно скорѣе «пакъ возстати». Падшаго если человекъ падетъ отъ находящихся на него страстей, то онъ восстанавлиетъ прежде всего покаяніе. Другое средство при паденіяхъ—вообще молитва.

Въ тринадцатомъ посланіи Даниилъ дѣлаетъ разграниченіе грѣховъ, которыми нарушается цѣломудріе. Здѣсь плотской грѣхъ разсматривается въ видахъ грѣховъ мысли, и грѣховъ тѣлесныхъ или грѣховъ факта. Мысленный блудъ, какъ и тѣлесный, одинаково грѣховенъ и подлежитъ осужденію. Но по степени виновности мысленный блудъ, во всякомъ случаѣ не такъ тяжелъ, какъ блудъ, перешедшій въ дѣйствіе. — Говоря о различіи мысленнаго и тѣлеснаго блуда, Даниилъ пользуется разсужденіями св. Василія Великаго, Еврема Сирина ², св. Исаака Сирина ³, Максима, сказаніями отъ старчества и ссылками на священные правила ⁴.

Даниилъ останавливаетъ свое вниманіе и на чисто физиологическихъ явленіяхъ человѣческаго организма, происходящихъ изъ полового стимула, и съ этой стороны соприкасающихся съ предметомъ ученія о цѣломудріи. Съ такимъ именно характеромъ является у Даниила вопросъ о непроизвольномъ изверженіи. Судя

¹ л. 336. Эта мысль у Даниила выражена словами св. Іоанна Лѣствичника, вѣтями изъ его 26 слова о различіи помысловъ, страстей и добродѣтелей. См. препод. отца нашего Іоанна, игумена горы Синайскія, Лѣствича, 284, § 82.

² л. 324—325. Здѣсь представлена притча св. Еврема о трехъ дѣвахъ, обручившихся одному жениху, изъ которыхъ двѣ измѣнили ему, а одна, помыслившая измѣнить, но тѣмъ не менѣе оставшаяся вѣрною своему жениху и тѣмъ оказавшаяся менѣе виновною предъ нимъ. Притча дѣйствительно принадлежитъ св. Еврему. См. твор. св. отцевъ т. XIII. Творенія св. Еврема часть II. Поученіе. 37, 289—290.

³ л. 326—329. Здѣсь Даниилъ, помѣстивъ у себя почти въ цѣломъ видѣ, за исключеніемъ самаго незначительнаго заключенія, 7 слово Исаака о грѣхахъ произвольныхъ, и непроизвольныхъ. Творенія св. отцевъ въ русск. переводѣ том. XXII 140—44.

⁴ л. 325 об. Сущность правила состоитъ въ томъ, что мужъ, «помыслившій съ охотою спати съ женою», и за отсутствіемъ послѣдней, не могшій привести въ исполненіе своего желанія, подлежитъ церковному, покаянію. Такого правила нѣтъ въ старопечатной Кормчей изд. 1653 г.

по тому вниманію, съ какимъ митрополитъ^{*} относится къ этому предмету, можно заключить о той важности, какою въ его глазахъ и въ глазахъ его современниковъ представлялся вопросъ объ «истицианіи» какъ выражались тогда, — явленіи болѣе «физиологическомъ», чѣмъ нравственнымъ. Многіе книжники древняго времени сосредоточивали свое вниманіе на истицианіи и пускались въ самыя обстоятельныя и подробныя разсмотрѣнія о томъ вѣпляемо ли это состояніе въ грѣхъ человѣку, или нѣтъ¹. Рѣшая вопросъ о нравственной вѣпляемости извѣстнаго явленія Даниилъ отъ себя не говоритъ ничего. Вѣсто того онъ группируетъ въ своемъ посланіи нѣсколько святоотеческихъ и подвижническихъ изреченій, касающихся занимающаго его предмета какъ-то: св. Василия Великаго, св. Аванасія Великаго², св. Іоанна Лѣствичника³, Максима⁴ и за ними скрываетъ свои мысли. Общая

^{*} Максимъ Грекъ даетъ прекрасную характеристику отношеній древне-русскаго человѣка къ «истицианіямъ». Обличая фарисейство своихъ современниковъ Максимъ пишетъ между прочимъ: «съ Божиимъ страхомъ погрѣшивши и самого свѣта обличительнаго *душевыми страстями ко вѣшнымъ сквернымъ тобою* и назираніемъ ни въ чемъ же полезныхъ остро зрѣть. Тѣмъ же убо и руки всегда печется мыломъ очистить отъ руды (грязи) вѣшныи, богомерскими же, аже отъ лихоимства скверными, всегда оскверняемыхъ никакоже брегеть. Аще нѣкогда случится зубомъ ея окровавиться, неправедно судитъ причащаться святыхъ даровъ, языку же ея безчисленными богомерскими сквернословіи люти оскверняему, ничтоже вѣнчаетъ. *Случающаюся во снѣ оскверненія не волею даже и до осозанія свѣтану игушается, а движущимъ его сномъ и брашномъ сладкимъ и питіемъ всегда до сытости насыщается ихъ неводержно.*» Сочиненія Максима, кн. II, Бесѣда ума къ душѣ своей. 40—41. Нѣкоторые изъ русскихъ времени Максима обращались къ нему съ просьбою о разъясненіи нравственнаго значенія извѣстнаго «физиологическаго» отравленія, и Максимъ вынужденъ былъ написать посланіе⁵ о скверномъ истицианіи во снѣ (Соч. Максима част. II, XVIII, стр. 248—251. Вопросъ объ истицианіи рѣшался и въ древне-русской письменности. Памятники Старин. Русск. Литературы, изд. Тихомировымъ, т. II, 307.

¹ Л. 312 об. Приводимое здѣсь свидѣтельство вполнѣ подлинно. Оно заимствовано изъ посланія св. Аванасія къ монаху Амуну (См. Творенія св. отцевъ въ рускомъ переводѣ томъ. XXI, Творенія Аванасія, архіепископа Александрійскаго част. III, Москва. 1853. 417—418.

² Рукоп. № 1281. л. 335. Свидѣтельство взято изъ 15 слова І. Лѣствичника о цѣломудріи и непорочности и соответствуетъ мыслямъ современнаго перевода его твореній. см. преп. отца нашего Іоанна, игумена горы Синайскія, Лѣствица и слово къ пастырю, м. 1851 г. 183.

³ Л. 313 Въ словѣ постническомъ св. Максима по вопросу и отвѣту находятся только одно упоминаніе объ извѣстномъ обстоятельстве. См. препод. отца

мысль указанныхъ отцевъ и подвижниковъ состоитъ въ слѣдующемъ. Всѣ они разсматриваютъ произвольное изверженіе съ двухъ сторонъ: во первыхъ, какъ состояніе произвольное, естественное, и какъ состояніе, вызванное самимъ человекомъ, его дурными помыслами. Первое состояніе есть состояніе безгрѣшное, оно имѣетъ въ органической жизни человека значеніе одинаковое съ выдѣленіемъ напр. «отъ поздріи, отъ устъ и отъ чрева».

Среди самыхъ разнообразныхъ и разностороннихъ разсужденій митрополита Данила можно найти не мало данныхъ для опредѣленія того, какъ онъ широко понимаетъ цѣломудріе. Цѣломудріе, по его мнѣнію, не есть только виѣшняя «физическая чистота, но внутреннее храненіе, внутренняя чистота помысловъ. Цѣломудріе понимается имъ какъ общее духовное настроеніе: «цѣломудріе есть, говоритъ Данилъ словами св. Исаака Сиріина, иже не въ трудѣ, ни во время рати и подвига, престають отъ него скверные помыслы, но еже истинною сердца своего еже не возрѣти безстыдно скверными помыслы въ лица чужая доброты»¹. Добродѣтель цѣломудрія получаетъ свое высокое нравственное значеніе тогда, когда она, составляя изъ себя внутреннее постоянное настроеніе духа христіанина, соединяется съ другими христіанскими добродѣтелями, когда она вытекаетъ изъ строгаго соблюденія всѣхъ евангельскихъ заповѣдей. «Аще хоцещи дѣвственникъ нарецися, говоритъ Данилъ, соблюди заповѣдь Самого Господа, глаголющую будите милостиви, якоже Отецъ вашъ небесный милостивъ есть». Нравственная цѣнность цѣломудрія зависитъ отъ исполненія христіаниномъ другихъ евангельскихъ заповѣдей и особенно заповѣди о любви къ ближнему. «Аще кто любитъ дѣвство хранить, заповѣди же Христовы ни мало подщася хранить, не оставляя братіямъ прегрѣшенія нѣхъ, но оскорбляя и злоторя... сей забывъся ходитъ, или помраченъ сый отъ сатаны». Истинный дѣвственникъ всегда снисходителенъ къ ближнему и всегда прощаетъ ему его слабости, помня слова самаго Господа, сказанныя имъ ап.

нашего Максима исповѣдника толкованіе на молитву: «Отче нашъ» и его же слово пострижеское по вопросу и отпѣту. Изд. Козельской Оптиной пустыни. М. 1853. 73.

¹ Л. 308—309. Свидѣтельство взято изъ перваго слова св. Исаака «объ отреченіи отъ міра и о житіи монашескомъ». См. творен. св. отцовъ въ русск. перев. т. XXIII. Слово Исаака I. 4.

Петру, что должно прощать ближнему не семь разъ, а семьдесятъ седмицею (Мф. XVIII, 22). Здѣсь Даниилъ помѣщаетъ у себя въ цѣломъ видѣ евангельскую притчу о царѣ, состязавшимся съ рабами своими должниками, изъ которыхъ одинъ, прощенный господиномъ въ своемъ долгѣ, отнесся съ необыкновенною жестокостью къ собственному своему должнику, состоявшему у него въ долгу на незначительную сравнительно сумму, за что и преданъ былъ мучителямъ (мф. XVI гл.). Въ примѣръ того, какъ необходимо прощать ближнему, Даниилъ приводитъ самого Иисуса Христа, который во время своихъ страданій «о злодѣйцахъ Отцу моляшеся». Вообще всякій, ищущій истиннаго цѣломудрія, долженъ всегда понуждать себя «на всяку добродѣтель» и стремиться къ достиженію совершенной чистоты во всѣхъ своихъ мысляхъ, словахъ и дѣйствіяхъ и достигать не растлѣнной непорочности новорожденныхъ младенцевъ».

Великій гажельный трудъ шествовать по пути цѣломудрія. «Бѣсъ блудный» постоянно ратуетъ на человѣка и иногда не безъ успѣха. Соблазнительныя дѣйствія діавола оказываются иногда успѣшными между прочимъ и отъ того, что въ основѣ страсти сластолюбія лежитъ естественное стремленіе человѣка къ лицу другаго пола, стремленіе врожденное и связанное съ его природой. Человѣку такимъ образомъ предстоитъ непрестанная борьба съ блуднымъ бѣсомъ, который «постоянно пишетъ напасть въ помыслахъ человѣческихъ»¹, и тѣмъ болѣе всего вредитъ ему. Конечно, борьба здѣсь предстоитъ сильная, но въ распоряженіи человѣка находятся два средства противодѣйствія нападкамъ врага. Это терпѣніе и молитва. Что дѣйствительно посредствомъ терпѣнія діаволъ былъ часто побѣждаемъ, а слабый, повидимому, человѣкъ и тотъ предъ нимъ оставался побѣдителемъ, это Даниилъ подтверждаетъ множествомъ разсужденій, свидѣтельствующихъ о благодѣтельности для христіанина терпѣнія вообще. Подвигъ терпѣнія свойствененъ всякому христіанину. Возродившись въ крещеніи, человѣкъ здѣсь же начинаетъ свой скорбный тяжелый путь къ спасенію. И вся жизнь его должна пройти среди страданій и скорбей. Эта мысль у Даниила выражена словами св. Макарія Великаго. Что дѣйствительно таково назначеніе человѣка на землѣ, Даниилъ представляетъ множество примѣровъ и между прочимъ ссылается на примѣры изъ жизни

¹ Рукоп. № 1281, л. 349. Эти слова заимствованы изъ твореній Ефрема Сиринна. См. Творен. св. отцевъ. т. XIII. Творен. Ефрема Сиринна ч. II, стр. 288.

древнихъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ: Авраама, Исаака, Іакова, Давида, Иліи пророка, Исаи, Іереміи, Іезекіиля, Даниїла, трехъ отроковъ и другихъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ. Дѣйствительно примѣры подобраны удачно. Изъ нихъ очень ясно вытекаетъ та истина, что и праведники осуждены въ здѣшнемъ мірѣ на страданія, а тѣмъ болѣе это должно имѣть мѣсто въ отношеніи людей, стоящихъ въ нравственномъ отношеніи ниже праведниковъ. Даниїль беретъ примѣръ и изъ Новаго Завѣта и здѣсь въ лицѣ Самаго (Основателя христіанства видитъ примѣръ чисто Божественнаго терпѣнія. I. Христосъ проявилъ такое терпѣніе, что «ниже клеветаемъ восклеваша, ниже стражда воспрещаша, ниже биемъ возбіаша, но и одежды отъятія молча терпѣаша». Для большей авторитетности своихъ сужденій митрополитъ приводитъ обширное свидѣтельство изъ Св. Симеона Новаго Богослова, въ которомъ послѣдній въ яркихъ чертахъ описываетъ осужденіе и крестныя страданія Спасителя и Его необыкновенное терпѣніе¹. Выставляя I. Христа, какъ примѣръ и образецъ дѣятельности для его послѣдователей, Даниїль спѣшитъ сдѣлать, вполне правильную съ точки зрѣнія христіанской морали, оговорку, что «невозможно есть человѣку истинно и естественно Христу Богу уподобиться, но въ нихъ же есть достойно, но и возможно человѣку пребывать: не запрещати морю, ниже ходити по водамъ, но еже быти смиренемъ, и кротцемъ, и милостивемъ и терпяще досаженія и укоренія».... Первенствующая исторія христіанской церкви обильна образцами подвижничества, и страданій и беззавѣтнаго терпѣнія. Здѣсь выступаетъ цѣлый сонмъ св. Апостоловъ и учениковъ Христовыхъ, святыхъ мучениковъ и разныхъ преподобныхъ отцевъ, и вообще святыхъ мужей и женъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть примѣромъ подражанія для христіанъ послѣдующаго времени.

Въ концѣ посланія митрополитъ говоритъ, что онъ написалъ его ради и во имя евангельской любви на пользу себѣ и другимъ и проситъ лицо, къ которому написано посланіе, поминать его

¹ Рукоп. № 1281, л. 345—346. Цитата взята изъ втораго (по современному славянскому переводу) или седьмаго (по латинскому переводу) слова св. Симеона и представляеть въ переводѣ понятномъ. См Migne, Patrol. curs. complet. ser. graec. tom. CXX. Symeonis Junioris oratio VII. pag. 355—356. Преп. отца нашего Симеона, Новаго Богослова, «слова елика полезная». Изд. Козельской Оптиной пустыни. М. 1852. 35—37.

въ своихъ молитвахъ. Наконецъ онъ вноситъ замѣчаніе, что все посланіе «отъ выше да иже до здѣ» собрано имъ отъ Божественныхъ писаній.

Тринадцатое посланіе самое неудовлетворительное изъ всѣхъ посланій Данила. Оно чрезвычайно обширно. Въ немъ нѣтъ ни послѣдовательности, ни единства предмета, встрѣчаются неоднократно повторенія. При обилии святоотеческихъ свидѣтельствъ, которыми наполнена самая большая часть посланія, при безпорядочности изложенія, при отсутствіи логической связи, трудно бываетъ выдѣлать во многихъ мѣстахъ то, что собственно принадлежитъ здѣсь самому автору посланія, и что приводимому имъ тому или другому церковному писателю. Встрѣчается и другаго рода трудность: авторъ иногда, пользуясь тѣмъ или другимъ церковнымъ авторитетомъ и выражаясь его словами, тѣмъ не менѣе умалчиваетъ объ источникѣ своего заимствованія и тѣмъ чужія разсужденія выдаетъ какъ бы за свои.

Въ содержаніи посланія находятся мнѣнія, противныя истинному пониманію христіанской нравственности (допущеніе осконеченія), которыми суть плодъ увлеченія Данила нѣкоторыми аскетическими тенденціями, явившагося подъ вліяніемъ крайней распущенности современнаго ему общества.

Своеобразный характеръ содержанія тринадцатаго посланія исключаетъ возможность передачи находящихся въ немъ мыслей въ порядкѣ слѣдованія, какой данъ имъ въ посланіи. Всѣ тѣ замѣченные пункты правоученій Данила, находящихся въ тринадцатомъ посланіи, сгруппированы нами въ видахъ болѣе удобнаго ознакомленія съ посланіемъ и обобщены на основаніи разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ посланія разсужденій автора.

III.

Посланіе о блудныхъ помыслахъ. Такое обозначеніе посланія сдѣлано не самимъ авторомъ,—въ рукописномъ сборникѣ оно не имѣетъ предъ собою никакого названія; послѣднее дано ему уже въ послѣдствіи историками на основаніи самого содержанія посланія.

Поводъ къ написанію посланія былъ очень простой. Одинъ, какъ нужно думать, благочестивый человѣкъ, мучимый блудными

помысли, обратился за вастырскимъ наставленіемъ къ митрополиту и письменно просилъ его помочь его горю. Посланіе такъ и начинается указаніемъ на предметъ, по которому оно написано. «Писалъ еси ко мнѣ, такъ начинается свое посланіе митрополитъ, какъ моей головѣ быти, яко зѣло обьятъ естъ отъ блудныхъ помысловъ». Затѣмъ, въ утѣшеніе его говорить о тяжести храненія цѣломудрія и утверждаетъ, что блудные помыслы подобны морю, въ которомъ «восходятъ великія волны».

Посланіе довольно кратко. По своему содержанію оно въ самыхъ общихъ чертахъ повторяетъ мысли предъидущаго, тринадцатаго, посланія. Въ посланіи, сообразно поводу, какой послужилъ для его написанія, предлагаются совѣты и рекомендуются нравственныя средства, какія, по мнѣнію автора, болѣе всего содѣйствуютъ цѣломудренной жизни.

Въ ряду средствъ, на которыхъ утверждается и развивается чистая высоконравственная жизнь христіанина, Даниилъ на первомъ мѣстѣ ставитъ, какъ это онъ дѣлаетъ и въ тринадцатомъ посланіи, страхъ Божій и исполненіе всѣхъ обѣтовъ, даваемыхъ каждымъ при крещеніи. Здѣсь не встрѣчается ничего новаго не только въ мысляхъ, но и въ способѣ выраженія ихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя буквально воспроизводятся и въ тринадцатомъ посланіи¹. Даже самое расположеніе мыслей и аргументація ихъ по мѣстамъ въ томъ и другомъ посланіи почти тождественны².

Вторымъ, болѣе частнымъ, средствомъ для сохраненія цѣломудрія въ этомъ посланіи, равно какъ и въ тринадцатомъ, признается

¹ Единственный списокъ его находится въ рукоп. М. Дух. Акад. № 555/104, л. 45—54. Приложение № XVIII.

² Сравни. рукоп. М. Д. Акад. № 555/104, л. 46—47 и Рукоп. Новгор. Соф. библ. № 1281, л. 298.

³ Это имѣетъ значеніе и въ отношеніи наир. свидѣтельства Василія Великаго. Рукоп. № 1281, л. 298 об. и рукоп. № 555/104, л. 47. Приведенное здѣсь свидѣтельство Василія Великаго взято изъ его «слова подвижническаго и увѣщательнаго объ отреченіи отъ міра и духовномъ совершенствѣ». Оно вѣрно передаетъ мысли св. отца. См. творен. св. отцевъ въ русск. переводѣ т. IX. Творен. св. Василія Великаго ч. V. 47—48. Подлин. см. Migne, Patr. Curs. Complet. Ser. graec. tom. XXXI. S. Basilii Caesariensi tom. III, pag. 629—630.

вниманіе и блюденіе своего сердца отъ дурныхъ помысловъ. И здѣсь совѣтъ высказанъ въ одинаковыхъ съ тринадцатымъ посланіемъ выраженіяхъ.

Третій пастырскій совѣтъ повелѣваетъ «сохранятися отъ видѣнія молодыхъ и гладкихъ лицъ и слышанія бесѣдъ таковыхъ, иже возставаютъ страсти, ни осезовати же, ниже осезоватися, ни осужати же кого оскорбляема отъ плотскихъ похотей, ни празднословити же, ниже смѣхотворныхъ словесъ вѣщати, иже воздвижутъ страсти и возставаютъ нечистыя помыслы, любити бесѣду духовную, иже о Христѣ житіе добродѣтельно имущихъ и красящихъ сѣдинами въ старости маститѣ». Въ этомъ совѣтѣ въ самомъ сжатомъ видѣ, въ формѣ сухаго фактическаго перечня сгруппированы всѣ тѣ многочисленныя средства, ведущія къ цѣломудренной жизни, какія такъ подробно изложены въ тринадцатомъ посланіи м. Данила. Здѣсь заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ сумѣлъ обобщить и схватить всѣ тѣ общія положенія, по поводу которыхъ онъ распространялся въ другомъ мѣстѣ и по другому случаю.

Побѣда надъ порочными страстными помыслами дается не вдругъ. Самою сильною помощію при борьбѣ съ помыслами оказывается прилежная молитва къ Богу. Данилъ здѣсь представляетъ подходящія къ данному случаю образцы молитвы, которые почти всѣ составляютъ выборъ стиховъ изъ разныхъ псалмовъ Давида съ болѣе или менѣе патетическимъ характеромъ. Какъ особый родъ молитвы, противодѣйствующій появленію дурныхъ помысловъ, является у Данила частое употребленіе имени І. Христа («Ісусова Имена»). И эта часть посланія во многихъ мѣстахъ, не говоря уже о тождествѣ мыслей, воспроизводится буквально въ тринадцатомъ посланіи. И въ настоящемъ посланіи, равно какъ и въ тринадцатомъ, Данилъ приблизительно въ однѣхъ и тѣхъ-же выраженіяхъ проводитъ мысль о великой трудности борьбы съ скверными помыслами¹ и устанавливаетъ такой взглядъ на цѣломудріе, что оно «невѣщнее точію житіе, но сокровенный сердца чловѣкъ, егда чистотствуетъ отъ скверныхъ помыслъ»².

¹ Сравни. Рукоп. Новгор. Соф. биб. № 1281, л. 298 и Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 519/146, 45—46.

² Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 515/146, л. 47—48. Сравни. рукоп. Новгор.

Такимъ образомъ, разсмотрѣнное посланіе не заключаетъ въ себѣ никакихъ новыхъ данныхъ, и по своему характеру представляетъ изъ себя сводъ общихъ положеній, которыя со всею подробностію развиты были въ тринадцатомъ посланіи м. Данила.

IV.

Четырнадцатое посланіе ¹ о духовномъ вниманіи, и трезвеніи и бжеженіи² написано по слѣдующему поводу, о которомъ можно судить изъ самаго содержанія посланія. Въ содержаніи посланія находятся нѣкоторыя указанія на личныя отношенія автора посланія съ тѣмъ человекомъ, которому оно адресовано. Изъ посланія видно, что нравственная связь между Даниломъ и поучаемымъ имъ въ посланіи лицомъ существовала издавна. Посланіе также обнаруживаетъ близкое знакомство Данила съ нравственнымъ состояніемъ лица, къ которому онъ пишетъ посланіе. Духовное чело Данила, какъ нужно предполагать на основаніи содержанія настоящаго посланія, не отличалось вообще твердостію характера и стойкостію нравственныхъ убѣжденій, не всегда было вѣрно долгу истиннаго христіанина и даже, кажется, по временамъ впадало и въ развратъ. Но несомнѣнно, это была личность не изъ окончательно нравственно падшихъ. Въ ней по временамъ ясно пробуждалось сознаніе и говорила совѣсть, что она живетъ не такъ, какъ должно жить истинному христіанину. Отсюда, послѣ каждой отдѣльной всныпки разгула естественно у нея являлись сильныя мученія и угрызенія совѣсти, которыя въ свою очередь вызывали слезы раскаянія. Подобное нравственное состояніе приводило это лицо въ отчаяніе. Оно начинало искать себѣ нравственной поддержки и часто находило ее въ пастырскихъ наставленіяхъ м. Данила. Такого рода обращенія были часты. Митрополитъ велъ дѣятельную переписку съ лицомъ, которому написано настоящее посланіе, когда онъ открыто и прямо въ немъ заявляетъ, что онъ такъ много наставлялъ его («многажды писахъ и совѣтовахъ, прежде рекохъ и писахъ ти «и др), что ему невоз-

Соед. биб. № 1281, 299. Эта мысль буквально взята изъ 1 слова св. Исаака Сиріина. См. Твор. св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ, том. XXIII, 4.

¹ Рухон, Императ. Пуб. биб. изъ древнехранилища Погодина № 1149, л. 215—217. Приложение № XVI.

можно дѣлать на него извѣтъ» или выказывать «жалость». Одно изъ обращеній этого лица, нравственное состояніе котораго только что описано, послѣ одной изъ вспышекъ нравственной разнузданности и послужило для Данила поводомъ къ написанію посланія «о духовномъ вниманіи, и трезвеніи, и бжеженіи», въ которомъ онъ, намекая на нравственное паденіе своего духовнаго чада, пишетъ съ горестію въ сердцѣ: «и се нынѣ паки окаянное наше забвеніе, и лѣность, и злое наше невниманіе и небреженіе въ различныя страсти насъ попользатися сотворило есть. И се скорбиши и стѣтуеши, и плачеша и слезы проливаеши, и се яко отъ ума иступивъ и яко плѣненъ и изумленъ и неистовъ пребываеши. И се паки небреженіе, и паки лѣности! Доколѣ разслабленное житіе, доколѣ бѣдное пребываніе, доколѣ рисканіе страстное и шествованіе прелестное лукаваго вѣка, низводящее во адъ? Внялъ ли еси, о возлюбленный духовный мой брате, якоже и преже рекохъ и писахъ ти?»

Въ Новгородскомъ Софійскомъ Сильвестровскомъ сборникѣ не существуетъ четырнадцатаго посланія, какъ отдѣльнаго литературнаго памятника. Но въ немъ непосредственно за тринадцатымъ посланіемъ находится, отдѣльная отъ него очень ограниченная по своему объему, и не предшествоваемая никакимъ названіемъ, самостоятельная статья, которая оказывается ничѣмъ инымъ, какъ очень незначительнымъ отрывкомъ изъ того самаго посланія, которое въ другихъ рукописныхъ сборникахъ обозначается названіемъ четырнадцатаго.

Въ четырнадцатомъ посланіи устанавливается общее начало нравственной дѣятельности. Это — постоянное духовное вниманіе ко всему окружающему человѣка и особенно къ своимъ внутреннимъ состояніямъ. «Много намъ подобаетъ, такъ начинается Данилъ свое четырнадцатое посланіе, имѣти духовнаго вниманія, и трезвѣнія и бжеженія о спасеніи нашемъ..., никто же бо спасся кромѣ вниманія и трезвѣнія и бжеженія». Необходимость въ постоянномъ вниманіи къ себѣ, и къ своимъ дѣйствіямъ, и ко внѣшнимъ явленіямъ обуславливается опасностію увлеченій благами видимаго міра. Увлеченный благами міра человѣкъ естественно забывается въ своемъ мимолѣтномъ и непрочномъ счастіи и мало оставляетъ времени для того, чтобы подумать о душѣ. Данилъ справедливо замѣчаетъ, что «матежь и молва (мірская) помрачаетъ умъ», и что «презорство же и гордость до конца погубляетъ, много повреждаетъ

мірская слава отъ духовнаго житія», хотя эта слава сама по себѣ есть и не преступна, а «богоданна», какъ ее называетъ св. І. Мѣстичникъ. Нравственный вредъ, происходящій отъ невниманія къ релігіознымъ потребностямъ своей души, не исчислишь: «много отъ начала міра отъ невниманія и небреженія пакость привиде духовному житію: и отсюда въ различныя ереси, и въ раздоры, и сомнѣнїи, и въ прелести и въ страсти распростресе лютый сей недугъ»

Вторая мысль посланія касается одного частнаго наставленія поучаемому, которое состоитъ въ томъ, чтобы «долу имѣти очи и отлучатися отъ бесѣдъ женскихъ, и не взираи на жены, и на дѣвцы, и на доброзрачныхъ женовидныхъ юношъ лицъ и совождоренія съ ними и бесѣдъ ихъ». «Аще ли отъ бѣсовскихъ сихъ сѣтей не потщитишися хранити, такъ заключаетъ свой совѣтъ митрополитъ, познавый яко плѣю пострадати имаша скверная паденія».

Четырнадцатое посланіе дышетъ чувствомъ любви и искренняго отеческаго участія къ поучаемому лицу.

V.

Десятое посланіе м. Даниїла о томъ, «яко душевредно есть совокуплягнися и бесѣдовати съ женами и съ мужи женовидными»¹ послѣднее въ ряду посланій, соприкасающихся съ ученіемъ о цѣломудріи, не вноситъ собою никакихъ новыхъ воззрѣній и взглядовъ для характеристики литературной дѣятельности митрополита. Но оно важно, какъ историческій памятникъ нѣкоторыхъ бытовыхъ явленій древнерусской жизни, нѣкоторыхъ отдѣльных чертъ жизни древне-русскаго человѣка. Во всѣхъ предъидущихъ посланіяхъ этого отдѣла преобладалъ элементъ дидактическій, среди котораго мало можно найти чертъ, принадлежащихъ собственно современной жизни, и относящихся къ особенностямъ нравовъ того отдаленнаго времени. Общее, что только можно вывести изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ посланій этого отдѣла, это то, что въ современномъ Даниїлу обществѣ господствовали довольно широкая распушенность и развратъ. Существованіе этого явленія, конечно, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, такъ какъ иначе совершенно не было

¹ Рукоп. Новгор. Соф. биб. № 1281, л. 291—294. Рукоп. Соф. биб. № 1436, л. 56—58.

бы никакой необходимости для Даниїла писать столько посланій о цѣломудріи, сколько ихъ осталось отъ него. Это тѣмъ болѣе такъ именно должно было быть, что онъ писалъ по вызову, имѣлъ постоянные предлоги и поводы, какіе выставляла ему жизнь современнаго ему общества. Но въ какихъ частныхъ чертахъ обнаруживалась распущенность, объ этомъ ничего почти не говорятъ посланія настоящаго отдѣла. Десятое посланіе м. Даниїла нѣсколько разъясняетъ картину нравственнаго состоянія общества и съ этой стороны является прекраснымъ дополненіемъ къ предыдущимъ посланіямъ отдѣла. Содержаніе этого посланія по отношенію ко всѣмъ предыдущимъ служитъ фактическимъ комментариемъ и въ то же время объясняетъ собою ту настырскую настойчивость, съ которою Даниїлъ, иногда съ непозволительною крайностію увлекающагося человѣка, разсуждаетъ о цѣломудріи, чистотѣ, средствахъ къ ихъ сохраненію и т. п.

Въ посланіи можно отыскать два отдѣла: одинъ историческій, характеризующій личность, къ которой написано посланіе и отношеніе къ нему митрополита Даниїла, другой—дидактическій, излагающій нравственныя наставленія лицу, къ которому оно написано.

Нравственная или вѣрнѣе безнравственная личность, къ которой написано десятое посланіе м. Даниїла, несомнѣнно интересное явленіе въ древнерусской жизни. Этотъ человѣкъ занималъ видное мѣсто въ обществѣ и точно также выдѣлялся изъ ряда обыкновенныхъ людей своею порочною жизнію. Онъ состоялъ въ преступной связи не съ женщиною, какъ это обыкновенно бываетъ, а съ мужчиною, несомнѣнно молодымъ, вѣроятно же всего съ кѣмъ либо изъ состоящаго при немъ служебнаго персонала. Связь была довольно продолжительная и помимо противуестественнымъ образомъ удовлетворяемыхъ инстинктовъ покоилась еще между ними и на отношеніяхъ, повидимому, болѣе нравственнаго характера. Между ними всегда существовало полное единодушіе. Очень можетъ быть, что здѣсь было не болѣе, какъ заблужденіе; видимое единодушіе скорѣе всего основывалось на той прямой животной связи, по которой «слухевредная любовь господина восходила» на его молодаго друга. Будучи давней, связь эта не могла долго оставаться тайною для другихъ. Дѣйствительно, о ней знали весьма многіе. «Множицею отъ многихъ слышахъ о напасти твоей и плакахъ зѣло горько о бѣдѣ твоей», такъ между прочимъ пишетъ несчастному рабу жалкаго порока м. Даниїлъ. Позорная

страсть, долго удовлетворявшаяся, начала дурно дѣйствовать на здоровье порочнаго, она надламывала его физическія силы и ослабляла всѣ умственные его способности. Митрополитъ Данилъ, хорошо знавшій слабую сторону этого человѣка, принялъ мѣры для его вразумленія. Но по щекотливости самаго дѣла, усиливавшагося еще высокимъ положеніемъ преступнаго страдальца, ему трудно было подыскать удобное время, равно какъ и болѣе подходящее средство ко вразумленію. «Вельми хотѣхъ руку помощи подати, говорить объ этомъ митрополитъ, но не имѣхъ приличнаго времени како приступить къ тебѣ, аще многажды бесѣдовахъ любви твоей, *аще изъясляхъ о малѣ ничто притчею*, но ничтоже успѣхъ. самому ти не подцавшуся на се». Но болѣзнь и физическая слабость сломили самый крѣпкій и устойчивый характеръ. Вмѣстѣ съ физическимъ разстройствомъ стали чаще являться мысль и сознаніе грѣховности, въ состояніи болѣзненнаго разстройства начали всплывать старые грѣхи, а отсюда и естественный ужасъ предъ скорою смертію и страшною отвѣтственности за гробомъ. А при всемъ томъ не умолкали и требованія сильной своею давностію страсти. Отсюда можно уже имѣть приблизительное понятіе о нравственномъ состояніи этого человѣка, которое было близко къ полному отчаянію. Вотъ, находясь приблизительно въ одномъ изъ такихъ состояній, несчастный, разбитый физически и не имѣющій никакого нравственнаго утѣшенія, кромѣ мучительнаго сознанія за собою массы грѣховъ, обратился за духовными совѣтами къ митрополиту и, подъ тяжестію ихъ, излилъ предъ нимъ все свое горе и открылъ ему позорную свою страсть. Объ этомъ обстоятельствѣ упоминаетъ Данилъ и въ своемъ посланіи къ нему. «Имиже вѣси судьбами Всемилостивый Богъ устроилъ жестокое и не поболѣнное твое сердце и преклонилъ желѣзную твою выю, такъ между прочимъ пишетъ онъ, тѣмъ же вся папаста твоя *по току* изрекъ еси моему окаиству. И помани вопль твой, помани слезы твоя, изливаемая на грѣшную твою ногу, помани како плачася глаголахъ еси ко мнѣ грѣшному иноку Данилу, яко долженъ еси воззвати и укрѣпляти мя; и весь недугъ твой открылъ еси моему недостойнству». Изъ словъ Данила яснѣе всего видно, до какого состоянія дошелъ въ своей страсти несчастный служитель порока. Архипастырѣ далъ ему самый простой и въ то же время подходящий къ его положенію совѣтъ: «не токмо не совокуплятися или бесѣдовати съ женами и съ отроцаты юными, но ниже взирати безстыдно на лица ихъ, и особенно не совокупля-

тиса ниже бесѣдовати съ тѣмъ, на котораго восходила его душевредная любовь, и паче же на единѣ хранитися еже не бесѣдовати съ нимъ не токмо не полезныхъ, но и мнящихся благословныхъ и духовныхъ бесѣдъ». Не особенно сильно и на долго подѣйствовали пастырскія наставленія Данила. Ослабѣли симптомы болѣзни и физическихъ страданій и давняя страсть снова вызвала своего поклонника на прежній путь порока и заставила работать для своего удовлетворенія. А за этимъ само собою слѣдовали снова болѣзни и снова тѣ же нравственные мученія и угрызенія нечистой совѣсти. На этотъ разъ несчастному уже тяжело было лично обращаться къ митрополиту за духовными совѣтами и утѣшеніемъ, а потому онъ дѣлаетъ это въ письмѣ, гдѣ онъ и изображаетъ свое жалкое состояніе и говоритъ, что онъ «въ скорби велицей отъ обдержажихъ его болѣзней и горестей страстей зѣлыхъ, воюющихъ его немилостивно», но скромно умалчиваетъ объ истинной причинѣ всѣхъ своихъ невзгодъ и страданій. Понятно, въ его молчаніи говорило естественное чувство стыда, нежеланіе предать письмени то, что не совсѣмъ легко передается даже устно. Конечно Данилу не стоило большого труда самому доискаться истинныхъ причинъ несчастія его пасомаго, когда онъ зналъ о нихъ уже давно, но все таки его личное чувство было задѣто скрытностію того, кто самъ искалъ его наставленій, и потому онъ пишетъ ему: «а отъ которыхъ тебѣ вещей вредъ, сіе скрывая, крыеши отъ моего недостойнства, помани, любимиче мой, окаянную мою худость.... азъ глаголахъ тебѣ».... Отвѣтомъ-то на письмо и послужило десятое посланіе Данила.

Во второмъ отдѣлѣ посланія митрополитъ даетъ соответствующія пастырскія наставленія своему духовному сыну и возвращается къ старому предмету, предлагая ему совѣтъ удаляться общества женщинъ и красивыхъ юношей и особенно, какъ можно скорѣе, постараться удалить отъ себя предметъ его противоестественнаго увлеченія, угрожая въ противномъ случаѣ и ему, и его любимцу одинаковою ужасною участію за гробомъ вѣчными муками. Свой пастырскій совѣтъ избѣгать общества женщинъ и красивыхъ юношей Данилъ подтверждаетъ словами евангельскихъ текстовъ о соблазняющемъ десномъ окѣ и десной рукѣ (Мѡ. XVIII, 8—9.) и толкованіемъ ихъ, принадлежащимъ св. І. Златоусту, который объясняетъ ихъ въ томъ смыслѣ, что здѣсь этими словами Спаситель требуетъ отъ своихъ послѣдователей удаленія отъ всего соблаз-

няющаго, хотя бы оно было для него такъ же драгоцѣнно, какъ правый глазъ или правая рука. Постоятельное убѣжденіе удалить отъ себя предметъ своей позорной привязанности Даниилъ, кромя священныхъ аргументовъ, подкрѣпляетъ еще психологическими наблюденіями и соображеніями, которымъ никакъ нельзя отказать въ ихъ вѣскости и практическомъ значеніи: «аще отженеши отъ себе таковаго, почиши отъ обдержанія тѣ скорби и залога злыхъ и нечистыхъ страстей, аще ли же закосниши отъстои отъ себе таковаго и по малу малу растеть страсть, дондеже плѣнень будеши, помрачаемъ отъ піанства всепагубныхъ страстей, и по семъ, аще восхощеши, не бо воленъ въ себѣ будеши, но плѣняемъ и водимъ, якоже скотъ, отъ нечистыхъ страстей, увы миѣ, погрязнеши нечаяно!»... Для того, чтобы еще болѣе подѣйствовать на несчастнаго и жалкаго грѣшника, митрополиту набрасываетъ картину, физически и нравственно тяжелаго состоянія чловѣка, въ какое повергаетъ его порочная страсть. «Поразумѣй, о возлюбленный и духовный мой брате, какова бѣда отъ сего бываетъ чловѣку: въ которомъ уныніи, и сѣтованіи, и скорби бываетъ чловѣкъ, впадъ въ ту напасть, и потомъ въ кое безнадежіе и отчаяніе снизходитъ, и како очи возведеть, или руци воздѣтъ, въ нечистотѣ живя, и каковъ студъ, и срамъ, и поношеніе, и укоризны отъ чловѣкъ подъяти имать; аще бо зрящемъ чловѣкомъ обращемъ въ сквернѣ сей не добрѣ ли изволимъ умрети, нежели живымъ быти и обрѣстися въ студѣ и поношеніи отъ всѣхъ чловѣкъ! Сія поминай и по малу восхощаеши страсть!» Нужно сказать, что весьма многое изъ тѣхъ проявленій вреда, о которыхъ говоритъ Даниилъ, поучаемый имъ давно пережилъ и переиспыталъ. А это само собою дѣлаетъ обращенныя къ нему наставленія болѣе вѣскими и разчитанными на успѣхъ. Видно, наблюдательному и внимательному ко всему окружающему митрополиту часто бросались въ глаза тѣ вредныя во всѣхъ отношеніяхъ послѣдствія, какими сопровождался противоестественный развратъ его времени.

Въ заключеніи посланія повторяется совѣтъ избѣгать женщинъ и юношей и въ противовѣсъ бореніямъ страсти устраниать себя Спасовымъ судомъ и вѣчными муками.

ГЛАВА III.

Обозрѣніе разнородныхъ посланій.

Къ этому отдѣлу относятся посланія безыменные: о страхѣ Божіемъ, о страшномъ судѣ, о ничтожествѣ и скоротечности человѣческой жизни, два посланія къ неизвѣстному епископу, посланіе къ Юрію Ивановичу Дмитровскому и посланіе къ Андрею Ивановичу Старицкому.

I.

Посланіе о страхѣ Божіемъ.

Обстоятельства происхожденія этого девятаго по счету посланія м. Данила очень несложны. Одинъ изъ занимавшихъ въ его время довольно видное положеніе въ обществѣ вельможъ далеко неотличался нравственными своими качествами. Онъ извѣстенъ былъ въ обществѣ за человѣка весьма тяжелаго и жестокаго, у котораго никто не могъ найти милости и защиты, а скорѣе всего могъ рассчитывать на противоположное. Характеръ этого человѣка, видно, былъ очень жестокъ и неспосенъ, когда онъ сдѣлался предметомъ общественныхъ обсужденій и разговоровъ, которые дошли наконецъ и до митрополита Данила. Послѣдній зналъ лично этого человѣка и еще ранѣе этого времени неоднократно писалъ ему свои посланія, а также наставлялъ его и устно.

Полный сознанія своего пастырскаго долга митрополитъ, узнавъ о жестокомъ характерѣ своего духовнаго сына, рѣшился, насколько возможно, вразумить его духовными средствами и смягчить его необузданный характеръ. Средствомъ для этой благой цѣли и послужило настоящее посланіе.

Девятое посланіе ¹ имѣетъ своимъ предметомъ благочестивыя размышленія о страхѣ Божіемъ, хотя и обозначается авторомъ болѣе общимъ названіемъ «о наказаніи».

Во введеніи посланія авторъ по обыкновенію ссылагается на свою духовную слабость и нравственное недостоинство ² и затѣмъ

¹ Рукоп. Сед. библ. № 1456 л. 54—56. Рукоп. № 1281 л. 289—291.

² «Многихъ золъ исполнися душа моя и помрачена имѣю мысло-внутренняго чловѣка и пленца ми безчисленныхъ грѣховъ».

сообщаетъ, что онъ много разъ уже наставлялъ и вразумлялъ своего духовнаго, но жестокаго сына.

Введеніе посланія самое краткое, послѣ котораго Даниилъ прямо переходитъ къ поводу, побудившему его написать посланіе, и даетъ такой пастырскій совѣтъ поучаемому: *отрини отъ себе лукавство и нечеловѣколюбіе*, и восприми безъ ухищренія блаженную простоту, и кротостную премудрость и смиреніе ко всѣмъ.... и тихо и кротко и смиренно житіе, якоже подобаетъ истиннымъ христіаномъ, не имѣя бо кто предаде или образъ даде спасенія заповѣди богато-творнаго смиренія православнымъ христіаномъ, но Самъ Всемиловитый Господь нашъ І. Христосъ!.... Наставленіе подобрано какъ нельзя болѣе къ мѣсту и къ случаю и дышетъ прямою и откровенностію истиннаго пастыря. Въ полный противовѣсъ недостаткамъ нравственнаго характера своего духовнаго сына митрополитъ излагаетъ предъ нимъ ученіе о страхѣ Божіемъ. Насколько поучаемый имъ, какъ видно было изъ его дѣйствій, отличался жестокостію и отсутствіемъ чувства страха предъ отвѣтственностію за нее, такъ напротивъ духовный его пастырь избираетъ для его вразумленія такой предметъ, который если не могъ исправить, то во всякомъ случаѣ могъ заставить призадуматься всякаго челоуѣка, у котораго еще сколько нибудь было живо религіозное чувство. Даниилъ отводитъ страху Божію весьма важное мѣсто въ области христіанскаго вѣроученія и христіанской морали. По его мнѣнію страхъ Божій есть начало спасенія нашего и корень всѣмъ благимъ, сущимъ въ насъ; имѣяй страхъ Господень, по словамъ Даниила, сей законы Божіи соблюдаетъ, соблюдая же заповѣди Божіи сей вѣчнаго живота наслѣдникъ будетъ. Говоря о страхѣ Божіемъ авторъ не дѣлаетъ логическаго опредѣленія его и не указываетъ широты понятія, какое онъ соединяетъ съ названіемъ страха Божія. Вѣсто того онъ въ своихъ разсужденіяхъ о страхѣ Божіемъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на собираніи разныхъ подходящихъ священныхъ евангельскихъ, апостольскихъ и другихъ изреченій. Здѣсь не встрѣчается обширныхъ выписокъ изъ памятниковъ святоотеческой литературы. Изъ послѣдней приведены только: одно очень краткое изреченіе св. І. Златоуста четыре церковныхъ пѣсни—творенія І. Дамаскина и одна пѣснь—творенія Θεодора Студита.

Заключеніе посланія перечисляетъ тѣ блага, какія даруетъ страхъ Божій, и какую нравственную переимѣну производитъ онъ въ душѣ

христіанина. «Помолимжеся Господу Богу, пишетъ Даниилъ, да всадитъ въ сердца наша страхъ свой, понеже страхъ Господень (есть) источникъ живота: имѣяй страхъ Божій подвизается подвигомъ добрыхъ, утончается, и удержитъ и поработитъ тѣло, побѣдитъ страсти, воздыхаетъ, плачетъ, слезитъ, и всегда смертное поученіе въ себѣ имать, трепещетъ же и бонится како предстати имать страшиному и нелицемѣрному суду Христову, и каковъ отвѣтъ хочетъ воздати о всемъ своемъ житіи, и тако внимая себѣ, бѣжитъ бесѣдъ душевредныхъ, и отъ сожитія друзей неполезныхъ, и соблюдаетъ чувства своя отъ слышанія суетнаго, и отъ зрѣнія вреднаго, и отъ обонанія женскаго, и отъ всякаго начинанія лукаваго.... и вся земная вѣка сего прелестнаго вибѣняетъ въ уметы, и пепелъ, и во всемъ тщится сохранить себе невредна, и все свое тщаніе имать о дѣланіи заповѣдей Христовѣхъ».... Обобщая всѣ тѣ слѣдствія, какія приписываетъ Даниилъ дѣйствию страха Божія, мы получимъ въ итогѣ, что результатомъ его служитъ вся совокупность христіанскихъ добродѣтелей.

Въ концѣ заключенія находится краткое пастырское наставленіе имѣть въ сердцѣ своемъ страхъ Божій и смиренную мудрость.

Девятое посланіе о страхѣ Божіемъ имѣетъ нѣкоторыя особенности сравнительно съ другими посланіями Даниила. Оно принадлежитъ къ числу тѣхъ немногочисленныхъ посланій, которыя носятъ на себѣ нѣкоторыя черты пастырскихъ поученій, а не учено-богословскихъ трактатовъ, полныхъ обширныхъ выдержокъ изъ разныхъ церковныхъ авторитетовъ, но слабыхъ назиданіемъ. Чуждое богословской эрудиціи, написанное яснымъ языкомъ, имѣя видъ простаго пастырскаго слова и отличаясь бо лѣе или менѣе единствомъ предмета, девятое посланіе должно быть поставлено въ ряду одного изъ лучшихъ посланій м. Даниила.

II.

Посланіе о страшномъ судѣ.

Восьмое посланіе Данила о страшномъ судѣ¹, вызвано было слѣдующимъ обстоятельствомъ. Нѣкто, имя котораго неизвѣстно, довольно долгое время велъ очень неумеренную жизнь и проводилъ свое время «жируя, по словамъ Данила, яко скотъ и валяся яко свинія въ казѣ». Разгульный, полный пресыщенія и пороковъ образъ жизни наконецъ надоелъ этому человѣку. Его безпорядочность и вообще, «нерадивое житіе» не могли еще окончательно заглушить въ немъ всѣ чувства добра и истины. Въ немъ наконецъ пробудилось сознаніе нравственной неудовлетворительности своего положенія и онъ рѣшился совершенно измѣнить свою жизнь и сдѣлаться болѣе или менѣе благочестивымъ человѣкомъ. За духовнымъ руководствомъ онъ рѣшился обратиться къ самому митрополиту, откуда можно заключать, что эта личность принадлежала къ высшимъ слоямъ русскаго общества. «Толковавъ еси совѣтъ духовещь, такъ начинается Данилъ свое посланіе къ нему, со мною, окаяннымъ инокомъ Даниломъ, еже быти тебѣ отступити отъ злаго твоего и нерадиваго житія, и обратитися къ Господу Богу покаяніемъ, и исправить себе и жити богоугодно въ законѣ Его, очистивъ свою душу и тѣло, яко же подобаетъ истиннымъ христіаниномъ». Послѣдствіемъ сего духовнаго софѣщанія было нѣсколько посланій митрополита къ порочному человѣку, которыми онъ назидалъ его «многажды». Но плоды ихъ оказались не особенно блестящими. Желаніе нравственнаго исправленія оказалось непродолжительнымъ, простымъ увлеченіемъ, а не твердымъ рѣшеніемъ человѣка, задавнагося цѣлію покончить разъ навсегда съ своимъ прежнимъ образомъ жизни. Прелести старой широкой, нестѣсняемой рамками нравственности, жизни преодолѣли слабаго человѣка и возвратили его на прежній путь порока. О неблагопріятной переměнѣ въ образѣ жизни своего духовнаго сына узналъ и Данилъ и рѣшился подѣйствовать на него своимъ посланіемъ. «Нынѣ слышахъ, о любезне, пишетъ онъ къ нему, яко въ послѣдняя злая пизшелъ еси, и душепагубныя дѣла со-

¹ Рукоп. соч. библ. № 1456 л. 49—54; Рукоп. Свф. № 1281 л. 282—289,

вершаеши безстрашно, и о семъ множицею писахъ тебѣ да престанеши отъ таковаго зла, ты же паки въ безстрашіи Божіи пребываеши.... и обращенія и показанія къ Богу не поищени, и нѣсть ни что чаяти точію муку вѣчную и тьму кромѣшнюю, и червь неусыпаемый и пламень огненный,... и скрежетъ зубомъ».

Для того чтобы сильнѣе подѣйствовать на порочную душу поучаемаго Даниилъ избираетъ предметомъ посланія къ нему изображеніе страшнаго суда. Въ выборѣ предмета посланія проглядываетъ и практическая мысль его автора дѣйствовать всегда соотвѣтственно обстоятельствамъ и выбирать средства дѣйствій соотвѣтственно нуждамъ и потребностямъ человека такъ, чтобы они были всегда близки къ успѣху и скорѣе всего вели къ предначертанной цѣли. Посланіе такъ и озаглавивается «о страшномъ судѣ».

Описаніе страшнаго суда, даваемое ему м. Данииломъ, можетъ быть названо эпизодическимъ. Эпизодическое изображеніе суда у Даниила состоитъ въ слѣдующемъ. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній, указавъ нѣсколько характерныхъ чертъ въ его ходѣ и особенностяхъ, митрополитъ сейчасъ же переходитъ къ назиданію и даетъ нѣсколько соотвѣтствующихъ нравственныхъ наставленій поучаемому, затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе новыхъ чертъ суда, а за нимъ новое нравственное примѣненіе къ поучаемому и т. д.

«Вельми есть лють день онъ страшнаго суда Христова, такъ начинается митрополитъ описаніе грядущаго суда,... страшенъ судъ Твой, Господи, Ангеломъ предстоящимъ, человекомъ вводимомъ, книгамъ разгибаемымъ, дѣломъ испытваемымъ, помысломъ истязаемымъ»..... Описавъ далѣе страшный судъ словами пророка Давида, апостола Павла (Рим. II, 5) и краткими изреченіями св. Афанасія Великаго, которые всѣ проникнуты были ужасомъ предъ этимъ днемъ суда, Даниилъ тотчасъ же отсюда дѣлаетъ нравственное примѣненіе и говоритъ: убоимся и мы, любимые мой, и возвратимся отъ беззаконія нашего, оставимъ нечестіе наше. Доколѣ не воспрянемъ, доколѣ тяжкимъ сномъ спимъ? Уже долѣетъ намъ многого беззаконія, долѣетъ намъ многого нечестія нашего, долѣетъ намъ законопреступнаго хоженія нашего, долѣетъ намъ скверныхъ словесъ, долѣетъ намъ гнусныхъ дѣлъ. На кый успѣхъ намъ житія сего временная сласть? Уже насытихомся злыхъ и скверныхъ дѣлъ, напитахомся безбожныхъ словесъ.... Убо-

и мѣся могущаго душу и тѣло погубити въ огни негасимомъ, не вѣжѣлимъ лихоиманія и злаго богатства, ибо яко дымъ исчезаетъ, и яко стѣнь преходитъ, и яко вода мимо течетъ и яко возстающаго сонъ отходитъ. И что имамы тогда отвѣщати нелицемѣрному Судіи? Каковы насъ тогда пріяти имутъ муки? Како имамы стерпѣти мученіе то немилостивое? Убоимся, брате мой любимый, вострепещемъ, ужаснемся, дондеже время имамы возвратимся отъ беззаконія нашего, покаемся прежде пришествія смертнаго, убоимся дне оного страшнаго»... Наставленіе отличается живостью языка и глубокимъ чувствомъ.

Новое описаніе страшнаго суда словами пророковъ Моисея (Второз. XXXIII, 21—23), Исаи (XXXIV, 4), Михея (I, 3. 4), Софоніи (I, 18); евангелиста Матвея (XXIV глава); апостоловъ Петра (2 П. III, 10), Павла (2 Сол. I, 7—9. 1 Тим. VI, 13—15. Евр. III, 12), непосредственно за которымъ слѣдуетъ новое прочувствованное пастырское увѣщаніе: «о брате мой, востанемъ, утрезвимся, восплачемъ предъ Господомъ, сотворимъ насъ, обратимся отъ беззаконія нашего, оставимъ злобу, оставимъ гнусъ скверности нашихъ,... понеже безъ вѣсти есть конецъ живота нашего»....

Третій пріемъ изображенія дѣйствій страшнаго суда, гдѣ митрополитъ пользуется для своей извѣстной цѣли словами пророчествъ Даниила и Софоніи и краткими изреченіями св. Афанасія Великаго и І. Златоуста. Всеобщій судъ будетъ ужасенъ для всѣхъ. «Тогда вси мертвіи отъ гробовъ возстанутъ и возрастомъ единѣмъ вси будутъ». Здѣсь всякое естество человѣческое наго и умиленно нелицемѣрному Судіи предстанетъ, ангели окрестъ престола Его страшнаго со страхомъ и трепетомъ стояще пламени видѣнимъ, и страшни, грозни, огонь мученія облістающе, огнено глаголюще, огнемъ дышающе, и кто стерпѣти можетъ страшну ону праведную ярость Судіи нелицемѣрнаго, исполнь сущу гнѣва и ярости?... Кто не утрашится, кто не ужаснется, кто не вострепещетъ, кто не восплачется, кто болѣзненно не возопіетъ тогда?»..... Изобразивши въ яркихъ чертахъ ужасы послѣдняго суда, ожидающаго cadaго челоуѣка, митрополитъ обращается непосредственно къ лицу поучаемаго и спрашиваетъ его: «что сотворимъ тогда, о возлюбленне, многимъ грѣхомъ повиннии суще? Како убѣжимъ лютыя муки тогда? Гдѣ ли имамы скрытиса тмы кромѣшныя, о челоуѣче? Како стерпимъ скрежета зубнаго, узы нерѣшимыя, червія неусыпающаго, огня негасимаго, плача неутѣшимаго, тартара, скорби, тѣсноты,

горести, болѣзни, воздыханія? Тамо языцы пражеми, тамо темницы и томленія, и муки вѣчныя. И что сотворимъ тогда, о возлюбленный брате, егда влекоми будемъ въ геонскія тыя муки, имъ же нѣсть конца? Положеніе человѣка на судѣ вполне безпомощно, тамъ не найдется низаступниковъ, ни помощниковъ, единственнымъ заступникомъ и спасителемъ его будутъ его собственныя дѣла. Митрополитъ конкретно изображаетъ эту сторону положенія человѣка на судѣ, когда говоритъ, что тамъ каждый имѣетъ въ виду исключительно только «каждо своя си, и книги совѣсти прочитаючи, и вся неспрощаема и немилостивна», что тамъ, «нѣсть покаянія, ни исповѣданія, нѣсть бо предстоящаго, ни помогающаго, нѣсть изыма и ничитоме отъ бѣды оная неможесть бо тогда помощи: ни отецъ, ни мати, ни сынъ, ни дщи, всяко бо тогда каждо свою нужду имать, и каждо о своей бѣдѣ тренещеть, о друземъ же не можетъ попещися: братъ не можетъ помощи тамо, ни сестра, ни другъ, ни ужика, ни ближній, ни мудръ, ни витія, ни познаваемый, ни богатство, ни имѣніе злата и серебра, ниже ино что человѣческое, но сія вся непостоянна будутъ, единый же судяйся престанетъ со страхомъ и трепетомъ многимъ или богатъ есть или нищъ, или славенъ, или неславенъ, или самъ той одѣяніе царское носая едину помощь отъ дѣлъ имѣя токмо или оправданіе или осужденіе. Тогда бо гордость и слава всѣхъ смирится, и восплачется каждо неутѣшимо и непокаянно. О возлюбленный брате! Слышаще таковая обратимся къ Господу Богу покаяніемъ и исповѣданіемъ.... Разумѣй яко человекъ есть днѣсь живъ и заутра умираемъ въ гробъ относимъ, и червми снѣдаемъ.... Воимъ же и сіе, яко воскресеніе будетъ всѣмъ отъ вѣка умершимъ, и страшный онъ судъ Спасовъ всѣхъ убо воскреситъ..... и судитъ сущимъ всѣмъ отъ время даже и до скончанія»....

Въ заключеніи посланія излагаются наставленія объ исправленіи жизни, о возвращеніи на путь добродѣтели для того, чтобы не подпасть ужаснымъ карамъ послѣдняго великаго суда, гдѣ будутъ взвѣшены и оцѣнены не только слова и дѣйствія человѣка, но и самыя тайныя сокровеннѣйшія его мысли, сердечныя движенія и порывы.

Осьмое посланіе одно изъ самыхъ лучшихъ. Оно отличается единствомъ предмета, въ немъ нѣтъ учено-богословскихъ аргумен-

товъ, оно написано живымъ подчасъ увлекательнымъ языкомъ и проникнуто глубокимъ чувствомъ.

III.

Посланіе о ничтожествѣ земныхъ благъ и скоротечности человѣческой жизни.

Четвертое посланіе митрополита Данила ¹ имѣетъ слѣдующее историческое происхожденіе. Какъ видно изъ самаго содержанія посланія, лицо, для котораго предназначалось посланіе, принадлежало къ благородному сословію. Отсюда само собою понятно и то, что оно прекрасно обставлено было въ матеріальномъ положеніи и пользовалось удовольствіями и всѣми благами міра. Болѣе или менѣе продолжительная жизнь, полная удовольствій во всемъ, развила въ этомъ вельможѣ сильную привязанность ко благамъ міра. Наступила его привязанность болѣе или менѣе прозрачно намекаетъ и Даниилъ, когда пишетъ въ посланіи къ нему: «мы егда въ малѣ нѣчто въ земныхъ и тѣлесныхъ, и мимотекущихъ вещехъ отщитимся суетнаго житія нашего, и о сихъ паче зельѣ рыдаемъ и плачь и слезы отъ безумія нашего неполезно точаще, а о духовномъ житіи немало пекущися, и егда въ духовныхъ отщитимся, и сіе ни во что же полагаемъ»... Излишняя привязанность къ мірскимъ благамъ однако приносила вредъ этому человѣку, заставляя его игнорировать многія христіанскія обязанности и сравнительно мало оставляя для него времени для его нравственнаго развитія. Будучи все таки человѣкомъ религіознымъ, хотя болѣе въ формальномъ смыслѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, этотъ вельможа время отъ времени призадумывался надъ своимъ положеніемъ и находилъ въ своей жизни много такого, что далеко не гармонировало съ духомъ и требованіями истинной христіанской морали. А потому въ его жизни выпадали минуты, когда онъ уже былъ готовъ окончательно порвать связь съ прежнею, преданною удовольствіямъ и всевозможнымъ наслажденіямъ жизнью и приняться за свое исправленіе. Но привязанность къ міру и удовольствіямъ оказывалась всегда

¹ Рукон. Новгород. Соф. биб. № 1281 л. 230—235; Рукон. Соф. № 1436 л. 9—13. Приложение № XIV.

сильнѣе теоретическихъ нравственныхъ соображеній и челоѣкъ, въ головѣ котораго уже совсѣмъ созрѣвало рѣшеніе порвать порочную связь съ міромъ, на самомъ дѣлѣ оставался по прежнему въ ряду поклонниковъ его. Время шло, возобновлялись періодически и обѣщанія и зарокѣ исправиться и начать благочестивую жизнь, но обѣщанія оставались одними обѣщаніями и не переходили въ дѣйствительность. Указаніе на подобный образъ дѣйствій неизвѣстнаго вельможи находится въ посланіи къ нему Данила, въ которомъ онъ между прочимъ пишетъ: «нынѣ унываеши, и не тщишися исправить себе, и зарокъ отъ зарока даеши, и день отъ дни обѣщаеши, и сице провожаеши лѣта своя не спѣха имѣя, но паче украдаеши отъ противнаго, дондеже и кончина приспѣетъ, понеже безъ вѣсти конецъ». Зная хорошо нравственное состояніе и слабыя стороны вельможнаго лица, м. Данилъ рѣшился сдѣлать попытку къ исправленію его и вотъ написалъ ему посланіе о томъ, что «житіе сіе прелестное яко сонъ мимоградетъ», само оглавленіе котораго прямо ударяетъ въ слабую сторону лица, къ коему адресовано посланіе.

Во вступленіи въ посланіе митрополитъ говоритъ о своемъ нравственномъ недостойствѣ, называя себя «пучиною безмѣрныхъ прегрѣшеній», и о своей умственной ограниченности, представляя себя ни на что непотребнымъ безумцемъ. Здѣсь же онъ высказываетъ сильное опасеніе, чтобы по его небреженію церковныя дѣла не пришли въ разстройство и тѣмъ не сдѣлались бы предметомъ соблазна для его пасомыхъ, и заявляетъ желаніе имѣть при себѣ достойныхъ и вѣрныхъ совѣтниковъ, исключительно преданныхъ вѣрѣ и благочестію и вполнѣ отрѣшившихся отъ міра и его увлекательныхъ благъ. Характеръ вступленія легко поддается объясненію. Лицо, для котораго предназначалось посланіе, отличалось сановитостію. Между тѣмъ въ посланіи предлагаются такія истины, которыя не могли особенно правиться вельможной особѣ. Чтобы не задѣть самолюбія своего вельможнаго духовнаго сына и тѣмъ не дать повода къ неудовольствію на себя, митрополитъ не щадитъ въ посланіи къ нему и своей собственной личности и въ то же время пользуется удобнымъ случаемъ для того, чтобы напомнить ему о своемъ правѣ и долгѣ учить и вразумлять другихъ.

По своему содержанію посланіе распадается на два отдѣла. Въ первомъ и самомъ обширномъ отдѣлѣ трактуется, соответственно оглавленію посланія, о ничтожествѣ земныхъ благъ и скоротеч-

ности человѣческой жизни, второй отдѣлъ состоитъ изъ отдѣльных нравственныхъ наставленій.

Неизвѣстный человѣкъ, къ которому написано посланіе, отличался сильною привязанностію къ міру и его благамъ въ прямой ущербъ спасенію своей души. Соответственно сему состоянію духовнаго своего сына митрополитъ развиваетъ предъ нимъ идею о высшемъ духовномъ назначеніи человѣка, минутнаго жителя земной планеты. Все существованіе человѣка на землѣ есть временное и подготовительное. Поэтому единственною цѣлію его жизни должна служить постоянная забота «о ономъ, еже по смерти, житіи». Время, потерянное непроязвительно для извѣстной нравственной цѣли человѣка, невозможно никакими средствами: «аще кто сребро и злато въ вѣщѣ сѣмъ погубитъ, можетъ вмѣсто того обрѣсти вино, а время иже погубивый, другое вмѣсто того не обрываетъ...» Если такова судьба, если таковъ предѣлъ земной жизни человѣка, то «кая убо есть польза, спрашиваетъ Даніилъ поклонника мірскихъ благъ, еже снѣдати себе печальми суетными и скорологубающими, кое ти есть пріобрѣтеніе, еже благородіе свое истощити въ плотскихъ желаніихъ? Которыхъ сѣтъ чаешь? Коего времени ожидаешь? Почто день ото дни отлагаешь о своемъ исправленіи? Человѣкъ еси, смерти чая и воскресенія, и суда, и воздаянія или въ покой или въ муку, отложи житейскаго обычая непользующа тя, пріимися за благое житіе». И затѣмъ здѣсь митрополитъ съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ и воодушевленіемъ развиваетъ идеи о неустойчивости всѣхъ земныхъ благъ и удовольствій и о скоротечности человѣческой жизни. Справедливо можно сказать, что настоящія мѣста являются у Даніила самыми лучшими среди всѣхъ его сочиненій. Разсужденіями о суетѣ земной жизни занята большая часть четвертаго посланія, которая здѣсь не приводится, потому что большая часть ихъ вошла во второй отдѣлъ второй части настоящаго изслѣдованія.

Во второмъ отдѣлѣ посланія авторъ даетъ поучаемоу имъ лицу различныя нравственныя наставленія заботиться въ своей жизни только о благоугожденіи Богу, о исполненіи Его святыхъ заповѣдей. Затѣмъ въ частности перечисляются христіанскія добродѣтели, которыя должны украшать собою всякаго истиннаго христіанина, какъ-то: любовь къ Богу и ближнимъ, которую Даніилъ называетъ «великимъ даромъ», страхъ Божій, цѣломудріе и чистота, это «добродѣтелецъ сокровище», смиренномудріе, кротость и смирненіе,

которое называется богатотворнымъ и дающимъ возможность познавать истину разумѣнія бож. писаній и пр. Рядъ перечисляемыхъ добродѣтелей завершается пастырскимъ убѣжденіемъ быть въ постоянной бдительности надъ самимъ собою и всѣми своими внутренними состояніями и вѣншими дѣйствіями. Данилъ поучаетъ всегда имѣть «незабвенную память, опасное вниманіе и трезвеніе, и на всякъ часъ посязати свое сердце, и испытovati свою совѣсть, и возстаивати своя чувства, и изслѣдовати опасно своя помыслы: гдѣ уклоняется душа, и гдѣ парить умъ, и въ конѣхъ вязить, и кое любить, и кое общеніе состоитъ ему». Нравственная обязанность постоянной бдительности надъ самимъ собою подтверждается словами св. Макарія Египетскаго, а благотѣльность ея, состоящая въ томъ, что она предохраняетъ человѣка отъ діавольскихъ сѣтей, яснѣе всего видна изъ описанія вѣнній св. Антонія Великаго.

Умственной и нравственной бдительности въ жизни человѣка встрѣчается не мало препятствій. Отсюда долгъ высоконравственнаго христіанина изолировать себя отъ всего того изъ окружающаго его, что можетъ дѣйствовать на него въ неблагопріятномъ для нравственнаго развитія смыслѣ. Въ этихъ чисто нравственныхъ цѣлхъ Данилъ убѣждаетъ уклоняться отъ общества людей, любящихъ суетная и мудрствующихъ плотская, а напротивъ вращаться въ кругу людей благочестивыхъ, такихъ, съ которыми «ти есть душеполезнѣе и отъ нихъ же извѣствуешися яко ко созиданію и исправленію душамъ творять бесѣдованіе, имуще силу со художествомъ слышати и рѣщи полезная»... Далѣе говорится, что дурное общество само всегда гибнетъ и увлекаетъ въ погибель и тѣхъ, которые сталкиваются и дѣйствуютъ за одно съ его членами. Опредѣляя кругъ лицъ, могущихъ служить достойнымъ обществомъ для благочестиваго человѣка, Данилъ хочетъ регулировать даже самые предметы достойные, по его мнѣнію, для разговоровъ и разсужденій въ благочестивомъ обществѣ. «Тѣмъ же о вѣчномъ житіи, такъ между прочимъ пишетъ митрополитъ, всячески попеченіе покажемъ и глаголемъ о семъ, и бесѣды и рѣчи составимъ о нихъ, и гдѣ обрящемъ свидѣтельство въ божественныхъ писаніихъ, тако и глаголемъ: иже каково си есть царство небесное, и яковъ си есть богонасажденный рай...., и какова си будетъ радость праведнымъ....., да глаголемъ о мукахъ.... и о воскресеніи.... и о страшномъ судѣ». Общее требованіе митрополита

относительно бесѣдъ, отличающееся практическимъ взглядомъ на вещи, выражено въ слѣдующихъ его словахъ: «не тщися скороглаголивъ быти въ бесѣдахъ, и не восходи пріяти обычныхъ друговъ бесѣдъ, иже душа вредящая глаголющихъ....¹, да глаголеши и твориши угодная Господеву имѣя силу съ художествомъ духовнымъ и въ вопросѣхъ и въ отвѣтѣхъ и во всемъ полезная».

Посланіе весьма важно по своему отношенію къ общей характеристикѣ м. Данила какъ писателя. Оно характеризуетъ его, какъ писателя аскетическаго направленія.

IV—V.

Два посланія къ неизвѣстному епископу.

Происхожденіе двухъ посланій м. Данила къ неизвѣстному епископу находится въ тѣсной связи съ современнымъ ему нравственнымъ состояніемъ высшей церковной іерархіи. Обширныя поземельныя владѣнія, какими располагали русскіе епископы, служили нерѣдко причиною, что они иногда сосредоточивали свое вниманіе болѣе на своихъ владѣльческихъ правахъ, чѣмъ на обязанностяхъ пастыря. Богатства, какими располагали они, благодаря своимъ вотчиннымъ правамъ, открывали легкую возможность жить широко и привольно. Отсюда въ жизни тогдашнихъ епископовъ можно встрѣтить существованіе такихъ пороковъ, какъ чрезмѣрная роскошь, невоздержность въ пищѣ и даже пьянство. Сильно развившаяся страсть нѣкоторыхъ епископовъ къ роскоши, ко всевозможнымъ удобствамъ высоковладѣтельнаго лица естественно сопровождалась для нихъ бо льшими затратами, которыя требовали постоянного и соотвѣтствующаго восполненія. Здѣсь являлись возможными недочеты, восполнить которые можно было только посторонними средствами. Непосредственнымъ слѣдствіемъ такого порядка были разныя притѣсненія вотчинныхъ крестьянъ и дру-

¹ Авторъ Домострой словами поученія Василия Кесарійскаго къ юношамъ даетъ сходное съ симъ наставленіе «мало вещати и неизбыточествовати въ бесѣдахъ.» Домострой, М. 1849. 25.

гихъ подчиненныхъ епископу лицъ съ цѣлію дополнить дефицитъ владыки и дать ему возможность продолжать жить въ роскоши и удовольствіи. О существованіи такихъ епископовъ свидѣлствуютъ два посланія м. Данила. Одинъ изъ современныхъ ему епископовъ такъ повелъ себя дурно, отличаясь и лихоимствомъ и невоздержною жизнію, что своимъ неодобрительнымъ поведеніемъ вызвалъ на себя доносъ митрополиту. Нѣкоторые изъ его пасомыхъ настолько возмущались его поведеніемъ и такъ сильно соблазнялись имъ, что рѣшились заявить объ этомъ митрополиту въ формѣ жалобы на епископа. Митрополитъ рѣшился немедленно принять надлежащія мѣры къ искорененію зла. (Одною изъ такихъ исправительныхъ мѣръ и послужили два посланія м. Данила къ епископу, имя котораго, къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ.

Первое посланіе Данила «о небрежномъ и лихоимственномъ житіи епископа», — второе по положенію въ сборникѣ посланій, написанное имъ тотчасъ же послѣ того, когда «многая и различная словеса приидоша» на него митрополиту, очень кратко¹. Самъ авторъ называетъ его только «посланіемъ». Въ посланіи можно различать двѣ стороны: положительную—это ученіе о пастырскомъ долгѣ и высотѣ его, и отрицательную, гдѣ авторъ, чувствительно затрогивая недостатки епископа, даетъ ему наставленія и совѣты объ исправленіи жизни.

Во вступленіи посланія Данилъ ссылается на свое право и долгъ учить всѣхъ, не исключая и епископовъ. «Аще и самъ окаяненъ есмь, говоритъ онъ, но тебѣ и всѣмъ глаголати и писати полезная долженъ есмь».

Указавъ на свое право учить всѣхъ, митрополитъ прямо обращается къ тому предмету, который и побудилъ его написать посланіе. Онъ прямо ударяетъ въ слабо-е мѣсто поучаемаго епископа, хотя въ довольно деликатной формѣ и, повидимому, безотносительно къ личности самого епископа, когда ставитъ такой вопросъ: «что убо злыхъ злѣе есть?»—и еще болѣе когда отвѣчаетъ на него: «всяка неправда, и похищеніе и лихоимствіе зло есть, паче же всѣхъ злыхъ злѣйшее... сребролюбіе, многимъ бо и великимъ злымъ ходатаи бываетъ сребролюбецъ». Далѣе авторъ не хочетъ

¹ Рукоп. С.-ф. библ. № 1281, л. 223—226; рукоп. № 1456, л. 4—6. Приложение № XIII.

болѣе скрывать своей истинной цѣли и того, кого онъ здѣсь имѣетъ въ виду, и обращается съ такими словами къ епископу, смыслъ которыхъ былъ понятіе для него, чѣмъ для всякаго другого. «Тѣмъ же, о любимиче, утрезвимся дондеже время имамъ... соблюдаемъ себе опасно, о любимиче, дабы не прельстило насъ житіе сіе суетное красотою, славою, богатствомъ, и пищею и пїянствомъ, идѣже бо есть пища и пїянство, тамо свинское житіе».... Еще опредѣленіе относится митрополитъ къ своему подчиненному епископу въ заключеніи посланія, когда дѣлаетъ такого рода наставленіе: «цѣломудрствуимъ, и трезвимся и возлюбимъ другъ друга, бѣгамъ немилосердаго нрава, отметнемъ отъ себе нечеловѣколюбіе и лихоимствіе, и возлюбимъ человеки а не серебро и золото»...

Въ ученіи Даниїла о пастырскомъ долгѣ встрѣчаются очень сильныя и вѣскія сужденія. «Помыслимъ о себѣ, обращается митрополитъ къ епископу, во что есмь поставленъ?... не на сіе ли, еже божественнымъ заповѣдемъ учить и наказывать, и заблудшее обращати и печальное утѣшати, и сокрушенное обрадовать, и недужное врачевати, и *еще имамы потребная нищимъ и убогимъ подавати, и ко есмь человекомъ милостивное, и кроткое и непамятозлобное*»..... Смыслъ послѣднихъ словъ будетъ еще понятіе, если мы обратимъ вниманіе на то, что тѣхъ именно качествъ, которыя здѣсь перечисляются, и не доставало епископу. Самою первою обязанностию епископа Даниїлъ вполне основательно ставитъ: «прилежати о порученемъ стадѣ», о которой онъ потомъ трактуетъ и въ другихъ словахъ. Отъ пастыря митрополитъ требуетъ постоянной бдительности и постоянного учительства. «Непрестанно учаще и наказующе порученныя намъ люди, *еще ненавидятъ и озлобятъ насъ*, но мы не престанемъ творити божественнаго сего дѣла, не погребамъ талантъ въ пищикъ, не скрываемъ бисера Господня въ пїянствѣ». Оговорка Даниїла «*еще и ненавидятъ и озлобятъ насъ*» нѣсколько разъясняетъ положеніе поучаемаго епископа, который, какъ нужно думать, имѣлъ личныя счеты и столкновенія съ нѣкоторыми изъ своихъ пасомыхъ.

Второе посланіе Даниїла о долгѣ епископа поучать народъ не отъ себя, а отъ божественныхъ писаній, адресованное имъ къ тому же самому епископу, находится въ самой тѣсной связи съ

первымъ. Самъ авторъ объясняется, что онъ мысли перваго посланія, написаннаго имъ «спѣшно», намѣренъ повторить и во второмъ своемъ къ нему посланіи. Дѣйствительно въ содержаніи втораго посланія находится много мѣстъ общихъ по мыслямъ. Совершенно новая мысль здѣсь только одна—это ученіе о необходимости проповѣдыванія слова Божія согласно и по духу божественнаго писанія.

Въ посланіи ¹ можно различать три главныя мысли или отдѣла.

Первый отдѣлъ посланія сосредоточивается большею частію на обличеніи недостатковъ, правда повидимому безотносительныхъ и общихъ, но въ дѣйствительности быющихъ въ лицо тому, кому писано посланіе. Митрополитъ разсуждаетъ повидимому вообще о долгѣ пастыря и, трактуя о томъ, что онъ долженъ учить порученное ему словесное стадо, какъ бы къ слову только, а на самомъ дѣлѣ съ тонкимъ разчетомъ прибавляетъ: «а прежде самому удалитися отъ всякаго зла». «Которое бо укрѣпленіе, спрашиваетъ онъ далѣе, пріяти имутъ взирающіи на насъ, пасоміи нами, аще мы нерадиво и лѣностно поживемъ пищамя, и пїянствомъ, и сребролюбію златолюбію радующеся»? Въ настоящемъ посланіи находится указаніе на нѣкоторыя новыя черты недостатковъ поучаемаго епископа. Это можно догадываться изъ словъ митрополита, который перечисляя разныя достоинства, свойственныя истинному пастырю, одною изъ первыхъ добродѣтелей его считаетъ «еже ни чести ни славы своея искати отъ обладаемыхъ». Заключение посланія имѣетъ непосредственное отношеніе къ личности епископа и опять упираетъ на его извѣстныя уже слабости: «тѣмъ же, пишетъ митрополитъ, умалимъ пищу и пїянство, и угасимъ неправедную ярость, и устави́мъ безвѣстная стремленія, и отложимъ злый недугъ сребролюбїи, корень бо всему злу сребролюбїе».

Второй отдѣлъ посланія занимается указаніемъ достоинствъ пастыря. Самою высшею добродѣтелью пастыря и его прямою обязанностию служить проповѣдываніе слова Божія и вообще на ученіе и наставленіе пасомыхъ истинамъ вѣры и нравственности. Эта мысль слишкомъ настойчиво проводится Данииломъ въ раз-

¹ Рукоп. соф. библ. № 1281, л. 227—230. Рукоп. Сб. № 1456, л. 6—9.

смаatrиваемомъ посланіи и повторяется имъ не одинъ разъ. «Пастырю подобаетъ учить и наказывать порученныя ему люди», «долженъ есть пастырь всѣмъ разумомъ своимъ и всею крѣпостію своею внимати себѣ и стаду своему, дабы ни единая овца не погибла за лѣность и небреженіе пастырево», «мы убо на духовная избраніи есмы подаати алчущимъ и жаждущимъ хлѣбъ ученія божественныхъ словесъ», «не лѣнимся наказывать и учить всѣхъ и свѣтомъ заповѣдей Господнихъ наставляти на истину и на благочестіе», — эти и подобныя имъ выраженія достаточно ясно показываютъ, какой возвышенный взглядъ имѣлъ Даниилъ на цѣль и задачи пастырскаго служенія. Даниилъ здѣсь не ограничивается однимъ указаніемъ, что пастырю должно учить пасомыхъ вѣрѣ и нравственности путемъ одного сообщенія теоретическихъ религіозныхъ истинъ. По его взгляду пастырь тогда можетъ считать свой долгъ исполненнымъ, когда онъ будетъ не только учить своихъ пасомыхъ въ формѣ сообщенія имъ извѣстныхъ истинъ, но только тогда, когда онъ будетъ вліять на нихъ всею своею цѣльною нравственною личностію, своею истинно христіанскою дѣятельностію. Истинный пастырь долженъ поступать въ отношеніи своей паствы «многообразно дѣлю творяще, а потомъ уже и словомъ подобная глаголюще». Изъ понятія о высотѣ пастырскаго служенія можно заключать уже и о степени виновности и тѣхъ недостойныхъ пастырей, которые небрежно относятся къ исполненію своего долга, о чемъ такъ ясно изрекъ еще св. Златоустъ и что еще ранѣе строго осудили священныя правила божественныхъ апостоловъ¹, угрожая нарушителямъ ихъ изверженіемъ изъ сана и другими церковными карами.

Требую отъ пастыря постояннаго проповѣдыванія слова Божія, Даниилъ не хочетъ оставить его безъ необходимыхъ, по его мнѣнію, указаній и въ этой сферѣ пастырской дѣятельности. Онъ опредѣляетъ въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе проповѣди, устанавливая ея принципомъ требованіе всегда учить «отъ божествен-

¹ Рукоп. № 1281, л. 229. Здѣсь приведено именно 58-е апостольское правило. Чтается оно у Даниила буквально тождественно съ чтеніемъ древнепечатной Московскаго изданія 1653 года Кормчей л. 17. Правило приведено безъ всякаго толкованія. См. кн. Правиль, изд. св. Синодомъ въ Москвѣ, 1874 года, 20, а также правила св. Апостоловъ, св. соборовъ съ толкованіями, изд. Моск. Общ. люб. Дух. Просвѣщенія 1876 г., 106.

нихъ писаній, а не отъ своего разума и волей плотскихъ». Что разумѣтъ Даниилъ, когда говорить о божественныхъ писаніяхъ, это уже извѣстно, это вся сумма тогдашней церковной письменности. Въ подтвержденіе своей мысли митрополитъ ссылается кромѣ извѣстныхъ словъ ап. Павла (2 Кор. XI, 5, Гал. I, 8), на девятнадцатое правило шестаго вселенскаго собора¹, а также на изреченія Василя Великаго, Кирилла Александрійскаго, Θεодора Студита и на нѣсколько другихъ церковныхъ правилъ, угрожающихъ анафемой развратителямъ и искажителямъ св. Писанія и преданія. Всѣ перечисленные здѣсь аргументы только на половину подтверждаютъ мысль автора. Всѣ они ограничиваютъ свободу мысли и разсужденій пастыря церкви и всякаго христіанина областью св. Писанія и свящ. Преданія—областью строго опредѣленною и канонически сформированною, между тѣмъ какъ Даниилъ, употребляя хотя не менѣе важный терминъ божественныхъ писаній, разумѣтъ подъ нимъ почти всю совокупность церковной письменности и такимъ образомъ слишкомъ расширяетъ кругъ источниковъ непреложнаго церковнаго руководства, вводя въ него произведенія лицъ некомпетентныхъ въ церкви и даже такого рода произведенія, происхождение которыхъ очень сомнительно.

Второе посланіе къ епископу вдвое обширнѣе перваго и оно составляетъ по большей части повтorenіе его. Первое посланіе кратко, но зато болѣе сильно по выраженіямъ. Какъ написанное наскоро, полъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ жалобъ на епископа, оно сохранило на себѣ признаки скороспѣлаго творенія въ краткости, отрывочности сужденій, отсутствіи богословской святоотеческой аргументаціи и главное въ нѣсколько болѣе строгомъ тонѣ обвиненій недостатковъ епископа, о которыхъ узнать авторъ посланія. Во второмъ посланіи есть также указанія на слабости лица, которому оно адресовано, но здѣсь они выражены уже въ нѣсколько смягченной формѣ. Тонъ втораго посланія болѣе ровный и спокойный; это и понятно, такъ какъ оно написано хотя и по одному и тому же поводу, но спустя нѣкоторое время по полученіи извѣстій о епископѣ, когда митрополитъ могъ болѣе спокойно отнестись къ дѣлу. Разстояніе времени между первымъ и вторымъ

¹ Рукоп. № 1281, л. 228. Правило взято безъ толкованія. См. кн. *Правиль Свв.* изд. 1874, 86, 87. А также правила св. Апостоловъ, св. Соборовъ и съ толкованіями, изд. Моск. Общ. Люб. Дух. Просв. 1876 г., 306—308.

посланиемъ дозволило митрополиту болѣе сознательно и обдуманно отнестись къ неисправному епископу. Тогда какъ въ первомъ къ нему посланіи мы встрѣчаемъ искренніе, хотя иногда и нѣсколько рѣзкіе совѣты архипастыря объ исправленіи жизни, во второмъ посланіи мы находимъ уже менѣе рѣзкости, но зато болѣе основательности въ сужденіяхъ; въ то время какъ въ первомъ посланіи случайно брошено нѣсколько фразъ о долгѣ и высотѣ пастырскаго служенія, во второмъ посланіи все это изложено болѣе обязательно и главное—соединено съ научно-богословскою аргументаціею.

Разсмотрѣнныя два посланія м. Данила къ одному изъ современныхъ ему епископовъ кромѣ своей прямой исторической цѣнности, заключающейся въ сохраненіи для насъ нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ современной жизни высшихъ русскихъ іерарховъ, имѣютъ нѣкоторую историческую важность и въ другомъ отношеніи. Ихъ значеніе открывается при болѣе точномъ опредѣленіи отношеній древне-русскаго митрополита къ подвѣдомымъ ему епископамъ. Въ своихъ посланіяхъ Данилъ прямо и прежде всего заявляетъ о своемъ правѣ и долгѣ учить епископа и не затрудняется нисколько высказывать ему горькія и понятно тяжелыя для него истины.

VI.

Посланіе къ Дмитровскому князю Юрію Ивановичу.

Князь Юрій (Георгій) Ивановичъ, родной братъ в. князя Василія Іоанновича родился въ мартѣ 1480 года. ¹ Онъ получилъ отъ отца себѣ въ удѣлъ Дмитровскую область. ² Юрій Ивановичъ рано познакомился съ Волоколамского обителемъ и ея знаменитымъ настоятелемъ преподоб. Іосифомъ. Время еще ближе соединило князя и игумена. Движимый релігіозными побужденіями и проникнутый и чувствомъ благоговѣнія къ Іосифу ³ князь Юрій не мало

¹ Полн. Собран. Русск. Лѣтоп. т. VIII.—Воскресен. Лѣтоп., стр. 205.

² См. объ этомъ Собран. Государств. грамотъ и договоровъ част. I, № № 137, 138, 139, 140, 141, 350—387 отъ 1504 года.

³ Памятникомъ чего служатъ посланія преп. Іосифа къ князю Юрію. См. напр. Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 14/111 л. 535.

благодѣтельствовалъ Волоколамскому монастырю ¹. Благодѣнія Юрія спискали ему особенную любовь Іосифа, который также и съ своей стороны принималъ благодѣтельное участіе въ затруднительныхъ положеніяхъ Дмитровскаго князя. Незадолго до своей смерти Іосифъ оказалъ величайшую услугу князю Юрію, которая можетъ быть спасла его отъ смерти или отъ темницы. Юрій Ивановичъ имѣлъ несчастіе подать великому князю поводъ къ подозрѣнію въ своей невѣрности. Отдано было уже приказаніе о поимкѣ Юрія. Узнавъ о грозившей опасности Дмитровскій князь отправился прямо въ обитель преподоб. Іосифа и умолялъ ея игумена о ходатайствѣ за него предъ великимъ княземъ. Іосифъ принялъ самое живое участіе въ затруднительномъ положеніи Юрія, послѣдствіемъ котораго было полное примиреніе братьевъ ².

Смерть Іосифа не порвала связи Юрія Ивановича съ его обителью. Онъ оставался къ ней въ такихъ же близкихъ отношеніяхъ, какъ и прежде, и скоро сошелся съ новымъ игуменомъ монастыря, преемникомъ Іосифа, Данииломъ. Можетъ быть даже онъ зналъ Даниила и тогда еще, когда тотъ находился въ званіи простаго рядоваго монаха. И при Даниилѣ князь не оставлялъ Волоколамскій монастырь своими щедротами. Такъ еще въ первое время игуменства Даниила (1516 года) онъ пожаловалъ монастырю село Спасское. ³. Установившаяся между игуменомъ Данииломъ и княземъ Юріемъ тѣсная связь позволяла Юрію Ивановичу обращаться за совѣтами и наставленіями къ игумену Даниилу въ недомѣніяхъ религіозно-нравственнаго характера и это тѣмъ болѣе, что Юрій видѣлъ въ Даниилѣ человека просвѣщеннаго и начитаннаго. Разрѣшенію одного изъ церковнообрядовыхъ вопросовъ, затруднявшаго князя Юрія Ивановича, и посвящено посланіе къ нему Даниила, тогда еще простаго игумена. Юрій Ивановичъ затруднился рѣшить вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли держать постъ на праздникъ Успенія Пресв. Богородицы, который случился тогда

¹ Въ госуд. архивѣ старыхъ дѣлъ сохранилось нѣсколько жалованныхъ грамотъ, данныхъ Юріемъ Ивановичемъ Волоколамскому монастырю при игуменствѣ Іосифа. Описаніе госуд. архива старыхъ дѣлъ, Иванова, 1850. Москва, 388—390.

² Житіе препод. Іосифа игумена Волоцкаго, напечат. въ Великихъ Четивхъ Миннехъ, Сентябръ,—13 дни, 483—488, изд. Археограф. Коммис. С.ПБ. 1868 г.

³ Описаніе архива старыхъ дѣлъ Иванова, Москва, 1850 года, 389, № 17.

въ понедѣльникъ, или нѣтъ? Свое недоразумѣніе князь передаетъ келарю Волоколамскаго монастыря, Саввѣ, съ просьбою предложить его на разрѣшеніе игумену Данилу. Послѣдній отвѣтилъ князю посланіемъ ¹

Посланіе очень кратко. Оно скорѣе имѣетъ видъ дѣловаго officialнаго документа, чѣмъ пастырскаго посланія въ самомъ строгомъ значеніи этого слова.

Послѣ вступленія, въ которомъ авторъ называетъ Юрія Ивановича государемъ, а себя грѣшнымъ чернецомъ и нищимъ, Данилъ разрѣшаетъ предложенный ему словесно вопросъ. Смыслъ предложеннаго вопроса состоитъ въ слѣдующемъ. Издревле на Руси существовалъ обычай кромѣ среды и пятка держать еще постъ и по понедѣльникамъ ². Случившійся въ то время въ понедѣльникъ праздникъ Успенія Богородицы возбуждалъ въ послѣдней важности по понятіямъ людей древности вопросъ о томъ можно ли въ этотъ день понедѣльникъ непоститься, или нѣтъ? Данилъ рѣшаетъ вопросъ въ такомъ видѣ. О постѣ въ понедѣльникъ, говорятъ онъ, писано въ правилахъ св. Іоанна Постника ³ и равнымъ образомъ въ уставѣ Іерусалимскомъ. По смыслу этихъ данныхъ оказывается, что постъ въ понедѣльникъ употребляется въ видѣ эпитиміи, налагаемыхъ иногда духовными отцами за нѣкоторые болѣе или менѣе важные грѣхи, и притомъ дѣйствіе этого рода эпитиміи простирается только на такіе понедѣльники, въ которые не случается праздниковъ. Что же касается до настоящаго праздника Успенія Пресв. Богородицы, случившагося въ понедѣльникъ, то въ теченіе его вовсе не должно быть никакого поста не только для людей, не находящихся подъ эпитиміею своего духовнаго отца, но вообще для всѣхъ, слѣдовательно и для несущихъ эпитимію. Вообще, заключаетъ Данилъ, въ настоящій

¹ Рукоп. Имп. публ. Q. XVII, № 64, л. 282. Приложение № XVII.

² Руцискій 3. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вв. 88. Читеніе въ Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1871 годъ, кн. III.

³ Дѣйствительно въ правилахъ св. Іоанна Постника есть разсужденіе о постѣ въ понедѣльникъ, которому, какъ и здѣсь, дается значеніе эпитиміи. См. Migne, Patr. Curs. Complet. græc. æc. tom. LXXXVIII Joannis Jeunatoris, Constantin. Archiepiscop. Pœnitentiale, pag. 1913—1914.

праздникъ всѣмъ дается разрѣшеніе «на масло и вино, и на сыры и яйца и на вся подобны ради пречистыя Богородицы».

Нравственная связь Данила съ Юріемъ Ивановичемъ продолжалась и тогда, когда Данилъ сдѣлался митрополитомъ всей русской церкви. Объ этомъ свидѣлствуютъ и ихъ посольскія рѣчи¹ и еще болѣе множество жалованныхъ и разнаго рода льготныхъ грамотъ, въ разное время данныхъ княземъ Юріемъ митрополиту Данилу.²

Дальнѣйшая судьба Юрія Ивановича была несчастна. Политическое положеніе Юрія всегда было шаткое и ненадежное. Ни взаимныя договорныя грамоты³ ни ходатайства Іосифа Волоцкаго не могли установить крѣпкихъ узъ истиннаго братства между Юріемъ Ивановичемъ и его старшимъ братомъ—великимъ княземъ. Василій Іоанновичъ не особенно довѣрялъ преданности своего втораго брата, и время отъ времени скрѣплялъ ее разными документами⁴. Смерть Василія Іоанновича (3 Декабря 1533 года) имѣла для князя Юрія тратческое значеніе. Вскорѣ послѣ смерти своего брата и вступленія на престолъ Іоанна Васильевича онъ былъ заподозрѣнъ въ домогательствѣ престола и 11 Декабря 1533 года былъ посаженъ въ тюрьму. Заключение убило Юрія. Онъ прожилъ не долго въ тюрьмѣ и умеръ тамъ 1536 года⁵.

VII.

Нѣкоторыя черты посланія имѣеть и наказъ митрополита Данила, данный имъ Сарскому епископу Досифеею и Филофеею.

¹ Анти историческіе том. I, № 129, 1522—1533. 191.

² Такихъ грамотъ сохранилось довольно много. См. рукопись Москв. Публич. Музея № 1620 изъ собранія И. Д. Бѣляева, л. л. 23—24, 96—97, 100—103, 107—112, 118—121, 123—125, смотр. также у Герцакова. О земельныхъ владѣніяхъ русскихъ митрополитовъ, патріарховъ и святѣйшаго Синода. страниц. 59, 57, въ примѣчаніи, страница 12-я приложений.

³ Двѣ такихъ см. въ собраніи госуд. грамотъ и договоровъ, част. I, № № 133 и 134, 344—347, отъ 16 Іюня 1504 года.

⁴ Собр. Госуд. Грамотъ и договоровъ ч. I, № № 160 и 161, стр. 443—448, отъ 1531 года, 24 августа.

⁵ Полн. Собраніе Русск. Лѣт. томъ VIII, 286, 292.

архимандриту Симоновскому¹, къ князю Андрею Старицкому. Историческія обстоятельства происхожденія наказа извѣстны. Братъ великаго князя Василія Іоанновича, Старицкій князь Андрей Ивановичъ былъ подозрѣваемъ правительницею и верховными боярами въ измѣнѣ малолѣтнему великому князю. Желая вызвать его въ Москву, и не надѣясь на силу своихъ убѣжденій, правительница Елена и бояре обратились къ содѣйствію церковной власти и рассчитывали подѣйствовать на него церковнымъ наказаніемъ—отлученіемъ и проклятіемъ.

Наказъ начинается благословеніемъ митрополита князю, а оканчивается проклятіемъ, соотвѣтственно чему онъ раздѣляется на два отдѣла: отдѣлъ увѣщательный и отдѣлъ исполненный угрозъ.

Сначала митрополитъ опредѣляетъ свое положеніе въ отношеніи къ князю. «Отъ Бога поручено ми есть, говорить онъ въ наказѣ, дѣло попеченіе имѣти о вашемъ благопробываніи, и спасеніи, и здравіи, и долгъ имамъ о вашемъ исправленіи и благочестіи». Свой долгъ заботиться о благопробываніи князя, какъ своего духовнаго сына, митрополитъ основываетъ на словахъ самаго І. Христа, сказанныхъ ап. Петру (Лук. XX, 31—32).

Установивъ свое право быть духовнымъ судіею князя, Даниилъ переходитъ къ самому существу дѣла. Онъ говоритъ, что до него и до правительства дошли слухи о его намѣреніи измѣнить великому князю и нарушить крестное цѣлованіе. Митрополитъ осуждаетъ такое намѣреніе князя и словами ап. Павла къ Тимофею (1 Тим. гл. 2), убѣждаетъ его подчиняться и вѣрно служить установленной власти. Цѣль наказа состояла въ томъ, чтобы вызвать князя Андрея въ Москву, гдѣ съ нимъ могли поступить какъ только хотѣли. Поэтому митрополитъ продолжаетъ: «и побѣхалъ бы еси къ государю и государынѣ безъ всякаго сумнѣнія, а мы тебя благословляемъ, и емлемъ тебя на свои руки».

Другой отдѣлъ наказа отличается строгостью тона. На случай, если Старицкій князь не захочетъ ѣхать въ Москву и станетъ жестоко отвѣчать на слова митрополита, посланнымъ приказано было точно также именемъ митрополита отвѣтить соотвѣствующими репрессаліями. Даниилъ въ своемъ наказѣ принимаетъ слова Спасителя, сказанныя Имъ своимъ ученикамъ: пріемляй вась

¹ Собраніе Государ. Грамотъ и Договоровъ ч. II, № 32, 40—41.

Мене пріемлетъ, и отметаѣйся вась Мене отметається (Мѡ. X, 40); и еще: его же аще разрѣшите на земли будетъ разрѣшена на небесѣхъ, и его же аще свяжете на земли будетъ связанъ на небесѣхъ (Мѡ. XVIII, 18) въ отношеніи непослушнаго князя и дѣлаетъ изъ нихъ такой выводъ: «и се еси отлучилъ самъ себе и вѣчную юзу самъ на себе наложилъ: не буди на тебѣ милости Божіа и Пречистыя Его Матери Богородицы и сибѣ честнаго и животоуращаго креста и св. великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, и по Божественныхъ святыхъ апостольскихъ и отеческихъ правилахъ да будещи проклятъ». «Да будещи проклятъ»—жестокое и не вполне справедливое слово пастыря, обратившаго церковную кару въ слѣпое орудіе политическихъ страстей.

Наказъ митрополита Данила не достигъ своей цѣли. Поступокъ Данила съ В. Шемячинымъ слишкомъ еще находился въ то время въ свѣжей памяти у всѣхъ для того, чтобы Старицкій князь могъ положиться на слова митрополита, бравшаго его «на свои руки». Князю Андрею хорошо было извѣстно, что за спиною митрополита скрывались его недоброжелатели. Къ тому же посланыхъ съ митрополичьимъ наказомъ сопровождали два князя Овчина-Оболенскіе, «со многими людьми» на случай, если князь Андрей «не повѣритъ, а побѣжитъ».

Андрей Ивановичъ рѣшился спастись бѣгствомъ въ Новгородъ и тамъ хотѣлъ наскоро собранною силою защищать себя, но былъ взятъ Московскими воеводами и заключенъ въ тюрьму, гдѣ скоро и умеръ ¹.

¹ Полн. Собр. Р. Лѣтописей т. VIII, 293—294; т. VI, 301—303.

О Кормчей митрополита Данила.

Въ одной рукописной кормчей XVI в. сохранилось слѣдующее весьма важное для изслѣдователя личности митроп. Данила свидѣтельство: «доселѣ съ Суздальскихъ правилъ, а се собраніе и приписъ того же Данила игумена, потомъ же бывша митрополита мѣста 7030 (1522) мѣсяца Февраля»¹. Изъ этого свидѣтельства видно, что митрополитъ Данилъ, будучи въ санѣ игумена волоколамскаго монастыря, занимался трудами церковно-каноническаго характера. Историческія причины, вызывавшія его на такого рода литературныя занятія, указаны были раньше при обзорѣнн его дѣятельности. Въ полномъ видѣ и въ цѣломъ своемъ составѣ каноническіе труды Данила не сохранились до настоящаго времени, сохранился только незначительный отрывокъ изъ сдѣланнаго имъ собранія кормчей, и заключающагося въ той самой кормчей, которая сохранила самое извѣстіе объ участіи Данила въ составленіи имъ сборниковъ съ каноническимъ характеромъ. Отрывокъ изъ кормчей Данила состоитъ изъ нѣсколькихъ (приблизительно двадцати шести) отдѣльных главъ различнаго объема, равно какъ и различныхъ и по своему содержанію. Главы по своему значенію и положенію въ кормчей Данила могутъ быть разсматриваемы, какъ самостоятельныя и несамостоятельныя, т. е. такія, которыя только перенесены и списаны изъ другихъ существовавшихъ въ то время кормчихъ, и такія которыя самостоятельно внесены въ кормчую самимъ собирателемъ изъ другихъ постороннихъ источниковъ. Принципъ раздѣленія главъ по своей идеѣ весьма опредѣленный, но выполнить его по отношенію къ собранію Данила въ категорическомъ видѣ, въ видѣ опредѣленныхъ не подлежащихъ никакому сомнѣнію, положеній не возможно. Въ самомъ собраніи нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія того самостоятельно, или путемъ простаго заимствованія изъ другихъ кормчихъ

¹ Рукописная Кормчая Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря № 28, по каталогизаціи архимандр. Амфилохія (описаніе Воскресенской Ново-Іерусалимской бібліотеки А. Амфилохія М. 1876. 103—106). Рукопись въ 12 л. писана самымъ мелкимъ и изящнымъ полууставомъ на 631 листѣ, кромѣ предисловія, особо помѣченнаго на 59 листахъ, въ послѣднее время обложена бархатомъ малиноваго цвѣта. При дальнѣйшемъ разсужденіи о кормчей Данила мы будемъ только указывать № и страницы, не опредѣляя мѣста нахожденія рукописи, которое ясно указано здѣсь.

привнесъ въ свое собственное собраніе Данилъ ту или другую главу. А для этой цѣли необходимо обратиться къ сравненію Даниловскаго собранія съ составомъ прежде и въ то самое время существовавшихъ въ Россіи кормчихъ. Конечно немислимо и вѣтъ всякихъ силъ и возможности одного человѣка рассмотреть всѣ сохранившіяся отъ того времени кормчія для опредѣленія отношеній къ нимъ Даниловскаго собранія, но даже и въ томъ случаѣ, еслибы эта трудная задача была выполнена, то и тогда не возможно было бы высказаться категорически о результатахъ сдѣланныхъ сложныхъ сравненій въ виду той обще-извѣстной истины, что нельзя и подумать о томъ, чтобы всѣ существовавшія въ то время кормчія остались сохранившимися до настоящаго времени. Поэтому группировка главъ Даниловскаго собранія на самостоятельныя и несамостоятельныя, какъ основанная на законѣ простой аналогіи, по необходимости должна имѣть проблематическій характеръ.

Самая большая часть главъ, находящихся въ собраніи Данила, представляетъ изъ себя простую переписку съ другихъ, бывшихъ у него подъ руками, кормчихъ. Таковы главы, содержащія въ себѣ правила св. Никифора, патріарха Константинопольскаго ¹; Тимофея, архіепископа Александрійскаго ², Аванасія Великаго ³, Аванасія, мнѣша Іерусалимскаго ⁴, Іоанна Пателя-

¹ Рук. № 28, л. 559—561. «Иже во святыхъ Никифора Константины града исповѣдника правила о церковныхъ есть счненіяхъ и иже съ нимъ св. отецъ». Эта самая глава встрѣчается въ Кормчихъ XVI в. Сравни. Рук. биб. Царскаго, Кормчая нач. XVI в., № 213. Въ Кормчей и. Никона, изд. въ 1653 г. находится также эта глава, л. 596—598, глава 58. Горчакова, о тайнѣ супружества, 190—191.

² Рук. № 28, л. 566 — 569. «Отвѣти правильніи Тимофея, святѣйшаго архіепископа Александрійскаго». Встрѣчается эта глава въ кормчихъ XIII в., Рук. Кормчая Румянцев. Музей № 230, пергаменная, л. 109- 117. Востоковъ — Описание Румян. Музея, 277. См. также кормчія библи. Троице-Сергіевой Лавры №№ 205, 206 и 207. Описание библи. Троице-Сергіевой Лавры, въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1878 годъ. Есть и въ Кормчей 1653 г. гл. 61, л. 606—607. Только здѣсь въ началѣ правилъ Тимофея находится разница отъ чтенія ихъ, на-
дающегося въ собраніи Данила.

³ Рук. № 28, л. 572—573. «Великаго Аванасія, архіеп. Александрійскаго къ Амону мнѣшу о соблазнающихся во снѣхъ». Встрѣчается въ Кормчихъ XIV—XVI вв. Рук. Импер. Пуб. биб. F, II, № 119, изъ коллекціи Берсенева, Кормчая XIV в., л. 20. См. также кормчія Румянц. Музея № 231 и 233 (Востоковъ—Описание, 282. 300), кормчія Троице-Сергіевой Лавры №№ 205, 206 и 207. Есть въ Кормчей 1653 г., гл. 29, 263—264.

⁴ Рук. № 28, л. 574—577. «Написаніе Аванасія мнѣша Іерусалимскаго къ

ри ¹, Василия Великаго ², Марка ³, Дорофея, епископа Тирскаго ⁴,

Панковъ о древѣ разумнѣмъ добру и злу». Встрѣчается въ кормчихъ XV—XVI в. Рукон. Импер. Публ. библ. F. II, № 78 и 80, Румянц. Кормчая № 231. Описание Востокова 283. Въ Кормчей 1653 года эта глава опущена. Вторая глава того же Афанасія о наузѣхъ и о стрѣлѣ громной (Рук. № 28, л. 577—580) встрѣчается въ кормчихъ XIV—XVI вв. и во множествахъ. Рукон. Импер. Публ. библ. F. II, № 119. XIV в., л. 213, той же библиотеки кормчая F. II, №№ 78 и 80, Кормчая XVI в. Царскаго № 213. Румянц. музея кормчая №№ 231 и 233, Рукон. Троице-Сергіевой Лавры №№ 205 и 206. Въ кормчей 1653 г. сей главы нѣтъ.

¹ Рукон. № 28, л. 580—583. «Са, отца нашего Іоанна Пателяри игумена уставн монастыря его». Встрѣчается въ Румянцевской Кормчей XII в., № 230 и въ кормчей XV—XVI в., № 230. Востоковъ описаніе Румянц. Музея 278—286. Рукон. Кормчая нач. XVI в. Царскаго № 213. Въ Кормчей 1653 года сей главы нѣтъ.

² Изъ твореній Василия Великаго въ Кормчей № 28 представлено нѣсколько цитатъ, имѣющихъ видъ отдѣльныхъ главъ. Таковы главы:

а). св. *Василія о епитиміяхъ*. Эта глава встрѣчается въ Рум. Кормчей XII в., № 230, л. 53, и въ Рум. Кормчей XV—XVI в. № 231, л. 336. Востоковъ—описаніе Рум. Музея, 276, 286. См. также Кормчая XVI в. Троице-Сергіевой Лавры № 205, 206 и 207. Въ Кормчей 1653 г. (гл. 62, л. 609—613) сія глава напечатана подъ заглавіемъ «запрещеніе оякомъ» и въ ней помѣщено не 21 правило, какъ у Данила, но 74.

б). *Вторая глава* изъ сочин. В. Великаго озаглавливается: «яже Великій Василіе око церковное сеі постычическая своя ученія съ настоящимъ смѣ посланіемъ назнамена». Рук. № 28, л. 608. Есть въ Рум. Кормчей XV—XVI в. № 231, л. 241. Востоковъ 286. Есть въ Кормчей 1653 года (глава 62, 609—613). Въ послѣдней правила Василия В. сходятся съ Кормчей Данила съ 1-го до 53 прав., а правила съ 53 до 74 у Данила не имѣются, тогда какъ въ Кормчей 1653 г. они есть.

в). *Третья глава* изъ сочиненій Василия Великаго: правила того же Василия о инокиняхъ. Есть въ Рум. Кормчей XV—XVI в., № 231, л. 344. Востоковъ—описаніе Рум. музея, 286. Есть и въ Кормчей 1653 г., гл. 63, 614—615.

г). *Четвертая глава* изъ сочиненій Василия Великаго: «Елика на трапезѣ за-прещенія различныхъ святыхъ». Эта глава составляетъ продолженіе 52—74 правилъ св. Василия Великаго. Она встрѣчается въ Рум. Кормчей XV—XVI в., № 231, л. 344. Востоковъ, 286. Она есть и въ Кормчей 1653 года, гл. 64, 615—616.

³ Рукон № 28, л. 601—603. «Отъ Марковыхъ главизнъ и о служителяхъ, и о прочемъ пребываніи братіи». Въ Кормчихъ—библиотекъ Троице-Сергіевой, Худова (описаніе А. Попова), Царскаго, Румянцевскаго Музея Марковы главы встрѣчаются въ церковныхъ уставахъ. См. Рук. Рум. Музея № 447, л. 48—4 и в рук. того же Музея, № 449 л. 113. Востоковъ, описаніе Рум. Музея, 714, 717. Сей главы нѣтъ въ Кормчей 1653 года.

⁴ Глава «Дорофея, епископа Тирскаго о двенадцати апостолахъ.» «Того же о семидесяти ученикахъ.» Встрѣчается въ Рум. Кормчей XV—XVI в., № 231, л.

Кесарія, брата св., Григорія Богослова, ¹ Теодора Студита, ² Кирилла Туровскаго ³ и наконецъ глава, содержащая въ себѣ поученіе церковное о св. вірѣ св. отецъ ⁴.

366—369. Востоковъ—описание, 288. Рукоп. Кормчая нач. XVI в., Царскаго № 213. Въ Кормчей 1653 г. сей главы нѣтъ.

¹ Рукоп. № 28, л. 626—630 «Св. Кесарія, брата св. Григорія Богослова отъ противу вопрошеніемъ, принесеннымъ отъ хитрыхъ мужъ». Есть въ Кормчей Троице-Сергіевой Лавры XVI в., № 205, л. 349 и № 206. Рукоп. Имп. Пуб. биб. II, № 78, XVI в. Въ Кормчей 1653 г. нѣтъ сей главы.

² Изъ сочиненій Теодора Студита Данилъ внесъ въ свою Кормчую нѣсколько главъ,—большую частію входящихъ въ составъ его устава Студійскаго монастыря. Глава первая: преп. отца нашего Теодора Студійскаго игумена о станціяхъ церковныхъ канонъ. Рук. № 28, л. 583—588. Эта самая глава находится въ Кормчей Рум. Музея, относящейся къ XIII в., № 230, л. 122—129. Востоковъ, 278. См. также рук. Кормчія XVI в. Рум. Музея № 231, биб. Царскаго № 213; Рук. Имп. пуб. биб. F. II № 110, XIV в., л. 218. Въ рукописныхъ Кормчихъ Рум. Музея № 230 II в. и б. Царскаго № 213 помѣщенъ весь уставъ Теодора Студита, куда входятъ и другія главы его, находящіяся въ собраніи м. Данила (Рук. № 28, л. 588. 588—590. 591—592. 592—598. 599—601. 604—608.) Главы, взятые изъ устава Теодора Студита, не вошли въ Кормчую 1653 г. Уставъ Теодора Студита напечатанъ у Казанскаго—Исторія монашества изъ востокъ.

³ Изъ сочиненій Кирилла Туровскаго, безъ указанія впрочемъ его имени, Данилъ привелъ три отдѣльных выдержки, составившія особыя главы.

Первая глава: «въ ту же мѣру отъ новаго закона о чернецахъ». Эта глава есть съ нѣсколькимъ инымъ названіемъ въ рук. Кормчей нач. XVI в. биб. Царскаго, № 213. Сравн. памятники російской словесности XII в., изд. Калайдовичемъ. Москва 1821 г. Слово Кирилла Туровскаго—сказаніе о черноризцехъ чину. Эта глава съ точно такимъ же названіемъ, какъ у Данила, находится въ Кормчей 1653 года, гл. 63, 616—618.

Вторая глава изъ соч. Кирилла Туровскаго: О Ааронихъ ризахъ и о скитномъ образѣ, и о стихарѣ, и о поясѣ и о подири. Въ Кормчей нач. XVI в., принадлежавшей Царскому, № 213 находится эта самая статья. Ср. Памятники русской совѣсности XII в., изд. Калайдовичемъ, 109—110. Есть и въ Кормчей 1653 года, гл. 66, л. 618—619.

Третья глава изъ того же автора: разумъ о сложеніи обою закону Христова іерейства и образа Скитнаго. Ср. Памятники русской словесности XII в. Сказаніе Кирилла Туровскаго о черноризцехъ чину, 110—114. Есть въ Кормчей 1653 года, г. 67, 619—620. Въ Кормчихъ: Троице-Сергіевой библ. и Румянцевскаго Музея нѣтъ такой главы.

⁴ Рук. № 28, л. 631—636. Эта глава встрѣчается въ рукописныхъ Кормчихъ XV—XVI в. Рук. Троице-Сергіевой Лавры № 205, л. 343 Рук. Имп. Пуб. биб. F. II, № 78. Рукопись той же биб. F. II, № 80. Въ Кормчей 1653 г. эта глава опущена.

Но въ Даниловскомъ собраніи есть главы, о которыхъ можно предполагать, что онѣ привнесены самимъ собирателемъ изъ другихъ источниковъ, а не изъ кормчихъ. Таковы главы, содержащія въ себѣ отвѣты Іоанна Китрошскаго ¹ вопросы и отвѣты Варсонофія ² вопросы и отвѣты Анастасія Синайскаго ³ и наконецъ нѣсколько толкованій на евангеліе отъ Матѳея, Марка и Луки, принадлежащихъ Теофилакту Болгарскому. ⁴

Участіе Данила въ составленіи собранія кормчей съ извѣстною долею самостоятельности, выразившейся въ привнесеніи въ нее нѣкоторыхъ новыхъ каноническихъ авторитетовъ и матеріаловъ, послѣ вышесказаннаго становится очень вѣроятнымъ. Но оно подтверждается еще и изъ другихъ источниковъ, свидѣтельствующихъ о болѣе широкихъ размѣрахъ участія Данила въ трудахъ по каноническому праву.

Извѣстенъ списокъ особаго рода кормчей—такъ называемой *сводной*, составленіе которой относится къ первой половинѣ XVI в. Сводная кормчая содержитъ въ себѣ номоканонъ патріарха Фотія и правила св. Апостоловъ, семи вселенскихъ соборовъ и двухъ Константинопольскихъ съ помѣщеніемъ разныхъ переводовъ и толкованій симъ правиламъ и объяснительныхъ къ нимъ статей. Здѣсь

¹ Рук. № 28, л. 561—566. «Отвѣты Іоанна священнѣйшаго епископа Китрошскаго къ священнѣйшему епископу Драчкому Кавасилу. Въ рукописныхъ Кормчихъ до XVI в. и XVI в., принадлежащихъ Рум. Музею, биб. Троице-Сергіевой Лавры, Царскаго, Хлудова не встрѣчается такой главы. Въ Кормчей 1653 года есть такая глава, гл. 59, л. 598—601. Но въ старопечатной Кормчей помѣщено только 8 правилъ, а у Данила 14. Горчакова, о тайнѣ супружества, 194—195.

² Рук. № 28, л. 570—572. Въ Кормчихъ XVI и до XVI в., находящихся въ Рум. Музеѣ, въ библ. Троице-Сергіевой Лавры Царскаго, Хлудова не встрѣчается даже самаго имени Варсонофія. Вопросы и отвѣты Варсонофія встрѣчаются, но только въ сборникахъ. См. Рукоп. Троице-Сергіевой Лавры № 190, 1418 г. и рукоп. сборникъ той же библ. № 770. Вопросы Варсонофія есть и въ Кормчей 1653 г., л. 607—609.

³ Рукоп. № 28, л. 636—708. Вопросы Анастасія не встрѣчаются въ Кормчихъ до XVI в., хотя они въ славянскомъ переводѣ извѣстны были въ Россіи еще въ XI в. и помѣщались въ сборникъ Святослава, писанномъ въ 1073 году. Рукоп. Румянцевскаго Музея № 356, Востоковъ—описаніе Румянц. Музея, 301. Вопросы Анастасія есть и въ Кормчей 1653 года, глава 69, л. 622—633.

⁴ Рукоп. № 28, л. 572—574. Сія глава опущена въ Кормчей 1653 года.

Въ собраніи кормчей м. Данила находится еще особая глава подъ названіемъ «сказаніе о мантии патріарховъ, и митрополитовъ, и архіепископовъ и епископовъ». Рук. № 28 л. 620—626.

находятся дополнительные статьи из сочинений восточных иерарховъ, собранныя игуменомъ Іосифова Волоколамскаго монастыря Нифонтомъ Кормилицинымъ¹ съ вѣдома и благословенія митрополитовъ Данила и Макарія². Но болѣе глубокое и внимательное изученіе состава сводной кормчей ведетъ къ предположенію объ отношеніи къ ней м. Данила болѣе непосредственномъ и близкомъ, чѣмъ то, какое позволяетъ допустить данное имъ на трудъ игумена Нифонта благословеніе и соизволеніе. Мысль о непосредственномъ участіи Данила въ составленіи сводной кормчей находитъ себѣ основаніе въ самомъ содержаніи ея. Въ дополнительныхъ статьяхъ, составляющихъ отличительную особенность сводной кормчей, находится весьма много такихъ святоотеческихъ и другихъ свидѣтельствъ, которыя представляютъ изъ себя не болѣе какъ буквальное воспроизведеніе свидѣтельствъ, содержащихся въ нѣкоторыхъ словахъ сборника м. Данила и его посланіяхъ, и которыя не рѣдко расположены въ томъ самомъ порядкѣ, какой для нихъ данъ въ произведеніяхъ м. Данила³. Въ сводной кормчей попадаетъ буквальное тождество нѣкоторыхъ выраженій и

¹ Нифонтъ былъ преемникомъ м. Данила по игуменству въ Іосифовѣ монастырѣ и тамъ игуменствовалъ съ 1522 по 1543 года, когда онъ сдѣланъ былъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, а отсюда въ 1554 г. хиротонисанъ былъ во епископа Крутицкаго; умеръ въ 1558 году, погребенъ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей русской церкви, 182. 1034. Рукон. Москов. Духов. Акад. № 216/191. Обиходникъ Евѣмія Туркова, л. 38—39.

² Розенкампфъ Баронъ. Обзорѣіе кормчей книги въ историческомъ видѣ. М. 1829, изд. первое, приложение № VII, 209—312. Здѣсь обстоятельно описана сводная кормчая.

³ Такъ подъ 24—27 правилами св. апостоловъ приведено восемь святоотеческихъ свидѣтельствъ, тождественныхъ во всемъ до строгой буквальности съ свидѣтельствами, помѣщенными въ осьмомъ словѣ Даниловскаго сборника, разсуждающемъ объ отношеніи къ еретикамъ. Ср. Рукон. Москов. Дух. Акад. № 197, л. 259, 264, 261—262, 263, 264, 266, 246 и сводную кормчую по описанію Б. Розенкампфа.—Или еще: подъ 23 правиломъ 4 вселенскаго собора повторяются съ буквальною точностію нѣсколько цитатовъ, находящихся въ осьмомъ словѣ сборника Данила. Рукон. М. Д. Акад. № 197, л. 255, 256, 258, 251, 252—253, 261—262. Подъ 5—9 правилами собора въ церкви св. Апостоловъ помѣщено до шести цитатъ, одинаковыхъ съ цитатами осьмага слова Даниловскаго сборника. Рукон. М. Д. Акад. № 197, л. 252, 250—251, 252. Одну цитату (толкованіе Аммонія пресвитера на дѣянія Апостольскія) тождествененъ съ находящимся въ по-

мѣсть съ собственными, самостоятельными разсужденіями Данила ¹. Наконецъ въ сводной кормчей встрѣчаются такія главы, которыя, по всей вѣроятности, привнесены самимъ Данииломъ и находятся въ отрывкѣ изъ собранія его кормчей ². Тождество цитатъ сводной кормчей съ цитатами нѣкоторыхъ словъ и посланій Данила, равно какъ и съ цитадами его собранія кормчей можетъ быть объяснено простымъ заимствованіемъ составителя сводной кормчей, именно Нифонта, изъ трудовъ Данила, своего предшественника по игуменству. Но такому объясненію не поддается фактъ буквального тождества нѣкоторыхъ выраженій сводной кормчей съ собственными разсужденіями Данила. Воспользоваться послѣдними Нифонтъ не имѣлъ никакихъ побужденій, такъ какъ слова своего современника и сподвижника по монашеству въ то время еще не имѣли въ его глазахъ особенно вѣскаго, а главное священнаго авторитета. Естественнѣе всего подобное буквальное сходство выраженій объясняется происхожденіемъ ихъ отъ одного и того же лица и одного того же источника, иными словами эти выраженія, встрѣчающіяся и въ сводной кормчей съ одной стороны, и въ словахъ Данила съ другой, принадлежать одному и тому же автору Данилу. Такимъ образомъ совершенно послѣдовательно мы приходимъ къ заключенію о непосредственномъ участіи м. Данила въ составленіи сводной кормчей, хотя въ распоряженіи науки нѣтъ покуда данныхъ для того, чтобы опредѣлить степень и предѣлы этого участія.

Только что сдѣланное заключеніе совершенно естественно и вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительному положенію историческихъ событій того времени. Данилъ, какъ извѣстно, работалъ надъ своимъ собраніемъ кормчей, будучи въ санѣ игумена Волоколамскаго монастыря.

заніи Данила въ Волоколамскій монастырь. Рукоп. Новг. Соф. биб. № 1281. Вообще сводной кормчей на хедитъ очень много свидѣтельствъ тождественныхъ съ цитатами словъ Данила.

¹ Подъ 1-мъ правиломъ 7-го вселенскаго собора помѣщена буквальная выдержка изъ наказанія 4-го слова соборника Данила и кромѣ того здѣсь же повторены два цитата изъ четвертаго Даниловскаго слова. Рук. М. Д. Акад. № 197 л. 115. 112.

² Въ сводной кормчей подъ 61 правиломъ 6 вселенскаго собора помѣщены вопросы св. Анастасія Синайскаго о причащеніи, одинаковые съ вопросами, находящимися въ Даниловской кормчей. Сравни. Рук. Воскресенскаго монастыря № 28, л. 636—708 и сводную кормчую л. 424 у Розенкмифа.

Призванный затѣмъ на митрополию онъ могъ поручить продолженіе своего труда своему преемнику по игуменству, именно Нифонту.

Кормчая содержащая въ себѣ между прочимъ отрывокъ изъ каноническаго собранія митрополита Данила, заслуживаетъ вниманія по ея отношенію къ исторіи напечатанія первой въ Россіи кормчей книги. Вѣроятно, по уваженію къ личности и авторитету м. Данила его кормчая послужила оригиналомъ для оригинала напечатанной, но невыпущенной въ свѣтъ, кормчей, изданной при патріархѣ Іосифѣ, а чрезъ это до нѣкоторой степени и для кормчей 1653 года¹. Такимъ образомъ одинъ оригиналъ, (кормчая м. Данила) строго говоря, послужилъ основаніемъ для двухъ изданій кормчей 1650 и 1653 годовъ. На поляхъ Даниловской кормчей сохранились помѣтки, свидѣтельствующія о томъ, что она предназначалась или для передѣлки, или для печатанія съ нея. Сдѣланныя мною сравненія находящихся на поляхъ Даниловской кормчей помѣтокъ съ характеромъ и расположеніемъ оригинала кормчей 1650 г., принадлежащаго Моск. Синод. Типографіи, вполне подтверждаютъ высказанное положеніе².

¹ Къ такому положенію я пришелъ послѣ подробнаго сравненія Даниловской кормчей съ рукописнымъ оригиналомъ кормчей, напечатанной при патр. Іосифѣ 1650 года, находящимся въ настоящее время въ числѣ рукописей бібліотеки Московской Синодальной Типографіи. См. Рукоп. № 1581 по старому каталогу, и № 406 по новому. Съ этого самаго оригинала была напечатана кормчая 1650 г. которая по случаю смерти п. Іосифа и вступленія на престолъ Никона не была выпущена въ свѣтъ изъ типографіи. Экземпляры кормчей 1650 года составляютъ въ настоящее время бібліографическую рѣдкость. Мнѣ удалось ознакомиться съ ней въ Москвѣ, на рынкѣ въ Юхотномъ ряду у одного торговца рукописями С. Т. Большакова. П. Никонъ внесъ значительныя измѣненія въ Іосифовскую кормчую и въ такомъ видѣ издалъ ее въ 1653 году. Печатаніе кормчей 1653 г., производилось не съ исправленнаго экземпляра ея, напечатаннаго въ 1650 году, а съ ея рукописнаго оригинала, въ которомъ сохранились всѣ поправки, сдѣланныя для переизданія съ нея кормчей, равно какъ и самое распоряженіе патріарха Никона о печатаніи кормчей 1653 года.

² Вотъ нѣкоторые тому доказательства. Въ Даниловской кормчей непосредственно за предисловіемъ къ номоканону патр. Фотія на полѣ написано: «выписать къ сему изъ бывша книги Ключарева». Рукоп. № 28, л. 22. Дѣйствительно, даже въ кормчей Никоновскаго изданія находится не посредственно за

То именно обстоятельство, что Кормчая м. Данила избрана была оригиналомъ для перваго печатнаго изданія кормчей имѣть свое значеніе по отношенію къ послѣдней. Между прочимъ, первыя печатныя русскія кормчія 1650 и 1653 гг. содержатъ въ своемъ составѣ нѣкоторыя такія статьи, которыя впервые внесены были въ кормчую м. Даниломъ и своимъ положеніемъ въ печатныхъ кормчихъ обязаны, можетъ быть, только благодаря сдѣланному имъ каноническому собранію.

Предполагаемая духовная м. Данила.

Въ числѣ рукописей Московской Духовной Академіи, перешедшихъ къ ней изъ Волоколамскаго монастыря, находится одинъ сборникъ XVI в., происхождение котораго несомнѣнно связано съ

предисловіемъ къ помоканону п. Фотія глава добавочная сравнительно съ оригиналомъ. Кормчая 1653 г., л. 25 глава: «отъ заповѣдей св. отецъ о храненіи священныя правилъ». Въ Кормчей Воскресенскаго монастыря противъ 26 главы, содержащей въ себѣ посланіе Тарасія, патріарха Константинопольскаго, къ папѣ Адріану о непоставленіи на мѣстѣ, помѣчено: «сію главу поставить подлѣ 36 главы». Дѣйствительно, въ оригиналѣ Іосифовской кормчей посланіе Тарасія Константинопольскаго помѣщено подлѣ 36 главою. (Срав. Рук. Воскресенскаго мон. № 28, л. 247—249 и Рук. биб. Моск. Сн. Типографія № ¹⁵⁸¹/₄₀₆ л. 77—84). Въ Даниловской кормчей подлѣ 36 главою есть помѣтка противъ посланія Геннадія Константинопольскаго: «подлѣ сію главу подстави 36-ю главою Тарасія патріарха, а пяти ея назадъ». Въ оригиналѣ Іосифовскомъ все это точно и выполнено и точно въ такомъ видѣ вошло и въ Кормчую Никоновскаго изданія. Рукон. № 28, л. 263. Рукон. Моск. Типогр. библ. № ¹⁵⁸¹/₄₀₆ л. 77—84. Кормчая 1653 года, гл. 36, л. 277—282. Въ Кормчей Данила послѣ статьи «о фразѣхъ и прочихъ латинѣхъ» помѣщены творенія Анастасія, патріарха Антиохійскаго: «указаніе яко великъ есть іерей», «исповѣданіе о папѣ Римстѣмъ», «свѣдѣніе извѣстно о томъ, како подобаетъ быти божественному приношенію». Всѣ онѣ зачеркнуты и на полѣ противъ нихъ написано: «не избирай до закона градскаго», что и выполнено въ Іосифовскомъ оригиналѣ и въ кормчей Никона всѣ онѣ опущены. Рук. Воскр. мон. № 28, л. 353—358. Рук. биб. М. Сн. Тип. № ¹⁵⁸¹/₄₀₆ л. 188, 192—281. Кормчая 1653 г., л. 400—404. Въ кормчей Данила подлѣ 77-ю главою находится: «яко Великій Василіе око церковное сѣи постычская слов ученія съ настоящимъ сямъ посланіемъ названа». Эти слова зачеркнуты, а оставлено только: «Св. и Великаго Василія; запрещеніе инокамъ», въ каковой редакціи эта глава перешла въ оригиналѣ Іосифовской кормчей и въ кормчую п. Никона. Рукон. Воскр. мон. № 28, л. 608. Рук. биб. М. Сн. Тип. № ¹⁵⁸¹/₄₀₆ л. 362. Кормчая 1653 г. гл. 62, л. 74.

Тѣ главы Даниловской кормчей, противъ которыхъ есть на поляхъ помѣтки «не нини», каковы главы: напр. Св. Кесарія, брата Св. Григорія Бого-

личностью митрополита Данила, хотя нѣтъ данныхъ для болѣе точнаго опредѣленія характера этой связи ¹.

Сборникъ состоитъ изъ слѣдующихъ четырнадцати главъ. Первая глава содержитъ въ себѣ разсужденіе о прилежномъ чтеніи и изученіи Божественныхъ писаній; вторая глава объ избраніи новоначальныхъ инокамъ себѣ руководителя изъ старшей братіи монастыря; въ третьей главѣ развивается мысль главы предшествующей и здѣсь требуется отъ иноковъ постоянное вниманіе къ своимъ наставникамъ въ иноческихъ подвигахъ и даются совѣты открывать предъ ними всѣ свои помыслы, всякое движеніе своей души. Предметъ четвертой главы ученіе о богоугодномъ послушаніи. Пятая глава трактуетъ о монахахъ, желающихъ затворничества (скорѣе всего скитства), гдѣ выставляются условія для этого состоянія, которыя требуютъ очень высокой степени нравственного совершенства отъ человѣка, желающаго затвориться. Содержаніе слѣдующихъ семи главъ сборника вращается въ области частныхъ нравственныхъ предписаній, относящихся къ монашеской жизни; шестая глава посвящена наставленіямъ о молчаніи и безмолвіи; седьмая разсуждаетъ о вредѣ совокупленія и общенія иноковъ съ мірянами; осьмая о совершенной иноческой нестяжательности, девятая о долгѣ иноковъ молиться за подающихъ милостыню; десятая о запрещеніи общежительнымъ инокамъ имѣть какую либо личную собственность; одиннадцатая объ обязанности иноковъ раздать все свое имѣніе нуждающимся, двѣнадцатая объ удаленіи иноковъ отъ высокоумія и гордости; тринадцатая о неосужденіи ближняго и наконецъ четырнадцатая о неисканіи монахами высокаго сана старѣйшинства или священства.

Составленіе этого сборника относится несомнѣнно къ первой половинѣ XVI в. и современно митрополиту Даниилу ².

слова, Арастасія Синайскаго, Григорія Нискаго, «поученіе церковное о св. вѣрѣ св. отецъ» и др. тѣ всѣ дѣйствительно являются опущенными въ Іосифовскомъ оригиналѣ и въ кормчѣй п. Никона. Рукоп. Воскр. м. № 28, л. 626—630, 631—636. Съ другой стороны оказались внесенными въ оригиналъ кормчѣй тѣ статьи, которыя или не были зачеркнуты въ кормчѣй Даниила, или же сопровождались пометкою на полѣ: «ишии».

¹ Сборникъ XVI в., въ 8 л. на 775 листахъ, № Акад. ⁴²/₃₂₄ Волокол. Этотъ же самый сборникъ значился прежде подъ № 72, а потомъ подъ 684.

² Основаніе такого мнѣнія находится въ самомъ содержаніи сборника. Здѣсь приведено весьма много цитатъ, заимствованныхъ изъ сводной толковой псал-

Планъ словъ или главъ сборника очень простой и весьма много напоминаетъ планъ словъ м. Данила. Здѣсь въ началѣ слова находится его оглавленіе, которое, по большой части, отличается своею обширностію и значительнымъ объемомъ и по содержанію своему представляетъ не одну основную мысль слова, а перечень нѣсколькихъ, иногда частныхъ его мыслей. Иначе это оглавленіе есть краткое развитіе мыслей слова и вполне можетъ быть приурочено и поставлено въ соотношеніе съ первою частию словъ м. Данила. Непосредственно за оглавленіемъ каждого слова сборника слѣдуетъ масса разныхъ, свято-отеческихъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ мысли, высказанныя въ оглавленіи. Эта часть словъ сборника не самостоятельная, по плану и по приему цитации вполне тождественна со вторыми частями словъ м. Данила. Въ словахъ разсматриваемаго сборника только нѣтъ третьей, заключительной части, которая бы соотвѣтствовала наказанію словъ м. Данила.

Обращая вниманіе на характеръ и содержаніе вторыхъ, не-самостоятельныхъ частей словъ сборника мы находимъ и здѣсь много общаго съ словами Данила. Самая большая часть отцевъ и учителей церкви и церковныхъ писателей, изъ сочиненій которыхъ приводятся въ сборникѣ цитаты, тѣ же самые, которые встрѣчаются и въ словахъ м. Данила. Но это уже не такъ важно. Замѣчательнѣе всего то, что въ словахъ разсматриваемаго сборника встрѣчается очень много святоотеческихъ свидѣтельствъ, буквально съ начала и до конца тождественныхъ съ свидѣтельствами, находящимися въ нѣкоторыхъ словахъ м. Данила¹.

тири Максима Грека, которая была переведена въ Россію около 1520 года. Срав. Рукон. Моск. Дух. Акад. № 167/320, глава первая, л. 3—47 и Рукон. Моск. Синод. бывшей Патріаршей, библ., № 233 (по старому каталогу), л. 423, 333, 373, 287, 215. Ср. Рукон. М. Д. Акад. № 161/320, глава шестая, л. 278—318. съ рук. М. Сил. библ. № 233, л. 787, 415—416, 286—287. Сравн. Рукон. М. Дух. Акад. № 167/320, глава осьмая, л. 478—505. и рукон. Моск. Синод. биб. № 233, л. 73, 188—189, 39, 12.

¹ Такъ въ третьемъ словѣ безымяннаго сборника повторяются слѣдующіе цитаты одиннадцатаго слова м. Данила: повѣсть о отцѣ Елисей и повѣсть о отцѣ Евстафѣ, взятая изъ патерика. Срав. Рукон. М. Д. Акад. № 162/320, л. 109—119, 119—193. и рукон. той же биб. № 197 л. 381—391, 392—394. Въ одномъ тринадцатомъ словѣ сборника воспроизводится буквально двѣнадцать самыхъ разнообразныхъ и разнородныхъ цитатъ, находящихся въ девятомъ словѣ м. Данила. Такое явленіе объясняется тождествомъ предмета слова. Срав. Рук. Моск. Дух. Акад. № 163/320, л. 697—699, 700—701, 702—704, 704—709, 709—710.

Сходство въ планѣ и расположеніи словъ и тождество многихъ встрѣчающихся въ изучаемомъ сборникѣ святоотеческихъ свидѣтельствъ могутъ быть объясняемы подражаніемъ и простымъ заимствованіемъ неизвѣстнаго составителя сборника изъ сочиненій митрополита Данила. Но естественнѣе будетъ въ составителѣ сборника видѣть никого другаго, а самого митрополита Данила. Всѣ внѣшнія условія и обстоятельства, въ которыхъ находился Данилъ въ послѣдніе годы своей жизни, располагаютъ къ такому заключенію. Живя по своему изложенію съ митрополитомъ болѣе осми лѣтъ въ Волоколамскомъ монастырѣ, по современному выраженію, «на покой» Данилъ, какъ извѣстно, написалъ «духовную», которая была имъ «собрана отъ божественнаго писанія». Точно также и въ предисловіи разсматриваемаго сборника неизвѣстнаго автора прямо заявляется, что онъ написалъ и собранъ «отъ божественныхъ писаній и отъ поученій, и отъ житій и отъ повѣстей святыхъ преподобныхъ отецъ нашихъ»..... Духовная Данила ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть относима къ разряду его мелкихъ сочиненій, напр. словъ, посланій и т. п. Это есть цѣлое особое сочиненіе, которое въ рукописи, сохранившей до насъ свѣдѣніе о ней, прямо называется и обозначается «книгою въ полдестъ». Название отдѣльнаго сочиненія и особой книги вполне можетъ быть усвоено и извѣстному сборнику волоколамскому.

Можно наконецъ, на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, дойти до опредѣленія общаго предмета «духовной» митрополита Данила. Прежде всего, имѣя въ виду то, что Данилъ постоянно во всемъ старался подражать своему учителю, преп. Іосифу и даже копировалъ его внѣшнимъ образомъ, напр. въ числѣ и характерѣ сочиненій, принимая во вниманіе то, что преп. Іосифъ также написалъ свою *духовную* грамоту, заключающую въ себѣ его обширный монастырскій уставъ, можно думать, что и духовная Данила представляла изъ себя въ общемъ что либо аналогическое съ монастырскимъ уставомъ преп. Іосифа и точно также, какъ и послѣдній, развивала въ себѣ порядокъ и характеръ монашескаго подвижничества. Должно быть признано за достовѣрное то, что Данилъ написалъ свою духовную уже послѣ своего изложенія,

во время своего осмыслѣннаго пребыванія въ Волоколамскомъ монастырѣ. Въ свою бытность игуменомъ монастыря онъ не могъ написать духовной потому уже, что въ то время онъ никакимъ образомъ не могъ бы воспользоваться для нея переводомъ сводной псалтири Максима Грека. Въ санѣ митрополита Даниилу не представлялось особенной необходимости писать духовную въ виду того, что онъ не рассчитывалъ скоро разстаться съ митрополичьимъ престоломъ какъ то вышло на дѣлѣ. А духовная пишется въ концѣ какого либо служенія. Притомъ, для м. Даниила назначенію духовной грамоты, обращенной имъ ко всей своей, пастви вполне могло удовлетворять его окружное посланіе, написанное имъ въ послѣдній мѣсяцъ своего служенія церкви въ санѣ митрополита. Но находясь на покой въ Волоколамскомъ монастырѣ, Даниилъ могъ написать духовную только въ видѣ наставленій монахамъ, т. е. приблизительно въ такомъ характерѣ, съ какимъ является предъ нами волоколамскій сборникъ неизвѣстнаго достовѣрно составителя, въ самомъ предисловіи коего прямо заявляется, что онъ написанъ «къ отрехшимся міра». Писать духовную, адресуя ее ко всѣмъ членамъ бывшей своей паствы, Даниилъ не могъ въ первыхъ потому уже самому, что онъ отказался отъ архіерейскаго сана и значить отъ всякихъ соединенныхъ съ нимъ правъ на паству, равно какъ и обязанностей предъ нею; во вторыхъ потому, что въ Москвѣ былъ новый митрополитъ лицо, для котораго обращеніе Даниила, теперь лица не іерархическаго, могло показаться и нарушеніемъ его собственныхъ правъ и въ то же время и общецерковныхъ постановленій. Даниилъ по своему низложенію могъ имѣть самый ограниченный кругъ своихъ почитателей, сосредоточивавшихся въ волоколамскомъ монастырѣ. Волоколамскіе иноки имѣли всѣ побужденія почитать Даниила. Они видѣли въ немъ и прямого преемника знаменитаго основателя монастыря Іосифа, и своего бывшего игумена, и покровителя и щедрого благотворителя своего монастыря, когда онъ находился на престолѣ русской митрополіи, и наконецъ симпатизировали ему, зная хорошо всѣ тѣ превратности судьбы, которыя въ послѣднее время обрушились надъ его головою. Однимъ словомъ въ Волоколамскомъ монастырѣ, и только здѣсь, голосъ Даниила могъ имѣть еще авторитетъ. Даниилъ и воспользовался своимъ положеніемъ въ волоколамскомъ монастырѣ и далъ послѣднее свое наставленіе и напутствіе его инокамъ, которыя съ своей совокупности и составили его «духовную».

Обобщая всѣ вышеприведенныя соображенія, мы можемъ допустить ученую догадку о тождествѣ утраченной духовной митрополита Данила съ извѣстнымъ сборникомъ, принадлежащимъ библиотекѣ Московской Духовной Академіи.

Значеніе сочиненій митрополита Данила для сегого и ближайшаго къ нему времени. Уваженіе ихъ въ расколѣ.

Сочиненія митрополита Данила не прошли незамѣченными какъ его современниками, такъ и людьми ближайшаго къ нему послѣдующаго времени. Они имѣли свою долю вліянія на древнерусскую церковную письменность. Существуютъ историческія данныя такого рода, которыя фактически свидѣлствуютъ о вліяніи сочиненій м. Данила на людей сравнительно близкаго къ нему времени. Мало того, что ими пользовались въ ихъ полномъ составѣ, изъ нихъ дѣлались выписки для разныхъ полемическихъ и другихъ цѣлей.

Такія выписки или сокращенія дѣлались изъ третьяго слова Даниловскаго сборника, предметомъ коего, какъ извѣстно, служитъ изложеніе ученія о церковномъ преданіи. Примѣръ такого сокращенія встрѣчается въ рукописяхъ не совсѣмъ отдаленнаго отъ Данила, времени именно второй половины XVI вѣка¹. Встрѣчаются «избранія» изъ третьяго слова м. Данила и въ рукописяхъ XVII в.². Третье слово сборника м. Данила въ частности пользовалось уваженіемъ въ средѣ просвѣщенной части русской церковной іерархіи. Изъ него дѣлались извлеченія, какъ въ своемъ родѣ какъ символическаго памятника, и вносились въ посланія папъ-стырей. Примѣръ такого пользованія представляетъ посланіе перваго русскаго патріарха Іова къ Грузинскому митрополиту Николаю, гдѣ святѣйшій патріархъ, дѣлая наставленія къ представителю Грузинской церкви, «о тщательномъ храненіи преданій и установленій церковныхъ» въсто, своихъ собственнымъ наставле-

¹ Рукоп. Имп. Публ. библ., V, I, № 263, л. 149—156.

² Рукоп. глглад. архива Мян. иностраннхъ дѣлъ въ Москвѣ, № 468; стар. кат. н № 231 нов. кат.; скоропись XVII в., въ 4 л., ла. 314, дѣла, 4, 53—56.

ній просто выписываетъ буквально первую часть третьяго слова м. Данила ¹.

Не меньшею популярностію пользовалось, однородное съ третьимъ словомъ, четвертое слово Даниловскаго сборника, разсуждающее о поклоненіи на востокъ и о крестномъ знаменіи. Его сокращенія и заимствованія изъ него встрѣчаются въ рукописяхъ XVI в. второй его половины ².

Слово Данила о воплощеніи, пятое по положенію въ сборникѣ, имѣло также свое богословское вліяніе на древне-церковную письменность. Богатство богословской аргументаціи слова давало русскимъ богословамъ полную возможность дѣлать изъ него извлеченія и сокращенія, достаточныя для уясненія того или другаго возникавшаго недоразумѣнія въ ученіи о таинствѣ воплощенія. Въ рукописяхъ XVI—XVII в., особенно XVI в., встрѣчается значительное число сокращеній и передѣлокъ Даниловскаго слова о воплощеніи, имѣющихъ нѣсколько отдѣльных редакцій. Таковы особыя редакціи сокращеній пятаго слова м. Данила—Волоколамскаго монастыря ³, Императорской Публичной библіотеки ⁴, Московской Синодальной, бывшей Патріаршей, библіотеки ⁵.

¹ Срав. рукоп. Моск. Дух. Акад. № 197, л. 64—68 и рукоп. Новгор. Соеб. библ. № 1475, съ которой посланіе Іова издано Н. Барсовымъ въ Христіанскомъ чтеніи 1869 г. Ноябрь, гдѣ заимствованныя изъ слова м. Данила выдержки находятся на 870—873 стр. Замѣтно Іовъ слишкомъ рабски отнесся къ слову Данила, когда онъ, помѣщая въ своемъ посланіи значительную часть его третьяго слова, не выкинулъ изъ него того, что относилось къ обвиненію современныхъ Данилу правыхъ, и что никакъ уже не могло быть полезнымъ для грузинъ, условія жизни которыхъ вовсе были не похожи на быть и особенности русскаго народа. Іовъ весьма высоко смотрѣлъ на сочиненія Данила и считалъ ихъ едва не равными съ твореніями святоотеческими. Такъ можно думать на основаніи самаго его названія посланія, которое, по другому его рукописному списку, читается такъ: «посланіе избрано изъ правилъ св. отецъ семи соборовъ». Рукоп. Импер. Пуб. библ. XVII в. изъ древле-хранища Шогдина (прежде составляла собственность Строева) № 1570, л. 95—126.

² Рукоп. Им. Пуб. биб. Q. 1, № 225, изъ собран. граф. Толст. отд. I, № 492 л. 675—680 и рук. той же биб. F. I, № 263, л. 132—138.

³ Рукоп. Волокол. монастыря, хранившаяся и въ настоящее время въ монастырницѣ № ¹⁰/₄₇₇ XVI в. въ 4 л. на 106 л., письмо Θεодосія, бывшаго архіепископа Новгородскаго л. 454—463—471. Сравн. Рукоп. Моск. Духов. Ак. № 197, слово 5-е.

⁴ Рукоп. Q. 1, № 225, л. 683—693. Рукоп. той же биб. F. I, № 263 л. 138—147. Ср. рук. той же биб. F. I, № 522, л. 109—199.

⁵ Рукоп. № ¹²⁰/₁₂₃ XVI в., л. 177. Ср. рукоп. Патр. биб. № ²³⁷/₈₅₅ слово 5.

Нѣтъ у насъ подъ руками данныхъ для того, чтобы судить степени уваженія, какимъ пользовалось со стороны книжниковъ шестое слово Данила. Судя по его краткости и однообразію содержащихся въ немъ богословскихъ аргументовъ, можно думать, что оно пользовалось меньшимъ вниманіемъ книжниковъ, тѣмъ нѣкоторыя другія слова Данила.

Седьмое слово Даниловскаго сборника обращало на себя вниманіе русскихъ книжниковъ, что и выразилось въ сохранившихся въ разныхъ рукописяхъ заимствованіяхъ и выпискахъ. Сюда относятся выцѣски находящіяся въ рукописяхъ: Волоколамскаго монастыря ¹, Московскаго Публичнаго Музея ², Московской Синодальной, бывшей Патріаршей библіотеки ³ и др.

Равнымъ образомъ въ рукописяхъ, особенно XVI в., встрѣчаются выписки и изъ осьмаго слова Даниловскаго сборника, обсуждающаго вопросъ объ отношеніи къ еретикамъ. Такія выписки и заимствованія встрѣчаются въ рукописяхъ Волоколамскаго монастыря ⁴, Московской Епарх. библіотеки ⁵, Московскаго Пуб. Музея ⁶, Церковно-археологическаго музея при Кіевской Духовной Академіи ⁷.

Вовсе пятае слово цѣнилось книжниками весьма высоко. Лучше всего за это говорятъ свидѣтельства самихъ же этихъ книжниковъ. На одномъ изъ сокращеній пятаго слова м. Данила находится слѣдующая замѣтка одного чтеца: «сеѣ слово прочесть весьма полезно». Рукоп. Имп. Пуб. биб. Г. I, № 263, л. 138, на полѣ, внизу листа.

¹ Монастырская рукоп. № ¹⁰/₄₇₇, письмо Θεοδοσία Новгородскаго, л. 471 и далѣе. Ср. Рукоп. М. Д. А. № 197, слово 7.

² Рукоп. № 1257, подуустанъ XVI в., письмо Вассіана Возмицкаго, волоколамскаго вѣока, л. 184—191. Ср. Рукоп. М. Д. Акад., № 197, слово 7.

³ Рукоп. XVI в., № ²⁶/₇₅₈, л. 177—192. Сравни рукоп. Патріарш. биб. № ²⁷/₄₃₀, слово 7.

⁴ Монастырская рукопись XVI в., письмо Θεοδοσία, архієпископа Новгородскаго № ²⁰/₄₇₇, л. 400—416.

⁵ Рукоп. XVI в., въ 8 л. Номоканонъ, № Епарх. ²⁵¹/₃₁₆, Волон., принадлежащ. Москов. Епархіальной биб. при Петровскомъ монастырѣ (прежде значился подъ № 582), л. 1—30. 64. Ср. рукоп. М. Д. Акад. № 197, слово 8.

⁶ Рукоп. XVI в. № 1257, л. 78—83. Сравни рукоп. Патріарш. биб. № ²⁷/₄₃₁, слово 8-е.

⁷ Рукоп. № 628, Т. 339, расколынической сборникъ XVIII в., 4 л. на 181 лл. 106—141. Здѣсь приведенъ отрывокъ «отъ книги Данила митрополита», заим-

Самая замѣчательная компиляція соборника м. Данила представлена въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ XVI вѣка, принадлежащемъ Новгородской Софійской библіотекѣ¹. Въ этомъ сборникѣ находится до четырнадцати словъ, изъ нихъ до десяти словъ составлены исключительно на основаніи простаго механическаго заимствованія изъ соборника м. Данила.

Всѣ эти «избранія Даниловы книги», какъ иногда называются въ рукописяхъ извлеченія, дѣлавшіяся изъ нѣкоторыхъ словъ соборника м. Данила², самымъ осязательнымъ образомъ показываютъ насколько важны были для своего времени нѣкоторыя его сочиненія. Они служили для того времени кодексомъ или, какъ характерно выразился П. Строевъ, «церковною энциклопедіею»³ куда всякій могъ обращаться для справокъ и откуда онъ удобно могъ дѣлать выписки, необходимыя въ виду тѣхъ или другихъ недоумѣній, возникавшихъ на почвѣ церковныхъ споровъ, такъ обычныхъ для XVI вѣка. Замѣчательно при этомъ то, что въ пользованіи словами Данила лежитъ извѣстная идея, обуславливающаяся религіозными движеніями и вопросами XVI в. Заимствованія книжниковъ распространяются не на всѣ слова соборника м. Данила въ одинаковой мѣрѣ, а въ выборѣ ихъ проглядываетъ обдуманый планъ. Еретики жидовствующие, слившіеся потомъ съ послѣдователями Θεодосія Косаго, затрогивали главный основной пунктъ православнаго ученія—ученіе о воплощеніи. Современные православные русскіе книжники защищаютъ этотъ догматъ отъ нападокъ еретиковъ и между прочими вспомогательными сочиненіями обращаются къ пятому и седьмому словамъ соборника м. Данила, въ которыхъ специально трактуется объ искупленіи и воплощеніи, и которыя притомъ прямо направлены были противъ жидовствующихъ. Въ то же самое время еретики затрогивали церковную обрядность и скептически относились къ церковному преданію. Въ разрѣзъ еретическому вольнодумству ревнители православія ищутъ опроверженій и нѣкоторыя изъ нихъ черпаютъ изъ

составленный изъ третьей части его осьмага слова. Петровъ—Описаніе рукописей Церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Акад. 648.

¹ Рук. Новг. Соф. баб. № 1452, въ 49; на 483 листахъ.

² Рукоп. Импер. Публ. библ. Q. 1. № 225, л. 675.

³ Въ нежданномъ сочиненіи, библиологическомъ словарѣ, которымъ я пользовался въ рукописи.

третьяго и четвертаго словъ Данила, разсуждающихъ о важности церковнаго преданія. Въ XVI в. долгое время съ различныхъ сторонъ обсуждался вопросъ объ отношеніи къ еретикамъ. Возбужденіемъ этого вопроса объясняется обиліе, встречающихся въ рукописяхъ, выписокъ изъ осьмага слова м. Данила, которое все посвящено вопросу объ еретикахъ. Въ извѣстной части русскаго общества XVI вѣка соборникъ м. Данила разсматривался какъ прямое продолженіе «Просвѣтителя» Іосифа Волоцкаго и ему усвоилось совершенно аналогическое съ послѣднимъ назначеніе.

Разнаго рода заимствованія и пользованія сочиненіями митрополита Данила имѣютъ значеніе и въ отношеніи его посланій. Такъ какъ посланія его написаны были по тѣмъ или другимъ, но все-таки случайнымъ обстоятельствамъ, и такъ какъ содержаніе ихъ вращалось въ области тѣхъ или другихъ, но все-таки частныхъ вопросовъ нравственности, то отсюда само собою становится понятно, что сфера заимствованій и пользованій посланіями Данила должна быть по необходимости болѣе или менѣе ограниченою. Но и въ этой области тѣмъ не менѣе существуютъ заимствованія. Въ рукописяхъ XVI в. встрѣчаются безыменные посланія въ родѣ: «посланіи отъ отчскаго къ брату нѣкому»¹, или «посланіе великаго старца брату нѣкому утѣшительно»², или «посланіе отеческое нѣкому брату»³,

¹ Такъ можно судить на основаніи рукописи Волоколамскаго монастыря, хран. въ монаст. ризницѣ и писанной рукою Θεодосіа, бывшаго архіепа Новгородскаго, № 10/47, въ которой непосредственно за «Просвѣтителемъ» Іосифа помѣщены выписки изъ трехъ словъ Даниловскаго соборника.

² Рукоп. М. Д. Акад. № 526/100, л. 268—271. Это посланіе есть ничто иное, какъ вторая часть десятаго посланія Данила, находящагося въ сборникѣ Соловецк. библ. № 1281, л. 292—294.

³ Рукоп. М. Д. Акад. XVI в. № 137/432, л. 228—236. А это есть ли что другое, какъ посланіе Данила къ Діонисію Звенигородскому. Сравни. рукоп. М. Дух. Акад. № 101/418, л. 93—110, и рукоп. № 155/519, л. 110—111.

⁴ Рук. М. Дух. Академіи XVI в., № 156/510, Волос. л. 39—41. Это посланіе представляетъ изъ себя сокращеніе четвертаго посланія м. Данила о томъ, «яко житіе сіе прелестное, яко сонъ мимо грядеть». Ср. рук. Новгор. Сов. биб. № 1281, 4-е посланіе. Авторъ сокращенія обнаружилъ здѣсь нѣкоторую долю самостоятельности, которая выразилась, между прочимъ, въ томъ, что онъ не хотѣлъ воспользоваться готовымъ вступленіемъ посланія, находящимся у Данила, а вмѣсто того внесъ свое собственное. При своемъ сокращеніи авторъ замѣтно руководствовался литературными требованіями и потому выбралъ изъ посланія Данила такіе мѣста, которыя отличаются силою слова и краснорѣчіемъ. Подобный

«посланіе отеческое къ брату нѣкоему о пользѣ»¹, или наконецъ «посланіе къ брату нѣкоему смиреннаго инока слово утѣшительно, зѣло полезно хотящимъ спастися»².

Время появленія сокращеній разныхъ словъ и посланій м. Данила и пользованія ими опредѣляется не далѣе, какъ концемъ XVI в. и отчасти началомъ XVII вѣка. Явленіе это довольно знаменательное. Оно показываетъ, что сочиненія м. Данила въ извѣстной части русскаго общества, симпатизировавшей идеямъ волоколамской братіи, имѣли свое цѣлѣбное время, — время, когда они цѣнились высоко, и когда они были въ полномъ ходу и уваженіи у русскіихъ книжниковъ, не особенно далекихъ отъ времени митрополита Данила.

Но извѣстное значеніе сочиненій митрополита Данила на церковную письменность и вообще на умы русскаго общества не ограничивается временемъ второй половины XVI и началомъ XVII вѣка. Въ извѣстной части русскаго общества, именно въ обществѣ раскольниковъ, сочиненія митрополита Данила имѣли значеніе «священной» книги, на которую они и прямо ссылались въ необходимыхъ случаяхъ. Въ началѣ XVIII в. авторы поморскихъ отвѣтовъ, между другими священными аргументами ссылались и на сборникъ митрополита Данила³. Сочиненія митрополита Да-

примѣръ эксплуатированія 4-го посланія Данила встрѣчается напр. въ рукописи Импер. Публ. библ. изъ древлехранилища Погодина, № 1298.

¹ Рукоп. Москв. Епарх. библ. № 429, по Волоколамской дополнительной описи № 10, XVI в., л. 77—80. Рукопись очень ветхая, листы нѣкоторые склеены между собою. Здѣсь воспроизводится съ незначительными замѣненіями девятое по положенію въ сборникѣ посланіе Данила. Рук. Новг. Соф. биб. № 1281

² Рукоп. Моск. Епарх. библ. № 248/537, л. 6—9. Въ этомъ случаѣ посланіе находится въ качествѣ предисловія къ цѣлому сборнику. Въ указанномъ посланіи авторъ воспользовался четвертымъ посланіемъ м. Данила о томъ, «ако житіе сіе пречестное, яко сонъ мимо грядеть», но въ то же время сдѣлалъ нѣкоторые добавленія и отъ себя.

³ Въ поморскихъ отвѣтахъ при защитѣ двуперстнаго сложенія для крестнаго знаменія находится слѣдующее сужденіе о митрополитѣ Данилѣ: «при в. князѣ Вислѣѣ Ивановичѣ Данила митрополитъ, ученикъ преподобнаго и премудраго Іосифа Волоколамскаго, украшае престола Россійскія митрополіи. Той соборъ книгу сборникъ отъ многихъ священныхъ писаній, той священныя книги во словѣ четвертомъ како креститися..... далѣе упоминается извѣстное Θεодоритово слово по редакціи Данила, столь ясно благопріятствующей двуперстію. Рук. Имп. Публ. биб. изъ древле-хранилища Погодина № 1520, л. 36.

ніла продолжаютъ пользоваться большимъ авторитетомъ у раскольниковъ старообрядцевъ даже и во весь послѣдующій періодъ времени. Въ ученой, конечно по своему, средѣ старообрядчества и по настоящее самое послѣднее время открыто высказывались такіе взгляды на сочиненія митрополита Данила, которыми за ними утверждается значеніе твореній *святоотеческихъ*¹.

Вѣковое тяготѣніе старообрядцевъ къ личности и сочиненіямъ митрополита Данила обуславливается не только симпатіей ихъ къ тѣмъ или другимъ частнымъ воззрѣніямъ и религіознымъ, обрядовымъ особенностямъ, оправданія для которыхъ изходятся въ его сочиненіяхъ, но однородностію и тѣсною связію, какая существовала и существуетъ между расколомъ и вообще всѣмъ тѣмъ направленіемъ, проводникомъ и ратоборцемъ котораго былъ въ свое время митрополитъ Данилъ.

¹ Въ 1873 году за границей напечатано раскольниками сочиненіе: «Собраніе изъ разныхъ книгъ *святоотеческаго* писанія о сложеніи перстъ на крестное знаменіе». Накладомъ вѣока Нафанаила. Львовъ, 7381 года. Печатано въ типографіи ставропольскаго института, 1873 года, подъ управительствомъ Стефана Гучковскаго. Въ этомъ сочиненіи подъ категорією *святоотеческаго* писанія на *первомъ* планѣ напечатано *in textu* все четвертое слово соборника м. Данила. Съ этимъ рѣдкимъ и трудно доступнымъ изданіемъ я познакомился въ Москвѣ, въ Юхотномъ ряду, у торговца рукописями и старопечатными книгами С. Т. Большакова. Хотя первое свидѣніе объ немъ получилъ чрезъ «Братское Слово», годъ второй, 1876, кн. 1. Статья: «заграничныя раскольническія изданія повѣйшаго времени», 18—151.

ОТДѢЛЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

I.

Наказаніе в (второе) ¹.

Сіа вмаѣ къ любви вашей потрудившесѣ събрахомъ отъ божественныхъ писаніи. Принесемъ же вмаѣ нѣчто глаголъ и о пастырѣхъ почто пасомымъ съгрѣшающимъ, пастыри мучими бываютъ. ² Понеже не засвидѣтельствоваша пасомымъ о согрѣшеніяхъ и не запретиша имъ. Пророку бо Иезекіилю яко отъ лица Господня възпѣюще: сыне чловець, стража дахъ ты дому израилеву, и аще запретиши съгрѣшающему и не отвратится отъ пути своего злаго, онъ въ не правдѣ своей умретъ, ты же душу свою избавиши; аще ли не запрѣтиши, кровь его отъ руки твоеа възыщу (Іез. XXXIII, 7—8). Ты же наки любириписѣ глаголя: почто сіа на пастырехъ испытательная и немилостивная възлагаеть? Явно сіе есть яко пастырь поставляется пныхъ невѣдѣніа и нечувствіа исправляти, и заступати, и стрещи, и бѣсовскыя рати грядущіа провъзвѣщати; не возможетъ же приложити невѣдѣніа, или ино что лицемѣрно покрыватися, ниже пакы рещи: не разумѣхъ, ниже услышахъ трубы, ниже разумѣхъ, ни видѣхъ брани и козней лукаваго, ничтоже таково можетъ рещи. Понеже на пастырскій путь ³

¹ Поученіе издается по четыремъ рукописямъ: Импер. Пуб. биб. F. 1, № 522, Моск. Д. Акад. № 197, л. 53—64, биб. Хлудова № 87, л. 28—34 и Синод. биб. № 385/1237, л. 37—44. За основаніе взятъ сборникъ Моск. Дух. Академіи № 197. При изданіи помѣщаемыхъ здѣсь рукописныхъ памятниковъ сдѣланы слѣдующія отступленія отъ подлинника: тѣла за весьма немногими исключеніями прочитаны и разставлены строчные знаки—точки, запятые и под.

² Въ рукописяхъ Синодальной и биб. Хлудова читается вмѣсто словъ: пастыри мучими бываютъ, пастыри учими бываютъ.

³ Во всѣхъ остальныхъ рукописяхъ: Син., Хлуд. и Импер. Пуб. биб. читается вмѣсто путь степенъ.

взыде, и на святительскомъ престолѣ сѣде, да ни о чемъ же иномъ печется, точію еже научити люди богоразумію, и благочестію, не злобію, и нелихоиманію, и еже не насильствовати, и не грабити, и еже не лукавновати, и еже не клеветати, ни завидѣти. и къ съгрѣшившимъ кающимся простителну быти, не послушающимъ же съгрѣшающимъ запретити, и засвидѣтельствовати, якоже и Иезекіиль глагола даже и нѣмъ трубить. Се бо есть истинныхъ пастырей дѣло: да провъзвѣщаетъ хотящая быти лютая и прежде смерти и яже по смерти, и смотрити колико погыбе словесныхъ овецъ отъ псовъ, и свиней, и отъ ложныхъ пророковъ, и ложныхъ учителей. Мнози бо, рече, прелестници изыдоша въ миръ, и убо истинніи пастыріе душа своя положиша о овцахъ, не предающе ихъ волкомъ въ разхищеніе. Худіи же и лѣнiviи пастыріе, увы мнѣ якоже азъ, себе упасоша, и разшириша чрева своя брашны и пѣанствы, заблуждшихъ не възведоша, погибшихъ не взыскаша, прелщенныхъ не обратиша, съкрушенныхъ не врачеваша, недужныхъ не исцѣлиша, строптивымъ не въспрѣтиша, безчинныхъ не възустиша, и ни мало попекошася исцѣлити овца, но себе упасоша, а овецъ не пасоша, и вся дѣла пастырьская презрѣша, но точію на славу и честь, и на упокоеніе, еже ясти и пити сладостная, и драгая, и честнѣйшая, и на тщеславіе, и презорство, и на въспріятіе мзды уклонишася, душеполезнаго же ученія и врачеванія не сѣтвориша овцамъ. Тѣмже явно пророческими усты надъ пастырьми являя гнѣвъ Господь: се Азъ надъ пастырьми, и възмщу овецъ моихъ отъ руки пастырей, не взыскаша бо пастыріе овецъ моихъ, и пасоша себе, овецъ же моихъ не пасоша. (Іез. XXXIV, 8); И Іереміемъ тако же глаголетъ: оле пастыріе погубляющіи и растачающіи овца пажити Моеа, сего ради сіа отмщу на васъ лукавыхъ ради дѣлъ вашихъ (Іер. XXIII, 1—2). Мы же сіа ни въчтоже полагаемъ, но презираемъ и небрежемъ о паствѣ нашей, и колико погыбаетъ душъ человеческихъ отъ лѣности и небреженія нашего. Сего ради мука не отречена будетъ, аще и единъ погыбнетъ, аще бо мечю грядущу не потрубить людемъ, ниже назнаменуетъ, рече, смотряей стражъ, и пришедше мечъ погубитъ душу, изъ руки стрегущаго изыщется кровь его, она же за беззаконіе свое погыбнетъ. Аще бо и нынѣ въ настоящемъ семъ студѣ и срамѣ великѣ деящимся пастыремъ и небрегущимъ о паствѣ своей, и совѣстное мученіе зѣло томительно, колми паче еже по смерти въ великій день судный Спасовъ студъ и срамъ и мученіе вѣчно: отъидѣте бо, рече, отъ Мене прокляти въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его (Мѣ. XXV, 41), понеже бо взявше пастырство, и ни едино попеченіе сѣтвориша о овцахъ

сего ради немилостиво мучими будутъ. Тѣмже потщимся, аже приахомъ душа представить Богови, якоже рече священный Златоустъ...¹.

Разумѣй же ми прочее пастырскихъ многообразныхъ бѣдъ яко вездѣ и повсюду бѣды и скорби отъ всѣхъ приемятъ. Егда бо видѣти нѣкыя челоувѣки не подобнаа глаголющихъ, или творящихъ законопреступная, и еще спхъ накажетъ, и не послушнымъ въспретитъ, многу ненависть въздвигутъ на ны: надымаются, ханають, досажаютъ, ложнаа шепераніа сшиваютъ, клеветы, студъ, укоризны, и аще бы имъ возможно и умертвити, тако бо сатана прелщаетъ ихъ лукавствомъ своимъ. Егда же пастырь на ны начнетъ ихъ учити глагола: о чада, сие и сие творите, якоже повелѣваютъ намъ Христовы зановѣди и прочая божественная писаніа, и они отвѣщаютъ² глаголюще: прежде себе научи, писано бо есть начатъ Исусъ³ творити же таже учити (Дѣян. I, 1). Иногда же глаголютъ: до чего ти дучити насъ? А ты самъ по писанію ли житіе храниши, а онъ, а сей по писанію ли жителъствуетъ? Точію на насъ въоружился еси, а тѣхъ не видиши ли, а себе забылъ ли еси? О отче, отче, како ти нѣсть срана! Учитель же на ны отъ божественнаго писаніа начнетъ учити. Они же възглаголютъ: О, учитель нашъ, яко фарисей, тщеславится, видиши ли како мнитъ, видиши ли како презорствуетъ, видиши ли како гордится! Сіа же, и симъ подобнаа, и ина тмаи ничтоже стыдящеса глаголютъ, тако бо обезсрамившу ихъ сатанѣ. Внегда же пастырь, время усмотривъ, свѣрѣно встрѣтити на спасеніе нѣкимъ и они възглаголютъ: сіа нѣсть отеческаа и пастырская, и учительская, но безчинныхъ, и развращенныхъ, и челоувѣко ненавистныхъ, и мучительскій обычай есть а не отеческій и учительскій. Аще ли же кто сѣдай на сѣдалищи пастырствѣ, и учительствѣ и будетъ простъ, тихъ, кротокъ, смиренъ, и рекутъ челоувѣци глаголюще: сей челоувѣкъ простъ есть келейный, а не властелскій, нѣсть его дѣло учити, и наказовати, и възъущати, и запрещати. Аще же кто отъ любомудрыхъ въсхощетъ исчислити и писанію предати пастырскаяа страданіа, и мольбы, и смущеніа, лѣта да требуетъ о сихъ любомудрствовати.

Почто братіе гордимся, и възносимся и сами ся прелщаемъ

¹ Здѣсь сравнительно съ текстомъ сдѣланъ пропускъ двухъ очень обширныхъ свидѣтельствъ I. Златоустаго и Василія Великаго, помѣщенныхъ въ неудобопонятномъ переводѣ.

² Въ рукоц. Им. Нуб. биб. и Сина. читается: отвѣщаютъ.

³ Въ рукописяхъ это слово пишется всегда одинаково такъ: Ісѣ, которое и прочиталъ Исусъ.

власти игуменства, или епископства ищуще, страстни суще и немощни на таковая величества въсходити? Что же ради сихъ и взыскуемъ? Ясти ли и пити многообразнаа, и драгая и сладостнѣйшая? Или злата и сребра, и многа богатства, и имѣнія събирати? Или веселитися, и щипити, и пиры съставляти, и съзывать на обѣдъ¹ славныхъ, и богатыхъ, и истощити все церковныя доходы тунеядцемъ, яже церкви и церковнымъ потребна бѣ и страннымъ и нищимъ? Мы же сихъ презираемъ и церковныя доходы съ славными, и съ богатыми, и съ тунеядци изъядаемъ гордостію и тщеславіемъ надымающесе, и къ настоящимъ вседушно прилежаще, и мнимся пастыри и учители быти, и истинно слово Божіе правити, и наставляти родъ человѣческій къ спасенію. Нѣсть се, нѣсть, братіе, но паче требуетъ се съкрушеніе сѣрдечное, и нестяжаніе, и любовь, и смиреніе, и служеніе съ страданіемъ, не питаніе бо и пианство, и щипленіе, и прохлаженіе сіа власть, но паче вѣщій подвигъ, и вѣліа тѣснота, и скорби, и попеченіе о всѣхъ, и терпѣніе отъ всѣхъ съ благодареніемъ, и благаа мыслити о всѣхъ², но убо и сладку и веселу быти подобаесть, аще и не хотящу сердцу отъ сгнѣтающихся его печалей и скорбей. Также, егда время будетъ, и страшну и люту быти подобаесть не себе отмицаа, и славы и чести взыскуп, но на спасение и пользу всѣмъ устроая. А же не у пришедшему въ сіа добро убо и зѣло добро себѣ единому внимати и хранити себе отъ сѣтей вражнихъ.

Полюбомудрствуемъ же и другаа бесѣдовати. Аще убо Богъ избравъ кого възнесъ посади на священнѣмъ престоли, да въспоминаеть се и апостола Павла глаголаша: внеже кто званъ бысть отъ Бога, въ томъ пребываетъ (Кор. VII, 20) и да не лѣностно, и не дремально зрѣть смотрѣніе Господне, яже плотію пострада челоуѣческаго ради спасенія, и да непрестанно себѣ въспоминаеть святыхъ апостолъ житія, страданія, скорби, бѣды, и о всемъ терпѣніе, и благодареніе, также и великихъ святителей житія и преподобныхъ отецъ, и симъ ревновати, и съблюдати себе отъ ярости, и злопомнѣнія, и отъ гордости, и отъ многаяденія, и отъ многа питія, и независтно подаати слово ученія всѣмъ, и никакоже ленитися о спѣхъ, аще и не зѣло внимають нѣщии. И сіа убо глаголаше Іоаннъ Злато-

¹ По рук. Импер. II. биб. читается: или веселитися, и прохлажати и вознѣситися, и щипити, и пиры съставляти и съзывать на обѣдъ.... Въ Синод. рукописи читается: или веселитися, и прохлажати и созывать на обѣдъ славныхъ....

² Въ рукоп. Импер. Пуб. биб. прибавлено: и молитися о всѣхъ.

устый въздвижа и вставляя на блаженный сей подвиг¹. Не презримъ убо медоточныхъ сихъ наказаній, но потщимся въ смиреніи и простотѣ житіе чисто показати, да възможемъ съ дерзновеніемъ глаголати слово Божіе, праведный бо, рече, дерзаетъ яко левъ, не отъ себе же потщаватися глаголати что, но отъ святыхъ писаній, евангельскихъ заповѣдей, и апостольскихъ, и отъ священныхъ правилъ вселенскихъ соборовъ, и помѣстныхъ, и особъ блаженныхъ мужей, и отъ прелзній и житія, и обычая богоносныхъ отецъ, да ничтоже странно и чуже да глаголемъ, но да любомудръствуемъ, и глаголемъ, и весь свой разумъ въ сихъ полагаемъ, ихже пріятъ отъ Бога, и отъ святыхъ апостолъ, и отъ преподобныхъ отецъ, святая соборная апостольская церковь, и пріемъ намъ предаде.

Почто упражняемся въ суетныхъ и мимотекущихъ прелестнаго сего житія? Доколѣ неправды и лукавство? Почто снѣдаемъ другъ друга? Въ кую ползу предалъ еси себе всего сатанѣ, насилуяи и грабя брата своего? Не помышляеши ли яко безъ милости мученъ будеши о семъ? Здѣ ли помышляеши житіе имѣти себѣ вѣчно? Прельстился еси сіа помышляя, на время убо здѣ поставленъ еси, торгъ бо есть житіе сіе, да всякъ человекъ яко въ гостехъ въ мирѣ семъ пребывая, и преходя отъ мѣста на мѣсто, тако и мы отъ здѣшнихъ на будущая преселимся, преселници бо есмы здѣ и пришельци глаголющу писанію, и аще здѣ который прикупъ сѣтворимъ въ купли нашей, сіе и тамо обрящемъ: явите бо, рече, дѣла и пріимите мзду. Взыщемъ небесныхъ, да и здѣшнихъ благъ насладимся и будущая получимъ благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Нимъ же Отцу купно съ Святымъ Духомъ слава и держава, честь и поклоненіе нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь.

II.

Первая часть третьяго слова².

Многа и различна устроенія, чины же и уставы, правила и законы отъ божественныхъ апостолъ пріятъ святаа церкви, таже по

¹ Здѣсь онѣ сдѣланъ пропускъ обширнаго свидѣтельства изъ одного слова св. І. Златоуста, представленнаго въ неудобопонятномъ переводѣ.

² Поученіе дается по четыремъ рукописямъ: по рук. М. Д. А. № 197,

апостолѣхъ богоноснѣи отци много предаша и навершиша святѣи и соборнѣи апостольстѣи церкви, подобѣи чины и устроеніа и весь уставъ христіанскаго житіа: и на поставленіе патріархомъ, молитвы и уставы, и чины, и разчненіа, и предѣлы кождо ихъ, и мѣста, и сѣдалища митрополитомъ, и архіепископомъ, епископомъ, и архимандритомъ, и игуменомъ, священникомъ, и діакonomъ, и подіакonomъ, и четцемъ, и пѣвцемъ, и свѣщеносцемъ, и молитвы на крещеніа еже отрицатися сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и на обрученіа же и на вѣнчаніа, и на показаніа, и на причащеніа Животворящаго Тѣла и Честныа Крове Господа нашего Ісуса Христа, отрицаніа же и обѣщаніа и молитвы на постриженіа иноческаго малаго и великаго яже глаголется второе крещеніе, и на погребеніе инокомъ и мирскимъ уставы, и тропари, и молитвы, и иже въ литургіахъ дивно и освященно уставы счетанія—перваа великаго Василіа, втораа — Златоустаго, третіа—Григоріа папы римскаго, яже въ великій постъ поется, и молитвы на богоявленіе, и на шестое Святаго Духа, и въ начало индикта, еже есть новаго лѣта, и на освященіа церкви, и на освященіа святаго масла, и на освященіа святаго мира и на освященіе водѣ, и на поставленіа православныхъ царей, пѣсни же и пѣнія¹ господскимъ праздникомъ и прочимъ, другимъ же аллилуіа и посты, иныя же евангельскыа праздники, иныя же и славословныа нарекоша и уставиша, чтеніа же торжественна и обычна, и повести и словеса, и житіа святыхъ въ праздничныа дни и обычныа узаконоположиша и предаша святѣи церкви, посты же и моленіа, и поклоненіа животворящему кресту, и честнымъ и святымъ иконамъ, начертаніа же писмены и иными вещми въ святыхъ церквахъ, и на священныхъ съсудѣхъ, и ризахъ, и на стѣнахъ и на дѣскахъ, и въ домѣхъ, и на путехъ воображеніа Господа нашего Ісуса Христа, и пречистыа Его Богоматери, и великаго пророка предтеча крестителя Господня Іоанна, и божественныхъ апостолъ, и благоглаголивыхъ пророкъ и всѣхъ святыхъ, сихъ завіщаша писати, и поклонятися имъ, и божественному евангелію и священнымъ съсудомъ, и священнымъ божественнымъ храмомъ, за еже въ рукотвореныхъ насъ ради пожити изволившаго

л. 64—68, биб. Хлудова № 87, л. 34—36, Синод. биб. № 985/217, л. 45—47 и по рук. Имп. пуб. биб. № 522, л. 58—60. Въ основаніе наданія положенъ списокъ Моск. Дух. Академіи.

¹ Во всѣхъ другихъ рукописяхъ прибавлено: пѣсни же и пѣнія, и сѣдальныа, и тропари, и кондаки, и степенныа, и всенощныа уставы и пѣнія господскимъ праздникомъ....

и Того божественная словеса вещными написаны человеколюбие даровавши, почитати же и поклонятися мощемъ святыхъ истинныхъ угодниковъ Христовыхъ, и яко по истинѣ отъ Бога освятительну и цѣлебную пріемше благодать недуги отгоняти, и болѣзни исцѣляти, вѣистину чудо преславно яко кости наги источаютъ исцѣленія, слава единому премудрому зиждителю Богу, якоже писано есть, и прочая законы и уставы яже святаа церкви пріять, и пріемши намъ предаде непреложно съблюдати подобаетъ. Сіа есть вѣра святыхъ апостолъ, яже научени быша отъ Бога, по святыхъ же апостолѣхъ богоносніи отци, якоже и предречеся, многа управленія и законы предаша святѣй церкви вдохновеніемъ Святаго Духа, и убо святіи апостоли о имени Іисусѣ Христовѣ, и вѣры яже вошь, и о законѣ благодати многы труды и болѣзни показаша, и кровію скончашася, и по нихъ святіи мученици, и богоносніи отци много потрудишася и вседушно стаха противу нечестивыхъ царей и мучителей, благочестіе соблюдоша, и вѣнци побѣдными отъ Христа увязошася, и убо своими о Христѣ болѣзнями и подвигы вселенную укрѣпиша, и бѣсы прогониша, и нечестивыхъ посрамиша, презрѣша миръ, и яже суть въ мирѣ, и всяку сладость, и славу, и честь, и высоту, и гордость, и боярства, и возвышенныя престолы, и благородіе пріязнское, и гордѣніе всякое, и царства, и княженія, и предстоящаа отроки, и предрыщущаа слугы, и безчисленное богатство, грады же и села, кони же и златыя утвари, и сладость ястіа и питія, и златопрядныя постели и прочее плотское услаженіе ни въ чтоже вмѣниша, но все свое желаніе и мудрость и разумъ показаша о вѣрѣ иже въ Господа нашего Іисуса Христа, яже пріаха отъ священныхъ апостолъ, и богоносныхъ отецъ. Ты же видя и слыша неподобіаа глаголющихъ и церковныя законы и уставы презирающихъ, не въспрещаеши, ни възвѣщаеши, и скверныя ихъ уста не загражаеши, и не точію не въспрещаеши имъ, но и услаждаеши о сихъ, и ниѣхъ на сіе понужаеши. Егда бо слышиши прочитаемо божественное писаніе, или кого глаголющаго отъ божественныхъ писаній, затыкаеши яко аспидъ уши своа помраченъ сый прелестію сатаны, и егда услышиши събирающихся въ божественную церковь на молитвы и моленія, отбѣгаеши яко звѣрь и пронырствуеши яко змія, и лаеши на братію яко песь, и валяеши въ нечистотѣ, яко свинія въ тимѣніи, и блаженую совѣтницу твою, глаголю же совѣсть, совѣщавающую, и глаголющую ти благая попрагъ еси и отринувъ, и испепеливъ: объядаеши и пѣнствуеши яко скоть, и злопамятствуеши на братію яко сатана. И егда срама ради внидеши въ божественную церковь, и не вѣси почто

пришегъ еси позуая, и протяжая, и ногу на ногу поставляеши, и бедру въставляеши, и потрясаеши, и кривляешися яко похабный. О умъ же твою что и глаголати! Ничто же бо обрѣсти въ тебѣ: ни памяти грѣховъ, ни памяти смерти и еже по смерти, ни памяти страшнаго суда, ни памяти о нестерпимыхъ безконечныхъ мукахъ, и еже о царствіи небесѣхъ, и о раю, не токмо желаеши, ни воспоминаеши, но и отъ глаголющихъ о сихъ отступаеши, и стоиши яко нечувствитель, не слушаа ни чтущихъ ни поющихъ, считаеши лихвы, богатство, управляеши дома, глаголеши о женѣ, о дѣтехъ, о рабѣхъ и превъзношаешися яко другой сатана, вся же челоуѣкы безумны и грѣшны глаголеши, и мнишися вѣчно жити въ прелестнѣхъ семъ вѣцѣхъ, яко безсмертенъ, и зломыслиши, и ненавидиши, завидиши, и лукавнуеши на иже по образу Божію създаны челоуѣкы, и осужаеши, и клеветиши, и иная многаа злаа съдѣваеши, нарицаешися христіанинъ, и аще въ сихъ не исправишися, не вѣмъ како истинный христіанинъ наречешися. А иже за вѣру яже во Христа, о законѣхъ же и уставѣхъ божественныя церкви, что о сихъ и глаголати: помяченъ бо еси и прелценъ отъ сатаны, и како възможеша добрымъ подвигомъ подвизатися и блаженаа теченія съвершити. Сіа же глаголю не осужаа, ни укоряа кого, но възставляю свою лѣность, и въззущаа себе и другихъ къ дѣланію заповѣдей Господнихъ да добрымъ подвигомъ подвизавшеся, и блаженаа теченія скончавше получимъ купно вси благаа она, яже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце не възде (1 Кор. II, 9), яже уготова Богъ любящимъ его: Ему же слава въ вѣкы вѣкомъ, аминь.

III.

Наказаніе ѿ (пятое) ¹.

Сіа вся, яже до здѣ, събрахъ отъ божественныхъ писаній любви вашей, о богомудріи. Тѣмъ же непрестанемъ наказующе себе и другъ друга и особитъ, и въ бесѣдахъ якоже пророци проповѣдаша, и апостоли научиша, и богоносніи отци предаша о иже въ плоти смотре-нія Ісѹ Христова да всякъ отревающе и отсѣцающе отъ себе еретический ведугъ не вредно ученіе и преданіе съблюдемъ, да не убо не

¹ Поученіе издается по рукописи М. Д. Анал. № 197, л. 201—204.

радимъ такового дѣланія и купли. Аще не возможемъ въ сихъ нака-
зати и мы, поелико возможно, словомъ утѣшимъ, и долу лежащая
воздвигнути душа потщимся глаголюще истинная разумѣнія отъ бо-
жественныхъ писаній. Сіа бо дѣла паче всѣхъ дѣлъ пастырю имѣти
лѣпо есть, еже учити, и наказати, и совѣтовати и обращати на бла-
гая, и заирещати, и възбраняти отъ злаго, и никакоже о сихъ лени-
тися, или стыдѣтися, но всяко о семъ тѣснѣніи и подвигѣ показати
еже промышляти и пещися о всѣхъ. Пасомыхъ же дѣло есть еже
повиноватися въ всемъ пастырю о Господѣ. Тыже пастырь презираеши,
и ни въчтоже полагаеши. Не вѣси ли великіа власти пастырскыя,
яже пріаша отъ Владыки Христа на земли и на небеси вязати и
рѣшати; рече бо Господь: аще кого свяжете на земли, будетъ свя-
занъ на небесѣхъ, и слушаий васъ Мене слушаеть, а отменяйся
васъ, Мене отменяется, и повинуйтеся, рече, пастыремъ вашимъ и
покоряйтесь, ти бо бдѣть о душахъ вашихъ яко слово въздати хотяще,
да съ радостію се творять, а не въздыхающе, не полезно бо вамъ
сіе (Мѡ. XVI, 19; Лук. X, 16; Евр. XIII, 17).

Сіа слышаще потщимся на благая, да не на осуженіе будутъ
намъ реченнаа. Почто не плачемъ яко много съгрѣшихомъ? Что яко
не смысленіи младенци утѣшаемся, и дровичемъ и смѣемъ? Почто
небрежемъ о цѣломудріи и чистотѣ и о прочемъ благоразуміи дѣтей
нашихъ, и рабовъ и рабынь, и ниже мало печемся и скорбимся о
спасеніи братіи нашея, и что сіа глаголю, ниже себе вѣмъ что есмы,
и како живомъ нашъ, но яко скотъ жируемъ отъ невниманія нашего
помрачившеся. И колико насъ ждетъ страшно испытаніе! Аще бо въ
жизнотекущемъ семъ житіи слово съ кимъ пмамы, о семъ много пе-
чемся и готовимся къ отвѣту, какоже безстрашни есмы о ономъ
испытаніи? Почто утѣшаемся и дровичемъ? Пооскорбимся самовольно
въ временнемъ семъ житіи, да вѣчно возрадуемся. Юнъ ли еси, паче
прилежно внимай, да измлада научившися добродѣтельному житію, съ
дерзновеніемъ внидеши въ радость Господа своего. Старъ ли еси,—
много паче внимай, яко отшествіе твое близъ, и безъ вѣсти конецъ.
Земледѣлатель ли еси, отъ сего паче внимай, яко земная смертна и
тѣнна, будущая же безсмертна и безконечна. Вдовецъ ли еси, или
паче вдовица, не люби утѣшатися и дровичися, бѣжи отъ сихъ яко
отъ зміа: овъ убо облазивыхъ женъ, и дѣвиць и другихъ доброзрач-
ныхъ лицъ, оваже—мужей и красоты юношества и прочихъ всѣхъ и
ниже своихъ съ своими пребыванія неполезныхъ. Инокъ ли еси, вни-
май о немъ же изшелъ еси да не погрѣшити, ища не тѣнныхъ

презираи тѣниаа. Всѣ убо купно внимаемъ, и старіи, и юніи, и раби, и свободніи, възримъ на будущаа, приготовимъ путешественаа, а другаа напредъ послемъ, да тамо, пришедъ, готово обрящемъ. Смерть близъ, а конецъ безвѣсти. Ты же реченная басни мниши, ибо нечувственъ еси, похабенъ еси. Не вѣсили, еже слово се точію изглаголахомъ и уже колико претече живота нашего прелестнаго? Не вѣси ли вчера глаголавшаго съ нами и днесъ въ гробъ отнесена? Помысли колико при твоей памяти отъидоша на будущую жизнь, колико же до твоея памяти, и колико ли нынѣ скоро текутъ другъ по друзѣ на вѣчное селеніе. Ты же безсмертенъ ли мнишися быти, ибо здѣшнихъ ищещи паче будущихъ, не вѣмъ коего разума еси, тмы паче свѣта желая? Възбуди око сердца твоего, и прозри на будущая, и къ симъ простирайся весь, и сихъ желай паче всихъ. И прежде всѣхъ възлюбимъ Господа Бога нашего Іисуса Христа и Его ради творимъ вся, и не сѣдѣваемъ братіамъ нашимъ зла, но помогаемъ имъ елико возможемъ, и възлюбимъ ихъ яко себе, и не будемъ мудри о себѣ, но взыщемъ разума божественныхъ писаній, и не преступимъ законы, положенныя отъ Святаго Духа, и шествуемъ по стопамъ блаженныхъ отецъ нашихъ, храняще заповѣди Христовы, даже купно вси получимъ вѣчныхъ благъ благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Ему же слава въ вѣки вѣкомъ, аминь.

IV.

Наказаніе ̄ (седьмое) ¹.

Убоимся братіе страшнаго дне онаго, егда приидеть Господь судити на землю, и въздати комуждо по дѣломъ его: явите бо, рече, дѣла, и примите вѣдааніе каждо по дѣломъ вашимъ. Подвизаимся убо дондеже время имамы на очищеніе грѣховъ и на жизнь вѣчную, вѣруимъ смотренію Господня въчеловѣченія, еже нашего ради спасенія сътвори, и възкресе изъ мертвыхъ, и възнесеса на небо, и сѣде одесную Отца Бога, вѣруимъ второму Его пришествію егда иматъ

¹ Поученіе издается по четыремъ рукописямъ: Синодальной, Хлудова, Импер. Пуб. биб. и Моск. Дух. Академіи. За основаніе взята рукопись Моск. Д. Ак. № 197, 1, 237—238.

прінти съ славою судити живымъ и мертвымъ. Вѣруймъ, яко преходно
 есть житіе сіе и скоропогибающе, писано бо есть: суета суета и всяче-
 скаа суета всякъ человекъ живой (Еклез. I, 2), аще убо и образомъ
 ходитъ человекъ, но обаче все мететъ, съкровиществуетъ и не
 вѣсть кому собираетъ. Что убо все матемъ, въ мирскихъ похотехъ
 преходяще и събирающе съкровища, ихже не вѣмы кому собираемъ?
 Гдѣ убо съкровища наша изнуримъ? Гдѣ ли е съкрывемъ? Дадимъ
 убо сіа взаимъ Богу въ руцѣ нищихъ, да тамо отшедше готово
 обрящемъ. Убоимъ Бога, и что яже сътворимъ, Его ради сътворимъ
 вся. Не мудръствуимъ о себѣ: горе бо, рече, мудрымъ о себѣ (Исаи V, 21),
 не оклеветаемъ да не оклеветани будемъ ¹, не възненавидимъ да не
 възненавидѣни будемъ, не похищаемъ да не тааже постражемъ:
 вию же бо, рече, мѣру мѣрите възмѣритъ вамъ (Мѣ. VII, 2), и аще
 праведникъ едва спасется, а нечестивый и грѣшный гдѣ явится
 (1 Петр. IV, 18)? Не ревнуемъ неправеднымъ, зане неправедници
 царствія Божія не наследятъ, бѣжимъ лукавства зломудрыхъ человекъ,
 о нихже глеть Іереміа: мудри суть къ еже сътворити зло, а еже благо
 творити не вѣдятъ (Іер. IV, 22). Възненавидимъ славу и богатство, не-
 пребывающаа по смерти. Не улажайся, ни ублажай спѣющихъ сла-
 вою и честію въ настоящемъ житіи. Възненавиди богатство аще ти
 не помогаетъ убогимъ, възлюби богатство духовное, да избавитъ тя
 отъ всѣхъ бѣдъ. Не забывай яже по смерти житія, да мудрость и
 разумъ и цѣломудріе вселится въ тя богато, бѣжи блуда и блудныхъ
 вещей, бѣжи позорищъ и ягранія бѣсовскаго, не украшай лице свое
 на прелщеніе человекомъ, за нихъ же Сынъ Божій и Богъ волную
 безчестную страсть претерпѣ. Не забываемъ обѣщанія, яже обѣща-
 хомся на святѣмъ крещеніи, съхранимъ заповѣди Господня, будемъ
 блази другъ другу, даже купно вси получимъ вѣчныхъ благъ благо-
 датію и человекѣлюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Емуже слава
 и держава, честь и поклоненіе нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ,
 аминь.

¹ Во всѣхъ другихъ спискахъ поученія прибавлено: не осуждаемъ да не
 осуждаемъ будемъ.

V.

Наказаніе ї (десятое) ¹.

Сіа слышаще, братіе, внимаемъ себѣ, и очищаемъ свою съвесть, и испытанмъ сами себе на всякъ часъ незабвенно кающесе о грѣсѣхъ своихъ не точію о дѣльныхъ и словесныхъ съгрѣшеніихъ, но и о помыслехъ, яже аще что и помыслихомъ лукаваа. Покаемса, плачемса, рыдаемъ, дондеже время имамы, научимса кротости и смиренію, и простотѣ, будемъ боголюбци, и человеколюбци, бѣгаимъ немилосердіа. Почто человеци суще на звѣрнѣ нравъ преложихомса? Все бо наше спасеніе въ братіи нашей обрѣтаемъ, любити бо яко сами себе братію нашу наказуемъ есмы, въ семъ бо весь нашъ плодъ и приобрѣтеніе, о семъ намъ паче всего подвизатися и все тѣцаніе, и весь разумъ о семъ имѣти подобаеть. Сего бо ради вся быша: сего ради и Богъ человекъ бысть, и вся насъ ради дѣйствова, да насъ събереть въ едино, и сыноположеніе даде, и рай, и царство небесное обѣща и яже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человекѣ не възде, иже уготова Богъ любящимъ (1 Кор. II, 9). И како кто Бога можетъ любити не навидя брата своего, и якоже рече възлюбленный апостолъ Иванъ Богословъ: аще кто речеть, Бога люблю, брата же своего ненавидѣть, ложь есть, ибо ненавидѣя брата своего, егоже видѣ, Бога Егоже невидѣ, како можетъ любити? Да сію заповѣдь имамы отъ Него, любяй Бога, любитъ и брата своего. Бога никтоже никогдаже видѣ и аще любимъ другъ друга, Богъ въ насъ пребываетъ и любви его съвершена есть въ насъ, ненавидѣя же брата своего человекоубійца есть, и вѣсте яко всякъ человекоубійца не имать живота вѣчнаго въ себѣ пребывающа (1 Іоан. III, 15; IV, 19—21). Имѣимъ любовь дѣломъ паче и истинною, а не словесы точію, ревнуимъ сей добродѣтели еже есть любовь, якоже рече апостолъ Павелъ: равнуйте дарованіемъ болшимъ, и еще по преумноженію путь вамъ показую (1 Кор. XII, 31), аще языки человекѣски и ангельски глаголю, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдъ звенящя, или яко кимвалъ въсклицающа; и аще имамъ пророчество, и свѣмъ тайны вся, и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру яко горы преставаляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь; и аще предамъ вся имѣніа моа, и аще пре-

¹ Поученіе издается по рукописи Моск. Д. Ак. № 197, л. 349—352.

дамъ тѣло да сѣжгутъ мя, любви же не имамъ; ни кая полза ми есть. Любы долготерпѣть, благость показуеть, любви не завидѣть, любви не лукавствуеть, не гордится, не злообразуется, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не вѣнчаетъ злое, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ, вся любить, вся вѣруетъ, все уповаетъ, все терпѣть, любви николиже отпадаетъ. Аще пророчества изпразнятся, аще языки престанутъ, аще разумъ изпразнится, отчасти же разумѣваемъ, и отчасти пророчествуемъ; егдаже придетъ съвершенное, тогда еже отчасти упризнится, егда бѣхъ младенецъ яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ мудрствоввахъ, яко младенецъ смысляхъ, егдаже быхъ мужъ отвергохъ младенческаа; видимъ убо нынѣ яко въ зеркалѣ гаданій, тогда же лицемъ къ лицу, нынѣ разумѣю отчасти, тогда же разумѣю, якоже и познавъ быхъ. Нынѣ же пребываетъ вѣра, упованіе, любовь троа сіа, боля же сихъ любви гоните любовь ревнуйте духовнымъ (1 Кор. XIII, 1—13; XIV, 1). Мнози убо любятъ другъ друга, но ови вѣнчаа премудрости ищуще, ови же ради имѣній, ови же славы ради, ови же ради пищи и пѣанства, ови же блуда ради любятъ другъ друга, ови же въ татбахъ и въ разбоехъ съглашаются и любятъ другъ друга. Ты же имѣй духовную любовь, понеже Христосъ насъ ради душу свою положи и мы должни есмы братіямъ ради нашихъ душа своя полагати. Богъ бо любви есть и пребываетъ въ любви въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ (1 Іоан. IV, 16). Възлюбимъ якоже сами възлюбени быхомъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, помилуемъ якоже помиловани быхомъ, долготерпимъ братіямъ нашимъ, якоже и намъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ долготерпѣ о прегрѣшеніяхъ¹ нашихъ. Любяй брата своего ничтоже вредно намъ помышляетъ, ничтоже намъ лукавствуеть, ничтоже намъ снѣдываетъ козней лстиваго. О семъ, рече Господь, познають васъ вси яко мои ученици есте, аще любовь имате между собою, и си заповѣдаю вамъ да любите другъ друга, имѣяй заповѣди Моя и съблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя (Іоан. XV, 17, XIV, 21). Яко всѣхъ добрыхъ дѣлъ боляи есть любовь и основаніе и верхъ всѣмъ добродѣтелямъ, понеже Богъ любовь есть, Ему же слава и держава, честь и поклоняніе, нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь.

¹ На подлѣ рукописи вмѣсто этого слова написано: о законопреступленіяхъ.

VI.

Первая часть двѣнадцатаго слова ¹.

Время есть въспрянути намъ отъ шланства, забвенія или помраченія, или наче рещи безумія нашего. О братіе, утрезвимся и въспомянемъ обѣщаніе наше, аже обѣщавомся въ святѣмъ крещеніи, отрицающеся сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всея службы его, и всѣхъ ангелъ его и всего стыда его. И сице съвлекохомся всего ветхаго чловѣка, и облекохомся в новаго Адама, сирѣчь въ Христа, обновляемаго и возводящаго насъ въ отечество наше, сирѣчь въ рай и въ царство небесное. И сице всѣхъ золъ отрекохомся въ обѣщаніи божественнаго крещенія, и сице обѣщаніе наше, аже обѣщавомся въ святѣмъ крещеніи цѣла и здрава съблюдати пріяхомъ. Заповѣда бо Господь своимъ ученикомъ рече: шедше научите вся языки крестнице ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся елико заповѣдахъ вамъ (Мѣ. XXVIII, 19); и инде рече: а аже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю (Марк. XIII, 37). И се якоже святое крещеніе такоже евангельскія заповѣди купно вси всею силою съблюдати пріяхомъ, ибо дѣлаи заповѣди Христовы и съблюдаи чисто божественное крещеніе сынъ Божій бываетъ, даде бо имъ, рече, власть чадомъ Божиимъ быти вѣрующимъ во имя Его (Іоан. 1, 12); апостолу же взывающу: вѣра безъ дѣлъ мертва есть, такоже и дѣла безъ вѣры (Іак. II, 26); Господь же рече: и о всякомъ словеси прызанія чловѣци воздають слово въ день судный (Мѣ. XII, 36); и инде писано есть: страшно есть вѣсти въ руцѣ Бога жива (Евр. X, 31). Той бо есть судія помысломъ, и испытатель мыслемъ сердечнымъ, и яко страшенъ судъ твой Господи ангеломъ предстоящимъ и чловѣкомъ вводимымъ, книгамъ разгьбаемымъ, дѣломъ испытваемымъ, помысломъ истязаемымъ. Видиши ли, ако не токмо о дѣлахъ, но и о словесехъ, и о помышленіихъ страшно истязаніе ожидаетъ насъ: не пріемаи бо словеса моихъ, рече Господь, имать судящаго ему, слово, еже глаголахъ, то судитъ ему въ послѣдній день (Іоан. XII, 48), пріидетъ бо Господь, рече апостолъ Павелъ, иже и просвѣтитъ тѣннаа тма, и открыеть свѣтилъ сердечныа, и въ день вонже судитъ Господь тай-

¹ Полученіе издается по тремъ рукописямъ: Имп. пуб. биб. № 522, л. 402, Синод. библ. № 298/213, л. 272—280, и Моск. Дух. Акад. № 197 л. 402—415. За основаніе изданія ваять списокъ Моск. Дух. Академіи.

нымъ человѣческимъ по благоустроенію моему (1 Кор. IV, 5); тѣмже, рече, отверземъ дѣла темная и облечемъ въ оружіе свѣта, яко въ дне благообразно ходимъ не козлогласованіи и пѣнствѣ, не любодѣланіи, и студодѣланіи, но ¹ рвеніемъ и завистию, но облечетесь Господомъ нашимъ Ісусомъ Христомъ, и плоти угодіа не творите в похоти (Рим. XIII, 12—14); да оправданіе закона исполнится въ насъ не по плоти ходящихъ но по духу, сущіи бо по плоти плотская мудрствуютъ, а иже по духу, духовная, мудрость бо плотская смерть, а мудрость духовная животъ и миръ, зане мудрость плотская вражда на Бога, закону бо Божію не повинуется, ни можетъ бо, а сущіи въ плоти, Богу уголити не могутъ, вы же нѣсте въ плоти, но въ душѣ, понеже духъ Божій живетъ въ васъ (Рим. VIII, 4—9); тѣмже прославите Бога въ телесѣхъ вашихъ и въ душѣхъ вашихъ (1 Кор. VI, 20); и не бывайте сообщники невѣрнымъ, кое бо причастіе правды къ беззаконію, кое же общеніе свѣту ко тмѣ, коеже согласіе Христови къ Веліару, или кая часть вѣрны невѣрнымъ, или кое сложеніе церкви Божіи къ идоламъ? вы бо есте церковь Бога жива, якоже рече Господь Богъ: яко вселюся в нихъ и похожу, и буду имъ Богъ и тѣи будутъ мнѣ людіе; тѣмже изыдете отъ среды и отлучитесь, глаголетъ Господь, и нечистотѣ не прикасайтесь, и Азъ прииму вы, и буду вамъ въ Отець, и вы будете Мнѣ въ сыны и дщери, глаголетъ Господь Вседержитель (2 Кор. VI, 14—18). Сіа убо имуще обѣтованія, возлюбленія, оцѣстимъ себе отъ всякіа скверны плоти и духа, творяще святую въ страхъ Божій (2 Кор. VII, 1). Сіцева убо Павлова ученія, паче же Христова, безпрестани наставляютъ насъ на благаа. Мы же христіане суще, порождѣшеся божественнымъ крещеніемъ, поганныхъ языкъ обычаемъ прилежимъ другъ друга кусающе, другъ друга пожирающе якоже рыбы, другъ друга укоряюще, поношающе. Господь убо заповѣда рекъ: блаженіи есте егда поносятъ вамъ (Мѣ. V, 11); ты же, христіанинъ сынъ, сопротивнаа твориши: и аще ты кто ударить вланигу, обрати ему и другую (Мѣ. V, 39), ты же не точію не обращаеши другую, но и единой не терпиши, также и главу хощеши отрѣзати. Сіа ли словеса обѣщанія твоего въ святѣмъ крещеніи? Сіа ли есть заповѣди святаго евангелія, яже пріагъ еси творити и хранити? Сіа ли тебѣ рече Владыка Христосъ возлюбити Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею крѣпостію твоею, искреннаго своего яко самъ себѣ (Лк. X,

¹ Въ рукоп. Синод. биб. № 43/1, л. 273 читается вѣрнѣе: не.

27)? Се ли есть законъ и уставъ Христіаномъ? Помяни велика апостола Павла, како тебѣ рекъ есть о законѣ Христовѣ: другъ другу, рече, тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ (Гал. VI, 2). Самъ Владыка Христосъ ублажаетъ тя поношенія терпяща, ты же таково блаженство ни во чтоже полагаеши, и такову благодать презираеши, и мало иѣчто укорившаго тя, или досадившаго, в великую напасть хоцещи поврещи или и смерти предати. Богъ же не отмицати себе христіаномъ наказуетъ, ускъими же враты и тѣснымъ путемъ шествовати повелѣваетъ, вся же находящая доблественѣ терпѣти заповѣдаетъ, понеже и Самъ оклеветаемъ не восклеваше, и укоряемъ не укоряше, и стражда не прещаше, и биемъ противу не біаше, но и одежи отъятіе молча терпѣша, такоже и всѣмъ христіаномъ заповѣда не противитися злу, но въ терпѣніи рече, вашемъ стяжите душа ваша (Лк. XXI, 19); и апостолъ: не себе отмищающе возлюбленіи (Рим. XII, 19). Ты же не точію симъ неповинуешися, но ни слышати сихъ не хоцещи, но себе отмищаа сваришися, поля сътворяеши, убиваеши, и како христіанинъ нарицаешися супротивнаа творя общанію твоему еже въ святѣмъ крещеніи, і евангельскимъ заповѣдемъ? Всѣи ли что отричаніе твое во святемъ крещеніи, кого отречеся еси, и кому общался еси? Что зубы скрежещеши и сверѣпашися на мя яко убити мя хотѣ? Рци кого отречеся, и кому общался? Отрекохся, рече, сатаны и всихъ дѣлъ его, и общался Христу Богу, и сице вѣрую во единого Бога Отца Вседержителя Творца небу и земли, и прочаа якоже писано есть, и заповѣди же и преданія и ученія, яже свѣтаа церкви пріять отъ Бога, и святыхъ его апостолъ, и преподобныхъ и богоносныхъ Отець, сіа вся приѣмлю и облобызаю, и вѣрую, яко се истинно есть, и живота будущаго ходатайственно, и тако вѣрую, и исповѣдую, и тако мудрствую, и се мудрость моя есть, якоже истиннии православнии христіане мудрствуютъ. И аще убо такъ отвѣщаеши, и тако вѣруеши и исповѣдуеши, яко христіанинъ еси, Христу общался, и во Христа облечеся, и небесныхъ ищещи, и почтоже Христа оставивъ к сатанѣ течещи, сирѣчь заповѣди Божія презрѣвъ, на бѣсовскаяа ученія и дѣланія течещи, празнословниши и глумы творяши? Господь заповѣда рекъ: всякъ слово праздно, иже аще возлагаетъ человекъ, воздатъ о немъ слово въ день судный (Мѣ. XII, 36); и апостолъ: всякъ слово гнило изъ устъ вашихъ да не исходитъ (Еф. IV, 29). Ты же всегда безпрестани гнуснаа сътворяеши діавольскаяа ученія. Господь рече: блаженіи плачущи, и горе сѣющимъ нынѣ, яко възрыдаете, и всплачете (Мѣ. V, 4). Ты же сопротивнаа Богу твориши, а христіанинъ сый,

плясещи, скачещи, блуднаа словеса глаголющи, и инаа глумленія и сквернословія многаа събѣваеши и въ гусли, и въ сныки, въ сопѣли, въ свирѣли всѣбѣваеши, многаа служенія саганѣ приносиши. Господь заповѣда рече, бдите и молитесь яко не вѣсте дне, ни часа, вонже Сынъ Человѣческій прїидетъ (Мѣ. XXV, 13), и паки рече: бдите и молитесь, да не выпдете внапастъ (Мѣ. XXV, 41), и апостолъ якоже вонѣа рече: непрестанно молитесь (1 Сол. V, 17). Ты же непрестанно вся человѣки съблажняеши, якоже самый той сатана, баснословиши, притчи смѣхотворима приводиши, грохощеши, смѣшися, всякую кознь, всякаа ухитренія твориши смѣхотворнаа да человѣкомъ, иже въ сватемъ крещеніи отрехшимся сатаны и обѣщавшимся Христу Богу, бѣсовскаа ученія приносиши. Рци убо, которыа законы христіанскія твориши и храниши, а не паче ли діаволскія? Господь заповѣда рекъ, блюдите да не отягчаютъ сердца ваша обіаженіемъ и піанствомъ (Лук. XXI, 34). Ты же обіадаешися яко скоть, и піанствуеши день и ноць, многажды и до блеванія, якоже и главою болѣти, и умомъ плѣтнися. Нѣсть сіе христіанскаго закона, нѣсть сіе ищущихъ царства небеснаго. Господь заповѣда рекъ: научитесь отъ Мене яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обращете покой душамъ вашимъ (Мѣ. XI, 29). Ты же нимаю сей заповѣди хочещи научитися, но и не внимаеши и паче множае гордишися, и превозношаешися, рыкаеши аки левъ, и лукавствуеши яко бѣсъ, и на діаволскаа позорища течеши яко свинопасъ. Жены красны блудница, пли ино лице женовидно красноютиющеся видѣвъ, и свѣтло и мягко тѣло обюхавъ, и притекъ, объемъ, цѣлуеши, мызжеши и рукама осязаети, и толико безстуденъ и безуменъ бывъ бѣсовскою любовію восхотѣвся к ней, аки бы ея внутрь себе вмѣстити, сице помраченъ сый якоже отъ безсловесныхъ бываа аки жребецъ нѣкій слатнояростивый, рзая, и сластію распалаася, аки огнемъ горя, яко вопрь къ свинии своей похотствуа, и уютѣвая, и итны испущаа, сице и ты, безсловеснымъ позавидѣвъ, словестное естество въ безсловестное поработивъ, о человѣце, сице услаждаешися сластми, и отъ разгоренія тѣла сластей мокроты испущаа не престаеши, и неточію не престаеши, и исцѣлится не требуеши, но огонь ко огню прилагаа, нестыднися. Велий подвигъ твориши угрожаа блудницамъ: ризы измѣняеши, хоженіе уставляеши, сапогы велии червлены и малы зѣло якоже и ногамъ твоимъ велику нужу терпѣти отъ тѣсноты съгнѣтенія ихъ, сице блистаеши, сице скачещи, сице рыгаеши и рзаеши уподобляеся жребцу, благому же обычаю, простотѣ и кротости і смирению, якоже боголюбцемъ обычай есть, цѣломудренно и смиренно житіе ни мало

хощеши навикнути, но яко блудницамъ обычаи естъ, сичевъ нравъ твой уставляеши. Власы же твоа не точію бритвою и съ плотію отъ-емлєши, но и щипцемъ ис корене исторзати и ищипати не стыди-шися, женамъ позавидѣвъ, мужское свое лице на женское претворяши. Или весь хощеши жена быти? О помраченіа сластей плотскихъ! О безуміа конечнаго! Свободное оставивъ, к работному течеть: не хощу, рече, жена быти, но мужъ, яковъ же и естъ. Да еще еси мужъ и не хощеши жена быти, почто бразды твоя, или ланиты твоихъ власы щиплєши и ис корене исторзати не срамлєшися? Лице же твое много умываєши, и натрываєши, ланиты червленны, красны, свѣтлы твориши, якоже нѣкая брашна дивно сѣтворено на свѣдѣ готовишися. Устнѣ же свѣтлы, чисты и червлены зѣло дивно уставишъ, якоже нѣкимъ женамъ обычаи естъ кознію нѣкою ухитрати себѣ красоту, сиче же подобно имъ ты украсивъ, натьрь, умывавъ, благоуханіємъ помазавъ, мягцы зѣло уставляєши, якоже сими возмощи многихъ прельстити. Тѣло же свое не точію обіаженіи и піанства, но и безчисленными измовеніи, и натриваніи и сиче блистатися и свѣтитися устроаєши якоже велии дивенъ нѣкій камень лучи свѣтлый испущаа. Якоже бѣ прельщеніе рыбаць удица, сиче же и твоа плоть прельщеніе и съблазнъ иже по образу Божію созданнымъ чловѣкомъ, за нихъ же Сынъ Божій и Богъ волею своею страданіе поносное потернѣ даже до смерти, ихже ты погублєши, соблазняа, прелщаа осквернаа, помощь даа сатанѣ на погубленіе чловѣческаго рода. Рци ми, иѣи отяжѣ имаша пострадати о сихъ? Бѣдно убо имаша приати страданіе о сихъ, всю свою крѣпость издавъ въ сласти плотскія, и о сихъ радуєся и веселєся забывъ писанное радоватися о Господѣ Бозѣ, и наче будущихъ благыхъ желаа блудныхъ сластей насыщатися, и о сихъ весь свойунъ непрестанно имѣа. Слугаѣ же на блуднаа сіа бѣсовскаа дѣланія много сребра и злата истощаваєши, и что много исцѣтити, всякаа мечтанія и прелєсть вѣка сего, и всѣхъ ученій бѣзовскихъ веліе съкровище бываєши, къ плотскимъ и мимотекущимъ весь преклонилъ, и присно къ блудницамъ прии, и самъ себе многимъ блудницѣ сѣтвори. И еще всего оканнибѣ, яко ни мала рыдаєши и плачєши, но яко чувствєнъ⁴ пребываа, зий ничтоже зла сѣтворивъ, ничтоже съгрѣшивъ, аки свинія в кагѣ увалєся жирѣши. Умъ же имущи и о возрѣнїи не

⁴ Въ рук. Сян. биб. чит: но яко не чувствєнъ пребываа; въ рук. Имп. нуб. биб. чит: но яко и не чувствєнъ пребываа.

подобномъ, не мало плачуще рыдаютъ, и слезы изливаютъ, ибо Господь на сіа не мало осуженіе положи, всякъ бо, рече, иже воззрѣтъ на жену, къ еже вжелѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердци своемъ (Мѡ. V, 28). Ты же сіа не во что полагаеши. И апостолъ Павелъ, имѣа въ себѣ Христа заповѣдуя, рече, вся въ слову Божію творите (1 Кор. X, 31). Ты же вся въ бѣсовскую славу твориши позорище, играніа, плясанія събираеши, и къ симъ паче течеши неже къ божественнымъ церквамъ, и не точію се, но и в домъ свой, къ женѣ, и къ дѣтемъ приводиши скоряхи, плясцы, сквернословцы, погубляа себѣ, и дѣти и жену, и вся сущая въ дому паче потопа онаго; онъ бо потопъ тѣло умертви, души же отрѣза нечестія, сей же всезлый и окаянный потопъ сугубо дѣйствуетъ, душу кунно сѣломъ погубляетъ. Всему же злу ты бываеши ходатай. Ей, не азъ, рече, но они плясцы, и глаумотворцы. Како глаголеши оны, все твое есть, аще бы ты не хотѣлъ, ни они бы глаумотворили и плясали. Но имѣѣ убо возвратися отъ таковаго нечестія, покайся, исповѣждься дондеже время имаши, и съблюдай христіанскія законы да сынъ вышняго наречешися, да живота вѣчнаго наслѣдникъ будеши, тебѣ невозвратно ни забвено христіанскаго закона путемъ, христіанскій бо животъ намъ скончати у Господа просимъ, шествуй благамъ путемъ по стопамъ святыхъ отецъ, соблюдаа божественныя заповѣди Христовы, и святыхъ его апостолъ преданіе, и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ ученіе даже и въ семь вѣщъ радости великіа исполнишися, въ будущемъ же животъ вѣчный, и рай и царство небесное получиши отъ Христа Бога.

Болши же всѣхъ въ заповѣдехъ любовь, яже есть основаніе и верхъ всѣмъ добродѣтелямъ, и сіа зѣло твердо повелѣваетъ соблюдатьи Владыко Христосъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, пренебрежиже повелѣ земныя печали житейскія и заповѣда искати прже царства небеснаго, и сіа вся, рече, приложатся вамъ (Мѡ. VI, 33). Подобитъ же и апостолъ Павелъ предаде глагола: вышнихъ ищите, идеже есть Христосъ одесную Бога сѣдя, вышняя мудрствуйте, а не земная (Кол. III, 1). Сіце же преподобніи и богоносніи отци наши наказуютъ. Василіе убо будущихъ искати учить, Григоріе же Богословъ презирати земная искати же тамошній покой наказуетъ, Златоустъ же ищи небесныхъ, рече, даже и земная приложатъсися, сіце же и вси святіи о рай, и о царствіи небеснымъ желаніе имѣти наказуютъ, и весь разумъ и подвигъ о томъ показати заповѣдаютъ. Ты же глаголеши домъ имѣю, и жену, и дѣти, и рабы, и многы печали житей-

скія, како могу сіа хранити, чловѣкъ мирянинъ сый,—сіа бо инокихъ есть, иже вся земная приобидѣвшихъ, себѣ же и Богу единому внимающихъ. Ты же и намъ повелѣваеши в лѣсы, и в пустыни отходити и инокомъ быти? Зѣло желаю спастися всѣмъ чловѣкомъ и в разумъ истинный прійти, но хотащимъ и желающимъ мирскіи маетежъ и молвы оставити и безмално иноческимъ житіемъ в тишинѣ жити и плакаться о своихъ согрѣшеніихъ, симъ свѣтъ даю токмо еще хотятъ истинно, аще ли же не прозяваютъ да пребываютъ домъ имѣа, и жену и дѣти, якоже и прежніи благочестивіи мужіе, иже в мѣрѣ съ женами и дѣтьми живущи и Богу угодившии, и да часто прочитають словеса обѣщанія своего яже на святемъ крещеніи и самыа евангельскыа заповѣди Господня. Ибо вси чловѣцы истязани будемъ о съхраненіи обѣщанія нашего, яже въ свѣтѣмъ крещеніи и о евангельскихъ заповѣдехъ Христовыхъ, божественныа бо заповѣди евангельскія всѣмъ предложени быша инокомъ же и мирскимъ, якоже рече великій Василіе. Тѣмже о сохрненіихъ сихъ вси чловѣци маліи и великіи да подвижаются, да совершенныи христіанства разумъ истинный и правѣ мудрствовати возмогутъ, якоже истиннымъ христіаномъ жити достояше въ любви, въ простотѣ, въ кротости, въ смиреніи, и въ прочитаніи божественныхъ писаній, и въ бесѣдѣ духовной съ богобоязливыми мужми, имѣти же въ умѣ радоснаа и плачевнаа преже смерти, и по смерти, и память согрѣшеній своихъ, ихже съгрѣши отъ чрева матере своеа и до нынѣшняго часа, великіа же, и мнѣщаася малы, и ничтоже суща, сѣтовати, и плакати о нихъ, и настоящаа яко несущаа помышляти, но все суетство и мимо-текуща есть, и имѣти чисту свою свѣсть къ Богу же и къ искреннимъ, и в сихъ законныхъ преданіихъ, и сице со діаволомъ день и ночь боротися, и въ всѣхъ пременѣньмъ быти и житейскихъ заппающихъ къ совершенію закона христіанскаго, но во всемъ совершати волю Божию, и желати будущихъ благъ, и устрашати неразумное и неблазненное сердце страхомъ геенскаго огня, яко да геенныи огня убоявшеся, и царства небеснаго красотою и радостію усладившеся, незабвенно и неугаснѣнно подвижаемъся шествующе законными стезями по стопамъ святыхъ отецъ, христіанства разумъ цѣль соблюдающа и прилежно ищуща отечества нашего, и царства небеснаго, егоже буди всѣмъ намъ получитьи благодатию и чловѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Ему же слава нынѣ, и присно, и въ вѣки вѣкомъ, аминь.

VII.

Наказаніє и¹.

Сіа събравше отъ божественныхъ писаній, предложимъ любви
вашей, братіе, да внимаемъ каждо изъ себѣ, якоже рече премудрый
Соломонъ: внимай себѣ да избавишися яко серна отъ тенета, и яко
птица отъ пругла (Притч. VI, 5). Безъ вниманія бо вся стропотна и
развращенна бывають. Аще бо кто не внимаетъ себѣ, сей не вѣсть
ни себе, ни иныхъ, внимай же себѣ, сей вѣсть себе, и свою мѣру
познаваетъ же и свою немощь, и гдѣ уклоняется и привязается умъ
его, и что любитъ, зрить же и другихъ, и полезнаа отъ нихъ прие-
млетъ, на пути же грѣшныхъ не станеть, и на сѣдалищи губительне
сядеть (Пс. I, 1), но отъ всѣхъ душа вредящихъ отвращается, Себо
есть свойственно христіаномъ. Како бо кто христіанинъ нарицатися
можетъ, не съблюдаа заповѣдей Христовыхъ? Которое есть именованіе
христіанское не ходящихъ въ законъ Господни? Како кто христіа-
нинъ есть, иже желаетъ слышати и глаголати и творити душа вре-
дящаа? Господь убо Богъ заповѣда заповѣди его съхранити зѣло.
Ты же самъ преступаа, и иныхъ на сіа понужаеши, да тобою и
иными имя Божіе хулятся, и вѣсть сіе христіанско, но діаволско, и его
служителей. Христіанинъ бо есть имѣяй умъ въ небесныхъ, христі-
анинъ есть достойнаа небеснаго званія мудрствуай, христіанинъ
есть вся заповѣди новаго Христова закона непреступно съблюдаа,
ветхаа бо мимоидоша (2 Кор. V, 17) и вся быша нова, преиде бо
рече стѣнь Законааа благодати пришедши, благодать же адъ разумѣй
евангельское житіе. Егда бо по закону єврѣйскому не благоволи Го-
сподь Богъ всесъзженія и жертвы о грѣсѣхъ, тогдапріиде въплотився
Сынъ Божій и Богъ отъ Пречистыа и Приснодѣвы Богородица Марія,
понеже бо Моисѣомъ данный законъ ісраильтяномъ въ всѣхъ стѣнь
имяше, не имяше бо по истиннѣ усыновленія дати євреомъ, но яко
въ образъ и сѣни будущихъ. Благодать же и истинна плотскаго
Христова пришествія усыновленіе даде вѣрующимъ и крестившимся
вонъ: даде бо имъ, рече, власть чадомъ Божіимъ быти вѣрующимъ

¹ Поученіе дается по рукописямъ: Моск. Дух. Акад. № 197, л. 434—440, Импер. Пуб. биб. № 522, л. 435—441, Сиб. биб. № 217, л. 293—297 и биб. Хлудова № 87, л. 214—216. За основаніе взяты списки Моск. Дух. Академіи.

во имя Его (Іоан. I, 12). Многа же трезвінія и подвига требѣ, иже въ крещеніи дарѣ сыновѣства несороченѣ съблжости, мнози бо приаша крещеніемъ дарѣ сыновѣства, мзѣи же съблжодомъ, но обленившесѣ не бывають сынове Божіи, мнози же слезами и злостраданіи обновляють святое крещеніе, и иже второе крещеніе глаголетсѣ. Тѣмъже христіанинъ во истинну есть неприступно съблжжа святое крещеніе іевангельскіа заповѣди Господня. Христіанинъ есть, имѣай истинну и правду въ всемъ. Христіанинъ есть имѣай смиреніе, и кротость, и простоту в разумѣ. Христіанинъ есть имѣай любовь не лицемерную къ всемъ. Христіанинъ есть имѣай волю Божию во всемъ, и аще ясть, и пьетъ, или ино что творить, все въ славу Божию творить. Христіанинъ есть всегда трезвѣя и бодрѣствуа наче всего о спасеніи душі своеа. Христіанинъ есть имѣай себе пригвождена всегда страхомъ Господнимъ, зане страхомъ Господнимъ уклоняетсѣ всякъ отъ зла. Христіанинъ есть имѣай память всегда еже по смерти житіа. Христіанинъ есть любяй Христа Бога наче отца своего, и матере, и жены, и дѣтей. Христіанинъ есть любяй Христа Бога наче душі своеа, и искренняго своего яко самъ себе. Христіанинъ есть всегда радуся о Господи Божѣ, и ничтоже имѣа пастощаа и мимотекущаа, но вся яко дымъ, и прахъ, и пепелъ. Христіанинъ есть всегда благодаря Христа Бога, не токмо въ благоденствіи, но в напастныхъ нахоженіихъ, въ скорбехъ многообразныхъ ¹, якоже рече апостолъ Павелъ, вси иже хотяще жити благочестно о Христѣ Иисусѣ, изгнани будутъ (2 Тим. III, 12), аще бо кого и человеци не гонять, но діаволъ ратуеть непрестанно. И дѣлжи есмы всегда имѣти многолюбумудріа, и трезвитися и бодрѣствовати, терпѣти же и благодарити, бдѣти и молитися, и яко да чужихъ невѣсхищаемъ, ниже желаемъ восхищати, но и своя требующимъ раздаваемъ, и да отвращаемся сластей и красоты мадовременныа, и да бѣжимъ отъ обіаженіа и шіанства, и возненавидимъ лукавство и зависть, и злопомненіа, и да любимъ другъ друга якоже и Христосъ возлюбя насъ. Много убо въ мирѣ семъ вниманіа и трезвінія имѣти намъ подобаетъ, много бо воюють насъ многообразныа скорби, и напасти, и страсти. Иисусъ Христосъ рече ученикомъ своимъ: въ мирѣ скорбѣ имате, но дръзайте Азъ побѣдихъ миръ (Іоан. XVI, 33). Сіа рече Господь всемъ заповѣдаа держати и благодушествовати въ скорбехъ, и мы убо аще презримъ

¹ Въ рукописяхъ: (Іоан. № 25/107, л. 293, Імпер. Пуб. биб. № 522, л. 438 и Хлудова № 87, л. 215. Здѣсь прибавлено: и въ расхищеніихъ и въ изгнаніихъ.

мирская вещи, въ мнозѣ радости и покои будемъ, и свѣтли и честни и любезни вѣмъ. Помянемъ первыхъ вѣровавшихъ Господеви и крестившихся, иже все попеченіе имуще о будущихъ, и в сихъ себе възложившихъ Богови, и на всяку нощъ и день слова ученію пристѣдаще. Ты же гнишиши приходити въ божественую церковь, и презираеши божественаа словеса прочитаема, отвращаешися бѣдѣ духовныхъ, и течеши на игрища и позорища бѣсовская, и смотриши блудницъ, и слушаеши сквернаа словеса глаголющихъ; та же отъ тѣхъ пропастей отшедъ, на инаа стремленія приходиши: плакствуеши, обіадаешися, възхищаеши насилствуа: злато, сребро, ризы, домы, нивы, рабы, копи и другыа скоты, и прочаа вещи; таже клеветеши, осуждаеши, облыгаеши, насмехаешися, укоряеши, досаждаеши, и ового юрода глаголеши, у другаго же жену сицеву и сицеву нарицаеши, много же инако иѣкако напѣваеши. Престанемъ убо, молюся отъ пагубныхъ сихъ вѣхъ и душетаѣнныхъ дѣйствъ, научимся добро творити, и не точію не крадемъ, ниже обидимъ, но и обидящимъ възбранимъ, аще мощно есть, и не попустимъ сему лукавству быти, да не тую же казнь исходатайствуемъ себѣ молчаще, якоже и обидящей вѣчно мучини будутъ. Не будемъ подкрадени или любовію сихъ, или слугованіемъ, или дароприношеніемъ, или честію. Будемъ любомудрени възбраняюще себе и иныхъ неподобныхъ дѣлъ, и не точію не възхищаемъ чужихъ, но и отъ своихъ трудовъ и потовъ ачющихъ накормимъ, и жажущихъ напоимъ, и странныхъ не презримъ, и нагихъ оденемъ, больныхъ и въ темъняцахъ сущихъ посѣтимъ. Не токмо же телеснѣ съвершаемъ сіа, но паче же и душевнѣ поученіемъ и наказаніемъ насыщающе и напасающе сирѣчь направляюще на истинный путь.

И аще хоцещи прохладитися, изыди на преддверіе храмены твоея, и виждь небо, солнце, луну, звѣзды, облака ови высоци, ови же вижайше, и в сихъ прохладяйся, смотряа ихъ доброту, и прослави тѣхъ творца Христа Бога. Себо есть истинное любомудріе. И аще хоцещи и еще прохладися: изыди на дворъ твой, и обойди кругомъ храмини твоея, сиче же и другую и прочаа, такоже и дворъ твой, И аще что разсыпая, или пастися хоцетъ създай, ветхаа поновляй, неутверженаа укрепи, прахъ и гной згребай вмѣсто да ти къ плодоносію вещь угодна будетъ. И аще хоцещи вѣще прохладитися, изыди во оградъ твой, и разсмотри сюду и сюду, яже къ плодоносію, и яже къ утверженію сътвори. Или аще не достало ти есть, изыди на поле селъ твоихъ, и виждь нивы твоя, умножающа плоды ово

пшеницею, ово ячмень и прочаа, и траву зеленѣющуюся, и цвѣты красныя, горы же, и холми, и удоіа, и езера, и источники, и рѣкы, и сими прохлажайся, и прославляй Бога, иже тебе ради вся сіа сътворишаго. Но доселе же стани, но възды умоу и възпять пути твоего, сирѣчь отъ чрева матере своея, рззсмотри лѣта, и мѣсяци, и дни, и часы и часци, и яже в сихъ что благо сътворилъ еси, утверди смиреніемъ кротостію, да не разсыплеть врагъ добродѣтели твоя, и обнажить тя царьскаго чертога. Аще же злаа и душепагубнаа сътворилъ еси, покайся, исповѣждься, плачися, рыдай: въ онъ убо день блудомъ съгрѣшилъ еси, въ другій же злопомнѣніемъ, во иже ꙗнствомъ и обіаженіемъ, та же по семъ намизаніемъ ока, и по семъ оклеветаніемъ, и осуженіемъ, и обоганіемъ, и роптаніемъ, и укореніемъ, и колика аще дни изживеши, прилагаешп къ ветхымъ грѣхомъ новыа грѣхи. О семъ паче попецися еже не съгрѣшати, и положи начало: воспріими себѣ перша день единъ еже ничтоже съгрѣшати въ немъ, та же сей претерпѣвъ и другій приложи къ нему, таже третій, и по мазу по мазу во обычаѣ приходиши, еже не съгрѣшати, и толика бѣгаа бѣжиши отъ грѣха яко кто бѣжитъ отъ зміа, и тако прохлажаа прохладишися, и радости многіа исполнишися и въ настоящихъ, въ будущемъ же вѣчныхъ благъ получиши, яже око не видѣ и ухо не слыша и на сердце не възде яже уготова любящимъ Его (1 Кор. II, 9), ихже буди вѣсмъ намъ получитьи благодатію и человеколюбіемъ Госнода нашего Іисуса Христа, Ему же съ Отцемъ и съ Святымъ Духомъ слава и держава въ вѣки вѣкомъ, аминь.

VIII.

Наказаніе ѿ. ¹.

Сіа събравше предложихомъ любви вашей, да увѣмы что есть миръ, и яже въ мирѣ, да не восхищаемся не подобнымъ желаніемъ, и да презираемъ настоящаа, и да не всю работу нашу чреву дадимъ, и да не все мудрованіе наше въ плотскихъ слзстехъ имѣемъ, но въ

¹ Поученіе издается по четыремъ рукописемъ: Импер. Пуб. биб. № 522. л. 456—466, биб. Хлудова № 87, л. 223—227, Синад. биб. № 1¹⁵/₁₂₇, л. 306—312. Въ основаніе изданія положенъ списокъ Моск. Д. Акад. № 197, л. 454—463.

всемъ мѣру уставимъ: въ пици и въ питіи, и въ ризахъ, и въ сапо-
зѣхъ, и въ бѣсѣдахъ, и въ прочихъ вещахъ, въ пици—яже къ животу
точію довѣстися, сице же и въ питіи—въ скорбехъ, и въ болѣзняхъ и
отъ трудовъ покой и мѣру, и въ старости полезно есть, точію не пі-
анствомъ, но въ малѣ прохлажденіи же и к животнѣи силѣ естество
оарѣпити, и въ ризахъ съгрѣвательства и устужаемаа, и яже во свѣт-
лыхъ дняхъ, и въ приключаемыхъ потребахъ, точію въ славу Божию и
Того Рождѣша, а не тщеславіемъ служенія приносить сатанѣ въ
свѣтлыхъ ризахъ, и въ сапозехъ же неуспѣшеннаа и ухитренаа швенія
премудростію шелкомъ и бисеромъ, но точію нужную потребу имѣти,
якоже подобаеъ, и въ подобное время подобнаа въ имя Господне честь и
славу, а не блудницамъ на почесъ, и тѣхъ пріятелю дѣмону. Сице
же и въ бѣсѣдахъ ко угоженію Божию бѣсѣдованія имѣти славу с худо-
жествомъ духовнымъ и въ вопросѣхъ, и во отвѣтахъ во всемъ по-
лезнаа несомнѣхотворенія и кощуны, якоже поганымъ, да несквер-
нословіемъ оскверниши сердце, и уста и языкъ, да не како свое дрзано-
веніе погубиши къ Господу Богу и молитвахъ и въ моленіяхъ, но очи-
щай и украшай сердце памятію Господа Иисуса и памятію грѣховъ твоихъ
и памятію смерти и еже по смерти и страшнаго суда Христова, сердце
бо, рече, скрушено и смиренно Богъ не уничижитъ (Пс. L, 19.).
И сице въ тихомъ, и кроткомъ, и смиренномъ житіи Христу Богу
угоденъ будеши, себѣже и инымъ благопотребенъ, въ подзааніи же ни-
щимъ и убогимъ съ благословеніемъ тихо, и кротко, и веселымъ
сердцемъ, и въ радости словесъ: есть бо, гласы милостыню творити
лучши бо, рече, слово сладко неже даваніе. Отвѣщай нищему и убо-
тому и съкрушенному въ болѣзняхъ тихо, кротко, смиренно слово
сладко, и сіе принеши подарокъ ему паче золота; не отрицаемъ же ми-
лостыню творити золотомъ, и серебромъ, и одѣаніемъ, и обуваніемъ,
ибо и чашу студены воды приѣмлетъ Господь во имя Его подающимъ; а
еже золото и серебро подати и прочаа, и зѣло добрейши есть. По-
даждь убо золото, и серебро, и мѣдницу и инаа, елика возможно ти
есть, точію тихостію и въ веселіи сердца, а не свѣрѣпствомъ, и кри-
чаніемъ съставляй позорище на нищаго, но милость сътворимъ по
возможному, хвалитися бо, рече, милость на судѣ, и судъ без мило-
сти не сътворшему милости (Іак. II, 13) и даи нищему въ займъ
даеъ Богу. Дажь уломокъ хлѣба, даждь слово благо, даждь умиленіе
сердца твоего, возри нанѣ сладко умиленнаа очима, по скорби о немъ
въ умѣ своемъ, милостыня бо всѣхъ добродѣтелей болюи и выш-
ши есть.

Сиде же ревность и ярость имѣти о Господи, а не себѣ на отмщеніе, невнѣже съмысла яростію испадати, и ревностію, аки похабну, кричати, но любомудръствовати свободно надъ страстьми, и судити же не мздою и посуломствомъ, но праведно и благоугоднѣ, милость бо, рече Давидъ, и судъ въспою тебѣ Господи (Пс. С. I.), Господь же рече: не судите на лица, но праведный судъ судите, и пакы: имже судомъ судите судять вамъ, и вниже мѣру мѣрится (Іоан. VII, 24. Мѣ. VII, 2). Подобаєть бо судіямъ праведнымъ быти, и исполненнымъ всегда страха Божія, и премудрости, но и простоту же, и кротость и смиреніе и благоприступное вѣсѣмъ показати, и не любити мзды, праведную же ярость на обидящаа имѣти, себе же не отмщати, и своєа славы и чести не искати, но о всемъ славу и честь Христу Богу въсылати. Всяже в настоящемъ житіи семъ прелестнымъ благоразсуднѣ, и благопотребнѣ по воли божественнѣй устроити подобаєть, понеже Божія суть вся, да не убо что изгубилъ на своя страсти кромѣ точію нужныхъ потребъ яже къ животу, но и сіа въ славу Божію, яко же рече апостолъ: аще ясте, аще пиете, все въ славу Божію творите (I Кор. X, 31).

Будемъ убо любомудръствени и въ всѣхъ житейскихъ вѣкахъ сего. Кака убо сіа, еже не безсловесне убыточнаа и проторнаа творити? Каа убо есть нужда многое, и сладостное, и радизающаа ястіе и питіе имѣти выше мѣры? Не протори ли сіа и убытки многимъ приносить? Каа же нужда есть вещи многы куповати, и симъ или изгнивати, или отъ огня погибати, или отъ татей въсхыщатися? Каа же тебѣ нужда есть по вся дни стѣтлыми ризами украшатися, пити же и въ господскія дни ниже обычныхъ имущимъ довлѣтися? Который же тебѣ прибытокъ есть празну всегда быти? Или каа тебѣ похвала будетъ, яко же предлагаю, переходити отъ мѣста на мѣсто? Како же не приѣмешъ смѣхъ и срамоту отъ всѣхъ, ниже уномъ и сердцемъ, и всякими вещми угрожаа блудницамъ? Каа же тебѣ нужда есть выше мѣры умыватися и натрывать? И почто неточію власи твоа, но и плоть свою съ власы твоими остригаєши отъ браны и ланитъ твоихъ, многожды и главу твою, и повѣщаєши подъ брадою пугвици сіающія красны зѣло, а красишися тако, якоже и женамъ не лѣпо есть? Каа же тебѣ нужда есть сапоги шолкомъ шитыа носити, или каа ти нужда есть неточію выше мѣры умывати руцѣ, но и перстни златыа и сребреныа на персты твоа налагати? Кый же ли прибытокъ ти есть надъ птицами дни изнуряти? Каа же ти нужда есть псовъ множество имѣти? Каа же тебѣ похвала будетъ на позорища ходити?

Кое же ти любомудріе есть всеу прѣтитися? Которое же твое будетъ мужество и разумъ, еже низачто же сваршиши? Како же, врагы твоя возлюбииши, а ты и любящихъ тебе не любиши? Како же цѣломудръ будеши, а ты весь к женамъ уклонися еси? Како же чистоту съхраниши, а ты красносіающія лица обзираеши? Како же умиленіе сердечное приемиши, а ты съ отроки доброзрачными вѣдворяешися, и бесѣдуеши, и свѣтлость лица ихъ любиши смотрити? Како насытишися духовныя пици въ прочтаніи божественныхъ словесъ, а ты празнословиши, и кощунствуеши? Идѣже бо есть сквернословіе и кощуны, ту есть бѣсомъ събраніе, и идѣже есть играніа, тамо есть діаволъ, а идеже есть плясаніе, тамо есть сатана, идѣже есть многоядвіе и піанство тамо есть свинское житіе, идѣже есть непоминаніе будущихъ тамо есть преступленіе заповѣдей Божіихъ. Искати бо заповѣда Господь царствія небеснаго, и апостолъ Павелъ рече: вышнихъ ищите. идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя (1 Кол. III, 1), вышняя мудрствуйте, а не земная. Ты же не точію не ищещи небесныхъ, но и на небо не зриаеши, ни во что же неищуа красоту небесную, сущаа на небесехъ любомудрствовать повелѣниѣ сый, яко свинія пребываа долу ничиши, о красотѣ сапожней весь умъ свой имѣа, и о прочихъ ризахъ, яко женихъ, или яко невѣста к жениху грядый. Сиде есть излишнее украшеніе мужей въ женскій изводить образъ и умягчатися и дровичися творить на прельщеніе себѣ и другимъ. Божественный убо апостолъ иже намъ не повелѣ выше мѣры украшатися, тако бо рече и жены въ украшеніи целомудренѣ съ говѣніемъ и цѣломудріемъ украшати себе (1 Тим. II, 9), не плетеніемъ, ни златомъ ни серебромъ, ни бисеромъ, ни ризами многоцѣнными, но лже подобаесть женамъ, обществуящимся благочестію дѣлы благими. И Господь убо ученикомъ ни худѣйшихъ сапоговъ имѣти повелѣ, ниже двою ризу, мы же неточію простыхъ и сапоговъ чрезъ потребуемъ имѣемъ, но и съ серебромъ, и съ златомъ, бисеромъ и иная прочаа одѣанія многоцѣнна имѣемъ, и сапоговъ красныхъ шолкомъ премудростіѣ шитыхъ, и не точію же сіа, но и подъ срачицею, иже никому же зрящу, нѣщии подвизаються пропоесаніе имѣти драго, серебромъ и златомъ утваренна. И ради сихъ всѣхъ многихъ доходовъ взыскуемъ, и аще ти не достанетъ что, яко же обыкль еси отъ безумія твоего многа расхода имѣти, крадеши, насилуеши, грабиши, ябедничествуеши, занимаеши, и не имѣа чемъ отдати, бѣгаеши, запираешися, клятву преступаеши, и иная безчисленая злаа съдѣваеши. Сиде есть чрепобудственая вещь. И не точію же сіа, но и тщеславіа, и блуда, и

гордости, и еже всегда щанити мысль и умъ предваряетъ, отъ обычаа силу приеъмъ.

Тѣмже бодрствуемъ, трезвимся, внимаемъ съ опасеніемъ яже научаетъ насъ священное евангеліе, и святіи апостоли, и прендобніи отци, не все о тѣннихъ и мимоградущихъ любомудрствовати¹, духовныхъ держатися паче, и не внимати не правѣ ходящимъ, мнози бо ходять рече апостолъ Павелъ, имже многаши глаголахъ вамъ, нынѣ же и плача глаголю врагы креста Христова, имже кончина погибель имже Богъ чрево, и слава въ стыдъ имъ, имже земная мѹдрствующе (Фил. III, 19). Наше же житіе на небесехъ есть, отнюду же и Спасителя ждемъ Господа Іисуса Христа. Тѣмже не все подвижаніе наше о временныхъ вѣтемъ, но о будущихъ подвижаемся паче, ничто же бо успѣемъ красящеся, паче же и осужени будемъ. Многа убо подobaетъ намъ показати любомудріа, многа присѣданія въ прочитаніи божественныхъ словесъ, многа свѣта духовнаго, и бестѣ душепользныхъ со богобоязливыми мужи. О мужіе, наказыйте женъ вашихъ боятися Бога, и жити въ законѣ Господни и нищимъ подаати. О господіа, милуйте рабовъ своихъ, и имѣйте ихъ яко приснаа своа чада, понеже вси есмь создани рукою Божіею, и вси плоть едина, и вси во единомъ дому, еже подъ небесемъ, на вселеннѣи в маловременемъ семъ житіи вселени есмь отъ Господа Бога, и вси единѣмъ божественнымъ крещеніемъ крестихомся, и вси равно кровію Христовою искуплены быхомъ, и вси равно божественнымъ причащеніемъ причащаемся, и вси плачемся к Нему каждо насъ о гресихъ своихъ, и вси милости отъ Него просимъ и в сѣи вѣкъ и в будущій. Ибо вси есмь в руцѣ Господни: его же хоцетъ обнищаетъ, его же хоцетъ богатитъ. Аще и здѣ на мало время попустилъ есть овому господствовать, овому же работати, но в будущемъ нѣсть раба, ни свободна, каждо бо насъ на страшнемъ судѣ Христова, по своимъ дѣломъ приметъ, или рабъ, или свободъ, или князь, или царь. Тѣмже вси кунно имѣимъ смиреніе и малость ко всѣмъ, безъ сихъ бо нѣсть како спастися. Разумѣвай фарисѣа и нять дѣвъ юродивыхъ, и любомудрствуй всегда благаа. О отци, имѣйте попеченіе о чадѣхъ вашихъ, вѣснитывайте ихъ в наказаніи и ученіи Господни всегда на благаа дѣла спасителнаа: Бога боятися и въ законѣ Его поучатися день и ночь, и не любити праздности, и кощунъ, сквернословіа, и блуда не творити,

¹ Въ рукоп. Импер. Пуб. биб. № 522, л. 462 прибавлено: и чреву работати.

и не красти, и не лгати, и всихъ дѣлъ злыхъ бѣгати. О юннѣ, к вамъ ми слово, възлюбите Христа да животь вѣчный наследуете, възлюбите чистоту, и не уподобляйтесь блуднымъ юношамъ, иже всегда велемудрствуютъ о красотѣ телесной, всегда украшаются вѣще женъ умываніи различными, и натираніи хитрыми, и умъ ихъ всегда плаваетъ о ризахъ, о ожереліяхъ, о пугвицахъ, о иже подъ срачицею препозасаніи, о санозехъ, о остриженіи главы, о повѣшеніи космъ¹, о намизаніи ока, и о киваніи главѣ, о уставленіи перстѣ, о выставленіи ногъ, и пна многа понуждаются творити полезная, не малу пагубу душевную себѣ и инымъ ходатайствуютъ. Юннѣ бо съблзнительнѣ женъ человекомъ бываютъ, и аще вино и жены отлучаютъ и доблоразумныхъ отъ Бога, коими паче юноша злодѣлательныя. Что бо не прелестно отъ нихъ, цвѣтуть лица ихъ, и сіають аки луча испущающе, уста же, и гласъ, и усклабленіа и прелестнѣ, лѣпотнѣ женъ; инаа же съкратимъ о сихъ глаголати. Молю убо васъ благомышленіи отроци, не ревнуйте лукавымъ блуднымъ юношамъ, и не съводворяйтесь съ ними, но бѣгайте събраніа ихъ и отлучайтесь, глѣзъ бо обычая блзгы бѣды злы, и невозлюбите украшатися и дрочитися вышне мѣры, но просто по обычаю нещадливыми ризами и саногми, и прочими вещми удовольитесь, даже и себѣ полезное съблюдете, и отцемъ великихъ проторовъ и убытковъ не сътворите. Возлюбите цѣломудріе и чистоту, идѣже бо есть чистота, тамо есть Христосъ, идѣже вселеніе имуть чистотѣстаующей на небесѣхъ, идѣже есть Христосъ², идѣже духовніи чертози, идѣже свѣтліи свѣци, идѣже радость непрестающіа. Велико бо возрастъ юностный утвердити въ чистотѣ, велико огнь юностный угасити. Не малъ подвигъ въ волнахъ тишины наслажаться, горѣ бо видимыя копейныя рати, сіа внутренняя рать, видимая бо конейная рать временна и годы имать на схоженіа. овогда убо котораються, овогда же тишины наслаждаются; сіа же внутренняя рать всегда воюетъ безъ милости, по вся часы въспалаетъ огнь, возжигаетъ печь сластную внутри человека. Вельми дивно есть еже въ огненній печи несыгорати, и во юности не студодѣйствовати, иже бо во старости цѣломудруа кто не толико многу мзду имать, а иже во юности въ чистотѣ пребываа, веліа и нев-

¹ Въ рукоп. Пуб. биб. № 522, л. 464 читается: космою.

² Въ рукописяхъ Синодальной и Импер. Пуб. библіотеки прибавлено: идѣже благая слава неизреченная она, Свм. № 106/121, л. 312. Рук. Пуб. биб. № 522, л. 465.

зреченназ имать дарованія. Тѣмже, о отроци, и дѣвци, възлюбите тихое и смиренное житіе въ цѣломудріи и чистотѣ, даже и въ семь вѣце велія радости насладитесь, в будущемже животѣ вѣчный наслѣдите. Не възлюбите, о юнніи, празности, юность бо въ пищи и въ празности не малу беду и себѣ и инымъ исходатайствуетъ, празность бо всему злу начало есть. Любомудрьствуйте, юнніи, в хитростехъ трудящися елико по силѣ: или въ писателнемъ художествіи, или въ ученіи книжномъ, или въ коемъ рукодѣліи аще есть, или ино кое художество о Господи. Точію не будете праздни, точію не будите преходнищи суетрудни, да не злу обычаю навькнете, и не отлучаетесь бесѣдъ духовныхъ, мужій боящихся Бога, наказанія спасительназ, и повести, и притчи услышите. Много бо пользуют бесѣды духовныя, и очинцають тѣло, и просвѣщають душу. Точію подщитесь и слышати и творити душеполезная, мало глаголюще, вящше же разумѣвающе, даже и юностный огонь угасите, и многія тишины насладитесь, и здравія чистаго душевнаго и телеснаго и царстія небеснаго получите, егоже буди всемъ намъ получитьи благодатію и челоуколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, с Нимже Отцу слава съ Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь.

IX.

Наказаніе дѣ.

Възлюбленіи будемъ тиси, кротци, смиреномудри, и не пытаимъ, ни щдемъ, ни мудрьствуимъ, аже намъ не подобаетъ, яко аще кыя вещи на время и время бывають Владыкою Христомъ, аще и съпротивны намъ неразумѣющимъ видятся, но не судимъ, ни ропщемъ, любимици, но покаряемся и послѣдуимъ Божиимъ судьбамъ. Овогда убо немощніи възмогають, силніи же побѣдени бывають, и безъродніи велію честь и славу приемяють, и отъ нищихъ на престолѣхъ славныхъ посажаються, и овии отъ престоловъ неволею сводими, и благородніи безчестіе приемяють, овоже безаконніи праведнымъ наси-

¹ Въ основаніе гудоія поученія взятъ списокъ Моск. дух. акад. № 197, л. 472—476, съ которыми вполне тождественны и списки находящіеся въ рукописи Хлудова № 87 л. 231—232 и въ рукоп. Импер. пуб. биб. № 522 л. 475—478.

люють, и лукавіи и законопреступніи множество рабовъ, и служащихъ, и предстоящихъ, и вѣіе имѣніе и богатство имѣють, и овѣи въ пѣтѣи вѣдомы, и овѣи же въ изгнаніе осуждаемы, друзіи неплодны, и овѣи въ младенствѣ умирають, овѣи же мало поживше, прѣведени и добродѣтели смѣрть пріемлють, друзіи же лукави и незаконни многолѣтны пребываютъ, и сія убо вся Божіи судьбы суть: ового смираеть и спасаеть, ового же наказуеть и обращаеть, и овому съкращаеть урокъ живота да не на зло обратится, овому же продолжается да обратився спасется, овому же смѣрть страшна, овому же тихо разученіе души отъ тѣла, и прѣчаа многа такова и сихъ неможеть человекъ вѣдѣти, но Богу Единому, вѣдающему вся: и смиренное и гордостное, и крѣпкое и неможное, и свѣрѣное, и немилосердное, и обидающее, и обращеніе, и покаяніе, и нехотѣщаа в сіе пріити, сія вся Единъ Богъ Божественнымъ Своимъ Промысломъ якоже самъ вѣсть, и якоже хочеть, творить.

Ты же держи свой чинъ, ~~пребывай~~ въ заповѣдехъ Господнихъ, и апостольскихъ, и отеческихъ преданіихъ и ученіахъ, и свѣтую и божественую церковь и настоятели ея честию имѣй, божественнаа бо, рече, чтите, и паки: Бога бойтесѣ и царя чтите (1 Петр. II, 17.) и правду и смиреніе къ нему имѣйте. И вельможи, и воеводы, и прочіи воини: никого же обидите, своими доходы и оброки довлитесѣ, жены своя любите, и нежедаи чужія, и не глаголи, яко оногѣи сѣде жена добродѣнна, и овогѣи премудра, художествена, чада уплодоносила добродѣнна, благопокорна, художествена, любомудрена, моя же не сицева, но безумна и ненавистна ми естъ. Небуди тако ты к ней клеветникъ тяжекъ, не повелѣваеть бо тебѣ сіа апостолъ Павелъ, ибо женѣ, рече, мужъ длѣжную любовь да вѣдаеть (1 Кор. VII, 3). Ты же грызеши ея непрестанно, якоже и ума изступити ей отъ твоегѣи свѣрѣпства; престани тако творѣи, о человекѣ! Аще бо и страхъ подобаеть наложить на нея по мѣрно, якоже подобаеть, законно къ цѣломудрію, въ благопокоренію. Не люби выше мѣры краситися женѣ твоей, ибо и сіа не повелѣваеть Павелъ, но обычно яко якоже подобаеть къ благоугоженію Божію. Отъ вышемѣрнаго бо украшенія многихъ стяжаваеть дивитися красотѣ ея, и тако симъ прелѣщающимся вѣстаеть похотѣніе блуда, и сихъ ради зависть, ревность, вражды, убійства. Крашенія бо ради мало-по-малу въ слабость приходятъ жены, и убытки и проторы съдѣвають мужемъ, и любятъ ласкарѣствовати, объядатися, и упиватися, и скверная мыслити и глаголати, и отсюду безчисленныхъ рачителей привлекаеть, и исторы, и изнуренія всякого вѣтра зелѣнѣйше относить.

Тѣмже всѣмъ подобаетъ отступати отъ безмѣрія, и вѣщи, и вѣщиди, и вѣ происхожденіи, и вѣ сапозехъ и вѣризахъ, и въ умовеніи, и въ прохлаженіи, въ всемъ мѣра изыществуеть. Да кротость и тихость, и смиреніе, и любовь стяжавше, возможете и настоящей житіе съ опасеніемъ жити, и желаніе и разумъ о небесныхъ имѣти, и о любомудріи и цѣломудріи слышати словесъ и радости духа и веселія насладитися, и обѣщанныхъ благыхъ получить, ихже буди всѣмъ намъ получить благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа; Емуже съ Отцемъ и съ Святымъ Духомъ слава, и держава, вѣны и вѣкомъ; аминь.

X.

Наказаніе еѣ.

Еже съпротивно божественнымъ писаніемъ учить и наказывать вредно и страшно есть; но разуму божественныхъ писаній уча и наказуя, аще нѣкимъ и жестоко¹ и противно быти мнится, но не подобаетъ сихъ ради оставлять любомудрія спасительнаго, слово бо рече вѣрственное погибающимъ юродство есть (1 Кор. I, 17.), сирѣчь неразумѣвающимъ богоспасительныя его силы юродство; съблзнь, безуміе иудеомъ же и елліномъ, и всѣмъ невѣрующимъ въ Господа Иисуса Христа. Есть же нѣщии мнящияся и вѣрни суще ямущимъ вѣру и дѣла благочестія поношають, укоряють овъ убо о Христѣ безмѣліе, и удаленіе отъ человѣкъ; плотская мудрствующиихъ, овъ же тихость, кротость, смиреніе, простоту в разумѣ, ово же другаа о Христѣ, не разумѣвающимъ же силы спасенія ничтоже мнятся. Други же, недугомъ зайисти одержани, многихъ шастемъ и бедамъ предають, паче же себе погубиють; якоже Кайнъ, якоже Исавъ, якоже Лавановы дѣти, якоже Іосифовы братіа, и якоже в Корѣи и Дафанъ и Авиронъ, якоже Маріамъ, якоже Саулъ на Давида, якоже архіереи и фарисеи на Христа, что рѣша сътворимъ яко человѣкъ сей многа знаменія тво-

¹ Поученіе дается по четыремъ рукописямъ: Рукоп. импер. пуб. биб. № 522, л. 485—489; Рукоп. биб. Хлудова № 87 л. 235—236, рукоп. Св. биб. № 127 л. 325—327. За основаніе взяты сборники Москвит. дух. академіи № 197, л. 481—485.

рпѣ (Іоан. XI, 47), якоже ложніи апостоли на Христовы апостоли, якоже ложніи пророци на истинныя пророци, якоже ложніи учители на учители и пастыри Христовы. Сіа зависть высоту престоловъ желаєть, всѣхъ славу на себе влечєть, всѣхъ честнѣйша любитъ быти, лукавства стяжаваетъ, правды отвращаетъ, ближняго злымъ радуєтся и веселится якоже ѡ напастехъ и бѣдахъ ближняго. Егда же убо видить кого, добре богатство имуща, завидить, трясется, враждуетъ, укоряєть, внимающихъ себѣ и мѣлчящихъ о Господи юродовъ нарицаєть, глаголющихъ же о Господи и учащихъ закону благодати миролюбивыхъ и тщеславныхъ глаголетъ. И что убо єсть зависти лютѣйши и губительнѣйши? Сіє вселенную безчисленыхъ наполни злыхъ. Сіа отъ чловѣковъ смиреніє и любовь изгна, сіа родъ нашъ растерзавъ, в ненависть и въ убійство преврати, сіа на божественныя церкви възста, сіа ярость и гнѣвъ отъ Бога. наводитъ, сіа и прежде смерти мучить, и томить, и по смерти вѣчному огню предаєть. Сіа страсть паче всѣхъ страстей губительнѣйши: ибо незавидимаго обидимъ, но себе безчисленнымъ напастемъ и бѣдамъ предаємъ. Аще бо Господь Богъ неселящихся на врагы не оставляетъ безъ мученія прити, не радуєся бо, рече, о паденіи враговъ твоихъ, да некогда увидить Богъ и не угодно ему будетъ, много паче завидящихъ ничтоже обидѣвшихъ.

Отсеємъ убо, о возлюбленіи, многоглавнаго звѣря всепугубную зависть, покажемъ житіє изыацно, житіє глаголю на жестоту и поты чреамѣрныя, ниже низу леганіє, и посты, и жажды, но не завиди, не лукавствуй, не оклеветай, не лжи, не лихоимствуй, не скверно-слови, не обиди не восхищай чужихъ, но буди простъ, тихъ, кротокъ, смиренъ, любовенъ, милостивъ, алчущему свой хлѣбъ даждь, ярость удержи, свѣдѣнство отрини, тщеславіє отжени. Не рече бо Господь поститєся, якоже азъ постихся, аще и имяще рещи чєтыре-дєсєтє днєй, но не глаголетъ сіє, но яко кротокъ єсмь и смиренъ сердцемъ (Мѣ. XI, 29) и индє: болши всихъ любовь (Мѣ. XXII, 38) же всѣхъ благыхъ корєнь, и посылає не рече поститєся, но проно-вѣдуйте глаголюще, яко приближися царствіє небесное, (Мѣ. X, 7) и аєя представляємає вамъ ядите, ѡ имѣніяхъ же воспрѣти, не стажите, рече, злата и сребра и мѣди при поясєхъ вашихъ. (Мѣ. X, 9.) Добро убо постъ, но не сущимъ инымъ добродѣтелемъ не возмагаєть: насы-щеннымъ же горе, рече, и блюдитесь да не отягчаютъ сердца ваша обьядєніємъ и пѣанствохъ (Лук. XXI, 34) и апостолу глаголющу: добро благодатію извѣщєвати сердца а не брашны, и брашно насъ не пред-

ставитъ предъ Богомъ (Евр. XIII, 9; 1 Кор. VIII, 8), и не упивайтесь виномъ, в немже есть блудъ (Еф. V, 18), и виде рече: въ трудѣхъ въ постѣхъ, и паки въ бдѣніи, во ачъбѣ, въ жажди (2 Кор. XI, 27, VI, 5; 1 Кор. VII, 5) въ постѣ и паки всякъ подвижаяйся отъ всего въздержится (1 Кор. 9, 25), и итайся жива умереть (1 Тимое. V, 6) и притча о богатѣхъ питаніа, и Соломону рекшу не полезно безумному пища (Притч. XIX, 10). Не рассуди же подобаетъ устроить себѣ въ скудости пища и питія, и расслабитися, и нечувствовать, и къ подвигамъ не возмогати, но противу силѣ телеснѣй умѣрити въздержаніе не отъ пища бо, но отъ обіаженія, и не отъ вина, но отъ піанства.

А еже щипити и дробитися, и туне и всеу дни своя иждивати и зѣло губительно есть. Откуда бо многогубительныя разходы и долги, не отъ гордости ли, и безумныхъ проторовъ, и на жену и на дѣти кабалы, и поруки, и сиротство, и рыданіе, мчяніе, и слезы. Всегда наслаженія, и упитѣнія, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежаніе¹, всегда мысли и помыслы нечистыя, всегда празность и безумнаа тосканія, якоже нѣкихъ мошенниковъ и оманниковъ дѣмонскимъ наученіемъ. Всякъ ленится учиться художеству, вси бѣгаютъ рукодѣліа, вси щипятъ торгованіа, вси поношаютъ земледѣлательмъ, вси отъ душеполезныхъ притчей и повѣстей уклоняются, вси отъ духовныхъ бесѣдъ бѣгаютъ, вси плотская любятъ, всемъ грѣховнаа и безаконнаа радостна, вси на земли хотятъ жити, вси по смерти житія не памятевуютъ, вси красятся и унестреваются, и поступающе хупаватся, и в сихъ весь умъ свой изнуриша и уже на небо, не вѣмъ, како взирають, вси кощунники, вси смѣхотворци, вси злоглагольници, клеветники. Сіа же не иныхъ осужая, и поношая глаголю, но себе укоряя осужаа, и свою лѣность въздвизаа, и вамъ молюся, вы бо моя радость, вы моя сладость, вы моя слава, вы моя честь, вы мое богатство.

Обуздаимъ, любимцы, языкъ, удержимъ несмысленная вѣщанія, бѣжимъ тучныхъ трапезъ и піанства, бѣжимъ блудницъ и сіателныхъ лицъ и свѣтлости тѣла. Чистотою, и кротостію, и смиреніемъ, и любовію поживемъ, милостынею просвѣтимъ себе и другихъ, да и настоящаго житія сподобимся въ славу Божию, и будущихъ получимъ

¹ Въ рукоп. Им. пуб. биб. № 522, л. 488 читается: желаніе. Въ Синодальномъ и Халдовскомъ соборникахъ читается: лежаніе.

благыхъ, ихже буди всѣмъ намъ получить благодать и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, с Нимже Отцу, съ Святымъ Духомъ слава и держава, честь и поклонаніе нынѣ и присно, и вѣки вѣкомъ, аминь.

XI.

Наказаніе гдѣ слова ¹.

«Прійдѣте, о возлюбленіи, бесѣдуемъ бесѣды душеполезныя, и повѣсти, и притчи спасительныя! Что есть теченіе міра сего, или есть сладось его? Что ли есть величество и слава его мимотекущая? Вся басни, вся паутина, вся дымъ, и трава, и цвѣтъ травный, и снѣгъ и сонъ. Что убо радуемся пищами, и пїянства и позорищи? Радоватися убо о Господѣ повелѣно намъ есть, а не отолстотѣ пищей и пїянства, и о щаженіихъ, и о позорищахъ. Хощеши ли славенъ быти и честенъ? Хощеши ли богатства много имѣти и радоватися, и веселитися и наслаждатися?—Преобидимъ земная, презри мимотекущая. Невѣсили яко ² погубляемъ себе щажящися и дrouchящися. Возлюби страданіе и трудъ, и смиреніе, и любовь и милость о Господѣ, лѣность бо многихъ погуби, тунейдѣніемъ же ³ и дrouchенія и щажленія вся изнури. Кая убо Божественная писанія пищу и пїянство похваляетъ? Которыя Христовы евангельскія заповѣди и Апостольское преданіе толстыя и тучныя трапезы предаша?—Доколе питаніе, докогъ играніе и щажленіе, докогъ дrouchеніе и тунейдѣніе, и отъ сего занімованіе, и поруки, и кабалы, и женѣ и дѣтемъ миганіе и слезы, и самому исчезновеніе и ума изступленіе! Что убо предіосылаеши на небеса? Гордыни ли величество? Объядѣніе ли и пїянство?

Внимаемъ бесѣдѣ сей духовнѣй, о любезніи, будемъ дѣлатели заповѣдемъ Евангельскимъ, и въ немъ же (въ рукописи—внеже,

¹ Настоящее поученіе издается по тремъ спискамъ: по списку Моск. Сн. бывшей патріарш. библіотеки № 177/183 л. 332—334, по рукописи биб. купца Хлудова въ Москвѣ, № 87 л. 240—241 и по рукописи Графа Уварова № 730 л. 302—303. За основаніе вѣять списокъ Синодальный.

² Въ списокъ Хлудова читается: невѣсили яко торгъ есть настоящая, невѣси ли яко погубляемъ...

³ Въ рукописяхъ Уварова и Хлудова правильнѣе читается тунейдѣніеже.

но, кажется, удобнѣе прочитатъ — въ немъ же т. е. званіи) кто званъ бысть, въ томъ да пребываетъ: властель ли еси, судія ли еси, воинъ ли еси, послушникъ ли еси, купецъ ли еси, руководяникъ ли еси, земледѣлатель ли еси, довецъ ли еси, бортникъ ли еси, каменосѣцъ ли еси, кузнецъ ли еси, швецъ ли еси, древодѣль ли еси, писецъ ли еси, зотчій ли еси, философъ ли еси, и прочіи вси, пріемшии отъ Господа художество тружайтеся, дѣлайте не яко руководялю и мамонтъ, но яко Богу работающе и внимающе, и еще отъ труда своего по силѣ Божественной державы, и инициимъ, и страннымъ, и на вся потребности и проторы издающе. Также (въ рукописи—какоже, нужно думать, что это ошибка писца) сія властель по Божѣ вся да табритъ, милость и правда всегда съ нимъ да пребываетъ. Судіи не имъ лица зряще, но праведный судъ да судятъ, узаконенными имъ доходы и оброки да довлѣются. Воини никогже да обидятъ, и никогже оклеветаютъ, и довольни да будутъ оброки, указанныя имъ. Послушникъ—въ послушаніи своемъ иже о Господѣ, и прочіи вси, подвижающіися Господа ради, трезвитеся, подвижайтеся, да являющую маду примите, ни чтоже по пристрастію и лихоимству, и лукаво, и беззаконно содѣвающе, но съ тихостію и кротостію, и смиреніемъ и милостію, и человеколюбіемъ о Господѣ.

Никтоже буди тунеядецъ, никтоже буди празденъ, праздность всѣмъ злымъ ходатайствена есть. Сего ради прежде въ рай повелѣ Богъ Адаму дѣлати и рай хранити, по изгнаніи же оттуда въ трудъ и потъ лица хлѣбъ ясти повелѣ ему Господь, а яже ко Адаму реченная, ко всѣмъ речена быша. И сынове того и внуци, иже добръ разумѣвающіи о Господѣ, никогдаже праздни бываху отъ трудовъ и потовъ. И Господь убо въ плотстѣхъ смотреніи, якоже рече Великій Василій, по первому возрасту родителемъ повинуюся, и всякъ трудъ тѣлеснъ кротко, и смиренно, и благопокорно съ ними ношаше, и егда прииде время и ученики пріемъ—не гордостно, и щандяво и бездѣльно: рече бо Азъ есть посреде васъ яко служай (Лук. XXII, 27) и—не прииде да послужать Ему, но да послужить (Марк. X, 45); и овогда умывая нозѣ ученикомъ, безъ лѣности мѣсто отъ мѣста пѣшъ прехода, тружася нашего ради спасенія, образъ дая намъ. И Пречистая Богородица никогдаже бездѣльна и праздна бываше, но въ постѣ, и во бдѣніи, и руководіи. Сие же и Апостоли, дѣлающе, рече, своимъ руками (1 Коринѣ. IV, 12) и пакы рече: въ трудѣхъ, во бдѣніихъ, въ постѣхъ (2 Коринѣ. VI, 5), постъ бо, и трудоумудріе и руководіе на многія козни диавольскія побѣда есть. Да сие

пребывающе въ трудѣхъ и постѣхъ о Господѣ, и въ тихости, и въ кротости, и въ смиреніи и въ любви, небесныхъ получимъ благихъ благодатію и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Нимъ же Отцу со Святымъ Духомъ слава и держава во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ХІІ.

Первое посланіе м. Данила.

Посланіе ¹ грѣшнаго и худаго инока Данила, милостію Божію митрополита всея Русіи, въ Володимерь, во обитель святаго чудотворца Николы на Волосово, во общій монастырь митрополіи всея Русіи, игумену Паеностію и з братею о благочиніи ² я. крѣпости монастырскаго устава. Слово ѿ.

Благословеніе грѣшнаго и худаго инока Данила милостію Божіею митрополита всея Русіи, въ Володимерь во общій нашъ монастырь на Волосово, великаго чудотворца Николы, игумену Паенотью з братею.

Воспріяхъ любовное ваше писаніе, и благоразуміе ³ и вѣры исполненное, ищуще отъ мене недостойнаго и окаяннаго инока Данила пользующая къ спасенію душамъ, и азъ, аще не достоинъ есмь, но елико по силѣ моей сказати божественная писанія противу коего ждо потребы долженъ сый, и ⁴ яко и служеніе мое се есть обдержно ко всѣмъ, колыма паче къ вамъ множаеми подобаетъ, понеже и при-
снѣи ⁵ мой есте возлюбленніи духовніи подвижницы. Глаголѣ же пи-

¹ Настоящее посланіе издается по тремъ спискамъ: по рукописи Импер. Публ. библ., изъ древлехран. Погодина № 1149, и по двумъ рукописямъ Соф. библіотеки: №№ 1281 и 1446. Въ основаніе изданія положенъ списокъ, находящійся въ Сильвестровскомъ сборникѣ Новгород. Соф. биб. № 1281.

² По рукописи Импер. Публ. биб., изъ древле-хранилища Погодина, № 1149, л. 1 читается: благочиніи.

³ По рукоп. № 1159, л. 1, читается: благоразуміа.

⁴ Въ рукоп. И. П. биб. № 1149, л. 1 об. и пропущено.

⁵ Въ рук. № 1149 читается: искренніа.

санія вашего сицевой есть, что дѣи у васъ не по обычаю общаго монастыря презвитеры и діаконы емлютъ по рукамъ милостыню лихоимству радуящеся¹, а монастырскій уставъ разоряюще, и вы бы имъ тое воли не давали², а собирали бы есте что ни есть приносимое отъ христіолюбцевъ въ монастырскую казну безъ лукавства; а покоили бы есте всѣхъ безхитростно по писанному: возлюбивши искреннаго своего яко самъ себе (Мѣ. XIX, 19)³, да и приказывали бы есте⁴ старцемъ добрымъ духовнымъ доходовъ монастырскихъ беречи и у наложъ стояти или старцу Васѣану Внучову, да казначію Венѣмину, да старцу Денисю Долгожданову, и аще кто ший к тому благостроинѣ, точію не лукавнѣе безъ всякія хитрости, да бы кто не погибъ ни въ сѣи въкъ ни въ будущій⁵, а за монастырь бы встрѣчати и провожати приходѣщихъ безъ игуменскаго благословенія не исходилъ ни кто же, также и милостыню отъ приходѣвшихъ христіолюбцевъ сребра, и злата, и одежи и обуща не просилъ бы ни кто же⁶ развѣ милостыни, а кого лихоимствующаго уличать, или отъ презвитеровъ или отъ простыхъ иноковъ ино того игумену провѣе казати на динѣ⁷ духовне, потомъ аще не исправитца, ино прѣдъ двема или трема послухи. И аще еще непослушное и не исправленное имать, ино запрещеніемъ и отлученіемъ исправляти, многажды же и сукхотеніемъ, рекше хлѣбомъ и водою, во исправленіе приводити. И

¹ Въ рукоп. № 1149 читается: Глаголь же сицевъ писанія вашего, яко въ обитель приношеніе отъ христіолюбцевъ не по обычаю общаго монастыря презвитеры и діаконы емлюще себѣ монастырскую милостыню, лихоимству радуящеся...

² Слово «недавали» пропущено въ сборн. Соф. биб. № 1456, словѣ находящемся между концомъ 1 стр. и началомъ 2-й.

³ Рукоп. № 1149, л. 2 послѣ словъ яко самъ себе прибавлено: и священникомъ что идетъ то и ихъ есть, въ томъ ихъ не обидите, обидѣй бо священника Бога обидѣтъ, и безчестуяи священноиннока—Бога безчестуетъ, и оклеветаяи настоящаго, рече великій Василіе, оклеветаетъ Бога и судитъ Бога, ихъ же судъ страшенъ есть; вышмайте себе, и не досажайте и не лихоимствуйте и приказывайте старцемъ добрымъ.

⁴ Въ рук. № 1149, словъ: а да и приказывали бы есте не находится.

⁵ Въ рук. № 1149, л. 2 прибавлено: и яко подобаетъ всюю сякою монастырь хранити, да не наполнится обычаевъ злыхъ и лукавства, всѣхъ избравляйте отъ лукавства, и пронырства, и лихоимства и за монастырь бы встрѣчати....

⁶ По № 1149, л. 2 об. вмѣсто словъ: не просилъ бы ни ктоже читается: да не проситъ кто.

⁷ Въ рук. № 1149, л. 2 об. читается: наедине.

аще еще неисцѣльное имать, отъ обители отогнати такового, понеже писано есть: егда отъ единого многимъ вредъ будетъ, тогда не подобаетъ долготрѣти, занеже лучшии есть многихъ уцѣломудреніе единого вреженіе

Сего ради подобаетъ пастырю быти праведну да возможе върачевати здравіемъ ученіемъ и лукавнующихъ обличати и уклонятися отъ всякаго неправеднаго гнѣва, также и отъ суда неправеднаго, якоже и отъ зміа и скорпіа бѣгати. Добродѣтель же игумену есть смиреніе и нестяжаніе ¹ также и прозвѣтеромъ и діаконѣмъ. Игуменъ же да полагаетъ образъ всѣмъ собою по писанному: начатъ Іисусъ творити таже и учити (Дѣян. 1, 1). Сего ради игуменъ самъ съ священники и старцы да входитъ въ трапезу ясти по отпущеніи божественныя службы, на трапезѣ же не бесѣдовати ни смѣятися ², а преже обѣда не ясти ³ и на чужемъ мѣстѣ не садитися, а за послѣднюю трапезу не ходити никому кромѣ служебныхъ, и послѣ трапезы не оставятися никому въ трапезе ⁴, а по монастырю безвременно не ходити, а за монастырь никакоже никому не вонти безъ благословенія игуменскаго, развѣ же ризы своя измыти или воды почрети ⁵, а по павечерніцы не глаголати, но отходити во свою келью комуждо съ молчаніемъ ⁶. Кромѣ же сего, аще кого узрѣте или увѣдаете отъ кѣльи въ келью ходяща ⁷ или на монастырь стояща, или за монастырь идуща, и ты, игуменъ и старцы возбраняйте безчинствующихъ, и не попускайте сему быти. Егда же въ церковь сходите ⁸ на пѣніе, и вы бы поспѣвали къ началу всякаго пѣнія, а стояли бы въ церкви кождо на своемъ мѣстѣ благообразно, съединяя свои нозѣ, и очи смѣжая, и мысль свою ота-

¹ По рук. № 1149, л. 3 вмѣсто слова нестяжаніе читается: любовь равно ко всѣмъ.

² Въ № 1149, л. 3 об. вставлено: не съ безмолвіемъ внимати чтеніемъ божественныхъ словесъ и на чужемъ мѣстѣ не садитися...

³ Въ рук. № 1149 словъ: а преже обѣда не ясти не находится.

⁴ Въ № 1149, л. 3 об. прибавлено: кромѣ служебниковъ.

⁵ Словъ: или воды почрети нѣтъ въ № 1149, л. 4.

⁶ Въ № 1149, л. 4 об. прибавлено: а отъ кельи въ келью не приходити развѣ иже къ игумену духовныхъ ради дѣлъ, или къ духовнымъ старцамъ душевныя ради пользы, и сіе благочинно и съ великимъ страхомъ и вниманіемъ....

⁷ Въ рукописи № 1149, л. 4 прибавлено послѣ слова ходяща: «на праздное слово, и кощунны и на смѣяніе, а не на душевную пользу и спасеніе.

⁸ Въ рукописи № 1149, л. 4 сходятся.

ращая отъ суетныхъ прелестнаго сего житія, но весь умъ свой полагая въ глаголемыхъ, и пѣваемыхъ, и прочитаемыхъ божественныхъ словесъ, а по церкви бы есте не шаталися, ни съ мѣста на мѣсто не переходили, ни смѣялися, ни глаголали, ни шептали, но точію игумену и служебникомъ слова два или три за великую нужу проглаголати и сіе тихо и кротко съ великимъ вниманіемъ, также и провиры и кутію канунъ вкушати благочиннѣ. А въ церкви бы не оставялся никто развѣ пономаря, а дѣла бы есте дѣлали всякіе съ игуменомъ вкупѣ за едино, а игумень бы съ вами всякіе монастырскіе дѣла дѣлалъ вкупѣ за едино. А все бы у насъ въ монастырѣ было брежно и благочинно, а бесчинствующимъ бы есте не попускали, но обличали бы есте ихъ предъ всѣми не простоже, но съ яростію даже и прочіи страхъ имуть¹, понеже ненавидимо есть на мнозѣ, еже по Бозѣ, своея воля отсѣченіе множайшимъ отъ человекъ, но свое каждо оправданіе лихоимствуетъ и сего ради погибаетъ въ насъ дѣльная добродѣтель, понеже заблуждаемъ отъ праваго пути, тѣмъ же убо мы боищися прещенія и страшнаго суда и за еже ради по Бозѣ ревности и любви законъ Божіихъ и Божественныхъ писаніихъ глаголющихъ². Вы же возлюбленніи овѣхъ убо милуйте разсужающе,

¹ Въ рукописи № 1149, л. 5 эта тирада имѣетъ слѣдующую редакцію: а бесчинствующимъ не попускайте, но поучайте, и наказуйте, и милуйте ихъ съ тихостію, и кротостію и любовію, а не лютостію, ни свирѣпствомъ и дзаци и трици и мисжицею съ долготерпѣніемъ и пожданіемъ зло за зло не воздающе, но вся Господа Бога ради съ долготерпѣніемъ творяще и съ милостію, аще и не послушное имѣютъ и по многомъ наказаніи, и моленіи, милосердіи и долготерпѣніи въ исправленіе не приходятъ, и соблазнъ и обычаи лукавы многимъ бывають, и благочасіе монастырское въ смущеніе, и въ поправіе, и въ разореніе творять, не попускайте имъ, но обличайте ихъ предъ всѣми съ Божіею любовію и милостію, да убоавшися и устрашившися уцѣлуются и покаются, сего бо наипаче хощетъ Господь Богъ отъ всѣхъ насъ, да обратимся умилившись, и покаемся. Аще ли еще въ благочиніи и въ разумѣ истинный не приходитъ, обличайте ихъ предъ всѣми не просто же, но съ праведною святою яростію, и божественою ревностію, а не бисовскимъ луняпотнѣмъ, и враждою въ себѣ отмищѣемъ, даже и прочіи страхъ имуть и уцѣлуются и благочинствуютъ. Обратившихся, и умилившихся и кающихся съ радостію принимайте, и обратившихся замскуйте, призывайте, врачуйте, утѣшайте, покойте, тако же и отбѣгающимъ мнихомъ отъ монастыряхъ, замскуйте, возвращайте, врачуйте, милуйте, утѣшайте, покойте, яко же Божественная правила повелѣвають и прочая Божественная писанія и законъ, но понеже ненавидимо....

² Во всѣхъ трехъ рукописяхъ читается: глаголющимъ, и вѣрнѣе читать: глаголющихъ.

овѣхъ страхомъ спасайте. Тѣмъ же убо аще милостию въ исправленіе приходятъ златворацей, вельми добро есть; аще ли же ни, тогда страхомъ проводить подобаетъ во исправленіе законъ Божіихъ или ужасными, страшными глаголы Божественныхъ писаній, или нѣкоими повѣстями и притчами утрашати, или инако нѣкакo возустити и утрашити злодѣйствующаго или сухояденіемъ, рекше хлѣбомъ и водою, или отлученіемъ святаго причащенія, или отъ обители отгнати.

Подобаетъ бо пастырю милостиву и страшну быти, смирену же и высоку. Аще бы вси блази были милости единыя потреба была бы аще ли же строптивъ и грѣхoлюбeзнъ, тогда страхъ потреба достонѣ быти, яко да милость утверждаетъ благая, страхъ же возражаетъ злая. И во святѣй гл҃гоу речено есть: ни безумнѣ смиратися, ниже безсловесно возвышатися пастырю гл҃го есть. Добраго же и истиннаго пастыря гл҃го есть, еже милосердовати оъ овцѣхъ, и промышляти, и пещися ими, и соболѣзновати недужному овцѣ, якоже благыи отцы¹ къ дѣтемъ присносушимъ да промышляетъ, и поощаеъ кождо, и подобное врачеваніе и промышленіе противу силъ прѣноситъ или телесно, или душевно любовію или отеческимъ благоузіемъ всѣхъ милуя, всѣхъ възскуя, о всѣхъ промышляя, терпя всѣхъ, пріемля всѣхъ, утѣшая всѣхъ, не завистно подая разумъ ученія всѣмъ, недугующихъ укрѣпляя, малодушествующихъ утѣшая, скорбящихъ подобнымъ врачеваніемъ обвеселяя, согрѣшающихъ обращаая, седмьдесятъ седмьрицею прощая по заповѣди Господни, прощеніе бо грѣхoмъ нашимъ въ прощеніи братіи нашихъ обрѣтаемъ, якоже писано есть.

Сего ради преже иныхъ добродѣтелей стажемъ смиреніе. Аще кто въ васъ паче прочихъ болши есть да велемудрствуетъ² и да непревозносится на меньшее и худѣйшее, извѣтъ предлагая многолѣтнаго иночества своего, или дѣла художественная или слова³ сладкоглаголанная или благородія изысканная, или санъ величества, или приношенія богатству⁴ и стяжанія многа, но той паче да почитаемъ бываетъ въ васъ, егже самъ игуменъ и первѣйшая братія изберуть⁵.

¹ Въ рукописи № 1149, л. 7 читается: благоразсудный отецъ.

² Въ рук. № 1149, л. 7 читается: да самъ о себѣ не велемудрствуетъ.

³ Въ рук. № 1149, читается: словеса и рѣчи.

⁴ Въ рук. Соф. биб. № 1456, читается: богатства.

⁵ Въ рук. № 1149, л. 8 прибавлено: прочая вса въ васъ да бываетъ по до.

также и ¹ всякихъ дѣлехъ игуменъ з братъ ¹ совѣтуя и благочиннѣ и благостройнѣ управляя монастырская вещи ³ любовію и смиреніемъ, смиреніе бо дверь царствія небеснаго есть, его же буди вѣмъ намъ получить молитвами Преславныя Богородицы и вѣхъ святыхъ Аминь.

XIII.

Второе посланіе м. Даніила ¹

Тогоже посланіе къ нѣкоему епископу понеже нѣши ¹ чловеци принесоша ему рѣчи на епископа, яко небрежно и лихоимствѣно житіе имать, и сего ради, въ кратцѣ изложивъ посылаетъ. Слово ѿ.

Понеже убо, възлюбленный ¹ мой брате епископе, многая различная словеса придоша ко мнѣ, недостойному иноку Даніилу, яже о тебѣ, и сего ради, посланейце написавъ, послахъ къ тебѣ. Аще бо и самъ окаяненъ есмь, но тебѣ и вѣмъ глаголати и писати полезная долженъ есмь, даже и самъ, понемала отъ лѣности и уныніа воспрянувъ, потщуся благая творити.

И что убо злыхъ злѣе есть? Всяка убо неправда, и похищеніе, и лихоимствѣніе злое и паче вѣхъ злыхъ злѣйшее ненависти достойно, о боголюбецъ, сребролюбіе; многимъ бо и великимъ злымъ ходатай бываетъ сребролюбіе. Тѣмже, о любимиче, утрезвися дондеже время имамъ. Трѣгъ бо есть житіе сіе маловременное и не внимающихъ прельщаетъ и погубляетъ, и многихъ прельстивъ погубило и смерти

броду и ближнейшему разсуженію, всему бо свѣтъ есть разсуженіе, нѣ бо вѣще да почтенъ бываетъ, нѣ же среднее, нѣ же мнѣе, вси же въ смиреніи и любви духовней да пребываютъ о Господѣ.

¹ Въ рук. № 1149, прибавлено: во.

² Въ рук. Соф. биб. № 1436, з братею.

³ Въ рук. № 1149, читается: монастырскія дѣла и вещи.

¹ Посланіе дается по тремъ рукописямъ: р. Имлер. Пуб. биб. издразе хр. Погодина № 1149 л. 8—11, и рук. Соф. библ. № 1436 и 1281. За основаніе взята послѣдняя рукопись.

¹ Въ рук. № 1436 читается: нѣши, а въ рук. № 1149 читается: нѣши.

¹ Въ рук. № 1149 читается: возлюбленный, духовный мой брате.

предаде. Писано бо есть яко двѣ еста смерти чловѣку; первая смерть, иже тѣло умереть, а вторая—иже ити въ муку. Соблюдаемъ себѣ опасно, о любимиче, дабы непрельстило насъ житіе сіе суетное, и прелестное, и скоропогибающее красотою, славою, богатствомъ, и пищею и пїанствомъ; идѣже бо есть пища и пїанство, тамо свинское житіе, рече Златоустъ. Наказуимъ сами себе доброму обычаю, и блаженному ученію, помыслимъ о себѣ во что есмь поставлены, и которые дѣла дѣлати, не на сіе ли—еже Божественнымъ заповѣдемъ учить и наказывати, и заблудшее обращати, и печальное утѣшати, и сокрушенное обрадовать, и недужное врачевати, и аще имамы потребная, нищимъ и убогимъ подавать, и ко всѣмъ чловѣкомъ милостивное, и кроткое и непамязлобное. Рече бо великій апостолъ. Павелъ: аще раздамъ все имѣніе мое, и аще предамъ и тѣло мое да съжегутъ мя, любви же не имамъ, ни каже ми польза есть. (1 Кор. XII, 3.). Ипакъ писано есть: судъ безъ милости не сотворшему милости. (Іак. II, 13).

Тѣмъ же учай да учить о любовію и независимо, не точію любящая ¹, рече бо Господь: аще любите любящая васъ кую мзду имате не языци ли ² такожде творять; вы же любите враги ваша, добротворите ненавидящимъ вамъ ³, и молитесь за творящая вамъ напасть, изгоняющая вы, да будете сынове отца вашего, иже есть на небесѣхъ (Мѣ. V, 44—46). Сіа намъ безпрестани смышляти и разумѣвати подобаетъ и еже како прилѣжати лѣпо есть о порученемъ намъ стадѣ, яко на страшемъ и ужаснемъ, и нелицемѣрнемъ судѣ Христовѣ слово воздати хотяще о душахъ чловѣческихъ. Сего ради непрестаннъ учаще и наказующе порученныя намъ люди. Аще и ненавидятъ и озлобятъ насъ, но мы не престанемъ творити Божественнаго сего дѣла, непогребавимъ талантъ ⁴ въ пищихъ, ни скрывавимъ бисера Господня во пїанствѣ, да не како, совратившеся отъ праваго пути, впадемъ въ лютую пропасть, и великъ соблазнъ будетъ міру, и горе себѣ наслѣдуемъ.

Соблюдаимъ себе отъ любви прелестнаго сего житія, якоже рече апостолъ Петръ: трезвитесь, бодрствуйте, съпостатъ вашъ діаволъ

¹ Въ рук. № 1456 л. 5 читается: не точію любящая, но и обидящая. Въ рук. № 1149 читается: неточію любящая, но и ненавидящая и обидящая.

² Въ рук. № 114 9. л. 10 читается: «не язычници ли».

³ Въ рук. № 1149 л. 10 читается: васъ.

⁴ Въ рук. № 1456. л. 5 читается: таланта въ пищихъ.

яко левъ рыкая, иский кого поглотити (1 Петр. V, 8). Зѣло бо спѣшитъ всегда, иже даетъ, аще бы ему мощно все челоѣчество въ геенну вложити, дабы ни единъ отъ руку его избѣжалъ. Велика убо есть погибель души, не хранящей заповѣдей Господнихъ. Тѣмже цѣломудръствуимъ и трезвимся, и возлюбимъ другъ друга, зане любви покрываетъ множество грѣховъ. Бѣжимъ немилосердаго нрава, отметнемъ отъ себе печеловѣколюбіе, и лихоимствіе, и возлюбимъ челоѣкъ, а не сребро и злато, даже имѣти возможемъ участіе во царствіи Божіи молитвами Преславныя Богородица и всѣхъ святыхъ. Аминь.

XIV.

Четвертое посланіе м. Даниїла.

Посланіе ¹ наказательно и душеполезно и яко житіе сіе прелестное, яко сонъ мимо грядетъ. Слово Д-е.

Понеже пучина азъ оказанный есмь безмѣрныхъ прегрѣшеній и многобезуменъ и непотребенъ ни на что же, тѣмже трепещу, и ужасаюсь и зѣло боюсь да не по малу небреженію сему поугнемъ предходящую въ безмѣрное смущеніе и ооблазнъ всѣмъ челоѣкамъ приндуть церковныя вещи: горе бо тому челоѣку, рече Господь; имже съблазнъ приходитъ (Мф. XVIII, 17). Сего ради моему оказанству много трезвѣніе достовѣтъ имѣти, многы совѣтники благи ищущія живота вѣчнаго, многы другы вѣрны не любящія міра и яже суть въ мірѣ. Но и аще азъ непотребенъ и оказанъ есмь, тебѣ же, возлюблейное и духовное мое чадо, глаголахъ и паки глаголю: любити Господа Іисуса Христа всею душею своею, и всѣмъ сердцемъ твоимъ и искренняго своего, яко самъ себе, и се тебѣ отъ мене грѣшнаго и худаго инока Даниїла велій даръ, и да имаша всегда въ сердцахъ своемъ сію память, также непрестанно имѣти въ себѣ страхъ Божій и поучатися въ заповѣдехъ Господнихъ день и ночь и вся убо елика аще обращетъ рука твоя сотворити. Якоже рече премудрый Соломонъ: елика ти сила творити,

¹ Посланіе издается по рукоп. Имп. Пуб. биб., изъ древнихъ хран. Погодина, № 1149, л. 15—23.

твори, яко нѣсть сотвореніа ни помысла, ни разума, ни мудрости во
 аде, амо же ты идиши (Екклес. IX, 10); яждь, о возлюбленне, медъ,
 да наслаждается гортань твоя (Притч. XXIV, 13), и отъ юности своея
 избери наказаніе, и до седины обрящещи мудрость, якоже рече Сирахъ
 (VI, 18), и внимай себѣ да избавишися яко серна отъ сѣти, и яко
 птица отъ пругла (Притч. VI, 5). Да будетъ же ти опасное вниманіе
 о всемъ въ маловременнемъ семъ мірѣ таѣнныхъ и мимо текущихъ
 презирая, и ни во что же полагая, къ тамошнему же вѣчному жи-
 воту все свое желаніе простирай, и въ сицевомъ возрастѣ да плодо-
 носна ти будетъ душа, и да будещи кротокъ и смиренъ и разуменъ.
 Велика бо сія добродѣтель и Господь убо не отъ иного кого велеше
 научиться сей добродѣтели, но отъ самого себе, рече бо: научитесь
 отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ и обрящете покой
 душамъ вашимъ (Мат. XI, 29); и на кого, рече, призрю, но на крот-
 каго и молчаливаго и трепещущаго моихъ словесъ. Всегда поучай
 себе къ благоугоженію Божію, и огражайся законы Святаго Духа и
 преданіи св. отецъ, целомудріе же и чистота да вселяется въ тя бо-
 гатно, еже естъ добродѣтелемъ сокровище, обрѣтши же сіа, обрѣте
 радость о Святомъ Дусѣ, обрѣтши же радость о Бозѣ не токмо на
 страсти не зрѣть, но ниже на свой животъ обратится когда. Любовь
 бо Божіа сладчайшіе живота, и ниже по Бозѣ разумъ сладчайши меда
 и сота, и да имать умъ твой незабвенну память о царствіи небес-
 нѣмъ, и о раи, и о геонѣ огненнѣй, и о червіи не усыпающемъ и отъ
 сего чистота душа и телесе да съводворатися, и вся земнаа въ
 уметы и пепелъ да вмѣняеть ти ся, и да уклоняешися отъ любящихъ
 суетная и мудрствующихъ плотскаа, и не тѣиши скороглаголивъ
 быти въ бесѣдахъ, и не восхоуди пріяти обычныхъ друтовъ: бесѣды,
 иже душа вредящаа глаголющихъ, и суетная мудрствующихъ и
 упражняющихся въ бесловеснаа попеченія, сохраняй же себе вслече-
 скимъ отъ таковыхъ дерзновенія, и да бесѣдуеши съ тѣми, съ ними
 же ти естъ душеполезное, и о нихъ же извѣстуешися, яко къ сози-
 данію и исправленію душамъ творять бесѣдованіе имуще силу съ
 художествомъ слышати и рещи полезная. Аще ли же не трезвишися,
 но слагаешися о мнозѣ не полезнымъ, и плотская любящимъ и сует-
 ная мудрствующимъ и въ бесловеснаа упражняющимся попеченія,
 по мале же и самъ въ губителехъ душа увязнеши, снисходя въ
 плотскаа желающихъ и вѣждь, о любезнѣ, яко злая и лютая постра-
 дати имаши и преже смерти и воскресенія и страшнаго суда. Тѣмже
 незабвена подобаеть имѣти память вниманія, и трезвѣнія и на всякъ
 часъ посѣщати свое сердце и испытovati свою сѣвѣсть, да не како

украдаемы отъ съвѣсти и обрящемся въ шуйхъ, и въстязовати опасно своя чувства и изслѣдовати опасно своя помыслы, гдѣ уклоняется душа, и гдѣ паритъ умъ, и въ конхъ вязать и кое любить, и кое общеніе състоится ему, егда не въ духовныхъ, но егда въ земныхъ вѣка сего прелестнаго вещехъ съдержится, и съсвязуется отъ тмы страстей и злобы лукавыхъ бѣсовъ, якоже рече великій Макаріе: да егда обрящется человекъ въ сицевыхъ да возопіетъ къ Господу Богу рыданіемъ, и плачемъ, и помыслы въ Христовъ миръ храними. И егда тщету примемъ въ духовныхъ, о семъ паче подобаесть намъ скорбѣти, неже о земныхъ и суетныхъ вѣка сего. Мы же отъ безумія нашего о тѣнныхъ и суетныхъ паче вѣчныхъ прилежимъ, и егда въ малѣ нѣчто въ земныхъ и тѣнныхъ и мимотекущихъ вещехъ отщетимся суетнаго житія нашего и о сихъ паче зельѣмъ рыдаемъ и плачъ и слезы отъ безумія нашего бесполезно точаще, а о духовномъ житіи нимаю не пекущеся, и егда въ духовныхъ отщетимся и сіе ни во что же полагаемъ, не поминающе реченнаго святыми отцы: аще кто сребро или злато въ вѣдѣ семъ погубить, можетъ вмѣсто того обрѣсти ино, а время сіе погубивый другое вмѣсто того не обрящетъ, понеже писанію глаголющу яко пришельцы есмы здѣ и преселницы, тамо же вѣчная жизнь и не проходитъ мое житіе, еже по смерти или въ покой или въ муцѣ, еже комуждо воздастъ Богъ по дѣломъ его. Того ради и подобаесть намъ попещися о ономъ, еже по смерти житіи, тѣмъ же всякъ подвигъ и всяко тщаніе да покажеша о дѣланіи заповѣдей Господнихъ, и да глаголеши, и твориши угодная Господеви, имѣя силу съ художествомъ духовнымъ и въ вопросѣхъ и въ отвѣтахъ во всемъ полезнаа. Что же убо есть житіе наше, о любезне? Не яколи же сонное видѣніе, не яко ли цвѣтъ травный и пара вмагъ въсходящи и исчезающи, или рѣчнаа быстрѣна мимотекущія, или яко роса утренная въистину? Придемъ убо, о любимче, и видимъ во гробѣхъ ясно: гдѣ оного и оного многое имѣніе и безчисленное богатство, гдѣ крѣпость телесная ихъ, гдѣ храбрость мужества ихъ, гдѣ убо есть доброта телесная, гдѣ есть юность, гдѣ суть очи, гдѣ языкъ многоглаголивый и ухищренныя рѣчи, гдѣ лѣнота плоти и гдѣ красота юности, гдѣ баня и прочее угодіе плоти, гдѣ одры слоновыя и златопрядныя постеля, гдѣ кони среброуздныя, гдѣ оружія златоблещанныя, гдѣ высокія престола, гдѣ царіе и князи и ихъ възвышенная слава, гдѣ боярство и честь, гдѣ красота и слава суетнаго сего житія? Вся исхоша, яко трава, вся разсыпашеся, вся погибоша. Гдѣ убо тогда мірское пристрастіе, гдѣ маловременныхъ мечтаніе, гдѣ злато и сребро, гдѣ рабъ множество и отроки предте-

куція, гдѣ многоразличныя трапезы и сладкія снѣды и хитрость поваровъ, гдѣ красота ризнаа, гдѣ златыя и серебряныя сосуды, гдѣ сладкія вина неразтворенныя и прочее питіе благовонное, гдѣ ристаніе конское и утѣшеніе суетное, гдѣ радость прелестнаго сего вѣка, гдѣ веселіе маловременное суетнаго сего житія? Все пепелъ, вся прахъ, вся сѣнь. Что убо всеу мѣтеся человѣчѣи гнои сущѣ, прахъ и прахъ, плоть и кровь, трава и цвѣтъ травный, сѣнь и дымъ, и суета въ истинну суета всяческая, воистину всеу всякъ человекъ и всеу мѣтется съкровищуется и не вѣсть кому събирается, якоже есть писано: суета, суета и всяческая суета (Екклес. I, 2). И вся убо видимая міра сего красна суть и славна, но въскорѣ минуетъ и исчезаютъ яко дымъ, якоже и предъречеся, яко сонъ или яко цвѣтъ увядаетъ, вѣчная же и невидимая въ вѣки пребываетъ.

Тѣмже о вѣчныхъ житіи всяческіи почтеніе покажемъ, и глаголемъ о семъ, и бѣсѣды и рѣчи составимъ о сихъ, и гдѣ обрящемъ свидѣтельство въ божественныхъ писаніяхъ, тако и глаголемъ: иже каковъ сѣ есть богонасаженный рай, и каковы сѣ суть обители потрудившихся Бога ради, якоже рече самъ Господь: обители многи сущѣ въ дому Отца Моего (Іоан. XIV, 2) и нацы глаголетъ писаніе: многія обители у Тебе, Спасе, суть по чину всѣмъ раздѣлены, по мѣрѣ добродѣтелей, и какова сѣ будетъ радостъ праведнымъ, и каково наслаженіе и кто сѣи можетъ разумѣти или кымъ умъ домыслитися, еже пріимуть отъ Бога потрудившіеся Его ради, якоже пишеть апостолъ Павелъ: око не видѣ и ухо не слыша и на сердце человеку не взыде, яже уготова Богъ любящимъ Его (1 Кор. II, 9). Да глаголемъ и о мукахъ, и отъ шедшихъ отсюду душахъ и гдѣ суть праведныхъ, гдѣ ли суть грѣшныхъ, пишеть бо: праведныхъ душа въ руцѣ Божіи и не прикоснется ихъ мука; о грѣшныхъ же: да возвратятся грѣшницы въ адъ, и о воскресеніи и о страшномъ судѣ, и память же смертная да незабвенна ти выну буди. Сѣя убо вся пнущихъ умъ зѣло ползуютъ, твори, о возлюбленне, яже угодна суть Богу да насладиши животъ вѣчный. Какъ убо есть полза еже сведати себе печальми суетными и скоропогибающими? Кое ти есть пріобрѣтеніе, еже благородіе свое истощити въ плотскихъ желаніихъ? Которыхъ лѣтъ чаешь? Коего времени ожидаешь? Почто день отъ дни отлагаешь о своемъ исправленіи? Человекъ еси, смерти чая и воскресенія, и суда, и воздаянія или въ покой или въ муку. Отложи житиискаго обычая неполюющая тя, приимися за благое житіе; пишеть бо: слава и честь и миръ всякому творящему благое (Рим. II, 10). Аще

ли же нынѣ унываеши, и не тишишия исправити себе, и зарокъ отъ зарока даеши, и день отъ дни общаваеши и сице провожаеши лѣта своя не спѣха имѣя, но паче украдаемъ отъ противнаго, дондеже и кончина приспѣтъ, понеже безъ вѣсти конецъ. Подвигнися добрымъ подвигомъ, да приѣмши праведный вѣнецъ отъ Господа Бога въ животъ вѣчный. Ни о чемъ же бо тако радоватися Богу, рече Григоріе Богословъ, елико о исправленіи челоуѣку и спасеніи, ты же приѣмъ сѣя умножень плодъ покажи и паче всѣхъ елико можеша въ смиренномудріи пребуди да гонѣнеша діаволскихъ сѣтей, якоже великій Антоніе видѣлъ есть, тамъ отъ страстей очищся богатотворнымъ смиреніемъ познаеша истину разумѣнія божественныхъ писаній. И сподобитъ та Господь Богъ яже въ душевную ползу посѣтѣвающаа, глаголемаа дѣла быти, и благородіе твое сохранить и царствію небесному сподобитъ. Помоги же ся и о моемъ недостойнствѣ, яко да помилованъ буду молитвами Богородица и всѣхъ святыхъ, аминь.

XV.

Двѣнадцатое посланіе м. Даниїла ¹.

Посланіе о цѣломудреніи и благоговѣиіи житіи. Слово ѿ-е.

Подобаеъ вѣдѣти, о боголюбче и челоуѣколюбче, яко по внѣшнему словеси и закону прочее и духовному научитися закону длѣжно есть, и еже о благочестіи показати поты, и труды, и чисто и цѣломудрено пожити житіе, якоже и повелѣлъ ми еси о семъ писати мѣ тебѣ. Тѣмже, аще хоцеша духовный законъ благочестно о Христѣ воспріяти, възлюби и храни во всемъ животѣ твоємъ благоговѣіе, и въздержаніе и пощеніе: блюдите бо, рече Господь, да не отягчаютъ сердца ваша обьяденіемъ и піанствомъ (Лук. XXI, 34), и апостолу взывающу: не унывайтея виномъ, въ немъ же есть блудъ (Еф. V, 18). Достойтъ же тщеславіемъ и печалми житейскими не окраденемъ сущемъ быти иже цѣломудрено и чисто хотящимъ о Христѣ жити: любити же и лица блѣдность, и сухоту телесе, и въ болезнехъ не

¹ Посланіе издается по рукоп. Импер. Пуб. биб. изъ древнехранил. Погодина, № 1149 л. 124—127.

изнемогати, и въ немощехъ не оскорблятися, но вся благодаря Христа Бога терпѣти съ тихостію, и кротостію и съ смиреніемъ, и долу имѣти очи, и преклонену выю, и взоръ тихъ, и ступаніе кротко, и бесѣда душеполезна, и молитва безпрестанна, и прочитаніе не лѣнностію божественныхъ писаній, и руководіе, и бдѣніе мѣрно, и безпостеліе, юнну сущу и здраву телеси, имѣти же и память смертнаа и худость ризнаа естественаго ради и удобнаго поползенія целомудрующему, рекоша отцы, и отсѣцати же елика сила начатки скверныхъ и лукавыхъ помыслъ. Понеже убо Христосъ Богъ нашъ во евангеліи своемъ начатки съгрѣшеніемъ отсѣцати повелѣ, не бо прелюбодѣяніе точію тѣмъ мучится, но и пошествіе помыслу ко прелюбодѣянію начинанію осужається глаголющему: възрѣвы же на жену съ похотью, уже прелюбы сътвори съ нею въ сердца своемъ (Мѣ. V, 28). Отсюду убо научившися дѣлніи есмы помышленія очищати, аще бо начатки сія отсѣчемъ и того самаго видѣнія лицъ женскихъ и отрочахъ юннихъ, и нечѣпаго и началозлобнаго смѣшенія съ ними, и суетныхъ душевредныхъ бесѣдъ и празности ума и телесе, и бывающаго отъ сихъ поползенія възбранимъ, будетъ намъ множайшее облегченіе отъ ратей, и удобнѣйше лучшаго житія устроеніе. Здравствуй о Христѣ, возлюбленный и духовный мой брате, Господь съ тобою съхраняа и спасая тя молитвами Преславныя Богородица и всѣхъ святыхъ, аминь.

XVI.

Четырнадцатое посланіе м. Даніила ¹.

Того же посланіе о духовномъ вниманіи, и трезвѣніи и бреженіи. Слово четвертое надесять.

Много намъ подобаетъ имѣти духовнаго вниманія, и трезвѣнія и бреженія о спасеніи нашемъ, якоже писано естъ: внимай себѣ, да избавишися яко серна отъ тенета, и яко птица отъ пругла (Прит. VI. 5). Никтоже бо спасется кромѣ вниманія, и трезвѣнія и бреженія, яко

¹ Посланіе надается по рукописи Император. Пуб. биб. изъ древнехранилища Погодина, № 1149 л. 214—217.

мѣтежъ и молва помрачаетъ умъ, презорство же и гордость до конца погубляетъ. Много бо повреждаетъ мірская слава отъ духовнаго житія, обаче аще и слава богоданна будетъ кому, рече Лѣтвичникъ, добро ея щитомъ смиренія отвращатися. Понеже бо въ нарочитыхъ, и въ преславныхъ и велие имя имущихъ мѣстехъ потреба вниманія, и трезвенія и бжеженія и смиренія многа имѣти, много бо отъ начала міра отъ невниманія и небреженія пакость привиде духовному житію и отсюду въ различныя ереси и в раздоры, и сомніи, и прелесть и въ страсти распростресе лютой сей недугъ.

Сего ради многожды глаголахъ ти и свѣтовахъ съблюдати себе отъ всякаго небреженія, и невниманія и злаго житія, и иже злѣ и плотская смышляющихъ, и глаголющихъ и творящихъ челоѣкъ. И се нмѣ паки окаинное наше забвеніе, и лѣность и злое наше невниманіе, и небреженіе въ различныя страсти насъ поволзати сѣтворило естъ. И се скорбиши, и сѣтуеши, и плачеши, и слезы проливаеши, и се яко отъ ума изѣступивъ, и яко плѣнень, и изѣумлень и неистовъ пребываеши. И се паки небреженіе, и паки лѣность! Доколе разслабленое житіе? Доколе бѣдное пребываніе? Доколе рысканіе страстное, и шествованіе прелестное лукаваго вѣка, низводящее во адъ?

Внялъ ли еси, о возлюбленный духовный мой братѣ, якоже и преже рекохъ и писахъ ти, еже долу имѣти очи, и отлучатися отъ бесѣдъ женскихъ, и не взирати на жены, и на дѣвици и на доброзрачныхъ женовидныхъ юношѣ лицъ, и сѣводворенія съ ними и бесѣдъ ихъ. Аще ли отъ бѣсовскихъ сихъ сѣтей не потщишися хранити, познавый, яко зѣло пострадати имаши скверная паденія. Мы же сіа предвозвѣстихомъ множицею, да не извѣтъ или жалость на мою худость возложиши, отъ любви бо, сирѣчь духовныя, къ тебѣ сіа глаголахъ и писахъ. Да избавитъ насъ Господь Богъ отъ сѣтей вражнихъ и жизни вѣчной сподобитъ молитвами Преславныя Богородица и всѣхъ святыхъ, аминь.

XVII.

Посланіе Даниіла игумена ¹.

Государю князю Юрію Ивановичу Пречистыя обители Іосифова монастыря грѣшный чернецъ, игумень Данило, нищій твой, челомъ біеть. Что еси Государь приказалъ ко мнѣ к нищему с нашимъ стацемъ с Саввою с келларемъ о постѣ, в онже день нынѣ прилучися праздникъ Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія, ино, Государь, писано о постѣ понедѣльника въ правилѣхъ святаго Іоанна Постника, такоже и во уставѣ Іерусалимстѣмъ писано есть. Но о приѣмшихъ запрещеніе лжеть иже отъ отецъ духовныхъ ко....., о случающихся отъ которыхъ дѣлѣхъ, но во иныхъ дняхъ, а не в праздники Христова, или Пречистыя Богородицы Успѣнія. Нынѣ же прилучивыйся сей великій праздникъ Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успѣнія, в день понедѣльника да разрѣшается на все не токмо не в запрещеніяхъ но и иже и въ запрещеніяхъ сущимъ, яко быти невозбранемомъ, якоже не имуще запрещенія, сирѣчь на масло, и вино, и на сыры и яйца и на вся подобнѣ ради Пречистыя Богородицы, еже се да бываетъ въ славу Божию и Того рожніа, якоже писано есть. А я тебѣ, Государю, нищій твой челомъ бію.

XVIII.

Посланіе митрополита Даниіла. ¹

Писалъ его ко мнѣ какъ моей головѣ быти яко зѣло обяють есмь отъ блудныхъ помысловъ и о семъ не тебѣ единому точию тщаніе и подвигъ, но всѣмъ подвижающимся Бога ради. Понеже велія

¹ Посланіе издается по единственному, извѣстному доселѣ, списку. Рукон. Импер. Публ. биб. Q. XVII, № 64, л. 282.

² Здѣсь въ рукописи прожжено.

³ Посланіе издается по единственному списку, сохранившемуся въ сборникѣ Моск. Дух. Акад. XVI в. № 53³/₁₈₄, л. 45—54.

борба, глаголють святїи отци, и сугубу рать имѣя въ души и тѣлѣ и не имать нужнѣйши сего естества: всегда пещь палаеетъ ражданія страстей, и яко море волнуется и въсходятъ великія волны хотаще потопити въ душѣтѣльныхъ страстехъ. Того ради крѣпцѣ тщатися подобаеетъ и трезвено же и бодрено съблюдати свое сердце отъ сихъ помысловъ, и, страхъ Божій имѣя предъ очима, поминати общаніе наше, еже во святѣй крещенія купели, еже отрицаюся сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всея службы его, и всего стыда его. И сего ради тріехъ сихъ речей неощуемыхъ малыхъ всего ветхаго и тѣбющаго челоѣка отрицается и общаеваются новаго и обновляемаго въ животъ вѣчный. Точію мира и иже миру подобающихъ и възводящихъ къ благоугоженію Божію не общается отрещися, яко немощно естъ мирянину челоѣку и въ житейскихъ живуцѣ отрещися сихъ, но точію зливѣдѣя Христовы истязуются съхранити и аже общася на крещеніи, ибо дѣлаи заповѣди Христовы въ она възводимъ бываетъ. Сего ради заповѣди Христовы истязуется съхранити. Рече Господь: слышасте яко речено быстъ: непрелюбы сътвориши, Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ иже взрѣтъ на жену къ еже въждѣлѣти ей уже любо-дѣйствова с нею въ сердци своемъ и прочая. (Мѣ. V, 28). Глаголетъ Великій Василіе въ постныхъ его словесехъ: яко точію съ своею женою явѣ яко отъ Бога повелѣны дѣтотворенія ради прощенія дается мирянину обладати паче инока, заповѣди же Христовы равны истязуется сохрани. Хотѣи же въ цѣломудріи и чистотѣ пребывати да хранити себе отъ всѣхъ сътониньскихъ дѣлъ, и дерзновенія страстей. Цѣломудріе же и чистота, не внѣшнее точію житіе, но сокровенный сердца челоѣкъ, егда чистотѣствуетъ отъ скверныхъ помыслъ. Тѣмже всячески подобаеетъ тщателно отпѣцати сія помыслы, сіюже велию побѣду на нихъ поставляти, еже молитися Богу прилежно, якоже предаша святїи отци различными образы единѣмъ же разумомъ, овымъ убо, рече, отъ Давида приемъ: изгонященіа мя нынѣ обыдоша мя (Пс. XVI, 11) радости моя избави мя отъ обышедшихъ мя; инѣже о тѣхъ же глаголетъ сице: Боже, в поощѣ мою вонми, и симъ подобная (Пс. LXIX, 1), инѣже пакы отъ тѣхъ: суди, Господи, обидѣвшая мя възбрани борюща мя и прочая псалма (Пс. XXXIV, 1). Призывай же на помощь и аже слышиши въ писанїихъ подвижавшихся о цѣломудріи и чистотѣ. Егда же зѣльнѣ належитъ ти брань, тогда абіе вскорѣ въставъ и на небо очи и рѣцѣ простеръ, молися сице: Ты силенъ еси, Господи, и твой естъ подвигъ, ты ратуй и побѣди в томъ, Господи, о насъ и възопій же къ всемогущему въ помощехъ смиренными вѣщанми глаголя: помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь, и исцѣли мя, Господи, яко смутнишася кости моя и

душа моя смутися зѣло и ты, Господи, доколѣ обрати, Господи, изми душу мою, спаси мя ради милости Твоея, яко нѣсть въ смерти поминаей Тебе, во адѣ же кто исповѣсться. Сіе бо преданіе святыхъ есть и аще въ сихъ бореніихъ проходя будеши, познаеши искусомъ, яко благодатію Божіею сія симъ зѣло побѣждаются, всегда же Ісусова имена оружіемъ рани ратники крѣпчайши бо сѣя побѣды нѣсть. Съхранити же заповѣданное Христомъ, якоже рече: аще око твое десное съблажняетъ тя, изми е, и верзи отъ себе, уне бо ти есть да погыбнетъ единъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геону, огненную, и аще десная твоя рука соблазняетъ тя, устѣпъ ю, и верзи отъ себе, уне бо ти есть да погыбнетъ единъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое идетъ въ геонну. (Мѣ. V, 29—30). Аще убо кто отъ друзей нашихъ съблажняетъ насъ, такового отъ себе отверземъ. И аще отъ служащихъ намъ душею вредимся, сицеваго отъ себе отседемъ. И съхранятижеся подобаетъ отъ видѣнія младыхъ и гладкихъ лицъ и слышаніе бесѣдъ таковыхъ, иже вѣставляютъ страсти, ни осезовати же ниже осезоватися, ни осужати же кого оскорбляема отъ плотскихъ похотей, ни празднословити же, ниже смѣхотворныхъ словесъ вѣщати, иже выдвигутъ страсти и вѣставляютъ нечистыя помыслы, любити бесѣду духовную, иже о Христѣ житіе добродѣтельно имущихъ и красящихъ сѣдинами въ старости маститъ. И Богъ соблюдетъ тя.

XIX.

Посланіе Волоколамскихъ иноковъ ¹.

Господине Государь старецъ Іона. Пожалуй, Господине, смилуйся Бога ради и Пречистыя ради Богородици и преподобнаго отца нашего ради игумена Іосифа не изневоли, господине, насъ выше нашей худости. Помяни, господине старецъ Іона, отца своего и нашего преподобнаго игумена Іосифа какъ всѣхъ насъ покоилъ, и немощи наша носилъ, а книги и святыя иконы велѣлъ и благословилъ насъ держати, и мы, господине старецъ Іона, книги держали за монастырскіе, а ты, господине Іона, старецъ намъ во Осифово мѣсто, мы,

¹ Издаётся по списку Моск. Синод. бывшей Патриарш. библиотекы, рукоп. XVII в. № 791, л. 64—67. Старая ка талогизация.

господине, тебе держимъ вмѣсто отца своего Іосифа, и ты, государь старецъ Іона, покажи на насъ отеческую любовь: самъ жалуй, и игумену Данилу и братіи печалуйся чтобы, господине, на насъ выше нашей немощи тягость не накладывали, и слезъ нашихъ не презирали. Мы, господине старецъ Іона, ходимъ во всякихъ службахъ черныхъ, и на крылостѣхъ стоимъ. Помяни, господине государь старецъ Іона, какова бѣда приходитъ челоѣкомъ, не имущимъ Божественнаго писанія. Рече великій Златоустъ: велико зло, еже невѣдѣти писанія, и якоже скотъ безсловесенъ обносится, ибо отъ сего безчисленная злая ражаются челоѣкомъ отъ невѣдѣнія Божественныхъ писаній, отъ сего лютей еретическій возрастаетъ недугъ, и ереси умножашася, и отъ сего небрегома исправленая и растлѣнное житіе, безъ прибѣга труда, помраченіе души, діавола прелесть, еретикомъ дерзновеніе, яко же убо ихъ свѣта сего лишени, неправо ходять и потыкаются....¹ Сихъ не взирающихъ много потыкаются и понужаются часто согрѣшати, яко во тмѣ люді ходяще. И паки рече: не убо нерадимъ о стяжаніи книгъ, яко да не смертную примемъ язву. Ниже злато собираемъ, но книги притягаемъ себѣ духовныя. Злато убо егда будетъ множае тогда наипаче навѣтуетъ стежавшимъ то, книги же стежаемъ, много подавають имущимъ ихъ пользу. И святой Петръ Дамаскинъ рече: нестяжателю не имѣти книги вельми зло есть. И множество, господине безчислено святыхъ и богоносныхъ великихъ отецъ нестяжаніемъ конечнымъ пожиза, а книги и святыя иконы имѣли. Великій Іларіонъ иногда въ общемъ житіи живяше, иногда въ пустыни пребываше, а божественное евангеліе и прочіе книги съ собою носилъ. И великій Елифаній Кипрскій иногда въ общемъ житіи, иногда же въ пустыни пребываше, и священныя книги, у себя имѣя, съ собою носилъ, иже и послѣди бысть епископъ. И святой Афонасіе Аѳонскій овогда въ общемъ житіи живяше, и овогда же въ пустыни, а божественное евангеліе, и апостолъ и прочая книги съ собою носилъ. И Иванъ Кущникъ, иже отъ родителей своихъ стяже божественное евангеліе серебромъ, и златомъ и бисеромъ усажено, и егда пострижеся въ общемъ житіи, у себя имѣлъ. И великій Василий, еже и третій десятокъ апостолъ, церковное богатство много имѣяше, отъ земныхъ же и тлѣнныхъ вещей ничтоже у себя содержа, развѣ точію божественныя книги, якоже къ епарху рече: разграбленія не боюсь, ничтоже бо имѣю развѣ точію.... мало книгъ. Глаголютъ же и о свя-

¹ Въ рукописи выцѣвлено.

тѣмъ Кирилъ Белозерскомъ, егда на Симоновѣ живяше, и святыя иконы и книги у себя имѣяше, и егда изыде изъ Симонова, а святыя иконы и книги съ собою ношаше. Также глаголють и о блаженнѣмъ Пафнотіѣ, иже на Боровѣсцѣ. А преподобнаго отца нашего государя игумена Іосифа самъ, господине Іона, помнишь сколько книгъ съ собою принесе и святыхъ иконъ: четыре евангелія тетры, апостолъ тетръ (?), двѣ псалтири съ вѣсмъ, Лѣствица, Ефремъ, Дороей и вкупѣ же Петръ Дамаскинъ, Василій Великій, и патерикъ азбучной, два ермолога, четыре иконы, три Рублева письма Андреева. А мы, господине, вамъ бѣемъ челомъ и держимъ какъ отецъ нашъ государь преподобный игумень Іосифъ благословилъ насъ, и велѣлъ держати иконы и книги, и мы сихъ держимъ за монастырскіе, а молимъ Господа Бога и великихъ чудотворцовъ за огосударя великаго князя Василя Ивановича всея Руси, и за его благовѣрную и христіюлюбивую великую княгиню, и за его христіюлюбивое воинство и за все православное христіанство.

XX.

Посланіе Новгородскаго архіепископа Макарія митрополиту Даніилу ¹.

Божію великому архіерѣю, и апостольскому сопрестольнику, и вселенскому учителю, блаженному и преблаженному, пресвятѣйшему Господину и Государю, отцу моему, имярк, митрополиту всея Руси, смиреннейшій сынъ твой, имрк, архіепископъ Богомъ спасаемыхъ градовъ Новгорода и Пскова, челомъ бѣю. Святое твое, Государь, посланіе зъ богодухновеннымъ поученіемъ до насъ дошло. Мыже смиреніи

¹ Посланіе издается по рукописи Импер. Пуб. биб. XVI, в. Q, XVII, № 20, изъ собран. Граф. Толстаго, отд. II, № 341 л. 116. ²Рукопись собрана, а отчасти и написана игуменомъ Волоколамскаго монастыря Евеніемъ Турковымъ.

Хотя въ спискѣ, съ котораго мною дается настоящее посланіе, нѣтъ указаній ни имени Новгородскаго архіепископа, ни имени московскаго митрополита, къ которому оно было адресовано, но съ большою вѣроятностію это посланіе слѣдуетъ приписать Макарію, которое онъ написалъ въ бытность свою архіепископомъ въ Новгородѣ, и слѣдовательно адресовалъ его на имя митрополита

со всецѣмъ благодареніемъ пріяхомъ, и со многимъ страхомъ и вниманіемъ прочтохомъ, и велию пользу пріяхомъ, и силѣ словесъ удивихомся по данному ти таланту отъ святаго и животворящаго Духа, и о томъ велие благодареніе твоему святительству воздахомъ, что еси, Государь, пожаловалъ нашего моленія не презрѣлъ, и о своемъ здравіи и спасеніи писаніемъ извѣстилъ. И сладко намъ явился изячное твое богодухновенное писаніе в начале сота сладости умедвено Омиро-

Даніила. Къ такого рода предположенію приводитъ самое содержаніе посланія. Такъ, въ посланіи неизвѣстный по имени митрополитъ представляется опекуномъ надъ в. княземъ Иваномъ Васильевичемъ (этому митрополиту «случися въ великихъ попеченіихъ пребывать о царскомъ здравіи, и о всенародномъ благопробываніи, и о избавленіи лзыческаго нашествіа»), какимъ дѣйствительно и состоялъ митрополитъ Даніилъ въ отношеніи малолѣтняго Іоанна IV. Въ своемъ посланіи новгородскій архіепископъ много распространяется о бѣдѣ митрополита. Дѣйствительно въ послѣдніе годы своего первосвятительства митрополитъ Даніилъ подвергался тяжелымъ бѣдѣннымъ припадкамъ, что извѣстно между прочимъ изъ частнаго письма его къ одному изъ своихъ почитателей (см. 113 страницу настоящаго изслѣдованія). Посланіе новгородскаго архіепископа, упоминая о в. князѣ Иванѣ Васильевичѣ и о его младшемъ братѣ Георгіѣ Ивановичѣ, умалчиваетъ объ имени правительницы Елены. Значитъ, если только признать справедливымъ дѣлаемое мною предположеніе, посланіе написано было между 1538 (годъ смерти правительницы Елены) и 1539 (годъ удаленія Даніила съ митрополіи) годами, и скорѣе всего въ 1539 году. Въ посланіи новгородскаго архіепископа находится свидѣтельство о томъ, что митрополитъ, много заботясь о благѣ русскаго государства и благополучіи в. князя, старается устроить въ государствѣ «соединеніе во всякомъ дѣлѣ и словѣ». Въ Январѣ 1539 года митрополитъ Даніилъ обращался къ своей постѣи съ окружающимъ посланіемъ о соединеніи о согласіи и о любви. «Очень можетъ быть, по поводу этого то самаго окружающаго посланія и частнаго письма митрополита, присланнаго вмѣстѣ съ нимъ новгородскому архіепископу, послѣдній и отыскалъ своимъ, издаваемымъ нынѣ посланіемъ».

Священникъ П. О. Николаевскій въ своемъ изслѣдованіи «Русская проповѣдь въ XV и XVI в.», (журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г. част. 137, 326, примѣч. 1.) издаваемое мною нынѣ съ именемъ Макарія, какъ его автора, посланіе приписываетъ Θεодосію архіепископу Новгородскому (1542—1551 г.), который представляется адресованнымъ его къ митрополиту Макарію. Въ изслѣдованіи о. Николаевскаго нѣтъ никакихъ соображеній, на основаніи которыхъ онъ это посланіе приписываетъ именно Θεодосію. Въ томъ самомъ рукописномъ сборникѣ, съ котораго мною издается посланіе и которымъ пользовался въ свое время и о. Николаевскій, находится много посланій архіепископа Θεодосія и всѣ они сопровождаются указаніемъ имени ихъ автора, а между тѣмъ какъ объ имени автора настоящаго посланія въ сборникѣ умолчано. Характеръ содержанія издаваемаго посланія самими положительными образами отвергаетъ сдѣланное о. Николаев-

вымъ именемъ, Аѳинѣйскою мудрованіемъ украшено, в немже изящество языка твоего ушасы своими дебелими очутихъ, и со исамонѣвцомъ пророкомъ глаголю: коль сладка гортани моему словеса твоя паче меда устомъ моихъ, в немже вѣсть токмо о божественныхъ и духовныхъ вещехъ украшати глаголы. Писаніе бо епистоліи твоей за высоту существа и остроты соли премудростныя ученнейше четца, разсудитѣйши созирателя, разумитѣйши отвѣщателя, сію воистинну сердца твоего камору божественныя любви теплотою полну быти показываетъ, любви бо рожденныя и Духа святаго сила невидимая сердца твоего честнѣйшаго изящныя устнѣ невидимаго подвижетъ. О святителю Христовъ! кая въ тебѣ сокрывается священнотайства! Пишешъ бо по любомудреца обычею, вездѣ своя смиренная предлагаеши, поистинне страшна и велика суть нашему смиренію тако нарицатися, нѣсть бо, нѣсть бо достоинъ братъ, ни сынъ именоватися, но рабъ исповѣдаюся святительствовати. Ты бо еси, Государь, свѣтъ учителемъ, и языкъ Божій, и гласъ небесный, и книжникъ живота, иже о мнѣ смиреннемъ таковая помысливъ благовѣствуеши, ей же чти нѣсмь не

скимъ предположеніе. Митрополиту Макарію никакъ нельзя приписывать того значенія при дворѣ Іоанна IV, какое приписывается митрополиту въ настоящемъ посланіи. Сначала митрополитъ Макарій былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Шуйскихъ (Карамзинъ, VIII, 72), а потомъ когда Іоаннъ IV вступилъ въ самостоятельное управленіе государствомъ, м. Макарія заслонилъ собою Сильвестръ и Макарій вообще держался въ свое продолжительное первосвятительство въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ.

Архіепископъ Новгородскій Θεодосій извѣстенъ нѣсколькими оставившимися послѣ него посланіями, но они не похожи на издаваемое посланіе. Всѣ посланія архіепископа Θεодосія, какъ справедливо замѣчаетъ преосвященный Макарій, (Исторія Руск. Церкви, т. VII, 481) въ содержаніи своемъ представляютъ весьма мало учительнаго и литературнаго. Между тѣмъ издаваемое посланіе отличается витѣватостію языка и вообще краснорѣчіемъ свойственнымъ вкусу древнерусскихъ книжниковъ. Θεодосій не только не отличался большими литературными талантами, но онъ, въ случаѣ необходимости, обращался къ услугамъ чужой литературной собственности. Явилась Θεодосію необходимость написать пастырское посланіе въ Вотскую патину, онъ воспользовался для этой цѣли грамотой своего предѣстника, архіепископа Макарія, адресованной въ ту же патину, и почти дословно повторилъ ее и въ грамотѣ отправленной въ Вотскую патину отъ своего собственнаго имени (обѣ грамоты какъ Макарія такъ и Θεодосія находятся въ въ Рукоп. Импер. Пуб. биб. . Q. XVII, № 50 л. 299—316. срав. Дон. къ Акт. Ист. I, № 43, 57—60 и № 28, 27—30). Подобнымъ же образомъ поступилъ архіепископъ Θεодосій и съ своею грамотою въ Псковъ: онъ буквально воспользовался здѣсь грамотой игумена Памфила, адресованной имъ къ псковскимъ вѣлѣстямъ, и выписалъ ее въ своей грамотѣ (сравни. посланіе Θεодосія въ рукоп.

сто инѣ, но и вездѣ, Государь, о мнѣ благая проповѣдуеши и писанми твоими угодѣишии вездѣ меня чествуя посещаеши, и о томѣ тебѣ, пресвятѣйшему Государю отцу своему, имрк. митрополиту всея Русіи, много челомъ бую, что меня, сына своего, безмѣрно жалуеши не токмо духовне, но и телесне.

Но и осемь, Государь, нашему смиренію въ своемъ посланіи повѣстилъ еси, что тебѣ, Государю, отцу нашему, *нынѣ случися въ великихъ попеченіихъ пребывать о царскомъ здравіи, и о церковныхъ вещехъ, и о всенародномъ благопробываніи, и о избавленіи ялыческаго нашествія*, к симъ же отовсюду утесняемъ еси стерпѣыми болѣзнями. Мы же смиреніи таковая слышавъ о твоихъ, Государь, святительскихъ великихъ скорбехъ и о нестерпимыхъ твоихъ частыхъ в телеси болѣзней не малы оскорбѣхомся, но и зѣло много, но токмо о семъ благодаримъ всесильнаго Бога, избравшаго тя, своего угодника, въ таковой

Новгор. Соф. библ. № 1480 л. 104—107 и посланіе Памфила въ Дон. къ Акт. Ист. I, № 22, 18—19). Въ своемъ пастырскомъ посланіи къ духовенству г. Устюжмы Желтопольской архіепископъ Θεодосій почти буквально повторилъ известное поученіе къ попомъ митрополита Кирилла II (Срав. Посланіе Θεодосія въ Акт. Ист. I, № 298 и поученіе къ попомъ въ прибавлен. къ творен. Св. отецъ, ч. I, 424—432). Точно также отнесся Θεодосій и къ издаваемому мною съ именемъ Макарія посланію. Ему представилась необходимость написать благодарственное письмо одному изъ своихъ насельныхъ—высокопоставленному боярину и блеснуть въ немъ своимъ краснорѣчіемъ и любезностію. Θεодосій воспользовался издаваемымъ посланіемъ Макарія и выписалъ изъ него одно очень обширное мѣсто отличающееся особеннымъ краснорѣчіемъ. Но въ общемъ нужно сказать, что заимствование сдѣлано по мѣстамъ не вполне удачно. Въ своемъ посланіи Θεодосій, на основаніи сдѣланнаго заимствования, называетъ посланіе къ нему своего же духовнаго сына *богодуховеннымъ*. Въ устахъ архіепископа Макарія въ его обращеніи къ митрополиту, лицу облеченному самымъ высокимъ священнымъ саномъ въ церкви, названіе его посланія богодуховеннымъ имѣло нѣкоторый смыслъ, хотя и здѣсь уже было замѣтно преувеличеніе. Но названіе Θεодосіемъ, архіепископомъ, посланія своего же духовнаго сына—мирянина посланіемъ богодуховеннымъ уже слишкомъ ни съ чѣмъ несообразно и можетъ быть объяснено только рабскимъ отношеніемъ Θεодосія къ первоисточнику своего посланія. Въ посланіи Θεодосія есть и другія несообразности, объясняющіяся изъ одного и того же обстоятельства и источника (посланіе Θεодосія къ боярину въ Рукоп. Имп. Пуб. биб. Q. XVII, № 50. л. 129—131. Оно изд. въ Древн. Росс. вавілоникѣ, XIV, 240.) Такимъ образомъ по самому характеру своихъ литературныхъ произведеній, очень слабыхъ, и почти всегда компилятивныхъ, архіепископъ Θεодосій не можетъ быть признанъ авторомъ известнаго краснорѣчиваго посланія новгородскаго архіепископа къ митрополиту московскому.

санъ святительства великаго архіерейства, и вручившему ти святія Божія церкви и паству Христовыхъ словесныхъ овецъ. Ты же, Государь, по евангельскому словеси поистиннѣ пастырь добрый не токмо душу свою полагаешь за святія церкви и царя, но и за вся словесныя овца Христова стада православныхъ христьянъ о избавленіи языческаго нашествія. Не токмо слышимъ, Государь, про тебя безпрестанно всесильнаго Бога молишь и пресвятую Богородицу, и великихъ чудотворцовъ, но и постъ со слезами милостыню растворяешь, а о своихъ, Государь, нестерпимыхъ болезнѣй, сказываютъ, ни мало попеченіе имѣешь, но сія вся на Бога возлагаеши и пречистую Богородицу и на молитву великихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ, и соединеніе во всякомъ дѣле и словѣ по евангельскому реченному словеси ото всѣхъ требуеши, и апостольское слово часто воспоминаеши, егда изнемогаешь тогда сильнѣе пребываеши. О премудрый въ чловѣцехъ и чудный во святителехъ и учениче Христовъ! Поистинне добръ путь обрѣлъ еси вся сія на всесильнаго Бога возложилъ еси, отъ негоже сугубу и мзду прититчишися. Мыже твой смиренная чада со всѣми вашими богомольцы и со всѣми соборы, по твоему Государеву писанью, здѣ нынѣ безпрестанно всесильнаго Бога молимъ и пречистую Богородицу и великихъ чудотворцовъ о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей, и о многолѣтнемъ здравіи и спасеніи твоего святительства, и сына твоего святѣйшаго царя и Государя нашего великаго князя *Ивана Васильевича* и о его братѣ благовѣрномъ князе *Георгіѣ* ¹ и о христолюбивомъ воинствѣ и о всемъ православномъ христьянствѣ, и о устроеніи земскомъ и о тишинѣ, и чтобы Господь Богъ избавилъ ото враговъ отъ бесерменства и отъ латынства, и помощь бы и крѣпость свою Господь Богъ послалъ сыну твоему, Государю нашему великому князю Ивану Васильевичу всея Руссїи самодержцу, и всему его христолюбивому воинству на наши враги на бесерменство.

И ты бы, Государь, Бога ради и впродъ меня сына своего жаловалъ въ святительскихъ своихъ молитвахъ помянулъ, и о своемъ здравіи и спасеніи честнѣйшими своими писанми посещалъ съ своими богодухновенными поученіями. Тыбо еси Государь, божественному писанію и чловѣческому толковникъ еси острѣйши, ты законы чловѣческія и божественныя вѣси откровеннѣйши, ничто есть ниже

¹ Георгій, второй сынъ в. к. Василія Іоанновича, родившійся 30 октября 1533 года.—П. С. Р. Л. т. VIII, 280.

обрѣтиса можетъ в писаніи еже уму твоему учениному сокровенно, ничто на небеси, ниже на земли еже премудраго твоего разума убежитъ по данному ти отъ Бога таланту, но точію, глаголю, магнита камени подрожалъ еси естество неизреченною нѣкоею нужею желѣзо провлекъ еси изваяти имъ благочестія образы, еже твоей святой души таковое лѣпо есть, понеже еси православныя Христовы церкви учитель и свѣтъ свѣта солнца яснѣе, мой темный умъ всегда мракомъ невѣдѣнія омраченъ ко осіянію вѣчнаго свѣта благодатію призываеши. И по сихъ смиренный устомъ моимъ молчаніе налагаю, и прощенья прошу отъ твоего великаго святительства, и многа челомъ битью, и велие благодареніе воздаю ти за вся твоя благая. Здравъ буди, Государь, и спасенъ архіерѣю святой чрезъ многіе лѣта, моля Бога за святѣйшаго царя, сына своего Государя нашего великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца, и за всѣхъ насъ дѣтей своихъ православныхъ хрестіанъ во веки, аминь.

XXI.

Слово къ вѣрнымъ, иже хрестіаня словомъ нарицаются, Богови же супротивящеся коварствы, и въ семъ на ся грѣха не возлагаютъ. Влагослови отче ¹.

Святаго Духа силою счиненая словеса, написанная отъ древнихъ святыхъ, богоносныхъ отецъ, во всѣхъ святыхъ книгахъ глаголють яко перваго челоуѣка Адама созда Господь по своему образу и по подобію, и жену ему сотвори якоже достоинъ быти ей. Како же сотвореніе Божіе мы сами превращаемъ симъ прѣніе вдающе Богу. Богъ бо есть всякому творенію хитрецъ, премудростію бо вся небесныя безсмертныя силы, и небо, и землю, и вся стихія сотвори, яко бо зря на небеси солнце, и луну, и звѣзды, токмо дивитися. Какоже челоуѣка не добре ли сотвори, да сами зраки свои мнимъ добрѣйши и Божія творенія утворяти? Богъ бо всякому челоуѣку пре-

¹ Слово издается по рукописи Новгород. Софійской биб., нѣмѣ библіотеки С.-Пб. Духовной Акад. № 1296, л. 195—204.

дѣла положи лѣтомъ совершеніе возрасту и разуму: егда убо чело-
вѣку не совершенному мѣры возраста и разума, тогда Богъ учреди
и лицу его быти нагу. Егда же сподобится лѣтъ совершеннаго воз-
раста, положи убо въ ту годину одѣтися устамъ его и лицу его вла-
сы, показуя его инѣмъ челоукомъ яко да видятъ и свершена, и
не ятому уже яко юношу младаго разума вменяютъ и, но въ мѣру
исполнена саномъ возраста. Идѣи же отъ насъ, грубъ смыслъ имуще,
и Божія премудрости исполненіе мняще яко тлѣнну вещь преобидѣти,
рѣжутъ и терзаютъ потребляюще власы одѣянія личнаго, иже сѹтъ на
устѣхъ и на брадѣ, мняще младостію краситися нѣкоего ради сквер-
наваго дѣла. Не младость бо есть красота, но се красота, ею же Богъ
челоука украсилъ есть; въ нѣ же дѣла достойтъ ему тако быти.
Какоже смѣемъ сіе изрѣзати, еже не отъ нашихъ рукъ сотворено
есть? Аще же рчеши неаппо есть се и непремудрено, прїими же ты
младенца пятилѣтна и сотвори ему таковъ санъ. Аще же сего не
можеша, какоже смѣеши во уреченная ти лѣта Богомъ исполньшееся
преобидети и симъ противитися Богу? Аще бы кто и отъ друзей
твоихъ насади виноградъ и нѣмъ взирая веселяся, ты же изтерзаеши
и, онъ же и пакы хотя зрѣти нѣмъ, и ничтоже ту обрѣтая, какоже
ти мстити иматъ о своемъ сотвореніи, коими паче Богъ? Что бо
вѣде безумне, како дерзаеши, сего бо не вѣси ли, яко ни злато, ни
сребро, ни многоцѣнное каменіе, ни бисеръ потреби, но богоданную
красоту честнѣйши злата и сребра, и каменія драгаго и бисера,
понеже бо Богъ сотвори всего честнѣйши на земли челоуческую плоть,
созда бо ея своими руками, злато же и сребро и каменіе многоцѣн-
ное повелѣ земли и водѣ ржати. Какоже сія власы не честнѣйши ли
сего всего сѹтъ, яко ражаются отъ богосозданныя челоуческой плоти,
и во время повелѣнное Богомъ?

Ини же отъ неразумныхъ челоука гордостію возносящесе дабы
мнѣлся отъ челоука великъ возрастомъ, и подкладаетъ на плеча
своя утинки отъ дровъ, не благодаря о семъ яко повелѣ ему Богъ
быти мала возраста и Божію сотворенію противяся, самъ хотя пре-
дати си возрастъ, и сотворяется тако, якоже негоденъ есть Богу.
Аще бо бы Богъ восхотѣлъ кого велика и широка сотворити, сотво-
рилъ бы якоже и сказати невозможно, но его же Богъ не сотвори,
егда Адама созда и Еву сотвори, се творятъ. Также и жены, Божію
творенію противящесе, и въ гордости не вѣдати себе како о себѣ
мнѣтъ, творящесе яко Богъ ихъ не добре сотвори, но сами паче до-
брѣйшии Божія творенія творятъ си, и лица своя красятъ и бѣлятъ

вапы, и брови выспрь возводяще, и терзающе, и мастію клеяще, сирѣчь клеємъ, и главныя власы улишающе, а не тако правяще якоже вселенныя учитель Павелъ рече: еже жена власы имѣти на главѣ долина есть ангелъ ради, растеніе бо власовъ вмѣсто одѣянія дается ей (1 Кор. XI, 15). Сіи же своя власы отめщутъ, и вчиненія неудоу на толстины на главы своя подъ убрусы налагающе, еже глаголюще главу ровнати. Аще ли же кія без черности зракъ имущи, сіи чернстію зраки подчрежающе, себо есть все Богу супротивленіе, еже со Богу о нихъ кромѣ хотѣнія бысть тацѣ сами претворитися хотяще, Божія же творенія отмещущесе, сами образу своему творцы творящесе, премудряюще Содѣтеля твореніе. Иже бо сотвори небо и землю, и вся яже въ нихъ, могъ бы и женскую красоту, аще Ему годе, сотворити прекрасну. Аще бы восхотѣлъ ихъ бѣлости, могъ бы сотворити бѣлѣ снѣга, и аще бы тебе возведеніи тонци брови, или главу округлу, могъ бы сотворити выспрь чела брови окружени и тонци яко очертаніи, и главу преокруглу, и аще бы восхотѣлъ вѣзмъ сотворити черни очи, се бы могъ прехитростіе сотворити, но якоже кто ему годе, тако сего и сотвори. Сего ради Божія творенія никому же самому удобно есть претворяти, и предъ Богомъ въ ненависти быти. Мнози бо жены и въ церкви приходятъ претворяюще си зраки чрезъ Божія творенія. Како бо Бога ей о древнихъ грѣсѣхъ умоляти, еже и о семъ прогнѣва, яко претворися отъ созданія Божія своимъ руками, и не яко сама принде, но яко ина, и еще тако дерзають къ пречистому комканію Христова тѣла и крове? Аще же бы сіе разсудити не достойтъ сихъ ни въ церковь приимати, нежели симъ дати пресвятое причастіе яко противникомъ Богу. Знаменай убо яко аще кто отъ вельможъ служѣ своему дастъ ризу свою, онъ же шедъ измѣнивъ на чужду и придесть, тогда прогнѣвается господинъ его, яко измѣнилъ есть ризу дарованія его. Се же есть не риза, но образъ Божія созданія, паче же по Божію образу и подобію, таковое бо хуля на Божій образъ хулу приносить и прехитрляетъ Божіе дѣйство, антихристъ есть. Когда бо кто видѣ яко да супротивъ глаголетъ созданіе создавшему, аще и не по его образу сотворено, почто мя тако сотвори, азъ претворюся само, нѣсть бо сего, ни удобно есть сему быти. Ищии отъ злонаправныхъ женъ глаголють: яко любве ради мужниа се творять. Худъ есть сей извѣтъ и полнъ вины, ибо Божія ли заповѣди честнѣйши есть, или лица ея вапы? Жена бо мужевѣ дана бысть по заповѣдемъ Божіимъ имѣти, и аще кто не сытый блудникъ не восхощетъ жены своя любити Божія ради заповѣди, сему вапъ ради жены своя любити неудобъ. Аще бо восхощетъ жены своя

ваши любити паче Божія заповіди, сій чужъ есть христіанства и буди проклять. Богъ сотворилъ ны есть на сохраненіе своихъ заповідей, а не діаволя ради угодія, еже самага Бога противитися сотворенію.

Мы же паче дьяволя угодія творимъ и не токмо же мірстїи, но и мниси. Кїйждо бо инокъ, егда образъ прїемлетъ, глаголетъ отрицаюся міра и яже суть въ міре. Сїи ли бо суть отреклїся яже суть въ міре, иже держащи въ монастырехъ множество мірскихъ слугъ, цвѣтоносныхъ и младыхъ юношъ, и множество великихъ конь, и вся притяжанія, яже богатымъ довѣбеть, и различная яди, и яздяху, якоже мірстїи вельможи, гордящєся со множествомъ слугъ. Се ли убо есть образъ первоначальныхъ пустынножитель святаго архїерея и царя Мелхиседека, иже росу лизаше, и въ наготѣ отъ мразу и отъ зною сотворися хребетъ его яко жалвинна кожа, иди огненоснаго пророка Ілїи, иже имѣяше едину овчину, и вдовицею и враномъ кормимъ бѣ а бѣгаше трапезы Езавелины, или отъ Христа свидѣтельствованнаго большаго въ рожденныхъ женами Іоанна Предтечи Христова и Крестителя, денницу солнечную, иже живяше подъ каменемъ, и ядый прутїе былія мелагра и медъ дивїй, и чаша его пригорща бѣ, и одѣяніе его ото власть велбужъ, и ничтоже отъ міра требоваше токмо душа человѣчески приводити къ Богу? Помянемъ же и Антонїя Великаго, и Павомїя и нїѣхъ святыхъ, что убо богатетство имѣяста, и како яздыста ли въ гордости? Мы же сего ли ради ркохомъ отреченіе мірскихъ, яко да солгавше се, паки множество богатетства стяжемъ, и различныя яди, ркуще убо носимъ безплотныхъ образъ, изыдаемъ же многія плоти, и яжденіе творяще на многоцѣнныхъ конехъ со множествомъ цвѣтоносныхъ слугъ. О семъ бо есть о всемъ возжелѣніе и похотѣніе отъ міродержителя дьяволя, иже на цвѣтъ звѣздный преластиса, и помысли гордость, и отпаде истины, о немъ же рече Господь: грядетъ міра сего князь (Іоан. XIV, 30) и во мнѣ не имать ничтоже. Елици иже мниси, обѣщавшєся Богови во ангельскїй образъ, вдающе же надъ собою область дьяволу, гордости величанія ради древняго дьяволя художества? Мнихъ бо есть истинный, еже носай смиренїя образъ, аще же ищетъ высоты да вѣсть, яко се есть корень всего зла, въ немъ гордость дьяволя и недостойтъ ему нарещися мнихомъ, понеже мнишество есть ангельскїй образъ. Аще ли же высочайшихъ мѣсть и почести земныя ищемъ, сего ли ради ангели наречемъся, или Христови раби наречемъся, не любяще въ слѣдъ его ходити? Аще бы самъ Христосъ мѣсть на земли искалъ, не бы возлежалъ въ яслѣхъ скотїяхъ. Егда же своя божественная многа показа

чудеса, и разумѣ яко хотять народи принѣти да восхитять его, и сотворять его царя отоиде въ гору единѣ, славы бо земныя не требоваше и намъ дая образъ смиренія. Мы же, ищуще земныя славы, како Христови раби наречемъ и послушатели повелѣнію Его, яко бо Богъ самъ смиренія низщету, и всяко уничиженіе волею поноси? Мы же се отмещущей гордости ищемъ. Сего ли ради лжепріимство сотворихомъ ангельскому образу? Цыя ангели множество богатетства земнаго имуть, и слугъ и коня стяжуютъ, и мѣстъ высокихъ ищутъ? Но нѣсть сего, иже бо обѣщавый же Богови и правду свершить по своему обѣту, еже мірская отринувъше, сей лехко взлетитъ ко ангельскому житію. Аще же обѣщаніе погрѣшитъ сей будетъ ложь, яко дьяволъ, о немъ же самъ Господь рече, яко ложь есть (Іоан. VIII, 44). Имѣй бо попеченіе о прибыткахъ мірскихъ, сей Божію молитву забытъ есть, яко же рече Господь: не можете Богу работати и мамоне (Лук. XVI, 13), и апостолъ глаголетъ: любы плотская вражда на Бога, закону бо Божію не повинуется (Іак. IV, 4). Се же ли есть мнишество, еже богатетства и величества высоты земнаго мѣста искати? Се ли есть ученикъ Христовъ? Христови бо ученицы не азяху на многоцѣнныхъ конехъ со многими слугами, но едини и пѣши яко крилати всю землю обтекоста. Самъ бо Христосъ, егда смиренію учаше я, принѣмъ отроча, постави посреди ихъ, рече: иже бо ся смиритъ, яко отроча се, той есть болей во царствіи небеснемъ (Лук. XVIII, 4). Не сему бо Христосъ смиренію уча еже нынѣ глаголютъ: азъ смиренъ, но не сяди выше мене, азъ смиренъ, но нигдѣ же предворяй мене, азъ смиренъ, но по мнѣ глаголи, азъ смиренъ, но требую многая. Христосъ же смиреніе ко отрочати приложя, отроча бо не мыслить ни предъ кимъ величатися, ни богатѣти, но всякаго менши мнится, и отъ всякаго боится, и повинуется вѣмъ, того ради болій есть во царствіи небеснѣмъ. Ибо избранный бо Павелъ къ Филиппѣемъ пиша глаголетъ: ничтоже по рвенію, или по тщеславію, но смиренномудріемъ другъ друга честію больша себе творяще (II, 3). Какоже мнихъ, ища мѣста мірскія гордости, и глаголется Христовъ рабъ? Мнози же иноци и мірстія, покаявшеся о вѣсѣхъ согрѣшеніихъ къ духовному отцу, и той же часъ къ святому компанію спешать инѣхъ напредъ, имущы въ сердцахъ сатанину гордость. Гордости бо мѣста токмо помысли сатана и бысть свершенъ съ небесъ въ бездну, и вѣсто архангела дьяволъ нареченъ. Нынѣ же видимъ мнозехъ мнихъ, не токмо помысломъ, но и дѣломъ гордящеся и ищуще величества и блядословяще, аще бо азъ изгублю величество мѣста, наведу си клятву. Сиятъ бо ажа помогаютъ себѣ, а не воспоминаая сего, еже

Христось самъ смирился до рабія образа, и смиряющихся возвеличить во царствіи небеснемъ. Самъ бо Господь рече: еже есть въ чловѣцехъ высоко, мерзко есть предъ Богомъ (Лук. XVI, 15). Сего ради святін прославишася, яко нищету смиренія стяжаша. Се бо есть заповѣди Божія о любви, яко всякого почитати паче себе, аще же последи неразуміемъ лѣстящеся мірскою лестію, и о семъ и кленуть, но и праведника на зло молящася Господь Богъ не послушаетъ; аще же въ своемъ кто смиреніи и наведеть на ся клятву, ничтоже есть, не прикоснеть бо ся ему, понеже симъ противу міродержителя враждуетъ по Господня смиренія образу. Аще бо кто на бѣсовская замышленія ополчается, сей по истиннѣ носитъ ангельскій образъ. Аще ли же тѣлеснаго покоя и высокихъ мѣстъ на земли ищуще, какоже сїи во ангельское достояніе причтени будутъ, понеже дѣла творяще дьявола гордостная, къ сему же и собраніе богатству. Аще бы убо Христось добро нареклъ богатство, и егда самъ бѣ на земли, и вѣде вся мѣста земная яко Богъ, повелѣлъ убо бы нѣгде, аще бы восхотѣлъ, гору злата себѣ утворити, но не сотвори сего, но и о богатемъ рече: неудобъ вниъ ти во царство небесное (Мѣ. XIX, 23). Слыши же что о мнишестемъ притяжаніи мятежнемъ глаголетъ святой великій отецъ Висаріонъ, иже птиче житіе живый, иже многихъ чудесъ отъ Бога сподобивыйся, иже и воду морскую оследи, иже преиде реку Хрусуру, сирѣчь Нилъ, пѣшъ по быстринамъ, иже солнце отъ печенія устави дондеже дойдетъ до инаго старца, иже не токмо словомъ жестока бѣса изгна, но посадиша бѣснаго на мѣсте его. Онъ же рече бесному: вставъ иди вонъ, и изыде бѣсъ отъ чловѣка. И се той святой чудодѣйственникъ, слышавъ яко нѣкто по смерти своей давъ село женскому монастырю, святой же начать плакати и рыдати и бити лице свое глаголя: горе мнѣ грѣшному, понеже сотворилъ есть радость бѣсу, погубивъ мзду свою и повреди не мало и постницы оны. Инѣмъ же о семъ негодовавшимъ и супротивъ глаголющимъ той же святой повѣда глаголя: еже самому ему се бысть. Яко егда восхотѣ отрещися міра давъ село въ женскій монастырь, сущій при Александрѣи, и изыде въ скитъ и бысть мнихъ, и зря въ видѣніи ноцію, яко сущу ему въ Вилеоме на молитвѣ, и зря всю церковь исполнену свѣта и мужа святолюбны поюща, и жену нѣкую багры ризы носящу, ей же красоту немощно исповѣдати, ему же страхомъ обдержиму и хотѣ оттуду отойти, и изыде святолюбенъ мужъ и страшно възрѣвъ на нѣ и жестоко гласомъ рече ему: рци ми, како хоцещи слово воздати о монастыри женстемъ, яко отнели далъ си имъ село оно, прогнѣвалъ еси Господа Бога, и нынѣ умрети ти, аще

не исправивши, яже еси согрѣшилъ. Святый же Висаріонъ отвѣща: Господи, азъ дахъ село оно съ рабы и съ супруги воловъ, еже упокоити ихъ, а не за еже прогнѣвати Бога. Отверзе же уста своя багноносная жена она рече ему: приихомъ ти, чадо, доброе произволеніе, но обрѣте отъ сего вину дьяволъ врагъ и навѣтникъ душамъ ихъ, и узви зъ душею и телеса ихъ, аще бо бы полезно мнихомъ имѣніе, можаше Богъ послати имъ злато и сребро яко силенъ дождь и повинутіи имъ грады на службу, но не полезно есть, ибо отрекійся міра царствія ради небеснаго, въ постѣ, и въ трудѣ, и во мнозе смиренномудріи и не мятежно приблизитися къ Богу не въ чрево обьяденіи и тщеславіи богатества, и простерши руку свою показа ему оно, иже съ нимъ первіе бесѣдова глагола: се есть Іоанъ, учитель и наставникъ мнихомъ, и хотяще съ нимъ быти должни суть того житію и добродѣтелемъ послѣдовати. И глагола Креститель: Госпоже Мати Господня, кую потребу имамы въ монастыри ономъ, отняли давъ сей село оно, нѣсть бо ту страха Божія, ни трезвѣнія, ни разуженія, ни умиленія, ни труда, ни стыдѣнія, ни поста, ни бдѣнія, ни сокрушенія сердцу, ни стязанія помысломъ, ни чистоты, ни безгнѣвія. Тогда глагола ему Святая Богородица: иди чадо, исправи монастырь онъ, имаша и Мене помощницу на се. И глагола Крестителю: Іоане, знаменай сердце его яко да умными очима узритъ, и да не мнитъ мечтаніе быти видѣніе се, и простре десницу свою, и знамена сердце его образомъ креста честнаго. Святый же Висаріонъ возбнувъ и шедъ отъяти отъ монастыря постнищъ село, и продавъ его за $\frac{3}{2}$ литръ злата и положи злато въ церкви постнищъ онѣхъ. Се убо сей святый сія глаголы повѣда, яже слыша отъ самѣхъ устъ Пречистой Божіи Матере и святаго Іоана Крестителя Господня, яко неудобъ стяжати мірская отрекшимся міра, противно бо есть Богу и святымъ Его. Такоже бо обрѣтохомъ и во святаго Іоана Златоустаго писаніи глаголющее: яко нѣкто святый отецъ слыша нѣкоего христіянина умерша, и словутное свое село давша монастыреви святаго Іоана, и святый о семъ опечалися и воздохнувъ и рече: увы мнѣ, яко погуби таковмъ душу свою. И глаголаша ему братія: что, отче, скорбиши о немъ помиловану ему быти. Святый же отецъ рече къ нимъ: о таковомъ дару глаголю вамъ, чада, аще кто дастъ убогимъ и худымъ братіямъ, то во спасеніе души есть. Се бо видѣхъ въ минувшую ту ночь о брате томъ умершемъ, о немъ же вы глаголете, яко стояше душа его предъ Богомъ на судѣ, и осужена есть душа его мучитися села того ради, и молящася святей Богородицы и святому Іоану Предтечи о души той, и слышахъ гласъ глаголющъ: кто дастъ

село да отпущатъ село то отъ монастыря, и тогда отпущена будетъ душа та отъ муки. Сіе бо не сего ради реченно есть, еже бы никтоже инокомъ и инокинямъ милостыню сотворялъ, добро есть даяти симъ милостыню и полезно, но кая безмятежная милостыня. Села же даия монастыреви мужескому и женскому, сей разстризаетъ сихъ мнихъ или инокинь, еже паки обращаетъ ихъ во многоплетенныя сѣти мірскія, въ мѣтежъ, и уныніе и лѣность, даже и до блуда еже есть ровъ погибельный. Внегда бо иноци или инокиня исходятъ на села многажды впадаютъ во вся сія сѣти дьяволя и во иныя, отъ нихъ же избави ны Христосъ Богъ нашъ моленіи Пречистыя Его Матери, и святаго Іоана Предтечи и Крестителя, и святаго Мелхиседека архіерѣя и царя, и святаго огненоснаго пророка Іліи и всѣхъ святыхъ преподобныхъ постническое житіе подражавшихъ и всѣхъ святыхъ въ безконечныя вѣки вѣкомъ, аминь.

XXII.

Слово къ благохотящимъ царемъ, правительницамъ и землемѣремъ ¹.

Премудрость Соломона глаголетъ: слышите убо царіе и разумѣйте, и навѣяните судіа концемъ земли, внушите державціи множества, и гордящеся о народехъ язычестихъ, яко дася отъ Господа дер-

¹ Памятникъ издается по рукописи Новгород. Соф. биб. № 1296, л. 211—220.

Немногія мелкія отрывки изъ издаваемого памятника были напечатаны Забѣлинымъ по рукописному сборнику подъ названіемъ Златоустъ конца XVI или начала XVII в., находящемуся въ Московской Оружейной Палатѣ (Забѣлинъ. Опыты изученія русскихъ древностей и исторій, част. I, М. 1872, 185—188. Калачевъ. Архивъ историко-юридическихъ свидѣній о Россіи. 2 изд., полов. 2, отд. VI, 43—50). Только у Забѣлина эти отрывки взяты не изъ одного памятника, а они у него представляютъ изъ себя заимствованія изъ разныхъ источниковъ. Такъ начальная часть издаваемого мною памятника у Забѣлина носитъ названіе «слова о правдѣ». Названіе «слова» я внесъ въ свое изданіе отъ Забѣлина; въ рукописи Софійской бібліотеки памятникъ не имѣетъ предъ собою никакого названія. Другая половина издаваемого памятника, по Забѣлину, представляетъ отрывокъ изъ слова о «кормчыхъ и піянствѣ».

жава ванъ и сила отъ Вышняго. (Премудр. Солом. VI, 1—3). Аще же убо вѣрныхъ царь въ нынѣшнее время испытываемъ, во всѣхъ языцехъ кромѣ русійскаго языка не вѣмы правовѣрствующа царя. Аще же убо вѣрою правъ есть, достоинъ ему не лѣнностью снискати разсматривая яже ко благополученію всѣмъ сущимъ подъ нимъ, не единими вельможами еже о управленіи пещися, но и до послѣднихъ, вельможа бо суть потребни, но ни отъ коихъ же своихъ трудовъ довольствуящихся. Въ началѣ же всего потребни суть ратаеве. Отъ ихъ бо трудовъ есть хлѣбъ, отъ сего же всѣхъ благихъ главизна: Богови въ службу безкровная жертва хлѣбъ приносится и въ тѣло Христово претворяется, потомъ же и вся земля отъ царя и до простыхъ людей тѣхъ труды питаема. Снже всегда въ волненіихъ скорбныхъ пребывающа, еже не единого ярма тяготу всегда носяще. Подобно бы убо в лѣте единъ тяжательный яремъ носить симъ, яко бо всяка тварь птицы, и звѣріе, и скоти единою лѣтомъ изнемогають лянствомъ, ратаеве же безпрестани различныя работныя ига подъяютъ: овогда бо оброки дающе серебромъ, овогдаже ямская собранія, овогдаже ина. Елицы иже отъ даропитательныхъ сихъ ради царскихъ собраний къ нимъ собранія бывають, и сн убо подлѣ царскаго уставленія и себѣ съ нихъ многа збирають. Еще же сихъ ради посланій яжденія ради конемъ въ ямская расточенія многа сребра разходящися. Многаже и ина ратаемъ обида отъ сего, еже царскія землемѣрительнии писаріе издяху съ южемъ дѣломъ мѣрнымъ отдѣляюще царевомъ воинномъ землю, и мѣру земли вразнъ всяку четверть полагающе, и симъ много медлящии издяху многа брашна у ратаевъ. И многа убо царства прочтохомъ, и сего обычая невидѣхомъ. Видѣхомъ же се. Егда бѣ Іосіеъ въ Египте строяще все Фараона царя бытіе, и во время гладу предержа неизглаголанное множество ишеницы, отъ его же руку египтяни вси взимающе ишеница, сокровища вся своя издяху ему, и уже никому же не имѣющу что дати, Іосіеъ дающе имъ ишеницу и такую дань возложи на нихъ, яко егда приидеть жатва да приметъ каждо жить сихъ четыре части, пятая же часть жить ихъ да будетъ царю Фараону. И емляше у жнущихъ жита пятую часть, кромѣ же сего ничего же не имаше. И послѣ же сего во всѣхъ языцѣхъ кійждо челоувѣкъ своему цареву или властелемъ воздаеть урокъ отъ приплодъ своея земля, идѣже бо раждается злато и серебро, ту и воздають злато и серебро, а идѣже плодятся множество великихъ скотъ, ту и воздають скоти, а идѣже плодятся звѣріе, ту и воздають звѣріе. Здѣ же въ русей земли ни злато ни серебро не раждается, ни велици скоти, но благоволеніемъ Божіимъ всего дражайши ража-

ются жита на прекормленіе челоѣкомъ. Достойтъ убо и дань у ратаевъ царемъ и вельможамъ всѣмъ имати отъ житъ притяжанія ихъ пятую часть, якоже Іосиѣвъ въ Египте учреди. Іосиѣвъ бо пишется проданъ бысть въ Египетъ на тридесать сребряникъ во образъ Господень. Какоеже правотѣрнымъ царемъ и вельможамъ ихъ недостойтъ сему ревновати еже въ своихъ селехъ и весехъ имати отъ притяжанія житъ у ратаевъ житомъ пятую часть, кромѣ же сего ничесоже? Злата же и сребра ратаеве недоумѣюще откуда притяжати. Аще же гладни лѣта тогда убо мнози мучимы суть, ихъ же и видѣхомъ. Како бо осемъ мученію достойни яко лѣто мала притяжанія сподобльше, ратаеве же мучими сребра ради, еже въ царску взимается власть и дается въ раздаяніе вельможамъ и воиномъ на богатство а не нужда ради. Нужда бо ради кійждо отъ вельможъ своя ратая имутъ, и сими довольни будутъ, пятую часть у коегождо ратая приѣмлюще и цареви отъ сего служаще, ихъ же ратаемъ ничто же иного кому никому же недостойтъ подаяти ни ямскаго собранія своихъ ради вельможъ или воиновъ. Ямская же правленія вся подробну достойтъ устрояти отъ града по расписанію и до другаго града. Сямъ елицы и во градахъ купующей, продающей, и прикупы богатѣюще достойтъ симъ сій яремъ между всѣхъ градовъ носить, понеже суть стяжатели многа прибытка. Кромѣ же сего ничесоже никіихъ уличеній да не сподобятся, но во вся грады безо всякихъ воздаяній сирѣчь пошлинъ купующе и продающе и сего ради нарицаемая ямская правленія отъ града до града по написанію исправляти симъ достойтъ. Се убо всякаго мятежа въ земныхъ умалится, писаремъ умаленіе, зборы престанутъ, мзды неправедныя отлучатся.

А еже землемѣрительнии писаріе четвертію мѣряще, и ратаемъ многу скорбь отъ обьяданія приносяще, осемъ убо тако достойтъ разумѣти скорости ради мѣрныя и вражды и тяжбъ межныхъ. Мѣрити достойтъ и отдѣляти поприщами. Въмы бо искусъ мѣры счетованія к сѣйнію подробну.....

(Далѣе я опускаю подробное и длинное изчисленіе правилъ дѣевныхъ древняго землемернаго искусства въ виду его однокобразія и крайней-запутанности).

Недостойтъ бо никому же боярамъ, и воеводамъ, и воиномъ своя ратая имуще, со инѣхъ же сребро имати. Аще бо кто предо инѣми войны и великъ есть, то по достоянію его больша есть земли вѣдано ему и тако ратаевъ своихъ предо инѣми войны больша стя-

жетъ овою вдвое а иного втрое, инѣхъ же въ седмѣро и во осьмѣро. Сей тако великъ есть аще и воеводствовати или болярствовати удобенъ, но неудобъ же есть ему предо инѣми войны яко господемъ быти. Се есть излишнее и богатство и гордость, еже у своихъ ратаевъ удобная довольствія взимая къ сему же и съ чужихъ сребро, взимаяти. Аще же убо комуждо на потребу удобъ будетъ сребро имать кійждо излишняя жита своя и се безпошанно продавъ градскимъ жителямъ и елицы и хлѣбъ купують и симъ на потребу свою сребро притяжеть. Како убо у ратаевъ сребро хотѣти и того ради ихъ, яко видимъ, муками томити, сѣи бо сребра незидаютъ но хлѣбъ нзидаютъ, сего ради у нихъ хлѣбъ достонѣи прѣимати по Юсѣва прекраснаго уставу пятую часть. Тако же и сѣна и дровъ пятую часть достонѣи прѣимати.

Противу же ратнымъ изходити достонѣи тако иже имать царскаго даванія во одержаніи земли въ долготу и вопреки четверогранно поприще сему подобаетъ быти самому и съ нимъ служѣи во броняхъ, а прочимъ потому же счетованію на толицей бо мѣръ земли ѿ ратаевыхъ полныхъ жребіи и по кѣи четвертей съ осминою во всякомъ поле кромѣ сѣна и лѣсу, сего ради десять единонадесатаго къ воинству сподобятъ. Аще лиже царь восхождеть дабы воинство его противу ратныхъ во единѣи день собиралось, подобно есть ему всѣмъ воиномъ повелѣти не жити в селехъ и в весехъ, но жити во градахъ, яко да уставленное свое повелѣти привозити къ себѣ ратаемъ и прѣимлють хлѣбъ и сѣно и дрова у ратаевъ своихъ, сами же жительствоуютъ во градѣхъ. Сего ради яко едина царева грамота о воинствѣи прѣидеть къ нимъ, и единаго часа вси слышавъ, усрамятся другъ друга отлучитися, но единомышленно и въ единѣи день вси грядуть на порученную имъ службу.

Аще ли же самъ царь восхождеть дабы ему за всю землю не отвещати, якоже комуждо челоуѣку за свой домъ, рече бо Господь ему же дано боле и възидеться боле отъ него, и ему же дано множайшии множайшии и просять отъ него. (Мѣ. XXV, 21. 29), глаголетъ же и апостолъ къ Галатамъ: яко блудницы, и прелюбодѣицы и пѣяницы царствія Божія не наследятъ. Здѣ же видимъ яко во градѣ нарицаемомъ Псковѣи во всѣхъ русійскихъ градѣхъ корчемницы и блудницы. Въ корчемницахъ пѣяницы безъ блудницъ никакоже бывають. Аще же небудуть изведени корчемницы се есть свѣдомо еже есть, и блудъ хластымъ и прелюбодѣиство женатымъ, отвѣтъ же будетъ о семъ иже симъ бога-

тѣющимъ. Но Господи умиласердися, и даждь цареви нашему вразумѣніе, еже сія извести, и не едино же се, но и всяко пьянственное питіе. Аще убо въ земли нашей не будетъ пьянство, не будетъ и мужатицамъ блуда, не будетъ и душегубства, кромѣ разбоя, разбой бо аще и умыслятъ кто злодѣи и овогда получить, овогда же презорства ради не получить сія же напасть не мысля погубляеть и презорства не помнитъ. Аще бо въ земныхъ обычаяхъ снудутся ко пьянственному питію мужи и жены, пріидутъ же ту нѣщія кощунницы имуще гусли, и скрипѣли, и сопѣли, и бубны и ина бѣсовскія игры и предъ мужатицами сія играюще бѣсяся и скача и скверныя пѣсни припеваа. Сія же зря жена и уже сидяще отъ пьянства яко обуморена, крѣпость бо трезвеная изсяче, и бысть ей желѣніе сатанинскому игранію, мужевн же ея такоже ослабевшу и на иныя жены умомъ разслабевшу и бывше сѣмо и овамо очима согляданіе и помизаніе и кійждо мужъ чужей женѣ питіе дааше съ лобзаніемъ, и ту будущей рукамъ пріятіе, и рѣчемъ злотайнымъ сплетеніе, и связь дьяволь. Преже бо убо единого искуса жена срамъ имать, егда же бывъ во искусе, етому уже сраму не имать, обыкшей въ томъ блудницею бываеть. Первое бо всякой блудницѣ навѣтъ дьяволь бываеть въ бесѣдахъ пьянственныхъ. Душегубство такоже во пьянствѣ. Преже бо пришедши въ пиршество восхождѣтъ всякъ сидѣти въ высочайшемъ мѣсте, и егда неполучитъ и трезвъ молчитъ, но возненавидитъ брата своего въ честнѣ мѣстѣ предъ собою сѣдѣща и преже положить нанъ въ сердци си гнѣвъ, и яко отъ пьянства уже изступленъ ума бываеть, учнегъ мыслити срамотити, а и мещетъ нанъ злыя рѣчи, и зце сей претерпѣти, онъ же пакл съ досаженіемъ, и той убо тако же отъ пьянства неумолчитъ, и бываеть брань и потомъ единъ единого ножемъ закалаетъ? Гдѣ бо есть слышано инако ножеваго убійства якоже въ пьянственныхъ бесѣдахъ и играхъ паче же о праздницѣхъ елицы пьянствомъ празднуютъ? Сія бо двѣ радости бѣсовскія мужатицамъ и вдовамъ начинаніе блуда и душегубство отъ пьянственныхъ бесѣдъ. Аще же кто, любяи пьянство, и сія блядословитъ: аще не будетъ хмѣлю, то опресноци служити, таковой себѣ помогаетъ абы всегда ему кваситися хмелемъ. Тѣсту же есть квасъ не отъ хмелю, но отъ дрождей всѣцѣхъ, а цѣи и безхмѣльны суть, яко бо о служебнемъ хлѣбѣ писаніе сего не глаголетъ еже бы преквасено, но дабы квасено, еже бо отъ квасу яко воскресло. Посему бо тако треба быти яко во Христово Тѣло претворяется, Христово же Тѣло божествомъ воскресшее не достоинъ опрѣснокъ нареци, понеже мертвенъ имать образъ, квасомъ же яко оживетъ и прирастетъ. Святымъ бо верховнымъ апо-

столомъ Петромъ Марко евангелистъ поставленъ бысть во Александрѣи епископомъ и отъ Марка и поднесъ Александрийстии патриарсѣи паствою не бѣша опустѣли николиже, но другъ по другѣ приѣмлюще служаху квасенымъ хлѣбомъ отъ виноградныхъ дрождей. Тамъ бо нѣсть хмѣлю, но можетъ тѣсто квасится и безхмѣльными дрождѣями. Аще же Богъ благоволитъ благочестивому царевѣ достонть по всѣмъ градомъ русійскимъ къ правителемъ наказати абы строенія хмѣлеваго заповѣдовали строити. Смы бо душегубству и блуду и пьянству упражненіе. Еще же душегубства ради заповѣдовати во всѣхъ странахъ ковачемъ, абы ножене ковали притупо безъ концевъ, и отъ сего бо душегубству упражненіе, царевѣ же за се отданіе согрѣшеніемъ и воздаяніе будущихъ некончаемыхъ благъ отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, въ вѣки вѣкомъ, аминь.

XXIII.

Выписки изъ слова о разсуженіи любви, и правдѣ, и о побѣжденіи враждѣ и лжѣ¹.

Глаголють въ мірѣ яко се есть любовь еже, сотворивъ пиръ, созвати отъ своихъ пріятель, и сосѣды, и елицы и кимъ ирва ради угоднаая творяху, и тѣмъ друзи быша. Но не есть се любовь. Егда бо кто творить пиръ на честныя мужа, сѣи срама ради множество многоцѣнныхъ брашенъ учреждаетъ. Многоцѣнная же брашна множества всякому человеку отъ своего труда невозможно стяжати, но убо таковая составляются отъ властельскаго и насильственнаго притяжанія, яко убо вельможи ничтоже имѣюще отъ своего труда; но изъядающе и одѣянія носяще людская труды. Что бо есть за любви, еже на сильну

¹ Слово находится въ рукод. Новгор. Сов. биб. № 1296, 176—193.

Слово о любви, выдержки изъ котораго здѣсь приводятся, представляетъ изъ себя замѣчательный литературный памятникъ древнерусскаго проповѣдничества. Оно все посвящено ученію о христіанской любви, которая описывается здѣсь въ своихъ высочайшихъ чертахъ, коія указаны для нея І. Христомъ и Апостолами, и которая кромѣ того разсматривается здѣсь, что важнѣе всего, въ связи съ явленіями праведной жизни древнерусскаго общества, заключающей въ себѣ не мало чертъ, противныхъ этой основной заповѣди христіанской морали.

трапезу збирая, мнозехъ оскорбляти недостатотствующихъ, немнозехъ же отъ честныхъ міра сего отъ таковыхъ же елици тако же недостатотствующихъ оскорбляютъ сихъ многоразличными брашны питати многоцѣнными и пити и за сей правъ еже оному насилovati и оскорбляти невозбраняють, и сами таже творять. И сїи убо пиры творяще веселятся, а отъ нихъ же се собраша, сїи плачуть, недостатотствующа же кого призываютъ на се, яко да и паче истощится к симъ же много принося. Нѣсть бо се любовь, но многымъ оскорбленіе. Аще бо кто такимъ насильственнымъ трапезамъ причащается, сїи убо единомышленникъ обрѣтается творящимъ и.

Аще кто совершаетъ любы, сїи въ чужемъ прибытка не жаеетъ ни въ чемъ же, неразбиваетъ, не крадетъ, не бьетъ, не насильствуетъ, не рѣзонмствуетъ, не мзаймствуетъ ~~никакого~~ мнелонмства и лихоимства, не временствуетъ, не гордится, не тщеславится, не завидитъ, не блудитъ, не сводитъ, не лжетъ, не клеветаетъ, не осужаетъ, не подсмѣхаетъ, не бранится, не рогитъ, не гнѣвается, матерски не лаеетъ, скверны не глаголетъ, не шутитъ, въ церкви не глаголетъ, къ волхвомъ и чародѣемъ не ходитъ любви ради Господня, не обьядается, и ~~не отивается поста ради~~, не много глаголетъ пустошныхъ глаголѣ ради, не мого спитъ молитвъ ради и богатетство много не собираетъ.

Се уже разторже любовь, аще въ судѣ мзду взялъ еси, се убо разторже любовь, яко отъ чюжого притяжанія богатѣши, человѣку же скорбѣ сотворишь еси, аще и оправилъ еси по правдѣ, но Богъ правду даромъ сотвори, ты же продавъ ея, свѣтило же правдѣ Христось. Аще ли же купецъ еси и маломъ что искупивъ, временемъ же на семъ много чрезъ естество взимаеши, и се убо разторже любовь..... Аще серебро твое даси въ лихву, и се убо разторже любовь, яко бо всякое животное Божиимъ повелѣніемъ растеть, садовное же по Божію повелѣнію отъ солнечнаго огрѣванія растеть, твоему же серебру не положи Богъ растенія, ты же противишися Богу, яко не раслѣтному повелѣваеши расти..... Или аще у кого на блудъ жену увѣща, се убо разторже любовь, яко съ женою разлучи, аще ли же кому блудное насиліе сотвори, или лестными коварствами на блудъ кого увѣща, се убо како любви не разторже...?

Аще начнеши имѣти постъ, утончаютъ ти вся мысли, нетокмо бо человѣкомъ любовь покажеши, но и скотомъ, и звѣремъ и птицамъ, и рыбама, всякому животу имущу любовь твоя явится, и сїа бо вся Богомъ сотворенна животна, изъ нихъ же кровь изливается,

въ постѣ же и сіе твоея ради снѣди да не умертвится, и кровь не изліется...

Аще начнеши имѣти творити милостыню и дати отъ своего груди, то не многого ради дающа честна есть предъ Богомъ милостыни, но еже подати не скорбя собою и не глаголя, яко мнѣ не останеть, но отъ всего сердца елико имѣя сіе подати...

XXIV.

Лѣта 7060 (1552 г.) Апрѣль ¹.

По цареву великого князя слову Іоанна Васильевича всея Русія дана выписъ Оудрею Берсеневу, да хозяину Тюпину о томъ, что не велѣно священническому и иноческому чину по священнымъ правиламъ и по *соборному* уложенію въ корчмы входить, ни въ пѣяство упиватися, ни празнословити, ни лаяти, и имъ того беречи накрѣпко по всей Москвѣ. И которые священники и діаконы и иноки, забывъ страхъ Божій и презрѣвъ священная правила, и царскую заповѣдь, и соборное уложеніе, учнутъ по корчмамъ ходити, и учнутъ въ пѣяство упиватися, и по дворомъ и по улицамъ скитатися пѣяни,

¹ Памятникъ издается по рукописи Москов. Синод. бывшей Патріарш. биб. изъ отдѣла неописанныхъ рукописей, № 927, л. 184—186. Рукопись собрана и написана современникомъ Стоглаваго собора, инокомъ волоколамскаго монастыря, Вассіаномъ, бывшимъ архимандритомъ Возмицкимъ. Настоящій памятникъ помимо своего историческаго значенія, какъ источника для характеристики нравственнаго состоянія русскаго духовенства XVI вѣка, имѣетъ и ту важность, что служитъ новымъ доказательствомъ подлинности опредѣленій Стоглаваго собора, на котораго его авторъ прямо и ссылается. На основаніи разныхъ наказныхъ списковъ, къ разряду которыхъ можетъ быть до нѣкоторой степени отнесенъ и издаваемый памятникъ, вопросъ о подлинности опредѣленій Стоглаваго собора разрѣшается въ положительномъ смыслѣ, къ чему уже и пришли многіе ученые историки. Илья Бѣлинскій. Наказные списки соборнаго уложенія 1551 года. М. 1863 года. Макарій. Исторія Русск. Церкви, том. VI, 220—227. А. Навловъ. Еще наказный списокъ по Стоглаву. Одесса. 1873 г., 1—4. Сравни. Прав. Соб. 1862 г., ч. III, Декабрь, Прав. Соб. 1863 г., ч. I, 87. 202. Наказная грамота м. Макарія. Прав. С. б. 1863 ч. I, 317—421. Добротворскій, статья: Каноническая книга стоглавъ или не каноническая.

или учнутъ сквернословити, или матерны лаяти кому на соблазнъ мірскимъ челоѣкомъ, или пїани учнутъ битися, и драться, и имъ заковыхъ безчинниковъ поповъ и діаконовъ, и черицовъ имати да и заповѣдъ на нихъ царскую имати по земскому обычаю, яко же, и съ простыхъ людей безчинниковъ и бражниковъ заповѣдъ емлютъ, да отсылають тѣхъ черицовъ въ монастырь къ архимандритомъ и игуменомъ, и они ихъ смиряють по монастырскому чину, а поповъ и діаконовъ отсылають къ поповскимъ старостамъ и они о тѣхъ безчинникѣхъ святителемъ возвѣщаютъ, и святители ихъ исправляють по священнымъ правиломъ. А на которомъ чернцѣ невозможно заповѣди доправити, ино взяти заповѣдъ на томъ кто его напонтъ, а чернца отослати въ монастырь, и они его смиряють по монастырскому обычаю.

Да по цареву же великаго князя слову Ондрею да хозяину велѣти по торгомъ кликати, чтобы православніи христіане отъ мала и до велика именовъ Божіимъ во лжу не клялися, и на кривѣ креста не цѣловали, и иными неподобными клятвами не клялися, и матерны бы не лаялися, и отцемъ и матерью скверными рѣчьми другъ друга не упрекалися, и всякими бы неподобными рѣчьми скверными другъ друга не укоряли, и бородѣ бы не брили и не обсѣкали, и усовъ бы непостригали, и къ волхвомъ бы и къ чародѣемъ, и къ звѣздочетцомъ волхвовати не ходили, и у польбы чародѣи небыли. А которые безчинники, забывъ страхъ Божій и царскую заповѣдъ, учнутъ именовъ Божіимъ во лжу клятися, или на кривѣ крестѣ цѣловати, или отцемъ или матерью укорятити, и скверными рѣчьми лаяти или учнутъ бороды брить и обсѣкати или усъ подстригати, и к чародѣемъ и к волхвомъ и к звѣздочетцемъ ходити волхвовати, и къ полямъ чародѣи приводити, и въ томъ на нихъ доведуть и обличени будутъ достовѣрными свидѣтели, и тѣмъ быти отъ царя, великаго князя, въ великой опалѣ по градскимъ закономъ, а отъ святителей имже быти въ духовномъ запрещеніи по священнымъ правиломъ.

XXV.

Выписки изъ статьи «правило съ Богомъ починаемъ св. апостолъ и святыхъ отецъ седми соборъ о епископѣхъ, и о ереохъ, и о мнихохъ, и о людѣхъ мирскихъ заповѣди всякія»¹.

I. Женамъ повелѣваемъ исповѣдаться въ прустѣ церковнѣмъ, и отверзаты имѣти двери внѣшняя соблазны ради. Заповѣдаемъ же и совершеннымъ мнихомъ и дѣвствующимъ яко не прѣимати жены на исповѣди к себѣ, точію иже есть доспѣлъ въ старость цѣломудрену и благочинну, се да наречется къ таковымъ, да не помышленіемъ соблажняется, ибо діаволъ со женами творитъ брань мнихомъ. Егда же хочетъ который любо исповѣдь женску, прежде да утвердитъ себе молитвами и моленми и поа и сіа псазмы: помилуй мя Боже, и Воскликнете Господеви вся земля. И посемъ да прѣиметь исповѣдь которыя любо жены. А ерей аще в старость цѣломудрену доспѣлъ есть и въ разумъ истинный духовный, и аще и еще жену свою имать, и можетъ, се хочетъ, прѣимати нѣкихъ исповѣданіемъ к себѣ... Юнни же іереи еще сущи отнюдь да не смѣютъ прѣяти ни еди-ну душу ко исповѣданію, понеже сѣпонецъ сѣпца водая оба въ ровъ впадетася.

II. Подобаеть исытовати и мужа и жены и мнихи и мнишица и иного каковъ любо будетъ, увѣсть ли число съ колицѣми образы соблюдиъ еси. Аще ли отъ множества не вѣсть, ни по не число, сей есть блудникъ.

III. Суть убо нѣщїи въ христіанѣхъ, иже еретическая дѣла творяще, и егда будетъ по захоженіи солнца не дають ничто же отъ дому своего ни огнь ни сосудъ нѣкихъ, или требованіе нѣкое, внимають же и гласомъ куречымъ и лисицемъ, и сраца глаголюще овы злы и овыже добры и зрѣнію солнца, и лунѣ и звѣздамъ, и званія скотомъ.

IV. Иже аще кто брака гнушается, и женящихся, или жену снѣящую съ мужемъ ея, или спящаго со женою мужа и таковыхъ

¹ Изд. по рукописи Новг. Соф. биб. № 1466, л. 93—187.

гнушается кто, и глаголетъ яко не достойни суть таковыи царства Христова, анаеема глаголющихъ таковая.

V. Аще жена отъ своего мужа убѣгаетъ, ненавиющи мужескаго совокупленія, но хотящи ходити тако, анафема.

VI. Жена аще не погаряется мужу и въ воли его не пребываетъ, якоже апостолъ глаголетъ: мужу глава есть Христосъ, а женѣ глава есть мужъ ея (1 Кор. XI, 3), да еще не послушаетъ се таковая, анафема.

VII. Аще кто родить чада и не хранить, ни питаетъ ихъ, якоже долженъ есть, но хоцетъ оставити ихъ юны и отъити да пострижется, анафема того и иже аще пострижетъ его.

VIII. Всякому родителю подобаетъ сына своего женити егда скончается возрасту еѣ лѣтъ а дочери кѣ лѣтъ, себо есть законъ истинный. Аще же небреженіемъ родители прейдуть лѣта законенная сыну и дщери, и случится единому соблюдити отъ нихъ, то сей грѣхъ на родителехъ есть. Аще ли же дщи не и еще сущи лѣты еѣ, или сынъ не и еще сущи лѣты еѣ аще соблюдитъ едианъ отъ нихъ, то грѣхъ той есть на творящаго и и глѣвъ отъ Господа имать.

IX. Аще кто оставитъ своего родителя стара и немощна суща, а не почитаетъ, ни хранить его, но отъидетъ постригшися безъ повелѣнія своего родителя, той анафема и постригая и

X. Аще жена воздержатися хоцетъ отъ своего мужа на ложи, или мужъ воздержатися отъ своея жены, то подобаетъ имъ совѣщаться и составити совѣтъ о семъ да не единъ отъ нихъ воздержатися хоцетъ, а другій невозможно или не хоцетъ, и начнетъ блудити со мнѣми ходящи, и есть грѣхъ болій на обоихъ сихъ. Лѣпо же есть всякому христіанину, женѣ же и мужу, въ дому два одра имѣти ложема своимъ и нарочно легати въ недѣлю, и на сватыя праздники Господскія и въ великія седмиерицы.

XI. А еже о женахъ боже есть паче искати сихъ питаніемъ (на исповѣди), нежели мужа; dospѣваетъ бо ся въ велика беззаконія еже дѣяти чаровы, и волхвованія и душегубства.... тѣмъ же вопрошати ихъ много паче достоинъ.

XXVI.

Выписки изъ статьи «заповѣди святыхъ отецъ отъ правилъ вкратцѣ противу согрѣшеніемъ всѣмъ православнымъ христіаномъ»¹.

I. Аще жена родивши умирати начнетъ того дни или утрѣ, то омывши ю изнести во инъ храмъ, и дати причастіе да не тако умретъ, да егда оздравѣтъ да потрудится къ Богу постомъ за то по силѣ говѣти.

II. Аще кто поиметь жену безъ вѣнчанія, и аще дѣти будутъ и да внидутъ въ церковь на вѣнчаніе и привить дѣти къ нимъ, тако вѣнчати и дати имъ заповѣдь. А кто не вѣнчается отъ таковыхъ нельзя взяти приноса, ни въ церковь пущати... да нудите ихъ дабы ся вѣнчали.

III. Аще кто пуститъ жену, или жена мужа, таковыхъ со иными не вѣнчайте.

IV. Аще кто поиметь Ѧ-ю, или Ё-ю жену съ такими ни ясти, ни пити, таковой поганъ есть.

V. Аще иконы въ кѣти и крестъ честный мужу съ женою достовѣ быти, не во грѣхъ бо своя жена, а холостымъ съ чужею небыти.

VI. А иніи холостіи явѣ наложницы держать и дѣти имутъ, а иніи тайно блудятъ съ рабами своими.

VII. Аще это ся распускаетъ, а индѣ поимаетъ съ тѣми ни пити, ни ясти, ни дару отъ нихъ непріимати.

VIII. Аще кто запоитъ друга нужею, постятся оба семь дней. Аще зануженый изблюетъ опитемія ѿ дней.

IX. Аще кто возметъ маду хотя за кого постится и молитися, толико же и за себя молитися, а еже взявъ раздати убогимъ

X. Аще кто на востокъ или на западъ мочится поста восемь дней, а поклоновъ по тридцати на день.

¹ Надається по рукописи Сов. биб. № 1466, л. 191—221.

XI. Въ кощунахъ хвативши мужа за лоно, или жену поста три недѣли, а поклоновъ по ста на день; разсмѣявшійся до слезъ, или мигнувши съ похотію поста двѣ недѣли.

XII. Аще рукою тыкнувши въ лоно женѣ, или ногою, или сквозѣ платно блудъ сотворивши, или піяной, или сонной, поста три недѣли, а поклоновъ по ста.

XIII. Поэртѣше на чужей ерамъ тай, или въ бани, поста день до вечера, а поклоновъ по тридцати на день.

XXVII.

Посланіе Максима Грека къ Іоанну Васильевичу о брадобритіи ¹.

Максима инока, святогорца, посланіе къ самодержавному царю Ивану Васильевичу о еже не брати брады. Списано изъ книги Сергіева монастыря.

Благовѣрному царю и самодержцу всея Русіи, государю и великому князю Ивану Васильевичу ниско много челомъ. Ни едино дѣло премудрости Божіа суетно естъ, реклъ естъ нѣкій отъ древнихъ богомудрыхъ мужъ, и богодухновенный царь и пророкъ Давидъ дивуется преухищреннымъ, укращеніемъ содѣлства Вышняго вопіеть глаголя: кождь возвеличишася, дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси. Многимъ убо сущимъ совершающимъ тѣло наше удовомъ нашимъ. Овы убо сяхъ на нужнѣйшу потребу нашу умышлены премудрымъ Содѣтелемъ: якоже ноги убо ко еже двигаться намъ, идѣже

¹ Издаётся по рукоп. Новгор. Соф. биб. XVII—XVIII в. № 1427, въ листъ л. 534—537, сравнено со всеми другими ниже указываемыми списками посланія. Посланіе Максима Грека къ Іоанну Васильевичу о брадобритіи встрѣчается въ рукописяхъ XVI (Рукоп. Кириллов. биб. № 11, л. 22—27), XVII (Рук. Импер. Пуб. биб. XVII, F. № 38, л. 139—143) и XVIII вѣковъ (Рук. Импер. Пуб. биб. XVII, F. № 11, изъ собр. гр. Толст. отд. IV, № 39, л. 31—35). Оно встрѣчается въ полномъ спискѣ сочиненій Максима Грека (Рук. Импер. Пуб. биб. I, F. № 425, л. 464—467). На авторитетъ посланія Максима о брадобритіи ссылается патріархъ Адрианъ и даже большую часть его приводитъ у себя въ поученіи. (Рукоп. Соф. биб. № 1503, л. 252—253).

еще треба будетъ; руцѣ же во еже дѣлати потребная, очи же, — коеже глядати и разанати срѣтающая и случающаяся намъ, каковаже и елика суть; носъ и ноздри къ разсужденію различнымъ вонямъ и въ дышенію и издышенію животнаго воздуха; овы же во украшеніе и благогѣніе точію лицомъ нашимъ но и къ неиматѣи потребѣ умышлена быша премудрѣйшимъ Содѣтелемъ, якоже брови убо, да яко ко еже отъ нихъ благогѣнію, да и подлежащая имъ очи невредныхъ соблюдаютъ отъ натекающихъ сланныхъ потовъ; рѣсницы же наихуждше созданіе, да тѣ же очи соблюдаютъ нестужаемыми отъ всякаго тончайшаго праха и пуха, якоже многа воздухомъ обносима въ глазахъ лежугъ. Усъ же и брада предобрѣйше умышлена быша премудрѣйшимъ хитрецемъ Богомъ, не точію къ раззнанію женскаго пола и мужскаго, но еще и честновидному благогѣнію лицъ нашихъ. Кто здравъ умомъ сынъ и Богу во всемъ тщася благоугодити возненавидитъ тогда и бритвою изгладити видѣнія своего дарованное ему лице сицево отъ Содѣтеля честнѣеобразное, украшеніе и наипаче слыша Владыки крѣпче Моисеомъ повелѣвающего людемъ израилевымъ: не отсѣчете брады ваша, еже есть не брейте (Лев. XIX, 27), ниже сотворите сисонъ на главахъ вашихъ якоже языцы; аще же прокляти уклоняющіися отъ заповѣдей Божіихъ, якоже слышимъ во священномъ прѣснопѣніи, подъ той же клятвѣ подлежатъ и истребляющіи бритвою брады своя, противящая безъ ума заповѣди Божіи.

Но что къ симъ противящимся глаголютъ непокоривіи и презоривіи латына? Но ветхаго Рима святитель соборнымъ правиломъ своимъ отлучаетъ, глаголютъ, отъ сообщенія вѣрныхъ не брѣющихъ брады. И аще сице есть, якоже сказуютъ, той убо папа и его соборъ повинни суть евангельскому отвѣту, глаголющему явѣ: яже аще разорить едину отъ сихъ меньшихъ заповѣдей и научитъ тако человекъ, наименьшій наречется во царство небесное (Мѣ. V, 19), еже есть во страшномъ всемирномъ второмъ пришествіи неумытнаго Судіи осужденъ будетъ, аки противився евангельстѣи заповѣди. Яко древнее и богоугодное преданіе есть еже брады не брѣти явѣ есть и отъ иныхъ писанныхъ показаній, и наипаче о нихъ же писано есть во второмъ царствіи (глава X), и содѣся при самомъ царѣ Давидѣ. Царь Давидъ послалъ честныхъ мужей ко Анйону, царю Аманитскому, сыну Наасову, утѣшити его скорбѣца о умертвіи отца его. Ихъ же пришедшихъ обезчестилъ Анйонъ, брады ихъ отсѣкъ, и одежды ихъ долги отрѣзавъ до бедръ, послушавъ своихъ бояръ, глаголавшихъ къ нему яко съ лѣстію послалъ ихъ Давидъ, и не по любви и не по

дружбѣ, вѣдати какая крѣпость града и людей есть. Слышавъ же Давидъ дерзнутую на посланники своя досаду и безчестіе велѣтъ имъ въ селѣхъ ихъ жити, дондеже паки брады ихъ отрастутъ, скверну возмѣвъ прибыти себѣ сице соглѣдуетъ имъ сице безобразившимся, толь мерзко мнящеся древнимъ праведнымъ, еже брѣти брады своя Божію заповѣдь соблюдающихъ глаголющую не отсѣчете брады ваша. Вопросаемамы же латына, чего ради брѣются, глаголютъ, яко тщеславіе суетно притворятъ, еже брану пущати. И аще есть отъ тщеславія согрѣшенія избывающе, сего ради бреють брады своя, множае паче подобаше имъ отрѣзати дѣтородныя уды, педагогонъ, афеоронъ¹ скопски, аки разжизающихъ ихъ ко студнымъ блуженіемъ и богомерзкимъ похотемъ, очи же извертѣти, руку же и ногу отсѣкати, евангельски рещи, аки симъ нудимымъ ко всяческимъ лукавымъ дѣланіемъ и похотемъ. Но не уды тѣдесъ нашихъ отсѣщи намъ Спасъ велитъ, но лукавыя похоти душъ нашихъ, сими удесы дѣствуемыхъ. Сице подобаше бѣгати и согрѣшенія тщеславнаго смиренномудренными подвиги противящимся ему, а не бороду брѣти, измѣненіе сущи честнотѣпнаго образа. Елма есть видѣти безъ бородъ тщеславіемъ побѣждаемыхъ лють овыхъ убо о благородіи родителей, иныхъ же о изобиліи многообразнаго разума и премудрости, самого же пресловущаго папу ихъ о одежди огнеобразнѣй различнѣ преукрашаемѣй златомъ и серебромъ и о митріи шапке высоцѣ и тремъ вѣнцы, и многоцѣнными камнями осіяваемъ о невоздержно хвалящася. Гдѣ у него смиренное мудрованіе верховнаго, иже необычное челоукопоклоненіе Корниліево не пріять, но воздвиже его рекъ: востани ибо и самъ челоукъ есмь (Дѣян. X, 26) Чуднѣйши же папа, о бѣщая въ Римъ, аще не поклонимъ будетъ отъ срѣщающихъ его, ничтоже радить ему бѣмыхъ бываемыхъ ихъ отъ палчниковъ своихъ, или въ ланиту приступающихъ къ нему властемъ и княземъ и вельможамъ, но овымъ убо колѣно, овымъ же ногу на цѣлованіе даяти, кое крайнее киченіе и высокоуміа и гордости не превозходитъ и наипаче слыша Владыку Христа Симона убо укоряюща, не давша Ему лобзаніе любовное знаменіе, а блудницу похваляюще, ноги Его пречистыя облобызающе. Суетенъ убо воистинну и безуменъ извѣтъ латынскій, показаша бо ся и безъ бородъ невоздержно тщеславящася яствениѣ убо облачаеми бывають яко гнушающеся сице честное украшеніе, да-

¹ Въ рукои. Импер. Публ. биб. F. XVII, № 11, л. 31—35 слово педагогонъ, афедронъ не находится.

рованное отъ Создателя, брѣхъ есть. И яко не точію словесному естеству чловѣковъ, но и еще и безсловесному даровася сицевъ благолѣпный образъ. Услышимъ внятнѣ. Нѣкоего слышалъ есмь повѣдавши мнѣ, а самовидѣцъ не бывалъ, яко играюще нѣщѣ отсѣкоша брану нѣкоего козла, добродородна бо зѣло, и той не стерпѣвъ досады сицевы, самаго себе убилъ до смерти, бѣя безъ милости главу свою къ земли. Уразумѣмъ коль честно и любезно есть бородажное украшеніе и безсловесному животну. Азъ же словесенъ сый гнушахуся ея: оле стыда и безумія моего! Но и сіе убо сицево. Услышимъ же и ино дивно. Воевода нѣкій славецъ грекъ, именемъ Мина, ѣздя еже съ нимъ воинствомъ по брегомъ, Ниловымъ, явившася ему посреда Нила два животна чловѣкообразна, по ряду стояща: прекрасна взоромъ, ихъ же едино предоброю брадою преукрасися, мужъ сый бысть, а другое женскою добротою преукрашено зѣло, ихъ же добротъ удивляяся на долго Мина заклалъ ихъ Содѣтелемъ ихъ не погрузитися въ водѣ, дондеже все воинство узритъ ихъ. Да разумѣмъ убо мы не смысленнѣе коль неизчестна есть благодать, яже о насъ Содѣтеля нашего, яко не точію заповѣдію своею, но и показаніемъ бесловесныхъ животныхъ наказуетъ насъ честнолѣпно жителъствовати благочестивымъ сущимъ, а не якоже языки невѣрныя, и да ся исправимъ послушающе глаголющаго Тайноглагольника: аще духомъ живемъ, духомъ да ходимъ, еже есть христіанолѣпными обычаями и преданіями да украшаемъ житіе наше, о Христъ Ісусъ Господь нашъ, Тому слава во вся вѣки, аминь.

XXVIII.

Поученіе митрополита Макарія противъ разговаривающихъ въ церкви.

Макарія митрополита всея Руси ¹.

Аще кто съ земнымъ царемъ бесѣдуетъ, то со страхомъ и трепетомъ предстоитъ, и всѣмъ сердцемъ и умомъ внимлетъ отъ царя глаголемая, и не смѣетъ зрѣти сѣмо и овамо. Аще ли оставя царя,

¹ Поученіе издается по двумъ, совершенно тождественнымъ между собою рукописнымъ, спискамъ. Рукоп. Собр. биб. Кириллобѣлозерск. монастыря № 105/118, л. 80—83 и № 103/118, л. 41—2.

учиеть клеветомъ своимъ бесѣдовати, наково негодование, но и отъ лица царева изгнанъ будетъ таковой. Коль же паче всѣмъ православнымъ во святыхъ церквахъ на божественномъ и на всякомъ пѣніи, паче же на литургіяхъ святыхъ, предстояти ничтоже земнаго помышляюще, якоже писаніе глаголетъ: всякъ правовѣрный со вниманіемъ сердечнымъ и со страхомъ Божиимъ моляйся, таковой съ Богомъ бесѣдуетъ. Аще ли то во святыхъ церквахъ, оставя молитву, учиеть зъ други своими о тѣнныхъ и мимотекущихъ бесѣдовати, то отъ Бога како услышанъ будетъ таковой? Возможно ли человѣку зрѣти единымъ окомъ на небо, а другимъ на землю? Аще раби предъ господиномъ два или три или мнози разные вопросы творять вдругъ, како можетъ господинъ ихъ послушати, аще не по единому ихъ отвѣтъ сотворить? То такоже во святыхъ церквахъ и въ домѣхъ всѣмъ православнымъ христіаномъ едиными усты и единымъ сердцемъ Бога славити во услышаніе и въ разумъ себѣ, уши бы слышали и сердце разумѣло. Отъ разумнаго бо и благочиннаго пѣнія приходитъ всякому человѣку умиленіе въ душу и страхъ Божій въ сердце, и умиленное покаяніе и слезы, и всѣмъ умомъ къ Богу вопіюще, и слыша Господь общая и согласная вкупѣ моленія даруетъ благодать и милость рабомъ своимъ. И того ради подобаетъ пѣти и чести и во святыхъ церквахъ со страхомъ и съ трепетомъ предстояти не токмо священнымъ, но и всѣмъ православнымъ христіаномъ.

XXIX.

Поученіе о глаголющихъ и смѣющихся въ церкви¹.

О великое Божіе милосердіе, како не снидеть огнь съ небеси и не пожретъ вся глаголющая въ церкви! Братіе не бойтеса смерти,

¹ Поученіе дается по рукописи Импер. Пуб. биб. О. XVII, № 10, л. 213, XVII вѣка. Это поученіе хотя и находится въ рукописномъ спискѣ XVII вѣка, но по времени своего происхожденія относится къ XVI вѣку, и, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, скорѣе всего къ его половинѣ. Въ поученіи напрямѣръ поведеніе русскихъ въ церкви во время богослуженія описывается въ такихъ же чертахъ, въ какихъ оно описывается и въ стоглавѣ. Въ настоящемъ поученіи говорится: мы нестоимъ приходимъ (въ церковь) аки на торжище и на позорище

бойтеся грѣха. Смерть страшить, а грѣхъ во вѣки мучить. Внимайте убо себѣ, братіе, преже во всемъ страхъ, и попецемся душами своими, како бы намъ угодити Вышнему царю Христу Богу нашему. Господь бо насъ зоветъ въ царство небесное, а мы совращаемся съ пути праваго и идемъ во дно ада. Братіе, добро есть ко святей Божіи церкви приходити и молитися Господу и Пречистой Богоматери христіанской Заступниці, и великому пророку Іоанну Предтечи, и небеснымъ силамъ, и апостоламъ, и пророкомъ, и мученикомъ и всѣмъ святымъ о своемъ согрѣшеніи, слушати святыхъ пѣнія и почитанія божественныхъ книгъ со благоговѣніемъ, и со страхомъ Божиимъ, и со умиленіемъ душевнымъ имѣти въ сердци своемъ страхъ и трепеть. Церковь бо нарицается земное небо, мы же неистовѣи приходимъ аки на торжище и на позорище съ гордостію и величаніемъ, и покланяемся образу Владыки Господа нашего Ісуса Христа покровенными главами, а нинѣ подпирающеся жезлы, а нинѣ приходятъ разволочася ризъ безобразно. Можемъ ли тако разволочася и покровенною главою и земному царю пришедъ поклонитися? И мы земнаго царя боимся, а Бога не боимся, кто сотвори небо, и землю, и вся яже на ней. Апостолъ нишетъ: Бога бойтеся, а царя чтите, слуга бо есть Божій (1 Петр. II, 17). И аще бы тако боялися Небеснаго Царя, и заповѣди Его хранили, якоже земнаго, то вси бы чловѣцы святы были. Велика бѣда и тяжекъ грѣхъ бываетъ въ церкви—плить, смѣхъ, говоръ бездѣленъ. Еще же и о семъ речемъ, и нинѣ чловѣцы не крестятъ лицъ своихъ, входятъ въ церковь, а нинѣ не право крестятся,

съ гордостію и величаніемъ и покланяемся образу Владыки Господа нашего Ісуса Христа покровенными главами а нинѣ подпирающеся жезлы, а нинѣ приходятъ разволочася ризъ безобразно». Въ стоглавѣ косательно тог же самага предмета читаемъ: «безстрашіе вошло въ люди, въ церквахъ Божіихъ стоятъ безъ страха, и въ тафяхъ, и въ шапкахъ, и съ посохи якоже на торжищи или на позорищи... и говоръ и ропотъ, и всяко прекословіе и бесѣды, и страдные словеса». Стоглавъ, изд. Казанской Акад., 65. Что же касается словъ наводившихся въ издаваемомъ поученіи и отнесшихся къ крестному знаменію, то они почти буквально взяты изъ Стоглава. Стоглавъ, казан. изд. 132—133, 136. Обычай являлся въ церковь съ покрытою головою, въ тафяхъ или въ шапкахъ никогда ни прежде ни послѣ не былъ такъ распространенъ въ Россіи какъ въ половинѣ XVI вѣка въ царствованіе Іоанна Грознаго. Противъ этого обычая писали: преп. Максимъ Грекъ (Сочин. част. II, 382—383), митрополитъ Макарій. Извѣстно жъ. Макарія правило о тафяхъ (Рукоп. Кириллов. биб. № 1/111, л. 428 Снес. Стоглавъ, Казан. изд. 139), вошедшее и въ Стоглавъ.

махаютъ руками и не вѣсть что, и тому ихъ невѣжестію бѣси радуются. Подобаетъ намъ братіе къ церкви приходити якоже Петръ, Іоаннъ.....¹ ко гробу Господню, а креститися такъ: прежде положить руку на чело главы своея, та же на перси, по семь на правое рамо, такоже и на лѣвое, то есть истинное крестное знаменіе не можетъ къ тому человѣку прикоснутися ни діаволъ, ни золь человѣкъ.

Горе вамъ пастыри, ослабляютъ и не учатъ дѣтей духовныхъ. Рече бо пророкъ: яко млеко и мясо овецъ Моихъ поядосте, и неупасосте ихъ, и заблужшія не взыскасте, и сокрушенныя не излѣисте. Не слышите ли гласа ко Іезекілю глаголюща: сыне человѣчъ, стража дахъ ты дому израилеву, слыши бо отъ Мене слово и запретиши имъ; праведный да не отпадетъ отъ правды своея, грѣшныи да обратятся отъ беззаконія своего, животомъ живъ будетъ, и душу отъ смерти избавить. Аще ли же не послушаютъ тебе, сами бо во грѣсе да умрутъ, аще ли же не запретиши имъ, кровь ихъ отъ руки твоея взыщу (Іезекіиль, XXXIV, 1—4; XXXIII, 7—9). Слышасте пастыріе страшный отвѣтъ гласу рекшаго яко за едину душу человѣчу страшное томленіе будетъ вамъ въ день великаго суда Божія. Васъ же что нареку не пастыря, ниже наемника, но губителя своимъ душамъ и человѣческимъ. Наемникъ бо видитъ волка грядуща, оставляетъ овцы и бѣгаетъ, сей же себе пасетъ; вы же никимъ же гоними побѣгосте и не убѣжасте не овца едины, но и церковь Божию оставиша ратуему и обидиму.

Горе же и людемъ, иже не послушаютъ отецъ своихъ духовныхъ. Господь даетъ имъ власть надъ человѣки духовне вязати и рѣшати, апостолъ (нужно читать—Господь) рече: аще свяжете на земли, связана будетъ на небесѣхъ, аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшена на небесѣхъ (Мѡ. XVI, 19). Помянемъ братіе смертный часъ како быти согнитію телеси и разрушенію костемъ, якоже нази родихомся, нази отъидемъ, токмо возьмемъ едину срачицу и саванъ. Слава и богатство вся минетца.

Братіе приходите ко церкви, кайтесь грѣховъ своихъ, храняще чистоту, творяще милостыню и любовь ко всѣмъ не лицемерну.

¹ Слово, пропущенное здѣсь, не прочитано въ рукописи. Судя по смыслу это слово должно прочитывать: текии.

Уже страшный судъ спѣетъ, престоли готовятся, судія праведный грядетъ судити живымъ и мертвымъ и воздати комуждо по дѣломъ его. Тогда праведницы просвѣтятся аки свѣтъ, а грѣшники помрачатся аки тма, и отсылаемы будутъ грѣшники въ различныя вѣчныя муки, а праведницы во царство небесное и безконечное въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

ДОПОЛНЕНИЯ.

Къ стр. 12, къ прим. 1-му.

А вотъ подобный примѣръ. По поводу словъ, поемыхъ на литургии: «да исполнятся уста наша пѣнія Твоего, Господи» одинъ древній книжникъ замѣчаетъ, что «нынѣ же не по писанію глаголють, развратиша и не вѣдуще силы, другъ отъ друга навывше глаголють той тако, а инъ инако: да исполнятся уста наша пѣнія Твоего и похвалы. Рукоп. Соф. биб. № 1466, л. 32.

Къ 25 стр.

Въ одномъ рукописномъ источникѣ о Нилѣ Сорскомъ говорится слѣдующее: «глаголють же нѣщии о преподобномъ Нилѣ Сорскомъ, бѣ родомъ отъ великаго града Москвы, скорописецъ рекше подъячей, постриженъ во иночество». Рукоп. Кириллов. биб. № ¹³²/₁₁₈₈ л. 1.

Къ 32 стр. прим. 3.

Интересною характеристикой внутреннего быта Ниловой пустыни можетъ служить находящееся до сихъ поръ только въ рукописяхъ «преданіе уставомъ иже на вѣтшней странѣ пребывающимъ инокомъ, рекшей скитскаго житія правило о келейномъ трезвѣніи и каждодневномъ пѣтіи, еже мы пріяхомъ отъ отецъ нашихъ». Сюда какъ составная часть входитъ и церковный уставъ Ниловой пустыни. Въ началѣ преданія прямо заявляется, что «сія отъ отца нашего (т.-е. препод. Нила) пріяхомъ держати въ нашемъ пребываніи». Рукоп. Кириллов. библ. № ⁸³/₁₁₈₈ л. 194—204 и № ¹¹³/₁₁₈₈ л. 22. Это преданіе есть въ рукописяхъ бібліотеки митрополита Московскаго Макарія (Исторія Русской церкви т. VII, 80) и въ рукописяхъ Москов. Синод. библ. Горскій и Невоструевъ. Описаніе Рукоп. Синод. библ. отд. II, кн. 3, 730—732.

Къ стр. 68—69 къ примѣчанію.

Посланіе Іосифа Волоцкаго къ великому князю Василию Іоанновичу и отвѣтъ на него со стороны Кириллоблзовскихъ старцевъ находятся также въ рукописи Кирилл. мон. № 234/122, Обиходникъ въ 16 д. л. 200—206.

Къ стр. 73.

Вассіану Косому или одному изъ его продолжателей слѣдуетъ приписать нижеуказываемыя двѣ статьи, читанныя мною въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ Кириллоблзовскаго монастыря. Первая статья озаглавляется такъ: «о тщеславіи юннихъ, творящихъ новоканоны и житія святыхъ». Рукоп. Кирилл. библ. № 21/122, л. 15—22.

Авторъ статьи вооружается здѣсь противъ тѣхъ иноковъ, которые «тщатся земныя ради славы и имени именуемаго отъ первоначальствующихъ предъ всѣми и слагаютъ каноны и житія Богу не у еще прославльшу ихъ». Въ заключеніе авторъ наставляетъ: «не пишите новотворныхъ каноновъ и житія человѣческая особа по домоу, и въ монастырехъ по кельямъ младоумніи отъ своего замышленія безъ церковнаго благословенія».

Очень можетъ быть, что здѣсь Вассіанъ имѣетъ въ виду учениковъ препод. Іосифа Волоцкаго, еще при жизни его почитавшихъ его за святаго. Извѣстно, что вскорѣ послѣ смерти Іосифа появилось нѣсколько редакцій его житій и даже церковная служба, составленная волоколамскимъ инокомъ Фотіемъ, умершимъ въ 1554 году. Рукоп. Синод. библ. № 927, л. 159—172.

Вторая статья, находящаяся въ томъ же сборникѣ, (л. 107—121) озаглавляется: «повѣсть зѣло полезна отца Нила, истолкованія св. изображенія православныя нашея вѣры, еже есть вѣрую во единого Бога». Заглавіе не вполнѣ точное. Все содержаніе этой статьи направлено противъ обрядоваго исполненія иноками церковнаго богослуженія. Изъ этой статьи видно, что нѣкоторые иноки «въ часъ пѣнія возвышаютъ гласъ свой, яко волове, съ воплемъ и гласомъ крѣпкимъ поюще и чтуще», что нѣкоторые изъ нихъ «притворяютъ себѣ священничество» и под. Во многихъ мѣстахъ эта статья буквально сходна съ полемическими сочиненіями Вассіана Коезго. Сравни. Прав. Собесѣдникъ 1863 г. ч. III. Къ сожалѣнію я не могъ подробнѣе остановиться на разсматриваемой статьѣ, потому что тотъ самый рукописный сборникъ, въ которомъ она находится, былъ временно высланъ въ Москву къ г. Тихонравову.

Къ 80 стр.

О порчѣ монахами книгъ для своихъ личныхъ цѣлей писалъ и послѣдователь Вассіана Косаго извѣстный князь А. Курбскій. Его посланіе старцу въ Печерскій монастырь. Бѣляевъ. Наказные списки Стоглава. Москва 1863 г. 50.

Къ 101 стр.

И другіе писатели XVI в. высказывали горькія жалобы на слабость современныхъ пастырей церкви. «Пастыріе умоклоша страха ради, пишетъ одинъ изъ нихъ, еже не отпаднути своея тщетныя славы, или отъ своихъ дѣлъ обличаемы». Поученіе неизвѣстнаго по имени писателя XVI в. въ рукоп. Новгор. Соф. библиот. № 1444, л. 437.

Къ стр. 118—119.

Для того, чтобы поддерживать общій духъ иноковъ въ одномъ данномъ уже преп. Іосифомъ направленіи многіе преемники его по игуменству считали своимъ долгомъ оставлять послѣ себя духовныя грамоты, въ которыхъ они, по примѣру самого основателя Волоколамскаго монастыря, заповѣдывали его инокамъ свято чтить монастырскія преданія преп. Іосифа. Примѣръ см. духовную грамоту неизвѣстнаго по имени настоятеля Іосифова монастыря къ послѣдующему по немъ настоятелю и братіи. Рукоп. Моск. Дух. Акад. № ¹⁰/₁₁₁. Волоч. л. 73. См. духовную грамоту Евсеімія, игумена Волоколамскаго Іосифова монастыря, рукоп. Москов. Дух. Акад. № ¹²/₁₁₁, л. 77—96.

Къ стр. 140.

Между современниками находились также и защитники незаконнаго брака великаго князя. Особенною восторженною похвалою второму браку Василя Іоанновича и рожденію отъ него наслѣдника престола въ лицѣ Іоанна Васильевича отличается похвальное слово великому князю Василю Іоанновичу. Скорѣе всего оно написано кѣмъ, либо изъ лицъ, занимавшихъ официальное положеніе при дворѣ вел. князя. Рукоп. Импер. Публ. библ. XVII, ф. № 13. Изъ собр. граф. Толстаго отд. 1, № 33, л. 1—14. Сн. Рукоп. Кириллобѣлозер. монастыря № ¹¹¹/₁₁₁₀, въ 8 д. л. 224.

Къ 147 стр.

Это число вышедшихъ изъ Волоколамскаго монастыря іерарховъ покажется еще болѣе удивительнымъ, если мы припомнимъ то обсто-

ительство, что число русских епархій было въ то время очень ограничено: оно не простиралось далѣе десяти епархій.

Къ стр. 152.

Къ Максиму Греку весьма многіе обращались за разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ догматическаго, нравственнаго или обрядоваго характера. Примѣромъ тому можетъ служить кромѣ извѣстныхъ печатныхъ его произведеній и до сихъ поръ находящееся въ рукописи «Максима Грека сказаніе тріехъ взысканій ѣдкихъ нужныхъ всякому рачителю книжному», посланіе Максима Грека къ какому-то благородному лицу. Здѣсь напр. Максимомъ разрѣшается вопросъ о томъ, получаютъ ли вѣчное блаженство воины благочестивые, убиваемые въ бою отъ нечестивыхъ языкъ? Рукоп. Новгород. Соф. биб. № 1449, въ 4 д. XVII в. л. 432—440.

Къ стр. 153, къ прим. 1.

Списокъ съ собранія нѣкогого старца на воспоминаніе своего общанія объ отверженіи міра имѣется еще въ рукоп. Соф. библ. № 1157. Здѣсь собраніе помѣщено предъ сочиненіями препод. Нила Сорскаго.

Къ 153 стр.

Кромѣ указанія Вассіану нѣкоторыхъ частныхъ мыслей и разъясненія отдѣльныхъ вопросовъ Максимъ Грекъ указалъ на общіе логическіе законы достовѣрности того или другаго произведенія въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ, изъ коихъ нѣкоторые не теряютъ своего значенія даже и въ настоящее время. Того же Максима Грека: подобаетъ вѣдати яко писаніе тремъ ѣдкими свойство изряднѣ достовѣрное твердое имать.

I. Аще убо отъ благовѣрнаго и соборнѣй церкви знаема и знаменитаго писателя сложено бысть.

II. Второе, аще по всему согласуетъ, якоже предречеса, апостольскимъ догматомъ и преданіямъ.

III. Третіе, аще то само къ себе по всему согласуетъ, а нигдѣ же разликуетъ. Посмотримъ убо, аще списаніе сіе твердо есть по всему тремъ своимъ свойствамъ, или ни. Рукоп. Новгород. Соф. библ. № 1525, XVII в., л. 75—76.

Къ 155 стр.

Ко времени появленія Максима Грека въ Москвѣ умы общественныхъ дѣятелей заняты были монастырскимъ вопросомъ. Этимъ вопро-

сомъ много интересовался и самъ великій князь, и скорѣе всего по этому самому «онъ вопросы его множицею о пребываніи и устроеніи сущихъ во святѣй горѣ честныхъ обителей». Сочиненіе Максима Грека: «изложеніе отчасти пребыванія и чина сущихъ во святѣй горѣ святѣйшихъ монастырей общихъ и глаголемыхъ особныхъ». Рукоп. Кирилл. биб. № 131/1288, л. 172—224.

Къ 159 стр.

Кромѣ перевода толковой псалтири Максимъ Грекъ въ 1552 (7030) году, живя въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, по просьбѣ одного инока Нила Курятева, сдѣлалъ переводъ на современный русскій языкъ самаго текста псалмовъ Давидовыхъ. Переводъ этотъ сдѣланъ «по тонку» и безъ украшенія. Въ рукописномъ сказаніи, откуда я черпаю сообщаемыя здѣсь историческія свѣдѣнія, находится интересная жалоба названнаго выше инока Нила на то, что прежде существовавшій переводъ псалтири, сдѣланный м. Кипріаномъ, неудовлетворителенъ: «Кипріанъ по-гречески гораздо не разумѣлъ, и нашего языка довольно не зналъ же, и все писалъ по-сербски и еще большее неразуміе написалъ». Далѣе Нилъ трактуетъ о разностяхъ, существующихъ между русскимъ и сербскимъ языкомъ. Рукоп. Новгор. Соф. библ. № 1525, л. 81—88.

Къ 189 стр.

За большой отпустъ, употреблявшійся въ Троицкую вечерню и исправленный во времена патріаршества, стояли вносѣдствіи также и раскольники. Сырцовъ. Возмущеніе Соловецкаго монастыря. Прав. Соб. 1781 г. февр. 190.

Къ стр. 192.

Для характеристики душевнаго состоянія Максима Грека во время его заключенія въ Тверскомъ Отрочѣ монастырѣ можетъ служить его собственное сочиненіе «сія словеса сотворилъ есть инокъ въ темницѣ затворенъ и скорбя, нмже себе утѣшае и утвержае въ терпѣніи въ 7040 (1532) году». Въ немъ страдалецъ между прочимъ пишетъ: «не тужи, ни скорби, ниже тоскуй о нихъ же, любезная ми есть душе, отъ нихъ же наипаче подобаше ти благая пріяти, о нихъ же ихъ духовнѣ пользовала еси, предложивши имъ трапезу, Духа Свята исполнену, сирѣчь опетворное сказаніе богодухновеннаго пѣснопѣнія Давидова, преведши е отъ бестды еллинскія на бестду шумящаго вѣщанія русскаго, и иныя многія книги душеполезныя, овѣхъ убо

преведши, овѣхъ же премного имущихъ ложное чужихъ словесъ красотою истины утвердивши, но паче благодарствуй Твоему Владыцѣ, и хвали и славя Его благоразумно, о нихъ же сподобилъ ты есть въ нынѣшнемъ житіи малыми привременными скорбми отдати съ лихвою весь долгъ-много талантъ, ими же должна была еси... Рукоп. Импер. Публ. библ. I, F, № 425, л. 463. 259—260.

Къ 232—233 стр.

Монастырскій вопросъ занималъ русское общество очень долгое время и послѣ митр. Даниїла. Объ этомъ можно судить на основаніи слѣдующаго литературнаго памятника, относящагося или къ концу XVI в. или къ началу XVII в. Это—«поученіе объ общемъ житіи иноческаго сущаго чина спасительнаго пребыванія св. отецъ, и о самочинномъ—о сваробичкомъ и худомъ житіи иноческомъ сирѣчь о особномъ своевольномъ житіишки, и о скитскомъ, и о пустынномъ добромъ житіи». Здѣсь находятся любопытныя указанія на распущенность монашества. Рук. Соф. библ. № 1445, л. 351—356.

Къ 363 стр.

Архіепископъ Геннадій вооружался противъ убѣжденія въ селѣмтысячное существованіе міра и вѣры въ его кончину по истеченіи этого періода времени въ своей грамотѣ о пасхалии. Здѣсь онъ проводитъ ту общую мысль, что «что скончаніе міру будетъ безвѣстно». Рукоп. библ. С-Пбургской Духовной Академіи, изъ собственнаго академическаго собранія № 430, л. 94—98.

Къ 363 стр.

Существуетъ особое слово Григорія Цамблака (не изданное) о близости кончины міра. Описаніе рукописей Соловецкой библ. 650—651. Приложение къ Правосл. Собесѣднику 1881 г. Февраль.

Къ стр. 366.

Въ очень любопытномъ «поученіи епископи къ іереомъ» находится свидѣтельство о томъ, что весьма много въ русскомъ обществѣ того времени насчитывалось такихъ, которые смѣялись надъ неосуществившимся ожиданіемъ православныхъ о близкой кончинѣ міра. Рукоп. Соф. библ. № 1454, л. 16—21.

Къ 369 стр.

Авторъ Домостроя упоминаетъ «звѣздочетье, рафли, альманахи и др.». Домострой, Москва, 1849. 38. Отъ XVI в. сохранилось «поу-

ченіе къ вѣрующимъ отъ прелестнаго разума въ роженіе мѣсяца, и въ наполненіе, и въ ветохъ, и въ преходя звѣзды и въ злые дни и часы». Лѣтописи русской литературы и древности изд. Тихонравовымъ т. V, отд. III, 100. О значеніи рода и рожаницъ. Архивъ историкоюридическихъ свѣдѣній о Россіи кн. II, пол. I, 100—130.

Къ 373 стр.

Кромѣ указанныхъ въ своемъ мѣстѣ словъ Максима противъ астрологіи извѣстно его слово «противу тицащихся звѣздозрѣніемъ предрицати о будущихъ, въ немъ же и о туркахъ». Рукон. Импер. Публ. библ. F. XVII. № 17. Изъ собран. граф. Толст. отд. I, № 198, л. 255—260.

Къ стр. 430, къ прим. 7.

Часть того цитата, которой не находится соответствующаго мѣста въ учительномъ евангеліи, хотя по сборнику митр. Даніила весь цитатъ въ цѣломъ своемъ видѣ и представляется по видимому заимствованнымъ оттуда, судя по одному сборнику, составленному изъ словъ Даніиловскаго сборника, взята изъ «Зеркала» (вѣроятно все изъ Диоптры инока Филиппа). Въ сборникѣ, составленномъ изъ словъ Даніила, одна указанная часть цитата, буквально тождественная съ чтеніемъ третьяго слова м. Даніила, имѣетъ предъ собою указаніе, что она «взята отъ зеркала». Въ списокъ сборника м. Даніила, которымъ я пользовался, предъ этою самою частью цитата нѣтъ никакого указанія на источникъ заимствованія, но за то предъ нею оставленъ нѣкоторый пробѣлъ, можетъ быть, допущенный писцомъ намеренно для внесенія въ послѣдующее время неразобранаго при процессѣ послѣдовательной переписки. Ср. Рук. Моск. Дух. Ак. № 197, л. 73 и Рук. Соф. библ. № 1452, л. 44.

Къ стр. 442, къ прим. 2.

Еще въ XIV в. начинается появляться въ русскихъ кормчихъ статья о двуперстіи съ проклятіемъ на не соблюдающихъ сего обряда. И. Бѣляевъ. Наказные списки соборнаго уложенія 1551 г. или Стоглава. Москва, 1863 г. Снес. Макарій. Исторія Русской церкви т. VII, 464. См. въ концѣ книги въ отдѣлѣ опечатокъ.

Къ 483 стр., къ прим. 4.

Въ одномъ рукописномъ потребникѣ встрѣчается вопросъ о томъ, гдѣ нужно отпѣвать женщинъ, умершихъ вскорѣ послѣ родовъ и

замѣчательно, отвѣтъ дается тотъ, что такихъ женщинъ слѣдуетъ отпѣвать внѣ церкви, въ притворѣ. Рук. Соф. библ. № 1096, л. 287.

Къ 496 стр.

Подобно 12 и 13 словамъ митрополита Данила въ сборникахъ XVI в. встрѣчаются трактаты напримѣръ, на такого рода вопросы: «аще кто жену имый и чада и богатство, и о житейскихъ вещехъ пекийся тако ти можетъ угодити Богу и съхранити заповѣдь»? Или другой вопросъ: «аще кто будетъ старъ и немощенъ, и онемогася, и не можетъ чернецъ быти, или чернеческихъ творити, но тако той можетъ покаяться»? Рук. Кирилл. библ. № $\frac{2}{1011}$, л. 159—164. 78.

Къ стр. 538 къ прим. 2.

О содомствѣ одинъ писатель XVI вѣка говоритъ: «пріими, Христова церковь, нынѣ Рахилинъ плачъ, возопи къ Богу о чадѣхъ своихъ не въ Рамѣ Палестинстей, но въ рустей земли, не о тѣхъ токмо иже отъ тебе святымъ крещеніемъ пороженіи, но о тѣхъ паче иже въ чревѣ матерей своихъ не быша, не отъ Ирода, но отъ своихъ отецъ убіеныхъ и дьяволомъ пожренныхъ». Рук. Соф. биб. № 1444, л. 430—439.

Къ стр. 554.

Русскіе книжники еще въ XIV в. и даже ранѣе оставили свидетельства объ особенной любви русскаго народа къ уличнымъ зрѣлищамъ. Въ «словѣ, истолкованномъ мудростью», находящемся въ извѣстномъ Паисіевскомъ сборникѣ, авторъ его жалуется на то, что многіе его современники живутъ «не слушая божественныхъ словесъ, но аще плясци или гудци, или инъ кто хитрецъ позоветъ на игрище, то вси тамо текутъ радуясь». Рук. Кирилл. библиот. № $\frac{4}{1011}$, л. 57. Буслаевъ. Истор. хрестоматія церковно-славян. и древнерус. языка Москва 1861. 529—530.

СОДЕРЖАНІЕ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ОБЗОРЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДМЕТА.

Введеніе.

	Страница.
Предметъ и задача изслѣдованія.....	I — XIV

Часть I.

Жизнь и дѣятельность м. Данила.

Отдѣлъ I.

Исторія направленій Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго
до эпохи м. Данила.

ГЛАВА I.

Характеристика направленій Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго.

Упадокъ просвѣщенія. Религіозно-практическій характеръ просвѣщенія. Вліяніе древне-русскаго просвѣщенія на характеръ древней письменности, выразившееся въ слабости самобытнаго творчества въ сочиненіяхъ и въ распространеніи въ послѣднихъ апокрифическихъ и подложныхъ произведеній.

1—12

Іосифъ Волоцкій, какъ замѣчательный представитель древне-русскаго просвѣщенія. Происхожденіе и воспитаніе Іосифа. Взглядъ Іосифа на просвѣщеніе. Отраженіе его въ частныхъ догматическихъ и нравственныхъ позрѣніяхъ Іосифа. Ограниченіе сферы умственной дѣятельности человека установившеюся областью божественныхъ инсигній. Консервативно-формальное направленіе Іосифа.

13—24

Нилъ Сорскій и его школа. Начало критицизма въ воззрѣніяхъ Нила. Ученіе Евангелія, какъ исходный пунктъ всего его міровоз-

зрѣнія. Последовательность проведенія его во всѣхъ частныхъ взглядахъ системы Нила. Духъ свободы, проходящій чрезъ всѣ воззрѣнія Нила.	25—37
---	-------

ГЛАВА II.

Борьба между двумя направленіями до эпохи м. Данила.

Ересь жидовствующихъ: условія ея происхожденія, содержаніе ученія и внѣшняя исторія. Взглядъ Іосифа Волоцкаго на отношеніе къ еретикамъ. Источники религіозной нетерпимости Іосифа и Геннадія. Противоположный взглядъ на еретиковъ волоцкихъ старцевъ. Вассіанъ Косой. Его характеристика. Поводъ и начало литературной полемики между Іосифомъ Волоцкимъ и Заволжцами. Три обмѣна полемическихъ посланій. Полемика по еретическому вопросу у учениковъ Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго.	38—76
---	-------

Полемика между Іосифомъ Волоцкимъ и Вассіаномъ Косымъ по вопросу объ отобраніи монастырскихъ имуществъ. Разсужденіе Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами. «Отвѣщаніе любозаборнымъ», какъ отвѣтъ на него Іосифа. Два посланія и трактатъ Іосифа о неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Первое слово Вассіана противъ Іосифа. Взаимный обмѣнъ полемическими сочиненіями. Последнія дѣйствія Вассіана и Іосифа по вопросу о монастырскихъ имуществѣ.	76—88
--	-------

Разногласія между Іосифомъ Волоцкимъ и Заволжцами во взглядахъ: на права вдовыхъ священнослужителей, на значеніе церковныхъ украшеній, на церковную и гражданскую власть и на взаимоотношеніе ихъ между собою и наконецъ на права учительства въ церкви. Взаимное раздраженіе и личные счеты въ полемикѣ Іосифа и Вассіана.	88—106
Итоги обозрѣнія.	106—110

Отдѣлъ II.

Жизнь и дѣятельность м. Данила.

ГЛАВА I.

Данилъ въ санѣ игумена Волоколамскаго монастыря.

Мѣсто происхожденія. Свидѣтельство Герберштейна о времени рожденія Данила. Правственно-воспитательный характеръ и значеніе монастырскаго устава преп. Іосифа. Умственные и нравственные качества Данила, какъ условія его выбора во игумена. Просвѣтительная дѣятельность Волоколамскаго монастыря во время игуменства Данила. Начало литературной дѣятельности Данила.	110—127
--	---------

ГЛАВА II.

Даниилъ въ санѣ митрополита.

Страница

Избраніе. Черты нравственнаго характера Даниила. Государственная его дѣятельность: его поступокъ съ В. Шемячинымъ, низверженіемъ Сѣверскимъ, разводъ великаго князя. Протестъ Заволжцевъ и перемещение къ митрополиту боярства..... 128—143

Церковно-іерархическая дѣятельность Даниила. Его церковная политика, выражавшаяся въ назначеніи на высшія іерархическія должности людей іосифовскаго направленія..... 143—146

ГЛАВА III.

Борьба м. Даниила съ Заволжцами.

Взаимныя отношенія Вассіана и м. Даниила въ первые годы святительства послѣдняго. Новые полемическіе труды Вассіана: сборникъ правилъ и каноническій трактатъ. Максимъ Грекъ. Его нравственный характеръ и воззрѣнія, близко соприкасавшіяся съ воззрѣніями Заволжцевъ. Причины неудовольствій противъ Максима митрополита Даниила, русской іерархіи, русскаго общества и великаго князя. Привлеченіе Максима къ суду. Соборный судъ надъ Максимомъ 1525 года. Обвиненія: въ книжныхъ исправленіяхъ, въ его полемикѣ противъ вотчинныхъ правъ монастырей, въ непризнаніи канонической самостоятельности русской церкви, въ еретическомъ ученіи о мнущемъ сидѣніи І. Христа одесную Бога Отца по вознесеніи Его на небо. Осужденіе Максима и заточеніе его въ Волоколамскомъ монастырѣ. 147—181

Новыя ошибки въ переводахъ Максима: Метафрастово житіе Божіей Матери съ еретическою строкою. Поведеніе Максима въ Волоколамскомъ монастырѣ. Связь Максима съ турецкимъ посломъ, какъ ближайшій поводъ къ новому суду. Соборъ 1531 года противъ Максима. Обвинительные пункты и образъ дѣйствій Максима на соборѣ. Новое заточеніе Максима и строгое осужденіе его сотрудниковъ. 181—195

Шаткость положенія Вассіана послѣ паденія Максима Грека. Соборный судъ надъ Вассіаномъ 1531 года. Первые пункты обвиненія, группирующіеся около коричей Вассіана. Ея полемическій характеръ, затрогивавшій вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ. Вѣгладъ на нее Даниила. Вопросъ о правѣ, данномъ Вассіану на написаніе нормчѣй. Постановка на соборѣ вопроса о монастырскихъ имуществѣхъ. Защита митрополитомъ землевладѣльческихъ правъ монастырей. Общій характеръ отношеній Даниила къ коричей Вассіана..... 196—212

Сомнѣніе Вассіана въ святости митрополита Іоны и Макарія Калужскаго. Обвиненіе Вассіана въ ереси за названіе имъ отступниками монаховъ - вотчинниковъ. Обвиненіе Вассіана во внесеніи въ свою кормчую ученія еллинскихъ мудрецовъ. Рѣзкіе отамы Вассіана

о церковныхъ книгахъ и правилахъ. Обвиненіе его по поводу еретической строки въ житіи Божіей Матери соч. Метафраста. Догматическія обвиненія Вассіана въ ученіи о Христѣ, какъ твари и въ ученіи его о нетѣльности тѣла Христова по существу. Противоположность взглядовъ между Данииломъ и Вассіаномъ. Обнаруженіе личныхъ счетовъ на судѣ. Заточеніе Вассіана.....	212—232
--	---------

ГЛАВА IV.

Святительство Даниїла послѣ паденія Заволжцевъ до низложенія.

Цвѣтущее время архипастырства Даниїла. Значеніе Волоколамскаго монастыря и уваженіе къ нему в. князя. Покровительство Волоколамскому монастырю Даниїла. Смерть Василія Іоанновича. Слабость государственнаго значенія Даниїла. Заключение князей Юрія и Андрея Ивановичей. Ограниченіе землевладѣльческихъ правъ церкви. Борьба двухъ боярскихъ партій. Критическое положеніе Даниїла, его сверженіе съ митрополіи. Его ближайшіе преемники по митрополіи. Возвращеніе Даниїла въ Волоколамскій монастырь. Его положеніе въ монастырѣ. Смерть. Его библіотека. Забытіе. Память о немъ въ Волоколамскомъ монастырѣ.....	233—250
--	---------

Результаты обзорѣнія административной дѣятельности м. Даниїла. Западное вліяніе въ Россіи въ первой половинѣ XVI вѣка.....	250—256
--	---------

Часть вторая.

Обозрѣніе сочиненій м. Даниїла.

Библіографія сочиненій Даниїла.

Сборникъ митрополита Даниїла, состоящій изъ шестнадцати словъ. Списки сборника. Поученіе Даниїла. Сборникъ съ четырнадцатью посланіями. Списки сборника. Окружное посланіе. Посланія къ Діонисію Звенигородскому, къ князю Юрію Ивановичу, два посланія къ лицу неизвѣстному. Сочиненія, приписываемыя Даниїлу и не сохранившіяся. Каноническіе труды. Сборникъ актовъ. Перечень грамотъ Даниїла. Его лечебникъ. Отреченная грамота и духовная. Предположеніе о существованіи семи особыхъ поученій митрополита Даниїла...	257—281
--	---------

Форма сочиненій м. Даниїла.

Взглядъ м. Даниїла на характеръ и задачи просвѣщенія вообще. Опредѣляющее значеніе его для формы построенія сочиненій Даниїла. Форма сборника. Составныя части слова. Степень самостоятельности избранной Даниїломъ формы. Вопросъ о произношеніи Даниїломъ словъ своего сборника въ церкви.....	281—298
--	---------

Русская проповѣдь въ первой половинѣ XVI вѣка.

Страница.

Высокій теоретическій взглядъ древнерусскихъ книжниковъ на пастырское служеніе. Пастырскіе совѣты Даниїла проповѣдникамъ. Умственная и нравственная неподготовленность русскаго духовенства для дѣла проповѣди. Не уваженіе русскаго общества къ проповѣди. Особенности проповѣдническаго и богословскаго таланта м. Даниїла.	298—312
---	---------

Раздѣленіе сочиненій м. Даниїла.

Обозрѣніе содержанія сочиненій м. Даниїла. Начало, принятое за основаніе группировки сочиненій Даниїла при систематическомъ обозрѣніи содержанія ихъ.....	312—319
---	---------

Отдѣлъ первый.

ГЛАВА I.

Слова Даниїла съ догматическимъ содержаніемъ.

I. Слово о воплощеніи, написанное противъ заблужденія Вассіана Косаго.

Поводъ къ написанію слова. Изложеніе ученія о Богочеловѣческой природѣ I. Христа. Ученіе о плоти I. Христа, какъ тѣлной по существу, но въ актѣ воскресенія Его содѣлавшейся не тѣлною. Значеніе историческихъ сказаній о ересьхъ, какъ особаго рода аргументовъ.	319—341
--	---------

II. Седьмое слово, написанное противъ догматическихъ заблужденій жидовствующихъ.

Ученіе жидовствующихъ, какъ поводъ къ написанію слова. Общая идея слова—ученіе о премудрости Божіей, проявившейся въ воплощеніи Сына Божія и искупленіи Имъ челоѣчества... ..	342—354
---	---------

III. Шестое слово, написанное противъ тѣхъ же жидовствующихъ.

Историческій поводъ къ написанію слова. Общая идея слова: безковечное милосердіе Божіе къ падшему челоѣчеству, выразившееся въ добровольномъ принесеніи въ жертву за грѣхи міра Самого Сына Божія.....	354—361
--	---------

IV. Одиннадцатое слово о промыслѣ Божіемъ и о младенцахъ умирающихъ.

Историческія условія, выдвинувшія вопросъ о промыслѣ Божіемъ. Ожиданіе кончины міра и распространеніе вѣры въ астрологию.	
---	--

Учение Данила о непостижимости и предосудительности излишней пытливости въ дѣйствіяхъ Промысла Божія. Разсмотрѣніе нѣкоторыхъ частныхъ обстоятельствъ человеческой жизни съ точки зрѣнія православнаго ученія о промыслѣ Божіемъ.....	361—381
---	---------

Учение о младенцахъ умирающихъ. Связь его съ вопросомъ о Промыслѣ Божіемъ. Разсмотрѣніе цѣлей, какія преслѣдуются Божественнымъ Промысломъ, непускающимъ иногда раннюю смерть младенцамъ.....	382—391
---	---------

ГЛАВА II.

Слова и. Данила съ нравственнымъ содержаніемъ.

Первое слово сборника о ложныхъ пророкахъ и ложныхъ учителяхъ. Историческія условія происхожденія слова: тайная еретическая пропаганда. Содержаніе слова.....	392—396
---	---------

Программа отношеній, по взгляду Данила, къ еретикамъ, составленная на основаніи отрывочныхъ, разбросанныхъ въ разныхъ словахъ, мыслей Данила. Положенія программы: долгъ всякаго христіанина заботиться объ обращеніи еретиковъ къ истинной вѣрѣ. Состязаніе съ еретиками, какъ средство обращенія еретиковъ. Почва для релігіозныхъ споровъ, лица и условія, болѣе содѣйствующія успѣху ихъ. Любовь, какъ руководительное начало во всѣхъ спорахъ съ еретиками. Посредственныя мѣры воздѣйствія на еретиковъ. Брань съ еретиками и ея виды. Окончательный разрывъ съ еретиками. Два разряда еретиковъ. Неправильные и открытые еретики.....	397—401
--	---------

Осьмое слово Данила. Назначеніе его. Содержаніе первой части слова. Вторая часть. Обоснованіе положенія о любви къ еретикамъ. Разсужденіе о власти и предположенія объ историческихъ причинахъ, вызвавшихъ его. Взглядъ на еретиковъ, какъ обыкновенныхъ преступниковъ. Употребленіе мѣръ строгости противъ неисправныхъ еретиковъ. Позволительность и примѣнимость къ нимъ смертной казни. Содержаніе наказанія слова. Оцѣнка слова. Черты сходства и различія въ воззрѣніяхъ Данила и Іосифа Волоцкаго по еретическому вопросу. Относительная самостоятельность и сравнительная гуманность Данила по отношенію къ еретикамъ.....	406—424
--	---------

ГЛАВА III.

Слова, излагающія ученіе о сохраненіи священнаго преданія и церковныхъ обрядовъ.

Третье слово Данила о сохраненіи церковныхъ преданій и уставовъ. Условія происхожденія слова. Содержаніе слова. Характеристика Данила, какъ богослова по этому слову.....	425—435
---	---------

Четвертое слово, содержащее въ себѣ ученіе о крестномъ знаменіи и о поклоненіи въ молитвахъ на востокъ. Историческія условія происхожденія слова. Содержаніе слова, излагающее разсужденіе Данила о важности и силѣ крестнаго знаменія, ученіе о двуперстіи и о поклоненіи въ молитвахъ на востокъ. Оцѣнка слова.....	435—448
---	---------

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОТДѢЛА.

Страница.

Общая замѣчанія о разсмотрѣнномъ отдѣлѣ словъ. Историческое значеніе іерархической дѣятельности Даниіла и вліяніе ея на рѣшенія столпаго собора. Моменты борьбы между направленіями Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго въ періодъ времени, слѣдовавшій послѣ эпохи Даниіла.

449—469

Отдѣлъ второй.

ГЛАВА I.

Происхожденіе и условія развитія аскетическихъ идей въ Россіи. Вліяніе аскетическихъ воззрѣній на сочиненія Даниіла. Послѣдствія развитія аскетическихъ идей. Суровый аскетическій взглядъ на личность женщины, а отсюда и на брачный союзъ съ нею. Происхожденіе взгляда о невозможности спасенія въ мірѣ.

Тринадцатое слово Даниіла о мірѣ, разъясняющее двойкій смыслъ его и утверждающее возможность спасенія въ мірѣ. Условія происхожденія взгляда на необязательность для мірянъ нѣкоторыхъ нравственныхъ требованій христіанской морали.

Двадцатое слово м. Даниіла, утверждающее всеобщую обязательность исполненія всего христіанскаго закона.

470—501

ГЛАВА II.

Не нормальное положеніе женщины въ древне-русскомъ семействѣ. Взглядъ м. Даниіла на личность женщины и на бракъ. Взглядъ его на воспитаніе дѣтей и на положеніе рабовъ, разсматриваемый въ связи со взглядами на этотъ предметъ древнерусскаго общества. Не нормальное устройство древне-русскихъ браковъ. Существованіе разводовъ.

Четвертое, пятое, шестнадцатое и шестнадцатое слова м. Даниіла, написанныя противъ разводовъ. Обозрѣніе этихъ словъ.

501—533

ГЛАВА III.

Упадокъ нравственности. Развратъ. Ученіе м. Даниіла о сохраненіи чистоты и целомудрія. Праздность въ русскомъ народѣ. Пьянство и разгулъ. Увеселенія русскихъ.

Поученіе м. Даниіла противъ увеселеній.

533—568

Роскошь въ высшемъ классѣ. Убранство головы. Уваженіе къ бородамъ. Обычай брить бороду и усы. Ткань современнаго волокиты, по изображенію Даниіла. Послѣдствія роскошной жизни: угнетеніе низшаго класса вышнимъ. Несправедливость и обратительство со стороны властей. Наставленія Даниіла ко властямъ и судьямъ. Отсутствие нравственной связи между членами русскаго общества. Поученіе Даниіла противъ зависти.

Открытое посланіе Даниіла. Историческія условія его происхожденія. Обозрѣніе его.

569—594

Пересуды, ябедничество и доносы.

Десятое и десятое слова Даниїла, написанныя по поводу ихъ.

Обозрѣніе самыхъ словъ въ ихъ разныхъ частяхъ. Поединки.

Обличеніе противъ ихъ Даниїла. Разрозненность русскаго общества и

вражда, разъявлявшая его.

Второе слово Даниїла противъ вражды. Проповѣдь Даниїла о

любви. 594—615

ГЛАВА IV.

Условія нравственной деморализаціи въ современномъ мона-

шествѣ. Недостатки монашества: роскошь, пьянство, честолюбіе. Но-

выя данныя для характеристичнаго нравственнаго упадка въ монашествѣ,

вносимыя Даниїломъ. 616—627

ГЛАВА V.

Формальное пониманіе нравственности. Взглядъ на сущность

нравственности Даниїла. Послѣдствія односторонняго пониманія нрав-

ственности: не уваженіе къ святости храма Божія и превратное по-

ниманіе таинства покаянія. Разсужденіе Даниїла о покаяніи. Замѣчаніе

объ отрицательномъ характерѣ очерка религіозно-нравственнаго со-

стоянія русскаго общества XVI вѣка. 627—644

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ОТДѢЛА.

Сужденіе о м. Даниїлѣ какъ проповѣдникѣ. 645—648

Отдѣлъ третій.

Обозрѣніе посланій м. Даниїла.

РАЗДѢЛЕНІЕ ОТДѢЛА.

ГЛАВА I.

Обозрѣніе посланій м. Даниїла, имѣющихъ главнымъ своимъ

предметомъ ученіе о монашествѣ.

Шестое посланіе. Обстоятельства происхожденія посланія. Три

положенія посланія: о всеобщей обязательности всѣхъ евангельскихъ

заповѣдей и христіанскихъ нравственныхъ требованій, о богоустанов-

ленности брака и монашества, и о сохраненіи цѣломудрія и высокомъ

значенія его для нравственной жизни. 650—658

Пятое посланіе. Обстоятельства происхожденія посланія. Общая

идея посланія, развивающая ученіе о трехъ видахъ монашества от-

шельничествѣ, скитствѣ и общежитіи. 658—663

Седьмое посланіе. Историческія обстоятельства происхожденія

его. Содержаніе посланія. Отвѣтное посланіе волоколамскихъ иноковъ. 663—671

Первое посланіе. Поводъ. Три отдѣла посланія: дисциплинар-

ныя правила для монаховъ, исправительныя мѣры и идеалъ игумена

монастыря. 671—676

Двенадцатое посланіе. Поводъ къ написанію посланія. Содержаніе посланія, изображающее черты достойнаго инока..... 676—677

Посланіе къ Дионисію Звенигородскому. Историческія свѣдѣнія о лицѣ, къ которому писано посланіе и обстоятельства его вызвавшія. Содержаніе посланія, излагающее ученіе о христіанскомъ несеніи скорбей и о послушаніи игумену..... 677—686

Общая замѣчанія о разсмотрѣнномъ отдѣлѣ посланій.

Преобладаніе внѣшности въ нравственныхъ предписаніяхъ. Независимость монастырскихъ правилъ..... 687—690

ГЛАВА II.

Обзорѣніе посланій, имѣющихъ своимъ главнымъ предметомъ ученіе о сохраненіи цѣломудрія и чистоты.

Одиннадцатое посланіе. Происхожденіе и содержаніе посланія.

Тринадцатое посланіе. Поводъ къ написанію. Содержаніе посланія, излагающее средства къ сохраненію цѣломудрія, каними являются: исполненіе заповѣдей Божіихъ, блюденіе помысловъ, удаленіе отъ женщинъ, отъ безнравственныхъ обществъ, воздержаніе, частое воспоминаніе страшнаго грядущаго суда, чтеніе Божественныхъ писаній, и др. Разграниченіе плотскихъ грѣховъ, вопросъ объ истинности. Широта пониманія добродѣтели цѣломудрія. Ученіе о терпѣніи. Недостатки посланія..... 691—710

Посланіе о блудныхъ помыслахъ. Содержаніе его и характеръ.

Четырнадцатое посланіе. Обстоятельства происхожденія и содержаніе посланія.

Девятое посланіе. Его историческое значеніе. Два отдѣла посланія, излагающие нравственное состояніе паучаемаго и представляющие ему пастырскіе совѣты..... 710—719

ГЛАВА III.

Обзорѣніе разнородныхъ посланій.

Девятое посланіе. Поводъ написанія и содержаніе посланія, излагающее ученіе о страхѣ Божіемъ.

Осьмое посланіе. Обстоятельства происхожденія. Содержаніе посланія, состоящее изъ описанія страшнаго суда.

Четвертое посланіе. Поводъ къ написанію. Характеристика лица, къ которому написано посланіе. Содержаніе посланія: ученіе о ничтожествѣ земныхъ благъ и скоротечности человѣческой жизни... 720—730

Второе и третье посланія. Поводъ написанія ихъ. Содержаніе втораго посланія: ученіе о пастырскомъ долгѣ и обличеніе недо-

статковъ епископа. Содержаніе третьяго посланія: обличеніе недостатка въ и ученіе о долгахъ пастырей учить народъ и не отъ себя, а отъ Божественныхъ писаній.....	731—736
---	---------

Посланіе къ Дмитровскому князю Юрію Ивановичу. Отношенія князя Юрія къ преподобному Іосифу и Волоколамскому монастырю. Поводъ, вызвавшій написаніе посланія и его содержаніе.

<i>Посланіе къ Андрею Ивановичу Старицкому.....</i>	<i>737—742</i>
---	----------------

О кормчей митрополита Даниіла.

Отрывокъ изъ каноническаго собранія Даниіла. Его составъ. Участіе Даниіла въ составленіи сводной Кормчей. Значеніе Даниіловской Кормчей въ исторіи напечатанія въ Россіи Кормчей книги.....	743—750
---	---------

Предполагаемая духовная м. Даниіла.....	750—756
---	---------

Значеніе сочиненій м. Даниіла для своего и ближайшаго къ нему времени. Уваженіе ихъ въ расколѣ.....	756—762
---	---------

Отдѣлъ приложеній.....	№ I—XXIX
------------------------	----------

О П Е Ч А Т К И.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Должно читать.
IV	2-я 1 примѣч.	12—177.	92—177.
IX	сверху 20.	Отрицательное отноше- ніе	отношеніе
XIV	снизу 3.	условіями	обстоятельствами
5	сверху 1.	представлялось	представлялось воз- можнымъ
8	снизу 5.	Русскій	русскій человекъ
11	— 3.	догматизмъ	формализмъ.
22	снизу 2 примѣчанія 1-го.	97	970
32	2 строка 3-го прим.	№ 1319	№ 1319 л. 19—121
44	снизу 14.	фактомъ	факторомъ
49	— 4.	8	5
54	сверху 1.	въ Россію	въ Россіи
59	2 стр. 3-го прим.	XII	XVII
63	сверху 3.	нѣкоторые	нѣкоторое
65	— 16.	характера	характера
—	2 стр. снизу 2 примѣч.	относится	относится
68	10 строка сверху примѣч.	№ 1444	№ 1546 л. 160
70	снизу 6.	1503	1505
76	— 1 (текста).	зависимости	связи
78	12 сверху.	знаніями	познаніями
83	— 9.	земледѣльческихъ	землеуладѣльческихъ
86	11 строка снизу примѣч.	земледѣльческія	землеуладѣльческія
99	1 стр. 3 примѣч. снизу.	сине	аще
112	7 снизу (текста).	самимъ братіямъ	самой братіи
130	13 сверху.	о сформированныхъ	о сформулированныхъ
134	снизу 1 стр. въ 1 примѣч.	синода;	синода, 9
141	сверху 20.	недовольными	недовольнымъ
145	— 17.	оказало	оказали
153	снизу 4 (текста).	земледѣльческаго	землеуладѣльческаго
160	сверху 11.	2.	3
173	снизу 5.	свѣтскую	свѣтаую
174	сверху 13.	1.	2
179	— 12.	мѣста	извѣстныя мѣста
190	— 7.	богѣ и богѣ	богѣ или менѣ
195	— 14.	толькою многочисленною	многочисленною то- лькою
201	снизу 11.	посланимъ	исланимъ
211	— 4.	св. мощей	мощей св.
216	сверху 13.	есмы	есмы

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Должно читать.
220	— 21.	законоа	законо
—	— 23.	всученикамъ	вотчленикамъ а
224	снизу 3.	просить	просить
243	сверху 13.	одна только она	и одна только она,
244	— 13.	православная	православныя
250	— 8.	амъ	ня
253	1 строка 5-го примѣч.	политическомъ	полемическомъ
269	8 снизу 3 примѣч.	совершенной,	совершенно
270	2 стр. 3 примѣч.	нашется	имѣется
279	сверху 3 стр. 2 примѣч.	автора	автора, последнее
280	снизу 1.	разысканіями	разысканіями а
319	— 10.	убѣдить	убѣдить
325	сверху 11-я примѣчанія.	нестъ	не есть
326	снизу 10 2 примѣч.	издагъ	издагъ съ предисло-
			віемъ
327	сверху 7 1 примѣч.	сочиненіи	сочиненіе
332	— 3	пречи-	пречистою
335	— 2.	а одно	одно
337	— 11..	догматическою	теоретическо-догмати-
			ческаго
348	— 5 стр. 3 примѣч.	Он. рух. Пискарева	д. выкинуть
349	— 16.	и основать страданія	и страданія
351	2 снизу 3 примѣч.	обширнымъ	общимъ
356	сверху 7 примѣч. 2.	Antioxiā	Antioxiiskij
—	снизу 3 примѣч. 2.	встрѣчающіеся	встрѣчаются
357	сверху 7.	да тѣмъ	тѣмъ
369	3 примѣч.	III	III
370	сверху 10.	уничтожающихъ	уничтожающія
375	— 13.	видимъ	видимъ
381	— 3.	тѣлесную	тѣлесную
—	— 15.	умирающе	умирающей, сконча-
			ются
388	2 стр. примѣчанія.	не имѣющего	не имѣющее
391	снизу 15.	подборѣ	подборѣ
399	сверху 18.	снѣ	анѣ
410	2 строка въ 4 примѣч.	XI гл.	II гл.
411	сверху 7.	установъ	устанами
414	примѣч. 3-го 1 строка.	толкованіе	толкованія
423	сверху 16.	боганаученное	боганаученное
425	снизу 9.	всѣхъ	почти всѣхъ
429	сверху 15.	повершиша	завершиша
430	въ 4 примѣчанія.	Никейскому	Никонійскому
432	снизу 7 (текста).	слово	положеніе
432	2 стр. снизу 1 примѣч.	жизнь	житія
—	1 строка снизу 1 примѣч.	№ 1898.	№ 1398.
448	сверху 1.	которыхъ	на которыхъ
—	— 4.	показанія	наказанія
453	— 10.	общество	общество, вопросъ
461	сверху 11.	всякаго	всего
—	сверху 2 стр. 2 примѣч.	ученные	ученные: Никошкивъ
—	снизу 3 строка.	1868 г.	1878 г.
464	сверху 1.	навелъ	навелъ
465	— 11.	поавленіе	проявленіе
468	снизу 1.	соборомъ	собора
469	во 2 примѣч.	82.	86.
469	въ 5 прим. снизу, слова	«Даниловъ Переяславскій	опустить
474	въ 1 прим. снизу 2 строка.	духъ	духъ писавъ,

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Должно читать.
—	снизу 1 строка.	старцу Александру	старичъ Александръ
477	сверху 16.	прелестная	прелестнаго
483	1 и 2 строки 2 примѣч.	Рук. Соф. б. № 13 371.	выкинуть
488	снизу 4 стр. 1 примѣч.	находится	находящееся
—	— 3 стр. 2 прим.	поставившей	поставившій
494	сверху 6.	утрироваться	утилизироваться
500	— 2 стр. 3 прим.	св. отецъ	Св. Василия В.
501	снизу 6 (текста).	личности	личности ?
504	— 13.	такомъ	такомъ же
—	— 2.	должно что	что должно
511	сверху 6.	о духовномъ	объ
512	— 5.	чистою формально	чисто формальною
513	— 17.	оно сопровождается	оно должно сопровож- даться
515	снизу 3 (текста).	не много	не много болѣе.
—	— 3 примѣч. 2.	о спасающихъ въ мѣру	о спасающихся въ мѣру
521	во 2 примѣч.	15.	74.
532	снизу 2 (текста).	желаніемъ	житіемъ
538	— 2—3.	доводила	доходила
554	— 3 въ 1 прим.	поэтической воззрѣній	поэтическия воззрѣнія
555	— 1 (текста).	праздникахъ: народныхъ	праздникахъ: народ- ныхъ:
—	— 4 стр. въ 3 примѣч.	изд. 248	изд. 2. 48.
556	— 4 стр. въ 2 прим.	№ 10/111	№ 10/111
557	сверху 2 стр. прим.	ни имущая	плещущая
—	—	великою	великъ ю
558	— 8.	шумы	глаголы
562	снизу 8.	поучений	поученія
564	— 1—2 стр. 3 прим.	проводится и въ Демо- строѣ	приводится и въ Демос- троѣ
568	— 13.	почетнаго	почтеннаго
573	— 2 стр. въ 1 прим.	многоухищенными	многоушищенными
574	снизу 2 въ 3 прим.	приводится	приводится
575	сверху 10.	еще въ	еще въ
577	снизу 13.	успокоеніи	успокоеніи
581	сверху 1 стр. во 2 прим.	только	только
—	снизу 4 во 2 прим.	стоимъ	стоимъ
583	— 8.	пакъ	порукъ
585	сверху 2 стр. въ 1 прим.	еще	еще
597	— 9.	города	юрода
—	— 15.	другимъ	другихъ
—	снизу 7.	въ разумъ	въ разумъ
601	сверху 2 въ 4 прим.	Анастасія	Анастасія
602	— 6.	не для автора	для автора не
—	— 1 стр. въ 1 прим.	помѣченные	помѣщенные
607	— 5.	и настроеніемъ	настроеніемъ
609	— 13.	разрозненность	разрозненность
619	— 5.	отъ	онъ
624	снизу 10.	возвращаются	возвращаются *
626	сверху 5.	церковные	церковныи свѣтскіи
—	снизу 10.	рѣзкомъ	рѣзкомъ
627	сверху 19.	недвижимыхъ	съ недвижимыхъ
631	— 14.	поминовенія	поминовенія
635	снизу 1 во 2 прим.	Q.	Q. 1.
639	2 строка въ 1 прим.	каются	каются

Страницы.	Строки.	Напечатаное.	Должно читать.
669	10 снизу (текста)	наравственнаа	нравственная
670	7 — (текста)	ищущимъ	ищущимъ
673	6 сверху	кратко	кратко
677	въ примѣчаніи 1-мъ	323	25
679	въ примѣч.	іюль	августъ
700	3 сверху	на	а
704	въ 3 примѣч.	1299	7299
703	5 строка	должна быть вся опущена	
711	6 сверху	говорить	онъ говорить
712	1 —	вниманіе	вниманіе къ себѣ
714	9 снизу	стася	спасея
736	сверху 20.	огнь	очень
737	снизу 1 (текста).	и	выкинуть
738	Во 2 прим.	13 днѣ	1—13 дн.
743	сверху 5.	2	1
745	въ 3 прим. 2 сверху.	Троице-Сергіевой	Троице-Сергіевой
746	во 2 прим. 3 —	о станицѣхъ	о станицѣхъ
—	снизу 5 в. 2 прим.	II в.	XIII в.
756	— 4 (текста)	Грузинскому	Грузинскому
759	въ 1 примѣч.	въ 49	въ 4 дол.

Въ приложеніяхъ.

6	— 1 прим. сверху 2.	зывати	зывати
9	сверху 12	Іисусъ	Іисусъ
10	снизу 9	его:	Его,
13	въ прим.	спискахъ	спискахъ
—	— 15—16	также	также
20	— 3	и ищати	и ищати.
21	— 15	глупотвори	глупотвори.
—	— 20	нашъ	нашъ
23	— 9	губительне	губитель не садеть
29	— 1	прѣтиса	прѣтиса
30	снизу 13	грѣснхъ	грѣсѣхъ
32	въ прим.	гудоніа	изданія
36	— 15	мичаніе	мижаніе
40	снизу 5 (текста)	прѣѣ	прѣѣ
—	2 сверху въ прим.	но	но
41	1-я снизу	отараща	отвращаа
45	10 снизу (текста)	страшнемъ	страшнемъ
50	снизу 3 (текста)	житейскими	житейскими
53	сверху 3	станемъ	старнемъ
—	снизу 4	писаніе м. Давида :	посланіе м. Давида :
54	11	пріемъ	пріемъ
58	въ примѣч. 18 сверху	благополучіа	благополучіа
62	сверху 5	привлекъ	привлекъ
69	1 снизу въ примѣч.	коричахъ	коричахъ
71	— 6	длевнхъ	должно выкинуть
80	— 8	это	кто
81	сверху 1 въ прим.	№ 1427	№ 1428
83	— 10	аедронъ	аедронъ
—	снизу 10	срѣшающихъ	срѣтающихъ
96	— 10 въ прим.	страдаые	срадаые